НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ

ХРУЩЕВ

Воспоминания

Книга 2

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторая книга воспоминаний Н.С. Хрущева посвящена взаимоотношениям с внешним миром, в первую очередь с ближайшими союзниками – Восточно-Европейскими странами и главным соперником – Соединенными Штатами Америки.

Автор рассказывает о непростом становлении того, что сегодня мы называем Евразийским пространством: создании коалиции Восточно-Европейских и, до определенной степени, Азиатских государств, построении согласованной политики, направленной на улучшение жизни людей, о том, как закладывались основы совместной оборонной стратегии путем создания Варшавского договора (1955) и единого экономического пространства – Совета экономической взаимопомощи (1952).

Особенно интересны свидетельства автора о том, как принимались решения в кризисных условиях.

Фотографии для книги предоставлены Сергеем Никитичем Хрущевым. В оформлении обложки использована фотография из архива МИА «Россия сегодня».

- Никита Сергеевич Хрущев
  -
  - Часть IX. Совет Экономической Взаимопомощи и Социалистическое Содружество
    - Учиться жить вместе
    - Мао Цзэдун
    - Дружба с Китаем после победы народной революции[19]
    - XX съезд КПСС и поворот в отношениях с Китаем
    - Дальнейшее ухудшение отношений с Китаем
    - Хо Ши Мин
    - Об Албании
    - Югославские проблемы
    - Две Германии плюс Западный Берлин
    - «С поляками у нас особые отношения»
    - «Злоупотребления Сталина особенно болезненно отозвались в Венгрии»
    - Чехословацкие друзья
    - Румынский сосед
  - Часть X. Окно в Азию и Африку
    - «Открытие» Индии (1955 г.)
    - Следующая остановка в Бирме[320]
    - От Индии к Афганистану, Ирану и вновь

к Индии
- Индонезия: президент Сукарно и политика неприсоединения
- Египет, президент Насер и Асуанская плотина (1955–1964 гг.)
- Шестидневная война на Ближнем Востоке[427]
- От Сирии до Йемена[438]
- Первые контакты с африканскими странами

○ Часть XI. Запад и мирное сосуществование
- Мирный договор с Австрией
- Встреча с Аденауэром
- На Женевской встрече лидеров четырех держав
- Визит в Великобританию
- Начало визита в США
- От Нью-Йорка до Айовы
- Вашингтон и Кэмп-Дэвид
- Визит во Францию
- Четырехсторонняя встреча в Париже
- Посещение Организации Объединенных Наций
- Джон Кеннеди и Берлинская стена
- Карибский кризис
- В Скандинавских странах

○ Н.С. Хрущев. Хронология 1953–1964
- 1953 год
- 1954 год
- 1955 год
- 1956 год
- 1957 год
- 1958 год
- 1959 год
- 1960 год
- 1961 год
- 1962 год
- 1963 год
- 1964 год

○ Библиография публикаций Н.С. Хрущёва и о нем

○ Приложения
- Сообщение о кончине Н.С. Хрущева[813]
- Проводы[814]
- Санитарный день
- Допрос Н.С.Хрущева в Комиссии партийного контроля ЦК КПСС 10 ноября 1970 г.

○ Иллюстрации

• notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176

- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220

- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264

- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308

- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352

- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396

- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440

- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484

- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528

- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572

- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616

- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660

- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704

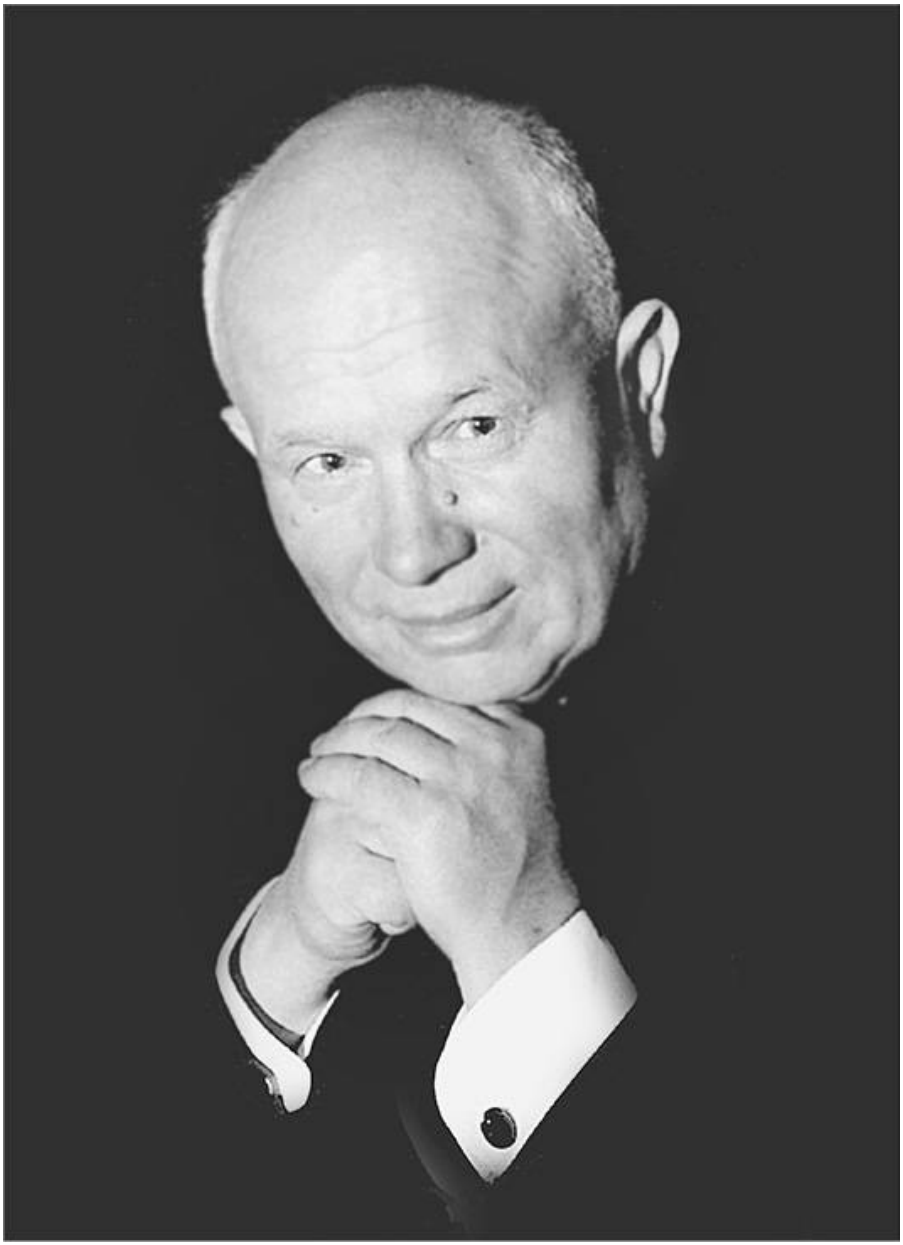
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748

- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792

- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819

Никита Сергеевич Хрущев Воспоминания. Время. Люди. Власть. Книга 2

© Хрущев Н.С., наследники, 2016
© Хрущев С.Н., иллюстрации, 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016



Часть IX. Совет Экономической Взаимопомощи и Социалистическое Содружество

Учиться жить вместе

Поделюсь некоторыми мыслями относительно стран, вошедших в социалистический лагерь. Сначала расскажу об отдельных наблюдениях насчет того, как Сталин строил отношения с ними. Он делал все, что было в его силах, чтобы эти страны развивались по социалистическому пути. В этом нет сомнений. То была его мечта, и он не жалел усилий для того, чтобы подталкивать страны в направлении построения социализма. Он хотел также, чтобы страны народной демократии были в дружбе с советским народом. Но дружбу он понимал односторонне, стремясь, чтобы они обязательно и во всем следовали в фарватере советской политики, особенно при контактах с Западом и в Организации Объединенных Наций.

После смерти Сталина мы стремились к тому же. Такая политика нам казалась правильной, поскольку она связана с общей платформой построения социализма и коммунизма. Тут все силы в борьбе против капиталистического мира должны быть приложены к одной точке. Но Сталин был Сталиным. Осуществления правильно поставленных целей он добивался своими, сталинскими, варварскими средствами. Чистка, которая в послевоенные годы проводилась в странах народной демократии, велась именно под этим углом зрения. Доносчики и советники, которые работали там, чтобы указать, кого принести в жертву, собирали какие-то предварительные данные. А ведь всегда о каждом человеке узнать можно то, что очень хочешь узнать, и в зависимости от установки собирать такие сведения, которые будут рисовать данного человека в определенном свете и придавать его действиям желаемые политические оттенки. Этого Сталину было достаточно, чтобы считать такого человека недругом Советского Союза и «врагом народа». В результате там летели головы, как в свое время в СССР и в нашей партии. Та же политика проводилась касательно не только широкого круга лиц, но и в отношении коммунистического руководства стран народной демократии.

С руководителями этих стран Сталин строил контакты на основе абсолютного их подчинения и не терпел ни особых мнений, ни простых возражений. Если в беседе по любому вопросу человек настаивал на своей точке зрения, это его раздражало и порождало сомнения в искренности такого человека, подвергались сомнению его коммунистическая убежденность, его преданность марксистско-ленинскому учению. Отсюда оставался один шаг до его гибели. Вместе с тем Сталин

очень заботился о развитии экономики стран народной демократии и помогал им, чем только СССР мог. Например, строительство крупного металлургического завода в Польше было задумано и начато при Сталине. Я помню, как Болеслав Берут ставил этот вопрос. Тогда в Москве все вместе выбирали место для завода и решили, что следует построить его в районе Кракова, древней столицы Польского государства, но почти без промышленности. Учитывали большую историческую ценность и притягательность Кракова для польского народа. Берут обосновывал так: надо построить завод невдалеке от Кракова и тем самым создать там новый пролетарский центр как опору партии при строительстве социализма в Польше. Это было разумное предложение со стороны Берута, Сталин отнесся к нему с пониманием, и полякам была оказана помощь в строительстве завода. Сейчас он успешно работает.

В 1946 году СССР имел очень мало ресурсов для удовлетворения потребностей советского народа в хлебе. На Украине был буквально голод, отмечались даже отдельные случаи людоедства. И в то же самое время Сталин оказывал щедрую помощь хлебом Польше, хотя Польша не терпела такой нужды, как отдельные районы Советского Союза, особенно Украина. Помню, как тогда Ванда Василевская ездила в Варшаву, где у нее жила мать, и по возвращении с возмущением рассказывала, как поляки ругают СССР за то, что наряду с поставками пшеницы мы поставили им рожь. Поляки не привыкли есть ржаной хлеб. Она-то видела, как мы на Украине жили в то время, как люди мерли от голода. Помощь народным демократиям преследовала и рекламные цели (Сталин был очень щепетильным в этом отношении): дескать, СССР имеет неисчерпаемые возможности. Все это делалось для того, чтобы привязать к себе и закрепить за собой страны народной демократии, включая их руководство.

Тут во мне действуют смешанные чувства. Основная направленность той политики была хорошая: надо было действительно сделать все, чтобы укрепить дружбу между нашими народами и между их руководителями. Но какими средствами? Вот главное. Все хорошо в меру. Любое злоупотребление недопустимо, даже если преследуются правильные цели. Подобные действия наносят непоправимый вред. Так оно и оказалось: и в Чехословакии, и в Венгрии, и в Болгарии, и в Румынии были казнены невиновные люди, которые потеряли свои головы в результате политической линии и характера Сталина. Какие дружеские отношения были у нас с Югославией! Как уважал (и заслуженно уважал) Сталин Иосипа

Тито. Но достаточно было югославам возразить нам в каких-то вопросах и высказать свое мнение, как это уже посчиталось крамолой, после чего наши отношения не только оказались испорченными, но и стали враждебными. В СССР перестали признавать заслуги югославского народа под руководством Коммунистической партии и ее вождя Тито, боровшегося против Гитлера. Лидеры Югославии превратились в «палачей» и «предателей». Мы стали доказывать, что никакого там социализма не строится, хотя социалистические принципы, заложенные в период расцвета дружбы Югославии и Советского Союза, не были нарушены, а, наоборот, продолжали укрепляться. Однако раз это делается без согласования со Сталиным и проявляется непослушание, то там уже не коммунисты и не друзья СССР, а враги. Такая нетерпимость Сталина ко всякой самостоятельности до невозможности портила любые отношения, и если бы Сталин пожил подольше, то не знаю, к чему бы мы пришли и во что бы это вылилось и у нас, и у соседей.

Тогда уже постепенно назревало ухудшение отношений с Китаем. Сталин, как коммунист, относился к новому Китаю правильно, и мы делали все, что было в наших силах, помогая Китаю на завершающем этапе борьбы с Чан Кайши[1]. Когда Япония была разгромлена и разоружена ее Квантунская армия, то все трофейное оружие мы передали коммунистам Китая, формируя условия для разгрома войск Чан Кайши. Передали им много и нашего собственного оружия, тем более что война кончилась, а у нас оружия имелось в избытке. Но Сталин относился с недоверием к Мао Цзэдуну. Его недоверие проявлялось и у нас, его былых сотрудников, и мы стали настороженно смотреть на Китай, особенно после нашей поездки туда. Тем не менее Сталин и сам не раз давал в свое время повод к плохому отношению со стороны Китая к Советскому Союзу. Нельзя было так поступать! Китай – независимая, богатая и древняя страна. Ее коммунисты боролись много лет против реакционных сил и теперь победили. И вдруг – стать в подчинение Советскому Союзу и вывернуться наизнанку в угоду Сталину? Требовать этого было очень нехорошо, даже если мы, что-то забирая, расплачивались по нормальному курсу валюты.

Решать, какими товарами, каким сырьем и в каком количестве можно делиться с братскими странами, а что оставить себе для внутреннего потребления или даже реализации на капиталистическом рынке, – внутреннее дело каждого государства. Надо с пониманием относиться к запросам братских стран, а не только стараться наживаться самому или наносить оскорбление другой стране и ее руководству. Сталин же с этим

абсолютно не считался. Что его левая нога захочет, то и делал. Когда я однажды попытался сказать ему, что лучше действовать помягче, он гаркнул на меня, сверкнув глазами. Как это я – и вдруг его, самого Сталина, осмеливаюсь поправлять в таком принципиальном политическом вопросе! Он, вождь и теоретик, ошибается, а Хрущев его поправляет? Однако, когда он получил от Мао Цзэдуна ответную телеграмму по одному из подобных дел и зачитал ее нам (там Мао отвечал, что если дадите нам средства, то мы сами сделаем необходимое и потом будем поставлять вам), он оборвал разговор с членами Политбюро, ни на кого не взглянув. Получилось, что Мао поступил согласно моему предупреждению.

Строить в такой манере отношения со странами народной демократии было нельзя. Что же, Сталин не понимал, как он оскорбляет достоинство других и что такие поступки не способствуют укреплению нашего единства и выставляют нас в плохом свете в глазах руководителей братских стран? Понять ему это ничего не стоило. Но он не умел и не хотел сдерживать свои желания, любую прихоть. Дескать, все должно быть исполнено беспрекословно. Иначе друзья тут же превращались во врагов, а наши отношения поворачивались вспять. В экономической плоскости Сталин пользовался тут методами сильного против слабого. Так бывает в лагере капитализма. Но такое совершенно недопустимо в социалистических условиях. Каждая страна должна развиваться и в духовном, и в экономическом плане как независимая. И вовсе необязательно все у них должно существовать, как у нас, как было сделано при Сталине. Зато в его устах все сталинское тут же превращалось в ленинское. Получалось, что несогласные становятся врагами ленинизма. Подобные личностные наслоения никак не способствовали нашему сплочению.

Затем для координации развития экономики народных демократий и СССР был создан Совет экономической взаимопомощи[2]. СЭВ – организация очень полезная и необходимая социалистическим странам как штаб по координации точек соприкосновения экономики каждой страны в ходе их развития на национальной, но социалистической основе. Взаимная помощь социалистических стран должна оказываться на принципах независимости и уважения суверенитета. Если так строить экономические отношения через СЭВ, получится просто необходимая и полезная организация. Мне думается, что после смерти Сталина мы таких принципов придерживались всегда. Не то было раньше. Когда Сталин приказал заключить договор о поставке угля Польшей Советскому Союзу, он установил цену,

какую захотел. Подписали договор от нас – Микоян, от Польши – Циранкевич, а потом Советскому Союзу вышло боком: пришлось отдать недоплату, которая возникла из расчетов по ценам ниже цен мирового рынка. Не говорю уж о скверном политическом и моральном эффекте в результате неправильного подхода Сталина к экономическим взаимоотношениям между братскими странами.

То же получилось между нами и Румынией. Румыны, когда наши отношения стали портиться, просто не могли спокойно произносить слово «Соврум» (Советско-румынское общество). Это было у них ругательное слово. Такие смешанные общества мы ликвидировали после смерти Сталина по нашей инициативе еще до того, как соседи начали высказывать недовольство. Я потом румынским лидерам говорил: что же вы сейчас нас упрекаете, если мы сами предложили ликвидировать такие неравноправные отношения? И когда после смерти Сталина у нас стали складываться дружеские отношения с народами Африки и Азии, которые освободились от колониального гнета, то с ними мы уже не стали строить экономические отношения по образцу «Соврума». Действовали теперь на равноправной экономической основе. Помню, когда мы с индийцами договаривались о строительстве у них Бхилайского металлургического комбината, нам потребовалось больших усилий доказать, что СССР вовсе не следует брать все работы по строительству на себя: мы дадим кредит и техническое руководство, а Индия пусть сама строит комбинат. То есть мы не хотели выступать там в качестве подрядчика, потому что иначе нам пришлось бы нанимать рабочую силу, вести с нею расчеты, а это вызвало бы неизбежные конфликты между нами и рабочими, которые работали как бы на нас.

Той же линии придерживались мы и в других странах, где по их просьбе мы осуществляли какие-то работы. Имелось много объектов, которые сооружались по нашим планам, нашим чертежам и за счет наших кредитов. Но суверенность молодых государств мы старались теперь оберегать и возлагали и строительство, и руководство работами на местные кадры. Те доказывали нам, что у них нет опыта, нет инженеров, что они не сумеют. Мы отвечали, что техническую ответственность берем на себя, а вы беритесь за дело, назначайте своих людей, и если станете придерживаться наших рекомендаций, то мы отвечаем за итог сооружения и за полное техническое обеспечение. Считаю, что это очень важный элемент во взаимоотношениях между странами. Соблюдение суверенности, уважение местных быта, культуры и сложившихся традиций имеют большое, а порой решающее значение для формирования хороших отношений. Не

надо быть страной, которая опекает. Конечно, создание социалистического содружества – дело новое. Практического опыта когда-то и у нас не было. Но я абсолютно убежден, что если бы мы начали сейчас как бы с нуля строить в СССР социализм, то многого сейчас не делали бы из того, что делали в сталинские времена.

Поэтому другие страны, которые позже нас приступили к строительству социализма, имеют право учесть и положительное, и отрицательное из нашего опыта. Положительное надо использовать, но порой далеко не в такой революционной форме, как это произошло у нас, а переработать и приспособить ко времени и к условиям, в которых мероприятие сейчас проводится. Все отрицательное должно быть отвергнуто и отброшено. Это не только не должно нас коробить или обижать, а наоборот, мы сами обязаны предостеречь наших друзей, чтобы они не повторяли наших ошибок. Некоторые чистоплюи станут говорить, что у нас не было серьезных ошибок, но это вранье. В целом же СЭВ показал свою жизнеспособность и необходимость координировать планы развития хозяйства не через случайные, эпизодические торговые контакты, какие существуют с любыми странами, а через постоянный координирующий орган. В нем более глубоко изучаются тенденции развития экономики каждой страны и сопрягаются интересы братских стран через совместную разработку планов сотрудничества на длительный период. Наличие же огромных ресурсов в СССР, облегчая в целом общее дело, иногда порождает обстановку, каковой некоторые пользуются, чтобы, увы, получить от нас больше, чем СССР получает от них. Ведь нам требуется очень многое, так что никакая братская страна не сможет удовлетворить наши запросы.

И вот к нам приходят за помощью: «С точки зрения ваших огромных ресурсов что стоит вам помочь? У нас сложилось такое тяжелое положение…» И СССР вынужден, скрепя сердце и отрывая от себя, оказывать содействие. Конечно, это не благотворительность. Тут все оплачивается, но иной раз очень неравноценно, даже такими товарами, в которых мы и не нуждаемся. Правда, на рынке и такие товары потом находят потребителя. Тут не бросовые товары. Однако эти товары мы без особых усилий можем производить и у себя. Любой грамотный экономист, который посмотрит списки поставок в СССР по линии СЭВ, найдет там много ненужного. Например, согласно крупным заказам, поставляем мы машинное оборудование, в оплату получаем ширпотреб. Тоже ценность, но мы могли бы спокойно обойтись и без нее. То есть СССР не извлекает сейчас особой выгоды от СЭВ. Органы пропаганды капиталистических стран

обвиняют нас в эксплуатации других стран, входящих в СЭВ. Это глупость, они меряют все на свой аршин. Наоборот, прочие страны, входящие в СЭВ, но менее мощные, чем Советский Союз, гораздо больше выгадывают от такого сотрудничества. Кроме того, сотрудничество через СЭВ приносит не только экономическую выгоду, а и политическую. Укрепляются дружеские отношения, братские страны развиваются равномернее, повышают свою обороноспособность, растут условия, полезные для мирного сосуществования, для возрастающего удовлетворения потребностей своего народа. Потом СЭВ был дополнен в военной сфере Варшавским договором[3]. Этот оборонный союз социалистических стран возник в результате холодной войны. Холодной войны, навязанной Советскому Союзу и социалистическим странам Западом. Поджег факел холодной войны Черчилль.

После окончания войны он приложил руку к ухудшению отношений между бывшими союзниками. Это было, конечно, не просто его желание. Черчилль – наиболее яростный противник нового социалистического строя, противник коммунизма, и он все делал, чтобы защитить капиталистический мир, организовать его и противопоставить социализму. Он стремился, как говорится, держать под уздцы социалистические страны, чтобы они не только не могли бы развиваться и процветать, но хотел все сделать, чтобы отбросить социализм назад, сменить его базу, оторвать от Советского Союза его союзников. Эти и прочие формулировки довольно широко употреблялись противниками социализма со стороны западных политиков. Особенно рьяными нашими противниками были Черчилль и Даллес, но и другие не меньше проявляли энергии в этом направлении.

Страны Запада, капиталистический мир создали временную организацию НАТО[4], направленную против Советского Союза и других социалистических стран.

Это сильнейшая военная организация капиталистических стран, чье существование наносило большой ущерб странам социализма. Социалистические страны, а в первую голову Советский Союз, были подвержены блокаде, с нами западный мир почти не торговал. Особенно мы нуждались в получении промышленного оборудования и приборов. Нам их не продавали, да и сейчас на многие из них еще не снят запрет в ряде капиталистических стран, прежде всего в США. Противники быстро наращивали вооруженные силы НАТО. На первых порах Западная Германия не входила в состав НАТО, но впоследствии не только вошла, но и занимает там сейчас после США доминирующее положение, ибо обладает самой мощной

промышленностью в Западной Европе и могучей армией. Это опасно, ибо доныне шовинистские и реваншистские настроения кладутся в основу пропаганды против стран социализма, и все это опирается на большую военную силу. Именно создавшееся тогда положение и заставило нас действовать.

После смерти Сталина главным нашим достижением в повышении обороноспособности явилось, как я считаю, бурное развитие промышленности. К тому же мы правильнее оценили направления в развитии вооружений и стали более разумно вкладывать капиталы в производство оружия. Поставили задачу создать обширный подводный военно-морской флот. Его стержень – подводные лодки с атомными двигателями и ракетной техникой, оснащенные ядерным вооружением. Развернули межконтинентальные ракеты и ракеты среднего радиуса действия до 4 тыс. км как стратегическое оружие. Создали армейское тактическое оружие нового качества. Проведенные мероприятия подняли нашу военную мощь. Не случайно американский президент, покойный ныне Кеннеди, правильно оценил новое соотношение сил и взял курс на переговоры с СССР. Это был умный президент. Он стал искать возможность смягчить отношения между Советским Союзом и США. До него американская пропаганда основывалась на тезисе, что США превосходят все социалистические страны в военном отношении и поэтому могут навязывать и диктовать им свои условия. Но Кеннеди заявил, что, конечно, хотя США и могут уничтожить СССР дважды, но СССР может уничтожить нас, а другого раза не потребуется. Заявление Кеннеди заставило каждого здравомыслящего американца взвесить его слова. Теперь США должны были перестраивать свое понимание мощи Советского Союза, понять необходимость и неизбежность изменения курса, определявшегося прежде их военным превосходством, и настроиться если и не на дружбу с нами, то, во всяком случае, на недопустимость доводить наши отношения до кипения, с тем чтобы наши страны потом не обожглись. Такое более трезвое понимание сложившегося соотношения сил лидерами США я считаю нашей большой победой, после которой основой наших отношений могла стать лишь политика мирного сосуществования, политика разрядки. И если разумно вести линию мирного сосуществования и держать вооруженные силы на определенном уровне, то можно будет избежать новой мировой войны.

Как вообще избежать войны, пока противостоят друг другу капиталистический и социалистический лагеря, если мир разделен на антагонистические группировки? В таких условиях

абсолютных гарантий мира нельзя добиться и необходимо сдерживать потенциального агрессора, который должен быть уверен, что если он попытается навязать войну, то может быть разгромлен. Это будет действовать на него отрезвляюще. Карибский кризис, который мы пережили, был классическим примером в этом отношении. Уже после гибели Кеннеди новый президент США Джонсон[5] сообщил в Москву по каналам, которые мы заимели еще при жизни Кеннеди, что ему наша обоюдная договоренность известна и он будет ее придерживаться. Надо отдать ему должное, руководство США соблюдало обещание, которое взял на себя Кеннеди. Возвращаясь к созданию Варшавского пакта, скажу, что министром иностранных дел СССР был тогда Молотов. Когда мы окончательно договорились о создании такой организации, Президиум ЦК КПСС поручил ему подготовить соответствующие предложения. Прошел какой-то срок, предложения были представлены на рассмотрение руководству партии и правительству. Стало ясно, что требуются существенные исправления.

Молотов представил список стран, которые войдут в Варшавский пакт. Там не было ни Албании, ни ГДР. Тогда я спросил: «Почему эти страны не включены?» Молотов еще руководствовался понятиями времен Сталина. Сталин же ожидал, что вот-вот может разразиться новая мировая война. В его время вокруг Москвы были расположены зенитные батареи и на постоянном дежурстве у пушек были выложены снаряды. То была моментальная готовность, когда в любой момент дается команда открыть огонь. США уже имели атомные бомбы, а мы только что создали свое первое термоядерное устройство и обладали незначительным количеством атомных бомб. Средств же их доставки на дальнее расстояние при Сталине вообще не существовало. Не имелось такой дальней бомбардировочной авиации, которая смогла бы доставать территорию США, тем более ракет дальнего действия, а имелись только ракеты ближнего боя. Эта ситуация давила на Сталина, и он правильно понимал, что нужно не дать втянуть СССР в мировую войну. Молотов же – тень Сталина в понимании проблем международной политики.

Но хотя к 1955 году прошел небольшой срок после смерти Сталина, в вооружении нашей армии произошли качественные изменения. Ситуация изменилась. А на мой вопрос Молотов ответил так: «Албания далеко от нас и нам недоступна, наши границы не соприкасаются, она является соседкой Югославии, и мы только через Югославию можем иметь с албанцами сухопутный контакт». В ту пору наши отношения с Югославией

были испорчены. Молотов же вообще считал Югославию несоциалистической и враждебной страной. Поэтому он и разъяснял: «Зачем нам втягивать Албанию? На нее могут напасть, она лежит под боком у сильных противников, мы же оказать ей помощь не сумеем. Ну, я и считаю, что не нужно в договор включать Албанию». – «А ГДР?» – «Что же, мы из-за ГДР станем воевать с Западом?» Такой ответ меня поразил. И я сказал: «Видишь ли, Вячеслав Михайлович (а у нас с ним были тогда хорошие отношения), если мы создадим военную организацию, в которую войдут все братские страны без ГДР и Албании, это окажется для западных противников сигналом: вот оставляем вам, грубо говоря, Албанию и ГДР, а когда вам их забрать, выбор остается за вами. Подобный шаг именно так будет расценен. Он станет разжигать аппетит у западных реваншистов, так делать нельзя». То был не спор, а просто изучение обстановки, выяснение возможностей, при которых лучше создастся оборонительный союз. И Молотов согласился: «Да, верно, я этих обстоятельств не учел, давайте включим в проект договора Албанию и ГДР».

Структура Варшавского пакта хорошо известна. Каждая страна, входящая в него, выделила определенное количество войск, которые подчиняются Главному командованию Варшавского пакта. При главнокомандующем создан штаб. Когда мы обсуждали, кого им назначить, все высказались за то, чтобы им стал военачальник от Советского Союза. Тут и спора не возникло. Каждый правильно понимал, что у нас самая мощная армия и самая могучая военная промышленность. Ядерным оружием среди социалистических стран владеет пока только СССР. Да и опыт войны у нас самый большой. Мы окончили школу, обучение в которой стоило нам 20 миллионов жизней наших соотечественников. Было условлено, что министры обороны стран, входящих в Варшавскую организацию, являются заместителями Главнокомандующего. Создавая этот пакт, мы хотели оказать давление на Запад и показать, что с социалистическими странами нельзя разговаривать языком силы, такие времена давно прошли. Если вы создали военный пакт НАТО, то мы в ответ создаем военную Организацию Варшавского договора. Вот две главные силы в мире, которые сейчас противостоят одна другой.

Однако мы не прекращали своей борьбы за разрядку и мирное сосуществование, подчеркивая, что создали Организацию Варшавского договора в оборонительных целях и только в ответ на создание НАТО. Предлагали много раз (и в беседах с государственными деятелями Запада, и в официальных документах) ликвидировать наш Варшавский пакт при условии,

если Запад ликвидирует НАТО. Полагаю очень разумным, если бы наши противники стали нашими партнерами и мы достигли бы договоренности о ликвидации всех военных пактов. Мы еще тогда предлагали договориться о взаимном разоружении, если и не об абсолютном, то хотя бы о равномерном сокращении вооруженных сил. Предлагали также ликвидировать военные базы на территории третьих государств. Между прочим, СССР свои военные базы, которые имел в Финляндии и в Китае, ликвидировал в одностороннем порядке. Мы хотели тем самым продемонстрировать свою добрую волю и увлечь за собой другие страны, показать добрый пример Западу. Но они не последовали нашему примеру и продолжали наращивать военную мощь. Это по-прежнему вынуждает нас иметь вооруженные силы на соответствующем уровне.

Вспоминаю такой эпизод. Когда я был с визитом в США, меня президент пригласил провести несколько дней в Кэмп-Дэвиде. По нашей терминологии это дача президента. Он назвал ее именем своего внука. Там мы вели вольные беседы, смотрели кино, гуляли в парке и обменивались мнениями. Нужно сказать, президент Эйзенхауэр в личной беседе, при личных контактах показал себя очень добродушным человеком и хорошим собеседником.

Во время одной из прогулок он как-то сказал мне: «Хотел бы спросить вас, господин Хрущев. Вот у меня порой возникают такие трудности. Приходят ко мне военные и говорят: “Нам нужно на такое-то мероприятие столько-то миллиардов долларов”. А я смотрю на них и отвечаю: “Нет денег”. Что в таких случаях отвечаете вы? Мои генералы давят на меня: “Господин президент, если вы не дадите нам денег и мы не будем иметь этого вооружения, то предупреждаем, что СССР уже занимается этой проблемой или вообще успел сделать подобное (они говорят по-разному), так что наши вооруженные силы уступают советским”». Я его спросил: «И что же вы потом отвечаете?» – «Даю им, приходится давать». Я сказал ему: «Господин президент, я сталкиваюсь с теми же трудностями. Ко мне как к председателю Совета Министров СССР приходит министр обороны и говорит: надо столько-то миллионов. Я тоже развожу руками: “Это невозможно, нет таких денег, СССР имеет большие потребности, нужны крупные суммы для развития экономики и средств потребления, дать вам столько не можем”. А он мне в ответ: “Если вы не дадите, то предупреждаю, что военное ведомство США уже получило кредиты и производит идентичные работы, возникнут условия, при которых мы резко будем уступать США по вооружению”. Что тут можно сделать? Приходится и мне

соглашаться». Тут Эйзенхауэр предложил: «Давайте договоримся, что ни вы, ни я в будущем не станем давать деньги на такие проекты. Зачем нам сталкиваться лбами?» Я ему: «Это наша мечта. Мы всегда хотели этого и если бы смогли договориться по данному вопросу, то как облегченно вздохнули бы все народы».

Поговорили мы с ним, кино посмотрели, поужинали. А потом не раз возвращались к тому же вопросу, но так и не сдвинулись с места. Я верю, что Эйзенхауэр искренне заявлял, что хотел бы договориться. И я искренне ему отвечал. Но тогда наши позиции были противоположны до такой степени, что не возникли условия для соглашения. Мы стояли на классовых, пролетарских позициях социалистического строительства, а США – могучая капиталистическая страна – преследовала иные цели и взяла на себя обязанности мирового жандарма. В конце концов я сказал Эйзенхауэру: «Давайте договоримся на такой основе: главной целью будем считать взаимное разоружение, а главным принципом наших отношений – невмешательство в дела других стран». То были не переговоры, а вольная беседа, но очень важная. Мы затронули важнейший вопрос, но, к сожалению, тогда не созрели еще условия для его разрешения. Вскоре же наши отношения вообще обострились до невероятного накала.

Сейчас сложились другие условия. Они объясняются тем, что соотношение вооружений и экономик СССР и США изменились в нашу пользу. Это дает нам больше возможностей для проведения наступательной линии в вопросах разоружения и мирного сосуществования. А когда возникали НАТО и Варшавский пакт, существовало иное соотношение сил: Запад многократно превосходил нас и экономически, и в военном отношении, что и вынудило нас пойти на организацию Варшавского договора.

Мао Цзэдун

Сейчас 1967 год, и в Китае окончательно побеждают сторонники Мао. А ведь еще 2–3 года назад кричали, что это невозможно, что хунвэйбины не победят. Ныне же там вовсю развернулась «культурная революция». Я же тогда говорил: «Чепуха!» Конечно, маоисты победят. Армия у них сильная, морали там никакой не соблюдается, законы никакие не признаются. Если не послушаешь, то голову оторвут. А они ведь делают это артистически: собирают на площадях тысячи людей[6] и душат несогласных. Что это, политика? Даже нельзя сказать, что это такое. Варварская политика. Нечто неопределяемое, но тут реальные факты, и ничего не поделаешь, такие там сложились условия жизни.

Лю Шаоци[7] – умнейший человек, он не сдается, он не согласен с политикой Мао Цзэдуна и как-то борется против него. К тому же у него очень много сторонников. Но они реальной силы не имеют. Так что Лю Шаоци существует не потому, что у него есть сторонники, которые не выдают его Мао Цзэдуну. Нет, Мао может задушить Лю без особых усилий. Но это вызовет гнев масс, которым Лю хорошо известен. Это Мао знает и борется сейчас не против Лю как человека, а как против носителя определенной системы политических взглядов хочет изолировать его политически.

Культ личности Мао – сложное явление. С культом мы сталкивались и сталкиваемся не только в Китае. Сколько уже веков твердят: «Господи помилуй, Господи помилуй!» Это помогало? Кому? Обычно не помогало, но священники убедили нас, и народ верил в Бога. То же самое и тут. Между прочим, Мао начинали превозносить и у нас. Например, такой факт. Я тогда еще работал в составе советского руководства. Узнал, что наши военные напечатали труды Мао по военным вопросам. Вызвал я маршала Малиновского и говорю: «Товарищ Малиновский, ваше ведомство печатает Мао. Советская Армия разбила первоклассную германскую армию, лучшей армии у наших противников не было. А Мао воевал в Китае 20 или даже 25 лет, и все это время он и его враги друг другу ковыряли задницу штыками и ножами. Теперь вы печатаете “военные труды” Мао. Для чего? Учиться нам по этим трудам, как воевать в будущем? Какая часть тела принимала такое решение?» Это произошло пять лет тому назад. Умные вообще-то люди решали дело, но вы решили глупость, да они и сами были согласны, что совершили глупость. А сейчас, наверное, эти книги лежат на складе, а может

быть, просто сожгли их.

Хочу еще немного остановиться на «личностях». Год или полтора назад, как мне говорили, распространялось в СССР мнение, что это я поссорил Китай с СССР. Спорить не буду, поскольку история сама показала цену подобным заявлениям. Но меня удивило, огорчило и разозлило, что такую глупость повторял Юдин[8], то есть человек, который был советским послом в Китае во время начала советско-китайского конфликта. Поэтому – несколько слов о Юдине. Он высказывается в том смысле, что я раздразнил Мао, и тот превратился в антисоветского человека. Если бы он мне лично сказал это, я бы документально доказал, что внешнее начало нашего конфликта с Мао было заложено самим Юдиным. И если переходить на столь низкопробную дискуссию по данному вопросу, то могу с большим основанием говорить, что там, где появится Юдин, у нас с любой страной возникнет конфликт. Вот поехал Юдин в Югославию, и мы разругались с Тито. Послали Юдина в Китай, и мы разругались с Китаем. Тут вовсе не простое совпадение.

Я в свое время к Юдину относился с уважением. Как он попал в Китай? Мао прислал письмо Сталину, в котором просил его, чтобы тот порекомендовал ему советского марксиста-философа: пусть он приедет в Китай, потому что Мао хочет отредактировать свои выступления и чтобы образованный человек помог привести их в надлежащий вид, дабы не было допущено каких-либо ошибок в марксистской философии. Выбор пал на Юдина. Его и послали. Юдин работал там душа в душу с Мао. Мао даже приезжал к нему в посольство чаще, чем Юдин к Мао. Так говорил Юдин, да так оно и происходило. Даже Сталина несколько беспокоило, что Юдин как-то неуважительно поступает по отношению к Мао.

Все шло хорошо. И вдруг мы получаем от Юдина длинную шифровку, где Юдин описывает невероятные вещи, которые он услышал от Мао в адрес Советского Союза, нашей компартии, а также лично Юдина. Если раньше складывалось впечатление, что Мао вроде бы пресмыкался перед Юдиным, то после этой телеграммы стало видно, что Мао вообще не уважает Юдина. У нас сложилось мнение, что Юдину надо оттуда убираться. Юдин как посол слаб. Когда личные отношения Мао и Юдина были дружеско-братские, тот был полезен. А чисто посольская работа от Юдина, на кой черт она нам нужна? Пусть дипломаты занимаются ею. Когда у него такой конфликт с Мао, то он и как посол – тоже не посол, а на философской основе у него получился полный разрыв с Мао. И мы его тогда отозвали в СССР.

Когда же мы поехали в Китай в 1954 году и провели несколько бесед с Мао, я потом сказал товарищам: «С Китаем у

нас конфликт неизбежен». Такой вывод я сделал из реплик Мао и из обстановки, созданной вокруг нас. Она была азиатская: вежливая до приторности, предупредительная до невозможности, но неискренняя. Мы любезно обнимались и целовались с Мао, плавали вместе в бассейне, болтали по разным вопросам, душа в душу проводили все время. Но это выглядело до приторности слащаво и противно. Отдельные же вопросы, которые возникали и вставали перед нами, настораживали нас. А самое главное, я почувствовал и еще тогда сказал об этом всем товарищам, что Мао не сможет примириться с тем, чтобы существовала какая-нибудь другая компартия, а не китайская, которая бы даже в какой-то степени верховодила в мировом коммунистическом движении. Он не потерпит этого.

Если бы Сталин прожил еще немного, тот же конфликт разразился бы раньше и получился бы полный разрыв между СССР и Китаем. Политика – это вообще игра. И Мао проводил свою политику, вел свою игру. Ее особенность заключалась в азиатских методах, в лести и коварстве. После XX съезда КПСС Мао говорил: «Товарищ Хрущев открыл нам глаза, сказал правду, и мы перестраиваемся». Сам Мао опубликовал это высказывание, а потом грянул конфликт. Мао объявил, что идея мирного сосуществования – буржуазно-пацифистская точка зрения. Затем китайцы стали говорить, что при социализме распределение благ по количеству и качеству вложенного труда – буржуазный лозунг. Послышались обвинения, что мы плетемся в хвосте у буржуазии. Тут уж встали принципиальные вопросы направления дальнейшего развития страны. Мы не могли идти за Китаем. А теперь философ Юдин все сваливает на личности. Он меня удивляет. Я его считал умным человеком.

Таковы были расхождения. Однако если мы говорим о Мао, то это одно дело, и совсем другое, если мы говорим о Китае в целом. Если мы начнем поносить китайский народ, то окажемся на националистических позициях. Национализм – это если мы начнем считать, что какая-то нация имеет особые права и преимущества. Это нацизм. Поэтому мы и сейчас искренне верим, что китайцы – наши братья, такие же люди, как мы. И если обманутая китайская молодежь нападает на наше посольство, это еще не значит, что нам надо ненавидеть китайский народ. Молодежь – еще не вся нация. Мы же марксисты! Должны понимать, что есть и иная молодежь. Ведь не весь Китай был на той площади, и не все, кто был на той площади и кричал, согласны с подобным. Вот в чем дело! Сколько сейчас китайцев, которые сами оплакивают то, что у них получилось? В Китае развернулась сильная борьба, китайцы убивают друг друга. Вот у

нас Сталин расстрелял сотни тысяч граждан. Мы, члены партии, отвечаем за это, но нельзя же сейчас считать, что такое делала вся партия. Имело место злоупотребление властью Сталиным, а сейчас то же самое повторяет у себя Мао.

Приведу еще несколько фактов из истории наших взаимоотношений с Китаем. Сталин довольно критически относился к Мао Цзэдуну. Он называл его, и с марксистской точки зрения правильно называл, каким-то пещерным марксистом. Действительно, когда Мао победно шествовал по стране, коммунисты подступили к Шанхаю. Но потом они остановились и не занимают его. Сталин спрашивал у Мао: «Почему не берете Шанхай?» Тот отвечает: «Там шесть миллионов населения. Если займем, надо их кормить. А чем их кормить?» И это марксист? Мао опирается на крестьян, а не на рабочий класс. Рабочий Шанхай он игнорирует, не хочет его принимать и не хочет на него опираться. Сталин его не раз критиковал с классической марксистской позиции и был прав. Но факт остается фактом. Мао, опираясь на крестьян, добился у себя победы. Тут не чудо, а поправка к историческому материализму: пришел к власти, опираясь на крестьян! Значит, правда истории – за ним. Только не марксистская правда. Ведь победы бывают и временными, и вообще с разными результатами. Это из истории тоже видно.

Или другой конкретный случай. При Сталине СССР заключил договор с Китаем о совместной эксплуатации недр Синьцзяна[9]. Когда китайские коммунисты воевали против Чан Кайши и Чан Кайши не имел возможности контролировать эту провинцию, мы там довольно крепко обосновались. Основное население там не китайцы, а уйгуры, и у нас с ними сложились хорошие отношения. Я не помню, что мы там добывали, кажется свинец. Когда заканчивалась война и Китайская компартия победила, Мао Цзэдун стал проявлять нервозность и настороженность: как мы поведем себя в Синьцзяне.

Сталин тогда послал Микояна в расположение коммунистических войск, и Мао Цзэдуну через Микояна было заявлено, что из Синьцзяна мы уходим. Это было правильно сделано. Однако взамен мы предложили Китаю создать смешанное общество по эксплуатации природных богатств Синьцзяна. Естественно, с нашими капиталовложениями, нашей техникой, а рабочей силой – из местного населения. Вся продукция шла в Советский Союз. Этим были посеяны семена недоверия. То была ошибка, даже оскорбление китайцев. В Китае раньше сидели французы, сидели англичане, сидели американцы, а теперь советские люди тоже туда влезут. Это же немыслимое

дело! Сталин то же самое проделал в Польше, в ГДР, в Болгарии, в Чехословакии, в Румынии. Мы потом ликвидировали все смешанные общества такого рода.

Третий случай. Работники нашего посольства сообщили, что Китай начал добычу золота и алмазов и скрывает эту добычу, оставляет все у себя, не поставляет нам. Я помню, какой переполох устроил Сталин.

Сталин обзванивал всех нас и спрашивал: кто знает, в каком районе Китая разрабатываются золото или алмазы? Мы-то не такие были знатоки, каждый ответил, что не знает. Он поднял ночью на ноги наших торговых работников, людей, которые ездят в Китай и, по-моему, даже ученых, у которых потребовал справку: где, в каких районах Китая, какие полезные ископаемые добываются.

Сталин даже послал телеграмму на этот счет в наше посольство в Китае с требованием тщательно разобраться и доложить. Сталин хотел нажать на Китай, потребовать отдать все нам.

Это невозможное дело. Мы потом сидели у него на даче за обеденным столом переглядывались, шутили потихоньку.

Берия говорит: «А ты знаешь, кому это известно? Артисту Козловскому. Он поет: “Не счесть алмазов в каменных пещерах…”» Между прочим, Берия лично подзуживал Сталина, что, мол, в Китае имеются крупнейшие природные богатства, а Мао их скрывает; раз мы ему даем кредиты, нужно заставить его, чтобы он поставлял нам сокровища из своих недр. Вот Сталин и заинтересовался.

В тот же период произошел и другой аналогичный случай. Возник вопрос о получении из Китая натурального каучука. В Китае на острове Хайнань произрастает гевея, которая дает натуральный каучук. Я подал мысль выяснить у Мао, в каком районе Китая можно завести плантацию каучуковых деревьев. Развить бы это дело, дать Китаю кредит, технику и освободиться всем нам от зависимости по каучуку от капиталистических стран. Но Сталин все повернул по-иному.

Пошла телеграмма Мао Цзэдуну с просьбой предоставить нам территорию, где бы мы могли разводить эти деревья, перерабатывать сырье и получать каучук.

Я тогда хотел удержать Сталина от этого шага:

– Товарищ Сталин, не следует в такой форме писать Мао Цзэдуну, это похоже на то, что мы концессию хотим иметь. Китай имел раньше много территорий, занятых иностранцами под концессии и колонии. Наш шаг будет плохо расценен.

Как он на меня сверкнул глазами! Как это я посмел его,

Сталина, поправлять. Вопрос концессий – принципиальный, политический вопрос, а он вождь, он теоретик, и вдруг ошибается – и Хрущев его поправляет. Он никаких поправок не терпел, тем более в такой щепетильной и острой области.

Послал он телеграмму Мао Цзэдуну и надеялся, что тот сейчас же ответит согласием. Получили мы очень быстро ответ. Помню, тогда Сталин собрал нас, это было не заседание, а надо было какие-то телеграммы разобрать, перебросится по разным вопросам, с тем чтобы следом пойти в кино, а после кино отправиться поесть.

Маршал Жуков написал в своих воспоминаниях, что когда он бывал у Сталина, то ел только кашу гречневую и отварное мясо, одним словом, питался диким медом и акридами. Я это не могу подтвердить. Были у Сталина на каком-то этапе и довольно демократические блюда, я сам ел с ним когда-то русскую похлебку. Но это были времена довоенные и ранние военные. Во время войны и после войны такому продукту, как каша гречневая, там уже места не было. Гречневая каша до революции считалась среди шахтеров едой солдатской и арестантской. Она была самая дешевая. Это говорю, хотя я сам гречневую кашу люблю и сейчас с удовольствием ее кушаю. Но не об этом речь. Это я так, мимоходом опровергаю писанину, которая написана в книге Жукова и написана не Жуковым. Жукова я всегда считал очень принципиальным человеком, не способным на такое, видимо, Жуков стал теперь не тем Жуковым, каким он был перед войной и во время войны.

Итак, получил Сталин ответную телеграмму и зачитал ее нам. Мао Цзэдун ответил: дайте нам деньги, и мы сами сделаем для вас то, что вы хотите, и будем вам поставлять каучук.

Когда Сталин прочел китайский ответ, он ни на кого не глянул. Все присутствовали при нашем с ним разговоре и помнили, что я его предостерегал и предупреждал, что это обидит Мао Цзэдуна. Вот Сталин и получил щелчок по носу.

Тем не менее дело получило какое-то развитие, и мы заключили договор. Но потом оказалось, что район, где могут произрастать каучуконосы, невелик, и наши потребности покрыть не сумеет. Так все и заглохло.

Как-то Сталину понравились ананасовые консервы. Он тут же стал диктовать телеграмму в адрес Мао. Маленков выполнял функции писаря: «Пиши, чтобы они дали нам в аренду территорию, где могут произрастать ананасы. (Они растут на юге Китая, в районе Кантона или на острове Хайнань) и предоставили место для строительства фабрики ананасовых консервов».

Я снова говорю: «Товарищ Сталин, они только еще пришли к

власти, и там имеется столько фабрик разных чужих государств. А тут появится еще и наша, от социалистического государства. Это обидит Мао». Он на меня взглянул недобро, рассердился, гаркнул… И это уже во второй раз за короткое время.

Послали телеграмму. Через день или два получаем ответ от Мао: «Мы согласны. Если вас интересуют ананасовые консервы, дайте нам кредит, мы построим фабрику и будем поставлять вам всю ее продукцию в счет погашения кредита». Пока Сталин читал телеграмму, я молчал, но уже все слышали, как я его предупреждал. Закончив читать, Сталин рассвирепел и выругался. Конечно, им было обидно. Такого рода телеграмм ни за моей подписью, ни за подписью членов нашего правительства потом никогда не было. Ничего обидного для Китая мы не делали вплоть до тех пор, пока китайцы сами не стали нас распинать. А уж если так, то и я не Христос.

Когда уже в мое время разгорелся конфликт, газеты Китая стали помещать статьи о том, что Владивосток – это китайская территория и что русские отобрали его у Китая: исторически когда-то китайцы там господствовали, а затем якобы наши цари туда пролезли. Затем стали вести разговор о наших общих границах, и они прислали нам свою карту. Мы даже не могли спокойно смотреть на эту карту, такое там было нарисовано ими!

Сейчас у некоторых людей проскальзывает мнение, что Мао – дурак, выживший из ума. Неверно! Он умный человек. Он наш противник, но умный человек. Какое-то время он нас просто обманывал. Талейран сказал, что язык дипломату дан для того, чтобы скрывать свои мысли. Дипломатия – это политика. Вот, например, де Голль: умный человек или глупый? Ведь его когда-то некоторые считали идиотом. А это очень умный человек, только наш противник по взглядам и ведет себя как представитель своего класса, но не глупый, а умный. А Мао – националист, неглупый человек, у него имеется своя точка зрения. Мы не согласны с нею, и я действительно нетерпимо относился к ней. Если прочесть мой доклад на XXI съезде партии, то там многие рассуждения были посвящены китайским вопросам, хотя я не упоминал при этом о Китае. Мы отвергали его положения.

Когда китайцы выступили со своими лозунгами, их пропаганда свободно расходилась в нашей Сибири. Узнав, я сказал: «Прекратить это дело! Вы думаете, что положения уравнительного характера у нас не найдут почвы? Вы ошибаетесь. Уравнительные лозунги очень соблазнительны. Но нам надо отвечать по существу, а не только запрещать».

Между прочим, одно их мероприятие я поддерживаю. Мао

отменил в армии погоны. Считаю, что это разумный шаг, а неразумным был наш шаг, когда мы надели погоны, нашили лампасы. На кой черт нам это? Мы Гражданскую войну выиграли без погон. Мой тогдашний ранг был комиссарским, и я ходил без погон. Красноармейцы признавали и своего комиссара, и своего командира, и мы разбили врагов без погон. А сейчас вырядились, как какие-то канарейки.

Мао буквально распирало нетерпеливое желание мирового господства. Сначала в Китае, потом во всей Азии. А дальше? В Китае 700 миллионов жителей, в Малайзии половина населения – китайцы и в других странах Азии их немало. Вообще очень интересными были с точки зрения понимания китайского национализма беседы «невинного характера» за чаем.

Мао как-то спросил: «Сколько раз различные завоеватели завоевывали Китай?» И сам ответил: «Не один. Но китайцы всех их ассимилировали». Вот его прицел на будущее: подумаешь, у вас там 250 миллионов граждан, а у нас – 700. Потом он затеял разговор о самобытности Китая. Поводом послужило то обстоятельство, что в китайском языке нет иностранных слов. Мао похвалялся: «Весь мир употребляет слово “электричество”. Взяли его у англичан и повторяют. А у нас имеется свое слово». Меня просто трясло от всего этого бахвальства.

Прошло два года со времени моей диктовки о Мао Цзэдуне, и я чувствую потребность снова вернуться к китайской теме. Сейчас наступил 1969 год.

Китай, как говорится, далеко от нас. Но Китай и близок к нам. Он граничит с СССР, и на большом протяжении мы имеем общую границу. То есть тот же Китай – наш ближайший сосед. Однако сравнительно далекий сосед, если помнить, что общего у нас с Китаем (я говорю только о среде, в которой я лично вращался) было мало. До революции люди моего круга знали китайцев лишь по картинкам и мало что читали о Китае. С китайцами мы встречались главным образом, когда они разносили всякие товары. В Донбассе, например, они продавали чесучу. Вот по таким контактам мы и составляли себе представление о Китае. Правда, Русско-японская война заставила нас ближе соприкоснуться с ними. Впрочем, мнения русских солдат о китайцах были самыми различными.

После Октябрьской революции Советское правительство установило контакты с Китаем, с вождем Китайской революции Сунь Ятсеном[10]. Когда в 20-е годы в Китае началась гражданская война, Сунь проводил прогрессивную политику и стоял на позиции дружбы с Советским Союзом. Симпатии советских людей были на его стороне. Наши газеты прививали читателям

симпатии к китайскому народу, к его борьбе за освобождение от империалистической зависимости. Потом к руководству в Китае пришел Чан Кайши. Он порвал связи с Коммунистической партией, началась война гоминьдановцев против нее. Симпатии нашего народа были на стороне советских районов Китая. Всеми своими помыслами мы жили как бы вместе с китайским народом, который вел борьбу против угнетателей[11].

Помню такой эпизод, наверное, в 1926 или 1927 году. Я тогда заведовал орготделом Окружного комитета партии в Юзовке. Ко мне пришел мой знакомый Ахтырский, который очень хорошо себя проявил во время Гражданской войны. Это была довольно громкая фамилия, ее обладатель командовал бронепоездом. Так и назывался его бронепоезд – «Ахтырский». Очень храбрый человек, но в политическом отношении полукоммунист-полуанархист. Вот пришел он в окружком, как всегда пьяный, и обратился ко мне: «Давай срочно путевку, еду в Китай, буду воевать против Чан Кайши. Скорее давай, чтобы мне не опоздать и принять участие в наступлении на Шанхай». Я ему сказал, что и без него китайские коммунисты справятся и возьмут Шанхай. Этот эпизод свидетельствует, какое настроение было в нашем народе.

Еще некоторые наблюдения времен Гражданской войны. Я тогда не встречался непосредственно с китайскими добровольцами, сражавшимися за Советскую власть. В воинских частях, в которых я служил, китайцев не было. Но вообще на нашем фронте китайские отряды имелись. Красноармейцы говорили, что китайцы ведут в бою себя очень хорошо, причем шутили насчет того, что китайский боец, дескать, действует так: давай кушать – машинка работает, не давай хлеба – машинка не работает. Одним словом, меня кормят, и я буду стрелять. Они действительно были бесстрашными в бою, а также отличными товарищами. Среди трудящихся были популярными имена организаторов борьбы против Чан Кайши, особенно Чжу Дэ[12], который командовал армией китайских коммунистов. Было известно также имя Гао Гана[13]. Но упоминали и Чжан Цзолина[14], контрреволюционера, который рассматривался у нас как ставленник японского империализма и враг рабочего класса. Мелькали и другие имена противников коммунистов – У Пейфу[15] и иных. Многих я сейчас уже забыл.

Из числа коммунистических лидеров Китая я хорошо знал представителя компартии Китая в Коминтерне, очень популярного среди московских рабочих и часто выступавшего на митингах. Когда мы обращались к нему с просьбой приехать на какой-либо завод, он никогда не отказывал. Да он и сейчас еще живет в Москве, всегда оставаясь нашим другом. Независимо от

того, какую позицию занимают сегодняшние лидеры КНР, он продолжает сохранять дружеские отношения с нашей Коммунистической партией и нашим народом. Это товарищ Ван Мин[16] – прекрасный коммунист. Правда, в 20 – 30-е годы мне не приходилось заниматься китайскими вопросами, и я не знал ни структуры компартии Китая, ни ряда ее руководителей. Помню, что довольно часто они упоминались в нашей печати, но их фамилии я сейчас не могу припомнить. Однако о Мао Цзэдуне[17] я тогда ни разу не слыхал.

После нападения Японии на Китай у нас установились довольно тесные связи с Чан Кайши, несмотря на то, что он враждебно относился к компартии Китая. Сталин поддерживал Чан Кайши, видя в нем прогрессивную силу, ведущую борьбу против японского империализма и за освобождение Китая. Считаю, что это была правильная позиция. Нужно было его поддерживать, потому что его разгром означал бы усиление Японии, усиление нашего общего врага, который на Дальнем Востоке являлся нашим врагом номер один. Позже, когда я встречался с Мао Цзэдуном, он упрекал Сталина за то, что Сталин вел такую линию в отношении Чан Кайши. Но ведь Сталин не содействовал внутренней политике Чан Кайши и помогал ему, поскольку тот вел борьбу против Японии, что нам было выгодно.

Аналогичную политику проводил, например, Черчилль, который поддерживал Советский Союз во время Второй мировой войны, хотя оставался нашим политическим врагом. Он был таковым с первого дня рождения Советского государства и остался им до самой своей смерти. Но Черчилль – разумный политик, который считал полезным, когда началась борьба с Гитлером не на жизнь, а на смерть, объединить усилия Англии и СССР. Это не значит, что Черчилль в какой-то степени принял Советскую власть и желал сделать что-то доброе советскому народу. Вовсе нет! Его толкнули на союз с нами сложившаяся в мире ситуация и соображения выгоды для собственной страны. Исходя из этого же принципа Советский Союз поддерживал Чан Кайши.

На нашей границе с Китаем во время второй мировой войны было спокойно. Я говорю о том участке границы, который контролировался Чан Кайши. На участке же, куда уже вышли японцы, напряженность все время возрастала, часто возникали различные конфликты. Японцы постоянно нас «прощупывали». Когда они после первых своих побед на Тихоокеанском театре военных действий стали терпеть поражения, ситуация на континенте начала постепенно складываться в пользу Китая. Его армия в свою очередь стала одерживать отдельные победы,

потому что Японии было уже не до Китая. После разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов Советский Союз спустя три месяца включился в войну против Японии. Наши Вооруженные Силы успешно сыграли свою роль на завершающем этапе разгрома Японии. По договоренности с союзниками мы тогда освободили Маньчжурию и северную половину Кореи и тогда же обрели возможность более действенно помогать Китаю, включая широкое содействие материальными ресурсами и вооружением.

Когда вторая мировая война завершилась, СССР больше стал заниматься вопросами Китая. Мы решили оказать прямую помощь Мао Цзэдуну и Народно-освободительной армии в борьбе за государственную власть. В результате разгрома Японии ее Квантунская армия, сложив оружие, оставила нам огромное количество трофеев. Значительная их часть, особенно боевая техника, была передана китайским коммунистам. У нас имелась договоренность насчет этого оружия с союзниками в том смысле, что мы не имели права передавать его ни одной из воюющих в Китае группировок. Поэтому его надо было передать Мао так, чтобы не создалось впечатления, что мы нарушили обязательство. И вот мы его куда-то завозили, люди Мао якобы «похищали» его и вооружали свою армию. К тому времени они уже создали крупные силы, оснащенные и трофейным японским оружием.

Впервые я лично услышал о действиях Мао, когда во время войны А.И. Микоян, как наш полпред, ездил в Яньань[18] на встречу с Мао. Сталин хотел выяснить нужды китайских коммунистов для организации им помощи. Помнится, после возвращения Микояна Сталин обсуждал проблемы Китая в тесном кругу собравшихся за обедом и несколько недоумевал: «Что за человек Мао Цзэдун? У него какие-то особые, крестьянские взгляды, он вроде бы боится рабочих и обособляет свою армию от горожан». Особенное недоумение вызвало у нас поведение Мао, когда его армия, успешно продвигаясь на юг, подошла к Шанхаю и несколько недель не вступала в него. Я уже упоминал, что ответил нам Мао по этому поводу, связав линию своего поведения с невозможностью прокормить шесть миллионов шанхайцев. Сталин возмущался: «Что это за марксист? Он считает себя марксистом, но не идет на помощь шанхайским рабочим, ответственность за судьбу которых не хочет брать на себя».

В ту пору я работал еще на Украине и мог узнавать в деталях, что происходит в Китае и что мы делаем для Китая, только от Сталина, когда приезжал в Москву. Когда же китайские коммунисты одержали в 1949 году победу, меня как раз перевели в Москву, где я стал первым секретарем областного и городского

комитетов партии и одновременно секретарем ЦК ВКП(б). Теперь я все время общался со Сталиным и поэтому оказался в курсе вопросов, которые касались Китая. Ведь без Сталина никто у нас такие вопросы не только не решал, но и вообще ими никак не занимался. Не думаю, что я относительно Китая знал все. Основные вопросы Сталин решал с Молотовым. Но мне было известно, что Советский Союз все шире оказывал помощь Мао Цзэдуну, чтобы закрепить его завоевания. Победу коммунисты одержали там в открытой вооруженной борьбе. США помогали организовывать контрфронт, так что гражданская война продолжалась в Китае длительное время после разгрома японцев. Коммунисты нуждались в нашей помощи и получали ее прежде всего оружием.

Дружба с Китаем после победы народной революции [19]

Первый приезд Мао Цзэдуна в Советский Союз был приурочен к 70-летию Сталина. Как раз к этому дню я возвратился с Украины в Москву на новую постоянную работу. Сталин сказал мне: «Сдавайте дела на Украине и обязательно приезжайте к моему 70-летию». Так я и сделал. Мне не пришлось присутствовать при беседах, которые вел Сталин с Мао один на один либо вместе с Молотовым. Сколько состоялось таких встреч и как они протекали, мне сейчас трудно сказать. Но после этих встреч Сталин ни разу не был в восторге от Мао и не особенно лестно отзывался о нем. Однако за обедом в честь Мао Сталин проявил большое гостеприимство. Он любил такие обеды и любил блеснуть гостеприимством, своим вниманием к гостю. Если хотел, то умел делать это особенно хорошо. На том обеде я был. Обед и сопутствующая беседа протекали в непринужденной обстановке.

Мне было приятно видеть, что вроде бы складываются добрые отношения с новым Китаем. У нас все этого хотели. Правда, во время визита Мао имел место один неприятный инцидент. После обеда и дружеской беседы, которая велась за обедом, Сталин несколько дней вообще не встречался с Мао. А раз сам не встречался и никому другому не поручил, то и никто из нас к Мао не ходил. Тут Мао стал проявлять недовольство, что сидит взаперти в отведенной ему резиденции, что ему ничего не показывают, что с ним никто не встречается, и заявил, что если так будет продолжаться, то он уедет. Доложили Сталину, что Мао проявляет недовольство. Тогда опять встретились с ним за обедом на даче у Сталина. Сталин теперь все делал, чтобы удовлетворить просьбы Мао, наладить хорошие отношения и показать, что находится всецело на его стороне.

Уехал Мао. Полномочным представителем Советского правительства в Китае по экономическим делам был тогда железнодорожник по профессии[20]. Прежде он работал в Маньчжурии, восстанавливая там дороги после изгнания японцев, потом стал советником при Мао Цзэдуне. Сталин считал его доверенным человеком. В скором времени тот начал сообщать в своих донесениях, что наблюдаются плохие настроения в отношении СССР, а особенно проявляется такое недовольство у Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и ряда других руководителей страны. Аналогичные сведения посылал нам и Гао Ган еще до приезда

Мао в Москву. Гао был тогда уполномоченным Политбюро ЦК китайской компартии и одновременно уполномоченным пекинского правительства в Маньчжурии, как бы ее наместником. У него сложились очень хорошие отношения с нашим представителем. Гао ничего не говорил о позиции лично Мао, но зато и не говорил, что Мао предпринимает что-либо в отношении тех лиц, которые выражают явное недовольство нами. Гао приводил в подтверждение наличия такого недовольства много фактов.

Вот один из них. Проходил какой-то китайский праздник. Состоялся парад. Когда по площади ехали войска, вооруженные нашими танками, то китайские военные злились, что, дескать, русские дали им старые танки. Да, это было правильно. Те танки не были новыми, тогда у нас самих не имелось столько новых танков, чтобы мы могли дать их Китаю. СССР только что закончил войну, восстанавливал промышленность, производство танков сокращалось. Иначе и быть не могло. Так что я не вижу оснований для обиды на нас. Конечно, танки были старые, но еще вполне боеспособные. Но такие высказывания подогревали настроение недовольства нами, и все ставилось в строку Советскому Союзу.

Сталин, желая расположить Мао в нашу пользу, во время его визита демонстрировал, что относится к нему по-дружески и доверяет ему. Поэтому Сталин, взяв документы, полученные от нашего представителя в Маньчжурии с записью бесед с Гао Ганом, просто передал их Мао. Я-то, да и другие члены Политбюро, с кем мы обменивались мнениями, не сомневались, что Гао сообщал нам чистую правду. Какие он преследовал цели, не знаю, но в любом случае выступал с дружеских к СССР позиций. И вот Сталин отдал эти документы! Если искать какие-то исторические параллели, получается что-то вроде доноса царю Петру Кочубея на гетмана Мазепу[21]. Тогда Петр вернул этот донос самому Мазепе, чтобы расположить его к себе и показать, что не верит в его измену. А Мазепа казнил Кочубея и стал помогать Карлу XII в походе на Россию. Этот эпизод ярко описан Пушкиным в поэме «Полтава». Как Мазепа поступил с Кочубеем, казнив его, так и Мао отнесся к Гао Гану. Сначала посадил его под домашний арест. Потом нам сообщили, что Гао «отравился»[22]. Маловероятно. Скорее всего, его там задушили либо отравили. На это Мао был способен, но на это был способен и Сталин. В данном отношении у них были родственные души, и методы они использовали одни и те же. В дальнейшем это подтвердилось в еще большей степени.

А пока мы лишились человека, который демонстрировал свою близость к нам и подтверждал это конкретным делом,

информируя нас о ситуации в китайском руководстве и его отношении к СССР. Это было очень ценно. И, вместо того чтобы поддержать Гао, Сталин предал его. Полагаю, что Сталин поступил так по следующим мотивам. Сталин – человек, который никому не верил. Сам себе не верил. Он считал, что рано или поздно тот факт, что секретные сведения, которые поступают к нам, передает именно Гао, станет известен Мао Цзэдуну. Тогда Сталин попал бы в щекотливое положение: вроде бы инспирировал оппозицию к пекинскому правительству. Поэтому Сталин и воспользовался возможностью продемонстрировать, что полностью доверяет Мао и, следовательно, не хочет получать информацию от человека, выступающего против китайского руководства. Хотя лично Гао никогда не говорил нам о своем отношении непосредственно к Мао, но для ряда китайцев оно не являлось тайной.

Помню, наши люди в Китае сообщили как-то, что в одном городе состоялась молодежная вечеринка. Когда ее участники перепились, молодежь стала враждебно и демонстративно высказываться в наш адрес: «Возьмите к себе своего Гао. Это ваш человек, а не наш». Это имело место еще в то время, когда он являлся членом Политбюро ЦК КПК. Следовательно, уже тогда Гао находился в некоторой изоляции, и о его нелояльности к «советской» политике Политбюро ЦК КПК там было известно. Это тоже надо иметь в виду. Возможно, Сталин, предавая Гао, считал, что, мол, все равно тот разоблачен. Таково мое заключение. Я же лично подобных рассуждений от Сталина не слышал. Но никакими другими причинами не могу объяснить, почему Сталин взял да и передал Мао упомянутые документы. Мы, члены Политбюро ЦК ВКП(б), признаться, возмущались поступком Сталина. А Гао Ган был загублен.

Что касается пребывания Мао в Москве, то я видел, что Сталин проявлял неискреннюю вежливость. Чувствовалось какое-то его высокомерие в отношении Мао. Мао вовсе не глупый человек, сразу это понял, и это его раздражало, хотя сам Мао никакого недовольства внешне не проявил, за исключением вышеописанного случая.

Когда у нас с Китаем разгорелись споры, Мао в беседах со мной говорил, что Сталин не только не оказывал ему поддержки, но, напротив, предпринимал такие шаги в отношении Чан Кайши, которые противоречили интересам компартии Китая. А некоторые действия, вроде создания смешанных обществ[23], вообще порождали антисоветские и антирусские настроения в новом Китае. К сожалению, допускались и другие поступки, наносившие большой вред укреплению нашей дружбы с

соседними социалистическими странами. Например, считаю безумством и вероломством то, что Сталин домогался, чтобы все валютные товары и сырье, которые приобретали или добывали Северная Корея и Китай, поступали в Советский Союз. Естественно, каждая страна должна иметь свою валюту, с тем чтобы выйти на рынки капиталистического мира. Ведь СССР не все может дать им. Мы сами вынуждены были изыскивать валютные средства за счет добычи золота или экспорта валютных товаров на Запад, чтобы выручить ту валюту, на которую можно будет купить товары, нами не производимые.

Такие же нужды были и у Китая, и у всех социалистических стран вообще. С этим надо считаться и строить свою политику, учитывая их интересы. Но Сталин был тут глухим, он не понимал и не хотел понимать этого, особенно после того, как разбили Гитлера. Он считал, что как Александр I после разгрома Наполеона законодательствовал в Европе, так и он теперь может законодательствовать. То было преувеличение собственных возможностей и игнорирование интересов друзей. А такая политика их обижала, оскорбляла и сеяла семена враждебности в отношениях с СССР. Мне помнятся различные эпизоды взаимоотношений с Китаем, в которых наши необдуманные действия омрачили нашу дружбу, хотя никаких объективных причин к тому не имелось.

С другой стороны, иногда сам Мао Цзэдун не только проявлял уважение к Сталину, но и доходил до какого-то самоуничижения. Так, он обратился к Сталину с просьбой порекомендовать человека, который помог бы ему в редактировании его речей и статей периода Гражданской войны. Эти материалы Мао хотел теперь издать и попросил прислать к нему человека, марксистски образованного, который не только помог бы ему при редактировании, но не позволил допустить какие-либо ошибки в теории. Сталину было приятно такое признание его авторитета, выраженное в этой просьбе. Думаю, что Мао поступил так, исходя из своих соображений, чтобы создать у Сталина иллюзию, что готов его глазами рассматривать вопросы теории и практики марксизма и не претендует на какую-то собственную точку зрения в деле строительства социализма в Китае. Но это противоречило всему тому, что выявилось потом в ходе дальнейшей истории Китая.

Китайцы выдвигали также большие просьбы насчет помощи вооружением, поставок оборудования, строительства заводов. И здесь Советский Союз оказывал огромную помощь Китаю. Я не могу сейчас назвать конкретно денежную сумму, в которую она обошлась. Но речь шла о металлургических заводах,

автомобильном, тракторном и по производству современного вооружения. Под все это мы давали кредиты, пересылали чертежи, оказывали другую помощь, фактически бесплатную. Даже документация передавалась не на коммерческой, а на дружеской основе. В Китай посылались наши военные инструкторы по всем родам войск: летчики, артиллеристы, танкисты. Я считал, что это полезно и нам, и Китаю. Мы рассматривали укрепление Китая как упрочение социалистического лагеря и обеспечение наших восточных границ. Тут интересы у нас с Китаем были общими, и мы относились к его просьбам, как к собственным нуждам, и шли навстречу настолько, насколько имели материальные возможности удовлетворить все просьбы.

На Востоке не только интересы Советского Союза и Китая, но и Корейской Народно-Демократической Республики очень тесно переплетались. К Северной Корее СССР также относился с большим вниманием и оказывал ей всевозможную помощь и в создании армии, и в налаживании народного хозяйства. Одним словом, мы делали все для того, чтобы Северная Корея экономически развивалась быстрее, чем Южная, и тем самым служила бы притягательной стороной для народа Южной Кореи. Когда Северная Корея вступила в войну с Южной, то здесь Северная Корея, Китай и Советский Союз еще прочнее связались в один узелок, потому что победа Южной Кореи явилась бы победой США над Северной Кореей, что угрожало и Китаю, и Советскому Союзу. Наши симпатии были целиком и полностью на стороне Северной Кореи, на стороне властей, которые возглавлялись Ким Ир Сеном[24].

Много лет мы придерживались той точки зрения, что инициатива нападения принадлежала в той войне Южной Корее. А сейчас я считаю, что версию, которая была создана, нет нужды поправлять, потому что это было бы выгодно только нашим противникам. Но, если не детализировать версию, истина окажется такова: то была инициатива Ким Ир Сена, которая поддерживалась и Сталиным, и всеми нами. Мы, как коммунисты, сочувствовали корейскому народу, хотели помочь ему свергнуть иго капитализма и установить во всей стране народную власть. После смерти Сталина война какое-то время еще продолжалась. У нас давно созрела мысль найти возможности ее прекращения. Мы предприняли шаги по дипломатическим каналам и начали прощупывать американцев: как они отнесутся к прекращению огня? Американцы откликнулись позитивно, и начались переговоры. Потом была создана смешанная комиссия в составе корейцев, китайцев и американцев для непосредственных

переговоров между сторонами, находившимися в состоянии войны. Переговоры длились долго, но в конце концов была достигнута договоренность. Войска остались на тех рубежах, на которых они прекратили военные действия, то есть примерно по той 38-й параллели, по которой была установлена после разгрома Японии демаркационная линия между войсками СССР и США.

С Китаем в то время у нас были хорошие отношения, во всяком случае внешне. Говорю – внешне, потому что, как мы потом узнали, внутренне Мао не признавал нас за равноправных союзников и таил великодержавные поползновения. Мы же оказывали Китаю солидную помощь. Китайские рабочие проходили у нас практику, обучались на автомобильном, тракторном и других заводах, которые строились с нашей помощью в Китае. Наши инженеры и рабочие трудились в Китае и напрямую участвовали в этом строительстве. Китайские граждане относились к нам на первых порах очень хорошо, а мы делали все для того, чтобы братские отношения укреплялись. Мы считали, что народы Советского Союза и Китая – братья и что это полезно не только нам, но и международному коммунистическому движению.

Еще по предложению Сталина мы дали очень много оружия китайской Народно-освободительной армии: артиллерию, танки и пулеметы, винтовки и автоматы, самолеты. Китайцы получали то оружие, которым в основном была вооружена тогда Советская Армия. Правда, она по отдельным видам боевой техники уже переходила на новое вооружение. Ведь всегда – и во время войны, и тем более после войны, – в процессе строительства вооруженных сил одни виды вооружения снимаются с производства, другие вводятся. Какой же общий принцип действовал у нас в отношениях с Китаем? По мере совершенствования оружия мы вооружали этим оружием свою армию, потом предлагали его Китаю для перевооружения его Народно-освободительной армии. Мы считали, что такой подход является основой братских взаимоотношений, были заинтересованы, чтобы Китай был силен, а его армия находилась на современном уровне развития. Прилагая все усилия для повышения боеспособности собственной армии, мы в той же мере были заинтересованы в повышении боеспособности китайской армии.

До нас доходили слухи о том, что в Китае имеются силы, которые враждебно относятся к Советскому Союзу. Мы получали сведения, что в китайских газетах пишется о том, что китайцы недовольны границами с Советским Союзом, претендуют на Владивосток и пр. Они рассказывали читателям, что русские цари

силой установили существующую границу и навязали ее Китаю; употребляли также другие выражения недружественного характера по отношению к СССР. Я, конечно, не защищаю царей. Но границы, которые сложились у СССР, перешли к нему в наследство от бывших границ, и мы всегда считали, что тут законные советские территории. Ведь и в других социалистических странах новые, революционные правительства стали наследниками бывших правителей и считали своей всю национальную территорию в тех же границах, которые они получили от свергнутых властей.

Полагаю, что такой подход разумен и правилен. Если поставить сейчас вопрос о пересмотре границ и искать какие-то исторические давности, когда границы были иными, то можно зайти очень далеко. Это не приведет к укреплению дружеских отношений между нашими странами, а, наоборот, рассорит нас. Кроме того, для настоящего коммуниста-интернационалиста, который должен видеть дальше национальных границ, этот вопрос вообще не имеет значения в деле конечной мировой победы революционного движения и в рамках марксистско-ленинской философии.

Мы говорили об этом в Пекине. Они отвечали: не обращайте внимания, у нас имеется много партий, и каждая партия обладает своей печатью. Там встречаются и враждебные высказывания представителей буржуазно-помещичьего класса, но они не являются точкой зрения нашего руководства. Мы этим удовлетворялись, хотя и хотели, чтобы была в открытую опубликована точка зрения китайского руководства. Но этого так и не было сделано. Прямых таких требований мы не высказывали, а просто верили на слово китайским руководителям.

Деловые же контакты у нас главным образом поддерживались с Чжоу Эньлаем. Чжоу довольно часто приезжал к нам, с ним обсуждали мы все вопросы. С ним же предварительно договаривались о прекращении войны в Корее, вырабатывая общую тактику поведения. Часто Чжоу приезжал в СССР по тем или другим вопросам экономического характера, в том числе для заключения договоров о поставке в Китай оборудования и по прочим нуждам, которые имел Китай. С Чжоу у нас сложились очень хорошие отношения. Мы относились к нему с большим уважением. Он оказался деловым человеком, и с ним легко было разговаривать, легко находить взаимовыгодные решения. Мы считали, что у нас вообще сложились с Китаем хорошие деловые отношения. Чжоу являлся в то время премьером и министром иностранных дел. Поэтому вопросы дипломатических отношений Советского Союза с Китаем тоже решались с ним.

Я уже говорил, что мы осуществляли Китаю большие поставки, строили там заводы. Хотел бы специально остановиться на этом вопросе, потому что, когда я оказался уже на положении пенсионера, разные люди, встречаясь со мной, изъявляют тревогу, что мы оказываем слишком большую помощь другим странам и тем самым раздаем богатства Советского Союза. Да, мы помогаем нашим друзьям, например Китаю. Но Китай платил нам, как платят и прочие страны, которые мы поддерживаем. Какая же это помощь, скажут, если взамен платят? Вроде бы это торговля. Не совсем так! Конечно, торговля, раз идет оплата. Помощь же заключается в том, что мы поставляем в кредит оборудование, которое устанавливается тоже при нашем содействии, строим заводы и обучаем рабочих, затем даем все, что нужно для организации производства. Такая страна сразу получает возможность производить металл, оборудование.

Конечно, если рассматривать отношения, которые складываются в капиталистическом мире, то там любая фирма прикидывает, что ей выгодно, и только. Выгоднее ли ей продать оборудование? Или выгоднее не продавать оборудование, а продавать продукцию, которая выпускается на этом оборудовании? Чаще всего делается последнее. Мы же, желая укрепить экономику дружеской страны и способствовать поднятию жизненного уровня ее населения, поставляем и оборудование, и целые заводы. Мало того, оборудование поставляем по льготным ценам. Например, капиталисты дают кредиты из 5 % – 7 % годовых, а мы давали из 2,5 % или 2 %. Это большие льготы. Поэтому мы вправе говорить, что оказываем именно помощь братским странам.

К тому же времени, середине 50-х годов, относятся переговоры с Китаем, которые закончились заключением договора о статусе Порт-Артура[25] и Дальнего. Здесь наши позиции были вполне правильно определены. Мы исходили из того, что Порт-Артур – исконно китайская территория, а мы там будем находиться до тех пор, пока это отвечает интересам как Китайской Народной Республики, так и Советского Союза. Наши усилия были направлены против возможного общего врага, хотя ранее и разгромленного, Японии. К тому же конкретно в то время сложились новые условия, когда нарастала угроза со стороны США, которые фактически организовали войну против народной власти на юге Китая и поэтому могли угрожать Китайской Народной Республике со стороны Японии.

Мы затратили много сил и средств для приведения в надлежащий вид крепости Порт-Артур, заново вооружили ее и держали там довольно солидный гарнизон. Все это позднее мы

передали Китаю. Кроме того, отказались от своих прав на Китайско-Восточную железную дорогу в Маньчжурии. По-моему, такое решение было правильным: мы не хотели порождать конфликт, не хотели иметь собственности на территории другого социалистического государства. И мы покончили с этим вопросом, передав ее Китаю. Но, видимо, этот факт их не совсем удовлетворил. Мао желал большего.

После смерти Сталина мы ликвидировали все неравноправные договоры, а также совместное общество по эксплуатации Синьцзяна, договорились о передаче Китаю Порт-Артура и эвакуации оттуда наших войск. По последнему вопросу долго велись предварительные переговоры. Решение задерживали не мы, а китайская сторона, хотя нам это было понятно. Китай опасался США, пока шла война в Корее. Американцы повернули ее ход в пользу Южной Кореи, и в Пекине возникли опасения: не совершат ли они агрессивных акций и против Китая? Войск у США в Южной Корее было достаточно, поэтому передачу Порт-Артура в те годы китайцы не только не форсировали, но и сдерживали.

В 1954 году было решено направить в Пекин на празднование 5-летия КНР нашу партийно-правительственную делегацию. Ее по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР возглавил я. Состав делегации был большим и представительным: Булганин, Микоян, Шверник, Фурцева, Шелепин, Насриддинова[26], другие лица. Выезд делегации приурочили к годовщине победы народной революции и установлению власти трудящихся в Китае – 1 октября. И вот мы прибыли в Китай. Встречали нас очень радушно. Да и мы были очень рады побывать на китайской земле, встретиться и побеседовать с руководителями ее народа. Особых вопросов к Пекину у нас не было, кроме общих проблем обороны. Чтобы обеспечить оборону, надо было и дальше способствовать развитию экономики, особенно индустрии в Китае, С нашей стороны имелась только одна просьба к китайскому правительству. Мы считали, что дело представляет взаимный интерес и в какой-то степени явится помощью Китаю. Там существовала большая безработица, мы хотели какое-то количество китайских рабочих привлечь для разработки богатств Сибири, прежде всего на лесоразработки.

Точно не помню сейчас, о каком количестве людей шла речь. Нам требовалось около 1 млн человек, а может быть, и больше. Таковой была общая потребность, согласно заявкам отраслевых министерств. Действовало мнение, что у нас налицо нехватка рабочей силы. Эта точка зрения оказалась неправильной и была потом пересмотрена. Выяснилось, что у нас рабочей силы хватает,

даже с излишком. Просто мы плохо используем рабочую силу, поэтому проявляется нечто вроде дефицита. Главным образом, дефицит ощущался в Сибири. Это и понятно. Чтобы разрабатывать богатства Сибири, надо привлекать рабочих из европейской части СССР, потому что в Сибири слишком слабая плотность населения. Я на этом задерживаюсь, чтобы показать затем, как реагировал на нашу просьбу Мао Цзэдун.

Собрались мы для очередного чаепития. В Китае я не замечал злоупотребления спиртными напитками. Даже когда мы собирались за обедом, то пили вино в умеренном количестве и без всякого принуждения, не то что у Сталина, когда каждый пил не сколько хотел, а сколько Сталин хотел влить отравы в его организм. Мао в этом отношении резко отличался от Сталина, и я не могу сказать, чтобы он лично проявлял какую-то склонность к питейным делам. Пили вообще преимущественно чай. Во время заседания его подавали в чашке с крышкой (по китайской традиции). Как только выпьешь, приносят следующую. Если не успевал выпить, чай забирали и ставили новый. Спустя некоторое время – опять то же. Периодически приносили теплое, распаренное махровое полотенце. Им китайцы вытирают голову и лицо, освежаются. Мы к такой церемонии не привыкли, но пользовались ею ради уважения к хозяевам.

Чай подавали в таком большом количестве! Я не привык пить столько жидкости и от чая отказывался. Тем более подавали зеленый чай, а я его не люблю. Булганин же любил чай и добросовестно выполнял церемонию, зато потом лишился сна. Врач его осмотрел и спросил: «Вы пили зеленый чай? Много?» – «Да, много». – «Если вы и дальше будете пить его в таком количестве, то еще хуже станете спать. Вам надо сократить потребление чая. Чай содержит тонизирующие вещества, которые лишают человека сна». Булганин перестал пить чай и опять вошел, как он мне сказал, в норму.

Как же Мао реагировал на нашу просьбу о рабочей силе? Надо знать Мао! Ходил он спокойно, медлительно, вроде как медведь, вразвалочку. Он глянул на меня, опустил глаза, опять поднял их и спокойно, тихим голосом, начал говорить: «На Китай все смотрят как на резерв рабочей силы. Все считают, что у нас много безработных, что мы слаборазвитая страна, и поэтому китайцев можно привлекать на всякие там неквалифицированные работы как дешевую рабочую силу. Но в Китае считается оскорбительным такое отношение к китайскому народу. Ваши требования (вот как он это поднес) могут создать для нас трудности и породить в Китае неправильное понимание в отношении Советского Союза. Получается, что СССР тоже смотрит

на Китай как на поставщика грубой рабочей силы. Так смотрели на нас западные капиталистические страны».

Нам было очень неприятно выслушивать это, особенно такое сравнение. Мы-то искренне, по-братски относились к Китаю и пришли, как говорится, с открытой душой. Думали, что такое предложение выгодно Китаю, что он заинтересован временно избавиться от лишних ртов. Китайцы смогут сами зарабатывать на хлеб. Таким образом, это будет выгодно и тем, кто станет работать у нас, и Китаю, потому что он тоже будет получать какие-то выплаты за работы в Сибири. Мы условились, что я поведу переговоры от советской делегации. Поэтому я и ответил: «Товарищ Мао Цзэдун, мы не хотим создавать для вас трудности. Мы считали, что это предложение и в ваших интересах. Если оно создает вам трудности, то мы не настаиваем на своем предложении и обойдемся собственными силами».

На этом разговор закончился. После заседания у Мао собрались мы в своей резиденции и решили: раз наша просьба создает трудности для китайских товарищей, нам не стоит проявлять упорство, мы сами внутренними силами справимся с задачей разработки богатств Сибири. Так мы отказались от постановки этого вопроса и более к нему не возвращались. Но когда после поездки по Китаю мы вернулись в Пекин, к нам обратилась уже китайская сторона: что же вы не ставите вопрос о рабочей силе? Мы разъясняли, что отказались от своего предложения, получив такой ответ от товарища Мао Цзэдуна. Тут Пекин обратился к нам официально, заявив, что китайская сторона высказала лишь свои соображения, но тем не менее, с пониманием относясь к нуждам Советского Союза, готова нам помочь. Раз инициативу проявили китайцы, мы согласились возобновить переговоры и заключили соответствующий договор, который был подписан обеими сторонами. В нем зафиксирован объем поступления рабочей силы из Китая и разработаны условия оплаты. Мы пошли на заключение договора потому, что раньше сами проявили инициативу, а теперь уже Пекин поднял этот вопрос. Нам неудобно было отступать, пришлось бы давать какие-то объяснения, что могло ухудшить наши отношения.

Мы обусловили на первых порах получение 200 тысяч рабочих, и китайцы стали приезжать к нам. Однако из бесед, которые мы провели в Пекине, а особенно в связи с их постановкой вопроса о привлечении рабочей силы из Китая в Сибирь мы поняли, что поступили так зря. Мы выслушали обширную лекцию Мао Цзэдуна по истории Китая, а также о Чингисхане и других завоевателях, которые приходили в Китай; о том, что более стойкой оказалась китайская нация, которая

ассимилировала всех завоевателей, приходивших в Китай. Очень многое было сказано о превосходстве китайской нации в сравнении с другими. То, что рассказал нам про это Мао Цзэдун, было интересно послушать, но мы сделали для себя вывод, что Мао относится к другим нациям свысока. У меня сложилось мнение, что при дальнейшем развитии отношений Китая с Советским Союзом могут встретиться трудности, что Мао наделен националистическими мыслями и считает китайцев превосходящими все другие нации.

Мы отметили такое личное качество Мао, что он никого не считает равным себе; значит, сможет дружить только с теми, кто будет признавать его превосходство и подчиняться ему не юридически, а в смысле понимания проблем, стоящих перед странами и перед партиями. Мне казалось, что Мао не сумеет примириться с условиями, необходимыми для здоровых отношений между социалистическими странами, когда каждая страна и каждая правящая партия занимают равноправное место. А он претендует на гегемонию в мировом коммунистическом движении!

После возвращения в СССР мы откровенно обменялись мнениями по этому вопросу в Президиуме ЦК КПСС. Наше сообщение вызвало тревогу. Докладывал я как глава делегации. Мое мнение сводилось к тому, что в наших отношениях с Китаем заложены опасные перспективы, а причина тому – высокомерие, проявляемое Мао при оценке роли Китая в мировой истории и собственной роли в истории китайского народа и коммунистического движения. Выдвижение на первый план собственной персоны угрожает трениями между нашими странами, а может быть, даже и больше, чем трениями. Поэтому (и со мною все согласились) мы должны сделать все, чтобы этого не допустить и строить свои отношения так, чтобы не вызывать не только каких-либо подозрений, но и вообще не вскармливать отрицательных, националистических бацилл, которые носит в своем организме Мао. Мы решили также приложить все силы к тому, чтобы не нарушать братских отношений Китая с СССР и сделать все возможное для их укрепления.

Однако у меня лично сложилось мнение, что этого будет трудно достичь или даже невозможно, потому что Мао не согласится занять равное другим положение в коллективном руководстве мировым коммунистическим движением и потребует признать свою гегемонию. По таким вопросам бывает невозможно договориться. Тут все зависит от личных качеств, от того, как относится к себе какой-нибудь руководитель, в каком направлении он прилагает свои усилия. Если добиваться не

физического подчинения, а утверждения ведущего положения путем проявления более глубокого понимания хода истории и развития политики, вырабатываемой коллективом коммунистических партий, – тут другое дело! Но нет, я чувствовал, что Мао безоговорочно определил себя в вожди мирового коммунистического движения. А это было опасно.

Другие наши беседы в Пекине касались напрямую вопросов мирового коммунистического движения. Мы считали целесообразным осуществить какое-то «разделение труда» по связи с компартиями несоциалистических стран. Так как КПК добилась победы в Китае, то мы полагали, что лучше всего, чтобы именно она установила более тесные связи с братскими компартиями стран Азии и Африки. Кроме того, по уровню развития промышленности и жизненному уровню населения Китай стоял ближе к народам таких стран, как Индия, Пакистан, Индонезия. Мы-то имели в виду в первую голову как раз эти страны. А хотели оставить за собой укрепление связей с коммунистическими партиями Запада, в первую очередь европейскими и в США.

Когда мы высказали эти соображения китайским товарищам, Мао возразил: «Нет, это невозможно. В коммунистическом движении ведущая роль должна принадлежать Коммунистической партии Советского Союза. У нее богатый опыт, у нее был Ленин, в КПСС созданы кадры, которые глубже понимают марксистско-ленинскую теорию, а мы без Советского Союза никак не можем браться за такое большое дело. Мы ведь и сами смотрим на Советский Союз, учимся у него. Должен быть единый центр руководства, в Москве». Когда я слушал всевозможные доводы Мао насчет признания ведущей роли СССР и КПСС, то не мог отделаться от мысли, что это все на словах. А думает Мао совсем о другом, готовя соответствующую почву для себя. Это меня очень огорчало, я чувствовал, что когда-то настанет время трений, а может быть, и более чем трений, между нашими партиями, между нашими странами. Заявляю еще раз: это было для меня сильным огорчением. Но и мы не могли прятать голову в песок, как страусы, а смотрели такой опасности прямо в лицо, а с другой стороны, дали себе слово сделать все, чтобы заглушить такие ростки, изжить их и добиться самых лучших, братских отношений между нашими партиями, между нашими странами.

Когда мы вернулись в СССР, то решили глубже изучить собственные возможности. После смерти Сталина мы почувствовали большую ответственность за судьбу страны. Эта ответственность заставила нас глубже вникать в хозяйственные

вопросы, особенно в вопросы планирования. Мы убедились, что мнение о нехватке у нас рабочей силы было неверным: в СССР имеются даже излишки рабочей силы, просто их неправильно используют. Поэтому для нас отпала необходимость в таком количестве рабочих, которое мы просили у Китая. К нам уже приехала первая их очередь, а далее мы не проявляли инициативы в этом вопросе. Казалось, такой поворот должен был импонировать Пекину и взглядам Мао, которые он нам высказал. Не тут-то было! Китайцы сами стали нам напоминать: «Что же вы, мол, договор подписали, а рабочих не берете? Стесняетесь, что ли? Мы готовы оказать вам братскую помощь».

Мы стали разъяснять им положение вещей, а при встрече с Мао я извинился за то, что мы ранее завысили свои пожелания в получении рабочей силы, которая на деле сейчас нам не требуется в таком количестве. Пришлось сказать, что в результате новой политики, которую мы сейчас проводим после смерти Сталина, у нас выявились новые возможности высвобождения рабочей силы, и дай нам Бог хотя бы ее задействовать, а не то что приглашать. Действительно, у нас в Москве посейчас скрытой безработицы на сотни тысяч людей. Они все при деле, но при каком деле? Если его не будет, так никто и не заметит, что его нет. В любом учреждении сейчас сократите на 30 % персонал, и работа не пострадает.

Закончилась эта эпопея так: по окончании соглашения с китайскими рабочими они возвращались домой, а мы уже не восстанавливали прежнего их количества за счет вновь прибывающих из Китая. Постепенно у нас сложилось единое мнение, что таким способом китайцы хотят внедриться на наш Дальний Восток. Я еще раз напоминаю об интересном маневре Мао: сначала он сказал, что наше предложение обидно, оскорбительно для китайского народа, а потом сам начал настаивать, чтобы мы взяли побольше людей, а если нужно, то они еще добавят.

Сложилось мнение, что Пекин хочет переселить к нам как можно больше людей для «оказания помощи» в разработке богатств Сибири, с тем чтобы внедриться в экономику Сибири и ассимилировать ее небольшое русское население. В результате Сибирь этнически станет китайской. Когда потом наши отношения испортились, они дошли бы в таком случае вообще до крайнего предела, поскольку Китай уже тогда предъявил претензии на наш Дальний Восток. Прямо это не высказывалось. Но, безусловно, подразумевалось бы, что и на Сибирь претендовать Китай имеет не меньше оснований, чем Советский Союз. Это вытекало из их взглядов на советско-китайскую

границу, из их высказываний в печати, из бесед между нашими людьми и китайцами как на высшем уровне, так и в массах.

Так появились первые признаки наших разногласий и первая тревога у нас насчет отношений с Китаем. В короткое время эти признаки проявления китайского национализма переросли в оголтелый, захватнический национализм, сопровождаемый культом Мао. Жизнь, к нашему сожалению, подтвердила наши прежние опасения.

На одной из взаимных встреч в 1954 году мы поставили вопрос об эвакуации советских войск из Порт-Артура. Мы хотели при этом передать Китаю все недвижимое имущество, за исключением тяжелого вооружения, которое мы там только что поставили. Мао возразил, стоит ли сейчас это делать? Он опасается, что США могут воспользоваться уходом наших войск из Порт-Артура и напасть в этом районе на Китай. Я высказал наши соображения: «Сомневаемся, товарищ Мао Цзэдун, что США сделают это. Более того, я уверен, что они этого не сделают. Правда, никакого ручательства быть не может, потому что США проводят агрессивную политику: только что закончилась война в Корее. Однако мы выводим войска во Владивосток. Это рядом. Если произойдет вражеское нападение, мы, конечно, придем вам на помощь». В конце концов Мао согласился: «Ну, раз вы считаете, что США нападать не будут, мы не станем возражать против вывода ваших войск».

Так мы договорились и поручили нашим представителям приступить к оформлению договора о выводе советских войск из Порт-Артура. Спустя какое-то время (а мы часто встречались) Чжоу Эньлай опять поднял тот же вопрос: «Мы бы хотели, чтобы в Порт-Артуре осталось ваше артиллерийское вооружение». Мы согласились оставить им вооружение, но за плату. Чжоу же настаивал на том, что Китай хочет получить вооружение бесплатно. Это был неприятный вопрос, и мне отвечать на него было не совсем легко, но я вынужден был ответить: «Извиняюсь, но хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли. Это очень дорогое оружие, и мы вам продаем его по заниженной цене. Мы бы хотели, чтобы это вооружение передавалось вам на тех условиях, которые мы предложили. Мы еще не оправились после разорительной войны с Германией. У нас разорено хозяйство, народ живет плохо. Поэтому мы просили бы, чтобы вы не настаивали и согласились с нами. Поймите нас правильно!» На этом разговор кончился. Пекин настаивать не стал.

Я вспоминаю, не заглядывая в документы. Поэтому отдельные детали могут быть не совсем точными, но за общую точность приводимых фактов я ручаюсь.

Китайцы подняли также вопрос о строительстве железной дороги и заявили, что дорога к ним через Улан-Батор представляет для них мало интереса. Я и сейчас не совсем понимаю почему. Раньше мы грузы везли через Дальний Восток, дорога в Пекин через Улан-Батор намного сокращает путь. Но китайцы прямо заявили, что хотели бы иметь дорогу, которая пройдет через их районы, богатые залежами минерального сырья, и выйдет к нашей границе примерно в районе Алма-Аты. Мы не возражали: если это выгодно для вас, то мы все сделаем со своей стороны, чтобы обеспечить постройку такой дороги. Потом работала соответствующая комиссия. Договорились, что китайцы на своей территории будут прокладывать дорогу своими силами к нашей границе, мы же на своей территории проложим путь к границе с Китаем в районе Алма-Аты.

Началось строительство. Китайцы шли со своей стороны, мы – со своей. У нас был отрезок пути короче, рельеф не столь тяжелый, кадры и техника сильнее. Поэтому мы быстрее подошли к границе, а китайцев пока и в отдалении не было видно. Когда в следующий раз их представители приехали к нам, они уже начали работу конкретно и вкусили, как говорится, от самого плода – познали прокладку дороги и почувствовали, что орешек крепок, что его надо разгрызать, имея хорошие зубы. Тогда они вновь подняли тот же вопрос через Чжоу. Все не очень приятные для нас вопросы они обычно поручали Чжоу Эньлаю. Во-первых, он премьер, во-вторых, более дипломатичен.

Чжоу спросил: «Как вы посмотрите на то, чтобы взять на себя прокладку отрезка железной дороги и на нашей территории?» Это прозвучало для нас неожиданно. Мы, однако, сразу поняли, что это означает. Во что это обойдется, пока нам было неизвестно. Предполагали, что окажется очень дорогим удовольствием. Дорогу следовало вести через горы, овраги, ущелья. Там надо было навести столько мостов, столько проложить тоннелей, и не счесть! Это было бы очень накладно. Неприятная обязанность отвечать на такой вопрос друзьям опять выпала на меня. И я сказал, что весьма извиняюсь, но сейчас такое нам не под силу. Даже свои задачи мы решаем с большим напряжением и принять на себя обязанность по постройке железной дороги на территории Китая просто не можем. Ведь подразумевалось, что строительство должно вестись не только нашими силами, но и за наш счет. Таким образом сей вопрос отпал. Дорога осталось недостроенной.

Видимо, подобного рода вопросы, которые нам подбрасывали, а мы от их решения отказывались, падали, как камни, на весы нашей дружбы, на ту чашу, которая, опускаясь, не способствовала укреплению дружеских отношений. Возникал

груз, который отяжелял наши отношения. Однако дружба дружбой, а служба службой. Каждое правительство и каждый представитель правительства должен служить своей стране. Поэтому подобные инциденты не должны бы в принципе ухудшать отношения между странами. Да и не в этом заключалась главная причина ссоры, но все это в конце концов тоже способствовало ухудшению отношений.

Теперь о том, как китайцы реагировали на решения XX съезда КПСС и разоблачение злоупотреблений Сталина. От КПК на XX съезде присутствовала делегация во главе с Лю Шаоци и, кажется, Чжоу Эньлаем. Они понимали мотивы, которыми мы руководствовались, и поддерживали нас. Уже после съезда Мао и другие китайские руководители неоднократно выступали в поддержку его решений, и первое время у нас с Китаем продолжали сохраняться хорошие отношения, несмотря на то, что мы обнажили преступления, совершенные Сталиным. Сейчас Мао не соглашается, он осуждает решения XX съезда партии и берет себе дела Сталина на вооружение. Те методы, которыми Мао сейчас пользуется при расправе с оппозицией, не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата. Это диктатура личности. Так в свое время поступал Сталин, когда уничтожал членов ЦК партии, руководителей центральных, краевых, областных, городских, районных, заводских организаций и просто рядовых коммунистов.

Не припоминаю каких-то особых трений, которые складывались в отношениях с Китаем в первые годы моей работы после смерти Сталина. Наши взаимоотношения протекали более или менее нормально, как и с компартиями других стран. И я бы даже сказал, что они были несколько теплее, потому что Китай для нас оставался каким-то экзотическим государством, угнетенным ранее империализмом, и к нему издавна возникло любовное отношение: и к народу, и к его руководителям. Ухудшение отношений нарастало постепенно. Но это было ощутимо.

Тут началась война на Ближнем Востоке. Англия, Франция и Израиль в октябре 1956 года развернули войну против Египта. Их агрессия совпала с печальными событиями в Венгрии, трениями с Польшей. В столь сложной международной обстановке у нас возникла потребность в более тесных контактах с Китаем. И мы обратились к Пекину с просьбой, чтобы кто-либо из китайского руководства приехал в Москву. Мы хотели посоветоваться и выработать общую линию в отношениях с Польшей и Венгрией.

В Венгрии события развивались бурно, там уже начались

расправы с коммунистами, в них стреляли, их вешали, громили партийные комитеты. Ракоши[27] попросил нас помочь ему уехать из его страны. Мы послали ему самолет, и он прилетел в СССР. После отстранения Ракоши от руководства лидером венгерских коммунистов стал Герэ. Мы ему доверяли, он был, безусловно, хорошим коммунистом и нашим другом. Но Герэ там никто не слушал, все нити управления страной сходились к Имре Надю[28]. Надь почему-то был очень враждебно настроен к Советскому Союзу, хотя он жил у нас в эмиграции и работал в Коминтерне. Ракоши объяснял нам это тем, что тот всегда занимал крайне правые позиции, хотя все-таки считался коммунистом и тоже входил в руководство Венгерской компартии[29] и потом Венгерской партии трудящихся.

Итак, к нам прилетел товарищ Лю Шаоци. Кажется, входили в китайскую делегацию Дэн Сяопин и Кан Шэн[30]. Ныне Дэн Сяопин оказался в опале, и я ничего не знаю о его судьбе, а Кан Шэн к нам очень плохо относится, он в руководстве Китая является наиболее враждебно настроенным человеком в отношении СССР и КПСС. Лю Шаоци приятный человек, с ним можно по-человечески рассматривать вопросы и решать их[31]. Президиум ЦК партии уполномочил меня вести переговоры. С нашей стороны в состав делегации входил еще Пономарев[32]. Мы вели беседу всю ночь напролет, обсуждали ход событий, рассматривали варианты, думали, что же нам предпринять?

Вопрос стоял остро: предпринять ли нам в Венгрии военную акцию или же нет? Если нет, то какие к тому имеются основания, ведь контрреволюция бушует в полной мере, в Будапешт уже приехали из Вены эмигранты и захватывают руководство страной в свои руки. В самом Будапеште находились в то время Микоян и Суслов[33]. Они нам сообщали, что там идет стрельба, развернулось сражение. В других районах страны этого не наблюдалось, там было спокойнее и никаких особых проявлений вражды в отношении СССР и венгерских коммунистических руководителей не ощущалось.

При обсуждении с Лю Шаоци сложной ситуации, которая сложилась в Венгрии, у нас чувствовалось абсолютное доверие друг к другу: одной делегации к другой и одной партии к другой. Мы в процессе беседы приходили то к тому, то к другому решению, изменяли их несколько раз за ночь. Лю сейчас же связывался с Мао, передавал ему нашу точку зрения. И, как правило, мы получали согласие с такой точкой зрения. Несмотря на то что она менялась, Мао соглашался с противоречащими одно другому решениями, которые мы тут вырабатывали, заседая, если можно так сказать, как бы в смешанной советско-китайской

комиссии по венгерскому вопросу. Закончили мы ночь решением не применять силу в Венгрии и дать возможность развиваться событиям самим по себе. Мы хотели верить, что внутренних сил окажется там достаточно, чтобы взять верх, восстановить порядок и не позволить контрреволюции захватить власть. За ночь мнение менялось несколько раз: то Советский Союз, то Китай предлагал применить войска, а в другой раз – наоборот. Однако, несмотря на все наши колебания и споры, отношение делегаций друг к другу было очень хорошим, основанным на полном доверии и искренности.

Заседали мы на даче Сталина, в Липках, где жила китайская делегация. Уехали домой уже утром, так и решив: советские войска в ход не пускать. И тут же утром получили сообщение из Будапешта, что контрреволюция начала буквально погром: коммунистов вешают за ноги, особенно чекистов и партийных руководителей; идет жестокая, зверская расправа. Собрались члены Президиума ЦК партии, еще раз все обсудили и решили применить силу. Но с Китаем мы уже договорились, что не будем применять силу, и Лю передал это в Пекин. Было бы нехорошо с нашей стороны, договорившись об одном, делать обратное. Лю должен был улетать в Китай вечером того же дня. И мы договорились с ним, что мы приедем на Внуковский аэродром пораньше и проведем там еще одну общую беседу. Сказали, что хотели бы вернуться к тому вопросу, по которому просидели всю ночь.

Приехали мы, по-моему, в полном составе членов Президиума ЦК, прибыла и делегация Китая. В отдельной комнате мы и провели беседу, объяснив причины изменения нашей точки зрения. Лю согласился, что другого выхода, видимо, нет, придется пойти на крайние меры. Он выразил уверенность в том, что братские коммунистические партии и венгерский народ поймут, что это была вынужденная акция в интересах рабочего класса, в интересах прогрессивных сил. Ведь трудно было даже представить себе возможные последствия утверждения контрреволюции в Венгрии.

Китайцы улетели. Мы были очень довольны их визитом и не усматривали никаких разногласий в отношениях между нашими партиями. После наведения порядка в Венгрии в Москву прилетел Чжоу Эньлай. Отсюда он полетел в Варшаву, в Будапешт, а потом, по-моему, в Белград. После ликвидации мятежа контрреволюции в Венгрии у нас опять ухудшились отношения с Югославией, хотя касательно применения силы югославские товарищи, а в первую голову товарищ Тито, были полностью с нами согласны и одобряли такую акцию. Мы ведь к ним специально летали туда

с Маленковым и советовались, применять нам силу или нет.

Мы были очень довольны прибытием Чжоу Эньлая. У нас обострились отношения с Польшей, а у Китая этого не было. И мы рассматривали Китай как доброго посредника, который может смягчить обостренные отношения между компартиями СССР, Польши и Венгрии. Хотя не все было благополучно и с Югославией, но мы считали, что надо не идти путем ухудшения отношений, а изыскивать пути их нормализации и установления братских связей между компартиями наших стран. Чжоу приехал в СССР с хорошим настроением. Но я бы сказал, что проявился уже какой-то сквознячок, вроде бы ощущались какие-то щели, сквозь которые дуло. Может быть, это был результат обостренности нашего восприятия? Ни в чем конкретно это не проявлялось, просто мы чувствовали холодок в интонациях. Чжоу, попросту говоря, более независимо высказывал теперь свои суждения, нежели раньше.

Мы к этому относились с пониманием. Ведь вина за ухудшение отношений с Польшей и Венгрией ложилась на Сталина, значит, и на нас. Сталин породил такие отношения, и они должны были когда-то прорваться, не могли пройти бесследно. Теперь мы расплачивались за прежние кровавые дела, которые он учинил в руководстве Польши и Венгрии. Мы нуждались в правильном понимании нашей позиции, позиции осуждения методов насилия, осуждения поступков Сталина, хотели восстановить нормальные, братские отношения с нашими друзьями и на равноправной основе хотели строить наши отношения на базе уважения к народам всех стран и к руководству их коммунистических партий.

Отношения должны были нормализоваться именно на новой основе, потому что прежде Сталин считал себя персоной, которая отдает распоряжения, изрекает законы в коммунистическом движении, а остальные должны качать головами, как болванчики, смотреть ему в рот и только повторять: «Да, да, гениально. Полностью согласны». Тогда большего не требовалось. Но теперь нужны были другие отношения. Если создавать равноправие, следовательно, надо научиться выслушивать неприятные замечания, понять обиду на методы, которые применял Сталин. Все это и легло на наши плечи. Прокисшую похлебку, сваренную Сталиным, приходилось расхлебывать после его смерти.

Китай сыграл здесь положительную роль. Но мы чувствовали себя не совсем хорошо и видели, что китайские руководители несколько по-другому стали вести себя в беседах при обсуждении наших общих вопросов. Зато быстро шла нормализация отношений с Польшей. Здесь проявилась огромная заслуга

товарищей Гомулки, Циранкевича, Спыхальского[34] и других, которые пришли в польское руководство. После подавления контрреволюции в Венгрии там тоже довольно быстро стало нормализоваться положение. Венгерские товарищи с большим пониманием отнеслись к применению нами военной силы для устранения контрреволюции, а ведь там проявилась контрреволюция в чистейшем виде. Однако некоторые затруднения наметились в других братских партиях. Отдельные члены компартий Франции, Италии и ряда других не поняли сути дела и публично осуждали наши действия в Венгрии. Особенно тяжело переживали происходящее литераторы и остальные представители интеллигенции. С Югославией у нас тоже пошел процесс нормализации отношений. И мы, и югославы со своей стороны все делали для этого.

XX съезд КПСС и поворот в отношениях с Китаем

В сложившейся к 1957 году обстановке назрел вопрос созыва международного совещания коммунистических и рабочих партий. Стали вести подготовку. Договорились приурочить совещание к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Была создана комиссия, которая готовила предварительные документы. Наступило время, и встретились мы в Москве.

Компартия Китая прислала очень солидную делегацию. Ее возглавлял сам Мао Цзэдун, а в состав делегации входили, по-моему, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Кан Шэн и другие. Входила в нее и жена Сунь Ятсена Сун Цинлин. Признаюсь, мы были несколько озадачены этим, потому что я и тогда не знал и сейчас не знаю, являлась ли она членом компартии. Мы-то полагали, что она беспартийная. Правда, она очень прогрессивный человек и в течение многих лет в ходе борьбы китайского народа против реакции всегда занимала коммунистические позиции. Нас особенно не беспокоило, является ли она формально членом компартии или не имеет партийного билета. Ведь по своим убеждениям она была близким к коммунистам человеком. Сун Цинлин вела себя по отношению к нам тоже хорошо, по-товарищески, по-братски.

Работа совещания в целом протекала на высоком идейном и политическом уровне. Особых разногласий между делегациями не возникало. Данное совещание представителей братских партий было самым широким и со времен Коминтерна. В Москву прибыли посланцы 80 с лишним партий. Мы обсуждали международное положение, возможности предотвращения мировой войны. Ракетно-ядерная война вообще всегда оставалась темой таких совещаний. Если разразится мировая война, не знаю, удастся ли воюющим сторонам удержаться на применении средств обычного, классического вооружения, или события перерастут в ракетно-ядерную войну. Ведь ту сторону, которая станет терпеть поражение, но имеет у себя резервы ядерно-ракетного оружия, трудно будет удержать от его применения: для своего спасения она захочет нажать «на все кнопки». Ну пока что это вопрос будущего. Не хочу сейчас пророчествовать и говорю о прошлом.

Мао выступил на этом совещании по вопросам войны. Речь его носила примерно такой характер: войны не следует бояться. И

не следует бояться ни атомных бомб, ни ракетного оружия. Какой бы такая война ни была, мы, социалистические страны, все равно победим. Говоря конкретно о Китае, он заявил: «Если империализм навяжет нам войну, а у нас сейчас 600 миллионов человек, и мы потеряем из них 300 миллионов, так что же, это ведь война, пройдут годы, мы вырастим новых людей и восстановим численность населения». Вот в такой грубой форме он все это и сказал. После его слов наступило гробовое молчание. Никто не был подготовлен к такому подходу к мировой войне. Все думали, наоборот, о том, какие изыскать возможности, чтобы избежать ее. Главной темой служила именно борьба против мировой войны, за мирное сосуществование. И вдруг Мао выступает с лозунгом, что войны не надо бояться, она принесет нам победу, а если окажутся потери, так на то и война!

После этого заседания делегации начали обмениваться впечатлениями. Помню, как товарищ Новотный[35] сказал: «Товарищ Мао Цзэдун говорит, что из 600 миллионов человек они готовы потерять 300 миллионов. А как нам быть? У нас 12 миллионов. Мы тогда потеряем всех, и некому будет восстанавливать численность нашего населения». Гомулка реагировал еще более резко. Однако критика со стороны представителей братских партий не произвела на Мао ни малейшего впечатления. Пока такая линия еще не стала постоянной нормой его поведения. Но уже чувствовалось, что он ставит себя выше остальных. Иногда же он позволял себе вещи, вообще недопустимые, и делал все это, не обращая ни на кого внимания. Так, однажды он сидел рядом со своей женой Цзян Цин[36] и все время с ней заигрывал, говорил непристойности и сам хохотал, и она смеялась. Вряд ли нужно было допускать такое поведение вообще, тем более на серьезном заседании. Это тоже говорило о том, что Мао себя не хочет сдерживать и ведет себя, не считаясь с окружающими.

Югославия тоже прислала свою делегацию, ее возглавлял Кардель, Ранкович[37] также входил в ее состав. Он очень хорошо, по-дружески относился к нам, да и мы со своей стороны относились к нему с полным доверием. Но, когда мы стали согласовывать заключительный документ совещания, югославы поставили вопрос об изменении некоторых формулировок. Мы считали, что это невозможно. Другие компартии поддержали нас, заявив, что декларацию нужно принять в тех формулировках, как это было уже записано и отработано членами комиссии из представителей братских партий. Тогда югославы сказали, что они такого документа не подпишут. Нам ничего не оставалось, как подписать его без Югославии. Мы долго ухаживали за ее

делегацией, уговаривали, доказывали необходимость подписать декларацию в таком виде, в каком она была подготовлена комиссией, но югославы остались неумолимы. У меня сложилось даже впечатление, что они нарочно придрались и настаивали на изменении формулировок потому, что просто не были еще готовы полностью нормализовать отношения с братскими партиями и подписать совместный международный документ. Подписав его, они как бы теряли свое лидерство среди так называемых «третьих стран», которые занимали особую, промежуточную позицию между империалистическими державами и социалистическими государствами. У меня, во всяком случае, сложилось именно такое мнение, потому что никакого разумного основания не подписывать текст у югославов вроде бы не существовало.

Мы обсуждали этот вопрос с китайцами, и Мао тоже сказал: «Ну, что же, не хотят, их дело. Давайте подпишем без них». И мы подписали декларацию, не став обострять отношения с югославской делегацией. Мы все же надеялись, что впоследствии югославы присоединятся к общему документу, и делали все со своей стороны, чтобы нормализовать отношения с Югославией, строя их на базе братства и доверия. А наши беседы с китайской делегацией и лично с Мао были самыми дружескими, я бы даже сказал – интимно дружескими. Однако потом выявилось, что со стороны китайцев это была игра. Когда у нас все же улучшились отношения с Югославией, кто-то из югославских товарищей рассказал, что, когда они беседовали во время совещания с Мао, он довольно пренебрежительно отзывался о нас. С нами он обсуждал вопрос, как уговорить югославов подписать совместное заявление, а им прямо заявил: «Что же, ну не подпишете вы заявление, дело ваше. Собственно говоря, тут никакой трагедии нет. Только наши хозяева, представители КПСС, немножко понервничают. А потом успокоятся». Одним словом, за нашей спиной Пекин провоцировал югославскую делегацию не присоединяться к общему документу и подал ей руку ободрения, чего мы тогда не знали.

При обсуждении текста декларации возникли разногласия, хотя уже другие, и с китайцами. Тогда они казались нам незначительными. Но, как показали дальнейшие события, имели под собой глубокую основу. При подготовке проекта декларации наша делегация по поручению Президиума ЦК КПСС внесла предложение исключить из текста все упоминания о лидерстве КПСС в мировом коммунистическом движении. Я считал, что после разоблачения ошибок Сталина подобные положения, да еще записанные в международной декларации, могут быть восприняты как попытка возвращения к сталинским методам

руководства коммунистическим движением, попытка возвращения нашей партии к тому, чтобы утвердить гегемонию над другими братскими партиями. Это могло быть воспринято как стремление пересмотреть новые взаимоотношения коммунистических партий разных стран, основывавшиеся теперь на принципах равноправного сотрудничества.

Почти все представители братских партий правильно поняли наше предложение и согласились с ним. Неожиданно стали возражать как раз китайцы. Они заявили, что КПСС реально возглавляет мировое коммунистическое движение и что это должно быть отмечено в документах совещания; необходимо иметь лидера, который направлял бы политику всех коммунистических и рабочих партий в борьбе против империализма. Мы не смогли согласиться с этим, тем более что предполагали (а последующие события подтвердили наше мнение), что это делается неспроста. Если все другие партии признают за одной роль лидера, то лидера можно ведь и заменить. Сегодня – один, завтра – другой. Мы считали, что китайцы готовят себе почву для будущих притязаний на такую роль. Поэтому мы поблагодарили китайских товарищей за признание заслуг КПСС перед мировым коммунистическим движением, но твердо сказали, что выступаем против подобной записи. Другие партии вновь согласились с нами. На этом обсуждение текста закончилось. Однако данный инцидент свидетельствует о том, что нынешняя политика КПК не возникла вдруг и на пустом месте, а исподволь готовилась ею уже давно.

Во время работы совещания у нас состоялись встречи со многими делегациями или даже со всеми. Много беседовал я с Мао и его товарищами, которые с ним прибыли. Эти беседы выглядели как самые дружественные и приятные. Мао, между прочим, при личных встречах давал характеристики членам Политбюро ЦК КПК. Меня его характеристики насторожили. О большинстве своих товарищей он говорил в мрачных тонах или даже, я бы сказал, грязно. Он все красил в черный цвет. О Лю Шаоци я сейчас не могу дословно повторить сказанное им: Мао отзывался о нем очень плохо, приводя какие-то «факты» в доказательство. Чжоу Эньлаю он тоже дал отрицательную характеристику. Даже о старом товарище Чжу Дэ[38] говорил гадости. Казалось бы, Чжу Дэ – больше воин, чем политик, к тому же хороший воин, беззаветно сражавшийся за дело рабочих и крестьян Китая и оказавшийся хорошим коммунистом. Но нет! Столь же плохо характеризовал Мао и всех других, кроме Дэн Сяопина, который уже тогда был генеральным секретарем ЦК компартии Китая. Мао показал на него: «Вот этот маленький (мы

с Мао беседовали во время приема, сидя отдельно) – очень умный человек, очень перспективен». И он на все лады расхваливал мне Дэна как будущего руководителя всего Китая и его компартии.

Дэна я почти не знал до той встречи. До победы Китайской революции его имя не фигурировало у нас в газетах. Зато имя Чжу Дэ гремело с самого начала гражданской войны в Китае. Полковник Чжу перешел на сторону Коммунистической партии и возглавил вооруженную борьбу против Чан Кайши. Он одним из первых старых кадровых офицеров китайской буржуазной армии поднял знамя борьбы за дело народа. Я помнил и имя Гао Гана, тоже представителя прежней боевой гвардии, которая воевала за идеи Коммунистической партии. Конечно, в то время уже не было Гао Гана, и о нем не могла идти речь во время нашего совещания. А Мао задним числом характеризовал его как самого плохого человека. Когда он давал такие характеристики людям из своего окружения, то невольно я сравнивал его со Сталиным.

Сталин тоже характеризовал таким же образом всех близких. Не знаю, кого он выделял в лучшую сторону. Причем он не только давал скверные характеристики, но и физически уничтожал тех людей, с которыми работал. Из тех, с кем он оставался рядом после смерти Ленина, большинства уже не было в живых. Тут сквозили нотки, сближающие Мао со Сталиным. Я увидел здесь какое-то родство их душ, правда, далекое. Тогда я не мог себе и представить, какими красками расцветится потом характер Мао и к какой трагедии он приведет свой народ.

Мао спрашивал меня, как идут у нас дела. Я ему рассказывал, что дела у нас идут хорошо, работаем мы дружно. Но сказал также, что среди наших товарищей поговаривают, что следует заменить товарища Булганина и передвинуть его на другой пост, а председателем Совета Министров выдвинуть нового человека, поскольку товарищи не удовлетворены работой Булганина. Я это сказал ему потому, что считал: будет нехорошо, если после отъезда Мао у нас начнутся какие-то перестановки, о которых мы его не проинформировали. Он мог подумать, что мы что-то скрываем. И я ему рассказал откровенно и искренне о наших внутрипартийных вопросах, об отношениях среди членов руководства. «Кого же у вас думают выдвинуть взамен?» – «Мы еще ничего не решили. Но я, хотя еще и не твердо, буду предлагать товарища Косыгина»[39]. – «А кто такой Косыгин?» Я ему рассказал о Косыгине. «Вы меня познакомьте с ним!» Я познакомил их, и они удалились поговорить в какой-то уголок. Мне было приятно, что Мао хочет познакомиться с человеком, который станет возглавлять правительство СССР. Я расценил это как желание и в дальнейшем укреплять хорошие отношения

между нашими государствами и нашими партиями.

Совещание закончилось. Китайцы уехали. Но много раз после него с официальными визитами или инкогнито к нам приезжал Чжоу Эньлай. И всегда его приезды оказывались приятными. Мы хорошо сошлись с ним, сами очень хорошо к нему относились, и эти встречи доставляли нам радость. Он информировал нас о положении дел в Китае, и мы были довольны, что все у них идет как надо. К тому времени в Китае закончилась коллективизация деревни. Она прошла успешно, и мы были просто в восторге от этого. Когда я лично, бывало, думал о перестройке сельского хозяйства на социалистический лад, то заранее представлял себе те невероятные трудности, которые ждут каждого, кто возьмется за такое дело. Я-то знал, как тяжело проходила она у нас. Китай же был еще более бедной и разоренной страной, чем Россия, не имел почти никакой техники, везде господствовал ручной труд с сохой и лопатой. Не каждое тамошнее хозяйство имело плуг. Как проводить коллективизацию в таких условиях?

Ленин говорил, что объединение крестьян в кооперативы возможно только на базе механизации: если бы у нас было 100 тысяч тракторов, писал он, то крестьянин сказал бы, что он выступает за коммунию. В Китае же не только тракторов, керосина и кадров, а даже плугов почти не имелось. Но, несмотря на большие трудности, китайцы справились с коллективизацией. Видимо, это объяснялось небольшой их требовательностью: они довольствовались малым, и, когда объединяли свои нищенские средства производства, это сразу дало им возможность лучше обрабатывать землю и больше извлекать выгод из вложенного труда, лучше обеспечивать крестьян. Мы радовались этому успеху компартии Китая.

Я уже говорил о китайской промышленности. С нашей помощью они строили тракторный и автомобильный заводы, оборонные заводы по производству артиллерии, вооружения, самолетов. Мы гордились этим, и нам было приятно оказывать помощь Китаю, а Китай соответственно платил нам вниманием и дружбой. Так что внешне отношения были предельно хорошими. При встречах членов руководства мы говорили буквально обо всем, и хорошем, и плохом, что встречалось у нас, ничего не скрывая. Много шутили, смеялись.

Помню, когда были мы в Китае и ездили по стране, то видели примитивную организацию земляных работ, основанную на ручном труде, без механизации. Китайцы стояли цепью и передавали из рук в руки корзины, наполненные землей. Получился своеобразный конвейер. Некоторые тащили корзинки на плечах или спине. Наши доморощенные остряки придумали

(не знаю, кому из наших принадлежит авторство этого выражения), что перед нами китайский шагающий экскаватор. Довольно метко, я бы сказал, брошено было сравнение. Как-то за общим обедом мы много шутили, а китайцы любят шутки и сами были часто их инициаторами. Тут я им и рассказал, как, на наш взгляд, в Китае работают эти шагающие экскаваторы. Они хохотали. Но я потом подумал: как бы это не обидело их, ведь китайцы очень обидчивы. Нет, они правильно поняли шутку и не обиделись. Или же обиделись, но не подали вида. Они хорошо умеют маскироваться, это тоже их особенность. Умеют носить на лице маску, которая не выражает их истинного отношения к делу, их чувств.

В 1958 г. китайцы обратились к нам с просьбой оказать им помощь оружием, так как они хотят провести новую военную операцию против Чан Кайши. Они попросили авиацию прикрытия, дальнобойную и береговую артиллерию, что-то еще. Мы все это дали им. Думали, что они замышляют что-то решительное по ликвидации Чан Кайши. Мы их тогда не только не сдерживали, а, напротив, считали такие действия правильными, помогающими объединению Китая. И они начали проводить свою операцию. Конкретно она вылилась в нападение на два прибрежных острова[40], которые примыкали к берегам континентального Китая. Эта операция оказалась не из легких. Долгое время велась перестрелка, причем американцы активно помогали Чан Кайши. Однако перевес был на стороне сил Китайской Народной Республики. Мы, конечно, были всемерно заинтересованы в их победе, все наши симпатии были на стороне Мао. Надо было ликвидировать очаги чанкайшистов на этих двух островах, которые могли послужить трамплином для высадки десанта в континентальном Китае. Тогда Чан Кайши еще мечтал об этом, а американцы, по нашим сведениям, подталкивали его к нападению на континентальный Китай.

Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что стрелка склоняется в пользу КНР и эти острова можно занять, а Мао прекратил наступление. Бои затихли, и операция ничем не завершилась. Потом, при встрече с Чжоу Эньлаем, когда он как-то приехал к нам, мы его спросили: «Почему вы тогда так поступили?» – «А, – говорит, – мы это сделали сознательно». – «То есть как сознательно? Вы же не захватили островов, а ведь начинали операцию с тем, чтобы занять их? В чем же состоит ваша сознательность, и какая польза от такой вашей акции?» – «А мы хотели показать наши возможности, но не хотели, чтобы Чан Кайши ушел от нас далеко. Мы желаем, чтобы он оставался в радиусе досягаемости наших военных возможностей. Мы можем

ведь не только авиацией ударить по этим островам, но и достать их береговой артиллерией. Если бы мы заняли острова, то силы Чана оказались бы от нас на таком расстоянии, что мы были бы лишены возможности беспокоить его военными средствами в нужное для нас время». – «Какая же тут выгода? Иметь острова, занятые противником у своих берегов, и ждать его десантной операции. Такая близость дает ведь лучшие возможности именно противнику?»

Но Пекин доказывал свое. Так мы и не поняли, почему там отказались от завершения операции. Зачем же тогда они нанесли большой ущерб островам? Они сильно побили их, с одного из них Чан Кайши эвакуировал даже свои войска. Надо было лишь занять опустевший остров. Мне и сейчас непонятно, почему не была окончена операция, на которую затратили много средств. Еще когда она готовилась, мы считали, что, может быть, необходимо помочь Китаю более активно? И предложили перебросить к ним нашу истребительную авиацию, дивизию самолетов или сколько понадобится. Они на это предложение вдруг реагировали очень нервно и дали нам понять, что такое предложение их обидело, оскорбило: им такой помощи не надо! Мы не стали навязываться. Мы-то думали о содействии, раз они сами прежде обратились к нам. Дали им самолеты, артиллерию, послали своих авиационных инструкторов, а также генералов в качестве советников. Но когда от присылки наших соединений они отказались, мы почувствовали, что это было ими плохо расценено, хотя мы не преследовали никаких иных целей, кроме желания помочь другу и брату в укреплении его государственных границ и в объединении страны. Мы ведь всегда поддерживали стремление Китайской Народной Республики, направленное на ликвидацию чанкайшистского правительства, присоединение прибрежных островов и включение Тайваня в состав КНР.

Когда проводилась эта операция, те два острова маячили на страницах мировой печати. Имели место и другие примечательные эпизоды, которые раскрывали нам истинное лицо Пекина в смысле дружеских отношений с нами. Над Китаем шли воздушные бои. Авиация Чан Кайши имела на вооружении американские самолеты с ракетами класса «воздух – воздух». Какие-то ракеты, пущенные чанкайшистами по самолетам Китайской Народной Республики, отказывали и потом падали на землю. Некоторые из них сохранились в довольно хорошем состоянии. Наши советники знали это и докладывали о том нам. Естественно, нас интересовали военные новинки США, особенно все, относящееся к ракетному делу. То были довольно маленькие ракеты «Сайдуиндер»[41], но весьма сложные по устройству.

Тут у нас появилась очередная возможность познакомиться с американской техникой. Как говорится, американцы сами послали нам свои образцы через Китай. И мы обратились к китайцам, написав им, что знаем: ими захвачены такие-то ракеты, и мы хотели бы их изучить, а тем самым использовать потом американскую технику в наших общих интересах… Ответа нет. Проходит какое-то время, мы напоминаем. Ответа вновь не дают. Мы были удивлены: как же так? Мы дали Китаю все – нашу секретную военную технику, чертежи, технологические карты производства, образцы, напрямую вооружаем китайцев, а здесь попалось трофейное оружие, которое они захватили в боях с Чан Кайши, и нам его не дают? Москве это было просто непонятно. Стали мы проявлять настойчивость. Тут они ответили, что сами сейчас изучают эту ракету, а так как у них есть всего один экземпляр, то дать его нам не могут. Вот когда изучат, то сами обменяются с нами информацией.

Мы не могли согласиться с этим. Ракетная техника сложна, а Китай еще не находился на таком уровне технического развития, чтобы быстро и грамотно справиться с изучением новой ракеты. Мы считали, что больше к тому подготовлены, потому что у нас уже и строились такие ракеты, и состояли на вооружении, так что американский образец был нужен нам для сравнения. Ожидали, конечно, что американцы могли придумать что-то новое, интересное, что можно было бы позаимствовать для нашей армии. Кроме того, такой ответ нас очень задел и обидел по существу. Полагаю, что каждый человек на нашем месте реагировал бы точно так же. Оно и понятно: мы от Китая ничего не держим в секрете, все им даем, помогаем и оборудованием, и советниками, и монтажниками, и инженерами, и конструкторами, делимся по-братски чуть ли не последним куском хлеба, а здесь они получили трофейное оружие и не хотят его нам дать!

Но делать нечего: оружие-то находится у них. И мы решили оказать на китайцев некоторое давление. В то время мы готовили для отправки им документацию на производство баллистических ракет среднего радиуса действия, и они нас очень торопили с поставками. Мы дали указание нашим военным советникам выразить при переговорах свое неудовольствие и, как бы лично от себя, в частном порядке, сказать, что мы-то поставляем Китаю нашу новейшую технику, а они не хотят дать нам даже трофейную ракету, это нас обижает. Советники должны были намекнуть, что у нас возникают «технические трудности» при передаче документации на производство ракет и что, возможно, мы не сумеем уложиться в оговоренные сроки. Мы были убеждены, что такой разговор дойдет до ушей тех, кому следует

услышать. Действительно, в скором времени мы получили от китайцев согласие на передачу нам ракеты. Ее передали нашим советникам для отправки в Москву. Тут проявилась со стороны Пекина какая-то неразумная игра в секретность. Она, конечно, наложила некий отпечаток на наши отношения. Я сказал бы, что это подействовало на нас отрезвляюще: брат братом, а денежки, как гласит русская пословица, врозь!

Получили мы эту ракету, и она поступила в научно-исследовательский институт неподалеку от Москвы. Наши конструкторы вскоре доложили, что ракета интересна и что мне следовало бы посмотреть на нее. Я поехал в этот институт. Мне продемонстрировали сборку и разборку ракеты. Она оказалась весьма интересной с точки зрения ее эксплуатации в условиях войсковых частей. Ее было легко собирать и разбирать при помощи одного только ключа. Наши ракеты были не хуже, но менее технологичны, более сложны при сборке, а по весу – тяжелее. По боевым же качествам наши ракеты не уступали американским. Но мы все же посчитали, что американская ракета сделана лучше. Именно так, вполне объективно, докладывали наши инженеры-конструкторы. И мы решили начать производство такой же ракеты с небольшими изменениями.

О ее изучении мне часто докладывали потом конструкторы. Я тогда довольно много занимался военной техникой, потому что вопрос вооружений стоял остро: мы полагали, что отстаем от США. Надо было наверстывать упущенное, главным образом в ракетах и в авиации, вооруженной ракетами. Противник, окруживший нас военными базами, обладал сильной бомбардировочной авиацией, и нам были жизненно необходимы истребительная авиация, вооруженная ракетами класса «воздух – воздух», и ракеты класса «земля – воздух» для обороны. Следовало как можно быстрее и лучше решить эти вопросы, чтобы вооружиться на случай неожиданного возникновения военной ситуации. Затем мне сообщили, что китайцы не отдали нам чувствительных элементов тепловой головки самонаведения, по размерам очень маленьких, в виде пуговицы. Без них ракета не являлась полноценной. Мы вновь запросили китайцев, но они нам ответили, что отдали все. Мы не стали более настаивать. Или они утеряли детали, когда собирали и разбирали ракету, или не дали умышленно. Наши научно-исследовательские институты потом сами решили эту проблему, хотя потребовалось очень много времени, пока мы раскрыли технические секреты. И вот мне доложили, что задача решена.

Осадок от дела с этой ракетой лег на наши мозги и отравил наши чувства. Раньше мы буквально детскими глазами смотрели

на наши отношения с китайскими братьями. Радовались, что у нас с ними такие хорошие контакты. Китай стал социалистической страной. Это сразу изменило соотношение сил в мире. Ведь Китай – это Китай! Главное, огромная континентальная держава, расположенная у наших границ. Теперь вся социалистическая система складывалась в едином лагере со сплошными границами, что представляло довольно большую силу. Образовались два мировых лагеря: капиталистический и социалистический. Постепенно наша идеология, наша марксистско-ленинская теория побеждали и закреплялись в головах людей. И вот произошел такой инцидент, который заставил нас призадуматься. Наши отношения продолжали развиваться в духе дружбы. Но стал назревать и конфликт. Наши пути начали расходиться. В тот момент в Китае явно обозначилось направление, которое сильно повлияло на прежнюю искренность наших взаимоотношений.

Мао поднял вопрос о «большом скачке»[42]. Могут сказать, что «большой скачок» – внутреннее дело Китая. Верно, но если придерживаться истинно дружеских отношений, сложившихся между социалистическими странами с такими тесными экономическими связями, то было бы полезно обменяться мнениями и заслушать точку зрения всех братских стран. Могут возникнуть особые мнения у отдельной страны или группы стран. Однако в любом случае надо хотя бы информировать друг друга. Мы считали, что такой метод укрепляет взаимное доверие и создает лучшие отношения между нашими государствами и партиями. И вдруг мы о «большом скачке» узнаем через органы печати.

Когда о чем-то узнаешь через печать, то замысел авторов не всегда раскрывается. Смысла лозунга «большого скачка» мы не понимали. Потом, опять же из печати, мы узнали о «малой металлургии»[43], то есть о решении строить в Китае маленькие домашние доменные печи. Это была какая-то буквально эпидемия. Отдельные коллективы или даже просто материально обеспеченные люди строили себе доменные печи. Никто не задумывался насчет качества такого чугуна и о том, сколько он будет стоить. Нечего было и думать о выпуске пригодного для промышленности металла в столь примитивных условиях. Уж и не знаю, к какому давнему веку относится такая металлургия. Нам казалось, что все это как-то несерьезно: и «малая металлургия», и «большой скачок». Мне рассказывали, что даже вдова Сунь Ятсена возле своего дома построила доменную печь. Не знаю, получала ли она чугун из нее. О ней рассказали мне люди, которые были ее гостями и перед которыми она

похвалялась своей печью.

Появился в Китае лозунг: за несколько лет догнать Англию по выплавке металла, а потом догнать и перегнать в этом США. Мы, читая такие лозунги, не могли к ним относиться всерьез, потому что знали, что такое невозможно. Невозможно же в примитивных условиях решить столь сложную задачу, хотя и очень заманчиво. Китай тогда находился на сравнительно низком техническом и экономическом уровне развития. Даже мы, ставя такую задачу перед СССР, не называли конкретных сроков. У нас действовал сугубо общий лозунг: догнать и перегнать Америку как самую развитую капиталистическую страну. Но мы тоже еще находились на такой стадии развития, что называть сроки, когда это совершится, не осмеливались. Потом в КНР началась организация коммун. Китайцы стали объединять всех крестьян, обобществляя даже средства потребления и бытовые вещи. Это совершенно невозможное дело, которое может привести к тяжелым последствиям.

Вообще в Китае люди на придумывание лозунгов довольно способны и могут такие лозунги хорошо подать населению. К нам поступали китайские газеты, наши люди читали их, и мы стали получать сведения, что и советские газеты в районах, пограничных с Китаем, тоже ставят вопросы перенятия опыта братского китайского народа в строительстве коммун. Появились даже предложения взять на вооружение «большой скачок». Нас это, надо признаться, испугало. Мы уже не могли сохранять долее нейтралитет по данному вопросу и были вынуждены высказать свою точку зрения насчет применения такого лозунга в советских условиях, считая, что он нам абсолютно не подходит…

В Китай поехал тогда Вылко Червенков[44], один из лидеров Болгарской компартии. Он не разбирался в данном деле и, приехав из Китая, разразился потоком нелепых статей в болгарской печати. Мы увидели, что Болгария тоже берет на вооружение лозунг коммун и «большого скачка». Эти идеи стали там практически претворяться в жизнь. В чем же это выразилось? Болгары начали укрупнять колхозы до невероятных размеров и вкладывать средства в тяжелую промышленность, себе не по карману. Через тех болгарских друзей, которые смотрели на это критически, мы получали тревожную информацию, свидетельствовавшую о том, что могут иметь место очень печальные последствия.

Мы вынуждены были пригласить к себе болгарских друзей и в ходе беседы высказать свою точку зрения. Заявили, что считаем применение китайских методов в условиях европейских и других социалистических стран Запада нереальным, что это к добру не

приведет и вызовет большие сложности. Конкретно о самой Болгарии мы сказали так: «Товарищи! Вы знаете, какие у нас с вами добрые и братские отношения. И мы хотели бы, чтобы они такими сохранялись вечно. (А отношения у нас с Болгарией действительно были такими, что и желать лучшего нельзя.) Мы считали своим долгом предупредить вас, что если вы и дальше станете подражать Китаю в «большом скачке» и не по своим средствам развернете строительство, то тем самым поставите свою экономику в угрожающее положение. Сейчас вы вынуждены делать большие заказы в капиталистическом лагере. Придут сроки платежей, а у вас возможностей к оплате своих векселей не окажется. Мы полагаем, что вы обратитесь тогда к нам с просьбой о займе, мы же окажемся в затруднении оказать вам такую помощь. Это может поставить вашу экономику в очень тяжелое положение.

Теперь – вопрос о сельском хозяйстве. Сельское хозяйство Болгарии ведется на высоком культурном уровне. У вас не просто там полеводство или животноводство, нет, вы развиваете отраслевое огородничество, садоводство, осуществляете промышленную посадку роз, стали европейскими поставщиками овощей. Гигантомания в сельском хозяйстве приведет к краху, сделает хозяйства неуправляемыми и экономически нерентабельными. Обобществление же личных хозяйств просто отпугнет крестьян от коллективов, расплачиваться потом придется многие годы. Этот сложный вопрос надо решать постепенно и с большой осторожностью».

Я сам был большой поклонник болгар, просто преклонялся перед ними как овощеводами. Детство и юность я провел в Донбассе, который питался овощами болгар. Из Болгарии к нам приезжали люди, арендовали землю и занимались огородничеством. Это были замечательные огородники. Работали, правда, на их огородах не сами болгары, а украинцы, но владельцы были хорошими организаторами и буквально заваливали рынок всевозможными овощами, очень дешевыми и всегда свежими. Бывало, рано утром приезжал болгарин на арбе, запряженной парой коней, и нараспев обращался к женщинам-шахтеркам: «Бабень, миленькая бабень! Вставайте, зелени покупайте!» Женщины просыпались, выскакивали из домов. Возчик останавливал свою арбу, начиналась торговля. Он по именам знал всех покупательниц, да и они, обращаясь к нему, тоже называли его по имени.

Когда я стал взрослым и заимел велосипед, то часто после работы переодевался, садился на него и ехал в поле к болгарам. А там любовался плодами их трудов: замечательными помидорами,

баклажанами. Я уж не говорю о капусте, огурцах и прочем. Особенно привлекало меня просто поэтическое поле баклажанов. Приедешь, глянешь на ряды синеньких баклажанов: висят огромные кувшинообразные плоды, блестят своими сине-фиолетовыми боками. Так что болгар я давно знал и с уважением относился к ним, как отношусь и сейчас. Правда, когда они теперь поставляют в СССР помидоры, я иной раз в шутку говорю своим ближним: «Болгары нам присылают помидоры как братья, но сами таких помидоров не едят». Почему? Потому что они невкусные: срывают их рано, и они дозревают не на корню. Такой помидор тоже красен, но нет у него того вкуса, которым обладает плод, созревший на плантации. Ну, это я несколько отвлекся.

Итак, высказали мы болгарам свои соображения. Они реагировали болезненно. Тогда мы сказали: «Мы не добиваемся, чтобы вы с нами согласились, а только хотели предупредить, что если вы будете обращаться к нам за золотым кредитом, то, поскольку мы золота сейчас в резерве не имеем, оказать помощь вам не сможем. Как вы будете выходить из тяжелого финансового положения, когда наступит время платежей, думайте сами». На этом мы расстались. Правда, болгары предприняли кое-какие меры: провели разукрупнение коллективных хозяйств и пр. Но, конечно, всего, что они сделали, исправить полностью было нельзя, они не смогли вернуться к прежним организационным формам в деревне, и у них все-таки остались многие укрупненные сельские кооперативы.

Вот я упомянул: «укрупненные». Не случайно. Люди, которые со мной работали, знают мою точку зрения на данный вопрос. В Советском Союзе именно я был инициатором укрупнения колхозов. На этой почве у меня возникли и радости, и неприятности. Я считал, что колхозы, которые у нас имели небольшие угодья и с малым количеством рабочей силы, не обладали перспективой. У них нельзя было использовать высокопроизводительную технику. Поэтому такие колхозы следовало перестраивать на другой основе, чтобы перевести их на более современную техническую базу, что и было нами сделано в свое время. Правда, мы тоже не обошлись без гигантомании, и это оказалось для нас накладно. Тут уже мой недосмотр. Увлекаясь, многие люди не могут порою реально соразмерить, что такое крупное, что такое крупнейшее, а что такое мелкое хозяйство.

А вот китайцы чуть ли не целые провинции загнали в один колхоз. Только назвали его не колхозом, а коммуной[45]. Получилось нечто вроде нашего района или даже побольше. Возникла неуправляемая хозяйственная единица, которая не могла быть рентабельной. Хочу закончить освещение вопроса, как

применение китайского опыта повлияло на наших друзей-болгар. Спустя полгода они обратились к нам за помощью, когда использовали все предоставленные им кредиты, даже краткосрочный. А краткосрочные кредиты – самые дорогие, по ним платят чуть ли не 15 % годовых (при 5–7 % долгосрочных). Банки в таких случаях кожедерствуют. Все-таки пришлось нам вынуть кое-что из наших резервов и положить на стол друзьям, чтобы не допустить опротестования их векселей, по которым следовало платить. Получилась буквально кража. Вот как экономика ударила по тем, кто неоправданно увлекся в подражании китайцам.

Сами же китайцы решили этот вопрос очень просто. Там была волевая бесконтрольность, не опиравшаяся ни на какие хозяйственные и научные основы, не изученная заранее и непродуманная. Несмотря на кажущуюся очевидность дела, мы считали, что нам надо разъяснять несостоятельность опасного лозунга о коммунах. Тем более, как я уже говорил, у нас к тому возникла прямая причина, потому что ряд областных и краевых комитетов Сибири стал брать на вооружение китайский лозунг, выступать с пропагандой его в печати и растолковывать, как можно его применить в наших условиях.

В то время мы готовили решения XXI съезда партии[46] по вопросу о семилетнем плане развития народного хозяйства и решили в отчетном докладе осветить данный вопрос, не ссылаясь прямо на Китай, но разобрать его по составным элементам. Как раз я был докладчиком от ЦК партии на XXI съезде по проблемам развития нашей экономики на предстоявшие семь лет. Попутно разобрал и «большой скачок». Тем самым мы сделали прививку нашим партийным руководителям от слепого подражания, показали, что оно может больно ударить по СССР и нанесет непоправимый ущерб нашей экономике, следовательно, и нашей политике. Ведь политика очень зависима от экономики, поэтому надо внимательно следить за тем и другим, чтобы не допустить ничего, что может оказаться вредным для развития страны.

Китайцы присутствовали на XXI съезде КПСС. И когда они услышали мои слова и прочли текст доклада, им уже не надо было дополнительно разъяснять, что мы относимся отрицательно к «большому скачку». Это обстоятельство тоже, видимо, не послужило им поощрением для углубления наших дружеских отношений, а наоборот – охладило их. Мы разошлись здесь по коренному вопросу развития. Теперь, естественно, мы уже публично стали высказываться критически относительно мероприятий, которые развернулись в Китае. Еще до «большого скачка» там широко публиковался (об этом трубили во все трубы)

лозунг «Пусть расцветут сто цветов»[47]. Когда мы познакомились с ним и изучили возможные его последствия, то не могли его ни понять, ни принять. Что это такое – пусть расцветут сто цветов? Каждый крестьянин знает, что одни цветы надо поддерживать и культивировать, а какие-то другие уничтожать, потому что, когда сорняки расцветут и дадут плоды, они окажутся горькими или вредными для здоровья и посевов. Такой лозунг для нас неприемлем.

Наши пропагандисты поставили перед ЦК партии вопрос: как быть? Мы должны выразить наше отношение, советские люди читают газеты, и такой лозунг уже гуляет по советской стране. Тогда была дана установка для печати и пропагандистов специально не затрагивать данный вопрос, а обходить его. Ведь этот лозунг выдвинут китайцами для внутреннего потребления, поэтому, может быть, для них он имеет некое значение, а в наших условиях он не подходит, и мы его не принимаем. Конечно, нам было ясно, что китайцы сразу поймут нашу линию: раз у нас не пропагандируется их лозунг, стало быть, мы его не поддерживаем. И хотя он не осуждается и не отвергается, каждому ясно, что мы выступаем против него.

Во время одной из наших встреч (то ли это было в Москве, то ли когда я летал в Китай) Мао сам поднял данный вопрос: «Как вы относитесь к лозунгу «Пусть расцветут сто цветов?» Я ответил, что такой лозунг нам непонятен, поэтому нам трудно применить его у себя, у нас его могут неправильно истолковать, и он не принесет пользы. «Да, – говорит, – мы понимаем ваше положение. Но у нас этот лозунг основан на изучении древних авторов». И стал приводить мне какие-то примеры из древней литературы, где впервые встречается призыв «Пусть расцветают сто цветов». Мао понял, что мы не разделяем его точки зрения, и это опять же не способствовало укреплению наших добрых отношений. В ходе того разговора мы легонько наступили Мао на мозоль, слегка дав понять, что он может выдумывать у себя любые лозунги и бросать их в печать, но далеко не всякие лозунги приемлемы для нас. Мао считал себя божественного происхождения, а своего бога он сам себе выдумал. Поэтому то, что он преподносит, все, дескать, во благо человечеству. Естественно, наша реакция охлаждала дружеские отношения или хотя бы способствовала такому охлаждению. Однако он, как умный человек, делал вид, что ему не обидно: каждой партии вольно брать на вооружение только то, что ей полезно, и не брать того, что ее не устраивает.

«Большой скачок», организация коммун и прочие мероприятия, которые были начаты Мао, стали приносить свои отрицательные плоды. Экономика Китая ухудшалась. До

претворения в жизнь этих лозунгов мы радовались тому, как быстро Китай поднимался, наращивались достижения его хозяйства, улучшался быт людей и рос уровень их жизни. Но «большим скачком» вся промышленность была дезорганизована. В первую очередь пострадали технические нормы, ибо китайцы заявили, что это лишь буржуазные выдумки. Например, для станка, который они купили в Советском Союзе, предельная норма выпуска изделий была точно установлена, а они увеличили ее в несколько раз. Возникало перенапряжение оборудования, станки изнашивались. Наступил период дезорганизации промышленности, появилась анархия, стало не хватать сырья, портилось оборудование. В Китае создалось тяжелое положение. Инженеров, которые придерживались технических норм, основанных на научных знаниях, обвиняли, что они буржуазные подголоски, вредители и т. п., и переводили их на работу простыми рабочими.

Через посольство мы получили запрос, что к нам хотел бы приехать Чжоу Эньлай: какова наша позиция? Мы сейчас же ответили, что будем очень рады принять его. Прилетел он. И какой же вопрос поставил перед нами? О тяжелом положении в китайской металлургии. Сказал, что Пекин просит нас прислать экономических советников. Там уже работали наши советники. Каких еще других советников можем мы дать, кроме тех, которые имелись? Туда уже были посланы квалифицированные люди, в том числе в области черной металлургии. А Чжоу попросил прислать еще более квалифицированных людей, которые изучили бы вместе с ними сложившееся положение и помогли сделать должные выводы. Мы посовещались и решили рекомендовать туда товарища Засядько[48], заместителя председателя Совета Министров СССР по проблемам металлургии и угледобычи. Сам он инженер-угольщик, из шахтеров. Я хорошо знал его по работе на Украине, где он руководил крупнейшим угольным управлением в Сталинской области. Очень хороший работник, но с одним недостатком: он сильно пил и, выпив, не владел собой.

Послали мы Засядько в Китай. Он, безусловно, принес там пользу, ибо был прямым и, можно сказать, даже резким человеком. Пробыл у них несколько недель. Вернувшись, докладывал о результатах поездки. Я спросил: «Что же вы там увидели, товарищ Засядько? И что рекомендовали китайским братьям?» – «Да что там рекомендовать (голос у него грубоватый был), товарищ Хрущев, они сами во всем виноваты, сами дезорганизовали деятельность всей черной металлургии. Приехал я на Аньшаньский[49] металлургический завод, все там запущено». И начал приводить конкретные примеры работы

доменного, мартеновского и других цехов этого предприятия. «А кто там управляющий?» – «Управляющий такой-то. Я познакомился с ним, и оказалось, что это по образованию ветеринарный врач».

Когда я встретился с Чжоу Эньлаем, который попросил меня рассказать о сложившемся впечатлении, я его спросил: «Товарищ Чжоу Эньлай, где те инженеры-металлурги, которые учились у нас и окончили институты? Говорят, что они у вас работают на селе, проходят так называемую боевую закалку. А металлургическим заводом у вас управляет человек, который не имеет никакого понятия о металлургии. Если бы у вас не имелось специалистов, такое было бы понятно. У нас тоже в первые годы после революции случалось всякое. Но сейчас вы можете свободно подбирать людей, соответствующих по квалификации делу, на которое они назначаются». Чжоу ничего вразумительного не сумел ответить. Я видел, что он и сам понимает допущенную глупость. Но ведь не он ее выдумал и не он в силах ликвидировать ее.

В других отраслях китайской промышленности тоже создалась неразбериха. Наши специалисты и даже простые рабочие, которые посылались туда налаживать пусковые предприятия, построенные с нашей помощью, стали нам сообщать о невероятных вещах: приходим мы с работы домой, все наши вещи перевернуты, чемоданы подверглись обыску. Обращаемся за разъяснениями, нам заявляют, что такого просто не может быть, видимо, сами не заперли дверей, все отрицают. Ну, тут возникло уже не недоразумение, а недоверие. Что они искали? И что могли найти в чемоданах инженеров или рабочих? Что там могло лежать? Сами не знают, что искали.

Рассказали о таком случае. Наши инженеры помогали китайцам овладеть эксплуатацией ракет и собирали их для передачи китайцам, а по окончании сборки уходили домой. Назавтра видят, что ракета разобрана. Спрашивают: «Кто разобрал ее? Ее не должны были разбирать без нас. Это ведь наши ракеты, мы их сдаем вам». Никто ничего внятно объяснить не смог. Видимо, китайцы решили что-то проверить ночью, подсмотреть секреты (хотя неясно, для чего: ведь мы им передаем все эти ракеты) и для этого разобрали ракету. Однако у них не хватило знаний снова собрать ее[50]. Много еще возникло инцидентов, основанных на недоверии и неуважении к нашим специалистам. Потом начались грубые оскорбления, особенно со стороны выпивших китайцев.

Они обвиняли наших людей, что те – «предельщики». Знакомая нам терминология! В былые годы, на каком-то этапе

развития СССР, у нас тоже ходило такое ругательное слово. Не знаю, насколько оно вообще было разумным. Видимо, и у нас оно было необоснованным и отражало недоверие к инженерно-техническому персоналу. Тогда была сильно развита подозрительность в отношении буржуазных специалистов. Мы ломали их нормы, но не всегда разумно, хотя иной раз поступали правильно. Однако китайцам такого метода уже не рекомендовали. Они сами пришли к нему, повторяя нас. Это их дело. Но все-таки мы им говорили, что такое ведение дела не принесет хороших плодов.

Примерно тогда или немного раньше мы получили тревожную телеграмму от нашего посла из Пекина. В ней говорилось о резком недовольстве китайского руководства действиями Советского Союза. Послом там был Юдин. Сам он философ, и его послали в Китай с особым поручением. Он поехал туда именно как ученый, когда Мао Цзэдун обратился к Сталину с просьбой помочь ему привести в порядок его литературные труды: речи, статьи и пр., так как он хочет их издать. Пусть грамотный марксист просмотрит их и поможет в редактировании этих текстов, с тем чтобы не допустить каких-либо теоретических ошибок. Так и был послан Юдин. Мао всегда считал себя философом, очень любил философские темы и навязывал их всем смертным, с которыми беседовал. Поэтому Сталин решил послать Юдина, чтобы посол мог вести с Мао разговоры на общефилософские темы и одновременно оказался способен помочь ему в редактировании его трудов с подготовкой их к печати.

И при Сталине, и после смерти Сталина мы получали от Юдина телеграммы, в которых он восторженно сообщал о Мао: живут они душа в душу, причем даже не Юдин ездит к Мао, а Мао сам приезжает к Юдину и просиживает у него ночи напролет, занимаясь не столько редактированием, сколько ведя беседы на вольные темы. Юдин просто захлебывался от восторга, описывая эти беседы. Мы радовались этому, потому что чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Нам было приятно, что Мао наладил хорошие контакты с нашим послом. Мы считали, что это свидетельствует о взаимном доверии и способствует еще большему улучшению наших отношений.

В тот же период наши военные обратились в ЦК партии с предложением направить просьбу китайскому правительству разрешить Советскому Союзу построить на юге Китая радиостанцию, которая могла бы поддерживать связь с нашими подводными лодками, патрулирующими в Тихом океане. Мы обсудили вопрос и пришли к выводу, что это предложение

окажется в общих интересах социалистического лагеря. Как раз тогда мы развернули большое строительство подводных лодок на дизельных двигателях и уже приступили к созданию лодок с атомными двигателями. Естественно, нам нужна была прочная связь с подводным флотом, который будет действовать в Тихом океане.

Военные, безусловно, были правы, выбрав подходящую точку, из которой можно было бы наладить такую связь. Но теперь я полагаю, что мы тогда погорячились, преувеличив интернациональные интересы коммунистических партий и социалистических стран. Мы-то считали, что и наш флот, и китайский, и вообще все военные средства социалистических стран служат одной цели: быть готовыми к отпору, если империализм навяжет нам войну. Подводные лодки должны были действовать не только в интересах СССР, но также в интересах Китая и всех братских стран. Поэтому мы полагали, что в строительстве радиостанции Китай заинтересован не меньше, чем мы.

Почему мы хотели сами строить радиостанцию? По тому времени китайцам трудно было бы построить сложное сооружение и в нужные сроки. Военные нажимали на нас, чтобы побыстрее начать строительство. Однако мы недоучли национальные чувства китайского руководства. Мао был задет нашим предложением, было затронуто его национальное чувство, затронут суверенитет Китая. Он считал, видимо, что таким способом мы как-то внедряемся в Китай, и очень бурно отреагировал на наше предложение, хотя сам раньше обращался к нам с просьбой помочь Китаю построить ракетные подводные лодки. СССР направил туда всю документацию. Китайцы выбрали нужную площадку и с помощью наших специалистов развернули строительство таких подлодок. Мы рассматривали это как само собой разумеющееся дело: в общих интересах надо создавать защитные средства и осуществлять эту работу общими усилиями.

Возникали и другие вопросы подобного же характера, когда мы вдруг получили от Юдина тревожную телеграмму. Мы посовещались, и Президиум ЦК КПСС решил, что я должен вылететь в Пекин. Мы известили китайских товарищей и получили от них ответ, что нас примут. Это было в июле 1958 года. Со мной полетели, кажется, маршал Малиновский, потому что должны были обсуждаться военные вопросы, и заместитель министра иностранных дел СССР Кузнецов[51]. Летели мы туда инкогнито, без объявления о поездке в печати.

В Пекине на аэродроме нас встречали Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, другие руководители Китая. Разместили нас в доме для

почетных гостей. Большую часть времени мы проводили у бассейна. Там соорудили навес, где купался Мао и мы вместе с ним. Мы, конечно, не могли соревноваться с ним в плавании на дальность. Ведь Мао «побил» какой-то рекорд, как сообщили в китайской печати. Но о нем мы узнали позже, однако и тогда, сразу же, мы как пловцы «подняли руки» и сдались Мао, признав его первенство. Обычно мы лежали, как тюлени, на теплом песочке или на ковре и беседовали. Потом лезли в воду. Опять вылезали и грелись на солнышке. Беседы протекали у нас в довольно спокойном, дружеском тоне, несмотря на те резкие высказывания Мао, которые были изложены Юдиным в его телеграмме.

Насчет радиостанции Мао сказал: «Мы не можем принять ваше предложение. Китай столько лет все рассматривают как несуверенное государство. Это нарушает наш престиж, бьет по нашей суверенности». Я извинялся, как только мог: «Мы ни в коей степени не хотим нарушать ваш суверенитет или вмешиваться в ваши дела, внедряться в экономику Китая, вообще делать что-либо такое, что нанесет ущерб суверенности Китайской Республики». – «В таком случае предоставьте нам кредит, а мы построим вам радиостанцию». Я ему: «Так это самое лучшее. Пожалуйста, вот вам наше техническое руководство, наши чертежи, наши кредиты, наши поставки оборудования. Одним словом, дадим все, чтобы поскорее соорудить радиостанцию. Стройте!» – «Хорошо, – сказал Мао, – мы согласны».

Казалось бы, мы быстро решили вопрос к обоюдному удовлетворению. Задача, которая ставилась нашими военными, будет выполнена. На деле оказалось все не так. Строительство никак не начиналось, китайцами выдвигались все новые и новые условия, они искали всякие зацепки для проволочки. А после ухудшения наших отношений этот вопрос вообще был снят с повестки дня.

Приступили мы в бассейне к обсуждению и другого вопроса, и тоже о подводном флоте.

Согласно подписанному ранее договору, наши самолеты могли пользоваться аэродромами Китая. Теперь наши моряки поставили задачу о заходе ими в какие-то порты Китая для заправки наших подводных лодок и отдыха экипажей. Берег-то Китая большой, а мы, Советский Союз, находимся как бы на краю его берега, так что военные моряки и тут преследовали свои сугубо деловые цели. Однако китайцы опять выдвинули возражения престижного характера. Мао резко возражал. Я ему: «Товарищ Мао Цзэдун, я вообще тут не понимаю вас, это ведь в наших общих интересах». – «Нет, мы с этим согласиться не

можем, это затрагивает наш суверенитет, мы тоже создаем свой подводный флот». – «Ну, что мы можем сказать? Если говорить о суверенитете, то давайте действовать на основе взаимности. К примеру, если вы хотите иметь свой подводный флот в Северном Ледовитом океане, то мы вам, пожалуйста, предоставим базу на нашей территории, а взамен будем иметь базу наших подводных лодок на берегу Тихого океана, на китайской территории». – «Нет, мы и с этим не согласны. Вооруженные силы всех государств должны быть расположены только на собственной территории. Ваше предложение оскорбляет и задевает нас, мы не можем с ним согласиться». – «Ладно, если так смотрите на дело, мы не хотим настаивать и обойдемся теми возможностями, которые у нас имеются. Станем укреплять дальневосточный флот. Мы хотим его перевооружить и значительно усилить, чтобы наш подводный флот был могучей силой на Тихом океане».

Опять мы затронули чувствительные струны государства, на территории которого долгое время господствовали чужеземные завоеватели. После этого я стал лучше понимать, чем руководствовался Мао в нашем разговоре. Да и вообще зря, видимо, обратились мы к Китаю с таким предложением. Если бы мы заранее знали, что возникнет такая реакция, то ни при каких бы условиях не вылезли с этим предложением, не стали бы создавать для себя трудностей и не обратились бы к Мао с просьбой. Но сделанного не вернешь. Я понимаю, что в подобных вопросах необходима большая щепетильность. Теперь-то я это обстоятельство особенно хорошо понимаю. Нельзя ущемлять национальное достоинство любой страны и любой нации. Существует суверенитет. Поступиться суверенитетом? Об этом можно говорить лишь при полном обоюдном согласии, да и то по возможности лучше избегать этого, если нет крайней необходимости, например опасности войны для договаривающихся сторон. Вообще вопросы суверенитета еще долгое время будут являться предметом разногласий в мире и наносить при их неожиданном всплытии чувствительный ущерб взаимному пониманию между отдельными государствами.

Со своей стороны Мао тоже однажды у бассейна затеял беседу такого характера: «Товарищ Хрущев, давайте подсчитаем сейчас соотношение сил империализма и социализма. Я занялся арифметикой и вычислил: Китай имеет около 700 миллионов населения, следовательно, сможет сформировать столько-то армейских дивизий. Советский Союз имеет 200 миллионов и сможет сформировать столько-то дивизий». Да, существуют известные нормативы, и его арифметика была более или менее правильной. Он прикинул обычным способом, сколько смогут

поставить под ружье все социалистические страны. Затем начал считать, сколько дивизий смогут выставить США, Англия, Франция, прочие натовские страны. Получилось несравненно меньше. «Вот, – говорит, – каково соотношение сил. Поэтому чего нам бояться?»

Такие рассуждения соответствовали его прежней точке зрения, высказанной на международном совещании братских партий в 1957 году, когда Мао заявил, что для Китая потеря 300 млн человек, то есть половины населения, никакой трагедии не представляет. А теперь он опять подбросил тот же вопрос, подкрепляя подсчетами свой тезис, что войны нам не надо бояться. Он прямо не говорил, что вообще не нужно вести борьбу за мир. Но если поразмыслить, то его аргументация сводилась именно к этому. Мао ставил во главу угла не вопрос о мирном сосуществовании, а вопрос подготовки к войне с целью разбить в ней наших противников, какие бы большие потери она ни принесла социалистическим странам.

Я сказал ему: «Товарищ Мао Цзэдун, то, что вы подсчитали, всем известно. Но надо также иметь в виду, что арифметический подсчет был бы справедлив, если бы мы жили в другое время, когда войны велись врукопашную или холодным оружием: пиками, штыками. Раньше было так, что у кого больше дубинок, тот и с перевесом. Теперь же мы живем в иное время. Когда пулемет только-только появился, он сразу несколько уравнял силы; их соотношение затем менялось в пользу той армии, которая имела пулеметы в большем количестве. Когда затем появились танки и самолеты, соотношение сил вообще совершенно изменилось, и побеждал уже не тот, у кого больше населения, а тот, кто обладал лучшей военной промышленностью и мог обеспечить себя новым вооружением. Теперь мы имеем ракеты и ядерное оружие. Мировая война окажется ракетно-ядерной, а ракетно-ядерная война уравнивает все шансы. Одна бомба разметет несколько дивизий. Так что количество дивизий – это сейчас не признак силы, а, грубо говоря, человеческое убойное мясо. Поэтому мы иначе подходим к вопросам войны и не измеряем соотношение сил численностью населения.

Мы сейчас ускоренно развиваем нашу промышленность, особенно атомную и ракетную, с тем чтобы СССР не был застигнут врасплох. Мы должны иметь достаточное количество таких новейших средств, которыми, безусловно, противник будет вооружен. Наш вероятный противник – высокоорганизованный, с очень мощной промышленностью и обладающий высоким техническим уровнем». – «Нет, я все-таки считаю, что вы ошибаетесь. В соотношении сил решающей по-прежнему является

численность населения». В данном вопросе никакими средствами не удалось нам прийти к общему мнению. Он высказывал свою точку зрения, я – свою. Далее мы не стали повторяться, потому что это ни к чему бы не привело.

Мао затронул и еще одну проблему. В свое время мы опубликовали в печати заявление министра обороны СССР Жукова. Международная ситуация потребовала тогда от нас заявления во имя защиты социалистических стран. Мы подготовили такое заявление и поручили товарищу Жукову выступить с ним. Идея заявления заключалась в предупреждении империалистического лагеря насчет того, что если он нападет на одну из социалистических стран, то Советский Союз не останется нейтральным, а нанесет ответный удар по агрессору всеми возможными средствами, которыми располагают наши Вооруженные силы. Мао, сославшись теперь на выступление Жукова, сказал, что считает это выступление неправильным. Я спросил его почему? Это ведь была не личная точка зрения Жукова, а мнение нашего Центрального Комитета партии. Как раз тогда сложились напряженные отношения между Китаем и США. «Наша твердая позиция сдержит империалистов. Они будут знать, что нападение на одного из наших союзников, Китай ли это будет или Албания, не останется безнаказанным. Причем заявление Жукова касалось тогда прежде всего Германской Демократической Республики, которая граничит с капиталистическим миром».

«Неверно, – говорит Мао, – это не так». И начал развивать свою точку зрения, которая сводилась к следующему: «Если нападут на Китай, вы не ввязывайтесь в войну. Мы будем сами воевать, хоть 10, хоть 20 лет. У нас народу много, и мы имеем обширную территорию. Если противник ввяжется в войну с нами, то он из нее добром не выйдет. Мы сами справимся и разобьем его. Ни одной стране не удастся победить нас. Японцы воевали с Китаем многие годы, а что от их агрессии осталось? Враги разрушат нашу экономику? Ну и пусть. Самое важное, чтобы был сохранен Советский Союз. Если СССР останется и будет развиваться дальше как социалистическая страна, то все потом встанет на свои места. Китай расправится с противником и с вашей помощью восстановит свою экономику. Поэтому вообще не надо подвергать опасности войны с империалистическим лагерем Советский Союз». Вот как он повернул: вроде бы Китай готов принести себя в жертву, чтобы первая социалистическая страна мира, Советский Союз, сохранила себя.

Я говорю: «Если мы будем так относиться к своему интернациональному долгу и предоставим каждой стране

опираться только на свои силы, то противник поодиночке расправится с нами. Такая позиция поощряет агрессию, а не сдерживает. Поэтому мы считаем, что наше заявление следовало сделать, и мы будем придерживаться его в своей политике. Это формулировка не министра обороны, а нашего правительства, нашего Центрального Комитета партии». – «Неверная формулировка», – отвечает Мао. На этом обсуждение проблемы закончилось, каждый остался при своем мнении. При следующей встрече продолжалась беседа на военные темы. Здесь она носила другой характер, и высказывания Мао, я бы сказал, стали противоположными. Тем не менее они имели общие корни с предыдущими:

«Я думал о нашем прошлом разговоре и пришел к выводу, что если состоится нападение на Советский Союз, то я рекомендовал бы вам не давать отпора». Я сразу насторожился: как? Происходит нападение империалистических держав на СССР, а мы им не должны давать отпор? «И что же получится?» – «Вы постепенно отходите, отступайте год, два, три. Растягивайте коммуникации своего противника и тем самым будете ослаблять его. Потом мы общими силами набросимся на него и разобьем». Я сказал ему: «Даже не знаю, как вам ответить. Для нас совершенно немыслимо такое понимание дела. Год отходить? Да год вообще вряд ли будет продолжаться следующая мировая война. Она окажется скоротечной». Мао продолжил: «Но вы же отступали до Сталинграда? Вы целых два года отступали, так почему же теперь вы не сможете отступать три года? Если тогда вы отступили до Сталинграда, то теперь отступите до Урала, до Сибири, а дальше в вашем тылу стоит Китай. Мы используем свои ресурсы, свою территорию и, безусловно, разобьем противника». Я ответил: «Нет, мы придерживаемся другой позиции, позиции немедленного отпора, и в случае агрессии такой отпор будет дан всеми средствами, которыми мы располагаем. Мы сейчас обладаем большими силами, большими техническими возможностями и с каждым годом наращиваем их. Неизбежность ответного удара заставит противника не раз подумать, прежде чем решиться на агрессию против нас. А может быть, агрессия будет вообще исключена». – «Нет, – говорит он опять, – я считаю этот тезис неправильным».

Позднее я много раздумывал, на чем основаны его взгляды? Не знаю, как можно охарактеризовать подобные позиции и рассуждения. У меня вызывало удивление, как это Мао может так мыслить, и я не мог дать себе ответа. Если предположить, что это с его стороны провокация, то не думаю, чтобы Мао пошел на столь грубую и глупую провокацию. Не такие уж мы наивные. Он

никак не мог допустить, что мы согласимся. Если же он сам верил в здравость своих рассуждений насчет военной стратегии, то трудно предположить, что умный человек в состоянии так мыслить. Это для меня и сейчас остается сплошной загадкой. Так я и не знаю, что там было – недомыслие или провокация? Однако такой разговор состоялся, и я полностью отвечаю за точность передачи мною выражений Мао и моих ответов, без всякого утрирования, без всякого передергивания. Боже упаси, зачем? У нас и так достаточно забот с Китаем, и я не хотел бы их увеличивать. Наоборот!

В такой обстановке недалекие люди могут сказать: «Мы много сделали для Китая, а он встал на путь вражды с Советским Союзом». Что же, но в этом виноваты не мы. Даже при той ситуации, которая сейчас сложилась у Советского Союза с Китаем и, казалось бы, наглядно доказывает, что не следовало бы нести таких затрат, я считаю нашу политику правильной. Мы так действовали, чтобы поднять экономику Китая и укрепить ее на пути строительства социализма. Мы искренне помогали, с тем чтобы наш друг также развивался, строил свое хозяйство и укреплял свою независимость, как это сделали мы после Октябрьской революции. Но получили обратное. Все возможно ожидать от людей. Мао Цзэдун, безусловно, проводит неправильную политику. Но я глубоко уверен, что наша дружба оставила глубокий след в сознании китайского народа. Как говорится, Мао Цзэдуны приходят и уходят, а народ Китая остается. Придет время, когда не будет Мао Цзэдуна, не будет и его последователей, а то здоровое, полезное семя, которое посеяно нами в Китае, прорастет и будет развиваться. Так что это не брошенные затраты, не бросовые материальные средства, которыми Советский Союз поступился в пользу китайского народа.

Когда-нибудь я помру, и если человек может думать после смерти, то я думал бы о том счастливом времени, когда опять восстановятся братские отношения между народами Советского Союза и Китая, вообще между всеми народами социалистических стран.

Дальнейшее ухудшение отношений с Китаем

В 1959 году президент США Эйзенхауэр пригласил меня прибыть в Вашингтон с официальным визитом. Мы приняли приглашение, и той же осенью я вылетел в Вашингтон. Между тем наши отношения с Китаем все ухудшались и ухудшались, но разногласия еще не вышли за рамки внутренних переговоров между руководством двух стран и пока не выносились в печать. И вдруг Китай начал агрессивные действия против Индии. У нас с Индией существовали наилучшие отношения. Мы высоко ценили руководителя индийских народов, главу правительства господина Неру[52] и его соратников, которые придерживались курса на укрепление дружеских отношений с СССР.

Наша делегация побывала в Индии, мы познакомились с этой страной. Конечно, короткого визита было явно недостаточно, чтобы как следует ознакомиться с такой великой державой, как Индия, и ее народами. Но все же мы получили более конкретное представление об этой замечательной стране, чем до нашей поездки. А главное, получше узнали Неру и его соратников.

Китайцы в принципе тоже дружественно относились к Индии. Они проявили совместную инициативу при созыве Бандунгской конференции[53]. На ней большую роль сыграл Чжоу Эньлай. Выработанная там декларация импонировала нашему, советскому, пониманию сложившейся обстановки в мире призывом к мирному сосуществованию и сулила надежды, в частности, на укрепление дружеских связей Китая с Индией. По международным вопросам у них складывалась общая точка зрения. Ничто как будто бы не предвещало нарушения их дружбы. Мы радовались этому и сами тоже стремились идти в том же направлении, укрепляя контакты с обеими странами. А после нашей поездки в Индию наши контакты с Неру стали еще больше укрепляться.

Неру тоже приезжал в СССР и произвел на нас очень хорошее впечатление. Конечно, он был не коммунистом, а буржуазно-либеральным деятелем и демократом, обладавшим собственными политическими взглядами. Мы понимали, что хотя он не марксист и не сторонник советской государственной системы, однако хочет добра своему народу и устройства жизни Индии на демократических основах. Тогда о социализме он говорил еще довольно глухо, и нам трудно было понять, какой вообще социализм он имеет в виду. Ведь термин «социализм» довольно

затаскан. Его на вооружение брал даже Гитлер. Пока не было ясно, в каком стратегическом направлении станет развиваться Индия. Мы считали, что нам надо проявить терпение и не форсировать эту тему в ходе бесед. Пусть жизнь сама заставит Неру встать на правильную позицию, которая устраивала бы запросы народных масс. Конечно, мы всемерно содействовали на практике тому, чтобы Индия стала именно на социалистический путь развития. К тому же у нас сложились хорошие отношения с Коммунистической партией Индии, которую тогда возглавлял товарищ Гхош[54].

Но вот возник индийско-китайский конфликт[55]. Потом он развернулся очень широко, с участием больших военных сил, взаимными потерями и захватами спорной территории. В китайской печати поносили Неру как противника социализма и как врага Китая номер один. Китайцы умеют это подать публично, чтобы приковать внимание к тому, кого они осуждают. Мы не разделяли их точку зрения, а наша печать проявляла сдержанность, заняв такую позицию: дескать, разразился неожиданный конфликт между народами дружественной нам Индии и братского Китая. Именно такие употреблялись слова: дружественная Индия и братский Китай. Мы показывали тем самым, что Китай нам ближе. Так ведь, по существу, и было: Китай действительно стоял ближе к нам по идеологии, по целям развития в сторону социализма и коммунизма. Индия таких целей во времена Неру не провозглашала. Поэтому соответственно мы и разделяли словесно две страны.

Бои в районе их границы нарастали. Мое возвращение в Москву из Вашингтона как раз совпало с национальными торжествами по случаю 10-летнего юбилея провозглашения КНР. Туда должна была отправиться наша делегация. Члены Президиума ЦК КПСС высказались в том смысле, что возглавить ее должен я. Имелось в виду, что при намечавшемся быстром ухудшении наших отношений с Китаем, если не поехать туда мне как лицу, занимающему самое высокое положение в нашей партии, Пекин может расценить это как принижение роли государственного праздника и места Китая в международном коммунистическом движении. «Поэтому, – сказали мне товарищи, – несмотря на то, что вы только что вернулись из Вашингтона, придется вам набраться сил и полететь в Китай, чтобы представлять там советскую страну и ее коммунистическую партию, а заодно (это-то и было главным) провести с его руководством соответствующие беседы».

Война на границе Индии бушевала, нам обязательно нужно было высказать свое отношение к происходящим там событиям.

В Москве было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось, что мы сожалеем о военном конфликте между братским Китаем и дружественной Индией и надеемся, что с той и другой стороны будут приложены усилия к прекращению военных действий и восстановлению прежних отношений. Когда я появился в Пекине, китайские руководители внешне проявляли ко мне всяческое внимание. Но я чувствовал, что их распирает недовольство политической линией СССР и моей лично. Начались наши встречи. Китайцы всегда отводили в ходе беседы роль основного оппонента какому-то одному лицу, то есть не все разговаривали со мною, иные сидели молча. Мао обычно не брал на себя неприятных разговоров и поручал вести их кому-либо еще. Так, в свое время о выделении средств СССР на строительство железной дороги через Синьцзян с нами говорил Чжоу Эньлай. Ему же Мао поручил вести переговоры о бесплатной передаче Китаю артиллерии Порт-Артура. Чжоу вел беседы очень вежливо, в утонченной дипломатической манере, никогда не допускал грубых слов в отношении не только собеседников, но и третьих лиц.

Иначе держал себя Чэнь И[56], министр иностранных дел. Не знаю, то ли это была его характерная особенность, или же ему это требовалось по политическим соображениям, но он проявлял себя как острый в выражениях, грубый по манере держать себя и угловатый в поведении человек. Такой вывод о нем я сделал на основе конкретного разговора с Чэнь И по проблеме индийско-китайского конфликта. Вот в какой форме протекал наш разговор. «Почему, – сразу сказал он, – вы опубликовали заявление такого содержания через ТАСС? Ведь Неру – это такой, сякой» (и начал всячески поносить его). Сейчас не смогу восстановить бранный лексикон министра. Да этого и не нужно. Чэнь И допускал всевозможные унизительные выражения, вплоть до личных оскорблений Неру. Давая ему политическую характеристику, он заявил, что Неру – самый отъявленный враг социализма и агент американского империализма; что дальнейшего прогрессивного развития Индии не произойдет, пока не будет оттуда изгнан или даже уничтожен Неру.

Конечно, мы никак не могли согласиться с такой оценкой социальной роли Неру и его личности. Я доказывал, что у нас другая точка зрения, что мы иначе относимся к господину Неру и считаем, что из всех буржуазных деятелей Индии он как раз самый прогрессивный человек, который проводит антиимпериалистическую политику и не заключал никаких антинародных договоров с США, в то время как сосед Индии Пакистан заключил с США военный союз[57]. Поэтому у нас нет

оснований отталкивать от себя Неру. Наоборот, нам нужно укреплять позиции Неру в Индии, потому что если там будет свергнут Неру, то к власти придут реакционные силы, которые могут повернуть политику Индии в сторону сближения с империализмом, а это невыгодно и СССР, и Китаю. Я сказал также, что мы не понимаем причин нынешнего военного конфликта двух стран: районы, за которые идет война, слабо населены, лежат высоко в горах и вообще неизвестно, представляют ли они какую-либо ценность. Вопрос о них следует решать мирным способом.

Далее я приводил различные примеры решения пограничных вопросов с несоциалистическими странами, окружающими Советский Союз, еще во времена Ленина. Так, Ленин быстро решил пограничный спор с Турцией[58], уступив ей довольно обширные территории, которые занимали русские войска после первой мировой войны. Эти районы населены армянами. У Армении на ее знамени герб с изображением горы Арарат, а Арарат сейчас находится на турецкой территории. Турки даже предъявляли нам претензии, почему это Армения изобразила на своем гербе Арарат: это притязания на турецкую территорию? Туркам ответили: а почему они на своем знамени изображают полумесяц? Ведь месяц даже наполовину не принадлежит Турции. Вы что же, хотите подчинить себе Вселенную и избрали поэтому эмблемой Луну? Спор иссяк, Стамбул снял свои претензии. Потом я привел и другие примеры. Как раз в то время мы закончили переговоры об уточнении границы с Ираном[59], опять пошли на значительные уступки и разрешили территориальный спор на базе взаимности, сняв, к нашей радости, дискуссию, которая длилась в течение многих лет. «Зачем же Китаю нужно вести войну по пограничным вопросам? Мы этого не понимаем».

Но Чэнь И, как заведенный, вновь и вновь твердил: «Неру, Неру, Неру! Индия проводит империалистическую политику! Китайцы будут вести войну, пока не разгромят армию Индии…» Мы были очень обеспокоены таким заявлением. Нужно также вспомнить, что перед тем произошли неприятные для Китая события в Тибете. Там вспыхнуло восстание[60]. Силы китайцев в Тибете были сначала небольшими, а тибетцы хорошо проявили себя в ходе борьбы и даже временно захватили власть. Индия заняла тогда антикитайскую и противотибетскую позицию. Она хотя и не прямо, но довольно явно выражала симпатии тибетцам. Я говорил китайским товарищам, что следует отнестись к этому факту терпимо и с пониманием. Ведь Неру политически трудно поддерживать Китай в тибетском деле. Надо иметь в виду, что Тибет граничит с Индией, которой более выгоден независимый

Тибет, слабая страна, не представляющая никакой угрозы для Индии. Китайский же Тибет мозолит ей глаза.

Хотя мы были целиком на стороне Китая, но я апеллировал к разуму Пекина, призывал понять, что Неру не коммунист и не сочувствует нашим конечным стремлениям, поэтому трудно себе представить, что он окажется на стороне Китая в его борьбе против восставших тибетцев. Но тщетно, со мною не соглашались. Так шли переговоры. А как встречали нашу делегацию? Тут полностью проявился «восточный стиль». Встреча была очень любезной, беседы за обедом тоже самые любезные. Переговоры же проходили в большой напряженности и даже с обостренностью, что, однако, не отразилось на проводах. Провожать нас на аэродром приехали и Мао Цзэдун, и Лю Шаоци, и Чжоу Эньлай, и Чжу Дэ[61], и Чэнь И. На аэродроме Чэнь И продолжил свои нападки на Индию и Неру, советских руководителей они тогда еще не трогали. Остальные присутствовавшие практически молчали, только изредка вставляли реплики. Пару раз в поддержку Чэнь И высказался Мао. Разговор велся резче, чем прежде, Чэнь И уже не выбирал выражений.

Как же в дальнейшем развивались военные действия Китая против Индии? Китайская армия была лучше вооружена и более дисциплинированна, прошла недавно серьезную школу войны. Ничего этого не было у индийцев. Естественно, они терпели довольно крупные поражения. Как конкретно протекали там боевые действия и чем закончились, я сейчас не стану говорить, это известно из газет, да и я тоже пользовался практически почти теми же сведениями, что и вся мировая общественность. Хочу остановиться в этой связи только на одном еще аспекте. Военный конфликт породил большие трудности для индийской передовой общественности, поставил в тяжелое положение компартию Индии, которая по проблеме отношения к войне с Китаем просто раскололась. Большинство партии пошло за Гхошем, который стоял за оборону отечества и поддерживал действия Неру, но часть довольно хороших коммунистов, членов ЦК партии, которых я лично знал и с уважением относился к ним, заняла прокитайскую позицию, высказываясь за поражение индийской армии. Пекин же развил энергичную агитационную кампанию против большинства КПИ, тем самым против КПСС, которая занимала сходную позицию прекращения войны без чьей-либо победы или конечного поражения. В конце концов война так и закончилась.

В скором времени возник вопрос и о нашей границе с Китаем. Там существовала граница, установленная еще до победы Китайской революции 1949 г., и мы ее строго придерживались. Со

стороны Китая граница сначала не охранялась, а с нашей стороны находились пограничные войска. Правда, у нас охрана этой границы тоже была довольно условной. Китайские скотоводы часто перегоняли свой скот через границу для выпаса на советской территории. Они это делали издавна. А мы никогда не заявляли каких-либо претензий или тем более протестов по данному поводу. Кажется, существовала даже некая договоренность о том, что в каких-то местах китайские граждане могут пасти свой скот на нашей приграничной территории. К этому же вопросу тесно примыкает проблема взаимоотношений Китая с Монголией[62]. На ней я тоже хотел бы остановиться. Эта проблема была поставлена на одной из встреч представителей Советского Союза и Китая. Китайскую сторону возглавлял Мао Цзэдун, а вопрос нам задал Чжоу Эньлай. Мы, естественно, понимали, что Чжоу говорит то, что ему продиктовал Мао.

Чжоу поставил вопрос якобы дипломатично: «Как вы смотрите на то, чтобы Монголия вошла в состав Китайского государства?» Я ему возразил: «Вы ставите вопрос, на который очень трудно ответить. Он касается Монгольской Народной Республики и Китая. Поэтому вам следовало адресоваться к монгольским товарищам. Нас это не касается, мы здесь третья сторона». Видимо, китайцы предвидели такой ответ, ибо Чжоу тут же сказал: «Хорошо. А каково ваше личное мнение? Что вы сами думаете на этот счет?» Отвечаю: «Наше отношение к делу зависит от того, как посмотрит на него Улан-Батор. Но думается, что вряд ли такое предложение обрадует монголов. Уж сколько лет МНР существует как независимое государство, имеет свое правительство, армию, парламент. Для них сейчас войти в состав Китая – значит попросту лишиться независимости. Вряд ли это может им улыбаться. Кроме того, сейчас Монголия накануне вступления в Организацию Объединенных Наций. Многие страны имеют с ней дипломатические отношения. И всего этого Монголия должна лишиться? Зачем? Полагаю, что ваше предложение создаст трудности для руководителей Монголии. Но за них вообще-то я говорить не хочу, ибо не знаю, что они скажут». На этом данный вопрос был исчерпан, больше к нему китайцы не возвращались.

Когда наши отношения с Китаем еще более ухудшились, Пекин предъявил нам ряд территориальных претензий, а также обвинил нас в захвате территорий европейских социалистических стран. Китайцы вытащили из-под спуда вопрос о том, что Советский Союз, дескать, опять присоединил к себе земли, которые входили в состав России до первой мировой войны, то есть часть Польши, Бессарабию и прибалтийские государства.

Одним словом, советское правительство проводит, как китайцы потом изощрялись по радио, внешнюю политику царского правительства, политику захвата чужих земель.

Считаю, что на этот счет было дано достаточно разумных разъяснений со стороны Советского правительства. Его политика была абсолютно правильной. Если сейчас аннулировать исторически сложившиеся границы, не признавая законности обладания территориями, которые перешли по наследству от императорских, царских или королевских правительств к социалистическим правительствам наших братских стран, и начать отыскивать этнические границы, влезая в места расселения народов в далеком прошлом, то мы запутаемся, перессоримся и все-таки вряд ли сумеем разумно решить эту проблему. Ведь целые народы, которые сейчас имеют свои государства, должны будут лишиться своих территорий, потому что они пришли сюда и расселились на земле, которая их далеким предкам не принадлежала. Когда-то и откуда-то пришли все эти люди, теперь тут живут. Так не выгонять же их сейчас на Луну? Эта теория пересмотра границ несостоятельна, не преследует разумных целей и вытаскивается на свет, чтобы рассорить народы, замутить воду и в мутной воде вылавливать жертвы для проведения агрессивной политики в отношении братских социалистических стран. Это порочная линия. К сожалению, Китай продолжает ее проводить.

Монголия сама решила уточнить свою границу с Китаем. Это тоже сложный вопрос, потому что монгольская земля состоит из двух частей. На территории МНР монголы создали свое независимое государство, а другая часть монголов осталась жить в границах Китая. Та земля называется Внутренней Монголией, поскольку она находится внутри, между МНР и немонгольской территорией Китая. Как тут проводить границу? Здесь будет трудно искать этнические или исторические межи, потому что нынешняя граница разрезала по-живому тело монгольского народа и древнюю территорию Монгольского государства. Итак, Монголия обменялась с Китаем картами, начались переговоры. Прямо нужно сказать, что я был приятно поражен тем, как быстро решались спорные вопросы, причем китайцы не особенно упорствовали в пользу своих первоначальных предложений. Вскоре обе стороны пришли к обоюдному соглашению и наметили уточненные границы, которые устраивали и Монгольскую Народную Республику, и Китай. Они подписали на этот счет договор и установили ту твердую границу, которую официально признали оба государства.

Тот же вопрос возник и у нас. К этому времени китайская

печать начала ставить под сомнение давно установившуюся советско-китайскую границу. В беседах с нашими советниками пекинское руководство просто враждебно заявило, что русские захватили у Китая Дальний Восток и другие прилегающие территории. Мы хотели ликвидировать подобные разговоры раз и навсегда, договорившись с Пекином по всем пограничным вопросам. Между нами возникли некоторые недоразумения относительно границы по реке Уссури и другим рекам. Как известно, реки со временем меняют свои русла, образуя острова. Согласно договору, который был подписан с Китаем царским правительством, граница проходила по китайскому берегу реки, а не по фарватеру, как это обычно принято в международной практике. Таким образом, если образовывались новые острова, то они считались российскими. Правда, на некоторых островах мы признавали де-факто интересы китайского населения. Оно там собирало дрова, пасло скот. Мы по-братски, с пониманием относились к таким бытовым нуждам, и наши пограничники как бы «спустя рукава» взирали в этих случаях на нарушение границы.

Потом положение обострилось. Китайцы стали обстреливать наши пограничные катера. Имели место столкновения наших пограничников с китайскими «крестьянами», о которых пограничное начальство докладывало, что это были вовсе не крестьяне, а китайские пограничники, переодетые в гражданскую одежду. Они, что называется, брали наших «за грудки» и угрожали им оружием. Наши же пограничники, нужно отдать им должное, вели себя очень дисциплинированно и строго выполняли инструкции: ни при каких условиях не позволить спровоцировать себя на вооруженный конфликт. Поэтому кончались эти столкновения вначале почти мирно: люди трясли друг друга за одежду, обрывая пуговицы, а иногда даже доходило до мордобоя, но оружие в ход не пускалось.

Мы официально обратились в Пекин: «Давайте договоримся. Зачем нам сталкивать наших пограничников в ожидании возникновения крупного конфликта, который будет вреден для обеих стран?» Не помню, как долго велась переписка, но Китай ответил согласием на встречу. Мы организовали правительственную комиссию и предложили Китаю выбрать место встречи. Китайцы предложили, чтобы встреча состоялась на их территории, мы согласились. Развернулись переговоры. Сначала Пекин в устной форме изложил свои территориальные претензии. Они требовали отдать Китаю Владивосток и довольно обширную территорию советских среднеазиатских республик. Мы, конечно, никак не могли такого принять или хотя бы взять за

основу для ведения переговоров. Наша сторона представила свое объяснение дела и толкование сложившихся границ. В результате договорились, что обе стороны представляют свои карты с предложениями об изменении существующих границ. У нас уже была подработана такая карта, правительство рассмотрело ее и поручило уполномоченному лицу передать ее в Пекин. Китайцы тоже передали свой вариант.

Когда мы взглянули на китайскую карту, то там уже не значился в качестве китайского Владивосток, эта претензия была молчком снята. Но были обозначены какие-то острова на пограничных реках, на которые претендовал Китай, а главным являлось требование, чтобы граница по рекам проходила не по китайскому берегу, а по фарватеру. Мы с этим согласились, потому что в мировой практике чаще всего проводят границы именно по фарватеру пограничной реки. Вообще при решении спорных вопросов с Китаем мы старались опираться на мировую практику. В итоге мы согласились на передачу Китаю большинства тех островов, на которые он претендовал, после чего между нами не осталось практически спорных вопросов по границе, разделяющей Китай и СССР, за исключением единственного: Пекин настаивал, чтобы китайские пароходы могли пользоваться основным руслом Амура в районе Хабаровска; по старому же договору с Россией[63] они имели право плавать только по прилегающей к китайскому берегу протоке. Теперь Пекин требовал права ходить буквально у стен Хабаровска. Мы хотели сохранить старое соглашение, потому что наши отношения были напряженными, и мы не желали подпускать недружелюбно настроенных людей к такому важному пункту. Китайцы с нами не согласились, и этот параграф остался вне договоренности.

Касательно линии остальной границы (а она превышает в длину две тысячи километров, причем сухопутная во многих местах тянется по горам, где бродят только охотники) мы, рассмотрев все претензии Китая, предложили нашей делегации придерживаться средней позиции. Спорные участки были небольшими и не представляли особой ценности ни для нас, ни, на наш взгляд, для Китая. Вот мы и хотели, применив линейку, просто разрезать их пополам: где-то нам поступиться в пользу Китая, а где-то срезать выступы в нашу пользу. В таком случае получилась бы не буквальная компенсация, а спрямление границы. Конечно, по линейке на местности границу не проведешь, потому что граница существует не для птиц, которые перелетают ее. Граница в идеале должна проходить по местам, доступным для пограничников, так что разделительную линию

следовало, конечно, уточнить конкретно уже на местности. Мы исходили из того, что лучше из-за пустяков не дразнить гусей, а прийти к полюбовному соглашению. Нам казалось, что здесь, как говорится, кладется плюс на минус: уступка за наш счет в одном случае и уступка с китайской стороны – в другом случае. Мы надеялись, что теперь будет найдено общее решение, не наносящее ущерба ни престижу, ни основной территории обеих сторон.

Наша делегация изложила такую позицию Советского правительства. Но Пекин не принял наших предложений и настаивал на том, чтобы все вопросы были решены только так, как указано на китайской карте. Главным препятствием к подписанию договора о границах теперь служил уже не отказ китайцев принять наши предложения, а другое. В конце концов мы были готовы пойти на принятие их новых предложений, чтобы навсегда закрыть спорные вопросы. Главное заключалось в том, что Пекин требовал признать в тексте договора, что советско-китайская граница была установлена на неравноправных условиях, когда Китай был слаб и царское правительство навязало ему силой такую границу, какая была выгодна России. Требование зафиксировать в договоре, что граница сложилась на неравноправной основе, совершенно неприемлемо для любого суверенного государства. Ведь прежние русско-китайские договоры были подписаны той и другой стороной, одни – столетиями, другие – десятилетиями ранее. Если согласиться с Пекином, то надо отказаться от всех территорий, полученных ранее Россией, и китайской справедливости ради отдать неравноправные приобретения. Пекином вопрос был поставлен дыбом, да и сейчас он стоит таким же образом.

Когда мы увидели, что договориться не удастся и нам могут предъявить новые претензии, мы честно и прямо заявили, что территория, на которую претендует Китай, никогда исторически не была китайской. Когда-то Китай имел там своих людей, которые, опираясь на насилие, собирали дань с местного населения, и поэтому Пекин теперь считает эти земли китайскими. Но жили-то там и живут вовсе не китайцы, а казахи, таджики, киргизы, другие среднеазиатские, сибирские и дальневосточные народы. В Приморье китайцы имели лишь отдельные поселения, пытаясь колонизировать этот край. Главным образом то были охотники и торговцы. Они пользовались теми же правами, что и русские, которые проникли туда позже и постепенно экономически вытеснили китайцев, а политическое присоединение Приморья к России произошло давно[64]. Любая попытка пересматривать сейчас исторически

сложившиеся границы, подвергать их сомнению и пытаться их переделывать безнадежна и не вызовет улучшения отношений между государствами. Нельзя решать никакие споры между государствами на такой основе.

Наша делегация вернулась из Китая без договоренности. Следующее заседание должно было состояться в СССР. Наше правительство рассмотрело все, что требовалось, и дало соответствующие указания нашей делегации. Ее возглавлял командующий погранвойсками СССР[65]. На меня он производил хорошее впечатление как спокойный и разумный человек. С полным пониманием дела он мог вести предстоявшие переговоры. Затем мы обратились к Китаю, чтобы узнать, когда делегации сумеют встретиться. Но Пекин вообще нам не ответил. До конца моей государственной и партийной деятельности СССР так и не получил ответа. Как развиваются соответствующие события сейчас, я знаю только по газетам. Из них видно, что советская позиция ясна и принципиально ни в чем не изменилась, а правительство СССР проводит в этом вопросе ту же линию, которую проводило при мне.

Добавлю, что наиболее скользким вопросом оставалась проблема Памира. Статус Памира не был предусмотрен никакими договорами между царским правительством и Китаем. Вот и возникла проблема. Мы дали директиву нашей делегации разъяснить, что Памир исторически заселен таджиками и по праву должен принадлежать им. Никаких китайцев там нет сейчас и не было раньше. Значит, о чем вдруг возникла речь? Граница там должна оставаться такой, как она исторически сложилась. Как отреагировали китайцы на это разъяснение, я не могу сказать, потому что в мою бытность главой правительства наших встреч больше не было.

Сейчас нашей делегацией, которую возглавляет Кузнецов[66], опять ведутся переговоры. Как они протекают и какие претензии предъявляются Пекином, не знаю. А по высказываниям китайской печати видно, что Пекин продолжает недружественную в отношении СССР политику, как и прежде, когда я возглавлял Советское правительство. Очень жаль! Но я верю, что придет все-таки время (хотя мне и неизвестно, когда придет), и китайские руководители поймут необходимость сплочения социалистических стран и коммунистических партий в интересах своих народов, борьбы за мир, за социализм на Земле. Тогда на разумной основе ликвидируется конфликт, и обе стороны начнут делать все, чтобы укрепить общую дружбу, двигаться совместными усилиями к цели, которая была поставлена Марксом и Лениным, к коммунизму.

Говоря об истории наших отношений с Китаем, я касался главным образом государственных вопросов. Но межгосударственные споры не могли не затрагивать и межпартийных вопросов. Хотел бы привести в этой связи некоторые факты, характеризующие развитие отношений КПК с КПСС, другими братскими партиями. Если после Бандунгской конференции Китай выступал в едином ряду борцов за мир, за мирное сосуществование стран с различными социальными системами, то со временем стал обособлять свою политику и в конце концов дошел до того, что начал подрывать само это движение. Как известно, в борьбе за мир участвуют люди разных социальных слоев, разных религий, различного имущественного положения. Они объединились во имя одного стремления – обеспечить мир между народами. В своей деятельности я неотступно следовал этому положению и насколько хватало сил пропагандировал его, верил и сейчас верю, что такая политика соответствует интересам народов как социалистических, так и капиталистических стран.

Китай еще в 50-е годы начал постепенно торпедировать это движение, не соглашался с тезисом мирного сосуществования, заявляя, что оно ведет к буржуазному пацифизму и ослабляет революционные порывы народов изменить состояние дел в мире; что только резко активные действия против капитализма могут способствовать переходу к социализму; что надо гораздо интенсивнее вести революционную работу, не отвлекаясь на борьбу за мир, которая разоружает и ослабляет народные массы. Пекин выступал и против участия в этом движении представителей буржуазии, заявляя, что союз с ними есть предательство интересов рабочего класса. Мы же считаем неразумным ослаблять столь важное движение, отталкивая от себя людей, которые верят нам и делают все для того, чтобы обеспечить мир на Земле. Например, Сайрус Итон[67] – крупнейший капиталист, металлургический магнат, но разумный человек, который искренне выступает за мир, за мирное сосуществование между США и Советским Союзом. Зачем нам отталкивать его? Потому что он капиталист? Глупость. Многие религиозные деятели, занимающие высокое положение, также стоят на позиции мирного сосуществования. И мы тоже считали неразумным отталкивать их от себя.

В связи с этим хочу напомнить о замечательном человеке, французском канонике Кире[68]. Сейчас он уже умер. Когда я ездил во Францию, то беседовал с ним. Этот человек в свое время многое сделал для организации борьбы патриотов против фашистских оккупантов, потом до конца своей жизни был предан

делу борьбы за мир. Как можно отталкивать таких людей? Наоборот, надо мобилизовать все эти силы, чтобы они работали в том же направлении, что и коммунисты, и боролись за обеспечение мира на Земле, за лучшее социальное переустройство. Революционные же преобразования и изменение социально-политического строя – это внутренний вопрос каждой страны, и его решения нужно добиваться не путем войны, а путем организации рабочего класса, который в союзе с крестьянством и интеллигенцией будет стремиться к победе марксистско-ленинских идей переустройства общества. Мы этому и служили.

Пекин же все делал, чтобы подорвать единство в борьбе за мир, сколачивал фракционные группировки, создавал всяческие трудности на заседаниях мирных представителей разных стран, срывал принятие единых решений. Внутри Китая тоже велась большая работа по дискредитации политики СССР в целом, советских специалистов в Китае в частности. В результате возникли условия, в которых наши специалисты не могли уже нормально там работать. Им не доверяли, над ними буквально издевались. И мы решили, что дальнейшее пребывание наших специалистов в Китае не способствует улучшению отношений между нашими странами. Мы-то преследовали цель оказать всемерную экономическую помощь развитию науки и техники Китая, а это все теперь оборачивалось против нас: нарочито порочили наши технические предложения, наши станки, наше оборудование. В Китае трудилось довольно много наших людей. Им были созданы невыносимые условия жизни и работы. Поэтому перед нами встал вопрос, как быть? Ведь мы, даже в ущерб самому Советскому государству, посылали туда лучших специалистов и отличных рабочих, лишая себя самого хорошего, что было подготовлено в отечественной промышленности и сельском хозяйстве. А теперь, вместо того чтобы ценить нашу дружескую помощь, прежние друзья оборачивали это против нас, дискредитировали нас и оскорбляли наших товарищей.

В принятии решения об отзыве специалистов сыграл свою роль и такой случай. В то время возникли разногласия Китая с Северным Вьетнамом[69]. Китайцы после этого отозвали оттуда всех своих специалистов. А теперь мы оказались в положении, когда пребывание наших людей в Китае не достигало той цели, во имя которой их туда послали. Исчез иной выход из ситуации, кроме возвращения этих людей на Родину. Когда же мы их отозвали, китайцы начали громко возмущаться и разыгрывать роль перед коммунистами братских партий, что вот, мол, СССР пошел на такую акцию и лишил Китай помощи. На такую пропаганду в Пекине имеются умельцы. Но, безусловно, и я это

подчеркиваю всегда, когда я говорю «китайцы», это ни в какой степени не относится к народу в целом. Китайцы в своей массе дружелюбные и очень трудолюбивые люди, заслуживающие большого уважения. Сказанное относится только к клике Мао Цзэдуна. Это он направлял такую политику против нас, и прежде всего именно он несет ответственность за разрыв с нами. Ни компартия Китая в целом, ни тем более китайский народ неповинны в том и сами страдают от безрассудной политики.

На первом этапе наших разногласий Пекин вел борьбу против нас так, что она еще не выходила за рамки межпартийных отношений и внутренних контактов, материалы о ней не попадали на страницы широкой печати. Хотя такую масштабную работу, которую они повели против нас, конечно, нельзя было скрыть, и о ней зачирикали воробьи на всех крышах. Заграница трубила в антисоветские трубы, что уже близок разрыв Китая с СССР, что разгорается их ссора. Это радовало противников марксистско-ленинской политики, и у них к тому появились весомые основания. К моменту начала открытой дискуссии в печати мы обнаружили, что на китайские позиции перешло руководство Албании. Как это произошло? Как раз в то время, когда наши отношения все больше накалялись, в Китай отправилась албанская делегация. Мы считали, что такие поездки в принципе всегда полезны. Мы тоже с удовольствием ездили в Китай и готовы были повторять деловые поездки. Визиты представителей всех братских партий мы рассматривали как полезный способ установления личных контактов, служащих укреплению взаимопонимания, с тем чтобы держать общее марксистско-ленинское оружие отточенным, в боевом состоянии.

Но оказалось, что та поездка албанской делегации преследовала другую цель. Мы буквально остолбенели, узнав, какие беседы с нею вели китайцы. Они проводились в конфиденциальном порядке, однако когда делегация проезжала через Москву, к товарищу Андропову[70] пришла член Политбюро Албанской партии труда Лири Белишова[71], которая придерживалась позиции дружбы с Советским Союзом и была возмущена прошедшими переговорами. Эта стойкая коммунистка прошла ранее суровую школу борьбы с итальянскими фашистами, испытала застенки тюрем. Ей в тюрьме выбили один глаз. Очень преданный делу коммунизма человек. Она, как и другие – настоящие албанские коммунисты, – была сторонницей дружбы с Советским Союзом и рассказала по-товарищески о состоявшихся в Пекине беседах, будучи потрясена их антисоветской направленностью. Она сообщила, что инициаторами бесед были китайцы, но албанцы охотно откликнулись и восприняли

антисоветские тезисы Пекина.

Мы же проявили тогда большую наивность. В то время председатель Совета Министров Албании Мехмет Шеху[72] лечился у нас в больнице. К нему поехал, кажется, Андропов, который заведовал отделом ЦК КПСС, занимаясь связями с коммунистическими партиями социалистических стран, и сказал ему, что мы получили такую-то информацию, и даже сообщил, кто нас проинформировал. Мы-то считали, что Мехмет Шеху и Энвер Ходжа[73] – наши настоящие друзья, подлинные коммунисты, и не сомневались, что это известие поразит их так же, как нас. Думали, что они не разделяют таких взглядов, но глубоко ошиблись. Как только наш человек вышел от Шеху, тот сейчас же скинул с себя больничную одежду и улетел в Албанию. Там развернулась буквально погоня за людьми, которые стояли на позициях дружбы с Советским Союзом. Их объявили врагами Албанской партии труда, врагами своей Родины. А Лири Белишову, коммунистку, которая приходила к нам, вывели из состава Политбюро и даже исключили, кажется, из рядов партии. Кончилось тем, что ее вообще арестовали и, как я думаю, физически ликвидировали. Албанские лидеры повели себя как настоящие звери. Они жестоко расправились со всеми неугодными людьми. У них были созданы пресловутые тройки, которые возглавлял Балуку[74]. Те выносили приговоры и сами приводили их в исполнение.

Когда мы узнали, что творится в Албании, чаша нашего терпения переполнилась, и мы решили, что надо принимать какие-то меры. Но об этом я расскажу дальше. Китайцы же развернули свою пропаганду в нашей стране. Их студенты стали распространять в учебных заведениях антисоветскую литературу, листовки, пытались организовывать антисоветские демонстрации на улицах и площадях. Наши студенты, которые учились в Китае на основе межгосударственного обмена, терпели всяческие издевательства и практически не могли заниматься. Мы решили их отозвать и в свою очередь предложили выехать из нашей страны китайским студентам: попросили Пекин забрать тех людей, которые недостойно ведут себя в Советском Союзе. Когда эти лица возвращались в Китай, то на конечной железнодорожной станции перед Монголией устроили безобразную демонстрацию. Даже неприлично говорить о том, что они проделывали: снимали штаны и гадили на перроне и в вокзале. Не знаю даже, как назвать такую демонстрацию. Это просто свинство! И делали это «культурные люди». Но не потому, что не понимали, что такое неприличие. Они хорошо все знали, а поступали так именно потому, что это было неприлично, устроив своеобразную выходку

против нас.

Конечно, подобные акции нельзя было скрыть от общественности, считая их недоразумением и дожидаясь, пока все нормализуется. Наши отношения с Пекином накалились до предела. Скажу, что еще во времена добрых контактов мы подписали соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии, в том числе о передаче Китаю секретов технологии производства атомного оружия. Мы вообще давали Китаю все. У нас от него не было секретов, а их ученые, инженеры и конструкторы, которые занимались атомными делами, работали рука об руку с нашими атомщиками. Когда Китай попросил у нас атомную бомбу, мы поручили своим ученым принять его представителей и обучить их, как ее делать. Наши ученые предложили сделать для них подходящую модель. Я не могу тут разъяснять, что это была за модель и почему ее нужно было делать. Существует понятие государственной тайны. Достаточно упоминания. И действительно, изготовлена была модель атомной бомбы небольшой мощности.

Как раз к моменту резкого ухудшения наших отношений завершилось обучение соответствующих китайских специалистов, а модель была уже упакована. Министр атомной промышленности СССР (должность называлась – министр среднего машиностроения[75]) доложил, что все готово, включая решение об отправке модели, и люди приготовились отправлять ее. Оставалось дать сигнал! Мы собрались на совещание Президиума ЦК КПСС. Нам было очень трудно решить, как быть: мы знали, что Китай использует все против нас, если мы нарушим договор и не отправим модель бомбы. С другой стороны, нас так поносят, предъявляют нам немыслимые территориальные претензии, а мы в это время, как послушные рабы, будем снабжать их атомной бомбой? И мы решили не посылать ее. Как только мы так сделали, китайцы тотчас это использовали, конечно, чтобы восстановить братские партии против КПСС: жаловались, что Советский Союз не делится с Китаем своими оборонными достижениями и не хочет оказывать помощь Китаю. Конечно, то была ложь, потому что все современное вооружение, которое имел Китай, было изготовлено по образцам, полученным из СССР, и при нашем полном содействии. Он узнал всю технологию производства любых видов вооружения: стрелкового, артиллерийского, танкового, ракетного, авиационного, морского. Вообще все, о чем просил Пекин, мы сейчас же давали ему, включая лучшие образцы.

В тот период наше идеологическое противоборство еще велось по закрытым каналам или в иносказательной форме, но

Пекин и здесь считал дозволенными любые методы. Единственное, чего тогда не позволяли себе ни Китай, ни Советский Союз: мы не выходили в печать и не затрагивали персон, руководителей государства и партии. Однако когда я уже находился в отставке, то я читал в газетах и слушал по радио бранные речи китайцев и в свой адрес, и в адрес нового руководства Советского Союза. Столь хлесткую брань нечасто услышишь и от классовых врагов. Мало сказать, что то были «недружественные» заявления. То были враждебные призывы к свержению Советской власти в СССР. Не буду, впрочем, об этом говорить, потому что данному явлению уделяется достаточно внимания в нашей печати.

Вот так, к сожалению, сложились наши отношения. К большому огорчению для настоящих, искренних коммунистов. Я лично тоже очень огорчен, что произошло именно так. Я душою верил и хотел верить Китаю, радовался его победам, с восхищением следил за борьбой за свое освобождение, которую вел народ Китая под знаменем Коммунистической партии. Да мы все радовались, когда китайские товарищи одержали победу, полагая, что это огромная победа всех революционных сил. К сожалению, сейчас наши усилия разъединены, а следовательно, ослаблен и социалистический лагерь. Но хочу верить, убежден, что это продлится недолго. Компартия Китая найдет в себе здоровые элементы, которые преодолеют болезнь, поразившую ее.

Увы, то, что ныне происходит в компартии Китая, в какой-то степени повторяет то, что Сталин в свое время проделал с нашей Коммунистической партией. Он тоже прикрывался тем, что борется за революцию, за социализм и против врагов народа. Но кто были эти «враги народа»? Лучшие люди Коммунистической партии, кадры, которые создавали саму партию вместе с Лениным и под его руководством работали в подполье и в первые годы Советской власти. И этих-то людей объявили врагами народа. Сейчас их реабилитировали. Правда, их доброе имя еще не восстановлено полностью, и к ним не относятся у нас с тем вниманием, какого требуют история и справедливость. Но процесс в данном направлении идет неумолимо, правда победит. На XX съезде партии было проявлено мужество, мы сказали слово правды. Но сейчас важнее будущее, чем прошлое.

Надо очень внимательно следить, чтобы подобное сталинским действиям не повторилось в будущем, что в общем-то не исключено. Должны быть приняты специальные меры, которые оберегали бы народ от возможности установления диктатуры в стране. Главное – наличие демократии, высокий культурный и моральный уровень членов партии и всего народа. В этом случае

народ сам сумеет защитить себя от тирании и от злоупотреблений властью.

То, что происходит в Китае, очень похоже на то, что происходило ранее у нас. Мао Цзэдун, как говорится, закусил удила, набрал силу после победы над Чан Кайши и утвердился у власти, а теперь стал расправляться с теми, вместе с кем шел к победе. Для истребления партийных кадров он взял именно то оружие, которым пользовался Сталин, хотя такие методы уже были разоблачены и заклеймены на XX и XXII съездах КПСС. Мао одобрял наши решения, много говорил в этом духе, а затем выдумал «культурную революцию». При чем тут культура? Однако вопрос состоит не в том, под каким конкретно лозунгом ведут честных людей на плаху, а в том, что это делается во имя утверждения власти одной личности. У нас был Сталин, в Китае – Мао. Такая же опасность грозит всем братским странам и может повториться в любой коммунистической партии. Гарантий неповторения никаких нет. Никакие слова не смогут преградить нашествие тирании. Только сама партия, сам народ, если он сознает свою ответственность перед историей и уважает человеческое достоинство, причем не только в коллективе, но и каждого отдельного его члена, сумеют поставить преграду диктатуре. Иначе нельзя противостоять диктатуре одной личности, воспитать коллективное мышление во имя интересов народа и торжества марксизма-ленинизма.

Бросив лозунг «Пусть расцветают сто цветов», Мао открыл шлюзы для свободного высказывания любых мнений и устно, и в печати, и в партии, в народе. По существу, то была хорошо продуманная злостная провокация. Он вызвал людей на откровенность, а потом начал истребление тех, чьи мысли считал вредными. В таких случаях всегда прикрываются тем, что борются с вредными идеями. Но кто определяет эту полезность или вредность? Сам Мао. Поэтому каждый, кто ему перечил, становился вредным для нового строя. У нас Сталин самых достойных людей обратил во «врагов народа». А тот же народ, который вчера им аплодировал, сегодня требовал их казни и одобрял злоупотребления властью, не требуя никаких доказательств правоты таких поступков. Сталин нашел людей, которые подтасовывали дела, выдумывали факты и пускали их в оборот. Буквально теми же методами действует сейчас Мао.

Интересна метаморфоза его поведения по отношению к личности Сталина. После смерти Сталина, когда мы встречались с Мао, он очень нелестно отзывался о нем, обвинял его в том, что Сталин не понимал сущности Китайской революции и недооценивал возможности народа. Мне-то очень трудно было

понять взгляды Мао на рабочий класс. В войне против Чан Кайши Мао больше опирался на крестьянство и вообще считал, что крестьяне более революционны, чем рабочий класс. За это Сталин критиковал Мао. А последний называл конкретные факты, ссылаясь на письма Сталина к Чан Кайши и к нему, из которых вытекало, что особенно вредную роль для Китая играл Коминтерн, действовавший по указке Сталина, потому что Коминтерн находился в Москве и делал все, что рекомендовал Сталин. Мао возмущался, что ему советовали в свое время не особенно задираться с Чан Кайши, постараться установить с ним контакт и объединить усилия в борьбе против японского агрессора. Видимо, такое имело место[76]. Видна и историческая логика в этих рекомендациях, потому что главная опасность Китаю тогда грозила со стороны Японии, и надо было объединить усилия для отпора интервенту. Это не означало – слить силы. Надо было временно перенести центр тяжести на отражение нашествия врага.

Представителем Китая в Коминтерне был тогда Ван Мин[77]. Он и сейчас здравствует. Я всегда с уважением относился к товарищу Вану. Думаю, что он правильно понимал революционный процесс в Китае и был среди тех, кто вырабатывал верные директивы. Мао, направляя ранее острие своей критики против Сталина, имел в виду и Ван Мина, считая, что тот неправильно понимал обстановку в Китае и неверно действовал, когда возглавлял в начале 30-х годов компартию Китая. В его словах чувствовалось, что Мао ищет оправдание свержению Ван Мина. Сейчас товарищ Ван, видимо, потерял бы голову, если бы оказался доступен Мао Цзэдуну. Сразу после победы революции Мао не захотел пачкать руки кровью Вана. К нему проявили внимание, избрали заочно в ЦК КПК, но порекомендовали не возвращаться в Китай, и он поселился в Москве. Однако потом дело изменилось. Мы располагаем сведениями, что неоднократно предпринимались попытки умертвить Ван Мина. Ему присылали отравленные продукты из Китая. А он всегда пробовал их сначала на кошках. Кошки подыхали. Кто мог быть заинтересован в этом деле? Только Мао. У него есть некий мясник, вроде Берии у Сталина, – Кан Шэн. При возможностях, которыми обладают Кан и Мао, не так уж трудно подобрать ключи для убийства любого человека. Но Ван Мин проявлял осторожность и, зная повадки своих «друзей», действовал предусмотрительно и избежал преждевременной смерти.

Однако почему Мао сначала был любезен с руководством СССР, которое сложилось после смерти Сталина, а потом

повернул на 180 градусов? Почему вначале все время повторял, что является другом Коммунистической партии Советского Союза, а затем отказался от своих слов? Почему сначала он поддерживал нас, когда мы осудили Сталина, а потом стал превозносить его? В основе такого поведения лежит мания величия. Ее проявления мы заметили еще тогда, когда советская делегация впервые приехала в Китай. Мао страдал той же болезнью, которой болел всю свою жизнь Сталин. Сталин никого не признавал равным себе. Людей, которые работали около него, он рассматривал как мебель, которая необходима, чтобы есть на ней, сидеть и спать. Когда мебель, по его мнению, немножко изнашивалась, он ее спокойно менял.

То же самое делает сейчас Мао. На первых порах после смерти Сталина он хотел взять нас лаской и рассыпался в любезностях, хвалил за решения XX съезда КПСС, говорил, что мы проявили мудрость, разоблачив сталинские злоупотребления властью. Когда же увидел, что лаской нас не купить, что мы имеем свою твердую точку зрения, желая проводить строго марксистско-ленинскую политику, как мы ее понимаем, и когда он уже убедился, что никакими средствами не сумеет повлиять на нас, сделав нас ручными, чтобы утвердить свою гегемонию и через нашу партию распространить ее на все международное коммунистическое движение, он потерял былую надежду и начал искать другие способы показать свою гениальность и превосходство над окружающими.

Вот тут-то он и выдумал «большой скачок» и коммуны. Хотел продемонстрировать особые китайские методы построения социализма, маоистский стиль руководства, чтобы решить в кратчайший срок задачу, поставленную Лениным: перегнать капиталистический мир в производстве продукции на душу населения и сделать мир социализма непобедимым. Мао полагал, что Китай догонит за несколько лет Англию, а потом примется за США и попутно превзойдет успехи, которые достигнуты народами Советского Союза. Он хотел добиться этого с меньшими затратами и в кратчайшее время. До «большого скачка» и коммун Китай очень быстро набирал силы. Я восхищался этим. Имелся хороший эталон для сопоставления: Индия. Китай резко выделялся в сравнении с нею. Вот выгодный аргумент: до победы народной власти в Китае обе эти страны находились почти на одном уровне развития, причем Индия имела даже лучшую индустриальную базу. А затем жизненный уровень в Китае поднимался быстрее. Вот вам и преимущество социалистического строя!

Когда же Китай зашагал «большими скачками» и Мао решил

через «малую металлургию» явить миру китайское чудо, перегнав высокоразвитые капиталистические страны за какие-то годы, и когда он разорил народ, создав коммуны, а затем превратил коммуны в полувоенные поселения, то китайское хозяйство было дезорганизовано, и начался упадок и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Тут нужно было бы признать свои ошибки. Но разве могли Сталин или Мао признаваться в собственных ошибках? Сталин, даже когда допустил грубейшие ошибки при коллективизации сельского хозяйства, нарушив принцип добровольности вступления в колхозы, выступил вдруг с письмом «Головокружение от успехов». То было удивительное вероломство. Но мы признали верность лозунга «Головокружение от успехов», и он вошел в историю. Однако какое же может быть истинное головокружение от успехов, которых не было? Тут не успехи, а провал! Надо было назвать все своим именем и поправить дело. Но Сталин не смог так поступить, а свалил вину на кадры, которые сначала полетели со своих постов, а потом потеряли свои головы. Мао действовал такими же способами, когда начал «культурную революцию». Эта революция – в действительности контрреволюция. Мне трудно объяснить, как она трактовалась в КПК и для народа, а в чем конкретно проявилась, это знает каждый китаец.

Уничтожая партийные кадры и интеллигенцию, ломая все, чтобы привести страну к состоянию, когда мог быть признан богом (уже не вождем, а богом), Мао напоминал мне, в частности, как у нас, бывало, на заседаниях при упоминании имени Сталина все вставали с мест и аплодировали, как в церкви крестятся, упоминая Господа. Те же действия, только у нас это было чем-то вроде физкультурных занятий на собраниях: встал, поаплодировал, сел. Мао сделал проще: приказал отпечатать выдержки из своих речей, объявил их заповедями и заставил всех зубрить эти цитаты как идиотов. И люди тупели не то от страха, не то от зубрежки. Это было видно даже в кинокадрах по телевизору. Немыслимое дело – такое унижение человеческого достоинства! Я слышал как-то по радио, как хирурга заставляли перед операцией твердить изречения Мао. Разве это допустимо в XX веке, когда человеческая нога уже ступила на Луну? В наше ли время верить в такие заклинания, наделяя одного человека сверхъестественными силами? Как можно говорить, что операция прошла удачно потому, что хирург зубрил изречения Мао и перед тем, как что-то сделать, заглянул в цитатник узнать, что тот сказал?

Неслыханную вещь учинил Мао, когда свою жену, в прошлом актрису, объявил главным идеологом и руководителем

культурной жизни Китая. Не знаю, какими там она наделена достоинствами. Как актриса, может быть, и хороша. О таких людях судачат по-разному: одни говорят, что она талантлива, другие – что ничего талантливого у нее нет, что она просто нравилась Мао и только в этом заключались ее достоинства, а слава пришла к ней потом. Истинное же положение деятелей культуры – композиторов, писателей, ученых, преподавателей, всей интеллигенции – непрекращающееся, неслыханное, невозможное унижение. Там творятся огромные злоупотребления. Но народ терпит. Из среды китайской молодежи выдвинуты отряды, которые наводят «порядок» в учебных заведениях, устанавливая, как преподавать и как трактовать основы науки, посредством палки и таким способом внедряя «культурную революцию».

Как-то, крутя настройку радио, я набрел на китайскую передачу на русском языке. Послушал немного, и мне стало противно, потому что повторялось одно и то же: какая-то девушка говорила на плохом русском языке, затем парень ругал нас. Мне показалось, что голоса их мне знакомы. Может быть, когда я был в Китае или Мао приезжал к нам, они были переводчиками? Я допускаю это, потому что, когда включал Китай, всегда сразу же узнавал их голоса. Потом перестал слушать, потому что мне стало неприятно. Эти китайские передачи заключаются в однообразном повторении, как молитвы, маоистских изречений с попутными восхвалениями Мао. Вновь говорю: к сожалению, мы прошли тот же путь во времена Сталина. На партийных и общих собраниях без конца все твердили: «Сталин, Сталин, отец родной!» И я это твердил, не являясь исключением. Тем более мне сейчас противно все это слушать, быть свидетелем повторения этого маоистами буквально в той же форме.

Хочу сказать несколько слов о других китайских руководителях, с которыми мне приходилось сталкиваться. Лю Шаоци: он наиболее импонировал мне как человек. С ним было приятно разговаривать. Когда я беседовал с ним, то чувствовал, что у нас одинаковый стиль мышления, что мы понимаем друг друга с полуслова, хотя и разговариваем через переводчика. С докладом товарища Лю на VIII съезде КПК и изложением задач, которые тогда стояли перед китайским народом и компартией, мы полностью были согласны. Лю смотрел на факты теми же глазами и так же понимал их, как мы. Но потом Лю стал выступать против нас. Впервые это произошло, когда он вел беседу с албанцами. Думаю, что он делал это под нажимом. Жизнь подтвердила мои подозрения: ведь и сам Лю пал жертвой «культурной революции». Сейчас он там – жертва № 1, хотя был

самым влиятельным лицом после Мао и, полагаю, наиболее разумным руководителем.

Чжоу Эньлай[78]: его мы ставили на второе место после Лю Шаоци. Сейчас он занимает вредную позицию, служа какой-то подпоркой в кровавых делах, которые творит Мао. Но в свое время, когда мы с ним встречались, товарищ Чжоу проявил себя приятным собеседником, человеком, понимающим проблемы экономики и хорошо разбирающимся в политике. Правда, о сельском хозяйстве мы с ним почти не говорили, но задачи промышленности он понимал отлично.

Чжу Дэ: он, по-моему, конкретными вопросами повседневной жизни уже не занимался, а занимал примерно такое же положение, как у нас прежде Михаил Иванович Калинин. Не знаю, какую практическую работу выполнял Калинин при Ленине. Но при Сталине он номинально подписывал все указы, а реально в государственных делах участвовал редко. Вводили его иной раз в состав какой-нибудь комиссии, но с его мнением мало считались. Обидно было смотреть на это, просто даже жалко Михаила Ивановича. Это был по-народному мудрый человек, представитель трудящихся, хорошо знавший нужды и рабочих, и крестьян. Потому-то Ленин и выдвинул его на роль юридического главы государства. Примерно такой же пост занимает в Китае Чжу Дэ. Когда я встречался и беседовал с ним, то он на меня производил доброе впечатление, и мне казалось, что существует большое сходство даже в характерах Чжу и Калинина.

Чэнь И[79]: я его знал очень мало. Говорили, что он, как бывший командарм, в военном деле способный человек. Сейчас его положение там тоже несколько подвешено. Не знаю, какое фактически он занимает место, потому что и он подвергался атакам со стороны оголтелых хунвэйбинов и других опричников Мао.

Дэн Сяопин: он на меня производил весьма сильное впечатление. И не потому, что являлся одним из самых молодых в китайском руководстве. Даже Мао в свое время давал ему блестящую характеристику, называя его будущим вождем, и говорил, что это лучший из его соратников, главная растущая сила. Когда же мы встречались с Дэном в Советском Союзе, а также на съезде Румынской компартии в 1960 году, где у нас состоялся предварительный обмен мнениями насчет необходимости созыва Международного совещания коммунистических и рабочих партий, то Дэн, естественно, в ту пору вынужден был занимать неправильную позицию, представляя не интересы компартии Китая, а точку зрения Мао.

Кан Шэн: не знаю, что о нем сказать доброго. Это просто

топор, китайский Малюта Скуратов[80]. Такие функции он выполнял раньше и выполняет сейчас у Мао.

Пэн Чжэнь[81]: бывший руководитель пекинского горкома компартии, из рабочих. Умный человек. Он нравился мне, хотя я с ним вел большой спор по поводу созыва Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Он, конечно, тоже занимал маоистскую позицию. Но, когда мы с ним спорили, иной раз на его лице можно было прочесть тревогу, заметить задумчивость, и он вызывал у меня сочувствие. Казалось, он сам нуждался в сочувствии, что-то глубоко переживая. Может быть, уже тогда началась его внутренняя трагедия? Он ведь видел, куда ведет страну Мао, но не решался на какие-то действия и слепо выполнял директивы. Однако это уже был раздвоившийся человек. Чем кончилась его карьера, ныне известно всем: снят со всех постов, и я не знаю, жив ли он, а если жив, то где обитает и как влачит свое существование.

Пэн Дэхуай[82]: я с ним встречался не один раз. Он производил впечатление настоящего коммуниста, марксистски подготовленного человека. Таким он и оказался на деле.

Теперь выскажу некоторые дополнительные соображения о причинах событий, происшедших в Китае, и об их влиянии на другие страны и на международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение. Я в своей политической жизни многое повидал. И сейчас, оценивая то, что совершалось на моих глазах, раздумываю: почему все-таки это могло произойти? Такой анализ необходим. Тут требуются теоретики-политэкономы, философы и историки. Много материала следует переварить, всесторонне рассмотреть и не побояться сделать выводы на будущее. Эти выводы сами просятся на бумагу. Возможно, люди, которые живут в наше время, еще такого не скажут. Но, уверен, родятся люди (или уже родились), которые, когда они политически вырастут и разберутся в вопросах былого, скажут свое слово. Желательно, чтобы если и не мое поколение, то хотя бы следующее, которое сейчас находится в физически цветущем состоянии, осуществило это.

Что же случилось с Китаем? Сложный вопрос. Такое развитие событий возникло еще у нас после смерти Ленина, а особенно после того, как Сталин укрепился, набрал силу, почувствовал, что его никто и ничто не ограничивает и что он может начать расправу с инакомыслящими. Вначале он это делал, как мы привыкли выражаться, партийными методами, без очевидных репрессий. Но сейчас даже такие методы должны быть рассмотрены под новым углом зрения. Что делать, если точки зрения среди руководства страны расходятся? До каких пределов

они вообще могут расходиться? Возможно ли в принципе такое расхождение, различные точки зрения в руководстве той или иной партии, в том числе коммунистической? Да, причем не только возможны, но неизбежны, потому что нет даже двух капель воды, абсолютно похожих одна на другую. Ничто в мире и в природе не повторяется, все рождается и развивается с какой-то своей индивидуальностью. А в больших партиях, в больших обществах, вроде наших, невозможно заранее предвидеть, что такие-то позиции будут абсолютно правильны, другие неправильны. Это было бы глупо. Точка зрения вырабатывается у человека в процессе его жизни, в его общении с другими людьми, в ходе его участия в строительстве нового общества и экономики.

Говоря о Китае, хочу в качестве примера привести нашу историю, которую лучше знаю и которая мне ближе. Нашей Коммунистической партии выпала честь первой поднять знамя победной социалистической революции. Ленин сделал это с большим успехом, потому что революция у нас вначале прошла почти бескровной. Нельзя судить, как совершалась Октябрьская революция, по кинофильмам, хотя бы их и делали выдающиеся кинорежиссеры. Когда я видел на экране, как шел штурм Зимнего дворца, то улыбался. Ведь такого штурма вообще не было. Я-то жил в то время, читал тогдашние газеты. Ни в одной из них такого описания штурма, какой показан в фильме, не было, потому что Временное правительство давно утеряло влияние на общество, само себя изжило, а охрана Зимнего дворца быстро капитулировала, как только ей предъявили требование сложить оружие. Знаменитый Антонов-Овсеенко[83] просто вошел с сопровождающими во дворец и выполнил данное ему поручение арестовать правительство.

Из истории известно, как Зиновьев[84] и Каменев[85] выступили с отказом от восстания. Зачем я сейчас останавливаюсь на этом факте? Напоминаю о нем только для того, чтобы отметить стиль поведения Ленина. Казалось бы, после такого их выступления ни Зиновьеву, ни Каменеву нет возврата в руководство большевистской партии. Однако нет, когда революция победила, Ленин привлек их к работе, они были членами Политбюро и долго занимали ключевые посты в партии и государстве. Даже после всего случившегося остались людьми, лично близкими к Ленину. Если бы Ленин пришел к выводу, что оба они себя изжили и, совершив политическую ошибку, не заслуживают доверия, разве оставил бы он Зиновьева руководителем Петрограда, когда Советское правительство уехало в Москву? А когда был создан Коминтерн, Ленин предложил избрать Зиновьева председателем.

Теперь Каменев. Он стал заместителем Ленина как главы правительства и председателем Моссовета. Тогда были две важнейшие парторганизации: петроградская и московская. И обе эти организации, а также параллельные им государственные учреждения возглавляли люди, которые проявляли политическую неустойчивость. Однако им не отказали в доверии. Если бы не имелось доверия, разве Ленин мог бы пойти на это? Тут проявилась его человеческая мудрость, его понимание свойств людей. Да, люди не смогли сразу найти правильную точку зрения, верно проанализировать ход событий, отсюда и их колебания. Но он верил в их личную честность, их преданность делу революции и поручил им занимать высокие посты[86].

Если бы, к примеру, тогда во главе партии стоял не Ленин, а Сталин, что было бы тогда? Репрессии начались бы гораздо раньше. А Зиновьева и Каменева расстреляли бы одними из первых, нежели потом, то есть тогда, когда их лишили жизни за то, что на XIV съезде партии они выступили с особой позицией, против диктатуры Сталина. Не стану разбирать сейчас, по каким вопросам расходились сталинцы и сторонники Зиновьева. Вопрос тут не в расхождениях и не в их степени. Возможны разные мнения, ибо только среди дураков не может быть никаких расхождений. Мыслящие люди, творческие люди всегда могут иметь разные подходы к тому или иному вопросу даже в теории, а уж о практике и говорить нечего. В практике всегда возникает много путей решения проблемы. И если кто-либо занимает особую позицию, это вовсе не значит, что он враг социализма, рабочего класса и народа, как нарочито формулировал это Сталин.

Точки зрения вообще могут разойтись настолько, что люди станут личными врагами. Но надо полностью переродиться, чтобы предать дело, которому посвятил всю жизнь. А те, о ком я говорю, не перерождались. Это только Сталин, стремясь укрепить свою личную власть, назвал их выродками и погубил таких выдающихся деятелей, как Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Радек, Сырцов, Ломинадзе, многих других. Да, у них имелись личные недостатки, порою даже крупные, но изменниками делу социализма они никогда не были. Некоторые умники скажут, что Ломинадзе сам застрелился. Да, сам. Но он уже понимал, что, если он не покончит с собой, его все равно устранят. А разве не то же самое наблюдается в Китае? Не знаю, в каких конкретных формах выражается этот процесс сейчас: в виде ли ссылок, заключения в тюрьму либо общественной изоляции бывших руководителей китайского народа. Не знаю также, что произошло с Лю Шаоци, с другими видными деятелями Коммунистической

партии Китая. Тут много возможностей. Сталин тоже действовал разнообразно: арестовывал, казнил, ссылал, объявлял честных людей «врагами народа».

В былые времена самодержавие устраивало порой гражданскую казнь[87]. Ее осуществили, например, над Чернышевским. Мао часто использует метод казни, несколько похожий на тот, который применялся царизмом или инквизицией, когда на людей надевали дурацкие колпаки, а на грудь вешали оскорбительные надписи, выставляли несчастных на площадях и организовывали над ними глумление. Ужасно, как могут быть люди доведены до столь дикого состояния. А ведь в Китае это проделывают студенты, молодежь. Я уж не говорю о грубом применении вооруженной силы там, где это требовалось для достижения целей, поставленных Мао. И происходит все это под флагом борьбы за интересы трудового народа. Чудовищно, но факт! Во имя народа истребляют его лучших представителей да еще вещают, что опираются при этом на марксистско-ленинскую теорию, на идею диктатуры рабочего класса, ведя борьбу за построение социалистического общества. Самые высокие идеалы, за которые люди шли на казнь, в ссылку и на каторгу, подставляют в качестве оправдания варварских бесчинств.

Как все это могло случиться? К сожалению, глубоко и серьезно этим сейчас никто не занимается, отделываются поверхностными публикациями. Между тем мы столкнулись уже в международном масштабе с таким явлением, которое трудно было себе раньше представить: диктатура пролетариата обернулась не против классовых врагов, а против лучших представителей самого рабочего класса, тех людей, которые завоевали авторитет в народе, участвуя в революционной борьбе. Это страшное дело. Если рассуждать по-обывательски, то встает вопрос: кому верить? Но еще хуже другое. Такая политика отбрасывает человечество от идеалов социализма, что может иметь исключительное историческое значение для будущего, для судьбы мирового социализма. Борцы за народное дело, участвуя в этом движении в разных странах, спросят: а что ждет нас потом? Куда девались те герои, кто осуществил Октябрьскую революцию и строил Советскую власть? Где ныне ваш Крыленко[88], первый командующий войсками большевистского государства? Его нет! А где Антонов-Овсеенко, человек, которому Ленин поручил арестовать Временное правительство? Как закончил он свой жизненный путь, а вместе с ним многие другие, кто играл, допустим, небольшую роль при создании Советского государства, но выдвинулся потом? Вот Петерс[89], безупречный в личном плане большевик. И он погиб как «враг народа». Постоянно при

воспоминаниях о том времени у меня срываются с языка такие имена, как Чубарь[90], Постышев[91], Косиор[92]. И они канули в вечность как отщепенцы, хотя заслуживали совсем иного.

Прослеживается печальная закономерность: из диктатуры пролетариата чуть ли не всюду рождается диктатура личности над трудящимися классами, над завоевавшей победу партией и даже над своими соратниками. Полагаю, что тех, кто признал абсолютную непререкаемость авторитета Мао, постигнет та же судьба, которая постигла сейчас многих его соратников. История мстит насильникам. Сталин начал массовые репрессии с организации убийства Кирова, которое он объявил трагедией партии. Партия, естественно, переживала эту трагедию: враги народа убили Кирова. Теперь каждому абсолютно ясно, что смерть Кирова нужна была для того, чтобы в обстановке всеобщего страха создать условия непререкаемости сталинского авторитета и убрать тех людей, которые вместе с Лениным прошли великий путь борьбы и могли помешать Сталину стать единоличным вождем. Принципиального отличия здесь от того, что совершается в Китае, я не вижу.

Неизбежно возникает проблема того, кому и чему служит коммунистическая партия, централизованная, дисциплинированная, спаянная единым порывом. Такая партия может служить инструментом перестройки общественной жизни на основах социализма. Но ее организационная система позволяет также кому-то одному использовать ее ради злоупотреблений властью. Мне кажется, что если бы Ленин продолжил свою жизнь, то он что-то предложил бы, с тем чтобы исключить такую возможность. Но это лишь догадки. Сегодня мы сами обязаны добиваться этого. Иначе получается лотерея: попадется ли в вожди добросовестный человек, терпимо относящийся к мнениям других членов коллектива, или такой, каким оказался Сталин. Ленин успел предложить создать Центральную контрольную комиссию[93], а спорные вопросы, которые возникают внутри партийных органов, решать на общих заседаниях Центрального Комитета партии и ЦКК. Однако после Ленина эти органы утратили прежнее значение. И в ЦК, и в ЦКК были подобраны люди, которые делали все, как им указывал Сталин, и смотрели сталинскими глазами на события, понимая их так, как ему было угодно. Такое же положение возникло ныне и в Китае. Возможно такое и в других социалистических странах. Значит, подобных мер недостаточно. Необходим более действенный контроль снизу над вождями, то есть подлинная демократия.

Выше я упоминал покойного философа Юдина. Мне

рассказывали, уже когда я находился в отставке, что Юдин на каком-то собрании, делая доклад о Китае, излагал, отчего у нас ухудшились и дошли до столь скверного состояния отношения с Китаем. И он заявил, что виноват в этом персонально Хрущев. Хрущев неуважительно относился к Мао Цзэдуну, поэтому и создались такие отношения. Прозвучало публично такое позорное объяснение, данное человеком, который занимал ведущее у нас положение как философ и долгое время заведовал отделом в ЦК партии. Надо ведь смотреть глубже, а не сводить все к воле и поступкам только одного человека. Конечно, персона лидера играет в истории огромную роль. Это мы хорошо знаем. Персона Сталина, например, сыграла пагубную роль. Но в описываемом случае, если говорить о личностях, то неплохо было бы Юдину оглянуться и на себя. Именно он стал первой ласточкой в печальном повороте в наших отношениях с Китаем. Тогда было еще далеко до любых размолвок, которые потом возникли у советских руководителей с Мао. Для нас те сообщения Юдина о его спорах с Мао прозвучали как гром среди ясного неба.

Главное заключалось в том, что Мао претендует на мировую гегемонию. Он сам искал повод начать борьбу с нами, и он же ее начал. Поэтому дело не в Хрущеве. Не было бы Хрущева, окажись у нас Иванов, Петров, Сидоров, – это не имело никакого значения. Мао все равно устремился бы к своей цели. И опять встает та же проблема: как гарантировать народ, в данном случае китайский, от злоупотреблений со стороны вождя? Неужели никто так и не задумается над этим? Что же в таком случае ожидает нас в будущем?

Этими мыслями закончу свои воспоминания о Китае.

Хо Ши Мин

Умер товарищ Хо Ши Мин. Сегодня эту печальную новость передали по радио. Из всех людей, кого я встречал за время своей политической деятельности, Хо Ши Мин произвел на меня особое впечатление. Говорят, когда-то жили святые апостолы. Хо Ши Мин похож на этих святых апостолов. Только он был апостолом революции. Впервые я встретился с ним еще при жизни Сталина. Тогда он прилетел к нам прямо из джунглей, и Сталин беседовал с ним в нашем присутствии. Я не буду перечислять всех, кто там присутствовал, а хотел бы сказать лишь о своем впечатлении. Его взгляд светился какой-то искренностью и чистотой. Это была искренность неподкупного коммуниста, идейно преданного своему делу. Это был воистину святой человек.

Он рассказывал нам, как пробирался через джунгли и сколько дней шел пешком, пока вышел на китайскую границу, откуда перебрался в Советский Союз. Когда он рассказывал о борьбе, ведшейся под его руководством во Вьетнаме, то во время беседы он смотрел какими-то особенными глазами на Сталина и на всех советских руководителей, которые присутствовали там. Я бы сказал, что в его взгляде была даже какая-то детская наивность. Он подкупал своей искренностью, честностью, убежденностью в правоте коммунистического дела. Каждое его слово подчеркивало, что коммунисты являются братьями по классу и, следовательно, разговор между ними должен быть самым искренним и самым честным.

Хо Ши Мин[94] поставил вопросы оказания материальной помощи вьетнамцам вооружением. Он был благодарен за все, что можно будет получить от Советского Союза для борьбы, которую проводил Вьетнам против французских оккупантов. Мне он очень понравился. Поэтому меня сильно обижала та характеристика, которую дал ему Сталин после беседы. Мы не обменивались мнениями, но я видел, что и другие чувствуют то же самое и не согласны со Сталиным, с его высказываниями. А тот издевательски говорил о Хо Ши Мине и употреблял всякие обидные, оскорбительные слова. В его речах не чувствовалось искренности, нам же хотелось, чтобы она была проявлена Сталиным, как вождем мирового коммунистического движения, по отношению к такому коммунисту, как Хо Ши Мин, который в тяжелейших условиях сумел организовать коммунистическое движение в своей стране, поднял народ на восстание и вот уже сколько лет успешно борется за освобождение Родины. Перед этим человеком можно было благоговеть, выразить ему

признательность за его беззаветное служение коммунистическому делу, которому он отдавал все свои силы и возможности.

Во время одной из бесед Хо достал из портфеля советский журнал (кажется, «СССР на стройке») и попросил Сталина расписаться на нем. Во Франции гоняются за автографами, Хо тоже не был свободен от этого. Да ему, конечно, было соблазнительно приехать во Вьетнам и показать автограф Сталина. Не знаю, что случилось. Видимо, проявилась та же болезнь Сталина – его недоверчивость, мнительность. Он дал потом задание чекистам изъять этот журнал: дескать, он проявил неосторожность и расписался на обложке. Никаких трудов это не стоило – перерыть все вверх дном в помещении, где жил Хо, и вернуть журнал. Потом Сталин шутил: «Вот он хватится, а журнала нет». Уж не знаю, сказал ли кому-либо Хо о том, что пропал журнал, или не сказал. Но я представлял себе, с каким чувством он открыл чемодан, а в нем не оказалось столь драгоценного для него журнала. Можно себе представить, каким ядом это влилось в душу такого искреннего человека, каким был товарищ Хо.

Во время того визита было принято решение о признании нами Демократической Республики Вьетнам[95]. Позднее Сталин часто возвращался к этому вопросу и сожалел: «Поторопились, не надо было их признавать, рано мы их признали». Это свидетельствовало о том, что Сталин не верил в возможность победы движения, которое было поднято товарищем Хо во Вьетнаме. Но дело было сделано, и обвинять некого. Помню еще такой досадный случай. Хо очень хотел, чтобы было официально объявлено о его прибытии в Москву. Он сказал об этом Сталину. Я при этом не присутствовал, а только слышал о том со слов Сталина. Сталин говорил нам потом, что Хо хотел, чтобы он был принят официально в качестве представителя Вьетнама. «Но я ему ответил, что упущен момент. Вы уже находитесь в Москве, прибыли сюда инкогнито, как объявлять?» На это Хо ответил: «Давайте сделаем так. Дайте мне самолет, я поднимусь в воздух, будет проведена соответствующая подготовка, а когда я приземлюсь, мне будет устроена встреча, соответствующая рангу главы государства». Сталин хохотал, издеваясь: «Ишь, чего захотел, чего захотел…» Да, Сталин не верил в возможность победы партизан во Вьетнаме.

Как-то уже после своего отъезда Хо письменно обратился к нам с просьбой, чтобы ему прислали хинин, потому что его народ очень страдает от малярии. У нас было организовано производство хинина в промышленных масштабах. Сталин расщедрился и говорит: «Послать ему полтонны». Полтонны? И

это – людям, которые своими телами устлали землю в борьбе против иностранных захватчиков? Мы переглядывались и возмущались: «Как не стыдно проявлять такую даже не жадность, а уж и не знаем, что…» Видимо, Сталин не понимал, чего стоят полтонны хинина в сравнении с тем, что платит Хо в борьбе за общее коммунистическое дело.

Впоследствии я много раз встречался с товарищем Хо. Говоря о нем, хотел бы вспомнить нашу работу в период подготовки Женевского совещания по Вьетнаму в 1954 году[96]. В тот период у нас существовали самые лучшие отношения с Вьетнамом и такие же хорошие отношения с коммунистической партией Китая. На подготовительном совещании в Москве Китай был представлен Чжоу Эньлаем, а Вьетнам – президентом Хо Ши Мином и премьер-министром Фам Ван Донгом[97]. Мы сообща отрабатывали нашу позицию для Женевского совещания и разбирались в обстановке, которая сложилась во Вьетнаме. Положение было очень тяжелым, освободительное движение находилось на грани краха, партизаны нуждались в соглашении с нами, чтобы сохранить те завоевания, которых добился вьетнамский народ в борьбе против оккупантов. Ханой был в руках французов, и партизаны на него не претендовали. Другие города и провинции тоже контролировались французами. Если взять карту, на которой было бы отражено наше требование номер один, то она запестрела бы островами внутри Северного Вьетнама, где в случае выполнения наших требований продолжали бы оставаться французские оккупанты.

После одного из совещаний в Екатерининском зале Кремля подошел ко мне Чжоу, взял меня за пуговицу, отвел в угол и говорит: «Товарищ Хо сказал мне, что положение у них безнадежное. И если они не добьются прекращения огня в ближайшее время, то не смогут противостоять французским войскам. Поэтому они решили отходить к китайской границе с тем, чтобы Китай двинул свои войска, как он сделал раньше в Северной Корее, и помог вьетнамскому народу выбить французов из Вьетнама». Затем Чжоу добавил, что они не смогут сделать это, так как потеряли в Корее много людей, и эта война дорого им стоила. Поэтому ввязаться сейчас в новую войну они не в состоянии и согласиться с просьбой Хо не могут. Тут я обратился с просьбой к товарищу Чжоу: «Борьба идет очень жестокая, вьетнамцы хорошо дерутся, французы несут большие потери. Поэтому не надо говорить Хо Ши Мину, что вы не окажете им помощи, если они будут отходить под ударами французов к вашей границе. Пусть это станет святой ложью. Пусть вьетнамцы верят, что им помогут, это будет

дополнительным источником сопротивления вьетнамских партизан французским оккупантам». Чжоу согласился не говорить товарищу Хо, что Китай не вступит в войну с французами на вьетнамской территории.

Свершилось буквально чудо. Когда делегации приехали в Женеву, вьетнамские партизаны одержали крупнейшую победу и заняли крепость Дьен Бьен Фу[98]. На первом же заседании Мендес-Франс[99], который тогда возглавлял французское правительство, предложил разграничить силы Франции и Вьетнама по 17-й параллели. Признаться, когда нам сообщили эту новость из Женевы, мы ахнули от удовольствия, мы такого не ожидали. Это был максимум, на который мы претендовали. И мы дали указания нашим представителям в Женеве потребовать перенести демаркационную линию южнее, на 15-ю параллель, но предупредили, что это – для торга, а принять надо будет предложение Мендес-Франса и, таким образом, закрепить завоевания коммунистов Вьетнама. Соответствующий договор был подписан.

Нужно отдать должное Мендес-Франсу. Он трезво и правильно оценил ситуацию, которая сложилась. У партизан во Вьетнаме имелись свои трудности. Но не меньше трудностей было и у французской армии. Это оказалось разумным шагом, который положил конец войне французов во Вьетнаме. Франция вышла из войны и эвакуировала свои войска. Все было бы хорошо, если бы выполнялись Женевские соглашения. Через два года должны были пройти всеобщие выборы во Вьетнаме, и мы не сомневались, что Хо Ши Мин, то есть коммунисты и все прогрессивные силы страны, одержат победу. Но тут опять появился зловещий Даллес, и США навязали Вьетнаму новую кровопролитную войну, которая продолжается до сих пор[100]. Об этом я не буду сейчас говорить, потому что все это освещается в печати. Политическим деятелям хорошо известна эта история. Однако в связи с тяжелым для меня сообщением о смерти подлинного коммуниста, видного деятеля международного коммунистического движения товарища Хо Ши Мина хотел бы рассказать о сложном положении Вьетнама в связи с его конфликтом с Китаем.

Помню, когда проходило Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 г., Китай был представлен там Лю Шаоци. Китайцы выступили против нас. Особенно оголтело вел себя Энвер Ходжа как агент Мао. После его выступления говорила товарищ Ибаррури[101], с возмущением отозвавшаяся о Ходже. Она его сравнила с собакой, кусающей руку, кормящую ее хлебом. На завершающей стадии совещания был отработан

совместный документ, проводилось его согласование по отдельным пунктам. Китайцы отказались подписать декларацию. Все согласовали, но по одному пункту китайцы заупрямились, а мы тоже не могли пойти им навстречу, потому что вопрос был принципиального характера. Тогда подошел ко мне Хо и говорит: «Товарищ Хрущев, надо уступить им». – «Как уступить? Это же вопрос принципиальный». – «Товарищ Хрущев, Китай – большая страна, там большая коммунистическая партия, надо им уступить, нельзя допустить раскола. Надо, чтобы китайцы вместе со всеми подписали документ, который будет иметь большое международное значение». Я говорю: «Товарищ Хо Ши Мин, наша делегация и наша партия все силы прилагают к тому, чтобы сохранить единство в коммунистическом движении и правильно оценивают значение Коммунистической партии Китая. Мы сделаем все, чтобы Китай остался вместе с братскими компартиями. Но вы поймите, что мы не можем в принципиальных вопросах согласиться с позицией, которую занимают китайцы: она противоречит коммунистическому миропониманию. А если вспоминать, что Китай – большая страна, а КПК – большая партия, то можно сказать, что и мы тоже не маленькая страна и у нас не маленькая коммунистическая партия. Кроме того, все коммунистические партии равны, должны пользоваться равными правами и равными возможностями. Наши устремления должны быть подчинены одной цели, победе коммунистического движения». Он согласился с таким доводом, но сказал: «Для нас это вдвойне трудно, ведь мы с китайцами соседи». И от меня он, видимо, пошел к китайцам. После длительных переговоров наших представителей с китайцами мы все же нашли общую формулу, и Китай согласился подписать документ[102].

Поэтому я был очень огорчен, когда позднее китайцы пошли на открытый разрыв с Коммунистической партией Советского Союза и другими братскими партиями. Китай имеет сильное влияние во Вьетнаме. Там налицо большая прослойка китайского населения. Даже ключевые позиции в руководстве Компартии Вьетнама занимали прокитайские люди. Поэтому они повели там работу против Советского Союза, против нашей политики в то самое время, когда мы делали все, чтобы помочь Вьетнаму. А прокитайские элементы во Вьетнаме делали все, чтобы поссорить нас, оттолкнуть Вьетнам от Советского Союза и рассорить наши партии.

После того как Пекин фактически порвал с нами всякие деловые и политические отношения и делал все, что только было в его силах, против нас, он стал навязывать свою точку зрения

и Вьетнаму. К сожалению, Вьетнамская партия трудящихся пошла на поводу у Китая. Это нам очень обидно. Мы искренне ничего не жалели, оказывая помощь Вьетнаму, а Вьетнам потом делал все в угоду Китаю против нас и против интересов самого себя. Почему сейчас я вспомнил об этих горьких пилюлях прошлого? Из сообщений в печати (а других сведений я не имею) можно сделать вывод, что все идет хорошо: приезжают делегации вьетнамского народа и Вьетнамской партии трудящихся, делегации наших журналистов ездят во Вьетнам, освещают борьбу вьетнамского народа, показывают ее по телевизору и в кино. Но кое-какие сведения, которые доходят до меня, гласят, что, в сущности, не все обстоит так гладко, как это рекламируется в печати, по радио и телевидению.

Говорят, что вьетнамцы проявляют незаслуженную сдержанность в отношении к советским людям. И это – несмотря на признание всей мировой печатью, всеми врагами коммунизма, что Вьетнам оказывает сопротивление американцам главным образом потому, что опирается на помощь со стороны Советского Союза. Следовательно, существуют еще во Вьетнаме и во Вьетнамской партии трудящихся, в ее руководстве и правительстве какие-то прокитайские силы. Внешне между нами развиваются дружеские отношения и взаимопонимание. Но не является ли это данью, которая, может быть, даже по совету Китая отдается вьетнамским руководством, чтобы не лишиться помощи Советского Союза?

Я допускаю такую возможность, хотя хотелось бы, чтобы этого не было. Хотелось бы верить в иное, но думаю, что Китай из своих лап не выпустит Вьетнам, а прокитайские силы там всегда были очень большие. В то время, когда я занимал место в руководстве Коммунистической партии Советского Союза и в правительстве, основным сторонником Китая называли Генерального секретаря ЦК Вьетнамской партии трудящихся Ле Зуана[103]. Доклады, которые мы получали и от посла, и от людей, которые выезжали во Вьетнам, позволяли сделать вывод, что фактически Хо Ши Мина отстранили от руководства, ссылаясь на то, что он стар. Его обвинили в том, что он питает особое отношение к Советскому Союзу, не может реально разобраться в ситуации, которая сложилась сейчас, недооценивает роль Китая. Одним словом, я уже тогда, обладая такой информацией, понимал, что товарищ Хо фактически не принимает участия в решении важнейших вопросов коммунистического движения во Вьетнаме.

Сейчас, с его смертью, эти бациллы могут ожить с новой силой. Это было бы плохим памятником Хо Ши Мину. Сколько

сил он затратил, сколько вложил ума в дело революции, в укрепление дружбы с Советским Союзом! Сейчас еще, конечно, до победы там не так близко, но все-таки свет победы над американским империализмом уже брезжит, уже виден. Поэтому надо не ослаблять усилий и мобилизовать все на завершение борьбы вьетнамского народа. А ведь это борьба не только вьетнамского народа. Вьетнамцы проливают кровь и жертвуют собой в интересах мирового коммунистического движения. Будет ли проявлено достаточное понимание нас руководителями Вьетнама, которые остались там после смерти Хо Ши Мина, покажет время. Сейчас, когда разгорелась жесточайшая борьба между Вьетнамом и американскими агрессорами, даже эти прокитайские элементы поняли необходимость дружбы с Советским Союзом, и верность позиции Хо Ши Мина обозначилась лучше. Если после его смерти опять там будет проводиться Ле Зуаном линия, как в те времена, о которых я говорил, то будет нанесен большой ущерб коммунистическому движению, и в первую голову непоправимый ущерб самим коммунистам Вьетнама, вьетнамскому народу в его борьбе за независимость и социализм во Вьетнаме.

После смерти Хо Ши Мина много было произнесено речей и еще больше написано статей о нем в газетах и журналах. Видимо, и дальше будут писать о Хо Ши Мине люди разных политических направлений, разного миропонимания, разных взглядов. Я же хочу сейчас поделиться впечатлениями о прочитанном и услышанном, попытаться высказать некоторые соображения относительно перспектив развития взаимоотношений между Вьетнамом и Советским Союзом. Какие это будут отношения? Как станут строиться отношения не только с капиталистическими странами, но и с теми коммунистическими партиями, которые разошлись взглядами с Мао? Какие возникнут отношения руководства Вьетнамской партии трудящихся и вьетнамского народа с Китаем? Это сейчас многих волнует. Вряд ли кто сумеет предсказать, как начнут развиваться события. Какие-то их проблески заметны, но надо быть осторожным, потому что все течет, все меняется. Были же когда-то безупречные отношения у Советского Союза с Китайской Народной Республикой, были хорошие отношения и с самим Мао. А теперь все изменилось. То же – и с Вьетнамом. Наши отношения были хорошими, и если они потом ухудшились, то это была вина не Коммунистической партии Советского Союза, а, как я считаю, результат влияния Мао.

Основные документы, которые дают возможность прогнозировать, гадать о будущем, – так называемое Завещание

Хо Ши Мина и речь Ле Зуана на его похоронах. Я прочел оба документа дважды. Я даже принуждал себя внимательно прочесть, чтобы правильно разобраться и понять, как будут развиваться отношения между Советским Союзом и Вьетнамом. Так называемое Завещание не вселяет в меня хороших перспектив. Не знаю, насколько точен документ, названный Завещанием. Если это подлинное Завещание, то насколько полностью оно опубликовано и не подверглось ли редактированию или даже исправлениям после смерти Хо? Это покрыто мраком неизвестности. Почему во мне закрались сомнения? Зная товарища Хо и его отношение к Советскому Союзу, я удивлен, что он в своем Завещании даже не назвал нашу страну. У него нет там слов «Советский Союз», нет слов «Коммунистическая партия Советского Союза». Он абстрактно обращается к народам, к компартиям, призывает всех к единству. Но Хо был умным человеком и понимал, что такое отвлеченное обращение без адреса не способствует объединению и сплочению компартий. Это не в его духе. Поэтому думаю, что, когда этот документ составлялся, на Хо оказывали давление. Не говорю, что стояли над его душой. Нет, он учитывал обстановку, которая сложилась. Следовательно, этот документ не столько сориентирован на будущее, сколько на настоящее.

Когда у нас испортились отношения с Китаем, Вьетнам вначале колебался. Но Хо занимал дружескую позицию в отношении нашей компартии и нашего народа. Однако в результате линии, которую начал проводить Ле Зуан, произошло отстранение Хо Ши Мина от руководства, и я убежден, что его положение в политическом руководстве потом не восстановилось. Все дальнейшее время Хо Ши Мин оставался как бы иконой компартии, а народ в своем большинстве не знал об истинном положении вещей. Если принять эту гипотезу, то станет понятным содержание Завещания. Оно составлено в прокитайском духе, хотя там Китай и не назван. Достаточно было не назвать Советский Союз, не говорить о тех симпатиях, которые питали и питают народы Советского Союза к героической борьбе вьетнамского народа.

В Завещании ничего не говорится и о той огромной бескорыстной помощи, которую оказывает Советский Союз Вьетнаму. А ведь эта помощь – решающая, потому что в условиях современной войны, которую ведет Вьетнам с таким богатым и сильным агрессивным государством, каким являются США, невозможно бороться без нашей помощи. Получить более или менее равнозначное американскому вооружение можно, только опираясь на Советский Союз. Правильно сделали вьетнамцы,

когда перестроили свою политику. Я говорю «перестроили». Да, они ее не изменили, но перестроили, учитывая необходимость продолжения войны. Чтобы добиться победы, надо иметь соответствующее вооружение, а это вооружение они получают только от Советского Союза. Китай это дать им сегодня не может.

Если с учетом этих обстоятельств вновь проанализировать Завещание, то оно соответствует положению «Богу молись, но и черта не гневи». Поэтому я считаю, что оно составлено в прокитайском духе. Может быть, под влиянием Чжоу Эньлая немедленно после смерти Хо Ши Мина этот документ подвергся редактированию и опубликован не подлинник, а выдержки из него? В политике известны, к сожалению, такие случаи. Речь Ле Зуана, которую я внимательно прочел, тоже построена в духе Завещания. Это еще больше подтверждает мою догадку. Все направлено на то, чтобы не лишиться материальной помощи со стороны Советского Союза и других коммунистических партий. Но, получая ее, не противоречить Китаю. Китай понимает сейчас необходимость для Вьетнама проводить политику дружбы со всеми братскими народами. В острейшей борьбе, которая там сейчас ведется, нет другого выхода. Но нужно иметь в виду, а я абсолютно в этом убежден, что такая политика проводится больше в интересах Китая, чем самого Вьетнама.

Как же дальше будут развиваться наши отношения? Повторяю, очень трудно сейчас сказать определенно. Все меняется. Однако можно предвидеть, что, пока продолжается война Вьетнама с США, будет проводиться политика, которая проводилась и при жизни Хо Ши Мина. Но, зная, что Ле Зуан до мозга костей прокитайский человек, я не думаю, что он сможет повернуться на 180 градусов и стать просоветским человеком. В отношении его это исключено. Следовательно, он будет прикрываться маской дружбы. Но надо помнить, что дружба вынуждена учитывать сложившиеся обстоятельства. Как только война закончится и американцы будут выброшены из Вьетнама (а я желаю, чтобы как можно скорее наступил этот день), будет сброшена и маска, и Ле Зуан опять предстанет перед Компартией Советского Союза в прокитайском обличье.

Полагаю, что нам придется перетерпеть очень горькие явления, которые будут проявлены в отношении нашего народа и нашей партии. Вьетнам поставит в отношениях с Советским Союзом такие же условия, как и Китай, то есть изгонит наших людей, за исключением небольшого числа лиц. Видимо, сейчас сохранился какой-то наш дипломатический штат в Пекине. Так будет и с Ханоем. Хочу, чтобы этого не случилось, но не хочу и проявить слепоту. Я видел и знаю их политику. Со смертью Хо Ши

Мина там развязаны руки для проведения антисоветской политики. Высказывая свои мысли, желаю добрым словом еще раз помянуть своего друга и товарища по борьбе за коммунистическое дело, апостола коммунистического движения, незабвенного и дорогого друга товарища Хо Ши Мина.

Об Албании

Хочу теперь остановиться на наших отношениях с албанским правительством и с Албанской партией труда[104]. Во времена Сталина у нас не существовало никаких трений в отношениях между Советским Союзом и Албанией, между нашей компартией и Партией труда. Они были такими, какими и должны быть между социалистическими странами. СССР все делал для того, чтобы помочь Албанскому государству окрепнуть после разгрома гитлеровских полчищ и изгнания итальянских вооруженных сил с его территории. Албанский народ объединил тогда свои усилия с югославами, и они вели совместную борьбу против общего врага – гитлеровской Германии и фашистской Италии. Как мне рассказывал товарищ Тито, Коммунистическая партия Югославии оказывала большую помощь албанскому народу в организации борьбы против фашистов. Это естественно, потому что Коммунистическая партия Югославии была лучше организована и имела более богатые революционные традиции. Коммунистическая партия Албании, как она тогда называлась, была слабее и нуждалась в поддержке, которую ей и оказывали югославские товарищи. Тито рассказывал, как он посылал своего соратника Вукмановича-Темпо[105] в Албанию, где тот занимался организацией Партии труда.

Когда еще имели место самые хорошие отношения между Советским Союзом и Югославией, а Тито[106] у Сталина пользовался абсолютным доверием, помню, как при мне Сталин продиктовал телеграмму Тито, где говорилось, что дальнейшие взаимоотношения с Албанией должны исходить из того, что Албания будет входить в состав Балканской федерации. Такая телеграмма была послана. Конечно, в Албании об этом ничего не знали. Сталин вынашивал идею создания Балканской федерации и часто высказывался на эту тему в нашем кругу. Для будущего правительства Балканской федерации даже начали строить дворец около Белграда. Когда я был в Югославии, то видел это место. Там возвели довольно много железобетонных конструкций, но потом все забросили. Включение Албании в состав Югославского государства не противоречило идее Сталина о создании федерации балканских стран. Когда же прервались дружеские отношения с Югославией и Сталин возненавидел Тито, идея Балканской федерации была похоронена.

Я не все знал о том, что послужило поводом к ухудшению отношений между Югославией и Советским Союзом, но кое-что мне было известно. Сталин рассылал нам некоторые телеграммы,

получаемые от советского посла Юдина в Югославии. В этих телеграммах Юдин рисовал в националистическом свете деятельность Тито и все делал для того, чтобы показать, что это не дружеская страна, что компартия Югославии под руководством Тито ведет подрывную работу против нашей Коммунистической партии. В чем конкретно Юдин обвинял югославов, я сейчас не помню. Тогда я работал на Украине и мало занимался международными вопросами, потому что был как бы изолирован от этих дел и не получал соответствующих документов. Хотя я являлся членом ЦК Политбюро ВКП(б), документов, которые должны были бы мне присылаться, не поступало. Тут господствовал Сталин. Он скажет – всем разослать, тогда и пошлют, а если не скажет, то ничего и никому не рассылали.

После смерти Сталина нам остались в наследство наихудшие отношения с Югославией. Мы стали думать, как этот вопрос решить. И я сказал бы, что в этом вопросе именно я проявил инициативу. Почему? Я всегда восторгался деятельностью югославских партизан. Югославские партизаны в борьбе с фашизмом проявили себя едва ли не лучше всех других. Это общеизвестно и должно быть общепризнано. Они создали армию, которая имела свое централизованное командование и вела успешную борьбу с немцами, освободила довольно значительные территории, на которых был создан партизанский край. Кроме того, еще до войны я слышал о деятельности Тито. Это был коммунист, хорошо известный в Коминтерне. Как бывший военнослужащий австро-венгерской армии, он попал в русский плен и прошел свою первую политическую школу во время Октябрьской революции. Вследствие этого я и питал к нему симпатии, хотя лично с ним мало встречался.

Встречался же я с Тито тоже у Сталина. Я находился как-то в Москве, когда Сталин сказал, что приедет югославская делегация. Сказал он это с симпатией и с радостным ожиданием: вот они приедут! Но я не дождался приезда этой делегации и вернулся в Киев. Потом Сталин мне позвонил и сказал, что Тито будет возвращаться домой проездом через Киев, и попросил: «Вы там поухаживайте за Тито и другими товарищами. Они хорошие друзья». Я так и сделал. Приехали Тито, Кардель[107], Джилас[108] и другие. Мы сделали все, что было нужно: показали им город, его окрестности, поехали в колхозы, были в театре, проводили беседы. Беседовали мы, конечно, о жизни Украины, о деятельности Центрального Комитета КП(б) У, а других вопросов не касались.

Мы жили тогда идеей, что когда будут возникать новые социалистические страны, то одновременно должно оформляться

какое-то их руководство не только по политическим и партийным вопросам, но и по вопросам экономики: что-то вроде международных Советов рабочих депутатов для всемирного союза таких республик. На этом мы все были воспитаны. Поэтому мы с такой любовью и доверием относились к каждому народу, вступившему на путь строительства социализма, тем более к их коммунистическим партиям. Каждому народу мы делали то же, что и себе, считая, что в объединении всех наших материально-технических, научных и партийных кадров заключена наша сила в борьбе против мирового капитализма. Я считал, что это является свидетельством хорошего внутреннего содержания людей, которые стояли на коммунистических позициях.

Когда же произошел разрыв, все сразу переменилось. Сталин готовил чуть ли не нападение на Югославию. Помню, однажды мне доложил министр госбезопасности Украины[109], что производится секретная отправка большого количества людей на Балканы из Одессы. Их отправляли каким-то кораблем, наверное в Болгарию. Люди, которые были причастны к организации их отправки, докладывали мне, что образованы воинские соединения, и хотя те уезжают в гражданских костюмах, но в чемоданах у них лежат военная форма и оружие. Мне сообщили, что готовится некий удар по Югославии. Почему он не состоялся, не могу сказать. Более того, от самого-то Сталина я вообще не слышал об этом, а докладывали мне исполнители его воли, которые занимались организацией отправки и посадкой тех людей на корабли. Настроение у них было агрессивное: «Дадут им наши! Вот они уже отправляются и вскоре начнут действовать». В их словах не было никакого сожаления о происходящем.

Почему я сейчас заостряю внимание на Югославии, хотя собрался говорить об Албании? Потому что эти вопросы взаимосвязаны. Почему именно я проявил интерес к улучшению отношений с Югославией, а не кто-либо другой? Человеку, немного смыслящему политически и знающему те времена, это должно быть ясно. Когда у нас ухудшились отношения с Югославией, я находился на Украине и, хотя входил в руководящее ядро ВКП(б), был свободен от всей этой югославской «скверны». Не могли же проявить такую инициативу Молотов, Суслов, Ворошилов и другие? Они в то время слишком близки были к Сталину. Я бы сказал тут, не столько близки к Сталину, сколько близко около Сталина: вся антиюгославская политика, которую вел Сталин, проходила через их руки, и они были непосредственными ее исполнителями, особенно Молотов. Молотов в этих вопросах являлся правой рукой Сталина.

Эти люди были приучены Сталиным мыслить с позиций великодержавного шовинизма и подходили с этой меркой ко всем коммунистическим партиям, в том числе, конечно, и к югославской. Поэтому они не понимали необходимости улучшения наших отношений и ликвидации конфликта с Югославией, они вообще не хотели поднимать этот вопрос. Когда же я поднял его, то больше всего понимания и поддержки встретил со стороны Анастаса Ивановича Микояна. Он считал, что надо предпринять такие шаги. Молотов, Ворошилов, Суслов не соглашались со мной. Им застилал глаза туман: как это мы, великая страна, победившая гитлеровскую Германию, пойдем на поклон к какой-то Югославии?

К тому времени уже сами наши брехуны, соврав однажды и много раз повторяя потом свою ложь, начали верить в собственную выдумку, что Югославия – капиталистическое государство, у которого нет ничего социалистического; что она стала на позицию предательства социализма и связана с империализмом. Интересно, что такой же аргументацией пользуется сейчас Китай, критикуя нашу страну. В Пекине заявляют, что Советский Союз заключил тайный союз с империалистами США, и тому подобные прочие глупости. К сожалению, подобные же вещи 20 лет назад и мы говорили о Югославии. Все это выдумал Сталин, а журналисты подхватили. Было испорчено много бумаги и чернил. На всех нас давил груз прошлого, и не так-то легко было пойти тогда сразу на новый шаг.

Поэтому я предложил: «Товарищи, давайте создадим комиссию из ученых и поручим ей изучить, какого типа сейчас Югославское государство – капиталистическое или социалистическое? Если капиталистическое, то какие элементы свидетельствуют, что это именно не социалистическое государство?» Не припоминаю сейчас всех, кто входил в ту комиссию, но хорошо помню, что в нее входил главный редактор «Правды» Шепилов[110]. Комиссия вынуждена была признать, что Югославию никак нельзя считать капиталистическим государством и что в государственном устройстве Югославии присутствуют все элементы социалистического уклада: нет частной собственности на средства производства, нет частной собственности на банки, все это принадлежит народу. Торговля в основном тоже находится в руках государства. Не решена была только проблема сельского хозяйства: колхозов там почти не существовало, и господствовали единоличные хозяйства. Однако такое положение имелось и в других странах, которые встали на путь строительства социализма, так что Югославия в этом

отношении почти ничем не выделялась среди таких стран, как Румыния, Венгрия, Болгария, Чехословакия, Польша. Я уж не говорю о Германской Демократической Республике.

Из всех стран, которые встали на путь строительства социализма, наиболее визгливую антиюгославскую политику проводила Албания. В известное время это нравилось в СССР и поощрялось. Но когда мы решились предпринять шаги к нормализации советско-югославских отношений, чтобы самим проложить первыми путь к сплочению, к консолидации революционных сил, нам уже вредила такая албанская позиция. Перед тем как предпринять конкретные шаги по нормализации советско-югославских отношений, мы посоветовались с братскими коммунистическими партиями. Не помню сейчас, кто и как реагировал, но большинство согласилось с нами. А мы добивались этого очень настойчиво. Исключение составила Албания. Руководители Албанского государства и Партии труда очень плохо встретили наши предложения и стали доказывать, что югославы – безнадежные люди, что они не коммунисты. Все это высказывалось со злобным присвистом. Особенно возмущался Энвер Ходжа[111]. У него резкий характер, и когда он говорит о том, что ему не нравится, у него лицо просто передергивается и он чуть ли не скрежещет зубами.

Мы же спокойно доказывали, что надо с пониманием и мудростью относиться к тому, как складываются международные отношения; что нормализация будет полезна и Албании, и Югославии, и всему социалистическому лагерю. Зачем нам такое разобщение? Надо иметь в виду, что в Югославии живет много албанцев, и хотя социалистические страны тоже подтасовывают иной раз статистические данные, когда это выгодно, но Тито потом говорил мне, что в Югославии албанцев больше, чем в самой Албании[112]. Я в этом ничего плохого, собственно, и не вижу, особенно при наличии дружбы между государствами. Албания была вынуждена согласиться с нами, но не потому, что мы их убедили, а потому, что другого выхода у нее не было.

Советская делегация поехала в Югославию (о чем я буду говорить особо), и мы нормализовали наши отношения. Правда, и после нормализации они протекали неровно: были объятия, было и охлаждение. Но, во всяком случае, того, что случилось при Сталине, больше не повторялось. Мы стремились к укреплению наших добрых отношений и делали шаги, способствующие объединению наших усилий как в политике, так и в экономике. Это вызвало еще большее негодование у Албании. В те времена мы относились к этому как бы с позиции старшего товарища: ну,

что делать, если они не понимают? Подрастут и поймут, ничего тревожного здесь, собственно говоря, нет. Мы разъясняли нашу позицию, чтобы албанцы поняли нас как можно лучше.

С Албанией же мы строили не просто братские отношения. Ведь братские отношения – это отношения на равной ноге. А здесь с точки зрения оказания помощи возникли отношения старшего к младшему. Мы очень много средств затрачивали на содействие Албании. Другим странам мы оказывали помощь в порядке предоставления льготных кредитов, а Албании шла помощь на другой основе, главным образом путем дарственных. Албанскую армию мы вообще целиком взяли на свое содержание: давали ей обмундирование, питание, боеприпасы, вооружение, и все это бесплатно.

Почему? К тому имелись свои причины, и любой здравомыслящий человек, который разбирается в обстановке, в которой мы тогда жили, поймет и найдет полное оправдание таким нашим действиям. Надо иметь в виду, что в то время уже был создан Североатлантический пакт. Албания занимала хорошее стратегическое положение на Средиземном море, и ее мы рассматривали как базу социалистических стран на этом море. Поэтому вставала дилемма: иметь ли нам там, грубо говоря, свои войска или же создать в Албании собственную сильную армию? Естественно, Албания могла содержать лишь небольшое количество войск, и они не производили бы никакого впечатления на противника. Собственного вооружения она практически не производила, видимо, только винтовки. Поэтому мы решили помочь материально созданию по возможности многочисленной албанской армии, но, конечно, не настолько, чтобы это было обременительно для экономики Албании. Это должна была быть армия, которая могла бы производить грозное впечатление, будучи вооружена современными боевыми средствами. Поэтому она получила танки, артиллерию, новое стрелковое вооружение. Я уж не говорю об обмундировании и питании. Если бы Албания из своего бюджета выделяла средства на обеспечение армии, то у нее бы не осталось денег на другие нужды: развитие экономики, индустриализацию страны, на социалистическую перестройку. И мы с пониманием относились к нуждам Албании.

Когда после войны стали вновь обостряться отношения СССР с капиталистическими странами, мы уже не исключали возможности военного конфликта. Со своих позиций Албания серьезно угрожала бы действиям натовского военного блока на Средиземном море. Поэтому мы договорились тогда с албанцами о том, чтобы завести у них подводный флот. Мы так делали в

интересах всех социалистических стран. Было решено разместить там 12 подводных лодок. Знаете, довольно крепкий кулак – 12 подлодок в Средиземном море. С таким кулаком наши противники вынуждены были бы считаться. Эти подводные лодки мы тоже хотели передать Албании. Наши моряки выехали к ним со всеми надводными и ремонтными средствами, должны были обучить и, по мере создания албанских команд для подводных лодок, передавать им эти подлодки. Данный шаг свидетельствует о том, с каким доверием и, я бы сказал, с какой любовью относились мы к албанским друзьям. Албанские делегации во главе с Энвером Ходжей и Мехметом Шеху приезжали к нам несколько раз. Между нами сложились наилучшие отношения, я не говорю уже о простом албанском народе.

Албанцы много раз просили нас прислать к ним делегацию от нашей партии и правительства на высшем уровне. Было решено, что я возглавлю такую делегацию. В 1959 году мы отправились в Албанию[113]. Перед тем как выехать, мы проинформировали албанских друзей, что не хотели бы, чтобы в нашем присутствии публично велась какая-либо критика Югославии и ее руководства. В то время Албания сохраняла очень обостренные отношения с Югославией и вела с ней словесную дуэль в печати. Я считал, что это наносило вред. Поэтому мы посоветовались между собой и сообщили Энверу Ходже, что не хотели бы, чтобы во время пребывания нашей делегации в Албании продолжался этот спор в печати между Албанией и Югославией. Мы предупреждали, чтобы нас не втягивали в такую дискуссию и на митингах. Мы вообще не хотели, чтобы на митингах албанские товарищи поднимали этот вопрос и тем самым вынуждали нас как-то реагировать. Естественно, мы не могли поддерживать такую дуэль, да еще на высшем уровне представителей двух стран. Это никак бы не послужило шагом к улучшению наших отношений с Югославией и могло быть воспринято как объявление идеологической и политической войны между нашими народами, между нашими государствами. Мы же не хотели этого и попросили албанцев учесть наши пожелания.

Во время нашего визита на митингах и других собраниях албанцы воздерживались от критики Югославии. Но заметно было, как это им трудно дается. В беседах же закрытого характера албанцы убеждали нас, что с югославами не может быть примирения, что югославы не коммунисты, а такие-сякие и прочие. Мы с ними не могли согласиться, хотя и не все поддерживали из того, что происходило в Югославии. Мы даже высказывали такое мнение публично, но у себя дома и не хотели делать это в Албании. Согласиться же, что они не коммунисты,

что Югославия не социалистическая страна, мы вообще не могли. То был уже пройденный этап в нашем миропонимании. По конкретным вопросам мы еще перебрасывались иногда перебранкой, но считали, что в своей основе они коммунисты, хотя и по-своему трактуют отдельные теоретические и практические положения.

Во время нашего пребывания в Албании албанцы вели себя как друзья, и между нами не возникало никаких шероховатостей. О Югославии они на митингах, как я уже отметил, ничего не говорили и, таким образом, не ставили нас в положение людей, которые должны либо отмалчиваться, либо вступать с ними в спор. А мы не хотели ни того, ни другого. Мы провели там несколько дней, побывали в их столице Тиране и в других городах, в селах, в портах. Везде встречали невероятно радушное отношение к Советскому Союзу, к нашему народу, к нашей партии как со стороны трудящихся Албании, так и со стороны Ходжи и Шеху. Я не видел никаких грозовых туч или, как говорят украинцы, никакой хмары, которая заслоняла бы солнце дружбы, под которым мы хотели наслаждаться жизнью и строить дальше братские отношения между Советским Союзом и Албанией. Между нами не возникало противоречий.

Если говорить о нас, то нам особенно не на что было претендовать: Албания слишком бедна, и у них не имелось ничего, что могло бы интересовать нас в смысле ресурсов. Наши экономические отношения строились исключительно в интересах Албании. Даже то мизерное количество нефти, которое Албания стала добывать с нашей помощью, мы же у нее и покупали. Ее нефть настолько низкого качества, что ее невозможно сбывать на капиталистическом рынке, и мы вынуждены были получать эту нефть в счет оплаты наших поставок и придумывать, как ее использовать в нашем хозяйстве. Мы это делали, потому что если бы мы ее не взяли, то никто бы ее не купил. А это значило отказаться от добычи нефти в Албании. Затем мы дали албанцам тракторы. Территория у них небольшая, пахотных земель немного. Но мы хотели помочь перестроить албанское хозяйство на современном уровне, сделать из Албании как бы жемчужину, которая притягивала бы к ней мусульманский мир, особенно Ближний Восток и Африку, притягивала бы к коммунизму. Вот, собственно, каковы были наши намерения и какую политику мы там проводили.

Мы предложили Албании построить мощную радиостанцию, что преследовало пропагандистские цели. Эту радиостанцию мы хотели использовать в целях пропаганды наших идей, нашей политики, политики всех коммунистических партий, наших

общих целей в борьбе за социализм и коммунизм. Мы строили большой морской порт в Албании. Одним словом, давали все, в чем нуждалась Албания, и все делали для того, чтобы сделать ее достойным партнером в социалистическом содружестве, чтобы Албания стала наглядным примером для стран, освобождающихся от колониального гнета, и демонстрировала преимущества социалистической системы.

Беседы с албанскими лидерами проходили в дружеской атмосфере. Я уж не говорю о встречах с народом. Народ выражал большие чувства дружбы и благодарности к нашей делегации и через нас к Советскому Союзу, к нашей политике. Народ правильно оценивал нашу помощь, а она была заметна везде и всюду. Все новое, что там было сделано, осуществлялось с нашей помощью, по нашим кредитам, нашими специалистами и рабочими. Это всем было видно, и народ очень высоко ценил эту помощь и наше дружеское отношение к его нуждам. Албания – маленькая страна. Но ее маленький народ живет в интересном географическом месте, где переплетаются различные противоречия Европы, и противников у него много.

В беседах, которые мы вели, албанцы часто поднимали вопрос о греках. У них имелись какие-то территориальные споры, сейчас не помню, в чем они конкретно выражались. При желании всегда можно найти способ поддерживать отношения с соседом в состоянии спора, потому что ни одна граница не проходит так, чтобы она всех удовлетворяла, и кто-то всегда имеет возможность претендовать на ее исправление. Руководствуясь разумом, надо контролировать эти желания, подавлять их, относиться серьезно и с пониманием к своим соседям, создавать условия жизни в дружбе и мире с ними. Это возможно только при взаимном стремлении. Если такого взаимного стремления нет и одна страна хочет, а другая этого не хочет и не признает существующих границ, то, как бы ни хотелось жить в дружбе и мире, этого, к сожалению, не получается.

На албанских границах было спокойно. Албано-югославская граница не вызывала у нас никакой тревоги. Мы верили, что югославы ничего не замышляют против албанцев. Не знаю, насколько искренни были албанцы. Но мне казалось, что они с пониманием относятся к пограничному вопросу, хотя граница с Югославией их и не устраивала. В беседах они говорили, что очень много албанцев живет на территории Югославского государства. Но это были как бы исторические рассказы, без всяких претензий и намеков, что они что-то замышляют и хотят, чтобы мы поддержали их. Такого разговора албанцы не поднимали, хотя и не были удовлетворены. Они считали, что

албанцы в Югославии страдают, что их там угнетают. Эти внутренние вопросы касались только Албании и Югославии. Югославы полагают, что албанцы в Югославии пользуются всеми правами ее народов. Думаю, что так оно и есть.

Другой эпизод, связанный с границей. Не помню, в каком году министр иностранных дел или другой общественный деятель Греции приезжал в Советский Союз. Я его тоже принимал. Албанцы – очень мнительные люди. У них сложилось впечатление, что мы ведем с греками переговоры об изменении греко-албанской границы в пользу Греции[114]. Конечно, такого вопроса не поднимал никакой грек, и вполне разумно, потому что мы стояли на позициях защиты интересов Албании. Надо же вообразить себе, будто мы могли вести какие-то переговоры с греками, которые нанесли бы территориальный ущерб Албании! Глупость, просто недомыслие, плод больного воображения! Но, к сожалению, такие мысли албанцы высказывали кому-то из наших людей. А когда потом между нами обострились отношения, то они уже официально и вполне прямо говорили, что мы сговаривались с греками отторгнуть от Албании какие-то территории в пользу Греции. Бред сумасшедшего! Как отторгнуть? Если бы даже греки высказывали такие претензии и какой-то сумасшедший на нашем месте согласился с ними, то подобные вопросы ведь не решаются без войны. А кто бы стал воевать? Что, мы воевали бы за греков с Албанией? Просто бред! Но этот бред, к сожалению, высказывался албанцами.

Конечно, во время нашего визита эти вопросы еще не возникали. Их просто как бы не было. Одним словом, пребывание нашей делегации в Албании проходило приятно. Беседы, которые мы вели, были исключительно дружескими, и мы вернулись домой в хорошем настроении и с хорошим мнением об их достижениях. Успехи у албанцев на самом деле были большие. Мы этому радовались: маленький народ энергично перестраивал свое хозяйство, хотя очень, очень бедно выглядели албанские крестьяне. Бедность, примитивность царили там везде. Но это не вина албанского народа и не вина Албанской партии труда. Так сложилось исторически, и надо было много потрудиться, чтобы изжить нищету и поднять жизненный уровень народа. Мы как раз стояли на этих позициях и оказывали всемерную помощь Албании.

На XX съезде КПСС мы доложили о тех извращениях, злоупотреблениях и несправедливых казнях, которые были совершены Сталиным. Мы, естественно, искренне стояли на позициях демократизации нашей жизни, хотя и не все стояли, как потом выяснилось. Некоторые хотели повернуть колесо истории

вспять, притормозить разоблачение Сталина. Тут я говорю о многих товарищах, с которыми находился в одном коллективе. Но мы взяли путь на демократизацию общественной жизни Советского Союза. Многие другие коммунистические партии подражали нам. Кто-то искренне разделял нашу точку зрения, кое-кто соглашался под давлением общественности, как партийной, так и беспартийной. Шел процесс демократизации общественной жизни.

Все эти проблемы бурно обсуждались на партийных собраниях в странах Восточной Европы. В Албании же дело приняло особый оборот. Мне рассказывали тогда наши сотрудники посольства в Тиране, что очень страстно проходило собрание партийного актива Тираны. Это собрание тянулось несколько дней, и Энвер Ходжа удержался буквально на волоске. Его резко критиковали и даже ставили вопрос о том, чтобы заменить Ходжу, Шеху, Бекира Балуку[115], всю эту тройку. Не помню, кто еще подвергся критике из партийных руководящих кадров на партактиве в Тиране. А обращаю внимание на этот факт потому, что он имел, видимо, решающее значение для дальнейшего развития отношений между Коммунистической партией Советского Союза и Албанской партией труда, между нашими государствами.

Все-таки Ходжа выплыл. И он, и Шеху, и Балуку остались в руководстве. Но это происшествие смертельно напугало их. Кроме того, они были вообще потрясены. Они-то считали себя вождями, непререкаемыми авторитетами. И как это люди посмели возвысить голос на активе и потрясти их авторитет? И не то что потрясли, а буквально чуть ли не стряхнули их с руководящих постов. Когда Мао Цзэдун стал проводить антисоветскую политику, линию, направленную на разрыв с Коммунистической партией Советского Союза, то не надо быть, как говорится, умным, чтобы понять, что его союзницей в этой политике могла стать Албания. Мао пригласил в Китай делегацию Албанской партии труда. Ее возглавил Мехмет Шеху. Я уже попутно говорил об этом и буду, видимо, повторяться, но ничего не поделаешь, потому что наша деятельность переплеталась.

В свое время мы сами критиковали югославов, наделяли их нехорошими эпитетами, что они, дескать, ревизионисты, отступники от марксистско-ленинской теории и прочее. Я сейчас не буду вдаваться в разбор этих вопросов, это для меня уже пройденный этап. Потом развивались между нами разные отношения, случались и обострения. В целом же в нашем отношении к Югославии победила дружба, и к концу моей

деятельности у меня установились наилучшие отношения с товарищем Тито и другими деятелями Компартии Югославии. Я относился к ним с большим уважением. Но китайцы решили использовать нашу критику Югославии, а потом наше примирение, которое перерастало в дружбу между нашими партиями и между руководством Советского Союза и Югославии. Китайцы ловко поддержали албанскую критику Югославии как борьбу с ревизионистами, борьбу с Тито в качестве носителя всяких антисоциалистических и антикоммунистических бацилл, с которым не может быть никакой дружбы.

Эти семена упали на подготовленную почву. Тут и не потребовалось особых усилий со стороны китайцев, потому что албанцы сами искали, кто бы их поддержал. Китай – огромная страна с большим населением и с большим будущим. Им, как говорится, и карты в руки, рассуждали албанские руководители; тут-то они и возьмут реванш. Но они, полагаю, недалекие и ограниченные люди. Только поэтому они стали политику определять арифметикой. Не требовалось особых знаний математики, достаточно было иметь представление о четырех арифметических действиях, чтобы определить, какое население у Китая и какое – у других социалистических стран. Все социалистические страны не имели в совокупности столько народу, сколько один Китай. Следовательно, он пуп Земли. Так, видимо, определили свою линию Ходжа и Шеху. Они полностью объединились с Китаем в борьбе против Советского Союза, против Коммунистической партии Советского Союза.

Вот в связи с этим я и обращаю внимание на то, что партийный актив Тираны, где решалась судьба Ходжи, выступил тогда против него. Албанские лидеры восприняли охотно антисоветскую политику, которую провозгласил Мао. Им не надо было навязывать ее, они сами были подготовлены к ней не хуже, чем китайцы, исходя из опасной ситуации, которая сложилась для них после XX съезда КПСС. Они понимали, в чем заключалась суть осуждения культа личности, осуждения единовластия, осуждения антидемократических норм жизни и в партии, и в стране. Это напугало албанских лидеров, да и не только их.

Некоторые другие тоже встревожились: демократия, конечно, хороша, но в демократических условиях удержаться у власти, не оглядываясь на народ и не прислушиваясь к тем, кем руководишь, – трудная задача. Тут требуется большой ум, требуется умение понимать задачи, которые стоят перед страной, умение слушать тех, кем ты руководишь. Надо всегда чувствовать свою зависимость от масс: ты находишься в руководстве, но не потому, что хочешь руководить. Надо, чтобы ты понимал, что

можешь руководить лишь при условии, что этого хотят те, которыми ты руководишь. А это возможно только при одном условии: что руководитель будет плоть от плоти и кровь от крови своего народа, своей партии, станет исходить из интересов народа, а не личных, эгоистических, тщеславных устремлений, обладает нужными знаниями, скромностью и умением жить в коллективе, вести работу, которая соответствовала бы тому общественному и политическому положению, которое ты занимаешь волею партии. Ты не над партией! Нет, ты слуга партии и можешь оставаться на этом посту, только пока партия поддерживает тебя и довольна тобой, твоей деятельностью.

Все это не соответствовало практической деятельности Ходжи, Шеху и Балуку. Когда между нами обострились отношения и переросли потом во враждебные, к нам приходили некоторые албанские товарищи и буквально лили слезы, рассказывали, какое положение возникло в их стране и куда сейчас они отброшены. Мне рассказывал Тито, что прежде первым секретарем компартии Албании был очень хороший товарищ. Югославы его знали и поддерживали. Сам он из рабочих. Собственно говоря, это он был организатором Коммунистической партии Албании[116]. Но Ходжа, Балуку и Шеху устроили против него заговор. Рассказывали, что Шеху лично задушил этого человека. Вскоре нам стали известны и другие жуткие случаи: кого там задушили, кого как-то иначе тайно убили. У них сложилась такая система: если кто-нибудь проштрафился, а это определяли Ходжа, Шеху и Балуку, то они втроем выносили приговор. Достаточно было им троим согласиться, что сей человек вреден, и они находили способ, как тайно его уничтожить. Этот человек быстро исчезал.

Все это было очень похоже на систему, которую ввел Сталин. Он тоже так делал через Берию и через других подобных лиц. Таким способом и было уничтожено Сталиным много достойных людей. Вот какое положение сложилось в Албании. Вызывалось оно боязнью демократизации страны, боязнью демократизации общественной и партийной жизни. А этот путь я считаю неизбежным. Именно из-за этого у нас произошел разрыв. Как развивался этот разрыв по этапам? Прежде всего, мы узнали, что албанцы ведут с китайцами переговоры, направленные против КПСС и других братских партий. Иных фактов у нас раньше не было.

В то время из Китая ехала через Советский Союз албанская делегация. В наш ЦК пришла албанка, член Политбюро Лири Белишова, честнейший человек. Думаю, что сейчас они задушили ее, беднягу[117]. Гестапо ее не задушило, а свои «братья»

справились и задушили за то, что она, как искренний коммунист, пришла к нам в ЦК и рассказала, о чем китайцы беседовали с албанцами и как албанцы соглашались с китайцами. Мы же по наивности своей, как только узнали об этом, побежали к Шеху, который лежал тогда у нас в больнице, все ему рассказали и спросили, как это могло случиться, что в Китае велась такая беседа? Шеху буквально вскочил с больничной постели и сейчас же улетел в Албанию.

Окончательный разрыв оформился, когда в Бухаресте проходил очередной съезд Румынской коммунистической партии[118]. Мы решили собраться там и обменяться мнениями по международным вопросам, включая вопросы отношений между коммунистическими партиями и более конкретно складывающиеся между другими компартиями и компартией Китая. Я говорю здесь не только о КПСС и КПК. Нет, этот вопрос касался и других братских партий. Когда мы собрались, то совершенно неожиданно для меня албанцы открыто выступили против нас и в поддержку Китая. Не помню сейчас фамилии представителя Албанской партии труда на съезде в Бухаресте. Но я его спросил: «В чем дело?» Он ответил: «Товарищ Хрущев, я сам ничего не понимаю. Но я получил директиву поддерживать китайцев». Мы думали, что еще не все потеряно, и хотели сделать все, чтобы восстановить наши дружеские отношения с албанцами. Однако, несмотря на наши усилия, это ни к чему не привело.

А когда в 1960 г. в Кремле собрались на международное совещание все коммунистические и другие братские партии[119], Ходжа выступил с антисоветской обвинительной речью. Он показывал клыки больше, чем сами китайцы. Тогда очень хорошо выступила Долорес Ибаррури, старейший революционер, человек, преданнейший коммунистическому движению. Она сказала: «Как это так? Выступление Ходжи подобно тому, как пес, которому подают хлеб, бросается и кусает руку подающего». Это было очень метко сказано.

Так что конфликт с Албанией произошел по сугубо принципиальным вопросам. Албанские лидеры с их методами тайных и явных убийств создали партию, которая держится лишь на страхе. Они не смогли принять решений XX съезда КПСС. Поэтому в борьбе против Коммунистической партии Советского Союза они, как и китайцы, подняли на щит имя Сталина. Сталин – вот идеал! Сталин – это марксист, это ленинец, а все остальные – ревизионисты. То есть ревизионист тот, кто высказывается против тайных и явных убийств, тот, кто выступает за демократизацию жизни партии и страны. Албанским лидерам оказалось не по пути с такими людьми. Это, конечно, истинная

трагедия албанского народа. Никто, никакой здравомыслящий человек не мог предположить, что такое руководство сумеет пользоваться доверием и уважением своего народа, своей партии. Они же оказались вынужденными терпеть. Ведь никуда не денешься! Точно так же было у нас при Сталине: Сталин вел истребление руководящих кадров партии, это стоило нам тысяч голов честных людей, а все кричали: «Да здравствует Сталин! Сталин – лучший друг народа, Сталин – отец народа!»

Ходжу, видимо, пока так не называют: он еще молод по возрасту, но он хочет этого. По его пониманию, этого можно добиться, только держа партию и народ в страхе, подчинив его себе путем угроз и насилий. Такую же политику проводит Мао. Сейчас иной раз включишь радио и слушаешь. Вот говорит Китай, а вот говорит Тирана. Языки разные, но суть одна. Их лидеры исходят из одной концепции, что народ – навоз, а вожди – гении. Поэтому у них не вожди для народа, а наоборот, народ для вождей. Еще когда я встречался и беседовал с Мао во времена наших самых лучших отношений, то во многом никак не мог его понять. Тогда я относил его позицию к каким-то особенностям китайского мышления, к историческим особенностям китайской нации. Схемы одних его рассуждений были для меня слишком упрощенными, в другой же раз он пускался в очень сложные рассуждения. Я уже упоминал как-то о лозунге «Пусть расцветают сто цветов», то есть пусть развиваются все направления культуры. Теперь каждому ясно, что это была провокация. Этот лозунг был выброшен для того, чтобы вызвать людей на откровение, а потом расправиться с теми «цветами», которые неугодны по запаху или по цвету.

Или же другой лозунг, который был тоже высказан Мао и подхвачен Ходжей: «Не бояться империализма, империализм – это бумажный тигр», то есть тигр, который не опасен. Нам это было непонятно. Такой лозунг был выдвинут еще тогда, когда у нас сохранялись хорошие отношения. Мы не могли в ту пору пренебрегать этим лозунгом, должны были считаться с ним, потому что его выдвинул наш друг Мао, вождь китайского народа. С лозунгом «бумажный тигр» носились долгое время, но сейчас они что-то затихли и не повторяют его. Не знаю, отбросили его или же, использовав, перешли к другим лозунгам. Это же невероятно: американский империализм – бумажный тигр? Ведь тигр – довольно опасный хищник, а США – это не бумажка.

Когда я уже находился в отставке, то слышал раз по радио об интервью, которое дал Чэнь И[120] какому-то американскому писателю. Тот поставил вопрос прямо: мол, основываясь на

высказываниях Мао, США считают, что вы хотите развязать войну. Правда ли это? Чэнь И ответил: «Нет, мы не хотим войны и будем воевать только в случае, если состоится прямое нападение на территорию Китайской Народной Республики». Это меня тогда просто резануло. Ведь это был недвусмысленный призыв к американскому империализму о нападении на Северный Вьетнам. Так и получилось: американцы правильно поняли Мао и развязали войну с Северным Вьетнамом. Китай же не вмешался в эту войну, его солдаты не защищали Вьетнам. Хотя и «бумажный тигр», но они знали, что такой тигр может схватить за горло. Подобное провокационное заявление ободрило американских агрессоров и подтолкнуло их к прямому нападению на Северный Вьетнам.

Такой же позиции придерживался Ходжа. Собственно, что еще можно тут сказать об Албании? Когда сегодня говоришь – Албания, нельзя не говорить о Китае. Политика Албании – это отражение политики, которую ведет на Западе Китай. Или возьмем еще один лозунг Мао: «Ветер с Востока побеждает ветер с Запада». Казалось бы, сугубо климатическое или географическое понятие. Но он запугивал всех Китаем: ведь восточные ветры могут дуть с большой силой.

Расскажу и еще об одном эпизоде нашего конфликта с Албанией. Как я уже говорил, мы дали ей 12 подводных лодок. Когда же отношения обострились, мы решили вернуть себе все подводные лодки и то сопутствующее оборудование, которое им давалось. Албанцы воспротивились этому. На трех, кажется, подводных лодках команды были уже полностью албанскими, на одной или двух – смешанными. Нам удалось вывести девять не то восемь подводных лодок, а три или четыре остались в Албании, мы не смогли их вывести. Но мы ожидали даже агрессивных акций со стороны албанцев и когда выводили подводные лодки, то наши военные корабли, не помню сколько, маячили у берегов Албании на случай чего-либо. Если бы албанские власти силой стали удерживать наши подводные лодки, то корабли должны были припугнуть их.

Тут, собственно, произошел уже полный разрыв с Албанией. Не знаю, выиграли ли от этого албанцы. Думаю, что проиграли: мы прекратили оказывать им помощь, все оборвали. Мне неизвестно, какие трудности создались тогда в Албании, но слухи у нас шли такие, что китайцы решили взять помощь им на себя. Они потом оказывали помощь, но я не знаю, в тех ли размерах, как мы. Думаю, что вряд ли, потому что в самом Китае сложились в то время очень тяжелые условия. Правда, удельный вес потребностей Албании по сравнению с китайскими очень

небольшой, так что китайцы могли что-то сделать. Сейчас я не сумею даже приблизительно что-то сказать, потому что наше посольство в Албании было изолировано, и албанцы перестали к нам туда приходить. Таких людей уничтожали. Мы лишились возможности получать какую-либо информацию.

Ну и как быть дальше? Считаю, что надо приложить все усилия к тому, чтобы конфликт, в котором сейчас находятся КПСС и другие коммунистические партии с китайской, сужался и рассасывался. Следует добиться такого положения, чтобы коммунистическое движение стало монолитным и единым. Это должно быть поставлено главной целью. Надо все сделать для того, чтобы смягчить наши отношения и затем превратить их в дружеские. Это будет в интересах народов Советского Союза, в интересах всех миролюбивых народов, в интересах китайского народа, в интересах борьбы за мир, за мирное сосуществование. Китайские лидеры много раз поносили Советский Союз, КПСС за лозунг мирного сосуществования. Однако, когда буржуазные журналисты прижимали Мао вопросами, он сам повторял, что Китай тоже стоит на позициях мирного сосуществования. Бандунгская декларация была принята с участием Китая, а она свидетельствует о том, что автор этой декларации стоял на позициях мирного сосуществования[121]. Но китайцев не всегда поймешь. Как говорится, не попадешь в него толкачом в ступе: то они высказываются за мирное сосуществование, то против. Албания же плетется в хвосте у Китая.

Югославские проблемы

Товарища Тито я до Второй мировой войны не знал лично. Он был известен мне лишь заочно как работник Коминтерна. Но я ведь был далек от Коминтерна. Как-то после войны в разговоре со мной Мануильский[122] хорошо отзывался о Тито, он его близко знал. Я услышал по-настоящему о Броз Тито, когда загремела слава о партизанах Югославии, которые повели активную борьбу против гитлеровцев. Регулярно появлялись соответствующие сообщения в нашей печати. В них давалась высокая оценка партизанам и действиям Тито. Полагаю, что на меня не обидится ни одна коммунистическая партия в мире, если скажу, что самое сильное всенародное движение партизан возникло на раннем этапе войны именно в Югославии. Первенство и массовость югославского партизанского движения неоспоримы. Следует отдать должное югославскому народу и его компартии.

Я познакомился с Тито уже после войны, когда он посещал Москву[123]. Сталин тоже много говорил о Тито, и только хорошее. Тито произвел на него сильное впечатление, и он отдавал должное Тито как крупному организатору партизанского движения. В Киев как-то позвонил Сталин и сказал, что в СССР гостит Тито с товарищами Карделем, Джиласом и другими: «Они возвращаются к себе на родину, поездом следуют через Киев, организуйте им хорошую встречу, поухаживайте за ними и расположите Тито к себе». – «Все будет сделано», – отвечаю. Мы проявили русское и украинское гостеприимство. Разместили гостей, правда, неважно, у нас тогда еще не было восстановлено порушенное войной хозяйство. Но сделали все, что могли, и они остались довольны.

Тито захотел поехать в колхоз. Хотя колхозы тоже были еще бедными и показать нам особенно было нечего, Тито и там остался доволен. Потом мы пригласили их в оперу. Тито чувствовал себя там размягченно, вел теплую беседу, восхищался хорошей игрой актеров и их голосами. Не скрою, что мы тогда все мерили на свой аршин и считали, что на каком-то этапе произойдет объединение всех стран в мировой Союз советских республик. Поэтому нам особенно хотелось показать Тито успехи Советской Украины. Продемонстрировать, что Югославия только выиграет от объединения усилий с нами. В ходе этих контактов Тито понравился мне: живой и простой человек. И Кардель тоже понравился. Сейчас мы даем другую оценку Джиласу, но тогда и он произвел очень хорошее впечатление не только на нас, но и на Сталина: умный, подвижный человек с чувством юмора. Помню,

как в театре, во время антракта, он рассказывал всякие анекдоты. Например: «В одном городе тяжело жили корова, собака и осел. Они решили перебраться в горы, поселились в пещере. Спустя какое-то время заскучали. Хоть они в городе и голодали, но их тянуло посмотреть, что же там делается? Погадали и решили послать собаку, у нее ноги хорошие, ей легко добежать. Собака быстро вернулась. Ее спрашивают: “Ну, что там делается?” – Она отвечает: “Плохо, но жить можно. Правда, я опять сбежала. Как же я, собака, могу жить в городе, если там запрещено гавкать?” Опять они втроем бродили в горах. Спустя какое-то время решили послать на разведку корову. Она не гавкает, может, ей понравится жить в городе? Через небольшое время корова вернулась. “Ну как?” – “Невозможно жить. Как только пришла в город, все бросились на меня, хватают за вымя, сосут, тянут и никто не кормит. Еле-еле я удрала, чуть все соски не оторвали”. Через еще какое-то время послали в город осла. Потом прибежал он назад. “Ну как?” – “Невозможно жить. Пришел я в город, а там выборы, хотели меня избрать в парламент. Еле удрал”».

Тут Тито посмотрел строго на Джиласа и говорит: «Ты что же рассказываешь такие анекдоты? Что же, мы в парламент ослов выбираем?» Он тоже сказал это в шутку, и все дружно смеялись. Нам анекдот понравился. Думаю, что Джилас сам его сочинил. Я рассказал эту историю, чтобы показать, какая сложилась у нас непринужденная обстановка. Когда я приехал в Москву, то рассказал обо всем Сталину. Сталин остался очень доволен тем, что на Тито Украина произвела хорошее впечатление. Он был уверен, что у Югославии с Советским Союзом сложатся братские отношения. Однако спустя некоторое время была разослана членам Политбюро информация о Югославии. Наш посол, философ, академик Юдин[124] подробно расписывал какое-то заседание Политбюро ЦК компартии Югославии, на котором отпускали всяческие остроты в адрес СССР, наших офицеров и наших инженеров, которые были посланы в Югославию для оказания ей помощи[125]. Выражения приводились очень неуважительные, даже оскорбительные. Документ был довольно большим и весь состоял из таких реплик и замечаний. Потом стали поступать из Белграда новые донесения. В них давались характеристики разным людям и описывались различные точки зрения, но одной направленности – против СССР. Там поносили советских граждан, издевались над нами, считали недостаточно культурными, какими-то полудикарями, азиатами, а в это слово вкладывался определенный смысл: нам противопоставлялись югославы как европейцы, люди западной, более высокой культуры.

Все это пересказывалось в лицах: такой-то говорил то-то, такой-то говорил это. Одни говорили против Советского Союза, другие – за. Некоторые разговоры происходили даже при встречах в советском посольстве, куда ходило много разных людей, стоявших на различных позициях. Многие из таких людей были нашими друзьями. За дружбу с нами их исключали из КПЮ, некоторые даже поплатились жизнью. Конфликт с СССР постепенно набрал такую силу, что там начали арестовывать людей уже не потому, что они наши друзья, а потому, что они выступают против линии руководства КПЮ. Это понятно. Если правительство Югославии стало на позицию конфронтации с СССР, а наши друзья боролись за сохранение дружеских отношений с нами, то к ним и применялись репрессивные меры.

С каждым донесением нашего посла Юдина отношения между Югославией и Советским Союзом все больше обострялись, обстановка все больше нагнеталась. Какими выражениями он пользовался в своих шифровках, я сейчас, через столько времени, просто не помню. Когда-то они станут достоянием историков, будут доступны.

Сейчас я думаю, что наш посол Юдин был необъективен, очень придирчив к югославам и проявил недостаточно понимания их взглядов. Надо было не командовать, не рассматривать себя как комиссара Сталина в Югославии, а по-доброму относиться к братской компартии и братскому народу, строить отношения с ними на взаимном доверии и взаимном уважении, а не на основе командования и диктата. Югославы – люди с достоинством, они диктата не терпят, тем более те, кто вел такую славную партизанскую борьбу и выдержал ее с честью. А наш посол общался с ними, используя окрик. Это вполне понятно, его хозяин Сталин хотел, чтобы руководители братских стран смотрели ему в рот и глотали все, независимо от того, в каком виде подавалась собеседнику пища. Но Тито оказался иным. Югославы были не таковы. Так что Сталин сам дал им повод для недовольства. Если бы Сталин одернул сидевшего в Белграде указчиком Юдина, то, возможно, многое повернулось бы иначе.

Дело кончилось тем, что Советский Союз отозвал всех, кто был послан для оказания помощи Югославии, в том числе военных. Огромное количество людей! Мне говорили потом и Тито, и Ранкович, и Кардель, что когда они получили сообщение об отзыве советских людей, то в Белграде наступил траур. И простые люди, и руководители страны были страшно огорчены и не могли понять, чем это вызвано, зачем совершается шаг, который ведет к разрыву. Такое решение оказалось для них полной неожиданностью. Когда они мне рассказывали об этом, то

всю вину валили именно на Юдина. Уверяли меня, что даже фамилия Юдин происходит от имени Иуда. Юдин сыграл в отношении Югославии, по их мнению, роль Иуды-предателя, все сделав, чтобы добиться разрыва отношений между СССР и Югославией. В таком заключении тоже было много субъективности. Зачем Юдину нужно было ставить перед собой такую цель? Он был послан в дружественную страну выполнять иные функции. Конечно, от него лично многое зависело, вот тут его субъективизм мог сыграть нехорошую роль. Тому или иному факту можно придать любую направленность, дать любое толкование.

Но ведь поручения давал Сталин, а Юдин выполнял их.

Сталин же в то время, грубо выражаясь, настолько задрал нос, что земли под собой не чуял. Самым главным для него было то, что наша армия теперь самая мощная в мире. Он еще мог считаться с США и их союзниками. Но считаться с Югославией? С Польшей или другими подобными странами? Тут он требовал полного подчинения. В Польше неподчинения не могло случиться: там у власти оказались люди иного характера. Кроме того, там стояли наши войска. Такое же положение было в Румынии и Венгрии. Не такое буквально, но тоже подчиненное положение занимала Чехословакия. Иначе сложилась судьба Югославии. Мы помогли ей в освобождении Белграда, но югославы уже сами имели в то время сильную и хорошо организованную армию, которая успешно вела борьбу с гитлеровскими войсками. В этой стране следовало разговаривать с ее народом по-другому.

Думаю, что югославы искренне хотели дружеских отношений с нами. Сталин сам оттолкнул их, а себя он вел так, как будто среди людей, которые его окружали, вообще не находил себе равных. Считал, что все должны боготворить его и исполнять любые его капризы. Если кто-либо проявлял какую-то самостоятельность, то это могло привести к печальным последствиям. Этот деспот многократно показал, на какие гадости и зверства он способен, и во всех случаях без исключений считал, что если человек не согласен с ним, то его нужно устранить любыми способами. Когда однажды я приехал в Москву, Сталин рассказывал о документах, полученных им от Юдина, и об обстановке, которая якобы сложилась в Югославии: «Вот, – поднял он руку и отделил мизинец от других пальцев, – шевельну мизинцем, и не будет Тито». Такое «шевеление» и стало его главной целью в отношениях с Югославией. Он не искал каких-либо путей к согласию, хотя и мог предотвратить разрыв, потому что Тито – это все же не Мао Цзэдун. Я верю Тито и

другим югославам, которые рассказывали, как они буквально плакали, когда от них уезжали советские люди.

Потом на страницы нашей печати были вынесены заголовки, где Тито и Ранкович изображались в самых невероятных позах на карикатурах[126]. Ранкович, как министр внутренних дел, выполняя волю Тито, тоже, видимо, допускал необоснованные расправы. Пошла перебранка между двумя социалистическими странами и двумя коммунистическими партиями. Сталин обвинил Тито в том, что он не коммунист, а Коммунистическая партия Югославии отреклась от социалистических идей. Югославию обвиняли во всяких грехах: что она идет по пути реставрации капитализма и прочих. Но когда Сталин увидел, что внутренние силы в Югославии, на которые он надеялся опереться, намереваясь любыми средствами расправиться с Тито, недостаточно сильны, и попытался убрать Тито с дороги другими средствами, то это тоже не вышло. Засылка туда наших агентов не имела успеха[127].

Антиюгославских совещаний проводилось два. Одно, кажется, проходило в Праге, там докладчиком был, помнится, Маленков; второе – в Бухаресте, там докладчиком был Деж. Я знаю из разговоров в окружении Сталина, что Дежа просто использовали. Доклад был составлен у нас, а писали его Суслов и Маленков. Зачитан же доклад был Дежем для того, чтобы показать, что не только КПСС и СССР, но и страна, которая только что стала на путь социалистического строительства, тоже выступает против Югославии. После смерти Сталина Деж об этом мне сам рассказывал. Только в 1955 году в наших отношениях с Югославией наметился поворот. Мы составили делегацию для поездки в Югославию, чтобы попытаться восстановить прежние контакты и ликвидировать искусственно созданную напряженность между нашими странами.

Прежде чем решить вопрос, у нас проходили довольно острые обсуждения. Вопрос зрел долго, пока наконец не решили попытаться установить контакты и ликвидировать созданные Сталиным напряженность и враждебность между Советским Союзом и Югославией.

Главными оппонентами у меня оказались Молотов, Ворошилов и Суслов. Шепилов занимал позицию, которая не увеличивала возможность правильного понимания дел. Оно и понятно: он долгое время был редактором газеты «Правда» и немало пописывал на эту тему со сталинских позиций. Поэтому ему было трудно сразу правильно и объективно подойти к решению вопроса.

Микоян выступал за восстановление добрых отношений.

Маленков занимал свою обычную позицию, высматривая, где большинство, чтобы потом к нему присоединиться и не прогадать. В этом было его несчастье. В острых вопросах он всегда занимал позицию с оглядкой: как бы чего не вышло. У него имелось больше гадания, чем желания отыскать истину. Расхожим аргументом в СССР служила фраза: «Как же можно? Они ведь скатились на позиции капитализма. Их экономика поглощена американским монополистическим капиталом. Восстановлены частные банки. Существует частная собственность на промышленность» и т. д. Полагаю, что мы тогда настолько оторвались от реальности, что сами стали верить в эти глупости. Есть такой анекдот. Шел по деревне мулла. Его спрашивают: «Откуда вы идете?» – «С того конца деревни». – «А что там нового?» – «Там дают бесплатно плов». Люди побежали туда. Теперь их самих мулла спрашивает: «Куда бежите?» – «Там бесплатно дают плов». И мулла побежал вместе с толпой.

На этот анекдот было похоже наше отношение к Югославии. Сами выдумали и сами поверили. Я предложил созвать комиссию, привлечь в нее партийных работников и экономистов, собрать нужные данные и проанализировать по элементам, является ли Югославское государство социалистическим или уже стало капиталистическим. На такой вопрос нельзя отвечать с волевых позиций: мне так хочется. Понятия о стране складываются из наличия в ней определенных экономических и социальных элементов. В комиссию входил и Шепилов. Нам доложили, что нет никаких оснований считать Югославию капиталистической: средства производства находятся в руках государства, крупная торговля – тоже, крестьянство пользуется частной собственностью, но есть в деревне и коллективные хозяйства. Банки находятся в руках государства. Государственная власть опирается на диктатуру рабочего класса, а само государство – социалистического типа. Все обвинения, служившие основой для конфликта, отпали. Все обрушилось, как карточный домик. И тогда мы решили восстановить контакт с Югославией.

Так как в конфликт были ранее втянуты другие коммунистические партии и социалистические государства, то нам надо было согласовать с ними свои действия. Мы обратились с письмом к братским партиям и социалистических государств, и в западном мире. Точно помню, что мы обращались к коммунистам и Англии, и Франции, и Финляндии. Отовсюду получили ответы с согласием. Меня поставили во главе делегации, как первого секретаря ЦК КПСС. Мы обратились к Югославии с просьбой принять нас. Югославские товарищи ответили согласием. Прилетели мы туда. Нас встретили, как

положено встречать иностранную делегацию такого ранга, хотя особых братских чувств хозяева не проявляли. Были заметны настороженность и сдержанность и в народе, и в руководстве. Первым перед собравшимися на аэродроме выступил Тито. Потом предложили микрофон мне. Мое выступление было заранее отработано в коллективе как мнение руководства ЦК КПСС. Тито сказал: «Переводить не надо. У нас все знают русский язык». Думаю, что и это было проявлением настороженности. Югославы ведь не все знают русский язык. Тито не хотел, чтобы сразу была переведена вся моя речь. Вот я хотя и знаю украинский язык, но, когда оратор говорит быстро, не успеваю переводить сам для себя с украинского на русский. А украинский ближе мне, чем русский югославам.

Я, признаться, был несколько разочарован таким приемом. Ведь в нашей стране группировки, выступавшие против восстановления добрых отношений, были довольно сильными, и холодный прием в Белграде мог быть расценен как враждебное недружелюбие и отбросить нас назад. Но что делать?.. Нас разместили, показали нам Белград. На следующий день начался подробный обмен мнениями. Мы изложили югославским товарищам свое понимание ситуации. Встреча состоялась по нашей инициативе, и мы должны были выступать первыми. Еще когда я поднял в Президиуме ЦК вопрос о восстановлении отношений с Югославией, раздавались голоса с предложением пригласить оттуда товарищей на переговоры в Москву. Но я возразил, считая, что югославы не поедут. Ведь именно по нашей инициативе произошел разрыв отношений. И мы первыми стали публично нападать на югославов, а уж потом югославы начали отвечать тем же. Если Югославия, размышлял я, рискнет прислать к нам делегацию и не добьется согласования позиций, то тогда это будет выглядеть так, что Югославия пришла к нам с поклоном, а мы его не приняли. Югославы, остерегаясь такого, не поедут первыми. Нужно именно нам, большой стране и большой партии, проявить инициативу. Если даже мы не договоримся, то это окажется полезным для дальнейшего примирения. Я был абсолютно убежден, что мы добьемся взаимопонимания.

Итак, мы изложили свою позицию. Каков был ее недостаток? Мы тогда еще не раскрыли злоупотреблений Сталина. XX съезд КПСС был впереди. А в 1955 г. мы просто не созрели для того, чтобы выговорить слова, правильно характеризующие положение дел, создавшееся в партии при Сталине. Наоборот, старались обелить Сталина, насколько это было возможно. Его авторитет был еще высок. А все наши невзгоды валили на Ежова, а главным образом на Берию. Это в малой степени соответствовало

действительности. Не Ежов, не Берия выдумали Сталина и вложили ему топор в руки, чтобы рубить головы. Сталин выдумал Ежова и Берию и превратил их в орудие произвола.

Кто из них лучше? Я думаю, можно сказать – оба подлецы. Более оборотистый, я бы сказал, человек, который мог показать даже человеческое великодушие, даже сочувствие к жертве, а потом задушить ее – Берия. Ежов более прямой человек.

Тогда мы все валили на них. Доказывали. Внутри нашей партии, в печати мы занимали такую же позицию, ее же теперь излагали югославам. Я впервые услышал откровенную характеристику Сталина именно от югославов. Она меня тогда покоробила. Я вступил в спор. Главными нападающими были Попович[128] и Кардель. Попович особенно резко расшатывал нашу позицию, которая основывалась на утверждении, что Сталин не знал о творимых преступлениях. Попович утверждал, что Сталин был главным убийцей и сам все организовал. Не кто-либо подвел Сталина, после чего он стал жертвой обмана. Нет, именно он был главным организатором бойни.

Подспудно я сам это понимал, но настолько еще был подавлен авторитетом Сталина, что был не в состоянии назвать вещи своими именами. У меня существовала раздвоенность сознания. Мы тогда имя Сталина яростно защищали и вступили в словесную драку с югославами. Затем они выразили согласие поговорить о восстановлении наших отношений. Потом организовали нам поездки по стране, а кое-где и митинги. Народ проявлял сдержанность. При поездках по улицам было видно, что люди не стихийно вышли встречать диковинку, приехавшую из Советского Союза, а что все организовано. Порою слышны были выкрики недружественного характера, раздавались упреки. Главным же образом мы слышали: «Да здравствует Тито!» В целом югославы решились на нормализацию отношений. То было не полное восстановление нормальных отношений. Но другого мы сразу и не могли ожидать после столь большого напряжения, которое чуть ли не привело к войне между социалистическими странами. Моментально достичь полного доверия, как только мы сели за стол выпить по рюмке вина, оказалось невозможно. Югославы согласились начать заново строить дружеские отношения. Свою позицию проявили и в конкретных делах: показали нам различные предприятия, показали могилы наших солдат, которые отдали жизнь в борьбе против Гитлера за освобождение Югославии. Они с достоинством относились к памяти наших воинов. Памятники были в хорошем состоянии, имелись плиты с именами погибших.

Договорились о возобновлении работы наших посольств

в Белграде и в Москве. Восстановились и экономические отношения. При Сталине они были прерваны[129], никаких экономических отношений не существовало, но оставалась большая задолженность Югославии Советскому Союзу, которая складывалась из поставок оборудования и в связи с поставками Югославии нашего вооружения. Теперь все в полной стоимости было предъявлено Югославии к оплате. Югославия же не имела возможности заплатить такой долг и попросила нас списать долги. Мы не настаивали на уплате, а они не делали твердого заявления, что не уплатят, просто ссылались на свои трудности. Кроме того, югославы аргументировали тем, что часть долгов образовалась в результате войны против общего врага. У меня появилось сочувствие к их проблемам, но сами мы вопрос решить не могли, он требовал коллективного обсуждения. И мы сказали: «Мы изучим, из чего сумма долгов сложилась и при каких обстоятельствах, тогда и выскажем свое мнение по этому вопросу». Нам ежедневно привозили почту из Советского Союза. У нас тогда летал тихоход Ил-12. Из Москвы до Белграда лететь нужно было много часов, с дозаправкой в Будапеште. Мы попросили разрешения у Югославии выделить нам аэродром, который мог бы принимать самолет-бомбардировщик Ту-169, чтобы оперативнее получать почту. Этот бомбардировщик по тем временам оценивался как лучший в мире. Правда, дальность полета у него была только европейского радиуса действия. Позднее на базе Ту-16[130] был создан пассажирский самолет Ту-104.

Югославы согласились. Прилетел наш самолет. Он произвел на них очень сильное впечатление. Не стану отрицать, что мы воспользовались этим самолетом, чтобы возбудить заинтересованность Югославии. Хотели продемонстрировать, что СССР располагает мощной армией и современным вооружением, в том числе авиационным. Югославы нас поняли. До моих ушей доходило (информировали наши агенты), что они восприняли это как демонстрацию военной мощи. Мы дали возможность увидеть, что наш новый самолет соответствует самому передовому уровню развития науки и техники. Постепенно встречи и беседы, продолжавшиеся ежедневно, становились теплее. Лед, который замораживал наши отношения, таял. Колкостей в разговорах стало меньше, беседы приобретали товарищеский характер. Однако сохранялась некоторая настороженность и у них, и у нас. Больше других понимание дела проявил товарищ Тито. И не только как глава делегации. Конечно, он имел больше возможностей выбирать время для ответных реплик. Видимо, у них было намечено распределение ролей при переговорах: кто и

какими аргументами должен пользоваться с тем, чтобы свалить на нас вину за создавшиеся отношения. Не на нас персонально, а на Сталина. Тут они были правы. Мы тоже исходили из этих позиций, когда ставили задачу нормализации отношений. Но, повторяю, внутренне еще не были подготовлены к тому целиком, духовно не освободились еще от рабской зависимости, в которой находились у Сталина.

Югославия же на меня произвела хорошее впечатление. Очень понравился ее народ. Я не придавал при этом особого значения критическим репликам в наш адрес и славословию в адрес Тито. Мы-то знали технику такого дела: специально выделяли людей в определенных местах и отрабатывали, кто будет выкрикивать: «Отец родной! Ура Сталину!» и прочее. Все разрабатывалось по сценарию партийного руководства. Если нужно было проявить негодование по ходу доклада против мирового империализма, то тоже все распределялось: кто сделает и в какой форме. Особенно часто разыгрывались такие спектакли, когда в 20-е годы велась борьба против оппозиции. Хотя многие тогда были искренни, но постепенно театральщина стала преобладать. Я сам был участником таких дел и выполнял эту роль. Тогда мы верили, что Сталин отражает интересы народа, и совершали все из честных побуждений. Свой опыт я переносил и на Югославию, считая, что и там все разыграно по сценарию, разработанному руководством.

Народ мне понравился, но его бедность бросалась в глаза. Мы сами были небогаты, однако югославы были еще беднее. Это тоже нас не удивляло, мы с сочувствием относились к ним, понимали, что страна оставалась пока крестьянской, а многолетняя война оказалась разорительной. Орудия производства в сельском хозяйстве были примитивными, тракторов почти не имелось. Тито говорил: «Нам помогали капиталисты на разорительных условиях, а деньги одалживали под высокие проценты». Сильное впечатление на меня произвел своей непосредственностью и человеческой натуральностью Вукманович-Темпо. Он очень резко выступал против нас, но думаю, что его не надо было настраивать, резкость была в его характере. Когда все немного поостыли, он рассказал, как ездил в США вести переговоры о получении кредитов. Тогда в Югославии сложились тяжелейшие условия, возник голод из-за неурожая в месяцы самых острых отношений с СССР. США предложили в ответ кабальные условия, там думали, что нет другого выхода, как только принять их предложения. Выдвигались и условия политического характера, такие, которые отбрасывали Югославию на капиталистические позиции. «Мы умрем, но этих условий не примем, – рассказывал

Вукманович. – Я хлопнул дверью и ушел. Тогда американцы опять вступили со мной в переговоры и все-таки дали нам кое-что, видимо, боясь, что их отказ лишит возможности оторвать Югославию от социалистического лагеря».

Но Темпо ругал и меня, а на одном заседании допустил такие резкости, что я тут же вынужден был парировать: «Если ставить задачу обострения отношений с какой-либо страной, то лучшего кандидата, чем товарищ Вукманович, для выполнения этой роли нельзя подобрать». Тито взглянул на меня и засмеялся. Это уже потом мы с Вукмановичем сошлись поближе. Я очень уважал этого человека и считал его настоящим коммунистом. А грубоватость его оправдывалась суровыми условиями, в которых находилась Югославия. Впоследствии он стал терять свое положение. Какую сейчас играет он роль в государстве и в партии, не знаю, но независимо от этого я сохранил к нему хорошее отношение. Темпо выступал как защитник чести и достоинства своей страны и своей партии.

В конце встречи составили совместное заявление. В нем еще не были сняты вопросы, с которых нужно было бы начинать, чтобы обеспечить восстановление братских отношений. Но мы уже сняли шероховатости и препятствия для создания нормальных отношений. Декларация, которую мы тогда приняли, явилась исходной для восстановления дружбы[131]. Что было положено в основу? Невмешательство во внутренние дела и признание за каждой партией, за каждым народом самостоятельности, возможности проявлять свою волю без вмешательства и без давления извне. На этом они настаивали, и мы согласились, искренне считая, что строить отношения надо на доверии, а не на базе зависимости. А может ли у нас быть разное понимание каких-то вопросов? Это даже внутри одной партии бывает. Ленин такое допускал. Проводились дискуссии с целью прихода к общему мнению. Не всегда в результате дискуссии вырабатывалось общее мнение, тогда признавали то, что поддерживалось большинством. И это становилось партийной линией, которой все должны были придерживаться. Тем более возможны разные точки зрения во взаимоотношениях между народами и между странами. Без взаимного понимания, без взаимного уважения и без взаимного невмешательства во внутренние дела партий и государств нельзя поддерживать нормальные отношения. Но мы тогда же договорились и об общих взглядах на принципиальные политические вопросы, проблемы теории и практики. Ведь не может быть уступок в сугубо принципиальных вопросах марксистско-ленинского учения. Тут для нас основа основ.

По возвращении в Москву мы доложили, как проходила встреча, какие вопросы кого волновали, какое у нас сложилось впечатление о Югославии. Все пришли к мнению, что Югославия является страной, которая стала на путь строительства социализма. Она переживает большие экономические трудности, но упорно добивается своего и твердо стоит на марксистско-ленинских позициях. Народ там сплоченный, партия тоже сплоченная. В интересах международного коммунистического движения нужно срочно ликвидировать негодное достояние, оставшееся нам в наследство после смерти Сталина. С нашим заключением согласились все члены Президиума ЦК. Потом мы поставили вопрос на пленуме ЦК и проинформировали братские партии. В письме, которое разослали братским компартиям, оставили кое-какую страховочную лазейку: вдруг у нас далее не выйдет? Эта формулировка потом стала известна Тито, что опять ухудшило наши отношения. Но главное заключалось не в той формулировке, ибо наши отношения разрушились из-за венгерских событий 1956 года.

Вернусь к формулировке страховочного порядка, которую мы записали в информационном письме, разосланном братским компартиям. Американцы достали письмо у венгров и подбросили его югославам. Вот так получилось.

Югославам было интересно получить от кого бы то ни было информацию, а американцам было выгодно такую информацию дать. Она отвечала политике Соединенных Штатов, направленной на разъединение социалистических стран и, таким образом, достижение сформулированной Даллесом цели – отбросить социализм в Европе к границам Советского Союза, ликвидировать социалистические начала, на которых строилось общество в восточноевропейских странах.

Мы обсудили в Москве экономические вопросы, которые поставили югославы, и решили списать им часть долгов, что создавало хорошую основу для развития дальнейших связей. Югославы попросили у нас и кредит на довольно большую сумму. На кредитные средства они хотели построить металлургический завод с поставкой нашего оборудования. Мы кредит дали при условии поставки оборудования в счет кредита. Мы были довольны, довольны были и югославы. Я еще расскажу, как потом развернулись события в Польше и в Венгрии и как реагировал Тито.

Он нас даже несколько удивил своей поддержкой. Мы считали, что он занимает хорошую позицию, партийную позицию. Она еще раз укрепляла и подтверждала наше мнение о том, что Тито коммунист и принципиальный человек. Однако, когда

развернулись события в Будапеште, югославы приложили свою руку к обострению наших отношений с Венгрией, поддержали силы, которые вели работу против Советского Союза, против нашей партии. Здесь сложилось довольно сложное положение. Как сами венгры, так и югославы вели борьбу против Ракоши, а Ракоши по указанию Сталина очень много плохого наделал в Венгрии. Расправы, казни, аресты, репрессии проводились по указанию Сталина, по указанию его советников, присланных к Ракоши. Я уже об этом говорил, Ракоши был дубинкой Сталина против Югославии. Естественно, что югославы «горели» ненавистью, нетерпимостью и враждебностью к Ракоши. Когда авторитет Ракоши пошатнулся и против него повели работу коммунисты Венгрии, то здесь уже югославы приложили свои усилия в поддержку этих сил. Так слились усилия антиракошинских сил внутри Венгерской компартии с югославами. Так как мы раньше поддерживали Ракоши, то эти силы выступали и против нас. Так мы опять столкнулись с Тито. Здесь столкновение уже было публичным. Я раза два выступал против Югославии, против Тито, против его политики. Они соответственно нам платили той же монетой.

Товарищ Тито имел претензии на особую роль Югославии. Он, видимо, обольщался надеждой ослабить влияние КПСС на братские коммунистические партии и усилить влияние КПЮ. Кое-чего он добился. Тогда в лице Тольятти выступили итальянские коммунисты. Они нечетко поддержали политику СССР, Тольятти говорил об особой роли Югославии в коммунистическом движении, сформулировав тезис насчет возможности разных путей к достижению единой цели. Эта формулировка была в принципе правильной, она не противоречила марксистско-ленинскому учению, но в той перепалке, которая велась, казалась направленной против КПСС. Не думаю, что Тольятти хотел того. Но она давала повод выступить силам, которые стремились ослабить роль КПСС. А югославы попытались на этой основе усилить свою роль. Естественно, когда бьются две силы, то одна ослабевает, а другая усиливается. Правда, чаще всего бывает, что ослабевают обе стороны: они стараются вскрыть недостатки других и взаимно снижают свой авторитет в массах.

Спустя некоторое время уже Тито обратился к нам с предложением встретиться и опять восстановить добрые отношения. Он предложил встречу на нейтральной территории: на корабле, плывущем по Дунаю, на границе между Румынией и Югославией. Мы согласились. Решили встретиться инкогнито, без опубликования материалов в печати. Но потом Тито предложил: «Давайте встретимся открыто и объявим об этом в

печати». Местом встречи он избрал Бухарест. Мы вновь согласились. Состоялась беседа. Мы объяснились, добрые отношения восстановились. Что значит – восстановились? Легко сделать заявление… Настоящие добрые отношения восстанавливаются медленнее, чем это заявляется после встречи. В результате обострения отношений мы отказались от соглашения насчет кредита. Другие мероприятия тоже были приостановлены. Нарушилось многое, что служило укреплению отношений между нашими странами.

У нас не было никаких причин конфликтовать с Югославией. После смерти Сталина мы не претендовали на гегемонию и придерживались принципов невмешательства во внутренние дела Югославии.

С другой стороны, в борьбе антагонистических сил на международной арене, капиталистических стран против стран социализма Югославия заняла особую позицию, как она назвала, неприсоединения к блокам. Это не всегда импонировало нашей политике, раздражало нас. Бывают случаи, когда такая позиция и возмущает. Эта искра у нас осталась незагашенной еще и потому, что Югославия отказалась войти в Варшавский договор, хотя мы ей предлагали. Все европейские социалистические страны объединились в этом Договоре, а Югославия не вошла в него. Югославия занимала особую позицию и в торговле с Западом. Она заключалась в том, что Запад давал ей кредиты и разрешал фирмам Соединенных Штатов, Великобритании и других стран торговать, тогда как с Советским Союзом и другими социалистическими странами вести торговлю запрещалось.

Это не то чтобы раздражало, но давало повод брюзжать, – мол, империалисты из-за прекрасных глаз подарков никогда не делают. Если с нами запрещают торговать, а с Югославией эта торговля поддерживается, то, следовательно, Америка и Югославия имеют какие-то особые отношения. Много было недоброжелателей у нас в отношении Югославии. Их обвинения высасывались из пальца. А здесь политика была для нас совершенно иной. Империалистическим силам было и сейчас выгодно разъединять усилия стран социализма, направленные против капитализма. Они хотят нашу монолитность расщепить и в интересах этой политики делают все им доступное.

Естественно, когда капиталисты при контактах с социалистическими странами выделяли Югославию, а с другими не поддерживали нужной торговли, это вызывало раздражение. Нам некоторые изделия, особенно станочное оборудование и приборы, выгодно было бы купить напрямую в США. Но они нам не продавали, а Югославии продавали. Если бы с нами США

торговали так же, как с Югославией, мы остались бы очень довольны. Зачем же нам переносить свой гнев на Югославию, которая пользуется теми же возможностями, которые и мы бы хотели иметь? Я лично здесь не видел причин для недовольства. У Болгарии с Югославией были испорчены отношения из-за территориальных споров. Они имеют границу, которая разделяет македонскую народность. Часть ее живет в Болгарии, часть – в Югославии. Болгары претендуют на всех македонцев, считая их болгарами. Значит, их земля должна входить в Болгарское государство. Когда мы встречались с болгарскими товарищами, то критиковали их взгляды, разъясняли, что это неэтично. Нельзя сейчас поднимать вопрос о пересмотре границ между социалистическими странами. Тогда возникнут непреодолимые проблемы, которые будут не сплачивать, а разъединять нас. Обострится спор между Болгарией и Румынией из-за Добруджи, между Югославией и Венгрией из-за Воеводины, между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании. Тут такие дебри, в которые не следует забираться. Ничего реального все равно не получится, а только рассоримся и потеряем добрые отношения между социалистическими странами.

Югославы имели основание думать, что болгары выступали при поддержке со стороны СССР. Ведь наилучшие отношения у СССР именно с Болгарией. Считаю, что их надо оберегать и укреплять, но в данном случае болгары заняли неправильную позицию. Когда румыны и югославы решили строить гидростанцию у Железных Ворот на Дунае, болгары захотели вклиниться в это строительство. Я высказал болгарским товарищам свое мнение: их претензии ни на чем не основываются. Там болгарской территории нет. Если бы в результате строительства как-то затрагивалась Болгария, затоплялась или еще как-либо… Но тут никакого ущерба! Болгары приводили доводы, что они придунайская страна и поэтому претендуют на часть электроэнергии от этого гидроузла. Я тогда сказал болгарам: «Если бы, например, мы нечто подобное строили в Советском Союзе, то никогда не признали бы ничьих претензий».

Болгары же официально поставили этот вопрос. Такие претензии очень обидели румынских и югославских товарищей.

Когда румынам мы разъяснили свою точку зрения, то румынские товарищи удивились.

Деж посмотрел на меня:

– Как вы сказали?

Я повторил.

Они были приятно удивлены, потому что считали, что

болгары поступают так с нашего согласия, а может быть, и по нашему совету. Так вопросы, которые исходили не от нас, тоже создавали условия недоверия к политике Советского Союза в отношении к Югославии.

Но, как бы ни складывались наши отношения, они продвигались в сторону улучшения. Просто эти отношения в разные периоды были разной степени теплоты. И все же жизнь брала свое. Мы приглашали югославов во главе с Тито посещать Советский Союз, и он неоднократно приезжал. Однажды мы пригласили его в Крым, а там несколько дней вместе отдыхали и охотились. Охота – древний способ общения. Но не она главное: ведется обсуждение вопросов, возникающих между двумя странами. Так же мы использовали встречу в Крыму. Она прошла по-дружески.

Югославы также приглашали нас. Я несколько раз возглавлял советские делегации при поездках в Югославию. Там встречи тоже были очень теплыми. Мы посещали заводы, в том числе судостроительный, на котором в свое время строили корабли для СССР. Да и сейчас, как я вижу, у югославских судостроителей большинство заказов из СССР. В один из приездов, в 1963 году, югославские товарищи предложили нам посетить тракторный завод на окраине Белграда. Я охотно согласился. Всему миру известно, что Югославия претендовала на новый шаг в создании форм перехода от капитализма к социализму. Их формы руководства экономикой были более демократичны, чем наши, за счет привлечения общественности к управлению народным хозяйством: рабочих, служащих и ученых. Мы ранее выступали против. Теперь я захотел сам разобраться в деле, понять, в чем новые формы выражаются, насколько они правильны, могут ли быть использованы в наших условиях. На том заводе я добивался ответа на вопрос, как устанавливается план – годовой или пятилетний? Мне разъясняли. Выступили директор, представители профсоюзов, партийной организации. Но я так и не уловил их особенностей. У меня создалось впечатление, что тут бутафорное прикрытие участием общественности, план же в основном устанавливает правительство и оно же контролирует его выполнение.

Тогда я прямо поставил этот вопрос. Югославские товарищи наполовину согласились со мной. Тем не менее продолжали доказывать, что югославские формы хозяйствования более привлекательные для народа, ибо руководит хозяйством не бюрократическая верхушка, как в СССР, а народ. В какой-то степени эти рассуждения заслуживают внимания. У нас ведь, кроме производственных совещаний, на предприятиях ничего

такого не было, а производственные совещания носят сугубо совещательный характер и не могут обязать дирекцию отчитываться или отвечать за ведение дел перед производственным коллективом. Но я считаю, что централизованное руководство хозяйством в годы, когда я работал, было правильным. Только в последнее время я почувствовал необходимость перемен: поставить дирекцию в зависимость от работающих на предприятии, более активно привлекать к разработке плана трудящихся. Полагаю, что в будущем это обязательно состоится. И к контролю за выполнением плана трудящиеся тоже должны привлекаться более активно. Значит, полезное зерно в югославских формах хозяйствования существовало, что отрицать не следовало. Правда, мы публично тогда это не заявляли и критиковали югославов за отказ от органа, выполняющего функции Госплана как центрального планирующего учреждения. Раз все планируется через государство и уничтожены рыночные отношения, существующие в капиталистическом мире, то должен иметься и какой-то орган, который заменяет стихию плановостью.

Югославы разрешили своим предприятиям выход на рынок непосредственно. Те даже имеют право выходить на Запад с предложением о продаже своей продукции. Мы этого не понимали. Более чем не понимали! А раз не понимали, то были не согласны и критиковали их позицию. Югославы утверждали, что раскрепощают предприятия от бюрократических условий и создают лучшую базу для всестороннего развития экономики и удовлетворения спроса потребителя. Но это не всегда так. Однажды я беседовал с Тито в одной из наших совместных поездок, и он мне сказал: «Мы сейчас видим и отрицательные явления. Думаю, что у нас есть люди, занимающие руководящие посты на предприятиях и имеющие личные текущие счета в банках капиталистических стран. Они воруют». Там развернули кампанию борьбы против явлений, о которых Тито говорил мне. Создалась ситуация, когда югославы не получали почтой присылаемые с Запада товары. Не знаю, какие там существуют способы анонимного посылания товаров и по предъявлении какого документа можно получить такую посылку. Но дело запуталось. Тито говорил, что такие товары остались на таможне, особенно автомашины и другие ценные средства индивидуального потребления.

Тут, конечно, поиски нового. Но не все в жизни из югославского опыта оправдалось. Однако нельзя и отрицать все, над чем работали югославы. Кое-чего положительного они добились. Надо было нам спокойно относиться к этому и

использовать то, что оправдалось жизнью. У нас же все проходило при взаимных обвинениях и упреках. Каждый претендовал на знание истины. Только то, что он делает, есть марксизм-ленинизм, а остальное – оппортунизм, капитализм и прочее. Считаю, что тут и та и другая сторона занимали не всегда правильные позиции. Побуждения-то были хорошие, хотели найти истину. Между тем в вопросах практического строительства социализма организационных форм может быть очень много. Претендовать на единственно верный патент неправильно, а упорствовать при этом глупо. Касается это и политики.

В свое время Сталин имел в виду создать Балканскую социалистическую федерацию. Я работал тогда на Украине и деталей не знаю. Предполагалось, что возглавлять ее будет Димитров. В нее войдут Югославия, Болгария, Албания. Это были не только разговоры: наступила и следующая стадия развития идеи. Димитров выступил с докладом о создании такой федерации, под нее подводилась и материальная база. На окраине Белграда, на берегу Дуная, было заложено здание для правительства федерации. Рассчитывали, что Югославия и Болгария сыграют руководящую роль при создании федерации. Когда же Сталин повернул линию против Югославии, то все развалилось. Стройка заросла бурьяном, остался один железобетонный остов. Вот судьба еще одной нестандартной идеи.

Когда я посещал Югославию, то много ездил по стране, видел жизнь народа, посещал предприятия. Я узнавал много интересного. Однажды посетил строительство завода по производству химических волокон. Оборудование, очень интересное, было куплено в США. Завершение этого строительства обещало многое. Тито рассказывал, что в 1963 году они получили 70 млн долларов дохода от туризма. Для таких стран, как Италия, Швейцария, Швеция, эта сумма мизерна. Они получают от туризма больше. Но для нас то была весомая сумма. Тито рассказывал: «Мы строим гостиницы для туристов, соорудили ряд новых дорог. Происходит мобилизация средств ради привлечения валюты, которая нам необходима для торговли с капиталистическим миром». Это вызвало хорошую зависть у меня, и я стал расспрашивать: «Как вы этого достигаете?» Ответ: «В первую очередь строим дороги, потом гостиницы и рестораны. Чтобы обеспечить хорошее обслуживание туристов с Запада, посылаем своих людей в капиталистические страны учиться приему посетителей, приготовлению пищи и гостиничному обслуживанию».

Я посещал их туристские гостиницы. Они блистали чистотой, новизной, хорошим обслуживанием посетителей. Югославия – одно из красивейших мест в Европе. Пока я сам не побывал там, мне казалось, что наши Крым и Кавказское побережье являются мировым шедевром. Когда же посмотрел на Дубровник и другие замечательные места в Югославии, то понял, что нам следует проявлять некоторую скромность. Я спросил Тито: «А как вы решаете вопросы, возникающие при пересечении границы таким количеством западных туристов, приезжающих на автомобилях? У нас поставлены к тому бюрократические рогатки. Не всякий турист захочет преодолевать их». Он рассмеялся: «Мы решили так. Шпионы не всегда ездят через границу на машинах. Они попадают к нам разными путями, а чаще всего прилетают с комфортом на самолетах. Борьба со шпионажем должна вестись разными средствами, а здесь мы установили свободный проезд. Охрана на границе проводит минимум проверок, практически к нам приезжают и уезжают совершенно свободно. Оформление занимает буквально минуты».

Когда я вернулся домой, то докладывал об их практике и предложил, чтобы наши товарищи воспользовались опытом Югославии. Мы приняли большую программу строительства гостиниц для туристов, стремились привлечь к делу новых людей. Наша страна имеет много прелестей для туристов: Сибирь с ее красотами и охотой на разнообразного зверя, Крым, белые ночи на Севере, разнообразные климатические условия, экзотика Средней Азии… Да сколько у нас своих достопримечательностей, которые при хорошей организации должны привлечь огромное количество туристов! Но прежде всего нужны гостиницы и кадры, которые могли бы принимать и обслуживать туристов. Я попросил Тито: «Хотел бы, чтобы вы разрешили прислать к вам наших людей позаимствовать такой опыт». Тито ответил: «Пожалуйста, все, что вас интересует, для вас открыто. Мы охотно вам все покажем и обо всем расскажем. Каких мы у себя туристов принимаем? Это не богач, это не крупный капиталист, который прожигает деньги, к нам ездит трудовой народ, особенно рабочие. Очень много туристов приезжают на своих машинах из Западной Германии и из других стран тоже. У нас – турист средней обеспеченности, он не привозит больших капиталов, которые может тут оставить. Но он приезжает, пользуется нашими услугами, оплачивает их, и уже это нам выгодно. Он оставляет здесь валюту, которая нужна для торговли».

Впоследствии я не имел возможности контролировать, как пошли дела, ибо находился в отставке. Но по печати я вижу, что кое-что и у нас построено. Еще за много лет до отставки я

поставил вопрос о том, как использовать золотой уголок – Пицунду. Там исключительные условия для привлечения отдыхающих. И я предложил построить там многие учреждения для отдыха. Там имеются к тому замечательные условия. Когда мы отдыхали в Пицунде вместе с Микояном, то пешком обошли весь мыс: видели хороший лес, подходящий берег, близкие горы. Можно поехать оттуда на голубое озеро Рица. Близок такой центр, как столица Абхазии Сухуми. Рядом же Новый Афон и Гагра. Все учреждения мы создавали там для советских отдыхающих. Сейчас не знаю, какое направление делу дано. А тогда мы имели в виду, что человек будет приезжать для кратковременного пребывания, один или с семьей, получать там номер, отдыхать и ехать дальше.

Эти места отдыха проектировал архитектор Посохин[132]. Он мне импонировал своим конструктивно-художественным вкусом. Сначала он спроектировал невысокие здания, потом мы решили поднять этажность, поскольку это экономически более обоснованно. Хотелось, чтобы построек было поменьше, но более емких. Спланировали первую очередь комплекса на пять тысяч человек с последующим развитием одновременного приема до десяти тысяч отдыхающих. Проект предусматривал водяное и паровое отопление. Потом решили построить дома на электрическом обогреве, что будет более экономично и более культурно. Как там все сделано, сейчас не могу сказать. Строили же чересчур долго. Но если построили хорошо, то возникнет прямо-таки жемчужина Кавказского побережья.

С каждым годом Югославия набирала все больше сил, что было видно и по тому, как развивалась ее экономика. Это же стало заметно и внешне: появились красивые здания, улицы теперь были в хорошем состоянии, народ стал одеваться приличнее. У нас модницы часто гоняются за туристами, которые прибывают из-за границы, и около гостиниц, где они размещаются, клянчат, вымогают и упрашивают продать им что-либо. В Югославии таких безделушек и товаров достаточно. И я спросил Тито: «Как вы разрешаете этот вопрос? К вам ведь приезжает много туристов. Мы у себя наблюдаем позорную картину, когда наши люди перекупают или выпрашивают вещи у иностранцев». – «А мы делаем так. Когда появляется мода на какие-то предметы туалета, то покупаем соответствующую фабрику и стараемся производить эти товары у себя, удовлетворяя внутренний спрос за счет собственного производства». Нам это не так легко сделать. Пока фабрику построишь, у потребителя могут измениться вкусы, он станет гоняться уже за другими вещами. А покупать фабрики мы тоже не

всегда в состоянии. Когда я делился впечатлениями о Югославии с товарищами, то предлагал покончить с нашим позором. Мы должны предугадывать, как меняется мода, и заранее производить нужные потребительские товары. Люди были бы довольны. Нельзя рассматривать модниц и модников как чуждых лиц, с которыми не следует считаться или навязывать им: «На тебе, Боже, что мне не гоже!» Мы живем в другое, не сталинское время. Во времена моей молодости вкусы были не ахти как развиты. Но за модой всегда гонялась молодежь. Модники имелись и тогда и будут всегда. Можно ли в условиях СССР справиться с такой задачей? Безусловно. У нас огромные возможности. Со временем некоторые заводы будем покупать за границей. Но и самим надо шевелить мозгами, предвидя изменения моды и запросов потребителя, приспосабливаться к их удовлетворению.

Интересная у меня состоялась беседа с Тито и относительно сельского хозяйства. Он высказывался так: «Когда у нас произошел разрыв с СССР, то, чтобы нас не упрекали в отступничестве от социализма, мы приняли даже административные меры, чтобы завершить коллективизацию. Осуществили это с нажимом, но добились успеха по линии количества. Однако оказались в тяжелом положении по линии производства продуктов сельского хозяйства и удовлетворения запросов городского населения. Тогда мы отказались от коллективизации и сейчас считаем главным создание не колхозов, а госхозов». Образовался довольно высокий процент земель, на которых созданы государственные сельскохозяйственные предприятия зернового, огородного, молочного и мясного направлений. Тито продолжал: «У нас малоземелье, и мы покупаем землю для государства у крестьян. Большинство крестьян у нас одновременно и рабочие. Поэтому мы скупаем землю у этих рабочих, которые как бы раздваиваются: работают и на предприятии, и в сельском хозяйстве. Они охотно продают землю, а на ней мы создаем госхозы, по-советски – совхозы».

Полагаю, что это тоже социалистический путь развития деревни. Если говорить о кооперировании крестьян, то такую же примерно позицию занимал в Польше Гомулка. Мы его обвиняли в «антиколхозной политике», но Польша так и не пошла нашим путем при кооперировании крестьянства. Я считаю ленинский путь кооперирования крестьянства в принципе правильным. Но если бы сейчас начинать вновь проводить кооперирование, то так, как это провел Сталин, делать нельзя ни в коем случае. Слишком большие были издержки, и долгое время шло топтание на месте.

Еще и сейчас не выправилось должным образом производство сельскохозяйственных продуктов в СССР. Не хватает картошки, овощей. Страна переживает острый недостаток мяса, яиц, птицы. Только молока, кажется, в достатке. У нас налицо плохая организация производства. Но, видимо, есть и другие причины, сдерживающие его развитие.

По газетам сейчас мне трудно разобраться, в чем дело. Когда идут сев, уборка урожая и заготовка овощей, то газеты и радио переполнены сообщениями о выполнении и перевыполнении планов в два-три раза. Спрашивается, где же эти продукты? В магазинах их нет. Я уж не говорю о выборе разных продуктов, об ассортименте. Тут уж не до выбора, не до жиру, быть бы живу. Люди покупают то, что есть в магазине, а не то, что хотели бы купить. А в провинции совсем плохи дела. Мы тогда критиковали Югославию за то, что она не проводит кооперирование деревни по-нашему, и критиковали Польшу, но не публично, а во внутренних собеседованиях. Недавно поляки приезжали ко мне в гости. Они говорят: «У нас есть любые сельскохозяйственные продукты и сколько угодно». Поляки же импортируют в СССР картофель. Так кто же оказался прав? Возможно, югославы и поляки. После смерти Сталина мы сильно корректировали сельскохозяйственную политику. На целинных землях, например, сначала шли по шаблону, стараясь переселить туда колхозников. Это вызывало страшные трудности. Поднять семью с насиженного места, оторвать от могил предков и переселить за тысячи километров украинца, русского и белоруса нелегко. Это потребовало невероятных усилий и больших материальных затрат. Тогда мы призвали молодежь и стали там для молодых строить дома, кредитовать их, помогать им самим в строительстве. Это значительно облегчило наше положение, особенно когда все узнали, что на целинных землях не будут создавать колхозы как искусственную организацию из переселенцев. Получается нерентабельное хозяйство. Выгоднее создавать совхозы.

И мы пошли по линии создания совхозов. На целинных землях колхоз – редкое явление. Там главным образом функционируют совхозы, у них самый дешевый хлеб. Говорю о времени, когда я находился в руководстве. Как мы дошли до такого решения? Как-то я поехал на целину. Я и раньше частенько выезжал туда, разъезжал по областям, знакомился с работой колхозов и совхозов. В одной из областей встретился с агрономом МТС, человеком уже пожилым, опытным, знающим сельское хозяйство. Он обратился ко мне с вопросом: «Товарищ Хрущев, я работаю агрономом в МТС, мы обслуживаем колхозы. Хотел бы

вам рассказать, из чего складывается работа МТС и из чего – работа колхозов. Зона МТС, в которой я работаю агрономом, – зерновое хозяйство. У нас нет других видов растений, животноводства тоже почти нет. МТС все поля вспахивает и засевает, потом все скашивает и обмолачивает. Тут я прихожу к председателю колхоза и спрашиваю, какое количество зерна ему причитается, хотя и сам знаю, сколько причитается зерна, а спрашиваю фактически, куда мне развозить это зерно? Я не понимаю, зачем мы раздаем зерно». Правительство тогда этот вопрос обсудило и резко изменило направление дела. Такие колхозы – одна видимость. И мы организовали совхозы. Та машинно-тракторная станция уже была совхозом. На землях, которые она обрабатывала, она и преобразовалась в совхоз. Колхозники же числились, но фактически не работали в колхозах, за исключением трактористов. Но и трактористы, и комбайнеры тоже работали в МТС. Я даже не знаю, что там делали пресловутые колхозники в колхозе, где все работы производились через МТС. И мы превратили колхозы в совхозы, что в условиях целинных земель оказалось более прогрессивной формой ведения хозяйства.

Чистое поле. Людей нет. Мы привлекаем их как работников МТС, строим им дома, другие обслуживающие учреждения, создаем предприятие по производству сельскохозяйственной продукции. Там, где уже имеется крестьянство, процесс более сложен. Есть и другой путь, который избрал Гомулка для Польши. Там тоже держат курс на госхозы, но создают сельскохозяйственные кружки – товарищества в качестве первичной производственной ячейки. У них имеются машины, которые на договорных условиях обрабатывают землю. Получилось вроде того, что у нас называли товариществами по обработке земли (ТОЗ)[133]. А поляки их назвали сельскохозяйственными кружками. Главная их функция – закупка излишков сельскохозяйственных продуктов у крестьян и продажа по договорам государственным предприятиям. Дела там идут неплохо. Да и экономически это выгодно, потому что сельское хозяйство Польши находится на хорошем уровне. Поляки сейчас обеспечивают свои потребности полностью, даже в зерне, уж и не говорю о сахаре или картофеле.

У меня не раз бывали дружеские беседы закрытого характера с Гомулкой, когда он обращался к нам с просьбой продать им зерно. И мы продавали его Польше. Но они его скармливали свиньям и получали бекон для экспорта. А на хлеб пускали собственное зерно. Правда, югославы у нас зерно при мне не покупали и не просили. В последний раз я беседовал с Тито

летом 1964 года, когда он возвращался из Финляндии. Я выезжал ему навстречу в Ленинград. У нас состоялись дружеские беседы, чему я очень радовался. Думаю, что югославские товарищи постепенно сами приходят к выводу о необходимости централизованного планирования народного хозяйства. Иначе невозможно его сбалансировать. Тогда надо будет обращаться к рынку, и возникнут не социалистические отношения, а элементы капитализма.

Впрочем, считаю, что есть много возможностей и разнообразных путей строительства социализма. Создавать какой-то единый шаблон, единую модель для всех стран невозможно и глупо. Не менее глупо называть все, что к этой модели не подходит, антисоциализмом. Надо проявлять терпимость и предоставить возможность каждой стране и партии выбирать свой путь, исходя из местных условий: исторических, экономических, этнических и прочих. Лишь бы основные средства производства принадлежали государству и оно опиралось на диктатуру пролетариата. Вот основные условия! На меня хорошее впечатление производил и народ Югославии. Но в рядах ее коммунистов имели место некоторые искания, которые ослабляли устои партийной дисциплины. В беседах со мной Тито об этом говорил. Теперь, на положении пенсионера, я читаю, как он, выступая, предупреждает, что иной раз движение там идет такое, которое может расшатать партию. Каждая партия должна оберегать единство своих рядов. Какую роль во всем этом играют сам Тито, Вукманович, Попович, Ранкович, не знаю.

Товарищ Тито показал себя коммунистом во время войны, когда организовал партизанские отряды и боролся против гитлеровского нашествия. Он также показал себя коммунистом в мирном строительстве социализма в Югославии.

Могут мне возразить:

– А как же вы неоднократно выступали с его критикой?

Да, я выступал с критикой товарища Тито. Я и сейчас бы не отказался от принятой тогда критики позиции Югославии.

Тем не менее, я тогда считал и сейчас считаю, что в своей основе Тито как руководитель заслуживает признания и уважения.

О других руководителях Югославской компартии.

Ранкович. Я не знаю, что с ним случилось, в чем его обвинили и в каком положении он сейчас находится[134]. Я могу судить о Ранковиче, с которым я встречался, когда приезжал в Югославию, о Ранковиче, который приезжал в нашу страну на совещания коммунистических партий. Он тогда представлял Коммунистическую партию Югославии, и мне с ним всегда было

приятно встречаться. Он всегда давал понять, что он ближе других к пониманию нашей политики. Он с уважением относился к нашей партии, к нашему народу, к нашей действительности. Повторяю, не знаю, в чем его сейчас обвиняют, но этот человек был выдвинут жизнью и прошел все испытания. Могу только повторить: я относился к нему с уважением.

Попович. Он на меня производил тоже хорошее впечатление. Очень откровенный человек, очень горячий, прошел проверку войной. Он командовал, кажется, дивизией. В беседах иной раз мы вступали с ним в перепалку, это неизбежно между людьми, занимающими принципиальные позиции. Это не означает столкновения врагов. Нет, тут желание разобраться, найти позицию, которая послужила бы основной для соглашения.

Вукманович. Я о нем уже говорил. Я не знаю, какой он сейчас занимает пост. Не слышно о нем в печати. Я не сомневался, что он предан делу коммунизма и, несмотря на горячность, достоин уважения. Я с уважением к нему относился, особенно за его прямоту и откровенность. Иной раз он мог высказаться так резко, что неприятно было слушать, но надо считаться с другими мнениями. Человек высказывает свои взгляды, и если эти точки зрения приходят в столкновение с другими мнениями, то надо отыскивать общую точку зрения, общие позиции.

Добавлю кое-что о позиции югославских коммунистов на международных совещаниях братских партий в Москве в 1957 и 1960 годах. Там они присутствовали в качестве наблюдателей, участвуя в обсуждении разных вопросов, но итоговый документ не подписали. Это нас раздражало. Я такую позицию не понимал, но мы ничего не могли поделать. Югославские товарищи не хотели брать на себя никаких обязательств. Думаю, что здесь проявлялось то положение, в котором оказалась их страна. Когда мы беседовали об этом с Ранковичем, он заявил: «Мы сейчас не можем изменить свою позицию. В современном международном положении мы хотим оставаться неприсоединившимися, вне любых блоков». То есть они хотели представлять страны, как бы промежуточные между капиталистическим и социалистическим мирами или освобождающиеся от колониального гнета. Тут они хотели стать лидерами.

Потом я узнал о встречах югославских делегатов с Мао Цзэдуном. Мао им сказал: «Не подписали? Ничего страшного. Правда, хозяева немножко нервничают, но все перемелется и нормализуется, вы не огорчайтесь». Китайская же компартия подписала итоговый документ, и в беседах с нами ее представители агрессивно высказывались в адрес представителей

Югославии. Получилось, что на деле Китай как бы заигрывал с компартией Югославии: мол, КПСС слишком придирчиво относится к вам, а китайцы более либеральны. Вот вам пример, как споры аргументируются принципиальностью! Какая тут принципиальность? Ведь за единый документ мы боролись вместе с Китаем, и он же одобряет партию, которая его не подписала. Правда, прошли те времена, когда Коминтерн выступал в роли дирекции международного коммунистического движения и издавал положения, обязательные для всех компартий. Сейчас такого нет и быть не может. Надо с большей терпимостью относиться к позициям разных партий. Но это не значит, что допустимо выходить за пределы принципиальности. Тогда не останется и коммунистического движения.

С Югославией у нас было больше общего, чем различий, особенно по принципиальным вопросам. Расходились мы порой в вопросах практического строительства, это допустимо и с этим надо считаться.

Две Германии плюс Западный Берлин

Общими усилиями союзных держав гитлеровская Германия была разбита. В результате образовались новые границы, затем появилась Германская Демократическая Республика, правда уже после того, как западные страны, бывшие наши союзники, образовали Германскую Федеральную Республику (потом ее у нас называли Федеративная Республика Германии). Судя по разговорам, которые я слышал в окружении Сталина, после разгрома Германии он не задавался целью создания в Германии демократической республики. На первых порах Сталин, да и другие руководители ВКП(б) предполагали, что в Германии возродится сильная коммунистическая партия, весь рабочий класс объединится вокруг нее, и она займет достойное место при строительстве новой Германии. Эти надежды не оправдались. Реакционным силам Германии удалось воспрепятствовать такой ее судьбе, и коммунистическая партия ни в одной оккупационной зоне не сумела восстановить то влияние, которым она обладала до прихода Гитлера к власти. Видимо, она много потеряла своих членов и в руководстве тоже лишилась сильных кадров. Конечно, США, Англия и Франция стали прилагать усилия к тому, чтобы Германия осталась капиталистической и не превратилась в союзника СССР. К нашему сожалению, им этого удалось добиться, прежде всего в западных зонах страны. К чему я это говорю?

Когда я был с визитом во Франции и мы беседовали с де Голлем, я настаивал на кардинальном решении германского вопроса. Де Голль мне тогда сказал: «Сейчас не надо объединять Германию. Я некогда предлагал даже разделить Германию на несколько государств, но господин Сталин меня не поддержал». У Сталина на то имелись свои соображения. Что касается текущей политики, то де Голль торжественно пообещал: «Господин Хрущев, заявляю вам, что Франция никогда не будет воевать с Россией. Но и вы со своей стороны не добивайтесь изменения существующего положения. Давайте будем трезво смотреть на сложившуюся ситуацию. Пусть ГДР живет в составе Варшавского объединения, а Западная Германия – в составе НАТО». Таким образом он стремился не нарушать баланс сил, сложившийся после войны.

Непосредственно после разгрома Германии и Потсдамских соглашений практической линии Сталина в германском вопросе я не чувствовал. Мне не ясно, имел ли он какие-то серьезные намерения создать социалистическое государство в зоне, оккупированной нашими войсками. Не случайно из нее все, что

заслуживало внимания, вывозилось в СССР по репарациям. Потом ГДР тоже еще долго выплачивала репарации – ту долю, которая причиталась ей на основе Потсдамских соглашений, это довольно значительные величины[135]. Я знаю положение нашей страны после войны и те потери, которые мы понесли в результате вражеского нашествия, нашу бедность, нищету, голод. У нас продукты и товары выдавались по карточкам, и далеко не все можно было приобрести. Были кошмарные условия жизни, трудно сейчас себе даже представить, в каких условиях оказался наш народ. А ведь требовалось прилагать усилия и для возрождения Родины, и для продолжения строительства социализма.

Однако раз мы начали вести борьбу за душу немецкого народа, прежде всего за душу рабочего класса, то вопросы его материального обеспечения и роста благосостояния имели большое значение и для нас. Мы же, беря репарации, демонстрировали оборудование в Восточной зоне оккупации и вывозили его в Советский Союз. Иной раз вывозили совсем разломанное: некоторые машины еще могли быть использованы на месте, но, когда мы их демонтировали и перевезли к себе, где-то поставили, пользы не было. Много у нас имелось такого оборудования, особенно металлических каркасов для предприятий в Сибири. При сибирских морозах многие такие сооружения просто рухнули.

Быстро сложились неравные условия для немцев ГДР и ФРГ. В последней почти ничего не демонтировалось, и западные немцы с благословения союзников нам репараций почти не выплачивали.

Более того, США усиленно помогали возрождению хозяйства в западных зонах оккупации. Западные страны предоставили ФРГ крупные кредиты, оказали ей содействие поставкой оборудования, предметов потребления. В этих условиях нам очень трудно было создать более привлекательные условия для восточных немцев.

В результате Западная Германия добилась лучших результатов. Коммунистическая партия в ФРГ слабо набирала силу, влияние ее было ограниченным. Успешно восстановились зато другие партии, не только социал-демократическая и буржуазные, но и более правые. Весь их аппарат пропаганды был направлен против Советского Союза, ГДР, коммунистических партий в ГДР и ФРГ. Затем Западный Берлин превратился в камень преткновения. Нарушились былые взаимоотношения союзников по борьбе против гитлеризма. Запад через Западный Берлин начал проводить подрывную работу в ГДР. Это удавалось довольно легко, потому что и там, и там немцы, вопрос о языке, культуре и внешних национальных признаках при засылке

агентов не существовал. К тому же имелись свободный проезд и свободное общение между Западным и Восточным Берлином – границы не было. ГДР тоже обладала возможностью посылать своих агентов в ФРГ, но в большей степени этим пользовались с западной стороны.

Встал вопрос: как вести борьбу против западного влияния? Самый нормальный и правильный метод борьбы – сражение за умы людей уровнем развития культуры, политической линией и созданием более благоприятных условий жизни, чтобы люди имели возможность сделать свободный выбор. Но в тех условиях реально свободного выбора не было. Западная Германия – богатая, с большим промышленным потенциалом, сырьевыми ресурсами и производственными мощностями довлела. К тому же она опиралась на промышленность и финансы других стран Запада, включая не разоренные войною США. Запад задался целью превратить Западный Берлин в зеркало хорошей жизни, в витрину капиталистического мира, с тем чтобы привлекать к себе людей из Восточной Германии и вовлекать их в борьбу против социалистических мероприятий, проводимых в ГДР. Казалось бы, тут дозволенное средство. Каждый человек имеет возможность выбора по своим убеждениям, идет борьба за умы. Однако фактического равенства не существовало. СССР сам нуждался тогда в самом необходимом. Требовалось восстановить разрушенные города и села, машиностроительные и металлургические заводы, шахты, уничтоженное жилье. Ураган войны подорвал нашу экономику. Поэтому мы не могли вступить в соревнование на равных, противопоставить свои материальные ресурсы ресурсам Запада.

Западная Германия стала более привлекательной, чем ГДР, особенно для инженеров, врачей, преподавателей, высококвалифицированных рабочих. Они частично потянулись в ФРГ. Другие просто ехали к своим прежним хозяевам, бежавшим на Запад, а за собой потянули более мелких сошек. Условия жизни в ГДР ухудшались. Сталин решил оборвать этот поток, установив блокаду Западного Берлина на сухопутных средствах сообщения. Он хотел «нажать» на Запад, создать единый Берлин и закрыть границы Восточной Германии. Когда был прекращен доступ в Западный Берлин с запада, это привело к большому обострению обстановки. Запад мобилизовал все свои силы. США создали «воздушный мост», авиацией завозя все для поддержания прежнего уровня жизни в Западном Берлине. Там ограничений не возникло.

Отношения между бывшими союзниками накалились. Сталин не исключал того, что противостояние может вылиться в военный

конфликт. Советская Армия была приведена в боевое состояние. В любую секунду, получив приказ «Огонь!», зенитная артиллерия вокруг Москвы была готова к отпору воздушного противника. Тогда же Сталин убоялся вдруг того, что на Болгарию готовится нападение со стороны Турции. Были срочно вызваны болгарские руководители для форсирования контрподготовки. Военные планировали, какие мероприятия следует срочно предпринять. Сталин тогда чувствовал себя не совсем уверенно и не считал, что если развяжется конфликт, то мы сможем справиться со всеми трудностями. Вопрос стоял не о наступательных операциях против Запада, а об оборонительных на границе Советского Союза с Турцией. Холодная война в эфире и в печати велась полным ходом. Все не щадили для нее ни сил, ни средств.

Потом Сталин, убедившись в действенности «воздушного моста», решил прозондировать возможность ведения переговоров для ликвидации конфликта из-за Западного Берлина. Запад согласился. По дипломатическим каналам были выделены особоуполномоченные. Они подписали соглашение, и блокада была снята. После смерти Сталина, когда мы стали заниматься проблемой Западного Берлина, выяснилось, что условия, которые были записаны в новом соглашении, оказались для нас тяжелее, чем Потсдамские. Запад сумел, использовав напряжение, навязать условия, которые были более благоприятны ФРГ, чем ГДР. К тому времени ГДР уже вступила на путь строительства социализма. Раскол Германии усилился.

Несомненно, историческое значение марксистско-ленинского учения и возможности, которые это учение предоставляло и предоставляет для всех стран мира, для трудового народа, понимает передовая часть общества, передовая часть рабочего класса и интеллигенции, но, к сожалению, на каком-то этапе вопрос идеологии решается «брюхом», глядя на витрины магазинов, цены и заработную плату. Тут мы не имели возможности тягаться с Западом, тем более с Западным Берлином, куда капитализм просто бросал подачки, чтобы резко противопоставить материальную обеспеченность западных берлинцев восточным.

Впервые мы резко столкнулись с этими трудностями в июне 1953 г., когда в Берлине и других городах ГДР возникли волнения[136]. Мы были вынуждены использовать танковые войска. Оружие в ход не пускалось, но боевая техника стояла на улицах. После этого на Западе в открытую заговорили о том, что политика правительства Восточной Германии проводится в опоре на Вооруженные Силы СССР. В какой-то степени это, безусловно, отражало сложившееся положение. Но не полностью. Были,

например, лидеры партий в ГДР, оказавшиеся во время тех событий на Западе[137]. Однако они не захотели воспользоваться моментом и вернулись в ГДР. Коалиция Социалистической единой партии Германии с другими партиями продолжала действовать[138]. Было отрадно, что и другие партии в ГДР пользуются доверием народа. Какая-то часть немцев вела, опираясь на западную пропаганду, борьбу против социализма в ГДР, но усилия этих людей не имели успеха, и их акции провалились.

Мне приходилось несколько раз бывать в Восточной Германии. Я ездил по ее городам, бывал на предприятиях, в сельских местностях и госхозах. Признаться, меня приятно поразило теплое отношение немцев к нашей стране. В первый приезд, в 1955 году, мы ехали на автомашинах с Вальтером Ульбрихтом[139] и другими товарищами с аэродрома. На улицах Берлина было очень много народа. Я, признаться, такого и не ожидал. После кровопролитной войны, которая прошла между нашими народами, я считал, немцы долго не смогут ее забыть. Хотя виновником был Гитлер, но Гитлера уже нет, а страдания достались народу, он понес жертвы. Думаю, что в каждом доме там имелись потери. Я исключал какую-то антисоветскую демонстрацию, открытую враждебность, но встречу молчанием и холодными взглядами считал неизбежной. Однако увидел другую картину. Немцы встречали нас радушно и, я бы сказал, искренне. На меня смотрели люди с приятными открытыми улыбками. Встречались и колкие взгляды из-под бровей, но таких было мало. Это меня обрадовало. Значит, у нас могут наладиться добрые отношения, и они могут перерасти в дружеские.

В другой раз мы ездили по стране вместе с Гротеволем[140]. Это было летом, в августе 1957 года. Мы встречались с крестьянами на полях, побывали и на химическом предприятии. В клубе собралось человек 100. Докладывал о продукции завода инженер. Мне Ульбрихт говорил, что это талантливый человек, хорошо настроенный и честно работающий в социалистической Германии. Когда официальные переговоры кончились, а мы сидели за столиками, начались разговоры на вольные темы. Пользуясь такой возможностью, немцы задавали всяческие вопросы нашей стороне, в то время оккупантам. Подняли и такой вопрос: какова перспектива развития ГДР и создания единого немецкого государства? У интеллигенции ГДР были сильны устремления на национальное объединение. Люди, которые ставили эти вопросы, не считались с социально-политическими условиями разных систем: Западная Германия развивалась в капиталистических условиях, Восточная Германия приняла

решение о строительстве основ социализма. Социальную проблему эти люди затушевывали, а на первый план выдвигали национальную, ставя целью создать единое германское государство.

Мы, и я в том числе, разъясняли, что воссоединение двух Германий – наша главная цель. Только на какой основе? Если бы можно было добиться объединения на социалистической основе, то не только не возникло бы возражений, а наоборот, нами все силы были бы приложены к тому, чтобы сделать это как можно быстрее. Однако руководители Западной Германии стояли на противоположных позициях и добивались объединения на капиталистической основе. Поэтому надо взвесить, кто и что потеряет при таком объединении. Помню в этой связи другое собрание, на котором присутствовали и женщины, не работавшие на данном предприятии, но жители того же города. Мои слова их огорчили. Видимо, они не особенно были привязаны к строительству социализма и боялись, что граница на длительный период или навечно разделит Германию. Все они имели своих родственников и знакомых в Западной Германии и понимали, что наступит время, когда возникнут условия, которые не позволят им общаться. И все же значительная часть присутствовавших нас поддержала. Конечно, я понимал, что на собрании были главным образом активисты СЕПГ, так что эта реакция не вызвала во мне особого удивления.

Товарищ Ульбрихт предложил: «Давай пригласим и людей из Западного Берлина на беседу». Тогда четких границ между двумя Берлинами еще не было, собраться не составляло труда. Существовали связи с общественностью Западного Берлина, вечером собралось человек 100. Мы организовали кофе, было и пиво. Как обычно на немецких собраниях, желающие курили. Пришли люди интеллигентного труда и рабочие, очень много социал-демократов. Завязалась беседа. Там я почувствовал признание ими прогрессивного начала, идущего от наличия ГДР. Социал-демократы говорили, что она прокладывает новый путь всему немецкому народу. Одна старая женщина высказалась так: «Я социал-демократка с такого-то года, столько-то лет в партии, и я рада, что дожила до времени, когда осуществляются наши идеи на немецкой земле, на территории Германии строится социализм. Поэтому, хотя мы живем в Западном Берлине, мы приложим все усилия для успешного развития социализма в ГДР».

Помню и еще один мой визит в ГДР. Тогда я возглавлял советскую делегацию, посетившую в марте 1959 года Лейпцигскую ярмарку, кстати, отлично организованную. Присутствовали не только фирмы социалистического мира, но и

из западных стран. Ярмарка производила сильное впечатление, была богатой. Потом в городе состоялся митинг. Да, митинги мы научились проводить хорошо, но было приятно, что на том митинге произносились слова о признании прогрессивного начала, идущего от ГДР и СССР. Вскоре товарищ Ульбрихт вновь предложил встретиться с социал-демократами и беспартийными рабочими Западного Берлина. Нас пригласили в большое помещение клуба. Собрание было хорошо организовано. Фраза каждого оратора сейчас же переводилась и поступала к слушателям через наушники. Выступали рабочие, включая, социал-демократов. Все они горячо поддерживали Германскую Демократическую Республику. Мне это очень понравилось. Думаю, что среди них были и противники социалистического строительства в Германии, но эти не выступали. Условия ведения собрания были вполне демократичны, так что они тоже могли бы выступить, но я контрречей тогда не слышал.

Я и сейчас понимаю, и тогда понимал, что большинство населения в Западной Германии стоит на капиталистических позициях. Это отражается и в малочисленности Коммунистической партии Германии[141]. Даже в легальных условиях существования она на выборах собирает ничтожное количество голосов. Все свидетельствует там о том, что капитализм цепко держит умы людей и хорошо может вести их за собой. Тем не менее, наши встречи показали, что в Германии прогрессивные силы постепенно возрастают. По-моему, товарищи в ГДР коллективизацию хорошо провели. Ее проведение в немецких условиях – очень сложная политическая операция. Немецкое сельское хозяйство всегда было на высоком уровне, и крестьянину-немцу трудно переварить линию на кооперирование хозяйств. А властям трудно доказать ему необходимость отказа от личного хозяйства и перехода на социалистические рельсы. Несмотря на социальные трудности и национальные особенности, немецкие товарищи, я бы сказал, блестяще справились с этим делом. Сравним его с проведением коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе. У нас она сопровождалась арестами кулаков и другим административным нажимом. У немцев ссылать кулаков было некуда, да они и не высылали никого и никуда. Немецкие крестьяне сами постепенно пошли в кооперативы, которые стали хорошо работать[142].

Политическое положение в Европе оставалось нестабильным. Это передавалось и ГДР. Любое колебание температуры мировой политической атмосферы прежде всего сказывалось там, где сосредоточены противоречия сторон. А это в первую очередь – Западная Германия и Восточная Германия. Они служили своего

рода термометром. Мы искренне хотели добиться заключения мирного договора с Германией и считали, что можно достигнуть этой цели. Решили разработать и предложить такие условия подписания договора, которые закрепили бы создавшееся фактическое положение. Если Потсдамские соглашения по Германии принимались как временные, то теперь предстояло выработать постоянные. Они должны были закрепить статус-кво, чтобы капиталистическая часть Германии и социалистическая были обе признаны самостоятельными. Западный же Берлин пусть существует отдельно, на особом статусе вольного города.

Я форсировал разработку этого вопроса, переговорил лично с товарищем Ульбрихтом. Но, когда я ему изложил свои предложения и условия заключения мирного договора с западными державами, он отнесся к ним скептически, особенно к предложению о вольном городе. Я ответил, что и сам считаю, что это очень сложное условие и что, возможно, при мирных переговорах оно не будет принято, однако другого предложения у нас нет. Мы же не можем уступить и отказаться от своих завоеваний, создавая на капиталистической основе единую Германию. А другая сторона социализм не примет. Надо рассуждать реально и принимать создавшиеся условия, разумно подойти к решению вопроса и вместе с Западом принять окончательное решение. Ульбрихт ответил: «Имелся прецедент. Данциг был когда-то вольным городом, и что из этого вышло?» Я ему: «Теперь должно выйти! Многого пока не получится. Может быть, мы не добьемся полного согласия от наших бывших западных союзников на своих условиях. Но надо искать взаимоприемлемую разумную основу. Мы должны гарантировать независимость Западного Берлина, записать это в договоре и заручиться согласием ООН. Пусть Западный Берлин станет нейтральным городом с социально-политическими условиями, зависящими от желания его жителей. Должно гарантироваться полное невмешательство во внутренние дела вольного города и с той, и с другой стороны». Западный Берлин живет подачками Западной Германии и США, его жители не имеют возможности сами существовать и поддерживать должный экономический уровень. Мы предложили взять на себя обязательства давать заказы, которые бы выполнялись промышленностью Западного Берлина. Эти средства обеспечили бы высокий жизненный уровень живущих в Западном Берлине. Кроме того, мы предлагали перенести штаб Объединенных Наций из США в Западный Берлин. В результате Западный Берлин получил бы большой источник дохода, кроме того, он получил бы политическую страховку. Нас обвиняли, что мы стремимся

ликвидировать самостоятельность Западного Берлина. Этим предложением мы хотели доказать, что этой цели не преследуем. Таким образом, мы предлагали связать Западный Берлин с Объединенными Нациями, и мы, как члены ООН, должны были бы уважать и придерживаться принятых на себя обязательств. Подискутировав, мы пришли к согласию.

После этого мы предложили совместно министерствам иностранных дел СССР и ГДР разработать конкретные предложения. Главное мы взяли на себя, но считали, что будет лучше, если разработкой именно конкретных предложений займутся немецкие товарищи. Они чувствуют местную специфику. Мы были заинтересованы в том, чтобы немцы не только одобряли наши предложения, но и сами участвовали в их разработке. Затем мы разослали наши предложения США, Франции, Англии, послали и в Западную Германию, предложили их обсудить[143]. Запад не согласился с нашими предложениями, отверг их. Ничего у нас конкретного так и не получилось, не удалось создать более стабильное положение в центре Европы. Западный Берлин остался источником трений и обострений между странами социализма и странами капитализма. Таким образом, мина замедленного действия, заложенная в Западном Берлине, способна принести неприятности не только нашим странам, но и привести к мировому пожару. Тут сказалась неразумная политика наших партнеров. К сожалению, никакие наши доводы не повлияли на них, и они все-таки сохранили Западный Берлин в таком положении, в каком он сейчас находится[144]. Когда сработает эта мина, никто сказать не может, но последствия могут быть довольно тяжелыми.

Мы тогда стали думать, как же быть дальше? Вероятно, надо проявлять больше активности. Назначив срок встречи по германской проблеме, мы заявили, что если некоторые страны не захотят начать переговоры о Германии, то мы будем вести переговоры с теми, кто заинтересован в решении проблемы и хочет решить спор, доставшийся в наследство от второй мировой войны. Нами была проявлена очень большая активность через печать и телевидение. Однако по всему заранее было видно, что западные страны на решение проблемы не пойдут. Тогда мы, стремясь нажать на них, пригрозили, что если Западом не будет подписан мирный договор с Восточной Германией, то его подпишут только социалистические страны и все другие, заинтересованные в решении проблемы. Тогда изменится и статус Восточной Германии, а вопросы доступа в Западный Берлин будут решаться впредь Германской Демократической Республикой. Это, конечно, создавало бы трудности для западных держав.

Получалась опять блокада. Правда, мы говорили, что более блокаду мы не будем организовывать и гарантируем доступ в Западный Берлин и из Западного Берлина. Но хотели, чтобы условия доступа в Западный Берлин были бы обсуждены и выработаны всеми заинтересованными сторонами, включая условия перемещения по территории ГДР. Следовательно, страна, которая захочет иметь связь с Западным Берлином, должна войти в дипломатические отношения с ГДР и договориться об условиях доступа в Западный Берлин.

Сразу же Англия, Франция и США выступили с заявлением о неприемлемости наших предложений и предупредили, что будут отстаивать свои права, вытекающие из Потсдамских соглашений[145]. К тому времени Западная Германия уже набрала большую экономическую мощь, входила в состав НАТО, создала многочисленные вооруженные силы. Конечно, они ни в коей мере не могли равняться с нашими, тем не менее свершившиеся перемены надо было учитывать, ибо ФРГ стала самым сильным в Европе государством, обогнав и Францию, и Англию и играя заметную роль в экономике и политике Западной Европы. Экономический подъем в ФРГ тогда называли «немецким чудом». В печати приписывали это чудо Людвигу Эрхарду[146], который одно время возглавлял правительство ФРГ и много занимался ее экономикой. Заработная плата рабочих там существенно возросла по сравнению с зарплатой в ГДР и других социалистических странах. В Западную Германию потянулись рабочие из Италии, Югославии, Турции, прочих стран. Конечно, потянулись туда люди и из ГДР, особенно наиболее квалифицированные. Стала бежать интеллигенция. Ушло много врачей, студентов и просто абитуриентов, окончивших средние школы. В ГДР они получили образование, а в ФРГ – работу. Перебежало немало инженеров.

Экономика ГДР тоже находилась на подъеме, но она не могла соревноваться с экономикой ФРГ. Образовавшееся в связи с этим тяжелое положение все более обострялось. В этих условиях продолжалась борьба за мирный договор с двумя Германиями. Когда пришел назначенный нами срок заключения договора, мы поняли, что ничего из этого не получится. Мы стремились создать крепкие основы мирного сосуществования, а дело шло, возможно, даже к военному конфликту. Я лично не ожидал вооруженного столкновения, хотя бы и в случае одностороннего подписания мирного договора с ГДР. Но у нас никаких спорных вопросов с ГДР не существовало в силу единого понимания путей развития. К тому же обе стороны находились в рамках Организации Варшавского договора. Поэтому не было смысла односторонне подписывать мирный договор, если мы не хотели обострить

отношения с Западом до крайности. Посоветовавшись, мы отложили подписание договора на неопределенное время.

Немецкие товарищи поставили вопрос о большой нехватке рабочей силы. Ворота в Западный Берлин были открыты. Стали уходить и крестьяне, в госхозах дисциплина ослабла, они начали хуже работать. Это раскачивало позиции Ульбрихта. Когда мы повстречались с ним, я почувствовал, что у него появилась неуверенность в будущем. Чтобы как-то разрешить проблему, он поставил вопрос о выделении ему рабочей силы из СССР. Тогда я спросил его: «Хорошо, Вальтер, каких ты хочешь получить рабочих? Квалифицированной рабочей силы у нас не так много. Сами нуждаемся в ней. Да и вряд ли ГДР она нужна». – «Нет, – говорит, – нам необходимы подсобные рабочие». – «Вальтер, пойми наше положение, – возразил я. – Мы провели тяжелую войну с фашистами, которые разгромили наши промышленные центры, города и села, дошли до Сталинграда и Северного Кавказа, мы понесли огромные потери, а теперь победители будут чистить нужники в Германии? Это заденет самолюбие наших людей. На это мы пойти не сможем». – «Да, – согласился Ульбрихт, – я понимаю, что для СССР это будет трудно». – «Нет, не просто трудно, а невозможно. Надо искать другой вариант».

Мы посидели и разошлись, ничего не решив. Договорились хорошенько еще подумать, как быть. Я долго искал выход. Самый простой выход и для нас самый приятный – экономическое опережение Западной Германии: добиться более высокой производительности труда, высокой доходности, высоких заработков в ГДР. Это сделает жизнь в ней более привлекательной и окажется здоровой основой соревнования двух систем. К сожалению, такие условия соревнования тогда не получились. Нужно время. Тот же вопрос стоит и сейчас. Еще и сейчас мы не можем, к сожалению, сказать, что опережаем на всех участках капиталистический мир. Мы развиваемся, но прогрессирует и капитализм.

Требовалось быстрое и конкретное решение. Раз мы не можем решить вопрос о соревновании в экономике, то остается путь политической инициативы. Появилась необходимость создать государственное регулирование перемещения людей из ГДР и в ГДР. Даже мирный договор в этом плане немного бы нам дал. Ведь в проекте мирного договора, подготовленном нами, оговаривался статус Берлина как вольного города. А это означало открытие его ворот. Получалось, что Западная Германия сама будет регулировать миграцию, разрешать или не разрешать въезд гражданам ГДР в Западный Берлин, а из Западного Берлина – в ФРГ. Едиными правами станут пользоваться все немцы. На

плечи Ульбрихта легла тяжелая ноша. Если бы все продолжалось, как прежде, то я и не знаю, чем бы это могло закончиться!

Другие страны имели свои границы, свои законы и вольны были решать как внутренние, так и внешние дела в интересах своей страны. Германская Демократическая Республика не имела таких прав, не имела возможности решать свои внутренние вопросы, а имела под боком более экономически сильного противника. Тем более что это те же немцы, только живущие в Западной Германии, тот же язык, та же культура.

У некоторых товарищей бывает короткая память. Такие могут сказать, что я сгущаю краски. Нет, не сгущаю! Постепенно у меня созрела мысль, как закрыть лазейку в Западный Берлин. Действует соглашение о том, что можно свободно въезжать и выезжать в любую зону Берлина. А он был разделен на четыре сектора с четырьмя комендантами: французским, английским, американским и советским. Я и сам однажды воспользовался правом проезда, когда в 1946 году побывал в Западном Берлине, нигде не останавливаясь и не выходя из машины: заглянул лично через ее окно в лицо капиталистического мира. Что же делать? Звоню нашему послу Первухину, прошу его взять карту Берлина, изучить ее и отметить, как конкретно проходит граница между ГДР и Западным Берлином, после чего прислать мне, соблюдая строгую секретность. И вот получил я карту (в то время я отдыхал на Кавказе), но малопонятную. Пришлось просить другую, у наших военных, подготовленную в штабе советских войск в Берлине, с приложением мнения Ульбрихта. Ульбрихт полностью согласился с идеей прочного размежевания двух Берлинов и обрадовался ей. Я уже рассказывал об этом раньше, когда говорил о встрече с президентом Кеннеди в Вене.

Затем я уточнил места, где можно будет установить контрольные ворота, и вызвал к себе на юг специалистов из Министерства иностранных дел. Я нередко приглашал к себе во время отдыха различных специалистов, когда нужно было обменяться мнениями по каким-то вопросам или подготовить документы. Пригласил, в частности, Громыко и его заместителя, который вел дела по Германии. Им был тогда Семенов[147]. Он хорошо разбирался в тамошней ситуации. Разработали мы необходимые предложения, и я вернулся в Москву. Потом мы их обсудили на закрытом заседании Президиума ЦК КПСС. Иных мнений не возникло, поскольку к тому времени из ГДР ушла в ФРГ масса народу, около миллиона, если не больше. Очень чувствительны были потери. Ушли, как говорится, самые сливки. Старики и неквалифицированные рабочие не уходили никуда. Я не говорю о коммунистах. У них главной была идейная сторона. Я

говорю о людях, которые принимали решение не на основе своего политического умозрения, а основываясь на экономических выгодах сегодняшнего дня. А таких людей было немало. К сожалению, немало их и сейчас. Даже в Советском Союзе такие люди сейчас бы тоже нашлись.

В августе 1961 года на совещании секретарей ЦК братских коммунистических партий и председателей Советов Министров стран – участниц Варшавского договора в Москве мы изложили проблему, как понимали ее. Все согласились с нами и высказали восторженную уверенность в том, что мы успешно проведем мероприятие, а западные страны проглотят этого ежа, хотя мы явно шли на нарушение порядков, установленных Потсдамскими соглашениями. Но имелась и аргументация, которая давала нам право рассчитывать на понимание наших действий широкими кругами западной общественности: наши действия производились в интересах укрепления мира, они не нарушали создавшихся границ, военные лица западных держав сохраняли право проезда через контрольные ворота на территорию ГДР и в восточный сектор Берлина. Только перемещения гражданского населения отныне контролировались по нашему и ГДР усмотрению. Однако в соответствующих параграфах Потсдамских соглашений не упоминалось о гражданском населении и говорилось лишь о правах держав-победительниц, а этих прав мы не нарушали. Разрешение перехода границы населению ГДР и Западного Берлина есть составная часть государственного суверенитета и требует рассмотрения обычным путем, как принято в мировой дипломатической практике. Мы и тут ничего нового не внесли, а только распространили это на ГДР. Западные страны ее еще официально не признали, хотя и вели с ней торговлю уже много лет. Поэтому мы полагали, что все у нас пройдет гладко. Возможно обострение, но до военного конфликта не дойдет.

Мы разработали тактику. Я ее предложил. На меня и тогда вешали собак за эту акцию. Но я и сейчас считаю свои действия правильными и горжусь этим. Я горжусь, так как эта акция была направлена на обеспечение и укрепление отношений мирного сосуществования, на укрепление позиций социалистической Германской Демократической Республики. Согласно плану, восточные немцы должны были подготовить воинские части у границы, отобрав туда лучших солдат. Это граница особенная, граница в городе. В конфликт на границе входили немцы против немцев. Мы не хотели, чтобы на границе стояли советские войска. Это функции самих немцев. К тому времени большинство функций, которые ранее осуществлял Советский Союз как оккупационная держава, мы передали Германской

Демократической Республике, в том числе охрану границ. Западные немцы тоже сами охраняли свои границы.

Наши войска стояли и стоят сейчас в тылу. И здесь мы предложили, чтобы границу заняли немцы. За немцами должна была стоять цепочка советских войск в полном вооружении. Пусть Запад видит, что хотя немцы стоят довольно жиденькой цепочкой и разорвать ее не представляет больших усилий, но тогда вступят войска Советского Союза.

На местах контрольно-пропускных пунктов мы заранее подготовились к быстрому перекрытию, сделав временные преграды для проезда с пропусками для представителей западных держав. У шлагбаума становился наш офицер, и они проезжали без задержки. Как только мы все сделали, наш комендант известил союзников о новых порядках, установленных на границе ГДР.

Мы ожидали с некоторой тревогой, как все пройдет. 13 августа 1961 года – для меня памятная дата. Дело прокрутилось очень гладко. Представители западных держав пересекали границу беспрепятственно, однако мы условились, что ГДР будет контролировать их поездки и госбезопасность ГДР станет наблюдать, по каким делам и зачем они приехали. Это, конечно, было неприятно для наших бывших союзников, но они ведь тоже нам делали неприятности: не пошли на подписание мирного договора, упорствуют, хотя Западный Берлин по большому счету им не нужен.

Более того, проводят в Западном Берлине незаконные собрания и заседания бундестага ФРГ. Это политическая демонстрация, демонстрация претензий де-факто на Западный Берлин и включение его в состав ФРГ, демонстрация против стран – участниц Варшавского договора. Так что долг платежом красен.

Мы ожидали, что пройдет день, другой, третий и положение стабилизируется. Запад вынужден будет признать новое положение на границе. Естественно, был большой шум. Западные газеты и радио запугивали нас, требовали отбросить наши войска и прочее. Но мы были уверены, что это лишь словесная война, что у Запада нет оснований доводить дело до настоящей войны. К тому же мы в то время располагали уже такими вооруженными силами, которые приводили к раздумьям наших противников, пожелай они решать спорные вопросы путем войны. У нас имелись атомные и водородные бомбы, ракеты разного действия, в том числе и межконтинентальные. Мы выросли из школьных штанишек, и если воспользоваться аргументацией угроз, то обладали возможностью противопоставить Западу свои угрозы. Запад это понимал и держался в рамках именно словесной войны.

И мы равным образом отвечали через печать.

Установление контроля на границе ГДР благоприятно сказалось на ее экономике и на политической стороне дела. ГДР обрела огромную выгоду от того, что ранее Западный Берлин пользовался коммунальными услугами фирм в Восточном Берлине, а теперь за это понадобилось платить. Кроме того, жители Западного Берлина покупали ранее целый ряд продуктов в Восточном Берлине, где они были дешевле, в первую очередь мясо, масло, овощи. Потери ГДР исчислялись прежде десятками миллионов марок. Теперь же сразу уменьшился спрос, потому что со снабжения как бы было снято население Западного Берлина. Там народу жило больше, чем в Восточном, а продукты ГДР шли только для населения Восточного Берлина. ГДР испытала экономическое облегчение. Установление границы по-хорошему подействовало и на сознание людей, укрепило в них уверенность, что социалистическое строительство в ГДР есть не временное явление, как вещала пропаганда Запада. Немцы вообще любят порядок, и вот они увидели, что правительство ГДР заботится о контроле над границей, укреплении трудовой дисциплины, упрочении своего государства.

Случались инциденты. Возникали попытки перехода из ГДР на Запад. Некоторые инциденты имели неприятный исход. Но граница есть граница, и пограничники, когда она нарушалась, применяли соответствующие средства. Другая трудность заключалась в том, что рабочие, которые трудились в Западном Берлине, а проживали в Восточном, оказались без работы. Но так как в них Восточная Германия нуждалась, то с этим легко справились, предоставив им возможность работать в Восточном Берлине. Не помню точно, как решился вопрос с общим метрополитеном. Прежде он действовал на всех подземных трассах Берлина. Знаю лишь, что и с этой проблемой правительство ГДР справилось. Так был установлен новый порядок, которому все должны были подчиняться.

Отдельно скажу о воздушных сообщениях. Вначале самолеты западных стран свободно пользовались аэродромом на территории ГДР. Когда был установлен контроль над пользованием аэродромом, западные державы избежали его, перейдя на использование аэродромов Западного Берлина. В воздухе тоже случались неприятные инциденты. Еще при жизни Сталина западные самолеты не раз нарушали воздушные границы СССР. Наши истребители облетом требовали приземления этих самолетов, а те, которые отказались подчиниться, сбивались. Возникала перепалка в печати и даже в дипломатических нотах. Я считаю, что мы правильно проявили твердость, заставив западные

державы считаться с нами и уважать суверенитет СССР. После смерти Сталина тоже имели место несколько случаев нарушения наших воздушных границ, и опять самолеты-нарушители сбивались. Американцы сделали правильный вывод и запретили своим летчикам перелетать границу ГДР. Этот приказ был опубликован в открытой печати.

Границы СССР они вновь стали нарушать, когда у них появился самолет У-2, летавший на высоте, недоступной ни для нашей зенитной артиллерии, ни для наших истребителей. Тут они летали и до Киева, и дальше. То были разведывательные полеты. Мы заявляли несколько раз протесты, но потом прекратили протестовать, ибо это не давало никаких результатов, а, наоборот, поощряло их: они в протестах видели наше бессилие и, пользуясь своей безнаказанностью, издевательски отвечали нам, что никаких таких полетов вовсе не было. И мы не могли предъявить доказательства, потому что раз не сбили, то нечем и доказывать. И над Чехословакией тоже летали самолеты из Западной Германии, но не разведывательные высотные У-2, а те, которые оставались в пределах досягаемости зенитной артиллерии. И мы приказали открывать огонь. Потом и там полеты прекратились. Был также случай, когда какой-то самолет английской авиакомпании, нарушив границу, оказался над территорией Болгарии. Он был пассажирским. Болгары сбили его, возник крупный инцидент. Но болгары были правы, говоря, что им неизвестно, пассажирский ли самолет или нет. Летит без предупреждения, попал в чужую зону, ему предложили посадку, он не соглашается. Тут страна, которая оберегает свое воздушное пространство, имеет право открыть огонь. К сожалению, там погибло много людей. Самолет, видимо, залетел случайно, направляясь в Турцию. Однако это не болгарская вина, а вина летчика, который утратил ориентировку и не подчинился международным правилам.

Я говорю это к тому, что западные державы вообще вели себя нагло. Там, где они чувствовали, что наглость ненаказуема и нам ее не пресечь, они не считались с нашим суверенитетом и не щадили нашего самолюбия. А мы были вынуждены проглатывать горькие пилюли, которые нам преподносили, главным образом США. Но даже когда усилился контроль на границах ГДР, мы не снимали своих предложений о заключении мирного договора с Германией. При этом давались все гарантии сохранения внутреннего устройства и свободной жизни в Западном Берлине как вольном городе. Мы продолжали настаивать на своих предложениях. Запад их отвергал и требовал снятия заграждений на границах.

Какие контрмеры они могли предпринять? Мы не исключали и насильственных. Пустят бульдозеры, снесут рогатки… Сразу же после установления контроля некоторые грузовые автомашины прорывались оттуда на полном ходу, проскакивая кордоны и снося заграждения. Чтобы такого не повторялось, были возведены солидные укрепления. Акция по их разрушению имела бы серьезные последствия. И в американской печати стали появляться материалы, содержавшие зерно здравого понимания сложившихся условий: предупреждали, что путем угроз ничего не добьешься, а применение силы может привести к серьезным последствиям, вряд ли целесообразно идти на риск военного столкновения. Некоторые западные авторы, поскольку они все это связывали с моим именем, писали так: Хрущев добивался заключения мирного договора. Запад отказался, и в результате установления контроля на границе ГДР Восток получил все, чего хотел, и даже больше, чем мог бы получить, если бы был подписан мирный договор. И это абсолютно правильно. Поэтому мы были морально удовлетворены, создав те условия, которыми должно пользоваться государство, обладающее суверенными правами.

Критики из рядов буржуазного общества могут сказать, что тут поддерживается суверенитет установлением закрытых границ, а не в результате свободного выбора людей. То есть способ принуждения жить в том раю, из которого человек уйти хочет, но не может, потому что границы охраняются войсками. Да, я понимаю, что здесь наш недостаток. Но считаю, что временный недостаток. Мы очень хотим создать свободный переход через границу в любом направлении, но при каких обстоятельствах? При диктатуре рабочего класса абсолютной свободы не может существовать. Да и в других странах, которые кичатся полной свободой, если разобраться, такой свободы тоже нет. Но мы бы как раз хотели создать такие условия, если бы у нас к тому имелись материальные возможности, потому что любой человек не должен чувствовать моральную скованность, угнетенность и несвободу. Требуется развитое понимание идеи человеческой свободы. Большинство же народа пока оценивает свободу или несвободу по тому, сколько, чего и почем он может купить. К сожалению, пока на этой основе мы соревноваться с Западом не можем.

Некоторые наши умники-коммунисты скажут, что тут принижаются наши достижения. Давайте трезво смотреть на вещи! Если бы мы располагали большими материальными возможностями и обеспечили бы удовлетворение материальных потребностей людей, то, безусловно, они от добра не искали бы

добра. Моя мечта – выработать условия, при которых ГДР стала бы для западного мира окном социализма, привлекающим к себе в моральном, политическом и материальном отношении. Я говорю, конечно, о трудовом люде, а не о капиталистах. К сожалению, мы еще не накопили таких возможностей и приходится кормить людей обещаниями. Но это будет, я в этом уверен, хотя, видимо, нескоро. А пока СССР шел к XXII съезду КПСС. У нас был установлен срок подписания мирного договора с Германией. Мы предупредили Запад, что если он откажется, то мы сами заключим мирный договор с ГДР и будем исходить из его условий и в вопросах суверенитета ГДР, и в процедуре доступа в Западный Берлин.

Граница хорошо прикрывалась, охранялась и контролировалась, но мы не прекращали борьбы, старались убедить своих бывших союзников по войне против гитлеровской Германии подписать мирный договор. Убеждали их в выгодности этого шага для обеих сторон в деле создания нормальных отношений между государствами. Мы поддерживали межгерманскую торговлю, культурный обмен, туристские поездки и прочее. Все то, что характеризует нормальные отношения между суверенными странами, тем более между соседями. Одновременно не отказывались от нажима. Правда, нажим выражался только в наших публичных заявлениях через прессу, радио и прочие средства массовой информации.

Так, 29 июня 1961 года Госсовет ГДР обратился с соответствующим предложением к ФРГ, 6 июля то же самое сделала Народная палата ГДР. 13 августа на границе с Западным Берлином поднялись заграждения. Осенью Гротеволь послал канцлеру Аденауэру[148] новые предложения о нормальных отношениях между двумя немецкими государствами.

В то время в Белом доме США уже сидел президент Кеннеди. Он решил продемонстрировать силу и послал подкрепление своим войскам в Западный Берлин. Мы правильно поняли, что тут демонстрация, из которой совершенно не вытекает, что Запад хочет начать войну. Пока что западная печать поднимала акцию Кеннеди на щит. Заработала против нас вся пропагандистская машина Запада. Мы не испугались и разработали ответные меры. Я о них рассказывал раньше. Тем временем шел наш партсъезд. Как раз во время его заседания маршал Конев[149] доложил мне, что американцы прекратили угрожать нам на границе с Западным Берлином. Так закончилась ничем пугательная акция со стороны Запада, в которой хотели прощупать нас под дулами орудий. Когда там увидели, что мы готовы принять вызов, они отвели свои войска.

Тогда мы через журналистов и через негласных агентов сами решили прощупать Запад. Многие из агентов живут под видом журналистов или людей с иными мандатами, а фактически выполняют тайные поручения. Эти люди есть и у Запада, и у нас. По таким каналам мы и получили мнение Запада: давайте считать спор законченным, пусть все останется как есть. Затем данное мнение стало высказываться и западной печатью. Взаимные обвинения смягчились. Это тоже была большая наша победа, выигранная без выстрелов, путем дуэли лишь через средства пропаганды[150].

Какое-то время спустя в Москву приехал Ульбрихт вместе с министром иностранных дел Винцером[151]. Он начал беседу со мной с предложения отказаться от заказов СССР на сооружение рыболовных кораблей в ГДР, мотивируя тем, что это невыгодно: предприятия работают себе в убыток. Мысль была правильная, имевшая под собой экономические основания. Ульбрихт предложил перейти на изготовление для нас другой продукции. В его тоне я чувствовал раздражение: обвинение нас в том, что мы платим меньше, чем реально эти заказы стоят для ГДР. Я ответил, что мы платим ту цену, которая дает возможность не только рентабельно работать, но и иметь прибыль. Доказательство: такие же корабли изготовляют для нас ФРГ, другие государства. Они принимают наши заказы с удовольствием. Но ведь капиталисты не станут работать, если заказ нерентабелен. Мы бы тоже такой заказ не приняли, потому что нельзя вести работу, которая несет убытки предприятию и государству. Почему ФРГ с удовольствием приняла наш заказ и готова принять дополнительный? А вам он убыточен. Этого не может быть. Ищите иные причины. Если же вы ликвидируете налаженное поточное производство, то на другое производство, которое вы станете осваивать, потребуется много затрат, а будет ли оно прибыльным, еще неизвестно. Впрочем, дело ваше, можете поступать, как хотите, но думаю, что это ошибка.

Одно из обстоятельств данного дела заключалось в том, что после установления контроля на границе Западного Берлина многие рабочие, ранее трудившиеся там, перешли работать на предприятия ГДР и показывали высокую производительность труда. Когда рабочие ГДР увидели это, то стали угрожать им, поносить их за хорошую работу, так как тем самым заставляли и их выполнять такие же нормы, обеспечивать более высокую производительность труда. А я спросил Ульбрихта: так ли это? Он растерялся: «Да, это так». – «Вот в чем и заключается вопрос, а не в том, что один заказ вы перемените на другой. И новый заказ при той же производительности труда окажется для вас

убыточным. Надо прямо сказать рабочим: если у вас будет производительность труда значительно ниже, чем у рабочих Западной Германии, то это приведет к краху, и вы не сможете конкурировать с Западом и даже с иными социалистическими странами.

Тут результаты низкой организации труда и низкой производительности труда, и мы вам помочь не можем, устанавливая высокие цены и платя премии только потому, что вы являетесь социалистическим государством. Как же мы будем соревноваться с капиталистическим миром, если сами признаем, что производительность труда в социалистических странах ниже, чем в капиталистических? Если мы хотим, чтобы наши народы имели жизненный уровень более высокий, чем в капиталистическом мире, то другого пути у нас нет. Чтобы хорошо жить, надо хорошо работать. Без этого мы обрекаем себя на катастрофу». Ульбрихт понял меня и уехал. Правда, на какое-то количество головных кораблей мы все же повысили цену, но условились, что на последующие корабли она останется такой, как договаривались.

Социалистический строй может победить в мире при условии, что им будет достигнута более высокая производительность труда, чем при капиталистическом строе. Если же этого мы не добьемся, то не сможем обеспечить жизненный уровень, который обеспечивается старым капиталистическим способом производства. Этот вопрос стоит перед всеми социалистическими странами, а не только перед Германской Демократической Республикой.

Наша производительность труда сейчас ниже, чем в ФРГ, Франции, Англии, США, Японии. Мы бьемся над этим столько лет, имеем такие просторы, такие ресурсы и никак не можем создать нужных запасов. Наши государственные запасы находятся все время на грани истощения в результате различных причин. Вот факт, который нельзя отрицать. Конечно, влияют и люди на ход производства. Тем не менее при людях с разным развитием на обширных пространствах Советского Союза можно создать устойчивое производство сельскохозяйственных продуктов, даже при недостаточно умных директивах свыше. Если бы у нас имелась на соответствующем уровне организация производства в колхозах и совхозах, то и глупые указания сверху не привели бы к бедственным последствиям. Они бы просто не выполнялись руководителями производства.

К сожалению, когда я сейчас читаю газеты, то постоянно вижу, что уменьшается поголовье скота, снижается производительность труда. Вот только что я прочел, как идут

дела в одном из районов Кировоградской области: в магазинах покупатель с трудом получает продукты питания, большие затруднения возникают с мясом. Москва сейчас является привилегированным городом, а в других городах трудно или вообще нельзя получить нужные продукты. Вопрос о производительности труда для социалистических стран остается проблемой из проблем. Нельзя увлечь за собой народ только рассуждениями о марксистско-ленинском учении. Если государство и общественная система не дают людям материальных и культурных благ больше, чем их обеспечивает капиталистический мир, бесполезно звать людей к коммунизму.

Яркий пример Соединенные Штаты Америки. Сколько лет ведется гнусная война против вьетнамского народа. И ее ведет Америка, где абсолютное большинство избирателей рабочие, трудовой народ. Абсолютное большинство. Самое высокое развитие капитализма и концентрация капитала в Соединенных Штатах Америки. Я не располагаю сейчас данными, но, казалось бы, при этих условиях разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых должно происходить в самой резкой форме. Но мы этого не наблюдаем. И такое положение не только в Соединенных Штатах. Такое же положение в Англии, во Франции и других высокоразвитых капиталистических европейских странах. Я не говорю о слаборазвитых странах, где коммунисты получают недостаточное признание. При голосовании в такой стране, как Англия, а это высокоразвитая капиталистическая страна, коммунистическая партия не может обеспечить себе в парламенте даже одного своего представителя. Это говорит о том, что нам есть над чем подумать, приложить усилия для того, чтобы самое прогрессивное марксистско-ленинское учение и социалистическая система обеспечили лучшие условия жизни для трудового народа. Однако прошло уже более пятидесяти лет. Тем не менее на основе нашего прогрессивного марксистско-ленинского учения рабочий класс на выборах, парламентским путем, ни в одной стране не победил.

Это вопрос, над которым нужно задуматься. Конечно, если сказать нашим философам, нашим экономистам, нашим теоретикам, то они найдут тысячу аргументов, тысячу доводов.

В восточных странах рабочий класс пришел к власти в результате разгрома гитлеровской Германии, при содействии Советского Союза. Это Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, в какой-то степени Югославия. Та же революция свершилась и в Албании. Там победил социализм, и там и сейчас строят экономику и жизнь народа на социалистической основе.

В других странах, куда Советская Армия не дошла после

разгрома немцев, опять укрепился капитализм. Какой же путь правильный? Путь войны, победы войск социалистических стран и установления нового социалистического строя? На этих позициях стоят одни китайцы. Или же путь мирного существования? А это значит и соревнования. Социализм должен показать свою привлекательность во всех сферах деятельности и жизни трудового народа. Это удовлетворение всех материальных и культурных благ, в которых нуждается человек.

Сейчас же статистики начнут оперировать выкладками и доказывать, что Советский Союз и советский народ добились огромных преимуществ в сравнении с условиями, в которых мы жили до первой мировой войны. Об этом нечего и говорить, с каждым годом мы прогрессируем, наращиваем мощности производства и решаем вопросы культурного обслуживания и удовлетворения материальными благами, но тем не менее сейчас не являемся «витриной», в которую бы поглядел житель капиталистических стран и увидел бы для себя привлекательный пример, захотел бы объединить усилия и добиться тех же результатов, то есть установления социалистического строя в странах капитализма.

Поэтому борьба за повышение производительности труда, более эффективное ведение производства в социалистических странах с целью накопления необходимых материальных средств для удовлетворения сполна потребностей народа, создания наглядных преимуществ социалистического производства и социалистического общества перед капиталистическим обществом, создания условий для победы нашего марксистско-ленинского учения на всем земном шаре – это вопрос вопросов. Он решается прежде всего организацией производства, ростом производительности труда.

«С поляками у нас особые отношения»

С поляками у нас особые отношения. Мы лучше знаем друг друга, больше общались. В свое время польское государство было разъединено Россией, Пруссией и Австрией. Большая часть польского населения вошла в состав Российской империи[152]. Представители польского народа работали на предприятиях по всей России, и русским рабочим часто приходилось контактировать с ними. Я до революции тоже нередко встречался с поляками, когда работал на машиностроительном заводе Боссе возле Юзовки и на руднике шахты Успенская там же. Можно сказать, соприкасался с ними с детства. Поляки, как и всякий другой народ: есть среди них хорошие люди, есть и плохие. Многие из моих приятелей были поляками, и я дружил с ними.

На заводе во время однодневной забастовки (в связи с расстрелом рабочих на Ленских приисках весной 1912 г.)[153] одним из ее руководителей был поляк, слесарь Чернявский. Его очень уважали товарищи, но не только за общественную активность: он работал очень квалифицированно. Сразу же после забастовки его стали преследовать власти, он быстро рассчитался и уехал, так что больше я с ним не встречался. Помню и еще одного поляка, тоже слесаря, Леонида Боровского, замечательного молодого человека, веселого и приятного.

В принципе отношения между русскими рабочими и польскими всегда оставались товарищескими, да иначе и быть не могло. Трудились мы на одного хозяина, условия работы были для всех одинаковыми, почвы для раздоров не возникало. А национальный вопрос? Нет, такого вопроса я в нашей среде по отношению к полякам просто не слышал и не чувствовал, ничего подобного не замечал в годы детства и юности. После Октябрьской революции я попал на работу в Киев. Там тоже соприкасался с поляками. На Украине вообще всегда было много польского населения, и в Киевской губернии, и в Житомирской, и в других. Но и там никаких польско-русских коллизий национального порядка, порождаемых на бытовой почве какими-либо разногласиями, или даже недоразумений среди рабочих не возникало.

После революции я знавал в Киеве редактора газеты поляка Скарбека[154]. В свое время он заведовал польским отделом ЦК КП(б)У в Харькове, а потом, кажется, работал в Москве, в отделе пропаганды. Это был очень уважаемый товарищ, честный коммунист. Я тогда заведовал отделом Киевского окружкома партии, меня касались кадровые вопросы. Если мы подбирали

кадры, не смотрели на национальность: поляк, еврей, русский, украинец либо еще кто-то. Такого вопроса не было, люди подбирались только по деловым качествам. Конечно, направляя товарища на ту или другую должность, мы учитывали национальность и владение языком. На Украине ведь живет большинство украинцев, так что украинцам отдавалось предпочтение при назначении на такие должности, где владение родным языком и знание местного быта имели определенное значение. Но это в порядке вещей, так как раз и должно быть. Скарбек редактировал не польскоязычную газету. Был он подготовленным человеком, и дело у него шло нормально.

Однажды в Киеве на мою долю выпало поближе соприкоснуться с поляками. В конце 20-х годов Пилсудский[155] решил созвать всемирный съезд поляков[156]. В то время у нас отношения с Польшей были крайне плохими. Мы помнили, что в 1920 г. Пилсудский воевал против Советской России[157] и потом проводил враждебную политику в отношении СССР. Поэтому нам был закрыт доступ к настоящему общению с Польшей и вообще с поляками за пределами наших границ. Но мы хотели, чтобы представители польского населения в СССР тоже получили мандаты на этот съезд в Варшаве, где смогли бы подать голос от имени советских поляков.

Была создана комиссия, в нее включили и меня, русского, но заведующего отделом окружкома партии. Комиссия подбирала кадры, изучала людей, кого из них можно было бы послать в Варшаву. Следовало учитывать также, чтобы они получили мандаты и не были бы задержаны на границе польским государством. В комиссию входил и Скарбек, а возглавлял ее Криницкий[158], известный поляк-большевик, который тогда заведовал отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Впоследствии я неоднократно встречался с Криницким и с огромным уважением относился к нему. К сожалению, он трагически погиб, как и многие другие. Кажется, его направили в Саратов секретарем крайкома партии, и во время сталинской мясорубки он был арестован и расстрелян. В ходе работы комиссии мы внимательно обсуждали разные кандидатуры, но наша работа не принесла успеха, потому что Пилсудский никого из советских поляков не впустил в Варшаву.

Когда началось истребление Сталиным кадров партийных и советских работников, погибли[159] в числе других не только Скарбек и Криницкий, а и множество прочих поляков вообще. Узнав, что арестован и уничтожен Скарбек, я очень переживал. Он казался мне очень порядочным человеком. Меня также огорчало, что я вместе с ним ряд лет проработал в окружном партийном

комитете Киева, а в названной комиссии общался буквально каждый день и высоко ценил его. Теперь же оказалось, что Скарбек – враг народа! Когда я узнал, что Криницкий арестован, то растерялся: что же это такое и как могло случиться? Товарищ Криницкий вдруг оказался предателем!

Это теперь всем известно, какими они были «врагами народа». А мне тогда, в ответ на мои вопросы, объяснили, что Скарбек – агент Пилсудского. Я знал, что Скарбек в свое время перешел нелегально советско-польскую границу; бывший пэпээсовец, он стал у нас активным деятелем ВКП(б). Говорили же так: он перешел границу по заданию Пилсудского, чтобы втереться в доверие и шпионить в пользу панской Польши. Конечно, в жизни и такие случаи бывали. Разведки подобным приемом не раз пользовались, если создавалась возможность. Теоретически и Скарбек мог быть агентом, невероятного тут ничего не было, и я отнесся к объяснению с доверием. Зато проявлял недовольство собственным поведением: каким я оказался недальновидным, если столь высоко ценил вражеского агента.

Когда я потом работал в Москве, то познакомился здесь с еще одним поляком, бывшим соратником Дзержинского Реденсом. Он был уполномоченным ОГПУ по Московской области. Рабочий-электрик, до революции работавший на заводе в Каменском (позднее – Днепродзержинск), он трудился на фабрикантов, которые тоже были поляками. У меня сложились хорошие отношения с Реденсом, и я к нему относился с почтением, хотя, с моей точки зрения, он вовсе не был свободен от недостатков. Но ведь таких людей мало, которые вообще были бы лишены недостатков. В политическом же аспекте я имел к Реденсу полное доверие. Он был женат на сестре жены Сталина, Анне Аллилуевой. Не раз за семейным обедом у Сталина я сидел рядом с Реденсом. Вся семья Сталина в ту пору собиралась на таких обедах. Реденс кончил так же, как многие другие люди: был арестован и выслан, позднее же – казнен. Его жена Анна сильно переживала гибель мужа и от горя лишилась рассудка. То была большая трагедия в семье Аллилуевых. Надежды Сергеевны уже в живых тогда не было, она погибла раньше.

Так перебираю я в своей памяти различные встречи с поляками, с которыми мне приходилось общаться, работать и дружить, и вспоминаю о них с теплым чувством, а одновременно с содроганием думаю о периоде, когда Сталин поднял «бдительность», которая тысячам людей стоила жизней. Были ли вообще польские агенты засланы к нам Пилсудским? Наверное, да. А другими разведками? Безусловно, потому что разведки

всегда засылают к другим своих агентов. Но в том-то и состоит мудрость государственного деятеля, чтобы он не смешивал честных людей с агентами. Иначе получится так, как, увы, получилось у нас. В результате мы оголили свой общественный фронт, и лучшие люди, которые заслуженно выдвинулись во время революции и после нее, заняли командное положение в партии, армии, государстве и хозяйстве, были истреблены, в первую голову – поляки.

Они расплачивались за неумную политику главы польского государства Пилсудского, врага Советской власти. Когда в 1936, 1937, 1938 годах развернулась настоящая «погоня за ведьмами», поляку трудно было где-то удержаться, а о выдвижении на руководящие посты не могло быть и речи. Все поляки были взяты в СССР под подозрение. Эти настроения подогревались еще и тем, что по мере ухудшения международной обстановки руководители Польши углубляли свою антисоветскую линию.

Та же политика продолжалась после смерти Пилсудского. Как-то позвонил мне в Киев Сталин и предупредил: «Вы обратите большее внимание на границу с Польшей, я бы вам посоветовал почаще туда выезжать самому». Вторично он позвонил, чтобы обратить мое внимание на Каменец-Подольский: «По сведениям, которыми располагает наша разведка, поляки готовятся захватить Каменец-Подольский и через него развернуть наступление по направлению к Черному морю». Насколько это было реально? Следовало ли тому верить? Трудно сказать. Сейчас очевидна сомнительность, если не невероятность таких планов. Никаких реальных возможностей у Польши к тому не было. Сталин вообще сохранял самое острое недоверие к Польше. Отчасти оно было обоснованным и подтвердилось фактами, когда началась Вторая мировая война.

Однако свое недоверие к руководителям буржуазно-помещичьей Польши Сталин направлял против любого поляка. Ему представлялось, что эти люди только и думают, какой бы и где нанести вред нашему государству. Когда началась расправа с «врагами народа», атмосфера накалилась до того, что представители компартии Польши в Коминтерне все были арестованы и уничтожены, а решением Исполкома Коминтерна ее вообще распустили[160]. Тогда я работал первым секретарем Московского комитета партии и помню, как после ареста очередной группы всем известных политических деятелей у нас прокатывалась волна митингов в их осуждение. Поляки классифицировались как агенты Пилсудского, чьи усилия постоянно направлены на подрывную деятельность против СССР.

Каждый поляк – «враг наш», он заслан Пилсудским, появился

клич. Как когда-то черносотенцы кричали: «Бей жидов, спасай Россию!» – так теперь призывали: «Бей поляков, спасай Советский Союз!»

Когда не стало поляков, взялись за тех, кто представлял какой-то интерес, занимал видное положение. Однажды я приехал на заседание Политбюро. Мы сидели и подпирали плечами стенку с Ежовым. Сталин вошел в зал и сразу же направился к нам. Подошел, ткнул меня пальцем в плечо и спросил:

– Ваша фамилия?

– Товарищ Сталин, я всегда Хрущевым был.

– Нет, вы не Хрущев… – Он всегда резко так говорил. – Вы не Хрущев. – И назвал какую-то польскую фамилию.

– Что вы, товарищ Сталин, мать моя еще жива… Завод стоит, где я провел детство и работал… Моя родина Калиновка в Курской области… Проверить можно, кто я такой…

– Это говорит Ежов, – ответил Сталин.

Ежов стал отрицать. Сталин сейчас же в свидетели позвал Маленкова. Он сослался, что Маленков ему рассказал о подозрениях Ежова, что Хрущев не Хрущев, а поляк. Тот тоже стал отрицать. Вот такой оборот приняло дело, начали повсюду искать поляков. А если поляков не находили, то из русских делали поляков.

1 сентября. В Москве решили, что Красная Армия тоже должна начать военные действия по захвату территорий, которые, согласно договору от 23 августа, вошли в сферу влияния Советского Союза. Области Западной Украины, «входившие в состав польского государства, отходили к УССР, Западной Белоруссии – к БССР. Шла тогда речь и о судьбах Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, но я сейчас говорю именно о поляках.

1 сентября с немецкого удара по Польше началась вторая мировая война. Мы подготовили свои военные силы на границе с Польшей, но они еще не были введены в дело. Я узнал от Сталина, что Гитлер через посла в Москве напоминал ему: «Что же вы ничего не предпринимаете, как мы условились?» Сталин отвечал, что мы еще не подготовились. Начали мы действовать 17 сентября. Командовал войсками в Западном походе Тимошенко. Я находился там же, в войсках. Наступавшей кавалерийской дивизией на Тарнополь командовал хороший генерал, я его фамилию не припомню, он потом отличился во время войны. Боевой был человек, сам из шахтеров. Ночью, перед началом боевых действий, он доложил мне, через сколько часов он окажется в Тарнополе. Так и получилось. Что касается военных действий, то я бы сказал, что так их можно называть лишь

условно. Красная Армия двигалась, не встречая никакого сопротивления, даже от польских пограничников. Когда мы с Тимошенко вечером приехали в Тарнополь, наша кавалерия находилась уже там.

Впервые в жизни я оказался за границей. Народа на улицах не было видно, хотя в Тарнополе преобладали украинцы. Только у самой границы жили так называемые осадники – поляки, занимавшие места, откуда искусственно выселяли украинцев, чтобы освободить земли для осадников, то есть тех поляков, которые должны были являться как бы стражей на границе с УССР. К нашим войскам они не проявляли никакой враждебности: у тамошних поляков не встречалось фанатизма, и они не кидались в бой против советских людей.

На львовском направлении армией командовал генерал Голиков. Я поехал к нему. Свой полевой командный пункт Голиков разместил под скирдой соломы. Я подъехал к нему, он доложил мне, что послали командующего артиллерией Киевского военного округа генерала Яковлева для переговоров с немецким командованием по вопросу занятия нашими войсками Львова. Пал выбор на него, потому что он знал немецкий язык, не в совершенстве, но мог объясниться.

Хороший был генерал. Во время войны он занимался артиллерийским вооружением и хорошо работал. Правда, это его не спасло. Уже после войны Сталин его все-таки посадил в тюрьму.

Немцы и мы одновременно вплотную подошли к Львову. По договору Львов входил в нашу зону, отходил к Советскому Союзу. Однако немцы рвались туда, видимо, хотели пограбить.

Яковлев возвратился и доложил, что командование немецкой армии согласилось с нами, и мы можем занять Львов, а немцы же не будут вводить свои войска в город.

Мы заняли Львов и непосредственно соприкоснулись с польским населением. Население вокруг Львова было украинским, но во Львове в абсолютном большинстве жили поляки.

Бурное было время. Военные действия закончились. Правда, если говорить о советской стороне, то части нашей армии, собственно, военных действий там не вели. Мы вышли на границу, которая была определена по договоренности с немцами.

Если говорить об удовлетворении национальных чаяний украинской интеллигенции, то они видели границу еще западнее. Украинцы связывали понятие своей границы на западе Украины с «линией Керзона», а новая граница проходила восточнее ее.

Таким образом, обвинения Советского Союза, что он

оккупировал территорию Польши, не совсем верны. Наши войска заняли территорию, которая исторически и по своему составу населения этнически относилась к Украине. Все сельское население за небольшим исключением было украинским.

Это было для меня самое лучшее и самое счастливое время. Мы праздновали воссоединение украинских и белорусских земель в едином Советском государстве. У людей было праздничное настроение, мы проводили совещания, конференции, съезды – развернулась бурная политическая деятельность. Большой был подъем на Украине и особенно торжественно восприняла воссоединение западных областей украинская интеллигенция.

В то время я, как секретарь Центрального Комитета КП(б)У, практически переселился во Львов и занимался работой в западных областях. В Киеве появлялся редко.

Мы пригласили представителей украинской интеллигенции, главным образом писателей, приехать во Львов, с тем чтобы наладить работу с интеллигенцией во Львове. Львов стал центром западных областей Украины, и все совещания по вновь присоединившимся областям Украины проводились во Львове. Во Львове осталось много польского населения и польской интеллигенции. В том числе та часть интеллигенции, которая под ударами немцев, отступая на восток, пришла во Львов. С отступавшими поляками пришла и Ванда Львовна Василевская[161].

Разные поляки были тогда во Львове. И разное было их отношение к нашей стране. Нам было нелегко. Факт оставался фактом – нами был подписан договор с Риббентропом. Завертелась машина пропаганды против Советского Союза, главным обвинением было, что мы, коммунистическая партия, пошли на сговор с фашистами.

Трудно было, очень трудно было отвечать на, казалось бы, очень легкий вопрос. Трудности заключались не в сути дела, а в форме. Потому что, по сути дела, ничего не могло быть общего у коммунистической партии с фашистами и, следовательно, по существу, никакого договора не могло быть, но формально этот договор был, и им определялась новая граница. Все это стало достоянием общественности, когда была разгромлена Германия и немецкие архивы попали в руки американцев.

Основная трудность заключалась в том, что мы не могли сказать о том, что это был маневр, что другого выхода у нас не было. Мы вынуждены были пойти на это, по вине той же Польши, по вине той же французской буржуазии, по вине буржуазной Великобритании, которые не хотели объединить усилия с Советским Союзом против фашистской Германии. Этого мы

сказать не могли полякам, это мы даже у себя на Украине не могли сказать.

Однако не только эти трудности возникли во Львове. Поляки особенно остро переживали, что они лишились государственности, Польша оккупирована, Варшава разгромлена. Но мы опять не могли говорить полным голосом, не могли занять позицию, вытекающую из нашего миропонимания, из нашей идеологии. Открытую пропаганду против Гитлера, против гитлеровской политики, против немецких и итальянских фашистов мы вели до заключения договора. А теперь не могли ничего сказать, потому что они стали нашими союзниками. Я бы сказал, сложилось буквально трагическое положение для наших пропагандистов.

В то время в украинской партийной среде поляков почти не было. А если и были, то они не занимали какого-нибудь видного положения в партии. Всех таких людей уничтожил Сталин.

Когда я приехал во Львов, мне сказали, что есть такая писательница Ванда Львовна Василевская – человек решительный, реально оценивает обстановку и на нее можно положиться. Меня заверили, что она нас поймет и пойдет вместе с нами.

Она должна была вот-вот прибыть во Львов. Я ждал Ванду Львовну, чтобы вместе с ней начать работу по организации польской интеллигенции во Львове. Мы хотели удержать их от антисоветской деятельности, сделать нашими союзниками в борьбе за нормализацию условий жизни. В других районах Западной Украины, заселенных украинцами, мы опирались на украинцев и в поляках не нуждались. Положение осложнялось еще и тем, что западные украинцы были очень настроены против поляков, которые были господствующей нацией и вели неразумную политику притеснения украинского населения. Настроение, особенно среди украинской интеллигенции, было антипольским.

Мы не хотели усиления раздоров. Так уж сложилось исторически: много веков Польша и украинцы воевали между собой. Всем известны времена Богдана Хмельницкого, который вел активно войну против поляков. Потом под его руководством Украина вошла в состав Российского государства.

Наконец появилась Ванда Львовна. С ней мы легко договорились по всем вопросам. Она поняла наши объяснения, в каких условиях был заключен договор с немцами и почему мы двинули свои войска в восточные районы Польши.

Относительно договора говорил с ней не я, а приехавшие со мной украинские писатели, главным образом Корнейчук

и Микола Платонович Бажан. Эти люди были наиболее активны и близки мне. Через них я делал установки по нашей пропаганде и нашей политике среди польского творческого актива, который стал группироваться вокруг нас.

Ванда Львовна и сама, как писательница, с большой симпатией относилась и к белорусской, и украинской бедноте. Это отражено в ее литературных произведениях. Она сидела в польской тюрьме за защиту прав западных украинцев и белоруссов. Ее книги я и сейчас вспоминаю с удовольствием.

Я сейчас фамилии других польских товарищей в памяти не удержал, в то время к нам пришла одна Ванда Львовна, позднее появились и другие, бежавшие из Варшавы польские интеллигенты. К нам они относились по-разному, некоторые довольно недружелюбно, а некоторые откровенно пьянствовали. Ванда Львовна же сразу включилась в работу и быстро стала вожаком польской интеллигенции во Львове.

Хотя Коммунистическая партия Польши и была распущена Коминтерном, но низовые партийные организации работали. Может быть, они не были извещены, а может быть, просто игнорировали этот роспуск. Гомулка много позже мне рассказывал, что он работал в то время в Драгобыче и считал себя членом партии. Я не знаю, в каком составе там была партийная организация и была ли вообще. Наверное, отдельные лица считали себя коммунистами, и такие, как Гомулка, были. Завадский, который стал председателем Государственного совета в Польше, рассказывал, что он сидел в Драгобычской тюрьме как коммунист. Среди коммунистов, членов бывшей Польской компартии, было много и рабочих, и интеллигенции. Они хотели вступить в партию, но об этом не было и речи.

Там была еще Коммунистическая партия Западной Украины, то есть Западной Украины, которой руководил Центральный Комитет КП(б)У из Киева. Бывших ее членов нам разрешили принимать в партию в индивидуальном порядке. Мы кое-кого принимали и не могли их не принимать, потому что мы видели, что это честные люди, которые представили нам доказательства своей работы в подполье. Они нам были нужны. Они лучше знали местные условия. Таким образом, мы приступили к созданию партийной организации.

Как удар обухом по голове прозвучала для меня весть, что нашими чекистами убит муж Василевской. То было случайное убийство, как мне честно признались. Но я очень огорчился. Он был пэпээсовец, сам из рабочих, хотя и менее активный, чем его супруга. Тут же возник вопрос: как это отразится на отношении Василевской к нам? Не подумает ли она, что мы устранили его по

каким-то политическим соображениям? Мало ли что может прийти в голову человеку при такой трагедии. И я сказал своим украинцам Бажану и Корнейчуку: разъясните Ванде Львовне по-честному, как все произошло, ничего не скрывая.

А произошло вот что. Чекисты хотели арестовать какого-то жильца в доме, где жила Василевская во Львове, но этажом выше, и спутали квартиру. Постучались случайно в другую. Муж Василевской открыл дверь и тут же был застрелен. Я потом спрашивал: «Зачем же был произведен выстрел? Ну, произошла ошибка, постучали не в ту дверь, но человек ведь ее открыл, с ним можно было объясниться?» Отвечали, что чекистам показалось, что открывавший дверь был вооружен и сам намеревался стрелять. Конечно, это трусливый акт. Никакого оружия у него не имелось, стрелять он, следовательно, не мог. Убили человека, и все…

Мы правдиво рассказали об этом Ванде Львовне и просили правильно нас понять. Василевская поверила, что здесь не было злого умысла, и, не снижая активности, продолжала работать в дружественном к нам направлении. У меня сохранялись с нею наилучшие отношения на протяжении всей ее жизни.

Не скрою, не все встречи с поляками во Львове носили радостный характер. Очень трудно им было понять нашу политику, в результате которой они лишились государственности и потеряли родной для себя Львов, где польская интеллигенция занимала все ведущие позиции. Поляки господствовали везде: в коммунальном хозяйстве, в университете, техникумах, школах. Одним словом, все главные командные позиции во Львове были исключительно в руках поляков. Поэтому когда мы соприкоснулись с организацией служб городского хозяйства, то мы имели дело с польской администрацией. Во Львове и рабочими главным образом были поляки. Поляки даже на черные работы не допускали украинцев. Украинцы нам говорили:

– Нас даже не принимали на работу по мощению улиц во Львове.

Если поляки и не высказывались против нас, таили свое недовольство сложившимся положением, то по глазам можно было прочесть, о чем они думают, печать траура лежала на их лицах.

Печальные эпизоды остались у меня в памяти.

Запомнился случай с польской оперной певицей Вандой Бандровской[162]. Ванда Бандровская, довольно известная среди оперных артистов, оказалась во Львове. Наши за ней стали ухаживать, предложили ей на выбор работу в Оперном театре, Киевском или Одесском. Пока мы вели с ней переговоры, она

поддалась влиянию немецких агентов, которых было полно во Львове. Тогда было достигнуто соглашение об обмене людьми, которые оказались на территории, оккупированной нашими и немецкими войсками. Украинцы могли вернуться в зону, занятую советскими войсками, и, наоборот, поляки из Львова и других восточных районов бывшей Польши могли бы возвратиться в Польшу.

Немцы прислали своих людей, они вели агитацию за возвращение беженцев. Генерал Серов тогда работал во Львове. Он пришел ко мне огорченный и говорит:

– Знаете, Никита Сергеевич, Ванда Бандровская уже в Кракове, она перешла границу по фальшивым документам. Немцы передали по радио, что Ванда Бандровская прибыла в Краков и выступила перед офицерами немецкой армии.

Списки возвращавшихся согласовывались с нашими людьми, с чекистами, и Ванды Бандровской в них не было, но она ушла. Тогда это было нетрудно – тысячи людей уходили и приходили, проверка велась поверхностно.

Такое отношение польского интеллигента к немцам, врагам польского народа, вызвало у меня и сожаление, и возмущение, но ничего не сделаешь.

Я тогда выслушивал и более горькие сообщения того же Серова. Он меня информировал, что идет регистрация, стоят огромные очереди желающих выехать на территорию Польши, занятую немецкими войсками, очередь в большинстве из беженцев с западных территорий, евреев. Они стоят и умоляют, чтобы их включили в списки, чтобы они могли вернуться в оккупированные немцами районы. Дают взятки гестаповцам.

Несчастный еврей, который имел в Варшаве или еще где-то на западе домик или портняжную мастерскую, ремесленник, отдает гестаповцам последние остатки, которые он взял при отступлении. Те делают ему одолжение – вносят его в списки, и он еще благодарит за то, что его внесли в списки. Эти люди шли на верную гибель. Немцы их уничтожили, как уничтожили евреев на территории Германии. Но мы ничего не могли сделать. Мы не могли вести правдивую пропаганду, связанную договором Риббентропа – Молотова, но самое ужасное, что эти люди нас бы и не слушали, они были одержимы одним желанием вернуться, вернуться к своему очагу, вернуться домой. Они не задумывались, что этот дом станет для них могилой, что возвращение домой обрекало их на верную смерть. Видимо, все эти несчастные погибли.

Никаких жертв во Львове среди советских людей в результате какого-либо сопротивления поляков не было, если не считать

случая, когда погиб корреспондент какой-то газеты в результате паники. Он проснулся ночью, услышал шум на улице, открыл окно, свесил голову, чтобы разобраться, в чем там дело, и был убит нашими же людьми по недоразумению. Советские охранники посчитали, что он, возможно, снайпер, выбирающий цель. Вооруженная борьба развернулась позже, но и ту начали не поляки, а украинские националисты-бандеровцы.

Степан Бандера[163], сын священника из западноукраинского города Станислава, в то время был студентом Политехнического института и входил в террористическую украинскую организацию, которая осуществляла террор против польских властей. Он стоял на позициях независимой, самостоятельной Украины. То была одновременно и антипольская, и антисоветская организация. Бандеру судили за покушение на польского министра и приговорили к тюремному заключению. Наши и немецкие войска выпустили многих заключенных на свободу, и Бандера вернулся к прежней деятельности, теперь уже антисоветской, впоследствии при содействии немцев. Его люди причинили нам много вреда и горя, мы понесли много жертв в борьбе с бандеровцами.

После смерти мужа Василевская спустя некоторое время подружилась с Корнейчуком[164], и они стали вести совместную жизнь. Корнейчук порвал со своей прежней женой, сестрой известного украинского писателя Натана Рыбака[165], его ближайшего друга. Получилась семейная трагедия в квадрате. Василевская же крепко приковалась к Корнейчуку цепью любви, и эта связь оказалась более прочной и неизменной. Еще одним пришельцем к нам с «той стороны» был Гомулка[166], он не переходил демаркационную линию, а работал в Дрогобыче. Оттуда его мобилизовали в Киев, где он трудился на строительстве железнодорожного тоннеля под Днепром. Там же работали и другие вольнонаемные поляки, если понимать тут это слово в том смысле, что не их вольно наняли, а их волю наняли. Впрочем, там же работали и украинцы, все на общих основаниях и с единой оплатой, без какой-либо дискриминации в отношении денег.

Перед войной Сталин выдвинул задачу: построить более надежную, устойчивую к бомбежке железнодорожную переправу через Днепр. Для этого было решено построить два тоннеля: один – южнее Киева, а другой – севернее. Он считал, что эта железная дорога не будет разрушена в случае войны с немцами.

Гомулка, когда много позже рассказывал мне об этом периоде своей жизни, шутил, не жаловался.

22 июня 1941 года грянула война.

Что такое эвакуация в то время? Вообразить невозможно. Нужно было видеть своими глазами условия эвакуации: из Западной Украины спасался кто как может, это было бегство. Наступление немцев развивалось активно, и Львов с первых дней войны находился под непрерывными ударами немецкой авиации. В особенно тяжелом положении оказались семьи военнослужащих, наших генералов и офицеров. Оттуда бежали кто как мог.

Местные жители в массе своей не эвакуировались ни из Львова, ни из других городов Западной Украины. Они поддались националистической пропаганде и, несмотря на всю нашу агитацию, митинги и разъяснения, занимали враждебные позиции. С нами отступало какое-то количество людей, но это были единицы, а не массовая эвакуация.

В 1941 и 1942 годах у нас не возникало особых вопросов, связанных с Польшей. Не до того нам было. Только в переломном для хода войны в начале 1943 года у нас стали думать по-настоящему об использовании польских воинских частей на советско-германском фронте.

Правда, первая, неудачная попытка сформирования польских частей под командованием польского генерала Андерса[167] была сделана раньше, в 1942 году. Он, кажется, командовал кавалерией в Польше и оказался у нас в плену. Когда из поляков, находившихся в Советском Союзе, была сформирована польская армия, генерал Андерс отказался сражаться против Гитлера на территории Советского Союза, и его войска перебросили через Иран в Африку, где они воевали на стороне англичан.

В 1943 году, по крайней мере, я услышал об этом на завершающем этапе Сталинградской битвы.

Во второй раз началось формирование польских войск под руководством генерала польской армии Берлинга[168], находившегося в Советском Союзе. Ради этого его привезли из Сибири, где он сидел в лагере.

Когда началось формирование польских частей, мы задумались о политической и патриотической работе среди польских солдат, то снова всплыла фамилия Ванды Львовны Василевской. Думаю, что это был результат моих неоднократных бесед со Сталиным, в которых я с восхищением рассказывал о Ванде Львовне, о ее политических достоинствах, о ее патриотизме, о ее верности коммунистическим идеям.

Новая воинская часть формировалась под лозунгами Союза польских патриотов, который возглавлялся Вандой Львовной Василевской.

В то время роль Василевской как пропагандиста и

политического организатора была очень велика. Василевская выезжала в польские части, и она уже воспринималась руководителем зародившейся польской правительственной ячейки на территории Советского Союза. Мне было приятно, что эта роль поручена Ванде Львовне. Я ее очень уважал, верил в ее искренность и политический разум.

С польскими товарищами, которые входили в состав Польского комитета национального освобождения (ПКНО) и занимались формированием польской армии, я несколько раз встречался в Москве у Сталина, а потом в Киеве. Никаких серьезных вопросов они передо мной не ставили. В то время все, что нужно было полякам, в первую очередь вооружение и снаряжение, шло в централизованном порядке, не через меня, а через командование тыла Красной Армии, генерала Хрулева[169]. Формирование польских частей в то время происходило в городе Сумы на Украине.

Было решено: польская армия будет действовать на участке 1-го Белорусского фронта генерала Рокоссовского[170], замечательного коммуниста и прекрасного военачальника. Левый фланг 1-го Белорусского фронта находился на территории Украины в районе Луцка. Там сосредоточилась 1-я польская армия генерала Берлинга. Тогда я с ним познакомился и установил хорошие отношения. Сталин мне советовал установить личные контакты. Я с Берлингом неоднократно встречался в Киеве, часто звонил ему по телефону, интересовался, как у них идут дела. В расположении его войск я никогда не был.

Одна встреча мне особенно запомнилась. Произошла она в середине 1944 года. Сталин очень ухаживал за Берлингом и за командованием польской армии.

Берлинг пожаловался Сталину, что украинцы плохо относятся к польской армии. В это время польскую армию передвинули к границе Польши. Сталин приказал разобраться.

Сначала в Киев приехал Маленков, а через день должен был прибыть Булганин (в то время представителем Советского Союза при польском правительстве был Булганин Николай Александрович). Сталин его освободил от обязанностей члена Военного совета Западного фронта и назначил особым уполномоченным.

Я предложил Маленкову:

– Надо поехать встретить Булганина.

– Не стоит, – ответил Маленков, – приедет сам. Пошли кого-нибудь и его привезут.

Я попал в неловкое положение. Мне хотелось выразить уважение Булганину. У меня были дружеские отношения с ним. С

другой стороны, мне не хотелось ставить в неловкое положение Маленкова: он отказался ехать. Почему же Маленков, который тоже дружил с Булганиным, в то время когда я был секретарем Московского областного и городского партийных комитетов Москвы, проявил такое недружелюбие? Потом мне стало ясно, в чем дело.

В 1943 году было предпринято несколько наступлений Западного фронта, где Булганин был членом Военного совета, против немцев, и эти наступления не имели успеха. Сталин возмутился и назначил комиссию для проверки причины провала наступлений Западного фронта. Комиссию эту возглавил Маленков. Она провела следствие.

Обвинили штаб Западного фронта в неумении управлять войсками и плохом использовании материальных средств. Командовал тогда этим фронтом Соколовский[171], милый человек и, безусловно, знающий военное дело, а Булганин был членом Военного совета. Я не могу сказать об административных, распорядительных свойствах Соколовского, но как штабного человека я его очень высоко ценил.

При освобождении Соколовского и Булганина от должностей я не помню, наложили ли на них какое-то взыскание. Маленков мне говорил, что им записали, кажется, выговор, но что-то нетвердо у меня сохранилось в памяти. Маленков зная, что он «наградил» Булганина, соответственно строил свои отношения. Я не верил в объективность расследования и в компетентность Маленкова. Я знаю, что Маленков, как только приехал, то следствие вел так, как ему сказал Сталин. А Сталин, видимо, рвал и метал против Булганина. Следовательно, Маленкову надо было приехать на место и составить соответствующую записку.

Приехал Булганин, а с ним Берлинг. Тогда я узнал, в чем дело. Маленков мне сообщил, что он тоже приехал по этому же делу как главное лицо.

Я спросил Берлинга:

– В чем выражается плохое отношение украинцев к вашей армии?

– Ну, – говорит, – украинцы постоянно выражают недовольство.

Я спросил:

– В чем это проявляется? Видимо, ваши солдаты их грабили? Армия всегда берет у крестьян. Потом, может быть, коней выпасали на посевах крестьян? Естественно, они будут выражать недовольство. Кроме того, вам надо иметь в виду, что западные области Украины долго находились в составе польского государства. Польское правительство вело неразумную

национальную политику, дискриминировало украинцев, притесняло их. Поэтому они поляков не жалуют. Тому история свидетель, сколько веков украинцы воевали против Польши? Еще со времен Богдана Хмельницкого.

Он почувствовал себя неловко и ответил:

– Знаете, я сам не ожидал такого поворота и этого не хотел. Я, собственно, никаких претензий не имею. Видимо, я необдуманно сказал Сталину. Как солдат, я сам понимаю, что такие инциденты всегда бывают между войсками и гражданским населением.

Я очень хорошо относился к Берлингу. Я его знал и ценил как политическую фигуру и командующего польской армией, которая будет действовать вместе с советскими войсками. Я хотел укрепить наши отношения и расположить его к нам. Я ему часто посылал посылочки: какие-то украинские деликатесы, икру, которую получал из Москвы.

Заседание комиссии закончилось обедом, и солидным обедом, с напитками, как положено для высоких представителей комиссии. Маленков был тогда почти не пьющий. Но Украина должна была проявить хлебосольство, и оно было проявлено. На этом наша встреча и разбор дела закончились. Булганин улетел с Берлингом, а Маленков через какое-то время вернулся в Москву. Так произошло мое знакомство с командующим польской армией.

В 1944 году, как мне помнится, какие-то польские антифашисты перешли линию фронта, и я их принимал у себя, на Украине, устроил им обед. Сталин мне поручил оказать им помощь и содействие.

В том же 1944 году Красная Армия заняла часть польской территории, в том числе город Люблин. Люблин – это большой город, когда-то он был столицей Польши. Появился в нашем расположении и генерал (генеральское звание ему было присвоено еще во времена Пилсудского) Роля Жимерский[172]. Хотя, как мне рассказывали, он в те годы сидел в тюрьме. Ему Пилсудский почему-то не доверял. Я не знаю, в чем было дело, я не уточнял, но мне говорили, что якобы его обвиняли в том, что он является агентом Советского Союза. Этот человек был нашим другом. Умный человек, с опытом. Я считаю, что доверие ему оказывали заслуженно. Я твердо сейчас не помню, кто продолжал возглавлять комитет (Берут или Василевская) – верховную власть Польши, которой было подчинено все, в том числе и армия, которой командовал генерал Берлинг.

Стали формировать правительственные органы Польши. Для расположения правительственных органов они избрали Люблин. Это правильно, так как территория – польская, бывшая столица

Польши. Там же обосновался и Булганин.

В то же время, чтобы как-то смягчить осадок, отложившийся в польских душах после подписания договора Молотовым и Риббентропом, Сталин вновь пересмотрел границу между Украиной и Польшей, Белоруссией и Польшей. Это решение получило свое подтверждение на Ялтинской конференции.

О новом решении этого вопроса я узнал во время сообщения об этом польским руководителям. Холм[173] с сельскими районами отходил к Польше. Эти районы полностью, за исключением небольшого меньшинства польского населения, были заселены украинцами. Опять значительное количество украинцев отходило в состав польского государства.

Новыми границами, которые определил Сталин, украинцы были недовольны. Это недовольство внешне не проявлялось, но между собой много говорили, что это украинские земли, и даже по Версальскому договору, определившему «линию Керзона»[174], они отходили к Украине. Поляки в 20-е годы нарушили эту «линию» и продвинулись значительно дальше на восток. Даже граница 1939 года больше соответствовала национальным интересам украинцев, чем та линия, которую установили после войны.

Украинцы роптали. Опроса украинцев, конечно, не было, но интеллигенция, на которую опирался и Центральный Комитет Украины, и правительство, отражала чаяния своей нации. Она болезненно переживала и высказывала мне свое недовольство.

Своим решением Сталин поставил меня, как председателя Совета народных комиссаров Украины и секретаря Центрального Комитета, в пикантное положение. В 1939 году воссоединение было торжественно отпраздновано и в Киеве, и в Москве, потом утверждено на сессии Верховного Совета. Национальные интересы украинцев были удовлетворены. Впервые в истории украинского народа Украина была воссоединена, а теперь приходилось отступать. Но что я мог поделать, так решил Сталин.

Я думаю, что Сталин так поступил, чтобы как-то смягчить воспоминания о пилюле, которую он преподнес полякам договором, подписанным Молотовым и Риббентропом, договором о разделе Польши. Теперь Сталин проявил «понимание и добрую волю», уступил часть украинской территории Польше. Когда я встречался с поляками и обменивался с ними мнениями, то поляки тоже выражали недовольство границей, они считали, что граница должна была быть перенесена еще восточнее.

Я считаю, это непреодолимый спор. Если вдуматься, то и в интересах Польши, и в интересах Советского Союза установить добрые, братские отношения между нашими странами. Поэтому

уступка, которую сделал Сталин, политически оправдывалась тем, что как-то сглаживала горький осадок у поляков, оставшийся от 1939 года. Она создавала хорошие предпосылки для взаимопонимания и дружбы между нашими народами.

Вопрос с украинским населением, живущим на польской границе, Сталин решил просто: предложить им переехать на Украину. Поляки это приветствовали. Им это было выгодно. Польское население, жившее на Украине, если желало, могло переехать в Польшу, поляки соглашались их принять. Желающих было достаточно.

Такие же условия были обговорены Польшей и в отношении белорусской границы и белорусского населения.

Сталин сказал о таком решении мне и Пономаренко[175], который тогда был председателем Совета народных комиссаров Белоруссии и секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии. Мы должны были войти в контакт с польским временным правительством, провести переговоры и создать условия обмена населением. Этот вопрос был уже не дискуссионным, а решенным. Мы получили указания.

По телефону мы договорились с товарищем Пономаренко о дне поездки в Люблин. Нас встречал Булганин. Я прилетел из Киева, а Пономаренко – из Минска. Мы привезли с собой консультантов, которые должны были присутствовать при переговорах. Поляки нас встретили очень хорошо. Практически все вопросы решались быстро, без проблем.

Уполномоченным правительства Советской Украины при правительстве новой Польши был назначен Подгорный. Он в то время работал в украинском министерстве пищевой промышленности. Реализация договоренностей шла через него.

Я помню обед, данный правительством Польши в честь представителей Украины и Белоруссии. На обеде роль тамады выполнял Роля Жимерский. Он показал все свое генеральское превосходство над остальными. Он был очень весел и хорошо вел стол. Произвело впечатление на всех присутствующих еще и то, что он знал манеры высшего общества.

Остальные присутствующие были простыми людьми, пользовались своей терминологией. Когда украинцы поднимали бокалы, то говорили: «Будь мо, будь мо!» – «Будем здоровы!» И примерно такая же застольная терминология была у белоруссов, а его тост оформлялся цветистой фразой. Он демонстрировал свои познания в этикете высшего польского общества. Потом был организован большой обед с привлечением широких кругов сложившегося нового польского руководства. Состоялось совещание представителей польского крестьянства.

Я присутствовал на совещании и беседовал с польскими крестьянами. Крестьяне как крестьяне, они были рады своему освобождению.

Там я познакомился с Витасом[176]. Это известная в Польше фамилия. Старший брат, старый польский политический деятель, к тому времени уже умер. Младшего брата привлекли к работе Польского комитета. Он был вожаком польских крестьян, конечно, зажиточных, стоял на позициях кулацкого хозяйства. И сам Витас был довольно-таки зажиточным человеком, не помещиком, но кулаком.

Дело было в августе, и я решил угостить польских крестьян украинским деликатесом. Позвонил я в Киев и попросил доставить попутным самолетом в Люблин арбузов и дынь. Арбузы и дыни в Польше не росли, и этого продукта крестьяне не знали. Угощение произвело хорошее впечатление, но произошел смешной казус. Витас очень боялся колхозов, боялся, что мы будем навязывать их силой. Когда подали нам дыни, а привезли дыни сорта «колхозница» – это некрупные плоды, но очень ароматные и вкусные, я спросил:

– Как вам, господин Витас, нравится наша «колхозница»?

Я не знаю, как он понял, но он переспросил:

– Это колхозница? Дыня?

Я говорю:

– Да, «колхозница».

– А почему она не красная?

Он, видимо, хотел меня как-то уколоть, смысл его остроты я не понял. Он как-то по-другому понял, решил, что я вкладываю особый смысл, называя дыню «колхозницей». Я всегда чувствовал, что этот человек стоял в оппозиции по вопросу перестройки сельского хозяйства на колхозных началах, хотя в то время этот вопрос не только не стоял, но мы даже и не заикались о колхозах. Вообще я не вел разговоров о политическом устройстве Польши после изгнания немцев, это считалось внутренним вопросом Польши, и он должен быть решен после освобождения всей территории.

Мне не поручали вести эти переговоры, и я не вмешивался в эти дела.

Тогда у меня сложились хорошие отношения со всеми поляками, хотя были люди там политически разные.

Особенно мне нравился, я не говорю о Ванде Львовне, Болеслав Берут[177] – чистый, искренний, обаятельный и одновременно разумный человек. С ним легко было не только вести переговоры, но и просто беседовать. Хорошее впечатление производил Роля Жимерский, в сравнении с другими был это

человек высокой культуры, в какой-то степени с аристократическими манерами, дело иметь с ним было приятно.

Осубка-Моравский[178], безусловно, придерживался буржуазных взглядов на будущий строй польского государства, по своим настроениям он настоящий пэпээсовец, я не скажу, что пилсудчик, но пэпээсовец[179]. У нас тогда бытовало понятие «пилсудчик» – польский фашист. Он был пэпээсовец, выступал против марксистско-ленинского учения. На меня Осубка-Моравский производил впечатление, не выгодное для него.

Я уже упоминал, что в то время Советское правительство в Люблине представлял Булганин. Это облегчило мою миссию. С Булганиным мне было легко общаться, мы хорошо понимали друг друга. Булганин мне рассказывал, как идут дела, давал характеристику людям.

Я помню тогда нам сообщили, что в немецком концлагере около Люблина (я не помню сейчас, как это место называлось) [180] открыли могилы людей, убитых немцами. Там были сделаны печи, где сжигали трупы, но не всех сжигали, видимо, не справлялись печи. Открыли огромные рвы, заполненные трупами убитых.

Я предложил:

– Давай, Николай Александрович, поедем посмотрим.

Когда мы приехали, работы еще велись, откапывали ров. Ужасная картина. Вскрывали небольшой слой земли, а ниже лежали полуразложившиеся трупы. Зловоние было невозможное. Булганин не смог терпеть, сбежал. Я вытерпел, потому что мне хотелось хорошенько разузнать, познакомиться с этим нечеловеческим зверством, которое совершили немцы. Да и перед врачами и рабочими мне было несколько неудобно предстать изнеженным белоручкой, не выносящим трупного запаха.

Там стояло много печей с остатками не до конца сгоревших костей. Нам показали камеру, оборудованную под баню, в которой умерщвляли узников газом. Нам рассказали, что людей гнали сюда вроде как мыться, а когда они заполняли зал, то дверь закрывалась, помещение наполнялось газом, и все люди умирали. Тогда трупы извлекали и сжигали в печах.

Потом повели нас в длинный дощатый барак. В этом бараке открылась ужасная картина: он был заполнен огромным количеством женских волос. Видимо, перед казнью у женщин срезали косы, связывали в пучки и складывали сюда, как все равно делали в деревне заготовители щетины.

Оттуда мы перешли в другое отделение, наполненное обувью. Обувь там была всяких размеров: мужские и женские ботинки и туфли. Тоже огромное количество, и все разложено с немецкой

аккуратностью.

До нашего посещения там побывало много наших людей, и этот немецкий порядок был уже несколько нарушен. Впечатление очень тяжелое, ясно было, что обувь эта осталась от тех несчастных, которых во рвах откапывали наши саперы.

Эта картина была не для людей со слабыми нервами. Варварство немцев вызывало еще большее негодование против фашизма, против Гитлера, которые совершили эти зверства.

Недалеко от Люблина расположен древний город Холм (иначе Хелм). Мы с Николаем Александровичем Булганиным решили поехать в этот город, посмотреть его. Почему я хотел туда поехать? В этом городе в гимназии училась Нина Петровна, моя жена. Она мне рассказывала о нем. Город Холм до Первой мировой войны входил в состав Российского государства. Мне хотелось посмотреть, что это за город, что там за люди живут.

Мы посетили очень старый, я не помню, какого века, православный собор. Нас сопровождал священнослужитель, я не знаю, в каком он был звании, но человек старше среднего возраста. Он нам рассказывал о соборе, я сейчас не помню содержания его рассказа, но я запомнил его лицо и его глаза. С такой грустью, с такой болью он нам рассказывал историю храма. Его грусть была вызвана тем, что Холм отходит к Польской Республике.

Священник нам выплакивал:

– Смотрите, это же русский храм, он построен русскими. Теперь мы лишимся его, его снова переделают под костел.

Он начал рассказывать, что уже бывало в истории, когда этот храм переделали под костел. Потом возвращались русские, опять восстанавливали православный храм. Он буквально слезы лил. Мы слушали его, но не стали разговаривать на эту тему. Что мы могли поделать? Осмотрели собор и уехали.

Зимой 1945 года наши войска наконец заняли Варшаву. И тогда же я вплотную занялся польскими делами, организуя помощь восстановлению Варшавы. Сталин сказал мне: «Вот наши войска освободили Варшаву, и поляки потребовали к себе Микиту» (так он обращался ко мне, когда был в хорошем расположении духа).

Потом он перешел на деловой тон.

– У вас, – говорит, – накопился большой опыт восстановления разрушенных городов. Вы на Украине уже много сделали по восстановлению хозяйства. Сейчас освободили Варшаву. Мне докладывают, что там нет воды, нет электричества, не работает канализация. Улицы завалены щебнем. Одним словом, Варшава лежит в развалинах. А новые польские руководители – люди

неопытные, никогда они ничем не управляли и нуждаются в помощи. Поэтому вы поезжайте туда и помогите нашим товарищам полякам восстановить разрушенное городское хозяйство Варшавы.

Мне признаться было очень приятно слушать эти слова. Я был очень доволен таким поручением и был уверен, что смогу помочь полякам. Я знал по опыту: при любых разрушениях можно восстановить хозяйство, получить минимально нужное количество электрической энергии, восстановить водопровод и канализацию, хлебопечение и другие отрасли коммунального хозяйства, без которых жизнь в городе невозможна.

– Хорошо, – ответил я, – выеду немедленно, но разрешите мне взять специалистов из Москвы, а может быть, затребовать кое-каких инженеров из Киева, надо сразу иметь под рукой специалистов, которые занялись бы электричеством, канализацией и транспортом.

– Берите кого хотите. Вы знаете московских инженеров-коммунальников и киевских. Это ваше дело.

Я сформировал бригаду специалистов и выехал в Варшаву. Мне было очень приятно помочь польским друзьям, но мне, не скрою, хотелось взглянуть на разрушенную немцами Варшаву, встретиться с людьми, пережившими восстание, поговорить с ними.

Прибыли мы в Варшаву. Мне сказали, что новое польское правительство располагается на правом берегу Вислы, в предместье Варшавы, оно называлось Прагой, там остались неразрушенные строения. На левом же берегу основной город находился в руинах, все там было разрушено.

Первым делом я встретился с Берутом, президентом, Осубкой-Моравским, премьер-министром, и Спыхальским[181], мэром Варшавы.

Познакомили меня с польским архитектором, я забыл его фамилию, он разработал первые соображения по восстановлению Варшавы, показывал мне кое-какие наброски.

В этот мой приезд Берут познакомил меня с Берманом[182].

Главным помощником я взял с собой Андрея Евгеньевича Страментова[183]. Я Страментова уважал и хорошо знал. Это подготовленный человек, прекрасно знавший городское хозяйство, особенно дорожное строительство. А здесь мне еще очень требовались его пробивная энергия и его организаторские способности. Страментову я поручил возглавить бригаду специалистов, которую мы составили из московских инженеров коммунального хозяйства. Первым делом они должны были обследовать остатки коммунального хозяйства Варшавы и

определить, что можно восстановить и в какие сроки.

Работа была очень тяжелая. Коммуникации Варшавы скрывались под горами щебня и битого кирпича. Я поднимался на самолете, осматривал Варшаву с воздуха: это была какая-то груда развалин, а не город. Я не знаю более образного слова, чем руины, но никакое слово не может дать представление о тех разрушениях, которые я увидел, о состоянии города Варшавы в те дни. Это был не город, а горы щебенки.

Я наблюдал такую картину: лежит куча щебня, а смотришь, из-под этой кучи выходят люди. Оказывается, дом разрушен, но осталось подвальное помещение. Люди как-то расчистили вход и превратили это подвальное помещение в жилье.

Наши специалисты докладывали мне каждый день о проделанной работе. Мои посланцы по энергетике, водопроводу и канализации – это нас интересовало прежде всего – пришли в радужном настроении.

– Знаете, – говорят, – на электростанции турбины не разрушены, их можно восстановить. Здание разбито, надо расчистить. Как только здание приведем в порядок, можно будет запустить турбины и получить ток. Электроэнергии получим столько, что потребителей не хватит.

Я обрадованно шутил с товарищем Берутом:

– Товарищ Берут, нельзя ли от вас за услуги, которые мы вам оказываем, получить немного электроэнергии, у нас на Украине ее не хватает.

Это шутки. У них ее тоже не хватит, как только начнет работать городское хозяйство. Первым делом следовало наладить освещение, потом пустить насосную станцию, чтобы создать хотя бы элементарные городские условия для живущих в Варшаве людей.

Берут мне отвечал:

– Пожалуйста, за работу будем платить по затраченному труду.

Когда мы запустили турбины, я доложил Сталину, и он мне сказал:

– Вы оттуда не выезжайте, пока не создадите хотя бы минимальных условий нормальной жизни, не восстановите необходимые агрегаты для обслуживания населения Варшавы. В Киеве пока обойдутся без вас, там есть ваши люди и дело налажено. Пусть они без вас поработают, а вы в Варшаве поработайте.

Мы радовались, что водопровод скоро будет пущен, насосы исправны; если были какие-то поломки, то они будут быстро восстановлены. Стали восстанавливать водопроводную сеть. Она

где-то была разрушена снарядами, а где-то разорвало морозом водопроводные трубы разводящих сетей, но главные подземные коммуникации были в исправном состоянии или требовали для восстановления небольших усилий. Канализация тоже оказалась исправной. Все стали вводить в строй. Половина Варшавы получила электричество, водопровод и канализацию. С пекарней было проще: дали воинские походные пекарни. Они удовлетворяли потребности небольшого населения Варшавы, потому что люди после разгрома Варшавы Гитлером расползлись по провинции. Варшавяне начали расчищать город.

В какой-то праздничный день, видимо в воскресенье, руководители Варшавы организовали воскресник по уборке и расчистке улиц.

Мне товарищ Берут предложил принять участие в воскреснике: «Давайте символически поработаем», – и с хитрецой посмотрел на меня, он всегда говорил с улыбочкой.

Я согласился с готовностью.

Мы взяли лопаты, главным орудием производства в тех условиях была лопата, и пошли на какую-то улицу. Народу вышло относительно много. Улицы заполнились народом: кто с лопатами, кто с носилками, одни грузили, другие относили. Одним словом, работали. Тут же, конечно, крутились и киношники. Они зафиксировали для истории, какой была Варшава. Сейчас Варшаву восстановили, и она превратилась в красивый современный город.

Мне захотелось побывать в Лодзи. Я много слышал о Лодзи, это был пролетарский центр, рабочие Лодзи имели богатые революционные традиции.

Я спросил товарища Берута:

– Как вы смотрите, если бы я съездил в Лодзь?

– О, это хорошо, пожалуйста.

Тут вмешался Осубка-Моравский:

– Я бы с удовольствием тоже поехал с вами. Вы не возражаете?

– Буду рад.

Поехали. Дорога в Лодзь клинкерная, неразрушенная. Погода стояла солнечная. Приехали в Лодзь. Проехали по улицам, осмотрели город. Город находился в хорошем состоянии, больших разрушений не было. Опустился вечер, мы намеревались заночевать в Лодзи, а утром возвратиться в Варшаву.

Нас разместили в гостинице. Гостиница была обставлена богато, видимо, когда-то это была роскошная гостиница, но и в то время, когда нас в ней разместили, она выглядела тоже хорошо. Только страдали мы от холода. Отопление не действовало, и мы вынуждены были укрываться всем, что у нас было.

Сели мы за ужин. Ужинали мы в ресторане тем, что с собой привезли: селедочка у нас была и кое-какие другие продукты. Ресторан, по нашим понятиям, роскошный. К нам с Осубкой-Моравским пришли лодзинские руководители. Когда ужин был в разгаре, появился Роля Жимерский. Он с нами не ехал, не знаю, был ли по делам в Лодзи или где-нибудь в окрестностях. Своим появлением он сразу внес оживление в наш ужин. Человеком он был очень общительным, с веселым нравом, приятным, умным собеседником.

Поужинали. Лодзинские руководители рассказывали о своих делах. На меня они произвели очень хорошее впечатление, люди умные и болеющие за свое дело. Они делали все, что было в их силах, чтобы скорее восстановить свой город. По-моему, никакие предприятия в Лодзи не работали, и город был полупустынный. Оживления на городских улицах я не видел. Люди ходили, понурив голову, снабжение, видимо, было плохое. В общем, так выглядели все города, которые освобождались от гитлеровской оккупации.

На следующий день мы вернулись в Варшаву.

После возвращения из Лодзи товарищ Берут мне больше рассказал о товарище Гомулке, который в то время занимал пост секретаря Центрального Комитета.

– Сейчас он болен и лежит у себя на квартире, поэтому хорошо было бы, если бы вы смогли к нему заехать, – сказал Берут.

Я ответил, что с удовольствием навещу Гомулку, мне самому очень хотелось познакомиться с ним. Я поехал к нему на квартиру. Встретила меня женщина – жена товарища Гомулки, по-моему, она в тот момент занималась стиркой. Квартира Гомулки

выглядела мрачной, плохо освещенной, стены и потолок закопчены. Видимо, отапливалась она печуркой, «буржуйкой», как мы ее называли в Гражданскую войну.

Гомулка меня встретил приветливо, он был на ногах, не в постели. Лицо его было перевязано какой-то широкой черной лентой, выглядел он довольно экстравагантно.

Мы приступили к беседе. Он рассказал о положении дел в Польше и дал свои оценки. Не помню, сколько времени я у него провел, но я остался очень доволен и встречей, и беседой. Гомулка на меня произвел очень хорошее впечатление.

По возвращении из Варшавы я заехал в Москву и рассказал Сталину о проделанном. Кроме того, оставил записку, где подробно описал, в каком состоянии увидел Варшаву, что именно мы сделали, какое впечатление на меня произвели различные люди. Уделил много внимания встрече с Гомулкой, который был для нас фактически новой личностью. Сталина очень интересовало, что он за человек. О Гомулке я высказал только положительное. И не об одном Гомулке, но и о других польских политических деятелях. Однако с ними Сталин встречался и раньше, а вот Гомулка был для него человеком новым.

Товарищ Берут на меня произвел особо теплое впечатление. Но я почувствовал его главный недостаток – мягкость. Он показался мне не совсем организованным человеком, не чувствовалось у него организаторской жилки. Его же мягкость, его человечность и безусловная убежденность коммуниста и такой человеческий подход к людям располагали к нему. Эти качества я чувствовал. И на всем протяжении короткой общественной жизни товарища Берута как руководителя Польши они проявлялись при обсуждении вопросов, которые возникали между нашими государствами.

Сейчас, когда я в отставке, раз в год, по пути из Варшавы в Тбилиси, приезжает дочь Берута, Кристина, и останавливается у нас. Она вышла замуж за архитектора и живет в Грузии. Мы с Ниной Петровной принимаем ее, и эти встречи напоминают нам о хороших временах, когда был жив ее отец и наш друг.

После освобождения Варшавы участие Ванды Львовны в руководстве Польским комитетом стало не столь активным. Она жила в Киеве и только наезжала в Варшаву или Люблин. Я забегаю несколько вперед, но когда Польша была полностью освобождена (я часто встречался с Корнейчуком и Вандой Львовной, они бывали у меня на квартире, мы дружили, я любил беседовать с Вандой Львовной, ее было очень приятно слушать), я высказал ей сожаление:

– Скоро, Ванда Львовна, мы будем с вами реже встречаться.

– Почему? – удивилась она.

– В связи с вашими обязанностями. Вам, видимо, придется переехать в Варшаву. Естественно, реже вы будете приезжать в Киев.

– Нет! – Она была человек резкий. – Нет, не-е-т. Я туда не поеду.

Так растянуто, но твердо произнесла: «Нет!» Она сказала, что поедет на постоянное жительство в Варшаву только тогда, когда Польша станет республикой Советского Союза. До этого ей делать там нечего. Я с ней не согласился, высказал свое мнение, но она оставалась непреклонной.

Я думаю, дело не в том, что Польша не становилась республикой Советского Союза, а причины были более житейские. Она не хотела оставить Корнейчука, не хотела уезжать от него на долгое время. Каким бы упрощенным ни казалось такое толкование, но думаю, что это обстоятельство имело большое значение в определении места жительства Ванды Василевской после освобождения польской территории от вражеских войск.

Так и случилось. После полного разгрома и капитуляции немецкой армии Ванда Львовна не уехала в Польшу. У нее сохранились очень хорошие отношения с Берутом и с другими руководителями народной Польши, хотя жить она продолжала в Киеве.

Отношения к Ванде Львовне Василевской в Польше были неровные. Берут к ней относился с очень большим уважением и симпатией, но со стороны товарища Гомулки я этого не почувствовал. Очень хорошо к ней относились товарищи Берман, Минц[184] и другие. Она же отзывалась о польском руководстве критически. Эта ее критическая струнка, по-моему, отражала какие-то недомолвки с Гомулкой. Конкретно я сейчас не могу вспомнить, в чем это выражалось, да я, собственно, и не спрашивал; это ко мне не относилось. Я не хотел прокладывать борозды раскола, но в моем уме фиксировалось какое-то их взаимное недоверие.

Ванда Львовна частенько ездила в Варшаву, там осталась ее престарелая мать, которую она очень любила и с большой теплотой рассказывала о ней. Конечно, она встречалась и как политический деятель, и как писательница со своими друзьями, привозила свои впечатления о новой Польше.

Берут был для Ванды Василевской уважаемым человеком, она очень уважала Циранкевича[185]. Она мне очень много рассказывала о Циранкевиче. Тогда Циранкевич только что вернулся в Польшу, он на Западе находился в концентрационном лагере. Она тепло о нем отзывалась, говорила, что он очень

интересный и честный молодой человек, на которого можно положиться.

Она была знакома с Циранкевичем и до войны. Он был пэпээсовцем и работал среди пэпээсовской молодежи.

Молодой, энергичный, способный, умный человек, перспективный политический деятель Польши.

Впоследствии Осубка-Моравский был заменен на посту председателя Совета Министров Польской Республики товарищем Циранкевичем. Безусловно, это было согласовано со Сталиным. Я познакомился с товарищем Циранкевичем позже. Не помню, при жизни Сталина или после его смерти. Циранкевич на меня производил хорошее впечатление. Я к нему всегда относился с вниманием и уважением, и сейчас это отношение сохранилось. Правда, его положение было незавидным. Со стороны коммунистов, ставших вождями польского государства, к нему не было абсолютного политического доверия. Всегда вокруг него была настороженность. Некоторые высказывались прямо:

– Неизвестно, кто он такой? Эта личность несколько загадочная.

Он представитель пэпээсовской части в объединенном руководстве, его появление – результат политической комбинации, с тем чтобы привлечь людей. ППС была сильная и многочисленная партия.

О товарище Циранкевиче ходили всякие слухи, но, слава Богу, уже после смерти Сталина. Если бы это было при Сталине, то кончилось бы для него плохо. Циранкевич любил, как мне он сам говорил, водить машину, ездил без шофера. Он умело и быстро ездил. Это тоже вызывало всякие разговоры. Одни говорили, что он ездит, потому что у него очень плохие отношения с женой, поэтому… Это я слышал даже от товарища Гомулки. Но товарищ Гомулка его высоко ценил и считал необходимым его присутствие в руководстве.

Кроме того, судачили, что фамилия его не Циранкевич, что он не поляк, а еврей. Циранкевич – это исправленная еврейская фамилия. Его отец имел какое-то торговое дело или мелкое предприятие. Одним словом, эта кандидатура появилась в результате соглашения, в результате комбинаций, и, видимо, товарищ Циранкевич, как умный человек, все понимал. Это накладывало отпечаток на его личность, он больше молчал и высказывался, лишь когда чувствовал необходимость. Свое мнение он выражал четко: я никогда не слышал, чтобы сказанное им не соответствовало обсуждаемому вопросу.

Я считаю, что Ванда Львовна тогда правильно характеризовала товарища Циранкевича, я тоже всегда был и

остаюсь высокого мнения об этом человеке. Ванда Львовна хорошо относилась к Берману, он тоже только что появился на польской политической арене. До этого я Бермана совсем не знал, слышал только, что он работал в Коминтерне. Он один из немногих, кто остался жив после чистки 1937–1938 годов.

Потом приехал в Варшаву Минц. Минц – польский коммунист, тоже живший в Советском Союзе. И о нем Ванда Львовна была высокого мнения.

Я со своей стороны тоже высоко ценил Бермана и Минца. У них были разные направления деятельности. Берман – партийный политический деятель и большой организатор, а Минц был экономистом. Минц стал душой в составлении экономических планов развития Польской Республики, сыграл в этом большую роль.

Зимой 1945 года я по вызову Сталина приехал в Москву. Там я познакомился с лидером эмигрантского польского правительства в Лондоне Миколайчиком[186].

Миколайчик, ярый антисоветчик и антикоммунист, возглавлял польское эмигрантское правительство в Лондоне.

Черчилль его приголубил. Правительство Миколайчика имело свои вооруженные силы на польской территории. Им приказывалось не оказывать содействия советским войскам, а сохранить свои силы, свое вооружение на будущее, на предстоящую борьбу.

Тогда было два польских правительства, одно – в Лондоне и другое – в Люблине. Я не участвовал в переговорах с Миколайчиком.

Миколайчика западные страны продвигали в польские премьеры, добивались, чтобы его в этой ипостаси признал Советский Союз. Миколайчик рассматривался Западом как якорь, который удержал бы Польшу на буржуазных позициях в фарватере политики Запада. Это была политика дальнего прицела. Мы же, вполне естественно, были против Миколайчика, хотели, чтобы Польша стала социалистической, чтобы Польша стала другом Советского Союза, чтобы на наших западных границах возникло дружеское государство. Мы столько усилий затратили, столько жертв принесли в этой войне и, естественно, хотели защитить свои интересы. Прежде всего нас интересовало, какое будет правительство в соседней Польше и какую политику оно будет проводить.

В своих воспоминаниях я хотел бы коснуться освобождения Варшавы. Когда наши войска вышли на Вислу и подошли вплотную к Варшаве, там вспыхнуло восстание под руководством генерала Бур-Комаровского. Восстание было подготовлено

польским правительством, находившимся в Лондоне. Видимо, имелось в виду, что если советские войска вступят в Варшаву, то правительство, которое находилось в Лондоне, сразу же вернется, и, таким образом, будет создано буржуазное правительство во главе с Миколайчиком. Но независимо от этого у нас сложились неблагоприятные условия для наступления на город. Чтобы подготовиться к форсированию реки, надо иметь время, чтобы подтянуть войска, сделать соответствующую подготовительную работу. По тем временам Висла считалась крупной естественной преградой. Брать Варшаву в лоб, форсируя Вислу, было трудно. Такие атаки несут большие жертвы в войсках. Лучше всего организовать фланговый удар. Наши войска уже занимали плацдармы на юге от Варшавы. Нашим левым флангам предполагалось нанести удар, принудить немецкие войска уйти из Варшавы и освободить Варшаву без особых жертв. На это требовалось время.

Немцы подавили варшавское восстание, взяли повстанцев в плен и сразу расстреляли. Захватили в плен и Бур-Комаровского[187]. Сейчас трудно что-либо сказать, что это за фигура. Немцы, захватывая пленных, особенно генералов и людей, которые поднимали восстания на оккупированных территориях, не щадили их. Бур-Комаровский был взят в плен и остался в живых. После войны он проводил антипольскую, антисоциалистическую политику.

Война шла к концу. Я уже не помню, когда Миколайчик возвратился в Варшаву из Лондона, наверное, еще до окончания войны. Сталин был вынужден считаться с союзниками. Черчилль нажимал на Сталина, настаивал, что Миколайчик является другом Советского Союза. В письмах Сталину он писал о неправильном отношении к Миколайчику, что он с уважением относится и к Сталину, и к нашему государству, и на него вполне можно положиться как на главу польского государства. Он выполнял эту роль в изгнании, и ему только оставалось переехать в Варшаву и занять место премьер-министра Польши.

Сталин тогда написал Черчиллю, что пройдут выборы и тогда вопрос будет решен. После разгрома немцев пришло время выборов. Миколайчик и другие буржуазные деятели Польши были выставлены кандидатами.

В деревне влияние Миколайчика было очень высоко, да и не только в деревнях. Польша тогда еще сохраняла следы руководства Пилсудского, пэпээсовского руководства. Многие люди были настроены против Советского Союза из-за подписания договора Риббентропа – Молотова. Это оставило нехороший след. Выборы проходили сложно. Поляки умеют остро и метко шутить

по текущим политическим моментам. На выборах абсолютное большинство получили кандидаты от Объединенной рабочей партии и Крестьянской партии. Поляки говорили так: «Цой то есть за шкатулка (это урна избирательная)? Опущаешь Миколайчика, а вытаскиваешь Гомулку?»

Тут и рифма получилась, и острый политический смысл. Следовательно, польская интеллигенция, а я считаю, что это она сочиняла, не верила в объективность выборов, считала, что результаты были подтасованы коммунистами.

Запад, конечно, тоже считал, что выборы не прошли объективно. Однако так или иначе, но Миколайчик получил меньшинство. Политика левых сил стала проводиться более направленно. Миколайчик занял какое-то место в правительстве, конечно, не ведущее. Когда он увидел, что Польша твердо встала на социалистическую основу, то сбежал и вернулся в Лондон.

Бегство Миколайчика было признанием провала его политической платформы. Он увидел, что польский народ в большинстве своем после колебаний, особенно рабочий класс, занял твердую позицию на переустройство страны.

После войны я часто встречался с польскими товарищами, когда Берут, Гомулка, Осубка-Моравский и другие приезжали в Москву. Если и я находился там, то Сталин всегда приглашал меня к их приезду, потому что среди многих вопросов, которые поднимали польские руководители, затрагивались интересы Украины. Сталин, не желая вступать в пререкания с польскими руководителями, подбрасывал мне все неприятные ответы на их претензии. Я-то с удовольствием встречался с поляками, но вовсе без удовольствия знакомился с их претензиями, потому что не всегда мог согласиться с их просьбами. Неприятно отказывать людям, которых ты уважаешь. Мне была отведена как бы роль блюстителя интересов советской Украины. Когда поляки ставили очередной такой вопрос, Сталин сейчас же отвечал им: «Это касается Украины, вот пусть Хрущев и решает. От него все зависит, с ним и договаривайтесь». А сам смотрит на меня и ожидает (а я по интонации чувствую, чего он ожидает), чтобы я дал отказ. Я старался отказывать в вежливой форме, не желая отталкивать друзей от Советского Союза.

Несколько раз Берут при мне ставил вопрос перед Сталиным о Львове. Потом, когда понял, что Сталин все равно укажет на Хрущева, начал сразу обращаться ко мне: «Товарищ Хрущев, – говорил он своим милым, мягким, располагающим голосом, – уступите нам Львов. У вас есть такая огромная страна, как Украина, а для нас Львов – большой город, он много лет был в составе польского государства, и население там польское, и наша

интеллигенция тесно связана со Львовом. Львовяне драматически переживают, что они теперь отошли к Украине. Кое-кто уже перебрался оттуда в Польшу». Я ему: «Товарищ Берут, поймите, что сделать это никак нельзя. Я знаю, много лет Львов находился в составе Австро-Венгерской империи. Населен он действительно поляками. Но и вы знаете, что вокруг него население сплошь украинское. Ведь Львов был заселен поляками искусственно; началось это после первой мировой войны, для вытеснения оттуда украинцев. Ваши претензии не имеют основания. Товарищ Берут, так нельзя. Вы знаете, Пилсудский считал, что Киев должен входить в состав польского государства и обосновывал это исторически: тем, что границы Польши проходили по Днепру. Поляки не снимали до самой войны лозунг, что Польша должна подчинить себе земли от моря до моря. Мало ли какие желания были. А если украинцев спросить, то некоторые могли фантазировать: может быть, и Краков взять?»

Он удивился:

– Ну что вы?

Я улыбнулся:

– Вот так же и я вам могу ответить. Что вы? Вы же претендуете на Львов.

Разговор велся с улыбочками. Я уж и не знаю, насколько серьезно Берут надеялся, что можно будет договориться насчет возвращения Львова. Зато при беседах с поляками на другие темы Сталин умел их приласкать, занимая позицию ухаживания, чтобы они забыли о 1939 годе.

Гомулка обычно приезжал в составе польской делегации вместе с Берутом, а на Сталина он производил странное впечатление. Сталин часто после отъезда польских товарищей говорил мне: «Не понимаю я Гомулки. Вы посмотрите на него: когда ведешь с ним беседу, он буквально смотрит мне в рот и в блокнот карандашом записывает каждое слово». Но я чувствовал, что в принципе Гомулка нравится Сталину именно этим.

С другой стороны, запись Гомулкой беседы он мог расценивать как действия агента империализма, что он это делает по заданию иностранной разведки, чтобы информировать своих хозяев.

Полной противоположностью Гомулке был Берут. Он держал себя более свободно, относился к Сталину с уважением, внимательно, но без таких подобострастных проявлений, как у Гомулки. Сталин к нему хорошо относился, но до конца не доверял. Не раз в нашем кругу он спрашивал о Беруте:

– Как Берут? Где он был во время оккупации? Как он скрывался? Кто у него жена и чем занимается? Как он сошелся с

ней в подполье?

Особенно его интересовали жены руководителей. Он считал, что через жен разведки вербуют коммунистов. А раз задается вопрос, значит, недалеко до беды. Сразу последует поручение советникам при Беруте: разведать и доказать, что это враг народа или чей-то агент, – это одно и то же. К сожалению, очень много этой подлости было.

К моему большому удовлетворению, такого с Берутом не произошло.

Запомнился мне еще такой разговор с Берутом. Во Львове имелась художественная панорама, наподобие Севастопольской или Бородинской. На ней польские художники запечатлели сражение поляков с русскими в ходе восстания под руководством Костюшко. Это полотно было, по-моему, хорошо написано, но я не знаток живописи, и я не могу достаточно умело оценивать его с этой точки зрения. Знаю только, что оно производило сильное впечатление на зрителей. Изображен там был такой эпизод: польские солдаты ведут пленного русского генерала, соответствующее веселое настроение было изображено на лицах солдат, и в их походке, и в манере держать себя. Картина эта была явно антирусской направленности и вызывала сильные эмоции у зрителей. Поэтому мы, освободив Львов, закрыли доступ посетителям к панораме. То восстание произошло против царского самодержавия. Дело прошлое, а сейчас картина вызывала недружелюбные чувства к русскому народу и Советской власти. Возникала ненужная аналогия, наносящая вред дружбе народов Советского Союза и Польши. Именно поэтому мы закрыли панораму.

Вдруг Берут поднял этот вопрос: «Та панорама в Круглой башне цела?» Я ему: «Безусловно цела. Она была снята со стен еще до войны и хранится на складе. Мне сообщали после освобождения Львова, что она сохранилась, правда, в очень плохом состоянии, потому что, видимо, находилась в сырости и пострадала. Однако ее можно отреставрировать». – «Мы просим вас отдать ее нам». – «С удовольствием, нам она не нужна, вряд ли мы когда-нибудь откроем для посетителей эту панораму. Ее экспозиция служила бы не на пользу нашим отношениям, не способствовала бы укреплению дружбы между нашими народами. Но как вы станете ее использовать? Если выставите панораму в Польше, она будет возбуждать националистические и антирусские чувства, что не в наших и не в ваших интересах. Мы-то должны сейчас делать все, чтобы сгладить исторически сложившиеся враждебные отношения между нашими странами. Нам обоим не следует напоминать, что поляки занимали Москву

и что русские цари делили с австрийскими и прусскими владыками Польшу. Много было горечи в отношениях между нашими народами, надо ее сглаживать».

Но Сталин поддержал Берута: «Ничего страшного, есть же у нас опера “Иван Сусанин”. При вашей постановке вопроса и ее надо запретить как антипольскую». Пришлось мне согласиться. Мы передали панораму польским товарищам. Недавно к нам приезжала Вероника Гостыньская[188], наш старый товарищ. Она спросила меня: «Правду ли рассказывал Осубка-Моравский, что когда Берут поставил вопрос об этой панораме, то вы возражали против передачи ее полякам?» Пришлось мне признаться, что правда, и объяснить, почему я возражал.

Я и сейчас считаю, что поступал правильно. И события последнего времени только подтверждают мою правоту. В 1968 году в Варшаве поставили спектакль на историческую тему по поэме Мицкевича[189] «Пан Тадеуш», воспевавший освободительную борьбу польских повстанцев против царского самодержавия. Спектакль шел под аккомпанемент антирусских выкриков и возгласов. Со сцены звучал призыв к борьбе против оккупантов. В спектакле тоже была историческая правда, но в настоящих условиях произошло совершенно неожиданное для руководства Коммунистической партии Польши толкование истории.

Гнев зрителей переносился из того времени в наше, так что всему произведению придавалась направленность не против царей, а против Советского Союза. Такие настроения имели свои последствия. Ведь все происходило в те времена, когда вновь наметились сложные события в руководстве Польши. Оно запретило данный спектакль. То есть спустя столько лет сомнения, которые я высказал ранее Беруту, подтвердились. Спектакль «Пан Тадеуш» охлаждал у польской общественности чувства братской дружбы между народами Польши и СССР, а у части населения вызывал даже возмущение, призывавшее к активным действиям. Во время спектакля происходили демонстрации в зрительном зале, поляки солидаризировались с идеями спектакля, направленными против царизма, но переносимыми в сегодняшнюю действительность.

Добавлю еще несколько слов о Василевской, очень интересной личности. Тот факт, что она пошла с трудовым народом и в своих произведениях описывала жизнь крестьян Западной Белоруссии и Западной Украины, то есть восточных областей Польши, еще в довоенное время, характеризует ее с положительной стороны и вопреки ее происхождению. Ее отец – близкий соратник Пилсудского. Ходили слухи, что Ванда Львовна

– крестная дочь Пилсудского. Василевский[190] был министром в правительстве Пилсудского. Мать Ванды Львовны, кажется, была воспитанницей института благородных девиц в Петербурге. И вот Ванда Львовна, тоже благородная девица, избрала путь борьбы вместе с трудовым народом. Раньше она состояла в одной партии с Пилсудским – ППС. Потом стала коммунисткой, вступив в ряды ВКП(б). И стала хорошим и честным коммунистом. К нам ее привели идейность и миропонимание, а не какие-то меркантильные, материальные интересы.

Василевская была человеком острым и прямым. Она иной раз говорила Сталину такие вещи, которые ему вовсе не нравились, но она говорила. Мне она импонировала своей прямотой, неподкупностью. Даже ее угловатость, резкость в обращении подкупали искренностью чувства. Это была принципиальная женщина, не терпевшая сделок с совестью. У нее осталась в СССР дочь. К сожалению, не имею сейчас возможности узнать о ней что-либо, тем более установить с ней какие-то контакты.

Сталин благоволил к полякам. Чем могли, тем и помогали. Порой Сталин это делал в ущерб Советскому Союзу. Я имею в виду страшный голод на Украине в 1946–1947 годах в результате бедственного неурожая 1946 года: Украина сдала добросовестно хлеб, все, что могла, но план все-таки не выполнила. У колхозов и колхозников остались пустые закрома. Начался голод, отмечались проявления людоедства, не один и не два случая.

А в это время хлеб, который был взят с Украины, посылался в Польшу. На Украине не было отрицательного настроя к Польше, потому что население не знало этого. Это знал узкий круг людей. Ванда Львовна Василевская, вернувшись из Варшавы, посмотрев, как живут варшавяне, рассказывала мне:

– Я посмотрела: они едят белый хлеб, ругают советское правительство, что мало дает белого хлеба, вместо белого хлеба присылает черный, а поляки черный хлеб никогда не ели.

Украинский хлеб посылается в Польшу, а тут люди пухнут с голоду и мрут.

Ну в этом обвинить польское руководство и население нельзя. Они обращались с просьбой, им давали – они брали. О том, что происходило на Украине, они, безусловно, не знали. Да этого не знали и в нашей стране, этого не знают и сейчас. Кто мог знать? Знал это я, как первый секретарь Центрального Комитета и председатель Совета Министров, знал это Сталин, знал кое-кто еще. В результате того, что я ставил эти вопросы и настаивал, я сам попал в опалу. В ответ на мое прямое обращение к Москве ввести карточную систему и общественное питание для крестьян, иначе они не смогут работать, получил резкое осуждение за то,

что позволил себе написать «клеветническую» бумагу. Весной 1947 года, когда надо было выходить в поле, в Москве вынуждены были признать мою правоту. Мы организовали общественное питание, потому что крестьяне буквально валились от ветра. А сколько их умерло!

Наши взаимоотношения с Польшей после разгрома гитлеровской Германии развивались на хорошей основе. Но время шло, и начали возникать трудности. Я узнал, что там появились политические силы, которые проявляют недовольство Гомулкой. Произошло это после того, как у нас испортились отношения с Югославией. Из-за чего конкретно возникли разногласия внутри польского руководства, не могу сказать. Могу лишь судить о том по обрывкам разговоров со Сталиным на эту тему, которые отложились в моей памяти. Если, когда я приезжал в Москву, возникал разговор о Польше, то Сталин высказывал свои соображения на данный счет. Я не был свидетелем того, как решалась судьба Гомулки, когда встал вопрос о его аресте. Но мне это было непонятно, и я сожалел о случившемся, потому что с уважением относился к Гомулке. Прежнее мнение о нем, которое сложилось у меня при первой встрече с ним в Варшаве, не изменилось. Я всегда рассматривал Гомулку как одного из самых достойных руководителей Польши, влиятельного и полезного человека. Однако внутри Польши настроения против Гомулки продолжали расширяться.

Одно из обвинений звучало так: он поддерживает югославов, нигде не выступая с резкой критикой Тито. Более того, как раз перед разрывом с югославами Гомулка ездил в Белград, возглавив польскую делегацию. Гомулке приписывали, что он сочувствует политике, которую проводит Тито. Имею в виду проведение Югославией независимой линии в сфере экономических реформ. Организация экономики в Югославии строилась не согласно методам и формам, принятым в Советском Союзе. Несмотря на заявления югославских руководителей везде и всюду, что они стоят на позициях марксизма-ленинизма и прилагают все усилия к строительству социализма в своей стране, Сталин толковал происшедшее по-другому, и были мобилизованы все научные силы СССР, были открыты все журнальные и газетные страницы для того, чтобы доказать обратное. Югославов называли ренегатами, союзниками капиталистических стран. Все это оказалось ложью. Но рикошетом ударило по Гомулке.

Сначала об этом пока только шептались. Заговорили также, что Гомулка выступает против коллективизации. Это в какой-то степени было верным. Еще и сейчас Польша выделяется из всех социалистических стран своей особой политикой в деревне. Там

преобладают кооперативы типа сельскохозяйственных кружков. У нас подобные коллективы в 20-е годы называли ТОЗы, то есть товарищества по обработке земли. В них крестьяне остаются владельцами земли и индивидуальных средств производства. Подобные взгляды Гомулки Сталин считал преступлением. Ведь он ликвидировал ТОЗы и ввел колхозы. Наконец, еще одно обвинение: Гомулка проявлял антисемитизм. Тут я как раз полагаю, что такое обвинение вовсе не порочило Гомулку в глазах Сталина. Сталин сам был сильно подвержен антисемитизму. Не случайно честные евреи, которые работали вместе с Лениным, были потом уничтожены. Конечно, их уничтожали вместе с русскими и другими, тут у Сталина был полный интернационализм.

Однако публично Сталин ревниво оберегал чистоту своих риз и внимательно следил, чтобы не дать повод к обвинению его в антисемитизме. Любой человек, сказавший такое о Сталине, если бы он находился на досягаемом расстоянии, был бы немедленно уничтожен. В чем же состояли поступки Гомулки, которые расценивались как антисемитские? Сам я никогда ничего похожего от Гомулки не слышал. Уже позже, когда я стал чаще встречаться с ним и у нас сложились дружеские отношения, мы обменивались мнениями по данному вопросу. Оказалось, что он проявлял желание изменить состав Политбюро Польской объединенной рабочей партии, как стала она называться после слияния компартии с социалистами. В составе Политбюро имелась довольно солидная группа лиц еврейской национальности, что вызывало какую-то реакцию со стороны рядовых поляков. Я с пониманием отношусь к тревоге, которую проявил в этой связи Гомулка. Ведь данный факт в конце концов вызвал недовольство шовинистски настроенных людей, что и проявилось потом в резких общественных выступлениях. Так случилось и в Польше, и в Венгрии, где тоже в составе руководства имелся значительный процент лиц еврейской национальности.

Однако люди, против которых выступил Гомулка, были заслуженные, проверенные коммунисты и очень способные руководители. Взять хотя бы Бермана или Минца. Они как бы подавляли других членов Политбюро своим превосходством организаторов и образованных людей, прошедших хорошую марксистско-ленинскую школу.

Берман был влиятельным человеком, умным и опытным политиком. Он имел очень большое влияние на Берута. Сам он не выпирал своей фигуры, а действовал через Берута. Я даже думаю, что без его совета Берут не предпринимал ни одного

политического шага. Минц занимался вопросами экономики, был человек заслуженный, уважаемый. Он был главным лицом, который определял экономические планы.

Может быть, слово «зависть» не совсем уместное. Но сложившееся там положение вызвало отрицательную реакцию иных членов руководящего состава ПОРП. Кадрами в ЦК ПОРП занимался Замбровский, способный человек, но проводивший неразумную политику их расстановки, без учета национального фактора.

Замбровский[191] – старый политический деятель коммунистической партии. Во время гитлеровской оккупации был в подполье. Его обвиняли, что он имел сионистские наклонности, не прямо выраженные. Он, как коммунист, не мог быть сионистом, но особое отношение к товарищам еврейской национальности проявлял. Иной раз и у нас на человека бросали незаслуженное обвинение в сионизме. Сионизм и антисемитизм – это родные братья.

Замбровского обвиняли в том, что он, как еврей, покровительствовал еврейским товарищам. Он заведовал кадрами в Центральном Комитете. Поэтому, как говорится, ему и карты в руки. Он продвигал при равных условиях на решающие участки – политические и экономические – в большей степени евреев, чем поляков.

Его мотивировка часто была обоснованной: он выдвигал более развитых, лучше подготовленных. Но такие действия получали политическую окраску в глазах сугубо польской части коммунистов, которые тоже хотели активно участвовать в работе и занимать ключевые позиции в руководстве своей страной. Здесь же они вроде бы оттирались, что сгущало атмосферу и порождало глухое недовольство. Именно эти настроения улавливал и отражал Гомулка.

Над его головой нависал арест. Считалось, что домогаются устранения Гомулки главным образом Берман и Минц, хотя это было не так. Сталин при мне рассуждал вслух, что вот поляки хотят арестовать Гомулку, но «не понимаю, – говорил он, – почему они хотят его арестовать, какие к тому имеются данные». Личных бесед, которые с ним вел Берут, я не знаю. Сталин имя Берута конкретно не называл. В конце концов Гомулка был арестован. Уже потом Сталин сказал, что ему позвонил Берут и внес такое предложение. Сталин ему ответил: «Решайте сами, как находите нужным». Гомулка был изолирован и находился в особых условиях, не в обычной тюрьме, а в каком-то замке. Затем широко распространились аресты его сторонников. Оказались арестованными Спыхальский, Совиньский, Клишко, многие

другие. Я называю здесь лишь крупные персоны, но и в нижестоящем руководстве сторонники Гомулки тоже были арестованы.

Получилось, что в польском руководстве были разгромлены в основном кадры польской национальности. Это создало совершенно ненормальное положение в ПОРП. Когда Сталин умер, я неоднократно спрашивал Берута: «Согласно каким обвинениям вы держите в тюрьме Гомулку?» Берут был добродушным человеком с мягким характером, он обычно улыбался и отвечал так: «Я и сам не могу толком объяснить это». – «Но если вы считаете, что сами того не знаете, то и освободите!» Однако сохранялись какие-то силы, которые давили на него, или у него имелись скрытые соображения. У меня в результате сложилось впечатление, что давили на него те же Берман, Минц и Замбровский. Я тогда окончательно утвердился во мнении, что последний не совсем правильно понимает национальный вопрос и злоупотребляет доверием, которое ему оказывали.

В то время в Польше преобладали руководящие кадры еврейской национальности. Замбровский не понимал, что, выдвигая преимущественно еврейские кадры, злоупотребляя их количеством по сравнению с поляками, он порождает злостный и самый опасный антисемитизм. Никакой антисемит не сможет сделать большего зла, чем еврей, который, занимаясь кадрами, выдвигает еврейские кадры в ущерб кадрам ведущей национальности государства, в котором они живут. Так это дело и тянулось. Берут не освободил упомянутых заключенных, хотя и не приводил убедительных доводов в пользу того, что эти люди посажены «по заслугам».

Берут был мягким человеком, поддавался влиянию, и Гомулка продолжал находиться в тюрьме.

Отдыхая в Крыму с товарищем Берутом, я в спокойной обстановке говорил ему:

– Гомулка сидит в тюрьме, а до нас доходят слухи, что в Польше есть силы, которые недовольны национальным составом высшего руководящего органа в партии и в правительстве. Определяют политику в значительной степени товарищи не польской, а еврейской национальности, хотя это люди достойные и не вызывают сомнения. Что касалось Бермана и Минца, то эти две фамилии у меня никакого сомнения не вызывали. Сейчас я не знаю, какое положение они занимают, но я и сейчас считаю, что это честнейшие и преданные деятели коммунистического движения, много сделавшие после разгрома немцев для создания польского государства социалистического уклада.

На это Берут со свойственной его характеру улыбкой посмотрел на меня и ответил:

– Товарищ Хрущев, вы знаете, как мне тяжело. Я сам понимаю, что это вызывает недовольство, но ведь Берман – умный человек. Все наши документы по политическим вопросам редактирует Берман, а по экономическим вопросам – Минц. Речи, которые я произношу, тоже подвергаются их редакции. Я нуждаюсь в таких помощниках. Вы сами говорите, что это честные люди.

– Это верно, но это может породить семена антисемитизма. Потом вы встретитесь с трудностями, – парировал я.

Настаивать я не мог и не хотел. Все осталось по-старому.

Потом Берут умер. Произошло это сразу после XX съезда КПСС. Он заболел, находясь у нас, и умер в Москве. В Польшу был доставлен гроб с его телом. Меня выделили поехать с делегацией от КПСС для участия в похоронах. Я уважал Берута, несмотря на то, что он занял в этом деле такую скверную линию. Похороны были грандиозные. Люди были опечалены, удручены, ходили в слезах. Это проявление чувств я считаю искренним, потому что Берут, чистопородный поляк, импонировал полякам как разумный, внимательный и доступный человек. После его похорон встал вопрос, кого выдвинуть на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Меня поляки попросили, чтобы я пока не уезжал в Москву. Честно говоря, я тоже хотел на месте дождаться решения вопроса. Для СССР было далеко не безразлично, кто окажется в польском руководстве.

На заседаниях польского Политбюро я не присутствовал, ибо не хотел давать повод для обвинения, что Хрущев оказывает какое-то давление. И все равно потом широко гуляло мнение, будто я влиял на польских товарищей. Повторяю, я вовсе не был на заседаниях, где решался вопрос о новом руководстве: ни на пленарных, ни на иных.

Поляки решили разделить посты главы партии и главы государства, раньше их совмещал Берут. На место первого секретаря ЦК ПОРП претендовали два человека – Охаб[192] и Завадский[193]. Мы не вмешивались, хотя, не скрою, мне больше импонировал Завадский. После бурного обсуждения члены ЦК остановились на Охабе.

Меня проинформировали, что выдвигают на пост первого секретаря товарища Охаба. Гомулка тогда еще находился в заключении. У нас не имелось никаких возражений против Охаба. То был товарищ, проверенный в борьбе, прошедший польскую тюрьму и настоящий коммунист. Жена у него тоже активная коммунистка, но я меньше был знаком с ней. Разгорелась

большая борьба вокруг поста секретаря ЦК ПОРП по кадрам, но так как у прежнего, товарища Замбровского, имелись хорошие связи с секретарями воеводских комитетов ПОРП, то они встали за него горой, и ему вновь были поручены кадровые вопросы, как и при Беруте. Однако для него не осталось секретом, что Москва не поддерживает его кандидатуры, в результате чего его сторонники развили бешеную работу против нас, особенно против меня.

Я не скрывал своего мнения, открыто говорил, что надо на этот пост выдвинуть такого же достойного коммуниста польской национальности, с тем чтобы снять обвинения, которые бытовали среди польских коммунистов: что, мол, кругом расставлены евреи, а пробиться польским кадрам на руководящие посты в партии почти невозможно.

Председателем Государственного совета, то есть президентом, стал Александр Завадский.

В кандидатуре Охаба нас ничто не беспокоило, он был нашим другом и правильно понимал смысл этой дружбы. Но когда я возвратился в Москву, то узнал, что борьба в польском руководстве не затихает.

Видимо, товарищи были неудовлетворены и считали, что после смерти Берута ничего не изменилось в национальном составе руководства. Коммунисты польской и еврейской национальностей продолжали скрытую борьбу, открыто они нигде не выступали, но каждый проводил, насколько мог, работу внутри партии. Это самое плохое, когда такое раздирает партию. Потом дело осложнилось тем, что в Польше, как в других братских странах, да и во всем мире, начал интенсивно обсуждаться вопрос о культе личности Сталина и связанных с ним злоупотреблениях. Главный вопрос, который тогда волновал партию, – на каком основании была распущена Коммунистическая партия Польши перед войной. Об этом говорилось на XX съезде КПСС. Берут получил копию доклада, который я там зачитал. Затем эта секретная копия попала в руки людей, которые хотели нанести нам вред, может быть, это были и прямые агенты капиталистических стран, сейчас трудно сказать. Одним словом, мой доклад был размножен и получил широкое распространение за пределами Польши, его широко использовала буржуазная пресса.

В Польше сложилась трудная обстановка: мой доклад на съезде, смерть Берута, последовавшая за ней борьба внутри ПОРП сильно взбудоражили польскую общественность, особенно интеллигенцию и молодежь. События нарастали. Охаб оказался недостаточно авторитетным руководителем, не пользовавшимся

уважением у партийной и непартийной общественности. С его мнением мало считались. Между тем, еще будучи на похоронах Берута, я опять поднял вопрос о Гомулке и Спыхальском и спросил всех членов Политбюро, как они относятся к нашему мнению, что следует освободить Гомулку? Все в один голос доказывали мне, что это делать нельзя, больше всех горячились Охаб и Замбровский.

На таких же позициях стоял Завадский и Циранкевич, я уже не говорю о Бермане и Минце. Одним словом, все руководство считало, что освобождать Гомулку они не имеют оснований и не имеют желания. Я был искренне огорчен. Но я ничего не мог поделать, ведь требовать мы не имели права.

Дальше – больше: у Охаба возникло желание вывести Циранкевича из состава руководства. Я доказывал, насколько мог, что нельзя этого делать, надо помнить, что их Объединенная партия сложилась главным образом из двух партий: коммунистической и пэпээсовской. Товарищ Циранкевич представлял ППС, и, если его устранить, это приведет к развалу коалиции. Организационно, может, все останется по-старому, но большую часть Объединенной рабочей партии Польши вы восстановите против себя. Мне доказывали, что он слаб как руководитель.

Я убеждал их:

– Товарищи, вы же должны понять, что он себя ведет так, потому что не чувствует поддержки, вот и получается, вроде он проявляет нерешительность. Если бы товарищ Циранкевич имел возможность возглавить и реально занять первое место в правительстве при условии поддержки в партии и в народе, вы бы увидели, какие способности он проявил бы. Если вы его удалите, будет нанесен большой ущерб коммунистическим партиям всех социалистических стран. Социал-демократические лидеры Запада тогда говорили, что коммунисты пошли на конъюнктурное объединение с социал-демократами, а когда они укрепятся, то выбросят из власти лидеров социал-демократических партий.

Если бы Польша «выбросила» Циранкевича, то это пагубно отразилось бы и на Германской Демократической Республике. Там Отто Гротеволь, лидер социал-демократов, тоже возглавлял правительство. Аналогичная ситуация была и в других социалистических странах. Мы заглядывали вперед и видели, что в рабочем движении должно создаваться что-то типа левого фронта, объединения левых сил. И сейчас в некоторых странах при выборах в парламент объединяют усилия коммунисты и социал-демократы и получают довольно положительные политические результаты. Это был вопрос принципиальный, и он

относился не только к Польше.

Однако вернусь к проблеме Гомулки. Спустя некоторое время польские товарищи приехали к нам на отдых в Крым. Там я опять затронул в разговоре с Охабом вопрос о Гомулке. Он продолжал стоять на прежней позиции, но никаких доводов за то, чтобы Гомулку продолжать содержать в заключении, не привел и лишь доказывал, что его освобождение создаст трудности в их руководстве.

Между тем в самой ПОРП нарастало мнение, что Гомулка находится в изоляции без вины. Разъяснения польского руководства по этому вопросу, которые оно давало партии, уже не производили никакого впечатления. Но волнение было подспудным и еще не выплеснулось на поверхность, потому что все главные газеты находились под руководством тех людей, которые выступали против Гомулки.

Волна протестов набирала мощь, особенно среди студенчества и интеллигенции. Ширилось движение за освобождение Гомулки.

Я пытался время от времени от имени советского руководства протолкнуть освобождение Гомулки. В то время в Польше уже складывалась неприятная ситуация: враждебные нам силы объединились под лозунгами освобождения Гомулки. Новое руководство, если хотело сохранить свой авторитет, должно было освободить Гомулку. Но они не осознавали происходившего, проводили старую, порочную линию, продолжали держать Гомулку в тюрьме. Наконец, не по своей воле, а под давлением извне они выпустили Гомулку из тюрьмы.

Первые недели после своего освобождения Гомулка болел и нигде не показывался. В то время Охаб с польской делегацией ездил в Китай[194], а по дороге остановился в Москве, где я с ним побеседовал. Предложил ему сказать Гомулке: пусть приедет к нам отдохнуть в Крыму, мы создадим ему условия. Охаб возразил, что не следует этого делать, и уклонялся от разговора. Я не настаивал.

То, что освободили Гомулку, нас радовало. Но форма, которую приняло это освобождение, нас обеспокоила. Оно произошло не просто под давлением его сторонников, но и под антисоветским флагом: распространилось мнение, что Гомулку арестовали по нашему требованию, хотя никаких оснований к такому предположению не имелось.

Тем временем напряженность в Польше нарастала. Прошли демонстрации, все бурлило. Бурлило на антисоветской ноте. Демонстранты требовали вывода советских войск из Польши, предъявляли и иные требования.

Неожиданно мы получили известие, что в Варшаве собрался пленум ЦК ПОРП, идет бурное заседание. Гомулка участвовал в работе пленума, там развернулась борьба за власть.

Мы узнали, что на пленуме ЦК ПОРП обсуждается вопрос об освобождении от должности Охаба и выдвижении Гомулки. Шел горячий спор и по другим вопросам. Это нас обеспокоило, особенно освобождение от должности Охаба, хотя мы вовсе не возражали против Гомулки. Подобное решение ЦК ПОРП мы рассматривали как акцию, направленную против нас: люди, которые доказывали нам необходимость держать его в заключении, сейчас создают впечатление, будто они только теперь получили возможность освободить его и выдвинуть на руководящий пост.

Я позвонил в Варшаву, разговаривал с Охабом, спросил, верна ли информация, полученная нами через советское посольство. Он подтвердил. Тогда я спросил: правда ли, что в Польше стал бурно проявляться антисоветизм и что приход Гомулки к власти осуществляется при опоре на антисоветские силы? Тут же добавил, что мы хотели бы приехать в Варшаву и поговорить с вами на месте. Охаб: «Нам нужно посоветоваться, дайте нам время». Потом уже он позвонил и сказал: «Просим вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание ЦК». Казалось бы, ответ правильный, если относиться к собеседнику с доверием. Но в то время у нас уже доверие к Охабу исчезло. Лучше всего, конечно, нам было бы не появляться там. Но теперь мы именно за этим и хотели приехать, чтобы оказать соответствующее давление. Отказ же Охаба еще больше возбудил наши подозрения, что там нарастают антисоветские настроения, которые могут вылиться в такие действия, когда исправить положение будет уже трудно.

Пришлось сказать Охабу, что мы все-таки хотим приехать. Открыто заявили ему, что Польша имеет для нас большое стратегическое значение. С Германией нет мирного договора. В Польше располагаются наши войска на основании Потсдамских соглашений 1945 года. Они охраняют коммуникации через польскую территорию. Твердо сказали Охабу, что приедем в Варшаву. Составили делегацию. В нее вошли я, Микоян, Булганин[195]. Полетели. Когда мы приземлились, на аэродроме нас встречали Охаб, Гомулка, Циранкевич и другие товарищи. Встреча была необычно холодной. Мы прилетели очень возбужденные, и я, едва поздоровался, сразу же на аэродроме высказал недовольство происходящим: «Почему все идет под антисоветским знаменем? Чем это вызвано?» Мы-то всегда стояли за освобождение Гомулки и не сопротивлялись тому, чтобы

Гомулка вернулся к руководству. Когда я беседовал в Москве с Охабом, то предлагал, чтобы Гомулка отдохнул в Крыму, мы с ним поговорим, он подлечится, а тем временем мы разъясним нашу позицию.

Лично я думаю, что мои слова тогда насторожили Охаба в том смысле, что он мог подумать, будто мы хотим его снять с поста и посадить на его место Гомулку. Мы в целом не были противниками Охаба, но он показал себя слабым руководителем, Гомулка был лучшей заменой. Мы больше ценили Гомулку. Наверное, Охаб это чувствовал.

В ответ на мою тираду Охаб только махнул рукой, указал на Гомулку: «С ним теперь разговаривайте, его избрали первым секретарем ЦК».

Нам отвели дворец Бельведер[196], приезжая в Польшу, мы в нем обычно останавливались. Дворец расположен в живописной местности и весьма вместительный. Дворец в свое время занимал наместник русского царя в Польше, брат Николая I, Константин. Мы только, как говорится, зашли, поставили чемоданы и уехали в ЦК ПОРП. Начиналось заседание.

Заседание Президиума Объединенной рабочей партии Польши проходило очень бурно и в нашем присутствии. Мы тоже подавали реплики, которые не смягчили напряжения, а еще больше подливали масла в огонь. Правда, все, кто высказывался, говорили о сохранении дружеских отношений с СССР. Особенно на меня сильное впечатление произвел товарищ Завадский. При всех сложностях он оставался нашим самым ближайшим другом. Так он и умер, оставив глубокий след в памяти как верный друг Советского Союза.

Товарищ Гомулка к нему относился без уважения, это мне было понятно. Завадский занимал не последнее место в руководстве, поэтому Гомулка понимал, что в его аресте был виноват не только Берут.

Особую позицию на том заседании занял Циранкевич. Он тоже высказывался за сохранение дружеских отношений, но выражал это как-то по-особому. Он полностью ориентировался на Гомулку и осуждал прежнее руководство, в котором сам состоял, но руководящей роли не играл, не имел влияния.

В общем, беседа проходила очень бурно. Прямо стоял вопрос: за Советы поляки или против? Разговор шел грубый, без дипломатии. Мы предъявили свои претензии и требовали объяснения действий, которые были направлены против СССР.

Войском Польским командовал Маршал Советского Союза Рокоссовский[197]. Он считался у них просоветским человеком. Да так оно и было. Сам поляк, он больше был советским человеком,

чем польским. Выдвинули его министром обороны Польши по просьбе Берута. Сталин при мне предложил Рокоссовскому занять пост министра обороны Польши. Тот категорически отказывался: «Я воин Советской Армии, в Польшу ехать я не хочу». Сталин стал его уговаривать. Наконец, договорились, что Рокоссовский получит польское подданство, но сохранит и советское гражданство, и звание Маршала Советского Союза. Только на этих условиях он согласился уехать и принял там пост министра. Поляки присвоили ему звание Маршала Польши.

В перерыве заседания, во время обеда, мы получили информацию от Рокоссовского, что войска, подчиненные Министерству внутренних дел Польши, приведены в боевую готовность и стянуты к Варшаве. «За мной, – говорил он, – установлена слежка, я и шагу не могу сделать, чтобы это не стало известно министру внутренних дел».

Нужно было иметь в виду, что министр сидел вместе с Гомулкой в тюрьме и, естественно, был целиком на его стороне. Слова Рокоссовского еще больше возбудили наши подозрения. Уже звучали открытые требования выслать Рокоссовского назад, в СССР, так как ему нельзя доверять, он проводит антипольскую политику.

Министр внутренних дел направлял все акции против Советского Союза. Это конкретно выражалось и в приведении польских воинских частей в боевую готовность, и в слежке за Рокоссовским, и в бешеной травле советских специалистов в Польше. Вот на такой волне приходил Гомулка к руководству. А антисоветская волна и у нас создала соответствующее настроение, хотя мы и считали, что это все-таки накипь, которая образовалась в результате прежней, неправильной политики Сталина. Тут и разгром Польской коммунистической партии до войны, и другие наши шаги после войны, которые задевали национальное самолюбие польского народа. При Сталине были приняты некоторые решения в ущерб экономике польского государства. Все это сейчас всплыло, и ко всему этому добавлялся антисемитизм. Мы считали, что расцветший антисемитизм – явление временное.

Сложнее была проблема пребывания наших войск в Польше. Мы решили защищать это пребывание. Оно вытекало из Потсдамского соглашения и, следовательно, было освящено авторитетом международного права. Необходимость присутствия наших войск в Польше определялась железнодорожными и шоссейными коммуникациями, которые связали страну с нашими войсками в Германии.

Я спросил Рокоссовского: «Как поведут себя войска?» –

«Сейчас польские войска не все послушают моего приказа, хотя есть части (он назвал их), которые выполнят мой приказ». А приказ он отдаст только тогда, когда мы ему скажем, какой именно нужен. «Я, гражданин Советского Союза, считаю, что надо принять резкие меры против антисоветских сил, которые пробиваются к руководству. Кроме того, жизненно важно сохранить коммуникации с Германией через Польшу». Реально советские воинские силы в Польше были невелики. С нами в Варшаву приехал маршал Конев, который в то время был Главнокомандующим войсками стран Варшавского пакта и казался нам необходимым в Варшаве. Через Конева мы приказали привести наши войска в Польше в боевую готовность. Потом дополнительно приказали подтянуть танковую дивизию к Варшаве. Конев доложил, что войска снялись и танковая дивизия уже движется в направлении Варшавы.

Продолжалось между тем бурное, нервное заседание. Мы резко спорим с поляками. Вижу, Гомулка нервно встал. Направился ко мне. Сел на место. Потом опять встал. Его глаза выражали не враждебность, а сильную взволнованность. Я его в таком виде никогда больше не видел. Наконец, он подошел ко мне и нервно произнес: «Товарищ Хрущев, на Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу вас дать приказ не вводить ее в город. Вообще было бы лучше, если она не приблизится к Варшаве, потому что я боюсь, что произойдет нечто непоправимое». Гомулка экспансивный человек, у него даже пена на губах появилась. Выражения он употреблял крайне резкие. Мы стали отнекиваться, дескать, нет ничего подобного. Я решил не говорить ему, что одновременно с приказом Коневу двинуть на Варшаву советские войска соответствующие указания получил и Рокоссовский, который предпринимал какие-то шаги в тех польских войсках, на которые он мог положиться. Спустя некоторое время Гомулка вновь поставил тот же вопрос. Он успел перепроверить свою информацию: ему докладывал министр внутренних дел, который следил за передвижениями наших войск.

Оставались среди поляков люди, которые и в столь сложной обстановке не теряли здравого рассудка, сохраняли холодную голову. Председателем Госсовета был хороший наш друг, много лет просидевший в польских тюрьмах, Завадский. У него жена тоже старая коммунистка, тоже прошедшая через тюрьмы и тоже наш друг. Как и ее муж, она резко выступала против тех, кто стоял на антисоветских позициях. Завадский нас проинформировал, что ведется антисоветская агитация среди рабочих Варшавы, что некоторые заводы вооружаются, министр

внутренних дел раздает оружие. Варшава готовится сопротивляться нашим войскам. Ситуация складывается тяжелая. А мы в ней оказались пленниками, потому что Варшава находится под руководством сил, занявших антисоветскую позицию. Продолжалось заседание. Взял слово Гомулка. Он говорил горячо и произнес слова, которыми подкупил меня: «Товарищ Хрущев, прошу вас остановить движение советских войск. Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я как поляк и коммунист клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство? Все будет у нас в порядке, и вы не допустите, чтобы советские войска вошли в Варшаву, потому что тогда будет сверхтрудно контролировать события».

Был объявлен перерыв в заседании. Мы собрались отдельно своей делегацией и обсудили ситуацию вместе с Рокоссовским. Я теперь проникся особым доверием к Гомулке, хотя я и раньше доверял ему. Несмотря на его вспыльчивость, в его словах звучала искренность. И я сказал: «Я Гомулке верю как коммунисту. Ему трудно, сразу он всего не сделает, но постепенно, если мы выразим ему доверие, отведем наши войска и дадим ему время, он сумеет справиться с силами, которые стоят сейчас на неверных позициях. Конечно, есть и классовые враги среди этих людей. Они хотят рассорить наши народы. Заметив щель, начали в нее забивать клинья. Но я считаю, что надо поддержать Гомулку». Все согласились. Мы отдали Коневу приказ остановить продвижение советских войск к Варшаве. Потом объясняли полякам, что наши войска вообще не двигались к Варшаве, а проводили военный маневр, по выполнении которого остановились в пункте, назначенном им согласно плану маневров. Конечно, никто не поверил нашим объяснениям, но все были довольны, что войска остановились.

Тут и Гомулка успокоился: ему сразу же доложили, что наши войска никуда не движутся. Обстановка разрядилась. Поляки поняли, что можно договориться. Думаю, что ввод наших войск в Варшаву действительно мог стать непоправимым явлением и породил бы такие сложности, что трудно даже представить себе, куда мы могли зайти. Считаю, что положение спас Гомулка, когда столь убедительно высказал свои соображения. Остальное оказалось второстепенным делом.

Выдвижение Гомулки на пост первого секретаря у нас не вызвало возражений, и наше дальнейшее пребывание в Польше тоже не казалось необходимостью. Мы распрощались и улетели домой. Абсолютной уверенности в исходе дела у нас тогда не

было, но я верил словам Гомулки и сейчас не раскаиваюсь. Это доверие потом оправдалось. В той истории очень активную роль сыграл вышеупомянутый секретарь ЦК ПОРП по кадрам Замбровский. Особенно активно вел себя его сын, не то литератор, не то сотрудник их Академии наук. Мне говорили, что он выпустил даже специальную брошюру, в которой поносил Советский Союз и КПСС. Моей персоне там досталось на орехи. Я к чему это вспомнил? Замбровский всегда считался человеком Берута, который посадил Гомулку в тюрьму. Гомулка оказался жертвой Берута. А тут он стал активным сторонником Гомулки в борьбе за власть. Проявилась полная его беспринципность.

Шло время. Антисоветчина в Польше продолжалась. Мы понимали, что одним взмахом руки все это остановить нельзя. Необходимо время, чтобы у людей создалось доверие к нам, и те, кто заблуждался, убедились бы на деле, что мы являемся друзьями польского народа, что наша дружба обеспечивает Польше безопасность и неприкосновенность западных земель. Если бы немцы остались один на один с поляками, то не было бы и речи об удержании поляками этих территорий. Гомулка сам говорил: «Наша интеллигенция больше всего боится немцев. Они составляют угрозу для Польши, особенно если будет что-то нарушено в наших дружеских отношениях с СССР».

Поэтому там у политически мыслящих людей сложилось двойственное психологическое состояние: с одной стороны, они не были довольны нашими действиями, с другой – понимали, что, опираясь на дружбу с нами, могут удержать границы, полученные в результате разгрома Гитлера. Параллельно возник вопрос, для меня совершенно неожиданный. Оказалось, что в свое время был заключен договор о поставке Польшей угля в СССР по заниженным ценам. Накопилась огромная сумма, которую недополучила Польша, если исходить из мировых цен. Мы стали разбираться. Действительно, все подтвердилось. С польской стороны договор был подписан Циранкевичем, как председателем Совета Министров, с нашей стороны – Микояном. И мы пригласили поляков, чтобы выправить дело.

Я спросил Микояна: «Как же так получилось?» – «Сталин дал такое указание». – «А польская сторона?» – «А что польская сторона? – отвечает ее представитель. – Мы подписали текст на тех условиях, которые нам назвала русская сторона». – «Так что же вы нас обвиняете? – говорю ему. – Я, например, хоть и член Президиума ЦК, первый раз слышу об этом договоре». Однако факт остался фактом. Пришлось согласиться доплатить разницу и исправить договор так, чтобы торговля шла далее на основе сложившихся мировых цен. Доплата вылилась для нас в

огромную сумму. После новой беседы с Микояном я понял, в чем дело. Поляки получили благодаря нам от Германии Силезию, богатую углем. Сталин считал, что уголь оттуда – в какой-то степени плата за кровь, которая была пролита при освобождении Польши. Но такие рассуждения носят эмоциональный характер и юридической силы не имеют. Когда же там накопилась антисоветская пена, этот факт был преподнесен как грабеж, как эксплуатация Польши Советским Союзом. Проводилась параллель с действиями империалистов в колониях. Шел зловонный запах. Мы не стали упорствовать, признали претензии польской стороны правильными и выразили готовность компенсировать их материальные потери.

Постепенно нормализовались наши отношения с Польшей, антисоветчина там стала утихать. Нужно отдать должное Гомулке, он положил ей конец. У него положение оказалось выгодным: пострадавшее лицо, сидел несколько лет, как гласила молва, по требованию Сталина. Теперь он начал доказывать необходимость укрепления польско-советской дружбы, объясняя, сколь она выгодна полякам.

Прошло немного времени. К нам приехали польские товарищи. Мы их пригласили, чтобы продемонстрировать внешнему миру, что наши отношения нормализуются и надежды врагов провалились. Но было у них и важное дело. В Польше сложилось тяжелое экономическое положение, и они вновь нуждались в нашей помощи. В период смутного времени они хватали кредиты и не думали, что по этим кредитам нужно в срок платить. А откуда эти платежи изыскать? Одним словом, они пришли к нам.

Мы не стали полякам в глаза колоть вчерашним днем. Тот вчерашний день и нам был неприятен.

У нас имелись свои трудности, но мы не хотели своего брата и товарища оставить в беде. Изыскали какие-то возможности и пришли к ним на помощь. Это еще больше расположило к нам новое польское руководство и Гомулку. Несмотря на подпорченные отношения, мы все-таки подходили с классовых позиций. Классовые и государственные интересы требовали оказания помощи. Так закладывались основы наших дальнейших братских связей.

И антисоветчина стихала. Но не была ликвидирована, как показали потом дальнейшие события, когда антисоветские настроения вновь проявились, а именно при постановке в 1968 году спектакля по поэме Мицкевича «Пан Тадеуш». Инсценировку сделал современный автор. В спектакле подчеркивалась антирусская направленность событий. Во времена

Мицкевича часть русской прогрессивной интеллигенции стояла на стороне восставших поляков. В наше же время антирусские слова, прозвучавшие в театре, возбудили очередную волну антисоветских настроений. Сначала они расшатывали государственные устои новой Польши, потом эти же веяния перекинулись и в Чехословакию. Я уже упоминал об этом.

Если говорить в целом об экономических отношениях СССР со странами социализма, то по идее они построены на равноправии, так что никто не должен страдать. Если же скрупулезно разбираться в затратах, которые несет та или другая страна, то, безусловно, СССР больше всех других стран, входящих в Варшавский блок, делает вклад в оборону. Надо только посчитать, сколько стоит нам содержание наших ракет? А сколько стоят нам атомные заводы? Содержание огромной армии? Эта армия является сдерживающим фактором, на который опираются все социалистические страны. Затраты на нее далеко не пропорциональны, если с точки зрения идеальной справедливости разложить их на души населения во всех социалистических странах.

Даже не знаю, во сколько раз мы, советские люди, больше платим за содержание таких вооруженных сил! Но если СССР все еще держит войска в Венгрии и в Польше, то я полагаю, что с точки зрения обороны теперь в этом отпала необходимость. Зачем нам давать врагам повод колоть глаза? Следует вывести наши войска, чтобы все братские страны чувствовали, что идут социалистическим путем по своему убеждению, а не по принуждению со стороны СССР. Хотя умные люди подобным измышлениям и не верят, но всегда найдутся те, кто еще склонен доверять пропаганде, которая ведется со стороны империалистических держав.

К моему изумлению, Гомулка резко возражал против предложения о выводе наших войск, сделанного в 1957 году, и стал доказывать необходимость и полезность их пребывания на территории Польши. Я был удивлен. Ведь помнил, как поляки поносили нас в 1956 году, когда всех собак вешали на Советский Союз, называли нас оккупантами, кричали: «Русские убирайтесь домой!» – и потребовали, чтобы Рокоссовский был отозван. Рокоссовский отбыл в СССР, его проводили с почестями, вручили ему орден, а Гомулка мне сказал: «Поймите, при современном положении вещей у нас нет доверия к Рокоссовскому. Лучше ему вернуться в Советский Союз». А теперь тот же Гомулка не хочет и слышать о выводе советских войск из Польши. Даже с точки зрения совместной военной стратегии социалистических стран пребывание наших войск на территории Польши не вызывалось

военной необходимостью, а содержание их обходилось нам очень дорого.

Довольствие каждой дивизии в Польше или в Венгрии стоило вдвое дороже, чем затраты на советской земле. С этим тоже надо было считаться. Тем более что мы тогда искали любую возможность для экономии на вооружениях. Я выяснил, что мы очень много платим в бюджет тех государств, в которых находятся наши войска. Вот почему Гомулка возражал: в интересах польского бюджета. А мне он заявил: «Тут политика, а политические выгоды не измеряются количеством материальных затрат». Добавлю, что за содержание войск стран Запада на территории ФРГ платит в основном сама ФРГ. То есть там дело обстоит наоборот.

Как пенсионер, я сейчас никакого влияния на ход событий не оказываю. Но, с точки зрения гражданина СССР и бывшего государственного и политического деятеля, могу думать, что надо по-равному разложить бремя содержания Объединенных вооруженных сил, которое несут страны социализма. Будет справедливо, если при равных общественных условиях у этих стран существовали бы и равные нагрузки. СССР – самая богатая из социалистических стран по сырьевым ресурсам, количеству населения и валовой мощи промышленности. Все наши цифры по сравнению с уровнем 1913 года танцуют и радуют душу. Но если разложить показатели на душу населения, то наши богатства окажутся меньше, чем в других странах. По потреблению на душу населения растительных жиров, мяса и сливочного масла мы занимаем далеко не первое место. Когда я еще работал, то знал, что мы не выдерживали никакого сравнения с ГДР, где жители потребляют, например, мяса в полтора раза больше. Чехословакия живет чуть хуже, чем ГДР, но значительно лучше, чем СССР. И в Венгрии потребление на сколько-то выше, чем у нас, и в Польше тоже. Меньше советского человека, который вынес главную тяжесть борьбы за социалистический строй, не получил в награду в виде потребительских товаров никто!

Это я говорю к тому, что польские товарищи не имели никаких резонов обвинять наших людей, что мы проводим дискриминационную политику и пользуемся благами, созданными за счет труда польского народа, в ущерб полякам и к выгоде себе. Наоборот! Мне часто приходилось разговаривать с товарищем Гомулкой по таким вопросам, и почти каждый год поляки предлагали запланировать поставку определенного количества нашего зерна в Польшу. А у нас самих зерновых продуктов недоставало. И не только поляки: к нам обращались с такими же просьбами и Болгария, и Венгрия. Единственный раз в

мою бытность в руководстве обратились румыны, как правило, они экспортировали зернопродукты.

Я-то знал, для чего конкретно полякам нужно зерно, и сказал Гомулке: «Почему вы хотите, чтобы мы поставляли зерно, если в Польше землеобеспеченность на душу населения лучше, чем в других социалистических странах? Вы имеете возможность полностью обеспечивать себя зерном. По сведениям, которыми я располагаю, наше зерно идет для откорма свиней». Польша готовила хорошие свинопродукты, ее ветчина и другие деликатесы пользуются славой даже на рынке США. Я это мастерство сам оценивал. Верно, польские продукты вкусны. «Тут дело в валюте, – заявил я начистоту. – Вы отбираете у нас хлеб, который нам самим нужен. Когда у нас случился неурожай 1963 года, мы даже были вынуждены покупать хлеб за границей, платили за него золотом. А вы настаиваете, чтобы СССР поставлял в Польшу зерно на откорм свиней, которых затем Польша экспортирует в США и получает за это доллары и золото. Мы золото добываем из земли, а вы – с помощью нашего зерна». Гомулка признался в моей правоте, но настаивал на сохранении этой практики.

Вставали и другие вопросы. Чаще всего Гомулка просил увеличить поставки высококачественной железной руды. Хотя нам самим руды не хватало, приходилось идти навстречу. То же самое происходило с поставками нефти. Естественно, нефть выгоднее угля. Но добывали мы ее мало, приходилось отрывать от себя, делиться.

Особенно неприятно было то, что просьбы повторялись почти каждый год. Мы их предупреждали, что рассматриваем дополнительные заявки последний раз и на следующий год просим самостоятельно выходить из положения, за счет собственных ресурсов. Но ничего не действовало.

Вот вам иллюстрация к тому, что мы от дружбы с Польшей материальных благ не имели, однако ничего не делали, что нарушило бы гармонию ее хозяйственной деятельности. Ведь наша дружба была искренней, основанной на лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И мы ему следовали в ущерб нашей экономике. В порядке защиты поляков скажу, что, конечно, они не могут забыть ни разделов своей страны с участием России, ни антипольского сговора 1939 года. Ну а потом? Мы понесли в войну страшные потери, мы оказались главной силой, которая освободила Польшу от фашизма, и мы же теперь несем основную тяжесть экономического бремени. Конечно, с Польшей у нас пока что не такие отношения, как между республиками СССР. Тут у нас общие ресурсы, они

создаются трудом всего советского народа, и распределение благ происходит на общих основаниях. С поляками другой счет: налицо два независимых государства. Но мы же все-таки братские народы, плечом к плечу идущие по пути, указанному Марксом и Лениным! Думаю, что все перемелется.

Между социалистическими странами всегда существовали контакты, позволяющие взаимовыгодно кооперировать труд и капиталы на коммерческой основе. Гомулка как раз смело шел на такую кооперацию. И Чехословакия при Новотном приветствовала соглашения, распределявшие прибыль между участниками вложения капиталов соответственно вкладу каждой страны. Болгары стояли на такой же позиции. С венгерским руководством у меня на этот счет никогда не возникало никаких разногласий, все спокойно решалось экономистами и финансистами. Полагаю, что это правильно.

Только Румыния очень ревностно относилась к своей экономической независимости, боялась любой кооперации, даже той, которая ей коммерчески выгодна.

Я думаю, если каждая страна – участница СЭВ не будет рассматривать своего партнера как равноправного, а условия – взаимовыгодными, то рано или поздно это обязательно обернется обратной стороной. Вместо того чтобы укреплять взаимные отношения, они могут рассыпаться. Тому пример – Польша. Когда Советский Союз вынудил Польшу поставлять уголь, за который мы платили ниже мировых цен, то в Польше ситуация начала накаляться, и там зазвучали враждебные голоса.

Надо с открытой душой подходить к кооперированию наших материальных, технических и научных средств, и так, чтобы было выгодно всем.

Вспоминаю в данной связи и такой эпизод. В Польше при нашей материальной помощи, с нашим оборудованием и под нашим техническим руководством был возведен крупнейший металлургический завод в Новой Гуте. Антисоветские элементы критиковали нас: русские навязали строительство, а нам он не нужен. Гомулка же справедливо доказывал, что металлургический завод действует в польских интересах. Польша не потребляет сама всю производимую сталь и продает ее за границей, выручая валюту. Там мы по-братски поступились материальными ресурсами в пользу Польши. Когда же наши отношения нормализовались и люди пришли там в здравое сознание, то сами признавались, что прежняя критика была глупостью, которую использовали враги, хотевшие поссорить СССР с народом Польши.

Границы. Этот вопрос всегда болезнен.

Я помню, как определялись западные границы Польши с Германией, они прошли по Одеру – Нейсе. Тогда все радовались, считали, что Польша получает выгодные границы на Западе. Поляки обосновывали исторически, что когда-то эти земли принадлежали Польше. Я полякам верил, хотя сам я этих источников не видел, но у меня было одно желание, чтобы границы Польши были бы подальше отодвинуты на Запад. Мое внимание как-то привлекло расположение города Щецина. Он находится в дельте Одера, на левом берегу Одера. Я спросил Сталина:

– Устанавливаются границы по Одеру, а вот Щецин… Он куда отходит?

Сталин проявил интерес. Я ему рассказал, как географически расположен этот город.

Потом я узнал, что Щецин включен в состав польского государства. Почему тогда Сталин прямо не высказался? Видимо, он не был уверен, сможет ли это сделать. Много позже, когда я был в Польше, товарищ Гомулка предложил поехать в Щецин. Западные земли неохотно заселялись поляками. Они не хотели оставлять своих земель, на которых жили до войны, несмотря на то что на Западе были хорошие условия и земли были хорошие. Поляки не были уверены, что эти территории останутся за Польшей. Щецин стоял полупустым, туда люди шли неохотно. Принимали меня торжественно: встречи, митинги, выступали польские товарищи, я выступал. Потом объявили о присвоении мне звания Почетного гражданина города Щецина. Со мной это заранее не согласовали. Я ломал голову, почему они так поступили, предварительно меня не уведомили. Потом я пришел к заключению, по-моему, правильному, и спросил Гомулку:

– Присвоив мне звание Почетного гражданина Щецина, вы сделали меня заложником? Этим вы хотели подтвердить, что город остается за Польшей и польская нога твердо стоит на этих землях? Моя должность председателя Совета Министров должна сыграть роль гаранта?

Гомулка посмотрел на меня и улыбнулся: он сказал, что они сделали это просто из уважения… Явно он не подтвердил, но и не отрицал, что такое подсознательное желание у них было. На восточных границах Польши дело обстояло иначе.

После того как западные украинские земли отошли польскому государству со всем населением, украинцы не спешили переселяться в Советский Союз. Там веками жили их предки. Они начали борьбу. Эта была борьба и против советской Украины, и против Польши. Поляки были вынуждены принять вооруженные меры против них. Началась кровавая война, она унесла много

жизней. Потом польские товарищи решили всех украинцев, которые жили в этих районах и вели себя агрессивно в отношении польского государства, переселить на западные земли. Это тоже говорит о том, что поляки сами не хотели переселяться туда.

Земли на востоке охотно заселялись польским населением. Они были уверены, что Советский Союз не изменит своего решения, и поэтому земли, которые определялись границей на востоке Польши, граничащей с Советским Союзом, считали навечно польскими.

Поляки считали, что границу следует подвинуть еще дальше на восток, они были недовольны. Недовольны были и украинцы. Я уже говорил об этом.

Ну, так уж сложилось, и сейчас это не тема для обсуждения, плюс на минус, как говорится, среди друзей. Изменения в границе не ослабляют нашу государственность, ни общесоюзную, ни республиканскую. И Белоруссия, и Украина давно уже кончили говорить о своих границах.

Возьмем, к примеру, границу Российской Федерации и Белоруссии или Украины. Проезжая по дорогам, не все знают, даже если нет столба с надписью, где граница России с Украиной. При братских отношениях граница не имеет никакого ни политического, ни экономического значения, потому что все пользуются общими благами.

Добавлю еще пару слов о последних печальных событиях, происшедших в Польше.

Соревнуясь с капитализмом, мы не можем отставать в производстве продуктов питания. Наше отставание в какой-то степени является подтверждением преимуществ капиталистического способа производства над социалистическим. Это дает противникам социализма возможность бросать камешки в наш огород. Да, они имеют к тому основания, мы действительно отстаем.

Далеко ходить не надо. Из-за этого, собственно, и произошло восстание в Данциге[198] и других прибалтийских городах Польши. В результате недостатка продуктов и других предметов потребления произошел конфликт, вернее восстание. Толчком к нему послужило повышение цен. Там руководители оторвались от масс, потеряли связи с народом, потеряли чувство меры. Повышая так резко цены, следовало ожидать тех событий, которые произошли. Хотя о людях, которые тогда стояли у руководства, я ничего плохого сказать не могу, а тех, которые пришли сейчас, я вообще знаю мало. Я очень уважал и уважаю Герека[199], считаю его хорошим коммунистом и честнейшим человеком. Также и товарища Лукашевича[200]. Но и Гомулка тоже был не менее

предан идеям коммунизма, как и другие: Лога-Совиньский, Спыхальский. Да и вся их группа, потерпевшая крах. Они – не случайные люди. Эти люди прошли закалку, прошли отбор в борьбе с гитлеровским нашествием на Польшу. И они такое допустили. Но это другой вопрос.

«Злоупотребления Сталина особенно болезненно отозвались в Венгрии»

Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС о культе личности и злоупотреблениях Сталина особенно болезненно отозвался в Польше и Венгрии. Это и неудивительно. Партия венгерских коммунистов тоже была сильно потрепана. Расстреляли Бела Куна, организатора компартии Венгрии[201]. Многих других товарищей, которые работали в Коминтерне, подвергли репрессиям. После разгрома гитлеровской Германии к руководству венгерскими коммунистами пришел Ракоши[202]. Ракоши – честный человек, заслуживающий доверия и даже уважения, несмотря на ряд своих недостатков. Недостатки имеются у каждого человека. Он был верен коммунистическим идеалам, много лет просидел в венгерской тюрьме, потом его обменяли, и он выехал в СССР.

Я встречался с Ракоши, работая в Киеве, он побывал там. Я его принимал и беседу с ним имел. Когда он в 1945 г. опять уехал в Венгрию[203], то начал вести ту же работу, что и другие коммунисты в странах народной демократии.

Нас международная реакция упрекает, что мы в странах, которые оккупировали после разгрома Германии, насаждали коммунизм. Это верно, но такое же обвинение можно бросить и западным капиталистическим странам. Наиболее наглядный пример: они буквально развязали гражданскую войну в Греции. Кто ее организатор? Запад[204]. Персонально Черчилль. Черчилль в своих воспоминаниях описывает, как он в танке ездил в Салониках и наблюдал английские войска, чинившие расправу над греческими патриотами-демократами. В разной форме реакция Италии и Франции в укреплении капиталистического строя тоже, безусловно, опиралась на войска Соединенных Штатов Америки.

Так что, это не обвинение? Мы не отрицаем, что, как коммунисты, содействовали прогрессивным силам. Во главе прогрессивных сил стояли коммунистические партии этих стран. Мы все делали, чтобы поддержать прогрессивные начала в странах, которые оккупировали. Потом они создали свои правительства и оформились как независимые страны с независимыми национальными правительствами.

Как глава компартии, Ракоши провел объединение с другими прогрессивными политическими силами Венгрии. К сожалению, он оказался причастен к истреблению честных кадров. Правда, в

первые послевоенные годы он сопротивлялся Сталину. Когда Сталин называл имена очередных врагов народа, среди которых были члены ВКП, Ракоши не соглашался с ним, доказывал, что они честные люди и что он им верит. Но Сталин сразу же направил во все братские партии своих советников, в основном чекистов. Многие из них уже «отличились» в СССР кровавыми методами расправы с кем попало. Попали такие советники и в Венгрию. Любой агент должен оправдать свое существование, показав свою работу. А в чем заключается работа агента такого рода? В том, чтобы найти врагов народа и показать Сталину свою проницательность, умение раскрывать врагов, оправдывать свое назначение и материальное положение, которое обеспечивалось очень хорошо по сравнению с доходами других трудовых и общественных прослоек.

Когда Ракоши приезжал в Москву, то уже не он докладывал Сталину о врагах народа в Венгрии, а Сталин указывал ему: вот такой-то делает то-то, а вы не видите, вы слепец, слепой погубит дело и себя погубит. Ракоши защищался. Раз это было при мне. Присутствовали все члены Политбюро ЦК ВКП(б), но мы ничего не могли промолвить. Ведь все разведывательные данные о странах народной демократии докладывались Сталину, а уж он определял, что нужно и чего не нужно знать членам Политбюро.

Сталин верил Ракоши? Верил и не верил, сеял и семена сомнения. Это было свойственно Сталину.

Я слышал от Сталина:

– Ракоши всегда приезжает в Советский Союз, когда я в отпуске. Он узнает, что я на Кавказе, и приезжает туда отдыхать. Следовательно, он имеет каких-то секретных информаторов.

Глупое предположение. И Ракоши, и все другие знали, когда Сталин уезжает в отпуск. Ему ничего не стоило позвонить тому же Поскребышеву в секретариат Сталина и узнать, где отдыхает Сталин.

Надь[205] Имре тогда тоже пользовался доверием у Сталина. Он коммунист с 1919 года, выдвинулся еще во время революции 1919 года, совершенной под руководством Бела Куна. Он занимал руководящее положение и в правительстве, и в Венгерской компартии.

Герэ[206] – человек другого склада характера. Ему больше импонировала теоретическая работа, политвоспитание масс, политпросвещение. Он был наиболее подготовлен теоретически, и по складу характера он тяготел к кабинетной работе. Герэ, я считаю, заслуживал уважения и доверия. Я не знаю, где он сейчас и жив ли он. По-моему, он жив и живет где-то в Советском Союзе. Я ничего о Герэ плохого не могу сказать. Только хорошее.

Кадар[207] казался молодым человеком по сравнению с кадрами сталинского периода. Он выдвинулся уже после Венгерской революции 1919 года. Он продукт подпольной работы Венгерской коммунистической партии. После разгрома революции Кадар какое-то время возглавлял Коммунистическую партию Венгрии. Потом компартия была распущена. Он был секретарем Центрального Комитета, и решение о роспуске принималось с его участием. Сам Кадар попал в тюрьму. Его арестовала венгерская реакция. После разгрома немцев Кадара выдвинули в правительство, где он занимал пост министра внутренних дел. Когда начался погром, среди других попал в мясорубку и Кадар. Его тоже арестовали. То было дело рук Фаркаша[208]. Этот давний член компартии оказался человеком типа Берии: карьерист и с заскоками ненормального, садист какой-то. Мне потом рассказывали, с какими издевательствами он вел допросы честных людей. Мало того, он и своего сына вовлек в эту кровавую круговерть, сделал и из него палача. Фаркаш стал просто пугалом в Венгрии. Все эти издевательства испытал на себе и Кадар.

Кадар никогда к этому не возвращался, а я его не спрашивал. Мне тоже не хотелось бередить его еще не зарубцевавшиеся раны. Просто чудо, что тогда секира Фаркаша миновала Ференца Мюнниха[209].

Мюнниха я знал с 1930 года. Когда я учился в Промышленной академии и меня призвали на военную переподготовку в московскую Пролетарскую дивизию, я встретился там с ним. Он работал во внешнеторговой организации, неся функции партийного характера. В дивизии мы с ним жили в одной палатке, служили в одном взводе, ели из одного котелка. Этот веселый человек, бывший офицер австро-венгерской армии знал много солдатских анекдотов и был отличным рассказчиком перед сном. Он казался мне хорошим товарищем. Ракоши же испытывал к нему какое-то недоверие. Чтобы избавиться от него в Венгрии, он с конца 40-х годов постоянно отправлял его куда-нибудь послом. Так он попал вновь и в Советский Союз. Это была своеобразная почетная ссылка. Когда я встречался с ним во время официальных приемов, то чувствовал, что он сильно переживает оторванность от родины.

Вернусь к 1956 г. Если в Польше тогда развернулась борьба в партийной верхушке, то в Венгрии в нее была вовлечена еще и столичная парторганизация. Здесь столкновения были острее, чем в Польше. Стали освобождать политических заключенных. Освободили Кадара и тут же избрали его секретарем Будапештской городской парторганизации. Тем временем

обострились отношения между Ракоши и Имре Надем. Они давно враждовали, а мы из Москвы всячески пытались их примирить. Ракоши обвинял Надя в принадлежности к правым и считал его перерожденцем, а не коммунистом. Однажды они вместе приехали в Советский Союз. Ракоши выступал с обвинениями Надя по вопросу коллективизации в Венгрии, а Надь возражал ему не просто резко, а даже зло, и у него сверкали слезы на глазах. Ракоши же вновь бросал ему обвинения политического характера. Но Сталин Надя не арестовывал. Говорили, потому, что в СССР Надь помогал ему громить коминтерновские кадры. Я не исключаю, что он тогда был агентом НКВД и слыл у Сталина своим человеком. А пока что в их стране события нарастали сверхбыстро. ЦК ВПТ и Ракоши потеряли влияние. Ракоши уже не только не мог давать какие-нибудь указания или как-то влиять на деятельность коммунистов, но его имя вообще приобрело там оттенок чего-то скверного. В Будапеште нарушилась нормальная жизнь. Начали постреливать, главным образом по венгерским чекистам. Те несли серьезные потери. Потом развернулись демонстрации. Это движение возглавил Надь. Люди требовали: «Надя Имре к руководству! Долой Ракоши!»

Ракоши струсил и обратился к нам по телефону с просьбой прислать срочно самолет, чтобы вывезти его из Будапешта; он опасался, что над ним будет учинена расправа. И мы помогли ему. ЦК ВПТ возглавил Эрне Герэ. В Будапеште разразилась такая заваруха, что и Герэ не смог с нею справиться. Его не признали как народного руководителя и рассматривали как соратника Ракоши. Их обвиняли в зверствах, несправедливых арестах и казнях, в других грехах. Конечно, главную ответственность за них несут советские чекисты, псевдосоветники, и Фаркаш со своими людьми. Вскоре Герэ тоже был вынужден подать в отставку. К руководству пришел Надь. У нас еще теплилась надежда, что он сохранит коммунистическое лидерство в стране, раз он сам коммунист.

Однако теперь этот человек шел за толпой, опираясь главным образом на незрелую молодежь. Большую активность проявляли гимназисты, как докладывали мне из Будапешта наши люди. Туда ездили Микоян, Суслов, другие наши видные работники. Анастас Иванович говорил: «Пришел я к Надю. Начали беседу. Вдруг влетает группа молодых мальчиков, гимназистов, все вооруженные, докладывают Надю, что они делают то-то и будут делать то-то. Потом приходили и другие такого же рода мóлодцы». Вскоре мы увидели, что под руководством Надя там свирепствует антисоветчина. Звучали лозунги: «Долой Советы!», «Долой Советскую Армию!», «Русские, вон из Венгрии!»

Усилилась стрельба на улицах. Наши войска не участвовали пока ни на чьей стороне, мы хотели держать нейтралитет. Внутренние вопросы, касающиеся венгерского народа, пусть решаются собственными силами. Но затем стали постреливать и в наших людей. Обстановка накалялась. Советским послом в Венгрии был тогда Андропов[210]. С посольскими делами он справлялся хорошо и отлично разбирался в событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации.

В те дни, после нашей поездки в Варшаву, ситуация в Польше стабилизировалась, главным образом благодаря позиции, занятой товарищем Гомулкой. Но разразилась настоящая война на Среднем Востоке, вокруг Суэцкого канала.

Москва должна была реагировать на англо-франко-израильскую агрессию против Египта. А в Будапеште развернулась кровавая бойня. К мальчикам присоединились и другие, включая рабочих. Возникли вооруженные отряды, пошли бои с применением артиллерии, особенно зенитной. Видимо, восставшие разграбили воинские склады. Совершенно в стороне от событий стояло крестьянство. Оно продолжало повседневную работу, несмотря на антиколхозные призывы Имре Надя.

Надь потребовал от нас вывести советские войска из Венгрии. Но ведь существовал Варшавский договор. Мы считали, что такой шаг может предпринять лишь законное правительство, а приход к власти Надя произошел в результате путча. Парламент этого вопроса не обсуждал, и мы считали, что это требование не имеет законной силы. В Будапеште развернулась охота за партийным активом, и особенно за чекистами. Громили партийные комитеты и чекистские органы. Людей убивали, вешали за ноги, совершали прочие дикие казни. Чтобы не осложнять обстановки, мы вывели наши войска из столицы. Частично они разместили их на военном аэродроме. Но другие наши люди и посол находились в Будапеште, и от них мы знали, что там происходит.

Президиум ЦК КПСС пришел к заключению, что нам непростительно соблюдать нейтралитет и не оказать помощи в борьбе с контрреволюцией, которая стала проявлять себя по многим линиям. Вернулась в страну белая эмиграция, самолетами прямо из Вены прибывала в Будапешт. Страны НАТО тоже вклинились, способствуя гражданской войне, чтобы ликвидировать революционные завоевания и возвратить Венгрию на капиталистические рельсы. Чтобы решить на месте, что предпринять конкретно, Микоян и Суслов снова улетели в Будапешт. День они проводили в городе, а ночевали в расположении наших войск на военном аэродроме.

Мы хотели быть правильно понятыми, мы не преследовали эгоистических целей, стремились действовать в духе пролетарского интернационализма. В связи с такой позицией мы считали необходимым проконсультироваться с братскими странами и партиями, в первую очередь с Китайской компартией.

Мы обратились к Мао Цзэдуну с просьбой, чтобы кто-либо, кого они найдут возможным прислать, приехал бы к нам для разговоров по вопросу о событиях в Венгрии. Без нашей поддержки там будет пролито много пролетарской крови. Китайцы быстро откликнулись. Прилетел Лю Шаоци, с ним Дэн Сяопин и Кан Шень. С нашей стороны на переговоры выдвинули меня и Пономарева. Не помню, кто еще входил в делегацию Коммунистической партии Советского Союза.

Мы заседали на бывшей сталинской даче, в так называемых Липках. Сейчас там дом отдыха. Просидели всю ночь. Взвешивали всесторонне все «за» и «против» применения вооруженных сил. Попеременно мы занимали противоположные позиции: то Лю Шаоци предлагал: давайте выждем, рабочий класс Венгрии окрепнет, поймет, что восстание контрреволюционно, и справится сам. Мы соглашались с ним. Затем снова начинали обсуждать, и возникали сомнения: есть опасность, что сейчас уже будет трудно рабочему классу справиться с ситуацией в Будапеште. Частично он сам вовлечен в контрреволюцию, особенно молодежь. Поэтому следует оказать помощь, тем более наши войска стоят в районе Будапешта. Опять и опять мы обсуждали и приходили к выводу, что надо оказать помощь.

Я не помню, сколько раз менялись наши позиции. Каждый раз, когда мы приходили к общему решению, независимо от того, надо или не надо применять вооруженные силы, Лю Шаоци консультировался с Мао Цзэдуном. Мао Цзэдун одобрял и ту, и другую позицию. Кончили мы ночное заседание на том, что вооруженную силу не применять. Я уехал домой. Лю Шаоци с делегацией остались на месте. Бывшая сталинская дача была отведена под резиденцию китайской делегации.

Я приехал домой к утру. По-настоящему спать не мог: Будапешт гвоздем сидел в голове и не давал уснуть. То был исторический момент: какое нам принять решение? Двинуть советские войска и раздавить контрреволюцию или ожидать, когда внутренние силы справятся с нею сами? Могло случиться, что контрреволюция временно одержит верх, тогда прольется много пролетарской крови. А если через Венгрию НАТО внедрится в расположение социалистических стран, то тяжело будет и всем нам. Было над чем призадуматься. Мы, конечно, понимали, что произошло восстание и что правительство,

созданное в результате этого восстания, не получило мандата от народа. Ну а дальше? Утром еще раз собрались обсудить вопрос на заседании Президиума ЦК КПСС.

Я доложил, как шло обсуждение с китайской делегацией, как менялись наши позиции и что в конце концов мы пришли к мнению не применять воинской силы. Тут же я напомнил, какие могут быть последствия, если мы вовремя не подадим руку помощи венгерскому рабочему классу, и укрепятся контрреволюционные элементы. Они сейчас уже начинают контролировать правительство, возглавляемое Имре Надем. Надь Имре, хоть и коммунист, но уже не говорит от имени коммунистов, а вещает от собственного имени. Вокруг него вертятся эмигранты, которые бежали из страны после установления в Венгрии социалистических порядков, а теперь вернулись. Это говорит о направлении развития событий, если победит контрреволюция. Мы обсуждали долго. В конце концов решили, что будет непростительно, если мы не окажем помощь венгерскому рабочему классу, решили использовать наши войска, подать руку помощи рабочему классу Венгрии.

Вызвали маршала Конева как Главнокомандующего силами Варшавского пакта. Спросили: сколько потребуется ему времени, чтобы навести порядок в Венгрии? Он попросил трое суток. И получил задание: «Готовьтесь. А когда начинать, узнаете дополнительно». После этого полным составом Президиума мы выехали на аэродром и сообщили китайским товарищам о новом мнении. Споров не возникло. Лю Шаоци сказал, что, если в Пекине подумают по-другому, он нас известит. Китайцы улетели. А мы надумали еще проконсультироваться и с другими социалистическими странами, прежде всего с Польшей. Там ситуация была ненамного лучше, но до вооруженной борьбы дело не дошло, положение стабилизировалось. Договорились встретиться с польскими товарищами у границы на советской территории на следующий день. От нас Президиум назначил для встречи меня, Молотова и Маленкова. На приграничном аэродроме в районе Бреста с советской стороны нам отвели какое-то помещение. Вскоре сюда же прибыли Гомулка и Циранкевич. А также мы сговорились с чехословацкими, румынскими и болгарскими товарищами, что в тот же день, только позднее, мы прибудем в Бухарест, и просили, чтобы делегации из Чехословакии и Болгарии прибыли туда же для обмена мнениями по венгерскому вопросу.

Изложили мы свою точку зрения товарищам Гомулке и Циранкевичу. Они выслушали молча. Я задал вопрос: «Как быть?» Гомулка высказался в том смысле, что, хотя ситуация

очень сложная, все-таки применять вооруженную силу не следует. «А что же тогда нам делать? Надь требует вывода советских войск из Венгрии». – «Нет, войска не выводить». – «Ну а дальше? Идет истребление актива коммунистов Венгрии. Убивают, вешают. Наши войска должны наблюдать?». – «И все-таки, – говорит Гомулка, – полагаем, что и войска выводить не следует, и пускать их в дело тоже не следует. Надо дать возможность правительству, занявшему контрреволюционные позиции, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам свергнет его». – «А какое на это потребуется время?» Так и не пришли к общему мнению.

Распрощались. Они сейчас же уехали в Варшаву. А мы условились еще раньше, что Молотов возвращается в Москву и извещает Президиум ЦК о позиции польских товарищей, а мы с Маленковым летим в Бухарест, где будет совещание представителей четырех коммунистических партий. Из Бухареста мы собирались лететь в Югославию, чтобы проконсультироваться и с руководством югославских коммунистов. Это было тем более важно, что вначале югославы активно поддержали Надя, были как бы его советчиками в борьбе против Ракоши… В Бухаресте уже находились представители Чехословакии во главе с Новотным[211] и Болгарии во главе с Живковым[212]. От румынских товарищей участвовал в собеседовании товарищ Деж[213] с коллегами.

Изложили мы положение дел, которое сложилось в Будапеште, и как мы понимаем перспективы. Много нам доказывать не пришлось, потому что все товарищи были осведомлены не хуже нас. Их послы в Будапеште тоже информировали свои правительства. Кроме того, жители некоторых приграничных районов Венгрии стали искать контакты с жителями приграничных районов Чехословакии и Румынии, чтобы опереться на них[214]. А кое-кто просил оружия. В Бухаресте все единодушно и без колебаний поддержали нас: надо немедленно действовать. Перед нами поставили вопрос румыны и болгары: они хотят своими воинскими частями участвовать в оказании помощи революционным венграм. Но мы возразили, что никто не должен в этом участвовать, кроме советских войск в Венгрии. Их достаточно. Они находятся там в соответствии с международными соглашениями, подведшими итоги второй мировой войны, и обязаны поддерживать порядок.

Участия других не требуется. Я пошутил: «Румыны рвутся в бой. Этот путь румынам знаком: они в 1919 г. участвовали в разгроме Венгерской революции, а теперь хотят разгромить контрреволюцию». Нам пожелали успеха и призвали не медлить.

В тот же день вечером мы вылетели в Югославию. Летели на

Ил-14. Погода была отвратительной. Внизу горы, кругом ночь. Начался ураган, сверкают молнии. Я не спал, сидя у окна самолета. Раньше я много летал, всю войну пользовался самолетом, но в такой переплет никогда еще не попадал. Самолетом управлял опытный летчик, генерал Цыбин[215], однако и ему было трудно. Впереди летел наш разведывательный самолет, тоже пассажирский, в какой-то степени освещавший нам дорогу и сообщавший, какая там небесная обстановка. Но с ним мы вскоре связь потеряли и должны были сами как-то ориентироваться по местности. На аэродроме, где мы должны были приземлиться, оборудования не имелось: то был примитивный аэродром военного времени, и наш самолет не имел радиолокационного оборудования. Только мастерство Цыбина позволило благополучно приземлиться. Узнали, что предыдущего нашего самолета тут нет. Где же он? Мы очень обеспокоились за судьбу экипажа.

Нас ожидал автомобиль. Мы поехали к пристани, чтобы попасть на остров Бриони[216], где жил Тито, туда надо было добираться на катере. Из-за болтанки в самолете Маленков превратился в живой труп. Его вообще очень укачивало, даже при езде в автомобиле по ровной дороге. А тут на море – сильная волна. Сели мы в маленький катер, Маленков лег и глаза закрыл. Я уже стал беспокоиться за него. Но выбора у нас не было. Тут некогда сидеть у моря и ждать хорошей погоды. Наконец добрались до острова. На пристани ожидал Тито. Он принял нас радушно, обнялись мы, расцеловались, хотя прежде у нас были натянутые отношения, да и теперь все больше натягивались по мере хода событий в Венгрии. Ведь мы имели несовпадающие позиции по венгерскому вопросу. Приехали мы в резиденцию Тито, рассказали ему, зачем приехали, и поставили перед ним тот же вопрос.

Я, признаться, ожидал, что нам придется выдержать еще более сложную атаку со стороны Тито, нежели от Гомулки. Но мы были неожиданно и приятно поражены. Тито сказал: «Абсолютно правильно, надо немедленно пустить в дело войска и разгромить контрреволюцию». После чего стал горячо доказывать необходимость такого мероприятия. И весь наш заряд, который мы готовили для него, остался неиспользованным. При нашей беседе присутствовал и Ранкович[217]. Заговорили мы о венгерском руководстве. Сами не знали, кто же сможет возглавить правительство. Поинтересовались мнением Тито. Тот взглянул на Ранковича: «А ну-ка, говори!» Ранкович достал записную книжку и назвал фамилию некоего венгра: «Вот бы хорошо ввести его в состав Временного революционного

правительства, это очень активный человек». Отвечаю: «Согласно докладам наших людей в Будапеште, эту фамилию носит самый заядлый наш враг, который целиком и полностью стоит на позициях Надя. Он-то и является одним из организаторов кровопролития». Ранкович называет другую фамилию. Я ему: «И этот таков же, судя по нашей информации».

Тут Ранкович спрятал свою книжечку. Его слова еще больше подтвердили наше прежнее мнение, что когда Надь вел борьбу против Ракоши, то югославы были не только его опорой, но и добрыми помощниками, тем самым одними из организаторов контрреволюционных событий. Но в чем же теперь дело? Почему они заняли совершенно противоположную позицию?

Дело заключалось в том, что югославские товарищи были очень недовольны Ракоши, хотели его отстранения и делали ставку на Надя. А когда увидели, что стрелка в Венгрии склоняется к реставрации капитализма и, следовательно, они получают в соседи контрреволюционную, буржуазную Венгрию, то испугались. Тем более что в самой Югославии жило полмиллиона венгров. Все это создало бы большие трудности югославскому социалистическому государству. Его лидеры увидели, что их намерения будут перехлестнуты контрреволюционными событиями, когда верх в Будапеште стали брать не югославские друзья, а приезжие эмигранты с Запада, которые, вернувшись, развернули свою работу. Они уже потирали руки, считая, что вопрос решен в их пользу. Вот почему югославские товарищи теперь стали не только нас поддерживать, но даже одобрять и подталкивать.

Тито задал вопрос: «А кто-нибудь еще из социалистических стран будет участвовать в этом?» Отвечаю: «Мы договорились, что более никто». – «Вот это хорошо, это правильно, ни в коем случае другие социалистические государства не должны принимать участия в деле. СССР – великая держава, его войска уже находятся в Венгрии на законном основании, они и окажут помощь венгерскому рабочему классу». И тут я рассказал товарищу Тито, как мы недавно шутили в адрес Дежа. Потом сказал: «Сейчас нам хорошо бы отдохнуть, потому что рано утром нам надо возвращаться в Москву». – «Нет, – возразил Тито, – отдохните день-два, потом улетите». И спросил: «А когда вы начнете действовать?». Отвечаю: «Мы окончательного решения не приняли, но где-то в ближайшее время». Я не хотел называть конкретный день, хотя перед отлетом мы дали задание Коневу закончить подготовку за три дня. К тому времени два дня уже были израсходованы, так что на следующий день советские войска должны были начать действовать. Мы поблагодарили Тито

и сказали, что срочно возвращаемся в Москву. Тито, конечно, понял, что день выступления назначен, но просто мы не хотим ему сказать. Так оно и было, ведь мы считали, что раз югославы не участвуют напрямую, то и знать им не надо. Чем меньше людей будут знать, хотя бы и наших, тем лучше. Неожиданная утечка информации дорого обойдется.

Я спросил Тито: «Как вы посмотрите, если правительство возглавит Мюнних?» Он в Первую мировую войну был в российском плену вместе с Тито. Они повстречались в 1917 году. По мгновенной реакции я понял, что Тито плохо относится к Мюнниху. Не знаю, по каким причинам. Тогда я продолжил: «Нам советуют также насчет Кадара». – «Вот это, – обрадовался Тито, – правильно. Я его знаю как очень хорошего коммуниста, честного и серьезного человека». Я заметил: «И наши люди так же говорят. Он был секретарем Будапештского горкома партии и в таком качестве посещал Советский Союз. Сам я с ним не встречался, но другие наши люди очень высокого о нем мнения как о принципиальном человеке, заслуживающем доверия». Называли мы тогда и другие фамилии, но сейчас они уже ни к чему.

В это время Надь уже сформировал свое правительство, и Кадар вошел в руководство как пострадавший от Ракоши. Занял в нем видный пост и Мюнних. Между тем, еще когда мы вылетали из Москвы, то сообщили Андропову, чтобы он передал, что мы приглашаем в Москву Мюнниха и Кадара. Иногда они приезжали на военный аэродром под Будапештом, где стояли наши войска, и ночевали там, считая, что так безопаснее. О том, что они отправились в Москву, мы узнали в Бухаресте. А пока я сказал Тито: «Поспать бы нам немножко…». – «Нет, – ответил он, – давайте не будем ложиться спать, потерпите, поговорим всю ночь. Не так уж много осталось до утра, я хотел бы провести с вами эти часы». – «Ладно», – согласился я. Решил, что слегка вздремнем в самолете, а сейчас будем крепиться и обойдемся без сна. Поинтересовался у Тито: «Чего вы сидите на острове? Случайно какой-нибудь бомбардировщик обронит сюда бомбу, и вашей дачи не останется, и вас вместе с нею. Все может быть, в Египте война, англичане и французы знают о ваших добрых отношениях с Насером, это вам ничего хорошего не сулит». Ранкович добавляет: «Да я ему уже столько лет твержу, что надо жить в Белграде, а он не хочет». Тито возразил: «Но я болен, мне нужны морские ванны». У него был не то радикулит, не то ишиас, поэтому он и был привязан к морю.

Стали мы обмениваться мнениями о событиях на Ближнем Востоке, и я увидел, что Тито очень встревожен сложившимся там

положением. Его беспокоила обстановка, создавшаяся близ Югославии, и он тревожился также за судьбу Насера. Мы дружески беседовали, досидели до рассвета, и Тито говорил: «Провожу вас, сам отвезу». Посадил нас в машину, сел за руль, и мы поехали на пристань. По-дружески распрощались, расцеловались, он пожелал нам доброго пути, и на катере мы вернулись к аэродрому. Прилетели в Москву. Тогда еще самолеты были тихоходными. Добрались до советской столицы только во второй половине дня, ближе к вечеру.

Сейчас же собрались члены Президиума ЦК КПСС, и прямо с аэродрома мы поехали в Кремль. Вместе с Маленковым доложили о результатах братских переговоров. Молотов еще раньше сообщил о разговоре на границе. Подтвердилось, что большинство за то, что надо срочно и решительно действовать. Тут же приступили к формированию состава Временного революционного правительства в Венгрии, советуясь с Кадаром и Мюннихом.

Резко выступил против Кадара Молотов. Он считал, что его нельзя выдвигать на пост руководителя Венгерской партии трудящихся. Если Молотов в чем-то был убежден, то говорил резко и даже несколько злобно, отбивая несогласных. Допустил оскорбительное выражение в адрес Кадара (правда, самого Кадара при этом не было). А основывалось у Молотова все на том, что Кадар продолжал себя рассматривать членом руководства во главе с Надем, теперь же, после того как он пробыл в Москве двое суток, пока мы с Маленковым отсутствовали, начал проявлять беспокойство и порывался вернуться в Будапешт. Да, я понимал Молотова: как можно выдвигать такого человека, если он сам себя рассматривает членом того руководства, против которого готовится удар? Он ведь должен возглавить борьбу против действующего правительства. «Я голосую за Мюнниха», – настаивал Молотов.

«Я тоже выступаю за Мюнниха, – ответил я, – тем более что хорошо его знаю, это старый коммунист, но он не годится на пост первого секретаря ЦК, он может быть председателем Совета министров, но не способен играть главную роль в партии, ибо не обладает нужными качествами. Кадар справится лучше!» И предложил поставить Кадара первым секретарем, а Мюнниха – председателем Совета министров. Эта комбинация мне представлялась наилучшей. «Давайте пригласим их обоих», – говорю. Пригласили их в Кремль.

Мы им тут же напрямую сказали, что в Венгрии началась контрреволюция, что против нее необходимо выступить войсками. Это – единственная возможность восстановить

нормальное положение и ликвидировать восстание, которое бушует в Будапеште. Я внимательно смотрел на Кадара. Он слушал молча. Пришла его очередь говорить: «Да, – согласился он, – вы правы, чтобы стабилизировать положение, сейчас требуется ваша помощь». Ну а Надь? Всем было ясно, что это – переходное лицо, тот порог, за которым стоят открытые и оголтелые контрреволюционные силы. Они пока держали на своем знамени имя Надя, прикрывались им как коммунистом, а сами вели антикоммунистическую работу. Только в Будапеште проявлялась активность, другие районы страны оставались в пассивном состоянии.

Мюнних тоже выразил свою поддержку действиям с помощью советских войск. И Кадар, и Мюнних высказали уверенность, что народ Венгрии в целом поддержит подавление контрреволюции. Начали мы формировать правительство. Этим занимались главным образом Кадар и Мюнних, они знали людей. Когда сформировали, проинформировали нас. При этом они исходили из идеи широкого привлечения как членов партии, так и беспартийных, включая даже людей, занимавших не совсем четкую позицию во время восстания. Полагаю, что они поступали правильно, проявив глубокое понимание настроений народа и причин, вызвавших взрыв. Они видели, что восстание не было направлено против перестройки Венгерского государства и против социалистических позиций. Люди поднялись против Ракоши и тех злоупотреблений, которые были допущены при нем. Я-то лично считаю, что Ракоши не был главным виновником, хотя и злоупотреблял властью.

Активное участие в формировании правительства принимал Антал Апро[218], хороший товарищ и честный коммунист, занимавшийся проблемами планирования. Он прилетел вместе с Кадаром и Мюннихом. Были там и другие люди, сейчас улетучились из памяти их фамилии. Кадар, Мюнних, Апро с товарищами подготовили обращение к рабочему классу, крестьянству, интеллигенции, всему венгерскому народу с призывом правильно понять необходимость свержения правительства Надя и восстановления социалистических начал. Составили также обращение к Советскому правительству с просьбой оказать военную помощь в подавлении контрреволюции…

Могут сказать: приехал в Москву Кадар, там слепили промосковское правительство, и все! Но такой же мяч можно бросить назад, в сторону тех, кто помогал участникам восстания и Надю.

Его поддерживали империалистические круги всего мира,

прежде всего Соединенные Штаты Америки. Под чьим покровительством они орудовали и расправлялись с людьми? На чьих самолетах из Вены прилетали агенты буржуазных стран, возвращалась реакционная венгерская иммиграция?

Кто им помогал? Я прямо заявляю: конечно, существуют и покровительство, и симпатии, и оказание помощи. И та и другая стороны всегда поддерживают те силы, которые ей импонируют.

Да, Советский Союз поддерживает все революционные силы. Мы делаем это, исходя из своих интернациональных обязанностей, ведем борьбу под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и называем своим долгом оказывать помощь, когда к нам за ней обращаются и если мы считаем возможным оказать такую помощь. Так же поступают враги коммунизма, и тайно, и открыто, в зависимости от ситуации. Нормально это или ненормально? Думаю, что нормально. Существует классовая борьба. Стоит вопрос: кто – кого? Если мы выступаем против экспорта революции, то и против экспорта контрреволюции. На одном из митингов я говорил так: «Мы заплатили свой долг венгерскому народу. В 1849 г., когда была совершена революция в Венгрии, по просьбе австрийского правительства царь Николай I бросил свои полки на ее подавление. Была восстановлена власть Австрийской монархии, эти действия стали позором для России. Теперь, когда контрреволюция начала расправляться с венгерским рабочим классом и с его авангардом – коммунистической партией, трудящиеся Советского Союза подали руку помощи трудовому народу Венгрии. Мы считаем свою миссию прогрессивной в отличие от акции, совершенной Николаем I».

Предъявлять какие-то претензии к враждебным коммунизму силам неразумно. Общество делится на две стороны, на два класса: один из них эксплуатирует рабочий класс и трудовое крестьянство. Эти классы антагонистичны. Тут используется всякая возможность. Мы в буржуазных странах тоже стремимся приобрести большее влияние на массы, внедрить нашу идеологию, направить развитие общества по пути строительства социализма, по пути установления рабоче-крестьянской власти. Так же и противник действует против нас. Пользуются всяким нашим упущением, выискивают, где только имеется возможность отбросить нас и закрепить капиталистическое влияние в большем количестве стран. Идет борьба: кто кого! Буржуазия считает, что она себя еще не изжила и что она должна господствовать вечно.

Мы – коммунисты, марксисты-ленинцы, верим в свою теорию, верим в свою идеологию, убеждены в том, что «владыкой мира будет труд», что победа за рабочим классом. Но эта победа сама

по себе не придет. Этой победы надо добиваться в борьбе. Возможно мирное сосуществование различных государственных систем, но мирного сосуществования в идеологии быть не может. Это было бы предательством народов со стороны марксистско-ленинских партий. Я убежден, мы победим!

Когда-то я допустил неосторожное выражение в отношении Америки, сказав, что мы закопаем врагов революции. Вражеская пропаганда подняла мои слова на щит: мол, Хрущев, советские люди хотят закопать народы Соединенных Штатов Америки. Так они использовали в своих целях брошенную мной фразу. На пресс-конференции, когда мне ставили этот вопрос, я разъяснял: мы никого не будем закапывать, а враждебный буржуазный класс закопает сам рабочий класс Соединенных Штатов. Это внутренний вопрос каждой страны, люди сами решают, по какому пути им идти и какими методами добиваться победы.

Революционное рабоче-крестьянское правительство Венгрии не сразу разместилось в Будапеште. Сначала они поехали в Ужгород. Оттуда новое правительство обратилось по радио к населению, зачитало свою платформу и призвало народ поддержать ее. Развернулся новый этап борьбы. Из Ужгорода они переехали в один из венгерских городов. Еще до выступления основных сил все аэродромы Венгрии без сопротивления были захвачены советскими войсками. Только Будапешт еще не контролировался новыми силами. Крестьяне в большинстве не были задеты волнениями. Промышленные центры колебались. В каждом из них часть коммунистов твердо поддерживала социалистический строй, хотя и не все. Нужно заранее отбить нападки тех, которые хотели бы втолковать, что это было восстание против социализма, против марксистско-ленинского учения. Нет! Так формулируют только враги социализма. Но это неправильно!

Дальнейший ход событий подтвердил наши надежды. Контрреволюция в Венгрии была ликвидирована.

Когда мы принимали решение о применении военной силы в Венгрии, среди нас не было Микояна и Суслова. Они находились в Венгрии и вернулись ночью, перед тем как мы с Маленковым и Молотовым собрались лететь на встречу с польскими товарищами. Микоян, с которым я жил рядом, узнал, что мы готовимся ехать, позвонил мне и сказал, что хотел бы встретиться. Мы встретились в последнюю минуту, я уже оделся, чтобы ехать на аэродром[219].

Я ему рассказал о нашем решении. Он стал возражать, боясь, что тем самым мы подорвем репутацию нашего государства и нашей партии, высказывался против применения вооруженной

силы. «Решение уже состоялось, – ответил я. – И я тоже проголосовал “за”!» – «Но нас там не было», – заволновался Микоян. «Вас не было, потому что вы отсутствовали в Москве. Мы не имели возможности ожидать вас». – «Требую собраться заново», – не соглашался он. «Сроки намечены, ничего нельзя изменить, весь наш план нарушится, а мы с Молотовым и Маленковым должны вылететь немедленно. Я считаю, что решение принято правильное, а ты ошибаешься». Анастас Иванович разнервничался и даже пригрозил, что не ручается за последствия и в знак протеста может что-либо над собой учинить. «Это было бы большой глупостью, – сказал я ему, – но я верю в твое благоразумие. Ты поймешь правильность нашего решения». На том и расстались. С Сусловым я тогда не беседовал.

Порядок в Венгрии был наведен быстро, за исключением Будапешта. Там к борьбе подключились офицеры венгерской армии, началось организованное военное сопротивление. В дома втащили пушки, простреливали из них улицы, создали оборонительные очаги. Но и там бои продолжались не более трех суток. Можно было бы и раньше все завершить, грубо сломив сопротивление. Но тогда пришлось бы применять более разрушительные средства, а мы не хотели разрушать город, как в 1945 году. Новое правительство стало действовать, собирать сторонников. Мы командировали в Будапешт Маленкова. Требовалось установить связь нового руководства с нашей армией. Командовал войсками в Венгрии генерал Казаков[220].

Он правильно понял задачу и умело поддерживал спокойствие в стране. Ведь прежняя венгерская армия, собственно говоря, уже не существовала; следовательно, функции обеспечения порядка должна была взять на себя наша армия. Казаков, между прочим, выставил заслон на границе с Австрией, чтобы прекратить использование этой границы враждебными социалистической Венгрии силами. Ситуация стала стабилизироваться. Партия трудящихся переименовалась и называлась теперь социалистической рабочей. К сожалению, не все люди, привлеченные в состав правительства и в руководство партии, действовали слаженно.

Сейчас историки, наверное, уже все разложили по полочкам. Ныне нет нужды выпячивать все разногласия тех дней. Но тогда не все правильно разобрались в происходившем. Контрреволюцию порою называли революцией. Ведь если восстание было революционным, то как именовать тогда правительство, которое подавило революционный взрыв? Многие запутались в трех соснах. Мы в Москве регулярно получали венгерские газеты. В ряде них продолжалось освещение событий с

неправильных позиций. Говорилось, что русские выступили против прогрессивных сил. Я позвонил Маленкову: «Ты знаком с тем, как недавние события освещаются в венгерских газетах?» – спросил я его. «Да, слежу». – отвечает. «Чего же ты допускаешь такое и не разъясняешь, что под такими лозунгами нельзя добиться нормализации обстановки в Венгрии? – надавил я на него. – Если дается лозунг, что это была революция против Ракоши, то как называть действия, направленные против Надя?» – «А что я могу поделать, – оправдывался Маленков. – Я им говорил, да они не соглашаются». – «Тут – основной вопрос, – наседаю я. – Они не согласны, так как не понимают дело до конца. С этим мириться нельзя. Считаю, что ты проявляешь недостаточно активности и настойчивости». – «Нет, я все делаю, что могу, но они не согласны, я же беседовал с новым руководством». Тогда Президиум ЦК КПСС высказался за то, чтобы я вылетел в Будапешт[221].

Я очень надеялся на Мюнниха. Недоумевал, как же он, старый волк, который прошел революцию, может не понимать таких вещей? Сколько лет он прожил в Советском Союзе; казалось бы, должен быть подготовлен к правильному пониманию событий… Встретили меня на аэродроме[222]. Я попросил проехать по улицам Будапешта, который плохо знал. Я был там в 1946 году – и мне город очень понравился: живописный, красивый, с хорошей застройкой и хорошей архитектурой. Дунай – настоящее украшение Будапешта, как и бассейны, наполненные горячей минеральной водой, бьющей из расположенных под городом источников.

Город не особенно пострадал. Только отдельные дома были побиты, несли на себе следы обстрела. Замусорен зато очень, давно не убирался. Думаю, город мог пострадать больше, потому что восставшие применяли зенитную артиллерию, что вызвало с нашей стороны ответный артиллерийский огонь по домам, где засели контрреволюционные силы.

Начались беседы. Мы собрались в каком-то слабо освещенном помещении. Не знаю почему. Видимо, сказывалось модернистское влияние. На Западе при таком освещении, даже при свечах, проводятся торжественные обеды. Я останавливаюсь на этом, потому что отчетливо помню недостаточно освещенный зал. Собралось там все новое венгерское руководство. Пообедали. Венгры угостили нас своим прекрасным гуляшом. Вино у них тоже замечательное. Одновременно мы вели деловые политические разговоры. Я товарища Кадара знал еще очень мало. Поэтому свою критику направлял по адресу товарища Мюнниха. Делал так потому, что мы с ним когда-то были

буквально друзьями. И я был уверен: он правильно поймет, что, критикуя его, я тем самым обращаюсь к другим руководителям венгерского революционного правительства и партийного руководства. «Как же, товарищ Ференц, вы допустили такие события?» – спросил я. «Вы же знаете, что я был послом Венгрии в Москве и за Ракоши не отвечаю», – коротко ответил он. Это было правильно. Тогда я поднял вопрос насчет газет. «Я, товарищ Хрущев, газетами не занимаюсь», – снова не стал вдаваться в существо дела Мюнних.

Тут поднялся другой товарищ, высокий парень с хорошей шевелюрой, редактор газеты[223], о которой шла речь, он и потом остался в руководстве. Считаю, что он честный коммунист. Он открыто и честно защищал свою позицию, но не понимал тогда глубинной сути проблемы. А я думал, сколько же им насолил Ракоши! Любой глас против Ракоши считался гласом революции. В этом и состояла трагедия, в этом заключалось несчастье Венгрии. Там многие действовали на основе такой упрощенной схемы. Ее взяли на вооружение и газеты, которые вновь твердили, что у них произошла революция против Ракоши. «Дорогие товарищи, – заговорил я, – поймите же, что выступаете против себя. Как же под таким лозунгом можно сплачивать вокруг себя людей? Если правильно толковать этот лозунг, то произошла революция, следовательно, Надь возглавлял революционное правительство. Тогда вы – чье правительство? Происходит дезориентация народа, рабочего класса, коммунистов. Надо правильно сориентировать людей, сказать, что имела место контрреволюция. Потому что если не контрреволюция, так разве можно было применять нам оружие? Под какими лозунгами проходило восстание? Под антисоциалистическими. Фактически Надь превратился в ширму, которой прикрывались заядлые контрреволюционеры, возвращавшаяся из эмиграции реакция. Надо самим правильно понимать события и верно разъяснять людям, организовывать их под вашим руководством».

Довольно долго я говорил. Но венгерские товарищи очень упорно сопротивлялись моему мнению. Достойные и очень уважаемые люди, они не разобрались в происшедшем, почему и не могли объяснить все верно тем, которые не только понимали неправильно, но пользовались таким неверным лозунгом. В конце концов и с большим трудом мы пришли к согласию. А одному из присутствовавших, редактору ведущей газеты, они сами пригрозили, что если он и его газета будут настаивать на своем, то его придется заменить и назначить другого редактора. На него угрозы не подействовали, он человек принципиальный. Однако, видимо, он сам осознал свою ошибку. И его газета, и некоторые

другие органы печати начали освещать события иначе, называя вещи своими именами: произошла контрреволюция; теперь к руководству пришло революционное правительство, которое ведет борьбу как против остатков контрреволюционного движения под руководством Надя, так и против ракошианских извращений коммунистической линии.

Много венгров, истинных коммунистов, твердо отстаивавших свои убеждения, погибло. Попадая в руки к врагам, они не отрекались от марксистско-ленинского учения. А Надь, когда он правил, пытался привлечь людей к себе или принудить их под тем либо другим видом выступить перед микрофоном, чтобы они сделали заявления и высказали свое отношение к событиям в его вкусе. Он стремился вырвать у них признание себя как руководителя и требовал заклеймить время Ракоши и Герэ. Некоторые, к сожалению, выступали: одни – от страха, другие просто не разобрались в происходящем. Кадар рассказывал мне о таком случае. Иштван Доби[224], который выполнял функции президента и умер года три тому назад, бывший крестьянин-батрак, был приглашен Надем к выступлению по радио. Доби был очень популярен среди беднейших крестьян. Он участвовал в движении батраков еще при буржуазном строе, известный человек, близкий к коммунистам, но без партийного билета. «Некоторым коммунистам, – рассказывал Кадар, – услышав, как реагировал этот беспартийный, отвергший предложение Надя, следовало бы покраснеть. Он себя держал лучше, чем некоторые коммунисты». Солдаты уже повели его на расстрел. И только советские войска отбили Доби в последний момент. Это просто везение судьбы, что он остался жив.

Надь скрылся. Потом выяснили, что он укрылся в посольстве Югославии. И не только он, а многие из его руководства. На этой почве опять произошло охлаждение в наших отношениях с югославским руководством. Венгерские товарищи потребовали, чтобы укрывшихся передали в руки властей. Югославы сильно сопротивлялись. А пока шло время, и шло оно на пользу революционному правительству. В конце концов югославы вынуждены были освободиться от тех, кто засел в их посольстве. Их там скопилось так много, что создалась большая скученность, и посол просто не имел возможности содержать их долее. Югославы настаивали, чтобы были даны заверения насчет безопасности Надя. Венгерские товарищи не пошли на это. Его арестовали, как только он был доставлен на свою квартиру. И правильно сделали! Кадар обратился к нам и к румынам с просьбой, чтобы временно, пока они в Венгрии не сумеют разобраться с делами и не нормализуется положение

в Будапеште, разместить Надя за пределами Венгрии. Его доставили на самолете в Бухарест, и он находился там какое-то время.

ЦК ВСРП под руководством Кадара обратился к ЦК КПСС с просьбой оказать помощь кадрами, прежде всего советниками в горной промышленности, так как была дезорганизована добыча угля. Чтобы восстанавливать промышленность и обеспечить ее развитие, срочно требовалось топливо. С угля начиналось возрождение экономики страны. Мы послали к ним опытных людей из Донбасса, партийных и профсоюзных работников, которые помогли быстро восстановить работу угольных шахт. Наших комсомольских руководителей Кадар просил помочь в организации молодежи, чьи кадры скомпрометировали себя: одни приняли участие в контрреволюционном мятеже, другие оказались дезориентированными и вели себя пассивно, утратив доверие со стороны рабочих. Нужно было оказать помощь в обучении свежих людей. Потом Кадар, когда разговаривал со мной, в шутку называл советников «полковники», профсоюзников – «майоры», комсомольцев – «лейтенанты». Вообще он человек с чувством юмора.

В венгерских высших кругах наблюдалось изрядное замешательство. Многих затронули аресты, и не только на самом верху, но и пониже. Поэтому люди осторожно прислушивались к новостям: очень свежей еще оставалась память о Ракоши. Всегда, когда страна переживает такое потрясение, это сказывается болезненно. Венгерская армия тоже оказалась деморализованной. Она не участвовала в контрреволюции, но отдельные офицеры поддались на агитацию. Небольшое число, но зато выступали активно. Да и после разгрома контрреволюции некоторые лица еще долго колебались. Новое правительство потребовало, чтобы люди определили свое политическое отношение к событиям и дали бы заверения, что будут честно служить народу и выполнять решения правительства. Некоторые офицеры отказались от принятия присяги, тем самым автоматически произошло очищение армии от элементов, которые не полностью принимали социалистическое строительство. Армия стала по численности меньше, но по качеству более организованной и сильной.

Несмотря на вопли буржуазной прессы, на обвинения СССР в том, что мы подавили революцию, жизнь быстро входила в колею. Советская Армия вернулась в казармы. Мы дали строгое указание не вмешиваться во внутренние дела Венгрии, в функции ее правительства и партийного руководства. Когда я приехал в Венгрию, то собрал там наш командный состав и разъяснял правильную линию, рекомендуя, каким должно быть поведение

наших воинских частей, прежде всего командиров. Солдаты ведь находятся в казармах, но офицеры пользуются большей свободой передвижения. Мы обратились к офицерам с просьбой не мозолить глаза венграм, особенно в первое время после ликвидации мятежа, не появляться на улицах, чтобы не давать пищу для агитации врагам.

А СССР тем временем срочно занялся помощью Египту, ликвидацией военной акции Великобритании, Франции и Израиля. Предложили Эйзенхауэру, чтобы США вместе с СССР выступили против тройственной агрессии. Одновременно составили письма в адрес премьер-министра Великобритании Идена, премьер-министра Франции Молле и премьер-министра Израиля Бен-Гуриона, предупредив их, что есть страны, которые могут встать в поддержку Египта и оказать ему помощь, даже не посылая своих войск, поэтому мы предлагаем немедленно прекратить агрессию[225]. Говорят, что Ги Молле в те дни не уезжал из своего кабинета домой ночевать, а когда получил наше послание, то в спальном белье побежал к телефону звонить Идену. В штанах ли он поднимал трубку или без, сути дела не меняет. Главное, что через 22 часа после получения нашего предупреждения агрессия была прервана.

Когда создалось критическое положение в Польше и Венгрии, породившее для нас трудности, дипломаты Англии и Франции не первого ранга, встречаясь с сотрудниками наших посольств в своих столицах за чашкой кофе, высказывали такую мысль: «Мы с пониманием относимся к сложностям, которые возникли у вас в Польше и Венгрии. А вот у нас трудности с Египтом. Давайте негласно договоримся: вы своими средствами ликвидируете свои трудности, но не мешайте и нам». Видите, как империалисты хотели воспользоваться событиями, чтобы лишить нас возможности подняться в защиту египетского народа против колонизаторов. Но мы быстро справились со сложностями, развязав себе руки. И наш голос в защиту Египта оказался настолько мощным, что вынудил прекратить агрессию. Мы были рады, что у Идена и Ги Молле хватило мужества оборвать войну, которая и для Советского Союза стала своеобразной исторической вехой. Раньше считалось, что тот регион принадлежит Англии. Недаром, когда король Египта Фарук[226] обратился к Сталину с просьбой дать оружие для борьбы против Англии, Сталин отказал, высказав мнение, что там сфера влияния Великобритании и нам нечего совать туда нос. Мы же публично выступили против агрессоров, сами пригрозив им и заявив, что не можем оставаться безучастными и нейтральными. Теперь с нами на Ближнем Востоке стали считаться.

Возвращаюсь к Венгрии. Весной 1958 года я выехал туда по приглашению правительства и ЦК ВСРП[227]. Было уже тепло. Когда я приехал, Кадар сказал, что на площади организуется митинг. Неподалеку оттуда размещалось посольство США. В нем долго проживал кардинал Миндсенти[228], глава католической церкви Венгрии, занимавший враждебную позицию в отношении социализма. Он представлял самое реакционное крыло контрреволюционных сил, которые действовали в 1956 году. Поэтому мы особое значение придавали этому митингу, не сомневаясь, что и Миндсенти, и американский посол будут наблюдать за ним и, может быть, слушать речи. Хотя им было достаточно агентов, которые присутствовали на митинге и записывали все, что там говорилось. С другой стороны, митинг привлекал всеобщее внимание еще и тем, что, когда стало известно, что я выезжаю в Венгрию, американские журналисты раструбили, что Хрущев носа на улицу не высунет. Если же станет расхаживать по улицам, как он имеет привычку делать, приезжая в другие страны, то это может выйти ему боком: венгры ему не простят применения воинской силы.

Венгерские товарищи открыли митинг. Я там был и выступил. В своей речи упрекал рабочих Венгрии и интеллигенцию за то, что они допустили контрреволюционный мятеж. Особенно адресовался, конечно, к рабочему классу.

На общегородской митинг собралось очень много народу. Кадар показал мне на балкон американского посольства: там стоял посол, а рядом – Миндсенти. «Товарищ Кадар, давайте, когда закончится митинг, сойдем с трибуны и пойдем в толпу», – сказал я. «Народу слишком много», – заколебался он. «Вот и хорошо, что много, пусть американцы посмотрят: они говорили, что Хрущев носа не высунет на улицы Будапешта. Так пусть увидят, как Хрущев и Кадар прямо с трибуны сошли в толпу и смешались с ней. Это будет полезно для прояснения тумана в головах недоброжелателей, для промывки мозгов». Так мы и поступили. Кончился митинг – мы сошли с трибуны и пошли прямо через газон. Это произвело хорошее впечатление и отрезвляюще подействовало на тех журналистов, которые разжигали враждебность, стремясь поссорить СССР с Венгрией. Мы преподали славный урок врагам социализма.

Потом состоялось собрание на крупном заводе. И там я тоже держал речь перед собравшимися, доказывал правильность наших действий. Многие венгры, выступившие на митингах, выражали благодарность СССР и Советской Армии за то, что они выполнили интернациональный долг и помогли ликвидировать контрреволюционный мятеж, порожденный злоупотреблениями

властью со стороны сталинистов. Сталин допустил злодеяния в Советском Союзе, а потом через своих советников ту же политику стал проводить и в Венгрии. Могут сказать: «Ну и что же? Подобрали нужных ораторов». Но если судить не по словам, а по выражениям лиц, то будет видно, что митинги проходили с большим подъемом собравшихся. Люди одобряли мероприятия, которые проводились новым руководством Венгрии.

Затем мы с Кадаром поехали в шахтерский район Венгрии, к угольщикам[229]. Кадар когда-то работал там партийным руководителем в подполье во время войны, там его и арестовали. Теперь там состоялся большой митинг, но уже особый. Рабочие-шахтеры всегда проявляли бóльшую революционность, и я, выступая, ссылался на это и упрекал их. Говорил и о своем прошлом: «Мне, как бывшему шахтеру, стыдно за вас, за своих братьев-шахтеров Венгрии, которые не разобрались в деле и не возвысили своего голоса против контрреволюции». Шахтеры не принимали активного участия в мятеже, но и не выступили активно против, были деморализованы. В ответ выступали многие шахтеры и извинялись, каялись, что допустили такой политический промах.

Потом мы поехали на место строительства металлургического завода на Дунае[230] на наши кредиты и с поставкой нашего оборудования. Тогда этот город называли Сталинварош, потом он стал именоваться уже без имени Сталина[231]. Митинг в нем на открытой площади тоже прошел блестяще. А мы, где бы ни собирался митинг, разоблачали происки контрреволюции, мирового империализма, попытавшегося реставрировать капитализм в Венгрии; говорили о том, что действия, предпринятые под руководством нового правительства и ЦК ВСРП, возглавленного товарищем Кадаром, – в интересах социализма, в интересах рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Наши слова находили одобрение у слушателей.

Кадар попросил меня встретиться и с представителями интеллигенции. Беседа с ними подтвердила, что интеллигенция с разбором относится к необходимости проведенных мероприятий: в среде интеллигенции мы находили тогда меньше понимания. Однако тучи, собравшиеся над Венгрией, постепенно рассеивались. Когда положение стабилизировалось, венгерские товарищи договорились с румынскими и вернули Надя к себе в страну. Состоялся судебный процесс над ним. Надь был осужден и лично поплатился за жертвы, вызванные осенним путчем. В результате этого у нас вновь охладились отношения с Югославией. Я очень сожалел о том, но ничего не мог поделать.

Я не обвиняю югославов в том, будто они пытались способствовать реставрации капитализма в Венгрии. Нет, это глупость. Югославы хотели сбросить руководство Ракоши, чтобы новое руководство установило бы с ними дружеские, добрососедские отношения. Кроме того, Тито с товарищами претендовали на вполне определенную ведущую роль в коммунистическом движении после разоблачения злодеяний Сталина. Я так считал, во всяком случае.

Конечно, когда реакционные силы, преследуя свои цели, хотели восстановить капитализм в Венгрии, здесь были затронуты и интересы Югославии как социалистического государства и как соседа Венгрии. Поэтому, когда мы сказали, что хотим предпринять вооруженную акцию против контрреволюции, Тито, не задумываясь, поддержал нас. Налицо противоречивость в позиции югославов, но это факт.

Вот как я оценивал тогда происшедшее. И сейчас, уже доживая свой век пенсионером, я считаю, что наши действия были предприняты правильно, в интересах революционного движения, в интересах коммунистического движения, в интересах борьбы против реакции, за социализм, за коммунизм!

В Венгрии советских войск оставалось теперь немного. Когда мы стали заниматься сокращением нашей армии (а мы сократили ее почти вдвое по сравнению с тем, какой она была при Сталине), то уменьшили количество войск и в Венгрии. Потом мы пришли к заключению, что можно вообще вывести войска из Польши и Венгрии. И вывели оттуда «особое оружие». А в Чехословакии, Румынии и Болгарии у нас не имелось войск. Таким образом, в прежнем качестве у нас оставались войска только в ГДР. Каждому ясно почему.

А насчет Венгрии я специально говорил с Кадаром: «Товарищ Кадар, вы не задумывались насчет пребывания наших войск в Венгрии? Мы считали бы возможным вывести их. Как вы решите, так мы и сделаем». – «Товарищ Хрущев, решайте сами, – ответил он. – Одно вам могу сказать: никаких разговоров у нас сейчас в отношении пребывания ваших войск нет. Нет негативных настроений. Венгров беспокоит другое: как бы вы не вернули нам Ракоши». Ракоши в то время жил в СССР. Существовали ли у них какие-то люди, которые симпатизировали Ракоши и сожалели о его падении? Да, особенно в партии. Не знаю, насколько они многочисленны, но имелись. Вот и в Советском Союзе то же самое: мы осудили культ Сталина, а есть ли в КПСС люди, которые подают голос за него? К сожалению, есть. Живут еще на свете рабы, живут и его прислужники, и трусы, и иные: «Ну и что же, – говорят они, – что столько-то миллионов он расстрелял и

посадил в лагеря, зато твердо руководил страной».

Да, есть люди, которые считают, что управлять – это значит хлестать и хлестать, а может быть, даже захлестывать. И в Венгрии тоже такие люди были. К счастью, абсолютное большинство венгерского народа стояло за то, чтобы не вернулось ни то, что происходило при Ракоши, ни сам Ракоши.

Наши войска располагались в Венгрии на границе с Австрией. «А где еще стоят ваши войска?» – спросил меня Кадар. «В Польше и Германии, – ответил я. – О выводе их из ГДР не может идти и речи. Вывести их оттуда можно только на основе соглашения с нашими бывшими партнерами по войне против гитлеровской Германии, иначе говоря – с нашими антиподами. Такую акцию можно будет предпринять только после создания в мире положения, исключающего возможность новой мировой войны». – «А как относятся поляки к идее вывода?» – «С поляками я еще не говорил, – отвечаю. – Мы хотели сначала с вами поговорить, а уж потом с поляками».

С польским руководством мы на эту тему тоже порассуждали. Я беседовал о том с Гомулкой, и мы довольно основательно сократили свои войска в Польше, почти наполовину. Могли бы и целиком вывести их оттуда. Тем более что развились средства транспорта, и в случае военной нужды мы могли с их помощью быстро перебросить войска, куда нужно. Содержание войск за границей СССР имеет и негативное политическое значение: мы ведь не хотим, чтобы о нас говорили, что мы не доверяем братским народам, считающимся нашими союзниками. Дело – в идее социализма. Поляки, венгры и другие строят социализм в собственных интересах. В нем заключается главная привлекательная сила. Так что дело не в страхе перед войсками СССР. Под угрозой страха нельзя гнать в рай. Люди сами должны искать путь к лучшему будущему. И они пойдут по такому пути. Этот путь не простой, а сложный, но единственно правильный. Наконец, полезно было бы вернуть домой наши войска и по экономическим соображениям. Их содержание за границей обходилось очень дорого. Наконец, их вывод оздоровит положение и укрепит позиции коммунистов Польши и Венгрии. Перестанут кивать на то, что там стоят советские войска и в результате народы вынуждены терпеть существующую власть. Вот мы и хотели отнять такой козырь пропаганды у врагов.

Когда я высказал все это Гомулке, он стал возражать. Оказалось, что Польше экономически выгодно получать от нас валюту за пребывание там советских войск. Но с другими поляками я на эту тему не говорил. Раз Гомулка столь определенно выразил свое несогласие, вопрос отпал, и мы не

стали его форсировать, не хотели оказывать давление ни в какую сторону, создавая шероховатости в наших отношениях с польским руководством. Попутно вспомнил об обстоятельствах вывода наших войск из Румынии. Однажды, вскоре после смерти Сталина, мы беседовали на данную тему с румынскими товарищами. Тогда военным министром Румынии, кажется, был Боднэраш[232]. Он очень хорошо относился к Советскому Союзу, старый коммунист, прошедший румынские тюрьмы. Мы к нему испытывали абсолютное доверие. «Как вы отреагируете, если мы попросим вывести советские войска из Румынии?» – неожиданно поднял он вопрос. Я тогда отреагировал болезненно, даже погорячился. Мы еще находились под влиянием идей, навеянных сталинской политикой. Разговор происходил до 1956 года, то есть до того, как мы разобрались во всех злоупотреблениях властью, допущенных Сталиным, и пока еще преклонялись перед всем сталинским. Но спустя некоторое время вернулись к поставленному вопросу и вывели из Румынии свои войска.

Чехословацкие друзья

С чехами я впервые столкнулся в 1915 году, когда трудился слесарем на электростанции Пастуховского рудника около Юзовки. На руднике работали главным образом военнопленные из австро-венгерской армии, по своему национальному составу очень пестрые: среди них были чехи, словенцы, венгры, итальянцы, немцы. Помню Вельмана, австрийского немца, унтер-офицера. Военнопленные жили довольно свободно, так же как русские рабочие. Их разместили в больших общежитиях, которые шахтеры называют балаганами. Мне, как слесарю, порой требовались подсобники. В зависимости от того, какая работа выполнялась, инженер Фролов выделял нужное их число, чаще всего военнопленных. Почти постоянно со мной работал пленный венгр Альберт Поп, крестьянин из Трансильвании, хороший и приятный человек. Поп говорил, что Вельман (объяснялись мы мимикой и отдельными словами) – плохой человек, что он все записывает, а когда они вернутся в Австро-Венгрию, он будет докладывать это начальству. Одним словом, выполнял шпионские функции.

Там была территория Войска Донского, поэтому полицейскую охрану несли казаки. Они находились возле балагана, вооруженные револьвером и шашкой, и вели какой-то учет, довольно примитивный и нестрогий, потому что пленные уходили совершенно свободно за поселок погулять в поле. Приходили назад, тоже когда хотели. Время сна и отдыха не было нормировано. Имели место случаи, когда я уходил из поселка на Пастуховку к своим родным, а в квартире оставался военнопленный, который ночевал у меня и сторожил дом, чтобы не обворовали. Он мог не ночевать у себя по две-три ночи, в зависимости от того, сколько дней меня не было. Я уходил за 25 верст от дома, когда посещал родителей. Отец работал тогда на шахте Успенская. Идти в воскресенье – слишком далеко: ведь пешком придется проделать туда и обратно путь в 50 верст. Поэтому такое посещение я мог себе позволить, только если не работал подряд три дня: в Пасху и на Рождество, большие праздники, в которые не работали порой и по пять дней.

Чехов у нас среди военнопленных было мало, всего двое. Они со мной работали непостоянно. То были интеллигентные люди с каким-то техническим образованием, резко выделявшиеся своей внешностью, аккуратностью и собранностью. Я с большим уважением относился к ним. С ними мне было и легче беседовать, потому что чешский язык – тоже славянский. Если мы вели беседу

не спеша и с расстановкой, то понимали друг друга. Говорили не только о работе. В ней то, что нужно сделать, помогая мне, они видели сами. В чем должна заключаться их работа, эти умные, культурные люди понимали. Беседы шли о войне, и говорили главным образом чехи. Они сдались в плен сами, не были захвачены в плен, а использовали возможность перехода на сторону России. Я знаю подобное и по второй мировой войне, когда встречался с небольшим числом чехов, которые служили в армии Гитлера. Помню, например, случай, когда на Южном фронте чех сам перешел к нам. Наши военные доложили мне, что взяли пленного. Когда же его привели, он мне рассказал, что решил перейти к нам, воспользовавшись ночной темнотой, с пулеметом в руках, и еле-еле нашел наших, чтобы сдаться в плен. Потом мы шутили, как иной раз «берут в плен», а пленный сам ищет, кому бы сдаться. А в боевых условиях докладывают, что, дескать, рискуя жизнью, захватили пленного.

Те два чеха, пленные с 1915 г., рассказывали о народном движении в Чехии, о славянофильстве, сильно развитом там. Еще тогда называли мне имя Масарика[233]. Они очень нравились мне, и я любил приглашать их к себе домой, угощать чаем с вареньем. Потом, чтобы ответить на мою любезность, они предложили: «Господин Хрущев, если желаете, мы можем организовать занятия на дому и обучить вас техническому черчению». Я, как слесарь, нуждался в этом, то была моя мечта, и ответил, что с удовольствием воспользуюсь их любезностью. Они дали мне несколько уроков, но в течение короткого времени, ибо вскоре их куда-то услали, когда стали собирать пленных чехов в воинские части для организации особого корпуса[234]. Так я потерял связь с ними, но они оставили добрый след в моей памяти. Эти люди называли себя нашими братьями и говорили, что не хотят воевать с нами, а желают жить в дружбе. Правда, то был разговор общего характера, далекий от понимания интернационального классового братства и основывавшийся на идее всеславянской близости.

Должен сознаться, что прежде о славянофилах я ничего не слышал, хотя к этому времени уже был читателем пролетарских газет. Первое мое приобщение к чтению социал-демократических изданий произошло, когда я работал учеником на машиностроительном заводе Боссе. Сначала стал читать большевистскую «Звезду», потом большевистскую «Правду». Затем и лично общался с социал-демократами, но скорее на базе понимания необходимости объединения рабочих против фабрикантов. В теоретических основах марксистского учения я разбирался слабо. В 1922 году меня хотели назначить

управляющим рудниками, но я отказался, так как просил уездный партийный комитет послать меня учиться на рабочий факультет в Юзовке. Чтобы добиться желаемого, мне пришлось затратить много усилий. Секретарем укома был у нас будущий заместитель председателя Совета Министров СССР Авраамий Павлович Завенягин. У меня сложились с ним приятельские отношения, и в конце концов я его уговорил и был освобожден от выполнения решения укома РКП(б) принять дела управляющего рудниками Щегловского куста, где когда-то работал. Там я в 1914 году трудился на шахте Горшкова, названной «Альберт» по имени его сына, а в 1915 году перешел за четыре версты от нее на электростанцию рудников шахты Пастухова.

В годы Гражданской войны я по газетам узнал, что организованы чешские воинские соединения. Их использовали враги Советской власти против Красной Армии[235]. Но на фронте я с ними не сталкивался, а детали о них прочитал в книге Фурманова «Чапаев»[236]. Однако ряд чешских интернационалистов поддержали нашу революцию. Следующая моя встреча с представителями чешского народа напрямую состоялась в 1935 году, когда я работал секретарем Московского городского и областного партийных комитетов. Тогда в Москве собрался VII конгресс Коминтерна. Я являлся одним из делегатов от ВКП(б) на этом конгрессе. Когда его заседания закончились, состоялось решение ЦК партии о том, что Московская парторганизация устроит обед для членов конгресса. Я был хозяином стола, своеобразным тамадой и знакомился с делегатами – представителями братских компартий.

Там впервые познакомился с Готвальдом[237]. До того я знал о нем по сведениям печати, но лично не встречался. В помощь мне для руководства столом я предложил избрать помощника тамады, который обладал бы, во-первых, качествами коммуниста, то есть умел постоять за себя и своих товарищей; во-вторых, чтобы хорошо знал присутствующих – участников обеда. И предложил самую лучшую, как я считал, кандидатуру – Дмитрия Захаровича Мануильского[238]. Все зааплодировали, приняв эту кандидатуру. Мануильский был очень остроумным человеком, и я попросил его сесть рядом со мной, чтобы передать ему бразды правления. Когда мы с ним впоследствии вместе работали на Украине, где он был министром иностранных дел УССР, то он часто напоминал мне об этом эпизоде. Дмитрия Захаровича я всегда вспоминаю с теплым чувством. Он любил выпить, но в меру, и я никогда его не видел не только пьяным, но даже хмельным.

Вот за тем столом к нам подошел Кашен[239], которого я знал

лишь заочно, и мы познакомились. Они с Мануильским обнялись и расцеловались, причем Кашен что-то доказывал, и видно было, что это смущает Мануильского. Оказалось, француз немножко выпил лишнего и убеждал всех, что Мануильский является отцом Коммунистической партии Франции. Полагаю, что в этом заключалась большая доля правды, потому что Дмитрий Захарович долго жил эмигрантом во Франции, в совершенстве владел французским языком и, выполняя потом поручения Коминтерна, приложил свои способности при организации КПФ.

Но лучше всех из присутствовавших зарубежных коммунистов я знал товарища Тольятти[240]. Он часто выступал со статьями в нашей печати и с докладами в Московской городской парторганизации. Там же, как уже упоминал, я познакомился с Готвальдом и его женой. Она произвела на нас немного странное впечатление. Мы все тогда жили аскетически. Это выражалось и в одежде, и в манере держаться. А она пришла в дамских украшениях и, на наш взгляд, была подвержена мелкобуржуазному влиянию. Готвальд же пользовался высоким уважением и имел солидный авторитет.

Напрямую встала передо мной чехословацкая проблема в 1938 году, когда я был членом Военного совета Киевского Особого военного округа. У СССР существовал договор с Чехословакией, согласно которому мы были обязаны оказать ей военную помощь при условии помощи ей со стороны Франции[241]. Когда нависла германская угроза над Чехословакией, мы получили приказ вывести из казарм войска и в боевой готовности продвинуться к польской границе, в направлении Львова. То был самый короткий путь до Чехословакии, через Южную Польшу. Кончилось дело тем, что в Мюнхене французы и англичане предали Чехословакию, и вскоре Гитлер без войны присоединил ее к своему рейху. Польша же тогда категорически отказалась пропустить наши войска через свою территорию, тем более участвовать в совместных с СССР действиях против агрессора. То была любезность польского правительства германскому: министр иностранных дел Польши ездил в Берлин[242], а из Берлина фашистские руководители приезжали в Польшу, демонстрируя дружбу между Польшей и Германией. Тактика германских фашистов – бить жертвы поочередно – проводилась в жизнь довольно искусно. Первой жертвой пала Судетская область Чехословакии, населенная большим количеством немцев. Затем пала и вся Чехословакия. Вскоре такой же участи подверглась и Польша.

Наши люди побывали в Праге после оккупации ее немцами и рассказывали о своих впечатлениях. Чехи ходили, как осенние

мухи: глаз от земли не могли оторвать – такой переживали они траур. Конечно, наши им сочувствовали, понимая бедствие Чехии. Словакия же была выделена в отдельное государство как союзник гитлеровской Германии. А спустя 5 лет я бок о бок воевал вместе с чехами на общем фронте, когда в составе Красной Армии сражался чехословацкий отдельный батальон под командованием полковника Свободы[243]. Он отличился под Харьковом, в деревне Соколово. После освобождения Харькова мы с генералом Ватутиным приехали к чехословакам. Из батальона формировалась бригада, полковника Свободу вызвали в Москву, и мы без него поговорили с командным составом воинской части и познакомились с ее бойцами.

На меня эта бригада производила хорошее впечатление. Там было, в частности, много людей, в совершенстве знавших украинский язык, ибо они являлись выходцами из Закарпатья, которое перед Второй мировой войной входило в состав Чехословацкого государства, а коммунисты Закарпатской Руси числились в составе Коммунистической партии Чехословакии. Несколько позже я познакомился и со Свободой. Согласно Конституции, в воинских частях Чехословакии запрещалось создавать политические партии, и коммунистическая организация в той бригаде находилась как бы на нелегальном положении. Оно было такого порядка: Свобода вызывал руководителя парторганизации, рассказывал о задаче, стоящей перед частью, и говорил, какую политработу нужно провести среди ее воинов. Так что фактически парторганизация работала в открытую. Да иначе не могло и быть. Ведь эта бригада вместе с нашими войсками участвовала в боях против гитлеровцев и на советской земле. Конкретно на моих глазах бригада, затем 1-й Чехословацкий армейский корпус во главе со Свободой отличились при наступлении на Украине в 1943 году при освобождении Киева и далее в Предкарпатье.

Когда наш фронт перевалил через Карпатские горы, освобождая Закарпатскую Русь, в ней руководил общественными делами Иван Иванович Туряница[244], из местных украинцев, рьяно проводивший линию на воссоединение Закарпатья с УССР. На встрече с партактивом Закарпатской области, в ту пору независимой республики, которая уже не признавала чехословацкое государственное руководство, но еще не была в составе Советской Украины, я познакомился с чехами-коммунистами, прибывшими на собрание и тоже настаивавшими, чтобы Закарпатье включили в состав Украины. Потом так и свершилось, но решалось это уже в Москве, где договаривались с эмигрантским руководством Чехословакии. Когда было

сформировано новое правительство Чехословакии, оно уезжало к себе через Киев. Я принимал его там и содействовал ему в проезде через территорию Советского Союза на освобожденную нашими войсками землю Чехословацкого государства.

Тогда послом Чехословакии в СССР был Фирлингер[245], из социал-демократов, позднее ставший коммунистом. Он понимал необходимость укрепления прочной дружбы с Советским Союзом. Не знаю его личную судьбу после событий 1968 года в Чехословакии, но я считал его честным и порядочным человеком. Хотя помню и такой неприятный эпизод: Сталин выражал недоверие к нему. Основание для Сталина очень убедительное: женой Фирлингера являлась француженка. У меня лично не существовало никакого сомнения относительно ее политической честности, но тогда это висело над нею угрозой. Сталин ее пощадил, ее не арестовали; соответственно не был скомпрометирован и Фирлингер, но встречи с ее участием оставляли из-за сталинских подозрений определенный осадок. Готвальда я знал не очень хорошо. Правда, однажды я встречался с ним в Крыму. Мне позвонил Сталин. Чувствовалось, что он пребывает в хорошем настроении. Он пригласил меня (а значит, приказал) приехать в Крым: «Приезжайте, как только сумеете, здесь Готвальд, а он никак без вас не может жить и требует, чтобы вы обязательно приехали». На следующий день я был в Крыму, Сталин жил там в царском Ливадийском дворце, где в 1945 году проходила Ялтинская встреча между ним, Рузвельтом и Черчиллем. В этом же дворце поселился Готвальд. И меня разместили там. Огромный дворец имел и «свитский» дом, для размещения свиты царя, когда он приезжал в Ялту.

Наши беседы велись главным образом за обедами. Присутствовала и жена Готвальда. Беседы носили характер как случайный, так и целенаправленно политический. Сталин не мог удержаться от того, чтобы не споить людей, которые вместе с ним обедают. Спаивал он и Готвальда, но тот и сам имел склонность к вину. Тут Сталину не требовалось больших трудов. Наоборот, надо было удерживать Готвальда, беречь его здоровье. Его жена, очень крупная внешне женщина, знала эту слабость мужа, да и сама любила выпить. Поэтому часто, когда Сталин наливал, она, считая рюмку лишней для ее мужа, заявляла: «Разрешите, товарищ Сталин, я выпью за него и за себя». Тут начинались в этой связи шутки-прибаутки, но это не освобождало Готвальда от следующего «захода», и он часто напивался больше, чем следовало бы. Видимо, организм его был уже ослабленным, и он довольно легко поддавался опьянению.

Из бесед, которые заслуживают здесь внимания, помню

такую. Готвальд поставил перед Сталиным следующий вопрос: «Почему ваши люди в Чехословакии воруют технические секреты? Тащат все, что только можно стащить. Мы ведь это видим, и это нас обижает, оскорбляет. У нас от вас нет секретов. Если вы нуждаетесь в каких-либо технических новинках или проектах, то скажите, мы все дадим сами, это будет куда лучше. Мы, товарищ Сталин, не только секреты от вас не хотим сохранять, а вообще согласны немедленно войти в состав СССР. Давайте заключим договор о вхождении Чехословакии в состав Советского Союза». Сталин сразу же отверг это предложение. Он категорически возразил и, я считаю, сделал правильно. Что касается технических секретов (а такое имело место), то особенно и не отрицал, отговаривался: «Да, все возможно, все возможно».

В другой раз Сталин стал меня спрашивать: «Правильно ли говорит Готвальд, что у них получают урожай сахарной свеклы по 250–300 центнеров с гектара, а на Украине до войны урожай был по 150–160 центнеров в среднем?» – «Да, верно, товарищ Сталин». Для него это оказалось совершенно новой информацией, он не понимал, как такое возможно. Я пояснил: «Не только в Чехословакии, но и в Польше урожаи сахарной свеклы значительно выше, чем на Украине. Наши агрономы сообщали, что в Чехословакии и Польше нет злостного вредителя-долгоносика, который пожирает посевы сахарной свеклы. Кроме того, Польша и Чехословакия лучше увлажняются в летнюю пору, чем свеклосеющие районы Украины. Их посевы имели небольшие площади, а хозяйства были единоличными и лучше обрабатывались, лучше удобрялись. Мне неизвестно, насколько больше у них минеральных удобрений под сахарную свеклу, что тоже имеет значение, но органику в виде навоза они широко кладут под посевы».

Главное же заключалось в качестве обработки. У нас в колхозах, где есть хорошие звенья, как у Марии Демченко[246], тоже получали по 500 центнеров с гектара. Баснословные урожаи по тому времени! Эти люди были награждены орденами Ленина за свой героический труд, но такие урожаи оставались у нас единичными. Сталин был огорчен таким известием, он очень хотел продемонстрировать Готвальду преимущества социалистического ведения хозяйства и колхозного строя. Где там этим чехам до нас? Поэтому он велел мне вести диспут по вопросу сельского хозяйства с Готвальдом. Однако я сразу ему заявил, что по такому вопросу диспут не может состояться, так как знаю, что чехи ведут хозяйство на более высоком уровне и, в частности, урожаи сахарной свеклы у них значительно выше, чем у нас.

Когда мы потом встретились за столом и обменялись мнениями на этот счет, Готвальд весь сиял оттого, что он оказался прав и сказал Сталину правду. Тем более, что у нас самые высокие урожаи сахарной свеклы собирались на Украине, а в РСФСР, за исключением Кубани, – вполовину ниже.

В то время сталинская метла репрессий уже прошлась по многим братским странам, но пока еще не затронула вплотную Чехословакию. Сталин направил свое недовольство в эту сторону, заявил Готвальду: «А как у вас обстоит дело с чисткой? У вас, наверное, плохо работают чекисты, так что вы не видите своих врагов?» Готвальд смело ответил: «Товарищ Сталин, у нас в партии нет предателей, и я объясню почему. Наша партия была сильна до войны. В капиталистической Чехословакии она оставалась легальной, так что врагам не было особой необходимости засылать в нее свою агентуру, они и так все знали: собрания проходили открыто, партработа велась открыто, так что и друзья, и враги знали буквально о всех шагах компартии». Этот ответ страшно разобрал Сталина, и в отсутствие Готвальда он сказал в нашем кругу: «Какой слепой котенок этот Готвальд, не понимает, что внутри партии не может не быть врагов!»

Конечно, враги существовали, но Готвальд считал, что это классовые враги, то есть достаточно той классовой борьбы, которая проводилась в Чехословакии. Она успешно приведет к победе рабочего класса. Однако Сталин предложил Готвальду взять наших советников-чекистов, сказав, что у них есть должный опыт и они помогут в разоблачении затаившихся врагов. Готвальд согласился с предложением, да и не мог не согласиться, иначе несогласие означало бы вызвать полное к себе недоверие у Сталина, что было бы еще хуже. Советники были посланы. В других странах они уже крепко «поработали» над уничтожением честных кадров. И вскоре начали поступать в Москву «материалы» на отдельных руководителей Чехословакии. Поступили доносы на Сланского[247] и ряд других товарищей. Сланского я лично не знал, но мне было известно, что он как Генеральный секретарь ЦК КПЧ пользовался доверием и уважением и в партии, и в народе. И вдруг из него сделали «врага народа».

Получив такие данные, Сталин торжествовал: он был прав, а Готвальд, который доказывал Сталину, что у них нет врагов народа, оказался действительно котенком, который не чувствовал, как у него под носом проводили вражескую работу. Тут Готвальд сдался, и в Чехословакии тоже заработала мясорубка наподобие нашей предвоенной. Вскоре Сталин умер.

На похороны Сталина[248] приехала делегация чехословацкого правительства во главе с Готвальдом. На этих

похоронах он сильно простудился, заболел и вскоре умер. На его похороны от нас поехал Булганин, как министр обороны СССР. Кончина Готвальда породила в нас тревогу. Ведь он являлся главной фигурой в дружественных отношениях наших партий и наших государств. Готвальду мы верили и считали, что это надежная связка. Его преемником в качестве президента назвали Антонина Запотоцкого[249], старого коммуниста, из бывших социал-демократов, проверенного человека, не вызывавшего никакого сомнения. Зато нас смущал министр обороны Чепичка[250], сменивший на этом посту Свободу в 1950 году. Он был женат на дочери Готвальда, чем ловко пользовался. Имел юридическое образование. Когда он был назначен министром обороны (это было еще при жизни Сталина), то стал проявлять сверхактивность. Сталин относился к нему с доверием.

Чепичка был «пробивным» человеком, с хорошо подвешенным языком, умел ловко доложить, провести полезную беседу и произвести соответствующее впечатление на собеседника. А генерал Свобода был освобожден от прежнего поста заместителя главы правительства. Когда же в Чехословакии после смерти Сталина и Готвальда пришло новое руководство, мы по справедливости начали относиться к Чепичке просто как к карьеристу. Полагали, что больше всего его прельщают военная форма и положение министра. Мы высказали свое мнение пражскому руководству. На X съезд КПЧ[251] была послана советская делегация. Ее предложили возглавить мне, и я, присутствуя на заседаниях съезда, заметил, сколь весомым авторитетом пользуется Чепичка в Политбюро.

Еще при подготовке к визиту мы обсуждали вопросы, с которыми наша делегация могла столкнуться в Чехословакии, и я высказал пожелание встретиться с генералом Свободой, так как полагал, что он незаслуженно находится в опале и работает где-то кем-то вроде бухгалтера. Его можно использовать гораздо лучше, это крупный военачальник. Следует вновь поднять его авторитет и вернуть его к активной деятельности в государстве. Мне было бы просто неудобно и стыдно, приехав в Чехословакию, не встретиться с человеком, который воевал в составе нашего 1-го Украинского фронта, где я был членом Военного совета, а он – моим подчиненным, и вдруг я забыл его? А вел он себя достойно, был награжден орденом Ленина, так что не встретиться с ним для меня было бы неприлично. Со мной согласились мои коллеги, и мне был дан соответствующий наказ с поручением заехать к нему, пожать руку, вручить ему наши подарки национального характера – икру и тому подобные сувениры.

Новым партийным лидером в Чехословакии стал товарищ

Новотный, прежний первый секретарь Пражского партийного комитета. С ним я прежде не был лично знаком. Он занял тот пост генсека, который до своего ареста занимал Сланский. Контакты у меня складывались хорошие, как и с министром внутренних дел Бараком[252], который был большим другом Советского Союза. Потом и он был арестован, и его осудили, когда Новотный[253] уже находился в составе руководства. Я, признаться, очень жалел Барака, но ничего не мог сказать в его защиту, потому что на суде приводились такие факты, которые нельзя было игнорировать. Кроме того, мы старались осторожно относиться к вопросам внутренней политики каждой компартии. Поэтому если нас о чем-то информировали, а мы не были согласны, то хотя иной раз и высказывали свои сомнения, однако чаще всего обходили эти вопросы.

А пока что я сказал чехословацким друзьям, что хочу встретиться с генералом Свободой, спросил, не имеют ли они чего-либо против встречи, и начал доказывать, что мне неприлично с ним не встретиться, не нанести ему визит. Мое пожелание было встречено довольно энергичным протестом, а энергия была направлена на доказательство того, что Свобода не заслуживает политического доверия и не заслужил другого отношения к себе. Какие же это были доводы? С большим «пристрастием» в отношении Свободы вел себя Чепичка. Но его горячность для меня не была доказательством. Понятно, что воскрешение авторитета Свободы как военного профессионала, воевавшего в составе советских войск против гитлеровской Германии, могло угрожать положению, которое занимал Чепичка. Однако Новотный и Запотоцкий тоже горячо выступили против Свободы. Один из их аргументов состоял в том, что во время переворота 1948 года, когда чехословацкая буржуазия хотела освободиться от влияния коммунистической партии, а рабочий класс, наоборот, сверг прежнее правительство, министром обороны был Свобода, так и оставшийся доверенным человеком президента Бенеша[254], не воспринявшим устремления компартии.

Тогда я сказал: «Относиться к делу надо более хладнокровно, видимо, все вы недостаточно поработали над тем, чтобы приблизить Свободу к себе. Я ставлю в крупную заслугу Свободе тот факт, что он не двинул армию против коммунистического переворота, следовательно, не поддержал буржуазное правительство и президента. Даже если он проявил какие-то колебания, то ничего не сделал и во вред перевороту, который проходил под руководством коммунистической партии. Поэтому надо его не изолировать, а, наоборот, приблизить, сделав из него

своего союзника, который участвовал бы в строительстве социализма под руководством коммунистической партии». Когда Чепичка, Новотный и другие опять стали резко возражать и я увидел, что они парируют мои слова, то добавил: «Это ваш внутренний вопрос, я ничего не могу вам навязывать, но просил бы с пониманием отнестись к моей личной просьбе: я хочу поехать к Свободе, пожать ему руку и передать подарок от себя и Советского Союза в знак признательности за его участие в войне с нашим общим врагом». Тут они не возражали, но отнеслись к идее довольно холодно. Это мне было неприятно, но все же я поехал.

Мне дали провожатого, и мы отправились куда-то на окраину Праги или за пределы города. Из небольшого домика вышел человек в штатском – Свобода, вместе с женой и девушкой-подростком. Я сердечно поздоровался, пожал ему руку, преподнес заготовленный сувенир, но, учитывая отношение руководства Чехословакии к моей поездке, в дом к нему не заходил. Все это мне было горько и обидно видеть и слышать. У меня не было достаточного доверия к словам его антагонистов, и я считал, что здесь ими проявляется непонимание. Вместо того чтобы вернуть такого человека в состав руководства, они его отталкивали. Впоследствии Свобода вступил в Коммунистическую партию, оставил бухгалтерскую работу и стал заниматься добровольными военными обществами. Видимо, здесь сыграло роль мое обращение к руководству Чехословакии, мои аргументы в пользу Свободы[255].

Вернусь к уже упоминавшемуся разговору с Готвальдом в Крыму. Сталин тогда поднял вопрос о том, не следует ли ввести наши войска в Чехословакию. Какая тому была причина? Разгорелась холодная война. Хорошие отношения с нашими союзниками, которые были созданы в результате совместных действий против гитлеровской Германии, разрушились. Президент США Трумэн[256] не обладал истинно государственным умом, а по отношению к СССР проводил злобную политику. О его личных качествах может свидетельствовать тот факт, что он дал пощечину журналисту, который критиковал его дочь как плохую певицу. И это – президент? Его страна позволяла себе тогда недопустимое. Самолеты США, нарушая границу, залетали на территорию СССР, а уж о Чехословакии и говорить нечего: они летали там каждый день, особенно над ее западными границами. Поэтому у Сталина возникла тревога, что войска США могут вторгнуться на территорию Чехословакии и восстановить буржуазное правительство, которое было свергнуто в 1948 году. Вот что толкало Сталина на ввод войск во все страны народной

демократии. Они уже располагались в Польше, Венгрии и Румынии, но их не было в Болгарии и Чехословакии.

Готвальд на идею Сталина отреагировал очень правильно: «Товарищ Сталин, ни в коем случае нельзя вводить войска СССР в Чехословакию, потому что это испортит всю “кашу” и создаст невероятные трудности для нашей коммунистической партии. Сейчас отношение к Советскому Союзу у чехов и словаков очень хорошее. Если будут введены войска, возникнет новое положение: мы как бы перестанем являться независимым государством. Ранее мы зависели от немцев, будучи в составе Австро-Венгрии и Германии. И опять утрата свободы? Я очень прошу не делать этого. Вот если будут нарушены американцами наши границы, тогда другой вопрос. Пока же этого нет, прошу войска не вводить». И Сталин согласился. Он тогда прощупывал, как станет реагировать Готвальд. А у него самого твердое решение еще не созрело, поэтому он ничего и не предпринял. Я полагаю, что это был правильный поступок, иначе советско-чехословацкой дружбе мог бы прийти конец.

Вплоть до кончины Сталина он данного вопроса вновь не поднимал. А мы с 1953 года и во время моего руководства СССР – и подавно, ни при президенте Запотоцком, ни когда его сменил на посту президента Новотный. Председателем Совета министров Чехословакии был Широкий[257]. Новотный говорил мне, что Широкий недоволен этим. Кажется, у них действовала договоренность между чехами и словаками, что один срок президентский пост будет занимать чех, а следующий срок – словак. Когда президентом был Готвальд, его воспринимали в таком качестве и чехи, и словаки. Затем президентом стал чех Запотоцкий. После Запотоцкого на данный пост претендовал словак Широкий. Но руководство, посоветовавшись в присутствии Широкого, опять выдвинуло чеха. Широкий же стал председателем Совета министров. Я ответил Новотному, что тут – их внутреннее дело. Кроме того, Новотный информировал нас о том, что Широкий находился в союзной Гитлеру Словакии в годы войны как коммунист на нелегальном положении, потом был арестован гестапо, сидел в тюрьме, бежал оттуда. У них складывалось в этой связи какое-то политическое недоверие к Широкому. Но я считаю, что если смотреть на любого человека предвзято как на неразоблаченного врага и думать, что он бежал с помощью гестапо ради внедрения в подпольное движение, то при желании можно отыскать любые «подтверждающие» данные. Если же относиться с доверием друг к другу, то с такой позиции я ничего плохого не замечал за товарищем Широким.

Но и Новотному у нас не было оснований выражать

недоверие, тем более что он высказывал не только собственное мнение, а и мнение какого-то круга людей в руководстве КПЧ. Говорю это к тому, чтобы уточнить атмосферу, которая создавалась вокруг Широкого, когда тот рассчитывал, что будет выдвинут в президенты. Может быть, он как-то проявлял недовольство, и это особенно повлияло на занявшего президентское кресло чеха Новотного. Тут сложный вопрос, над которым я тогда особенно и не задумывался, считал его внутренним для этой страны. Не это ли обстоятельство сказалось все же, когда вскоре Широкого освободили от обязанностей главы правительства и на его место выдвинули Ленарта?[258] Правда, тоже словака. Позже Ленарт стал первым секретарем ЦК компартии Словакии. Это молодой человек, лично я его не знал, но у нас в аппарате ЦК КПСС его знали, так как он учился в Москве. Мы, естественно, ничего не имели против него, нам он нравился, и мы считали его способным политиком, подающим большие надежды.

Теперь хочу рассказать о беседе, которая произошла у меня с Новотным после XX съезда КПСС. Она произвела на меня удручающее впечатление. В ходе XX съезда все узнали, что Сталин злоупотреблял властью. Но мы еще так трепетали перед его былым авторитетом, что в полный голос не могли осудить его зверства, действуя вразрез русской поговорке, что черного кобеля не отмоешь добела. Теперь уже нет сомнений, что это был черный кобель, а мы все-таки хотели его как-то отмывать, убеждали себя, что его черт попутал, а таким чертом был то Ягода, то Ежов, то Берия. Так нельзя поступать. О большой внутренней борьбе в связи с докладом на XX съезде я рассказывал. Главными оппонентами были Молотов, Каганович, Ворошилов[259]. Ворошилова теперь с почестями похоронили, и городу Луганску[260], одно время Ворошиловграду, возвратили его имя. Сколько людей погибло в результате деятельности этого человека, а сколько миллионов загублено во время войны при участии и по вине наркома Ворошилова. Теперь он вернул себе титул первого маршала. Бывает так. Это тоже я считаю результатом того, что мы еще не освободились от трепета перед Сталиным, не набрались мужества называть вещи своими именами.

Подобные преступления нельзя прощать! Прощение – это как бы благословение: одних преступников прощаешь, тем самым других потенциальных преступников благословляешь на новые преступления.

Итак, когда по поручению ЦК КПСС мы проводили беседы с представителями коммунистических партий братских стран, то

подробно разъясняли им свое понимание прошлого, как и что вскрылось, вручили им все материалы XX съезда. Польские товарищи «помогли» нам: в Польше, образно говоря, продавался на базаре по рублю за экземпляр текст моего доклада на закрытом заседании съезда о злоупотреблениях Сталина. Потом быстро узнали этот текст люди и в других странах. Когда я беседовал с Новотным, меня поразила его реакция: он встрепенулся и яростно отреагировал: «Нет, товарищ Хрущев, у нас было не так, у нас все происходило по законам, имелось полное юридическое обоснование арестов и суровых приговоров». Я ответил: «Товарищ Новотный, мы рекомендуем вам посмотреть еще раз, так как уже имеем опыт. Мы тоже думали, что все делается по закону, что аресты и казни обоснованны и что те люди действительно были врагами народа. Сейчас наши юристы заглянули в их дела, на базе которых совершались суды и казни, и выяснилось, что тех людей нельзя было даже арестовывать или просто задерживать».

«Нет, у нас не так!» – говорил Новотный. «Ну, смотрите, вы же казнили Генерального секретаря ЦК КПЧ Сланского и других. Я хорошо помню, как Сталин доказывал Готвальду, что у вас тоже есть враги народа, потому что даже в Советском Союзе много врагов. Готвальд отвечал, что у вас врагов нет. Потом Сталин послал чекистов-советников, которые быстро нашли врагов». – «Нет, не сталинское это указание», – опять твердил Новотный. И я повторил: «Товарищ Новотный, это ваш внутренний вопрос. Я только советую вам по поручению нашего руководства еще раз все посмотреть. Почему мы даем такой совет? Потому что пройдет какое-то время, и данный вопрос опять встанет. Будут подняты документы, и все обернется против вас. Если вы хотите, чтобы правда восторжествовала, то лучше проявите инициативу сейчас. Посмотрите все документы, и если тогда были необоснованные аресты и приговоры, надо об этом честно сказать партии и народу. Я не знаю, кто у вас виноват в злодеяниях, но вам лично лучше взять инициативу в свои руки. Вам тоже придется пережить реакцию людей в связи с тяжелыми событиями прошлого, зато вы проявите инициативу в реабилитации. Если этого не сделать, то настанет время, когда от вас потребуют ответа и вы окажетесь в другом положении».

Я ему повторил то, что я доказывал Молотову, Ворошилову, Кагановичу и другим во время XX съезда. Я приводил те же аргументы. Тогда Ворошилов возразил мне:

– Нас потянут к ответу.

Я ответил:

– Да, потянут к ответу. Все может быть. Но давайте мы

искренне, честно признаемся в том, что мы знали, а что не знали. Тогда другое будет отношение в партии и в народе. Мы рассказали людям обо всем, что тогда знали.

В Чехословакии 50-х годов так и не сделали должных выводов, хотя во всех других братских странах прошла реабилитация безвинно пострадавших. Лидеры Чехословакии единственные остались на старых позициях. На сталинских позициях, если формулировать грубо. Сталинскими советниками были найдены «враги». В результате сфабрикованных материалов люди были арестованы и казнены. И эти решения остались в силе. Новотный не понял ответственности, не понял значения и необходимости восстановления человеческой справедливости и политической чистоты. Новотный не принял нужного решения. И теперь уже всем известно, чем это кончилось для Чехословакии в 1968 году и позднее. Я это предвидел: иначе и не могло кончиться. Очень сожалею, что товарищ Новотный тогда не послушался моего совета. Сошел с политической арены и Широкий. Во всяком случае, по органам печати я сейчас не могу ничего узнать о нем.

Потом на главную арену вышел Гусак[261]. Что я знал о нем? Ничего. Припоминаю смутно, что в каком-то разговоре Новотный упоминал его фамилию, рассказывая о том, что в Словакии многие люди настроены националистически, что словаки вообще большие националисты и с ними очень трудно договариваться. Дескать, Гусак тоже вел упорную и активную националистическую пропаганду и организационную работу против руководства тогдашней Чехословакии. Так ли это? Впрочем, словацкий национализм не мешал любви к СССР. То же относилось в мое время и к чехам.

Как-то летом был я в Чехословакии на одном из крупнейших заводов. Мы с Новотным шли по литейному цеху. Обстановка литейного цеха мне хорошо знакома по работе в юности на машиностроительном заводе: там тишина, рабочие, согнувшись, готовят формы к заливке. Когда мы проходили мимо, поднимается вдруг человек и бежит к своему ящику для хранения личных вещей. Оказывается, рядом был закопан кувшин с пивом. Он бежит с кувшином назад и преподносит мне пиво, традиционный национальный напиток немцев и чехов, без пива там ничего не делается, его приносят даже на работу и пьют вместо воды. У нас бы это считалось пьянством, там – нет. Я отпил немного (ведь чешское пиво – лучшее в мире), поблагодарил рабочего. Да и другие формы проявления доброго отношения к нам можно было встретить всюду, особенно в деревне.

Проезжая по улицам, можно было оценить отношение к нам: дружеские лица и дружеские взгляды. Человек сразу выдает себя, свое настроение своим лицом и глазами. Да и как иначе себя вести в отношении Советского Союза, который столько сделал для Чехословакии. Народ очень хорошо знал, как вел себя Советский Союз в 1938 году при угрозе утери независимости и захвата Гитлером чешского государства. Они знали, что мы активно предлагали Франции начать военные действия, если будут предприняты шаги по оккупации страны. Французы отказались. В Чехословакии знают, что мы просили Польшу пропустить наши войска. Мы вывели свои войска к польской границе и были намерены пробиться через польскую территорию и оказать помощь Чехословакии независимо от той позиции, которая была у Польши. На завершающем этапе войны, когда советские войска разгромили гитлеровские войска и заняли Берлин, Прага еще не была освобождена. Над ней нависла угроза уничтожения, пражский пролетариат восстал. Он один на один сражался с гитлеровскими войсками, это были неравные силы. Они обратились за братской помощью к Советскому Союзу, и маршал Конев получил приказ двинуть танковые войска из Германии для оказания помощи. Помощь была оказана. Прага сохранилась и навсегда освобождена советскими войсками от оккупации. Все это народ хорошо знал, помнил, ценил, и свою оценку он выражал в добром отношении к Советскому Союзу и его народам.

Я должен сказать, что мы часто вели себя довольно неуклюже, хотя и искренне. Мы никаких корыстных целей в этой дружбе не преследовали. Я говорю о времени после смерти Сталина. Мы все делали для развития их экономики. Сейчас всем известно, что развивать и поднимать экономику в любой стране можно только в результате широкого и глубокого развития науки, техники, изобретательства. Если другие страны имеют богатые природные ресурсы или же обширные поля, на которых можно базировать развитие хозяйственной экономики и обеспечивать подъем жизненного уровня народа, то Чехословакия не располагает этим. У нее нет и богатых природных залежей. Велась разработка урана, но, по-моему, она затухала. В Чехословакии самое плотное население, поэтому она не только не могла экспортировать сельскохозяйственные продукты, но даже вынуждена была их закупать. Одним словом, чехи могли полагаться только на свой ум, на организацию производства. Путем развития торговли они могли держать жизненный уровень своего народа на высоте. Это вполне возможно для чехословаков – людей с высокой культурой.

В Чехословакии потребительские товары, а также машины были лучше товаров других соцстран. Когда подчас возникал вопрос о покупке какой-то машины в Чехословакии, то там мы ее осуществляли в порядке товарообмена, на капиталистическом же рынке – за счет продажи каких-то своих изделий, чаще всего сырья, дававшего валюту. Это более тяжелые условия, поэтому мы и обращались к Чехословакии. У нее иной раз складывалась такая обстановка, что самой нужно было продать товары на капиталистическом рынке, чтобы выручить валюту для закупки таких потребительских товаров, которые нельзя было приобрести на социалистическом рынке. Намечалось столкновение интересов заказчика, покупателя и поставщика, когда чехословаки решали дело в пользу продажи изделия на капиталистическом рынке. Так поступали во всех социалистических странах, но я слышал порою слова обиды: «Чехи – это торговцы, коммерсанты, они не нам продали, а за границу». То же самое говорили о румынах.

Я, насколько мне удавалось, всегда старался разъяснять, что это не определяется ни дружеским отношением, ни уважением к какой-то стране, а диктуется условиями, в которых живет Чехословакия. Надо понимать, что пока она без выхода на капиталистический торговый рынок не может удовлетворять своих запросов. Через свой рынок мы ее тоже не всем можем обеспечить. «Надо бережно относиться к Чехословакии и не замыкать ее только на торговые отношения с социалистическими странами. Следует без ревности относиться к такой политике руководителей Чехословацкого государства. Пока жизненный уровень в Чехословакии выше, чем в СССР. Но так сложилось исторически. Следует держать линию не на понижение ее жизненного уровня за счет истощения чехословацких ресурсов, а, наоборот, на повышение за счет развития своей экономики. Это будет поднимать жизненный уровень всех народов социалистических стран. Задача – идти не к обнищанию, а к богатству, к более высокому жизненному уровню за счет поднятия экономики тех стран, которые имеют пока невысокий жизненный уровень. Что такое – высокий или невысокий уровень? Это понятие относительное. Человек, который живет обеспеченно, хочет иметь еще бóльшую обеспеченность. Это нормально», – говорил я.

Помню, как Чехословакии был нанесен большой ущерб китайской политикой. Она нуждалась в заказах. Когда Китай стал на путь индустриализации, он давал большую загрузку чехословацкой промышленности, и это чехи оценивали хорошо, им это было выгодно. Но после выдуманного Мао Цзэдуном «большого скачка» Китай отказался вдруг от заказов, которые

сделал ранее Чехословакии. Из-за отказа от некоторых заказов, как мне рассказывал Новотный, у них мог наступить общий крах. Заводы ничего не поставляют, следовательно, люди не получают зарплату, нарушается весь процесс производства. Поэтому Новотный прилетел немедленно в Москву, чтобы посоветоваться, как быть.

Обсудив создавшееся положение, мы поручили Госплану СССР вместе с работниками Госплана Чехословакии посмотреть: если что-то чехи не смогут продать на западном рынке, то что из этих заказов может быть принято нами для удовлетворения наших потребностей. Мы тогда очень многое взяли на себя. Некоторые их агрегаты и машины были близки к завершению либо уже завершены, некоторые находились на разных стадиях производства. Иные «китайские» заказы были уникальные, которые мы нигде не могли использовать. На западном рынке чехословацкое государство тоже не могло их реализовать, потому что они изготавливались по особому заказу Китая. Это создало трудное экономическое положение в Чехословакии. Мне кажется, что нет положения, из которого нельзя было бы найти выход. Но выход не всегда бывает хорошим по экономической целесообразности. Со стороны Мао то был враждебный акт. Партнеры так не поступают. Но его ничто и ни к чему не обязывало. Он стал вести разнузданную политику, в которой все средства хороши.

Видимо, и наша линия тоже иной раз, особенно в органах печати, наносила удары по чести и самолюбию чехов и словаков. Читаешь в газете и слушаешь по радио, что в Чехословакии выпускают такую-то машину, которая была сконструирована с помощью СССР. Часто слышишь также сообщения, что в Чехословакии что-то разрабатывают с помощью Советского Союза. Но почти отсутствуют сообщения о том, а что разрабатываем и производим мы с помощью чехословацких друзей? Нет сообщений, которые компенсировали бы такую односторонность. Чехи, конечно, ничего нам не говорили, но надо было понимать, что они оскорблены недооценкой их технической мысли. Между тем хорошо известно, что чехи – хорошие ученые, инженеры и экономисты. Они раньше нас создали в ряде оборонных отраслей отличное вооружение, и мы пользовались их мыслью и трудами. И вдруг – такое высокомерие, которое ничем не оправдано и ранит в самые болезненные места.

У нас с этим не считались. Это старокупеческий подход: если ты богат и силен, то можешь поворачиваться спиной, не оглядываясь, и наступать партнеру на больную мозоль. Какое это имеет значение? Убирай свою ногу, поворачивайся побыстрее! Я

всегда переживаю, когда, особенно в передачах радиостанции «Маяк», делаются безответственные заявления, пусть и не сознательно, а от небрежного отношения к друзьям. Обиды накапливаются и могут испортить отношения между нашими народами.

Я и сейчас не понимаю, как мы могли дойти до такого состояния отношений с Чехословакией? Дойти до событий 1968 года?[262] Никак не могу согласиться с тем, что чехословаки поддались империалистической пропаганде и хотели вернуться к капиталистическому способу производства. Не верю! Это противоречит всем моим понятиям о прогрессивности марксистско-ленинского учения. Поспешные выводы делают те, кто считает, что недовольство коснулось широких масс. Вот и произошло вторжение наших войск в Чехословакию. А потом началось возрождение сталинских обычаев. Наблюдал я по телевизору спортивные игры, проводимые в Чехословакии. Перед показом высотных прыжков на лыжах состоялся митинг. На него собрались тысячи людей. Официальный докладчик по заведенному трафарету начал отвешивать словесные поклоны руководителям страны. Зачем это нужно? На спортивном зрелище начали дело с упоминания о Гусаке, после чего – жалкие хлопки в ладоши. Видно было, что собравшаяся публика его не уважает. А когда дошла очередь до Свободы, то реакция была более дружной. Раз уж был допущен ввод войск в Чехословакию, то разум требовал вывести их оттуда поскорее. Только так можно сделать братский народ действительным другом. Конечно, можно держать там войска и путем давления исключить проявление какого-либо сопротивления.

Но большинство людей наши действия расценивают как неуважение суверенитета государства и соответственно строят свое отношение. Думаю, этому не требуется особых доказательств. Этот митинг многое показал. Пребывание наших войск в Чехословакии не базируется на Потсдамском соглашении, как в Польше или ГДР. Я считаю, что тут была проявлена поспешность, неразумность. Этот вопрос я сейчас не разбираю. История его разберет. Хотя сейчас толкуется, что это было неизбежно, необходимо и даже полезно. Что это улучшает и закрепляет дружбу между нашими народами. Ну, тут можно понимать по-разному. Я принадлежу к той категории людей, которые считают, что дружба крепится не на основе оккупации страны. Хотя бы даже оформленной каким-нибудь договором постфактум.

В связи с этим я снова вспомнил слова товарища Готвальда. Он был умный человек. Он понимал настроения чехов и словаков

и, когда однажды зашел разговор о возможности ввода войск в Чехословакию, доказал Сталину, что этого делать нельзя, что этим будет нанесен ущерб нашей дружбе. И сейчас, через столько лет, нельзя не оценить правильность предостережения товарища Готвальда. Оно и на сегодня является правильным. Думаю, все перемелется, как говорится, и мука будет, и чехословацкий народ будет идти в ногу с народами социалистических стран, и прежде всего с советским народом. Наш народ и наша партия являются искренними друзьями Коммунистической партии Чехословакии и чехословацкого народа. Цель у нас единая: братское содружество всех народов, которые борются за социализм, борются за коммунизм.

Румынский сосед

Отношения у СССР с Румынией до второй мировой войны были плохими. Во-первых, мы имели претензии к Румынии относительно Бессарабии, которую она аннексировала после Октябрьской революции, когда у нас еще не было новой армии. Позднее отношения осложнились дополнительно, потому что она стала прибежищем белогвардейских банд. Затем махновцы перешли румынскую границу и остались в Румынии, а сам Махно[263] через Румынию, Польшу и Германию перебрался во Францию, где и умер. Мне трудно объяснить антисоветскую задиристость Румынии. Когда я работал секретарем ЦК Компартии Украины (с 1938 до 1949 г.), то знал сложную ситуацию на румынской границе и сам иной раз наезжал туда. Она проходила по Днестру. Меня предупреждали, что часто случаются провокационные выстрелы по нашим пограничникам, так что у границы нельзя показываться. В 1940 году мы заняли Бессарабию и населенную украинцами Северную Буковину. Это был еще один шаг в воссоединении украинских земель.

Мы вышли на старую границу царской России, на р. Прут. Тогда мне частенько приходилось проезжать из Черновцов в Станислав (потом Ивано-Франковск) вдоль пограничной реки Черный Черемыш. С нашей стороны был виден лагерь с румынскими солдатами. Однажды оттуда открыли огонь, хотя и не по моей машине, но в моем направлении: машина забуксовала, и, пока мы возились с ней, их офицер, видимо, подумал, что мы ведем какое-то наблюдение за чужой стороной и в порядке предупреждения приказал открыть огонь. Он просто хотел припугнуть нас, чтобы мы поскорее уехали.

Мы никогда на провокации не отвечали и со своей стороны ничего аналогичного себе не позволяли. Хотели добрых отношений с румынским соседом, как и со всеми другими странами. Но после занятия нами Бессарабии и Северной Буковины, то есть меньше чем за год до начала Великой Отечественной войны, появилась некая разнузданность со стороны профашистского правительства. Главенствовавший в Румынии генерал Антонеску дружил с Гитлером. Согласно двум советско-германским договорам 1939 года Бессарабия, Буковина, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия входили в область наших интересов, в сферу нашей политики. Если этот шаг квалифицировать на политическом языке, то произошло втягивание Советского Союза в провокацию. Гитлер хотел обмануть Сталина, дав ему свои обещания, и позволить даже

занять названные территории. А сам готовился к разгрому СССР. Поэтому Бессарабию он уступил нам для того, чтобы заручиться поддержкой Румынии, которая стала бы в войне на его сторону. Когда мы заняли Бессарабию, Молдавская АССР входила в состав УССР, ее столицей был Тирасполь – красивый, беленький, чистенький городок на самом берегу Днестра. Встал вопрос о том, чтобы Молдавская автономия стала бы союзной республикой. У меня созрела такая мысль, я доложил о ней Сталину и предложил создать союзную республику Молдавию со столицей в Кишиневе. Такое решение приняли. Молдавская ССР сейчас является одной из союзных республик СССР, ее экономика и культура успешно развиваются. Я не раз бывал в Молдавии и всегда восхищался успехами молдавского народа, очень трудолюбивого, прекрасно работающего на полях и предприятиях.

Как Гитлер и предполагал, Румыния стала его союзницей и воевала с 1941 года против нас. Во время войны, будучи членом Военного совета юго-западного направления (Юго-Западный и Южный фронты), я не раз встречался с пленными, попавшими к нам на юге, и даже допрашивал их. В 1942 году там воевали немецкие войска, итальянские и румынские. Самое большое соприкосновение войск Сталинградского фронта было именно с румынскими, которые занимали позиции на правом фланге сталинградской группировки гитлеровских войск, то есть на нашем левом фланге, в районе озера Цаца. В том районе позже была успешно проведена операция по окружению с юга сталинградской группировки немецких войск. Оставшиеся в живых были захвачены в плен во главе с их командующим фельдмаршалом Паулюсом. Там было много румын, главный удар нашего наступления проходил как раз по расположению румынских войск. Воевали они плохо, и их сопротивление было быстро сломлено. Считаю, что это не из-за каких-то особых национальных качеств румынского солдата, а потому, что румыны не знали толком, зачем они участвуют в этой войне, за что сражаются. Им не за что было драться. Тем не менее их солдат погибло там много и много было захвачено в плен.

Когда мы в 1944 году подошли к Бессарабии и завязались бои на ее территории, а затем подошли вплотную к Румынии, стало видно, что стрелка весов победы резко склонилась к нам. Это еще сильнее уменьшило сопротивляемость румынских войск. В Румынии произошел переворот[264]. В нем участвовал молодой король Михай[265]. Георгиу-Деж[266] вспоминал, что тогда он сидел в тюрьме вместе со своими товарищами, и его однажды повезли в Бухарестский дворец на переговоры о создании нового правительства с участием коммунистов[267]. В Румынии

сложилось такое положение, что симпатии народа сместились влево, авторитет компартии вырос, и король посчитал, что в создаваемом заново правительстве должны участвовать коммунисты. Рассказываю здесь о том, что впоследствии не единожды слышал от Дежа. Гитлеровцы стали бомбить Бухарест, но тут на территорию Румынии вступили наши войска, и она повернула против Германии, начав воевать вместе с нами.

Вопрос о том, пойдет ли она социалистическим путем, тогда не ставился. В ней существовали буржуазные порядки. Вскоре главой правительства стал Петру Гроза[268], очень богатый человек, помещик, но с прогрессивными идеями. Он начал проводить политику сближения с Советским Союзом, потом стал нашим другом. Кончилась война. Правительство пока оставалось королевским. Советский Союз наградил короля Михая орденом «Победа». Награждение явилось данью за поворот в политике. Во всяком случае, Михай хотел дружеских отношений с нами. Я это знал по донесениям, с которыми знакомился. Нашим комендантом Бухареста был тогда генерал Желтов[269]. Недавно я его слушал по телевидению. Это старый кадровый политработник Советской Армии. Он рассказывал о своих беседах с Михаем, главным образом во время охоты. Желтов даже подружился с королем и участвовал в его развлечениях. А далее события развивались под руководством коммунистической партии. Она оказывала все большее влияние на народ. Король спокойно, хотя и без желания, уехал из Румынии с разрешения нового руководства. Деж вспоминал: «Мы ему сказали, что он может взять с собой все, что считает нужным, и выехать за пределы своего государства». На этом королевская власть в Румынии кончилась. Затем Румыния объявила себя страной, которая будет строить социализм.

Деж одно время являлся в новом правительстве министром путей сообщения. Секретарем ЦК компартии была Анна Паукер[270]. Я с ней лично не встречался, но слышал о ней много хорошего от Мануильского, который знал ее по Коминтерну и высоко ценил как хорошо подготовленного человека. Он вообще считал, что среди коммунистов Румынии она наиболее подготовлена в теоретическом отношении и что на нее можно положиться как на человека, твердо стоящего на марксистско-ленинских позициях. В состав руководства КПР входил и Лука[271]. Я встречался с ним раньше, когда он, работая в черновицком подполье, стал нашим гражданином в 1940 году и мы поручили ему заниматься там партийной работой. Когда спустя год мы отступали, Лука отступал вместе с нашими войсками. Когда же мы опять освободили эту территорию, Лука

вновь какое-то время работал в Черновцах, а затем, при формировании коммунистического руководства, его, как члена КПР, который сидел в тюрьме вместе с другими видными товарищами, пригласили в Бухарест.

Еще при жизни Сталина я встречался с Петру Грозой. Он производил хорошее впечатление на Сталина, и тот симпатизировал ему. Это был уже немолодой и довольно оригинальный человек, не коммунист, но прогрессивный лидер. После войны он сам отказался от своей прежней собственности в пользу государства и раздал свою землю крестьянам. Хочу рассказать здесь о том, как Гроза осенью 1951 года решил отдохнуть в Сочи. В то время там отдыхал Сталин. Я не хотел туда ехать, но Сталин меня буквально потянул за собой. И Ворошилов находился там. Но он в ту пору уже никаким особым влиянием у Сталина или даже просто уважением не пользовался, а приехал туда сам, по старой памяти. За ним осталась прежняя дача с тех пор, когда он был наркомом обороны, он ее и строил. Она называлась «Холодный ручей», построена была с большими претензиями, по планировке несколько смахивая на Ливадийский царский дворец.

Я заранее знал, что туда приедет Гроза. Сталину это было приятно, что он неоднократно и подчеркивал за обедом. Все его ожидали. Я занимал дачу, по тем временам довольно скромную. Рядом жил Ворошилов. Сталин к прибытию Гроза тоже переехал в Гагры на «Холодную речку», где стояла хорошая дача: не один дом, а несколько. Сейчас там размещается дом отдыха. Вдруг звонит мне Сталин: «Вы где разместились?» Я сказал. «Да это же паршивая дача». Я говорю: «Нет, что вы, она очень хорошая и вполне меня устраивает, а нравится мне тем, что стоит у самого синего моря. А мы тут вдвоем с женой» (дети учились и поэтому оставались в Москве). «Я предлагаю переехать сейчас же со своими чемоданами на мою дачу № 1, в Сочи. Она гораздо лучше» (я знал это, ибо бывал у Сталина не раз и ночевал, а порою по нескольку суток проживал там). Я поблагодарил и отказался: «Зачем мне это? Да и далеко она от моря» (находилась в горах). «Вы всегда можете поехать, когда нужно, на машине к морю. Я предлагаю переехать. Чего вы живете в вашей задрипанной даче?» На этом разговор окончился, я передал его Нине Петровне. И ей, и мне вовсе не хотелось переезжать. Мы тут себя хорошо чувствовали. Домик уютный, нас он вполне устраивал. Я стал думать, почему столь настойчиво Сталин предлагает мне свою дачу, которая, конечно, ни в какое сравнение не идет с моей? Если я туда не перееду, это может быть им плохо расценено: на любезность ответил отказом. Потом мне

будет очень трудно объясняться со Сталиным. А по-человечески он понимать никак не желал. Пришлось предложить жене: «Ладно, давай укладывать чемоданы, переедем туда».

Так мы и сделали, вызвали машину, взяли чемоданы и уехали. Это заняло минут 30. Разместились на новой даче. Она называлась «сталинская дача № 1». Но я отказался все же от дома, в котором жил Сталин, и поселился рядом, в доме для приезжих, тоже большом и роскошном.

Разместились мы, переночевали. Назавтра звонит Ворошилов: «Ты где?» – «На даче № 1». – «А я переехал на твою. Что за дача такая паршивая? Тут и муравьи, и вообще черт его знает что за условия!» – «А зачем ты переехал ко мне с хорошей дачи?» – «Сталин позвонил и порекомендовал немедленно занять твою». Только тут мне стало ясно, почему Сталин так упорно настаивал. Ему нужно было освободить роскошную дачу Ворошилова для Грозы. Теперь я понял сталинскую комбинацию. Он хотел произвести впечатление на Грозу и создать ему лучшие условия для отдыха. Конечно, проще было бы предложить Ворошилову сразу переехать на сталинскую дачу, Ворошилов был бы в восторге. Но тогда он попал уже в опалу у Сталина, и такое оказалось бы в какой-то степени возвращением милости. Сталин проделал более унизительную для Ворошилова перестановку, чем самолюбие последнего было уязвлено в высшей степени. С Грозой в тот раз я встречался мельком на обеде у Сталина. Позже с Грозой я встретился вновь после смерти Сталина, в Китае, на праздновании какого-то юбилея[272]. Гроза возглавлял румынскую делегацию. Там тоже произошла довольно беглая встреча.

Вскоре после войны началось выявление «врагов народа» в братских странах. Румыния тоже попала в этот водоворот. Арестовали Луку. Из него, бывшего рабочего, сделали «агента вражеской разведки». Напечатали даже какие-то книжонки в доказательство того, что он был разведчиком. У меня нет никакого доверия к тому обвинению. Настоящих доказательств добыть было нельзя, сфабриковать можно. Так потерял голову Лука. Была арестована и Паукер. Это стало большим потрясением для Дмитрия Захаровича Мануильского. «Честнейший человек! – говорил он мне. – Сама жизнь определила, на какой стороне ей стоять, и она твердо заняла позицию рабочего класса». Анна попала в тюрьму, потом была освобождена, но уже после смерти Сталина. Она заболела раком, и ей делали операцию. Бедная женщина, перенесшая не только физические страдания, а и моральные, в конце жизни была лишена партийного доверия. Я слышал при встрече с румынскими товарищами, как Деж разносил ее в пух и прах: якобы она не настоящий коммунист,

преувеличивала свои способности и свою роль в румынском революционном движении, и прочее.

Еще среди румынского руководства видное положение занимали Киву Стойка, Апостол и Николае Чаушеску[273]. Все эти люди прошли школу тюрьмы. Чаушеску сейчас президент и Генеральный секретарь Коммунистической партии Румынии. Деж рассказывал, что Чаушеску сидел с ним в тюрьме. Чаушеску тогда возглавлял комсомол Румынии и был хорошим, стойким коммунистом. Он занимал хорошее положение, и Деж к нему питал особое уважение и доверие.

Из старшего поколения коммунистов в румынском руководстве был Боднэраш[274]. Он тоже прошел школу тюрьмы. После смерти Сталина, когда я начал встречаться с представителями братских партий, в том числе румынскими, Боднэраш занимал пост, кажется, министра обороны. Производил он хорошее впечатление, лучше других говорил по-русски, и мне с ним легко было общаться без переводчика. Припоминаю, что он говорил по-русски даже без заметного акцента. Отношения у нас с румынским руководством складывались хорошие. Румыния больше других братских стран отстала в экономическом отношении и ходила в бедных, с ориентацией на сельское хозяйство. Однако она имела большие богатства: нефть, газ, запасы ценной древесины, причем последнюю экспортировала. Румыния занимает прекрасную в географическом отношении территорию и обладает плодородными землями. Поэтому она производит сельскохозяйственной продукции больше ее внутренних потребностей, что тоже превратилось в довольно солидную статью получения валюты и стало условием развития иных сфер экономики. Она превратилась в крепкое государство социалистического типа. Как и мы, румынские товарищи вступили на путь кооперирования крестьянских хозяйств. Все шло успешно. Правда, у них тоже случались волнения, происходили восстания в отдельных деревнях, но с этим там справились. Кооперированные хозяйства начали толково работать. А мы со своей стороны помогали им организацией производства тракторов, созданием механической базы ведения сельского хозяйства, содействовали и в налаживании производства автомобилей, выпуска паровозов и тепловозов, в становлении нефтеперерабатывающих заводов и металлургических. Одним словом, во всем, в чем нуждалась новая Румыния и что ей оказывалось не под силу, мы предоставляли свою помощь: поставляли оборудование и технику, посылали специалистов и советников.

Там действовало, как я уже рассказывал, «Соврум» – советско-

румынское общество, занимавшееся, в частности, добычей урановой руды[275]. Какие-то прежние немецкие заводы тоже вошли в это объединение. Оно ущемляло румын, и мы после смерти Сталина ликвидировали это общество. Если о нем заходила речь, Деж с какой-то озлобленностью твердил, как проклятие: «Соврум, Соврум!» Такие смешанные общества мы ликвидировали во всех братских странах, поняв, что они являются мозолью на чужой ноге и оскорбляют национальные чувства, внося разброд в наш лагерь. Кроме того, мы провели специальную беседу с румынским руководством насчет незаконных арестов и расстрелов, имевших место при Сталине. Деж реагировал сдержанно и до конца наших встреч стоял на той позиции, что арестовывали правильно. Особое внимание румынское руководство уделило своей национальной однородности, стремясь убрать оттуда людей другого происхождения. Паукер была еврейкой, в Луке текла украинская кровь. Единственным нерумыном в их Политбюро был в мое время венгр из Трансильвании, очень хороший товарищ, приятель Дежа. Видимо, именно поэтому он остался в руководстве. В Трансильвании живет много венгров, и он как бы представлял в руководстве Трансильванию. Официально это, конечно, нигде не говорилось, тут лишь мои предположения. Но ни о ком из них не могу сказать ничего плохого и считаю, что все они достойны уважения.

В первые годы после смерти Сталина мы часто приглашали в Москву руководителей братских стран, чтобы побеседовать с ними на ту или иную закрытую тему. Абсолютным доверием тогда пользовался у нас Молотов, и именно ему, как старейшему члену Президиума ЦК партии, мы поручали проводить беседы. Однако он держал себя свысока, не на равной ноге, и «инструктировал» представителей других компартий, а они должны были слушать, что им говорят, и делать то, что велят. Это их обижало и оскорбляло, и, когда Молотов выбыл из состава нашего руководства, Деж не раз о нем раздражительно вспоминал. Что касается меня, то я никогда не набивался в гости и бывал в Румынии только по приглашению хозяев. Мы заранее договаривались, когда мне приехать и какие вопросы хозяев заинтересуют. Однако и из Москвы в другую страну никакой мой выезд не мог состояться без особого на то решения руководства. Однажды мы как раз беседовали таким образом, и вдруг товарищ Боднэраш поднял вопрос, к которому я не был готов и никогда даже над ним не задумывался: «Как вы, товарищ Хрущев, считаете, не следовало бы вывести советские войска из Румынии?» Меня это огорошило. Никто из нас в то время и не думал об этом. Наоборот, полагали, что раз продолжается

холодная война и мы не были уверены в ненападении империалистических держав, то ослаблять общие границы и создавать в них бреши ни к чему. Мы были столь далеки от высказанной мысли, что, наоборот, думали лишь об усилении обороны. Внесенное предложение, с нашей точки зрения, ослабляло социалистические позиции, потому что, в частности, оголялся большой участок берега Черного моря. Насколько помню, я реагировал обостренно: «Как так? Зачем? Это ведь могут использовать наши противники». Он отвечал: «Какие там противники? Наша граница проходит всюду по рубежам социалистических стран, вторжение к нам вообще невозможно без вторжения в другие братские страны». – «Ну а Черное море? Турция? Через Турцию-то могут вторгнуться туда, куда определит НАТО?» – «Но ведь СССР тут же, рядом». – «Да, рядом, однако придется все-таки затратить какое-то время на переброску войск, а сейчас наши дивизии уже стоят там и нацелены на Черное море. Если высадят десант, наши войска сразу же вступят в бой». – «Мы, собственно, хотели, поставив этот вопрос, узнать ваше мнение». – «Вот я и говорю только свое мнение. Не знаю, как отнесутся к этому мои товарищи. Мы обменяемся точками зрения, но я считаю, что сейчас для этого еще не созрели необходимые условия».

Впрочем, вряд ли я тогда произнес слова «не созрели». Скорее в то время мое понимание дел стабилизировалось в понимании лишь того, что надо укреплять оборону, а укрепление обороны связано с непременным пребыванием наших войск в братских странах. И потом мы вообще перестали разговаривать на данную тему. Румынские коллеги не настаивали. Узнав наше мнение, решили оставить все, как есть. Только потом Деж как-то спросил меня: «А знаете ли вы, почему тогда мы подняли вопрос о выводе ваших войск?» – «Нет, – отвечаю, – не знаю». – «Однажды, когда мы приезжали в Москву на беседу, Молотов набросился на нас и начал разносить в пух и прах. Допускал жуткие выражения. Сказал, что мы держимся только в результате помощи нам русского народа и лишь благодаря советским войскам: «Если их не будет, вы и неделю у себя не просидите». Нас это оскорбило, мы уверены, что находимся в руководстве не в результате присутствия чужих войск, а вследствие доверия к нам румынского народа. Мы хотели убедить вас именно в этом, почему и предложили вывести ваши войска. Абсолютно уверены, что и после того, как ваши войска будут выведены, наше положение останется столь же прочным, поскольку мы держимся не на ваших танках, а на народном доверии». Мы-то, конечно, не совсем правильно поняли раньше их предложение, полагая, что оно

преследует цель освободиться от нашего влияния и что налицо недопонимание империалистической угрозы против стран социализма.

Не помню, сколько прошло времени, однако разговор с румынами прочно засел в моей голове, особенно после новой беседы с Дежем. И я не раз возвращался мыслями к той же проблеме. Кажется, Деж был человеком искренним и не хитрил со мной. Его обида меня обеспокоила, и я продолжал размышлять. Постепенно мы укрепляли свое положение в мире, более уверенно ощущали свою силу. На окружающий нас капиталистический мир взирали уже не так, как Сталин. Он всегда боялся капиталистического окружения и все время жил в ожидании войны. Мы тоже не забывали о капиталистическом окружении, но сознавали, что наша мощь выросла, у нас появились ракеты, атомные и водородные бомбы. Страны социализма набрали экономическую и военную мощь. Наши Вооруженные Силы могли конкурировать с вооруженными силами любых стран, и с нами вынуждены были все считаться. Эта мощь подкрепляла политику мирного сосуществования, единственно возможную и единственно правильную в переходный период человечества к социализму.

Пока еще силы социализма уступают силам капитализма. В последнее время появились новые силы, не входящие в военные блоки. Это неприсоединившиеся страны. Они довольно многочисленны. Предстоит борьба за них. Это резерв. Тем, на чьей стороне они приложат свои усилия, будет в значительной мере определяться переход всех стран мира к строительству социализма.

После длительных раздумий у меня созрело мнение, что румынские товарищи правы. Надо пойти им навстречу и вывести войска. Их там было не так уж и много: несколько дивизий. В целом в западных районах СССР мы имели гораздо больше. Помимо вышеупомянутых доводов имелся еще и тот, что если мы выведем из Румынии войска и расположим их где-нибудь в Молдавии или Измаильской области, то, по существу, мало что изменится в случае нападения врагов на Румынию. Расстояния там небольшие, если понадобится прийти румынам на помощь, то для преодоления тех расстояний потребуется немного времени. У нас имелась сильная авиация, ракетоносцы в воздухе и на море, ракеты ближнего боя, неплохие военно-морские средства, так что соваться противнику с десантом было бы непросто. Тут не пахло легкой прогулкой, и противнику пришлось бы серьезно задуматься, прежде чем решиться на такую акцию. А наше политическое доверие румынам было бы хорошо расценено ими,

стало бы демонстрацией партнерства на равной ноге и хорошим аргументом в нашей пропаганде против стран, имеющих свои войска на территории других государств. Мы тогда как раз выдвигали лозунг увода всех иностранных войск в национальные границы. Еще и сейчас этот лозунг довольно силен, и за его реализацию нужно бороться. А как бороться, если некий политик проповедует полезность разрядки международного положения, войска же из страны этого оратора находятся на территории других стран? Репутация оратора будет подмочена, к его пропаганде не возникнет никакого доверия. По всем этим соображениям я и считал, что вывод наших войск из Румынии будет полезен.

Я поставил этот вопрос в нашем руководстве, предложил обменяться мнениями и вернуться к теме беседы, которую я имел прежде с румынскими товарищами. Мы пригласили министра обороны СССР, спросили о его точке зрения. Однако еще до постановки вопроса в Президиуме ЦК я с ним обменялся мнениями, и он со мной согласился. Теперь на совещании министр Малиновский подтвердил, что вывод войск не ослабит наших военных позиций. Кроме того, мы получим некоторое материальное облегчение, потому что содержание войск за границей обходится вдвое дороже, чем на собственной территории. Там мы и решили дело, о чем объявили румынам. Они, конечно, были очень довольны. Восторжествовали и их идея, и понимание того, что мы с доверием и уважением относимся к ним[276].

Правда, потом наши отношения ухудшились. Но улучшать отношения с помощью ввода или пребывания войск на территории страны не метод. Наоборот, создавая видимость хороших отношений, внутри это служит зарядом замедленного действия, который когда-то срабатывает против добрых отношений между странами.

Тогда же, вслед за выводом наших войск, отношения с Румынией продолжали развиваться в особенно благоприятных условиях, с учетом взаимной помощи. Но это только говорится «взаимопомощь», а на деле больше помогали мы. Взаимная помощь состояла в том, что наши интересы в международном плане переплетались.

В вопросах же внутренней политики каждая страна сама занималась своими делами и развивала экономику, чтобы поднять жизненный уровень народа. Продолжая сотрудничать на экономическом поприще, мы и тут оказывали всевозможную поддержку Румынии. Она ответно платила нам товарами и сырьем, самую ценную часть которого составляла урановая руда.

Мы расплачивались за нее по мировым ценам, но если принимать во внимание спрос на урановую руду в мире и тот факт, что она имела оборонное значение, то можно считать это существенной помощью нам со стороны румынских друзей.

Правда, у этого вопроса есть и другая сторона. Конечно, поставки урановой руды шли в оплату наших поставок. Кроме того, ее использовали для создания ядерного оружия, что было в интересах как СССР, так и Румынии, а также всех других стран социализма. Я бы сказал даже – в интересах всех прогрессивных людей на Земле, кто стоял и стоит на позиции мирного сосуществования и прилагает усилия, чтобы избежать войны. Я много раз приезжал в Румынию и на официальные встречи, и для кратковременного отдыха, и деловых бесед. Неплохо познакомился с природой и жизнью страны. На меня она производила яркое впечатление: прекрасный климат, хорошая почва, высокие урожаи. А вспомнить Карпатские горы! Там прекрасная охота, множество зверья. Самым ценным из охотничьих угодий было медвежье. В этих горах много медведей. Но главное, конечно, не красивые виды и не отличная охота, а то, как трудился народ. Румыния очень ровно развивала сельское хозяйство, получая излишки сельскохозяйственных продуктов, экспортировала пшеницу и кукурузу. Если к сему добавить такие традиционные экспортные товары, как нефть и лес, тоже очень ценные, станет ясно, почему ее экономика развивалась успешно и почему она имела хороший платежный баланс.

Некоторые другие социалистические страны обижались на Румынию, обвиняя в национальной ограниченности. Главное обвинение состояло в том, что румыны, пользуясь высокой землеобеспеченностью на душу населения и обладая излишками сельскохозяйственной продукции, не шли на то, чтобы давать эту продукцию другим социалистическим странам в оплату поставок их товаров. Румыния предпочитала продавать сельскохозяйственную продукцию капиталистическим странам. Эти обвинения я понимал, но не всегда с ними соглашался. Румынии, как и всем другим странам, нужна валюта. Если она распродаст излишки братским странам, то на капиталистический рынок уже не сможет выйти, следовательно, не сумеет купить оборудование и приборы, в которых нуждается ее экономика. Ведь она не сможет удовлетворить все свои запросы за счет производства в социалистических странах, а валюты у нее не станет. Тут сложный вопрос, и надо трезво подходить к его оценке, не давать разыгрываться чувствам, надо учитывать интересы партнера. Вспоминаю в этой связи о претензиях Болгарии к Румынии и Югославии, когда те вели переговоры о

строительстве гидроэлектростанции у Железных Ворот на Дунае[277]. Болгария в строительстве не участвовала, однако претендовала на часть электроэнергии, вырабатываемой этим сооружением, для нужд своего хозяйства. Румыны и югославы реагировали плохо: были недовольны, и в то же время им было неприятно выражать свое недовольство, почему они и не ответили болгарам ни отрицательно, ни положительно, а просто дули губы, как говорят в народе.

Я заметил, что они тогда обиделись и на нас, и сделал отсюда вывод, что румыны, видимо, думали, что претензии, которые предъявляла Болгария, согласованы с СССР, который поддерживает их, хотя нигде о том не упоминает. Спустя значительное время мы в очередной раз беседовали с румынскими товарищами. Тогда у нас уже начали портиться отношения, мы же не хотели, чтобы они и дальше ухудшались. Был затронут вопрос о претензиях Болгарии. Мы разъяснили, что вовсе не разделяем болгарской точки зрения, а наоборот, рекомендовали болгарским товарищам, с которыми у нас всегда были наилучшие отношения, чтобы они с пониманием отнеслись к нежеланию Румынии и Югославии удовлетворить их запросы. Мы считали, что тут беспредметные претензии, которые не могут быть приняты во внимание, потому что территория, на которой возводится плотина, и само сооружение никакого ущерба Болгарии не наносят. Следовательно, не требуется и какой-то компенсации. Болгарские претензии выглядят вмешательством во внутренние дела других государств. Нет никаких оснований требовать, чтобы Болгарии тут что-то дали и поделились с нею благами, если болгары не участвовали в работах. После этого болгарские товарищи более не настаивали на своих требованиях, и данный вопрос потом не возникал. Румыны очень внимательно выслушали нас, когда мы им об этом рассказали, и Деж пристально посмотрел на меня: «А когда вы говорили это болгарам?» Я ответил. Повторил, что в ответ на болгарские предложения заявил, что такие претензии могут только ухудшить братские отношения. Деж замолчал, и долее мы обсуждать эту проблему не стали.

Однако с течением времени отношения между Советским Союзом и Румынией все более ухудшались. Нам сообщили, что румыны на закрытых партийных собраниях осуждают нас, всячески высказываются против Советского Союза. Сейчас конкретно и не помню, в чем нас обвиняли. Затем неблагожелательное отношение к нашей стране стало выражаться в перемене названий улиц. Некоторые улицы в Бухаресте носили имена русских, причем вовсе не политических деятелей нашего

времени. Их переименовывали. Между тем мы делали буквально все, чтобы не задеть национальных чувств соседей и не нанести им экономического ущерба. Если рассматривать наши хозяйственные взаимоотношения, то они функционировали в пользу Румынии. Наши техническая помощь, проекты, научная информация шли им бесплатно, а поставки товаров производились в кредит с минимальным процентом румынской оплаты и в значительно более длительные сроки, чем вообще принято в мире. Кажется, СССР предоставлял кредит на строительство предприятий в Румынии из расчета под 2,5 процента. Если бы мы капиталы, которые давали в кредит Румынии, использовали внутри СССР, а избыток продукции заводов, построенных на эти капиталы, продавали Румынии, то выручили бы значительно больше. Однако тут были бы уже не братские отношения между социалистическими странами, а такие, какие существуют между капиталистическими странами. Если в торговле между собой социалистические страны и рассчитываются порой по мировым ценам, то мы считали, что здесь, наоборот, должны оказывать помощь румынскому народу.

Казалось бы, такая линия должна импонировать румынам. Но этого не получалось, и мы были огорчены, поэтому решили еще раз встретиться, выслушать румынскую сторону и откровенно поговорить. Хотелось, чтобы нам честно сказали, чем там недовольны и что необходимо для устранения помех нормальному развитию и укреплению братских отношений. Мне поручили возглавить делегацию КПСС, направлявшуюся на очередной съезд Румынской рабочей партии летом 1960 года[278]. Съезд проходил в то время, когда компартия Китая начала открытую полемику с нами. Мы хотели провести там предварительное совещание братских компартий, обменявшись мнениями по актуальным вопросам. Удалось организовать такую встречу. То было не официальное совещание, а именно обмен мнениями по острым, наболевшим вопросам, выдвинутым в основном китайцами. В ту пору РРП разделяла в них нашу точку зрения, и у нас не было в этой плоскости каких-либо разногласий. На совещании выявилось, что Албания заняла прокитайскую позицию и выступила против нас. Я спросил ее представителя, чем это объясняется. Мне ответили, что выполняют директиву своего руководства.

Сказано откровенно. Но для меня было недостаточно такого разъяснения. Прояснилось все потом, хотя и сейчас, если меня допрашивать с пристрастием, скажу, что не понимаю до конца, почему Албанская партия труда решила пойти вместе с китайцами против КПСС. Вразумительных объяснений дать не

могу. Полагаю, что вразумительных объяснений не смогла бы дать и сама АПТ. На совещании в Бухаресте все остальные, кроме представителей АПТ и КПК, проявили единодушие и заняли общую позицию, вытекавшую из решений Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1957 года в Москве. Однако мы твердо знали, что румыны внутри своей партии ведут «разъяснительную» работу против Советского Союза и КПСС. Тогда мы написали официальное письмо румынским товарищам, в котором просили их обдумать те вопросы, которые, с их точки зрения, мешают нашим братским отношениям, с тем чтобы ликвидировать разногласия. Мы искренне заявили, что не понимаем, чем вызывается недружелюбное отношение к СССР. Приводили там, наряду с иными, и такие аргументы: исторически сложилось так, что мы являемся соседями; если мы друг другу не нравимся, то никто себе соседей не выбирал, так что соседям лучше жить в дружбе и мире; мы не хотим, чтобы наши отношения портились, а хотим, чтобы они улучшались; мы жили рядом с Румынией, когда ею управлял король; жили рядом, когда она проводила враждебную нам политику Антонеску; хотим, чтобы наши отношения оставались братскими, и делаем все возможное, чтобы они оставались самыми теплыми; поэтому призываем вас со своей стороны делать то же самое, что и мы. Но румыны в ответ никаких вразумительных контраргументов не привели. Тогда мы решили еще раз поехать в Румынию и на месте разобраться во всем.

В рамках СЭВ и двусторонних отношений при наших контактах с Румынией, как и с другими социалистическими странами, взаимные интересы в основном сталкивались при разработке планов. Каждая страна высказывала пожелания получить от другой что-то для себя, и не всегда такие просьбы удовлетворялись. Не сказал бы, что это разрасталось в конфликт. Но большинство стран выставляло свои пожелания (не хочу употреблять слово «претензии», потому что претензии никто не имел права предъявлять, мы не должники) с целью получить от нас больше, чем мы имели возможность дать. Неудовлетворение нами их пожеланий оставляло в них осадок, который потом мог перерасти в недоброжелательство. Румынские товарищи согласились на встречу, и мы решили образовать для нее обширную делегацию. Включили людей, соприкасавшихся по различным экономическим и политическим вопросам с деятелями Румынии. Возглавить делегацию поручили мне. Среди других в состав делегации входили Косыгин, Лесечко[279], как председатель Исполкома СЭВ, Андропов[280] из аппарата ЦК КПСС. Выехали мы в Румынию. С ее стороны присутствовало

все руководство. Они находились на своей территории и как хозяева принимали нас. Встреча состоялась за городом, в очень хорошем местечке, минутах в 30 езды от Бухареста. Когда я приезжал к ним, меня всегда там размещали. Рядом озеро, лес и прекрасный луг – наилучшие румынские красоты. Первую беседу провели за богато уставленным столом.

Сразу отмечу, что по принципиальным вопросам у нас выявилось единство. В ходе беседы я напомнил румынским товарищам, что и мы испытали однажды огорчения в связи с отказом, который получили от них. Как-то на Украине не оказалось достаточного количества ядохимикатов для борьбы со свекловичным долгоносиком. Румыния таковые производила. Мы обратились к ней с просьбой выделить некоторое их количество дополнительно к тому, что мы закупили. Румыния ответила, что может выделить просимое при условии, если мы заплатим валютой либо валютными товарами, которые они потом могли бы продать на международном рынке, чтобы выручить валюту. Мы согласились, но такой ответ задел наше самолюбие. Ведь мы поставляли Румынии много валютных материалов и никогда не требовали взамен валютной компенсации, получая в обмен обычные товары, которые можно было приобрести на любом рынке. Деж, выслушав меня, сейчас же повернулся к Мауреру[281], запросив у него подтверждения дела. Ему подтвердили мой рассказ. Лесечко и Косыгин в деталях припомнили эту историю: те товары, которые попросили румыны за ядохимикаты, были у нас тоже запланированы для продажи на международном рынке для выручки валюты, чтобы расплатиться по нашим заказам на капиталистическом рынке. И я сказал, что привел сей пример, чтобы показать нашим друзьям, что такие случаи происходили и по инициативе румынских представителей. «В торговле все бывает. Давайте договоримся, товарищ Деж, чтобы не случалось впредь раздоров в наших отношениях и не давать повода к раздорам. Все взаимные поставки валютных товаров, валютного сырья и изделий выделим в отдельную графу, чтобы заранее противопоставить с обеих сторон равноценные товары. Тогда не возникнет никаких недоразумений». Деж ответил: «Хорошо, мы согласны».

Казалось, он был удовлетворен моими словами. Но в разговор включился председатель Госплана Румынии, знающий дело хороший экономист. Он возразил: «Прошу такого решения не принимать». И с улыбкой смотрит на меня. Спрашиваю его: «Почему? Тем самым будут созданы равноправные условия, не станет причин для обид». – «Это верно, товарищ Хрущев, но (обращаясь уже к Дежу) нам это невыгодно, поскольку мы сейчас

получаем много валютных товаров от СССР, а расплачиваемся с ним товарами другого характера». Я настаивал: «Получаются взаимные претензии, это порождает недоразумения. Чтобы такого впредь не было, давайте договоримся и выделим все валютные расчеты». Теперь отвечал снова Деж: «Товарищ Хрущев, прошу вас не настаивать на этом, потому что Румынии такая торговля очень невыгодна». – «Верно, – говорю, – я понимаю вас. Сколько мы вам меди поставляем? А сами покупаем ее на капиталистическом рынке и платим золотом. Вы же расплачиваетесь с нами ящичной тарой». Действительно, Румыния поставляла нам ящичную тару. Это определялось близостью Румынии к Молдавии, которой требовалось много ящиков под фрукты и овощи. Ради удобства их транспортировки нам за границей делали ящики, а мы за ящики платили валютой, то есть за щепки! И я продолжал: «В новых условиях мы делать это уже не будем. Пусть наши хозяйственники находят другой выход, у нас такие возможности есть, станем делать бумажную тару или поставлять свой лес. У нас тоже Карпаты рядом. Украина сможет поставлять Молдавии ящичную тару». Румынские товарищи стали просить не устанавливать такого порядка паритетной торговли. И я предложил: «Хорошо, давайте торговать по-старому, но тогда, спрашивается, какие же остаются еще претензии? Что нас сейчас разделяет? Что способствует обособлению, которое мы замечаем со стороны румынских товарищей?» Вразумительного мы ничего не услышали.

В дальнейшем Румыния продолжала политику своего обособления внутри социалистического лагеря, что проявлялось в разных сторонах жизни. Приведу хотя бы такой пример: наши девушки, которые вышли замуж за румынских студентов, учившихся у нас, стали возвращаться в СССР, так как их мужья разводились с ними, ибо вокруг них создавалась нетерпимая атмосфера. Случались и другие неприятные факты бытового свойства, не говоря уже о политике. Как и раньше, внутри страны румыны продолжали вести агитацию против Советского Союза. Вскоре их делегация поехала в Китай (а мы уже не ездили в Китай, нас туда больше не приглашали) и на обратном пути остановились отдохнуть в нашей стране. Мы с Микояном отдыхали в Пицунде и пригласили румын провести с нами несколько дней. Тем самым имели возможность выслушать их и обменяться мнениями.

Получилась оживленная беседа. Они рассказывали о положении в Китае, и мы поняли из их слов, что румыны в целом не разделяют китайской точки зрения. Они говорили: «Китайцы пытались восстановить нас против вас. Дескать, СССР забрал у

нас Бессарабию, у Польши забрал ее восточные земли, проводит неправильную политику. Но мы не слушали их, потому что нам Бессарабия не нужна».

Сказанное сильно задело мой слух. Я не стал продолжать разговор на скользкую тему, но задумался. Отчего румынские товарищи вдруг нам это сказали? Причем довольно мягко в отношении Китая, не осудив категорически пекинскую точку зрения? Я чувствовал осадок: может быть, их все же обижает то, что Бессарабия вернулась в состав Советского государства? Она еще до революции входила в состав России и была отторгнута Румынией в 1918 году. Тогда Красная Армия была слабой. Советская Россия не имела возможности защитить все свои границы. Так что в 1940 году произошло не отторжение части Румынии в пользу СССР, а возвращение этой территории домой с восстановлением прежних границ. Если рассматривать дело исторически, то левобережная Молдавия вообще никогда не входила в состав Румынского государства. Намек на Бессарабию остался единственной шероховатостью во время нашей встречи в Пицунде. Мы встречались много раз и позже. Внешне сохранялись хорошие отношения. Однако я не замечал в них прежней теплоты и откровенности. Наблюдалась вежливость, но какая-то искусственная, а не братское радушие. Наши посольские работники тоже докладывали о том же.

Я и сейчас не могу объяснить, чем все это было вызвано. Мы, признаться, решили тогда, что, возможно, виной тому Маурер. Лично к нему у меня не было никаких претензий. Он вежливый, воспитанный человек, с ним всегда приятно побеседовать и в деловой, и в непринужденной обстановке. Мы вместе с ним неоднократно охотились. Это прекрасный охотник, меткий стрелок и хороший товарищ в походе. Кое-кого смущало его происхождение: не пролетарий, а потомственный интеллигент. Он имел сильное влияние на Дежа. Они дружили с тех времен, когда, будучи адвокатом, Маурер на суде защищал Дежа. Но такой факт тоже говорит в пользу Маурера: в королевской Румынии взялся защищать коммуниста! Однако, может быть, у него сохранились какие-то пережитки националистического характера? И он, получив высокий пост в Румынии, стал оказывать вредное влияние на наши отношения? Сплошные домыслы. Никаких конкретных фактов у меня не было и нет сейчас. Тут какое-то горестное недоразумение, которое наносит ущерб нашим отношениям.

В последующее время огромный вес в политике Румынии приобрел Чаушеску. Но я ничего не могу сказать о нем, кроме того, что это молодой и неглупый человек, который тоже прошел

школу классовой борьбы. Видимо, он – не случайный человек в руководстве Румынии. Сейчас, находясь в отставке, я наблюдаю за политикой Румынии, и не все мне в ней понятно, некоторые ее международные шаги не находят толкового объяснения.

В вопросах обороны Румыния занимала обособленную позицию, не всегда выполняла планы, которые разрабатывались странами Варшавского договора, по которым каждая страна брала на себя обязательства иметь определенное количество войск и вооружений. Соответственно распределялись заказы на изготовление этого вооружения.

Я помню такой факт: по планам Варшавского договора Румыния должна была приобрести некоторое количество танков, которые ею были заказаны в Чехословакии. Когда Чехословакия выполнила заказ, а Румыния должна была их выкупить, то она платить отказалась. Почему я это помню? Потому, что товарищ Новотный[282] трагически взывал к нам: «Мы затратили деньги, мы торговлей живем, а Румыния не принимает танки, не компенсирует наши затраты».

Я не помню, какое потом решение приняла Румыния, но это уже было нарушение определенного договорного порядка, и такие нарушения недопустимы. Если ты входишь в содружество Варшавского договора и военные интересы требуют создания определенного уровня вооружений, и если то или другое государство само не может производить эти вооружения, то заказ распределяется между другими странами. Этот заказ надо рассматривать как свой заказ, поэтому ты должен получить его и расплатиться.

Имели место и другие подобные факты. Маршал Гречко[283] докладывал мне, когда командовал Объединенными Вооруженными Силами стран – членов Варшавского договора, что на совещаниях штабных работников министр обороны Румынии вел себя неподобающе, и Гречко вынужден был призвать его к порядку, как старший по званию. Ведь министры обороны стран – участниц договора являются заместителями Главнокомандующего. Однако все такие инциденты были отголосками глубинных процессов, которые разъедали наши братские отношения. Корни их остались мне неведомы, да и сейчас я их не знаю. Думаю, что время все перемелет. Ведь интересы всех социалистических стран едины. К сожалению, в воспоминаниях о румынском соседе я так и не сумел раскрыть то главное, что хотел: объяснить возникновение трещин в наших отношениях. Они и поныне не зарубцевались, а отношения так и остались холодными, если не хуже.

Какое-то время после моего перехода на положение

пенсионера я в своих раздумьях приписывал это охлаждение себе, считал, что оно может быть вызвано влиянием моих личных качеств, недостатков. Однако вот скоро уже будет лет шесть, как я вне политики, а отношения не только не улучшились, а ухудшились. Значит, тут дело не в личностях, а есть какие-то еще причины, которые разъединяют наши страны и наши партии. Их, к сожалению, я не мог и не могу назвать.

Часть X. Окно в Азию и Африку

«Открытие» Индии (1955 г.)

Что мы знали об Индии? Говорю здесь о себе и Булганине. Пожалуй, очень мало. Читая газеты, следили за деятельностью Неру. Проводимую им политику рассматривали во времена Сталина как нечто, близкое к пацифизму. Учение Ганди[284] о непротивлении злу и другие его толстовские высказывания в том же духе нас не привлекали. Мы ценили благородство души Ганди, но не понимали его. В современном мире добиться свободы такими средствами невозможно. Неру[285] был его ближайшим другом, и мы не отделяли в личном плане Неру от Ганди. В политике цели, которые ставил перед собой Ганди, преследовал потом Неру. Но, когда они добились ухода Англии из Индии, это уже прозвучало по-другому. Теперь волей-неволей мы должны были более чутко прислушиваться к вождям индийского народа.

Наши знания об Индии были, честно говоря, не только поверхностны, но просто примитивны. Я лично черпал часть знаний об Индии, не смейтесь, из арии индийского гостя в опере Римского-Корсакова «Садко»: «Не счесть алмазов в каменных пещерах…» Знал, что там теплая страна, теплое море, не счесть богатств: животный мир – нечто сказочное. Джунгли… Само это слово производило большое впечатление, гораздо большее, чем сейчас, когда мы сами увидели их и конкретно представили себе, что это такое. Вовсе не столь экзотично!

Конечно, о богатейшей древней культуре Индии мы имели некоторое представление, но тоже довольно отдаленное. В беседах членов Политбюро со Сталиным много раз поднимался вопрос о наших отношениях с Индией, но Сталин относился к Индии без особого внимания, причем незаслуженно. Такая страна должна была бы привлечь его внимание. Он ее недооценивал и, видимо, событий в ней толком не понимал. Впервые Сталин обратил пристальное внимание на Индию после того, как Индия в 1947 году обрела независимость. Сам же Неру тогда предпочитал иметь дело напрямую не с СССР, а с Китаем, Индонезией, Пакистаном, Бирмой. Хотя Китай вскоре оказался под руководством коммунистической партии, но все-таки существовали еще какие-то надежды у некоторых политических деятелей разных стран на то, что путь строительства нового общества в Китае будет не вполне социалистическим. Правда, в Пекине определенно заявляли, что они коммунисты и пойдут по пути строительства социализма.

Но, видимо, это вовсе не отпугивало Неру в тот период его политической деятельности.

Я не приписываю Неру таких взглядов. Тут просто мои умозаключения. Вскоре в Индии побывал Тито[286]. Он туда приплыл на корабле, а на обратном пути гостил в Каире. Тито первым из всех руководителей социалистических стран Европы проложил путь в Индию. Но к Тито отношение в Индии тоже было другое. Тито ведь был тогда противником Сталина, а мы ему приклеивали ярлык антикоммуниста: он, дескать, продался врагам, перекинулся на сторону американского империализма, отказался от строительства социализма. Писали о нем всякую небылицу.

Из сообщений, которые попадали в советские газеты, вытекало, что направленность развития Индии – капиталистическая. Ничто не свидетельствовало о строительстве там социализма. Это нас отталкивало.

С другой стороны, у Неру имелось устремление создать демократическое государство.

Мы не понимали, почему он терпимо относится к англичанам, своим вчерашним поработителям. В индийской армии остались служить английские офицеры, кое-где служили английские чиновники. Это нас настораживало. Как говорится, русская душа такова: пить, так уж пить; гулять, так уж гулять; а если бороться, так до победы. Индийские руководители вели борьбу другими методами. Тем не менее благие намерения, которые проявлялись в политике правительства Неру, завоевывали у нас если и не симпатии, то какое-то расположение. Безусловно, индийский народ пользовался в СССР особым уважением хотя бы потому, что был ранее угнетаем колонизаторами и добился теперь освобождения. Но его руководство как-то не располагало нас к себе. Конечно, нам не очень импонировало, когда Неру, Чжоу Эньлай и Сукарно[287], представители трех великих азиатских стран, собрались в Индонезии в Бандунге и выработали совместную платформу – Бандунгскую декларацию. Она сводилась к тому, что надо стремиться к мирному сосуществованию, прилагать усилия, чтобы избежать войны. Эта платформа была опубликована в наших газетах. Сталин ее прочитал и одобрил. Я помню, как-то в непринужденной беседе, когда Сталин находился в хорошем расположении духа, он как бы мельком вспомнил об этой декларации:

– Декларация неплохая. Если бы нам предложили, то мы бы охотно подписали ее[288].

Умирает Сталин. Мы без него к самостоятельному ведению внешней политики еще были не готовы. В последние годы жизни он проявлял большое недовольство нами, говорил, что мы

погибнем, нас империалисты передушат, что мы просто сосунки. И после смерти Сталина мы оказались как бы выброшенными на безлюдный остров. В дипломатических связях с капиталистическими государствами личного опыта не имели, кроме Молотова. Только Молотов был приобщен к контактам с представителями капиталистических государств. Но он тогда уже не пользовался среди нас непререкаемым авторитетом и не мог единолично определять характер отношений СССР с капиталистическими государствами. Мы хотели теперь сами быть «с усами», а не только слушать предложения Министерства иностранных дел и узнавать от них конкретное существо международных проблем. Молотов оставался для нас авторитетом, но таким, который полностью нас уже не удовлетворял. Нам требовалось лично посмотреть своими глазами и пощупать своими руками, чтобы правильнее определять наши контакты с капиталистическим миром, к которому мы относились с сугубо классовых позиций: были готовы к борьбе, к защите Родины. Это мы хорошо усвоили, пройдя большую историческую школу. А теперь надо было устанавливать тесные контакты, считаясь не только с теорией, но и со сложившейся действительностью. Мы живем в капиталистическом окружении, но нам нужно иметь контакты и как-то ладить с этим миром, строить и экономические, и дипломатические отношения. А как? Если кто из нас ранее за границей и бывал, то кроме Молотова только Микоян[289], но и его поездки были кратковременными. Он имел о заграница представлений больше, чем мы, потому что никто из нас в глаза практически не видел живого «американэна»[290], так в пьесе Иванова «Бронепоезд 14–69» партизаны обращались к пленному американцу.

Мы не буквально, но в чем-то были похожи на этих партизан в знании своих противников. Конечно, мы их видели, мы встречались с Эйзенхауэром, встречались с Иденом, мы встречались с де Голлем. Де Голль приезжал к нам после войны. Но именно видели, и все эти контакты мы рассматривали со своих особых, предвзятых позиций недоверия, с позиций возможной неизбежности новой войны. Теперь мы хотели большего.

Дипломатические отношения СССР с Индией были установлены еще при жизни Сталина. Кто был у нас первым послом Индии? Кажется, Радхакришнан[291], худощавый человек, уже в летах. После смерти Прасада[292] он стал президентом Индии. Он был наш хороший друг, умный человек. Радхакришнан имел ученую степень по философии. У меня остались очень

хорошие впечатления от бесед, которые я имел с ним в Индии, и позже, когда он приезжал к нам. По-моему, он одно время возглавлял организацию борцов за мир и по общественным делам заглядывал в нашу страну.

В годы моей руководящей деятельности послом Индии, которого я очень уважал и сейчас уважаю, был очень хороший, порядочный человек Кришна Менон[293]. Он делал все для того, чтобы мы получше узнали Индию, и примером своего поведения душевно располагал нас к Индии и к ее народу. Я много имел с ним контактов, бесед и всегда оставался доволен этими встречами с чрезвычайно симпатичным, приятным и умным человеком. Этот верный сын своего народа умел строить деловые отношения с правительством той страны, в которой пребывал послом. Замечательная у него была и супруга. Она оставила у меня и всех моих товарищей по тому времени наилучшие воспоминания. Мы не раз встречались с ней во время дипломатических приемов.

Наступил 1954 год. После смерти Сталина мы успели заключить с Индией только торговое соглашение. И тут приехал в нашу страну с официальным визитом[294] премьер-министр Индии Неру. Его сопровождала дочь, позднее тоже премьер-министр, Индира Ганди[295]. Неру мы показали все, что только он хотел посмотреть. Да мы и сами были заинтересованы в том. Пусть увидит все, как есть, без прикрас. Естественно, мы хотели, чтобы он увидел лучшее и имел бы хорошее впечатление о советской стране. Поглядел, как мы, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, претворяем ее на практике в жизнь; каких достигли результатов в строительстве социализма. Мы ведь имели возможность конкретно ему это продемонстрировать. И Неру объехал значительную часть СССР: и Среднюю Азию, и другие места. У меня сложилось впечатление, что он высоко ценил наши успехи.

Имели мы с ним и беседы. Они протекали превосходно. Неру сумел оставить о себе доброе впечатление и проявлял при любых контактах незаурядный ум. Но расстались мы все-таки каждый при своем мнении о желательных путях развития наших стран, так что прежнее наше отношение к Неру в принципе не изменилось. Мы, как и раньше, относились к нему с большим уважением и высоко ценили его, но считали, что это человек особого склада, особой культуры и особых взглядов, что по существу дела верно. Ведь он не был марксистом. Путь развития к лучшему, который он избрал для своей страны, очень длительный, и неизвестно, к чему он может привести. И тогда, и позже, прямо этого не говоря, но фактически поступая так, мы

противопоставляли этому пути успехи, которых добился народный Китай. То есть для всей Азии, включая Индию, примером должен быть Китай, который за короткое время достиг очень многого. Индийцы и сами чувствовали, что Китай их опережает. Мы-то хотели, чтобы Индия развивала тяжелую промышленность и поднимала жизненный уровень народа, но не такими методами и не такой политикой, которые провозглашал Неру, потому что это окажется недостижимым и на много лет обречет народ Индии на нищенское существование.

Внешне наши беседы с Неру проходили гладко, он хвалил советские успехи, но относительно того, что наш опыт может быть в какой-то степени перенесен в условия Индии, ни разу не заговорил и даже не давал нам повода думать, что он этого вообще хотел. Мы тоже о том не заикались, чтобы не навязывать ему свое мировоззрение.

Затем Неру пригласил правительственную делегацию СССР в Индию. В конце ноября 1955 года мы выехали в Индию[296].

Когда мы туда прибыли, стояла зима, но для нас там царило жаркое лето. Индия есть Индия. Это не средняя полоса СССР и даже не Сочи. В различных провинциях Индии существуют разные оттенки ее жаркого климата и влажности, но по нашим стандартам там сплошная жара.

В приглашении от Неру было сказано, что к себе они приглашают Председателя Совета Министров СССР Булганина и члена Президиума Верховного Совета СССР Хрущева. Мы приняли приглашение с удовольствием. Нам хотелось побывать в Индии, познакомиться с ее народом, увидеть его культуру и повседневную жизнь. Делегация в целом была составлена довольно солидная. Были там и мидовцы, и представители среднеазиатских республик. Мы хотели продемонстрировать индийцам советских людей разных национальностей, вероисповедания и культуры.

Решили лететь самолетом. Самолеты тогда у нас имелись не самые лучшие. Остановились на Ил-14, новой машине, двухмоторной и самой грузоподъемной. Теперь-то мы знаем, что это был вчерашний день пассажирской авиации. Тут мы ничем не могли похвастать, потому что отстали от Запада, но иного у нас не было. Летели через Ташкент, там заправлялись, а оттуда, уже без посадки, попали в Дели. Рассчитали время, обусловленное индийским правительством. Летела официальная делегация, были положены всяческие государственные церемонии и следовало прибыть в известное время, чтобы не нарушать заготовленных церемоний.

В Дели первая же встреча с Индией произвела на меня

невероятное впечатление. Русскому человеку трудно себе представить, с чем мы встретились: очень теплый климат, внешне до черноты смуглые люди, бесконечное разнообразие одежд по стоимости и по нарядности. Одни выглядели нищенски, другие рядом с ними роскошно одеты. Богатые расцветки и фасоны верхнего платья всех видов. Производят яркое впечатление на зрителя мужские головные уборы (белые, зеленые) и заплетенные косичками бороды. Все это было для нас сказочным и казалось каким-то спектаклем, театральным зрелищем.

Встреча тоже оказалась невероятной: самое доброжелательное, горячее, дружеское, братское отношение к приезжим. Ни в одной иной стране мы не видели такого ни со стороны народа, ни со стороны премьер-министра. Поехали мы в отведенную советской делегации резиденцию – президентский дворец, который ранее занимал британский губернатор – королевский наместник в Индии. Президентом Индии был тогда Прасад, пожилой человек мрачного вида. Его внешняя мрачность как бы отражала внутреннее содержание: мы получили информацию, что он очень неприязненно относился к нашей делегации; говорили, что он был недоволен тем, что нас разместили в президентском дворце. Во-первых, мы коммунисты; во-вторых, он был весьма религиозный человек, не ел говядины и передавали такие его слова: «Поселили русских, они загадят мой дворец, будут есть там говядину, уж не говоря о распитии спиртных напитков». (У индусов, исповедовавших индуистскую религию, корова священное животное и употребление в пищу говядины – грех. – *С. Х.*) Я видел, как некоторые индусы употребляли алкогольные напитки, но это было исключением. Видимо, у части индусов имелось своеобразное представление о русских, которые, дескать, обязательно сосут водку. Вот Прасад и выражал беспокойство. Нам он, конечно, ничего о том не говорил, когда мы нанесли ему визит: нас принял соответственно, но все встречи с ним оставались официальными и подчеркнуто сухими. Совсем иначе мы встречались с Неру.

Приехали мы в резиденцию президента, сооруженную ранее для вице-короля Индии. Все там сделано великолепно и фундаментально, площадь перед дворцом тоже замечательная. Вокруг английская система газонов, зеленых, подстриженных. Все в городе дышало жизнью и производило сильное впечатление. Это был Новый Дели[297]. В Старом Дели я не побывал, так как туда нас не повезли. Но люди, которые обслуживали нас, рассказывали, что если глянуть на Старый Дели, то только тогда можно лучше представить себе повседневную жизнь индийского народа. Ведь мы тесно общались прежде всего с представителями

правительства, с известной общественностью, с интеллигенцией, то есть с лицами довольно высокого уровня и по культуре, и по развитию, и даже по одежде. По ним невозможно представить себе то бедственное положение, в котором находились широкие народные массы.

Было заранее обусловлено, сколько дней мы пробудем в Индии. Соответственно была разработана программа нашего пребывания. Нам были запланированы для посещения города Калькутта, Бомбей и Мадрас[298]; парламент с правом выступить в нем, строительство гидростанции, угольный бассейн, машиностроительный завод. Потом нам предложили побывать в джунглях и даже покататься на слонах. Мы согласились, ведь это экзотика. Может быть, и не следовало нам взбираться на слонов, но мы-то считали, что Индия без слонов и слоны без Индии просто немыслимы. А отказаться от любезного предложения индийского руководства – значит продемонстрировать пренебрежение к местным традициям, что показалось бы невежливым или даже в какой-то степени оскорбительным. Мы этого не хотели. Да и что стоило нам взобраться? Подставили лесенку, залезли мы на слона и проехали на нем сколько-то там метров. Это и была символическая прогулка в джунглях.

Был предусмотрен также ряд встреч и митингов или, как у них называется, гражданских приемов. Сначала там выступали хозяева, потом предоставлялась возможность выступить гостям. После официальных бесед, которые мы провели в Дели с Неру и членами его правительства, мы пустились в поездку по стране. В поездке нас сопровождал отвечавший за нашу безопасность Серов[299]. Он установил контакт с министром внутренних дел Индии и забирался в такие уголки, куда нас не только не приглашали, но и не следовало приглашать. Серов рассказывал, что есть места, где скапливаются бездомные и голодные, где каждое утро выволакивают из закутков десятками мертвецов и вывозят для захоронения. Так что нельзя было судить об Индии только по приемам и по людям, с которыми встречаешься. Существовала и другая Индия, живущая в трущобах и умирающая тоже в них. Как бы две Индии, и одна на другую не похожие.

Отношения у нас с Неру сложились доверительные. Между прочим, даже Неру полагал, что русские без спиртных напитков вообще не могут жить. Поэтому он решил «проявить внимание», создав нам, так сказать, привычные условия пребывания. Нам передали от его имени, что поскольку индусы спиртных напитков не употребляют, то на обедах будут выставлены только прохладительные напитки и соки, но для тех из нас, кто пожелает, сбоку будет находиться комната (нам ее специально

показали) с закусками, фруктами и любыми алкогольными напитками, от водки и коньяка до шампанского. Когда мы захотим, то можем войти туда и пользоваться всем по своему усмотрению. Мы в ответ поблагодарили и сказали: «Можете эту комнату закрыть, мы туда заходить не будем и с большим удовольствием принимаем ваши порядки». Мне они особенно пришлись по душе, и я обратился к Неру с такими словами: «То, что вы не пьете спиртных напитков, это более чем разумно. Здесь такой жаркий климат, да еще если выпить что-то спиртное, независимо от количества, то и не знаю, как можно будет это выдержать». Никто из нас, конечно, потом не прокладывал тропу в эту комнату. Я запретил всем даже заглядывать туда. Но президента Прасада мы все же огорчили, потому что ели говядину, осквернив его дворец запретным мясом.

Среди индусов очень много вегетарианцев[300]. Нас предупредили, что на столах можно увидеть красные розочки. Они кладутся около прибора вегетарианца, и те лица, которые подают кушанья, учитывают это, принося только растительную пищу. Потом такой обычай мы наблюдали во всех городах, где давались обеды в нашу честь. Я не помню, подавали ли этим лицам хотя бы рыбу. Менон, о котором я уже упоминал, был очень строг в смысле национальных традиций. Он, живя в СССР, даже черную икру не ел, раз она добыта из живого организма. Не помню в связи с этим, как он относился к яйцам. Правда, большинство вегетарианцев, с которыми я там сталкивался, были людьми обеспеченными, которые могли себе позволить выбор кушаний. Это не те, кто рубил уголь или добывал руду. Когда организм истощается тяжким трудом, то для восстановления сил необходима белковая пища. Однако мне неизвестно, имелись ли среди индусов вегетарианцы, занимавшиеся тяжелым физическим трудом. Как все знают, граф Лев Толстой тоже стал под старость вегетарианцем. Русские рабочие в начале века злословили: «Граф, конечно, может себе позволить обходиться без мяса». Действительно, он, если хотел, покупал, допустим, 20 сортов сыра. А взять рабочего? Если он не купит фунт мяса (фунт мяса в мое время стоил 15 коп.), то за вегетарианские продукты ему пришлось бы заплатить более высокую сумму. Это, так сказать, отвлечение от темы рассказа в социально-классовом аспекте.

Когда после завершения протокольных встреч и бесед с официальными лицами мы поехали по Индии, то нам создали наилучшие условия, и мы успели посмотреть все, что нам хотели показать. Но я так говорю не потому, что от нас что-то хотели утаить, а потому, что мы не знали ничего об Индии, так что у нас никаких особых пожеланий и не возникало: мы с удовольствием

знакомились со всем подряд. Тут мы полностью полагались на соображения премьера Неру.

Из города в город мы перелетали самолетом, а по территории того или иного штата ездили на автомашине. Меня поразил низкий уровень развития земледелия, просто невероятный, намного ниже того, который я помнил по своей деревне, да и по деревням других губерний царской России. Там встречались плуг и борона, а помещики имели паровые молотильные машины. В Индии мы увидели буйвола, редко пару буйволов, и какую-то соху. Индиец, буквально царапая землю, ползает по ней вслед за буйволом – и это называется обработкой земли.

Наблюдал я сбор урожая риса. Урожай был неплохой. Видимо, за счет того, что они сажают рис в воду. Поэтому, когда они ковыряют землю, а потом вручную высаживают рассаду, вступают в силу климатические условия: много тепла, воды, света, вот и получается неплохой урожай. По густоте стояния колосков было видно, что урожай получался сносный. Как шла уборка? Я кое-где сам брал орудие производства в руки и пробовал косить (не рис, конечно), желая показать, что мы, советские люди труда, знаем, что такое труд, и умеем обращаться с косой. Это на них производило очень большое впечатление. Косить долго я уже не мог, но, конечно, знал, с какой стороны взять косу и как получше размахнуться. Хоть я и рабочий, но какое-то время жил в деревне и худо-бедно пробовал косить, даже никогда не будучи косарем. Общее же впечатление о сельском хозяйстве Индии у меня сложилось ужасное.

Побывали мы на машиностроительных заводах. Они отвечали современным требованиям техники. Это мне было понятно. Капиталисты знают производство, а конкуренция заставляет их использовать только то оборудование, которое требуется, чтобы получить прибыль на вложенный в дело капитал. Показали нам также строительство гидростанции[301].

Гидростанция строилась на базе техники, которая была ниже нашей, хотя строительство вела английская фирма. Объяснения давал инженер-англичанин. Мы вели строительство ГЭС на более высоком уровне, не говоря уже о мощности самих ГЭС. Там на самом деле велись ирригационные работы и создавалась плотина для сбора воды, а в нее попутно была вмонтирована гидротурбина.

В этом штате премьер-министром был мусульманин[302], и религиозная принадлежность чиновников накладывала особый отпечаток на организацию управления штатом. В Индии религиозные предрассудки очень сильны. Когда мы беседовали с тамошними руководителями, то остро почувствовали, что они

мусульмане. Правда, я не встречал там мусульман, которые неуважительно относились бы к Неру. Он владел симпатиями людей во всех штатах, за исключением Бомбея. В Бомбее хозяйничал Десай[303]. С ним уже тогда у Неру имелись трудности. Десай проводил реакционную политику и претендовал на высокое положение в центральном правительстве Индии.

Приехали мы в Мадрас. Город очень чистенький, как вообще большинство приморских городов, к тому же весь зеленый, с массой южных растений и фруктовых деревьев. Все это нас очаровывало, мы окунулись в сказочный мир. Единственное, что нас отрезвляло: роскошь с одной стороны и дикая нищета – с другой. Столь резкое расслоение в Индии сразу бросалось в глаза. Да, там построили много заводов, какая-то часть людей стала жить лучше, но миллионы граждан этой стране находятся в полуголодном состоянии.

Врезался мне в память один из митингов, организованный на окраине города. Мы с Булганиным ехали туда в открытой машине и попали под проливной дождь. Вода была не холодная, но нас крепко промочило. При движении острый сквозняк продул нас, Николай Александрович простудился. Мы подшучивали над ним: простудиться в Индии – на это надо иметь особое везение! Человек с севера – и не перенес дождя на юге Индии! Ехали мы туда вместе с губернатором. Губернаторские посты занимала, главным образом, бывшая знать – магараджи[304]. Такого толстого человека, как он, я еще не встречал. В автомобиле места едва-едва хватало для него одного, а мы должны были сидеть втроем. Губернатор посадил нас по краям, в глубине сиденья, а сам пристроился посередине между нами на корточках. Мы и над этим долго потом подшучивали, когда вспоминали о встрече с таким «необъятным» человеком.

Все митинги проходили однообразно. Говорили хозяева, потом предоставлялось слово нам. Выступали с речью Булганин, или я, либо другие советские ораторы. Все речи носили дружественный, приветственный характер. После митинга местные власти организовали концерты на открытом воздухе. Мы видели и слышали певцов, танцоров, рассказчиков. Их экзотические одежды, манеры танца и пения тоже были для нас в новость. Ни я, ни Булганин раньше совершенно не встречали таких форм танцев и пения. Иногда нам показывали акробатические номера. Все производило на нас сильное впечатление, но, откровенно говоря, мы плохо разбирались в подспудном смысле показываемого, отягощенного индийской символикой, и поэтому сильно уставали. В Мадрасе на концерте около меня сидел один из местных лидеров, который

впоследствии организовывал партию на религиозной, реакционной основе[305]. Он, как мне рассказывали, был прежде большим другом «отца нации» Ганди. Сам ходил в каких-то трусах без рубахи. Цвет кожи у него желтый, он высох, как ящерица, весь худющий, кости резко обозначены под кожей, лицо аскетическое, изможденное. Этот аскет все время говорил со мной, не давая возможности следить за концертом и получать удовольствие, и даже спросил меня: «Вы очень хотите слушать и смотреть?» Я понял, что он хотел меня отвлечь, а мне неудобно сказать ему правду: не мешай, дескать. И я ответил: «Охотно вас слушаю».

Тут он стал повествовать о своем понимании путей будущего развития Индии. Много рассказывал и о себе. Оказывается, он занимал видное религиозное положение во время, когда Индия была колонией Англии, а потом являлся генерал-губернатором страны в переходный период, когда Великобритания решила уйти из Индии и предоставить ей независимость. Он доказывал мне, что Индия не должна в развитии экономики брать пример с СССР, что в Индии нельзя строить крупные заводы, что вообще индустриализация не для Индии. По его мнению, если в многонаселенной Индии будут возведены крупные заводы с механизацией и автоматизацией, то масса тружеников пополнит армию безработных, нищета возрастет. Он сохранял идеал Ганди: все производство – это прялка. На национальном знамени имеется изображение ножной прялки; только ремесленный труд есть база прогресса Индии. Мне неизвестно, знаком ли он был с научной политэкономией. Конечно, Карла Маркса он не «нюхал», да и «нюхать» не хотел, этот запах для него был совершенно невыносимым.

Полагаю, что он навязал мне эту беседу как раз из-за митинга в Мадрасе, где я выступал попеременно с Булганиным. Я там говорил о нашей индустриализации, о преимуществах тяжелой промышленности. Премьер-министр штата тоже был его сторонником[306], и после того как я выступил, этот премьер выступил вторично. Из перевода для меня его речи я понял, что он, не называя меня лично и не вступая в прямую полемику, спорил со мной, доказывая, что Индия должна идти своим путем, через ремесленные мастерские и ручной труд. Он тоже напирал на то, что у них много населения, а механизация еще больше увеличит незанятость трудящихся. Это совершенно ложное направление мыслей имело в Индии немало сторонников.

Однако на всех митингах главной темой мы брали все же осуждение колониальной системы и агрессивных сил, которые проводили и еще проводят колониальную политику. Указывали

на то, что бедственное положение, в котором находится индийский народ, есть результат многолетнего его пребывания под колониальным гнетом, результат грабежа его монополиями, которые за счет народа строили свое благополучие. Эти идеи очень хорошо встречались везде и повсюду. Как только мы начинали об этом говорить, народ бурно нас приветствовал.

Антиколониальная направленность наших выступлений была не отвлеченной, а направлялась конкретно против британских колонизаторов. Мне казалось, что Неру и Индира Ганди не одобряли такой резкой направленности, но нам они ничего не говорили и не указывали на то, что мы вроде бы злоупотребляем их гостеприимством, проводя свои идеи. Но это чувствовалось. Тем не менее мы сохраняли прежнюю нацеленность своих выступлений, и людям это нравилось. Мы выступали как коммунисты. Заодно скажу, что авторитет СССР в Индии был очень высок. Согласно намеченному плану мы должны были поехать в Бомбей, крупный портовый город. Там тогда проходили межплеменные волнения[307] с человеческими жертвами, дело доходило до схваток и драк. Нам разъяснили обстановку в Бомбее, но попросили не менять маршрута. Неру считал, что нам полезно там побывать. То, что там неспокойно, внутренний вопрос, а Неру считал, что обе борющиеся стороны станут нас приветствовать самым радушным образом, так что наш приезд поспособствует умиротворению людей и прекращению волнений. И мы полетели в Бомбей.

Когда мы там с аэродрома ехали на машинах в отведенную для нас резиденцию, то столько народу вышло нас встречать, что все улицы были забиты. Мы буквально продирались сквозь толпы. На машины, в которых мы ехали, прыгали люди, становились на подножки, тянулись к нам руками, чтобы притронуться к нашей одежде. Кончилось это тем, что гроздь повисших на машине людей раздавила ее, и она вышла из строя. Нас и тут сопровождал Серов, который командовал охраной вместе с лицом, уполномоченным от Индии. Неру этого уполномоченного взял к себе в семью еще мальчиком и воспитывал его. Очень хороший был парень. Как нам сообщал Серов, у них сложились самые лучшие, доверительные отношения. Тот парень пробрался к нам, скача по крышам автомашин, и порекомендовал: «Впереди нас полицейская машина и с решеткой. Это единственная возможность проехать в резиденцию, другого ничего нет. Думаю, вы правильно поймете и извините нас, что мы делаем такое предложение, оно в целях вашей же безопасности». Мы так и поступили, и толпа потеряла нас из виду. Люди все время искали нас, заглядывали в окна автомашин и наконец увидели, что мы

едем в полицейском автомобиле. Все бросились к нему, но опоздали, так как мы уже обогнали тех, кто ехал впереди. А лица, встречавшие нас, растерялись, ибо не могли себе представить, что столь высокопоставленная делегация приедет в машине с железными решетками на окнах.

Итак, мы благополучно добрались до резиденции. Духота и жарища стояли невыносимые. Нам посоветовали лечь в ванну, наполненную холодной водой. Но она только потому называлась холодной, что не была специально подогрета. А мы торопились на прием. Его в нашу честь устроили руководители штата во главе с местным премьером Десаем и губернатором. Нам сообщили, что снаружи все забито, люди сидят на улицах, площадях, тротуарах, пробиться невозможно. Они выкрикивали лозунг дружбы: «Хинди, руси, бхай, бхай!» («Индийцы и русские – братья»). Всю ночь они просидели там, а их крики мы слышали в нашем дворце. Прием пришлось отменить. Хотя мы этим были огорчены, зато получили возможность по-настоящему отдохнуть. К утру народ рассеялся, и мы приступили к выполнению намеченной программы. В моей памяти сохранился великолепный бомбейский морской аквариум. Конечно, осмотрели мы и город, проехали по его окрестностям. Но не ходили, а осматривали все из машины.

Затем туда прилетел Неру и предложил нам съездить на молочную буйволовую ферму, поскольку такой формы хозяйства у нас нет. На ферме организовали дегустацию молока. В СССР на юге есть буйволы, но это главным образом рабочий скот с низкими удоями. А в Бомбее получали приличные удои. Молоко 7 %-й жирности – это просто невероятно! Пить его в натуре даже несколько неприятно, слишком оно приторное и жирное. Там механическим способом обезжиривали его, снижая жирность до 3 %, тогда оно становилось на наш вкус привычным. Состоялась обстоятельная беседа с губернатором[308], человеком среднего возраста. Она проходила вчетвером: трое наших и он, переводчик имелся только с нашей стороны. Губернатор нам продемонстрировал, что он прогрессивный человек, с симпатией относящийся к СССР, хотя он и не был коммунистом, а принадлежал к партии Неру.

Зато премьер-министр штата Десай относился к нам враждебно, вообще был против нашего приглашения в Бомбей. Мы с ним тоже встречались, но разговоры носили чисто формальный характер. Позднее я с Десаем еще раз встречался, он оставался верен себе, своим реакционным взглядам. До сих пор лидером оппозиции тем реформам, которые старается проводить нынешний премьер-министр Индии Индира Ганди, является Десай. Мы с ним друг друга хорошо понимали, но наши позиции

были абсолютно противоположными. Он твердо стоял на линии проамериканской политики и считал, что Индия должна развиваться по классической капиталистической схеме. Губернатор, я уже о нем рассказывал, занимал другую позицию. Естественно, мы к нему отнеслись с большей симпатией. На митингах и в Бомбее, и везде нас встречали с огромным подъемом. Народ в нашем лице приветствовал Советский Союз, выражая нам самые горячие чувства.

Затем с нами повели разговор о поездке в Кашмир. Когда составлялась программа, то в нее сразу хотели внести посещение Кашмира, но мы попросили не делать этого, потому что из-за Кашмира возникло военное столкновение с Пакистаном[309]. В Кашмире преобладало мусульманское население, и Пакистан настаивал на том, что Кашмир должен войти в его состав. Часть Кашмира в результате военных действий так и осталась в Пакистане. Мы не хотели своим присутствием осложнять отношения между Индией и Пакистаном, не хотели и связывать себя с претензиями Индии, считая, что нам лучше занять нейтральную позицию. Пусть они сами решают свои спорные вопросы. Индусы обратились с особо подчеркнутой просьбой поддержать их позицию, что нам вовсе не импонировало. Но не хотелось огорчать Неру своим отказом. Наши симпатии были на его стороне, на стороне Индии, хотя бы потому, что Индия занимала разумную позицию в международных вопросах, не входила ни в какие блоки, с симпатией относилась к Советскому Союзу.

Пакистан занимал противоположную позицию, вошел в военный блок СЕАТО. Эта военная организация была направлена прежде всего против Советского Союза. Нам, собственно, было выгоднее поддерживать Индию, укреплять с ней дружеские отношения. С Пакистаном у нас никаких дружеских отношений не было. Мы верили, что в потенции как бы заложены семена дружбы, но они глушатся реакционными силами и не прорастают. Они когда-то должны прорасти, и отношения с Пакистаном, его народами станут такими дружескими, как и с индийским народом. Пока же этого не было. Мы посоветовались и решили согласиться, удовлетворить просьбу Неру и посетить Кашмир. Это произошло на последнем этапе нашего знакомства с Индией.

Перед Кашмиром мы посетили штат Кералу[310]. Там коммунисты вскоре создали свое правительство. Правда, оно продержалось недолго. Вторично коммунистическое правительство там было образовано, когда я уже находился на пенсии. Одним словом, в том штате коммунисты были сильны. Сколько насчитывалось членов компартии в том или ином штате,

по реакции на митингах разобрать было невозможно. Всюду выражались явные симпатии к Советскому Союзу независимо от того, каково было соотношение политических сил при выборах правительства каждого штата. Даже в Бомбее, где премьером был Десай, народ обласкал нас теплотой дружелюбия. А от Кералы остались в памяти бесконечные пальмы в виде промышленных насаждений. С них собирали кокосовые плоды. Нам показали, как это делается. Люди ловко карабкаются на деревья, ноги связаны веревкой, ступни как бы присасываются к стволам. Потом с вершин сбрасываются плоды.

Там же нам показали и чайные плантации. Какой-то капиталист среднего масштаба пригласил нас к себе. Мы осмотрели его плантацию, сбор, сушку и переработку чая. Я и раньше видел, как это делается в Грузии. То, что мы увидели здесь, производило жалкое впечатление, все делалось вручную (а у нас уже имелись машины, которые срезали верхушку с чайных кустов), затем листья сбрасывались в кучу на земле. Я пошутил: «Если бы советские люди, которые пьют индийский чай, видели, как его заготавливают, они, видимо, утратили бы аппетит». Да, у нас на чайных плантациях более строгие санитарные условия. Там этого не было. Но хозяин принял нас очень любезно, угостил своим чаем и фруктами.

В том же штате мы наблюдали огромное количество обезьян. Когда мы ехали по дороге, то обезьяны, уже приученные туристами, выстраивались на обочине. Как только машина останавливалась, они мчались к ней, привыкнув к тому, что туристы их угощают, и всматривались в человека, ожидая получить дар. Еще больше обезьян облепило древний храм, огромное колоколообразное помещение, считавшееся в Индии дворцом обезьян. Обезьяны у индусов священные животные и пользуются покровительством. Миллионы этих животных превратились в бедствие для сельского хозяйства, руша кукурузу, уничтожая плоды. Но рука у индуса не поднимается против обезьяны.

В Керале мы посетили нашего уважаемого соотечественника, крупного художника Святослава Рериха[311]. Его отец тоже был известным художником, выставка их картин состоялась в Москве. Я посетил ее среди прочих. Рерих много лет живет в Индии, и жена у него индуска, он осел там крепко. Когда мы с ним встретились и я на него глянул, то поразился: лицо его имело огромное сходство с лицом Николая II, и бородка подстрижена так же, и рост тот же. Я сужу по портретам, к которым привык еще в дореволюционные времена. Тогда в каждой школе и в учебниках имелись царские портреты. Сам Рерих оказался

чрезвычайно приятным и мирным по духу человеком.

Незаметно настало время лететь в Кашмир. Путь туда лежал с юга через всю Индию на север, поближе к Афганистану. С Афганистаном Кашмир не граничит, потому что территория Пакистана отделяет Индию от Афганистана. Но у нас не хватило заправки долететь сразу до Кашмира, пришлось сделать остановку по дороге[312]. На месте приземления нас встретил местный магараджа. Тут никакого митинга не было. Разместили нас в богатейшем дворце. Магараджа устроил в нашу честь ужин, затем пригласил на концерт. Музыканты – не то его бывшие рабы, не то крепостные. Он оставался над ними владыкой вплоть до изгнания англичан. Жена у него была француженка. Он нас с ней познакомил. Ее вид вызывал жалость: она производила впечатление чем-то скованного человека и держалась не как хозяйка, ощущалась ее внутренняя угнетенность. Но с нами она была очень любезна. У меня возникло новое чувство, что она к нам апеллирует. В материальном-то отношении у нее не имелось ограничений, она жила в роскоши, но духовно чувствовала себя угнетенной. Нам рассказывали, что этот магараджа имел еще несколько жен. Когда мы сидели вечером на веранде, отдыхая, нам показали далеко в горах (еле-еле можно было рассмотреть это сооружение) дворец, в котором была заточена его первая жена.

Магараджа познакомил нас со своим сыном, молодым человеком, офицером индийской армии, который служил при президенте страны адъютантом. Так оказывали честь выходцам из знатных родов. Магараджа – человек рослый, статный и красивый, лет сорока пяти, хороший наездник и спортсмен. Он организовал в нашу честь спортивные соревнования. Я впервые увидел подобные состязания на конях: в руках каждого наездника палка с сеткой на конце, которой надо захватить мяч и, проскакав через все поле, доставить его к воротам. Нам рассказали, что, когда англичане еще господствовали в Индии, магараджа лично участвовал в этих играх, являясь капитаном в своей команде[313]. Когда они выезжали в Англию на состязания, он упал там с коня и сломал руку. Теперь мы наблюдали эту игру. Отец и сын попали в разные команды. Кони у них замечательные, носились по полю, как вихрь. Коней меняли каждые пятнадцать минут, иначе они не выдерживали темпа. Соревнование прошло благополучно, без жертв. А вечером магараджа спросил нас с Булганиным: «Вы охотники?». Я ему: «Занимаемся охотой у себя дома». Он загорелся: «Хотите, я организую охоту на тигров?» Мы поблагодарили его за внимание, но ответили, что не располагаем временем. А он не успокаивался: «Ну, останьтесь еще на сутки!» Я

признаюсь, что мне, хотя и было любопытно, не хотелось создавать плохую рекламу для СССР и для себя: приехали, дескать, охотиться на тигров.

Оттуда мы вылетели в Кашмир. Там встреча нас населением была грандиозной: оно в основном мусульманское, премьер-министр тоже мусульманин[314]. Губернатор – очень красивый человек юного возраста, сын бывшего магараджи. Нам организовали плавание на больших лодках по большому озеру, красочно обставленное[315]. Что касается внешнего вида граждан, то у нас сложилось тягостное впечатление: люди одеты бедно, одежды серее, чем на юге. Может быть, так нам казалось, потому что на юге жарко и можно носить легкие платья. Вся молодежь более ярко одета, особенно женщины. А здесь холоднее, бывают заморозки, люди должны одеваться теплее. Но сквозь их одежды просвечивала бедность, говоря откровенно – нищета. Зато отношение к нам было замечательное. Делалось все, чтобы только расположить нас к себе. Фамилии местных жителей часто созвучны с узбекскими. Мы приглашали их посетить Узбекистан. Гостить у них хорошо, потому что не подают алкогольных напитков. Прочее угощение очень вкусное, особенно люля-кебаб, сильно наперченный и с острыми приправами, но хорошо приготовленный.

Когда начался традиционный митинг, мы использовали такие заранее подготовленные речи, в которые были вставлены фразы, направленные в пользу Индии, а не Пакистана, то есть выступали с позиции принадлежности этого штата именно к Индии, с позиции индусов. Когда мы прилетели в этот штат, то там уже находилась Индира Ганди. Ее прилет туда мы расценивали как знак особого к нам уважения. Она ведь представляла своего отца.

Свои речи мы и согласовывали с ней. Наши выступления транслировались. Ганди очень высоко оценила нашу позицию в поддержку политики Индии в споре с Пакистаном. Спустя какое-то время она сказала нам, что позвонил ее отец, но не из Дели, а из другого места, передавал нам привет и выразил большое удовлетворение нашим выступлением. Мы тоже были этим довольны, хотя знали, что Пакистану это не понравится. Но у нас с Пакистаном не имелось прямых контактов, существовали самые плохие отношения. Мы-то хотели их улучшения и все делали для того, но Пакистан вступил в военные организации, направленные против нас[316]. И тут уж ничего мы поделать не смогли: сами пакистанцы не приняли нашу руку дружбы.

А наша позиция солидарности с индусами в их споре с Пакистаном еще больше содействовала укреплению дружеских отношений между Советским Союзом и Индией. Думаю, что эта

линия СССР была правильной, хотя меня всегда беспокоило, чтобы она не шла во вред нашим будущим отношениям с Пакистаном. Мы верили, что настанет время, Пакистан правильно оценит нашу политику и поймет, что ему надо дружить не с США, а с СССР, потому что только он будет оказывать народам, освободившимся от колониального гнета, бескорыстную помощь. Именно это делается сейчас в отношении Индии. Если же говорить о сугубо внешних признаках страны, то Кашмир уже не коренная Индия. Говорю так условно: это Индия и географически, и по государственным границам, штат индийского государства. Но по своей природе и по виду людей он совсем другой. Более северная природа и растительность. Я видел яблоки и груши, многое иное, что произрастает у нас даже в средней полосе России. Правда, боюсь тут ошибиться, потому что слишком мало я там находился и мало что успел рассмотреть.

Очень много интересного встретили мы в Индии, действительно в стране чудес. Замечательный народ, хотя и предельно бедный. А природа! А памятники старины, памятники искусства, архитектуры! Все это было для нас ново, поражало и восхищало. Достаточно сказать о такой жемчужине искусства, как дворец-мавзолей одного из правителей Индии Тадж-Махал[317]. Туристы обязательно посещают это место, любуются белокаменным сооружением, в котором и камня не чувствуется, ибо материал отличается особой белизной. Напротив сооружения расположен водоем. Когда займешь определенную точку возле него, то увидишь сказочное отражение дворца в воде. Мне подарили точную копию этого памятника, сделанную из алебастра. Я, любуясь им, думал: некогда, в каком-то там веке, возведено оно и доныне свидетельствует о высокой культуре индийского народа. Но, с другой стороны, когда смотришь на окружавшую нас нищету, возникает мысль, что правители трудовых людей не считали за людей и заставляли их возводить себе дворцы и мавзолеи, обрекая их умирать от тяжести труда. Владыки не считались с народом, им нужны были только рабочие руки, и они выжимали все соки из своих подданных. Сейчас эти сооружения являются гордостью Индии, памятниками ее искусства. Но они же повествуют зрителям о рабском труде: сколько же людей было замучено, чтобы возвести такие сооружения?

Когда мы окончили осмотр усыпальницы, журналисты, сейчас же окружив нас, стали выспрашивать о впечатлениях. Я сказал им о своей раздвоенности, о том, что у меня возникли два чувства: восхищение и преклонение перед теми, кто создал чудо искусства, и неприятие того, как эти люди растрачивали

человеческую энергию не на пользу другим, а для увековечивания самих себя или своих близких, в данном случае – жены бывшего владыки. Несколько в стороне им же возведен огромный и богатейший дворец. Когда его сын свергнул отца и захватил власть, то заточил его в этом дворце. Там имелась точка для обзора, какое-то отверстие, откуда тот на старости лет мог на удалении из заточения любоваться своим сооружением, чудом искусства. Нас тоже провели туда. Да, все оттуда было видно, но какая же тут радость для создателя? Здесь удел для медленного затухания жизни: ведь человек, по велению которого был сооружен мавзолей, не мог подойти к нему. Это придавало его существованию в заключении еще больше горечи.

Когда мы ездили по стране, то в пути нам попадались памятники, которые были поставлены колонизаторами в честь их побед и захватов различных территорий Индии. Все это были какие-то военные, морские или сухопутные командующие, либо представители британской короны. И все эти памятники как-то уживались рядом. Индусы – удивительные люди, их терпение невероятно. Как можно, на наш взгляд, мириться с памятниками, которые свидетельствуют об утрате независимости и угнетении страны британскими колонизаторами? Мы у себя после революции почти все старые памятники сбросили. Некоторые только оставили с соответствующими надписями, как память о былых угнетателях. Правда, и такие некоторые памятники разрушили, которые вовсе не следовало бы разрушать. Под горячую руку в Севастополе развалили памятник адмиралу Нахимову, а потом, во время Великой Отечественной войны, был учрежден орден Нахимова! Все, конечно, может случиться, когда совершается такой глубокий социальный переворот, каким был Октябрь 1917 года. Тут воистину лес рубят – щепки летят. Нахимов-то был адмиралом, а почти все адмиралы и генералы старого времени своей деятельностью служили укреплению самодержавия, которое народ свергнул. Это уже потом оценили исторические заслуги Нахимова при обороне Севастополя и учредили орден его имени.

Тут я бы сказал, что Сталин сделал это конъюнктурно. Он тогда поднял на щит Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова, портреты их повсюду вывесил. Когда я как-то приехал в Москву, то был поражен. Из какого склада он их извлек? Пыли въелось в них столько, что нельзя было ее ни стряхнуть, ни смыть. Эти портреты представляли собой музейную редкость. Но Сталину требовалось наглядное воздействие на людей, которые к нему приходят. А как только кончилась война, портреты исчезли со стен и остались только на груди воинов, удостоенных наград за

умение и храбрость в войне против Гитлера…

Завершал наше пребывание в Индии опять митинг. Неру назвал его приемом в честь СССР от имени народа Индии. На огромной красивой площади были сооружены трибуны. Народу собралось – яблоку негде упасть. Люди стояли так плотно, что раскачивались всей грудой, потому что задние напирали, чтобы продвинуться поближе к трибуне, и толпа колыхалась, как морская волна. Я опасался, что могут быть человеческие жертвы. Неру, его правительство и гости заняли свои места. Неру по радио обратился к присутствующим с просьбой, чтобы все уселись. Он тоже боялся, что спокойствия в толпе не будет, задние начнут напирать на передних и люди подушат друг друга. Народ стал садиться на землю. Подошла Индира Ганди и прошептала что-то на ухо отцу. Он снова обратился к собравшимся: «Я старый человек, думал, что удобнее всем сесть, но дочь напомнила, что при исполнении гимнов надо обязательно стоять. Прошу вас опять подняться и выслушать гимны стоя». Народ поднялся, выслушал гимны Индии и СССР, после чего Неру вновь предложил всем усесться. Наступило спокойствие. Сидящие не могли напирать, будучи прикованы к своему месту. И этот митинг произвел грандиозное впечатление. Публика восторженно реагировала на все речи, особенно тогда, когда говорилось о дружбе между нашими народами. И тут, и повсеместно в Индии звучала фраза: «Хинди, руси, бхай, бхай!»

По результатам наших бесед Неру казался мне осторожным политиком, неторопливым, сдержанным. Он производил впечатление лица, которое хочет все видеть, все слышать, но воздерживаться от высказывания своего мнения по болезненным вопросам. Нас-то прежде всего интересовало то, как он относится к социалистическому строю. Неру же окончательно не высказывался ни за какой строй и был, пожалуй, кем-то вроде демократа.

И тем не менее, я думаю, Неру, обладая таким большим умом, рано или поздно придет к выводу, что единственно правильный путь – это путь строительства социализма. Только этим путем можно вывести страну, свой народ из нищенского положения. Я считал: надо проявить терпение, потому что даже косвенно навязывая свое понимание государственного устройства, мы встретили бы сопротивление. Сам же он все больше и больше склонялся к социализму, начал высказываться все определеннее. К сожалению, смерть прекратила его деятельность. Мы потеряли очень большого друга Советского Союза.

Еще раз мы побывали в Индии, когда возвращались весной

1960 года из Индонезии. Неру предложил нам остановиться в Калькутте[318]. Эта встреча, как и прежние, была очень теплой. Состоялся традиционный огромный митинг, уже под вечер. Выступили с речами руководители штата. Я тоже выступал. В памяти отложилась неизменная атмосфера дружбы с СССР, стремление к миру во всем мире. Во время митинга было выпущено в воздух неимоверное количество голубей как символ мира. После того как художник Пикассо написал своего знаменитого голубя, этот голубь присутствует на знаменах борцов за обеспечение мирного сосуществования людей на Земле. Вечерело. Калькуттские голуби кружились над массой людей и садились куда попало. Один голубь сел мне на руку. Шел митинг, а он пристроился себе и смирно сидел. Потом по этому поводу было много шуток, фотографы и кинооператоры не могли себе отказать в удовольствии запечатлеть такой эпизод. В дальнейшем на митингах во всех странах, где я бывал и высказывался за обеспечение мирного сосуществования, говорили: «Голубь знал, на чью руку сесть: на руку Хрущева».

Наши беседы в Калькутте не выделялись ничем особым из прежних бесед 1955 года с руководителями других штатов: приятные встречи и приятные разговоры. В местном правительстве лидером был немолодой человек очень крупного роста, по образованию врач, очень влиятельный в обществе. В самом городе Калькутте руководящее положение занимала тоже немолодая и очень умная женщина, которая подчеркнуто хорошо относилась к Советскому Союзу. Правда, согласно информации, поступившей к нам, доктор более настороженно относился к СССР, а сам лично находился в оппозиции к Неру, но при встрече с нами ничем этого не выражал. Наоборот, подчеркивал свои симпатии к политике нашей страны. В населении города Калькутты налицо большая прослойка рабочих, заметнее, чем в других городах. Но и местное население более бедное. В силу тяги к советским рабочим встреча нашей делегации была тут наиболее радушной, люди бурно выражали свои чувства. В Калькутте вот уже несколько лет левые получают на выборах большинство. Увы, коммунистическая партия там расколота: одни коммунисты называют себя марксистами, другие – просто членами Коммунистической партии Индии[319]. Тут проявилось влияние линии, которую, вопреки здравому смыслу проводят Коммунистическая партия Китая и Мао Цзэдун, добившийся этого раскола. Он организационно был закреплен после вооруженного нападения Китая на Индию. Но в 1960 году это проявлялось еще в сравнительно небольшой степени.

Повторяю, что мне очень понравились индийские традиции

приема гостей. Очередной прием в нашу честь был организован в большом парке, где повсюду были расставлены накрытые столы. Самое главное для меня опять заключалось в том, что из напитков подавались только соки, а на закуску – фрукты. Обратное тому, что мы видим у себя, где, как говорят, без водки нет веселья. Тут тоже было весело, играла музыка, люди ходили, сидели или стояли группками и беседовали. Возникало хорошее настроение, дружеское, теплое и приятное. У нас все происходило бы шумно и с выкриками. Тоже было бы весело, но попадались бы и подвыпившие люди. В Индии это невозможно. Там никто в такой ситуации не теряет своего достоинства и владеет собой.

Следующая остановка в Бирме [320]

Точно сейчас не помню, состоялось ли приглашение посетить Бирму до нашего вылета в Индию в 1955 году, или же мы его получили, уже находясь там[321]. Тогда во главе правительства стоял У Ну[322]. Он раньше побывал в СССР. Это духовное по прежней своей жизни лицо, очень религиозный человек, договорился с нами о пятидневном пребывании советской делегации в Бирме.

О Бирме мы знали еще меньше, чем об Индии.

Гражданская война в Китае на время Второй мировой войны по взаимной договоренности была прекращена. Усилия китайцев, как коммунистов, так и Чан Кайши, были направлены против Японии. Когда Япония была разгромлена, то опять каждая сторона заняла свой полюс: коммунисты стали вести борьбу против Чан Кайши, Чан Кайши вел борьбу против коммунистов. Американцы, как известно, активно поддерживали Чан Кайши.

Тыловые американские базы располагались на территории Бирмы. С них оказывалась помощь Чан Кайши на юге, когда коммунисты оттеснили их с востока. В этой связи у нас в печати фигурировала территория Бирмы, но какой там строй и что представляет собой Бирма? Дипломаты, конечно, сведения собирали, но в печати эти вопросы не освещались, и Сталин о них ничего не говорил. Я думаю, он сам мало что знал об этой стране[323].

Завершив процедурные вопросы, положенные для проводов нашей делегации в Индии, мы условились, что вылетим в Дели, а оттуда направимся через Калькутту в Бирму. Калькутта оставила во мне хороший след. В Бирме нас также приняли торжественно, с воинскими почестями. Эта страна в свою очередь произвела на нас впечатление сказочного уголка земного шара: столь богатая природа, буквально страна чудес! В природе Бирмы и Индии много общего. Собственно, так и должно быть, это соседние южные страны. Конечно, одежда бирманцев несколько отличается от индийской, но такая же пестрая, особенно у женщин.

Однако внутреннее положение здесь существенно отличалось от индийского. Во время боевых действий во Второй мировой войне Бирма была захвачена и оккупирована японцами. Часть бирманцев оказывала сопротивление и сражалась против Японии. В Бирме сложилось сильное левое течение, которое возглавлялось Коммунистической партией Бирмы. Оно достигло больших успехов. Когда была разгромлена Япония, то коммунисты пришли к руководству. Во главе страны стал Аун Сан, их лидер[324].

Потом местные военные осуществили переворот, захватили руководителей освободительного движения и уничтожили их. Так они подавили мощное движение КПБ[325] и левое движение вообще, но в народе остались глубокие симпатии к их деятелям. Были даже сооружены памятники в честь погибших лидеров страны, в том числе Аун Сану.

Тогда коммунисты ушли в горы и джунгли, организовали партизанские отряды и повели настоящую войну против правительственных войск. После разгрома Японии они имели за собой абсолютное большинство народных масс, их приглашали в правительство, но они отказались, так как хотели иметь свое правительство. Этого-то они и добились, ведя войну. Теперь для нас сложилась интересная ситуация: правительство страны пригласило к себе в гости коммунистов – представителей СССР, а коммунисты Бирмы находились в подполье и вели боевые действия против правительственных войск. Поэтому мы чувствовали двойственное к себе отношение и официальную настороженность. Руководство страны правильно понимало, что наш приезд может подогреть выступления подпольщиков. Так оно, видимо, и было.

Народ нас принимал восторженно, где бы мы ни появлялись, с дружелюбием выражая свои чувства к представителям СССР. Правительство там было коалиционное. У Ну лично представлял верхушку национальной патриотической буржуазии и буддистов. В Бирме главное вероисповедание – буддизм, люди сильно привержены этой вере, поэтому У Ну чувствовал себя довольно крепко в правительственном седле. В коалицию входили также лидеры социалистов, в том числе У Ба Све[326], военный министр. У Ба Све с пониманием относился к политике СССР и, следовательно, с добрым чувством к нашей делегации, а премьер У Ну – с недоверием, даже плохо.

Нам предложили ознакомительную поездку по стране и сначала повезли на север. В посольстве нас предупредили, что там действуют сильные коммунистические отряды. Имелась одна своеобразная особенность этой антиправительственной борьбы, связанная с расколом КПБ на партии «белого флага» и «красного флага»[327]. И те и другие называли себя коммунистами. Мы имели контакт и поддерживали то течение, которое выступало под белым флагом. Посол нас информировал, что во главе этого течения находятся разумные люди. Район боевых действий мы бегло осмотрели, а когда приехали ночевать, то нам предложили расположиться в воинском гарнизоне. Это были военные казармы. Затем армейские офицеры, пригласили нас на ужин. Отношение к себе мы чувствовали хорошее, но все же испытывали недоверие,

потому что среди офицеров имелись люди разных политических взглядов. Нас специально предупредили, чтобы мы проявляли осторожность. Под спальню нам отвели барак, освобожденный от солдат. Ночью в прохладном помещении мы согревались только топкой дров – спать было холодно. Утром, когда встали и вышли из барака, увидели на стенах иней и изморозь на траве. А на юге Бирмы мы изнывали от жары и испарины, там очень большая влажность. Эти контрасты отражались и на бирманской растительности.

Во время нашего пребывания на севере все оставалось спокойно. О столкновениях не было слышно. Нас разместили в гарнизоне, от которого партизанские отряды находились на значительном удалении. Не думаю, что наше пребывание там их как-то сдерживало. Просто они не в состоянии атаковать именно это расположение войск. Да и местный гарнизон был сильнее. Мы пребывали в районе, который назывался Шанским национальным государством[328]. Шаны – это местная народность. У Ба Све представлял ее интересы. Бирма – многонациональная страна со множеством этнических групп. Монолитности и сплоченности между ними пока нет, они ведут борьбу за выход из Бирманского союза и создание независимых государств.

В столице шанов нам устроили не просто хороший, а оригинальный прием. Такого я даже не мог себе никогда представить. На их территории имеются огромные озера, поросшие тропической растительностью, но с большими плесами чистой воды. На одном из озер мы увидели плавучие постройки. На них жило огромное количество людей[329]. Снимал наше пребывание в сооружениях Роман Кармен[330], отличный оператор и режиссер. Все его кинокадры сохранились. Я бы с удовольствием на них посмотрел и сейчас, для освежения памяти. Там было одновременно приятное пребывание и красивое зрелище. Организовали соревнование спортсменов на больших узких челнах между мужскими и отдельно женскими командами на скорость. Позднее такой же вид гребли я видел и в некоторых кинофильмах: гребцы стоят двумя рядами в лодке, верхнюю часть весла держат одной рукой, а нижнюю другой и так гребут. Одновременно делают усилие ногой, совершая все ритмично и в такт, причем развивают довольно большую скорость.

Затем в нашу честь устроили военный парад[331]. Принимал его У Ба Све. Мы говорили там соответствующие речи: о дружбе и о наших контактах, которые надо укреплять. СССР искренне хотел этого. Думаю, что и сейчас наша страна желает того же. Когда мимо нас проходили воинские части, мы изучали глазами их вооружение. Танков мы не видели, но по площади ехали

броневики, видимо, доставшиеся им от японцев или англичан. Машины были допотопные, оружие тоже устаревшее. Все вооружение производило впечатление отсталости и непригодности. Однако в условиях действий против партизан даже эти средства были мощными по сравнению с теми, которыми располагали партизаны. У Ба Све вел тогда с нами переговоры о продаже ему современного оружия, но мы на это не могли пойти, иначе получилась бы помощь в расправе над партизанами.

Столица Бирмы Рангун производила оригинальное впечатление: там имелись и современные постройки и наряду с ними буквально шалаши, сделанные из бамбука снаружи и внутри. Приготовлением пищи люди занимались тут же, возле шалаша. Грязь царила невероятная, люди выглядели оборванцами. А с другой стороны, аристократия и интеллигенция были одеты весьма нарядно. Естественно, социальный раскол в обществе предоставлял большие возможности коммунистам для их пропаганды и борьбы. В такой обстановке У Ну всячески маневрировал. У него имелись какие-то собственные торговые предприятия, но, являясь политическим и религиозным деятелем, он представлял все так, что служит только Будде. Предприятия принадлежат, дескать, его жене. Эта властная женщина действительно вела довольно умело торговые дела. О размере капитала, которым владели У Ну с женой, ничего сейчас не могу сказать, просто не знаю. Тогда мне докладывали об этом, но я позабыл.

Сильное впечатление произвели на меня пагоды. Они сохранились с древних времен и очень красивы по архитектурно-художественному исполнению, богато убраны, украшения обработаны листовым золотом, все это как бы горит на солнце. При входе в пагоду нам с Булганиным предложили снять обувь. Устав от ходьбы, мы потом сели возле пагоды и долго любовались ею. Тут же нас окружили журналисты, которые вообще не отступали от нас ни на шаг, начали буквально вести допрос: «Что мы думаем? Как и что понимаем? Какое впечатление на нас производит Бирма?» и прочее. Все это потом подробно описывалось в газетах. Журналисты старались задавать как можно более каверзные вопросы, но мы их успешно парировали, разъясняя свое понимание местной действительности.

Как-то рано утром, в ходе поездки по Рангуну, встретили множество монахов, которые сновали во всех направлениях. На них были длинные балахоны желтого цвета, сами – без головного убора, с обритыми головами и обязательно что-то несли: какие-то узлы, чаши, горшки. Нам объяснили, что они ходят по домам, а

люди готовят им пищу. Это считается там особой благостью – кормить монахов. Но это не нищие, ходящие с протянутой рукой. Принято считать, что их обязаны кормить, причем не последним куском, а лучшим, особенно в состоятельных домах, да и пища была не такой, какой пользовались бедняки. В Бирме на каждом шагу, куда ни повернешься, обязательно увидишь буддийского монаха. Мы шутили, что это особая армия господина У Ну.

Нам организовали прогулку по реке на небольшом корабле. Рекою мы вышли к морю. Вели беседы и одновременно любовались красотами природы. Когда нам подали холодное пиво, я глянул на этикетку – оказалось чешское. Я был удивлен. Уже в то время чехи умелой торговлей продвинули свое пиво до Бирмы. Мне было приятно выпить отличное пиво наших друзей, единственный напиток хмельного содержания, который я встретил в Бирме. Прием состоялся под открытым небом, под деревьями типа нашей чинары. Деревья очень мощные, между ними разместилась масса столиков. Нам показали народные танцы и пение, очень мелодичное. Отношение к нам было подчеркнуто хорошим. Чувствовалось, что У Ну, противник коммунистов, понимает необходимость установления с СССР контактов и развития дружеских отношений. Бирма нуждалась в технике, в постройке учебных заведений. Правительство обратилось к нам с соответствующей просьбой, и мы оказали ему помощь, возвели там вуз, в котором готовились инженерные кадры. Его мы построили за свой счет, в виде дара народу Бирмы.

Студенты пригласили нас выступить перед ними. Нас предупредили, что часть студентов относится к СССР враждебно, и некоторые посольские работники выразили сомнение: стоит ли ехать? Могут быть выходки хулиганского порядка, могут даже побить. Я посоветовался с Булганиным, с другими товарищами, которые входили в состав нашей делегации, и мы решили, что нехорошо отказываться, это произвело бы дурное впечатление. «Ничего, – сказал я, – там есть и наши сторонники, даже коммунисты, наше посещение окажется им поддержкой». Поехали. Студенты встретили нас на улице дружественными кликами. Зашли в зал. Выступали представители разных направлений, включая тех, которые не питали к нам добрых чувств. Большинство приветствовало Советский Союз, дело социализма и восхищалось нашими успехами. Между собой мы условились, что выступать буду я. Подготовиться к данному выступлению заранее было трудно, потому что требовалась нестандартная речь: предполагается диспут в виде вопросов и ответов, выступления же могли состояться совершенно неожиданные, при которых не попросишь: «Дайте мне время, я

подумаю и отвечу».

В первые годы революции, когда мы сталкивались с врагами Советской власти, часто проводились аналогичные митинги. Мне приходилось бывать на них. Там тоже надо было отвечать сразу, экспромтом реагируя и на дружеские выступления, и на враждебные. Чего же бояться теперь? Действительно, я услышал много колких вопросов, но спокойно отвечал. Ответы воспринимались присутствующими дружно, и это меня ободряло. Так мы достигли полного успеха. Сторонники сотрудничества с СССР выразили свое отношение к нам в приветствиях и горячей положительной реакцией на мое выступление. Да, я считаю это политической победой, потому что состоялся не просто организованный митинг, а стихийный, к тому же студенты были различной социально-политической принадлежности, включая значительную прослойку лиц из богатых семей. Беднота там почти не имела возможности послать детей в высшее учебное заведение. Несмотря на такой состав собрания, большинство нас поддержало. Была принята даже соответствующая резолюция, и все это подробно описывалось в печати. Буржуазные журналисты пристрастны, заподозрить их в утаивании от общественности какой-либо неприязни к нам нельзя, но и такие журналисты ничего скверного не смогли сказать. А те лица, которые ожидали инцидентов, были разочарованы. Как раз перед нашим приездом в Бирму в этом же институте было организовано выступление ряда иностранных гостей, которое закончилось большим скандалом. Нам предрекали, что и мы напоремся на идентичную неприятность, но этого, к огорчению наших противников, не случилось.

Нам предложили осмотреть лицо столицы – базар. Правда, опять предупреждали, что базар есть именно базар: там все может произойти. Но мы все-таки пошли туда, посмотрели на него и лучше представили себе страну. Ведь на базар стекается беднота, которая жизненно нуждается в нем, и мы увидели, что собой представляют составляющие ее классы. Там мы встретились с таким экзотическим явлением: женщина средних лет, сидевшая на корточках, перед которой в корзине извивались кобры, и она им наигрывала на дудочке. Вокруг скопилось много зевак, видимо европейских туристов. Нам рассказали, что раньше с этими кобрами работал ее муж, но год назад был ужален змеей и умер. После смерти мужа за его профессию взялась жена, таким опасным ремеслом зарабатывая себе на кусок хлеба. Работу с кобрами мы видели и в Индии. Однажды Неру пригласил нас к себе на завтрак в собственный дом, чистенький и беленький. Принимали нас в гостиной, где сразу было видно, что тут жилье

очень обеспеченного человека. Завтракали мы в небольшом саду с тропическими растениями и цветущим кустарником. Завтракали втроем: Булганин, я и Неру. Затем нам представили мужа Индиры Ганди, владельца типографии. Беседа шла о различных вопросах, касавшихся наших стран, более всего международных, главным образом, как избежать войны.

Затем Неру обратился к людям, обслуживавшим нас, и вскоре пришел факир с корзиной. Улыбаясь, нам представили его как человека, владеющего диковинками. Тот расположился на земле, раскрыл корзину, извлек оттуда пару кобр, началось представление. Он играл на дудочке, а кобры занимали угрожающие позы. Факир буквально подставил змее губы и нос, демонстрируя, что не боится ее. Потом я прочитал кое-что о работе факиров. Некоторые авторы сообщали, что кобре удаляют ядовитые зубы, поэтому она и становится безопасной. Тем не менее, на нас искусство факира произвело большое впечатление. Неру, желая преподнести нам еще немного экзотики, показал маленького ручного медведя, вегетарианца, питавшегося только листьями. Когда его принесли, он сразу полез на дерево. Я тогда сделал вывод, что Неру любит животных.

Сравнивая его с У Ну, скажу, что и глава Бирмы произвел на нас хорошее впечатление, ибо придерживался демократических форм устройства государства. Но у нас не возникло каких-либо иллюзий, что он будет содействовать развитию Бирмы на пути социалистических реформ. Это был человек, который поддерживался капиталистами, да и сам был убежден, что капитализм больше устраивает его народ. Религиозный же его фанатизм, говоря грубо, подмачивался тем прибыльным предприятием, которое было якобы собственностью его жены. Так что в лице господина У Ну капитал и Будда тесно переплетались. Но мы сознательно шли с ним на контакты, старались установить разносторонние экономические связи с Бирмой. Позже, когда он обратился к нам с просьбой о предоставлении более широкой экономической помощи, мы и на это пошли, считая, что, рано или поздно, там придут к власти новые люди, а посеянные нами добрые семена произрастут и дадут свои плоды. Мы не ошиблись. Сейчас СССР как раз пожинает плоды того времени. Наши добрые дела, в том числе строительство высшего учебного заведения, готовившего инженеров, строительство больницы, отозвались в сердцах бирманского народа.

Зимой 1960 года по пути в Индонезию я вновь посетил Бирму, теперь по приглашению генерала Не Вина[332], который стал главой правительства. У премьера У Ну возникли большие трудности, он не справлялся с делами. Внутри страны по-

прежнему были сильно развиты сепаратистские тенденции. Бирма состоит из нескольких народностей, и все они требовали независимости, и У Ну предложил Не Вину возглавить правительство, с тем чтобы военный человек успокоил оппозицию, а он сам пока что подготовится к очередным выборам. У Ну надеялся вернуться к руководству. Мы приняли предложение генерала и остановились в Рангуне, но ненадолго, на день с небольшим. Состоялась встреча с Не Вином – в его доме. Материальная обстановка свидетельствовала, что генерал – человек среднего достатка. Он показал себя умницей, хорошо разбирающимся в политических вопросах, детально рассказывал нам об истории сопротивления бирманцев во время японской оккупации. Не Вин принимал активное участие в этой борьбе и хорошо отзывался о своих боевых товарищах-коммунистах. Некоторых из них он называл своими ближайшими друзьями. Показывал нам, что с пониманием относится к коммунистической партии, которая после второй мировой воины демонстративно ушла в джунгли, чтобы завоевать расположение всего бирманского народа, но заняла неправильную позицию, сама себя изолировав. Связь из леса у нее с городами слабая, нет возможности развернуть широкую работу в массах. Лучше бы ей легализоваться и действовать в открытую.

Не Вин, рассказывая о положении, которое сложилось в государстве, дал верную характеристику и У Ну, считая, что его политика была неправильной. Сам он высказался за социалистическое развитие Бирмы. Его высказывания оказались очень близкими моим взглядам, и мне приятно было слушать его. Этот человек, если бы и впредь остался у власти, направил бы Бирму по лучшему пути. Раньше я не раз беседовал с У Ну. С чем сравнить беседы с ними? Разговор с Не Вином ощущался мною как выход из затхлой атмосферы погреба на свежий воздух. Как приятно вдохнуть кислород, так же приятно мне было слушать Не Вина. И все же полного доверия к нему у меня не сложилось. Может быть, он только тактически высказывает такие соображения, а внутренне замышляет другое?

Приятное впечатление произвела на меня его жена, общительная, остроумная и образованная женщина. Она много рассказывала о Бирме и высказала пожелание побывать в Москве, будучи большой любительницей театрального искусства, особенно балета. «Я, – говорила она, – и читала, и слышала о нем, теперь хотелось бы увидеть его непосредственно». Я ей в ответ: «Это зависит и от вас, и от вашего супруга. Вы всегда можете приехать и посетить все наши театры». – «Когда же лучше всего?» – «А в сезон, когда работают наши театры». – «Тут, –

возразила она, – возникает противоречие, потому что тогда у вас зима, а здесь другой климатический пояс, нам будет трудно согласовать сроки». Я улыбнулся: «За наслаждение, которое вы получите от балета, придется пострадать от нашего климата». Эта семья была совершенно не похожа на семью У Ну, чья супруга – торговка по поведению и по занятиям. А тут – совсем другая женщина, образованная, с широким кругозором, начитанный и приятный человек.

Когда я вернулся домой, то рассказал руководству СССР о Не Вине. У нас раньше было о нем совершенно иное представление, которое основывалось на том, что армия вела войну с партизанами-коммунистами. Значит, генерал – реакционер. Не Вина, действительно, нелегко понять. Он возглавляет бирманскую армию, сражающуюся с компартией, и он же ратует за социализм. Я высказался за то, чтобы получше изучить ситуацию в Бирме и установить более тесные контакты с Не Вином. В любом случае нам следовало сблизиться с этим человеком. Мы подозревали, что, возможно, он хочет парализовать нашу политическую активность в Бирме, а сам преследует реакционные цели; его разговоры – лишь маскировка.

В 1960 году прошли в Бирме очередные выборы. Победила опять партия, которую возглавлял У Ну. Направление политической линии правительства осталось прежним: маневрирование между социалистическими странами и империалистической Америкой. По существу же, проводилась реакционная политика, богатства страны эксплуатировались иностранными фирмами. Бирма очень богата. Там есть нефть, цветные металлы, масса других руд, золото, различные редкие ископаемые, дорогая древесина. Ее сельское хозяйство основано на благоприятном климате и больших земельных площадях. Она экспортирует рис, с которым у нее затоваривание. Когда мы стали строить дружеские отношения с Бирмой, то обязались покупать у нее рис в обмен на наши товары. Потом рис мы продавали Китаю или Индонезии, а у них покупали те товары, в которых нуждался СССР.

Теперь в Бирме внутренняя политика осталась в принципе той же, так что и силы, которые действовали против правительства, сохранились. В результате создались еще большие трудности. Некоторые провинции в открытую угрожают выходом из Бирманского союза. Затем, в 1962 году, произошел еще один военный переворот. У Ну и его соратники были арестованы. Вся власть перешла к армии. Не Вин снова стал главой государства. Наше отношение к перевороту было сдержанным. Мы какое-то время выжидали, стремясь разобраться, как себя на деле покажет

Не Вин. Зато очень быстро это правительство было признано Китаем. По-моему, в Рангун вылетел даже Чжоу Эньлай. Мы несколько были озадачены, отчего это Пекин проявил такую торопливость? Шло время, наше посольство докладывало о направлении деятельности Не Вина. Пока все шло так, как мне при былых встречах рассказывал нам генерал. И Москва изменила свое отношение к перевороту, признав новую власть в Бирме. Наши отношения улучшались и стали лучше тех, что были при У Ну, превратились в дружеские. Не Вин начал претворять свои мысли в конкретные дела.

Сейчас я слежу за происходящим только по газетным сообщениям и по радио. Поэтому конкретных фактов о деятельности того или иного правительства у меня нет. Вижу лишь, что не одни декларации Не Вина, а и реальные поступки свидетельствуют о трезвом направлении его политики.

Он так же, как и президент Египта Насер, объявил, что руководствуется в развитии своего государства и экономики социалистическими идеями.

Что касается нашей прежней осторожности, то мы ему никак не мешали. Напротив, продолжали помогать кредитами, строительством нужных государству объектов[333], дипломатической поддержкой и общественной (через печать).

Я читал в газетах, что Не Вин освободил из тюрьмы У Ну и членов его правительства.

Господин У Ну сейчас обивает американские пороги, мобилизуя эмигрантские силы на борьбу против существующего правительства. Насколько реальны надежды У Ну? Мои симпатии находятся на стороне Не Вина, а не У Ну, который впрягся в телегу США.

Если правительство и генерал Не Вин продолжат правильную политику, будут опираться на марксистско-ленинское учение, то влияние Не Вина окрепнет, и народ его поддержит.

От Индии к Афганистану, Ирану и вновь к Индии

На обратном пути из Индии в Советский Союз мы получили приглашение от правительства и короля Афганистана остановиться на несколько дней в Кабуле для бесед[334]. Мы охотно приняли это предложение, так как Афганистан нас очень интересовал. За Афганистаном ухаживали США. Они давали ему кредиты, брали на себя проведение дорожных работ, возводили какие-то сооружения и предлагали свои услуги относительно разработки естественных богатств. Одним словом, все было направлено на то, чтобы вовлечь Афганистан в их блок. Это нас беспокоило, потому что каждому, даже неискушенному политику, ясно, что Афганистан не представляет интереса как военная сила для империалистов. Он им интересен как сосед СССР. Было бы выгодно использовать его территорию для размещения военных баз, нацеленных на СССР. Наша граница с Афганистаном составляет около 2000 километров. Если бы Афганистан предоставил свою территорию под военные объекты США, это вызвало бы у нас серьезное беспокойство. Англия сюда свой нос уже не совала. Функции международного жандарма выполнял американский империализм. Поэтому мы хотели, чтобы Афганистан установил с нами дружеские отношения и с доверием относился к нашей политике. Мы против Афганистана не замышляли ничего агрессивного, не собирались вмешиваться в его дела[335].

Получив приглашение, мы посчитали, что оно может в какой-то степени содействовать осуществлению наших желаний. Во время посещения Индии действовала такая традиция: сначала давался концерт в нашу честь, потом выступали и наши артисты, которые приезжали сразу с нами либо позже нас. У нас в этом плане было чем похвастаться, и такие концерты производили везде очень хорошее впечатление. Мы хотели то же самое сделать и в Афганистане. Поэтому на второй день после нашего приземления в Кабуле туда прилетели из Индии наши артисты и мы решили, что если в нашу честь будет организован концерт, то и мы со своей стороны предложим выступление наших артистов. Наши артисты дали концерт, но местные власти заранее нас предупредили, что они возражают против артисток как женщин, и сказали: «Дело ваше, но мы хотели предупредить, что это произведет плохое впечатление на зрителей и оставит в них неприятный осадок на долгое время, а некоторые круги

афганской общественности перестанут посещать ваше посольство». И мы отказались от своей затеи: зачем нам лишние хлопоты? Мы ведь хотели расположить к себе афганскую общественность, ее социальную верхушку. Рабочие не имеют возможности бывать на приемах. Мы дорожили добрыми связями с общественностью, с правительственными и королевскими кругами.

Мы провели беседы с премьер-министром Афганистана, дядей короля, Даудом. Мы его так называли для простоты, а у него было более сложное имя. Министр иностранных дел тоже был королевским дядей. И тот и другой – умные люди среднего возраста. С ними было приятно и полезно вести беседу. Потом нам сказали, что нас хочет принять король. Да и мы желали познакомиться с ним. Беседа была короткой. Мы рассказали о своих впечатлениях об Индии, о внутреннем положении СССР, главным образом о нашей экономике. Разговор велся в теплых тонах, однако мы чувствовали, что король не раскрывается и держит себя в определенных рамках. Распрощавшись с ним, мы затем продолжали беседы с правительством. У нас имелся ряд вопросов, которые там обсуждались: установление более тесных контактов, сооружение дороги от аэродрома до Кабула, о чем нас попросили. Аэродром строили американцы. Нам показали военный колледж[336], в котором учились сын короля и сам король. После очередного собеседования мы согласились построить хлебозавод в Кабуле. Мы полагали, что лед в какой-то степени тронулся и взаимное доверие, зародившееся ранее, продолжает укрепляться.

Возникла мысль проявить особое внимание к улучшению положения населения Афганистана, которое было бедственным. Настоящей промышленности почти не имелось, жилые здания в столице производили жалкое впечатление, народ одевался так просто, что дальше некуда. СССР предложил Афганистану довольно солидную по тому времени сумму, хотя и сам не располагал излишками валюты, а, наоборот, нуждался в ней. Кабульские власти отказались принять валюту, а потом через людей, к которым мы относились с доверием, разъяснили, почему не могут принять этот дар: они не хотели стать зависимым государством, подарок связывал бы им руки, они благодарны, но принять не желают. Мы твердо знали, что США домогаются заключения договора о расположении там своих военных баз, пугая Афганистан тем, что СССР что-то замышляет против него. Это нас весьма беспокоило. Сумма, которую мы предложили Кабулу, была для нашей экономики очень существенной, и все же мы действовали, по-моему, правильно. Если бы Афганистан

пошел на уступки США и вступил в их военный блок, как это сделал Пакистан, то это обошлось бы нам потом во много, много раз дороже; мы вынуждены были бы создавать укрепления и принимать другие меры для обороны наших границ, а самое главное – имели бы близ нашей территории военные базы США.

В те несколько дней, что мы пробыли в Кабуле, нам организовали национальные соревнования. У нас такие же соревнования проводятся в Средней Азии, называются они «козлодранием». Всадники на лошадях разбиваются на две группы, им намечаются круги, одна сторона должна схватить тушу и суметь бросить в чужой круг, что и считается выигрышем. Кони были горячие, всадники тоже. Нам рассказывали, что нередко случаются человеческие жертвы: если всадник будет сбит с коня и упадет под ноги лошадей, это может кончиться его увечьем или гибелью. Народу собралась масса, специально были возведены трибуны с навесом, приехало правительство с королем во главе, «козлодрание» протекало с видимым напряжением. Для меня эта игра была новостью. Я никогда ее не видел раньше, а увидев, посчитал грубой. Затем в нашу честь было организовано еще одно соревнование – игра с мячом на конях. Там тоже хватало опасности, зато больше спортивности. И в этой игре случались увечья. Нам рассказывали еще во время визита в Индию, как в ходе подобного же соревнования, проводившегося в Лондоне, участвовавший в игре магараджа сломал себе ногу.

Афганцы внимательно следили за ходом игрищ и бурно реагировали на происходящее, их лица сияли, глаза сверкали. Когда я однажды присутствовал на каком-то празднике в Киргизии, то встретился с идентичным соревнованием, которое является общим увлечением киргизов, таджиков и узбеков. Там наблюдался такой же азарт, как в Афганистане. В Кабуле я впервые увидел женщин под паранджой. Они производили тяжелое впечатление. Идет какой-то истукан с очертаниями человека, на него надет мешок, перед глазами висит черный квадрат – сетка из конского волоса. Через эту густую сетку женщина смотрит и дышит. Когда мы проезжали по городу, то видели много таких фигур. Иногда при встрече некоторые женщины приподнимали паранджу, видимо, стремясь получше рассмотреть русских. Это могли позволить себе, как нам объяснили, только старые женщины, а для девушек или молодых женщин такое совершенно исключено. Конечно, бывали случаи, когда они рисковали жизнью, нарушая сей обычай.

В ходе собеседований и король, и премьер-министр, и министр иностранных дел подчеркивали, что когда афганский народ воевал с англичанами за свою независимость и отстоял ее,

то на их стороне в борьбе против колонизаторов выступал СССР. Первой страной, которая признала свободное правительство Афганистана, тоже был СССР[337]. С другой стороны, первым иностранным правительством, которое признало Советскую Россию, являлось правительство Афганистана. Так у нас издавна сложились дружеские отношения, хотя каждая сторона понимала по-своему ситуацию, которая имела место в другой стране. Афганцы часто ссылались на то, что Ленин относился к ним с должным пониманием, и чтили память великого человека, который подал руку помощи народам Афганистана в самое критическое для них время. Советская помощь оставила глубокий след. Мы теперь этим воспользовались и говорили, что являемся почитателями и наследниками дела Ленина, проводим политику, которая вытекает из его учения, продолжаем его линию в отношении Афганистана и впредь будем ей следовать.

Мои впечатления о Кабуле: холод (стояла зима), некоторая подавленность высотой, на которой он расположен. Особенно тяжко переносил ее Булганин. Он еле ноги волочил и все время лежал, если только согласно протоколу не надо было куда-нибудь ехать. У меня тоже возникло пониженное настроение, но я не потерял работоспособности. Видимо, имел большую природную сопротивляемость. Дворец[338], в котором нас разместили, роскошный, окруженный большим парком. Мне запомнились в нем родные тополя, приспособившиеся к суровому климату. Сказывалась высота над уровнем моря, потому что в принципе это же юг, и там произрастает хлопок. Более мягкий климат внизу, в долинах.

По возвращении домой мы доложили в ЦК КПСС о своей поездке. Констатировали, что она была полезной, состоялись хорошие встречи и в Индии, и в Бирме, и в Афганистане. Все были довольны результатами поездки. Условились, что следует продолжать ленинскую политику мирного сосуществования и делать со своей стороны все возможное для укрепления дружеских отношений с нашими соседями. Хотя Индия не являлась непосредственным соседом СССР, и она проводила свою особую политику, не участвуя в военных блоках США, что нас привлекало и прельщало, поэтому в отношениях с ней надо было прилагать все усилия, чтобы завоевать еще большее ее доверие. То же касалось Бирмы.

Потом к нам вновь приезжал Неру и другие азиатские государственные деятели, а наша представительная правительственная делегация, которую возглавлял председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов[339], отправилась в свою очередь в Индию. В состав делегации

входила, в частности, товарищ Фурцева[340].

На нее мы возложили особые полномочия приглядывать за Ворошиловым. В то время здоровье Ворошилова находилось в таком состоянии, что он не совсем хорошо разбирался в обстановке и был не в состоянии держать себя соответственно рангу. Характер его стал таков, что он мог, сам не желая того, нарушить наши хорошие отношения с Индией. Началось с протокольного конфликта. Ворошилов наметил себе очень большую свиту, и индийское правительство попросило сократить ее, так как создавались трудности с размещением. Мы пожурили Ворошилова и это дело уладили.

По возвращении домой Фурцева рассказала о новом происшествии в Калькутте. Встреча прошла на должном уровне и соответствовала рангу гостей. Ворошилову предложили такую согласованную заранее программу: посещение исторических мест, памятников, парков, различных учреждений, которые хотели показать нашей делегации. Глава нашей делегации вскипел: «Что вы мне голову будете морочить? Подсовываете всякую чепуху, которую я должен посетить, зачем это мне? Я приехал из Советского Союза и хотел бы, чтобы мне показали ваш рабочий класс, заводы и фабрики. Вот что меня интересует!» Все были смущены. Руководители Индии и данного штата были бы не прочь показать просимое, но дело заключалось в том, что в Индии превалирует частная собственность, и поэтому для того, чтобы попасть на завод, надо сначала заслужить расположение его владельца, иначе никакое правительство, центральное либо местное, не сможет привести туда своих гостей, не согласовав визита с владельцем.

Это напомнило мне анекдот, который некогда гулял у нас. Советский гражданин приехал в Прагу, столицу тогда еще капиталистической Чехословакии, увидел огромный дом и спросил: «Кому этот дом принадлежит?» – «Это дом Бати». – «Бати?» – «Да». – «А раньше кому он принадлежал?» – «И раньше он принадлежал Бате, и сейчас тоже»[341]. Вот характерная черта. У советских уже выработался такой рефлекс: «У-у-у, какое сооружение, кому же это раньше принадлежало?» Сразу отвечали, что до революции владельцем был князь такой-то, граф такой-то, капиталист такой-то. Но у нас их давно нет, а за рубежом есть, о чем приходится помнить. В калькуттскую ситуацию вмешался Неру, эластичный человек и к тому же премьер-министр. Он договорился с кем надо, и владельцы каких-то заводов согласились показать свои предприятия гостям. Когда делегация возвратилась, мы Ворошилова довольно основательно критиковали, разъясняя элементарную разницу между Советским

Союзом и Индией. Вообще та поездка произвела впечатление на индийских граждан своей представительностью, но контакты с Неру, с которым Ворошилов повздорил, нам ничего доброго не прибавили, а если подбавили, то скорее ложку дегтя в бочку меда. Фурцева, находясь в Индии, давала Ворошилову товарищеские советы, а он проявлял по отношению к ней большую несдержанность, и потом в Москве набросился на нее, будучи недоволен тем, что мы ее поддержали, сказав, что она занимала правильную позицию. После нашего с Булганиным визита индийцы обратились за помощью в строительстве металлургического завода. Мы имели сведения, что они обратились с той же просьбой к Англии и ФРГ, желая построить сразу три металлургических завода. Мы выделили им кредиты, договорились о стоимости мероприятия и подписали соответствующий договор. Когда был разработан наш проект завода, его решили строить в Бхилаи[342]. Из-за недостаточной квалификации их инженеров, которые не смогли самостоятельно изучить наш проект, индийское руководство пожелало провести консультацию в Англии, а проект, созданный англичанами, дать для консультации в СССР. Довольно оригинальный метод проверки, но мы ничего не имели против, так как были уверены, что наш проект отвечает современному уровню металлургического производства. Индийское правительство боялось обидеть нас своим недоверием, но мы даже хотели, чтобы англичане, являясь давними специалистами металлургического дела, прислали свое заключение о нашем проекте.

В пору моего детства и юности англичане пользовались в России большим авторитетом как знатоки металлургии. В Юзовке владельцем металлургического завода был Юз. Вскоре после революции этот завод назвали именем Сталина. В мое время знаменитую «Дубинушку» пели с такими словами: «Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину. А наш русский мужик, коль работать невмочь, то затянет родную дубину». Правда, позже эта песня обрела другие слова: «За годами года проходили чредой, изменялась родная картина, и дубина с сохой отошли на покой, их сменила родная машина. Эй, машинушка, легче, эй, железная, сама пойдет». То есть Англия постепенно теряла свое мировое техническое значение. Когда я работал в Донбассе в 1913 году на шахте, принадлежавшей французской компании, англичане арендовали там один участок по разработке малого угольного пласта. Малый пласт самый тяжелый, и англичане применили машинную выемку угля, а также отбойные молотки. Они первыми внедрили врубовую машину. Впрочем, и сейчас Англия занимает ведущее положение

в ряде технических отраслей производства, и мы вынуждены вести переговоры о закупках у нее современного оборудования.

Итак, мы передали свой проект англичанам, они его изучили, дали заключение и доложили правительству Индии. Из Дели нам сообщили, что английское заключение оказалось очень лестным для нас. Англичане, собственно говоря, никаких замечаний не сделали, сказали, что проект отвечает всем нормам современного металлургического производства. Зато наши инженеры в английском проекте нашли многое, что надо было бы подправить. Так как с ФРГ официальных отношений у нас еще не наладилось, то правительство Индии не просило нас передать свой проект немцам, а немецкий проект – нам. Развернулось негласное соревнование. Мы подобрали для Бхилаи хороших руководителей дела, администраторов, инженеров и даже рабочих, они выехали в Индию. Индия, как и другие иностранные державы, хотела, чтобы мы построили завод на договорных началах. Мы отказались, исходя из того, что не желаем быть работодателями и сталкиваться с рабочими, так как обязательно возникают трудовые конфликты. Конфликты внутри государства возможны, но мы не хотели конфликта индийских рабочих с представителями СССР, чтобы не запятнать нашу политику в глазах пролетариата.

Немцы приступили к работе раньше нас, и мы получали информацию, что они идут впереди. Мы же со своей стороны предпринимали все усилия к тому, чтобы раньше их построить металлургический завод, раньше дать чугун и сталь. Я лично следил за ходом строительства. Наконец, мне доложили, что мы начали выравнивать график, ликвидируя отставание. Я очень уважал товарища Дымшица[343], который был назначен руководителем данного строительства. Я его знал по работе на юге, когда после Великой Отечественной войны он восстанавливал металлургические заводы Украины. Работая тогда в Запорожье, Дымшиц проявил большие организаторские способности и первым ввел новый способ восстановления доменных печей: на земле изготовляли целиком секции домны, потом кранами поднимали для клепки или сварки прямо на месте. Одну доменную печь, которая там уцелела (остальные были разрушены фашистами), но устарела, оттащили в сторону, а новую надвинули. Так мы выиграли что-то около года во времени. Теперь я его вызвал, рассказал о строительстве в Индии и попросил оказать помощь в Бхилаи.

Дымшиц уехал туда и организовал работу так, что мы вошли в график. Он лично докладывал Неру о ходе строительства и произвел на него очень хорошее впечатление. Нам это было

выгодно. Мы успели закончить свой завод несколько раньше немцев, сдали его хозяевам, и он пошел с первого запуска, без сучка и задоринки[344]. Правда, произошел несчастный случай, который нельзя было предвидеть. Среди прочих там работал один наш хороший инженер, успешно ведший дело. К нему сложилось позитивное отношение со стороны правительства Индии. В выходной день он поехал на охоту со своим сыном-подростком, выстрелил, утка упала, он полез доставать ее из болота, и трясина его засосала. Это для всех стало большим огорчением. Когда индийцы получили первые чугун и сталь, наш авторитет там резко вырос. Наладка оборудования прошла гладко, наши агрегаты заработали без особых к тому усилий, что не всегда бывает, если смонтированное оборудование сразу берет рабочий темп. Немцы же не уложились в график, хотя раньше начали, но они имели долгие простои в процессе наладки.

Не хотел бы тут создавать впечатление, как иной раз у нас делается, что мы уже держим бога за бороду, и что все, нами сделанное, есть наилучшее. Нет, к сожалению, далеко не так. Еще и сейчас мы основательно отстаем в ряде технических отраслей и проблем от мирового уровня. Это огорчает меня ныне и огорчало в былые времена. Я, уже будучи пенсионером, переживаю и болею за нашу страну, за то, что мы еще не набрали должной силы. А пора ведь. Прошло 52 года с тех пор, как рабочий класс Советской России победил, а мы все еще догоняем, догоняем капиталистов и никак догнать не можем. Этот, как мы его называем, гнилой капитализм не раз преподносит нам такие уроки, что мы от изумления рты раскрываем. Я очень хотел бы, чтобы, наоборот, мы в такое положение ставили бы своих противников. Говорю это к тому, что немцы, конечно, тоже признанные металлурги, немецкая техника вовсе не ниже нашей. Полагаю, что тут сказался тот факт, что мы больше строили, и если допускали раньше ошибки, то на них учились, при повторении схожего строительства этих ошибок избегая. Но отсюда не вытекает, что мы должны принижать других и зазнаваться, особенно перед немцами, англичанами, американцами, бельгийцами – искусными металлургами и химиками.

Много рабочих и инженеров из Индии приезжало в СССР пройти стажировку, поработать на заводах, включая металлургические в Запорожье. Это тоже сближало наши народы, мы лучше друг друга узнали. Индийцы получили высокую квалификацию, а потом на своих заводах становились на положенное место на вахту и прекрасно справлялись с работой. Они всегда знали, что мы от них никаких секретов не держим, наши люди с раскрытой душой делились своими знаниями и

опытом. Это очень важно, потому что капиталистические фирмы считают все свое производственным секретом. Когда же мы охотно делились своими знаниями, это производило сильное впечатление на тех, кого мы обучали. Они понимали, что мы искренне хотим помочь Индии избавиться от колониального наследия в виде нищеты и отсталости.

Мощность Бхилайского завода составляла сначала свыше миллиона тонн стали в год[345]. Как только это строительство было завершено, правительство Индии вступило с нами в переговоры о доведении его мощности до двух миллионов тонн. Мы приняли предложение и приступили к новой работе. Когда я посетил Бхилаи в 1960 г. по пути в Индонезию, то вместе с Неру и индийским министром промышленности осмотрел завод. В местном поселке я заночевал и успел поговорить с рабочими. Если в первые мои встречи с индийцами в 1955 году я на все смотрел глазами туриста-северянина и воспринимал людей и природу Индии как экзотику, наполненную чудесами, то на новом этапе мы встретились просто как друзья, делавшие общее дело и успешно завершившие его. Я был очень доволен этим. Тогда же мы приняли решение оказать помощь Индии в организации государственного сельскохозяйственного предприятия крупного масштаба вроде нашего совхоза, для чего мы предложили Неру в подарок необходимое количество тракторов, комбайнов, сеялок и других сельскохозяйственных машин. Он с благодарностью принял дар. Затем для консультации мы послали туда инженеров и агрономов.

Вот сейчас я нахожусь на пенсии, и мне порою приходится слышать, что мы осуществляли неразумные акции, разбазаривая народные средства при организации совхозов или чего-то иного в Египте и в Индии. Не знаю, то ли таким людям не разъяснили дело, то ли специально им подбрасывали вредные мысли. Тут налицо глубокое заблуждение. Возьмем простой пример: друзья, работающие на одном заводе, ходят друг к другу в гости, при этом один издерживается, покупает угощение, потом другой приглашает его с ответным визитом к себе и делает то же. Если взять их семейные бюджеты и издержки, то они выше в процентном отношении к бюджету по реальной стоимости, чем поставки в виде машин, осуществлявшихся нашим государством. Но зачем нам это нужно? Там друзья СССР, мы хотим закрепить дружеские отношения, упрочить мирное сосуществование. Между государствами, чтобы сложились мирные отношения, поступают так же, как в личных отношениях. Если государства дружат, они тоже проявляют какое-то взаимное внимание, приглашают граждан в гости, делают друг другу материальные подношения,

но обычно не потребительского характера, а производственного. Тем самым демонстрируют возможности, которыми обладают, и воздействуют на сознание граждан другой страны. Такой метод поведения всегда себя оправдывал и будет оправдывать.

С точки зрения издержек, которые понес СССР, делая мизерные подарки, они себя окупили, упрочив дружеские отношения с Индией. И при посещении там упомянутого совхоза[346] я испытал большое удовлетворение, увидев крупное хозяйство с полями, обрабатываемыми современными машинами. Отличный пример для всего сельского хозяйства Индии. Туда съезжались люди посмотреть на новинку. Самая лучшая пропаганда теории – живой пример. Мы успешно пропагандировали социалистический способ ведения сельского хозяйства на основе крупной механизации. Таковы были наши побуждения, и мы были благодарны, когда Неру принял дар. Ведь не каждый его принимал. В Афганистане валюту у нас не взяли, хотя мы никак не обусловливали способ ее употребления. Там отказались от дара не потому, что были богаты, а потому, что нам еще не доверяли. Старались, конечно, понять наши побуждения, зная, что мы и сами не столь уж богаты и тем не менее предлагаем довольно большой подарок. В чем дело?

Наш жест они отвели, вежливо поблагодарив и отказавшись. Нам было вовсе не приятно встретить отказ, то есть проявление недоверия. Мы постарались взвесить, чем это вызвано, какая акция может последовать с их стороны. Ожидали, что после этого у них начнется заметное сближение с США, которое приведет к усилению американского влияния в Афганистане, получению там каких-то концессий или созданию военных баз. Это вызвало бы огромные ответные затраты со стороны СССР, чего мы не хотели. Вот чем мы руководствовались, когда предлагали свою помощь. Да, она предлагалась безвозмездно, но это оказалось бы во много раз выгоднее. Не говорю уже о дружественной стороне дела, когда, приобретая друзей, мы тоже увеличиваем свое могущество, завоевывая на свою сторону все больше и больше умов, что сокращает возможности врагов использовать наших соседей против нас.

Спросят: а что же для нас сделала другая сторона? Другая сторона не имела тогда возможности что-либо сделать для нас, а могла только благодарить. Так, в Индии ее возможность свелась к угощению плодами и соком манго. Я в первый раз встретился с этим замечательным продуктом. Неру всегда любил смотреть, как мы расправлялись с диковинным фруктом. Не смейтесь, там сложная операция, которая накапливается опытом. Неру говорил: «Смотрите, как я буду есть, у нас уже выработалась традиция, вот

и вы так делайте». Индира Ганди, тоже находившаяся за столом, рассказывала, что в Индии бытует мнение, будто манго лучше всего есть, сидя в ванной, чтобы сразу мыть руки, ибо плод очень сочен и сладок. Самая ценная награда, которую мы получали взамен, – понимание и доверие со стороны индийского народа и Неру.

Американцы на оказание помощи тратили и сейчас тратят миллиарды долларов. Их помощь тоже выражается в виде подарков, то есть каких-то полезных сооружений. При этом они всегда преследуют свои цели. Это капиталистическая страна, поэтому никаких подарков они просто так не сделают, если не смогут извлечь какой-то пользы. Делая подарки в виде концессии на разработку какого-нибудь сырья или на организацию какого-то производства на территории этого государства, они извлекают огромные прибыли. Наряду с этим они укрепляют военное влияние в этой стране.

Мы руководствуемся учением великого Ленина и питаем братские чувства к народам всех стран. Предлагая помощь, мы не преследуем извлечения каких-либо материальных выгод или подчинение этого народа. Мы хотим лишь завоевать его дружеские симпатии, объединить наши общие усилия в борьбе за обеспечение мира и процветание народов, а внутреннее устройство каждого государства – это дело каждого народа. Хотя мы, конечно, все делаем для того, чтобы ускорить понимание прогрессивности нашего общества, созданного на основе учения Карла Маркса, Энгельса и Ленина. При этом необходимо проявлять терпение. Я опять повторяю – это сугубо внутренний вопрос.

Наконец, попозже у нас сложились хорошие отношения и с Афганистаном. Они и сейчас таковы. Спустя какое-то время Афганистан не стал ожидать, когда мы ему предложим очередную помощь, и сам начал проявлять инициативу, обращаясь к нам с просьбами. Понадобилось провести дорогу сквозь горы с пробитием туннеля. Эта работа была сделана. Там нет железных дорог, шоссейные дороги – главные артерии, которые связывают провинции и по которым течет экономическая кровь в организме страны. Значение дорог для них колоссально. Наша новостройка протянулась на несколько сот километров от советской Кушки на юг, в сторону Пакистана, и оттуда с ответвлением к Кабулу. Дорога, сооруженная нами, приобрела большое экономическое и стратегическое значение, хотя СССР она дорого стоила.

Эта дорога дает возможность Афганистану перебрасывать грузы и войска, если понадобится, к границе с Пакистаном. По ней в принципе могли бы перебрасываться и наши войска в глубь

Афганистана. Если бы Ираном была навязана нам война, то этой дорогой могли бы воспользоваться и мы. Нам было нелегко завоевать такое доверие у короля и правительства Афганистана, убедить их, что мы не злоупотребим их доверием и строим эту дорогу в мирных целях. Одновременно мы обезопасили на том участке свою границу. Афганистан нам не угрожал, но его территорию, если бы у нас не сложилось дружеских отношений, могли использовать наши противники. Я много раз встречался с руководителями Афганистана. Его король в конце концов согласился приехать на отдых в Крым[347]. Мы его и раньше приглашали, но он находил вежливые формы отказа, а отдыхать ездил во Францию. В Крыму мы с ним ходили на охоту. Правда, ничего не отыскали, не было охотничьей поры. Походили просто с тем, чтобы поразвлечь гостя и показать наши крымские красоты, а также охотничье хозяйство: оленей, муфлонов, всяческую дичь. После своей отставки я из сообщений печати вижу, что Афганистан по-прежнему питает к нам доверие.

В беседах с королем и правительством Афганистана я рассказывал и о наших успехах при разведке нефти и газа на границе Афганистана: «Видимо, и у вас есть эти богатства, они имеют большое значение для развития экономики. Надо провести разведку недр на нефть, газ и другие полезные ископаемые. Почему залегание богатств должно проходить только по границе и не может распространяться на вашу территорию? Естественно, они есть и у вас, надо только их достать». Собеседники смотрели мне в глаза, но проявляли сначала сдержанность. Потом предложили нам по договорным обязательствам провести разведку недр. Мы нашли там большие залежи газа. Сейчас этот газ афганцы предложили нам в уплату за геологические работы и поставки, которые мы производим для промышленности Афганистана.

Конечно, ограниченные люди могут возразить:

– Зачем это делать? Мы могли бы эти средства затратить на нужды нашего народа.

Это правильные рассуждения, но тогда следует проводить иную политику, держа в нищете своего соседа. А это долго не может продолжаться, наши отношения начали бы охлаждаться и могли превратиться во враждебные. Американские капиталисты предложили бы Афганистану разработку недр. Они извлекали бы пользу для себя, и Афганистан получал бы какую-то пользу, а мы получали бы только вред. Афганские руководители и народ настраивались бы против Советского Союза, враждебные силы на территории Афганистана направляли бы его политику против нас. В конце концов кончилось бы сооружением на территории

соседа военных баз. Чтобы парализовать военную угрозу, пришлось бы нам затратить во много раз больше средств, чем мы дали Афганистану в качестве даров.

Вот как надо понимать дела по-государственному и не крохоборничать. Следует авансом нести затраты на то, что в будущем даст огромные прибыли, и материальные, и в виде дружбы.

Как складывались наши отношения с Ираном? Это был очень сложный процесс. Своими корнями он уходил в царское время. Тогда Россия пыталась устанавливать свое господство в Персии, навязывая ей свою волю. Русские оккупационные войска стояли в Персии. Некогда России эта политика стоила жизни ее замечательного драматурга Грибоедова, который был послом в Тегеране. Во время Великой Отечественной войны отец нынешнего шаха[348] проводил прогерманскую политику, поэтому СССР, договорившись с Англией, вынужден был вновь оккупировать Иран, разделив его территорию надвое. Это тоже наложило свой отпечаток на наши отношения, хотя мы преследовали цель лишь обезопасить свою границу с юга. Всегда страна, вводящая свои войска на территорию другой страны, даже давая какие-то обязательства или объяснения, рискует утратить ее дружбу. Вот и оставался недобрый след, о котором помнил ныне правящий шахиншах. После второй мировой войны мы начали выводить из Ирана свои войска, но их вывод был замедлен Сталиным. Потом развернулась гражданская война в иранском Азербайджане. Шах Ирана понимал, что она организована нами, да и партизаны были снабжены нашим оружием. В конце концов правительственные войска подавили это движение, часть партизан ушла через нашу границу. Это оставило новый недобрый осадок на наших отношениях.

Используя ситуацию, США стали создавать там военные базы против нас[349]. Шах говорил, что этого нет, но мы не верили. Твердой границы с Ираном у нас не имелось, действовала демаркационная линия, которая оспаривалась. Мы пригласили шаха для беседы на этот счет, договорились об установлении твердой границы, подписали протокол и географическую карту[350]. Предложили начать работы по сооружению гидроэлектростанции на реке, которая служит границей между Советским Союзом и Ираном[351]. Наши предложения шах принял не сразу. Теперь я читаю, что такие работы ведутся. Эти воды станут приносить пользу как СССР, так и Ирану, потому что будут использованы для полива земель, выращивания хлопка и фруктов. Люди сами решат, что им выгоднее выращивать.

Позволю себе повториться, это очень важно. Чтобы заложить

доверие, приходится идти на материальные издержки. Они с лихвой окупятся, когда возникнут доверительные и дружеские, а может быть, и союзнические отношения.

Лучше понести полезные издержки, особенно в виде подарков на организацию производства у своего соседа, чем потом нести затраты на военные сооружения, которые никому ничего на дают. Они могут принести только смерть и соседу, и своему народу. А на укрепление мирных отношений денег жалеть не следует, потому что, как говорится, от добра можно ожидать добра со стороны своего соседа. Мы сейчас пожинаем положительные плоды тех затрат на укрепление наших дружеских отношений с пограничными странами: обеспечение безопасности границ в виде гарантий, что наши соседи не будут использованы нашим противником против нас.

Сейчас мне приятно читать в газетах заявление шаха Ирана о дружественной политике в отношении нашей страны. Его надо было, если грубо говорить, заработать, на деле доказать нашу мирную политику. Даже шах, который очень неприязненно относился к нам, в последнем заявлении, сделанном месяц тому назад, сказал, что граница Ирана с Советским Союзом – это граница с дружественным государством и что у Ирана сейчас самые лучшие дружеские отношения с Советским Союзом. Советский Союз оказывает Ирану помощь экономическую, техническую и прочую.

Я сегодня по радио слышал, что уже в этом году заканчивается строительство плотины на пограничной реке. Это тоже выражение дружеских отношений, потому что построить такие сооружения на границе, когда отношения неустойчивы, невозможно.

Могут сказать: «Мы много сделали для Китая, а он встал на путь вражды с Советским Союзом». Что же, бывает, но в этом виноваты не мы. Даже при той ситуации, которая сейчас сложилась у Советского Союза с Китаем, и, казалось бы, при наличии наглядных доказательств, что не следовало бы нести таких затрат, я считаю нашу политику правильной. Мы так действовали, чтобы поднять экономику Китая и укрепить ее на пути строительства социализма. Мы искренне помогали, с тем чтобы наш друг развивался, строил свое хозяйство и укреплял свою независимость, как это сделали мы после Октябрьской революции. Но получили обратное. Все возможно ожидать от людей. Мао Цзэдун, безусловно, проводит неправильную политику. Но я глубоко уверен, наша дружба оставила глубокий след в сознании китайского народа. Как говорится, мао цзэдуны приходят и уходят, а народ Китая остается. Придет время, когда

не будет Мао Цзэдуна, не будет и его последователей, а то здоровое, полезное семя, которое посеяно нами в Китае, прорастет и будет развиваться.

В 1959 году Китай начал военные действия против Индии, чем поставил нас в тяжелое положение[352]. Мы заявляли, что у нас с Китаем братские отношения, что мы стоим на общих позициях социалистического строительства. А что может больше сближать народы, чем общие цели в борьбе за лучшее будущее? Но лучшее будущее – не за счет других народов! Мы своей политикой делаем все, чтобы поднять жизненный уровень народов СССР не в ущерб соседям. И всем другим желаем того же. И вдруг – такая война! Нам надо выбирать… Индию мы считали дружественной страной и ее народу желали того же, чего желали себе. Китаем же был поставлен вопрос ребром. СССР требовалось безоговорочно определить свою позицию. Если поддержать Индию, то выступим против братского Китая. Индия – капиталистическая страна, которая и не заявляла о том, что будет строить социализм, а Китай – социалистическое государство. Если мы не поддержим Китай, то разъединим наши усилия в борьбе за прогрессивное будущее. Если нам вести нейтральную политику, то нейтралитет обернется фактически против нас, ибо нанесет ущерб Китаю, социалистическому лагерю в целом. Возникло множество сложных вопросов, и пришлось мобилизовать все наши возможности, чтобы занять правильную позицию.

Сразу же после моего возвращения из США мне надо было отправиться на торжества в Пекине по случаю 10-й годовщины Китайской революции 1949 года. День празднования – 1 октября. В ту пору в наших отношениях с Китаем уже возникло критическое положение, и если бы делегацию возглавил не я, то в Пекине могли бы подумать, что мы встали на путь охлаждения отношений. Поэтому советская делегация была возглавлена Первым секретарем ЦК КПСС и председателем Совета Министров СССР (посты, которые я тогда занимал). И мне пришлось прямо с корабля отправиться на бал: только что прилетев из Америки, вновь садиться на воздушный корабль для отлета в Пекин. Никакого энтузиазма я не испытывал. Чувствовал, что нам придется там очень даже не просто. Знал, что для приема советской делегации все будет сделано сугубо формально. Внутренней теплоты, которая между нами ощущалась раньше, не ожидал. Мао повернул свою политику на 180 градусов, претендовал на роль вождя международного коммунистического движения. Эта эгоистическая позиция толкнула его выступить против КПСС и других братских компартий. А с индо-китайской

границы поступали сообщения о жертвах с обеих сторон. Я слабо верил, что можно будет добиться чего-то путного, и настроение перед торжеством у меня было не радостное.

В ходе конфликта больше потерь несла индийская армия, имевшая меньше военного опыта и худшее оружие. Китайские коммунисты не одно десятилетие вели войну против Чан Кайши и других внутренних и внешних врагов. В китайской армии выработались навыки, сложились кадры, каждый солдат был в военном отношении хорошо подготовлен. Как прозвучит в этой атмосфере советский голос? Пришлось опубликовать Заявление ТАСС, в котором содержалось сожаление по поводу возникшего конфликта между двумя великими народами: нашим братом и другом – китайским народом, и нашим другом, к которому мы относимся с уважением и симпатией, – индийским народом. Мы там не проводили разбора: кто прав, а кто виноват. Иначе пришлось бы кого-то осудить, назвав его агрессором. Да и у нас самих не было особенной ясности. Подробностей дела мы не знали и даже не до конца понимали, чем конфликт вызван. Мы хотели просто высказать свое мнение миролюбивой страны, выразив надежду, что Индия и Китай приложат все усилия, чтобы прекратить войну и восстановить добрые отношения.

Составляя такое Заявление, мы заранее понимали, что в Пекине не воспримут его разумно. Ведь начал-то бои Китай. Индия тогда была слишком слаба и не могла начать военные действия, понимая, что будет обречена на провал. Никакой разумный человек такого не сделает, а мы считали Неру разумным и уж вовсе не воинственным человеком. Когда я прибыл в Пекин, китайцы организовали соответствующую встречу согласно процедуре. Но холод во взглядах и речах ни от кого не ускользнул. Налицо был спектакль без той искренности, которая имела место на аналогичном торжестве в 1954 году. В ходе собеседований Пекин выразил свое недовольство нашим Заявлением: «Почему вы сделали Заявление в такой форме и такого содержания? Оно проиндийское и направлено против Китая». Я разъяснил нашу позицию. Но китайские лидеры напустились на Неру, именуя его и империалистом, и агентом США, и злодеем. Каких только эпитетов они не придумывали тогда, награждая ими Неру!

Мы с ними не могли согласиться, и я спросил: «Чего вы хотите? Война идет за какие-то пограничные кусочки. Если граница проходит неправильно, то ее нужно просто исправить. Но для этого существуют дипломатические средства». Мне ответили, что предпринимались попытки, но ничего не вышло. Но я не отступал: «Районы, где сейчас спорят оружием, – малообжитые

места в горах, обеим сторонам малопригодные. Имеются ли там чьи-то жизненные интересы? Зачем проявлять нетерпимость к существующей границе, которая сложилась бог знает когда?» – «Нет, нет, там важные участки, мы не можем поступиться ими, это китайская земля, захваченная еще англичанами, когда Англия господствовала в Индии, а Индия была ее колонией». – «А сколько лет тому назад велась последняя война между Индией и Китаем? Я не знаю этого, помогите мне разобраться». Никто не сумел мне ответить. «Так почему сейчас, когда Индия освободилась от колониального гнета и стала независимым государством, а Китай тоже освободился от эксплуататоров и иностранного угнетения, которое нес на своих плечах, спор должен решаться путем войны? Неру действительно буржуазный деятель, но среди всех буржуазных деятелей он наиболее разумен и проводит разумную политику, придерживаясь нейтралитета, невмешательства во внутренние дела других государств и невступления в военные блоки».

Выслушав вновь прежние слова, я продолжал: «Допустим, что вам путем войны удастся отстранить Неру от руководства. Вы ожидаете, что новое правительство Индии станет лучше относиться к социалистическим странам, в том числе к Китаю? Я не ожидаю. Если Неру будет отстранен от руководства, то придет человек, который начнет проводить вообще антисоциалистическую и антидемократическую политику, направленную на сближение с США. Переход же Индии на социалистические рельсы – это внутренний вопрос индийского народа. Зачем вам война? Этим вы настраиваете людей мира против социалистических стран. Потом к вашей же политике станут относиться с недоверием и скажут: “Вот как меркантильно они поступают. Индия – самая миролюбивая страна, ее политика основывалась на идее непротивления злу, если ее саму не затрагивали”».

Хотя Неру был не совсем такой человек. Я видел и знаю, какие он принимал активные вооруженные меры против зла, когда у них произошли пограничные конфликты с Пакистаном. Но политика, которую проводил Неру, импонировала нам.

И опять в ответ я выслушал ругательные эпитеты в адрес Неру и Индии. Китайцы сказали, что будут проливать кровь, сколько понадобится, и не уступят ни клочка своей территории.

Кончились празднества, настал день моего отлета. На аэродром меня приехали провожать все пекинские лидеры. Там опять состоялась беседа, с умом организованная и нацеленная на наступление уже против СССР. Агрессивную беседу от китайской стороны поручили вести Чэнь И, министру иностранных дел.

Остальные молчали, изредка подавая реплики. С тех пор утекло немало лет. Время – лучший испытатель верности любой позиции. Оно подтвердило разумность советской линии тех лет. Я теперь очень доволен тем, что мы тогда проявили мужество и не отступили, выдержали трудное испытание при выборе точки опоры в определении правильной политики.

Задолго до конфликта с Китаем Индия начала с нами переговоры о продаже ей лицензии, чертежей и технологии на производство истребителей МиГ-21. Этот самолет уже ни для кого не являлся секретом. Его мы к тому времени продавали Египту и Югославии. А после начала конфликта встал вопрос, что ответить Индии насчет самолетов? Китай, конечно, раздует дело, чтобы закричать, что мы держим сторону Индии в военном конфликте, помогая ей вооружением. Мы долго мучились. Знали, что и в Индии шла борьба: одни боролись за то, чтобы принять к производству МиГ-21, другие выступали против этого и предлагали приобрести американский самолет. США соглашались предоставить необходимые чертежи и технологию.

Что для нас значит не продать МиГ-21 Индии? Оттолкнуть ее. А потом побудить к покупке лицензии в Америке. Индия связала бы себя в производстве современных самолетов-истребителей с американской авиационной промышленностью. Взвесив все, мы решили, что индо-китайский конфликт временный, наступит день отрезвления у Мао, конфликт будет прекращен и забыт. Китайцы умеют, когда хотят, повернуться лицом в нужном направлении и на нужное количество градусов, чтобы сгладить прежнее. И мы решили выполнить свои обещания, оформили договор и отгрузили в Дели несколько самолетов. Применение их в войне не могло иметь какого-либо значения: в Индии не существовало еще кадров, которые могли бы быстро овладеть этими самолетами. Это была покупка на будущее. Лицензию мы передали не секретно, а объявили об этом. Конечно, Китай сразу использовал сообщение для пропаганды среди других коммунистических партий. Но мы дали нужные разъяснения, и абсолютное большинство партий нас поняло правильно. Иначе СССР пришлось бы приспосабливаться к маоистскому Китаю.

Могут сказать: «Хрущев рассказывает об Индии, а примешал сюда Китай». Да, жизнь и политика так переплетены. Трудно говорить об одной стране, не затрагивая другие страны и взаимоотношения с ними. Возвращаясь к Индии, скажу, что мы проводили справедливую линию, направленную на дружбу с Индией. То же касается и Ирана, Турции, даже Пакистана. Пакистан долго не понимал нашей политики и неправильно ее оценивал. Он жил под давлением сил, которые ориентировались

на США. Но потом оценил нашу миролюбивую политику. Советские инженеры и геологи, которые выехали в Пакистан, нашли там нефть, газ, другие полезные ископаемые. Это создает исходные условия для прогресса экономики Пакистана. Вопрос наших расхождений – он остается, но решаться должен не путем войны.

Индонезия: президент Сукарно и политика неприсоединения

Об Индонезии мы знали очень мало и не проявляли к ней особого интереса. За многолетнее общение со Сталиным я не помню ни одного разговора, ни единого хотя бы его упоминания об Индонезии. К ней он не проявлял никакого интереса, и я не могу сказать, что конкретно знал Сталин об этой стране. О народах, проживающих в ней, ничего и никогда в советском руководстве при мне не говорилось. Впервые об Индонезии мы заговорили на уровне Президиума ЦК КПСС во время подписания Бандунгской декларации в 1955 году. Тогда Индонезия приковала к себе внимание всего мира, а фамилия ее президента Сукарно[353] стала регулярно появляться в нашей печати. Как известно, руководство СССР читало не только свои газеты, но и ТАССовские сводки, выдержки из сообщений газет со всего мира. Сначала нам по традиции давали ежедневно объемистый пакет, да такой, что мы его весь и осилить не могли. Поэтому я попросил помощников отбирать материалы, выделяя то, что считалось интересным и важным. Но тут был и минус, поскольку материалы просеивались помощниками, и они стали как бы судьями, решая, что я должен читать, а что не заслуживает моего внимания. Порой у членов руководства и их помощников оказывались разные оценки материала, который отсеивался и к нам не поступал. В результате я вернулся к старой практике, сам читая все сводки ТАСС и оттуда узнавая необходимое мне. Касалось это и Индонезии.

Дипломатические отношения с ней были установлены еще при жизни Сталина[354]. Постепенно судьба Индонезии привлекла наше пристальное внимание, и мы стали проявлять к ней постоянный интерес. Она этого заслуживала, как заслуживает и сейчас: огромная многонациональная страна, разбросанная на массе островов, с населением свыше 100 млн человек, богатая и очень красивая. Ее народы еще заставят говорить о себе и проявят себя на новом пути, несмотря на жестокое поражение, которое было нанесено их левым силам в 1965 году[355].

Где-то после XX съезда КПСС к нам впервые приехал президент Сукарно[356]. Мы его встретили с должными почестями. Он произвел на нас впечатление образованного человека и, главное, умного. Ведь понятия образованный и умный не всегда совмещаются. Я встречал многих образованных, но не очень умных людей, а также наоборот, не получивших систематического

образования, зато блиставших своим умом. Сукарно же имел и образование, и ум. У нас сразу установились с ним хорошие отношения, нам он понравился. Президент изложил принципы своей политики, нацеленной на нейтралитет вне военных блоков. Еще до нас Индонезия наладила нормальные отношения с Югославией. Да и по своему характеру Сукарно тяготел к Тито. Югославия менее жестко, чем остальные страны, строившие социализм, проводила марксистско-ленинскую политику, вольностей там было больше. Поэтому линия Тито больше импонировала Сукарно, чем наша. Я-то посейчас считаю, что мы правильно следовали марксистско-ленинскому учению, придерживаясь строго классовой позиции. Конечно, немалое в нашей политике оказалось наносным, хотя и объявлялось марксистско-ленинским, а на самом деле было навязано сталинским мышлением и не соответствовало истине жизни. Если говорить об учении основоположников научного социализма, то на практике оно как раз и проводилось в СССР не по-ленински, а по-сталински, с извращениями.

У нас установились с Индонезией связи, постепенно она стала обращаться к нам за экономической помощью[357]. В начале 1960 года Сукарно пригласил правительственную делегацию СССР посетить его страну. Мы желали этого и приняли предложение[358]. Правительственную делегацию составлял ряд членов Правительства и ЦК КПСС, возглавлять ее поручили мне. Меня, как всегда, сопровождал министр иностранных дел Громыко[359], а также ряд других лиц. Мы отправились туда на самолете Ил-18 через Индию и Бирму с приземлением на острове Ява. Встречу нам устроили пышную, соответствующую и нашему рангу, и сложившимся традициям. На улицы вышла масса народа. И сразу же Индонезия своей природной красотой и человеческой теплотой произвела на нас сильнейшее впечатление. Климатическая же теплота подействовала одуряюще.

Когда после всех церемоний, встреч и речей нас привезли в отведенный нам дворец, бывшую резиденцию представителя Нидерландов и королевского наместника, мы с ног до головы обливались потом, духота стояла невозможная. Спасали нас в помещении только вентиляторы. Они обдували человека в спальне над кроватью и вертелись в столовой над столом, разгоняя застойный воздух. Это облегчало существование, и все равно нам было очень тяжело, особенно ночью. Спать просто невозможно. К тому же налетало множество москитов, от которых спящих защищали сетки.

Еще до визита мы заключили двусторонние соглашения о поставке советского оборудования, кредитовали разработку

месторождений олова и других ископаемых. Сукарно также обратился к нам с просьбой построить в столице страны Джакарте стадион на много тысяч зрителей. Строили его наши специалисты по советским проектам. Сукарно пригласил нас посетить это строительство. Я только потом понял, что он хотел, чтобы общественность знала, что президент в этом мероприятии принимает самое большое участие, прежде всего как его инициатор. Он вместе со мной производил там какую-то символическую работу: мы дергали за шнур, приводивший в действие паровой молот, который забивал сваи. Все это происходило несколько театрально, но такой уж был у него характер. Например, когда он попросил СССР построить в столице грандиозный и весьма дорогой стадион, я удивился, полагая, что это неразумная трата денег.

Индонезия была еще отсталой страной; настоящая промышленность только начинала развиваться; жила она за счет эксплуатации природных богатств и экспорта сырья. И вдруг – в первую очередь – стадион! «Зачем он вам нужен?» – спросил я Сукарно. «Митинги проводить», – ответил он. Театральщина была плохой его чертой. Из числа известных мне руководителей государств он выделялся этим более всех. Неру, например, был совершенно другим человеком. Конечно, руководителям страны приходится выступать на митингах. Но у Сукарно проявлялась тут какая-то особая слабость: он вообще любил собирать народ, ему беспрестанно нужна была аудитория, следовательно, необходима сцена. Тот стадион в конце концов мы построили.

Внутреннее положение в Индонезии оставалось трудным. Коммунистическая партия, очень большая по численности, была не закалена и не сплочена. Ее члены жаждали лучшего и пошли за коммунистическими лозунгами, но не знали, как претворить их в жизнь. Тем не менее она заставляла с собой считаться, проводила своих представителей в парламент и в правительство. Лидером ее был Айдит[360], еще молодой человек, преданный передовым идеям. Он не щадил своей жизни, защищая интересы трудового народа. Другие руководители КПИ тоже производили на меня хорошее впечатление. Смелые, преданные марксистско-ленинским идеям люди и неплохие организаторы. Они по-своему все делали для того, чтобы Индонезия пошла по пути строительства социализма.

В стране имелась мощная прослойка обеспеченных людей, включая выходцев из Нидерландов. Поражал контраст между нищетой простонародья и роскошными дворцами былой знати. В них потом поселились руководители новой Индонезии. Не знаю, какой собственностью они владели, но разодеты были

удивительно, особенно женщины. Их образ жизни никак не соответствовал экономическому уровню развития страны, и они крайне резко выделялись на общем фоне. Однако лидеры КПИ держали себя более достойно, чем и завоевывали симпатии трудового народа.

Огромной силой в стране обладали военные. Среди них выделялся генерал Насутион[361], в то время начальник штаба индонезийской армии. Какое он производил на меня впечатление? Сравнительно молодой человек, внешне красивый и холеный, несомненно умный. С ним было интересно беседовать. Я встречался с ним много раз, и не только в Индонезии, а и в Москве. Он приезжал в СССР[362] с целью заключить договор об оказании Индонезии военной помощи и продаже ей оружия. Насутион был там весьма влиятельным человеком, но, к сожалению, больше тяготел к американцам и не только не являлся коммунистом, но и прослыл противником КПИ. Конечно, свою антипатию к коммунистам он перед нами не демонстрировал, зато служил главной опорой тем реакционным силам, которые ориентировались на развитие капитализма.

Мы продали Индонезии, причем не за полную стоимость, а по договорной цене, несколько эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров и катеров, вооруженных ракетами[363]. На последнем при мне этапе наших взаимоотношений мы продали Индонезии «Орджоникидзе», хороший крейсер послевоенной постройки. На нем мы с Булганиным в 1956 году ходили с визитом в Англию.

Подводные лодки мы поставляли не старые, но снятые с производства, однако сохранявшиеся у нас на вооружении. К тому времени СССР шагнул в строительстве подводного флота далеко вперед. Затем мы продали Индонезии много истребителей и несколько бомбардировщиков Ту-16, в том числе ракетоносцев, по тому времени очень хороших самолетов. На военных учениях в Черном море я наблюдал, как с таких ракетоносцев поражали корабли-мишени. Действуют они так: не доходя до цели, пилот выпускает ракету и направляет ее, ведя ее лучом, затем самолет разворачивается и уходит, а ракета далее самонаводится на цель. На наших учениях ракетоносцы метко поражали мишени.

Во время пребывания нашей делегации в Индонезии на ряде ее островов местные вооруженные отряды вели борьбу против правительства. В их рядах были и проамериканские силы, оружие они получали от США, о чем мы знали от нашей разведки. Насутион тоже помогал им, но тайно. Что значит помогал? Вооружение он, видимо, не мог туда доставить, однако поддерживал с ними связь и оказывал им содействие, хотя бы

информацией, снабжая сведениями о готовящихся против них действиях правительственных войск. При мне правительственные войска во время одной из операций против восставших захватили американского агента. Насутион содействовал его освобождению. На него нажали американцы. Он имел связь с американской разведкой, о чем мы знали из донесений нашей разведки.

Сукарно был человеком очень мобильным и больше времени проводил за границей, чем в собственной стране. Когда реакционные силы, во главе которых стоял Насутион, подготавливали государственный переворот со свержением Сукарно, он находился в Японии. Из Японии он прилетел к нам и при личной беседе я спросил его: «Известно ли вам, что по требованию американской разведки решающую роль в освобождении агента США сыграл Насутион?» Сукарно испытующе посмотрел на меня, сделал паузу, а потом неожиданно ответил: «Да, я об этом знаю, то было наше общее решение». Но у меня сложилось впечатление, что он сказал неправду, посчитав, наверное, что лучше ему сказать, будто он знал об этом, и тем самым не уронить своего достоинства. Какой был смысл для Сукарно освобождать того человека? Чтобы он продолжил борьбу против государственной системы, которая существовала при Сукарно? Впрочем, президент поблагодарил меня за известие и настоятельно просил и в будущем информировать его о такого рода вещах. И мы его часто информировали.

Сукарно поднял вопрос о реальном присоединении Западного Ириана к Индонезии и развил для этого бурную деятельность. Мы полагали, что он, стремясь включить эту территорию в состав Индонезии, поступает правильно. Начался затяжной спор. Сукарно нуждался в помощи, именно тогда он и купил у нас крейсер, а также другое морское оружие. Накал борьбы в Индонезии все увеличивался. Сукарно готовился даже военными средствами присоединить Западный Ириан. А когда он поглубже познакомился с процессом подготовки к войне, то обратился к СССР с просьбой помочь ему советниками, обучить его людей овладеть подводными лодками, ракетоносцами, торпедными катерами, эсминцами. Там квалифицированных специалистов еще не было. Мы публично заявили о своей поддержке Сукарно в его борьбе за освобождение всей страны, пошли ему навстречу и послали туда специалистов, включая офицеров, которые фактически командовали подводными лодками, а наши летчики летали на Ту-16.

Конфликт продолжался там длительное время. В те месяцы приехал к нам министр иностранных дел Индонезии

Субандрио[364], который ранее долгое время был послом в Москве. Очень милый и симпатичный человек. Его в посольстве затем, хотя и не сразу, сменил Адам Малик[365], которого у нас считали (нас так информировали) стоящим на стороне реакционных сил. Он выступал против сближения с Советским Союзом и за капиталистическое развитие Индонезии. Субандрио занимал прогрессивную позицию и являлся другом СССР. Он не был коммунистом, но, как нам казалось, сочувствовал им, слыл близким человеком и чуть ли не правой рукой Сукарно. Пользовался полным его доверием. С ним рука об руку Сукарно намеревался перестраивать Индонезию.

Я бы не сказал, что Индонезия тогда приняла решение строить социализм. Нет. Сукарно занимал достаточно гибкую позицию и хотя высказывался в принципе за социализм, но за какой социализм, трудно было разобраться. Конечно, он выступал против реакции и придерживался принципов более демократического устройства государства, в чем не было сомнений. КПИ действовала легально. Он привлекал ее людей к управлению государством. Мы по-доброму оценивали политику Сукарно и уважали его, хотя со многими чертами его характера не мирились. Так, он был совершенно не сдержан в отношении к женщинам. Это – его заметная слабость. Тут я не открываю какого-то секрета. Газеты тех лет пестрили сообщениями о его любовных приключениях. Данную сторону его поведения мы осуждали, но ведь нелегко перебороть человеческие слабости. Мы не понимали, как умный человек, занимающий такой пост, мог позволять себе подобные бытовые выходки? Они дискредитировали его в международных кругах и в своей стране тоже. Мне разъясняли, что мусульмане на это смотрят сквозь пальцы. Не знаю, не знаю…

У Субандрио была замечательная жена. Во время официальных приемов она иногда пела русские песни, причем хорошо. Эта пара, посол и его супруга, пользовались большим уважением со стороны руководства СССР.

Все у нас считали их друзьями. В разгар обострения вокруг Западного Ириана Субандрио уже как министр иностранных дел и доверенное лицо Сукарно приехал к нам.

Я охотно его принял. Субандрио говорил по-русски, и мы с ним беседовали без индонезийского переводчика, ведя самые доверительные беседы. Присутствовал наш переводчик, но только для записи беседы. Мы обсуждали посылку туда военных специалистов. Голландцы сосредоточили значительные военные силы в этом районе. Они заявляли, что не отдадут Ириан и будут за него воевать.

«Каков шанс, что удастся договориться?» – спросил я Субандрио. «Небольшой». – «Если голландцы не проявят трезвости ума и вступят в военные действия, – сказал я, – то эта война послужит в какой-то степени учебным полем для наших летчиков, управляющих ракетоносцами. Посмотрим, как сработают наши ракеты». Я позволил себе подобные слова, потому что разговор проходил строго конфиденциально. Да, мы выступали на стороне Индонезии в ее борьбе против колонизаторов. Мы всегда выступали против колонизаторов и сейчас остаемся на тех же позициях до тех пор, пока существует открытый или замаскированный колониализм. Это вытекает из наших убеждений, и здесь я никакого особого секрета не выдаю. Помню, что даже во время произнесения самых острых высказываний Субандрио неизменно мило улыбался.

Из Москвы он улетел в США. Там он, неожиданно для нас, рассказал в Госдепартаменте о беседе со мной во всех подробностях. Я был ошарашен. Сукарно надеется, что Субандрио – его человек, а он на деле оказался человеком США![366] Мы, узнав об этом происшествии, сообщили о нем Сукарно. Но, как и при случае с Насутионом, президент никак не реагировал, остался невозмутимым и заявил что-то успокаивающее, прося меня не придавать делу особого значения. После такого его ответа у меня сложилось впечатление, что министр иностранных дел информировал руководство США с ведома, а возможно, и по совету Сукарно. Я доныне это допускаю. Ведь Сукарно был человеком себе на уме. Какие цели он реально преследовал? Возможно, хотел через США нажать на Нидерланды? Оба этих государства были союзниками по НАТО, хотя США в открытую не симпатизировали Нидерландам, не желая такими авансами портить себе международную репутацию. А пока что Сукарно через посла просил прислать ему грамотных штабных офицеров, чтобы разработать план боевых действий на случай, если придется пускать оружие в ход. Мы пошли на это и послали туда своих людей. То есть Сукарно балансировал, используя и нас, и США для достижения поставленных целей. Это свидетельствует о том, что он умел строить различные комбинации. Однако такие его действия обижали нас, он-то нас не обо всем информировал, и мы многого не знали.

Практически получилось так, что голландцы были проинформированы о военных средствах, которые получила Индонезия. Сукарно демонстрировал, что они надежны и могут быть эффективно применены. Действительно, США после этого посоветовали Нидерландам пойти на переговоры.

Вашингтон нажал на Амстердам, и Нидерланды после

переговоров согласилась передать Западный Ириан[367] Индонезии. Предварительно на Новой Гвинее провели опрос, и жители ее западной части высказались за присоединение к Индонезии. Надобность применять оружие отпала. Мы были очень довольны. А наши люди, обучив индонезийских военных, благополучно вернулись домой.

Почему же США заняли такую позицию? Как союзники Нидерландов, они в случае помощи им выглядели бы агрессорами, чего не хотели и, оберегая чистоту своих риз, не стали пятнать их открытой поддержкой колонизаторской политики. Наш же авторитет в глазах индонезийцев вырос. Мы опять проявили себя искренними друзьями народов, борющихся за свою независимость, и оказали помощь Индонезии не на словах, а на деле.

Еще несколько слов о Субандрио, о его двойственности, склонности к маневрированию. Когда в Индонезии разыгралась драма 1965 года, Субандрио арестовали, осудили и приговорили к смертной казни. Не знаю, казнили ли его, но мне было неловко читать о том, сколь недостойно он вел себя на суде, вымаливая себе жизнь. Рассчитывая на снисхождение суда, он рассказывал, как, будучи министром иностранных дел, информировал о секретных правительственных решениях оппозиционную мусульманскую партию[368]. Тогда Сукарно с ней расправился, и она ушла в подполье. Следовательно, наша информация о том, что министр иностранных дел Индонезии ведет двойную политику, была правильной.

В начале 60-х годов при нашей поддержке Индонезия достигла своих целей на Новой Гвинее. Затем Сукарно начал борьбу за полное вхождение острова Калимантан (бывший Борнео) в Индонезию, включая северную его часть. При образовании Малайзии[369] два района Калимантана отошли к ней. Сукарно развил бурную деятельность. Мы его поддерживали в печати, но сверх того ничего не предпринимали. До переворота 1965 года Сукарно свою борьбу за Калимантан не сумел завершить.

Отдельно расскажу о природе Индонезии. Она сказочна. Особое впечатление на меня произвела изумрудная зелень в Богоре, где находилась резиденция президента. Во времена колониализма расположенный там большой и роскошный дворец[370] принадлежал голландскому губернатору. От Джакарты до Богора всего километров 50. Дорога туда живописная, постоянно проезжаешь мимо колоритных базаров, где прямо на земле разложены огромные лотки с ворохами всевозможных фруктов. Наши люди таких фруктов не только не

едали, но и не видали. Богорский дворец – из белого камня. Внутреннее расположение комнат типично дворцовое. Его архитекторы умело действовали: здание производит сильное впечатление и с фасада, и внутренним убранством. Перед дворцом раскинулся широкий зеленый луг, подстриженный в английском стиле.

Увидев его, я вспомнил свое детство в Курской губернии. Весной, когда крестьяне отмечали Пасху, вокруг все так же зеленело. Мне навсегда запомнилась радость весны, приход которой всякий человек в наших краях переживает после окончания зимы. Такие же чувства вызвал во мне тот луг, а рядом – небольшое озеро. При въезде на территорию Богорского дворца я увидел подвешенные к веткам дерева большие черные предметы. «Что это?» – спросил я. Оказалось, то были летающие лисицы, к вечеру они улетают. Эти животные типа летучей мыши живут стаями. Перед сумерками отдельные особи срываются с веток, делая как бы облет. Потом вся стая разом поднимается в воздух, как наши грачи, кружит вокруг места дневки и устремляется на кормежку. Эти ночные зверьки утром возвращаются, а питаются они фруктами, что является истинным бедствием для крестьян, владеющих фруктовыми деревьями.

Богорский дворец располагался на окраине огромного дремучего леса. Я заходил в него, но недалеко. Лес произвел на меня мрачное впечатление: солнце не проникает сквозь кроны, внизу сырость, стволы деревьев покрыты мхом, с листьев падают капли. В лесу я увидел на цепи двух орангутанов, привыкших к своему жалкому положению и сидевших смирно, с грустным видом. «Зачем вы их приковали? Это производит плохое впечатление», – сказал я Сукарно. Он промолчал.

Во время поездки я особенно страдал от климата. Я уже говорил об этом. Все липнет к телу, все влажное, дышать тяжело. Но, с другой стороны, мне было очень интересно все это увидеть, все это созерцать. Мы наблюдали тропические ливни. Ливень разражался как шквал, возникал занавес из водяных струй. Тропический дождь продолжался около часа, потом он прекращался. Выходило из-за туч яркое солнце, образовавшиеся на зеленой траве-мураве капельки воды искрились под его лучами. Раз после ливня на поляне перед дворцом в Богоре появились несколько десятков ланей. Они паслись на этой траве. Очень красивое зрелище.

Неподалеку от дворца расположены богатый зоологический музей и ботанический сад. Их создатель – немец, проработавший там много лет. И музей, и сад, и вся страна поражали воображение разнообразием бабочек неописуемых расцветок и

размеров. Когда заходит солнце, появляются армады новых, вечерних бабочек, еще больших размеров.

Мой сын Сережа, увлекающийся коллекционированием бабочек, всегда просил меня привозить ему интересные экземпляры из разных стран, в которые мне доводилось попадать. Я переадресовывал его просьбы своим охранникам, а те, конечно, обращались к местной охране. В Индонезии те и другие вместе гонялись за бабочками. Ловить их трудно, а умело умертвить и засушить еще сложнее, здесь требуются навык и знания. Но Сергей оставался доволен. Когда Сукарно узнал, что мой сын увлекается ловлей бабочек, он сам стал бегать, смеясь, и ловить их. Этот веселый человек умел пошутить. Видя, как президент гоняется за бабочками для сына Хрущева, окружающие посмеивались над ним.

Сукарно устроил нам поездку в зоопарк. Он хотел показать могучих драконов, сохранившихся на всей Земле только на одном из мелких индонезийских островов. Они несколько похожи на ящеров допотопного периода. В зоопарке обитали эти ящеры[371], человекообразные обезьяны, другие редкие животные. Ящеры размещались на большой площадке, обнесенной глубоким рвом. Когда стоишь на дорожке, рва не видно и создается впечатление, что ящеры живут на свободе. Им бросили тушу убитого животного. Эти пресмыкающиеся с мощным туловищем и длинным хвостом рвали ее и пожирали. Картина была не из приятных. Вообще же их можно увидеть только тогда, когда они, изголодавшись, приходят за пищей. Потом, уже дома, я трижды смотрел кинокартину французского режиссера, выезжавшего в Индонезию, где он снимал ящеров на воле, для чего в качестве приманки убили буйвола, устроили засаду и замаскировались.

Но не менее сильное впечатление, чем красоты Индонезии, произвела на меня нищета ее народа. При всем том, что верхушка общества жила в роскоши и довольстве.

Президентом в нашу честь организовывались обеды, куда приглашались представители различных слоев общества, включая гражданских, военных и партийных лидеров. Всегда бывал там товарищ Айдит. Президент не только считался с ним, но и относился к нему с уважением. На обедах нам предлагались экзотические блюда с неимоверно богатым ассортиментом фруктов, и сладких, и кисло-сладких, но нам совершенно незнакомых. Один фрукт, дуриан[372], запомнился особо. Размерами он сантиметров в 20, с толстой кожурой, утыканной иголками. Внутри плода – бледно-желтая мякоть. Когда подали этот фрукт, хозяева стали переговариваться между собой и, улыбаясь, поглядывать на меня. Я понял, что готовится какая-то

шутка. Я взял ложку, зачерпнул мякоть дуриана и поднес ко рту. Тотчас почувствовал отталкивающий запах гнилого мяса. Президент же настаивал, чтобы я откушал плод, и впервые назвал меня при этом товарищем Хрущевым. Он сам ел с удовольствием, и мне показалось неприличным отказываться. Пришлось съесть. На вкус дуриан все же терпим, если зажать нос, чтобы избавиться от запаха. А местные мужчины и дамы ели его с аппетитом, для них дуриан был деликатесом. Потом они шутили на тему, как иностранцы без привычки пробуют дуриан. Готовят дуриан так: разрезают кожуру, после чего возникает самый сильный запах, разделывают, раскладывают кусками на блюде и выдерживают на воздухе. Дурной запах постепенно улетучивается, так что нам подали фрукт уже несколько подвыветрившимся.

Когда же дома я читал книгу об Индонезии[373], то узнал, что индонезийцы буквально охотятся за деревьями, на которых растут плоды дуриана. Иногда происходят сражения между жителями разных селений за обладание таким деревом. Я усомнился в правдивости рассказа и позже спросил Айдита, так ли это. Тот улыбнулся: «Нет, этот автор – шутник. Действительно, у нас разыскивают в лесу деревья дуриана, все они на учете. И какая-то борьба за то, кто первым снимет плоды, встречается, однако никаких побоищ не бывает». Не я один попал в дурианную ловушку. Самолеты между Москвой и Джакартой летали регулярно через день. Мне захотелось удивить своих друзей дома, и я попросил охрану отправить набор экзотических фруктов членам Президиума ЦК КПСС. Послали многое, в том числе дуриан. Так как самолет летел через Индию и Афганистан, то я послал такие же наборы фруктов для Неру и короля Афганистана. «Ну и какое осталось у вас впечатление от индонезийских фруктов?» – спросил я потом на обратном пути. И Неру, и король ответили, что один из фруктов оказался испорченным. Описали его, так и есть, дуриан. Они его выбросили. В Индонезии растут, между прочим, и мандарины, но яблок там нет. У тамошних мандаринов более крупные плоды, чем у наших, зато они менее вкусны. Грузинские же вкуснее, хотя и мельче.

Интересно устроен человек. Находясь в Индонезии, я все время чувствовал себя, как в предбаннике, неприятно парило, белье прилипало к телу. Но Сукарно, естественно, испарения не докучали. Как-то мы вместе летели самолетом. Когда поднялись в воздух, появилась прохлада. Я сразу почувствовал родную стихию, стало легче дышать. Взглянул на президента и увидел, что всю теплую одежду, какая у него была, он натянул на себя, лег на кушетку, накрылся с головой и буквально дрожал. Я спросил Сукарно, что с ним? «Удивляюсь, как вы терпите такой

холод? Скоро ли мы приземлимся?» – ответил он. Вот что значит привычка к своему климату.

Проезжая по дорогам Индонезии, я обратил внимание на технологию возделывания риса на холмах. Веками крестьяне накапливали трудовой опыт, делали площадки и превращали холмы в террасы. Ежедневные обильные осадки наполняют чеки водой. Сначала крестьяне выращивают там рис, потом туда же запускают мальков и выращивают рыбу, далее пускают утят на откорм и получают утиное мясо. Так с одной площади снимают рис, рыбу и птичье мясо. Это разумное использование земли. Но в то время, когда я имел дело с Сукарно, Индонезия себя рисом не обеспечивала и закупала его в Бирме.

В Богоре Сукарно предложил мне: «Проедемся? Вы посмотрите на наше житье-бытье в небольшом городишке, там вы увидите некоторые национальные обряды». Я согласился. Жду. Время выезда, назначенное президентом, давно прошло. Наконец он пришел, и мы поехали. Только в пути я понял, в чем причина опоздания. Оказывается, Сукарно захотел, чтобы на всем протяжении дороги в населенных пунктах нас встречали толпы народа. Его люди собирали их, и отъезд затянулся. Мне было очень не по себе. Меня коробило это, но и я раб сложившейся традиции. У нас в СССР издавна отработана такая же схема действий. А лучше было бы, если бы собирались на встречу только желающие. В Индонезии людей собрать труднее, организаций с дисциплиной, которая сложилась у нас, нет. Поэтому Сукарно и волновался, он хотел показать товар лицом, продемонстрировать, как стар и млад выходят на улицы. Было ли главным для него показать, как они встречают представителя Советской страны Хрущева? Я думаю, что он хотел мне продемонстрировать, как встречают президента Индонезии Сукарно.

Тем не менее, когда мы проезжали, шеренги были довольно жиденькими. В отдельных местах учителя вывели школьников. И лишь в деревнях народу собиралось побольше. Мне не хотелось обидеть президента, хотя я порывался выразить ему сочувствие в связи с отсутствием желательной массы встречальщиков.

Во время этой поездки мы не выходили из машины, и на индонезийские деревни я глядел из нее. Их жилища – сараи из бамбука. На полу видны настилы, тоже из бамбука, висит какое-то тряпье. Люди носят неряшливо пошитые и заношенные одежды, весь верх открыт, прикрываются они только ниже пояса, груди открытые. Очень неприятная, некрасивая картина. Стоят женщины, держат на руках грудных детишек. Ребенок сосет грудь уже немолодой женщины. Это не те женщины, о которых мне

почему-то вспомнились строки: «Элен имела пышную грудь, и она производила впечатление на молодежь»… Здесь грудь вызывала сожаление. Очень грустная картина.

Деревня произвела на меня очень жалкое впечатление. Видно, что народ жил очень бедно. Бедно одетые люди, а жилье примитивное. Выручало их лишь то, что там тепло, так что они нуждались главным образом в крыше от дождя и солнца.

Приехали мы в небольшой городишко к дому с огромной террасой. Там уже расставили сиденья и расписали, где и кому занимать какое место. Отдельно указали места президента и мое. Мне пояснили, что мы увидим процессию. Этот обычай существует только там. Процессия изображает весь жизненный путь человека. Я в детстве видел лубочные картины такого характера. Их печатал в Москве книгоиздатель Сытин[374], тот самый, который всю свою жизнь посвятил книгам. Его типография выпускала дешевые лубки. Крестьяне и рабочие, желая как-то украсить свое жилье, покупали их. В юности и я являлся таким покупателем «художественных» произведений. На нашем руднике у многих в домах висели картинки с изображением жизненного пути человека от рождения до смерти.

Тут то же самое было показано в виде шествия: впереди шла группа людей с младенцами, потом – женитьба, далее – люди в зрелом возрасте. Одним словом, жизнь, разбитая по этапам. Участники процессии шли группами, каждая художественно представляла отдельный этап. Эти люди были хорошо и красочно одеты. Не знаю, надели ли они театральные костюмы или просто являлись обеспеченными. Мы, сидя, любовались красочным зрелищем. Процессию сопровождали музыканты. Когда проходили мимо красивые девушки, Сукарно заговорщически улыбнулся: «Какая из них больше других вам нравится?» – «Да все нравятся. Красивые девушки и хорошо одеты». – «Нет, – настаивал президент, – может быть, вот эта?» И показал на одну из них. Я постарался прекратить обсуждение данной темы. «Ну, если эта вам нравится, то и мне тоже, но и другие не меньше». И замолчал. Президент же пустился в обсуждение физических достоинств девушек, что доставляло ему видимое удовольствие.

В Богоре мы провели двое суток, затем отбыли в Джакарту. Там происходили официальные и неофициальные беседы и приемы.

Планом предусматривалась поездка в город Бандунг, по имени которого названа знаменитая декларация 1955 года. Мне Мао Цзэдун говорил, что ее написали китайцы, а конкретно – Чжоу Эньлай. Хороший получился документ.

Из Бандунга мы перелетели на остров Бали, туда, где обычно

отдыхает правительство.

Перед приземлением Сукарно меня предупредил: «Вы атеист. Но прошу вас проявить терпение. Согласно местным традициям нас будут приветствовать священнослужители. Тут живут люди двух верований[375], поэтому одновременно будут звучать два приветствия. Они прочитают молитвы и совершат определенный ритуал, встретят нас поклонами и жестикуляцией рук. Если вы согласитесь участвовать в церемонии, это произведет хорошее впечатление на народ. Будет это полезно и для меня». Я ответил, что мне интересно взглянуть на такую церемонию.

Приземлились. Поехали на автомашинах. Нас встретила толпа. Началась названная процедура. Отслужили что-то вроде молебна. Сначала один служитель монотонно бормотал что-то, затем другой. Так у нас в лесу весною во время брачных игрищ бормочут тетерева-косачи. Священнослужители говорили попеременно, и я уже еле терпел. Асфальт на площадке был настолько раскален, что я ощущал себя стоящим на сковородке, приходилось переступать с ноги на ногу, мне жгло подошвы. А они все бормочут. Я посмотрел на Сукарно, он молчит. Может быть, привык? Или ботинки заранее надел на толстой подошве? Не выдержав, я тихонько обратился к переводчику: «Нельзя ли сократить?» Он перевел для Сукарно столь же тихо, чтобы никто не услышал. Сукарно подал знак, и постепенно бормотание прекратилось. Священнослужители вроде бы благословили нас, а мы любезно попрощались с ними.

Резиденция находилась на возвышенности, более прохладный климат действительно располагал к отдыху. Расположились и тут же отправились на прогулку. Хозяин показывал очень красивые окрестности: парк, а внизу под горой была система прудов. К ним можно было только пройти, но не проехать. Пруды опоясывались дорожками, при желании в одном из них разрешалось купаться. Там уже плавали люди. Обед у нас был не общим: каждый ел в комнате у себя. На следующий день во дворе наших домиков расположились ремесленники, работавшие по дереву, кости и металлу. Искуснейшие мастера демонстрировали нам замечательные изделия с инкрустацией. Скульптуры были выполнены своеобразно и казались непривычными на наш глаз: пропорции смещены, вытянуты вверх. Мастера-деревообделочники использовали красное дерево, которым богата Индонезия, фигурки из него точеные, красиво отделанные. Покупателей набралось довольно много, наши тоже приобретали.

На следующий день мы снова гуляли у прудов. В одном из них купалась обнаженная молодая женщина с ребенком. Президент упорно вел нас именно к этому пруду. «Да ведь там

нагая женщина», – сказал я ему. Он ответил, что на Бали это не имеет значения. Мы подошли, он заговорил с нею, и она, держа ребенка на руках, направилась к нему. Мы пошли дальше, а он остался. Женщина подала президенту ребенка, он подержал на руках, пошутил с ним, и она вернулась к купальной процедуре. Я рискнул заметить ему, что у нас подобное поведение считается неприличным. «Да видели ли вы, как она без всякого смущения вышла и подала мне ребенка, а потом снова ушла?» – проговорил Сукарно.

Президент, любя праздничное общество, обожал танцевать. И любил также, чтобы танцевали все присутствующие. Так он поступал в Богоре и так же продолжал вести себя на Бали. Я человек абсолютно не танцующий, даже в молодости никогда не увлекался танцами, просто не умел. В молодости вообще был очень стеснительным, хотя мне нравилось смотреть, как танцуют другие. В принципе я был бы не прочь принять участие в невинных развлечениях Сукарно, но кроме группового танца, который прежде знали в Донбассе шахтеры и мастеровые, я не умел ничего другого. Там становились в круг, брались за руки и топтались, вроде как в болгарском коло. Это умели делать все. Примерно такие же однообразные танцы, но до упаду, танцевал и Сукарно, обычно после ужина. Сначала устраивался концерт с исполнением национальных музыкальных произведений, проходили сольные выступления. Затем все танцевали. Так прошел первый вечер, разошлись очень поздно.

На второй вечер, после ужина, президент снова устроил то же самое. Когда перешли к танцам, я стал прощаться, сказав, что очень устал. «Как? – изумился Сукарно. – Это невозможно, девушки обидятся, сделайте мне одолжение». Он столь же обожал танцы, как и женщин. Порою просто не владел собою. Я все же ушел, некоторые из наших остались. Тут танцором номер один стал Громыко[376]. Утром мне рассказали, до которого часа длились танцы. К тому времени я уже выспался. Сукарно, как бы оказывая внимание гостю, сам больше всех увлекался этим. Ему очень нравилась такая обстановка. Он танцевал по очереди со всеми молодыми женщинами, держался вежливо, и им, наверное, было приятно, что сам президент уделяет им внимание. Он по ходу дела еще и шутил, и вел остроумную беседу.

Нашу делегацию сопровождали два врача. Один из них – специалист по уху, горлу и носу. Мы предполагали, что в такую жарищу возможны простуды. У нас уже имелся печальный опыт во время поездки по Индии. Вторым врачом был начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР Марков, хороший товарищ и отличный врач[377]. Это он предложил мне на всякий случай

взять с собой второго лекаря, после того как я предложил ему поехать с нами. На Бали сопровождавших нас лиц мы разделили на две группы. Одна половина жила с нами, другую разместили на берегу моря. Там тоже хорошие условия, но менее прохладно. Однажды во время завтрака я заметил, что у Сукарно разыгрался насморк. «Господин президент, с нами приехала женщина-отоларинголог, очень красивая, поселили ее у берега моря, отличный специалист, она легко вас вылечит» (я решил и дело сказать, и пошутить, зная его слабость). Гляжу, к обеду наша врачиха уже переместилась в верхний лагерь, а Маркова отправили к той группе. Помещений-то не хватало, разместить всех вместе было негде. После ужина опять состоялось культурное мероприятие, как у нас принято называть. И врачиху пригласили. Она действительно была красива и умела хорошо танцевать. Конечно, сразу же привлекла внимание президента, и он с ней оттанцевал. «Как вам понравился президент?» – на следующее утро спросил я ее. Она улыбнулась с хитрецой и ответила, что он веселый человек.

Мы побывали на еще одном острове. Местную администрацию возглавлял отпрыск старой династии, сохранившей командное положение. Он имел звание генерала и занимал пост губернатора. Коммунисты меня информировали, что этот человек не пользуется их политическим доверием. Гостеприимство он, впрочем, проявил такое же, как и люди в других местах. Сукарно его охарактеризовал, как и коммунисты, но добавил, что генерал честен, и ему доверяют.

Запланировали мы и посещение колледжа. На митинге в колледже молодежь приняла меня очень тепло. Я завершил свое выступление объявлением о том, что Советское правительство приняло решение об организации для народов, освободившихся от колониальной зависимости, специального университета в Москве. Он и сейчас существует, носит имя Патриса Лумумбы[378], ставшего символом непримиримой борьбы с колонизаторами.

Обсуждая вопрос о создании такого высшего учебного заведения, мы исходили из того, что США, Англия и Франция для своих бывших колоний готовили соответствующие кадры. Они организовали учебные заведения, куда принимали молодежь согласно определенным принципам. Иногда предпочитали детей состоятельных людей, иногда – специально отбирали способных студентов и давали им государственные стипендии. Так они выучили обширные кадры, на которые потом и опирались, проводя колониальную политику. Мы же считали, что для проведения антиколониальной политики тоже надо создавать

кадры специалистов, а заодно приобщить их к советской культуре, коммунистическому мировоззрению, нашему пониманию общественной жизни. Закончив обучение, эти студенты должны были стать подготовленными людьми не только по своей специальности, но и в области общественных наук. В завершение своей речи в колледже я зачитал постановление Советского правительства об организации такого учебного заведения в Москве. Это была торжественная минута. И профессура, и молодежь горячо, дружно и долго демонстрировали свое восхищение этим решением. Сейчас у нас это учебное заведение процветает, называясь Университетом дружбы народов.

Истекал срок нашего пребывания, мы собирались к отъезду. На прощальном митинге выступил Сукарно. Он умел хорошо говорить, слыл искусным оратором, его речи звучали ярко. С нашей стороны выступил я.

Сейчас, встречаясь с людьми, я порой слышу упреки, что мы зря тратим деньги на этих людей, на это обучение. Я разъяснял тогда и сейчас утверждаю, что решение было правильным и необходимым, а издержки закономерны.

Так что такие расходы на распространение марксистско-ленинского учения я считаю оправданными. Мы увеличиваем влияние нашего государства на выбор направления развития общества в этих странах, особенно недавно освободившихся от колониальной зависимости. Наши затраты окупятся не в виде платы за учебу, а значительно бóльшим – доверием к нашей стране и партии. Я убежден, все страны пойдут по нашему пути, будут опираться на марксистско-ленинское учение. А подготовка кадров требует затрат.

Чем больше подготовленных и образованных людей обретут знание марксистско-ленинского учения, тем лучше. Часть их станет общественными деятелями в своих государствах. Такие примеры мы уже имеем. Мы встречаемся с людьми, окончившими у нас институты или университеты и занимающими видные положения в своих странах.

Запомнился мне курьезный случай, происшедший на официальном обеде в Джакарте. Айдит попросил меня: «Хорошо бы поднять тост во здравие генерала, который командует воздушными силами[379]. Это поднимет его влияние». Генерал был или коммунистом, или вроде того. Я засомневался: может быть, не следует этого делать? Но потом уступил настоянию Айдита. И при произнесении тостов попросил слова, что не являлось чем-то необычным, однако все же привлекло повышенное внимание. И я предложил тост за генерала такого-то,

сейчас его фамилию не помню. Все поаплодировали и выпили. Немедленно в ответ Сукарно предложил тост за генерала Насутиона. Тут я почувствовал, что президент как-то настороженно воспринял мой тост. Это меня убедило, что я был прав в первоначальных сомнениях. Но что поделаешь, я так поступил по просьбе Айдита. В той ситуации я еще отчетливее увидел, как Сукарно ухаживал за Насутионом. Была заметна тревога на лице президента. Своим тостом Сукарно хотел, частично нейтрализовав мой тост, подчеркнуть значимость Насутиона.

Отношения СССР с Индонезией складывались как наилучшие: мы развивали экономическое сотрудничество, помогали оружием, посылали туда свои командные кадры, а командиры индонезийской армии приезжали к нам на стажировку. Тем не менее лично Насутион (да и не он один) вызывал у нас политические сомнения. Нас беспокоило то, что этот друг Запада был влиятельным человеком в вооруженных силах. Сукарно, беседуя со мной, утверждал, что Насутион не только честен, но и религиозен; через религию на него можно влиять, и постепенно он пойдет по демократическому пути.

Я беседовал с Насутионом неоднократно. Каждый из нас вел себя соответственно своему положению и с соблюдением взаимного уважения. В нем не было заметно даже намека на какое-то демонстративное поведение, он не проявлял неприязни ни к чему в СССР, умел держать себя и не давал повода почувствовать его неприязнь. А она, безусловно, имела место. Он контактировал и с нашими военными. Они хорошо относились к Насутиону, хотя от наших разведывательных органов мы получали информацию, что Насутион связан с американской разведкой. В командном составе вооруженных сил Индонезии служило много коммунистов и еще больше сочувствующих. Среди них Насутион при всей своей значимости вроде бы терялся. А в целом мы полагали, что в Индонезии события развиваются в правильном направлении. Если Индонезия станет на путь строительства социализма, это оказалось бы нашим общим огромным завоеванием, а сама она превратилась бы в мощную опору борьбы против мирового империализма.

Империалистический лагерь понимал это не хуже нас и делал все для дискредитации КПИ и президента Сукарно, который продолжал владеть помыслами народа, и его влияние оставалось очень высоким. Все там шло хорошо, пока маоистский Китай не начал проводить свою особую линию. Когда наши разногласия были обнародованы, их начали использовать классовые враги. Мы сожалели о том, но ничего не могли поделать. На

Международном совещании коммунистических и рабочих партий 1960 года в Москве Айдит выступил со свойственной ему обтекаемостью и эластичностью. Он ничего не сказал против позиции КПСС, но он не выступил и против пекинской позиции. Его эластичность приносила в жертву принципы. Впрочем, от компартии Индонезии мы другого не могли ожидать, потому что в ней имелась большая прослойка китайцев. Через них компартия Китая оказывала немалое влияние. Правда, индонезийцы иногда по-своему выражали протест против засилья китайских торговцев, громя их лавки. Мы сожалели о выступлениях такого рода, хотя и знали, что китайские торговцы в Индонезии внимательно прислушиваются к голосу Пекина, даже не будучи пролетариями. Пекин влиял на китайское население не только в Индонезии, но и в Сингапуре, Малайзии, других азиатских странах.

В руководстве компартии Индонезии тоже имелись люди китайской национальности. До разногласий СССР с Китаем национального вопроса там не существовало. А тут Китай начал как бы прощупывать тамошние настроения. Выявилось, что часть членов Политбюро ЦК КПИ стала на пекинские позиции. Правда, открыто против СССР и КПСС они не выступали, но и нашу политику не поддерживали. Теперь Айдит тоже занял нечеткую позицию, явно склоняясь к китайцам. Это меня удивляло, и я думаю, что с его стороны это была какая-то вынужденная позиция. Я беседовал с ним уже в самый последний период своей деятельности. Кроме него, присутствовали еще три представителя КПИ, а со мною были Пономарев и Андропов. Айдит отмалчивался, а я аргументировал линию КПСС, сравнивая ее с китайской и доказывая несостоятельность последней. Айдит все молчал, и я чувствовал, что у него нет выхода. Вскоре он через Китай уехал к себе на родину. Потом я узнал, что в Пекине он не устоял при встрече с Мао, и тот перетянул его к себе. Китайцы взяли его в обработку. Потом они в своих газетах открыто доказывали, что он стоит на пропекинских позициях. После разгрома руководства КПИ в 1965 году Айдит находился в подполье, затем его арестовали, судили и расстреляли. Нужно отдать должное этому человеку: он заблуждался, но искренне. На суде вел себя умно и умер достойно. Когда компартия Индонезии организовала выступление с целью захвата власти, в советской прессе проскальзывало, что, послушавшись Мао Цзэдуна, КПИ попала в тяжелейшее положение. Для меня же это выступление КПИ оказалось абсолютно неожиданным. Я никогда не думал, что оно может произойти в такой форме, без учета конкретной ситуации, которая сложилась тогда в Индонезии. Погибли десятки тысяч коммунистов и вообще прогрессивных людей,

работавших в профсоюзах и в других организациях под руководством КПИ. Потерпела крушение крупнейшая в капиталистическом лагере компартия. Вот что значит поддаваться авантюристическим лозунгам[380].

Египет, президент Насер и Асуанская плотина (1955–1964 гг.)

Хочу рассказать о Египте: как складывались наши отношения с Египетским государством и с его новым руководством после революции, которую совершили молодые офицеры армии, возглавленные Насером и Амером[381]. Еще король Египта Фарук[382] обращался к Сталину с просьбой продать оружие, которое он хотел приобрести для борьбы против колониальных британских войск, расположенных в Египте. Сталин отказал. Не помню, какой был дан ответ, но нам в своем кругу он сказал: «Нет, нам не стоит совать нос в эти дела, Египет – это сфера влияния Великобритании». Когда нашелся какой-то повод[383] (возможно, день рождения), Сталин велел послать английской королеве в подарок соболью накидку. Это я говорю к тому, как мы тогда относились к Египту. Это не значит, что мы не хотели ему помочь. Наоборот, всемерно хотели, чтобы египетский народ как можно раньше освободился от колониальной зависимости, так как это было не только в интересах египетского народа, но и в интересах советского народа и вообще всего прогрессивного человечества. Просто Сталин считал, что еще не пришло должное время, хотя мы могли поставить Египту оружие. Думаю, что Фарук имел в виду получить его секретно. Однако какой может быть секрет при поставке оружия в страну, где расположены английские войска? Такой секрет сейчас же станет известен англичанам.

После первого переворота, который совершили там армейские офицеры, Насер и Амер не заняли ведущего положения. Возглавлял правительство какой-то генерал, который придерживался непрогрессивных, с нашей точки зрения, взглядов и, видимо, стоял за то, чтобы изгнать англичан, но сохранить в стране капиталистические устои. Сейчас не помню, сколько длился переходный период. Затем молодые офицеры[384] свергли и этого главу государства. Во главе Египта стал Насер. Сначала политикой, которую он проводил, он тоже не давал и намека, что будет изменять в Египте социально-политический строй. Так что первое время после нового переворота и прихода к власти полковника Насера мы не могли определить, какого же направления во внешней и внутренней политике станет придерживаться его правительство, и склонялись к тому, что там, видимо, произошел один из тех военных переворотов, к которым все уже привыкли. В результате ничего особенного мы не

ожидали. Да у нас и другого выбора не оставалось, кроме как ожидать и смотреть, что за направление будет взято новым руководством Египта.

Спустя какое-то время после второго переворота к нам опять обратились египтяне с просьбой оказать им помощь оружием. Они намеревались предпринять серьезные меры, с тем чтобы вытеснить английские войска из Египта, для чего надо было иметь сильную армию. Мы решили оказать нужную помощь. Она была оказана на коммерческой основе, но по льготной цене. То есть мы продали им оружие, главным образом стрелковое и артиллерийское. Египтяне вели свою политику с достоинством, активнее стали действовать против англичан и требовать их ухода. Англичане поняли, что у них нет другого выхода, что придется с пониманием отнестись к национальным требованиям египтян, и согласились на вывод своих войск. Британские войска ушли. Это придало нам уверенности, и мы с большим вниманием стали относиться к запросам египетского правительства. Стало проявляться и уважение к нему: там теперь не какое-то очередное правительство, пришедшее к власти в результате чисто военного переворота, а то, которое защищает национальные интересы народа. Значит, оно заслуживает поддержки в борьбе против колонизаторов.

Тем не менее определить политику и этого правительства опять было очень трудно. Какие социально-политические цели преследует оно? На какой основе думает развивать и укреплять свое государство? Крупные капиталы и банки не были затронуты при перевороте. По-видимому, к власти пришло буржуазное правительство. Но в наших интересах поддерживать и такое руководство, ибо его политика направлена против колониального господства и ослабляла Англию на Ближнем Востоке. Это было в интересах СССР, и мы поддерживали линию Насера. У Тито сложились наилучшие отношения с Египтом. Кажется, когда Тито[385] ездил в Индию, он проследовал на корабле через Суэцкий канал и побывал в Египте. Югославы много писали тогда о новой политике Египта и о египетском руководстве; отмечали его прогрессивность; говорили, что оно заслуживает помощи. У нас в то время еще не наладились заново хорошие отношения с Югославией, хотя они уже улучшались. Когда я встретился с Тито во время его визита в Советский Союз, то мы обменивались мнениями по международным вопросам. Затрагивали и Египет. Тито очень лестно отзывался о политике Насера.

Я ему ответил: «Мне непонятны его выступления, трудно разобраться, чего он хочет. Выступает за то, чтобы создать прогрессивный строй. Но как? Буржуазию он не трогает, банки не

трогает. Нам пока трудно оценить, что это за политика, какие цели ставятся перед страной». Тито же доказывал: «Насер еще очень молодой человек, политически неопытный. К тому же военный человек. У него хорошие намерения, но он пока не нашел твердой точки опоры. Надо его где-то сдерживать, а где-то поддерживать. Он хочет хорошего для своего народа. С ним можно договариваться, можно оказывать на него полезное для коммунистического движения влияние, тем самым полезное и для народа Египта». То есть проявлялось желание влиять на Насера не в эгоистических интересах, а с тем, чтобы тесно переплести интересы тех, кто хочет влиять на него, и интересы народа. Тут взаимные интересы. Вопрос о социализме – это не вопрос одного народа. Социализм приносит желанные плоды всем народам. Тут не заговор одной стороны против другой, а желание одной стороны поделиться своим опытом и оказать влияние на другую, чтобы она переняла опыт в собственных интересах.

Осенью 1956 года на Ближнем Востоке разразилась война. Международный банк отказал Египту в кредитах на строительство Асуанской плотины. А они уже были обещаны. Тогда Насер национализировал Суэцкий канал. Компания по управлению Суэцким каналом в ответ отозвала всех своих специалистов и другой технический персонал. Насер обратился к СССР с просьбой оказать помощь своими техническими специалистами. Мы послали туда своих лоцманов и других специалистов, которые требовались для нормальной эксплуатации Суэцкого канала.

Капиталистический мир, а особенно Франция и Англия, считали, что Насер не справится, в результате они получат возможность оказывать давление на правительство Египта. Они быстро увидели, что Насер не будет идти в фарватере политики капиталистического мира, претендует на самостоятельность в деле развития египетского народа.

Тогда у нас с Насером были довольно сложные отношения. Мы оказывали Египту помощь как народу, борющемуся за свою независимость, за освобождение от колонизаторов. Мы продавали им вооружение и всемерно содействовали их продвижению вперед. Но были у нас и большие разногласия в вопросах политической и идеологической линии. Насер стоял на позициях особого египетского пути. Я думаю, здесь немалым было влияние товарища Тито, который тоже объявил свой особый путь развития социализма в Югославии. Египетская же формулировка была нам совсем непонятна. Но нам было хорошо понятно, что коммунисты, которые выявлялись Насером, все сидели в тюрьме.

Коммунистическая партия была в подполье. С точки зрения нашей коммунистической идеологии он проводил антикоммунистическую, реакционную политику. Нельзя сказать, что мы в Насере видели того, в ком, по нашему мнению, нуждался египетский народ, но мы считали, что в то время более прогрессивного человека там не было. Он мог возглавить борьбу против колонизаторов, он – национальный герой из военных. Он пока не осознал, не выработал, каким путем будет развиваться Египет, какая цель будет поставлена. О научном социализме не было и речи, проскальзывали слова о каком-то национальном социализме. Я это говорю к тому, что у нас тогда с Насером не было взаимопонимания политического и идеологического характера. Однако мы считали, что для нас полезно, чтобы Египет утвердился как независимое государство, вышедшее из фарватера империалистических держав Франции и Англии. Напряженность быстро нарастала. В конце лета 1956 года Англия стала перебрасывать авиацию на Кипр и на другие острова в Средиземном море. Стало видно, что готовится война. Мы все-таки думали, что Англия и Франция не пойдут в открытую и не объявят войну Египту. Но, к сожалению, как раз это и случилось.

Франция, Англия и Израиль напали на Египет. Я сейчас не помню, какого это было числа[386]. Это были последние дни октября. Грянула война. Египет упорно защищался, но силы были неравными и в экономике, и в вооружении. Франция и Англия имели большой опыт и военные кадры, которые прошли большую войну против гитлеровской Германии. Опыт египетской армии ограничивался стычками кавалерии на верблюдах. Главным оружием были винтовка, автомат и пулемет.

Мы очень встревожились. Боялись, что Египет потерпит поражение и это укрепит положение реакции на Ближнем Востоке.

Ирак тогда возглавлялся реакционным проанглийским правительством. Сирия занимала другую позицию, но тоже была далека от нас. У нас особых контактов с Сирией еще не было, но уже намечалось улучшение в отношениях. Мы понимали, что это будет зависеть от того, как станут развиваться события в Египте, в самой сильной, самой крупной среди арабских республик.

Мы собрались в Президиуме ЦК обсудить, какую нам занять позицию в этом конфликте. Когда мы с Булганиным весной 1956 года были в Англии, в беседах с премьер-министром Иденом[387] и Ллойдом[388], министром иностранных дел Великобритании, мы все время старались внушить им, что Ближний Восток, Египет близок к нам, и если там разразится война, то нам трудно будет удержаться от того, чтобы не принять

участия в конфликте. Мы призывали их, что хорошо бы договориться об обеспечении мира на Ближнем Востоке.

Больше всего мы опасались вторжения в Египет иностранных войск Англии и Франции. Их интересы особенно затрагивались политическим развитием страны под руководством Насера, проводившего независимую внешнюю политику, политику в интересах Египта, а не в интересах бывших колонизаторов. Я уже не говорю об Израиле. И вот теперь война против Египта разворачивалась полным ходом.

Как только мы ликвидировали мятеж в Венгрии, перед нами встала задача оказания помощи египетскому правительству, президенту Насеру. К тому времени создались большие трудности для правительства Египта. Мы хотели поскорее прекратить войну. Я позвонил Молотову.

– Вячеслав Михайлович, я считаю, что нам сейчас следует обратиться с посланием к президенту Соединенных Штатов Эйзенхауэру[389] и предложить совместные действия против агрессивных сил, напавших на Египет, – сказал я ему.

– Ты считаешь, что Эйзенхауэр пойдет на соглашение с нами против Англии, Франции и Израиля? – возразил мне Молотов.

– Безусловно, не пойдет, – поддержал я его. – Но мы тогда сорвем маску с правительства Соединенных Штатов и с президента Эйзенхауэра. Они выступают в печати, осуждают нападение Франции, Англии и Израиля на Египет. А, как говорится, «Васька слушает, да ест». Война идет, и, безусловно, существует негласное согласование позиций. Одни с оружием в руках ликвидируют прогрессивное правительство президента Насера, а американское правительство в лице президента выступает якобы с осуждением агрессивной акции. Если бы они осуждали всерьез, если бы Соединенные Штаты протестовали полным голосом, и Франция, Англия, Израиль поверили бы, что голос звучит действительно серьезно, что предупреждения могут перерасти в угрозу, то, конечно, правительства агрессоров посчитались бы с этим. А так просто распределены роли в спектакле, где разыгрывается ликвидация египетского революционного правительства. Своим предложением мы поставим президента США в затруднительное положение.

– Да, ты прав, – согласился Молотов. – Давай обсудим. Это будет полезная акция.

После совета с Молотовым я поставил вопрос на Президиуме ЦК. Сейчас же обзвонил всех его членов и попросил собраться в Кремле для обсуждения срочного вопроса о наших акциях против войны в Египте.

Собрались. Подготовили соответствующий документ. В

посланию президенту Соединенных Штатов мы предлагали объединить наши усилия против агрессии под флагом Объединенных Наций. Я обращаю внимание: под флагом Объединенных Наций. Нас проинформировали, что, когда президент Соединенных Штатов получил наше послание, он даже журналистам заявил: «Это немыслимо. Русские предлагают нам, Соединенным Штатам, вместе с ними выступить против Великобритании, Франции и Израиля. Это немыслимо».

Мы сами считали, что для Соединенных Штатов это немыслимо. Они не могли вместе с нами выступить против агрессоров, против своих союзников. Мы хотели сорвать с них маску миротворцев, борцов за справедливость, борцов против агрессии. Борцов на словах, а не на деле. Именно в этой роли выступал президент Соединенных Штатов Америки господин Эйзенхауэр. Мы показали, кто на словах, а кто на деле против агрессии. Через какое-то время после вручения послания президенту мы опубликовали его текст в печати. Одновременно мы составили письма в адрес премьер-министра Великобритании Идена, в адрес премьер-министра Франции Ги Молле[390], а также в адрес премьер-министра Израиля Бен-Гуриона[391]. Мы их предупредили, что, нападая на Египет, агрессоры рассчитывали, что он значительно слабее их и не имеет такой армии, не имеет такого оружия, как они. Однако есть страны, которые могут встать на защиту Египта и оказать ему помощь, даже не посылая своих войск. Одним словом, мы сделали намек на ракеты. Поэтому мы предлагали прекратить военную агрессию против Египта.

Нам спустя некоторое время осведомленные люди рассказывали, как проходил процесс согласования действий Ги Молле и Идена. Насколько это правильно, я полагаюсь на тех, кто меня информировал[392]. Говорят, что Ги Молле в это время не уезжал из Совета министров ночевать домой. Когда он получил наше послание, то буквально без штанов, в спальном белье подбежал к телефону звонить Идену.

В штанах ли он поднимал трубку или в кальсонах, сути не меняет. Главное, что через 22 часа после получения нашего предупреждения, серьезного предупреждения, а не китайского, которые уже насчитываются тысячами, агрессия была прекращена.

Таким образом, цель, которая ставилась агрессорами, – сломить сопротивление Египта, ликвидировать правительство, которое проводит независимую политику в интересах Египта и других арабских народов, борющихся против колониального рабства, сорвалась. Это была большая победа Советского Союза,

победа его авторитета и его мощи. Франция и Англия, эти две великие державы, вынуждены были считаться с нами. Я не беру во внимание Израиль.

Нам передавали, что к моменту отправки наших посланий в египетском правительстве создалось критическое положение. В Египте тогда еще имелись большие силы, желавшие свержения Насера. Они выступали против радикальной политики, которую тогда начал проводить Насер.

В арабской печати раздавались критические голоса в наш адрес: мол, Советский Союз не принимает мер и не подает руку помощи арабскому народу, подвергшемуся нападению. Резко вырос авторитет Эйзенхауэра, особенно после того, как он публично сделал заявление с осуждением агрессии и потребовал ее прекращения.

Разница-то состояла в том, что когда Эйзенхауэр выступил с осуждением, то агрессивная акция продолжалась. Правительства Англии и Франции понимали, что это тактическая уловка президента Эйзенхауэра, которая не будет иметь никаких последствий. Когда же мы выступили со своим заявлением, то это была уже не игра на публику, а разговор всерьез. Правительства агрессоров сделали правильный вывод. Это была большая победа прогрессивных сил всех стран мира. Очень высоко поднялся авторитет Советского Союза и не только среди египетского народа, но и в других странах, которые освободились от колониальной зависимости или же вели борьбу за свое освобождение.

Я хотел бы еще добавить следующее. Когда создалось критическое положение в Польше и Венгрии, где антисоветские элементы поносили нашу партию и советский народ, что, конечно, создало для нас трудности, то дипломаты Англии и Франции, не первого ранга, встречаясь с сотрудниками наших посольств в своих столицах за чашкой кофе или за бокалом вина, высказывали такие мысли: «Ну что же, мы с пониманием относимся к трудностям, которые у вас возникли в Польше и Венгрии. А у нас трудности с Египтом. Давайте негласно договоримся: вы своими средствами ликвидируете свои трудности, но не мешайте и нам».

Видите, как империалисты хотели воспользоваться нашими трудностями и лишить нас возможности поднять голос в защиту борьбы египетского народа против колонизаторов, которые хотели вернуть свое господство в бывших колониях.

Но мы быстро справились со своими трудностями. Я уже говорил, как мы это сделали. В Польше большую роль сыграло новое руководство в лице товарищей Гомулки и Циранкевича. Мы

справились с трудностями и в Венгрии. Таким образом мы развязали себе руки и сейчас же подали голос в помощь египетскому народу. Этот голос оказался настолько мощным, что вынудил прекратить агрессию.

Мы были очень рады, что у Идена и Ги Молле хватило мужества прекратить войну.

Война Англии, Франции и Израиля против Египта в 1956 году для Советского Союза стала исторической вехой.

Мы не преследовали эгоистичных, меркантильных интересов Советского Союза. Мы не хотели заменить Англию в Египте или в других арабских странах. Нет! Мы хотели помочь колониальным народам освободиться из-под рабской зависимости. Это ленинская политика, реально внедрявшаяся в практику нашей дипломатии. Египет после этого еще больше сблизился с Советским Союзом, еще больше проникся доверием и уважением к нашей политике, к нашей советской социалистической системе.

Мы многое приобрели ранее того, когда наше вмешательство в пользу Египта при нападении на него Франции, Англии и Израиля высоко подняло авторитет СССР в арабском мире, особенно в египетском народе. Насер говорил тогда много лестного в отношении политики Советского правительства. Мы помогали искренне, без всяких условий, с идейных позиций оказывая помощь, с тем чтобы все колониальные народы смогли завоевать независимость. Наша акция основывалась на гуманных, а не на каких-либо меркантильных интересах.

Сам СССР ни в чем не нуждался. В том числе в богатствах Объединенной Арабской Республики. У нас есть почти все, что они у себя производят или добывают. У нас есть и нефть, и рис, и прочее, чем богат Ближний Восток. Мы вообще более богатая страна. Если у нас чего-то недостает, так некоторых изделий, которые мы стараемся приобрести в других странах не путем войны или каких-то махинаций, а на торговой основе, как практикуется среди всех цивилизованных народов. Что имел в виду Насер, когда заявлял, что война с трехсторонним агрессором была прекращена в результате помощи Советского Союза? Повторю, во-первых, наше обращение к Эйзенхауэру с идеей слить под флагом ООН военные усилия СССР и США против агрессоров, напавших на Египет, было политическим ходом. Мы-то понимали, что Эйзенхауэр не захочет объединяться с нами против своих союзников по НАТО, но хотели сорвать тот покров миротворца, который он напялил на себя, и показать истинное лицо политического деятеля, придерживающегося тех же позиций, что и агрессор. А почему, когда война прекратилась и

положение нормализовалось, Израиль отступил с занятых им территорий? Он тогда вместе с французами и англичанами захватил обширные земли. Когда англичане и французы вывели свои войска, Израиль тоже отвел свои. Видимо, имелось соглашение между этими тремя державами. И второе обстоятельство: мы поставили вопрос в ООН и добились осуждения агрессии, а сами заявили публично о наборе наших добровольцев в египетскую армию: танкистов, летчиков, артиллеристов, других военных специалистов.

Да, мы хотели оказать Египту реальную поддержку, послав туда людей, которые в совершенстве владели современным оружием. Это тоже подтолкнуло Израиль к пониманию необходимости отвода войск и освобождению территорий, захваченных в результате тройственного нападения на Египет. Считаю, что этот факт оказался очень существенным для нашей политики, и мы правильно его использовали, поставив условие Израилю: если он не послушается рекомендаций ООН, то столкнется с такой военной силой Египта, в составе войск которого могут быть и наши добровольцы. Это тоже весьма высоко было оценено египетским народом и Насером. Вот о чем он говорил в своих выступлениях. Но после нормализации положения выявилось различное понимание принципов переустройства Египетского государства. Мы видели непоследовательность Насера. Тито же говорил, что тот просто не понимает некоторых вещей, однако ему надо по-прежнему помогать.

В своих выступлениях, мне думается под влиянием Тито, Насер стал высказываться о возможности строительства социализма в Египте. Он имел своеобразные понятия о социализме. Тут мы его опять не могли понять и считали, что либо он не разбирается в теории, либо умышленно путает. Ведь при определенных условиях слово «социализм» может стать расхожим понятием. Даже Гитлер свою партию назвал национал-социалистской. А какой у него был «социализм», знает весь мир. Поэтому мы с осторожностью относились к людям, которые брали на вооружение слово «социализм», но конкретно не разъясняли, как они его понимают, как думают им пользоваться, какими путями хотят его достичь. Мы считали, что, возможно, Насер вводит в заблуждение свой народ, начав пропагандировать какой-то особый путь, путь арабского социализма. Из-за этих разногласий произошло некоторое, к счастью, кратковременное охлаждение в наших отношениях.

Теперь насчет победы Египта: если раньше, до размолвки, Насер объяснял ее нашим вмешательством, то после обострения,

которое у нас наметилось, стал говорить, что Египет победил потому, что помог Аллах. Когда у нас восстановились дружеские отношения, я ему намекал порой: кто же помог? Мы или Аллах? Он улыбался. Ведь на Аллаха все можно свалить – и помощь, и успех, и провал. Как русские валят на своего Бога, так и египтяне валят на Аллаха.

В СССР еще какое-то время после победы 1956 года проявляли к Насеру настороженность, но одновременно поддерживали его и предложили ему в достаточном количестве оружие. Продавали Египту морское вооружение, торпедные катера и даже самолеты. Все вооружение – стрелковое, артиллерийское, танки, авиацию, морские военные корабли – продавали в количествах, в которых нуждался Насер.

К тому времени у нас уже установились хорошие отношения с правительством Сирии. Но мы поддерживали и Коммунистическую партию в Сирии, самую сильную в арабских странах. Возглавлял ее очень опытный лидер Багдаш[393]. В Сирии довольно уверенным было демократическое движение в целом. Оно оказывало давление на правительство, стараясь вырвать социально-политические уступки для своего народа. Буржуазия Сирии была в большой тревоге, видя, как набирает силу компартия, оказывающая влияние на общественность страны. Правые круги начали искать возможность избавиться от коммунистического воздействия и удержать страну в рамках капитализма. Вдруг (для нас – вдруг) возник вопрос об объединении Египта с Сирией в одно государство.

В их печати развернулась пропаганда в пользу слияния. И в Египте, и в Сирии действовали довольно большие силы за объединение. Мы же в нем не видели прогресса: Сирия была буржуазно-демократической страной с легальной компартией, в ней установился парламентский строй французского типа. Там для прогрессивных группировок условия были лучше, чем в Египте. В Египте же никакой демократии не существовало. Правили полковники, возглавляемые Насером. Партии функционировали только буржуазные или мусульманские, реакционного характера. Поэтому мы не поддерживали идею слияния и создания Объединенной Арабской Республики. Возможно, Насер копировал Советский Союз, имея в виду возможность вхождения в ОАР любой страны на равноправных началах? Не знаю.

Итак, Объединенная Арабская Республика, в которую все арабские страны смогут вступить, чтобы создать единое и великое Арабское государство? Насер имел в виду, что Египет станет руководящей силой при объединении. Видимо, когда-нибудь

позднее ОАР сможет стать прогрессивным явлением. Но в те времена, когда Египетская коммунистическая партия не существовала, а коммунисты находились в подполье или сидели в тюрьмах и народ не пользовался никакими демократическими правами, когда установилась военная диктатура, то такой строй не обещал Сирии ничего доброго. В печати советские руководители не выступали против политики Насера, не желая отталкивать его, но и не поддерживали. Зато поддерживали Багдаша, а Багдаш вел, насколько хватало сил у Сирийской компартии, борьбу против объединения с Египтом.

Когда 14 июля 1958 года произошел военный переворот в Багдаде[394] и к власти пришел генерал Касем[395], мы приветствовали переворот, потому что в Ираке ранее был крайне реакционный и террористический режим. Давно пора было покончить с ним. Касем добился довольно легкой победы. Он командовал дивизией, и, когда она проходила через Багдад, он походя сверг правительство диктатора Нури Саида[396], агента британского империализма. Король был убит. Победила революция. Правильнее это называть переворотом. Сначала Касем принял прогрессивное направление. Легализовалась Иракская коммунистическая партия[397], за ней и другие прогрессивные течения. Мы всемерно поддерживали Касема и официально признавали, что там началась революционная ломка прежнего общественного строя.

В момент совершения переворота в Багдаде Насер отдыхал в Югославии. Из Белграда поступила телеграмма от Тито с просьбой Насера принять его в СССР инкогнито. Мы ответили положительно.

К тому времени свершилось образование ОАР[398]. Сирия попала под руководство Насера, демократические условия в ней были ликвидированы. Компартия попала в трудное положение. Сирию стали стричь под египетскую социально-политическую «гребенку». Мы, конечно, не поддерживали этого, выступали против. Наша позиция обижала Насера и не располагала его к нам. Вполне понятно. Он правильно понимал, что мы поддерживаем коммунистов Сирии, которые борются против Египта, против Насера.

Насер прилетел в Москву[399]. Наше руководство предварительно обменялось мнениями по всем вопросам, которые могли быть затронуты, и определило свое отношение к ним. С Насером поручили встретиться мне, один на один. Присутствовали, естественно, люди из МИДа, переводчики и стенографистки. То было мое первое личное знакомство с Насером. Он произвел на меня хорошее впечатление: молодой

человек, собранный, умный, с располагающей улыбкой. Он понравился мне, если говорить о сугубо личном впечатлении. Встретились мы за городом, в Ново-Огареве. Вместе с Насером был его будущий посол в Москве Галеб[400], очень интересный и заслуживающий уважения человек. Он хорошо знал русский язык и служил Насеру переводчиком. У меня имелся наш переводчик, так что наладился полный контакт. Приступили к обмену мнениями. Я начал говорить об объединении Сирии с Египтом, критикуя его. Насер стал доказывать полезность объединения. Но у нас фигурировали доказательства того, что объединение ничего хорошего Сирии не даст, следовательно, никаких положительных результатов не будет и для Египта, что объединение носит искусственный характер. Насер вел себя во время беседы уверенно, а порою, я бы сказал, проявлял даже агрессивность. «Что же вы поддерживаете Багдаша? Вы хотите, чтобы Багдаш руководил нами? Этого мы не потерпим, это просто невозможно».

Насер сводил дело к тому, что Багдаш выступает против объединения, а мы поддерживаем Багдаша, и в этом заключается ошибка. Говорил, что мы не разбираемся в арабских вопросах и стоим на ложном пути, смотрим на объединение не собственными глазами, а глазами Багдаша, который исходит из узко политических позиций. Затем Насер дал понять, что это только начало. Объединение будет разрастаться. Я в ответ говорил, что сильный Египет нас не беспокоит. Наоборот, мы довольны. Все, что в наших силах, делаем и будем делать, чтобы Египет укреплялся, как и весь арабский мир. Мы в принципе с одобрением относились к идее единого арабского государства. Нас его возникновение не испугает. Не в том дело. «Мы хотим дружить с вами, – сказал я, – и сплачивать наши усилия в борьбе против реакционных сил. Зачем нам выступать против объединения арабских стран? Если же мы сейчас, в конкретных условиях, такое объединение не поддерживаем, то исходим из своих взглядов, считая, что вы ошиблись, когда пошли на него. Да и сейчас ошибаетесь, если думаете, что извлечете какие-то особые выгоды для Египта. Наоборот, такое объединение ослабляет ваши позиции».

Насер с моими доводами не соглашался, не понимал меня. Я привел ему такой пример: «Господин президент, у вас коммунисты в подполье, их руководство сидит в тюрьмах, а в Сирии коммунисты пользуются свободой. У вас нет и не было настоящего парламентского строя, а сирийцы привыкли к парламенту. Там есть партии, есть парламент, люди публично высказывают свою позицию и голосуют за нее. Там существует буржуазная демократия. Из арабских стран Сирия самая

демократическая страна. Сейчас вы ее фактически лишили парламента. Если номинально он и остался, то реально вы взяли решение всех вопросов на себя. Разве такой шаг будет укреплять ваш союз? Нет, это временное явление. Начнется борьба, и в этой борьбе вы потерпите поражение. Кроме того, жизненный уровень в Сирии значительно выше, чем в Египте. Теперь вы объединились, и материальные ресурсы тоже объединяются. Кто выигрывает? Выигрывает Египет, проигрывает Сирия. Она экспортировала пшеницу, теперь экспортировать не будет. Ведь Египет потребляет больше, чем производит. Следовательно, все излишки пойдут Египту, Сирия лишится валюты, необходимой для развития экономики. Опять пострадает Сирия. Вы поспешили и потом пожалеете о своем решении. Оно вам, как у русских говорят, выйдет боком».

«Нет, – возражает, – не согласен. Вы не разбираетесь в арабских делах». Потом выдвинул новый довод: «Если уж говорить по-честному, то не я хотел объединения, сирийцы сами нас подталкивали, они форсировали это объединение, а мы пошли на него». Тут я согласился: «Это верно. Мы понимали, что главной силой, которая форсировала объединение, а может быть, и инициативу проявила в этом вопросе, была сирийская буржуазия. Почему она это сделала? Потому что в Сирии нарастала революция, укреплялись демократические силы. Коммунисты все больше овладевали общественным мнением. Поэтому правые круги дрожали перед такой перспективой и настолько перепугались, что увидели спасение себя и своих капиталов в объединении с Египтом. Вашими руками они хотят подавить прогрессивные силы Сирии, соглашаясь при этом пойти на какой-то ущерб для себя лично. Они считали, что в основном выиграют, сохранив свою собственность, банки, капиталы и буржуазный строй, который, по их мнению, находился под угрозой. Одним им не справиться с прогрессивными силами внутри Сирии. Вот их замысел. Мы же полагаем, что позиция, которую занимает Багдаш, прогрессивна. Естественно, мы на его стороне. Вы потом пожалеете об объединении, ОАР развалится».

Мы просидели там целый день, обедали на свежем воздухе возле Москвы-реки. Условия там очень хорошие, погода стояла чудесная, отличный подмосковный летний день. Несмотря на острую полемику, нами не было проявлено страстей, которые могли бы обострить личные отношения. Каждый из нас держался в рамках, чтобы не нарушить дружеского характера беседы. Происходил не диспут, а анализ положения дел на Ближнем Востоке. Велся разбор обоюдных высказываний, делалась попытка правильного анализа событий и определения дальнейшей

политической линии. Мы оба остались каждый при своем мнении. Да другого и быть тогда не могло. В личном же плане пребывание у нас президента ОАР произвело хорошее впечатление на меня и на других товарищей, с которыми он встречался. Но никаких официальных приемов не было, приехал он инкогнито.

Потом Насер забеспокоился: «Мне нужно возвращаться. Такие события в Ираке! Я сейчас же лечу в Югославию и оттуда морем плыву в Александрию». Я высказал ему свои соображения: «Господин президент, не советую вам возвращаться через Средиземное море. Переворот, совершенный в Ираке, создал в том регионе возбужденное состояние, США и Англия приводят в боевое состояние свои воинские части и флот, возникла напряженность[401]. Вы не пользуетесь симпатиями в западных странах, потопить в море ваш корабль ничего не стоит. Доказать, по какой причине затонул корабль, на котором находился президент ОАР, будет невозможно. Да и как доказывать? Вы поплывете на невооруженной яхте, да если бы она была и вооруженной, это положения не меняет. Там шныряют подводные лодки, курсируют самолеты. При желании отделаться от президента более удобного случая даже ожидать нечего. Советую лететь самолетом через Баку, Иран и Ирак в Сирию». Он согласился.

У нас были тогда неплохие отношения с Ираном. Поэтому воздушным пространством Ирана мы могли воспользоваться, но об этом надо было договариваться специально. «Думаю, – сказал я Насеру, – что шах Ирана не откажет. Когда он был у нас, мы чувствовали, что он проявляет интерес к улучшению наших отношений. Мы же всегда стояли на позициях добрых отношений с Ираном, как и с другими соседями». Когда Насер согласился с моим планом отлета на нашем самолете, мы попросили у Тегерана разрешения пропустить советский самолет, хотя, конечно, не сказали, что на нем полетит президент Египта. Быстро получили разрешение на пролет. Насер отбыл, и в скором времени пришло сообщение, что он благополучно прибыл в Сирию. А из беседы с ним я понял, что переворот в Ираке был неожиданностью для него. Для нас он тоже оказался совершенно неожиданным. У нас имелись какие-то сведения о Касеме. Говорили, что он входил даже в какие-то контакты с коммунистами, но это были мимолетные и непостоянные контакты. Для нас он оставался неизвестным лицом.

Египет же эти события очень взволновали. Возможно, Насер питал надежду, что сможет установить с новой властью в Багдаде более тесные связи и что Ирак будет следовать за Египтом. Вполне понятное желание, но такие расчеты не оправдались, как

не оправдались и наши расчеты касательно Ирака. Мы надеялись, что в Ираке тоже победят прогрессивные силы, что Касем проявит социальную мудрость в выборе прогрессивного пути для своего народа. Однако он оказался человеком неопределенного политического направления, каким-то неровным. Правда, это уже другой вопрос, на котором я останавливаться не буду.

Наши отношения неуклонно улучшались, несмотря на отдельные обострения, особенно по вопросу объединения Египта с Сирией, в результате чего была загнана в подполье Сирийская коммунистическая партия. Когда она критиковала Насера, то он свой гнев переносил на нас, для чего, конечно, имелись основания. Мы не предпринимали решительных шагов в пользу СКП, но идейно были на ее стороне и поддерживали ее через печать. Это раздражало Насера, и он соответственно реагировал в своих контрвыступлениях.

Давняя мечта египетского народа – полнее использовать реку Нил, ее гидроресурсы в своем сельском хозяйстве, а попутно заставить Нил крутить турбины и получать электрический ток. Когда Насер пришел к власти, этот вопрос стал в Египте интенсивно муссироваться. Была достигнута договоренность с банками, и Египту обещали кредиты для постройки плотины на Ниле. Египтяне обольщали себя, что смогут реализовать мечту, которую лелеяли веками, с помощью США. Потом то обстоятельство, что Египет вырвался из фарватера политики США и Англии, ударило по империалистам, и однажды было объявлено, что банки отказывают в обещанных Египту кредитах. Это взорвало, так сказать, Насера, и он объявил о национализации Суэцкого канала. Политическая температура подскочила вверх, ситуацию потянуло к международной напряженности. Обслуживающий персонал на Суэцком канале – лоцманы, инженерные служащие и другие – Запад отозвал. Египет оказался без кадров. Запад считал, что Египет себя дискредитирует, не справится с трудностями и канал перестанет действовать. Это создаст для Египта дополнительные финансовые и политические трудности.

Существовал международный порядок пользования Суэцким каналом. Египетское правительство обратилось к нам с просьбой оказать помощь. Мы сейчас же дали своих лоцманов, инженеров и других специалистов, чтобы египтянам как можно безболезненнее освоить управление каналом. Все получилось хорошо. Но политический накал страстей был невероятный. Именно необдуманная политика США, политика с позиции силы, даллесовская линия нажима[402] помогли нам сблизиться с Египтом, а Египту – легче разобраться в том, кто его враги и кто

– друзья. СССР, хотя наша печать порою и выступала с какими-то критическими замечаниями, неизменно в трудные для Египта минуты становился на его сторону и поддерживал справедливую борьбу против колонизаторов и за укрепление независимости. Стали к нам приезжать египетские делегации. Приехали и военные во главе с главнокомандующим Амером. Мы вновь оказали им помощь, в которой они нуждались. Египтяне довольно основательно укрепились нашим вооружением.

Затем египтяне стали обращаться к нам с просьбой помочь им построить Асуанскую плотину на Ниле[403]. Мы сначала отказывались. Думаю, что это Тито посоветовал им обратиться с просьбой к СССР. И не просто с просьбой, а с убедительной просьбой, с дружеским нажимом. Почему я так полагаю? Как-то мы, встретившись с Тито, беседовали о Египте. Он стоял горой за Насера, всегда доказывал, что ему надо помогать. Тут он был абсолютно прав. Жизнь и история подтвердили верность его рассуждений. И сейчас мы имеем наилучшие отношения с Египтом. Это в интересах и Египта, и Советского Союза, и всех прогрессивных сил. Вначале переговоры о плотине велись с нашими посольскими работниками в Египте. Потом к нам приехали Насер и Амер. Последний (я и сейчас переживаю) трагично кончил свою жизнь, совершив самоубийство после катастрофы, которую потерпела египетская армия в 1967 году[404]. Он, как главнокомандующий, нес главную ответственность за нее. В какой степени персонально он был виновен в катастрофическом поражении, мне трудно судить. Амер производил впечатление порядочного человека, преданного делу Египта, понимал необходимость братских отношений египетского народа с народами СССР. Это на меня действовало подкупающе. Я относился к нему с доверием, он подходил к дружбе между нашими народами не конъюнктурно, а искренне верил в то, что дружба с СССР – в интересах египетского народа, поднятия его экономики, культуры и благосостояния.

Амер, когда приезжал в СССР, всегда просил о встрече со мной. Согласно решениям ЦК партии я с ним встречался, выслушивал его и высказывал наши соображения. Однажды он настойчиво, а он умел проявить настойчивость, хотя и без назойливости, стал убеждать меня, что СССР очень выгодно, если появится сильный Египет. Потом подошел к главному: «У нас сейчас слабая экономика, без Асуанской плотины поднять ее нельзя. Слаба энергетика, Асуанская плотина даст возможность на треть увеличить поливные земли». Я отвечал, что согласен, но потребуются большие капиталовложения, а это нам пока не под силу. Затем мы обменялись мнениями у себя в руководстве. Как

нам поступить? Мы поручили нашим экономистам проработать вопрос, изучить имеющиеся предложения. Наши очень долго изучали, потом доложили, сколько это может стоить и за какое время мы сумеем построить Асуанскую плотину. Показали, что такая сделка не только политически, но и экономически может быть для нас выгодной. Надо, конечно, понимать некоторую условность этой выгоды: она будет в том, что мы укрепим друга, его экономику, закрепим дружеские отношения между нами. Тут экономика перерастает в политику. К тому же затраченные деньги – не бросовые, они возвратятся в виде поставок. Египтяне могли поставлять длинноволокнистый хлопок, рис, другие товары. Так что наши затраты – не подарок, а кредит, который реально будет оплачен. Кроме того, мы получали дополнительную оплату в виде доверия к нам всех арабов и других слаборазвитых народов, особенно в Африке. Будет ясно, что на СССР можно опереться, он бескорыстен, с пониманием относится к нуждам народов, которые освобождаются от колониальной зависимости. Тут не экономическая составляющая была для нас главной, а политическая.

Сплошь и рядом политический интерес бывает важнее экономического. Укрепление арабских стран ослабляет враждебный нам лагерь. Если мы не будем бороться за укрепление наших связей с освобождающимися народами, то империализм станет искать каждую щель, чтобы пролезть в нее и закрепить все за собой. Тогда нам противопоставятся более обширные территории и силы. Это вынудит нас больше тратиться на содержание армии и флота. Вот как оборачивается дело. Вроде бы мы сначала экономически проигрываем, но если глубже изучить дело, то мы не только не проигрываем, а получаем выигрыш. Поэтому когда мы всесторонне обсудили ситуацию и взвесили доступное, то решили, что можем построить Асуанскую плотину, и согласились с египетским предложением.

Так мы подписали договор с Египтом о строительстве Асуанской плотины. Когда повели переговоры, то Египет настаивал, чтобы мы взяли на себя работы как подрядчик: столько-то работы стоят, в такие-то сроки выполняются, потом он начинает расплачиваться за капиталовложения и компенсировать наши затраты. Мы отказались от такой формы договора на том основании, что если мы возьмем на себя роль подрядчика, нам придется нанимать египетскую рабочую силу. Мы выступим и в качестве администраторов. Могут возникнуть (да и всегда возникают) конфликты между подрядчиком и наемной рабочей силой. Вместо того чтобы выглядеть другом египетского народа, станем как бы его эксплуататорами. То, что мы строим для них за

наши средства, – одна сторона дела. Но с теми людьми, которые у нас работают, мы сталкиваемся уже в другом качестве: не как страна, которая дала кредиты, а как сторона, которая ведет работы на подрядных условиях, нанимая рабочую силу. Конфликты будут возникать именно с населением Египта. Мы этого не хотели и отказывались от такой формы проведения работ всюду, где давали кредиты. Так было и с Индией, когда мы подрядились построить для них металлургический завод в Бхилаи и другие предприятия. Такую же политику мы проводили и раньше. По-моему, она проводится и сейчас. Это единственно правильная и разумная линия.

Итак, мы сказали: беритесь строить сами, а техническое руководство будет полностью за нами, и оборудование наше, и проект будет разработан нашими специалистами. Его доложат вашему правительству. Вы сами его рассмотрите и утвердите. Так шаг за шагом наши отношения с Египтом улучшались и начали перерастать в дружеские. Заключение договора о строительстве Асуанской плотины все перевернуло. Египетское руководство стало правильно понимать нашу политику, дружественную в отношении всех стран, которые выходят на дорогу борьбы за освобождение или, уже освободившись от колонизаторов, перестраивают хозяйство на новых основах. Имею в виду здесь и социалистический путь развития, и несоциалистический. Мы уверены, что все люди рано или поздно поймут необходимость, полезность и прогрессивность социалистического пути. Но мы знали, что надо проявлять терпение и не навязывать своих идей строительства социалистического общества. Нужно дать возможность людям самим сделать выбор, с тем чтобы они видели, что сами сделали выбор, и правильный выбор. Тогда они будут бороться за создание новой системы, за ее укрепление и развитие.

Нашими инженерами был создан проект плотины. А наши специалисты – самые опытные в мире касательно гидростроительства. Это объясняется тем, что за короткий отрезок времени в СССР инженерами и учеными были построены грандиозные гидроэлектростанции с мощными гидротурбинами, накоплен большой опыт. На основе такой практики наши инженеры и ученые сумели прийти к наиболее прогрессивным техническим решениям. Когда советские инженеры взяли имевшиеся проекты строительства Асуанской гидроплотины и изучили их, то увидели, что можно найти более толковые решения с более экономичным способом строительства, создать более рациональные и экономически более эффективные условия эксплуатации гидроузла.

Египетские руководители поставили вопрос о поездке советской делегации в Египет для ознакомления с условиями строительства на месте и установления более тесных отношений между инженерами и рабочим персоналом. Руководители делегаций, приезжавших из Египта, говорили, чтобы я лично возглавил делегацию Советского Союза. Тем самым они стремились завязать более прочные взаимоотношения, преследуя цели и получения экономической помощи, и поддержки политики, которую проводит египетское правительство. У меня, не скрою, имелось очень большое желание побывать в Египте, посмотреть своими глазами на сказочную страну с древней культурой. Меня приглашали приехать к моменту закладки строительства Асуанской плотины, но я не имел такой возможности, поблагодарил за внимание и приглашение. Всегда, когда его делали вновь, отвечал в полушутливом тоне: «Как вы меня приглашаете, когда у вас коммунисты сидят в тюрьмах? Коммунисты не имеют права на легальное существование в Египте. Мы знаем их руководство: знаем, что многие его члены и другие представители прогрессивных движений находятся в заключении. И я не хочу подвергать себя такой же опасности, не хочу составить им компанию, хотя это хорошие компаньоны. Мы уважаем вас, но уважаем и коммунистов, которых вы держите в тюрьме. А я, как коммунист, не хочу увеличить тюремное население Египта». Амер в ответ улыбался: «Нет, у вас не совсем правильная информация». Он и другие египетские руководители доказывали, что, мол, их коммунисты – не такие, как в Советском Союзе. Поэтому они вынуждены их сажать в интересах своего народа и государства. Такие доводы я слышал не только от египетских лидеров. Но я отвечал: «Нет, таких сказок мы уже наслушались вдосталь».

Руководители всех государств, где коммунисты сидели в тюрьмах или же находились в глубоком подполье, утверждали, что у них не такие коммунисты, как в СССР. Помню, как во время Гражданской войны мне приходилось беседовать с некоторыми интеллигентами после так называемого ущемления буржуазии, которое мы провели в 1920 году в Екатеринодаре (Краснодаре) под руководством товарища Фурманова[405]. Он был тогда начальником местного политуправления и возглавлял проведение названной кампании. В доме, где я жил, хозяева были очень хорошие люди, но имели неправильное представление о социализме, революции и коммунистах. Они не одобряли происходившего на Кубани. Один тамошний шахтер говорил: «Мы за московских коммунистов, потому что они не такие, как екатеринодарские». Мы горячо спорили. Так что аргументы,

которые выдвигали египетские руководители, для меня не были новыми.

Время шло. Работы развернулись. Асуанская плотина и новые фабрики успешно строились. Мы кредитовали строительство производства лечебных препаратов, металлургического завода, еще каких-то предприятий. Не мы там строили, строил Египет, а мы кредитовали строительство, вели техническое руководство, наши инженеры фактически руководили этим строительством. Это все больше укрепляло доверие руководителей Египта к нашему государству. Египетское руководство сложилось из офицеров. Тамошние офицеры – выходцы не из рабочего класса, а скорее из рядов средней буржуазии. Они имели имущественное положение, которое позволяло им получить и общее, и военное образование. В их составе были, конечно, люди разного социального положения и материального обеспечения. Поэтому внутри у них тоже не существовало социального монолита. По-разному члены руководства относились и к нам. Так было везде, во всех странах мира. Когда идет революционный процесс, то он протекает болезненно.

А сейчас? Только что закончилась гражданская война, которая тянулась в Нигерии два с половиной года[406]. Возникла она в результате того, что страна освободилась от колониальной зависимости, но руководство в Нигерии сложилось немонолитное, его члены подвергались различному влиянию и преследовали разные интересы. Столь же разношерстное по составу руководство было на первых порах и в Египте. Сейчас оно уже сцементировалось, потому что прошло много времени и некоторые элементы отсеялись или их отсекли, а на их месте выросли новые силы. Вначале там говорили об арабском социализме, потом некоторые стали говорить о научном социализме. Но строительство Асуанской плотины сблизило нас не только с руководством, а и с египетским народом. Приехали наши инженеры и рабочие ведущих профессий, которые вплотную столкнулись с египетскими инженерами, техниками и рабочими. Египетские рабочие – это бывшие крестьяне. Наши обучали их и работали вместе с ними, на одних и тех же машинах. Всем создавались равные условия, а это сближает, больше располагает друг к другу, возникает доверие между людьми.

Строительство плотины подвигалось к завершению первого этапа: перекрытию русла[407]. Это основной этап строительства, потом идут наращивание плотины и монтаж гидротурбин. Тут египтяне стали проявлять настойчивость, чтобы я, наконец, приехал к ним, на их торжество. Для них ведь Асуанская плотина – нечто особое, священная мечта народа. Однако я опять

отказывался, говоря о неправильной политике, которую там проводили в отношении прогрессивных сил страны. Когда я разговаривал с послом Галебом, который обращался ко мне с приглашением, и повторял свои доводы, то этот умный человек понимал меня. Затем состоялось образование ОАР. Я спрашивал Галеба: «Как у вас прошло объединение с Сирией?» – «Да, – говорит, – прошло так, как вы и предсказывали. Мощные силы поднялись вскоре на борьбу за выход Сирии из ОАР». В то время маршал Амер находился в Сирии и был задержан или попал под домашний арест. Потом они его отпустили.

Провал объединения Египта с Сирией еще больше повысил наш авторитет в глазах руководителей Египта. Случилось как раз так, как мы предупреждали. Существует письмо, которое мы послали Насеру. И в некоторые другие страны тоже его послали, чтобы ознакомить кого надо с нашим пониманием вопроса. Сначала мы изложили все в ходе беседы, которую я проводил с Насером, а записывал тогда Галеб. В письме мы это подтвердили. Послали текст Насеру, а президенту Ирака зачитали. Познакомили и других арабских лидеров. Мы-то искренне были на их стороне и делали все, что в наших силах, чтобы укреплять режим, который создался в Египте. Терпимо относились к тому, с чем были не согласны в их внутренней политике, считая, что это временно, что они поймут свои ошибки и сами в них убедятся. Поэтому мы и критиковали их, и давали им кредиты, и всячески помогали.

Наступило время торжеств в связи с перекрытием русла Нила. Египтяне приглашали меня не только на праздник перекрытия русла, но и отдохнуть у них, ознакомиться с Египтом. Ну и, конечно, провести полезные беседы. Они утверждали, что у них буквально лишь несколько коммунистов еще находятся в тюрьме, но президент обещает, что к нашему приезду все они будут освобождены. Мы согласились на такую поездку. Она состоялась в мае 1964 года. Меня сопровождали министр иностранных дел Громыко, заместитель министра обороны Гречко[408], другие товарищи. Гречко поехал в ожидании, что будут поставлены военные вопросы. Громыко был необходим при решении общих проблем международной политики. Встреча соответствовала моему рангу и нашим отношениям. Беседы, которые состоялись во время нашего там пребывания, были дружественными. Мы ознакомились с городами страны, с объектами, которые были возведены при нашем содействии и уже работали, давая продукцию. Это очень подняло наш авторитет. Мы построили завод по изготовлению лекарств. Египтяне раньше платили за лекарства огромные деньги, покупая их в Англии. А

тут сами стали выпускать лекарства. Они подешевели, создались лучшие возможности для рядовых людей. В Египте жители очень бедные, малообеспеченные, цены особенно били по их карману. Теперь там стали задешево удовлетворять запросы больных.

Ездили мы и на другие заводы. Везде народ с большой симпатией встречал нас, выражая свою радость. Ведь мы оказываем помощь в строительстве предприятий. Кроме того, тысячи людей получили работу. Настал день перекрытия русла Нила. Мы с Насером поехали на Асуанскую плотину. Поездка произвела на меня очень хорошее впечатление. Насер был лидером, его авторитет был колоссален, встречали его повсюду с энтузиазмом и возгласами «Насер! Насер! Насер!» Я-то знаю, как такое делается. Иной раз искусственно формируются нужные толпы. И в Египте тоже, видимо, так поступали. Но я видел и неподдельный энтузиазм народа в адрес своих руководителей, а главным образом в адрес Насера. К нашему приезду в Асуан туда же прибыл президент Алжирской Республики Бен Белла[409], приехали премьер-министр Йемена[410], президент Иракской Республики Ареф[411].

С Арефом у нас сложились плохие отношения. Мы считали его человеком непрогрессивного направления, да и лично неприятным. С ним трудно было разговаривать. Насер дал торжественный обед для своих гостей. Как раз перед этим поступило известие, что Ареф учинил расправу с прогрессивными силами Ирака. И я заметил Насеру: «Очень неприятно. По нашим сведениям, Ареф арестовал или уничтожил многих людей. Даже сидеть рядом с таким человеком противно». Распределение мест за президентским столом складывалось так, что я сидел рядом с Арефом. Насер возразил: «Думаю, что ваша информация неверна. Не считаю, что Ареф так поступил, тем более в момент, когда сам находится в Египте в качестве моего гостя и должен встретиться с вами. Он очень хотел с вами встретиться и установить более тесные отношения с Советским Союзом». Я ему: «Сомневаюсь. Согласно его политической линии и выступлениям, подобное просто незаметно». – «Сейчас узнаю», – заторопился Насер. Спустя какое-то время говорит мне: «Ареф божился, что такого он не делал, это вымыслы буржуазной прессы. Ничего этого не было, враки. Я верю ему, потому что он весьма религиозный человек: он все свое время, выражаясь фигурально, стоит на коленях, бьет поклоны и молится Аллаху, обращаясь к нему со всевозможными просьбами. Ареф врать не может, я уверяю вас».

Обед прошел торжественно, а затем я беседовал с Арефом, который сам поднял тот же вопрос: «Информация, которую вы

получили, неверна. Она, видимо, сообщается лицами, которые хотят, чтобы не улучшились отношения Ирака и Советского Союза. Я такого не делал, и я этого никогда не сделаю». Я ему: «Очень рад, что вы так заявляете и что этого не произошло. Но мы получили такую информацию. Возможно, информация была неточна». Наилучшее впечатление произвел на меня Бен Белла: культурный, образованный человек, разбирающийся в вопросах строительства социализма и в марксизме. Он стоял на позициях построения научного социализма и сам говорил, что нет другого истинного социализма, кроме научного, марксистского. Очень он понравился мне и своей внутренней политикой. Алжирская коммунистическая партия, правда, находилась на нелегальном положении, но это было достаточно условное нелегальное положение, ибо жила она свободно, в открытую располагался ЦК АКП. Все видные деятели компартии были народу известны. Мне рассказывали сами алжирские коммунисты, что Бен Белла приглашал влиятельных лиц из АКП и говорил: «Что вам нужно? Занимайте посты в профсоюзах, включайтесь в дела просвещения, культуры, экономики. Везде, где нужны культурные люди и где вы можете быть полезными, подключайтесь к этому. Нет никаких препятствий к внедрению вас в государственный аппарат и в общественные организации. Правительство ничего не станет предпринимать против вас».

На перекрытие (а там обставили все грандиозно) собралось огромное количество народа. Министр, который непосредственно отвечал за строительство Асуанской плотины[412], произнес рапорт. Потом состоялся пуск. Насер сказал мне: «Прошу вас, так как хотя плотина-то наша, но вы ее строите, давайте вместе нажмем кнопку взрыва перемычки, направляющей воду по новому руслу через туннели». Это была честь для меня. Я поблагодарил за нее и с удовольствием согласился. Мы вместе нажали кнопку, раздался взрыв, вода хлынула по новому направлению. Потом говорили, что какие-то два человека задержались в туннеле, и их смыло. Утверждали также, что они были спасены. Но кто знает, так ли это было? Имела место непредусмотрительность. Возможно, и провокация. Но торжество не было омрачено. Надо было видеть (передать это словами я не могу), как светились торжеством лица, как искрились глаза у арабов, когда они смотрели на мощные потоки нильской воды. Прокладывался путь к завершению плотины и монтажу энергетических агрегатов, которые станут работать на новый порядок в Египте, на египетский народ.

Меня предупредили, что в Асуане особенно сухой климат. Там дождь выпадает раз в несколько лет. Поэтому Асуан обладает

специфическими лечебными свойствами. Сказали, чтобы я приготовился к таким условиям. А что тут готовиться? Приехали мы туда и сразу вроде бы залезли в духовку. Спасения нет нигде, солнце жжет, только помещение, в котором я разместился, было хорошим, с искусственным охлаждением воздуха. Решил я принять холодный душ. Но это только называется «холодный»: вода нагрета солнцем, и даже, когда нальешь в ванну воды и погружаешься в нее, не чувствуешь охлаждения тела. А я хотел немного прийти в себя до вечера, когда был назначен митинг. Перед митингом состоялось собрание наших специалистов и рабочих. У них имелся свой клуб, и они пригласили меня для выступления[413]. Я с радостью согласился, побеседовал с ними, рассказал о положении дел в СССР. И положение дел в стране было в целом хорошим, и настроение у наших людей тоже было очень хорошее.

Вечером, при заходе солнца, собрался митинг[414]. Днем людям невозможно было сидеть на открытом воздухе и выслушивать речи ораторов. Выступил Насер. Он говорил о социализме, который они строят и будут строить далее. Насер отошел от обычного своего стандарта, который ранее повторял много раз, – насчет арабского социализма, и говорил теперь о научном социализме, хотя и не сослался на Маркса и Ленина. Это, собственно говоря, одно и то же. Но я думаю, что в то время ему еще нелегко было сразу перестроиться не только в силу своего внутреннего понимания социализма, а и потому, что он, видимо, учитывал настроение некоторых своих противников и, главным образом, союзников, которые еще не дошли до такого понимания. В любом случае, его речь была шагом вперед, и мне было приятно его слушать.

У меня тоже была подготовлена небольшая речь, и я выступил. Слушатели меня встретили по-доброму. Потом выступил Бен Белла, который произнес очень хорошую речь. За ним говорил Ареф. Мне невозможно было согласиться с его речью. В политическом отношении она была путаной. Ареф говорил только об «арабском социализме» и очень много об Аллахе. Его выступление заметно отличалось от того, что произнесли Насер и Бен Белла. Зато речь президента Йемена Ас-Саляля ничем не выделялась и была построена, как передовица газеты. Она не вызвала энтузиазма у слушателей, но и не было сказано ничего такого, против чего следовало бы возражать. Учитывая взгляды Ас-Саляля (он был не коммунистом, а военным человеком, полковником), требовать от него чего-то особенного было незачем. Деятель без особых претензий, он демонстрировал, однако, что искренне хочет установления дружеских отношений

с СССР. Мы в ответ поддерживали его, оказывая Йемену военную и техническую помощь. Тогда йеменцы строили морской причал. В их республике не существовало крупных сооружений, помимо морского причала. Внутреннее положение властей оставалось непрочным, так что их президенту было не до строительных объектов. Он вел войну против эль-Бадра[415]. Эль-Бадр – интересная личность, весьма оригинальный человек. Я с ним встречался пару раз, когда он был еще наследным принцем.

На митинге я сидел рядом с Бен Беллой. Когда выступал Ареф, Бен Белла все время поворачивался в мою сторону и смеялся, демонстрируя, что не согласен с некоторыми высказываниями оратора. Под конец речи, когда окончательно выяснилось ее содержание, Бен Белла начал меня уговаривать еще раз выступить. Я ему: «Это неприлично, я уже выступал, мне было дано слово, и я использовал предоставленную мне возможность, сказав все, что нужно было сказать. Сейчас у меня нет заготовки. И будет плохо расценено, если я предъявлю вдруг кому-то какие-то претензии, бóльшие, чем положено гостю». – «Нет, что вы, – начал он меня уговаривать, – поверьте, ваше выступление будет хорошо воспринято, и нестрашно, что у вас нет текста, я уверен, что вы найдете, что сказать: и вы скажете полезное и Арефу, и слушателям». Я-то, когда отказывался, имел в виду и Насера: ему будет неприятно. Поэтому ответил: «Чего сейчас вступать в спор и открывать дискуссию с Арефом? Это неприлично делать на митинге в гостях у президента ОАР». Тут вмешался Насер, услышавший меня: «И я советую вам выступить. Вступайте в полемику, не называя лично Арефа, но выскажите свою точку зрения. Она будет полезна и для других слушателей. Иначе сложится впечатление, что вроде бы мы с ним во всем согласны». Тут я пошел навстречу: «Ладно, я выскажу свою точку зрения, вы-то ее знаете, поэтому не будьте ко мне в претензии, раз настаиваете, чтобы я выступил».

Дали мне вновь слово. Я стал говорить о научном социализме. У Арефа прослушивалась примерно такая структура речи: мы арабы, поэтому идем в социализм арабским путем. С такой точкой зрения я боролся, еще когда вел ранее дискуссию с Насером. Теперь для Насера это был уже пройденный этап, а Ареф то же самое повторял: дескать, мы верны арабскому народу, не разделяя его на классы и рассматривая арабов как единое целое. Вот я и затронул данную тему в своем выступлении: «Некоторые тут говорят об арабском народе в целом. Я хотел бы поставить в этой связи такой вопрос: арабский народ, как и все народы, обладает не единой, монолитной, а сложной структурой. Есть арабы-капиталисты, есть арабы-

помещики, есть арабы-крестьяне, есть арабы-рабочие. За интересы каких именно арабов борются такие ораторы? Арабы-крестьяне хотят получить помещичью землю, а помещик не хочет отдавать ее; он хочет, чтобы крестьяне работали на него и на его земле. Рабочие-арабы трудятся на арабов-капиталистов, а арабы-капиталисты хотят, чтобы арабы-рабочие трудились как можно больше, чтобы как можно длиннее был рабочий день, чтобы трудящиеся получали как можно меньше, но побольше прибыли получали капиталисты. Рабочие-арабы хотят своего: чтобы меньше длился рабочий день и была побольше заработная плата. Так за каких арабов выступают все же такие ораторы? За рабочих и крестьян? Или за помещиков и капиталистов?» И другие, элементарные для марксистов, доводы я приводил тогда. Все они понятны простым людям, все доходчивы. Кому было нужно понять, поняли, что я полемизировал с Арефом.

Конечно, во мне возникли некоторые сомнения: как поймут меня рабочие и служащие на митинге? Среди рабочих плотины абсолютное большинство составляли неграмотные, которых воспитывали именно в арефовском понимании арабского социализма. Уже это для них стало прогрессом. Всем было понятно, что надо защищать арабов. Ведь много лет Египет оставался под пятой британских колонизаторов, затем арабские народы повели борьбу против Израиля, который захватил их земли. Поэтому у них и выработалось такое понимание дела: когда говорят об интересах арабов, то острие направлено против внешнего врага. Внутренние вопросы классовой борьбы затушевывались или подчас полностью скрывались. Компартии в арабских странах находились в подполье или же были в своем большинстве слабыми. Если обнажить классовый состав арабского общества, то как поймут это рабочие? Выявилось, что египтяне очень внимательно слушали меня, а наш переводчик хорошо переводил мои фразы, и их принимали бурным одобрением. Когда я закончил, слушатели очень страстно проявили это свое отношение к выступлению. Бен Белла остался доволен: «Очень здорово получилось». Насер тоже похвалил.

Думаю, что Насер тут проявлял вежливость, он хвалил меня как хозяин гостя. Но Бен Белла действительно понимал все правильно. Он-то и был инициатором дела, толкнувшим меня на выступление, и у меня не возникло сомнений, что он говорил мне именно то, что думал. Вскоре митинг закрылся. Ну а Ареф? Он тоже все понял. Я считал его ограниченным человеком. Но тут не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что мое выступление полемизировало именно с его речью. Однако он являлся президентом Ирака, и к нему благосклонно относились

и Насер, и Бен Белла. Когда я указывал им на его недостатки, они соглашались. Бен Белла высказался довольно откровенно: «Товарищ Хрущев, Ареф идет вместе с нами и никуда от нас не уйдет, останется с нами до конца. Мы должны его поддерживать, даже если он пока не все понимает. Наступит время, и он поймет. Другого-то, лучше его, там пока нет. Он выступает за арабское единство, как он его понимает. Но в любом случае он за единство с нами, и нам не надо его отталкивать, будем его поддерживать. Без него туда придут другие люди, которые станут проводить иную политику». Я ответил: «Действительно, лучше проявить терпение, ничего пока не поделаешь». В сказке о Коньке-Горбунке[416] есть такие слова: «Коли глупым ты родился, завсегда отец бранился». Приходится иметь дело с таким человеком, каков он есть. И мы тогда втроем договорились более терпимо относиться к Арефу. Я успокоил Насера и Бен Беллу, сказав, что согласен с ними, что не надо делать булавочных уколов, которые могли бы Арефа раздражать или охлаждать; что мы станем его поддерживать.

Когда я возвратился в Москву, то мы и у себя, обменявшись мнениями, решили последовать совету Бен Беллы. Передали нашей печати и братским компартиям, что следует избрать такую тактику, которая толкала бы Арефа в правильном направлении и одновременно считалась с его сегодняшними взглядами. Это была не принципиальная уступка с нашей стороны, а наоборот, попытка мобилизовать силы. На митинге в Асуане советские люди, которые знали арабский язык, рассказывали мне: «Арабы очень внимательно слушали и исключительно хорошо восприняли ваше выступление». Какой-то наш специалист ездил с арабским шофером. Этот шофер, сидя в машине, слушал все речи, в том числе и обе мои, и высказался: «Я впервые в жизни встретил такое толкование арабского единства. Сказано было откровенно и очень правильно. Действительно, и мы, арабы, имеем разные интересы». То классовое расчленение, о котором я говорил там довольно резко, для нас – азбучно, а для арабов – нечто новое. Никто у них так вопрос не ставил, особенно из руководящих кадров. Наверное, так говорили коммунисты, но они были в подполье. Они в народной толще еще не имели массы последователей. Марксистские идеи не выплескивались на простых людей. Я остался доволен тем, что смог посеять семена правильного понимания структуры общества: оно является классовым, и классы имеют свои интересы, которые противоречат друг другу.

Согласно плану пребывания в гостях у Насера, была предусмотрена поездка на Красное море. Там нас ждали корабли,

на которых мы проведем один день. Насер говорил, что любители ловить рыбу могут делать это, там рыбы много, а мы пока побеседуем между собой и проведем общую беседу с представителями других арабских государств[417]. Повторюсь, что присутствовали представители Йемена, Алжира и Ирака. Сирия после разрыва союза с Египтом не хотела присутствовать. Поехали мы на море. На кораблях (президентской яхте «Сирия») оказалось немного свежее, чем в песках Асуана. Морским воздухом все-таки дышалось легче. Рыболовы принялись за свою забаву, а представители государств провели время за беседами. Беседы были полезны: они уточняли и выясняли наши точки зрения.

При обмене мнениями мы находили больше точек соприкосновения и больше взаимопонимания, нежели вопросов, которые требовали еще доработки и созревания: вопросы международного характера, внутреннего строительства, единства тех стран, которые стоят на позициях борьбы с колониализмом, неоколониализмом и за мирное сосуществование. Главная проблема внутреннего характера – о путях развития: какой путь избрать – буржуазный или социалистический? Насер выступал за путь научного социализма. Если же Ареф говорил об арабском социализме, так это не потому, что он противопоставлял свою точку зрения точке зрения Насера. Нет, Насер являлся для него абсолютным авторитетом. Просто то, что стало ясно Насеру, еще не дозрело в голове Арефа.

Я не говорю о Бен Белле, который из них ближе всех стоял к нам, марксистам. Хотя он не высказывался открыто за марксизм-ленинизм, но фактически в своей деятельности руководствовался этим учением, однако знал, что должен как-то дать своему народу созреть, подойти к правильному пониманию марксистско-ленинского учения. Нельзя отрываться от собственного народа, чтобы не противопоставить себя ему и не позволить классовым врагам использовать невежество неграмотных людей. Сейчас не знаю, в каком положении находится Бен Белла. Когда его свергли (я узнал об этом из газет), то посчитал, что произошла большая потеря для стран социализма и коммунистического движения. Я полагал, что в потенции он – коммунист. Политика, которую он проводил, стратегически не противоречила коммунистической. Тактически же он вел ее разумно.

Красное море – теплое море, но я не купался. Другие наши товарищи купались и ловили рыбу. Внешне, по берегам, это море похоже на Каспийское, так же окружено песками. Вид и со стороны берегов, и с моря довольно унылый: пустыня и барханы. Пришло нам время покинуть море и снова лететь в Асуан. Оттуда

мы продолжили свой путь по Египту: посетили одну из древних столиц Египетского царства Луксор – с богатейшими историческими памятниками, которые теперь срочно требовалось спасать, потому что их затопляла вода нового водохранилища. Пребывание там было кратким, но насыщенным. Вид на Нил с борта самолета таков: тянется река узкой полоской, вид довольно грустный, только на небольшом пространстве вправо или влево от Нила можно увидеть зеленую растительность, все остальное – безжизненная пустыня. Это и из географии известно, но тут возникает особое ощущение, когда пустыню наблюдаешь с воздуха: вот она, рукой подать, полоска зелени, край жизни, а дальше – безводный простор и смерть.

Когда мы беседовали с Насером и с вице-президентом Амером, они рассказывали мне о воинской подготовке в Египте. Оказывается, они готовили специальные отряды, которые могли бы существовать в пустыне с питанием на подножном корму: ели ящериц, змей и им подобных. Получалось, что и в пустыне человек может продержаться довольно долго, если его хорошо обучить.

Завершали визит мы там, где он начался, посещением Александрии. Там располагались организации, разрабатывавшие проекты освоения плодородных земель, возникающих в результате создания Асуанской плотины. Это огромные площади. Добавлялась целая треть к уже освоенным землям. Для Египта очень весомо! Ведь надо помнить, что тут поливные земли высокой ценности. Урожай снимают дважды, а по некоторым культурам и трижды в год.

Собственно говоря, что такое – год? У них чередуются периоды тепла и безморозного холода. Вообще-то там холода не бывает. Зато земля там в столь большой цене, что Асуанская плотина приобрела небывалое значение для египетского народа. Расширялись посевные площади, создавались лучшие условия обеспечения страны продовольствием и техническими культурами вроде хлопка. Осматривая окрестности Александрии, мы ехали с Насером в одной машине, ему вдруг стало дурно, глаза у него закатились, он откинулся на спинку сиденья. Остановили машину. У меня это вызвало большую тревогу. Когда ему стало лучше, он сказал, что плохо себя чувствует, испытывает головокружение и ехать дальше не может. Извинился, пересел в другую машину и вернулся в Александрию. Нам же с Амером предложил, чтобы мы продолжили прежний маршрут.

Мы посетили один из новых сельскохозяйственных районов. Там нас встретили планировщики и архитекторы, которые разрабатывали план застройки населенных пунктов. Принцип у

них действовал такой: идти по старой дорожке. То есть землю, которую они получат в результате сооружения Асуанской плотины, нарезать участками мелким хозяевам и вести дело с той же техникой, что существует сейчас и существовала тысячи лет назад. Ходит буйвол, за ним погонщик. Животное крутит колесо, оно вычерпывает воду и по желобам подает на рисовые поля. Точнее – на маленькие клочки земли. Встречались и такие миниатюрные хозяйства, которые человек поливал вообще вручную. И постройки там соответствующие. Зрелище ужасное, люди живут буквально в норах, как сурки. В результате нищенского положения в деревнях Насер даже не предложил мне заехать в какой-нибудь населенный пункт для осмотра хозяйства. Мы в основном ехали по дороге, и мне показывали: а вон там живут люди. Всюду встречалась масса обездоленных. Непрогрессивное начало освоения новых площадей было заложено уже в самой основе. Но я не высказывал своих впечатлений, а слушал и смотрел. Однако когда слушаешь и смотришь, то сравниваешь.

И я сравнивал с нашими среднеазиатскими республиками. Налицо – большое сходство в условиях ведения сельского хозяйства. Поливное, как на Ниле, хозяйство имеет место и в Узбекистане, и в Туркменистане, и в Таджикистане. Там тоже живут главным образом на поливных землях. Без полива ничего не получишь. Имею в виду их главные культуры: хлопок, рис, фрукты. Если убрать полив, все опять превратится в пустыню. У нас велись широким фронтом механизированные работы по нивелировке площадей и прокладке каналов. А в Египте все это было им недоступно и неизвестно, не говоря уже о нашем размахе. И когда я увидел, как они думают осваивать свои земли, то стал критически относиться к их планам. Долго колебался: стоит ли высказать Насеру свои сомнения? Не хотел дать повод подумать, что я толкаю их на какие-то радикальные меры вроде коллективизации или к другим крупным формам ведения сельского хозяйства.

Вернулись в Александрию, где жили несколько дней. Обедали в отведенном мне дворце, в роскошных палатах. Вечером Насер пригласил меня к себе, выражаясь по-нашему, на дачу[418]. Довольно-таки приличную и большую. Он имел возможность в дачном зале принимать добрый десяток лиц. Там мы и собрались, но без Амера. Тут я все-таки не утерпел. Как гласит поговорка, «не терпится мастеровому». Меня глодала внутренняя потребность высказать свои соображения, объяснив ему, что мои слова ни в какой степени не являются рекомендациями и никого ни к чему не обязывают. Когда мы оставались наедине, я ему

говорил «товарищ». «Товарищ Насер, у меня возникли некоторые мысли, только я колеблюсь, говорить вам о них или же нет». Он глядел вопросительно своими ясными глазами с подкупающим, теплым выражением лица. Он мне очень нравился, да и сейчас я испытываю к нему большую симпатию. «О чем же вы думали?» Я ему: «О землях, которые в стране готовятся к освоению. Хотел спросить: как вы намереваетесь поступить?» – «Разделим их. У нас много безземельных людей, нужда колоссальная».

Это для меня не ново. Я хорошо знал, что у них больше рабочих рук, чем неба, а тем более земли. Крестьяне нуждались в увеличении своих наделов; многие ждали, когда получат землю в результате возведения Асуанской плотины. Отвечаю: «Конечно, это большое дело, богатство страны возрастет. Но вы разрешите мне высказать свои соображения? И прошу заранее, поймите правильно и не обижайтесь, что, мол, гость ведет себя навязчиво. То, что я скажу, ни к чему не обязывает. Ваше дело, как в дальнейшем вы станете относиться к тому, что я высказал». – «Пожалуйста, я вас слушаю». – «Я бы на вашем месте не дробил землю, а создал государственные хозяйства вроде тех, которые мы в советских условиях называем совхозами, то есть государственные сельскохозяйственные предприятия. У нас имеется большой опыт. В Узбекистане, Туркмении, Таджикистане мы создали такие хозяйства, поэтому имеем возможность заключить, какова рентабельность, как окупаются вложенные в них средства». Тут я по памяти оперировал укрупненными цифрами.

«Расскажу, как делают у нас. Сейчас мы как раз ведем большие работы в Голодной степи. Там вопрос освоения земель зависит только от капиталовложений и количества воды. Мы отказались создавать на этих землях колхозы и сразу создаем совхозы, строим поселки городского типа со всеми коммунальными удобствами и службами – школами, детскими яслями, детскими садами. Одним словом, возводим все, что нужно для живущих там и работающих людей. Это требует, конечно, больших капиталовложений. Но опыт, который мы имеем, показывает, что достаточно трех хороших урожаев, чтобы окупить затраты. А хорошие урожаи на поливных землях зависят только от качества их обработки и от умения обрабатывать землю. Можно получать как минимум 30 центнеров хлопка с гектара, а можно и больше. Лучшие хозяйства у нас получают больше. Если оценить урожаи не в сырцовом хлопке, а в изделиях из него, то, как сообщают наши экономисты, капиталовложения окупаются буквально за полтора – два с половиной урожая на новых землях. Пусть у вас получится – за четыре. Все равно, за

четыре года вы окупите все капиталовложения и начнете получать огромные накопления. Если бы вы создали госхозы, получился бы буквально печатный станок, который бы печатал вам деньги. Кроме того, вы создали бы рабочие места для большой группы населения, привлекая ее в качестве рабочей силы для госхозов. Повысили бы и ее культуру, и ее квалификацию. Их заработок оказался бы тоже на должном уровне. Завертелась бы работа не так, как сейчас, когда осел крутит колесо и поливает угодья. Вы не обижайтесь, я видел такое еще в учебнике о Египте старого времени. Там на картинках был изображен этот же способ орошения».

Отношения у нас с Насером были хорошие, и я позволял себе допускать вольности, считая, что он все правильно поймет и не обидится. «Это способ полива, какой был в Египте при Рамсесе I[419]. А теперь такой же при Насере I. Прошли целые тысячелетия. И что изменилось? Ничего. Потому что в основе лежит мелкое хозяйство при отсутствии техники. На маленьком кусочке земли человек не может поставить насос, не может применить хлопкоуборочную машину, сеялку. Туда даже заехать нельзя и развернуться негде, все вытопчется. Поэтому я считаю, что вы закладываете непрогрессивные условия ведения сельского хозяйства. Если вы разделите и раздадите всю новую землю, то крестьянин, конечно, станет вас боготворить за доброе дело, но вы не сможете применить технику. Заложите сразу то, из-за чего превратитесь буквально в раба своей земли, где все основывается на ручном труде. Лишите себя доходов, не сможете распоряжаться теми доходами, которые будут получать крестьяне, должны будете пользоваться системой налогов.

Малая производительность труда: в результате – малые доходы для государства, следовательно, малые доходы и для народа. Если бы вы согласились с моей точкой зрения, то вам бы надо только снарядить авторитетную правительственную делегацию, которая приедет к нам в Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и посмотрит на наши новые хозяйства, увидит наши проекты, нашу технику, сооружения по распределению воды и прочее. Там все сделано на современном уровне. Эффективно работают все хозяйства, где сидят разумные руководители. Теперь можете поступить так: вы меня не слышали, я вам ничего не говорил, никто и ни перед кем ничем не обязан».

Он внимательно выслушал меня и сказал: «Нам это не подойдет. Во-первых, у нас нет кадров. Во-вторых, такая коррупция, что установить контроль будет невозможно. Хозяйства станут убыточными». – «Дело ваше. Я высказал только свои соображения, а вам решать, вы лучше знаете свою страну и свой

народ. Как вы решите, это меня не касается и не обижает. Вы лучше знаете, что здесь полезно, а что вредно. А насчет того, что нет кадров, и насчет коррупции… У нас тоже воруют. И у вас будут воровать. Но даже при ворах, которые неизбежны, раз есть возможность сбывать товар и получать дополнительные доходы, вы будете извлекать больше пользы для народа и для своего бюджета. Повторяю, возникнет монетный двор. Вы получите миллионы и миллионы.

А кадры возьмите из армии. Пошлите часть офицеров в Советский Союз, они поработают год-два, а пока вы подготовитесь к приему большой воды от Асуанской плотины, у вас появятся обученные кадры. Они получат теоретические агрономические знания и пройдут практическую школу. Можно обучить и рабочих-трактористов, которые научатся водить тракторы, управлять сеялками и хлопкоуборочными комбайнами. Мы можем предоставить свой полигон, чтобы вы могли там обучать своих людей. Это дело постепенное и наживное. Сразу у вас, видимо, не пойдет. Ну и что же? Опыт досоветского времени ничем не отличается от опыта феллахов, которые на буйволах посредством крутилки поливают воду. Узбеки, таджики и туркмены пользовались таким же способом. Когда же мы приступили к строительству крупных колхозов и совхозов, появилась другая организация работ, другие поля, другие способы полива.

Раньше мы осуществляли нивелировку площадей, выравнивая их, и строили земляные каналы. Это приводило к сильной утечке воды. Складывалось нерентабельное хозяйство, требовались большие работы по исправлению ирригационной системы, каждый сезон ремонтировались каналы, восстанавливались земляные насыпи. Но когда я был во Франции и слетал к границе Испании, то увидел там поливное хозяйство, которое меня очаровало. Там сделали железобетонные лотки, разводящие воду. Нет утечки воды, не надо делать насыпи, что очень трудоемко. Нивелировка для распределения воды тоже упрощается. Лотки стоят на подставках, остается только придать нужный наклон и рассчитать, сколько и из какой точки подать воды и в какое время. Все это поддается расчету. Изготовление лотков механизировано, налажен монтаж. Мы послали туда своих инженеров, они воспользовались любезностью французов и изучили их опыт. Сейчас мы его применяем у себя. Считаю, что эта система очень эффективна и легко может быть внедрена в египетских условиях.

Многое другое египтяне смогут тоже увидеть, если приедут к нам. Они поднимут бухгалтерские книги, весь учет – к их

услугам. Все сумеете проверить на полях и потом взвесить, выгодно это или нет. Если выгодно, то делайте. Если нет, отбросьте. Но то, что невыгодно нам, я бы никогда не посмел советовать другим. Кооперативный план был предложен Лениным и потом подтвержден жизнью. Там, где проводилось кооперирование крестьян и разумно создавались совхозы на деловой основе, с подбором хороших кадров, они себя оправдали. А сколько у нас разворовывалось? Сколько у нас убыточных совхозов? Сколько загубленных колхозов? Сколько было погублено людей в результате бестолкового проведения коллективизации? Но это уже другой вопрос, вопрос истории и анализа допущенных ошибок или извращений при кооперировании. Он к вам не относится. Вы сейчас возьмете сразу все лучшее, что накоплено опытом советского народа». Тут Насер стал более внимательно слушать меня и задавать разные вопросы. Он сказал: «В такое-то время я за вами заеду, поедем к нам, там соберется все египетское руководство, мы побеседуем». – «Пожалуйста, я пообедаю и буду вас ждать».

В Египте пребывание было приятно мне и тем, что мусульмане не пьют спиртного, хотя не все верующие придерживаются рекомендаций пророка. В Египте и на обедах, и на торжествах, и в семейных условиях мы пили только соки, причем замечательные и разнообразные, из различных фруктов, приятные и утоляющие жажду. При тамошней жаре это единственное спасение. Хочу выразить признательность пророку, который рекомендовал не пить спиртных напитков.

У меня стал многолетней привычкой режим, при котором мне на обед хватало 20 минут. Когда я обедал один, то никогда не пользовался спиртными напитками, даже в годы юности. Пообедал и опять готов вступить в строй… Дождался я назначенного часа, приехал Насер вместе с Амером. Как-то Насер сказал мне один на один: «Товарищ Хрущев, я и Амер – одно лицо. Что можно говорить мне, говорите и Амеру, что Амеру, то и мне. Мы близкие друзья». Я это видел воочию. Они даже жили рядом. И их семьи были тоже как одна семья. И дети их дружили между собой. Я радовался, что два таких друга являются ведущими лидерами в новом деле переустройства египетской экономики и политики.

Когда мы уселись в машину, Насер улыбнулся и сказал: «Товарищ Хрущев, я подумал о нашем разговоре и рассказал Амеру. Мы обменялись мнениями, и хочу сказать, что вы сделали очень соблазнительное, заманчивое для нас предложение». Тут вступил в разговор Амер: «Я считаю, что именно таким путем надо организовывать хозяйство. Это единственно прогрессивный

путь». Я ему: «Если вы считаете мое предложение прогрессивным и если оно полезно Египту, то я буду рад, испытывая моральное удовлетворение, что в какой-то степени оправдал затраты на поездку к вам, присоветовал доброе дело. Это буквально историческое дело! Если у вас сейчас заложат мелкое, частное поливное хозяйство, то Египту не совершить революции в сельском хозяйстве. Ваши владеющие землей крестьяне ведут хозяйство технически примитивно. Перестройте и укрупните хозяйства, объедините их.

Я-то знаю, чего стоит провести коллективизацию. Потребуются невероятные усилия. Зато если создать на новых землях совхозы и они станут хорошим примером, то на каком-то этапе будет возможно приступить к перестройке частных мелких хозяйств. Последнее я сейчас и не упоминаю, потому что коллективизация сопряжена с невероятными трудностями. Вам будет еще сложнее, чем нам. Поэтому правильнее установить на новых землях тот порядок, который вы сами считаете разумным. Если же повторять то, что сложилось исторически, то сами себя накажете, лишите возможности иметь резервы капитала в интересах государства для развития сельского хозяйства, тяжелой промышленности, промышленности средств производства и средств потребления». Оба слушателя признали сказанное справедливым.

В Александрии Насер проинформировал собравшихся о нашей беседе и стал доказывать, что если провести мои мысли в жизнь, то будет большая выгода и помощь Египту, а развитие сельского хозяйства пойдет в правильном направлении. Возникнет возможность организовать производство на высоком уровне, с применением современной техники и минеральных удобрений. Причем я видел, что он не повторяет буквально мои слова, а говорит с личной убежденностью в том, что это единственно правильный путь и им надо воспользоваться. Для достройки Асуанской плотины потребуются еще годы, но и для подготовительных работ по освоению новых земель тоже потребуются годы. Все совпадает.

Тут же они начали обсуждать конкретные вопросы: кого послать во главе делегации в Узбекистан, чтобы на месте изучить опыт, который следует перенести на новые земли? Главой делегации назвали премьер-министра Али Сабри[420]. Он являлся ближайшим другом Насера, они были знакомы еще до переворота. Вместе с ним решили направить к нам агрономов, бухгалтеров и других, кто разобрался бы в экономической эффективности государственных хозяйств. Договорились все взвесить и подсчитать, чтобы решение было принято не на основе

интуиции, а после глубокой технической и экономической проработок. Никакого скептицизма я не заметил. Может быть, кое-кто и выражал сомнения в глубине души, но открытых таких высказываний не было.

Почему я полагаю, что «может быть»? Ведь какая это ломка для хозяйственного уклада, сложившегося тысячелетиями! Надо также иметь в виду то, какие надежды возлагал простой народ на получение земли после постройки плотины. Вода – источник существования людей. Заранее велась пропаганда, была создана республиканская организация, которая конкретно занималась разработкой дела, вовлекала в нее массу людей, причем самых активных: архитекторов, агрономов, экономистов. Не такое это легкое дело сразу повернуть на 180 градусов от индивидуального раздела земли по клочкам и обобществлению. Там, правда, не получалось обобществления, потому что земля сразу являлась государственной. Но все равно большая ломка, в какой-то степени принятие социалистической системы хозяйства. Не все люди в их руководстве были подготовлены для такого шага, так что сомнения законны. Но надо бы проявить терпение, разъяснить людям экономическую выгоду. Прежде всего именно экономическую выгоду. Но она повлечет за собой и политическую ломку.

Уже после того как я перешел на пенсию, то из газет узнал, что египетская делегация приехала в Советский Союз, возглавлял ее премьер-министр. Мне было приятно читать, что мой совет действовал и после того, как я перестал занимать высокое положение. Это свидетельствовало о том, что Насер лично убедился в правильности моего совета. Как дальше станет развиваться хозяйство на новых землях в Египте, не могу сказать. Из наших газет я ничего не смог выудить. В сообщениях нашей печати вообще разобраться невозможно. Я только читал подтверждения тому, что в результате ввода Асуанской плотины получен способ увеличить обрабатываемые земли дополнительно на треть, так что цифра о количестве приращиваемых земель подтвердилась, но организационные формы их использования мне неизвестны.

Когда еще мы обсуждали в Египте сельскохозяйственные проблемы, у нас родилась мысль – создать там на каком-то количестве гектаров образцовое хозяйство[421], укомплектовать его современной техникой, дать ему техническое и агрономическое руководство. Такое хозяйство будет служить конкретным примером социалистического образа ведения дел в условиях Египта. Не помню, на какой площади рекомендовалось создать такое хозяйство, но для СССР это была посильная

экономическая помощь. Мы составили свои предложения и послали их оттуда в Москву, разъяснив, чем они вызваны, сказали, чтобы у нас обсудили этот вопрос и подготовили решение. Такие же показательные совхозы за наш счет мы организовали в Китае и Индии. В Индии они сыграли особенно большую роль в пропаганде нашей техники и социалистического способа производства. Там возникло крупное хозяйство. Индийцы сами постепенно расширили его и стали обучать свои кадры на новой основе. Правда, в капиталистических условиях оно оставалось капиталистическим предприятием, потому что основные средства производства находились в частных руках. Но, во всяком случае, мы продемонстрировали прогрессивное направление обработки земли. И в Индии, и в Египте земля обрабатывалась деревянной сохой, крестьянин лазил в грязи. У нас это можно увидеть уже только на картинках. Для людей же старшего поколения есть что и с чем сравнивать.

Когда из Москвы был быстро получен ответ и мы сообщили руководству Египта о нашем даре, Насер расплылся в улыбке, глаза у него засверкали от удовольствия. Вскоре я оказался не у дел, и осуществлять наблюдение за реализацией этой идеи мне уже не довелось. До меня доходили слухи, что некоторые люди доныне не понимают значения нашего примера помощи странам, приглядывающимся к социалистическому порядку ведения хозяйства. Оказание помощи – это не только внедрение социалистических начал, что тоже имеет большое значение, но и конкретная помощь нашим друзьям, которые видят, что социалистические страны не только на словах, но и на деле помогают слаборазвитым странам скорее поднять свою экономику и жизненный уровень. Порою говорят, что, мол, Хрущев поехал туда, всех одарил, разбазаривает государственные средства. Думаю, что такие рассуждения исходят от людей, которые сами же и принимали эти решения, потому что я единолично, без разрешения правительства и ЦК партии, ничего не делал и сделать не мог. Вонючий слушок пущен же в конъюнктурных целях, или проявляется недопонимание важного политического акта. Но так как на сей крючок могут попасться люди с ограниченным политическим развитием, хотел бы еще раз высказать по этому поводу свои соображения.

Безвозмездная дарственная помощь другим странам имеет большие последствия, и не только политические, когда мы приобретаем друзей, а и материальные. Вспоминаю, как мы впервые побывали в Афганистане по приглашению его короля и правительства. Возглавлял нашу делегацию Булганин. Беседуя, мы почувствовали озабоченность короля отсталостью своей

страны в культуре и в экономике. Афганцы метались, ища выход. Мы видели, как американцы «ухаживали» за Афганистаном. США – богатая страна, имеет возможность вложить свои средства в такие отрасли и сооружения, которые очень наглядны и эффективны. Эффективны не только в экономическом, но и в политическом отношении.

В то время США обкладывали нас своими военными базами, создали военную организацию СЕАТО[422], в которую вошел Пакистан. Индия в нее не вошла, поэтому янки обхаживали и Индию, где имеются довольно сильные консервативные элементы, выступавшие против Советского Союза. Но правительство Индии возглавлял прогрессивный политик, покойный ныне Неру, который твердо стоял на позициях неприсоединения к военным блокам. В Афганистане янки брались проводить дорожные работы за свой счет. Что за этим кроется? Конечно, не благотворительная цель, не сочувствие нуждающимся людям, не желание оказать помощь бедному. Так почти не бывало и редко бывает. Используя тяжелое экономическое положение страны и оказав ей эффективную помощь, США желали навязать свои политические условия. Даже не прикрываясь фиговым листком, намеревались создать там ракетную базу. Представьте себе, что США сумели бы навязать Афганистану свои условия экономической помощи, взамен получив согласие на создание военной базы…

Мы со своей стороны тоже предложили Афганистану помощь, одновременно с США. Выделили ему какую-то сумму в валюте, хотя ее у нас было и не так уж много, но хотели показать свое расположение к Афганистану. Важно, чтобы Афганистан учел наши интересы и не разрешил США использовать свою территорию для создания военных баз. Но афганцы вежливо поблагодарили нас и отказались. Мы были и удивлены, и огорчены. Что это значит? Они же наши соседи. Почему отказались? Король нам ничего не объяснял. Но я думаю, что он не хотел получать безвозмездную помощь, чтобы не связывать себе руки. Мог подумать, что Советский Союз захочет вслед за своей помощью внедриться в Афганистан, сначала пришлет своих людей вроде специалистов, потом приедут пропагандисты. Жди переворота или каких-то других акций, направленных против существующего правительства. Мы проглотили эту пилюлю. Вот вам конкретный пример того, что безвозмездная помощь имеет не только экономическое, но и политическое значение, хотя мы старались внедрить в сознание руководителей Афганистана, что не преследуем политических целей.

Шло время. Оно само проверяло нашу политику на

конкретных фактах Приехали в Афганистан наши специалисты, занимались они непосредственно делом, которое им было поручено, – техническими и экономическими вопросами. Складывалось и укреплялось доверие к ним. Поняв, что наши представители не ведут пропаганды, афганцы стали сами проявлять интерес и обращаться к нам с просьбами. Мы построили им хлебозавод, аэродром, учебное заведение, взялись строить дорогу от нашей границы до Кабула. Она имела большое политическое и стратегическое значение, проходя невдалеке от афганской границы. По мере наших сил и возможностей мы продолжали помогать Афганистану. Конечно, мы несли материальные издержки.

Капиталы, которые мы отдавали Афганистану, для нас не были лишними. Мы нашли бы им применение и в своей стране. Поэтому кое-кто может сказать, что это был неразумный поступок. Но он неразумен только с точки зрения неразумных людей. Если бы Афганистан не стал нашим другом и туда внедрились бы американцы, что получилось бы? Они поставили бы там базу! Сколько затем нам потребовалось бы капиталовложений для своих контрбаз в Средней Азии?! То, что мы потратили на безвозмездную помощь Афганистану, капля в море по сравнению с этими затратами. Вот как надо рассматривать безвозмездную материальную помощь! Вот на что идут средства, которые мы отрываем от своих нужд и отдаем соседям, чтобы расположить их к себе и укрепить добрые взаимоотношения.

Так что надо смотреть, как говорил Козьма Прутков[423], в корень. Исходя из сугубо внешних впечатлений о деле, можно обвинить правительство в разбазаривании народных средств. А если посмотреть в корень, то получится в конечном счете экономия народных средств. Нет таких средств, которые оказались бы слишком велики для завоевания дружбы соседних народов. Самое ценное, если сосед относится к соседу с доверием и не разрешает врагам своего соседа создавать военные базы на его территории. Вот как надо это понимать. В меньшей степени мы готовы были пойти тогда на такие затраты и для Ирана. Но тут мы получили информацию, что Иран поддался уговорам США. Мы чувствовали, что в Иране колеблются. Приезжал к нам их шахиншах[424]. Он произвел впечатление умного человека, волевого и властного, знающего, чего хочет. У нас имелись спорные пограничные вопросы, не существовало твердой границы, зафиксированной в договорах. Разграничительная линия не удовлетворяла ни ту, ни другую сторону. Эти вопросы мы быстро решили во время визита шаха. Тогда же подняли

вопрос о сооружении плотин на пограничной реке при взаимном разделении затрат, что было бы полезно и для Ирана, и для Советского Союза[425]. Уже находясь на пенсии, я узнал, что такой договор в конце концов заключен. Иран наконец понял взаимную экономическую и политическую выгоду. Мы очень не хотели, чтобы Иран стал плацдармом США против СССР, и поэтому во время переговоров и в переписке с шахом критиковали его за то, что он предоставил военные базы самолетам США. Хотя шахиншах заверял нас, что такого договора у них нет, мы относились к его словам с недоверием. А недоверие в свою очередь порождало большие затраты для укрепления нашей границы.

А если бы Египет стал плацдармом США? В свое время они уже имели там свою военную базу. Имеют свои базы американцы в Ливии и Тунисе. После революционного переворота египтяне потребовали ликвидации чужих баз.

Руководство Египта понимает, что такая политика пойдет во вред египетскому народу, и отказалось идти в фарватере империалистических стран, хочет проводить независимую политику, политику неприсоединения к блокам. Этот термин придуман в Югославии и имеет свой смысл. Я предпочитаю иметь в мире больше стран, не присоединившихся к блокам, чем стран в составе военных блоков, направленных против СССР. Сейчас у нас существуют дружеские отношения с арабскими странами, и не только с Египтом. Это нам очень выгодно. Материальные затраты на наш дар – капля в море при в сравнении с материальными ресурсами, которые Советский Союз затрачивает на оборону. Чем больше друзей будет на наших границах, тем лучше. Если они проводят политику мирного сосуществования и не позволяют империалистическим странам создавать на своих территориях военные базы, направленные против социалистических стран, то тут и дураку понятно, что наши затраты окупаются сторицей и материально, и политически.

В случае военного конфликта глупая экономия может обернуться большой кровью. Если разразится военная катастрофа, то мы заплатим именно кровью за былую близорукость. Вот чем я руководствовался, когда предлагал преподнести в дар дружественному египетскому народу оборудование для сельскохозяйственного производства. У русского народа сложилась хорошая традиция, я помню ее с детства. Бывало, если хозяйка идет в гости в другую деревню, то она никогда не пойдет с пустыми руками, обязательно завяжет в узелок лепешку, пирог или яичек. У нас в Курской губернии больше пекли пироги. Это очень хорошая традиция. Так и тут. Речь шла не о

разбазаривании, а, наоборот, о сбережении наших средств. Конечно, все надо делать с умом и знать меру, иначе за счет раздачи народных средств можно прослыть добреньким дядюшкой. Считаю, что наша политика была разумной и полностью окупилась.

Во время пребывания в Египте мы обсуждали и военные проблемы. Я сам не разговаривал с военными. Военные училища и военные объекты посещал Гречко. А я военных баз не посещал, чтобы это не явилось плохой демонстрацией. Зачем дразнить гусей? Египтяне просили о помощи, чтобы мы дали им современное оружие в большом количестве и на льготных условиях. О безвозмездных поставках речи не велось, хотя и такие пожелания нам можно было бы оправдать. В принципе договорились о поставках нашего вооружения на льготных условиях. Тут во время переговоров я выступал в роли скряги, не откликался на все их просьбы. «Мы же к войне против агрессора готовимся, – упрекал Насер меня. – И в ваших интересах защитить Египет, сохранить его таким, какой он есть». Да, это разумно.

Война 1956 года, навязанная Египту Францией, Англией и Израилем, преследовала цели сменить египетское руководство, посадить проанглийских, профранцузских лидеров и тем самым обеспечить свои экономические и политические выгоды в этом географическом узле. Суэцкий канал, Ближний Восток – каждому понятна исключительная важность этого района. Собственно, и война 1967 года преследовала те же цели. Америка не жалеет средств: на деньги, которые даются американскими монополистами, США поставляют Израилю вооружение. Это, собственно, тоже дар. Дар, направленный против Египта и против стран социализма.

Мы дали Египту новые ракетные и торпедные катера, согласились продать им самолеты МиГ-21 (раньше мы МиГ-21 не продавали). Договорились и о другом вооружении, самом передовом. Конечно, оно было передовым тогда, но вооружение быстро меняется. Что сегодня передовое, завтра оказывается устаревшим. Ведь научная конструкторская мысль работает непрерывно, обновляет и совершенствует средства уничтожения человека. Люди и на той и на другой стороне делают все, чтобы усовершенствовать средства самоистребления. А это воистину самоистребление: мы стоим стеной против НАТО, НАТО – против нас. И социалистические страны вынуждены тратить на оборону средства, не приносящие дивидендов для экономики. Пока существуют две антагонистические системы, капиталистическая и социалистическая, это, вероятно, неизбежно.

При переговорах по военным проблемам я вновь страдал от жары. Нам, людям сравнительного Севера, попавшим в их климатическую среду, без привычки трудно даже спать. Но такой климат является и предпосылкой богатства. Когда в детстве я изучал в церковно-приходской школе Закон Божий, в той книге говорилось о рае. Если исходить из ее картинок и из рассказов попа, создавалось впечатление, что в Египте или в Индонезии находится земной рай. Это впечатление складывается благодаря богатству природы: разнообразная зелень, необычайные птицы. Все вокруг сказочно и необычайно красиво. Понравилось нам в Египте и зрелище, открывающееся глазам с вышки, сооруженной для обозрения Каира. Наверху площадка с вращающимся рестораном. Можно пить кофе и обозревать окрестности. Я впервые посетил такое техническое сооружение. Позже побывал на Останкинской башне, любовался Москвой и ее окрестностями. Тоже очень впечатляющее зрелище.

Еще одно, так сказать, попутное замечание. В Египет мы следовали на пассажирском корабле «Армения». Прошли Босфор, Дарданеллы, проплыли мимо греческих островов. Когда проплывали возле Стамбула и других турецких городов, то вспоминали, как Ленин установил с Турцией добрые отношения, которые после второй мировой войны испортил Сталин[426]. Он повел непродуманную политику в отношении Турции и через грузинскую печать предъявил ей территориальные претензии. Турция «шарахнулась» от нас и попала в объятия США, предоставила им свою территорию для военных баз. Это нам дорого обошлось, да и сейчас стоит немало. Вот еще один результат неразумного правления Сталина. Только теперь мы вновь начали налаживать с Турцией добрые отношения, и я вижу, как уменьшается недоверие и укрепляется дружба. Это полезно и для Турции, и для Советского Союза.

Шестидневная война на Ближнем Востоке [427]

Сегодня 1 августа 1967 года. С арабскими странами мне пришлось «возиться» очень много, особенно после 1956 года, когда мы спасли Египет во время Суэцкого кризиса. Это очень важный район мира, ему уделяли большое внимание, потому что многие руководители арабских стран – люди молодые, неопытные, не прошедшие серьезную школу политической борьбы. Поэтому они часто совершают грубейшие ошибки, попадают в неприятные положения, а потом сами не знают, как из них выкрутиться. Взять хотя бы объединение Сирии с Египтом, образование Объединенной Арабской Республики[428]. Это была явная ошибка. Когда Насер приезжал к нам, я с ним беседовал по этому вопросу целый день. Мы высказывались против такого объединения, и он прилетел в Москву побеседовать со мной. Я же ему прямо сказал: «Мы против этого». Он говорит: «Сирия сама проявила соответствующий интерес». Я добавил: «Это кончится для вас плохо». Но он никак не мог понять почему.

Что же я ему сказал? «Вы поймите, сирийские арабы воспитаны на французской культуре[429], их строй более демократичен, и они более обеспечены; жизненный уровень у них несравненно выше, чем в Египте. Сирийцы привыкли к демократическим условиям жизни, у них много партий, там легальная компартия, там социалисты. Это настоящая классическая буржуазная страна с нормальным парламентом. В парламенте они выражают доверие или недоверие правительству и меняют его. У них сложились буржуазные традиции. В Египте ничего этого нет. Египет пока что – бедная страна, с низким уровнем жизни народа. Никакого настоящего парламента у вас не было и пока нет. Никаких разных партий у вас тоже фактически нет, и вы не думаете их заводить. Сейчас сирийцы проявляют интерес к объединению, но почему? Они напуганы коммунистической партией, ее силой и хотят вашими руками задушить демократию. Однако это временное явление. Вот когда вы поживете вместе и когда сирийцы почувствуют, что такое ваш режим, они восстанут против вас, они не смогут смириться с египетскими порядками». – «Ну, знаете…» – «Что же, я только предупреждаю, что Сирия уйдет от вас или сбросит ваш режим».

Так потом и вышло. Два года они прожили вместе, а затем Амера арестовали домашним арестом и выслали из Сирии к чертовой матери[430]. Свидетелем нашей беседы был египетский

посол в СССР Галеб, умный человек. Когда получился провал, он сам говорил мне: «У меня все записано, все так получилось, как вы предупреждали».

Я в 1964 году был гостем Насера, присутствовал на завершении строительства Асуанской плотины. У нас сложились самые лучшие доверительные отношения с президентом Насером. Я ему откровенно высказал свою точку зрения:

– Вы что, хотите войны? Вы хотите уничтожения Израиля? – спросил я. – Это неправильно. Неправильно. К тому же Израиль для вас очень трудный орех. Имейте в виду, Израиль численно меньше, чем Египет, но у них другая культура. В израильской армии служат подготовленные люди, знающие современное оружие лучше, чем ваши люди. К тому же вы поставите себя в положение, когда не встретите сочувствия в других странах и поставите в двусмысленное положение Советский Союз. Мы в Объединенных Нациях голосовали за образование Израиля. Мы, правда, голосовали с оговорками, так как наша партия никогда не сочувствовала сионизму, она вела борьбу с сионистами внутри нашей страны, еще до революции и после революции. Мы не сочувствуем этой буржуазно-реакционной партии. Но дело не в этом. Существует израильское государство, и с этим нельзя не считаться.

Не надо ввязываться в войну. Не нужно проводить политику, преследующую цель уничтожения Израиля. Израиль существует. Израиль должен существовать. Он признан Объединенными Нациями, и поэтому ставить перед собой такую цель неразумно.

Следовало другими средствами добиваться признания прав арабов, живущих в составе израильского государства. Они должны стать равноправными. Насер тогда со мной согласился.

– Я, – ответил он, – не хочу войны. Я понимаю всю ответственность. Если я порой выступаю с подобными речами, то делаю это вынужденно, отдаю дань настроениям народа.

Я его понимаю. Конечно, Израиль ведет реакционную и завоевательную политику в отношении Египта. Надо вооружаться с тем, чтобы дать отпор, если произойдет нападение, но самим ввязываться в войну не следует. А теперь – так называемая шестидневная война. Тоже ошибка, и грубейшая. Арабы давно хотят уничтожить Израиль. Это в какой-то степени понятно, их согнали с собственной земли. Подобные действия всегда возбуждают ненависть между народами. Не хочу касаться моральной стороны дела. Но уж если воевать, то подготовься и действуй наверняка. А так осрамиться – уму непостижимо! Теперь-то арабы везде кричат о своем миролюбии, что они жертвы. Я не имею возможности пользоваться другой

информацией, кроме радио и газет, но и из них видно, как реально развивались события.

Приезжает военная делегация ОАР в Москву: «Шу-шу, ша-ша, шо-шо». Сговорились. Уезжают. Отбывает затем наша военная делегация в Египет: «То-то, та-та». Тоже уезжает. Прибывает к нам сирийская правительственная и военная делегация. Разговаривают, поднимают тосты. Уезжают. По каким вопросам говорили? Ясно. А теперь обвиняют Израиль: «Вот он, сукин сын, такой-сякой». Как же он это сделал? Египет потребовал от ООН, чтобы она вывела свои войска, которые разделяли египтян и израильтян. Кто требовал? Насер. У Тан[431] удовлетворил его просьбу. Для чего обычно удаляются нейтральные войска? Чтобы они не помешали начать войну. Кто этого требовал? Насер. Следовательно, кто захотел начать войну? Насер. Он закрывает Акабский залив[432], где ходили израильские суда. Зачем? Для конфликта. Значит, у него все вроде было готово.

Потом начинают рассказывать сказки, что там их офицеры к бабам ходили и поэтому их армию застали врасплох. Все офицеры ходят к бабам во всех странах, и нельзя на это списывать поражение. Не в этом дело! Это басня для несведущих людей, хотя она имеет тысячелетнюю давность. Да, военные оторваны от дома, от женщин, и что ты ни делай, они все равно будут бегать на сторону. Как-то у нас во время войны Сталин сказал: «Давайте мобилизовывать девушек, столовые организуем для офицеров, и прочее».

Сказал не случайно. Это ведь почти то же, что американцы сейчас под другим видом организуют для себя в Южном Вьетнаме. И не в этом главное. Это мелочь, и я не хочу на нее отвлекаться.

Тут вопросы бытовые, отношения между мужем и женой, а не между государствами. Но туда ездили наши инструктора, обучали их. Арабские офицеры у нас в военных академиях тоже обучались, мы их готовили. А потом объясняют: «Все в отпуск уехали». Это же объяснение для дураков. Как так? Если я потребовал удаления войск ООН, закрыл залив, веду кампанию в печати для подготовки к войне – и я же отпущу своих офицеров, летчиков и танкистов в отпуск? Никакой идиот этого не сделает. А почему их разбили? Потому что они просрали, и другого аргумента тут нет. А теперь валят на то, что в отпуск уехал какой-то офицер или расстройство желудка было у него.

Главная причина победы Израиля заключается в том, что он имеет более высокую культуру, лучшую дисциплину в армии, его офицеры обладают боевым опытом и отлично подготовлены. Ведь там собрались очень хорошие специалисты из многих стран. Я,

например, высоко оцениваю их генерала Даяна[433] как военного. Молодец! Я в шутку говорил, что если бы я был премьером, а он находился в Советском Союзе, то я бы его сразу назначил нашим министром обороны. Он этого достоин. Евреи – нация, рассеянная по всему миру. Поэтому и получилось, что их офицеры лучше обучены, и солдаты тоже лучше обучены, и танкисты, и летчики. А фанатизм? Ну, это не главное. Фанатизм бывает разный. Если фанатику спустить штаны и несколько раз выпороть, то этот фанатик будет бежать без оглядки, чтобы его в третий раз не выпороли. Дело в том, что израильтяне просто лучше организованы, лучше владеют оружием и более сознательно его используют.

Египтянам с ними трудно тягаться, и они за это поплатились, бедняги. Они, грубо говоря, верблюдом могли управлять, они владели винтовкой, а тут их пересадили на танки. У нас тоже в свое время кавалерия пересаживалась на танки. Для этого требуется серьезная подготовка. Немаловажной является военная культура и боевая закалка. Египтяне собственное оружие как следует не использовали. Если бы в их армии имелись кадры, способные владеть нашим оружием, то они могли бы потягаться с израильтянами, и, может быть, им удалось бы выстоять.

Я все-таки не советовал бы подвергать себя такому риску: выстоять или не выстоять.

Я просто не могу понять, как такое могло случиться. Как мы могли допустить такое. Я повторяю, что Советский Союз несет большую долю ответственности за происшедшее. При наших возможностях оказывать влияние мы могли удержать Насера от войны. Мы имели возможность дать добрый совет президенту Насеру не проявлять воинственного пыла, когда он потребовал отозвать войска Объединенных Наций. Не надо было закрывать пролив, которым пользовался Израиль.

Одним словом, не следовало накалять атмосферу. Атмосфера и так была предвоенной. Я так ее понимал. Войну начал Израиль, он напал, но напал упреждая, когда обе стороны уже были приведены в мобилизационное состояние. Он упредил и легко добился разгрома войск Египта.

Это было просчетом наших военных. Наши военные неправильно оценили обстановку, они некритически подошли к определению возможности одержания победы Египтом. Я считаю, что не нужно было бы вообще воевать во всех случаях.

Поражение произошло в результате неправильной оценки расстановки сил, неправильной политики, недоучета сил Израиля. Здесь все определяют кадры, занимающиеся военными делами, и дипломаты. Но главным образом военные, потому что

не за дипломатами, а за военными оказалось последнее слово.

Несмотря на то вооружение, которое арабы имели к 1967 году, через одиннадцать лет после нападения Англии, Франции, Израиля в 1956 году, они потерпели поражение. Тогда мы блестяще, я бы сказал, да, блестяще (я повторяю и не стесняюсь, не играю в скромность), блестяще справились с положением, подали руку помощи Египту, вынудили агрессоров прекратить войну. А через одиннадцать лет, когда наша мощь так возросла, никакого сравнения не имела с тем, что мы имели одиннадцать лет назад, вышел такой конфуз. С самого начала наша страна повела себя неправильно, неправильно тем, что допустила эту войну. Позволила арабам спровоцировать Израиль, пойти ва-банк, начать войну. Она кончилась для Израиля победой. Затем в процессе примирения мы тоже повели себя неправильно. Не использовали нашей мощи, не потребовали, когда прекратился огонь, немедленного отвода войск с захваченной территории.

Но я считаю, что война обернется в конце концов против Израиля. Я в этом не сомневаюсь. Ведь шведы били Петра под Нарвой[434], а чем кончилось? Так что Израиль, хоть и не знаю когда, но будет разбит, я в этом не сомневаюсь. Понимают ли это в самом Израиле? Нет, не понимают. Они опьянены победой, их военные передачи агрессивны, вызывающи. Самое лучшее, самое разумное было бы Израилю, разбив арабов, сейчас же отвести свои войска на исходные позиции. Они поразили бы весь мир и завоевали бы, уж и не знаю, сколько симпатий.

Вот я – тот человек, который жестоко критикует Сталина. Но я вам скажу, что Сталин был умнейший человек. Мы начали войну с финнами в 1939 году. Официально пишут, что финны на нас напали. Да финнам это и не снилось! Мы на них напали, я это точно знаю. Мы хотели тогда, чтобы Финляндия стала советской. Но когда финны дали нам по морде, и крепко дали, Сталин пошел на мир. Карельский перешеек мы взяли, и он сразу же подписал договор. Финны отвоевали свою независимость упорной борьбой, и Сталин тоже не стал упорствовать. А когда финны во время войны с Германией двинулись с Гитлером против нас, Сталин все-таки опять пошел потом на мирный договор с ними, хотя обстановка была такая: еще немножко повоевать, и можно было всю Финляндию завоевать. Но он не пошел на это. Почему? Считаю, что в этом проявилась разумность Сталина. Он хотел этим актом положить начало разложению германской коалиции: раз русские не захотели завоевать Финляндию, то они не захотят, стало быть, завоевывать Венгрию, Румынию и другие союзные Германии страны. Это толкало союзников Гитлера на мир с нами.

Так оно и получилось. Вышли из войны Болгария, Румыния, Венгрия.

Вот этого-то Израиль и не понимает. Сегодня ты стоишь на берегу Суэцкого канала, а завтра потеряешь Тель-Авив. Вот в чем дело! Сейчас Объединенные Нации записали решение, что Израиль должен освободить захваченные территории. Но не освобождает, тянет. Ну, что арабам делать? Арабам придется опять готовиться к войне. Если бы я возглавлял какое-то арабское государство и получил оружие, то потом, может быть, за три дня расколотил бы Израиль. Это вполне возможно. Ведь если выйти на старые границы, которые существовали до шестидневной войны, то оттуда хороший бегун побежит с утра, а обедать будет в Тель-Авиве. Эта страна простреливается из конца в конец. Это ведь не Советский Союз. Немцы шли, шли, до Сталинграда дошли, а там еще надо идти сколько-то тысяч километров. А в Израиле? На велосипеде человек утром с одной границы выедет, а к вечеру приедет на другую.

Задают вопрос: будем ли мы содействовать арабам, если они захотят уничтожить Израиль? Теперь арабы прошли школу войны. Напомню о таком разговоре. Когда-то Молотов рассказывал мне об этом, а потом и Черчилль напоминал. Когда во время войны Молотов в первый раз прилетел в Лондон, его принимал Черчилль. А Черчилль – и умница, и большой нахал. Он и говорит: «Господин Молотов, вот на этом месте, где вы сидите, я в 1918 г. принимал Савинкова[435], беседовал с ним об организации нашего десанта в Архангельске. В общем-то вы мне сейчас должны за это сказать спасибо. Я обучил вас воевать. Мы организовали интервенцию, но вы неплохо воевали и выбросили нас вон, а теперь хорошо воюете. Это – моя школа».

Арабы тоже прошли такую школу. Все-таки нельзя забывать, что Израиль живет в окружении мусульманского мира, который весь симпатизирует арабам. Евреев там горсточка. Поэтому я считаю, что Израиль не имеет перспектив удержать завоеванные территории. А он пытается их удержать, цепляется за Синайский полуостров[436]. Полуостров, видимо, представляет большую ценность, там есть газ и нефть и, видимо, будет еще более ценным. Раньше эти пустыни не представляли ценности, раз там ничего не росло, а теперь их недра дороже растительного мира. Однако, несмотря на ценность недр Синая, политика проводится сейчас Израилем неразумная. Победа вскружила ему голову, и поэтому он не может трезво оценить свое положение в мире. Очень опасная ситуация. Сейчас самое разумное – вывести войска в обмен на признание арабами израильского государства. Упорство Израиля обернется против него самого. Это уже не от

ума, а от глупости.

Что арабам делать при этом? Собираться с силами, как в свое время сделал Петр I, и сделать «Полтаву»[437]. Говорят, что арабы – это не русские. Но тогда и русские были не шведами. Шведская армия тогда была лучшей в Европе, а Петр ее разбил, хотя не существовало более хорошей армии, чем шведская. И все же эта армия была разбита «лапотниками». Надо иметь в виду, что за арабов стоит Советский Союз. Значит, у них наша техника, наши советники, им доступны наши школы. А арабы ведь не глупее евреев. Все люди имеют равные возможности, надо только умело их использовать. Сегодня евреи более развиты, но это вопрос времени. Если взять первые годы нашей революции, то у нас в составе партийного актива евреи тогда составляли очень высокий процент. И это было вполне понятно, потому что они были более грамотные люди. Теперь же этого нет. Почему? Русские подтянулись. Ничто не вечно под луной!

От Сирии до Йемена [438]

Хочу теперь рассказать о наших отношениях с некоторыми арабскими странами помимо Египта. Они улучшились после 1956 года, когда СССР своим вмешательством остановил военные действия Англии, Франции и Израиля против Египта. Наш авторитет в арабском мире сразу возрос: одобрялась наша миролюбивая политика, направленная в защиту слаборазвитых народов и стран, освобождающихся из-под колониального гнета и становящихся на путь независимости. В частности, у нас складывались очень и очень хорошие отношения с Сирией. Сирийское правительство проводило самостоятельную политику и, правильно понимая нас, охотноШло на сближение с СССР. Представители Сирии неоднократно приезжали в Советский Союз, и наши делегации выезжали в Сирию. Были подписаны некоторые соглашения об оказании Сирии помощи. Из достоверных источников посредством разведки нам стало известно, что США собираются организовать вторжение в Сирию, используя Турцию, а частично Ирак и Иран. Какие конкретно силы предполагалось привлечь со стороны двух последних, мы не узнали. Но Даллес добился их согласия на участие в агрессии, если не хватит турецких сил. Мы получили в свои руки подробный план не только вторжения, но и его подготовки, причем данные сведения не вызвали у нас сомнений. Стало известно и время начала вторжения. Мы знали, какими силами располагала Турция, где и как она сосредоточила их, сколько пехотных и танковых дивизий и какая артиллерия будут участвовать в этом деле.

План был рассчитан на молниеносный удар, с тем чтобы одним броском как можно скорее достигнуть Дамаска, занять его и ликвидировать независимый режим Сирийского государства. Преследовало ли это вторжение цель присоединения Сирии к Турции? Вряд ли. Речь шла о свержении прогрессивной власти в Сирии, чтобы поставить страну в фарватер политики стран НАТО. Тогда мы вместе с Сирией разработали свой план. Он должен был воздействовать на наших соседей Иран и Турцию, чтобы удержать их от агрессии. В СССР объявили о проведении военных маневров на границе с Ираном в Туркменистане. Затем мы начали демонстрацию военных сил на кавказской границе с Турцией. Потом договорились с Болгарией и организовали такую же демонстрацию на болгаро-турецкой границе, причем болгары объявили, что будут проводить маневры с участием Военно-Воздушных Сил СССР. На каждый становившийся нам

известным шаг Турции в подготовке к войне против Сирии мы совершали ответные шаги, о которых широко оповещали через печать. А когда наступил срок вторжений в Сирию, мы послали в районы, где проходили наши военные учения, своих боевых маршалов: на иранскую границу отправился Маршал Советского Союза Мерецков[439], на турецкую границу – Маршал Советского Союза Гречко[440], а в Болгарии уже находился маршал авиации Скрипко[441].

Время двигалось к часу «Х». Зная заранее все стадии подготовки вторжения, мы соответственно наметили такие же стадии подготовки наших войск, вернее – нарочитой демонстрации их подготовки. Турция продолжала наращивать силы вторжения, и мы делали ответные шаги, о чем публиковали сообщения в печати[442]. Пошло как бы своеобразное соревнование. Пока что по плану, разработанному Пентагоном, оставалась еще пара шагов. Но мы были очень хорошо осведомлены о том, что происходило в Турции. Наши люди четко информировали Москву. Накануне часа «Х» мы заявили, что окажем военную помощь Сирии. Тут США предложили Турции приостановить подготовку, а затем и вовсе отменили приготовления к вторжению. Мы обрадовались такому повороту дела, поскольку совсем не хотели тогда войны, даже локальной, и демонстрировали готовность лишь для приостановки агрессии. Еще какое-то время мы находились настороже, не будучи уверены, что вторжение отменено окончательно. Выжидая, мы затем узнали, что турецкие войска отведены от границы с Сирией.

Советское руководство торжествовало в связи с тем, что удалось без выстрела остановить руку империалистов, которая занесла меч над Сирийской республикой, и предотвратить кровопролитие. Кроме того, это свидетельствовало о нашем возросшем могуществе, с которым вынуждены были считаться даже такие оголтелые проводники политики империализма, как Джон Фостер Даллес.

Вообще мистер Даллес постоянно стремился тогда к ухудшению отношений капиталистического мира с СССР и прилагал много усилий к тому, чтобы изолировать все социалистические страны от остального мира, мешал торговле, культурным связям, всячески вредил нам. В его понимании большую роль играла политика окружения социалистического лагеря и блокады любых контактов. Даже туристов к нам не пускали. Однажды наших шахматистов не пустили в США. На международный конгресс поваров туда должна была поехать наша делегация пищевиков, ее тоже не пустили. Одним словом, Даллес закрывал все щели, останавливая общение нашего народа

с народами других стран. Того же он хотел добиться на Ближнем Востоке, но ничего не смог поделать. Мы прорвали там блокаду в 1956 году, установили добрые отношения с Египтом. Империалисты хотели жестоко наказать Сирию, преподав урок и Египту, и Ливану. Я не говорю здесь об Ираке, где функционировало в те месяцы весьма реакционное правительство, возглавлявшееся ставленником британского империализма и верным псом колонизаторов Нури Саидом.

Мы отпраздновали бескровную победу. Когда убедились, что угроза для Сирии миновала, сейчас же объявили через печать, что наши военные маневры закончились и что командующие, задействованные там, вернулись к исполнению прежних обязанностей. Чем характерна та наша операция? Мы, удержав агрессоров, одновременно подали руку помощи Сирии, не допустили ликвидации Сирийской республики, и всего этого добились без войны. Это обозначало рубеж нового этапа советской внешней политики, когда мы могли добиваться желаемых результатов иными способами, нежели раньше. Я тогда много занимался международными делами, и мне было отрадно, что Даллес, который сформулировал и проводил политику США с позиции силы, отступил. Он хотел вести внешнюю политику «балансирования на грани войны», но до намеченной им грани, когда почувствовал реальную возможность ответного удара, переступить ее так и не решился. Из чего вовсе не вытекает, что мы впредь должны делать неправильный вывод, избрав такую же политику. На грани ведь можно не удержаться. Не ты один определяешь, где проходит эта грань. Легко можно сползти с нее и увязнуть в кровопролитии. Тем не менее в момент «военной игры» мы показали свое умение, владея собственной силой, и угрожать, и не зарываться. Теперь наш авторитет в арабском мире, а особенно в Сирии, еще более возрос. Сирийско-советские отношения стали не просто теплыми, а дружескими.

Свершившиеся события подогрели испуг сирийской буржуазии и помещиков, и они бросились в объятия к Египту с предложением создать Объединенную Арабскую Республику, чтобы опереться на реакционные силы в Египте и не дать возможности прогрессивным силам, группировавшимся вокруг Сирийской коммунистической партии, развертывать далее процесс демократизации страны[443]. Чем это кончилось, я уже рассказывал, когда говорил о наших отношениях с Египтом и его президентом Насером. Очередное столкновение с США на Ближнем Востоке произошло, когда совершился переворот 1958 года в Ираке. Мы приветствовали его, потому что было ликвидировано реакционнейшее правительство

империалистического холуя Саида, ненависть к которому в арабском мире была повсеместной, так что новый лидер Ирака Касем[444] всего одной дивизией сумел справиться со всеми теми кругами, на которые опирался Саид. Сообщалось, что он переоделся в женскую одежду с чадрой и хотел скрыться, но какой-то солдат узнал его, заметив под длинным балахоном сапоги, и застрелил его[445].

После того как в мае 1958 года началось восстание ливанцев против реакционного режима в их стране, американцы в июле предприняли в Ливане высадку своих войск. Тут мы снова организовали ответные шаги, уже не только военного, а общественно-демонстративного характера. Организовали протесты во всех странах мира, где только могли это сделать. Перенесли вопрос в Организацию Объединенных Наций, добились там соответствующих решений и вынудили американцев эвакуировать свои войска из Ливана. Так победила еще одна международная демонстрация в защиту мира на Земле и в пользу освободительного движения. Общими усилиями демократических сил мира удалось сдержать колонизаторов. Иракская революция тоже одержала победу. Наша активная политическая линия еще больше повысила авторитет СССР, и не только в арабском мире, но и среди всех народов, борющихся за независимость.

Затем острие событий перекинулось в Йемен. К нам еще раньше приезжал оттуда наследный принц эль-Бадр. Он просил оружия для борьбы с англичанами, и мы ему помогли. Это произошло в 1955 году, еще до поездки советской делегации в Англию.

С эль-Бадром я встречался. Что он собой представлял? Какое производил впечатление? Впервые мы познакомились в Москве. Ко мне в кабинет вошел пропорционально сложенный человек огромного роста, красивый мужчина, широкий в плечах. От бесед, которые я с ним проводил, осталось хорошее впечатление: он выказал себя разумным человеком, понимавшим интересы своей страны. Беседы наши велись прежде всего о том, как оказать ему помощь вооружением для изгнания англичан и освобождения королевства от колониалистов. Мы ему в этом сочувствовали и, как я уже говорил, дали оружие. Эль-Бадр рассказывал мне и о том, как он подавил восстание, организованное внутренними силами против его отца: в его отсутствие был совершен переворот, столицу город Сану восставшие не сумели захватить, но обложили ее; эль-Бадр вернулся, при содействии соседних правителей разгромил восставших и восстановил прежний порядок. Мне трудно было определить свое отношение к его акции. Да от меня этого и не требовалось. Ведь хрен редьки не

слаще, как говорят в народе. Тот строй, который представлял его отец как имам – глава йеменских мусульман и как король – глава светской власти, был оплотом крайне реакционной политики. Но у меня сложилось впечатление, что сын уже по-другому смотрел на правление государством. Однако таких разговоров с ним я не вел, а только слушал его.

Конечно, нам было выгоднее, чтобы существовал независимый от Англии Йемен. Поэтому мы и оказывали ему помощь. Касалась она не только поставок оружия. Принц просил нас оказать и экономическое содействие – построить морской порт: «У нас сейчас нет подходящего порта, – объяснял он. – Когда англичане изгнали нас из Адена[446], мы остались без крупных морских причалов. Сейчас к Йемену подходят корабли, останавливаются на удалении от берега, а все грузы с корабля, в том числе и пассажиров, доставляют на лодках, потом их носят на плечах».

СССР построил в Йемене порт в Ходейде[447] на Красном море. Эль-Бадр казался человеком с юмором, довольно веселого нрава и, видимо, не очень религиозным. Он рассказал, что приехал к нам не один, а с каким-то особо доверенным человеком его отца, которого послали приглядывать за сыном и удерживать от каких-либо ненужных поступков. Этот информатор наблюдал за принцем, а потом все докладывал королю. И эль-Бадр развеселился: «Какой там соглядатай? Этот мулла? Мы живем с ним в гостинице “Москва”. Наши номера расположены рядом. Однажды ко мне заходит официант и приносит вино. Я удивленно посмотрел на него и сказал: “Простите, тут какая-то ошибка”. Официант ушел, а я сообразил, что мой соглядатай, видимо, заказал себе вино. Мусульмане вина пить не должны, а он-то особенно, потому что представляет нашу религию. Я решил к нему наведаться. Зашел в его номер без стука и застал такую картину: он, опрокинув бутылку, пил вино из горлышка. Когда же увидел, что я стою перед ним, то растерялся. Смотрит растерянно и молчит. Тут я ему сказал: “Что же вы делаете? Аллах это не разрешает, вы нарушаете заветы пророка”. Мулла возразил: “Пророк прямо ничего не запрещал насчет вина”. – “Так если пророк прямо не сказал, то вы хотя бы взяли бокал, налили туда и выпили, как обычные люди, а то сосете из горлышка, ведь это неприлично». Рассказывая это, принц смеялся: вот, мол, какие у меня наставники.

Принц показался мне тем человеком, который, как можно было надеяться, придя к власти, изменит к лучшему общественный строй Йемена. Отец его, согласно информации нашего посла, был очень болен. Опасная личность, религиозный

фанатик, самодур, способный на все[448].

Он был жестоким и очень реакционным человеком. Там существовали кое-где средневековые условия жизни, сохранялось даже рабство[449]. Чувствовалось, что эль-Бадр тоже ждет смерти отца и возможности занять королевский трон. Он открыто высмеивал нынешнее положение в его стране, тем самым показывая мне, что хочет ввести новые порядки, хотя прямых разговоров на этот счет у нас не было. Эль-Бадр стал относиться к нам с особым доверием, и мы продолжали оказывать Йемену помощь. Когда умер король Йемена имам Ахмед, принц взошел на престол. Принцам порою свойственно проводить либеральную политику, но затем, обретя трон, они следовали той политике, против которой ранее выступали сами, пока трон занимал их отец.

Однако эль-Бадр правил крайне недолго. Начальник охраны королевского дворца полковник Ас-Саляль сверг его, эль-Бадр случайно спасся. Долгое время считали, что он погиб и погребен под развалинами дворца. Оказалось, что он, переодевшись в женское платье и закрыв лицо паранджой, успел бежать и с помощью Саудовской Аравии организовал длительную борьбу с новым правительством[450].

О перевороте против эль-Бадра мы сначала ничего не знали. Только когда переворот свершился, вмешался президент Египта Насер, решивший оказать помощь силам, восставшим против реакционного режима. Насер хотел перебросить несколько воинских частей из ОАР в Йемен, но у него не было самолетов. Мы продали ОАР несколько военно-транспортных «антоновых», очень хороших самолетов, еще и сейчас не утративших своей ценности. Но в Египте не оказалось и подходящих летчиков. Насер обратился к нам с просьбой оказать и эту помощь. Мы откликнулись на его призыв и срочно снарядили самолеты с нашими экипажами. Теперь Египет сумел поддержать Йемен и перебросил туда воинские части, которые стали опорой нового правительства, образованного в результате переворота. Эти войска находились в Йемене долгое время, вплоть до очередной войны с Израилем. Однако выяснилось, что у Насера нет военной авиации, необходимой для операций против королевских войск, набранных в соседних странах, где арабские князьки, боясь за свое благополучие, хотели вернуть королю Йемена его трон. Мы продали Насеру отличные бомбардировщики Ту-16. Летчиков у него опять не оказалось, и вновь он обратился к нам с просьбой откомандировать наших летчиков. То были добровольцы. Без оглашения дела в печати они выехали в Египет, а оттуда перебрались в Йемен и действовали против сил, наступавших на

войска нового правительства. Наступавшие были разгромлены[451].

Братская помощь восставшему народу Йемена дополнительно подняла высокий в арабском мире авторитет Советского Союза. На этих примерах другие народы увидели, что СССР не на словах, а на деле выступает за прогресс, а когда появляется нужда в помощи, то эту помощь оказывает быстро и решительно. С другой стороны, те же события продемонстрировали нараставшую слабость империализма. Он был уже не всесилен, а желаний имел больше, чем возможностей. Отныне политический перевес все более склонялся на сторону социалистических государств и их духовных союзников во всем мире. Империализм был вынужден не совершать необдуманных шагов, которые могли бы втянуть его во всеохватную войну. А мы вовсе не стремились создавать конфликты и лишь старались парализовать реакционно-агрессивные силы.

Когда умер Даллес, я в кругу своих друзей или встречаясь с друзьями из других стран, говорил: «Общеизвестная молва о Даллесе правильна. Он заслужил славу агрессивного человека, который буквально дышал ненавистью к коммунизму и прогрессу. Но мы еще можем потом пожалеть, что Даллес умер. Да, он был нашим врагом и все делал против нас. Но мы можем похвалить его за то, что он обладал достаточной трезвостью ума, чувствовал ту грань войны, о которой говорил в своих выступлениях, и старался ее никогда не переступать». Во время событий в Йемене Даллеса уже не было в живых. Но и там США не переступили грань.

С Йеменской Арабской Республикой, сменившей Йеменское королевство, мы установили добрые отношения, а ОАР даже заключила с ней союз. Империалисты только тогда считаются с протестами, когда конкретно видят, что общественно-политическое давление может перерасти в военное и они будут поставлены перед конкретным выбором войны или мира. Именно таким путем мы добились отступления агрессивных сил и сохранения независимости упомянутыми странами. Наряду с проведением такой политики мы, насколько это было в наших силах, старались оказать влияние на руководителей арабов, с тем чтобы они с большим пониманием относились к своему соседу Израилю и не стремились путем новой войны изменить уже сложившиеся там границы. Помню в данной связи свою последнюю беседу с Насером в 1964 году. Он тогда согласился со мной и выразил понимание нашей точки зрения, однако пояснил: «У нас сейчас сложная обстановка в арабском мире. Слишком чувствительны раны, нанесенные арабам при создании

израильского государства: арабов изгнали с их земель, и сейчас изгнанники находятся в очень тяжелом экономическом и моральном положении. Я вынужден поддерживать их дух и время от времени резко выступать против политики, которую проводит Израиль».

Я Насера тоже понимал. Это была с его стороны абсолютно правильная политика. Но сейчас не могу понять, что же там случилось? Непонятно, почему летом 1967 года Египет потребовал вывода войск ООН, которые находились на границе между Египтом и Израилем? Ведь эти силы сдерживали агрессивные действия Израиля, для того они и были поставлены, чтобы нейтрализовать агрессора и исключить столкновения на границе, создав условия, устраняющие военные конфликты. И мне неясно, какие цели преследовал Египет, когда он потребовал от У Тана вывода этих войск. А зачем Египет закрыл в Красном море морской путь, которым пользовался Израиль? Именно данные мероприятия были использованы Израилем в качестве причин для начала военных действий против Египта. Если Египет сам готовился к такой войне, а только так и можно расценить его шаги, то почему он тогда не создал мобилизационную готовность своей армии? Ведь за шесть дней были разгромлены силы всех арабских государств, которые приняли участие в военных действиях: Египта, Иордании и Сирии. По материалам нашей печати ни в чем нельзя разобраться. А ныне сложились гораздо более трудные условия для Египта, чем прежде.

Я очень сожалею о том, но что могу поделать? Только лишь выразить сожаление. Мучаюсь душою и не могу понять, как же это допустили? Сравниваю с тем, как вел себя СССР в 1956 году, когда мы были в несколько раз слабее, чем в 1967 году. Почему мы тогда смогли оказать эффективную помощь Египту, чтобы отбросить войска Англии, Франции и Израиля и заставить их отойти на старые границы? Почему нам не удалось это же в 1967 году, когда мы невероятно выросли в своей военной мощи? Сейчас, когда столько лет прошло, ожидать от Израиля благоразумных шагов без нажима на него вряд ли стоит, Израиль хочет, чтобы существующее положение сохранилось навечно, и в пропагандистских целях ставит свои условия: вести переговоры напрямую с Египтом, тогда найдем способ договориться. Это означает раскол в арабском мире. И мне досадно глядеть на нашу как бы немощь в данном случае, вспоминая об успехах СССР при обороне Египта, Сирии, Йемена от империалистов.

Первые контакты с африканскими странами

Меня порою спрашивают, как строились наши отношения с африканскими странами и на чем они основывались в то время, когда я занимал высокое положение в правительстве и в партии? Нелегкий вопрос. Не знаю, как удастся мне его изложить, но с удовольствием запишу относящиеся к нему воспоминания. Практически речь идет о том, как мы относились к освободительному движению. Наше отношение вытекает из учения Ленина, который не только изложил теорию и тактику борьбы рабочего класса против капитализма, но и на деле осуществил ее в Октябрьской революции, которая подняла знамя борьбы за освобождение всех угнетенных, не только рабочего класса, а целых наций. Начался процесс освобождения народов от колониального гнета. Стала рушиться колониальная система.

После второй мировой войны Великобритания вынуждена была предоставить независимость Индии и Пакистану. Затем Франция пришла к необходимости предоставить возможность колониальным народам высказаться, хотят ли они остаться в составе Французского сообщества или же проголосуют за самостоятельность. Первой из ее колоний путем такого голосования получила независимость Гвинея[452]. Конечно, судьбу Гвинеи определила не одна добрая воля президента Франции де Голля. Там велась активная борьба за освобождение. Но когда де Голль пришел к власти, он выдвинул тезис, что если какая-либо африканская страна проголосует за выход из Французского сообщества, Франция это признает.

Гвинея первой вступила на этот путь. Реакция де Голля людям, которые следили за печатью, известна. Он отозвал оттуда не только всех чиновников, но и специалистов. Этим они хотели вызвать в Гвинее крах, считая, что она не справится, а может быть, надеялись даже на ее возвращение в сообщество. Руководителем Гвинеи стал сын своего народа Секу Туре[453]. Мы считали своим долгом помочь ему, зная, как в первые дни независимости страна нуждается в помощи. И мы протянули такую руку помощи, как только руководство Гвинеи обратилось к нам с соответствующей просьбой: послали специалистов, помогли материально. Начали там с печатания новых денег[454]. Гвинейцы не имели должного опыта и не знали, как это делается. Так мы пришли на помощь первому из африканских государств, которое после второй мировой войны обрело независимость в результате

долголетней борьбы против колонизаторов[455].

Потом Секу Туре приезжал к нам, и мы познакомились с ним лично, стали называть его товарищем. Очень хорошую характеристику дал ему Торез, который знал его по профсоюзной работе. Туре был одним из лидеров профсоюзного движения, а Торез имел связь с профсоюзами Африки. Туре произвел на нас впечатление образованного человека, понимающего суть классовой борьбы и борьбы за национальную независимость. Тут у нас с ним возникло полное взаимопонимание. Но нас, включая и меня (а я вел с ним переговоры от имени Советского правительства), насторожило несколько неуважительное его отношение к Французской коммунистической партии и лично к Торезу как ее лидеру.

Мы-то относились к Торезу с большим уважением. Я и сейчас сохраняю такое отношение к этому замечательному французу, моему коллеге по работе в угольной промышленности, тоже шахтеру. Меня такое отношение Туре к нему не только насторожило, но и задело. Как же можно говорить развязным тоном о Французской компартии и ее лидере, когда она делала буквально все для того, чтобы помочь борьбе гвинейского народа за независимость? Однако так было. Потом к нашим первым впечатлениям добавились другие, еще более горькие.

Гвинейцы вновь обратились к нам за помощью, когда хотели построить (или достроить) аэродром, который мог бы принимать самые тяжелые самолеты. Мы опять охотно послали им своих специалистов и материалы. Тем не менее, когда разразился Карибский кризис, который мог привести нас к столкновению с США, правительство Секу Туре лишило нас возможности летать на Кубу через Гвинею и не дало разрешения садиться в его стране нашим самолетам, которые нуждались хотя бы в одной заправке по пути за океан. Если бы мы получили возможность заправляться в Гвинее, это бы нас выручило. Но нам отказали, ссылаясь на то, что «по техническим условиям» советский самолет не может быть принят на новом аэродроме. Спрашивается, кто лучше знает технические условия аэродрома, правительство Гвинеи или наши специалисты, которые строили его? Естественно, у нас не было доверия к таким мотивам, и мы рассматривали это как акцию в пользу США и против СССР, который всей душой стоял и стоит на стороне борющихся за независимость, включая народ Гвинеи.

С Туре я имел две или три встречи. В беседах со мной он занимал, повторюсь, непонятную нам позицию в отношении Французской компартии, а потом это же проявилось и в отношении к СССР. Мы-то считали, что Гвинея должна была занять единую позицию с социалистическими странами в борьбе

против империализма. Но этого не произошло. Потом появились и другие огорчения. Наше посольство сообщило, что гвинейские руководители занялись личным обогащением, что брат Секу Туре обзаводится крупной собственностью.

Одним словом, события в Гвинее не приносили нам удовлетворения, не давали уверенности, что эта страна пойдет по пути строительства социализма и станет нашим союзником в борьбе с империализмом. Ну что ж, социально-политическая направленность преобразований зависит от самого народа, народ сам выбирает свой путь. Но когда руководители занимаются личным обогащением, это никак нельзя объяснить волей народа. Наоборот, это делается за счет народа. Некоторые люди хотят прежде всего строить личное благополучие и обзаводиться частной собственностью, которая потом служит им привеском, определяющим социальную позицию.

Так в наших отношениях наметилась трещина, а затем наступил чуть ли не разрыв из-за какой-то, собственно говоря, глупости: одна наша преподавательница, находившаяся в Гвинее, отказалась вернуться в Советский Союз. Видимо, советские органы, которые занимались этим вопросом, проявили бюрократическую ретивость, с тем чтобы ее как-то оттуда вернуть. Узнав об этом, я возмутился и разъяснил им: «Какое это имеет значение? Если та женщина хочет остаться в Гвинее, пусть себе остается. Может быть, она нашла себе там достойного мужчину? Пожалуйста, пусть остается». Тем не менее по данному вопросу разгорелась дипломатическая перепалка. Гвинейцы во главе с Туре расценили шаги наших органов как оскорбление. Наша позиция порождала в них некую ассоциацию с колониализмом: белые выступают против брака с черным человеком.

Ну зачем нам нужно было так биться за свою преподавательницу, которая хочет остаться в африканской стране? Воистину глупость! Не знаю, чем эта история закончилась, но думал тогда и сейчас думаю, что она кого-то полюбила, потому и приняла решение остаться там. Тут ведь дело личное, мы вообще должны смотреть свободнее на такие вопросы. Для нас вопрос о том, белый человек, черный или желтый, не имеет значения. Главное – душа человека, его классовая позиция, его принадлежность к тому или другому лагерю, вот основное в оценке человека, а не цвет кожи. Конечно, конфликты такого рода, которые возникали, мы старались как-то приглушить, полагая, что рано или поздно гвинейские руководители осознают неправильность своего понимания отдельных поступков или, может быть, даже наших ошибок, и в конце концов мы сойдемся

на общей позиции борьбы против колонизаторов.

С большим вниманием и сочувствием относились мы к освободительной борьбе алжирского народа. Алжирские арабы, как и египетские, ряд лет вели героическую борьбу против французских колонизаторов. Мы им оказывали помощь всем, чем могли. Посылали туда и оружие, хотя это было сложно осуществить. Французские империалисты делали тогда все, лишь бы оружие не попадало к алжирцам. Приходилось посылать его через Марокко или через другие страны. В результате долголетней революционной вооруженной борьбы алжирского народа за свою независимость он все же победил[456]. Сформировалось правительство Алжирской Республики. Затем ее президентом стал достойный сын алжирского народа Бен Белла[457]. Я с ним встречался не единожды в Советском Союзе. Последняя наша встреча состоялась в Египте, когда я там находился с государственным визитом.

Бен Белла производил на меня наилучшее впечатление. Другие африканские руководители, даже выдвинутые народом, нетвердо становились на почву научного социализма. Нельзя сказать, будто они не знали, что такое социализм. Большинство из них были людьми образованными. Но они колебались. Президент же Алжира сразу сказал, что его страна станет развиваться и строить свою жизнь на основе научного социализма. Не какого-то там иного, суррогатного, вроде «арабского социализма». Были в ходу и другие такого же рода «социализмы». Нет, Бен Белла принял формулу именно научного социализма, хотя и с учетом особенностей, в которых приходилось приступать к строительству новой общественной жизни в Алжире.

К сожалению, спустя какое-то время там был совершен переворот[458], который возглавлял министр обороны Бумедьен[459], ставший позднее главой правительства. В перевороте участвовала часть членов революционного правительства. Мне неизвестна судьба Бен Беллы, этого замечательного человека[460]. Он нравился нам за правильное понимание им дела и правильное руководство народом в борьбе за построение нового общества. Сейчас промелькнуло в печати сообщение, будто его мать встречалась с ним: он жив, здоров, но обречен на бездеятельность. А ведь он еще молодой человек и мог бы сделать очень многое. Он был крупным политическим деятелем, отличался трезвостью ума, умением видеть перспективу, твердо стоял на позициях научного социализма.

Как-то один из представителей Алжирской компартии[461] рассказывал мне о своей беседе с Бен Беллой и относительно

ситуации вокруг компартии после победы независимости. Компартия находилась по-прежнему на нелегальном положении. Это объяснялось тем, что, когда Фронт национального освобождения готовился к вооруженному выступлению, коммунисты выступили против, ибо не верили в победу. Сначала секретарь Алжирской компартии высказался за вооруженное восстание и сам вошел в ряды ФНО, но потом на каком-то этапе событий АКП решила, что вооруженная борьба не будет иметь успеха, что для нее еще не созрели условия. Кроме того, национальная буржуазия была там настроена против марксистско-ленинской теории и коммунистов. Так или иначе, партия осталась на нелегальном положении.

«Вы внедряйтесь в государственные организации, существующие в Алжире, – как мне рассказывали, говорил коммунистам Бен Белла, – в профсоюзы, в другие общественные организации, но не как члены своей партии, а как люди, достойные занять тот или иной пост». Мы со своей стороны тоже рекомендовали коммунистам Алжира пользоваться всеми возможностями такого рода, желая, чтобы партия влилась в ряды ФНО и заняла затем в нем ведущее положение. Когда же Бен Белла и его соратники объявили, что они стоят на позициях научного социализма, каких-то идейных разногласий у них с компартией уже не возникало, хотя отдельные спорные проблемы оставались.

При нашей встрече в Египте Бен Белла по-прежнему занимал самую приемлемую для нас позицию, безоговорочно высказываясь за научный социализм, и, самое главное, хорошо его понимал. У других представителей арабов было шатание в этом вопросе, и они высказывались нечетко. Пожалуй, все, кроме Насера. Насер на митинге в Асуане тоже заявил, что во внутренней политике будет следовать научному социализму. А внешняя политика арабов уже определилась: они занимали твердые позиции, выступая против мировой войны, за мирное сосуществование, за добрые отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Сейчас из материалов печати я вижу, что алжирский лидер Бумедьен, совершивший переворот, проводит в принципе ту же политику, которую проводил его предшественник: сохраняются и развиваются дружеские отношения с Советским Союзом, с другими социалистическими странами. Позиции в международных вопросах Алжир занимает те же, что и раньше. Я лично Бумедьена не знаю, с ним не встречался, хотя читал, что он человек в руководстве не случайный, находился в рядах борцов с французскими оккупантами. Так что с точки зрения участия в

революционной борьбе он достойный человек. Правда, еще до совершенного им переворота некоторые члены алжирского правительства говорили нам, что он якобы человек реакционный, способный на путч. Бумедьен несколько раз приезжал к нам и встречался, в частности, с нашими военными.

Несколько раз виделся я с президентом Ганы Кваме Нкрумой[462]. Это очень интересный человек, располагавший собеседника к себе, умный, образованный, но по вопросу социально-политической направленности развития Ганы высказывавшийся сдержанно. Постепенно он все больше и больше проникался доверием к Советскому Союзу, к его руководству. Из личных бесед можно было заключить, что он пошел бы в дальнейшем, когда внутренние условия в Гане созреют, на декларацию о выборе Ганой социалистического пути. Но официально о научном социализме он открыто никогда не говорил.

Нас беспокоил тот факт, что Нкрума – английский воспитанник, получивший в Англии высшее образование. После завоевания Ганой независимости в ее армии все офицеры были английскими. Какая же это независимость, если бывшие колонизаторы держат в своих руках командный состав армии? Мы в осторожной форме указывали Нкруме на то, что подобная ситуация в стране сдерживает его. Потом реакционные офицеры действительно сыграли свою роль, свергнув передовой режим в Гане[463].

Я несколько раз беседовал с Нкрумой на эту тему, убеждая его, что при командирах армии, состоящих из английских офицеров, всегда наличествует угроза со стороны западных капиталистических стран. Уже в последнее время Нкрума обратился к нам с просьбой выделить в качестве консультантов наших офицеров, чтобы он ввел их в личную охрану президента. Кажется, мы ему таких людей успели послать, но не помню, сколько. Конечно, горстка людей не сумела бы обеспечить стабильность государства. Армия осталась под воздействием тех же офицеров. Это создало благоприятные условия для антидемократических и капиталистических сил. Они добились своего: изменили положение в стране, и новое, военное правительство начало ликвидировать те демократические институты, которые были созданы под руководством Нкрумы. Гана твердо стала на капиталистический путь развития.

Помню приезд Нкрумы в Советский Союз. В то время мы с Микояном отдыхали в Крыму. Нкрума прибыл к нам с женой, арабкой из Египта. У нас состоялись приятные беседы с ним. Переворот был совершен тоже во время его поездки, по пути

в Китай[464]. Он летел на нашем самолете и вынужден был, узнав о событиях на родине, возвратиться, но вернуться в Гану не смог, так как ему было запрещено. Из СССР он вылетел в Гвинею. Тут президенту Гвинеи нужно отдать должное: Секу Туре принял его по-братски и даже провозгласил вице-президентом Гвинеи, создав для него высокое общественное положение[465]. А в Гане доныне правительство проводит прозападный курс. Некоторые попытки вернуться к прежнему курсу не увенчались успехом.

Теперь скажу о Мали[466]. После завоевания независимости к руководству в Мали пришли прогрессивные силы. Президентом страны стал Модибо Кейта. Тоже очень интересный человек, умный политик, внешне огромный. Помнится, как после его выступления на митинге в Москве мы с ним обнялись. Я почувствовал, что попал в объятия медведя. Потом я видел заснятую тогда фотографию, и она всегда вызывала у меня улыбку. Кейта по объему, весу и росту – просто великан. Когда был у нас, то он довольно громко (а потом и в своей стране) заявлял, что Мали станет развиваться по пути научного социализма и что это единственно правильный путь для его республики.

К сожалению, внутри страны ему не удалось создать для себя прочное положение и обезвредить антисоциалистические силы. Там тоже был совершен переворот, Кейту отстранили от власти. Не знаю, где он сейчас находится и жив ли. Он был очень хорошим нашим другом. В данное время мне неизвестно, какую социальную позицию занимает правительство Мали. Вижу лишь, что антисоциалистическую, а значит, и антисоветскую. Если бы оно занимало другую позицию, тогда не появилось бы причин для свержения такого прогрессивного президента.

Несмотря на то что в Гане и Мали демократические силы потерпели поражение, а их прогрессивные руководители были свергнуты, я, как коммунист, глубоко уверен, что все-таки и там правда восторжествует, что вырастут новые силы, которые пойдут верной дорогой, используя марксистско-ленинскую теорию и опыт социалистических стран, где эта теория применяется на практике.

После завоевания независимости народами Сомали[467] у нас с этой страной тоже сложились хорошие отношении. К нам приезжала оттуда правительственная делегация, и мы решили оказывать Сомали, как и другим, всемерную помощь. Когда сомалийцы попросили у нас оружие, мы предоставили его на льготных условиях. Севернее Сомали располагалась Эритрея[468], прежняя итальянская колония, потом попавшая под контроль англичан. Когда подошел срок получения ею независимости, у

сомалийцев разгорелся аппетит. Сомалийская республика захотела, чтобы Эритрея вошла в ее состав, поскольку там тоже живут сомалийцы – тот же народ, разделенный колонизаторами. Эфиопия[469] же стремилась включить Эритрею в свой состав и тоже доказывала исторические права на нее[470].

Когда мы дали оружие правительству Сомали, это обеспокоило Эфиопию. Ее император Хайле Селассие I[471] обратился к нам с просьбой не вооружать Сомали и с пониманием отнестись к доказательствам о принадлежности Эритреи к Эфиопии. Для нас сложилось довольно деликатное положение: с одной стороны, мы сочувствовали новому правительству Сомали, с другой стороны, у нас были очень хорошие, исторически дружественные отношения с Эфиопией. Мы не хотели сталкивать эти две страны, и нам пришлось проявлять дипломатическую гибкость. Из материалов печати я узнал, что недавно в Сомали произошел военный переворот[472], там пришло к власти довольно прогрессивное руководство, заявившее, что оно будет строить политику на основе научного социализма и проводить курс на дружбу с СССР. Как теперь обстоит дело с Эфиопией? Конечно, возникли новые сложности.

В то время, когда я входил в советское руководство, установились хорошие отношения с Марокко[473]. Я встречался с наследным принцем, потом ставшим королем Хасаном II[474], во время своей поездки на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Я возглавлял тогда советскую делегацию, а он прибыл как представитель главы государства Марокко. У нас с ним состоялась краткая беседа, которая потом имела хорошие последствия. В Марокко пригласили нашу официальную делегацию, ее возглавлял председатель Президиума Верховного Совета СССР Брежнев[475], который был принят покойным ныне королем Мохаммедом V.

Эти контакты содействовали укреплению наших добрых отношений. Мы с симпатией относились к молодому государству Марокко. Следует отметить, что после завоевания независимости Алжиром Марокко предъявило ему свои претензии на некоторые пограничные районы. Создалось впечатление, что между ними может развернуться вооруженный конфликт. Наши симпатии оставались больше на стороне Алжира, но для нас их спор все же породил трудности. К общему удовлетворению, вооруженного конфликта не произошло, вопросы разрешили дипломатическим путем.

Марокко при Хасане II стало проводить особую политику. Оно придерживается монархических политических взглядов, стоит на капиталистическом пути развития, оставаясь подлинно

независимой страной, освободившейся от колонизаторов. Хотя оно занимает эту особую позицию, однако в борьбе арабских народов против Израиля сочувствует общеарабской линии, конкретно в этой борьбе не принимая непосредственного участия, что, видимо, отражает личные симпатии короля. Нам надо строить дружественные отношения с Марокко. Правители не вечны, а их страны остаются… Мы бы хотели, конечно, чтобы и в Марокко победил социалистический строй. А пока пусть там правит король. Дальнейшее покажет история.

Мы придерживаемся политики невмешательства во внутренние дела других стран, и тому подтверждение – наши хорошие отношения с освободившимися странами, которые придерживаются капиталистической ориентации. У нас хорошие отношения с нашими соседями-королевствами, например, с Афганистаном. Основы были заложены в первые годы создания независимого афганского государства еще Лениным. Он установил дипломатические отношения и признал это государство. При Сталине они пребывали в замороженном состоянии. Только после смерти Сталина мы добились изменения положения, наши отношения стали самыми теплыми, дружескими. Я очень доволен, что в то время, когда я был в составе руководства, мы добились коренного перелома.

Октябрьская революция, разгром гитлеровской Германии и особенно успехи Советского Союза после Второй мировой войны, прогресс в развитии промышленности, науке, в космосе приковывает все большее внимание в мире к научному социализму, к социалистическому пути развития. Народы, освобождающиеся от колониального гнета, все больше и больше убеждаются, что единственно правильный выбор – это покончить с капиталистической системой и переходить на новый, социалистический путь. Социализм теоретически обоснован Марксом, Энгельсом и Лениным и на практике осуществляется Советским Союзом и другими социалистическими странами. Видимо, рано или поздно все народы встанут на этот путь, ибо он единственно правильный путь для трудового народа: для рабочего класса, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции.

Часть XI. Запад и мирное сосуществование

Мирный договор с Австрией

После смерти Сталина у нас остался неподписанным мирный договор с Австрией. Хотя Австрия сама, в старом ее понимании, не воевала с нами, но она входила в состав Германии, когда Гитлером была начата война против СССР. После разгрома фашизма Австрия была вновь выделена в самостоятельное государство, и с ней следовало заключить отдельный мирный договор. Помню, как еще при жизни Сталина велись соответствующие переговоры с правительством Австрии. Все вопросы были уже согласованы, так что договор был подготовлен к подписанию. Однако к моменту, когда был подготовлен такой проект, обострились наши отношения с Тито. Вернее будет сказать, дело состояло в том, что не был решен вопрос о вхождении Триеста[476] в состав Югославии.

Некоторые детали я сейчас не припоминаю. Однако мирный договор с Австрией при жизни Сталина так и не был подписан. Решать этот вопрос пришлось потом нам. Затруднения с подписанием текста отложились у меня в памяти именно в связи с Триестом. Мы считали, что Триест должен входить в югославское государство, а западные страны настаивали, чтобы он вошел в итальянское государство. Потом они согласились объявить Триест вольным городом, но под протекторатом все же Италии. Сталин на это не пошел, и мирный договор с Австрией не был подписан, хотя других вопросов, которые сдерживали бы нас, не существовало.

Мы сами тяготились устаревшими отношениями, которые существовали между Австрией и СССР. Ведь наши страны формально находились в состоянии войны. Следовательно, их контакты не могли нормально развиваться. В Вене нашего посольства не имелось. Правда, мы в нем особенно не нуждались, поскольку наши войска находились в Вене, и мы к тому же все еще оккупировали значительную часть Австрии (по-моему, четверть страны). Тогда между США, Англией, Францией и СССР были разделены на зоны оккупации как Германия, так и Австрия. Берлин и Вена тоже были разделены на такие зоны-секторы.

В Австрии у нас имелась собственность – заводы, которыми мы управляли и где вели хозяйственную деятельность. Они ранее принадлежали германским капиталистам и были после войны конфискованы. Все это тоже усложняло дело. Надо было решить, как поступить с этой собственностью. На заводах трудилось довольно много рабочих, хотя, как правило, заводы были не крупными, а скорее мелкими или средними. Их оборудование и

технология устарели, и без реконструкции там невозможно было достичь высокой производительности труда и вести производство на хорошем экономическом уровне, чтобы получать прибыль и обеспечивать высокую оплату труда. А иначе мы не могли поступить, как социалистическая страна, имеющая собственность, где работают австрийцы. Негоже, чтобы эти рабочие зарабатывали меньше, чем трудившиеся на капиталистических предприятиях. Для нас возникла довольно серьезная проблема. Выжать достаточно из устаревшего оборудования мы никак не могли, да и с капиталистами конкурировать на такой базе было сложно. У них имелись опыт управления и высококвалифицированные руководящие и инженерно-технические кадры. Собрали мы туда все лучшее, но наиболее крупные специалисты ушли от нас на капиталистические предприятия, потому что лично выступали против социалистической системы.

Встречались мы и с «волынками». Коммунистическая партия Австрии делала все, чтобы смягчать взаимоотношения рабочих и нашей администрации, если возникали обострения. Удавалось избегать серьезных столкновений на почве заработной платы, норм и расценок. Однако общее положение оставалось ненормальным. Нам следовало бы показывать образец ведения хозяйства на социалистических предприятиях, с меньшим количеством работающих и меньшей интенсивностью физического труда, добиваясь большей производительности на основе современной техники. Встал вопрос: далее толково вести хозяйство на существующем техническом уровне нельзя, нужна реконструкция, требуется переоборудовать заводы, переоснастить их новым станочным оборудованием, создать новую технологию.

И тогда у нас возникло сомнение: нужно ли нам в Австрии вообще иметь свою собственность? Ведь может создаться невыгодное впечатление у общественности при сравнении условий труда на предприятиях, которые принадлежат социалистическому государству, с условиями работы на современных, оснащенных новым оборудованием капиталистических предприятиях, где существовали условия, необходимые для ведения хозяйства на высоком уровне. Вкладывать капиталы в переоснастку наших заводов мы не торопились, ибо сомневались в целесообразности таких действий. Может быть, нам вообще стоит избавиться от собственности, продать предприятия австрийскому государству? У кого первая такая идея возникла, не помню. Но постепенно она овладела нами, и мы все больше склонялись к продаже наших предприятий в Австрии.

Беспокоило нас и пребывание советских войск в Австрии. Ведь мы развернули усиленную борьбу по обеспечению мирного сосуществования стран с различными социальными системами, значит, и за вывод войск с чужих территорий. А тут, оказывается, сами имеем войска в Австрии, которая не была зачинщиком войны. Поэтому к ней сложилось особое отношение у держав-победительниц, в том числе Советского Союза. Но мирного договора нет, и в Вене сидит наш комендант, находятся оккупационные учреждения. Это порождает трения с населением и с правительственными чиновниками, хотя население в целом относилось к нам хорошо. Не помню, чтобы поступали какие-либо донесения о враждебном отношении австрийцев к советским войскам. Да и войска наши вели себя как должно: не вмешивались во внутренние дела Австрийской республики, занимались только своим делом. Их деятельность не вызывала нареканий и не порождала обострений. Тем не менее мы понимали, что войска на территории чужого государства – это не дар Божий, а вынужденная мера, вызванная войной. Однако война вот уже сколько лет как кончилась, а мы никак не решим вопрос об оформлении результатов окончившейся войны и заключении мирного договора. У нас не было никаких серьезных причин не подписывать мирный договор с Австрией.

Сталин сам не раз поднимал этот вопрос. Кроме Сталина, никто такие вопросы не мог тогда поднимать, за исключением, может быть, Молотова[477], пока он оставался министром иностранных дел СССР, то есть до Вышинского[478]. Сталин говорил: «Зря мы не подписали мирный договор. Зачем нам надо было откладывать подписание? Напрасно мы поступили так из-за Триеста, ведь теперь вопроса о нем не существует». Теперь Сталин уже не хотел, чтобы Триест отошел к Югославии, ибо был озлоблен против Тито до невозможности. Готов был даже начать войну с Югославией. Думаю, что он кое о чем на этот счет размышлял, хотя я никогда не слышал прямых разговоров насчет военного нападения на Югославию. Но засылку агентуры и демонстрацию силы Сталин начал проводить сейчас же после разрыва с Тито. На данную тему велись разговоры в Политбюро, на даче Сталина, но не обсуждались дела на каком-то официальном заседании.

В тот период жизни Сталина вообще уже никаких крупных заседаний не было. Как мы понимали официальное заседание? Избирается секретариат, ведется протокол постановки вопроса, его обсуждения, обмена мнениями, принимается решение. Ничего этого не было. Сталин был всемогущим богом, окруженным архангелами и ангелами, который мог их слушать, если хотел. Но

главное, чтобы они его слушали и делали то, что он говорит, чего он хочет. Так решались все вопросы, и к этому у нас уже все привыкли, и «наверху», и в народе. Претензий не возникало. Изредка по какому-либо вопросу кто-нибудь выскажет свое мнение. Сталин мог учесть это мнение, а иной раз гаркнуть, и довольно грубо: «Куда, мол, лезешь? Ничего не понимаешь в этом деле!» Он сам решал все так, как считал нужным, решение потом оформлялось через аппарат Совета Министров СССР или ЦК партии. Все международные вопросы таким же образом шли по линии Министерства иностранных дел через Молотова, потом через Вышинского. В результате появлялась какая-нибудь нота МИД или «газетное подхлестывание» со стороны ТАСС. Одним словом, приводились в действие государственные рычаги, чтобы повлиять в нужную сторону, в свете понимания вопроса Сталиным, на выбранный объект, на ту страну, против которой или в защиту которой готовились документы.

Когда Сталин умер, наша лодка плыла по прежнему руслу, им проложенному, хотя все мы чувствовали, что это ненормально. Касательно мирного договора с Австрией у меня тоже возникла мысль, что надо кончать с этим делом. Молотов, опять ставший мининдел, не проявлял инициативы, и я решил взять ее на себя. Прежде всего обменялся мнениями с Микояном, поскольку считал его опытным и разумным человеком. С ним интересно было обмениваться мыслями, а другой раз и поспорить по вопросам международной политики или по внутренним проблемам.

Я спросил Микояна: «Как ты, Анастас Иванович, смотришь на вопрос о заключении мирного договора с Австрией?» Выяснилось, что он рассуждал так же, как я. Не помню, в это ли время советовался я с Маленковым. Но у меня сложилось убеждение, что нельзя более в этом вопросе ограничиваться разговорами и тянуть, что ненормальность следует ликвидировать, срочно заключив мирный договор с Австрией, вывести оттуда наши войска. Тем самым развязать себе руки, чтобы в полный голос вести пропаганду против военных баз США, которые разбросали свои войска по разным континентам и странам и вели агрессивную, жандармскую политику в отношении стран, находившихся в сфере их влияния, сохраняя на их территории и военные базы. Чтобы говорить в полный голос, организовывать общественность всего мира на борьбу против таких порядков, нам самим следовало увести свои войска с чужих территорий. Вопрос в первую очередь встал об Австрии. Германия занимала тут особое положение. Австрия же была вовлечена в войну, тогда как Германия по своей инициативе начала ее.

И я обратился к Молотову: «Вячеслав Михайлович, хочу с

тобой посоветоваться. Как ты смотришь на заключение мирного договора с Австрией? Следовало бы приступить к переговорам с австрийским правительством, уточнить детали и подписать такой договор». Последовавшей реакции я не ожидал: Молотов очень резко отреагировал на мое обращение, доказывая, что нельзя подписать мирный договор, пока у нас существуют разногласия с США по Триесту. Я ему: «Надо бы прийти к какому-то решению и устранить все препятствия, ты и сам это знаешь. Нечего ссылаться на Сталина, он в последний год своей жизни неоднократно поднимал вопрос о мирном договоре с Австрией». Правда, он поднимал сей вопрос в то время, когда Молотов уже не входил в круг людей, которые постоянно бывали у Сталина.

После XIX съезда партии Молотов вообще был исключен из ближайшего сталинского окружения. Сталин с ним теперь не только не беседовал, а вообще не терпел его присутствия. Молотов сначала появлялся на даче у Сталина сам, без приглашения, по старой памяти. Некоторые из нас, старых членов Политбюро, содействовали этому и хотели как-то примирить их. Однако Сталин резко предупредил нас, чтобы мы бросили свои проделки и более подобного не устраивали: откуда иначе Молотов знает, когда и где мы находимся, и приходит без приглашения? И мы перестали Молотову и Микояну сообщать, когда и где Сталин собирает нас. Они уже не приезжали, наступил полный разрыв. Поэтому Молотов мог, полагаю, не знать новой точки зрения Сталина на мирный договор с Австрией, которой тот придерживался в последние месяцы своей жизни. Однако полагаю, что еще до XIX съезда партии, когда Сталин общался с Молотовым, он высказывал соображения о необходимости ликвидировать состояние войны СССР с Австрией.

Итак, Молотов резко возражал. Известно, что он вообще был человеком резким. А когда убежден в своей правоте, то бывает не только резким, но и несдержанным. Его резкость проявлялась не в какой-либо оскорбительной форме, а в его страстности, в чувстве осознания правоты: именно так должно быть решено, как он думает! Возможно, он еще считал по-старому: что вы суете свой нос во внешнюю политику? Я стал политическим деятелем значительно раньше, чем вы ступили на эту стезю, прошел большой путь как министр иностранных дел, столько раз встречался и вел переговоры с крупнейшими государственными деятелями по всем вопросам, определяющим жизнь нашей страны. И вдруг сейчас, после смерти Сталина, вы не прислушиваетесь ко мне, а навязываете свои идеи, неправильные и вредные.

Я вновь говорю ему: «Вячеслав Михайлович, ты выслушай спокойно. Я не понимаю твоих аргументов, они для меня не убедительны. Повторяю: надо подумать о заключении мирного договора с Австрией». В то время я был уже первым секретарем ЦК партии, и мой голос был весомым. Само мое положение обязывало меня теперь проявлять инициативу. И я начал настаивать: «Не понимаю отсрочки, вопроса о препятствии сейчас нет». К тому времени проблема Триеста была согласована с Югославией, и Тито отказался от претензии на него, согласившись, что Триест должен войти в состав итальянского государства. Кажется, Югославия уже заключила на этот счет какой-то договор с Италией. Таким образом, вопрос был практически решен. Спор, из-за которого мы не подписали в свое время договор с Австрией, не имел под собой почвы. Главные заинтересованные в этом деле государства сами между собой договорились. Молотов, конечно, знал это. Однако такая черта поведения как раз была характерна для него. Он – как заведенная пружина. Если ее натянуть, то будет работать, пока крутятся шестеренки и движутся маховики. Пока не выйдет весь завод пружины. Очень угловатый, негибкий в своем мышлении человек.

«Товарищ Молотов, нельзя же так подходить к решению вопросов! Здесь мы проявляем просто бычье упорство. Вопроса-то нет, он снят и не существует более, ведь заинтересованные страны договорились между собой. Как же мы можем сейчас выступать с позиции сталинских времен, утверждая, что не подпишем мирного договора с Австрией, пока Триест не будет включен в состав югославского государства? Югославия отказалась от претензий на Триест, а мы – против?» Однако ничего не помогало, и пришлось нам решать вопреки позиции, которую занимал министр иностранных дел СССР. Сейчас это звучит настолько неправдоподобно, что люди, которые будут знакомиться с моими записями, могут усомниться. Я, как некогда поступали верующие в подтверждение правильности изложения своих слов, клянусь на Евангелии! Человек я неверующий и Евангелия не признаю. Не признавал его, когда еще и не был членом партии. Всегда был атеистом. Но в народе привыкли пользоваться таким доказательством.

Дело, однако, состоит даже не в моей аргументации. Просто любой здравомыслящий человек может сказать: «Хрущев, видимо, несколько злопамятен и поэтому приписывает такую ересь Молотову. Молотов-то не глупец, как же он мог отстаивать такую ересь?» К сожалению, все было так. В свое время я с очень большим уважением относился к Молотову. Он при жизни Сталина был в моих глазах смелым и принципиальным

человеком, который иной раз подавал голос против позиции Сталина, причем не раз в мою строну, когда Сталин проявлял вспыльчивость в отношении меня. Бывало и наоборот.

Так, когда я работал на Украине в 1939 г., Вячеслав Михайлович уговаривал меня перейти на работу в Совнарком СССР и стать его заместителем. Он работал тогда в течение ряда лет председателем Совета народных комиссаров. Я уговаривал его не делать этого. Он обратился к Сталину, уговорил Сталина, Сталин согласился. Тогда подействовал только мой последний аргумент: перемещение нецелесообразно, потому что мы приближаемся к войне, она вот-вот разразится. А я уже привык к Украине, и Украина привыкла ко мне, а тут придет новый человек, зачем это делать? Возникнут трудности для человека, который еще не узнал Украины. Сталин согласился со мной и сказал Молотову: «Брось, Хрущев прав, пусть остается на своем месте». Вот какие у нас были отношения. Потом, после XX съезда КПСС, они вылились в другую форму, но не я был инициатором, не я виновник тому.

К резкости суждений в своем кругу мы ранее уже привыкли за время совместной работы с Молотовым. Однако к слову «тупость» я отнесся бы осторожно. Эту характеристику Молотову нам навязывал Сталин. Он, бывало, взбесится в словесной схватке с Молотовым, и тогда это слово выступало его последним аргументом. Мы порой в какой-то степени были согласны с этим. Конечно, такой вопрос не обсуждался между нами и Сталиным, но иной раз Молотов действительно проявлял невероятное упорство, вплоть до тупости. Так получилось и в австрийском вопросе. Я понял, что с Молотовым договориться мне не удастся, и предложил: «Поставим проблему на Президиуме ЦК, обсудим, учтем твою точку зрения, там ты ее выскажешь. Но вопрос будем решать, потому что далее тянуть не следует. Затяжка с заключением договора наносит нам только вред. Это не идет на пользу нашей международной политике, не помогает улучшению наших отношений с Австрией, с австрийским народом».

Молотов опять начал доказывать, что мы должны продолжать старую политику. Но до каких пор? О Триесте он уже не упоминал, отпал этот довод. Ведь нам бы сказали: «Позвольте, какое вам дело? Вопрос о Триесте касается двух государств – Италии и Югославии, они договорились, а вы-то чего суете туда свой нос?» В ответ нам возразить было бы нечего. И я спросил Молотова: «Ты считаешь необходимым сохранить наши позиции в Вене и на австрийской территории с тем, чтобы подготовиться получше и начать войну?» – «Нет, – говорит, – этого не хочу». Однако мог оставаться в качестве возражения лишь повод

подготовки к войне. Если готовиться к войне, то, конечно, не следовало заключать мирный договор с Австрией. В этом случае наши войска оставались бы на австрийской территории, мы через Вену были близки к Италии и к границам других западных держав, которые прежде были нашими союзниками, а теперь стали противниками. Такая аргументация была бы веской. Зачем выводить войска, а потом проливать кровь, чтобы занимать те же рубежи? Уже сейчас мы имеем хорошие исходные рубежи для нанесения военного удара. Однако Молотов ответил: «Нет, войны я не хочу». – «Но если ее ты не хочешь, а я тоже этого не хочу, то и не ставлю такой задачи, а поэтому предлагаю заключить мирный договор».

В проекте договора мы вместе с нашими союзниками по борьбе против Гитлера брали на себя обязательство вывести войска с австрийской территории. Тем самым надеялись создать более мягкий климат в международных отношениях, укрепить свои позиции на международной арене в борьбе за обеспечение мира, мирное сосуществование. Проявляя инициативу и демонстрируя добрую волю, хотели приобрести еще больше сторонников и союзников в борьбе против агрессивных сил. Главным образом, нам противостояли тогда США. Я не сказал бы, что французы проявляли какую-то ретивость и агрессивность. США пугали французскую общественность, людей в других странах советским пугалом, тем, что мы, дескать, хотим завоевать весь мир. Я повторил Молотову: «Если ты тоже не преследуешь цели начать войну, то самое разумное – покончить с остатками второй мировой войны хотя бы на территории Австрии и подписать мирный договор». Он – ни в какую!

Поставили мы этот вопрос на Президиуме ЦК, обсудили всесторонне. Высказал свою точку зрения Молотов, высказал я. Ранее я говорил об этом не раз с другими членами Президиума ЦК, Молотов – тоже, поэтому наши точки зрения были известны. Но с Микояном[479] я более подробно обменялся мнениями перед заседанием, и он первым поддержал меня. Я уже говорил, что уважал проницательный ум Анастаса. По проблемам взаимоотношений государств им был накоплен большой опыт. Сталин неоднократно посылал его за границу. Я же не имел опыта международных контактов. И я, и многие другие после смерти Сталина, если можно так выразиться, оказались в положении той Дуньки, которая (в пьесе «Любовь Яровая»)[480] готовилась уехать в Европу. Анастас Иванович в нашей среде был той Дунькой, которая уже побывала и в Европе, и в Америке. Поэтому я считал необходимым учитывать его мнение по тем или другим вопросам. Чаще всего у нас с ним точки зрения

совпадали.

Наконец, мы все договорились, что мирный договор надо заключить. Подготовили соответствующие документы. Завязали переговоры с правительством Австрии. Прежде чем выступить открыто, по дипломатическим каналам согласовали свою позицию с лидерами других социалистических стран. Подписание мирного договора с Австрией интересовало всех, хотя напрямую затрагивало только Венгрию и Югославию. С Югославией у нас братских контактов уже (и еще) не было, их разорвал Сталин[481]. Венгрия же – наш союзник и друг, но территориальных споров между Венгрией и Австрией тогда не существовало. Имелись зато пограничные споры у Югославии с Австрией относительно какой-то небольшой территории[482], на которую претендовала Югославия. До конфликта с Тито эти претензии Югославии к Австрии учитывались в нашей политике, и мы их, конечно, поддерживали. Впрочем, теперь нас это не касалось, потому что Югославия не уполномочивала СССР отстаивать ее интересы.

Забыл сказать, что мы проинформировали по этому вопросу Коммунистическую партию Австрии. Ей мы подробно рассказали обо всех наших соображениях, с тем чтобы КПА была всесторонне подготовлена к выводу наших войск и обретению Веной полной независимости. Мы заверили, что подпишем мирный договор и будем выводить свои войска, однако при условии, что другие страны, которые являются, как и мы, оккупантами австрийской территории, тоже выведут свои войска. У руководства КПА не только не возникло никаких возражений, но мы встретили полное понимание нашей позиции. Коммунисты говорили нам: «После вывода советских войск из Австрии мы будем сильнее. На нас сейчас всех собак вешают, что мы, мол, опираемся на Вооруженные Силы Советского Союза и не являемся партией рабочего класса, которая занимает независимую позицию, а служим какими-то агентами СССР, выполняем его поручения». Мы были довольны такой реакцией, так как хотели, чтобы компартия Австрии понимала, что мы не хотим нанести удар ее политике.

Предприняли также шаги по дипломатическим каналам и вступили в переговоры с австрийским правительством для подготовки к заключению договора. Прошло какое-то время от постановки вопроса до того, как мы окончательно договорились по всем пунктам. Теперь все пути были расчищены, и мы приступили к конкретным переговорам. Какие возникли мелкие детали дела, сейчас не помню. Ведь они всегда бывают, когда документ согласовывают по пунктам. Помню только коренной для нас вопрос: чтобы Австрия взяла на себя обязательство

проводить политику нейтралитета, неприсоединения к военным блокам и не позволяла создавать какие-либо военные базы на своей территории. Мы приводили в пример Швейцарию и Швецию, и Австрия должна была объявить, что будет придерживаться нейтралитета по их образцу. Сейчас не скажу, записано ли это было в документе или существовала личная договоренность, что за образец берется политика этих двух стран.

Австрия не сразу заняла такую позицию. Ее представители доказывали, что Австрийская республика воевать не собирается и не помышляет об этом, что в своей политике будет руководствоваться мирными устремлениями и строить хорошие отношения со всеми странами, но взять на себя официальное обязательство не хочет. На первых порах переговоров австрийская сторона проявляла сдержанность: не то чтобы была открыто против, но осторожничала. В конце концов Вена согласилась, и текст был согласован между двумя правительствами через министерства иностранных дел.

Тогда правительство Австрии возглавлял Юлиус Рааб[483], лидер самой главной буржуазной партии. Однако правительство было не однородным, а коалиционным с социал-демократами. Социал-демократы занимали в парламенте меньше мест, но тоже были солидной силой. Заместителем премьер-министра был социал-демократ Бруно Крайский[484]. Я встречался с ним не раз. Он приезжал в Москву, когда мы завершали переговоры о мире. Подписывался же мирный договор в Москве Раабом. Здесь, когда мы встретились уже на высшем уровне с правительственной делегацией Австрии, «дожимался» окончательно вопрос о нейтралитете. Рааб согласился, а социал-демократы через его заместителя и ранее поддерживали такую линию.

Социал-демократы вообще с пониманием относились к нашей позиции. Никакого их сопротивления или даже негативного оттенка, который отложился бы в моей памяти, не припомню. Видимо, еще раньше они между собой все обговорили и выступали теперь единым фронтом, разногласий между ними не ощущалось. И при личных беседах, которые я и другие руководители Советского государства вели в отдельности с Раабом и с его заместителем, тоже ощущалось полное их единство по вопросу заключения мирного договора. Беседы наши проходили на дружеской основе. Я с уважением относился к Раабу. Это был буржуа, но обладавший гибким умом. Он не только понимал необходимость терпеть существование Советского Союза как социалистического государства (от него сие не зависело), а и вообще не проявлял такой нетерпимости, как Черчилль и другие тузы капиталистического мира. Конечно, он

оставался капиталистом и был настроен против коммунистов, против марксистско-ленинской теории, однако мирился с существованием различных общественных укладов и довольно гибко подходил в переговорах к решению вопроса, который интересовал оба государства. Когда мы окончательно договорились, Рааб и его заместитель буквально сияли. Наконец-то они получают полную независимость, из Австрии выводятся все иностранные войска.

Прежде чем встретиться с делегацией Австрии, нам пришлось провести переговоры с США, Францией и Англией об их присоединении к мирному договору. Они тоже должны были взять на себя обязательства вывести войска и, главное, признать обязательство Австрии о нейтралитете. Это было наше существенное требование. Пошли переговоры. В памяти у меня отложилось, что на первых порах не все шло гладко. США занимали, по-моему, ту позицию, что обязательство, принятия которого мы требуем, навязывается австрийскому правительству: вроде бы лишаем Австрию самостоятельности в ее государственных решениях. Однако мы доказали, что запись о нейтралитете полезна, потому что Австрия – маленькая страна, а географическое ее положение таково, что ей самой выгоднее держать нейтралитет и именно тем самым сохранять свою независимость. Нейтральная Австрия сможет создавать равные условия для контактов со всеми странами, которые захотят иметь с ней и дипломатические отношения[485], и экономические на коммерческой основе. Далее, запись о нейтралитете обезопасит Австрию от каких-либо других соглашений, которые действительно бы нарушали суверенность австрийского государства, превращая его в плацдарм чужих вооруженных сил. Рааб и другие члены австрийского правительства быстро поняли это. Так как они с нами согласились, это облегчило защиту нашей позиции в переговорах с США, Англией и Францией. В конце концов былые союзники тоже согласились.

Я тогда считал и сейчас считаю, что это была большая наша победа на международной арене. Мы, руководители Советского государства, были очень довольны, что именно по нашей инициативе достигнута договоренность великих держав по столь сложному и важному вопросу. Чтобы те, кто читает этот текст, лучше поняли мои личные чувства, им надо иметь в виду, что Сталин при первой возможности и при любых разговорах о взаимоотношениях СССР и капиталистического мира все время внушал нам, что мы котята, телята, ничего не смыслим, нас иностранцы обведут вокруг пальца, и мы поддадимся их нажиму. Ни разу он не высказал никакой уверенности в том, что мы

сможем достойно представлять свое социалистическое государство, защищать его интересы на международной арене, отстаивать их, не нанося нам ущерба, строить на равноправной основе отношения между государствами так, чтобы укреплялся мир.

Австрия оказалась для меня и всех нас пробным шаром, демонстрацией того, что мы можем вести сложные переговоры и провести их хорошо. Мы отстояли интересы социалистических стран, вынудили капиталистические страны, которые проводили агрессивную политику, согласиться с нашей позицией, подписать мирный договор с Австрией, вывести оттуда свои войска. В результате она стала нейтральным государством и официально провозгласила нейтралитет. Это обязательство было не только правительственной декларацией, декларацию одобрил и австрийский парламент. Я и мои коллеги внутренне праздновали победу. Выезд Дуньки в Европу оказался успешным, с демонстрацией того, что мы ориентируемся в международных делах и без сталинских указаний. Если образно говорить, то мы в своей международной политике сменили детские штанишки на брюки взрослых людей. Наш успешный дебют был признан не только в СССР, но и за рубежом, что тоже имело большое значение. Мы ощутили свою силу.

Но дело заключалось не только в этом. Ведь и злоупотребления Сталина властью, и загубленные жизни стольких честных людей, и неподготовленность к войне – все это при жизни Сталина, да и вначале после его смерти, подавалось как проявление мудрости. Даже в убийстве людей – тоже проявление «гениальности»: вот, он видел врагов народа, а другие, какие-то сосунки, не видели. Мы сами при Сталине себя так же оценивали. Потом уже узнали в полной мере, что тут была не мудрость, а тщательно рассчитанные поступки деспота, который сумел внушить многим и многим, что Ленин не разбирался в людях, не умел подбирать людей, а почти все, кто после его смерти возглавлял страну, оказались врагами народа. К сожалению, в эту чушь верили. Да и сейчас еще остались твердолобые, которые стоят на той же позиции, молятся идолу, убийце всего цвета советского народа. Наиболее рельефно отражал точку зрения сталинского времени Молотов. Если все это учесть, то заключение мирного договора с Австрией[486] явилось одновременно шагом к пересмотру наших позиций и в вопросе о роли Сталина. И мы его, как известно, пересмотрели.

Вот я сейчас диктую свои воспоминания и мысленно пробегаю все происходившие тогда события. Многое с позиций сегодняшнего дня выглядит просто невероятным. Если бы я не

был участником этих событий и часто даже инициатором, то мне трудно было бы представить их течение. Но я ни на каплю ничего не увеличиваю, а рассказываю лишь о том, что видел портретно и буквально. Хочу, чтобы наши потомки понимали бы, как мы жили, какие встречались трудности и как мы их преодолевали, и я хочу это показать на конкретных лицах и конкретных фактах.

Конечно, наряду с принципиальными в памяти сохранились и мелкие, незначительные факты. Помню, например, такой эпизод. После переговоров с австрийцами сидели мы за обедом. Рядом со мною – Рааб. После обеда объявили, что подают кофе. По европейской традиции, к кофе обязательно полагается ликер или коньяк. Рааб был человеком тучным, с большим лицом и круглой головой. Мы с ним разговаривали за кофе о пустяках, о главном-то уже договорились. Я ему: «Первый раз в жизни, господин Рааб, мне доводится сидеть рядом с капиталистом. Мне приходилось встречаться со слугами капитала, когда я был рабочим. Случались у нас забастовки на предприятиях, на которых я трудился. А я пользовался доверием своих товарищей, и меня включали в состав комитета, который руководил забастовкой и вел переговоры с администрацией. Там я встречался нос к носу со слугами капиталистов. Владельцы предприятий были слишком крупными фигурами и жили в Петербурге или еще где-то там, мы их никогда и не видели. А вот сейчас я сижу за одним столом с живым капиталистом и, как говорится, могу его даже пощупать». Рааб смеялся (и он, и другие участники стола понимали шутки) и отвечал: «Господин Хрущев, вы правильно говорите: конечно, я капиталист, но маленький капиталист, даже очень маленький». – «Да, вы “кляйн”, маленький капиталист, но все-таки капиталист. На вас трудятся рабочие, а я-то рабочий. Будь я австрийцем, я бы, возможно, работал у вас». – «Но, видите, – говорит Рааб, – даже мы можем прийти к соглашению. Капиталист и рабочий договорились и вместе сделали хорошее дело». Все кончилось добрым тостом.

Разговор с заместителем Рааба Крайским мне тоже понравился. С ним можно было беседовать запросто. Сам он, по-моему, вышел из рабочих, но уже был, так сказать, тренированным человеком. Вспоминаются и его шутки. Я ему: «Поддерживаю идею вашего начальника, маленького капиталиста господина Рааба!» Он мне: «Товарищ Хрущев (ведь ко мне обращался товарищ по рабочему движению), да знаете ли вы, что такое – Рааб?» – «Нет, не знаю». – «А вам нравится Рааб?» – «Да, мы с ним делаем хорошее дело, полезное для наших народов и всего мира». – «Рааб по-русски – “ворона”». А Рааб смотрит на него и улыбается. Я продолжаю: «Ну и что? Вот мы делаем

хорошее дело с вороной, вы присоединяетесь?» – «Конечно, я целиком поддерживаю вас обоих». Эти шутки демонстрировали взаимную симпатию и непринужденность складывавшихся отношений. Да и в целом Рааб оставил по себе хорошее впечатление как буржуа, который понимал положение Австрии, значение Советского Союза, его роль в международной политике и верно ее оценивал. Это тоже имело для нас значение. Ведь всегда приятнее иметь дело с человеком, который тебя понимает.

После подписания мирного договора с Австрией мы еще больше почувствовали необходимость ликвидировать там свою собственность, что было сложно для нас еще и потому, что мы должны были учитывать интересы Коммунистической партии Австрии. Некоторые ее активисты работали на наших предприятиях и, естественно, пользовались там влиянием и поддержкой с нашей стороны. Мы не знали, как отнесутся к нашему намерению австрийские товарищи, правильно ли поймут нас, не будут ли настаивать, чтобы мы сохранили там свою собственность как базу, на которой они могут развертывать свою работу. Мы рассказали руководству КПА о своих намерениях, о том, что́ нас побуждает к такому решению: дальнейшее сохранение на существующем техническом уровне этих предприятий не дает возможности обеспечить соответствующую заработную плату. Если же на наших заводах заработная плата будет ниже, чем на предприятиях, работающих на условиях ведения капиталистического хозяйства, то это окажется дискредитацией социалистической системы и нанесет вред политической деятельности КПА. Или же мы должны будем вести дела себе в убыток, что тоже неприемлемо. Мы просили, чтобы австрийские товарищи правильно нас поняли. Представители КПА согласились с нашими доводами и поддержали наше решение.

Потом мы установили контакт с правительственными органами и повели переговоры на предмет продажи предприятий. Как же австрийское правительство отнеслось к этому? По-моему, у него сложилось двойственное отношение. С одной стороны, оно было заинтересовано, чтобы мы продали предприятия и вообще испарились с австрийской земли, включая наши штаты по управлению заводами. Это я говорю о позиции представителей буржуазных партий. Социал-демократы тоже были заинтересованы в приобретении наших предприятий Австрией. Но у них имелись и собственные интересы. Как мы узнали потом, социал-демократы хотели, чтобы эти предприятия не стали частными, а остались государственными. Затрудняюсь сделать вывод, какую пользу для себя они извлекли бы. Возможно, они

рассчитывали, что там будут расставлены социал-демократические кадры и заняты их люди. Возможно, считали, что смогут извлекать из этих предприятий какие-то материальные выгоды для своей партии. Все это только мои предположения. Во всяком случае, социал-демократы тоже проявили интерес к покупке предприятий у Советского Союза.

Сейчас не помню, на какой сумме мы сошлись, но она не была большой. Так мы продали тамошние предприятия и ликвидировали собственность, которую имели в Австрии. Теперь у нас не оставалось в Вене никакой собственности, кроме помещения, где размещалось посольство, в хорошем, добротном здании. Имелась еще и дача у нашего посла. Тоже хорошая. Позже, когда я был гостем австрийского правительства, то в выходной день гостил там у посла, очень вежливого человека, который к тому же был толковым дипломатом и твердым коммунистом[487]. После того как мы в Австрии развязали себе руки, это еще больше привлекло на нашу сторону симпатии общественности, даже стоявшей на буржуазных позициях. Они считали это знаком того, что русские ушли всерьез и не хотят вмешиваться в их внутренние дела. Хотя мы и раньше ни организационно, ни пропагандистски не занимались в Австрии антибуржуазной деятельностью. Ведь форма правления и порядки в стране есть внутреннее дело каждого народа. А компартия там сохранялась. Мы уходили из Австрии, уверенные, что марксистская пропаганда не будет прекращена, но вести ее там будем не мы, а коммунистическая партия, вышедшая из народа.

Информацию от КПА мы получали через наше посольство. Руководители партии не жалели, что мы продали предприятия. Они обрели теперь возможность шире разворачивать пропаганду на этих предприятиях с чисто классовых позиций. До того же у них было двойственное положение. Например, в случае недовольства рабочих. Поднимать ли их на стачку? Или если валяют дурака заводские бюрократы. Бюрократические извращения на предприятиях бывают во всех странах. Помню, когда в 1931 году я работал в Москве секретарем Бауманского райпарткома, у нас происходили настоящие забастовки. Да и позже возникали «волынки» на ряде предприятий, даже после Великой Отечественной войны, причем довольно неприятные. Они вызывались или низким заработком, или бюрократическими извращениями, а чаще всего – когда устанавливались новые расценки и нормы выработки. Такие кампании проводятся у нас каждый год и всегда они обостряют отношения рабочих с администрацией. Думаю, что доныне они проходят не везде гладко. Все зависит от разумности руководителей и влияния

партийной организации.

Конечно, сейчас уже не 1931 год! А когда только вводили нэп, случалось много забастовок. Установили новые расценки, ликвидировали вроде бы уравниловку, а в результате большесемейные практически ничего не получали. Трудное было время, особенно для многодетных. Был такой случай: забастовали рабочие Трехгорной мануфактуры, пошел туда Михаил Иванович Калинин[488]. Они его сами требовали, кричали: «Калиныча!» Я сам знаю, как это бывало. Когда я после Гражданской войны вернулся на рудники, на которых раньше работал, то тоже ходил с Абакумовым на шахту, где забастовали шахтеры. Они разделали нас «под орех», несмотря на то, что знали как облупленных и Абакумова, и меня. Ведь мы с ним работали еще до революции на той же шахте. А Калинина встретили галдежом: «Не знаешь ты, как мы живем. Теперь ты староста Союза, тебе-то что, а нам каково? Ты бы в нашей шкуре побыл!» – «Да что с ним говорить? Посмотри на него: сапоги целые, рубаха новая, имеет все, что надо, наверное, и пообедал, и выпил».

Михаил Иванович не растерялся: «Да, пообедал, и рюмочку выпил, и сапоги на мне новые. А вы бы как хотели, чтобы я, человек, который представляет Советский Союз, союзный староста, ходил в штанах с дырками на заду и светил задом? Ходил не в сапогах, а в лаптях? Тогда вы были бы довольны? Вам не стало бы стыдно? Одного старосту прокормить и одеть и то не можете? Что это за государство?» Тут другие голоса стали одергивать крикунов: «Правильно говорит Михаил Иванович». Но те не унимаются: «Как же, Михаил, семьи-то у нас неравные. Одно дело холостому, другое – семейным. Вот у меня сколько ртов, а работник я один!» Да, в то время это был очень острый вопрос. Я с ним тоже сталкивался, особенно часто в 1922 году, когда вернулся из Красной Армии.

Калинин ответил: «Да ведь это дело твое, и дети твои: ты их настругал, ты и корми!» Тут одни стали смеяться, другие возмущаться. Рабочий же не сдается: «Ты говоришь – настругал. Все люди этим делом занимаются. Керосину нет, темно, вот и занимаемся этим, в темноте не почитаешь. А потом дети рождаются. Их кормить надо, а заработки низкие». Опять все хохочут. Михаил Иванович продолжает перепалку, отбивается от нападающих. Другой ему кричит: «Да что ты ему втолковываешь, он старый, что понимает теперь в этих вопросах? Это мы молодые, а ему уже все равно!» Калинин: «Как это старый? Кто сказал, что я уже ничего не понимаю? Я еще разбираюсь в этих вопросах». Снова общий хохот. В конце концов Калинин уговорил рабочих, и они согласились, что надо работать; что пока не

хватает товаров и продуктов, чтобы удовлетворить всех рабочих и служащих. Поэтому надо больше и лучше трудиться, тогда будет больше товаров, а там и зарплата поднимется.

Когда подобные проблемы возникали у австрийских рабочих на предприятиях, где мы были собственниками, то КПА попадала в затруднение: с одной стороны, она поддерживала советскую администрацию, но с другой – такая позиция оборачивалась против австрийских рабочих. Когда же мы все продали[489], компартия во весь голос заговорила в защиту рабочего класса. Тогда встал вопрос и о продаже предприятий частным лицам. Естественно, на рентабельные предприятия капиталисты зарились больше. Возникли дебаты в австрийском правительстве, и голоса разделились: социал-демократы стояли за сохранение государственной собственности, коммунисты их поддерживали, а буржуазные партии занимали иную позицию. Не помню, как решился спор. Но руки себе мы развязали.

Вывели также свои войска из Австрии. Это стало большим торжеством для австрийского народа. Австрийцы, включая рабочих, были довольны, что мы вывели войска. Ведь ушли не только наши, но и американские, английские, французские войска[490]. В результате вывода иностранных оккупационных войск Австрия получила на деле полный суверенитет и сама теперь отвечала за состояние своих дел. А коммунисты обрели возможность возвысить свой голос и ставить в пример миролюбивую политику Советского Союза и пропагандировать коммунистические идеи. Одним словом, мы все были довольны. Я уже говорил, что Молотов возражал против договора с Австрией. Так как же он вел себя потом? И он был доволен. Увидел, что ошибался, стал принимать активное участие в переговорах с Австрией и в выработке условий мирного договора.

Через какое-то время Вена начала прощупывать нас, как мы отнесемся к приглашению посетить советской правительственной делегацией Австрию с визитом дружбы. Мы пришли к единодушному мнению, что такой визит будет полезен, и дали согласие. Возглавлять делегацию должен был председатель Совета Министров СССР. Когда велись переговоры, им стал уже я[491]. А в состав делегации входили министр иностранных дел Громыко и другие ответственные работники. Кажется, сопровождал меня и мой заместитель в правительстве Косыгин[492]. Он туда и отдельно ездил. Нам было интересно посмотреть на Австрию. Меня лично привлекала и возможность понюхать буржуазную атмосферу, самому почувствовать ее. Хотелось взглянуть на промышленное производство, поездить по стране, познакомиться с условиями жизни крестьян. Вообще у

меня возник интерес взглянуть на другие страны, особенно на ту, в которой мы были ранее оккупантами.

В Австрии я бывал и прежде. В 1946 году я попросил у Сталина разрешения выехать в Германию, в расположение наших войск, а оттуда проехал через Чехословакию в Вену. В Австрии нашими войсками командовал тогда генерал-полковник Курасов[493]. Он на меня производил впечатление образованного, культурного военнослужащего, знающего свое дело. Он хорошо понимал и свою политическую роль и правильно пользовался полномочиями, которыми был наделен как представитель Советского Союза и командующий оккупационными войсками в зоне. Курасов организовал для меня ознакомление с Веной. Меня интересовали городское хозяйство и некоторые заводы, которые производили предметы широкого потребления.

Все это происходило вскоре после войны, у нас ничего не было, и мы хотели посмотреть, как все делается в Австрии. Интересовала меня и керамика, особенно производство клинкера (а австрийцы делали прекрасный клинкер). Нам требовалось мостить дороги, и среди дорожников развернулась дискуссия, какое покрытие дорог прочнее, дешевле и долговечнее. Известно, что наиболее долговечна гранитная брусчатка, но она очень дорога. Некоторые специалисты предлагали организовать клинкерное производство, так как клинкерное мощение нарядно и долговечно. В связи с этим я посетил многие кирпичные заводы, но не нашел в Австрии хорошего клинкера. Зато отличный клинкер я увидел в Венгрии, восхищался им и сейчас вспоминаю добрым словом его производство в Будапеште. У себя клинкер мы все-таки не использовали. Подсчитали расходы, и выяснилось, что в современных условиях клинкер экономически невыгоден. Лучше и дешевле изготовлять бетонные плиты для мощения дорог. Качество цемента уже поднялось, и бетон везде пробивал себе дорогу.

Интересовался я и прачечными. У нас современных прачечных не имелось, все было организовано кустарно, на дедовских началах. В Австрии же действовали механизированные прачечные. Я посмотрел на них, испытал восторг, но мы тогда не могли такого организовать у себя, наша техника находилась не на высоком уровне. Показали мне также всяческие прелести Вены. Потом Курасов предложил мне поехать в ущелье неподалеку от столицы: «Там вы посмотрите канатную дорогу, которой пользуются туристы». Она функционировала, но командующий стал меня отговаривать: «Я вам не советую подниматься, дорога старая, война прошла, она ломалась, нет гарантии безопасности».

Я ему: «Так вы со мной не поднимайтесь, а я поднимусь. Ведь другие люди пользуются ею». Он устыдился, и мы поднялись на площадку для обзора, очень красивое место. Иначе и быть не могло, ведь тогда не было бы смысла строить подъемник: там была выбрана господствующая над местностью точка, окруженная красивыми горами, покрытыми зеленью.

Потом Курасов показал мне Шёнбруннский королевский дворец, очень богатый. В свое время я видел чудесный американский фильм «Большой вальс». В нем дается картина создания вальса Венского леса. Очень понравился мне этот фильм, а музыка Штрауса просто замечательная. Его действие разворачивалось как раз в Венском лесу. Дело в том, что Шёнбруннский дворец расположен рядом с лесистым парком. Побывал я и в роскошном дворце австрийских императоров эпохи барокко, осмотрел парк с фонтанами. Я долго восторгался его красотой. Там стояли уже английские и американские войска. Помню, когда мы проезжали мимо английских казарм, какое-то подразделение занималось военными приемами, шло обучение новобранцев. Я впервые увидел тогда шотландских стрелков в их юбочках. Меня сопровождали архитекторы и инженеры коммунального хозяйства из Киева. Мы с удовольствием смотрели на это зрелище и долго потом шутили над юбочками. Для нас все это было ново и необычно. Ездил же я тогда инкогнито, с удостоверением «генерала Петренко», и был я в военной форме, чтобы не привлекать особого внимания. Там наших военных было тогда полным-полно, и я среди них – просто еще один русский генерал.

Мы поехали и в американскую зону, здесь же, возле императорского дворца. Рассматривали окрестности в бинокль, некоторые стали фотографировать их. Американские войска строили трибуны и еще какие-то временные сооружения. Мне сказали, что они готовятся к своему национальному празднику. Когда наши люди стали фотографировать, немедленно появились мотоциклисты – американская армейская полиция. Но она к нам не подъехала, а остановилась на каком-то удалении и наблюдала за нашими действиями, не вмешиваясь. Здесь был наш командующий, это, видимо, их сдерживало, они увидели неприкосновенное лицо и откозыряли ему, так что мы получили возможность все внимательно осмотреть. Был я и в Венской опере, с хорошими голосами. Мне тоже очень понравилось. Опера находилась в американском секторе города, но представители стран-победительниц имели свободный проезд во все зоны, и никто нас не останавливал.

Вспоминаю и Венский лес с каким-то сооружением летнего

характера вроде ресторана. Командующий показал на выцарапанные настенные надписи. Некоторые фамилии показались мне знакомыми. Это расписались участники штурма Вены. После вступления в город каждый, видимо, считал своим долгом оставить автограф на стенах. Не знаю, как поступили потом в Вене: сохранились ли автографы или их вытравили. Там расписалось много наших Ива́нов. В целом зеленая и красивая Вена произвела на меня сильное впечатление. Теперь же я приезжал туда как глава Советского правительства и гость австрийского, уже на другом уровне. Правительство Австрии создало все условия, чтобы мы чувствовали себя как можно лучше и имели возможность побольше узнать, побольше увидеть и иметь побольше полезных бесед.

В Вену мы прибыли поездом через Братиславу. Встреча была соответствующей нашему положению, пышная. Потом начались официальные приемы и беседы. Они протекали в стандартном духе. В таких случаях в коммюнике пишут, что беседа проходила в дружественной обстановке и было проявлено полное взаимопонимание сторон. Но это соответствовало действительности, у нас не имелось каких-либо претензий к Австрии, как и у Австрии к нам. Мы встретились под сенью договора, заключенного между нашими странами, а там было определено наше стремление к обеспечению мира и мирного сосуществования. И все речи – застольные и на митингах – тоже звучали в том же духе. Затем нам организовали путешествие по стране. Сейчас, к сожалению, не могу припомнить маршрут, но был он очень интересным. Мы с удовольствием приняли предложение, и во мне остался прекрасный след о пребывании в Австрии. Это – сказочная страна. Там отличные дороги, очень красивые холмы, лужайки, заросшие зеленью, пейзажи, которые ласкают глаз.

Мы путешествовали в автобусе, специально изготовленном для экскурсантов. Я говорил потом, что и нам хорошо бы позаимствовать австрийский опыт, у нас таких автобусов не делают. Конструкция автобуса обеспечивала полный круговой обзор на 360 градусов. Там имелись только стойки, на которых держалась крыша, а все остальное было закрыто стеклом. Стекла удобно поднимались и опускались, обеспечивая вентиляцию. Была смонтирована и электрическая плита, на ней тут же готовились закуски. То есть было все, необходимое для путешествия. Автобус был предоставлен для поездки только нашей делегации, и народу собралось немного. Особенно я запомнил посещение Зальцбурга. Мэр города был левым социал-демократом. Мне говорили, что он с пониманием относится к

позиции коммунистов, участвовал в антифашистском Сопротивлении, партизанил. Левый человек на манер Запада – это не левый в нашем, коммунистическом понимании. Но в любом случае он оказался лучшим, чем многие другие социал-демократы.

Помню митинг в его городе. Наверное, весь город собрался. Мы выступали с балкона, народ прекрасно встречал нашу делегацию и хорошо реагировал на речи. Я тоже держал речь, хотя и речь стандартного направления: мир, безопасность, борьба против агрессии и за мирное сосуществование, каждый народ сам выбирает себе судьбу, а революция не экспортируется. Вот, примерно, о чем я говорил. Это отработанный нами стандарт, но правильный стандарт. Австрийцы с пониманием встречали наши слова, и, видимо, они с доверием относились к нашим речам, тем более что ощущали нашу искренность, это вызывало у них доверие.

Помню и посещение металлургического завода невдалеке от Вены. Австрия – небольшая страна, так что мы быстро достигали мест назначения. Завод по масштабам Советского Союза оказался малым, но меня очень влекло туда, ибо там выплавлялась конверторная сталь. Я много читал о ней, слышал доводы наших инженеров, сторонников этого вида производства, и мне было интересно посмотреть, как работают конверторы и насколько сложно оборудование. При показе завода особенно большое усердие прилагал заместитель премьера, социал-демократ, который нас сопровождал. Его поведение определялось тем, что австрийцы были заинтересованы в том, чтобы мы у них купили лицензию на конверторное производство стали и на оборудование для такого производства. Я был как раз большим сторонником покупки. Тогда я впервые увидел, как варят сталь в конверторе, и восхитился, а потом благодарил своих инженеров, сторонников прогрессивного метода производства, которые докладывали мне о нем и побуждали меня купить такое оборудование[494].

Не помню объем их конверторов. По современным масштабам он невелик, и потом я читал, что мы сейчас имеем конверторы значительно более мощные. Так и должно быть, время-то прошло. Видимо, и Австрия сейчас изготовляет более мощные конверторы. Деталей не знаю, потому что сейчас я человек отставной. Тогда я твердо определил для себя, что надо это производство купить. Однако не так-то легко сделать это даже при моем официальном положении председателя Совета Министров. Когда я и Косыгин вернулись в Москву и рассказывали о результатах поездки, то встретили (я и сейчас возмущаюсь, когда вспоминаю) перед собой

бронированную стену. Одни говорили: «Да, вы правы, это действительно прогрессивный метод производства стали, но мы сами работаем в том же направлении и через столько-то времени будем иметь свой, более емкий и более мощный конвертор. Зачем тратить деньги?» А Министерство черной металлургии выдвинуло то возражение, что конверторное производство – вообще не прогрессивный метод. Цифры, которые показывают экономическую эффективность, верны, сталь дешева, но зато ограничивается сортамент. А нам надо варить сталь многих марок и разного назначения, получать же сталь с заданными качествами лучше в мартеновских печах, поэтому внедрять в нашей стране конверторы нецелесообразно.

Сейчас, когда я сугубо газетный читатель, диктую свои воспоминания, не пользуясь никакой специальной информацией, все же то и дело слышу о преимуществах конверторов. В газетах в один голос твердят, что это самый прогрессивный способ, что именно конвертор позволяет получать сталь с заданными качествами. И во мне закипает возмущение. Вот такие-то люди стояли во главе металлургической промышленности, были знатоками дела с большим опытом и стажем, а занимали консервативную позицию. Она теперь неопровержимо доказана жизнью. Теперь сами эти инженеры переориентировались, сами себя опровергают и в своих выступлениях, и на практике. Мы-то тогда не купили лицензии. Переговоры о ней вообще очень затянулись. А в конце концов с большой потерей времени конверторное производство стали у нас было признано как самое прогрессивное. Ну и ладно! Как говорится, не хватило ума оценить у чужих сразу, зато с течением времени всякое прогрессивное дело пробивает любые тупые лбы и преодолевает любое сопротивление.

Мы посетили также лагерь смерти Маутхаузен, небольшой городок, где содержались за колючей проволокой пленные, наши и других стран. То был действительно лагерь смерти. Нас сопровождал министр внутренних дел Австрии, социал-демократ, который всегда положительно относился к дружбе с СССР, толстый, внешне добряк, с мягким характером, верной ориентации. Там мы увидели и место, где замучили генерала Карбышева[495]. Фашисты его заживо заморозили, и он, облитый водою, представлял собой ледяную фигуру. Он принял мучительную смерть, но не стал предателем, показал силу духа советского человека. Казалось бы, что ему Советская власть? Он был военным деятелем еще в царские времена. Но этот царский офицер стал советским генералом, не уронил чести воина Красной Армии. Слава ему!.. Во дворе лагеря нам показали

камеры, где содержались заключенные, и душегубки. Мы увидели воочию всю технику убийства людей, которая была изобретена умами фашистов. Министр внутренних дел, который нас сопровождал, показал также камеру, в которой он сам сидел и откуда был освобожден войсками союзников.

Показали нам и старинный охотничий дворец австрийских императоров с замечательным музеем охотничьих трофеев. Хотя я сам был охотником, но такого прежде нигде не встречал! Очень понравились нам выезды с танцами на дрессированных лошадях. В этом Вена, как говорят, занимала первое место. Отлично тренированные лошади, красивая форма наездников, отменно выполнявших все фигуры… Зрелище производило большое впечатление. Потом я видел подобное же в кино, но в натуре выглядит лучше.

В заключение скажу пару слов о такой личности, как Крайский. Как заместитель премьера коалиционного правительства и лидер социал-демократов, Крайский занимал в Австрии второе место, если не говорить о президенте. Он проявлял понимание необходимости дружбы и соглашений с нами, стоял на позиции мирного сосуществования, стремился как-то улучшить и смягчить отношения между социалистическими и капиталистическими странами. Хотя он и был противником коммунистов, но с таким человеком можно вести диалог.

Несколько позже господин Крайский организовывал мою встречу с Брандтом[496]. К сожалению, она так и не состоялась. Тогда стало известно из органов печати, что я собираюсь приехать в Берлин на какое-то торжество, и Москва получила из Австрии от нашего посольства информацию, переданную через Крайского, что со мной хочет встретиться Брандт, когда я окажусь в Берлине. Брандт и Крайский были друзьями, они сошлись в Швеции. Когда немцы захватили Австрию, туда эмигрировали и Крайский из Австрии, и Брандт из Германии, оба, как социал-демократы, и жили там в эмиграции. После войны они по-прежнему поддерживали дружеские отношения. Я дал согласие на неофициальную встречу без публикации о ней в печати. Пресса же пронюхала, что готовится такая встреча, был оказан соответствующий нажим на Брандта, и он в последний момент, когда я уже находился в Берлине, отказался от встречи.

Я же хотел встречи с Брандтом, считая, что она была бы полезной. Теперь, когда он пришел к руководству в ФРГ[497], то предпринимает позитивные шаги и с пониманием относится к необходимости улучшения отношений Западной Германии с ГДР и СССР. Во что выльется этот диалог и хватит ли Брандту

храбрости оказать сопротивление тем силам, которые выступают против смягчения напряженности, покажет будущее. Если он проявит волю и станет работать в этом направлении, это окажется в интересах наших народов и всех стран, которые стоят на позиции мирного сосуществования. Из органов печати я узнал, что социал-демократы сейчас получили на выборах в Австрии большинство, обрели право сформировать правительство[498]. Очень хорошо!

Встреча с Аденауэром

Сейчас я выскажу некоторые соображения о приеме (9–13 сентября 1955 г. – *С. Х.*) в СССР делегации Германской Федеральной Республики[499], возглавляемой Аденауэром[500]. С Аденауэром у меня состоялась единственная встреча – в Москве, в сентябре 1955 года. Мы были очень довольны инициативой Аденауэра, когда он предложил встретиться в Советском Союзе. И та и другая сторона хотели такой встречи, она была выгодна обеим. Положение в Германии сохранялось ненормальное (оно и сейчас остается таким). Поэтому возникало естественное желание нормализовать его.

После смерти Сталина Аденауэр и его партия[501] считали возможным попытаться добиться максимума в деле поглощения Западной Германией Германской Демократической Республики, создания единого немецкого капиталистического государства. Аденауэр и его сторонники – наши бывшие союзники – ощущали, что ГФР уже набрала экономическую силу, у нее появилась возможность предоставлять другим странам кредиты. СССР нуждался в кредитах, в закупке современного оборудования на западном рынке. Кредиты помогли бы нам приобрести нужное оборудование, которое мы еще не могли производить у себя и не могли также приобрести в других социалистических странах.

Насколько помню, тогда говорили, что правительство ГФР (как ее сокращенно называли) готово предоставить нам кредит в виде компенсации за невыплаченные послевоенные репарации, положенные нам по Потсдамскому соглашению[502]. ГФР своевременно не уплатила их. Сумму я не помню: что-то, как вертится в памяти, около 500 млн западногерманских марок. Эта валюта высоко ценилась на Западе. Однако Аденауэр неправильно представлял себе нашу возможную позицию относительно ГДР. Во-первых, мы не могли согласиться с постановкой перед нами вопроса, быть или не быть ГДР. Это ведь вопрос самих немцев, которые создали новую республику. Во-вторых, идеологически мы были заинтересованы не в ликвидации, а в укреплении ГДР. Трудно даже представить, как это мог додуматься Аденауэр, что мы сумеем пойти на ликвидацию ГДР. Наши идеологические, политические и экономические контакты с ГДР были не односторонними, а взаимными.

Мы настаивали на сохранении независимого немецкого государства рабочих и крестьян, которое являлось нашим союзником. Кроме того, наши военно-стратегические интересы

тоже заключались в том, чтобы укреплять ГДР. Западная же Германия добивалась создания единого государства на капиталистической основе. Если бы это произошло, то мы сразу территориально отступали как бы к границам Польши. Так что если бы мы поддались на подобные уговоры или угрозы, это стало бы политическим и стратегическим отступлением, отказом от ГДР, от ее пути социалистического развития. Это вдохновило бы агрессивные силы Западной Германии на еще больший нажим, чтобы потом отодвинуть польскую границу восточнее, чего западные немцы добиваются по-прежнему и сейчас, при уже сложившихся границах. Это могло послужить началом цепной реакции. На это мы никак не могли пойти, даже в мыслях не могли себе такого представить.

Но сильное желание ослепляет порою здравый рассудок, и появляются суждения, допускающие возможность получения недостижимого. Видимо, именно такие мысли толкнули Аденауэра и его окружение на решение поехать к нам, чтобы при личных контактах, в ходе собеседований поманить нас получением кредита, то есть создать для себя такие условия, чтобы без войны добиться желанной цели. Аденауэра тогда сопровождали: Кизингер[503] (потом он стал канцлером), Арнольд[504] (он возглавлял профсоюзы, потом умер), Шмидт[505] и еще какой-то социал-демократ. Эти фамилии сохранились у меня в памяти. Не помню, был ли там Хальштейн?[506] Кажется, и он тоже. В те годы прозвучала доктрина Хальштейна[507]. Сейчас она уже не так выпячивается, но, во всяком случае, еще не отброшена: и в диспутах, и на практике западные немцы еще придерживаются доктрины Хальштейна.

Главный вопрос – заключение мирного договора. Аденауэр высказывался за это. Но мы считали, что к договору можно прийти лишь через заключение соглашения между обоими германскими государствами с выделением Западного Берлина как самостоятельного «вольного города». Со стороны же западных немцев выдвигалось предложение о создании единой Германии со столицей в Берлине, что никак не совпадало с нашими интересами. Мы не имели морального права оказывать давление на Германскую Демократическую Республику. Это ведь означало для ГДР отказ от независимости и растворение в буржуазном государстве. Зато мы хотели нацелить наши переговоры на констатацию ликвидации состояния войны, то есть не на заключение мирного договора, а на подписание соглашения, в котором было бы зафиксировано, что СССР и ГФР не находятся более в состоянии войны. Такой договор дал бы возможность установить дипломатические отношения, что способствовало бы

экономическим, культурным и общественным контактам между нашими странами.

Когда в ходе переговоров той и другой стороной безрезультатно были испытаны все средства достижения своих целей и намерений, возникла пауза. Не помню сейчас нюансов. Но на последнем этапе западные немцы категорически высказались против выдвинутого нами предложения, а мы тоже не согласились с предложениями Аденауэра. И вдруг он заявил, что, так как они не могут подписать соответствующего документа, то завтра уезжают. Я сказал им: «Выражаю сочувствие и сожаление. Таким шагом будет нанесен вред и нашим отношениям, и прежде всего Германской Федеральной Республике. Однако это ваше дело, можете уезжать, хотя и потерпите урон, как политический, так и экономический, потому что экономические связи с Советским Союзом очень выгодны».

Затем мы приготовились к их завтрашнему демонстративному отъезду без всякого итогового документа и без торжественных проводов. Но в тот же день узнали, что они еще раз хотят с нами встретиться. Угроза демонстративного отъезда оказалась лишь одним из способов нажима, попыткой вырвать наше соглашение и испытать, твердо ли мы стоим на своих позициях. Аденауэр хотел припугнуть нас тем, что состояние войны не будет ликвидировано. Мы же не особенно были обеспокоены этим, хотя, безусловно, и сожалели бы, если бы такое случилось. Капиталистические воротилы ГФР, видимо, оказали нажим на свое правительство, ибо им нужно было «прорубить окно» в Россию. Германия извлекала ранее большие выгоды от торговли как со старой Россией, так и с СССР. До прихода Гитлера к власти у нас существовали хорошие торговые и прочные отношения с Веймарской республикой, мы делали с немецкими капиталистами «большие дела».

Помню, как после Гражданской войны немецкая фирма в Донбассе взяла у нас концессию на проходку шахты № 17-бис. Эта шахта закладывалась рядом с действующей шахтой № 30, но на большую глубину. Наш штейгер был обескуражен тем, что мы отдали шахту немцам, вроде сами не сумеем заложить, и пошел к Абакумову[508], управлявшему этим рудником, предложив свои услуги: «Доверьте мне, Егор Трофимович, я не хуже немцев пройду второй шурф, новый ствол шахты. Дайте только необходимое оборудование». Однако это-то как раз и было вопросом – оборудование! Все-таки, в порядке соревнования, мы мобилизовали свои возможности и позволили штейгеру посоревноваться с немцами. Он сумел пройти шурф. Так что мы не попали в безвыходное положение. По-моему, тогда же немцы

восстанавливали нам коксохимический завод на шахте № 30.

В честь окончания работы состоялся митинг. Я тогда заведовал орготделом Юзовского окружкома партии. Меня, как старожила шахт бывшей французской компании, пригласили на этот митинг. Я работал там слесарем. Поэтому меня знали все как облупленного, и я всех знал. Это район, где прошли мое детство и юность. На митинг я захватил с собой одного немецкого коммуниста, который учился у нас на курсах в Москве, а на весенние каникулы приехал в Юзовку. Мне хотелось, чтобы с нашей стороны выступил именно немецкий коммунист. Хорошо помню начало митинга. Сначала выступил представитель фирмы, которая вела работы, толстый такой инженер не то техник. Говорил он по-немецки, и не уверен, имелся ли у нас переводчик. Рабочие стояли, слушали и, как говорится, глазели. Картина внешне была довольно неприглядной: все люди из деревни, многие в лаптях, в одежде очень поношенной, если не совсем изношенной. Одним словом, серо выглядели тогда люди. Да и вполне понятно: после мировой войны, Гражданской войны и саботажа, который встретил революцию, восстановление хозяйства шло туго. Следовательно, туго шло и накопление средств, жизненный уровень народа не повышался. Мы понимали это, но я говорю тут о создававшемся внешнем впечатлении.

Рабочие выслушали иностранца, но не раздалось ни одного хлопка. Потом я объявил, что теперь выступит представитель Коминтерна, товарищ такой-то, сам тоже немец. Его сразу встретили аплодисментами. Когда же он закончил речь, а она была короткой, митинговой, ему вообще устроили бурную овацию. Слушатели, думаю, не целиком смогли понять суть речи представителя Коминтерна, слабо владевшего русским. Но достаточно было сказать, что это представитель Коминтерна, чтобы его наградили поистине по-братски теплой встречей и устроили ему овацию. Настолько тогда высоко ценили знамя и авторитет международной коммунистической организации – III Интернационала.

Промышленники Запада извлекали из связей, восстановленных с нами после окончания Гражданской войны, все, что им удавалось. Естественно, представители концернов Западной Германии продолжали теперь, зная историю своих прежних связей и свои возможности, высчитывать, что́ они могут извлечь, если будут нормализованы наши отношения и они получат доступ к заключению сделок с СССР. Аденауэр ощущал давление этих деловых людей, да и сам был заинтересован в том же. И немцы не уехали. Мы продолжили наши беседы и стали работать над документом, который можно было бы подписать. По

какому-то вопросу собеседники оказывали особенно упорное сопротивление. Мы удивились, и тогда они нам подбросили информацию, что на Аденауэра оказывает давление посол США в СССР Чарльз Болен[509].

На первых порах, когда он стал послом, у нас с ним сложились хорошие отношения. Наши симпатии к нему опирались на наше хорошее отношение к Рузвельту, а Болен был личным переводчиком у Рузвельта и в Тегеране, и в Крыму, да и не только в Крыму. Одним словом, создалось впечатление, что это человек Рузвельта и потому придерживается его политического курса. Однако потом оказалось, что Болен – самый оголтелый реакционер. Он поддерживал ненавистную линию враждебных нам кругов США. Долгое время являясь послом, делал нам гадости, какие только мог: портил наши отношения и не только не способствовал их улучшению, но замораживал любые инициативы. Не знаю, получал ли он какие-то указания из Вашингтона по данному поводу или же тут была его личная инициатива… Думаю, что он сам все это выделывал, не желая улучшения наших отношений. Так что мы поверили немецкой информации о Болене.

Мне припоминается также человек по фамилии Арнольд, представитель какой-то германской земли[510]. Потом он возглавлял Аденауэровские профсоюзы. В ходе переговоров на официальных приемах у меня появилась возможность поговорить с ним. Арнольд больше остальных проявлял интерес к заключению договора, смягчению и нормализации наших отношений. Особую позицию занимал социал-демократ Шмидт. О Кизингере же у меня не сложилось тогда какого-то впечатления. Думаю, что он был правой рукой Аденауэра и никаких разногласий с ним во взглядах на возможность заключения договора не имел, тем более по линии «уступок Советам», как они говорили.

Аденауэр в конце переговоров похвастался, что, несмотря на давление, которое оказывал на него Болен, он все-таки довел переговоры до успешного завершения, так что мы в конце концов согласовали текст[511]. Немцы передали нам свое пожелание поторопиться с подписанием, пока текст в последней редакции не увидел Болен. Мы согласились с их подходом. Если он был приемлем для нас, а для Болена неприемлем, то тут мы, конечно, были на стороне Аденауэра. Так этот документ и был подписан. Потом меня информировали, что Болен сильно возмущался позицией Аденауэра, но документ уже был подписан.

О самом Аденауэре у меня осталось особое впечатление. То был человек, который мог пойти, как я бы сказал, на грубую

лесть, если понадобится. Во время бесед о мной он «выделял» меня и говорил, что вот «только в результате вашего влияния произошло то-то и то-то»… Мне было неприятно слышать это от политического деятеля, это принижало его достоинство. Я, смотря на такой нехороший прием действий, размышлял, как же мелко думает он о других? Наверное, и сам он мелочный человек. Например, когда за обедом мы обменивались мнениями, он тут же мне на ухо шептал через переводчика какие-то любезности. Однако в смысле политики, понимания своих интересов он твердо представлял немецкий капитал и был большим его защитником.

Переговоры закончились, документы подписали, делегация ГФР уехала. Мы ее проводили, и это осталось нашим первым и последним контактом. После той встречи у нас с Аденауэром ни встреч, ни обмена правительственными делегациями не происходило. Правда, экономические связи между двумя странами стали развиваться. Я не однажды принимал представителей «Круппа»[512], других деловых людей из ГФР, с которыми нас связали общие экономические интересы. Мы давали им заказы, они поставляли нам хорошее оборудование. Немцы умеют и работать, и торговать.

Что еще сказать об Аденауэре? Он, конечно, вошел в историю своей страны как представитель крупного капитала. Но человек он, так сказать, ловкий: столько лет продержался там у власти! Да и пользовался поддержкой избирателей. Вспоминается такой эпизод. За столом во время обеда Шмидт обратился ко мне и назвал меня по партийной привычке товарищем («геноссе Хрущев»). Я ему тоже ответил: «Геноссе Шмидт». Аденауэр, услышав, изобразил на своем лице иронию и, насмешливо повторив «Геноссе Хрущев», тут же обратился ко мне: «Господин Хрущев, вы что же, думаете, что рабочие у нас голосуют за социал-демократов? Нет, большинство рабочих Германии голосует за меня!» И тут же сообщил, сколько получили голосов социал-демократы, сколько рабочих объединяют в своих профсоюзах они, а сколько – его партия. Выходило, что большинство рабочих голосует за партию Аденауэра. К сожалению, это было правдой. Если бы за социал-демократов голосовало большинство, то не Аденауэр возглавлял бы правительство ГФР. Даже после смерти Аденауэра ситуация не изменилась[513].

Аденауэр заложил основы сегодняшней политики Христианско-демократической партии. Она и сейчас еще очень сильна и имеет там большое влияние. Аденауэру нужно отдать должное, с ним надо было считаться. Но он оставался

непримиримым врагом коммунистических идей, поэтому был нашим непримиримым идеологическим противником. Это сдерживало его, и он не шел с нами на тесные контакты по государственной линии. Вот то, что я хотел как бы добавить к тому общеизвестному факту, что Аденауэр является представителем реакционных кругов Западной Германии. Он был таким, таким и ушел из жизни.

Но наша встреча стала полезной. Мы ликвидировали официальное состояние войны между Германией и СССР[514], обменялись посольствами. Через советского посла там усиливалось наше влияние на общественность, создавались возможности заиметь контакты с деловыми кругами и с теми людьми, которые нам симпатизировали. Такие контакты всегда приносят пользу. Мы пробили изоляцию, в которой находились, а это было невыгодно США. Их люди делали буквально все, чтобы не допустить подписания договора с СССР и тем самым не позволить разорвать кольцо изоляции, которым они окружили Советский Союз и другие социалистические страны. Мы такое кольцо прорвали. Это было выгодно не только для нас, но и для всех социалистических стран, хотя они еще не имели посольств в Бонне, потому что доктрина Хальштейна служила тому препятствием. Да и сейчас только Румыния и Югославия, по-моему, имеют там свои посольства.

Когда Югославия временно оказалась в плохих отношениях с другими социалистическими странами, она заключила свой договор с ГФР. Потом, когда отношения нормализовались, признала Германскую Демократическую Республику. Зато тут же автоматически прервались ее дипломатические отношения с Западной Германией[515]. Но нужно отдать должное товарищу Тито, он предпочел иметь отношения с ГДР и противостоял нажиму западных немцев. Так что доктрина Хальштейна не выдержала проверки временем, почему Западная Германия и нормализовала потом отношения с Югославией на каком-то этапе.

Считаю необходимым дополнительно подчеркнуть, почему Чарльз Болен предпринимал со своей стороны все, что было в его силах, чтобы не допустить соглашения с ГФР и СССР. Он всячески ставил палки в колеса, но Аденауэр все-таки не послушался его и после того, как мы договорились по основным вопросам, предложил, поскорее оформив договор, скрепить его подписями, так как боялся, что со стороны США уже напрямую из Вашингтона, через посла США в Бонне, усилится давление. Чем же руководствовался Аденауэр? Что, он выражал особые симпатии к Советскому Союзу? Почему хотел восстановить

дипломатические отношения? Сказались сугубо торговые интересы западногерманских толстосумов. Наоборот, США было выгодно, чтобы Западная Германия, находясь официально в состоянии войны с Советским Союзом, не имела своего дипломатического представительства в Москве, а мы не имели своего представительства в Бонне.

У нас не возникли бы тогда деловые контакты, что служило бы интересам Соединенных Штатов. Они сами хотели размещать в ГФР свои капиталы и влиять на развитие ее экономики. ГФР же, наоборот, хотела вырваться из объятий США: капитал Западной Германии, обретя силу, искал себе рынки сбыта, искал заказы на продукцию. Поэтому Аденауэр и захотел открыть окно в Советский Союз. Вот главный мотив, а не какие-то особые симпатии, не какие-то благородные чувства, которые владели умом Аденауэра. Нет, тут главенствовала идея прибыли. Тут интересы США столкнулись с интересами Западной Германии. Когда дело касается кошелька и затрагиваются интересы банков, можно и не посчитаться с требованиями союзника. Немецкие капиталисты находчивы. Они хорошо знали возможности нашего рынка и пошли на нужные им ухищрения.

Сейчас, находясь на пенсии, я иной раз вспоминаю Аденауэра. Он подарил мне в качестве сувенира хороший цейссовский бинокль. Когда я выхожу на прогулку, то пользуюсь им, с «помощью Аденауэра» немножко раздвигаю свой горизонт, имея возможность обозревать обширные поля, леса и прочие прелести подмосковного пейзажа. Если встречные интересуются моим биноклем, я говорю им: «Подарок Аденауэра». Сразу повышается к нему интерес. Конечно, мы и сами делаем бинокли, причем, наверное, не хуже. У меня есть и другие бинокли. Но я пользуюсь этим как более удобным. Вот такая у меня осталась память о личной встрече с Аденауэром.

На Женевской встрече лидеров четырех держав

После Второй мировой войны у нас очень обострились отношения с Великобританией. Обострение произошло в результате политики, провозглашенной Черчиллем. Черчилль выдвинул лозунг окружения Советского Союза[516]. Он в своей речи, произнесенной в Фултоне, призвал капиталистические страны сорганизоваться, чтобы противостоять угрозе со стороны СССР. Хотя в Англии правительство было лейбористским, оно проводило недружественную политику в отношении Советского Союза. Наши торговые связи почти не развивались. Нельзя сказать, что они были в замороженном состоянии. Но английское правительство не способствовало тому, чтобы эти связи находились на должном уровне.

После смерти Сталина к нам приезжали лейбористы, и мы с ними установили некоторый контакт. Но к этому времени их сменили у власти консерваторы, чье правительство возглавил Иден[517]. К Идену у нас было хорошее отношение, мы считали его прогрессивным среди консерваторов человеком. У нас остались хорошие воспоминания и о позиции, которую занимал Иден перед войной: он являлся тогда в течение ряда лет министром иностранных дел и, по нашим сведениям, стоял на позиции заключения договора с Советским Союзом против гитлеровской Германии. Когда Болдуин повел резко антисоветскую линию, подталкивавшую Гитлера против Советского Союза, Иден вышел в отставку[518]. Это благоприятствовало нашему хорошему отношению к Идену и позволяло нам надеяться, что удастся как-то улучшить отношения между Советским Союзом и Великобританией.

С Иденом я встречался мельком во время войны. Тогда он прилетал в Советский Союз, и случайно совпало, что в это время я тоже был вызван Сталиным с фронта. Я встретился с ним на каком-то ужине у Сталина. Но там я, как говорится, видел его лицо, слышал его голос, однако с ним не беседовал. Сталин, если и приглашал к себе кого-либо из руководства, из членов Политбюро или правительства, то только смотреть, сидеть и кушать, главное – занимать место. В вопросы политики нас не допускали, каждый должен был знать свой шесток. В какой-то степени это верно. Необходимо, чтобы человек, который определяет политику Советского Союза, выступал один, в таких случаях недопустима разноголосица. Но я считаю, что не следует

и ограничивать своих соратников, особенно в преклонном возрасте, в котором находился в то время Сталин. Надо было их приучать, натаскивать, как охотник приучает молодую собаку, а этого Сталин не хотел допустить. Он все понимал, но допустить не мог…

Идея Женевской встречи принадлежала, по-моему, Черчиллю. Он считал, что надо установить контакты с новым руководством СССР, чтобы не опоздать. Черчилль полагал, что следует воспользоваться смертью Сталина. Новое руководство СССР пока еще не окрепло, и с ним можно будет договориться: «нажать» на него с тем, чтобы вынудить его к соглашению на определенных условиях. В зарубежной печати стало появляться много материалов о том, что руководителям четырех великих держав необходимо встретиться. Мы тоже стояли за такую встречу. Как потом оказалось, мы тогда несколько преувеличивали возможность достижения взаимопонимания, считая, что после такой кровопролитной войны, которую мы провели вместе со своими союзниками против Германии, мы сумеем договориться на разумных началах.

Что считали мы за разумное начало? Искренне поддерживать мир и не вмешиваться во внутренние дела других государств. Мирное сосуществование было основой нашей политики. Но западные деятели стояли на другой позиции: они хотели, это естественно, оттеснить нас и содействовать тому, чтобы страны, освобожденные Красной Армией, развивались на капиталистической основе. Это касалось главным образом Румынии, Польши и Венгрии. Больше всего они надеялись как-то вырвать, как они выражались, из советского блока Польшу. Имелись и другие вопросы политического характера, которые беспокоили Запад, например, о Ближнем Востоке, в том числе о Египте и Сирии. В этих странах увеличивалась тяга к социализму, резко падало традиционное влияние Англии и Франции. Последние хотели спасти его и как-то договориться с ближневосточными странами на своих условиях, без учета роли Советского Союза и других социалистических стран.

Через дипломатические каналы мы навели контакты, провели консультации, договорились о дате встречи (июль 1955 г.) и избрали местом встречи Женеву. Председателем Совета Министров СССР к тому времени стал Булганин[519]. Я сказал бы, что подготовка Женевской встречи имела некоторое значение для освобождения Маленкова[520] с поста председателя Совета Министров. С деловыми качествами Маленкова мы ближе познакомились, когда умер Сталин. Маленков оказался человеком совершенно безынициативным и в этом смысле даже

опасным, он слабоволен и слишком поддается чужому влиянию. Не только нажиму, а просто влиянию других. Не случайно он попал в лапы к Берии. Берия был умнее Маленкова, хитрый и волевой человек. Поэтому он и прибрал его к рукам.

– У нас могут сложиться довольно тяжелые условия, – говорил я Молотову[521]. – Маленков возглавит нашу делегацию, а для всех очевидно, что Маленков не способен по-настоящему противостоять противнику при встрече. У него характер, сглаживающий острые углы. Он улыбающийся человек, не способный парировать удары, тем более не способный предпринять наступление при обсуждении вопросов. А без этого нельзя. Защищаться – значит вдохновлять противника. Необходимо нападать. Эта военная тактика свойственна и политике.

– Конечно, если состоится встреча, то Маленков не один поедет, – ответил мне Молотов. Он намекал на себя. Он, как министр иностранных дел, обязательно будет там, постоит за интересы страны. Это верно. Здесь у меня никаких сомнений не было. Молотов будет отстаивать интересы Советского Союза. Но Молотов чересчур угловат. Он противоположность Маленкову. Порой нужно проявить и понимание, и даже необходимую тактическую гибкость. Он на это не способен. Он резок до крайности. Когда он возражает, то даже лицо искажается. Его участие в делегации не располагало к поиску согласия. Я сомневался, что при его участии составится делегация, на которую можно положиться, можно быть уверенным, что она использует все возможности для договоренности, проявит как твердость, так и эластичность.

Не следовало давать повод думать, что мы стоим на старых позициях сталинских времен. А олицетворением такой политики был сам Молотов. У нас к нему стал проявляться критический подход. Об оценке его деятельности за границей и говорить нечего. Пока он отстаивает интересы Советского государства, здесь его стойкость, его неподкупность – качества хорошие; а вот эластичности, необходимой дипломату, ему не хватало. Это являлось слабостью дипломатии Молотова. Поиск подходящей кандидатуры на пост главы нашей делегации тоже послужил одной из причин (конечно, далеко не главной), вызвавших замену Маленкова.

Мы вынуждены были заменить Маленкова. Имелись к тому и другие причины, но сейчас я их не касаюсь. Для бесед в Женеве требовался крепкий человек. Выдвинули Булганина. Правда, потом выяснилось, что Булганин в вопросах международной политики тоже не смог проявить должного понимания и оказался

человеком, не способным к дипломатическим переговорам.

Стали формировать состав делегации, которая должна была выехать в Женеву. Конечно, прежде всего должен был поехать Булганин, как глава правительства. Ведь это была встреча глав правительств. Главой государства и правительства в США был президент Эйзенхауэр[522]. Другие западные лидеры были главами правительств. Премьером Великобритании являлся Иден, Францию представлял премьер-министр Эдгар Фор[523]. Когда мы обсуждали в Президиуме ЦК партии состав делегации, то решили, что в Женеву должен поехать Молотов, как министр иностранных дел. И в других делегациях премьеров сопровождали министры иностранных дел. Это нормально.

Во время обсуждения состава делегации некоторые члены Президиума ЦК высказались в том духе, что надо и меня включить в этот состав. Я возражал, считая, что такой шаг трудно будет понять нашим партнерам: ведь я не занимал государственного поста, а представлял лишь нашу партию. Однако Молотов в свою очередь возразил, что это – наше дело, кого включить в число лиц, сопровождающих председателя Совета Министров СССР. «Кроме того, – сказал он, – ты являешься членом Президиума Верховного Совета СССР и, стало быть, поедешь не как секретарь Центрального Комитета партии, а именно как член Президиума верховного органа власти Советского Союза».

Не знаю, правильно или неправильно мы поступили. Сейчас поздно судить об этом. Я же не скрою, что мне хотелось участвовать в данной встрече, познакомиться с представителями США, Англии и Франции, немного приобщиться к международной политике на высшем уровне. Потом мы узнали, что Эйзенхауэр включил в состав сопровождавших его лиц военного министра США. Тогда я предложил: давайте и мы включим в состав нашей делегации министра обороны. Министром обороны тогда у нас был Жуков[524]. Я имел к сему такие соображения: Жуков во время войны поддерживал очень хорошие отношения с Эйзенхауэром, а это могло способствовать лучшим контактам нашей делегации с представителями США. Да и личные контакты Жукова с Эйзенхауэром могли быть полезны для нас. Так мы и сделали.

Приехали в Женеву. (Встреча происходила 18–23 июля 1955 г. – *С. Х.*) Самое прибытие нас на ее аэродром выглядело не совсем выгодным для нас. Делегации США, Англии и Франции прилетели на четырехмоторных самолетах. И это выглядело внушительно. Мы же прилетели скромно, на двухмоторном Ил-14. Это, если можно так выразиться, несколько принижало

солидность нашей делегации, ибо наш самолет не свидетельствовал о высоком уровне развития советской авиационной техники. Западные лидеры тут явно подавляли нас, особенно США: Эйзенхауэр прилетел туда на великолепном четырехмоторном самолете. Прибытие каждой делегации сопровождалось обычной церемонией: выстраивался почетный караул, который маршировал перед главой делегации после того, как тот обходил это подразделение и здоровался с ним. Для нас в то время это было еще непривычным.

Когда Эйзенхауэр, завершив все церемонии, сел в автомашину, чтобы поехать в свою резиденцию (а делегации размещались в специальных особняках, нанятых посольствами), то за его машиной побежала пешая охрана. Для нас это тоже выглядело необычно, несколько театрально. Мы не понимали, зачем все это? Ведь трудно совместить ход машины с бегом человека. Потом, когда мы как-то прибыли в Вашингтон и я ехал вместе с Эйзенхауэром, то увидел, что такая же практика имела место и в Вашингтоне. Там тоже здоровенные ребята из личной охраны Эйзенхауэра бежали за машиной какое-то расстояние, пока машина набирала скорость.

Вот еще один смешной эпизод, связанный с нашим прибытием в Женеву. Когда мы приземлились, нас отвели на отведенное нам место, и Булганин зачитал заранее заготовленное заявление. Потом или же до того Булганин должен был, как и другие главы правительств, принять парад и пройти вдоль шеренги выстроившегося воинского подразделения, чтобы поздороваться с ним. И в тот момент, когда Булганину нужно было вместе с представителем правительства Швейцарии пройти вдоль строя почетного караула, вдруг перед самым моим носом выросла спина протоколиста правительства Швейцарии. Я хотел его отстранить, но потом понял, что он сделал это умышленно, получив директиву лишить меня возможности пойти вместе с Булганиным. Швейцарцы, видимо, думали, что принимать рапорт почетного караула станет не один Булганин и что я последую за ним. Так как я занимал тогда пост секретаря ЦК КПСС, то, с их точки зрения, было недопустимо, чтобы я участвовал в официальной процедуре. Поэтому они столь грубо заслонили меня спиной человека, который занимался протоколом приема делегации. Однако их усилия были напрасными, потому что у нас не возникало мысли, что кто-то кроме Булганина станет участвовать в этой процедуре. Швейцарцы же, видимо, имели свое суждение и предусмотрели, как этого не допустить.

Познакомились мы с Эйзенхауэром. Правда, мы с ним еще раньше встречались, когда после войны он приезжал в Москву.

Лично я с ним познакомился на трибуне Мавзолея Ленина во время Парада Победы. Но там было иное знакомство: и я, и он находились на другом уровне. Ну, какая это встреча? Так, Сталин поманил пальцем, представил меня. Мы поздоровались, и только. Теперь же мы официально представляли свою страну, как и Эйзенхауэр – свою. Эйзенхауэр в личных контактах производил очень хорошее впечатление. Он человек, располагающий к себе, в обращении мягкий, голос у него тоже не какой-то такой, приводящий в трепет собеседника, как принято изображать командирские голоса военных. Нет, голос у него был человечный, и обращение человечное, даже, я бы сказал, притягательное.

Мы узнали, что Эйзенхауэра сопровождает Рокфеллер. Нам не совсем было понятно, какую цель преследовал Эйзенхауэр, когда брал Рокфеллера советником? Ведь какие тогда перед нами стояли вопросы? Главный вопрос – улучшение наших отношений, обеспечение мира. Кроме того, мы хотели как-то договориться насчет возможности получения кредита у Запада для ликвидации последствий кровопролитной войны и того разорения, которое нам она принесла. Мы считали (еще в первые дни после окончания войны нам делали намеки), что США нам могли бы дать в кредит что-то около 6 млрд долларов. Такая цифра фигурировала тогда, как я слышал это от Сталина. Конечно, мы хотели получить такой заем. Правда, теперь у нас давно уже завелась тяжба с американцами по вопросу наших платежей за их поставки по ленд-лизу. Мы отказывались платить, заявляя, что заплатили достаточную цену, проливая в войне кровь нашего народа. Однако во время переговоров в Женеве мы согласились выплатить часть той суммы, которую с нас требовали американцы, как условие предоставления нам нового кредита в размере 6 млрд долларов и на длительный срок. Мы считали, что на таких условиях можем отдать платежи за ленд-лиз американцам.

Встречи и беседы у нас состоялись довольно хорошие, но дело все же никак не двигалось. Да оно и не могло двигаться, потому что встреча глав правительств четырех великих держав – это была затея Черчилля с целью лишь прощупать нас. Он исходил из того, что у нас после смерти Сталина к руководству пришли новые люди, видимо, как он считал, недостаточно компетентные в вопросах международной политики, еще не окрепшие. Вот он и решил, что следует прощупать нас, оказать на нас давление и добиться уступок, нужных империалистическим державам. Так себя и повели представители Англии, Америки и Франции. Они стремились нажать на новое руководство Советского Союза, чтобы вырвать необходимые им гарантии.

Чего же они добивались? Какие главные цели ставили? Основной проблемой явился вопрос об объединении Германии. Они стремились вытеснить социалистические начала с территории Германской Демократической Республики и решить по-своему вопрос объединения двух германских государств, то есть на основе ликвидации зачатков социализма, которые стали возникать в Германской Демократической Республике. Они хотели иметь единую капиталистическую Германию и, конечно, в составе НАТО. Мы же преследовали другие цели: хотели заключения мирного договора с Германией, признания существования двух германских государств и предоставления возможности каждому из них развиваться на основе, которую выберут себе народы каждой из двух немецких республик.

Фактически мы стремились добиться обеспечения невмешательства во внутренние дела ГДР со стороны западных держав и подписания мирного договора именно на этой основе. Только так можно было создать условия для мирного сосуществования. Самым главным стал вопрос обеспечения мира. Но наши партнеры были далеки от того, чтобы пойти на те мероприятия, которые мы предлагали. Они поставили условия, с которыми мы не могли согласиться. Поэтому Женевская встреча была обречена на провал. Буквально так и формулировались результаты встречи: провал. По деловому содержанию документов, которые были приняты, она фактически оказалась безрезультатной.

Однако встречу нельзя все же назвать бесполезной. Польза от нее была. После официальных заседаний, как это принято согласно международным правилам вежливости, каждая делегация в определенный вечер приглашала другую делегацию на обед или ужин. Там продолжался обмен мнениями уже после официальных переговоров. На пленарных заседаниях делегаций четырех держав тоже шел обмен мнениями, и каждая делегация высказывала свою точку зрения. А во время обедов та или другая делегация прощупывала гостей по всем вопросам, которые ее интересовали. И хотя мы ни о чем не договорились, но поняли, что можем разговаривать за столом переговоров. Впервые за послевоенное время встретились главы четырех великих держав. Тогда возник так называемый «дух Женевы», народы вздохнули свободнее, все почувствовали, что война, на пороге которой мы стояли, отодвинулась. Именно с Женевы начался тот долгий и нелегкий путь, который привел нас к разрядке, к заключению соглашений о запрещении испытаний ядерного оружия и подписания других важных документов. Этот путь был непрост и нелегок, и многое еще предстоит сделать в будущем. Однако

приятно сознавать, что мы были в самом начале этой дороги и первыми пустились в неизведанное на поиски путей обеспечения мирного сосуществования, двинулись по узкой тропе, ведущей из Дворца Лиги Наций в Женеве.

Соединенные Штаты Америки: беседы с делегацией США и их президентом носили довольно дружеский характер и проходили в нормальных условиях. Однако нормальные условия не означают того, что они шли на уступки. США не могли в то время пойти на уступки. Ведь тогда, в частности, еще был жив Даллес[525], который и определял международную политику США, а вовсе не президент Эйзенхауэр. Хочу рассказать о такой картине, которую я наблюдал на пленарном заседании. Поочередно председательствовали главы делегаций. Когда председательствовал Эйзенхауэр, Даллес сидел справа от него, а я сидел слева от главы нашей делегации Булганина. Таким образом, я оказался рядом с Даллесом, отделенный только переводчиком.

Я наблюдал поразительную картину, произведшую на меня сильное впечатление. Даллес карандашом что-то писал по ходу совещания в своем блокноте, вырывал листки и складывал их под правую руку президента. Эйзенхауэр же по ходу заседания брал эти листки и зачитывал их. Не то, что он, прочитавши их, сделал для себя какие-то выводы и излагал свою позицию. Нет, он добросовестно, как школьник, зачитывал записки Даллеса. Мне трудно сказать, буквально ли он зачитывал их или что-то добавлял от себя. Но сложилось впечатление, что он зачитывал их дословно. И мне было жаль его: нельзя так вести себя перед всеми делегациями. Президент США терял свое лицо. Складывалось такое впечатление, что он смотрит на совещание глазами своего государственного секретаря. Так оно и было.

Это для нас было не в радость, потому что к Эйзенхауэру мы сохраняли какое-то доверие. Оно сложилось в результате его поведения во время войны. Я говорю здесь в основном о последнем этапе войны, когда немцы сняли многие свои войска с западного направления, где они действовали против высадившегося десанта союзников, и бросили их против наших войск. Гитлер хотел нас задержать, не дать нам возможности занять Берлин. Сталин говорил, что он обратился к Эйзенхауэру и указал, что это было бы несправедливо. Немцы тогда фактически уже прекратили активную войну против американских и английских войск. Эйзенхауэр придержал наступление своих войск, рассказывал нам Сталин, я это отлично помню. Ответил, что следует дать моральное удовлетворение русским. Русские понесли главные потери в борьбе с немцами, и они по праву

должны со своими войсками войти в Берлин. Сталин приписывал нашу боевую заслугу рыцарскому благородству Эйзенхауэра, и я согласен в этой оценке со Сталиным.

Другой факт. Когда наши войска разбили немцев, сломили их сопротивление в направлении Вены, и немцы увидели, что они уже не могут сопротивляться, то они не сдались советским войскам, а, повернув на Запад, хотели сдаться американцам. Сталин опять обратился к Эйзенхауэру, указав, что мы их разбили, а оружие они складывают перед другими. Эйзенхауэр приказал своим войскам не брать разбитые дивизии в плен и предложить командующему немецкими войсками на этом направлении сдаться русским, сложить оружие перед нашими войсками. И еще один факт. В результате того, что немцы не оказывали должного сопротивления на западном направлении, войска союзников зашли за линии дислокации войск, определенные на Ялтинской конференции. Я помню (при мне это было), как Сталин проявлял тревогу: отведут ли американцы и англичане свои войска на те линии, которые определили в Ялте, или же потребуют признания статус-кво, установления демаркационной линии по месту фактического расположения войск. Когда немцы капитулировали, американцы вернулись на линию, определенную Ялтинской конференцией. Когда американцы так поступили, то и англичане последовали за ними.

Все это располагало тогда и сейчас располагает меня к Эйзенхауэру. Независимо от обострения в наших отношениях, которые произошло позднее. Мы питали некоторые надежды, что, став президентом, он сохранил прежнее мироощущение и что с ним можно, как говорится, пиво варить; можно договориться на разумной основе. То есть так, чтобы интересы США, конечно, не классовые, а государственные интересы, не затрагивались, но одновременно учитывались и интересы Советского Союза и ряда других стран. Такое доброе соглашение обеспечивало бы мир и невмешательство во внутренние дела.

Но когда я увидел, что Эйзенхауэр читает то, что ему подсовывает Даллес, у меня сразу все надежды поблекли. Мы помнили другого Эйзенхауэра – выдающегося полководца, а сейчас столкнулись с заурядным политиком. Он в международных вопросах не занимал самостоятельной позиции, а целиком положился на Даллеса. А Даллеса мы считали человеком, лишенным здравого рассудка, опьяненным, парализованным злобой. Он не хотел реально взглянуть в будущее, где вырисовывалось иное соотношение сил и которое со временем должно стать еще рельефнее. Он не мог верно оценить происходящее, предвидеть развитие событий с правильных

позиций. Даллес, Эйзенхауэр и другие наши партнеры по переговорам стояли на буржуазных позициях. Тем не менее не лишенные разума политики со своих классовых, буржуазных позиций тоже здраво взвешивали факты и понимали, что соотношение сил изменилось и продолжает изменяться в ущерб капиталистическому миру. Наращиваются силы стран социализма, увеличивается мощь пролетарского, коммунистического движения. Вот тут и надо искать основу политики Даллеса. Даллес хотел приложить все усилия, чтобы приостановить наращивание сил социализма, приостановить прогрессивное движение, происходившее и происходящее сейчас в мире.

Однако Даллес, при всей своей слепой ненависти к коммунизму, к прогрессивным силам, когда дело доходило до возможности развязывания войны, оставался трезвым политиком. Он придумал понятие «на грани войны» и на этой грани строил свою политику. Однако он знал, что если он переступит эту грань, то крепко получит по зубам. И сколько бы Даллес ни кричал о войне, о сдерживании коммунизма, мы знали, что он не переступит эту свою грань, не ввергнет опрометчиво мир в новую войну. В этом проявилась его трезвость как политика. В некотором смысле с ним было проще вести дело, чем с политиками, обладающими горячей головой, о которых трудно сказать, что́ они сделают под влиянием сиюминутных настроений.

Но найти соглашение, о чем-то договориться с Даллесом было невозможно. Его просто выворачивало наизнанку при одной мысли о возможности установления дружеских отношений с Советским Союзом. Вот так сразу в моих глазах поблекли краски, которыми я рисовал себе образ Эйзенхауэра. Жуков встречался с Эйзенхауэром на правах старого знакомого. Я наблюдал первую встречу Жукова с Эйзенхауэром. Она была очень теплой, можно сказать – дружеской. Я чувствовал, что Эйзенхауэр с большим уважением здоровался с Жуковым. Затем Жуков один ходил к Эйзенхауэру и целый вечер просидел с ним, вел беседу. Жуков нам потом рассказывал о ней. Беседа, конечно, не могла выйти за рамки переговоров, ни дальше, ни ближе. Но, я думаю, что они не особенно и придерживались этого вопроса. Больше всего они вспоминали о прошедшей войне, о своей роли в ней, о всяких военных эпизодах. Было о чем поговорить Жукову и Эйзенхауэру. Когда Жуков вернулся, он только сказал: «Вот, президент подарил мне спиннинг». Эйзенхауэр передал еще какие-то подарки для дочери Жукова (она как раз выходила замуж) и какие-то сувениры для жены Жукова. Вот, собственно, и

все. Мы-то думали, что Жуков чего-то сможет добиться, убедив делегацию США занять более благоприятную позицию в смысле смягчения военной напряженности и создания условий для мирного сосуществования. Но все ограничилось воспоминаниями.

Даже при этом результате считаю, что мы не зря взяли Жукова, включили его в состав лиц, сопровождавших председателя Совета Министров СССР на Женевских переговорах. Делегация США имела, конечно, все основания для лидерства, потому что США – ведущая среди капиталистических стран держава. Ни Франция, ни Англия не могли определять западную политику. Но на пути к смягчению напряженности находился Даллес. Он, как цепной пес, восседал возле Эйзенхауэра, направляя его действия. Это был ярый антикоммунист, агрессивный человек, который не мог согласиться на мирное сосуществование с Советским Союзом. Поэтому ни беседы, которые мы вели во время обеда в честь Эйзенхауэра, ни встречи и беседы один на один Жукова с Эйзенхауэром никаких результатов не дали. Не было ничего, кроме любезностей. Никаких политических переговоров он сам лично не захотел вести.

Во время перерывов между заседаниями, когда выдавалось свободное время, наша делегация ездила на открытой машине, осматривая город. Мы раскатывали по набережной Женевского озера и в пригороды Женевы. Нам удивлялись, что мы столь вольно себя ведем, не опасаясь, что могут иметь место какие-то террористические нападения. Проявлений какой-либо враждебности со стороны зевак, которых было не так и много, я не замечал. Народ с любопытством смотрел, что это, мол, за люди: оказывается, они внешне выглядят, как все другие. Замечалось любопытство, но не враждебность. Хотя и выражений какой-либо особой симпатии в отношении нашей делегации тоже не было. Видимо, публика Женевы привыкла ко всевозможным иностранным делегациям и довольно спокойно относилась к тому, что приехала очередная делегация, проходят очередные международные встречи. Поэтому и наше пребывание там не вызвало ажиотажа. Да, собственно говоря, мы ничего такого и не ожидали.

Когда мы собрались на первую встречу, Эйзенхауэр предложил: «Давайте установим такой порядок, что после каждого заседания будем приходить в буфет и здесь выпивать по рюмочке мартини, чтобы смыть осадок от наших споров». Так мы и делали. Как только кончалось заседание, все шли к буфету и наливали себе по маленькой рюмочке. Конечно, при этом шутили, а затем расходились. Эйзенхауэра обычно сопровождали Даллес

и Рокфеллер. Помню, он представил нам последнего: «Вот, господин Хрущев, Рокфеллер». Внешность этого банкира на меня тогда не произвела особого впечатления. Одевался он демократично и не был похож на тот образ миллионера, который я себе раньше создал. Посмотрел я и говорю: «Так это и есть тот самый господин Рокфеллер?» Подошел к нему и взял его кулаками под бока. Он принял шутку и ответил тем же со своей стороны. После этого отношения между нами сложились непринужденные.

Более интересные, чем с другими, беседы за обедом проходили с делегацией Великобритании, лично с Иденом. Иден оказался внешне красивым мужчиной. Высокого роста, с усиками. Он несколько смахивал, пожалуй, на грузина. Приятный был человек. Его сопровождал министр иностранных дел Селвин Ллойд[526]. Беседы с ними велись не на дружеском основе, но все же в теплой атмосфере. Иден – человек очень симпатичный, располагающий к себе. Политик он был опытный, сам лично направлял линию своего правительства и консервативной партии, не то что Эйзенхауэр. На наших встречах Иден демонстрировал британский лоск и вежливость, во всем проявлялись его деликатность и демократичность.

После встреч с Эйзенхауэром и с Иденом я не отметил бы, что эти люди имели пристрастие к спиртным напиткам. Пили в меру. Больше шутили, разговаривали.

Особенно хорошие отношения у нас сложились с французской делегацией. Эдгар Фор – человек очень обтекаемый, если так можно выразиться, умеющий расположить к себе. С ним приятно было беседовать. Во время беседы мы не раз шутили. Я, помню, стал называть его Эдгаром Ивановичем. Он понимал шутки и сам отвечал на них. Однако французская делегация не занимала тогда ведущего положения, я бы сказал даже – должного положения, которое Франция должна была в принципе занимать. Во Франции очень часто менялись правительства, поэтому ее политика была неустойчивой. Из-за этого тогда не устанавливалось серьезного отношения к позиции Франции. Если бы правительство Фора укрепилось, то могли бы появиться надежды на улучшение наших отношений и на развитие торговли. Большего вряд ли можно было ожидать в ту пору.

Итак, совещание продолжалось, но вопросы, по сути, не решались. Нам противостояли три делегации, которые занимали единую позицию, противоположную нашей. Положение отнюдь не менялось от того, что Иден лишь более мягко формулировал ту же политическую линию, которую проводили США и Франция. За обедом Иден нас спросил: «Как бы вы отнеслись, если мы

пригласим вас официально прибыть с визитом в Великобританию? Это было бы полезно для обоих наших государств». Мы ответили, что это будет, конечно, полезно и мы охотно примем такое предложение, если оно поступит. Может быть, мы ответили не в таких категоричных выражениях, как я это сейчас говорю, но все же почти договорились о том, что Лондон пришлет приглашение и что это приглашение о посещении нашей делегацией Великобритании будет принято. А все остальные беседы были похожи одна на другую, тянулся обед за обедом. То были беседы, которые просто занимали время, но, по существу, не разрешали вопросов, для решения которых мы там собрались.

Когда я потом встретился с господином Неру[527] (по-моему, это было в 1960 г. в США, когда я возглавлял советскую делегацию на Генеральной Ассамблее ООН), он, как всегда улыбаясь, с этаким мягким выражением лица, располагающим к себе, спросил: «Господин Хрущев, меня интересует, как вы беседовали с Даллесом». Я-то понимал, что́ его интересовало. Он знал нашу бескомпромиссную позицию в отношении политики, которую проводил Даллес, и знал также Даллесовскую политику, абсолютно бескомпромиссную в отношении Советского государства. Отвечаю: «Да, мы встречались с ним во время обеда у Эйзенхауэра. Там мы встречались в неофициальной обстановке, причем Эйзенхауэр посадил нас рядом». – «Ну и что же?» – «Разговаривали о том, какое блюдо кому нравится, сравнивая те, которые мы только что откушали. Вот, собственно, и весь предмет разговора. Не более того».

Даллес – человек сухой по характеру. В разговорах за обедом он проявлял большую сдержанность и не был словоохотлив, как французы или даже англичане. В этом смысле Эдгар Фор проявлял гораздо большее гостеприимство и любезность. Когда мы беседовали с ним за обедом, он усиленно приглашал нас вечерком съездить из Женевы во Францию в какое-то место, которое славилось особенно хорошим вином. Он хотел угостить нас этим вином. Мы отвечали, что согласны с его приглашением, благодарны ему и готовы поехать. Конечно, всерьез мы и не собирались ехать. Думаю, что Фор тоже полагал, что мы не поедем. Это было просто проявлением вежливости. Он хорошо знал, что мы не поставим его в условия, когда он должен будет нас принимать там, где это не предусмотрено протоколом.

Когда мы стали готовить итоговый документ, выявилась непримиримость наших позиций. Наша позиция базировалась (и сейчас она сохраняется таковой) на признании реально сложившихся после войны границ. Из этого следовало, что из Германии выделилось два государства: Западная Германия

и Германская Демократическая Республика. И это требовалось признать. Мы считали также необходимым запретить ядерное оружие. Вот вопросы вопросов. Их решение способствовало бы смягчению напряжения и укреплению доверия. Вот чего мы добивались.

Запад говорил, что они тоже стоят за мирное сосуществование, но без признания двух Германий. Существующее положение они расценивали как остатки войны. Они нас обвиняли в том, что мы не хотим воссоединения Германии в единое государство, и продолжали настаивать на своих оккупационных правах до заключения мирного договора с Германией. А мирный договор они не могли заключить из-за наличия двух Германий. Они признавали одну Германию – Западную и ее правительство, возглавляемое Аденауэром[528]. Так мы этот мяч и перебрасывали по полю, вернее, по нашему столу, разделявшему делегации, собравшиеся в Женеве.

Насчет Германии мы искали какой-то компромисс, чтобы можно было принять общий текст от имени четырех держав. Формулировки там содержались такие, которые давали возможность толковать его каждой делегации по-своему. Беседовали четыре делегации, но сторон-то было две: Советский Союз и страны капиталистического мира. Чтобы не вводить общественность в заблуждение, мы подготовили наше заявление и сейчас же после подписания совместного документа устроили пресс-конференцию, на которой зачитали это особое заявление: как мы понимаем принятую в Женеве декларацию. В результате остались на старых позициях и та и другая сторона[529].

Я думаю, что в конце концов наши противники будут вынуждены признать Германскую Демократическую Республику и установить с ней дипломатические отношения. Это будет способствовать нормализации отношений между народами, между государствами. Но требуются усилия и, я повторяю, терпение. Конечно, одного терпения недостаточно. Надо изыскивать возможности для переговоров, проявлять упорство в достижении договоренности, нормализации отношений. Сейчас ГДР получила все условия, необходимые для развития независимого государства. Она имеет государственность, армию, свои границы. Она их контролирует и защищает. Она имеет сильных друзей в лице социалистических стран. Поэтому капиталистическим державам решить проблему с позиции силы не удастся. Так вопрос сейчас уже не стоит. Это понимают противники коммунизма и вынуждены считаться с реальностью.

Я не помню, кто (Эйзенхауэр или Иден) спросил у меня: знаком ли я с Аденауэром? Я сказал, что лично незнаком, но по

печати довольно хорошо его знаю, хорошо знаком с его позицией и политикой, которую он проводит. Она ничего хорошего нам не сулит. Мой собеседник посмотрел на меня, сделал такое «доброе лицо» и сказал: «Вы знаете, было бы полезно вам с ним встретиться. Он совсем не такой человек, каким, я вижу, вы его себе представляете. Он добрый старик. С ним можно разговаривать». Я ответил: «Что касается добрых стариков, то здесь вопрос индивидуального подхода в оценке их доброты. Наша позиция противоположна той, о которой вы говорите, – “с добрым лицом и с добрыми намерениями”». Беседа перешла уже за обеденный стол, и я не так остро ставил вопрос. Я знал, что нас пока разделяет пропасть. Мы – люди из разных лагерей, поэтому для них он добрый, а для нас он злой.

Однако я отвлекся. Не хочу сейчас говорить, как конкретно формулировались вопросы, обсуждавшиеся на встрече в Женеве. Я рассказываю только по памяти, не пользуясь специальной литературой. К тому же сейчас это уже пройденный этап политической борьбы. Я хотел рассказать здесь лишь о характере, о духе нашей встречи, которая была все-таки полезной. Капиталистические страны прощупывали нас и, видимо, определили, что с нами вряд ли имеет смысл разговаривать по принципиальным вопросам с позиции силы. Не знаю, тогда ли они окончательно уверились в этом. Но, во всяком случае, они почувствовали, что мы не поддадимся. Мы продемонстрировали миру, что стремимся к мирному сосуществованию, однако без таких уступок, которые свидетельствовали бы, что нас можно вытеснить с наших позиций путем запугивания. Мы же тоже почувствовали, что, хотя честно и искренне высказали свое стремление к мирному сосуществованию, заявив, что не преследуем никаких завоевательных целей, в чем обвиняла нас печать капиталистического мира, все равно мы не сумеем убедить западные страны пойти на улучшение наших отношений.

Мы тогда считали, что на первых порах хорошо было бы договориться о расширении торговых отношений. Особенно хотели мы торговать с США. К тому времени они приняли закон, ограничивающий торговлю с Советским Союзом. Хотели мы расширить торговлю также с Францией и Англией. Однако, как я уже говорил, вопросом вопросов оставалась проблема Германии. Здесь, как мы считали, возникали точки соприкосновения, от которых зависело, поднимется ли политическая температура до критического градуса или же удержится нормальной: не холодной и не горячей, а теплой, которая взаимно бы согревала нас и создавала благоприятные условия для мирного сосуществования двух систем, капиталистической и

социалистической.

Мы добивались мирного сосуществования на государственной основе. Вопросы идеологии и философии мы тут всегда выделяли и открыто заявляли, что мирное сосуществование социалистической и капиталистической идеологий невозможно, что они несовместимы, пока каждая сторона остается на своих принципиальных позициях, с которых нельзя сходить. Тут надо вести борьбу до конца, и каждому здравомыслящему человеку ясно, что идеологические вопросы могут решаться только в борьбе и будут решены лишь в результате чьей-то победы. Если мы являемся коммунистами, марксистами, ленинцами, то верили и верим, что победа останется за новым, прогрессивным строем, за марксизмом-ленинизмом. А раз так, то какой же может быть разговор о мирном сосуществовании с капиталистической идеологией?

Вот так прошло наше совещание в Женеве. Мы вернулись оттуда, не добившись желаемых результатов. Но это будет не совсем точно. Все-таки результат имелся: мы как-то нарушили изоляцию, которая существовала раньше вокруг нас. Это выразилось хотя бы в том, что Англия пригласила нас в гости, и мы это приглашение приняли. По тому времени это являлось хоть каким-то прорывом фронта.

Эта встреча дала многое. Во-первых, она дала нам возможность лично познакомиться. Мы лучше узнали позиции друг друга. Встреча происходила после смерти Сталина, и западные страны в свою очередь познакомились с новыми руководителями СССР. Они смогли взвесить, что это за люди и на что они способны, чего можно от них ожидать. Смогут ли они путем нажима что-то от нас получить или нет. И мы тоже конкретнее и реальнее смогли представить себе наших оппонентов. Документ, который мы приняли, тоже значил немало. Он, конечно, выявил разногласия по коренному вопросу, но зато создалось определенное понимание того, где мы еще не подготовлены решать вопросы путем переговоров. Вопрос остался в исходном положении.

Я считаю, что встреча для нас была очень полезной. Если говорить о себе, то я ее рассматривал как наш экзамен, как выход в люди, пробу сил и примерку к плечу партнеров, представлявших другие страны, оценку их понимания вопросов в сравнении со своим. Это имеет большое, очень большое значение для руководителей. Особенно для нас, людей, которые долгое время жили под крылышком Сталина. Сталин сам решал все международные вопросы, давал направления внешней политики СССР, и вдруг мы остались без Сталина.

Надо было, как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Нам хотелось узнать получше характеры людей, их подход к решению государственных вопросов и прочие качества, которые необходимо знать о каждом политическом деятеле. Нужно знать своего партнера, знать своего противника, чтобы лучше строить свою политику. Это позволяет понять, по каким вопросам и на какой основе можно договориться, а по каким вопросам договориться нельзя. Зная людей, легче понять, как строить взаимоотношения со странами, с которыми у нас есть спорные вопросы. Это имеет большое значение. Всегда противные стороны ищут разные подходы к решению вопросов: то расстилают мягкие ковры, по которым шагают неслышной, кошачьей, мягкой походкой, то вдруг начинают рычать и издавать другие угрожающие звуки. В политике все должно быть соразмерено. Если, как говорится, на полтона выше возьмешь, можешь кальсоны испачкать; а с другой стороны, не доберешь эти полтона, покажешь, что ты не понимаешь вопроса, и тогда противник или насядет на тебя, или перестанет уважать тебя, считаться с тобой.

Одним словом, взаимное обнюхивание, взаимное обхаживание на официальных и неофициальных заседаниях, а особенно при встречах, на ужинах и обедах очень много дают с точки зрения познания партнера, познания деятелей международной политики и глав государств, с которыми надо жить в мире или в войне. Во всяком случае, жить. Ведь мы живем на одной планете, и нерешенные вопросы беспокоят каждого. Надо примериться, как жить, как строить свои взаимоотношения. Я считаю, что в Женеве состоялась очень полезная встреча. Она имела большое значение для нашего Советского государства, для нашего руководства. Из прощупывания, я считаю, наша делегация вышла с честью, выполнила задачи, возложенные на нас нашим Советским правительством и нашим Центральным Комитетом.

Я все рассказываю от собственного имени. Некоторые могут сказать, что же, там других не было? Тем более что главой делегации был Булганин. Там был Молотов, был Жуков и дополнительный аппарат из отдела политической информации ЦК. Я высказываюсь от своего имени, потому что диктую свои воспоминания. Конечно, и все другие лица вели беседы, высказывались и имели свое мнение. Но общая политическая направленность была у нас единой, без всяких оттенков. Поэтому и позиция, которую я излагал, была единой. Это, собственно, была правительственная позиция, позиция Центрального Комитета. Никаких иных мнений в нашей делегации вообще не было. Я хотел бы, чтобы меня правильно поняли те, кто будет

знакомиться с моими записями. Когда мы вели беседу за столом, то главы делегаций чаще адресовались ко мне персонально. Конечно, ко всем обращались, и вроде на равных. Но я чувствовал, что и Иден, и Эйзенхауэр, я уж не говорю об Эдгаре Форе, обращались чаще ко мне. Когда возникали вопросы, на которые, я считал, должен был ответить глава государства, я придерживал себя и, как говорится, становился за спину Булганина. Булганин же часто как бы подталкивал меня плечом. «Отвечай ты, отвечай ты…» – шептал он мне. И я отвечал. Не уклонялся.

А Молотов? Молотов из нас был наиболее опытен в политических переговорах. Он уже не раз участвовал в подобных конференциях во времена Сталина. Но он уже приобрел определенную репутацию. Человек «НЕТ» – так говорили о нем. Поэтому, может быть, западные лидеры считали, что с Хрущевым легче договориться. Скорее всего, они понимали, конечно, что структура нашего государства держится на марксистско-ленинском учении, и поэтому роль партии, роль Центрального Комитета, а следовательно, и роль первого секретаря ЦК велика. Одним словом, не скрою, что мне приходилось больше всего отвечать на вопросы. На официальных же заседаниях все разговоры от имени нашей делегации вел только Булганин, и никто больше. Мы все только слушали, смотрели, следили, наблюдали, не больше.

Мы хотели, чтобы наша делегация выглядела солидно и чтобы наш глава государства не походил на Эйзенхауэра, который наглядно продемонстрировал свою подчиненную позицию, пользуясь открытыми подсказками в виде записок Даллеса. Мы по всем вопросам договаривались заранее, и Булганин в целом уверенно отвечал на все вопросы. Если по ходу заседаний нужно было реагировать на неожиданную реплику наших партнеров, то мы немножко перешептывались, это вполне допустимо, и опять Булганин давал ответ. Хочу быть правильно понятым: я не только не покушался, а наоборот, оберегал достоинство главы нашего правительства.

Когда закончились встречи и делегации стали разъезжаться (не помню сейчас, в каком порядке они отбывали из Женевы), мы заранее условились, что, возвращаясь на Родину, заедем в Берлин, где проведем консультации и сделаем совместное с правительством ГДР заявление. Так мы и поступили.

Прибыли мы в Берлин. Там нас встретили с большими почестями. Толпы народа вышли встречать нас и встречали очень хорошо. Я потом много раз бывал в Берлине, но мне особенно запомнилась та, первая встреча. Это, кажется, был мой первый

визит туда в официальном положении. Я побывал в Берлине в 1945 году, после подписания Потсдамского соглашения, но тогда я ездил инкогнито, как частное лицо, желая познакомиться с городским хозяйством Берлина. А теперь мы официально представляли Советский Союз, поэтому встреча была организована шумная и пышная.

Меня она поразила. Я-то думал, что после кровопролитной войны и взаимного истребления, которое война принесла немецкому народу и народам Советского Союза, вряд ли можно ожидать какой-то теплоты при встрече. Даже полагал, что могут быть какие-то проявления враждебности. Конечно, на некоторых лицах были заметны довольно кислые мины. Но таких людей встретилось немного. В большинстве своем люди, которые встречали нас, были настроены дружелюбно и вели себя довольно активно. Как я считал, это свидетельствовало о том, что немцы насытились войной и искренне хотят строить с нами дружеские отношения. Переговоры, которые мы имели с руководством ГДР, были хорошими, велись в должном духе. Принятые документы соответствовали пожеланиям обеих сторон. Эти документы были опубликованы.

Мы пошли на такой шаг для того, чтобы правильно сориентировать общественное мнение. Ведь декларация, подписанная четырьмя делегациями в Женеве, по некоторым пунктам давала возможность разного толкования. Мы толковали их по-своему, другая сторона – тоже по-своему. Только в результате такого компромисса мы вообще сумели подписать документ, ибо не хотели разъехаться безрезультатно. Но мы и не хотели, чтобы эти пункты толковались как наша уступка принципиального характера: сделали на этот счет публичное заявление в Женеве и повторили его в двустороннем заявлении, подписанном представителями СССР и ГДР.

Так закончился наш первый выезд в качестве руководителей страны Советов за границу. Мы встретились с главами буржуазных правительств, себя показали и на них посмотрели. Я бы сказал, что здесь мы держали в какой-то степени экзамен, можем ли мы достойно представлять свою страну, не поддаваться запугиванию и не проявлять излишних надежд, а трезво подойти к оценке сложившейся обстановки. Говорю это к тому, что Сталин все время, до самой смерти, когда раздражался, повторял: «Вот умру, передушат вас, как куропаток, империалистические державы. Не сумеете вы отстоять Советское государство». Этим он нас всегда попрекал, а мы отмалчивались, потому что было бесполезно вступать с ним в спор. Да он и сам не требовал от нас каких-то контрзаявлений. Теперь же нам было интересно

побывать за границей, встретиться с представителями буржуазных стран и прощупать их.

Нам это нужно было и потому, что мы считали, что Сталин не всегда трезво подходил к оценке международного положения, преувеличивая роль наших Вооруженных Сил. Он считал, что мы, запугивая империалистов, тем самым сохраняем зыбкий мир. Он каждый час ждал новой войны, вокруг Москвы все время находилась наготове зенитная артиллерия. Сталин оценивал послевоенное международное положение неправильно, полагая, что империалистические державы нападут на Советский Союз, хотя на самом деле такой ситуации тогда не существовало. Видимо, он сам себя запугал возможностью нападения на СССР и считал, что после его смерти мы не сможем организовать оборону, что нас сомнут капиталистические державы.

Наша поездка в Женеву еще раз убедила нас в том, что никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас так же, как мы их. Поэтому они тоже бряцали оружием, старались нажать на нас, пойти на выгодное для них соглашение. С другой стороны, они тоже знали границу, которую им не следует переступать, и вели себя осмотрительно, считаясь с нашим сопротивлением и видя, что путем силы, путем вымогательства они не смогут получить то, чего бы хотели. Они поняли, что надо строить отношения с нами на другой основе. Вот почему та поездка была полезной, хотя реально ничего нам не дала. Взаимное прощупывание при встречах тоже имело свои положительные результаты, хотя бы и в том смысле, что за рубежом увидели, что мы достойно представляем свою страну и готовы защищать завоевания революции, защищать соглашения, заключенные в результате разгрома Германии, так что вырвать то, чего они хотели, и поправить Потсдамское соглашение в пользу Запада им не удастся.

Что я еще забыл? Что упустил? Что еще заслуживает внимания?.. Наша делегация работала дружно. Когда мы собирались, совещались, обменивались мнениями, у нас не возникало никаких разногласий. Абсолютно никаких. Это радовало меня и создавало все условия для выработки нашей общей позиции и наступления на противные стороны. Мы старались отстаивать свою точку зрения и добивались максимально возможного для обеспечения мира. Мы подталкивали наших собеседников к осознанию того, что только мирное сосуществование, его признание поможет нам не столкнуться. Противостоящие стороны уже довольно основательно насыщены вооружением, идет наращивание

опасного ядерного оружия.

В Женеве, оказывая давление, атакуя противную сторону, мы высказывались за вывод войск с оккупированных территорий. Нельзя допускать, чтобы чьи-то войска располагались на территориях других стран, иначе не удастся создать нормальные условия, снять напряжение, обеспечить невмешательство в дела этих стран. Тогда я подумал, что следует развязать себе руки, получить свободу действий, вывести первыми наши войска из тех стран, где это не принесет ущерба. Наши войска находились в Финляндии, у нас была там военная база. Она буквально наваливалась на Хельсинки, на столицу. Почему я вспомнил об этом? Тогда наш посол в Финляндии докладывал, что когда поезд из Хельсинки проходил по территории нашей военной базы, то в вагонах закрывали шторами окна, предупреждали, чтобы никто не выходил из вагонов и не выглядывал, выключался свет. Естественно, это вызывало страшное раздражение и негодование у финнов. Если мы хотели дружбы с Финляндией, ее укрепления, то на такой основе на нее нечего было и рассчитывать. Наша военная база угрожала своими пушками Хельсинки, мы каждый день подвергали самолюбие финнов болезненным уколам. Что можно сделать хуже?

Каждый день нескольким десяткам или сотням людей очень доходчиво напоминают, что наша военная база находится у них под боком, рядом со столицей. И они должны выполнять наши инструкции. Возникали всякие недоразумения и во время следования наших офицеров по шоссейным дорогам. Это вполне понятно и неизбежно. Это же военная база, а не профсоюзная делегация. Это военная база, там сидят военные, они строят свои укрепления, одним словом, делают то, что следует делать военным.

Меня очень беспокоило: как мы можем призывать американцев вывести свои войска с чужих территорий, если наша база расположена в Финляндии? Она же выполняет ту же роль, что и американские базы, к примеру, в Турции и в других странах. Мне хотелось развязать руки в нашей политике, чтобы нам не кололи глаза, а мы могли свободно, во весь голос выступать, призывать, мобилизовывать общественность против тех стран, тех политиков, которые стоят на позициях создания своих военных баз на чужих территориях.

Я обменялся мнением с Булганиным. Он согласился со мной. Министр иностранных дел Молотов думал по-другому, и я, зная о том, не обменивался с ним мнениями, потому что заранее предвидел его реакцию как лица, которое не обладает гибкостью ума и с большим трудом может трезво переоценить

международную обстановку.

Когда однажды в перерыве между заседаниями мы остались один ни один, я спросил у Жукова: «Слушай, Георгий, – у нас были дружеские отношения, – ты скажи, наша база в Финляндии представляет какую-то ценность?» Он сдвинул брови, сурово посмотрел на меня. «Знаешь, правду говоря, никакой. Что эта база может сделать?» – он даже развел руками. «А если не будет этой базы, может возникнуть нам угроза со стороны финнов?» – «Никакой», – говорит.

Я и сам это понимал. Но мне хотелось получить подтверждение из уст военного, особенно от Жукова, уже ставшего министром обороны Советского Союза. Я себя проверял, не хотел вызывать кривотолков, что вот, мол, при Сталине мы эту базу построили, а Сталин умер, и мы базу ликвидировали, ослабили свои позиции. «Я согласен с тобой, – ответил я Жукову. – Тогда не следует ли нам ликвидировать военную базу? Политически это было бы для нас очень выгодно, а экономически – тем более. Мы вкладываем туда капитал. Зачем? Мы содержим там армию. И это содержание стоит нам миллионы. И плюс размещение наших войск на финляндской территории… Это не способ завоевания уважения финского народа. Это оскорбление национального достоинства, и оно послужит катализатором, возбуждающим ненависть к русским и к Советскому государству. И так много горючего заложено, прошли две мировые войны, другие военные конфликты. Я считал, что не лучший способ завоевания доверия финского народа – держать у них под горлом ножик в виде военной базы. «Когда мы вернемся, ты напиши свои соображения, – сказал я Жукову (я хотел, чтобы инициатива исходила от военных), – а я поставлю вопрос на Президиуме Центрального Комитета».

Так и сделали. Правда, мы обсудили вопрос еще до поступления документа. Я рассказал о мнении Жукова. Пришла бумага от Жукова, и мы приняли решение. Затем пригласили финнов в Москву, мы хотели их обрадовать. Они правильно оценили наш, я бы сказал, великодушный и разумный шаг. Сразу расслабились мускулы и снялась горечь, отложившаяся в результате проведенных войн, возросли доверие и симпатии к нам. Не только в руководстве, но и в народе.

Вот уже прошло столько лет. Я оглядываюсь на пройденный путь и очень доволен, что это было сделано. Сейчас у нас самые хорошие отношения с финским народом. Я много раз встречался с президентом Финляндии, сам ездил туда. По-разному встречались, и в бане его собственной мылись, и пиво там пили. Финны обязательно парятся в бане, обязательно пиво пьют и,

если настроение хорошее, поют песни. И к нам несколько раз приезжал президент Кекконен. Я вел с ним переговоры. Они оставили наилучший след. И сейчас, я вижу, Финляндия стремится к дружбе, хочет углублять хорошие отношения с нами, которые были заложены в те годы, когда мы вывели оттуда свои войска.

Конечно, еще раньше мы подписали мирный договор и затем подписали документ о дружбе и прочее, прочее… Но, знаете, если чужие войска стоят у тебя под столицей и сосед требует от представителей этой страны пойти на какую-то неприятную акцию, то из-за слабости приходится соглашаться. Это свидетельствует не о дружбе, а только о слабости. Внутренних симпатий так вызвать нельзя. А вот добрыми намерениями можно. Наша доброта выразилась в том, что войска, поставленные туда при Сталине, мы вывели. Я уверен, что, если и дальше будет проводиться такая политика, мы сохраним финнов среди верных друзей. А это имеет большое значение. Конечно, Финляндия – буржуазная, капиталистическая страна. Но и мы тоже когда-то были буржуазно-помещичьей страной, а стали социалистической. Мы, коммунисты, верим, что весь мир перейдет на наши позиции и начнет строить социализм.

Когда это произойдет? Предсказать нельзя. Каждая страна, каждый народ сделают это в свое время и своими руками. Нельзя социализм навязывать, надо помнить ленинское положение, что революция не экспортируется. Но и контрреволюция не должна экспортироваться. На таких позициях мы находились тогда, а я и сейчас глубоко предан этим принципам. Мне приятно вспомнить, как правильно поступили мы в отношении Финляндии. Мы сделали хорошее дело и тем самым развязали себе руки.

Правда, из капиталистических стран за нами никто не последовал. Но мы приобрели многих сторонников в капиталистических странах. Пусть они проводят политику с позиции силы, однако наши силы возрастают. Добрый пример найдет подражателей и возбудит симпатии. На этом закончу.

Визит в Великобританию

Много места занял у меня рассказ о поездке в Женеву в июле 1955 года на встречу лидеров четырех держав. Но это была для меня лишь подготовка к изложению моих впечатлений о поездке в Лондон. Мы должны были прибыть в Англию, как мы условились с ее правительством, в конце апреля 1956 года[530]. Договорились, что прибудем к ним на военном корабле, на крейсере. Мы хотели прибыть на крейсере потому, что считали, что мы тогда в портовом городе заимеем как бы свою временную опорную базу. С другой стороны, из Портсмута, куда мы причалим, мы должны были ехать поездом до Лондона и таким образом больше увидеть.

В состав делегации входили Булганин и я. Хотя Булганин в то время был председателем Совета Министров СССР, я был включен в делегацию потому, что у меня в ходе Женевской встречи лучше складывались отношения с Иденом. Когда мы там беседовали, то он больше адресовался ко мне, я же отвечал ему от имени всей советской делегации на те вопросы, которые он ставил. Мы решили также включить в состав нашей делегации академика Курчатова[531]. Это очень интересный человек, и не только как ученый. Как человек он был весьма приятным и остроумным собеседником. Через него мы хотели войти в контакт с учеными Великобритании и достигли этой цели. Он ездил в английские научные учреждения, и это шло на пользу установлению новых контактов.

Когда мы отправлялись, посольство Великобритании в Москве предложило нам захватить с собою британского военного атташе. Мы согласились. Правда, кое у кого появились возражения: мы поплывем на военном корабле, корабль был новый, военный атташе, безусловно, заинтересуется им и сможет открыть какие-то наши военно-технические секреты. Такое суждение, конечно, было глупостью, навеянной нравами сталинских времен. Итак, мы взяли его с собою. Этот военный атташе носил звание полковника. Очень симпатичный человек, сейчас не помню его фамилии. Держался он просто и хорошо. Когда мы находились уже в море, то в день моего рождения, 17 апреля, решили устроить небольшой торжественный обед. А обедали мы всегда всей делегацией. Решили пригласить на обед и военного атташе. За обедом, тем более в день рождения, естественно, имелась выпивка. А военный атташе, видимо, обладая вкусом, хорошо разбирался в спиртных напитках. Он основательно выпил, да так, что ему потом было уже не до

осмотра корабля. Он еле добрался до своей каюты и проспал путевой день крепким сном.

Об этом я вспомнил позднее, когда беседовал с Иденом. Иден-то умеет шутить и спрашивает меня: «Ну, как там, господин Хрущев, наш военный атташе? Как он себя вел на корабле?» Я отвечал: «Хорошо себя вел. Достойно представлял Великобританию». – «А как он шпионил? Все он осмотрел?» – «У, невозможный человек! В такие щели залезал, в которые невозможно пролезть насекомому. Всюду лазил и все увидел». Иден смеялся. Я не знаю, знал ли он о том, что атташе сильно опьянел. Может быть, тот сам доложил по начальству. Во всяком случае, Иден спросил меня о нем.

Встретили нас, когда мы прибыли в Портсмут, с положенными воинскими почестями. Мы прибыли на военном корабле, крейсере «Орджоникидзе». В таком случае положен салют. Сейчас же мы пересели с корабля на поезд и на нем отправились далее. Все это было для нас необыкновенным. Я, собственно говоря, впервые, если не считать поездки в Женеву, официально выехал за границу. Но в Женеву мы прилетели на самолете и оттуда улетели самолетом, а сюда мы прибыли на корабле, с корабля ехали поездом и больше увидели в пути. Когда мы ехали поездом, на меня произвели большое впечатление строения, которые мы видели в пути. Я обратил внимание на то, что это были в своем большинстве небольшие домики из красного кирпича. И в Лондоне, куда мы прибыли, я тоже видел такие. Конечно, не в центре города. Потом, когда мы ездили по Великобритании, нас везде «преследовали» эти типичные строения. Почему же мне в память врезались они? То были домики моего детства.

Я жил мальчишкой в Донбассе, где отец работал на шахте. Юзовский металлургический завод принадлежал англичанину Юзу[532]. Все домики, которые строил Юз для технического персонала, квалифицированных рабочих и мастеров, были как раз такими, какие я увидел теперь в Великобритании. Когда я ходил на базар в Юзовку, то у нас бытовало такое выражение: «Как мы сегодня пойдем? Дорожкой вдоль английских красных домов?» Думаю, что и сейчас эти красные дома остались там и стоят на дороге из Юзовки (ныне Донецк) в Мариуполь. Как и в Великобритании, они заросли зеленым плющом. Летом видны были только окна, а все стены покрывала зелень плюща. Вот первое яркое впечатление, которое я приобрел после прибытия в Великобританию.

В Лондоне, на вокзале Ватерлоо, нас встретили Иден и другие члены британского кабинета. Уже не помню, кто именно.

После обычной церемонии встречи мы отправились в свою резиденцию, которую нам отвели в гостинице «Клэридж». Гостиница была хорошая, услуги – замечательные. Все это было для нас внове. Ведь мы никогда так близко не общались ранее с иностранцами. Когда мы подъехали к гостинице, длинный хвост машин не поместился у подъезда и остановился на каком-то расстоянии от него. Поэтому часть членов делегации вышла из машин и пошла к гостинице пешком. Лондонцы знали о нашем приезде из сообщений печати. Собрался народ, останавливались прохожие, появились, конечно, и мальчишки. Особый интерес проявили они к бороде академика Курчатова: показывали на него пальцами, смеялись, прыгали, как это делают мальчишки всех стран и народов. Потом, когда мы пришли в гостиницу, Курчатов хохотал: «Смотрите-ка, какое впечатление произвела на них моя борода!» Действительно, все показывали на его бороду. Об этом даже в печати написали. Англичан я тоже встречал бородатых, но у него была особой формы борода, с проседью, не густая, но довольно представительная.

Начались беседы с правительством Великобритании. С нами вели переговоры в основном Иден, Ллойд и, кажется, Макмиллан[533]. Собственно, эти беседы были переливанием из пустого в порожнее, потому что наши позиции были выявлены еще при встрече в Женеве, так что нового эти беседы ничего не вносили. Просто мы как бы перебрасывали шары, перекатывали их друг к другу. Главным образом, вопросы вращались вокруг того же: Германия в целом и ГДР, разоружение, мирное сосуществование. Эти вопросы очень важны. Но мы видели, что Запад не готов к их решению. Западные страны заигрывали с нами, чтобы несколько приласкать нас, мягко погладить, дабы расположить к себе и вынудить нас пойти на сговор. Сговор в том смысле, что следует договориться обо всем на их позициях. Мы, конечно, не могли пойти на это. Так что надежд на достижение какой-то договоренности не возникло.

Чем была интересна нам эта встреча? Происходила в ходе личного знакомства конкретизация политических позиций. Их тоже, видимо, это интересовало. Кроме того, Великобритания в то время больше других западных стран хотела иметь какую-то договоренность с СССР, чтобы исключить возможность военного столкновения. К тому же она стремилась не допустить проникновения нашего влияния на Запад, а особенно на Ближний Восток, прежде всего в Египет, Йемен, некоторые другие ближневосточные районы. И англичане подняли вопрос о том, что следует договориться, чтобы мы не продавали оружия африканским странам. Мы согласились с этим в принципе и

сказали, что согласны подписать такой договор, но при условии, если англичане тоже дадут обязательство не продавать и не передавать оружия этим странам. Только при этом условии, на основе взаимности, мы могли найти какое-то решение. Если же англичане не могут дать таких заверений, то мы останемся при своем мнении и никаких обязательств на себя взять тоже не сможем.

Иден, как я уже говорил, – человек, весьма располагающий к себе. Своим тактом и мягкостью он располагает собеседника к непринужденной беседе, к доверию. Мы особенно ценили Идена за его позицию перед войной, которую он занял, когда входил в английское правительство. Он занимал тогда правильную позицию, мы это помнили, и это располагало нас к нему. Наступил воскресный день, и Иден пригласил нас на дачу. Я употребил русское название, а у них это – загородный дом премьера в Чеккерсе. Мне рассказывали тогда его историю: какой-то капиталист подарил правительству загородную виллу для премьер-министра Великобритании, и потом все премьеры, независимо от партийной принадлежности, пользовались этим домом.

Мы приняли приглашение. Иден заранее сказал, что на встрече за городом будут присутствовать некоторые члены его кабинета. Когда мы с Булганиным приехали туда, там уже были Иден с женой, Макмиллан, министр иностранных дел Ллойд и (забыл его фамилию) один очень влиятельный консерватор. Его прочили в будущем в премьер-министры или министры иностранных дел. Он действительно стал министром иностранных дел и в этом качестве приезжал позднее в Советский Союз. Мы располагали информацией, что этот человек негативно настроен к СССР, антикоммунист, и не только потому, что является членом консервативной партии. Даже среди консерваторов он был сверхконсерватором. Однако при наших встречах и беседах, которые мы там имели, он этого не показал, вообще внешне не проявлял своей агрессивности, хотя мы чувствовали, что он питает к нам неприязнь как к представителям Советского Союза.

Дом на Даунинг-стрит, который занимал Иден, выглядел непрезентабельно: это особняк из красного кирпича, очень старый, обветшалый и неприглядный. Забор тоже из красного кирпича, старый и закопченный. Одним словом, не очень-то привлекательное строение. Загородная резиденция находится не очень далеко от Лондона, но местность вокруг была красивая: луг, вдали лесок. Мы с Булганиным вдвоем перед обедом ходили гулять и далеко прошли по дорожке. Окружающая природа

напоминает природу наших Орловской и Курской областей, и пейзаж такой же. Около дома посажено много цветов. Дома англичане отапливают каминами, а в каминах сжигают антрацитовый уголь. Поэтому дома внутри тоже припудрены копотью. Когда горит антрацит (а я знал по Донбассу, что в нем содержится изрядное количество серы), чувствуется неприятный запах, испытываешь некое удушье.

За обедом садилась за стол и хозяйка. Мы вели там беглую беседу, поднимая разные вопросы. Они спрашивали, а мы отвечали, потом мы задавали вопросы. Ничего особенно примечательного в этих беседах тоже не было. Посольство информировало нас, что жена Идена – это племянница Черчилля. Она, видимо, унаследовала некоторые качества своего предка в питейных делах, умеет выпить. Но я бы не сказал, что мы заметили, будто она злоупотребляет этим. Выпивали там все, а она в компании тоже не отказывалась.

Когда мы вели политические беседы, то основательно опирались на нашу боевую мощь. Мы к тому времени уже имели современную бомбардировочную авиацию. У нас были бомбардировщики Ту-16 и производились в большом количестве реактивные бомбардировщики Ил-28. Это очень хорошие самолеты фронтового действия. Вооружение наше, как мы считали, было хорошим. Пополнился у нас и флот. Мы построили несколько новых крейсеров и эсминцев, немало подводных лодок. Правда, по сравнению с Западом у нас их было недостаточное количество. Межконтинентальных ракет тогда мы еще вообще не имели, но ракет с радиусом действия 500–1000 км у нас было достаточное количество. Поэтому Англию мы могли как бы припугнуть, ведь мы ее доставали ракетами. Она находилась на расстоянии, досягаемом для наших ракет, и мы ощутимо давали понять, что располагаем средствами, которые могут нанести большой урон противнику, если он вздумает напасть на нас. Эти ракеты могли полететь не только на Великобританию, не говоря уже о Западной Германии и Франции, но и на другие европейские страны, которые входили в НАТО. Они тоже были под возможным ударом. Это, видимо, беспокоило наших собеседников.

Я рассказываю здесь это к тому, что за обедом к нам обратилась с вопросом жена Идена: «Какие у вас ракеты и далеко они могут летать?» Я ей ответил: «Да, далеко. Наши ракеты не только могут достать Британские острова, но и полетят дальше». Она прикусила язык. Это вышло с моей стороны несколько грубовато и могло быть расценено как некая угроза. Во всяком случае, мы-то преследовали и такую цель. Угрожать особенно не собирались, но хотели показать, что приехали не как просители, а

что мы сильная страна. Следовательно, с нами надо договариваться, а ультиматум нам предъявлять нельзя, невозможно разговаривать с нами языком ультиматума.

Иден сказал, что наутро нас приглашают посетить высшие учебные заведения, кажется, в Кембридже не то в Оксфорде, а уж оттуда приехать в Чеккерс. С нами туда поехал Ллойд. Он заехал за нами. Курчатова там не было с нами, зато со мною и Булганиным туда поехал Громыко. В дороге Ллойд вел себя очень любезно, шутил. Мы сидели втроем в машине. Он обратился ко мне: «Ко мне прилетела и на ухо прошептала птичка, что вы продаете оружие Йемену». Я ему ответил: «Тут разные птички летают и разное шепчут. Ко мне тоже подлетела птичка и прошептала, что вы продаете оружие Египту, Ираку (а тогда в Ираке было реакционное правительство), всем вообще продаете оружие, кто только хочет купить его у вас. А если не хочет, то птичка шепчет, что вы его навязываете. Так что птички бывают разные». Он продолжал: «Верно, птички бывают разные, и нам они шепчут, и вам шепчут». Я сказал: «Вот пусть бы они нашептали, чтобы мы взяли взаимное обязательство никому не продавать оружия. Это было бы полезно для дела мира».

СССР действительно вел такие переговоры с Йеменом. Кажется, эти переговоры закончились тем, что мы согласились поставить ему некоторое количество оружия. Тогда к нам приезжал наследный принц королевства Йемен эль-Бадр[534], который позднее стал королем и воевал с республиканским правительством. Но ранее он представлял прогрессивную силу, потому что готовился отвоевать у англичан Аден, а мы были заинтересованы в том, чтобы Йемен стал полностью независимым государством. Английская разведка информировала правильно: птичка верно пошептала правительству Великобритании на ухо, что мы продаем Йемену оружие, это было правдой.

Итак, приехали мы в колледж, заведение для избранных учащихся, видимо, состоятельных студентов. Проректор водил нас по нему, показывая аудитории этого учебного заведения, большой двор[535]. Зашли мы в какую-то дверь и увидели вдруг размалеванный портрет этого самого проректора. Он глянул лишь и сказал довольно спокойно: «Студенты любят посмеяться над нашим братом», – и прошел мимо, а потом рассказывал о всяческих студенческих проделках, которые там себе позволяют; ничего не поделаешь, молодежь как молодежь, от нее всего можно ожидать. Студенты проявляли к нам некоторый интерес, но, я бы сказал, вялый. Публика это была не пролетарская, там воспитывали людей консервативного склада и для правительственных ведомств. Поэтому на какое-то ее понимание

или сочувствие мы не могли рассчитывать.

Из этого учебного заведения мы поехали в Чеккерс. Я уже описывал, как провели мы обед. Иден пригласил нас заночевать, и мы переночевали в Чеккерсе, но все другие, кроме Идена, уехали оттуда. Внутреннее расположение комнат было таким: два этажа с консолями, внизу бильярдная, столовая, различные службы, наверху спальни. Нам показали, где разместится Булганин и где буду я. Нас с ним разместили по углам дома. Я плохо сориентировался, наутро поднялся рано, весь дом еще спал, делать мне было нечего, я оделся и решил пойти к Булганину, но спутал расположение комнат и подошел к какой-то двери, думая, что это дверь в его комнату. Постучал. Надо же представить мой страх и удивление, когда в ответ раздался женский голос. Я буквально убежал и только тут понял, что мне надо было пройти немного дальше. Кто мне ответил, я так и не узнал. Думаю, что это был голос жены Идена. Я никому ничего не сказал, хотя подумал, что она предположила, что это стучал кто-то из нас: я или Булганин. Я, правда, все рассказал Булганину, мы посмеялись, но решили не объяснять хозяевам, кто же постучал в дверь комнаты госпожи Иден.

Было условлено, что на следующий день мы поедем с визитом к королеве Елизавете[536]. Расстояние было близким. Мы быстро собрались, а собираться нам было легко, и мы заранее предупредили англичан, что никаких особых одежд, положенных по такому случаю, мы не имеем и не станем их приобретать. Если угодно королеве принять нас, то в таком костюме, в каком мы беседуем и с вами; если же нет, то это ее дело. У нас существовало предвзятое отношение к подобным церемониям, и мы не хотели облачаться, как это было положено, во фрак, цилиндр и прочие атрибуты, которые принято надевать в таких случаях на Западе.

Как-то Микоян поехал в качестве нашего представителя в Пакистан, а потом мы видели киножурнал, где был снят его прием. Там мы увидели Анастаса Ивановича в хвостатом фраке, цилиндре и долго смеялись над ним. Он отшучивался. Среди нас Анастас Иванович выделялся тем, что ему, как старому «европейцу», не чужда этикетная форма, которая положена дипломатам, когда они посещают особо важных персон за границей.

Когда мы приехали в королевский дворец, там было очень много народа. То были экскурсанты. На улице тепло, апрель – лучшее время года в Англии, как нам разъяснил Иден, идет мало дождей, все в зелени, прекрасная пора. Публика осматривала достопримечательности дворца, а там было на что посмотреть.

Когда мы вошли во дворец, навстречу нам вышла королева с мужем и двумя детьми. Мы представились. Одета она была очень просто, в светлом платье неяркой расцветки. В Москве на улице Горького можно встретить летом молодую женщину в таком же одеянии, в каком к нам вышла королева. Она представила нам своего мужа, потом повела нас по дворцу и стала знакомить с его достопримечательностями. Оказалась в роли экскурсовода. Мы походили там немного, а она все показывала, потом пригласила нас на стакан чая. Зашли в какой-то зал, нас пригласили к столу.

Мы сидели, беседовали о том о сем, как получается всегда, когда нет конкретной темы для разговора. Ее супруг проявил интерес к Ленинграду: «Говорят, это очень интересный город». Мы согласились, сказав, что вообще гордимся этим городом. Он добавил, что никогда в нем не был, но мечтает побывать. Мы ответили, что в современных условиях эта мечта легко может быть претворена в жизнь: «Достаточно выразить желание, и вы получите от нас соответствующее приглашение. Приглашение будет таким, какого вы захотите: или на правительственном уровне, или от военного командования. Вы сможете познакомиться и с Ленинградом, и с Балтийским флотом, вообще со всем, что вас будет интересовать». Он поблагодарил нас и сказал, что воспользуется нашей любезностью, если ему представится такая возможность. На этом наша беседа закончилась. Правда, королева проявила еще интерес к нашему новому самолету.

Тогда начались первые полеты самолета Ту-104[537]. Этот самолет прилетал в Лондон, привозил нам свежую почту. Конечно, мы организовали это умышленно, чтобы показать англичанам, что имеем хороший пассажирский самолет с реактивными двигателями. Это был первый в мире реактивный пассажирский самолет, и мы хотели, чтобы там на него посмотрели, хотя бы в воздухе. Оказывается, наш самолет заходил на посадку как раз неподалеку от королевского дворца. Королева сказала: «Я видела ваш самолет, замечательный самолет, он несколько раз пролетал тут мимо». Мы стали рассказывать ей про самолет, какой он хороший, современный, лучший в мире, а другие страны пока такого самолета не имеют. Потом поблагодарили королеву, попрощались и вернулись к Идену, а там продолжали прежние беседы.

Не помню, приезжали ли туда именно в тот день члены кабинета, которые присутствовали еще при первой беседе. Мы рассказали Идену, как нас приняла королева. Совпало с тем, о чем он нас предупреждал: что она простая женщина, умная и хорошо себя держит. «Вам будет приятно с ней встретиться», –

говорил он. Так оно и оказалось. Я сказал бы, что она не проявила никакой королевской чопорности, когда встретилась с нами. Ее внешность, ее поведение не требовали от нас, чтобы мы «трепетали», как это бывает в романах, когда описывают встречи с королевами. Елизавета II – обычная женщина, жена своего мужа и мать своих детей. Такой она представилась нам, и такое у нас осталось впечатление. Голос у нее мягкий, спокойный, не претендующий ни на что особенное. Вопросы она ставила такие же, которые задает при встрече с советскими людьми любая иностранка.

Между прочим, мне запомнился разговор о королеве с какой-то англичанкой, случившийся тогда же, когда мы находились в Англии. Она спросила: «Вы встречались с королевой Елизаветой?» – «Да, встречались». – «Ну и как она вам понравилась?» Мы сообщили о своем впечатлении. И тут англичанка добавила печальным голосом: «Жалко мне ее, несчастная женщина». – «Почему вы ее жалеете?» – «Ну, знаете, молодая женщина хотела бы пожить, как требуется в ее возрасте. А она, как королева, лишена обычных радостей, живет под стеклянным колпаком, всегда находится под взглядами людей. Это очень тяжелая жизнь и тяжелые обязанности. Поэтому я ей сочувствую». Мне понравилось, как эта женщина по-человечески подошла к оценке своей королевы. Да, прав был Некрасов[538], когда писал в поэме «Кому на Руси жить хорошо», перебирая всех тех, с кем встречались его ходоки: и попу по-своему плохо, и царю нелегко. Вот и Елизавете II, оказывается, жилось нелегко.

Когда составлялась программа нашего пребывания в Великобритании, Иден предложил нам встретиться с первым лордом Адмиралтейства[539]. «Там, – сказал он, – будут военные, но главным образом моряки». Он нас с ними предварительно познакомил. Приглашал нас морской министр, первый лорд Адмиралтейства. Главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Маунтбеттен[540] от встречи с нами всячески уклонялся. Он состоял в каком-то родстве с российской царской фамилией и считал нас (а ведь это правильно) наследниками тех большевиков, которые убили его родственников на Урале в 1918 году. Условились, когда встреча состоится. Пришел назначенный день, и мы с Булганиным поехали туда.

Я все время говорю «с Булганиным», потому что главой правительства был Булганин, я же являлся членом делегации. Но так уж сложилось, без каких-либо моих поползновений, что вести все переговоры и давать ответы на вопросы, которые задавались английской стороной, приходилось главным образом мне. Пожалуй, даже исключительно мне. И не потому, что я хотел

этого. Нет, я понимал свое положение и стремился к тому, чтобы на вопросы, как и положено, отвечал глава правительства. Однако Булганин сам сказал мне, что хотел бы, чтобы отвечал я. Имели место случаи, когда задавался вопрос, а я поворачивал голову к Булганину, показывая, что ожидаю его ответа. Он тут же сам обращался ко мне: «Отвечай ты!» И я отвечал.

Чтобы не возникло какого-либо неудобства и чтобы не дать повода английской стороне для каких-либо домыслов, я отвечал после паузы, которую всегда делал, чтобы Булганин имел возможность, если захочет, ответить, включиться в разговор. Как правило, он меня толкал в бок, показывал глазами или прямо говорил: «Ответит Хрущев». Хочу, чтобы меня правильно поняли. У меня даже произошел на эту тему неприятный разговор, когда мы вернулись. О всех беседах, которые состоялись, потом составлялся отчет, и мы посылали его в Москву, на протяжении всего моего пребывания в Англии аккуратно информируя Президиум ЦК КПСС о ходе нашего пребывания там, о беседах, о вопросах, которые ставились, и о том, как мы на них отвечали. Поэтому наше руководство видело из отчетов, что главным образом даю ответы я. И мне было неприятно, что, когда мы приехали, Молотов спросил: «Почему все время отвечал ты?» Я почувствовал какое-то его недовольство тем, что, мол, я подавлял главу правительства и делегации. Пришлось сказать: «Товарищи, прошу выяснить у самого Булганина, почему так получилось. Не мог же я входить в препирательства с ним, когда надо было отвечать, а Булганин мне заявляет: “Ты отвечай!” Что я мог ему заявить: нет, по положению ты должен отвечать? Выглядело бы глупо перед иностранцами показать себя в таком виде. Булганин сам уступал свою роль мне без всяких моих поползновений к тому».

Не буду сейчас играть в скромность. Ведь потом выяснилось, что Булганин, правильно понимая свои возможности, на ряд вопросов не смог бы ответить так, как нужно было. Он человек обтекаемый. Это ярко проявилось, в частности, когда лейбористы устроили обед в нашу честь. Там он сам отвечал на вопросы, которые ставили лейбористы, и отвечал по-обывательски. И мне пришлось вмешаться и высказать свою точку зрения. У нас возникло политическое обострение, и мы просто ушли с этого обеда, полностью разругавшись с лейбористским руководством. Это – лирическое отступление, но я считаю, что об этом необходимо сказать.

Итак, поехали мы в Гринвич на прием к морякам[541]. Там собралось много народа в большом зале с длинным столом. Зал несколько мрачный, как это принято у англичан, с притушенным

светом. Полумрак. Выпивали, держали речи. Не помню, о чем там говорили англичане. Главным образом выступал один и тот же адмирал, нам надо было отвечать. Булганин опять сказал: «Выступай ты». И я выступил. Это была как бы вольная встреча, с вольным выступлением. Я избрал такую тему, чтобы шире обрисовать нашу страну и ее возможности, то есть пойти, грубо говоря, в наступление на англичан. Поставил перед ними такой вопрос:

«Господа, вы представляете Великобританию. Ваша страна владычица морей, но в прошлом. Сейчас нужно реально смотреть на вещи. Все изменилось, другая техника, иное положение морского флота. Раньше он был плавающей артиллерией, и она наводила страх, прокладывая путь морской пехоте. Сейчас, когда имеются самолеты-ракетоносцы и ракеты, которые можно запускать в цель на большом расстоянии, недосягаемом для артиллерии кораблей, сложилось новое положение. Можно сказать, что сейчас линкоры и крейсера – это плавающие гробы, они морально устарели. Вот мы прибыли к вам на крейсере. Это современный крейсер, хороший корабль, я слышал такую его оценку от ваших специалистов. Хотя они высоко оценили наш крейсер, мы можем его продать, потому что он устарел и его вооружение тоже устарело. В будущей войне не крейсера будут решать главные военные вопросы, и даже не бомбардировочная авиация. Она тоже стареет, хотя еще не устарела так, как морской флот, но тоже стареет. Теперь выходит на арену как главное оружие на море подводный флот, а в воздухе – ракеты, которые наносят удар по целям на большом расстоянии, а в будущем – на неограниченном расстоянии».

Ставились различные вопросы, давались ответы, но разговор вращался в основном все время вокруг вопроса о флоте. Мы хотели подчеркнуть падение военных возможностей в отношении воздействия на нас со стороны британского флота и прямо об этом сказали их морякам. Это не были какие-то агрессивные речи с угрозами, все говорилось как бы со смешком. Они тоже подшучивали, иронизировали. Сейчас уже не помню, как это преподносилось, но в целом беседа была довольно откровенная и непринужденная, никого ни к чему не обязывающая. То были не переговоры, а обмен мнениями за столом, за бокалом виски. Говорили о современном положении в мире, о будущих войнах, о том, какое оружие займет какое положение.

Морской лорд, наш хозяин, оказался человеком, понимающим шутки, и я не чувствовал, что наши высказывания о морском флоте его как-то покоробили и что он был ими недоволен. Если бы мы это почувствовали, то сразу бы

прекратили такой разговор, ибо совершенно не хотели создавать неприятное положение для хозяина, который нас принимал. Расстались мы по-дружески. А назавтра опять встретились с Иденом. Иден, как всегда, с улыбочкой говорит: «Как вам наши моряки? Какое они произвели на вас впечатление?» Я отвечаю: «У вас хорошие моряки, они известны всему миру». – «А как прошла беседа?» И, улыбаясь, смотрит на меня. «О беседе, я вижу, вы все уже знаете, раз улыбаетесь». – «Да, – отвечает он, – я знаю. Мне докладывали о ваших высказываниях». – «И как вы их расцениваете?» – «Я с вами согласен. Но как премьер-министр не могу говорить об этом со своими военными. У нас-то нет реально другого вооружения, кроме надводного флота и бомбардировщиков. Это наше основное средство ведения войны. Я не могу убивать в них веру в наше оружие». – «Да, я вас понимаю, но мы честно изложили свою точку зрения».

Потом мое выступление нашло большой отклик в мировой печати. Особенно остро реагировали США на точку зрения, которая была высказана мною на этом обеде в Гринвичском военно-морском колледже. Они стали опровергать меня: нет, военно-морской флот не отжил и все еще является грозной силой в современной войне, как и бомбардировщики. Спустя какое-то количество лет не только в ходе бесед, но и в печати американские журналисты признали, что бомбардировщики отживают свой век, а главное оружие сейчас – ракеты. И если мы, американцы, раньше занимали другую позицию, споря с Хрущевым, и отстаивали свою точку зрения, то это вызывалось повседневной необходимостью, поскольку у русских ракеты появились раньше, чем в США, чья оборона тогда базировалась на военно-морском флоте и бомбардировочной авиации.

Это верно. Я тоже понимал, что они не могли согласиться с нами, ведь их военные базы, которые окружали Советский Союз, были насыщены бомбардировочной авиацией, а ракетных войск у них еще не имелось. У нас их тоже было еще мало, но все же они были. Своими ракетами мы могли довольно основательно расправиться с близлежащими вероятными противниками, если бы нам навязали войну. Правда, США для нас были тогда недосягаемы, потому что межконтинентальные ракеты у нас только появлялись. Речь идет о ракете Р-7, хотя она, по сути дела, не военное оружие, а средство для полетов в космос, для исследовательских полетов. Тут она показала себя, хотя и для военных целей мы приготовили несколько штук. Позднее, когда появились другие ракеты, мы от нее отказались, она уже не годилась. Для обороны мы создали другие ракеты и в нужном количестве, а теперь их имеем не только в нужном, а даже в

сверхнужном количестве, которое показало и свои отрицательные стороны, потому что зря высасывает деньги из бюджета и истощает наши финансовые возможности. Но это уже другой вопрос.

Согласно утвержденной программе, мы разъезжали по Англии. Первым делом отправились в Бирмингем, крупный промышленный центр. Нас там встретили тоже любезно. По этому городу мы ездили с мэром, он возил нас на своей машине марки «Роллс-Ройс». Эта машина и сейчас считается наилучшей. Ее не производят на потоке, англичане ее выпускают и продают только по заказу. Роскошная машина, много стекла, с прекрасным обзором. Когда мы ехали, я спросил: «Господин мэр, много ли таких правительственных машин в вашем городе?» Он ответил: «Только у меня, больше ни у кого нет». – «Почему?» – «О, это очень дорогая машина. Было бы расточительно, если бы и другие стали обзаводиться ими. Поэтому из официальных лиц здесь только я имею ее. Частные лица тоже имеют “роллс-ройсы” лишь в ограниченном количестве».

Программа пребывания в Англии была довольно насыщенной. Нас загрузили до невозможности, и мы с раннего утра до позднего вечера мотались по стране на автомашинах или на самолете. Это нас затрудняло, и я стал выражать недовольство. Нам надо было еще съездить в какой-то английский город, а потом мы должны были отправиться в Шотландию. И при очередной встрече с Иденом я сказал: «Господин Иден, меня уже ноги не держат, я не могу так дальше. Вы нас эксплуатируете, и я устал и никуда больше не поеду. На завтра я объявляю забастовку и останусь в Лондоне, в гостинице». Он смеется: «Господин Хрущев, я вас прошу, просто умоляю, давайте условимся так, вы можете никуда не ездить, но в Шотландию, очень прошу вас, вам надо поехать. Вы знаете, что такое Шотландия? Если вы не поедете туда, то Шотландия поднимет бунт и выйдет из состава Содружества. Это же шотландцы! Вы не знаете, какие они националисты, они мне покоя не дадут. Я прошу вас!» Мы с Булганиным переглянулись (а он тоже был такого мнения, что не стоит больше ездить) и сказали: «Ну хорошо, поедем в Шотландию».

Полетели мы туда. Нам интересно было посмотреть на нее, но это получился мимолетный кавалерийский наскок. И в результате очень мало у нас осталось впечатлений, тем более что англичане все предусмотрели: никакого контакта с народом, встреча только с теми, с кем надо, то есть с теми, кто должен встречать и провожать. Больше никого. По улицам мы не ходили, посещений предприятий предусмотрено тоже не было. Таким

образом, мы там побывали, но людей наблюдали только из автомашины. Да и то лишь тех, кто ходил по улице. Больше никаких встреч у нас не состоялось, кроме официальных, предусмотренных протоколом.

Прилетели в Эдинбург. Нас предупредили, что в Шотландии всегда идет дождь. Действительно, Шотландия встретила нас мелким, моросящим дождем. В нашу честь был выстроен почетный караул, промаршировал со своей музыкой. И шотландская музыка, и шотландская военная форма крайне оригинальны. До того я практически не видел шотландцев в их клетчатых юбочках, беретах и с волынками. Раньше я лишь однажды видел их и слышал их музыку: в 1946 году, когда ездил в Берлин, а потом в Вену. В Вене я и видел, как шагала какая-то шотландская воинская часть в своих национальных одеяниях и с шотландскими музыкальными инструментами. Но там я наблюдал их буквально несколько мгновений. А теперь нас усадили под брезент, войска маршировали мимо нас, и мы могли наблюдать их с близкого расстояния.

Потом в Эдинбургском королевском замке был дан обед в нашу честь. Нам сказали, что обед – от имени королевы Елизаветы, потому что она королева не только Великобритании, но и Шотландии. Принимал нас как бы ее наместник, он-то и устраивал обед от имени королевы. Были расставлены маленькие столики, нас рассадили порознь, я оказался вместе с какими-то шотландцами. Булганина тоже посадили за отдельный стол, так что с их стороны обедали с нами разные люди. Это было правильно, так можно больше охватить и не мешать друг другу в ходе беседы. А может быть, они преследовали другие цели? Больше будет с нашей стороны всяких высказываний, больше можно будет из нас выудить. Впрочем, не думаю, что там преследовались какие-то цели такого характера. Ведь в подобных случаях обычно ничего, кроме текущих разговоров, которые ничего не дают ни той, ни другой стороне, не случается. Иное дело, когда налицо хорошие отношения. Тогда происходят и деловые разговоры. А у нас тогда возникли лишь первые контакты. Каждая сторона прощупывала другую. Поэтому ожидать, что кто-то что-то скажет, тем более за официальным обедом, да еще в Шотландии, было невероятно.

Помещение, где состоялся обед, это, как нам объяснили, дворец королевы Шотландии Марии Стюарт[542]. Нам показали слепок с ее головы. Шотландцы очень почтительно высказывались об этой королеве, о своем прошлом в ее время. Они, видимо, весьма чтят и свое прошлое, и достоинства королевы Марии Стюарт. Показали нам местную крепость. В ней расположен

музей, и нам продемонстрировали исторические реликвии Шотландии.

Когда мы собирались ехать в Англию, то условились, что я возьму с собой моего сына Сергея. Он тогда был еще студентом. Мне он рассказывал, что там его тоже усадили за отдельный столик, а с ним сидели пожилая переводчица и еще одна англичанка. Переводчица внушала ему, что рядом сидит принцесса, но видела, что ее слова никакого особого впечатления на него не производят, и вновь начинала акцентировать разговор на том, что это не простой человек, что с вами за одним столом обедает принцесса! Сын, рассказывая мне об этом, смеялся: «Так я и не проникся каким-то особым чувством, что за одним столом со мной находится не обыкновенный человек, а принцесса». Видимо, переводчица говорила это ему с определенной интонацией в голосе, отдавая должное уважение и высказывая преклонение перед той принцессой. Такие традиции еще существуют в Англии, и я думаю, что это было не какое-то заготовленное театральное представление. Действительно, та женщина была осчастливлена, что она, простая переводчица, сидит за одним столом с принцессой, а молодой человек из России ничего не понимает и на него слово «принцесса» не производит никакого впечатления.

В нашей программе было предусмотрено посещение крупного атомного научного центра в Харуэлле. Нас принимал там один из ведущих атомщиков Великобритании, сейчас забыл его фамилию. Потом он приезжал к нам и был гостем Курчатова. Курчатову было очень интересно заглянуть к нему. Они друг о друге знали, но личного контакта у них, по-моему, прежде не было. Показали нам все учреждение, показали и лаборатории. Об их работе рассказывал именно этот ученый, тема рассказа была очень сложной, интересной в деталях лишь для Курчатова, хотя для него вряд ли имелось что-то новое в том, о чем рассказал их ученый. Интерес заключался в другом: установить контакты. Надо подойти к этому событию с позиций того времени. Мы поехали за границу, взяли с собой ученого-атомщика, прибыли в научный центр, осмотрели его. Это значит, что мы должны ответить взаимностью, пригласить к нам английского ученого и показать ему наши атомные центры. Для нас это был тогда почти непреодолимый шаг: сколько десятилетий мы воспитывались в том духе, что империалисты – наши враги, все они подсматривают, подглядывают, а сами ничего не показывают. Вот они глянут, все увидят, узнают, да еще наших людей завербуют и внедрятся к нам!

Конечно, в этом много правильного. Но доводить дело до абсурда, запугать самих себя и абсолютно потерять веру в свой

народ, который борется за построение коммунизма, имеет свое самолюбие, свою национальную гордость и собственное достоинство, недопустимо. Сталин же в это не верил. У него была лишь вера полицейского характера: держать и не пущать, ты никуда ни шагу, и к тебе никто. Поэтому считалось, что обмен опытом – воровство. Правда, воруют все. Другие страны тоже воруют, если не могут купить лицензию и предоставляется возможность украсть. Я говорю не в порядке осуждения такого метода контактов. Но лучше поддерживать контакты на основе обмена лицензиями. Это проще и полезнее воровства. Иной раз, когда покупают ворованное, то не всегда приобретают то, что нужно. Подчас вор бывает довольно условным и продает секреты по заданию своей разведки.

Знаю случай, когда Гречко[543] еще командовал нашими войсками в Восточной Германии, мы купили в Западной Германии американскую ракету. Когда ее привезли и дали нашим ученым на исследование, то оказалось, что налицо самая настоящая липа. Американец, с которым мы поддерживали контакт, был разведчиком и разгадал нашего человека, понял, что перед ним агент, и подсунул ему «ракету».

Иден, устраивая нам обед в его резиденции на Даунинг-стрит, заранее предупредил, что на обеде будет Черчилль. Там присутствовало ограниченное число лиц: Иден, Черчилль, Макмиллан, Ллойд и тот консерватор, фамилию которого я забыл и о котором нам все время говорили, что он настроен крайне антисоветски. Мы с ним вновь встречались, когда он приезжал в Советский Союз. Этот человек оказался ничем не хуже других консерваторов, а относился к нам соответственно своим убеждениям, своим взглядам на коммунизм и советскую страну. Не хуже, да и не лучше других. Сейчас он умер, но тогда он был надеждой консерваторов. Считалось, что он может стать в дальнейшем премьером.

Зашли мы в кабинет Идена, небольшой зал. На стене я увидел портрет царя Николая II. Я пристально глядел на него, и все, конечно, заметили, что я обратил внимание на портрет. Говорю: «Удивительное сходство с нашим бывшим царем Николаем II». Иден ответил мне, что это один из английских королей, двоюродный брат Николая, поэтому они очень похожи друг на друга. Больше я не стал проявлять любопытства, ведь это могло быть им неприятно, потому что его двоюродный брат был убит в Екатеринбурге. Они тоже не возвращались к этому разговору.

Рассадили нас по положенным местам за обеденным столом. Я оказался рядом с Черчиллем. Он был уже стар. Рядом со мной сидел грузный дряхлый старик. Мы перебрасывались отдельными,

ничего не значащими фразами, ели. Нам подали устриц, и он спросил меня: «Вы когда-нибудь ели устриц?» – «Нет, господин Черчилль». – «Вы последите, как я буду их есть. Я их очень люблю». – «Хорошо, буду учиться». Начал он есть устриц, а я за ним проделывал все, что видел, использовал лимон. Он проглотил своих устриц, я тоже. И он спросил: «Как понравилось?» – «Совсем не понравилось». – «Ну, это без привычки». – «Понимаю, что без привычки, но не понравилось». Других разговоров с Черчиллем у меня не было, если не считать того, что он затронул вопрос о Сталине. О нем он отозвался хорошо: «Я с уважением относился к господину Сталину во время войны».

Говорил он и о процессах в нашей стране в связи с осуждением культа личности. Сказал, что мы смелые люди, если решились на такой шаг. «Это большая ломка в сознании людей, а люди обычно очень консервативны. Чтобы не обжечься, все это надо проводить осторожно и постепенно, а не вдруг». Я согласился с ним. Видимо, Черчилль так осторожно вел себя с нами потому, что не хотел создавать видимость, что он продолжает руководить правительством и вмешиваться в его дела. Раз Иден премьер-министр, то все деловые вопросы должны обсуждаться с ним. Второй раз я встретил Черчилля в парламенте. Не встретил, а увидел его. В программе нашего пребывания значилось, что мы будем присутствовать на заседании парламента в качестве гостей. На хоры, где поставлены скамьи для публики, могут заходить все желающие, не мешая работе парламента. К нам был прикреплен молодой по возрасту консерватор, очень хорошо говоривший по-русски. Он демонстрировал нам свое глубокое знание русского языка, хорошо выражаясь словами ломовых извозчиков. При этом довольно хорошо выговаривал наши слова, и у него имелся довольно большой набор выражений такого характера. Этим он, видимо, демонстрировал нам и знание русского языка, и свою простоту. Мы же ему никаких замечаний, конечно, не сделали.

Он привел нас в парламент, мы сели на скамью и наблюдали, как ведутся прения. Не помню сейчас, какой затрагивался вопрос. Черчилля не было сначала на том заседании, только потом он появился. Наш сопровождающий, который выполнял роль гида, сказал: «Смотрите, вон Черчилль». В парламенте у каждого имеется определенное место, и Черчилль уселся на свое место. Гид предупредил: «Он не более пяти – десяти минут сможет так просидеть, а потом сейчас же уснет». Действительно, Черчилль вскоре откинул голову на бок, и видно было, как он спокойно спал на заседании парламента.

Наш крейсер стоял в Портсмуте. Мы сказали командиру крейсера, чтобы он получше организовал охрану и делал все, что положено в таких случаях. Вдруг нам докладывают, что какой-то человек появился из-под воды у борта крейсера. Когда наши матросы его заметили, он скрылся под воду, и больше его не видели[544]. Мы заявили нашим хозяевам, что наши матросы наблюдали такое явление, и спросили, как это надо понимать. Не помню, какое было дано объяснение. Но мы не придали значения этому случаю, хотя не исключали, что пловцы могут прикрепить к крейсеру магнитные мины, а это может дорого нам обойтись. Так объяснили событие наши люди, которые занимались военными делами. Поэтому мы подумали о возвращении домой самолетом. Но Ту-104 только еще проходил испытания и был небезопасен, а лететь на Ил-14 после фурора, который произвел Ту-104, нам казалось неприличным.

Я не верил в возможность какой-либо провокации. Взорвать крейсер с главой чужого правительства – это ведь война! Англичане никогда такого не допустят. И мы решили возвращаться домой на крейсере. В печати много сообщали об этом случае. Оказывается, это был какой-то особый их разведчик-водолаз в звании, кажется, майора. Он погиб, и в печати много писали о том, что мы его, видимо, захватили в плен и увезли в Москву. Потом было объявлено, что обнаружили его труп. Мы так точно и не знаем, кто там был. Но что это был разведчик, у нас не имелось сомнений. Его появление наша разведка объясняла тем, что англичан, возможно, интересовали винты крейсера и формы некоторых деталей корпуса корабля, которые определяют его скорость. Мы не придали особого значения этому инциденту, хотя и говорили о том, что они нас позвали в гости, а сами шарят по карманам. Да, разведка занималась своим делом. Их интересовало, что представляет собой наш корабль, и они не удовлетворились тем, что увидел военный атташе, который находился на корабле. Его действий мы не ограничивали, и он мог ходить куда хотел. Кое-куда он ходил, но проявлял немного интереса: видимо, не желал, чтобы мы заподозрили, что он занимается шпионажем.

В Англии перелетали мы из города в город на английском самолете. У них имелся четырехмоторный самолет фирмы «Бристоль», типа нашего будущего Ил-18. Тогда у нас Ил-18 еще не было, а летали двухмоторные самолеты, хорошие, с поршневыми двигателями. Их самолет по тому времени был более современным, и я с Булганиным обменивался мнениями: не прощупать ли англичан, не продадут ли они нам такой самолет? Мы в ходе разговоров забрасывали такую «удочку», но нам

ответили, как обычно отвечают в таких случаях, что надо вести переговоры с фирмой. Мы поручили установить контакт с фирмой и провести переговоры, но это ни к чему не привело. Видимо, фирма «Бристоль» продала бы нам такие самолеты, если бы была уверена, что мы купим не пару штук, а целую серию и поставим их у себя на авиалинии. Однако они знали, что мы купим лишь один или два самолета как образцы, потому что Антонов и Ильюшин[545] уже строили к тому времени свои похожие самолеты. Таким образом, перспективы для фирмы, что она может получить серьезного покупателя, не существовало. А продать самолет как образец фирма, безусловно, не хотела, чтобы не выдать своих секретов.

Во время нашего пребывания в Лондоне с нами установили контакт и лейбористы. Тогда их возглавлял Гейтскелл[546], человек довольно консервативный, антисоветских настроений и озлобленный. Левое крыло лейбористской партии тогда возглавлял Бивен[547]. Его я хорошо знал. Я с ним потом встречался в Москве. Он действительно выделялся среди лейбористов, разыгрывал из себя левого, и его речи по содержанию отличались от обычных: он критиковал лейбористскую партию, причем резко. Сам он был весь седой, хотя еще не старый, так что седина у него какая-то не возрастная. Он познакомил нас со своей женой, тоже седой, хотя и не старой женщиной, и тоже активным политическим деятелем лейбористской партии.

Бивен производил на нас очень хорошее впечатление. Потом, после смерти Гейтскелла, он возглавлял лейбористскую партию. Как лидер, несмотря на свои заявления, он вовсе не проводил политики, чем-то отличающейся от политики Гейтскелла. Этого у него не получилось. Такова английская оппозиция: критикует тех, кто стоит у власти, а внутри партии критикует лидеров, но лишь пока критик не возглавит партию. Так случилось и с Бивеном. Позднее к руководству лейбористской партией пришел Вильсон[548]. Он тоже считался нашим другом и стоял в оппозиции к руководству. Он часто заявлял, что если бы был у власти, то совсем по другому курсу повел бы английскую политику. И вот теперь сколько уж лет он у власти, а курс все тот же, который проводили консерваторы, а также Гейтскелл и Бивен.

Лейбористы предложили нам встретиться и поужинать (или, как у них называется, пообедать вечером). По нашему, русскому, обычаю, это уже ужин. Мы согласились, хотя ничего путного не ожидали от них. Они были даже более озлоблены против нас, чем консерваторы. Собрались мы в парламенте. Там у них есть что-то вроде ресторана, какой-то харчевни, большой такой зал. Там-то

они и предложили устроить встречу. На этой встрече были Гейтскелл, Браун, другие лидеры лейбористской партии. Браун тогда претендовал на лидерство и иной раз пытался задавать тон всей партии. Он относился к нам очень враждебно. Расселись мы по местам. Уже стояли бокалы с неизменным английским виски. Гейтскелл предложил тост за здоровье королевы. Оказывается, у них не бывает ни одного общественного обеда, чтобы не выпить за королеву. Не знаю, как поступают у них коммунисты. Думаю, что не пьют. Ну что же, за королеву так за королеву! Мы поддержали их и выпили за ее здоровье. Потом выпили соответственно за нашу делегацию, за наше и за их здоровье. Начался разговор. У меня сейчас выветрились из головы его подробности, но напряжение было очень большим.

Если сравнить с тем, как мы встречались с консерваторами, то там не было такого напряжения. Видимо, это объяснялось тем, что мы находились на слишком противоположных полюсах: консерваторы представляли крупный капитал, а мы – рабочий класс и коммунистическую партию. Значит, у нас могли быть контакты только на деловой государственной взаимовыгодной основе, и они к нам никаких других претензий не могли предъявить. И мы, конечно, никаких особых надежд не питали. Иное дело, когда мы встретились с лейбористами. Они-то считают, что у них рабочая партия, что они защищают интересы рабочего класса. Мы, конечно, за ними этого не признавали и не признаем. Поэтому сразу возникла напряженность. Гейтскелл, правда, еще проявлял какую-то тактичность. Причиной же конфликта послужило следующее.

Они заранее сговорились, и во время своего выступления Гейтскелл, вытащив какую-то бумагу, сказал, что тут список социал-демократов, которые арестованы и сидят в тюрьмах в Польше, Чехословакии, других странах Восточной Европы. Он попросил нас посодействовать тому, чтобы их выпустили на свободу. Булганин вначале хотел было взять у него список и стал говорить, что мы изучим этот вопрос. Но тут я подтолкнул его и шепнул, что его втягивают в провокацию. Ведь мы не могли обсуждать такой вопрос даже по соображениям формы. Получится вмешательство в дела других государств. Так мы им и ответили и взамен посоветовали обратиться к правительствам соответствующих стран.

Тут вдруг вмешался Браун. Он начал задавать провокационные вопросы, которыми вызывал нас просто на скандал. Взяв слово, он произнес речь, в которой критиковал наши внутренние порядки. Это было недопустимо: мы являемся у них гостями, а они выступают с критикой нашей политики. Взял

слово Булганин для ответного выступления. Он отвечал по-обывательски, и мне его просто невозможно было слушать. Он обошел критические замечания в наш адрес и предложил какой-то обычный тост за счастье и здоровье присутствующих. Обыденная речь, которая уместна в питейных делах, когда встречаются друзья-товарищи и желают друг другу процветания. А с той стороны была произнесена политическая, задиристая речь.

Я не вытерпел и, когда Булганин закончил, попросил: «Разрешите мне выступить». Они согласились. И я напал на этого Брауна. Говорю: «Господин Браун, я расцениваю ваше выступление как провокацию». Назвал все своими именами и начал его тоже критиковать: «Вы нас пригласили на обед. Но если вы хотите вести разговор, оскорбительный для нас, то нам ничего не остается делать, как поблагодарить вас за приглашение и уйти». Сразу возникло большое обострение. Вышло так, что на этом обед закончился, и мы демонстративно ушли.

Назавтра, когда мы встретились с Иденом, он опять улыбался в свои усики: «Ну, как у вас вчера прошел вечер с лейбористами?» Он-то все уже знал, ему было доложено. Я тоже улыбнулся: «Да, знаете, не совсем…» – «А я говорил вам, что с консерваторами у вас скорее может установиться контакт, чем с лейбористами. Это же невозможные люди!» Он, как консерватор, воспользовался этим конфликтом и начал хвалить своих. Тут мы тоже стали шутить: «Да вот мы сравниваем. Выбираем, в какую партию вступить, в лейбористскую или в консервативную». – «Предлагаю в консервативную». – «Подумаем, может быть, действительно пойдем к консерваторам». Наш ответ потом появился в печати.

На следующий день мы должны были находиться на заседании в палате лордов. Там оказались и лейбористы, в том числе те, которые присутствовали на вчерашнем ужине. Они стали подходить к нам, здороваться. Среди них был один, который производил более порядочное впечатление, не помню сейчас его фамилии, уже пожилой человек. Он судил более здраво о наших делах, хотя, конечно, не был сторонником Советского Союза, но хотел улучшения отношений между нашими государствами и установления контактов лейбористской партии с нами. Я не говорю, что именно с коммунистической партией, хотя, когда лейбористы приезжали в Москву, велись переговоры нашего ЦК с ними. Однако эти встречи тоже ничего хорошего не принесли.

У меня было плохое настроение, я был огорчен поведением лейбористов при нашей встрече. Браун тоже там оказался. Подходит он ко мне и сразу подает руку. Я глянул на него и

говорю: «Господин Браун, я вам руки не подам. После вчерашнего не могу!» Он протягивает руку, опять к себе, дернул туда-сюда раза два, смотрит на меня. Я не пошевелился. «Не подадите?» – «Не подам». Опустил он руку, и мы разошлись. Другие лейбористы видели, как я дал отпор Брауну, и когда подходили ко мне, то очень осторожно здоровались, протягивая руку медленно, чтобы определить, подам я им руку или нет. Я подавал руку всем, и мы здоровались, хотя я и высказывал им свое недовольство.

Они прислали своего представителя и попросили принять их делегацию, которая хочет объясниться по поводу вчерашнего инцидента. Делегация будет состоять из трех человек. Пришел тот, о котором я говорил выше, и еще двое, не помню кто. Они извинились за Брауна, сказали, что он позволил грубость, что они этого не хотели, а Браун сделал такой выпад от себя лично. Они же сожалеют, что так получилось. Тем самым вопрос был исчерпан.

Из-за чего конкретно возник конфликт, я уже сказал. Собственно говоря, по всем вопросам международного характера и рабочего движения у нас имелись противоположные позиции. Поэтому по любому вопросу, за какой ни взяться, если пожелать, можно было создать конфликт. Здесь особой мудрости не надо. Видимо, Браун был человеком очень антисоветски настроенным и решил использовать нашу встречу, чтобы подсолить наши отношения, отравить их. И он достиг своей цели. Так первый наш контакт с лейбористами потерпел крах. Консерваторы же были очень довольны и теперь проявляли еще больше любезности в отношении нас, всячески нас заверяли, что они с нами хотят и дальше улучшать отношения.

В тот день на меня очень сильное, причем комедийное, впечатление произвел председатель палаты лордов. Я уже был знаком с ним раньше. Он встретил нас в палате лордов перед заседанием в каком-то красном сюртуке, хламиде и в огромном парике, показал место, где он сидит во время заседания. Там лежал мешок с овечьей шерстью. Все это выглядело так театрально, что на меня произвело впечатление чего-то очень несерьезного. Я удивился, как это такие серьезные люди могут так кукольно обставлять свое заседание и рядиться в одежды балаганного типа. Ну, это традиции, я понимаю, я читал об этом, но когда увидел сам, то все невольно вызывало улыбку. Я не мог даже представить себе, что серьезные люди могут одеваться, вести заседание и представляться иностранной делегации в таком виде. Показали нам англичане и свои исторические места. В Лондоне – крепость Тауэр, с местом казней. Они рассказали

историю этого кровавого места, где совершались казни королями, и самих королей тоже казнили. Посмотрели мы смену караула, английскую экзотику. Солдаты в красных мундирах, в высоких шапках из медвежьей шкуры, мохнатых. Довольно театральное зрелище. Но эта церемония производит хорошее впечатление. Тоже ведь история. Я с удовольствием смотрел, как англичане отдают дань своей истории. Говорят, что туристы обязательно приходят наблюдать смену караула как занятную процедуру.

Естественно, в процессе переговоров пригласили мы Идена приехать с ответным визитом в Советский Союз. Он приглашение принял, поблагодарил, и думаю, что искренне хотел приехать. Иден бывал в нашей стране не раз еще до войны, когда работал в Министерстве иностранных дел. Тогда он занимал особую позицию в вопросах сближения с Советским Союзом и объединения усилий против нарастающей угрозы войны со стороны фашистской Германии. Несколько раз бывал он у нас и во время войны. Так что он знал Москву, был знаком с нашими условиями жизни и традициями. Но тут уже возникла другая основа. Он возглавлял правительство, а мы хотели через такие контакты с ним улучшить наши отношения. Старались прежде всего создать условия для расширения торговли между нашими государствами. Это было бы полезно для нашей страны, да и не меньше пользы было бы для Великобритании. Других каких-то надежд на расширение и укрепление контактов у нас не имелось. Новые вопросы еще не созрели.

Иден так и не приехал к нам. Мы ведь были в Англии в 1956 году, сразу после XX съезда КПСС. Потом произошли события в Польше, в Венгрии. А самое главное, Англия, Франция и Израиль напали на Египет. Мы стали на его сторону, наши отношения резко обострились. Мы их не только критиковали, но и предприняли шаги по дипломатической линии, оказали давление на Англию, Францию и Израиль. Война была прекращена через 22 часа после того, как мы направили послания Идену, Ги Молле и Бен-Гуриону[549]. Война прекратилась, но полемика в печати накалилась до крайности. Тут уже не было Идену никакой возможности приехать к нам. Более подробно я расскажу об этом, когда буду говорить о событиях в Венгрии и Суэцком кризисе.

Добавлю здесь лишь об эпизоде с одним левым английским лейбористом. Забыл его фамилию. Он умер года три тому назад[550]. Я с ним был хорошо знаком. Это был хороший наш друг, по национальности финн. Он настолько был предан Советскому Союзу, что лейбористы исключили его из своей партии. Он хотел приехать к нам. Сталин, уже больной, вдруг

выдумал, что это агент, чужой разведчик (а он служил во время войны в войсковой разведке). Да тот и не отрицал, что служил во время войны разведчиком. Так ему и не дали визу на въезд в Советский Союз, хотя он в то время выступал за нас. Я потом встречался с ним, и он мне говорил: «Товарищ Хрущев, меня неправильно поняли, я всегда был вашим другом. Так поступать нельзя, я и умру вашим другом».

Начало визита в США

В начале 1959 года Советское правительство получило приглашение от правительств скандинавских стран посетить их на уровне председателя Совета Министров СССР с дружеским визитом. Это приглашение, конечно, было не коллективным от всех Скандинавских стран. Не помню, кто первым проявил политическую инициативу. Кажется, шведы. Боюсь сейчас ошибиться, было ли это приглашение получено нами сначала от шведов или от норвежцев. Но пригласили нас и шведы, и норвежцы, и датчане. Затем по закрытым доверительным каналам мы получили информацию о том, что если мы окажемся с официальным визитом в Скандинавских странах, то финны тоже хотели бы договориться с Москвой и прислать свое приглашение. В Финляндии мы уже ранее бывали, и финляндские делегации тоже нас посещали. С финнами к тому времени у СССР установились, я бы сказал, хорошие, даже дружественные отношения.

А со Скандинавскими странами у нас, как говорится, не было ни мира, ни войны. Во вторую мировую войну мы с ними не воевали, отношения же складывались не холодные и не горячие. Так что мы с удовольствием приняли теперь их приглашения. О времени визита хотели потом сообщить дополнительно. Реакционные круги этих стран подняли большую кампанию в печати: критиковали свои правительства за то, что они пригласили советскую делегацию во главе с председателем Совета Министров, поносили нашу страну, угрожали, что организуют демонстрации протеста, и прочее.

Мы молчали. Но это, естественно, нас раздражало. Раздражение вызывалось с нашей стороны еще и непониманием реальной обстановки в буржуазно-демократических странах. Мы привыкли в СССР к тому, что наша печать печатает то, что ей позволено печатать, а иначе она просто не может действовать, потому что все у нас централизовано и контролируемо. В капиталистических странах существуют другие условия. Там много партий, и каждая занимает определенные позиции по любому вопросу, в какой-то степени независимо высказывает свое отношение к тому или другому решению правительства, к каждой его акции. Но нас это тогда оскорбляло, и мы «надули губы». Однако молчали. И вдруг мы получаем от президента Соединенных Штатов Америки приглашение прибыть с визитом в их страну. Эйзенхауэр персонально адресовался ко мне, я должен был возглавлять эту делегацию, как председатель Совета

Министров СССР. Приглашение из Вашингтона мы получили абсолютно неожиданно, никак на него не рассчитывали. Следовательно, мы не планировали поездку в США не только на ближайшее время, но и на будущее, потому что отношения наши были довольно холодными. Как же это произошло?

Приезжала к нам какая-то делегация от американских промышленников, влиятельных людей. Они пользовались доверием у правительства Эйзенхауэра, а может быть, получили какое-то задание. Знакомились в СССР с работой каких-то отраслей промышленности. По-моему, особенно интересовались строительством кораблей. Мы показали им, как строится атомный ледокол, и они его осмотрели. То был «Ленин», единственный в ту пору у нас ледокол с атомным двигателем[551]. Сейчас он уже много лет успешно плавает в Северном Ледовитом океане. Члены этой делегации пригласили советских специалистов приехать и взглянуть на кораблестроение в США. Такое предложение мы приняли с удовольствием, потому что устанавливались новые контакты. Мы считали, что любые контакты, которые смягчили бы напряженные отношения между США и СССР, выгодны обеим сторонам. В состав делегации был включен Козлов[552], секретарь ЦК партии, ранее секретарь Ленинградского обкома КПСС. Он был знаком потому с судостроением (хотя по образованию он инженер-металлург), что Ленинград славится этим. У меня сейчас совершенно не сохранилось в памяти, какая фирма послала приглашение. Видимо, оно было не правительственным, а преследовало цель обмена опытом и взаимного ознакомления с производством.

Козлов потом рассказывал мне, как они осматривали в США грузовой корабль с атомным двигателем. Он был построен лишь наполовину. Козлов полазил там по лестницам, да и инженеры, которые с ним ездили, тоже осмотрели все, что было позволено. Фирмачи показали, конечно, именно то, что хотели показать. Но думаю, что в любом случае наши инженеры увидели много интересного. Когда программа пребывания нашей делегации завершилась и она готовилась к отлету, неожиданно от Эйзенхауэра прибыл курьер и вручил Козлову пакет с просьбой передать его лично Хрущеву. Вернувшись, Козлов в выходной день позвонил мне на дачу, а затем приехал и сказал: «У меня есть специально для вас пакет от президента Соединенных Штатов господина Эйзенхауэра». И вручил пакет. Документ, находившийся в нем, был сформулирован кратко: делалось приглашение председателю Совета Министров СССР от имени президента США посетить его страну с дружеским визитом. Адресовался документ персонально мне.

Признаюсь, я сначала даже не поверил. Это произошло так неожиданно, мы вообще не были подготовлены к этому. Наши отношения были тогда столь натянутыми, что приглашение с дружеским визитом главы Советского правительства и первого секретаря ЦК КПСС казалось просто невероятным! Но факт оставался фактом: Эйзенхауэр пригласил правительственную делегацию, и я ее возглавлял. Неожиданно, но приятно. А также интересно. Хотелось взглянуть на Америку. За границей я к тому времени уже бывал. Однако США занимали особое положение в нашем представлении о загранице и нашем воображении. Да иначе и быть не могло. Это ведь самый сильный оппонент СССР, лидер капиталистических стран, который задает тон всей антисоветчине в зарубежном мире.

В экономической блокаде Советского Союза кто задает тон? Тоже Соединенные Штаты. Если их партнеры к тому времени все-таки шли на какие-то экономические контакты, то США нас бойкотировали. Мы покупали кое-какое оборудование за рубежом и что-то продавали туда, главным образом сырье, а порою некоторые промышленные изделия, станочное оборудование. Но США бойкотировали нас абсолютно. Даже на закупку русских крабов объявили специальный запрет, мотивируя его тем, что сей продукт добывается в море русскими людьми, дескать, рабским трудом. Дикость, но именно так они аргументировали свое решение. Отказались покупать у нас даже столь традиционные товары, как черную икру и водку, хотя русская водка имела постоянных потребителей в Соединенных Штатах, высоко ценилась знатоками и, по-моему, сейчас тоже ценится.

И вдруг – приглашение! Как это понимать? Что это, поворот в политике? Нет, трудно представить. Без всякой подготовки – и письмо от президента. Президиум ЦК партии собрался познакомиться с документом. Было решено принять приглашение, поблагодарить за него. Тут перед нами встал новый вопрос. Сначала мы получили приглашения от лидеров Скандинавских стран, потом от Эйзенхауэра. Соблюдая этикет, мы должны были бы посетить те страны, которые пригласили нас первыми. Но нас тянуло больше в Америку. США – ключевая капиталистическая держава, создававшая климат отношения зарубежных стран к Советскому Союзу и ко всем социалистическим странам. Так что визит в США потом многое предопределит.

Буржуазные газеты (нужно отдать им должное) не щадят никаких персон независимо от того, какое положение те занимают. Так как в скандинавской печати нарастала критика своих правительств за сделанные приглашения, мы решили ответить, каждой столице – персонально, что пока откладываем

свою поездку в связи с создавшейся там атмосферой, которая не располагает к нормальному пребыванию в их странах нашей правительственной делегации. А с Вашингтоном стали конкретно договариваться через наше посольство. Советским послом долгое время был там Меньшиков[553]. Он хорошо знал порядки в США, и через него мы стали выяснять соответствующие вопросы. Договорились о сроках пребывания и о процедуре.

Несколько беспокоились, какой окажется церемония встречи, не возникнет ли какой-либо дискриминации. Того, что положено для главы правительства, они могли подчеркнуто не сделать, и это нанесет нам моральный урон. В некоторой степени они так потом и поступили. Другой вопрос, на каком уровне нас все же приглашают: на уровне главы правительства или главы государства? У нас это председатель Президиума Верховного Совета СССР. Ведь президент США является и тем, и другим. Но они подчеркнули нашему послу, что приглашают на уровне главы правительства. Это соответствовало моему рангу. Разговор зашел и о том, что в ответ на мой приезд в Вашингтон[554] Эйзенхауэр потом примет наше приглашение и приедет в Москву. Мы предупредили Меньшикова, чтобы он, разрабатывая процедуру и церемонию приема делегации СССР, все предусмотрел бы при встрече и предупредил, что такая же церемония будет устроена потом для Эйзенхауэра. Другими словами, мы претендовали на оказание нам президентских почестей, а в случае отказа и Эйзенхауэра намеревались принимать по разряду главы правительства.

Правда, если разбираться несколько скрупулезнее, наши претензии были преувеличены. Мы хотели подчеркнуть их для того, чтобы исключить всякую дискриминацию, ибо знали, что желание такое у них было, а искушений – еще больше, чем желания. В Вашингтоне согласились с нами. Было обусловлено время пребывания, разработана программа, и мы стали готовиться к поездке. До того я выезжал в Индию, был в Англии, Финляндии, на переговорах четырех лидеров в Женеве. Последняя – вообще служебная, а не гостевая поездка. С собой мы тогда жен не брали. Во-первых, таково наследие сталинских времен: Сталин никуда не ездил и очень ревниво относился к тому, если кто-нибудь брал с собой жену. По-моему, только один раз Сталин приказал Микояну взять с собой жену при поездке в США. Во-вторых, такое считалось у нас не то роскошью, не то чем-то обывательским, но не деловым актом.

Теперь тот же вопрос встал при моей поездке. Я тоже думал поехать один, без супружеского сопровождения. Но Микоян сказал: «За границей обыватели лучше относятся к людям, если

гости приезжают с женами. А если его сопровождают другие члены семьи, то это еще больше располагает их. Поэтому я предложил бы, чтобы Хрущев взял с собой Нину Петровну и включил в делегацию также других членов семейства. Это будет хорошо расценено американскими обывателями, и это лучше для нас». Я сомневался, нужно ли так поступать. Но члены Президиума ЦК поддержали Анастаса Ивановича и стали меня убеждать, что это действительно будет хорошо. Я согласился.

В делегацию входил официально министр иностранных дел СССР Громыко, и мы предложили Андрею Андреевичу взять с собой супругу. Ранее, при нашей поездке с Булганиным в Англию, мы включили в состав сопровождающих лиц академика Игоря Васильевича Курчатова. Он произвел большое впечатление на англичан не только своей эффектной бородой, но главное – своим умом. Среди ученых Великобритании он был человеком известным, а новые личные контакты создавали лучшие условия для их закрепления. К сожалению, на этот раз он поехать с нами не смог. И я предложил включить в состав делегации какого-либо писателя, с тем чтобы можно было установить с писательскими кругами США тоже какие-то контакты. Назвал имя Михаила Александровича Шолохова[555].

Мы знали за ним «грех»: он иной раз при выпивке может вести себя несдержанно. Я с ним по этому вопросу уже объяснялся раньше. Он как-то пришел ко мне и пожаловался: «Не пускают меня за границу. А мне нужно съездить в Норвегию (кажется, получил туда приглашение). Нет, не пускают никуда!» Я сказал ему: «Не пускают не потому, что не доверяют политически, а потому, что не уверены, что не споткнешься и тем самым нанесешь урон не только себе, но всей нашей стране». Тогда он мне дал честное слово держаться, и мы его выпустили. Он побывал в Англии, Швеции, Норвегии, Финляндии. Никаких замечаний от посла (а в таких случаях всегда доносят) о его промашках не было. Авторитет Шолохова стоял высоко как внутри страны, так и за границей, его произведения звучали по всему миру уже много лет, и мы были довольны.

Приближался момент отъезда. Встал вопрос: как добираться? Кораблем? Слишком долго. Подумали о самолете. Единственный самолет, которым можно без посадки преодолеть расстояние Москва – Вашингтон, это Ту-114[556]. Он был сконструирован Андреем Николаевичем Туполевым[557], академиком, великим гражданином и замечательным конструктором, но еще не вполне облетан. На нем пока мало летали. Возникали иногда какие-то неполадки, вызывавшие беспокойство: можно ли на нем надежно лететь? Однако других подходящих средств мы не имели. Если

полететь на Ил-18[558], то придется с посадками. Можно было воспользоваться также иностранным самолетом. Или же кораблем с пересадкой: на Ил-18 прилететь в Лондон либо в Париж, а там пересесть на корабль, который ходит между Европой и Америкой. Но нам хотелось, чтобы правительственная делегация СССР прибыла в США на своем самолете и чтобы он произвел впечатление. Ту-114 именно и был по тому времени таким самолетом, лучшим по вместительности, дальности и скорости. Он производил сильное впечатление в техническом, инженерном мире, не говоря уже об обывателях.

В ходе беседы с Туполевым он сказал мне: «Я абсолютно уверен, что никаких происшествий не будет. Самолет вполне надежен и выдержит нагрузку. Разрешите мне послать людей, которые при необходимости смогут что-то предпринять на месте. Я настолько уверен в самолете, что просил бы вас разрешить полететь с командой летчиков моему сыну Алексею Андреевичу»[559]. Я ответил: «Ну, что же, лучшего мне и желать нечего. Считаю, что Алеша (так я его называл) будет не только гарантией (хотя мне не понадобится заложник: если случится катастрофа, то какая разница?), но, если возникнут неожиданности, может оказаться полезным». Он работал рядом с отцом и отлично знал систему этого самолета. Ему тоже хотелось полететь. Да и Андрею Николаевичу было желательно, чтобы сын повидал США, хоть одним глазом.

Мы тогда чрезвычайно плохо знали Соединенные Штаты Америки. И не только руководители, которые были по горло заняты внутренними вопросами. Что касается внешних проблем, то мы занимались главным образом вопросами войны и мира и еще в какой-то степени теми странами, с которыми торговали. Нас интересовало, что мы могли купить. Другие же вопросы мы знали плохо. Например, при рассмотрении протокола нашего приема мы прочли, что такие-то дни и столько-то времени отводятся для встречи с президентом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде. Я не смог получить у нас разъяснения, что такое Кэмп-Дэвид. Сейчас это покажется смешным, а тогда это был для нас вопрос. Что же такое Кэмп-Дэвид? Я начал спрашивать в Министерстве иностранных дел СССР. Уж кому-кому, а им надо такие вещи знать. «Не знаем», – отвечают. Тогда я приказал запросить наше посольство, что такое Кэмп-Дэвид. Может быть, место, куда приглашают людей, которые не внушают доверия? Вроде какого-то карантинного учреждения. Так что там только президент и будет со мной встречаться. Получается дискриминация: почему не в Вашингтоне, а в Кэмп-Дэвиде? Сейчас мне не только смешно, но и немножко стыдно.

В конце концов мы разобрались, что это загородная резиденция президента. Построил ее Франклин Рузвельт во время второй мировой войны и выезжал туда, когда не мог далеко отлучиться от Вашингтона. Эйзенхауэр, когда он пришел в Белый дом, назвал эту загородную резиденцию именем своего внука Дэвида. Оказывается, то была особая честь гостю, когда президент приглашал его побыть за городом в личной резиденции, чтобы никакие другие люди и дела не отвлекали. Там можно свободно вести беседы, интересующие обе стороны.

Вот видите, как мы тогда боялись, что нас могут унизить. Помню, когда устанавливались первые контакты с буржуазным миром, советскую делегацию пригласили провести переговоры на Принцевых островах[560]. В те времена в газетах так писали о Принцевых островах: это место, где собирают бездомных собак. Их туда якобы свозят, и там они доживают свой век. Одним словом, выбирается место, которым подчеркивается дискриминация приглашенного государства. Так было в первые годы после революции, когда у нас шла Гражданская война, Советская власть твердо установилась, и буржуазный мир вынужден был считаться с существованием нового государства. Надо было идти на какие-то контакты, но они оставались довольно непрочными, и на них шли с оглядкой.

Буржуазия старалась уколоть нас и унизить. Вот я и насторожился: не является ли Кэмп-Дэвид именно таким местом, куда меня приглашают на несколько дней? Поэтому реагировал весьма ревностно и просил хорошенько изучить дело. Доложили мне. Оказывается, все наоборот, мы удостаивались особой чести. Тогда мы с удовольствием приняли приглашение, но никому, конечно, не говорили о своих сомнениях. Такой была наша неосведомленность. Мы не знали вещей, которые, наверное, были известны во всем мире. Наше посольство в Вашингтоне тоже толком заранее не разъяснило, пришлось запрашивать дополнительно.

Итак, мы приготовились лететь на Ту-114 без посадки. Повторяю, мы гордились, что летим на таком самолете, который может без посадки прилететь из Москвы в Вашингтон. Такого самолета в мире еще не было. США не имели такого пассажирского самолета долгое время. Потом, когда мы вели переговоры о воздушном сообщении между СССР и США и когда соглашение было достигнуто, оно было несколько отложено при реализации согласно просьбе американской стороны из-за отсутствия у нее соответствующего самолета. Как только США создали свой самолет такой дальности, сразу стало осуществляться регулярное воздушное сообщение между США

и СССР. Да, Ту-114 – гордость нашего технического прогресса! Мы радовались тому, что этот самолет создан товарищем Туполевым в Советском Союзе.

Было рассчитано и время пребывания в воздухе. Определили час вылета из Москвы, чтобы прибыть в США тоже к определенному часу. Это важно в силу различия между часовыми поясами Земли. В Вашингтоне будет подготовлена определенная церемония встречи, поэтому надо не опаздывать, но и не спешить. Если подлетим раньше, то можно будет в воздухе сделать несколько лишних кругов, чтобы дотянуть до обусловленной минуты. Но если запоздаем, то нанесем ущерб нашему престижу: не смогли вовремя прибыть и заставили ожидать президента и всех собравшихся лиц! Прилететь мы должны были днем, кажется, в первой половине. Итак, поднялись в воздух. Самолет шел хорошо. Мы спокойно летели через Скандинавию, потом над океаном. Ночью спали. Я тоже спал, но без привычки мне было не совсем удобно, да и гул в самолете оказался довольно ощутимым. От утомления и от того, что я сам себя уговаривал: «Надо уснуть!» – уснул. Знал, что следующий день, когда прибудем в Америку, будет очень напряженным, голове следовало отдохнуть.

Настало утро. Мы летим над океаном. Это было интересно. Все время я ощущал чувство гордости. Не потому, что мы Америку боготворили или что нас ожидало какое-то таинство. Мы капиталистическую Америку понимали правильно. Помнили ее описание, сделанное А.М. Горьким в книге о городе «желтого дьявола»[561]. С американцами я встречался еще вскоре после Гражданской войны у нас, когда возвратился из Красной Армии и работал на Рутченковском руднике заместителем управляющего. Для оказания помощи в восстановлении шахт к нам прибыли американские шахтеры. Так я впервые столкнулся с рабочей Америкой. Наши люди тоже ездили туда, в их рассказах было много интересного. Однако сейчас не сама по себе Америка как-то поражала наше воображение, нет, мы были горды тем, что, наконец, заставили ее осознать необходимость установления с нами более тесных контактов.

Если президент США приглашает к себе председателя Совета Министров СССР, это совсем иная ситуация, чем та, которую мы имели в отношениях с США первые 15 лет после Октябрьской революции. Нас не только не признавали дипломатически. А сейчас признают уже не только дипломатически, это давно пройденный этап, и не только при необходимости воюют вместе с нами против общего врага: нет, президент США приглашает теперь с дружеским визитом главу правительства СССР. И мы

были горды за свою страну, за свою партию, за свой народ, за те успехи, которых он добился. Из разоренной, отсталой и неграмотной России мы превратились в Россию, поразившую мир своими успехами. Именно это обстоятельство вынудило президента США искать тесных контактов с Советским Союзом. Вот с таким чувством мы летели в США.

Не скрою, что меня беспокоила новая встреча с президентом. Я с ним был немного знаком, ибо мы встречались еще в Женеве, да и раньше, когда после разгрома гитлеровской Германии Эйзенхауэр прибыл в Москву. Сталин тогда познакомил меня с ним. Но это было знакомство другого характера. А сейчас, когда я должен был один на один, с глазу на глаз, хотя и в присутствии Громыко, вести с ним беседы и переговоры, налицо были некоторая неопределенность и сложность. Здесь, знаете, на ходу в справочник не залезешь и на ухо опять же с Андреем Андреевичем не посоветуешься по вопросам, вызвавшим вдруг затруднения. Я сам прежде с недоумением относился к такому методу поведения Эйзенхауэра, когда он проделывал это в Женеве, читая вслух записки, которые ему составлял и подкладывал под руку государственный секретарь Даллес. В такое положение я теперь никак не хотел попасть, и это меня в какой-то степени тревожило.

Экзамен общения с капиталистами я уже выдержал и в Индии, и в Бирме, и в Англии. Но это все же Америка! Американскую культуру мы не ставим выше английской, однако мощь страны в те времена имела решающее значение. Поэтому надо было достойно представлять СССР и с пониманием отнестись к партнеру. А спор-то возникнет у нас, бесспорно, возникнет, но надо, чтобы без повышения голоса. В этом-то и будет сложность. Необходимо аргументировать свою позицию и достойно защищать ее так, чтобы не унизиться и не позволить себе сказать лишнее, недопустимое при дипломатических переговорах.

Нам все это казалось очень сложным, тем более что Сталин вплоть до самой своей смерти убеждал нас, что мы, его сподвижники по Политбюро, негодные люди, что не сможем устоять против сил империализма, что при первом же личном контакте не сумеем достойно представлять свою Родину и защищать ее интересы, что империалисты нас просто сомнут. Это означало, что мы неспособны защищать и достоинство своей страны. Теперь его слова проносились в моем сознании, но не угнетали, а, наоборот, мобилизовали силы. Я морально и психологически готовился к встрече, имея в виду тот ряд вопросов, по которым мы должны были обменяться мнениями,

чтобы найти возможность их решения. Главное – обеспечить мир, мирное сосуществование. Постараться достичь соглашения о запрещении атомного оружия, решить вопросы о сокращении Вооруженных Сил, ликвидации военных баз на чужих территориях и выводе войск с этих баз в собственную страну. Те же вопросы не решены, по существу, и сейчас. Они по-прежнему стоят перед каждой страной, и столь же грозно. Может быть, даже еще более грозно, чем стояли в то время, когда я отправился на встречу с президентом страны, представлявшей в ту пору самую грозную военную мощь и обладавшей таковою. Имею в виду термоядерное оружие.

Нас интересовал народ Америки. Я встречался с американскими шахтерами и в 1922 году, и позже. Было бы вернее называть их рабочими, приехавшими из Америки, так как в большинстве своем то были европейцы по происхождению – югославы или люди других европейских национальностей, американцев же англосаксонского происхождения у нас на шахтах не было. Шахтеры среди рабочих считались людьми, обездоленными тяжким, каторжным трудом. В таком положении они находились тогда в капиталистических странах, да и сейчас тоже. Иное дело – встретиться с населением США вообще. Беспокоило: как оно отнесется к нам? С одной стороны – советские лидеры, с другой – американская общественность.

Интересовали меня и контакты с деловым миром, предусмотренные протоколом. Ведь еще Сталин хотел получить там кредит и просил американцев дать нам три миллиарда долларов. На этом условии мы соглашались выплатить какие-то суммы, причитавшиеся с нас согласно ленд-лизу. И по этому вопросу мы должны были вести беседу. Я не думал, что мы можем достичь серьезных результатов, но к такой беседе готовился и чувствовал, что она неизбежна. Волновал и вопрос о торговле с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Думал о возможности снятия запрета, наложенного конгрессом США на торговлю с СССР. Все это имело большое политическое и экономическое значение.

Еще я надеялся встретиться с представителями Коммунистической партии США. Тут я не предчувствовал каких-либо трудностей, но тоже было интересно. В общем-то, все мне было интересно. Америка, хорошо описанная и поданная Ильфом и Петровым[562], Горьким, другими нашими писателями, – это одно; Америка, к которой мы сами приближались, – уже реальность. Все нас настораживало, возбуждало и напрягало нервы: вот наконец живая Америка, те живые «американэы», которые предстанут перед нами через какие-то минуты. И вот мы

их увидели. Тут я воспользовался словом «американэы» из пьесы Всеволода Иванова «Бронепоезд 14–69», где партизаны Вершинина допрашивают американца, и один из них сообщает: «Американэа в плен взяли»[563].

Доложили, что подлетаем к Соединенным Штатам, потом – что подлетаем к Вашингтону. Делаем круг. Не знаю, круг почета или для захода на посадку. Садимся. Погода была чудесная. Тамошняя природа встретила нас очень ласково. Было тепло, сияло прекрасное солнце. Когда я выглянул в окно самолета, то увидел очень много народа. Трибуна была уже возведена, войска приготовлены к встрече, разостлана дорожка, бросалась в глаза публика в ярких летних одеждах, весьма нарядных: сплошная пестрота, как ковер из цветов.

Самолет подрулил к месту высадки. Тут оказалось, что наш самолет, шасси которого было выше американских стандартов, имел большую высоту, поэтому трап на самоходе до двери не доставал. Таких трапов, по-моему, вообще тогда не было. Пришлось трап наращивать. Так что мы выходили из самолета не очень-то парадно, как было предусмотрено протоколом. Но такие трудности нас не оскорбляли и не унижали. Наоборот, мы, как и американцы, смеясь, разводили руками. А я про себя думал: «Знай наших! Мы строим самолеты, которые впервые летают без посадки через океаны, а у вас таких самолетов нет». Думаю, что американцы больше нас переживали, что их трап не подошел. Спустившись с трапа, я увидел войска, выстроенные для парада. Потом увидел и президента. Он был одет в гражданскую одежду, не военную, хотя и генерал. Наше посольство тоже встречало нас. Я и другие лица поздоровались с президентом, и он подвел меня к членам своего правительства, представил их. Я поздоровался с каждым лично, потом с нашим послом и сотрудниками посольства. Жены сотрудников и их детишки преподнесли нам цветы.

Чувствовал я себя хорошо, хотя и обратил внимание на то, что люди на трибунах и на других местах, отведенных для публики, встретили нас сдержанно. У нас такая встреча обычно выражается в каких-то приветственных возгласах. Там этого не было. Скорее, они смотрели на нас, как на диковинку: что это за большевики? И чего от них можно ожидать? У некоторых из присутствующих было заметно и другое выражение лица: зачем они вообще приехали? Зачем нужно было их приглашать? Мы слегка поклонились, сняв шляпы, но держались с гордостью. Эйзенхауэр пригласил нас на возвышение трибуны, покрытой красным ковром и оборудованной радио. Может быть, велась радиопередача и за пределы страны, я этого не знаю. Все там

блистало, сверкало, было сделано изысканно и со вкусом. Мы делали не так, а просто, по-пролетарски, даже небрежно. У них же все было сделано основательно, продуманно, все на своем месте.

Сначала выступил с краткой речью президент, потом слово было предоставлено мне. Насколько я знаю, согласно международной процедуре первым приветствует прибывших хозяин, потом отвечает гость, приветствуя встречающих. Затем исполнялся гимн страны, в которую прибыл, потом – гимн гостей. Все это делалось очень торжественно и вселяло в нас еще больше гордости: вот мы побудили США выстроить почетный воинский караул и исполнить советский гимн! Раздался артиллерийский салют. Кажется, прозвучал 21 залп. Все, в общем, что положено по протоколу, было проделано, и это нас удовлетворяло. К нам отнеслись с должным вниманием. Получить почести доставляло нам особое удовлетворение. Не от того, что меня так встречают, а потому, что так встречают представителей великой социалистической страны.

Эйзенхауэр предложил мне поприветствовать почетный караул. Офицер отрапортовал мне, церемония закончилась, и мы прошли вдоль шеренги по красной дорожке. Теперь уже не помню, положено ли здороваться там с почетным караулом или нет. Не во всех странах это предусмотрено уставом, в некоторых надо только пройти, тем самым церемония обхода почетного караула считается законченной. Эйзенхауэр пригласил меня сесть в его автомобиль вместе с ним. Мы разместились с ним вдвоем. Нина Петровна села в другую машину, вместе с женой президента. Рассажены все были тоже согласно протоколу, разработанному протокольной частью дипломатических ведомств обеих стран. Машина тронулась, и мы поехали, но очень медленно. Охрана президента бежала справа и слева от нашей машины, вытянувшись цепочкой. Спереди и сзади она тоже прикрывала ее. Было проделано то, что мы уже видели во время пребывания в Женеве.

Нам был непривычен такой порядок. Но когда позже я узнал, на что способны люди в Америке, то все понял. За короткое время там убили президента Джона Кеннеди и его брата Роберта[564], который выставлялся кандидатом в президенты. Убили потом негритянского лидера Мартина Лютера Кинга[565], боровшегося за равноправие своего народа в США. Совершались и другие политические убийства. Может быть, процедура охраны, разработанная там, которой я стал свидетелем, была поэтому оправданна. Хотя это тоже не дает гарантии. Убийства, которые были совершены, подтверждают это. И все же охрана затрудняет возможность совершения террористических актов. О том, что там

имелось много врагов (не у меня лично, а у Советского Союза), мы догадывались. Я, конечно, это знал, но искренне признаюсь, что абсолютно ни о чем таком не думал и никакой тревоги не испытывал. Это я сейчас говорю о возможной опасности. А тогда у меня и мыслей не было о каком-либо террористическом акте.

Когда мы ехали от аэродрома, народа виднелось много. В городе – тоже, но не так много, как бывает у нас. Мы выстраиваем шеренги встречающих «дорогого гостя». Наши люди при встречах не выстраивались сами, а их выстраивали. Мы даем задание городскому партийному комитету, сколько вывести народа, как поставить, у нас выработана определенная процедура: знаем расстояние от одной точки шеренги до другой, сколько может там поместиться людей, получается плотная шеренга и обязательно с флажками той страны, откуда прибывает гость. Это производит впечатление. Порой это вызывало недовольство людей, но мы продолжали такую практику. Поступаем, как пьяница, которому если и не выпить водки, так хотя бы понюхать, иначе он будет страдать. У нас выработался такой «алкоголизм» к встречам: и в мороз, и в осеннее ненастье стояли люди-бедняги.

Бывало, когда я ехал, мне жалко было смотреть на них. Я их понимал и если бы был на их месте, то, наверное, протестовал бы настойчиво и открыто. Но все мы были рабы формы: раз сделали такую встречу одному, то надо сделать такую же и другому, иначе – дискриминация! И у меня возникла мысль о том, как бы нам перейти к иной форме выражения своего отношения к гостям, как на Западе. Там никто не выводит народ, там его некому, да и невозможно выводить. Кто хочет, тот сам может выйти и глазеть, хочет – рот раскрыть, хочет – зубы стиснуть, это дело встречающих. А у нас нельзя сказать, что люди вышли по собственному желанию. Во-первых, их выводят, а во-вторых, им за это сохраняется заработная плата, так что некоторые выходят даже с охотой, если стоит хорошая погода. Почему бы и не пройтись? Не поглазеть на гостя, черного, коричневого или белого? Все равно экзотика. А иной раз такая экзотика, с которой наши рабочие и служащие не встречались! Я тут осуждаю прошлое и не одобряю то настоящее, которое еще продолжается, как у нас было заведено прежде.

Знал, конечно, что в США и других странах практикуется и такая встреча, когда выходят с плакатами, на которых видны резкие надписи, протестующие против какого-то гостя, или карикатуры на прибывших. Одним словом, форма протеста проявляется в публичном выражении несогласия с прибытием гостя. Тут я такого не замечал, такого не было. Могут сказать, что недоброжелателей убрала полиция. Нет, полагаю, что их просто

не было. Видимо, американцы относились к нам с терпением: посмотрим, что выйдет, что это за такой-сякой гусь лапчатый, возглавляющий их правительство, интересно взглянуть на него или услышать. Поскольку враждебных к нам сил в США и было, и имеется достаточно, то сказать, что нас встречало радушием все население, было бы глупо и наивно. США – наиболее ярко выраженное классовое государство, где имеется все, от нищеты до абсолютного изобилия. Поэтому нас, представителей трудящихся и социалистического государства, не могут все там приветствовать одинаково. Мы вообще-то были подготовлены ко всему, и я объясняю сдержанность публики каким-то выжиданием, а может быть, проявлением уважения к своему президенту, так как я являлся его гостем. Я-то ехал в президентской машине вместе с ним. Может быть, и это сдерживало народ.

Мы поехали с аэродрома прямо в предоставленную нам резиденцию. Президент ненадолго оставил нас отдохнуть, а спустя какое-то время я прибыл с первым визитом в Белый дом. Отдыхая, я получил информацию от посла Меньшикова о том, как реагировала печать на мой приезд. Он сообщил также об интервью в газете, данном вице-президентом США Никсоном[566]. Прямого выпада против нашей страны и против меня как представителя Советского государства там не было, но присутствовали всяческие старые недоброжелательные высказывания, обычно присущие Никсону. Я к этому уже привык, много читал раньше об этом. Он допускал в своих статьях и собеседованиях и более резкие выражения. Тем не менее, меня возмутила бестактность, допущенная по отношению к гостю президента сразу же в день прибытия. В своем интервью Никсон настраивал народ насчет того, «как нужно понимать» приезд Хрущева. Именно это возмутило меня.

Когда я приехал в Белый дом, Эйзенхауэр встретил меня у дверей своего кабинета. Мы зашли туда, уселись. С его стороны присутствовал тот же Никсон, а с нашей – Меньшиков и Громыко. Как только мы обменялись с президентом приветствиями, как положено делать в таких случаях, я тут же, что называется, взорвался и сказал: «Господин президент, не могу не выразить своего изумления и негодования». Он насторожился. «Ваш заместитель, вице-президент господин Никсон, позволил себе в день моего приезда бестактность: давая интервью, употребил недопустимые выражения». Эйзенхауэр изумленно взглянул на Никсона, и я понял, что президент этого не знал. Видимо, еще не успел просмотреть газеты. К слову сказать, не знаю, читал ли он вообще аккуратно газеты? У меня-то сложилось впечатление, что

он царствовал, а не управлял. Наверное, ему готовили подборки вырезок. Когда он посмотрел на Никсона, тот кивнул головой, подтвердив мои слова. Не помню, что конкретно тогда сказал мне Эйзенхауэр, что-то успокоительное. Однако я видел недовольство на его лице в связи со случившимся.

Впрочем, мне лично все было ясно. Это интервью не претендовало на бестактность, а просто являлось выступлением классового противника. От классового врага ожидать чего-то другого было нельзя, хотя я считал, что Никсон, облеченный государственными обязанностями, должен был держаться в определенных рамках и считаться с тем, что я являюсь гостем президента. Раз он вице-президент, то я – и его гость. Газеты же писали по-разному. В любом буржуазном государстве существуют разные газеты, представляющие позицию разных социальных групп. Классы в целом и их прослойки выражали свое отношение к социалистической стране и ее представителю. Это мы понимали, и против враждебных наскоков на нас, нашу политику и наших людей имели классовую прививку. Просто Никсон был официальным лицом, что и заставило меня оценить его выпад по-особому.

Не помню сейчас в деталях всю программу нашего пребывания в США. И рассказать о посещениях нами разных районов и городов смогу лишь разрозненно. Упомяну о наиболее характерных поездках и о том, что́ отложилось в памяти от встреч с людьми. Президент любезно предложил мне совершить путешествие по США на его личном самолете «Боинг-707». Этот пассажирский самолет в то время считался у них самым скоростным и наиболее вместительным. Думаю, что он не превосходил скоростью наш Ту-104. Разница заключалась в том, что наш Ту имел два мотора, а «Боинг» – четыре. Но так как то был специально президентский самолет, то и оборудован он был тоже по-особому. Для президента выделили огромный салон, для сопровождающих его лиц – несколько кресел в удалении. Обставлен самолет был хорошо и оборудован очень удобно.

Я с благодарностью принял предложение, поблагодарив президента за внимание. Он сказал: «Вас будет сопровождать господин Генри Кэбот Лодж»[567], – и представил его мне. Этот человек средних лет, но выше среднего роста, крепкий, здоровый и цветущий, был офицером, в войну служил на флоте, имел звание генерал-майора (в сопоставлении с нашей градацией). Мы потом с ним познакомились поближе и долго находились вместе. Он, как представитель президента, повсюду сопровождал меня. От нас со мной постоянно следовали Громыко, Нина Петровна и жена Громыко. Не помню, ездил ли с нами по стране Шолохов.

Кажется, он бывал вместе с нами лишь в отдельных городах. Он пожелал подольше побыть в Вашингтоне, видимо, для встречи с писателями.

Свой рассказ начинаю с Лос-Анджелеса, потому что он стал особым местом при путешествии по США. (Поездка 15–27 сентября 1959 года выглядела следующим образом: Москва – Вашингтон – Нью-Йорк – Лос-Анджелес – Сан-Франциско – Де-Мойн – Питтсбург – Вашингтон – Кэмп-Дэвид – Вашингтон – Москва. – *С.Х.*) Осмотрев город, мы затем должны были попасть в Диснейленд[568], парк сказок, как говорят, очень красивый. Но туда мы не попали. Лодж и заместитель мэра города Виктор Картер стали меня отговаривать. Картер говорил по-русски, но с заметным акцентом, примерно так, как говорят евреи, живущие в СССР. Я спросил его: «Откуда вы знаете русский язык?» – «Да я сам из России, поэтому и знаю русский». – «А где вы жили?» – «В Ростове-на-Дону». Тут я подумал о том, как он мог жить в Ростове, будучи евреем. Ведь Ростов входил в территорию Донского казачества, евреям жить там было при царе запрещено. Сказав ему об этом, я спросил: «Как это могло случиться? По закону, существовавшему до революции, это запрещалось. Вы ведь еврей?» – «Да, я еврей, но мой отец был купцом первой гильдии. По тогдашним законам купцы первой гильдии имели право жить в любом городе России». Это сразу приковало к нему мое внимание, и именно он давал мне разъяснения при поездке по городу.

Помню из всех достопримечательностей Лос-Анджелеса более всего то, как много в нем цветов, как там тепло и сколь высокая влажность. Потом мне разъяснили, почему, запланировав посещение Диснейленда, меня стали уговаривать не ездить туда. Узнав о моем приезде, там организовали какое-то контрвыступление, даже с личными угрозами. И когда мне об этом сообщили, передо мною встал вопрос: настаивать или отказаться? Сначала я настаивал. Хозяева очень настойчиво отговаривали. Объяснили, что будет масса всякого народа, что могут возникнуть беспорядки. Конечно, если бы я сохранил настойчивость, то сопровождавший меня бывший ростовчанин, потерявший в России отцовские капиталы, был бы, вероятно, доволен враждебной демонстрацией. Не допускаю худшего, но и худшее могло случиться. Тогда я, подумав, более не настаивал. Мы познакомились там только с Лос-Анджелесом, причем из машины, кажется, из открытой.

Потом нас пригласили к себе кинопромышленники[569]. Голливуд – это особая республика в государстве, которая «печет» кинокартины любых направлений и всех жанров. В то время там

уже почти не делали прогрессивных картин, это был не тот Голливуд, который когда-то выпускал кинокартины Чаплина и других прогрессивных режиссеров. Когда нам показывали залы для киносъемок, как раз в это время шли съемки кинофильма «Канкан». Думаю, что съемки не были приурочены к нашему посещению и шли по плану. Наше посещение пришлось на эпизод, когда очень нарядные и красивые девушки в красочных платьях должны были танцевать канкан. В этом танце встречаются моменты, которые считаются не вполне пристойными и не всеми хорошо воспринимаются. Затем нас пригласили в само съемочное ателье, туда же позвали этих девушек и других участвующих лиц. Мы вошли всей делегацией, и нам предложили сфотографироваться с киноактерами. Я встал рядом с Ниной Петровной, девушки нас окружили, а фотокорреспонденты взялись за аппараты. Я слышал, как один корреспондент обратился к соседней девушке, но не знал, о чем шла речь. Немного позднее наш переводчик рассказал мне о том обращении фотокорреспондента к актрисе Ширли Маклейн – он заметил ей вполголоса: «Приподнимите платье повыше, еще выше!» И она, по-моему, сделала это. Она стояла рядом со мной, и, видимо, тот тип хотел получить более пикантный снимок. Такая девушка – и рядом с Хрущевым! Я-то остался равнодушным: ну и что? Это же канкановая артистка.

Когда мы были в Дании, там тоже ставился спектакль под названием «Канкан». Один из эпизодов: девицы танцевали, потом повернулись к публике и, откинув подолы платьев, обнажили нижнюю часть спины. Они были в панталонах, на которых виднелись буквы. Жена премьер-министра Дании, сама являвшаяся актрисой, сказала нам, что там было написано: «С Новым годом!» Для советской публики, конечно, такая сцена была сверхпикантной. Мы не привыкли к такому жанру и считали его непристойным. Почему же я должен фиксировать на этом свое внимание? Правда, сами американские киноактеры, беседовавшие с нами, и другие участники съемок произвели на нас хорошее впечатление. Эти девушки вне съемок ничем особенно не выделялись, вели себя скромно. То есть просто делали свою работу. Фотографию же мы, кажется, получили. Потом администрация Голливуда дала в нашу честь обед[570]. Присутствовало довольно много людей, цвет тамошних актеров, кинозвезды. Обед прошел в непринужденной обстановке, ничего антисоветского не было проявлено. Хотя отношение у них всех к СССР было, конечно, разным, но держались они вполне дружественно. Это была в целом приятная встреча.

В Лос-Анджелесе мы находились в течение одного дня.

Вечером состоялся второй обед в честь нашей делегации. Его давал мэр города, республиканец[571]. Мне сказали, что этот человек занимает резко антисоветскую позицию, поэтому можно ожидать какого-либо подвоха. Вряд ли открытого, в грубой форме. Но в замаскированном виде он мог в своей речи выступить против нашей страны. Мы очень ревниво относились к любому негативному проявлению чувств, стараясь не допускать в наш адрес даже намека на неуважительное отношение.

Продолговатый зал отеля «Амбассадор» человек на 500 был полностью забит приглашенными. Мне рассказали, как организуются такие приемы. У нас их оплачивает государство или какое-то учреждение, устраивающее прием, у них – частные лица. Входные билеты стоят очень дорого. Соседка по столу была, видимо, как раз человеком богатым и обладала крупным капиталом, иначе не смогла бы попасть туда. Мы с Ниной Петровной и вся делегация были усажены за стол мэра и его супруги. А за столом у меня состоялась беседа как раз с той женщиной. Главным образом, она сама навязывала разговор. Высказывалась она по-доброму и в адрес делегации, и в мой лично. Но это еще не значит, что она с уважением относилась к Советам. Мне показалось, что она хотела посмотреть на гостя, как на экзотического медведя из России, где их по улицам водят. Ее удостоили сидеть с ним рядом, а он почему-то не рычит. Она говорила: «Да вы знаете, сколько было желающих попасть на этот обед? Я тут присутствую одна, а мой муж сидит дома и, конечно, завидует мне. За участие в обеде каждая персона должна была внести крупные деньги. Конечно, мы внесли бы и за две персоны, чтобы присутствовать тут вдвоем, но было так много желающих, что установили особый порядок: только кто-нибудь один, или муж, или жена. Мне повезло, и я считаю себя счастливой. Я попала на прием в вашу честь, а муж сидит дома, скучает и завидует мне».

Помимо Лоджа, нашу делегацию сопровождал посол США в СССР господин Томпсон[572] с женой. Они тоже там находились. Обстановка была парадной, столы накрыты, зал нарядно убран, горели свечи. У них существует традиция давать обеды при свечах. Царит полумрак, мягкий, приятный свет не раздражает. Все шло хорошо, пока не выступил мэр. Фамилию его не помню. Лет пятидесяти или за пятьдесят, вовсе не тучный, какими у нас обычно на плакатах рисуют буржуев, а вполне нормальных объемов человек. Его речь была небольшой, но в ней торчали шпильки, направленные против Советского Союза. Сейчас не помню, касались ли они и меня лично. По-моему, нет, но в адрес советской системы, в сравнении с государственной системой

США, он допустил неприятные выражения, особенно в связи с позицией, которую занимал СССР в мировой политике. Хотя в его выступлении присутствовала замаскированная антисоветская направленность, не прямая и не грубая, я ее почувствовал и возмутился. Можно было бы и пройти мимо этого, потому что сделано было не в грубой форме. Думаю даже, что не все присутствующие поняли суть сказанного. Но я понял. Поскольку его речь адресовалась мне, я имел право сделать вид, что я не понял. Но решил демонстративно отреагировать и дать ему публично отпор, чтобы объясниться тут же, а не после обеда, один на один.

Я попросил разрешения на реплику, и он предоставил мне слово. Тогда я в резкой форме, несколько раздраженным тоном, заявил протест такого содержания: «Господин мэр, я являюсь гостем президента и прибыл сюда по его приглашению. К вам я тоже прибыл согласно программе пребывания, утвержденной президентом США. Но я не напрашивался в гости и не позволю третирования, какого-либо унижения или тем более оскорбления советской политики, нашей страны – великого Советского Союза – и нашего народа. Мы, социалистическая страна, прошли трудный путь и достигли больших высот в развитии экономики и культуры. Мы шапку не ломаем и не напрашиваемся в гости. Но если нас пригласили, то не потерпим ничего такого, что могло бы как-то оскорбить либо унизить нашу страну или ее представителей. Если мое пребывание как представителя СССР здесь неугодно, то на аэродроме в Вашингтоне стоит наш самолет. Я всегда могу его вызвать прямо сюда и улететь отсюда в Советский Союз».

Это произвело сильное впечатление. Потом мне рассказывали, что жена посла США госпожа Томпсон прослезилась, а соседям, которые сидели с ней рядом, высказала недовольство мэром за то, что он допустил такое. Она была очень возбудимой женщиной, и ей представилось, что чуть ли не начнется тотчас война, если Хрущев уедет. Сейчас не помню, как реагировал сам мэр. Во всяком случае, не полез в драку. А о своем поведении я тогда не жалел и ныне не жалею. Надо было дать отпор, двинуть в зубы антисоветчику, который занимал достаточно высокий пост. Кончился обед, мы распрощались. Я, конечно, поблагодарил мэра за прием, и мы отправились в гостиницу, где должны были переночевать. Оттуда рано утром был запланирован наш отъезд поездом в Сан-Франциско. Вернувшись в гостиницу, все сопровождающие собрались в моем номере – большой гостиной. Я продолжал негодовать и свое негодование высказывал в очень сильной форме, допускал даже

резкие выражения. Демонстрируя свое раздражение, я говорил, что если нас так будут принимать, то я отказываюсь продолжать поездку по США и улечу на Родину.

Все это было выражено мною нарочито в возбужденном состоянии и очень громко. Я отпустил много нелестных слов в адрес мэра: как мог он позволить себе выпад в отношении гостя президента? Жена Громыко, милая женщина, очень взволнованная, начала меня успокаивать и даже побежала за валериановыми каплями, а потом накапала их мне, чтобы я успокоил нервы. Я-то ей условным знаком показываю, чтобы она сама не волновалась, что я-то как раз держу свои нервы в руках и просто выражаю возмущение для ушей хозяев. Я ведь был убежден, что там поставлены подслушивающие аппараты и что Лодж, расположившийся в той же гостинице, слушает меня в своем номере. Поэтому я хотел, чтобы он понял, что мы такого не потерпим, что это недопустимо. Кончилось тем, что я попросил Громыко, как министра иностранных дел, пойти сейчас же к представителю президента господину Лоджу и выразить ему неудовольствие, заявив о нашем отказе от завтрашней поездки в Сан-Франциско.

Товарищ Громыко ушел, потом вернулся вместе с Лоджем, который извинился за слова мэра и просто умолял, чтобы я не отказывался от посещения Сан-Франциско. Говорил, что гарантирует неповторяемость ничего такого: «Наоборот, господин Хрущев будет очень доволен обстановкой в Сан-Франциско». Мы позволили уговорить себя. Потом в вагоне поезда он, проявив инициативу, сам заговорил об инциденте. Я благосклонно выслушал его заверения, но предупредил, что если еще что-либо такое встретится, то я прекращаю визит и возвращаюсь в Советский Союз. Теперь – о поезде. Американские вагоны – на мягких рессорах, очень удобны, в них приятно ехать. Вообще вся железная дорога – на высоком уровне. Лодж же никак не мог остановиться и так выражался о вчерашнем инциденте: «Господин Хрущев, я прочитал речь мэра. Только дурак мог составить такую речь. Если бы вы видели, что было написано в первом варианте, который он дал мне для просмотра! Я все ему вычеркнул, говорил, что это недопустимо. Те места, на которые вы отреагировали, я тоже вычеркнул, но он, такой дурак, оставил их. Видимо, он не понимает ситуации, тупица».

Конечно, не знаю, так ли обстояло дело, как говорил Лодж? Может быть, он тоже пропустил эти места, ибо в его понимании они не вызывали чувства протеста, и он считал, что они вполне допустимы? Но, может быть, он действительно указывал мэру, а тот по глупости не посчитался с советом. Для меня происшедшее

было закономерным, потому что наш классовый враг занимал естественную для него позицию. Но ведь случилось это не при частной встрече, а при официальном визите. Иначе нечего было бы и возмущаться, а надо было просто разъяснить человеку, что он ошибается. Иной характер приобретала его речь, когда он принимал советскую делегацию. К Лоджу же я относился с доверием. По-моему, он вел себя искренне, да и вообще добросовестно исполнял свои обязанности уполномоченного. Это – умный человек. Проводил он плохую политику, но ведь он чиновник и проводил политику своего правительства. Во Вьетнаме он дважды был послом, участвовал в переговорах по Вьетнаму в Париже. В политике занимал позиции республиканской партии, а в личной беседе проявил себя приятным собеседником, ко мне во всяком случае относился хорошо. Мы часто с ним шутили. Он рассказывал мне о своем участии в войне, я ему – о своем. Шутя сказал ему: «Господин Лодж, вы человек военный и поэтому должны соблюдать субординацию. Вы генерал-майор, а я генерал-лейтенант, имею более высокое воинское звание[573], и вы должны относиться ко мне соответственно и вести себя, как положено младшему перед старшим». Он захохотал: «Есть, я понял, господин генерал-лейтенант». И другой раз говорил в шутку: «Докладывает генерал-майор…» Одним словом, произвел на меня хорошее впечатление. Мне с ним было приятно проводить время. Во время перелетов и переездов мы о делах говорили мало. Он никаких вопросов не решал, и я понимал его положение, поэтому проводить с ним какие-то диспуты о политическом моменте не было нужды, хотя мы их все-таки не избежали. Политики не могут избежать таких разговоров, даже если и желали бы. Но наши беседы велись в определенных рамках, чтобы не разгорались страсти и не обострялись личные отношения.

Во время поездки в Сан-Франциско, согласно расписанию, поезд остановился на какой-то станции. Народу там собралось много, видимо, из близлежащих поселков. Не знаю, что это за люди. Когда поезд остановился, все глядели на вагоны. Явно искали глазами делегацию Советского Союза. Видимо, о нас заранее было объявлено. Я попросил Лоджа: «Выйдем на перрон». – «Что вы, что вы, я не советую». Но я считал, что, раз народ пришел, надо выйти, иначе могут неправильно понять: дескать, игнорируют, проявляют неуважение к тем, кто хотел бы встретиться или хотя бы увидеться; с другой стороны, сочтут, что меня запугали, и поэтому я боюсь… И я направился к выходу, потом спрыгнул на перрон и подошел к решетке, которая отделяла станцию от газона. Народ сгрудился вокруг меня

и Лоджа и прижал нас к решетке. Люди напирали друг на друга, вовсю отталкивая соседей. Однако остановка была недолгой, послышался сигнал к отправлению поезда. Мы вернулись в вагон, но я выступал из окна, отвечая на вопросы. Голос мой услышать всем было невозможно, и вдруг откуда-то появился переносной усилитель с репродуктором. Лодж держал его передо мной, я выступал. Закончил мимолетную речь благодарностью. Еще когда я уходил в вагон, Лодж на некоторое время остался, а потом, вернувшись, подал мне медаль с барельефом Ленина, которая и была прикреплена к моему костюму. Я получил ее от Общества борьбы за мирное сосуществование. Тут я спросил: «Где вы ее нашли?» – «Мне ее передал какой-то человек и сказал: «Утеряна господином Хрущевым, прошу передать ему». Я был очень обрадован этим, и во мне пробудилось уважение к неведомому человеку. Ведь другие могли бы сохранить находку как сувенир или польститься на ценность, потому что эта медаль из золота. Для корыстных людей она хоть и небольшой, но все же соблазн.

В Сан-Франциско нашу делегацию встречали губернатор штата и мэр Кристофер[574]. Мэр проявил большую любезность и оставил очень хорошее о себе впечатление. На шумной встрече народу было много. Нам поднесли роскошные цветы. Мэр представил мне свою жену, она тотчас подошла к Нине Петровне и Лидии Дмитриевне Громыко, а потом не оставляла их, мэр же занялся мною. В толпе на вокзале и по пути следования в гостиницу я никаких проявлений враждебности не заметил, хотя и был подготовлен к тому, ибо тогда у нас были очень плохие отношения с Соединенными Штатами. Впрочем, даже в стране, с которой налицо добрые отношения, нельзя рассчитывать на абсолютное понимание необходимости крепить дружбу. Поэтому при встрече с главой правительства, к которому питаешь неуважение, не нужен особенно большой талант для выражения своего негодования в той или иной форме. Но ничего такого не попало тогда в поле моего зрения: ни выкриков, ни жестикуляции, хотя американцы умеют это делать, если хотят проявить свою враждебность. Потом Лодж мне говорил: «Вот видите, я обещал вам, что тут будет совсем другой климат, другая атмосфера». И я поблагодарил его. Видимо, он как-то предупредил мэра города и надеялся на него.

В беседе со мною этот мэр тоже говорил: «О-о, господин Хрущев, здесь Сан-Франциско. Я, готовясь к выборам на второй срок, с уважением отношусь к вашему государству и лично к вам. Мы очень рады принять всех вас и проявить гостеприимство. По национальности я грек, моя жена тоже гречанка». Тогда я пошутил: «Значит, мы с вами братья. Когда Русь принимала

христианство, то избрала греческое вероисповедание. Я человек не религиозный. Не знаю, как вы, но думаю, что вы меня понимаете и не обидитесь, если я откровенно скажу, что я атеист. Однако история Руси такова, что ее народ близок с греками, всегда относился к ним с сочувствием, был готов оказать помощь в их борьбе против турок за освобождение Греции». Мэр, улыбаясь, кивал головой.

Были устроены прием и обед. Люди, которые там присутствовали, весьма обеспеченные, не рабочие, платили за свое присутствие большие деньги. Расходы тоже были солидными, потому что угощали там, как понимаете, не кислыми щами, а иным ассортиментом блюд. Обслуживание стоило немалых денег. Думаю, что этот обед привлек внимание публики больше из любопытства, чем для демонстрации дружеского расположения к нам. Рядом со мной опять сидела женщина, которая очень любезно ко мне относилась, но ее в принципе скорее интересовал факт присутствия на мероприятии. В США печать по-разному склоняла мою фамилию, а ей вот посчастливилось сидеть рядом.

И тогда я вспомнил себя подростком, рабочим завода, неподалеку от которого 14 сентября всегда проводилась ярмарка. Люди всех возрастов шли туда. Там продавались разные товары, главным образом сельскохозяйственные или для бытовых нужд. Цыгане приводили лошадей. Приезжал цирк с передвижными зверинцами. Бывало, шли посмотреть за 50 копеек на слона. Среди заводских гуляла шутка: «Ну что, заплатил полтинник?» – «Как же, заплатил, да еще слона за хвост подергал». Теперь я сказал бы, что налицо некоторая аналогия: какие-то люди хотели посмотреть вместо слона на русского медведя. Каков он по внешнему виду, умеет ли держать в руках нож и вилку, сидеть за столом в обществе, как ведет себя, чавкает ли, и пр. Другие хотели послушать, что скажет Хрущев по вопросу мира и войны. Этот вопрос занимал всех, но оценивался с разных позиций. Все классы к нему небезучастны. Американцы в своем большинстве боялись войны и считали, что войной им может угрожать только Советский Союз.

Мэра города Сан-Франциско я потом пригласил приехать в Советский Союз: «Приезжайте, вам будет оказано соответствующее внимание». Он приехал с женой по приглашению от Моссовета, а не туристом. Я принимал его, беседовал с ним, и мне было приятно, что он вновь держался хорошо. А тогда, в Сан-Франциско, он готовился к переизбранию, выставив свою кандидатуру на второй срок. Прием, оказанный мэром делегации Советского Союза, склонял весы в

избирательной кампании в его пользу. Если мэр Лос-Анджелеса, напротив, завоевывал лишние голоса на антисоветских высказываниях, то здесь подчеркнутое уважение при приеме советской делегации как раз, наоборот, обещало дополнительные голоса избирателей. А в Москву этот грек приехал уже после переизбрания, и я его поздравил с успехом. В Сан-Франциско он специально угощал нас молочными продуктами отличного качества и сказал: «Это с моей фермы, которая занимается переработкой молока и продает молочные продукты». Все продукты и по упаковке, и по вкусовым качествам были на высоком уровне. Я похвалил их публично, и это тоже оказалось на пользу мэру, но уже как владельцу фермы: такая реклама обещала ему увеличение сбыта и прибылей.

Мэр предложил мне также посмотреть на строительство индивидуальных коттеджей. Я с удовольствием принял это предложение, и мы поехали на окраину города. Коттеджи возводились деревянные, из сборных щитов и сразу целой улицей или даже поселком. На фабрике изготовлялись конструкции, их привозили на стройку, где уже был подготовлен фундамент и закончены канализационные работы, оставалась лишь нивелировка, даже все дорожки и подъезды были сделаны. Потом ставили эти щиты, очень быстро скрепляли, и дома приобретали конечный вид. Окрашены они были нарядно и выглядели красиво. В домах разное количество комнат, в зависимости от возможностей заказчика. Но когда я осмотрел щиты вблизи, то был разочарован. «Из чего сделан заполнитель: стружки, опилки?» – «Вроде того, – отвечают, – тут дешевое строительство». И мне назвали низкую цену домиков, по американским стандартам даже малую. Эти дома были похожи на финские, которые у нас приобрели известность после войны. Мы их много закупали тогда в Финляндии, рассматривая их как временное жилье. У нас от людей, живших в них, шли сплошные жалобы, что их заедают блохи. Опилки – благоприятная среда для размножения насекомых.

Все, конечно, зависит от культуры содержания домов. В таких же жили финны, но блохи им не мешали. Нам же нужно было побыстрее получить жилье, хотя бы и с блохами. Затем я опять спросил: «Сколько лет простоит этот домик? Лет 20?» – «У нас покупатели так и предупреждаются; строится на 20 лет». – «А что дальше?» – «Ну зачем строить дом, который простоит 100 лет? Через 20 лет мы сделаем человеку по его заказу совершенно новый». Это правильно с точки зрения коммерческой, интересов фирмы. Но я знаю психологию нашего крестьянина. Она сложилась в результате бытовых и материальных возможностей.

Строить на 20 лет – чистое разорение для крестьянина. Хорошо знаю Курскую губернию, откуда я родом. Пожары были частыми гостями в нашей деревне. Лес помещичий, дерево надо покупать. И когда крестьянин строил дом, он обязательно делал сруб и для него покупал осину, потому что дуб купить не мог из-за дороговизны. Сосна в наших лесах не росла, а осина была дешевая. Покупали только на нижний венец дома дубовые бревна. Если человек состоятельный, он приобретал три-четыре венца, после чего осиновая хата могла простоять 30 лет (годов, как они говорили). Американцам же предлагают: «Пожалуйста, спустя 20 лет сделаем новый». Для нас это чересчур мало.

Сан-Франциско порадовал меня солидарностью рабочих. Там профсоюз докеров возглавлял прогрессивный человек, не коммунист[575], но придерживавшийся левых взглядов и очень хорошо относившийся к Советскому Союзу. Я получил приглашение от докеров выступить на их митинге, с большим удовольствием согласился и в назначенные день и час прибыл на митинг. Народу собралось не так много. Тем не менее у меня остался чрезвычайно приятный след в памяти от встречи с докерами и от того, как меня приняли. Открывая встречу, профсоюзный деятель произнес дружественную речь в отношении нашего народа, политики нашего государства и в мой адрес. Публика реагировала тоже весьма приветливо. Выступали докеры. Они горячо выражали нам свои симпатии. Потом выступил я с небольшой речью. Ее все принимали горячо. Переводчик переводил синхронно, и почти на каждую фразу слушатели реагировали аплодисментами.

Кончился митинг, я сошел с трибуны, ко мне подбежал какой-то молодой парень, снял с меня шляпу и надел мне на голову свою парусиновую кепку (видимо, часть производственной одежды), а я надел ему на голову свою шляпу. Это вызвало смех и одобрение, народ долго аплодировал. То была самая теплая, истинно пролетарская встреча, и я остался благодарен профсоюзному лидеру. Я заранее знал о его симпатиях. Но одно дело – ожидать, и другое – ощутить, когда увидишь такую теплую встречу и братские объятия. Журналисты, а их было там несколько сот человек, все это засняли на кинопленку и фотографировали. Потом митинг освещался в печати. Они вынуждены были давать правдивую информацию, хотя некоторые журналисты имеют склонность извращать факты. Здесь такого не случилось.

Потом от наших журналистов я узнал, что в Сан-Франциско находится и профсоюзный лидер рабочих автомобильной и тракторной промышленности господин Райтер[576], известный

мне по статьям в печати. Какое-то время он занимал левые позиции и входил в одну международную профсоюзную организацию вместе с представителем СССР. Потом Райтер вышел из нее и занял антисоветскую политическую позицию. Когда мне сообщили, что он хочет встретиться со мной и просит назначить время и место, я, хотя от этой встречи ничего хорошего не ожидал, захотел увидеться с ним, чтобы провести беседу. Тут сказали, что если я соглашусь, то придут еще три профсоюзных босса. Пришел также брат Райтера с кинокамерой и фотоаппаратом. Потом мы узнали, что он захватил и магнитофон. Я ничего не имел против: пожалуйста! Мы условились о месте и часе, и встреча состоялась в той гостинице, где я жил. Я хозяин, значит, и угощение мое: пиво, прохладительные напитки, соки, закуска.

Райтер оказался человеком средних лет, моложе меня. Мне запомнился и сопровождавший его старик, лидер рабочих пивоваренной промышленности. Брат Райтера[577] уселся в стороне, на краю удлиненного стола, где он записывал беседу, главным образом не в блокнот, а на ленту магнитофона, но старался, чтобы мне не было заметно. С нашей стороны присутствовали Громыко, журналист Юрий Жуков[578] и некоторые другие корреспонденты. Они записывали все вопросы и ответы, потому что потом следовало осветить встречу в печати. Жуков – блестящий журналист. Он хорошо разбирался в американских вопросах вообще и в профсоюзном движении США в частности. Это вообще один из лучших наших журналистов. Я относился к нему с большим уважением и охотно приглашал его на встречи. Не на все, конечно, но часто выбирал именно Жукова.

Темы во время беседы с Райтером затрагивались общие, которые интересовали нас ранее, во время переговоров с государственными деятелями США. Возникали также специфические проблемы мирного сосуществования, единого рабочего фронта и объединения революционных сил, классовой борьбы. С другими профсоюзными деятелями я потом в США больше не встречался. Хотя инициатива встречи исходила от Райтера, беседа оставила во мне плохой след. Взаимопонимание обычно выражается сразу. Тут его не получилось, так как у нас были противоположные точки зрения. Райтер поддерживал все, что делало правительство США: стоял за классовый мир, за мирное сосуществование не между странами, а между классами, что противоречит марксистско-ленинскому учению и вредно для рабочих. Райтер – умный человек, сам тоже из рабочих. Сначала он трудился у Форда, тот послал его в СССР на строительство автомобильного завода в Горьком. Райтер вошел в число

инструкторов, которые обучали наших людей налаживать производство автомобилей, и рассказал мне, что года два или три проработал в Горьком, хорошо знал советские условия жизни и быт, помнил город Горький. «У меня остались добрые воспоминания о ваших людях», – сказал он и начал вспоминать тех, с кем поддерживал контакты. Я избегаю тут слова «дружил», хотя, может быть, в то время он и дружил. Райтер рассказывал и о советских девушках, несколько в игривом тоне, а в целом старался убедить меня, что отлично знает наш народ и его быт, участвовал в молодежных вечеринках и пр.

И все-таки он остался человеком, который отрицал классовую борьбу. В США он организовывал забастовки и вел профсоюзную работу, но только в рамках дозволенного, чтобы не поколебать капиталистические устои, не ослаблять правительственный режим, вел борьбу за пяток долларов, за гривенник. Это экономическая борьба, а не политическая. В политической борьбе он занимал те же позиции, что и обе правительственные партии – республиканцы и демократы. За какую же партию он призывал голосовать? Вероятно, за демократическую, но хрен редьки не слаще. Классовой разницы между демократами и республиканцами, в сущности, не было. И та и другая партия стояли на позиции дальнейшего укрепления капитализма и его развития, а также подавления рабочего движения.

Несколько слов скажу о сопровождавших Райтера людях. Один – выше среднего возраста, показавшийся мне разумным человеком, который с пониманием относился к нашей политике[579]. Я почувствовал, что он хотел бы каких-то диалогов с профсоюзами СССР. По некоторым обсуждавшимся вопросам он подавал реплики, в которых выражал неплохое отношение к нашей политике, но очень робко, а Райтер с ним не считался. Может быть, тот находился в оппозиции к Райтеру? А может быть, хотел продемонстрировать американскую демократию: «Вот видите, у нас глава профсоюзов имеет одно мнение, а я, член этого же профсоюза, хотя и поддерживаю основную линию, но по отдельным вопросам имею свое мнение». Лидер пивоваренных рабочих был не просто старым, но и, похоже, выжившим из ума. Во время всей беседы я от него не услышал ни одной разумной фразы. Единственное, чем он занимался, – пил пиво, лил его в себя, как в бочку, и поедал абсолютно все, что лежало на столе. Реплики же вставлял просто глупые. Меня это раздражало. Райтер это заметил и сказал: «Ну что же вы так реагируете? Он ведь не политик, а профсоюзный деятель. А знаете ли вы, сколько лет он возглавляет свое профсоюзное движение?» Я прямо ответил: «Не знаю, сколько лет, но всерьез принимать и всерьез отвечать на его

несуразные реплики не вижу смысла».

Третий гость тоже был недалек от пивовара[580]. У меня в памяти не сохранилась его политическая позиция, но по своим репликам он стоял близко к старику. На меня произвело странное впечатление одно наблюдение. Когда пивовар тянулся к бокалу, я заметил, что у него и на правой, и на левой руке были золотые часы. Зачем нужно носить две пары часов? Украшение? Браслеты? Я не стал спрашивать его, но для себя сделал вывод, что он мещански ограниченный человек, и вести с ним какие-либо разговоры бесполезно. Понял, что тут босс, которого, не знаю уж за что, просто поддерживают и выбирают рабочие его профсоюза. Трудно сказать, как функционирует там машина выборов. Но явно низок политический уровень тех, кого он возглавляет.

Впрочем, Райтер – тоже свидетельство идентичного политического уровня автомобилестроителей. А ведь это весьма квалифицированные рабочие. Почему они избрали Райтера? Там же есть истинно левые силы, есть коммунистическая партия. Увы, хотя в профсоюзном движении США коммунисты пользуются каким-то доверием, но не могут занять достойное положение. Тамошнее профсоюзное движение поддерживает капиталистические устои. Иной раз я читаю в газетах и слышу по радио: вот там-то забастовка. Когда сообщают почему, то не уточняют, что ведется не политическая борьба, а экономическая. Ленин осуждал в рабочем классе такие течения, которые отрицали политическую борьбу профсоюзов, ограничивая свои действия только экономической борьбой. На таких же позициях стоит сейчас профсоюзное движение в США, и яркий представитель данного течения – Райтер. Потом мне дали справку о его заработной плате. Я был удивлен: он зарабатывает столько же, сколько директора крупнейших корпораций. Значит, капиталисты умеют ценить людей, которые являются организаторами рабочего класса, поддерживают их и платят им. Эти платежи являются сдерживающим фактором, и такие люди больше прислушиваются к капиталистам, чем к рабочим. Предательская позиция, но, к сожалению, она сильна в американских профсоюзах.

На этом, собственно, наша беседа тогда и закончилась. Она проходила на фоне большой непримиримости во взглядах. Райтер демонстрировал какую-то, я бы сказал, дерзость в отношении советской политики. Я ему не только отвечал тем же, но и, как говорится, «заливал ему сала за воротник», обличая его позицию как измену рабочему классу. Да Райтер и не отрицал этого: он вовсе не борется за социализм, а выступает лишь за улучшение жизни рабочих. Его профсоюз объединяет какой-то их процент, но

многие не входят в профсоюз. Кстати, когда я находился в США, состоялась забастовка рабочих металлургической промышленности, крупнейшая по масштабу. Нам было запланировано посещение Питтсбурга – одного из центров металлургической промышленности. Печать уже сообщила, что я должен посетить этот город. Профсоюзы выступили с предупреждением, чтобы я даже не рассчитывал на встречу с их деятелями, ибо те не желали такой встречи и повели себя недружелюбно, высказывая враждебное отношение к моему пребыванию в США и к посещению Питтсбурга во время забастовки.

Несмотря на это, было решено не менять планов и воспользоваться поездкой в Питтсбург, чтобы хотя бы осмотреть город. Мы прибыли туда на автомашинах. (Здесь требуется уточнение: из Сан-Франциско делегация полетела не в Питтсбург, а в город Де-Мойн штата Айова, через пару дней все перебрались в Питтсбург, и не автомашинами, а самолетом. – *С. Х.*)

Местность там холмистая, зеленая, много людей стояло вдоль дороги и гуляло семьями, женщины с детскими колясками расположились на траве. На меня произвела впечатление их одежда: нарядные ситцевые платья хорошей расцветки, приятно выглядевшие. Но меня поразила вольность в одежде. У нас женщины носят платья строгого покроя. А там они ходили в трусах, ситцевых штанишках и весьма легких платьях. Я лично считаю, что это практично, хотя и непривычно для нас. Наши женщины носят даже более дорогие платья, но с более темными расцветками и другого покроя. Бросалась в глаза масса ярко одетых людей на зеленом фоне. Они отдыхали и заодно встречали нас. Ведь люди знали, что мы поедем этой дорогой, вот они и собрались у дороги.

Когда мы проезжали, некоторые из них приветствовали нас, и таких было довольно много. Каких-либо выкриков враждебного характера не слышалось. Проявлялась сдержанность, но все-таки в толпе заметны были люди, которые выражали симпатии к нам. Однако никаких встреч с профсоюзными деятелями или рабочими в Питтсбурге так и не состоялось. Профсоюзы, которые делали нам предупреждения, своего добились. Это тоже говорит о характере их профсоюзного движения и его политической линии. Профсоюзы не хотели запятнать свои профсоюзные одежды контактом с представителями Советского государства, демонстрировали свою собачью преданность капитализму и враждебность к социализму. Полагаю, что сейчас проводится такая же линия профсоюзами не только США, а и других капиталистических стран.

Нам было запланировано также посещение крупной фабрики колбасных изделий. Это произошло при интересных обстоятельствах. Рабочие колбасной фабрики тоже бастовали, и их профсоюзные лидеры предупредили, что они нас не примут. Капиталисты здорово их приручили. Неожиданно владелец фабрики пригласил нас ознакомиться с ее производством, хотя и не для беседы с рабочими. Мы согласились и приехали[581]. В рекламе хозяин знал толк. Мы увидели заранее приготовленную аппаратуру для съемок и телевизионной передачи. Дирекция организовала дегустацию изделий. Нам подавали вкусные сосиски с ароматной горчицей, мы угощались ими прямо перед телекамерой. Мистер Лодж тоже уплетал сосиски и улыбался. Он-то понимал публичное значение дегустации. Потом мы осмотрели производство, но оно не представляло лично для меня интереса. Вот если бы рядом был Микоян, который больше разбирался в таком деле… Приглашение меня на эту фабрику носило в какой-то степени подчеркнутый, вызывающий характер. Металлургические заводы, бастуя, потребовали, чтобы я не подходил к ним на пушечный выстрел. Рабочие-колбасники поддерживали их и тоже не пожелали контакта с нами. Хозяин же, видимо, решил подзаработать на этом, пригласил нас и создал себе рекламу. И когда мы уехали, я спросил Лоджа: «То, что сейчас произошло, тоже реклама?» Он заулыбался: «Да, безусловно, хозяин на вас хорошо заработает». Тогда я пошутил (а Лодж понимал шутки): «Вам что-то должно перепасть от этой рекламы как сопровождающему?» Лодж смеялся, не отрицая, и отпустил ответную шутку, что я тоже должен что-то получить от рекламы.

Затем мы осмотрели Питтсбург. Никаких контактов ни с кем больше не имели. Так, в сугубо забастовочной обстановке я увидел рабочий класс и профсоюзы США, их отношение к социалистическому государству, к делу борьбы против капитализма. Если в некоторых других странах сознательные рабочие посвящают классовой борьбе все свои силы, то в США этого нет. Далее, согласно плану, мы должны были посетить машиностроительный завод[582]. Мне сообщили, что завод старый, оборудование несовременное. И по размерам, и по объему производства предприятие было средним или даже ниже среднего. А попал я на него так. На обеде у Эйзенхауэра он познакомил меня со своей приятельницей, дамой намного старше средних лет, но выглядевшей свежо, и сказал, что дама приглашает посетить частично принадлежащий ей завод как акционер общества, которое владеет заводом. Я поблагодарил за любезность и принял приглашение.

На предприятии нас встретила администрация. Той дамы я не увидел. Сразу же, как только переступил порог, почувствовал родную стихию. Мы спокойно ходили, осматривая производство и станочное оборудование, а рабочие не отвлекались. Не так, как бывает у нас: если приедешь на любой наш завод, он фактически останавливается. Хотя работа станков не прерывается, но все будут смотреть на тебя, подходить, разговаривать. В США же производственного ритма строго придерживаются, никто не имеет права отвлекаться, хотя бы и не было поточного производства. Тут тоже его не было, работа велась на индивидуальных станках, изготовлялись какие-то отдельные детали, так что рабочие могли бы без особого ущерба отвлечься. Но они берегли трудовое время, были дисциплинированными, да и администрация стояла рядом, так что все придерживались распорядка.

Я подошел к сверлильному станку и сказал управляющему: «Этот станок – мой ровесник. Когда я в ранней юности работал на машиностроительном заводе, у нас стояли такие же станки». Подошли к механической ножовке для отрезания концов металлических заготовок. Я улыбнулся и спросил: «А это какого возраста?» – «Да, господин Хрущев, – ответили мне, – наш завод старый, поэтому у нас встречается оборудование от современного до допотопного». Но я заметил: «Тут даже больше, чем допотопное». Устаревших станков стояло много: и долбежные, и строгальные. Даже не знаю, как такой завод мог конкурировать с более налаженным производством и с современным оборудованием. Тут проявляются сноровка и ловкость капиталистов, если производство дает прибыль. В их мире нерациональное не живет. Что не дает прибыль, то обречено на слом.

Когда ходили по цехам, увидели, что проходы между станочным оборудованием пятнистые – в свежих асфальтовых латках. И я заметил администратору: «Очень похоже на наши порядки. Когда приезжает руководство, к его приезду залатывают выбоины». Он улыбнулся: «Да, мы перед вашим приездом, господин Хрущев, сделали ремонт. Приезжает гость, надо залатать».

Шел я мимо одного строгального станка, рабочий подошел ко мне, предложил сигару и дружески похлопал меня по плечу. Другие рабочие тут же подняли головы. Я тоже похлопал его по плечу, снял с руки часы советского производства, хотя и не золотые, но хорошие, и надел ему на руку. Рабочему это было приятно. Потом какой-то американский журналист обратился ко мне: «Господин Хрущев, вы дали свои часы рабочему. Как

понимать? Когда мистер Никсон был в Москве и дал на рынке рабочему какую-то сумму денег, то ваша печать осуждала его, рассматривая это как подкуп»[583]. Я ответил: «Рассматривайте так, как произошло. Вы же видели, что рабочий проявил любезность, подарил мне сигару. Хоть я не курящий, но принял ее. Человеческий долг велит сделать ответный подарок. У меня ничего другого не было, поэтому я подарил ему свои часы. Так что тут не подкуп, а взаимная любезность. Это ничего общего не имеет с тем, что делал Никсон, и тем более с тем, какие он цели преследовал. Я таких целей не преследовал». Обращаю внимание на то, сколь ревностно журналисты следили за каждым моим шагом и за каждым действием, глядя, не будет ли проявлена с нашей стороны какая-то неосмотрительность, чтобы им потом использовать ее против Советского Союза и против меня как главы делегации. Так они поступали всегда.

Как-то, за пару лет до приезда в США, я допустил неосторожное выражение в отношении Америки, сказав, что мы «закопаем» врагов революции. Вражеская пропаганда подняла мои слова на щит: мол, Хрущев, советские люди хотят закопать народ Соединенных Штатов Америки. Так они использовали в своих целях брошенную мной фразу. На пресс-конференции по приезде в США, когда мне поставили этот вопрос, я разъяснил: мы никого не собираемся закапывать, враждебный буржуазный класс будет закопан самим рабочим классом Соединенных Штатов. Это внутренний вопрос каждой страны. Люди сами решают, по какому пути им идти и какими методами добиваться победы.

Далее, согласно плану, мы должны были посетить заводы «Джон Дир»[584], крупнейшей сельскохозяйственной фирмы, известной в СССР, потому что в свое время мы закупали у нее сельскохозяйственные машины. Думаю, что, приглашая нас, фирма преследовала коммерческие цели, хотела показать нам свое производство и заинтересовать в дальнейших покупках. Мы прошли по цехам ее фабрики, но у меня особых впечатлений в памяти не сохранилось. Приглашенные лишь фирмой, мы никаких контактов с профсоюзами не имели. Рабочие во время нашего посещения трудились. Не осталось у меня в памяти и каких-либо проявлений вражды или особых симпатий с их стороны. Рабочие поглядывали на нас из желания увидеть заморских людей. И все. Затем нас повели в контору, где дирекция проинформировала о своем производстве. Их сельскохозяйственные машины хороши. Советским инженерам и рабочим, работникам совхозов и колхозов они нравились.

Настало обеденное время, директор[585] пригласил нас в

общую столовую[586] и сказал, что сам всегда обедает здесь. Администрация и служащие обедали тут же. Мы, как и все, взяли столовые приборы, подошли к раздаточному окну, нам положили на тарелки кушанья, мы отошли, по выбору, к намеченному столику и съели одно блюдо, потом опять проделали прежнюю процедуру и получили другое блюдо. Порядок был демократичным. Думаю, что дирекция умышленно его продемонстрировала, и, признаюсь, мне он очень понравился. Я потом пропагандировал в своих выступлениях такую же форму обслуживания на наших заводах: нигде ничего лишнего, на столах лежит пластмассовое покрытие. Достаточно протереть его мокрым полотенцем, и на столе не остается никаких следов.

Как меня информировали, директор тоже питался в этой столовой. К сожалению, у нас на многих заводах отдельно столовые для администрации и для рабочих. Содержится огромный штат обслуживающего персонала. Обслуживание от этого не улучшается, а ухудшается, наблюдаются постоянные очереди, рабочие ропщут против такой организации обеденного перерыва. Вот почему я рекомендовал руководителям наших партийных и профсоюзных организаций позаимствовать американскую систему. Такую же картину мы видели и в Индии, тоже на каком-то заводе. Наступило обеденное время, Неру пригласил нас в столовую и сказал: «Господин Хрущев, тут никто нам подавать не будет. Порядок такой, что каждый должен взять приборы и идти к раздаточному окну. Там мы получим свои порции и пообедаем». Поели и вкусно, и сытно. Никаких очередей не возникало.

От Нью-Йорка до Айовы

Следующие по времени воспоминания – о моем пребывании в Нью-Йорке[587]. Туда мы прибыли из Вашингтона, кажется, поездом. Официально нас встречал глава городского муниципалитета Вагнер[588]. Он, по-моему, принадлежал к демократической партии. Губернатором являлся Рокфеллер[589], который сменил Гарримана[590]. Рокфеллер принадлежал к республиканской партии. Но это не имело особого значения. Встреча была соответственно выдержана в обычном тоне и стиле: вежливость, цветы и пр. В нашу честь Вагнер дал обед, довольно представительный, со многими участниками[591]. Думаю, что организация обеда была такой же, как в Лос-Анджелесе: каждый покупал себе билет, как в театр, на право находиться за обеденным столом. Не помню ни речи Вагнера, ни своей, потому что они были стандартными. Ничего особенного я там сказать не мог и говорил традиционно: излагал суть нашей политики борьбы за мир, мирное сосуществование, дружбу, нормальное экономическое развитие, торговлю и т. д., хотя почти никаких экономических связей, включая торговлю, у нас в то время, как я уже говорил, с Соединенными Штатами не существовало.

Потом мне сообщили, что в Нью-Йорке по инициативе деловых людей города предполагается организовать в мою честь еще один обед и там обменяться мнениями. Я принял это предложение и прибыл на обед. Не помню, как он назывался, – «Встреча деловых людей с Хрущевым» или «Обед в честь Хрущева». Но помню, что он состоялся в большом зале[592]. Опять присутствовало много народу, как минимум несколько сот человек. Все расположились в большом ресторане, столики в зале были расставлены в западном стиле, то есть не был организован общий стол, как принято у нас, за которым гости рассаживаются каждый согласно своему рангу на установленном заранее месте. Нет, там расположение столиков было иным, ресторанного типа. Однако столик, за которым я сидел, как-то выделялся: если рассматривать обеденный зал как место заседания, то наш стол являлся как бы столом президиума.

Начались речи. Не знаю, было ли намечено какое-то ограничение во времени. Все выступали, как хотели, высказывали разные точки зрения по любым вопросам, в том числе о необходимости развивать торговлю с советской страной, но все очень сдержанно, во взвешенных выражениях. Потом должен был выступить я, что я и сделал. В своей речи я хотел, помнится, обрисовать политику СССР в деле мирного сосуществования с

упором на выгоду торговли для обеих сторон. Сейчас у меня остались довольно смутные воспоминания о содержании и стиле моего выступления.

Слева от меня за двумя или тремя столиками размещались какие-то молодые люди в обычных для такого случая вечерних костюмах. Они ничем не выделялись. Мне подумалось, что эти люди – отпрыски деловых семей. Они настроены были очень агрессивно по отношению к политике Советского государства и, следовательно, против меня как его представителя, держали себя вызывающе, подавали недоброжелательные реплики. Меня это возмутило. Я подумал, что они хотят организовать «кошачий концерт» в виде ресторанной демонстрации против СССР, и я решил отреагировать немедленно: тут же прервал свою речь и обратился к ним. Но не уговаривал их не мешать выступлению, а сам перешел в наступление:

«Думаю, что я понимаю вас правильно. Вы выступаете против Советского государства, против социализма. Но я тут не проситель и не пришел к вам с протянутой рукой просить подаяния, а представляю великий Советский Союз, государство рабочего класса, которое достигло определенных успехов. Поэтому мы и предлагаем вам торговлю на условиях взаимных интересов. Предлагаем мир. Думаю, что такие предложения полезны всем странам мира». Сейчас я вольно излагаю содержание моего выступления, говорю по памяти. Оно, конечно, было опубликовано, так что весь разговор стал достоянием читателей. Молодые люди притихли, а другие стали шикать на них и потребовали, чтобы те держали себя прилично. Так я достиг своей цели, резко оборвав их, продемонстрировал силу нашего государства и свою непреклонность. Это произвело должное впечатление. Далее меня слушали очень внимательно, хотя ничего нового, никаких особых предложений я не внес. Они вытекали из проводимой нами политики мирного сосуществования, развития торговых и экономических связей со всеми странами, в том числе с Соединенными Штатами Америки.

Позднее меня известили, что Нельсон Рокфеллер желал бы нанести визит в гостиницу, в которой меня поместили. Я ответил, что охотно встречусь с ним. Я был уже знаком с ним по встрече в Женеве. В согласованный час он приехал[593]. Этот живой, подвижный человек одет был элегантно, но без роскоши, именно так, как в то время одевались все деловые американцы. Я говорю об этом потому, что Рокфеллер – не просто капиталист, а крупнейший капиталист. Визит был кратким, без беседы: мы поздоровались и обменялись несколькими фразами насчет того, что уже встречались ранее. Он сказал: «Считал своим долгом

нанести вам визит и пожелать всего хорошего». А на прощание он бросил фразу: «Не исключаю или даже надеюсь, что эта наша встреча – не последняя. Возможно, мы с вами будем иметь в дальнейшем деловые свидания». Я ответил, что буду рад встретиться, особенно на деловой почве. Его слова я расценил как намек и на то, что он не теряет надежды занять президентское место. Тогда мы встретились бы в ином качестве, и у нас появились бы другие возможности построения отношений между нашими государствами. Это, конечно, лишь мое толкование его слов, которое вытекало из его реплики.

Мне показали Нью-Йорк. Я проехал по улицам, поднимался на самый высокий небоскреб. Все туристы пользовались им ради обзора города. Не знаю, сколько в нем этажей, но, действительно, здание очень высокое. Когда мы поднялись наверх, там гулял свежий ветер. Владелец, не то управляющий домом, сопровождал нас и показывал окрестности[594]. Это было впечатляющее зрелище. Небоскребы очень верно описаны в книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка». Какое-то их количество имелось тогда и в других городах США. Так, в Сан-Франциско я тоже видел небоскребы, но в Вашингтоне они мне не попались на глаза.

Поступило приглашение от господина Гарримана[595] навестить его в собственном доме. Мне передали, что, если я соглашусь на встречу, хозяин пригласит к себе друзей – бизнесменов, с которыми можно обменяться мнениями. Мне это предложение очень понравилось, поскольку предстояла именно деловая встреча, хотя и без заранее оговоренной повестки дня, и в назначенное время я прибыл к Гарриману. У нас к нему сложилось особое отношение. Во время второй мировой войны он являлся послом США в Советском Союзе. Мы его рассматривали как доверенное лицо президента Рузвельта, посол проводил политическую линию, которая нам импонировала: он считал необходимым укрепление военного союза против гитлеровской Германии, и все, что было в его силах, использовал для поддержки СССР. Главным образом поддержка заключалась в обеспечении нас материалами, необходимыми для производства оборонной техники, особенно металлами. Нужно отдать США должное: они дали нам очень многое. Я уже говорил ранее в своих воспоминаниях и повторяю здесь, что в деле поддержки Советского Союза решающим тогда был вклад США.

Но каждому мало-мальски мыслящему человеку должно быть ясно, что это не было какой-то любезностью вследствие уважения к нашему строю и нашим политическим взглядам, тем более к коммунизму в принципе. Нет, это делалось сугубо на

коммерческой основе: мы вам даем сталь, дюралюминий, бензин, тушенку и прочее, а вы своей кровью платите за это в борьбе с гитлеровской Германией. Но обстоятельства наши были таковы, что не давали нам выбора. Мы стремились выжить, поэтому согласны были и на такие условия, да еще благодарили. Ленин предвидел, что социалистическая страна может использовать противоречия между капиталистическими странами в своих интересах. И вот Сталин сумел убедить США оказать нам помощь. В этом вопросе я абсолютно согласен со Сталиным, который тоже очень высоко ценил помощь со стороны США: неоднократно в беседах лично со мной или в узком кругу членов Политбюро он говорил, что, если бы не Америка, не ее помощь, мы бы не справились с Гитлером, потому что лишились многих заводов, средств и материалов, необходимых для ведения войны.

Роль Гарримана была тогда большой. Он понимал: чем больше мы получим оружия, тем лучше будем воевать, тем больше обескровим гитлеровскую армию, тем легче достанется победа Соединенным Штатам. Заплатив и нашей кровью, они хотели прийти к победе над общим врагом и занять соответствующее положение в мире. Его они и заняли после войны. Я слышал, что Гарриман был у нас до победы революции владельцем разработок марганцевых руд в Грузии[596]. Со слов Сталина знаю, что когда мы заняли финский город Петсамо, возле которого имелись никелевые разработки, принадлежавшие какому-то канадскому обществу, то обнаружили, что их акционером являлся Гарриман[597]. После войны Петсамо вошел в состав Советского Союза под названием Печенга. Как объяснял Сталин, так мы заимели общую границу с Норвегией, а главное, нас привлекал никель. Исторически эта территория осваивалась когда-то и русскими людьми, там жили русские поселенцы[598]. От них остались различные памятники.

Кроме того, данный район имел большое стратегическое значение, обладая незамерзающими портами для гражданского и военно-морского флота. Помню, как Сталин высказывал мнение, что надо хоть и не полностью, но какую-то все же компенсацию дать Гарриману. Не знаю, было ли это сделано. Я уже говорил ранее, что Сталин, даже высказываясь, никакого обмена мнениями в то время уже не терпел. Мог слушать нас, если это не противоречило его пониманию вещей, но не нуждался в каких-либо советах, вел себя как диктатор, единолично решая все вопросы. Я это вспоминаю, чтобы подчеркнуть, каким было отношение Сталина к Гарриману. Считаю его правильным, потому что Гарриман своей политической линией заслуживал этого. Посол ведь играл большую роль, потому что контакты США

с СССР шли прежде всего через посла, и многое зависело от того, как он докладывал и как излагал наши пожелания. Гарриман относился с пониманием к интересам Советского Союза, хотя через помощь нам проглядывали обеденные ложки интересов США.

Когда я прибыл в дом Гарримана, то увидел группу бизнесменов, которых он пригласил по своему усмотрению. Их было человек 15–20. Большая комната была вся заполнена присутствующими. Собрались люди разного возраста и внешнего вида, типичные капиталисты, но отнюдь не фигуры со свиноподобными физиономиями, как изображали их на наших плакатах времен Гражданской войны. Они вовсе не походили на плакатных буржуа. Некоторые были одеты вообще довольно скромно, и их костюмы ничем не свидетельствовали, что владельцы этих одеяний являются крупнейшими капиталистами. Гарриман познакомил меня со всеми, каждого представил, рассказал, чем он владеет и какую продукцию производит его фирма. Там собралось немало интересных для нас людей. Потом подали вино. Какие были напитки, сейчас не помню, но шампанское стояло на подносах. Прием был не за столом: в большом зале люди сидели или ходили и беседовали друг с другом. Позднее и у нас ввели такой вид приема. Ведь когда устраивается просто обед, то все сидят за столом, и тут невозможны широкие контакты, потому что раз тебя посадили, то можно перебрасываться фразами с соседями справа, слева или перед собой, а с другими поговорить нельзя. Когда же люди имеют свободное передвижение, то поговорят, с кем хотят.

Признаться, когда Гарриман предложил мне такую встречу с влиятельными лицами, я питал некоторые надежды на возможность установить деловые связи. Однако не сразу все делается. Как говорится, и Москва не сразу строилась. Начинать надо с малого. И когда я стал беседовать с присутствующими, то увидел, что нет никаких надежд на то, чтобы лед тронулся тут же: условия для развития экономических связей еще не созрели. Помню, Гарриман представил мне владельца химических предприятий, человека лет 50–60, довольно грузного. Он хорошо говорил по-русски и, кажется, был евреем по национальности. А разговаривал он таким тоном, который не обещал никаких деловых контактов, и задал вопрос: «Ну что нам торговать с вами? Что вы могли бы нам продать?» Это были не только его вопросы. Такую фразу я очень часто слышал, когда был в Америке, при встрече с деловыми людьми. Данный же бизнесмен сказал, что согласен за золото и сейчас продавать нам товары. Впрочем, его слова не соответствовали действительности,

потому что имелось вето конгресса на продажу социалистическим странам определенных видов товаров или сырья.

Курили, в зале плавал табачный дым. Многие подходили ко мне и перебрасывались фразами. Велось прощупывание: что это за человек? С чем он приехал? Главным образом, думаю, что тут был нажим, стремление оказать давление, создав впечатление о безысходности ситуации. Может быть, они хотели выступить единым фронтом с правительством, чтобы мы приняли их условия, продиктованные нам? Условия были не только экономические, но и политические, такие, против которых мы ранее воевали и готовы были биться до последнего. Таким образом, встреча у Гарримана ничего нам не дала. Не скажу, что она меня разочаровала, но если я и питал какие-то надежды, то они не оправдались. После данной встречи деловые люди уже ничем себя не проявили, не оказывали желательного нам нажима на правительство и не создавали общественного мнения в пользу развития экономических связей и торговли с Советским Союзом.

Настало время уходить. Я поблагодарил Гарримана, распрощался с присутствующими и уехал в гостиницу. Какое же на меня произвел впечатление в целом Нью-Йорк? Видимо, не смогу добавить чего-либо большего, чем уже написано нашими писателями и журналистами, которые ездили туда, ходили повсюду, заглядывали во все уголки города во все времена года и все часы суток. Я ведь мало видел Нью-Йорк, как и другие города США. Официальное лицо ограничено в своих действиях и возможностях. Сложилось впечатление, что это очень большой и шумный город. Поражали световая реклама, насыщенность автомобильным движением, сопровождаемым отравленным, испорченным газами воздухом, который душит людей. Как во всяком капиталистическом городе, соседствуют нищета, трущобы и роскошь. Закончилось мое пребывание в Нью-Йорке.

Никаких особых антисоветских проявлений против меня и сопровождавших меня лиц я там не видел и не чувствовал. Пешком в Нью-Йорке не ходил, поэтому и проявить неприязнь к нам враждебным элементам было трудно. А вот в Сан-Франциско я как-то встал рано утром, вышел «в неорганизованном порядке» из гостиницы и направился гулять по улице. Тут же за мной увязалась охрана, приставленная правительством. Она меня сопровождала, но сопровождение было корректным. Я видел, что люди, охранявшие меня, ничем не выделялись в толпе и не были в полицейской форме, хотя имелись и полицейские. В Сан-Франциско я тоже нигде не встречал каких-то выпадов, выходок враждебных нам сил, которые, безусловно, были, есть и будут, пока существуют две социальные системы. Даже в одной системе

– и то к руководству возникает разное отношение. Занимая высокое положение в Советском Союзе, я получал немало писем, авторы которых довольно резко выражались в адрес политики, проводимой правительством нашей страны. Это всегда бывает. Тем более, когда налицо такие контрастные страны и со столь контрастной политикой, как СССР и США, антагонистические страны. Их государственные системы создают антагонизм, а люди поддерживают его и развивают. Поэтому я, так сказать, «был готов». Если не встречал выпадов, то это не значит, что там нет враждебных сил. Иначе был бы слишком упрощенный подход, непонимание классового подхода.

Программой было запланировано и посещение штата Айова. Когда мы прибыли туда, прием оказался хороший, были проявлены должное внимание к нам, вежливость, все церемонии, которые положены при приеме гостей. В Айове было намечено посещение фермы господина Гарста. Я очень хотел побывать у него, потому что был с ним знаком. Первый раз я встретился с ним в 1955-м или, может быть, 1954 г. в Крыму[599]. Он приезжал в Советский Союз и знакомился с нашими сельскохозяйственными предприятиями. Теперь он пожелал встретиться со мной. Я остался очень доволен нашей встречей. Гарст – интересный человек, прекрасно знающий свое дело. Уже после визита в США я встречался с ним несколько раз в СССР, когда он приезжал и один, и с супругой. Я всегда принимал его, мы беседовали. Собственно говоря, говорил больше он, а я его слушал, поскольку то был очень интересный собеседник, хорошо знающий сельское хозяйство, не лектор и не докладчик, а конкретный деятель. Он сам вел свое высокорентабельное, прибыльное хозяйство и поэтому был интересным собеседником.

Когда мы прибыли в Айову, мой помощник Андрей Степанович Шевченко[600] (ранее агроном), уважаемый, скромный, знающий и любящий свое дело человек, передал мне, что установил доверительные отношения с Гарстом, который высказал пожелание о встрече на ферме. При этом он выразил такое суждение: люди, принимающие Хрущева, да и сопровождающие его – городские, привыкшие вставать поздно; они не знают, что такое восход солнца; а он – фермер, встает рано, с солнышком. Вспомнив наши прежние беседы, он сделал вывод, что я, живя ранее в сельской местности и зная крестьянский труд, тоже смогу поступить по-гарстовски. И через Шевченко он передал предложение: «Хорошо, если бы господин Хрущев согласился и укатил ко мне на ферму рано утром». А когда я появился в Айове, Гарст предложил мне: «Господин Хрущев, поедемте одни, остальные пусть спят, приедут попозже. Я

смогу вам все спокойно показать и рассказать». Тут я понял, что он совершенно не представлял себе официальное положение государственного гостя, который не может тайно сбежать из гостиницы в неизвестном направлении. Это было совершенно нереально. Ведь меня сопровождал Лодж и охраняла полиция, которая не имела права выпускать меня из поля зрения. Поэтому согласиться на тайное умыкание вроде того, которое практиковалось в давние времена на Кавказе и в Средней Азии, я не мог. В моем положении гостя президента возникло бы сразу столько шума, когда обнаружится, что гость сбежал!

Через Шевченко я передал Гарсту, что раннее уединение нереально, хотя и было бы для меня очень интересным. Когда его план отпал, назначили день и час выезда на ферму. Там Гарст встретил нас. У него были и другие приглашенные. Там я встретился с господином Стивенсоном[601], который сейчас уже умер. Стивенсон выдвигался на пост президента США от демократической партии, но, к сожалению, не собрал нужного большинства голосов. В таких случаях говорят: провалился на выборах. Тем не менее он являлся уважаемым человеком. Я с ним встречался до своего приезда в США, когда тот бывал в Советском Союзе. И во время прежней беседы я сделал вывод, что Стивенсон – реально мыслящий человек, который хочет повернуть политику США в сторону сближения с СССР и взаимопонимания, что он правильно понимает необходимость укрепления дружеских отношений со всеми странами мира, а в первую очередь с такой великой страной, как Советский Союз.

Гарст познакомил меня с гостями, супругой и сыновьями. С его супругой я тоже встречался ранее, когда чета Гарстов приезжала в Сочи, где мы провели много часов в спокойной обстановке, хотя и не на поле, а на веранде государственной дачи у самого берега моря. Та беседа тоже была для меня не только полезной, но и поучительной. Я внимательно слушал его и запоминал сказанное, с тем чтобы перенести его опыт на нашу почву. Этот опыт полностью переносим и полностью повторяем, тут стоит лишь вопрос о материальных средствах и соответствующих знаниях людей, занимающихся сельскохозяйственным производством. Нужная же техника имелась у нас в полном наборе и достаточном количестве. Вот какое впечатление произвел на меня этот замечательный фермер! Один сын Гарста был агрономом, о другом не могу ничего сказать, но оба они милые люди. Мне понравилось, что агроном Гарст не только способен был давать указания, а и мог сам сесть на трактор, выехать на поле, произвести вспашку земли или уборку. Это вообще большое достоинство всех агрономов и

зоотехников, которых готовят в США в сельскохозяйственных колледжах.

Началось знакомство с фермой. Сопровождающих лиц было очень много, включая журналистов. Как говорят у нас: видимо-невидимо. И я вспомнил образное выражение украинского крестьянина, егеря Прокопа. Когда тот хотел подчеркнуть, что уток на болоте видимо-невидимо, то говорил: «Як гною» (что в переводе с украинского означает: «Как навоза»). Не знаю, сколько собралось корреспондентов, но похоже, что огромная армия. Гарст начал знакомить меня со своим хозяйством. Прежде всего мы пошли на ферму, где откармливались бычки.

Поглядели на откормочные сооружения – большие сараи, что для меня оказалось не ново. Подростком в 1908 г. я пас овец у помещика, генерала Шаукаса. Какое-то время работал и у помещика Васильченко, который имел тоже крупное имение, но находившееся не на высоком уровне. А имение Шаукаса было высокопродуктивным хозяйством с высокими урожаями зерновых, сахарной свеклы и других культур. Генерал выращивал прекрасных верховых лошадей чистокровной английской породы, большое количество тонкорунных овец, сбывал шерсть. Постройки там были капитальные: строили прежде крепостные, труд был даровым. Стены – из красного кирпича, выглядели, как крепость. Механизации раздачи кормов и водопоя в кошарах и конюшнях, конечно, еще не имелось, использовали колодцы. Конюхи или пастухи бадьей вычерпывали оттуда воду и разливали в корыта. Но в остальном…

Говорю об этом, поскольку повидал хорошие помещичьи хозяйства и жалел, что все это в революцию было разрушено. А могло бы ведь пригодиться нашим совхозам и колхозам. Когда я приезжал позднее к себе в Калиновку, то обнаружил, что остался только помещичий дом-дворец, остальное же по кирпичикам было разобрано, хозяйство разрушено. Понимаю, конечно, сколько ненависти накопилось у крестьян, сколько пота они там пролили, сколько крови высосали из них помещики, сколько спин высекли кнутами и розгами. Однако взрыв гнева смел не только тех, которые пороли, но и то, что крестьяне сами создали и чем раньше владел их деспот. Богатства, созданные их руками, могли бы служить людям. Но понимания дела не было проявлено, и по всей России все было сметено. Нового такого крестьяне не построили. Зато власть обрел трудовой народ.

Я сделал тут экскурс на несколько десятков лет назад, с тем чтобы сказать, что хорошие постройки видел еще в дореволюционное время. Теперь же я сравнивал. Раздача кормов у Гарста механизирована. Комбинированные корма составлялись

из различных полезных компонентов, сбалансированных по всем элементам. Это необходимо для лучшего питания животных, чтобы при меньшем количестве кормов получить максимально возможный привес. Такой подход усвоен всеми фермерами США в их практике. Если фермер этого не усвоит и будет почесываться, как это делается у нас в деревне еще и сейчас в колхозах и совхозах, то такой фермер разорится и вылетит в трубу. Его съедят соперники, и он не выдержит конкуренции на рынке сбыта. Вот большое экономическое достижение американских фермеров, да и не только американских.

Советское руководство было осведомлено о таком ведении хозяйства, но не внедряло его у нас, да и сейчас, к сожалению, не внедряет. Мы тоже знаем комбикорм. Но что такое наш комбикорм? Негодное, прелое, полугнилое зерно или какие-то остатки, как украинцы говорят, – смиття, то есть зерно вместе с мусором и землей. Такой корм прямо скармливают скоту или перемалывают с другими компонентами. Еда получается малопродуктивной и не может дать должного эффекта. А минеральные добавки и сейчас очень редко кто у нас использует, хотя они апробированы наукой и рекомендованы учеными. В США же все, что выходит из лаборатории или из-под пера ученого, что проверено экспериментом и дало эффект, сейчас же внедряется. Там существуют специальные организации, которые за особую плату дают рекомендации по внедрению хороших новинок на фермах. С фермером заключается договор; колледж или институт посылает к нему специалиста, который дает указания, организует внедрение новинки и наблюдает за ходом дела, пока оно не будет освоено фермером. Затраты фермера с лихвой окупаются в результате использования новинки в хозяйстве.

Помню, как я заметил, что у корыт животными был рассыпан корм, и заметил Гарсту, что это нерационально. В ответ Гарст пробасил: «Да, случаются и неизбежные потери». Он понял, что я пошутил, но все же сказал, что надо подумать об уменьшении потерь. Потом показал мне бычков: в отличном состоянии, прекрасной упитанности, с хорошими привесами. Да иначе и быть не могло. Плохие привесы – плохой хозяин, разорение, крах, продажа имущества с молотка. Гарст был не таков. Он занимал очень хорошие хозяйственные позиции и твердо врос ногами в почву, на которой вел дело. Когда он показал мне силосные башни, то объяснил, что тут налицо вчерашний день: башни уже не используются. Я удивился, а Гарст пояснил, что изучил различные способы силосования и нашел более легкие и доступные. Сейчас в США делают огороженные цементные площадки или же, используя рельеф местности, вырубают

коридоры в земле и закладывают силос. Такое его приготовление дешевле, а заполнение лучше, облегчается и доставка животным. При силосовании в башнях надо высоко транспортировать массу, потом ее извлекать. В траншеях этого нет. Мы сначала повторяли опыт американцев в строительстве силосных башен, а потом тоже от них отказались. То есть копировали. И правильно делали, так как своего опыта у нас не имелось.

Я ходил и восхищался. Понравилась мне подача воды с помощью самых простых средств механизации: поставили насос, проложили трубы, и вот вам механическая подача воды. Пошли мы на поля. Кукуруза у Гарста была главной культурой. Не помню, какие культуры он еще сеял. Лучший корм для крупного рогатого скота – кукурузный силос. Там хозяйство держалось на монокультуре, на кукурузе. Так как я был знаком с кукурузой, и в СССР имелись хорошие примеры ее выращивания, то я знал, как ее лучше сеять и обрабатывать, чтобы получать более высокий урожай. Мы в то время пропагандировали у себя квадратно-гнездовой посев кукурузы, тоже выдумку американцев, в свое время практиковавших такой способ.

Теперь у Гарста я увидел широкорядные посевы, такие, какие использовали до революции наши крестьяне. Я спросил о причине, и он ответил, что при таком способе меньше трудовых и денежных затрат. Он прав. Если сеять квадратно-гнездовым методом, то посевы для уничтожения сорняков и окучивания растений обрабатывают в двух направлениях. Я видел посевы кукурузы на Украине, еще когда работал на заводе, расположенном в деревне. Кукуруза была главной культурой для кормления скота. Бывало, едет украинец на базар в Юзовку, захватит мешок кукурузы и обязательно корыто в арбу, потом насыпает початки в корыто, и лошади грызут кукурузу. Тогда крестьяне обрабатывали ее вручную, поэтому получали хорошие урожаи. А если механизировать производство, когда ручного труда не хватает (а его всегда надо экономить), то более эффективно возделывать кукурузу квадратно-гнездовым методом. Да и другие пропашные культуры тоже.

Теперь, когда появились химические средства борьбы с сорняками, американский фермер получил возможность вернуться к широкорядным посевам, обрабатывая их только в одном направлении, а сорняки около стебля уничтожая гербицидами, то есть химическим ядом. И я сказал Гарсту: «Вот наилучшее размещение кукурузы, чтобы был один стебель, максимум два». Ширина междурядья у нас сложилась в 60–70 см, американцы же оставляли 80 см, стебель от стебля отстоял примерно на 25–30 см. Я увидел, что в некоторых местах росло в

гнезде не по два или по три стебля, а до шести, происходило взаимное угнетение растений. Того эффекта, который мог быть при одном стебле, максимум двух, тут не получишь. Между стеблями должно быть больше пространства, а корневой системе надо дать возможность лучше забирать питательные вещества из почвы и обеспечить хорошее проветривание и освещенность растений. Тогда возникнут благоприятные условия для роста. Это относится ко всем культурам, но особенно к кукурузе, потому что она высокостебельная. Если ее густо посеять, то солнце не станет согревать почву, кукуруза будет расти, но с плохой отдачей. А если вообще запустить посевы, то и початков не будет. Об этом я рассказывал Гарсту. «Да, вы правильно, придирчиво относитесь к посевам, – сказал он, – надо бы делать прореживание вручную, но это требует много ручного труда».

Когда мы ходили по полю, нас сопровождала огромная армия журналистов, фотографов и кинооператоров. Они бегали и справа, и слева, и навстречу, и вслед, так как им требовалось заснять нас в разных положениях. У меня сохранилась фотография. Там в объектив попал маститый журналист, господин Солсбери[602]. Он в разное время по-разному освещал жизнь СССР, но в любом случае правильно понимал необходимость строить наши отношения на доброй основе. Когда мы шли с Гарстом, Солсбери хотел пробежать перед нами и сфотографировать нас, но Гарст так рассердился, что отпечатал свою подметку на заднем месте корреспондента. Это все тоже заснято и потом появилось в печати. На этот счет было много шуток и зубоскальства. Вот какие возникали эпизоды. Надо понять Гарста! Видимо, он исходил из соображения, что ферма – его, земля – его, он тут хозяин, пригласил к себе в гости Хрущева, а ему мешают, и он использовал свои законные права. На какого-то другого корреспондента он тоже рассердился, схватил стебель кукурузы и метнул в него: что вы мешаете мне? Одним словом, был разъярен. У него никогда не было прежде и, наверное, никогда не будет после моего посещения такого количества людей на поле. Тут стряслось нашествие, что для сельского хозяйства очень вредно. Гарст боялся, что если ему вытопчут посевы хуже, чем им навредит саранча, то хозяйство потерпит убытки. Лишние люди раздражали Гарста, и он медведем ревел против всего, что ему мешало.

Настало время обеда на ферме. Мы с Ниной Петровной осмотрели дом Гарста. Дом был хороший, приятный, обычной архитектуры, никаких лишних украшений: жилой дом богатого, но делового человека, умеющего считать деньги. Я это говорю к тому, что если бы он захотел, то по своим капиталам мог бы себе

позволить и роскошь. Но пустые затраты несвойственны Гарсту. Он не жаден, а рационален. На то, что необходимо и дает прибыль хозяйству, не жалеет, а траты, которые не окупаются, считает глупыми. Хорошо, если бы этим капиталистическим принципом руководствовались наши люди, работающие в социалистическом хозяйстве. К сожалению, сейчас, когда я читаю газеты, часто встречаю сногсшибательные примеры того, как нерачительные хозяева пускают народные средства в трубу.

Раньше я представлял себе Гарста скромным в делах человеком. Здесь же я увидел его в натуре, в действии и воспылал к нему уважением. Это уважение сохраняю и сейчас. Некоторые скажут: «Как же так? Хрущев – коммунист, бывший пролетарий, столько проработал на партийной и государственной работе – и такого мнения о капиталисте, эксплуататоре?» Отвечу: социалистический способ ведения хозяйства более прогрессивен, нет сомнения. Но умение использовать накопленный опыт, бережливость, рациональное расходование средств у капиталистов развиты лучше. Надо научиться переносить на социалистическую почву все полезные знания, накопленные капитализмом. Надо учиться у капиталистов, как призывал нас Ленин. К сожалению, мы, как попугаи, повторяя слова Ленина, очень плохо учимся на деле и еще хуже переносим рациональное в нашу социалистическую действительность. А если бы мы это делали умело, то как бы двинулись вперед! В вопросах оплаты, нормирования труда, обслуживания трудящихся мы, конечно, не можем брать пример с капиталистических предприятий. У нас создаются свои нормы, на основе социалистического законодательства. Тем не менее многое могли бы позаимствовать и у своих классовых врагов и в переработанном виде перенести их достижения на социалистические предприятия.

Вернусь к Гарсту. Расположение комнат дома тоже было рациональным. Мне очень понравилась планировка дома, отвечающего всем современным требованиям. Он был удобен для жизни, хотя и не имел излишеств. Внешне, если посмотреть на одежду Гарста, скажешь, что она была добротна, но не кричаща. Ее владелец не гнался за модой. Этот уравновешенный человек, твердо стоящий на земле, вел большое дело. Не знаю, каковы его капиталы, такого вопроса я не задавал, это неприлично, тут секрет предпринимателя. В заимствовании же опыта ведения хозяйства я был сильно заинтересован. Удивительно все-таки: вот капиталист, а мы коммунисты, но он охотно раскрывает свои производственные секреты и делится ими. Когда он бывал в Советском Союзе и в наших хозяйствах видел что-либо неправильное, то ревностно критиковал это, с гневом

набрасывался на тех, кто плохо работал. Казалось бы, капиталист – и хочет лучшего для социализма? Видимо, у него классовые чувства стираются в такой момент, когда он загорается гневом: не делай так, как нельзя делать! Тут он из капиталиста превращался просто в хозяина.

Как-то Гарст оказался в колхозе при посеве кукурузы. Ее высевали без одновременного внесения в почву минеральных удобрений. И он набросился на колхозников: «Нельзя без минеральных удобрений!» Конечно, для такого сева нужны особые сеялки. В том хозяйстве таких сеялок не было. Но все равно, удобрения надо было вносить. Председатель колхоза объяснил, что удобрения внесены в почву раньше. Гарст сверкнул глазами из-под нависших бровей и смирил свой гнев. Просто не знаю, что бы он там сделал, если бы имел какие-то права! Как человек, привыкший к порядку, увидев безобразие даже в чужом хозяйстве, он забывал все остальное. Для него было главным не вредить делу. Такую черту характера я сразу подметил у этого человека и за это очень уважал и высоко ценил его.

Когда Гарст с женой показывал нам с Ниной Петровной свой дом, то других гостей туда не пустил. Обед был организован перед домом, в саду расставлены столы, и хозяин угощал только тех, кого считал именно гостями: людей, которые меня сопровождали и входили в состав делегации, а об остальных вообще не думал. Они выходили из положения сами, питаясь в ресторане ближайшего городка. Погода солнечная, в садике было уютно. Когда мы с Гарстом вышли из дома, к нам подошел Стивенсон, в приподнятом настроении, хотевший сфотографироваться с нами. Один встал справа от меня, другой – слева, положили мне руки на плечи и в таком непринужденном виде позировали перед фотографами и кинооператорами. Гарст хохотал вовсю, а он умел хохотать. Человек он мощный, тучный, но приятной наружности. Может быть, это я его так воспринимал, потому что хорошо к нему относился, и все в нем казалось мне приятным. Может быть, другой человек воспринимал бы его критически. Я же воспринимал его двойственно: как человека и как капиталиста. Как капиталист, он относился к моим классовым врагам. Как к человеку, с которым я познакомился и был его гостем, я относился с большим уважением, ценил его за знания, за бескорыстное желание поделиться опытом и передать свои знания другому, даже социалистическому хозяйству. Таких капиталистов найдешь немного[603].

Обед же описывать нечего. Американцы умеют хорошо покушать: и принять, и угостить. Из каких блюд состоял обед, не помню, но то был не квас с редькой. Там умеют очень хорошо

готовить. Консервированные продукты тоже произвели на меня хорошее впечатление высокими вкусовыми качествами. Хочу еще кое-что надиктовать о своих беседах с Гарстом, о своих контактах с ним и впечатлениях, чтобы было понятно, почему я так расположен к этому человеку. Наше знакомство произошло во время его первого приезда в СССР[604]. Настроен Гарст был тогда высокомерно, кукурузу считал царицей полей, главной культурой для животноводства в виде силоса и в виде зерна. Я и сейчас с ним полностью согласен, а он уже тогда был большим пропагандистом этой культуры. Некоторые люди в СССР меня не понимали прежде и не понимают теперь. Есть и такие, кто осуждал меня в то время и осуждает сейчас. Думаю, что по невежеству. Они не понимают, что нет другой культуры, равной кукурузе, для животноводства. Мне могут возразить, что далеко не всюду. Да, но главное заключается в людях. В одном и том же климатическом районе у одного человека кукуруза не растет, а у другого дает по 500 и 1000 центнеров силосной массы. Если говорить грубо: у умного она с эффектом, а у дурака и овес с ячменем не вырастут.

Гарст активно пропагандировал у нас кукурузу. По-моему, привез даже с собой образцы. Я сказал ему: «Господин Гарст, вы должны понимать, что у нас массовых посевов кукурузы не производится, зоны ее посева ограничены, хотя она должна была распространиться по всему Советскому Союзу, за исключением Севера. Но там, где растут пшеница и ячмень, там и кукурузу можно возделывать на силос при умелом уходе и соответствующем подборе ее сортов. Поэтому я рад вашей пропаганде». И рекомендовал ему поехать в Одессу, в институт имени Лысенко, чтобы посмотреть посевы кукурузы. Там ею занимался академик Ольшанский[605]. «Вам расскажут и покажут, как ведется селекционная работа и каких результатов добился этот институт. Там создан лучший для юга сорт на зерно, Одесская-10 (сокращенно Од-10), королева среди других сортов. Когда вы увидите, а вы знаете это дело лучше меня, то поймете, что и мы не новички. Но нам надо расти и вширь, и вглубь. Исходные научные знания мы уже имеем, умеем также создавать гибридные сорта. Давайте обменяемся сортами, селекционными секретами: мы вам свои, а вы нам – свои».

Он задумался: «Господин Хрущев, если бы я мог решать один, то принял бы ваше предложение. Но я акционер, поэтому все должно решать правление. И я заранее могу сказать вам, что правление не согласится, хотя я пошел бы вам навстречу и не держал бы секретов. Когда ваши люди приедут к нам, то смогут ознакомиться с делом и все посмотреть. Но исходные данные

сортов, из которых создается гибрид, мы не сможем дать, это секрет». Я возразил: «Не знаю, получу ли я лучший товар, предлагая обмен, чем наши сорта. Думаю, что наши сорта получше». Потом все обратил в шутку, ибо понимал, что предъявлять гостю претензии ни к чему.

Гарст съездил в Одессу и видел на корню Од-10. Одесситы подарили ему початки. Ольшанский потом рассказывал мне, что когда Гарст посмотрел на посевы разных сортов кукурузы, то сильнейшее впечатление произвела на него именно Од-10. Когда ему подали початок, он его поцеловал и сказал: «Хрущев был прав. Вы можете не покупать семена, сами имеете селекционеров, которые умеют выращивать такие мощные початки». Это была приятная оценка деятельности наших ученых. Я гордился ею и смело смотрел Гарсту в глаза: в выведении сортов кукурузы мы не отстали от Америки, наши сорта не хуже, а некоторые из них и получше. Но мы отставали в возделывании этой культуры, ее уборке и особенно переработке. Американцы делают из кукурузного зерна невероятные продукты, просто чудеса. А мы примитивно размалываем его или используем неразмолотым. В неразмолотом виде кукурузное зерно не отдает всех своих питательных веществ. Это приводит к перерасходу кормов при выращивании птицы и крупного рогатого скота.

Гарст прочел мне целую лекцию о сельском хозяйстве. Потом сказал: «Господин Хрущев, сейчас американские фермеры ведут сельское хозяйство, исходя из данных, которыми располагает наука стран Запада. В чем это выражается? Раньше считалось, что нельзя заниматься монокультурой, что нужен плодосмен, многопольное ведение хозяйства. При многопольном ведении с травопольной системой в основу положен плодосмен с посевом трав – люцерны и клевера или тимофеевки с подсевом клевера. Наука считает, что такой подход устарел. И я тоже так считаю. Плодосмен вызывался тем, что каждая культура имеет своих вредителей. Если одну и ту же культуру высевать на одной и той же площади, следовательно, будет увеличиваться количество вредителей. В конце концов эта культура перестанет родить или же ее продуктивность упадет. Сейчас такой проблемы нет, мы имеем гербициды и другие химические вещества, которые дают возможность бороться с вредителями. Я уже сколько лет сею кукурузу по кукурузе и с каждым годом увеличиваю сбор урожая, повышаю урожайность. Раньше мы высевали клевер или люцерну, так как они накапливают азот в своих корнях. Последующая культура могла использовать азот и дать хороший эффект. Сейчас это тоже отпало. Мне выгоднее купить азот, калий, фосфор, другие удобрения в комбинированном состоянии и вносить

нужное их количество и в нужном ассортименте под ту или иную культуру. Это стоит дешевле и экономически эффективнее. Я сейчас даже навоз не вывожу на поля. Хотя у меня накапливается большое количество навоза, я его сжигаю». – «Но почему?» – поинтересовался я. «Потому что вывозить, разбрасывать и запахивать навоз стоит дороже, чем купить и внести минеральные удобрения. Поэтому возиться с навозом невыгодно. На гектар я должен вывезти тонны навоза, а тут лишь килограммы».

Все его рассуждения сводились к тому, что дешевле и что дает больше прибыли. Разве это плохое мерило? Для капитализма тут вопрос жизни и смерти. А разве для нас это не имеет значения? При меньших затратах, меньшем вложении труда, меньших издержках получить больший эффект, повысить урожай и производительность труда! Там прибыль пойдет на обогащение капиталиста, а в социалистических условиях – на удовлетворение запросов трудового народа. Вот главная цель нашей хозяйственной деятельности. Так что мне было приятно учиться у него. Оригинальность этого капиталиста состояла в том, что он не скрывал своих секретов от представителей социалистического государства. И не только не скрывал, но со страстью критиковал нас, когда замечал, что хозяйство ведется нерационально, убыточно. Он в дальнейшем раскрывал нам все свои секреты, просто навязывал их. В один из своих приездов, после ознакомления с каким-то хозяйством, Гарст предложил: «Господин Хрущев, хотите, я научу ваших трактористов работать так, чтобы каждый без использования ручного труда обрабатывал по 100 га кукурузы при соответствующем наборе необходимых агрегатов?» – «Я был бы очень рад, если это возможно». – «Выберите двух толковых людей и пришлите их ко мне на ферму. Они будут у меня работать вместе с моими сыновьями, а моя жена будет кормить их». Я поблагодарил его и по горячим следам тут же дал согласие. Так мы и поступили.

Я лично знал и высоко ценил Александра Васильевича Гиталова[606], бригадира тракторной бригады в Кировоградской области, энергичного, умного и хорошего организатора. Простой крестьянин, он стал отличным механизатором, в совершенстве изучил трактор и другие сельскохозяйственные машины и извлекал из них максимум экономического эффекта. Поэтому я решил послать в США Гиталова. Он все посмотрит, все впитает, переймет опыт и сможет внедрить его в своем колхозе, что станет примером для всех колхозников Советского Союза. Второго человека я попросил подобрать: пусть сельскохозяйственный отдел ЦК КПУ, посоветовавшись с руководством областей, наметит кандидатуру.

Гарст действительно разместил обоих у себя. Какое-то время они питались у него дома, потом стали пользоваться харчевней неподалеку от фермы Гарста. Это было разумно, и я упрекал себя за то, что сам им не посоветовал этого. Почему жена Гарста должна страдать из-за мужа, который пригласил двух посторонних? Это уж слишком! Явное злоупотребление гостеприимством. Но трактористы сами поправили положение. И правильно сделали. Потом возвратились домой. Гиталова я все время держал в поле зрения, а сейчас держу в «поле слуха», слежу за его работой. По радио иной раз передают его выступления. Читаю также о его успехах в газетах. Теперь я очень много гуляю и слушаю радиопередачи. Частенько передают по радио о трудовых успехах наших людей, я слушаю и радуюсь.

Гиталов на деле доказал, что и в наших условиях есть возможность выращивать кукурузу, обрабатывая одним трактором 100 гектаров. Потом он обрабатывал уже по 120–140 гектаров. Вот какую конкретную помощь оказал нам Гарст. Ее надо ценить, потому что он за это не получил ничего, кроме морального удовлетворения. А в моих глазах он еще больше вырос, проявив такое благородство. Найдутся чистоплюи, которые скажут, что Хрущев преувеличивает! Ну, что же, есть у нас хорошие коммунисты, фанатично преданные стране, которые, однако, не в состоянии реально оценить дела представителей капиталистического общества. Напомню о Савве Морозове[607], который через Максима Горького оказывал помощь большевикам. Или такой факт. Съезд РСДРП в Лондоне проходил в помещении[608], для оплаты которого Лениным был получен кредит от английского капиталиста. Это, конечно, были оригиналы, не отражающие обычной сущности капиталистов, то есть исключение. Таким же исключением я считаю и господина Гарста.

В один из своих приездов в СССР он агитировал меня купить в США предприятия по переработке и сортировке кукурузного зерна. Для нас это было ново. Я уделял много внимания аналогичным вопросам, беседовал с инженерами сельскохозяйственного машиностроения, агрономами, учеными, и никто такой вопрос не поднимал. А в США уже имелись заводы по переработке кукурузы, которая сортировалась по весу зерен, но не по их качеству. Тут уже другой вопрос, относящийся к селекционной работе. Переработать огромное количество зерна и отобрать лучшие фракции, которые дадут должный эффект, – сугубо механическая и нелегкая работа. Селекционеры иной раз для высева грядок буквально пинцетом отбирают вручную лучшие зерна. Можно себе представить, какой это адский труд. На

маленькой площади, в порядке научного эксперимента, ученые так делают. Но в хозяйственно-промышленных масштабах? Это совершенно нереально и невозможно. Следовательно, когда мы говорим, что высеваем столько-то килограммов зерна на гектар, то не знаем, сколько там непригодных зерен (не по всхожести, а по их размеру и объему).

Чтобы отбирать лучшее зерно на посев, американцы создали механизированные предприятия. Они получают от фермера зерно и хранят. Потом фермерам продается зерно с гарантией: определенных сортов, скорости всхожести и других качеств, которые необходимо знать хорошему хозяину, занимающемуся возделыванием кукурузы. У нас на Украине кукурузу сеют, не сортируя. А что посеешь, то и пожнешь. От плохих родителей нельзя ожидать хорошего племени. Гарст преподал нам добрый урок. Спасибо ему. Я это говорил тогда и повторяю сейчас. В ту пору я поставил в правительстве вопрос о покупке американских заводов. Мы обсудили дело, подобрали людей и послали в США ознакомиться с их системой. Потом купили несколько заводов и разместили их в тех районах, где больше всего выращиваем кукурузы: на Украине и Северном Кавказе, главным образом на Ставрополье и Краснодарщине. Потом решили купить какое-то количество семенного материала, чтобы попробовать на нашей почве лучшие американские сорта силосного назначения. Да и помимо этого сколько доброго сделал для нас Гарст! И я считал, что надо ему как-то заплатить за это. Тут заплатить – не коробку конфет купить. Он делец, капиталист, и мы условились приобрести зерно у той фирмы, где он являлся акционером. Его кукурузу мы высеем в наших условиях и в разных зонах, проверим ее и сравним с нашими лучшими сортами. А одновременно дадим заработать той фирме.

Наши инженеры изучили их заводы, улучшили какие-то механизмы и приспособили к нашим условиям. Мы эти заводы не только смонтировали и пустили в ход, но и расширили производство для большой территории, чтобы перерабатывать семенную кукурузу и обеспечивать семенным материалом всю страну. В свой следующий приезд Гарст увидел наши заводы в действии и отметил, что мы умно поступили, купив такие заводы. Эта похвала для меня была понятна: при коммерческой операции всегда благодарят покупающего партнера, дающего возможность заработать. Но он мне сказал с полной откровенностью: «Я увидел ваши заводы, сделанные по образцу американских, и улучшения, которые внесли ваши инженеры. Они рациональны. Считаю, что заводы, изготовленные вами, лучше приспособлены к вашим условиям. Теперь вам нет никакого смысла покупать такие заводы

у нас, вы научились сами делать их лучше, чем в США. Кроме того, я осмотрел посевы кукурузы из семян, которые вы купили у нас, и сравнил их с вашими лучшими сортами. Видел также посевы зерном, которое прошло отбор на заводах по переработке кукурузы, и сделал вывод, что покупать далее семена в США я агитировать вас не буду, в этом нет необходимости, так как ваши семена кукурузы не уступают нашим». Вот такая оценка со стороны Гарста. Чего лучшего можно было ожидать? И я его поблагодарил еще раз. Мы по-новому стали смотреть на кукурузу и по-новому оценивать значение переработки зерна и отбора его на заводах. Не на словах, а на деле было показано, какие возможности заложены в кукурузе, если ее правильно высевать, имея для этого необходимые сельскохозяйственные агрегаты. Техника же у нас была в достаточном количестве, и мы могли получить такую высокую производительность, о которой прежде и не мечтали.

Ленинское положение – не бояться учиться у капиталистов и переносить на социалистическую почву то, что достигнуто ими, – постепенно реализуется. Знания накоплены капиталистами с помощью ученых и рабочих. Перенеся их опыт на нашу почву, мы сами можем потом дальше развивать его и добиваться более высокой производительности труда. В соревновании между социализмом и капитализмом основной вопрос в том, какая система обеспечит более высокую производительность труда, следовательно, более высокий жизненный уровень. Ведь при низкой производительности труда нельзя победить общество, которое имеет более высокую производительность труда. А победа будет заключаться в удовлетворении сполна потребностей людей. Гарст внес сюда свою лепту, оказывая таким образом помощь социализму. Но и он извлек прибыль.

Помимо того, он очень агитировал меня на развернутое строительство дорог. И правильно! Он говорил: «Если бы ваши люди увидели, какие дороги с твердым покрытием имеет у нас каждая ферма! Сколько вы тратите впустую средств на такие дороги, как у вас? Это нерационально». И был прав. Я это тоже понимал, но, к сожалению, в то время наши материальные ресурсы еще не были такими, которые позволили бы внедрить предложенное Гарстом. И на том этапе мы занимались главным образом призывами, а упор делали на проявление инициативы колхозами, совхозами и местными организациями. Централизованно же, за государственный счет, мы такую работу в то время провести не могли. Думаю, что у нас дороги тоже станут такими же или даже лучше, чем те, о которых рассказывал Гарст и которые я сам потом увидел в США.

Заканчиваю воспоминания о пребывании на ферме Гарста. Там на протяжении всей нашей поездки была самая непринужденная обстановка. Встреча с нами носила человечный характер, несмотря на то, что столкнулись люди разных политических взглядов и принадлежащие к разным классам. Каждый при этом стоял на своей позиции. Гарст – тоже человек убежденный, поэтому я никаких политических бесед не вел, ибо знал, с кем имею дело. И он не затрагивал социалистических порядков, потому что тоже хорошо себе представлял, с кем имеет дело. Несмотря на классовую противоположность, мы легко находили общий язык по вопросам, которые нас интересовали. Обстановка была очень хорошей. За обедом Гарст посадил меня рядом со Стивенсоном, дважды кандидатом от демократической партии на выборах в президенты США. К сожалению, Стивенсон ни разу не одержал победы. Там же собрались и соседи, тоже фермеры. Вообще народу было много. Не ощущалось никакой натянутости, никакой условности, как будто люди собрались провести выходной день за общим столом. Пили умеренно. Они умели пить и знали, где и как можно себе это позволить. Все проходило, как говорится, чинно и благородно.

В личных беседах со мной Гарст часто критиковал свое правительство и порядки. Но не капиталистические порядки в целом, а конкретные ограничения, которые вводились правительством в отношении фермеров. Фермеров призывали к сокращению производства зерна, так как США имели большие излишки. Хранение зерна стоило дорого, соответствующего сбыта на иностранных рынках не было. Чтобы не сбить цену на многие продукты внутри страны и на мировом рынке, правительство ограничивало производство. Гарст рассказывал, что получает премии за каждый незасеянный гектар, и это его возмущало. Он апеллировал к общечеловеческим чувствам: «В мире столько голодных, а фермеров, которые могли бы производить значительно больше зерна, заставляют сокращать посевы, да еще за каждый незасеянный гектар мы получаем компенсацию. Разве это верная политика?» Это его раздражало, и я с ним был внутренне согласен, но ни разу не входил в обсуждение этого вопроса. Тут налицо две стороны. Одна, о которой он говорил и которую выпячивал, – общечеловеческая цель: как накормить людей. Другая состояла в том, что если бы он сеял столько, сколько мог, то, безусловно, получил бы больше прибыли, чем получал в виде компенсации за незасеянный гектар. Эта сторона дела подсознательно в нем довлела, но он о ней не упоминал. У меня возникла такая мысль, но я молчал, ибо не хотел его обидеть.

Политических же вопросов, повторяю, мы вообще не касались, а вопросы торговли обсуждали. Он искренне возмущался тем, почему США не ведут торговлю с СССР. Считал, что это глупая политика, и не сдерживал себя в выражениях. Голосовал он, кажется, за демократов, хотя все Гарсты не придерживались левых взглядов. Но в деталях различий политики партий демократов и республиканцев трудно разобраться. Существует их общая направленность на укрепление капитализма и против Коммунистической партии США. Это всем известная позиция, она много раз излагалась в печати, поэтому я не хочу заниматься ею в своих воспоминаниях.

И вот что еще заинтересовало меня во время поездки. Согласно программе, мне предложили посетить некоторые сельскохозяйственные колледжи. Сейчас не помню, в каком штате это было, но вдали от городов, среди фермерских хозяйств. Мне там тоже очень понравилось[609]. Я взял это на заметку и хотел в какой-то степени осуществить нечто подобное у нас при создании сельскохозяйственных высших и средних учебных заведений. Что же мне понравилось? Студенты этих колледжей сразу учились и работали, выполняя все сельскохозяйственные обязанности: пахали землю, готовили семена и обрабатывали их, сеяли, убирали урожай, своими руками проделывали весь процесс – от посева до сдачи продукции на склад. В животноводческом секторе тоже все работы производили сами: убирали навоз, чистили и доили коров, перерабатывали молоко. В результате колледжи выпускали из своих стен лучше подготовленных специалистов не только теоретически, но и практически. Теорию, которую вкладывали в их мозги, они тут же применяли на практике. А потом, приходя на постоянную работу, уже не были новичками, хотя внешне, по своей молодости, могли бы и не внушать доверия. На деле же были хорошими руководителями и советчиками.

Это мне нравилось. Считаю, что это правильный подход к делу. Я был поражен, как фермеры, стоящие на капиталистической почве, обучают и воспитывают своих детей: вовсе не как детей обеспеченных родителей, а как людей, которым придется зарабатывать себе на хлеб. Это вынуждало их заниматься и теорией сельского хозяйства, и практикой, выполнять всю грязную работу по уходу за скотом и обработке полей. Изнеженный человек вряд ли пойдет в такое учебное заведение. Но американцы именно так готовят своих специалистов. У нас же, как правило, высшие сельскохозяйственные учебные заведения расположены в городах. Образ жизни и обучения в них отличен от американского.

Грязную работу в хозяйстве выполняют не студенты, а рабочие, для чего содержится огромный штат. На практике студентам лишь показывают, что и как делается. Я часто сталкивался с такими рассуждениями наших колхозников в ответ на предложение прислать к ним выпускников учебного заведения: «Да чему они нас научат? Они же не знают, где перед, где зад у коровы. Они боятся подойти к корове, чтобы она их не забодала». Когда я побывал в США и ознакомился с их методом подготовки сельскохозяйственных, агрономических и зоотехнических кадров, то сразу увидел разницу.

По возвращении я стал настойчиво пропагандировать увиденное. Но это не нравилось ни профессорам, ни студентам, что понятно. Жить в Москве и работать в Тимирязевской сельскохозяйственной академии прекрасно. Тут старая, маститая академия с большим хозяйством и квалифицированными преподавателями, но в городе! Ее студенты не рвутся в колхоз, потому что надо будет уехать в провинцию и жить в глуши. Они стараются нырнуть в Москве в какое-нибудь исследовательское или планирующее учреждение. Существует много лазеек, в которые можно проникнуть, получив образование за государственный счет, а потом работать без отдачи: не на производстве, где создаются ценности для удовлетворения запросов народа, а в сфере обслуживания. Однажды я узнал, что человек, окончивший Тимирязевскую академию, работал полотером. И я ахнул: как же это? Потом мне объяснили: «Вы зря удивляетесь. Если он попадет в колхоз, то будет получать мизерную заработную плату. В большинстве наши колхозы бедные, в них расплачиваются за трудодни палочками: поставят цифру, а потом заплатят копейки или вообще ничего. А полотер зарабатывает гораздо больше, чем хороший агроном в колхозе или совхозе. К тому же, живя в Москве, пользуется всеми благами большого города».

Это уродство нашей жизни подействовало на меня удручающе. Я не раз в своих выступлениях говорил об этом. Тут просто извращение, наросты на здоровом советском теле. Для себя такое поведение я объяснял еще и тем, как молодой человек, оканчивающий среднюю школу, думает о получении высшего образования и начинает выбирать вуз. Выбор часто происходит не по внутреннему влечению, а он гадает на карточках с надписями, в какой вуз пойти? Слюнявит он палец, перекладывает бумажки. С какой надписью приклеится к пальцу бумажка, туда и идет. Это, конечно, исключение. Но исключение тоже обходится нам дорого. Слишком большие затраты несет государство, да еще терпит издержки во времени: оно прошло, а подготовленный специалист

не поступает в сферу сельскохозяйственного производства. Бывает также, что поступающий в индустриальный вуз, где предъявляют большие требования к математике, провалился на экзамене и имеет в резерве сельскохозяйственный вуз. Если там есть вакансия, то он останется и станет учиться. Кому это нужно?

Лучше, если бы сельхозвузы располагались на территории крупнейших совхозов, и чтобы студенты набирались из среды совхозников и колхозников. Они привыкли жить там, знают практику работы в сельском хозяйстве, учились бы с большим рвением и, как американские студенты, выполняли бы все работы. Такие выпускники были бы на вес золота, их расхватывали бы все хозяйства. Молодые, энергичные люди, идейно убежденные, верящие в социалистическую систему и получившие глубокие специальные знания в растениеводстве или в животноводстве! Тогда специалист не всматривался бы, как ему подойти к трактору и наладить его. Знал бы и как ухаживать за скотом, и как повысить продуктивность. Выпускник отвечал бы всем требованиям дела. Такого в городе насильно не удержать, потому что он вырос на земле и не избалован городом, очутился бы на работе в своей стихии.

Когда я говорил об этом в беседах и на митингах, то все кивали, соглашались. Но «Васька слушает, да ест». Преподаватели привыкли к городским условиям. И вдруг их переводят в сельскую местность, где им небо покажется с овчинку. Они не могли отрицать правильности моих рассуждений, однако энтузиазма насчет перемещения не проявляли. Сопоставляю их поведение с тем, что я видел в Молдавии, где создали животноводческий техникум на базе совхоза с трехлетним обучением. Мне рассказывали, что когда его выпускники оканчивали учебу, то за ними отовсюду приезжали из колхозов и совхозов. За них шла драка, так хотели их заполучить. А тут? Увы, не все может сделать человек, даже если наделен большой властью и влиянием. Самый опасный вид сопротивления – поддакивание. Такая тактика усвоена многими в советском обществе, и ею широко пользуются.

Теперь я на пенсии, как говорится, на склоне лет. Возраст позволяет вспомнить, что сделано, перебрать различные события в своей памяти, дать им соответствующую оценку, хотя эта оценка уже никому не нужна. Человек всегда чем-то занимается. Вот старики тоже иной раз занимаются таким самоанализом, хотя он не всегда приносит радость и вызывает даже раздражение, когда начинаешь перелистывать книгу собственной жизни. Таков удел стариков. И все же вновь скажу, что, сравнивая американскую и нашу системы обучения, полагаю, что их система более

прогрессивна. Капиталисты умеют рационально подходить к решению вопросов. Там действует неумолимый закон прибыли. У нас же не каждый государственный чиновник обладает идейным пониманием дела и часто проявляет обывательское безразличие, гонится только за удобствами, а от этого страдает социализм. Сколько раз мне кололи глаза: «Вот сколько лет Советской власти прошло, а вы не можете досыта хлебом людей накормить, и с мясом перебои. А в капиталистических странах – избытки». Эта тема актуальна и сейчас. Когда я встречаюсь с людьми, то выслушиваю все, что им нравится и не нравится. Да, у нас такая проблема не решена, хотя мы стали всей страной значительно богаче. Но отдача еще невысокая.

Вашингтон и Кэмп-Дэвид

Неподалеку от Вашингтона находится какой-то институт не то опытная станция по птицеводству[610]. Мне предложили туда съездить, и я воспользовался приглашением. Там мне показывали кур, гусей, уток и главным образом индеек. Индюшачье мясо пользуется особым уважением в США. Там в праздник каждый американец считает обязательным иметь к столу жареную индейку. И я с интересом разглядывал их птицеводческое хозяйство.

А теперь хочу произвести запись беседы с президентом Эйзенхауэром по политическим и другим вопросам, интересовавшим наши страны. Они и сейчас являются злободневными. Начну с беседы в Белом доме. Тогда государственным секретарем был Гертер[611]. Даллес уже умер. У меня в памяти сохранился также Ачесон[612]. Оба они ассоциируются для меня со злым гением, охваченным ненавистью к СССР и скованным негибкостью. Так и хочется сказать, политической тупостью. Право, не знаю, допустимо ли такое выражение. Однако у меня осталось именно такое впечатление от Ачесона. О Гертере моя память сохранила меньше. Что касается Даллеса, то его я выделяю особо как идеолога ненависти к социалистическому мироощущению. Он прожил всю свою жизнь в этой ненависти. Однако отказать ему в понимании международной обстановки как раз нельзя. Он точно знал, в какое время живет, и отлично понимал своего противника – социалистические страны, будучи умным врагом, с которым нам нужно было считаться. Он формулировал и способы борьбы с нами. Делал все, что было в его силах: сам боролся и организовывал борьбу против социалистических стран.

Даллес заслуживает двойственного к себе отношения. Я считал его идеологическим противником номер один, которого надо если и не уважать, то все время иметь в виду. В одном я ему не отказывал и не отказываю сейчас: в свое время он вел борьбу с нами на грани войны, но его ум умел определить грань, переходить которую опасно. А войны он не хотел. Не раз возникали ситуации, насыщенные взрывом. Еще шаг, и взрыв произойдет. Этот шаг зависел часто от Даллеса, и взрыва не случалось. Вот за что я его ценил. Уважать не мог, однако, ценил. То был и противник, и партнер крайне интересный, который требовал от тебя большой тренировки мозгов: тут нужно было или сдаваться, или находить аргументы контрборьбы.

Итак, Эйзенхауэр пригласил нас на беседу в Белый дом[613].

Мы прибыли, кажется, вдвоем: я и Громыко. Состоялся обмен мнениями на предмет наших торгово-экономических отношений. Эйзенхауэр поставил вопрос о выплате нами долга по ленд-лизу. Я уже говорил об этом и еще раз напомню: ленд-лиз – это экономическая помощь, кредит натурой, который мы получали во время войны от США и Англии. Экономическая помощь была очень большая. Сталин неоднократно говорил, что без ленд-лиза мы не смогли бы выиграть войну, и я с ним согласен. СССР не выплатил долг за ленд-лиз: какой-то процент от стоимости поставок. Считаю, что Сталин правильно сделал, отказавшись платить. Он поставил тогда условие: мы выплачиваем сумму, которая причитается, но если получим кредит в три миллиарда долларов. Не помню, на сколько лет. Это даст нам возможность быстрее восстановить промышленность, а потом и выплатить долг за ленд-лиз, и вернуть новый кредит. Кажется, в первые дни после войны США нам его обещали. Говорю со слов Сталина.

Никаких официальных докладов или обсуждений в Политбюро и в Совете Министров на эту тему не было. Совет Министров вообще был тогда только списочный, и в нем вообще ничего проблемного не обсуждали, а только принимали. Так принимались и планы – годовой и пятилетний. Это проходило очень оригинально. Помню, например, доклад-информацию о последнем, пятом, пятилетнем плане при жизни Сталина, который занял, наверное, две-три минуты. Сталин кинул тексты на стол и сказал: «Читали вы или не читали?» Все смотрели на него и молчали. «Предлагаю принять». И план был принят без доклада и без обсуждения. Это похоже на анекдот, который я в детстве слышал от шахтеров: поп выходил из алтаря на амвон и показывал толстую Библию: «Читали эту книгу?» Верующие молчат. «Раз так, то и я читать вам не буду». Что-то в этом роде.

Насчет ленд-лиза наша позиция была известна Соединенным Штатам: мы хотели получить кредит, после чего смогли бы выплатить долг. Американцы домогались, чтобы мы уплатили сразу, без кредита. Они после смерти Сталина заявляли, что, если мы уплатим им по ленд-лизу то, что за нами числится, тогда они смогут начать предварительные разговоры о торговле с нами[614].

Когда мы прибыли в Белый дом, в кабинете президента уже были расставлены стулья. Не состоялось какое-то официальное заседание, когда две делегации занимают противоположные стороны стола. Нет, пошла обычная беседа. Эйзенхауэр поставил вопрос о выплате нами задолженности, а сообщение о сумме, которая за нами числится, сделал Диллон[615].

Относился он к нам очень враждебно, просто не терпел нас. Это был типичный ставленник крупного монополистического

капитала, который ключи к экономическим связям с СССР держал в своих руках и диктовал свои условия, что́ делать ему было нетрудно, потому что другие члены правительства в то время занимали не менее агрессивную позицию, чем Диллон. Мы выслушали его и сказали: «Господин президент, мы согласны выплачивать задолженность по ленд-лизу при условии, как ранее неоднократно говорилось, если вы дадите нам кредит в размере трех миллиардов долларов (не помню, на какой срок и с какими процентами). Если вы не дадите кредит, то и платить не станем».

Аргументировали мы, и я много раз повторял эти аргументы на пресс-конференциях, тем, что не только выплатили, а даже перевыплатили стоимость ленд-лиза. Приводили и тот довод, что от США по ленд-лизу получали не только мы, но также Англия и другие страны. Однако США с них ничего не взыскивают. Если взять любую страну, воевавшую с Гитлером, то разве может сравниться ее вклад с тем, который внес Советский Союз? Сколько жизней потеряли мы и сколько другие страны? Несравнимо! Не говоря уже о страшных материальных убытках, которые понес Советский Союз в войне. Были разрушены вся Украина, Северный Кавказ, Белоруссия, ряд областей Российской Федерации, понесли ужасные потери Ленинград и прочие места. Это все – колоссальные суммы, если переводить (что достаточно аморально) кровь и лишения на деньги. Какое тут сопоставление с ленд-лизом?

«Господин президент, – сказал я, – прошу правильно понять нас, ведь мы заплатили кровью. Вы нам поставляли материалы. Мы за это выражали свою благодарность и признательность и сейчас повторяем их. Но что может быть дороже человеческой жизни? Мы заплатили ею во много раз больше того, что отдали все другие участники войны против гитлеровской Германии. Так что мы с вами квиты, мы уже расплатились за долги. А если говорить честно, то и долгов мы не имели, потому что вы нам сами давали: поставляли материалы, оборудование, военные агрегаты, артиллерию, самолеты и т. д., но мы потом воевали всем этим, а не наживали капиталы на ленд-лизе. Наша кровь есть плата за полученные материалы, которые облегчали нам возможность воевать. Если бы мы их не получили, то, видимо, не смогли бы оказать должного сопротивления. Тогда Соединенным Штатам пришлось бы своей кровью платить в войне. А так вы, пролив гораздо меньше крови, отделались поставками дюралюминия, тушенки, самолетов, танков и прочего.

Мы не отрицаем важности вашей помощи и считаем, что она сыграла для нашей обороны и наступления решающую роль после того, как мы временно лишились густонаселенных

промышленных районов в результате агрессии. То есть мы делали общее дело. Между тем вы до предела затянули высадку десанта. Вы с англичанами высадили его в то время, когда главная угроза отпала и стало ясно, что СССР и один справится с Гитлером. Я не отрицаю вклада США и Англии в Победу, как поступают сейчас некоторые, ставя тем самым нас в глупое положение. Мы признаем ваши заслуги. Но они не идут ни в какое сравнение с затратами советских человеческих жизней. Вы сами выбирали время для высадки десанта и создания второго фронта в Европе. Второй фронт был организован тогда, когда мы продвинули свои войска далеко за пределы нашей территории, чего не хотели ни США, ни Англия. Черчилль, диктуя условия капиталистической стороны в войне против Германии, хотел нашими руками сломать ей хребет, и мы это сделали при вашей помощи, но помощи-то в основном материалами. Господин президент, мы просили бы вас, чтобы вы правильно нас поняли. А это доступно каждому здравомыслящему человеку, если он не будет ослеплен классовой ненавистью к Советскому Союзу».

Конечно, тут был вопрос не арифметики с подсчетом затрат, а политики. Я уверен, что Эйзенхауэр все понимал, но не мог признать нашу правоту, и Диллон был выпущен в качестве цепного пса. Он не скрывал своей неприязни и сверкал недружелюбием, если не открытой враждебностью, хотя и вынужден был сдерживаться, потому что мы были гостями президента. Правда, это ему не всегда удавалось. Мы чувствовали своих партнеров, и это нас не удивляло. Я тотчас отвечал на их реплики и ставил свои вопросы. В какой-то степени даже радовался. Вот вы беситесь против стран социализма, в первую голову против Советского Союза, а мы вам кукиш показываем: накося, выкуси! И вы ничего не можете теперь сделать, потому что мы тоже сильны. Мы хотим, чтобы они понимали наше новое значение, и они вынуждены были признавать его. Те, кто скрежетал зубами, должны были напрямую не показывать этого. Вот в такой атмосфере проходила наша беседа. Оказалось, что налицо вопрос не о ленд-лизе, а о возможности мирного сосуществования.

Я изложил нашу позицию, те соображения, которые были не новы для ушей президента и правительства США, потому что мы их уже излагали публично в Женеве на встрече лидеров четырех держав. Так что теперь тут было повторение пройденного. Когда я говорил о мирном сосуществовании, то подчеркнул, что в основе должно лежать улучшение отношений между СССР и США. О других странах социализма я специально не упоминал, это имелось в виду само собой, поскольку я представлял именно

Советский Союз, а с мощью других социалистических стран США и тогда не считались, и сейчас не принимают ее во внимание. Главная для них сила, которая противостоит их политике, это Советский Союз. Диллон, как только услышал о мирном сосуществовании, сверкнул в мою сторону глазами и задал как бы наивный вопрос: «А что такое мирное сосуществование?» Я сдержал свое возмущение и ответил: «Вы, господин Диллон, просите разъяснения насчет мирного сосуществования. Если вы этого еще не поняли, хотя мы сегодня много раз о нем говорили, то это вызывает лишь сожаление. Зам. госсекретаря не понимает, что такое мирное сосуществование социалистической и капиталистической систем. Время само научит вас правильному пониманию значения этих слов. А я полагаю, что сейчас было бы излишним разъяснять смысл мирного сосуществования».

Вот какой шел диалог. Человек, который принимает прямое участие в политической жизни, конкретно представит себе ту ситуацию. Эйзенхауэр же не играл активной роли в споре, а подавал реплики. Главным оппонентом был Диллон. Гертер тоже вставлял какие-то слова, но основным оппонентом был зам. госсекретаря. Сейчас я не помню последовательности событий: состоялась ли встреча в Белом доме до нашей поездки по стране или после нее. Но, видимо, Эйзенхауэр заранее знал, что беседа может сложиться по-всякому. И когда мы приступили к конкретным вопросам взаимоотношений, то, чтобы не омрачать настроения, обе стороны договорились, что обмен мнениями по этим вопросам отложим на завершающую стадию моего пребывания в США. Добавлю лишь, что получение долга от нас США понимали своекорыстно.

К тому времени долг составлял миллиард или даже меньше миллиарда, потому что часть оборудования, полученного по ленд-лизу, мы вернули. Приняли долг они своеобразно: потребовали от нас возвращения грузовых кораблей, полученных по ленд-лизу. Эти корабли назывались «Либерти». Во время войны они делались на потоке, быстро, и сыграли свою роль. Часть переданных нам кораблей погибла в ходе боевых действий, а кое-что сохранилось. Мы вернули им эти оставшиеся корабли, а они потом вывели их в открытое море и затопили. Вот он, вчерашний союзник. Вчера вместе проливали кровь против общего врага, а сейчас требуют от нас деньги. Корабли же, в которых мы так нуждались и после войны, они отобрали и выбросили в море. Они считали излишним затрачивать средства на их доставку домой, чтобы там превратить их в лом. Какое значение имел наш долг по ленд-лизу, когда монополисты США столько заработали на этой войне? Европа, Советский Союз и

некоторые другие страны стали нищими, а американские монополии увеличили свои капиталы во много раз, зарабатывая их на крови русских солдат, на слезах женщин, стариков и детей СССР и других стран, подвергшихся оккупации гитлеровской армией. Вот что характеризует наш спор с США. Тут был спор не о ленд-лизе и не о нашей задолженности.

У них не повернулся бы язык требовать платы, если бы мы были не социалистической страной. А мы продемонстрировали, что не только выжили и победили самую сильную армию в мире, но и восстановились, а потом ушли вперед. Это их пугало, они искали возможность затормозить наше развитие. Навязать нам войну не могли: правительство США не сумело бы поднять американцев на войну против нас после того вклада, который внес советский народ в Победу над гитлеровской Германией. Поэтому наши недруги стремились притормозить развитие Советского Союза, задушить нас если не военными средствами, то экономически. Шел спор капитализма с социализмом. И опять возник старый вопрос, который ставил еще Ленин: кто кого? Эта дискуссия продолжается и сейчас, и будет длиться, пока социализм не завоюет признания на всей планете. Значит, пока живет капитализм, будет существовать и наша борьба, то затухая, то опять разгораясь, когда задуют сквозняки по земному шару.

В программе пребывания значилось, что на завершающем этапе я и президент США уединимся в Кэмп-Дэвиде для новой беседы. Настал этот день. Президент пригласил меня в Белый дом. Со мной приехал Громыко. Он везде и всюду неотступно сопровождал меня, а с президентом рядом был Гертер. Он прилетел в Кэмп-Дэвид самостоятельно, а мы с президентом разместились вдвоем в его личном вертолете. Эйзенхауэр спросил меня: «Как вы отнесетесь к тому, если в Кэмп-Дэвид мы полетим на вертолете? Дороги забиты машинами, мы потеряем много времени. А на вертолете поднимемся в воздух у Белого дома, тут есть подходящая площадка, и спустя всего несколько минут окажемся на месте. Заодно вы посмотрите с птичьего полета на Вашингтон». Я согласился. Мне хотелось осмотреть сверху город и его окрестности. Получается вроде того, как рассматриваешь макет. Когда едешь на машине, такого удовольствия не испытываешь.

Так мы и сделали. Разместились в вертолете, с нами несколько человек охраны. Поднялись в воздух. Аппарат хороший, конструкции Сикорского[616], русского самолетчика, оказавшегося в Америке. Для американской авиации он сделал очень многое. Большая часть кабины была застеклена. Стекло – зеркальное, прочное. Мы находились как бы в открытом аппарате

с прекрасным обзором. Правда, обзор – только в одну сторону, но и этого было достаточно. Пока мы сравнительно недолго летели над Вашингтоном, Эйзенхауэр рассказывал мне о его кварталах. Видимо, он хорошо знал местность, летал не единожды. Когда мы пролетали над зеленым полем, сказал: «Вот здесь, господин Хрущев, я играю в гольф. Очень люблю эту игру. А вы как к ней относитесь?» Я ему: «Понятия не имею об этой игре. У нас ее нет». – «О, это очень интересная игра и полезная здоровью людей».

Опускаясь, вертолет приземлился в лесу. Президент мне: «Это уже район Кэмп-Дэвида». Далее мы ехали машинами, добрались до каких-то построек вроде дощатых бараков. У нас такие возводят, когда ведут большие стройки: в первую очередь из досок сооружают для рабочих общежития барачного типа. Лишь недавно отбросили эту традицию. Я поставил вопрос о том, и все меня поддержали, чтобы не плодить бараки, зря тратя рабочую силу и материалы. Ведь по окончании стройки эти «памятники», в которых жили люди и где их пожирали клопы, сжигали. А мы теперь сразу стали строить капитальные четырех– и пятиэтажные дома.

Такой же примерно внешний вид имели строения в Кэмп-Дэвиде. Зато внутренняя отделка оказалась совершенно иной: прекрасной, хотя и без роскоши, помещения оборудованы с американской деловитостью и добротно, хорошо спланированы, создан соответствующий уют, комнаты довольно вместительные. Мне отвели отдельное помещение, Громыко и нашим переводчикам – тоже. Всех отлично разместили и с полными удобствами. Затем Эйзенхауэр предложил нам ознакомиться с окрестностями. Несколько позже, когда в СССР приехал бизнесмен Эрик Джонстон[617], который был близок к Франклину Рузвельту, я узнал об истории создания этих домов. Менялись американские правительства, а Джонстон оставался приближенным к президентам независимо от того, демократы они или республиканцы. Он выполнял функции негласного дипломата и приезжал несколько раз в Советский Союз. Я лично встречался с ним раза два. Этот человек в американском понимании занимал либеральные позиции, стоял за мирное сосуществование, понимая необходимость того, чего не хотели понимать Диллон и другие. Именно Джонстон рассказал мне историю построек в Кэмп-Дэвиде.

«Во время второй мировой войны как-то зашел я к Рузвельту, – говорил он. – Президент сидел очень изнуренный. Меня это обеспокоило, и я ему сказал: “Господин президент, вы переутомляете себя, надо как-то организовать отдых, чтобы вы

себя не изнуряли”. Рузвельт ответил: “Что же мне делать? Я не могу покинуть Вашингтон, постоянно может потребоваться какая-то моя консультация, мне нужно будет дать какие-то указания”. Тут я ему и посоветовал: “Сделайте так, чтобы оставаться в Вашингтоне, но иметь возможность временно оторваться от дел и подышать свежим воздухом”. Тогда-то по распоряжению Рузвельта и были построены эти помещения. Рузвельт тут отдыхал»[618].

И тогда же Джонстон пересказал мне анекдот, услышанный им от Рузвельта. Фермеру понадобился рабочий, и он опубликовал заявку на рабочего и условия труда. Пришел человек, предложил свои услуги. Фермер решил его испытать, дал ему лопату и велел выкопать траншею. Вскоре рабочий сказал: «Дело сделал, давай другое». Фермер велел наколоть дров. И вскоре рабочий повторил: «Дело сделал, давай другое». Фермер велел перебрать груду картофеля, отложив мелочь в одну сторону, крупный – в другую. Прошло много времени, фермер считал, что работа уже сделана, но рабочий все не появлялся. Тогда он пошел посмотреть, как идут дела, и увидел, что рабочий лежит без сознания. Фермер окатил его водой, тот встряхнулся и обратился к хозяину: «Не могу я выполнять такую работу. Вы мне давайте такую, чтобы не думать. Когда я дрова колол и траншею копал, тут думать не надо. А чтобы перебирать картошку, надо думать, какой клубень крупный, какой – мелкий. Такая работа довела меня до потери сознания». И Рузвельт сказал: «Вот видите, каждому – свое!»

После Рузвельта все следующие президенты стали пользоваться этой загородной дачей. Совсем недавно я прочитал, что какой-то иностранец был в гостях у Никсона в Кэмп-Дэвиде. Никсону Кэмп-Дэвид – особенно близкое название, потому что оно было дано в честь того внука Эйзенхауэра, который стал зятем Никсона, женившись на одной из его дочерей. Когда мы с Громыко прибыли туда, то сразу увидели, что в этом месте можно без всяких помех встречаться и вести беседы. Эйзенхауэр тотчас высказал мне свои соображения насчет того, как он считал бы удобнее организовать там наше пребывание, и спросил: «Вы любите смотреть кинофильмы?» Я ему: «Конечно, если хорошие». – «А какие именно вы любите? – спрашивает, а сам улыбается. Когда он улыбался, его лицо становилось очень приятным. – Я лично люблю ковбойские, хоть и пустые по содержанию, но в них много трюков, участвуют лошади. Как вы относитесь к таким фильмам?» – «Когда еще жил Сталин, нам часто демонстрировали трофейные кинофильмы, среди них было много ковбойских. Хотя после просмотров Сталин всегда ругался

из-за их тематики, но на следующий день, когда мы приходили в кинозал, опять заказывал ковбойские». Эйзенхауэр обрадовался: «Я тоже питаю страсть к такому жанру. Ладно, будем смотреть и ковбойские, и другие, какие нам предложат. А потом побеседуем. Я пригласил сюда оркестр военно-морского флота». – «Что ж, будет очень приятно послушать и заодно посмотреть на молодых людей». – «Да, когда мы будем обедать, то станем слушать музыку флотского оркестра».

Прием был достаточно упрощенным. Если на официальных обедах и приемах требовалась какая-то форма одежды, то здесь этого не было, мы ходили в обычных костюмах. Вообще никаких условностей. По утрам мы вставали раньше президента. Может быть, он и поднимался раньше нас, но просто не выходил. Мы же с Андреем Андреевичем встречались, ибо нам нужно было обменяться мнениями о вопросах, которые затрагивались вчера и которые, возможно, возникнут сегодня, какие проблемы следовало бы поднять и в какой форме. Мы прогуливались по дорожке одни, больше никого там не было. Охрана, видимо, имелась, но хорошо проинструктированная. Она занимала свои места и не мозолила глаза, так что мы ее не видели.

Могут спросить, а зачем Хрущеву с Громыко выходить по утрам? Разве нельзя поговорить в тех комнатах, которые были им отведены? Ха, наши соображения хорошо известны всем государственным деятелям! Мы были убеждены, что там поставлены подслушивающие устройства. Поэтому обмениваться мнениями в помещениях – значит информировать тех, кто их поставил. А выдавать свои мысли и соображения, которые у нас имелись по тому или другому поводу, мы не хотели, поэтому считали, что лучше переговорить на открытом воздухе. Да и там мы тоже прикидывали, где могут находиться подслушивающие устройства и где, по нашему мнению, быть их не должно. Американская разведка хорошо вооружена техническими средствами, мы это имели в виду и принимали меры предосторожности.

В какой-то день пребывания в Кэмп-Дэвиде президент предложил: «Как вы отнесетесь к приглашению на мою ферму? Это недалеко отсюда, и туда можно слетать на вертолете». Я ответил: «С удовольствием. Ферма – ваша собственная?» – «Да, моя собственная»[619]. И мы полетели. Находились в пути какое-то время и приземлились. Там, по-моему, жила тогда семья его старшего сына. Президент представил мне управляющего: «Это генерал, воевавший вместе со мной, после войны я предложил ему должность управляющего на моей ферме». То был человек средних лет. Больше ничего сказать о нем не могу, знакомство

было беглым. Управляющий показывал имение, а хозяин знакомил меня с домом и со своей семьей, а утром поделился мыслью, почему не всю семью взял в Белый дом: «Пребывание президента на его посту – временное, и я не хотел приучать всю семью к удобствам, которыми пользуется президент, чтобы не возникло дискомфорта, когда закончится мой срок президентства и я вернусь в собственное жилье. Тут-то, конечно, роскоши побольше». И я согласился: «Да, это разумно».

Действительно, его дом был хоть и богатый, но без роскоши и небольшой. Правда, его удобства свидетельствовали о приличном заработке богатого человека, но все же не мультимиллионера. Потом мы знакомились с хозяйством фермы. Тут в свои права опять вступил управляющий. Пошли на животноводческий участок, поглядели на скот. Не помню, сколько там было голов, однако не в масштабе наших колхозов или совхозов, и своей численностью не производил особого впечатления. Скот мясной, очень плотный, на коротких ногах, упитанный. Я потом познакомился с этой породой крупного рогатого скота, не молочного, а именно мясного направления. Согласно данной мне справке, выход говядины был около 60 или 65 %, почти как у свиней. Свинина, кажется, имеет выход 70 %, насколько я помню справочники, которыми пользовался в свое время. Эйзенхауэр, улыбаясь, предложил мне в подарок телку со своей фермы, и я поблагодарил его. Потом он повел меня на поля. Целиком мы их не обходили: он обвел рукой, указывая, где проходят границы его владений. Главным образом мы смотрели на посевы. Я не знал ранее такой зерновой культуры: низкорослая, похожая на пшеницу, но какая-то другая. Президент рассказал: «Я произвожу посев. Потом колосья не убираю, а только скашиваю уже перед самой зимой. Посев делаю для привлечения птиц. Сюда прилетают куропатки, перепела, еще какие-то птицы. Когда у соседей все поля убраны, мое поле остается неубранным, и возникают хорошие условия для охоты. Поле размечено для удобства охотников, оставлены дорожки. Так что я здесь охочусь, не выезжая с фермы».

Такая охота, я бы сказал, больше, чем барская. Если вы хотите ознакомиться со способом охоты наших дореволюционных помещиков и знати, прочтите «Войну и мир» Льва Толстого. Соответствующие главы я читал несколько раз, и всякий раз после чтения у меня поднималась температура: так красочно и рельефно была показана охота, так она зажигала, особенно когда человек имеет к ней страсть. А охотничье хозяйство президента не обеспечивало такой градус азарта: нечто вроде тира, где стреляют по тарелочкам. А тут вместо тарелочек – по дичи,

привлеченной урожаем; причем заранее известно, на каком расстоянии от охотника она пролетит и где. Одним словом, налицо все удобства без какой-либо затраты сил и с гарантией удачи.

Я решил отблагодарить президента за подаренную телку. Когда он похвалил березовое дерево, я предложил: «Если не возражаете, мы пришлем для вас посадочный материал. Я попрошу специалистов-лесников: подобрать материал получше, они приедут и произведут по вашим указаниям посадки на ферме. Пусть это будет моей благодарностью вам и в знак памяти о нашей встрече на ферме». Он в свою очередь поблагодарил, и я заметил, что ему было приятно. Так мы потом и сделали, прислали посадочный материал. А пока, попив чаю, улетели в Кэмп-Дэвид и продолжили беседы. Теперь изложу в общей форме их содержание.

В Кэмп-Дэвиде мы вели вольные беседы, гуляли по парку и обменивались мнениями. Нужно сказать, Эйзенхауэр в личной беседе, при личных контактах показал себя очень добродушным человеком и хорошим собеседником. Во время одной из прогулок Эйзенхауэр как-то сказал мне: «Хотел бы спросить вас, господин Хрущев. Вот у меня порой возникают такие трудности. Приходят ко мне военные и говорят: “Нам нужно на такое-то мероприятие столько-то миллиардов долларов”. А я смотрю на них и отвечаю: “Нет денег”. Мои генералы давят на меня: “Господин президент, если вы не дадите нам денег и мы не будем иметь этого вооружения, то предупреждаем, что СССР уже занимается этой проблемой или вообще успел сделать подобное (они говорят по-разному), так что наши вооруженные силы уступают советским”». Я его спросил: «И что же вы потом отвечаете?» – «Даю им, приходится давать». Я сказал ему: «Господин президент, я сталкиваюсь с теми же трудностями. Ко мне, как к председателю Совета Министров СССР, приходит министр обороны и говорит: надо столько-то миллионов. Я тоже развожу руками: “Это невозможно, нет таких денег, СССР имеет большие потребности, нужны крупные суммы для развития экономики и средств потребления, дать вам столько не можем”. А он мне в ответ: “Если вы не дадите, то предупреждаю, что военное ведомство США уже получило кредиты и производит идентичные работы, возникнут условия, при которых мы резко будем уступать США по вооружению”. Что тут можно сделать? Приходится и мне соглашаться».

Обо всем этом мы разговаривали с улыбочками, как и положено при такого рода беседах. Тут Эйзенхауэр предложил: «А давайте договоримся, что ни вы, ни я в будущем не станем давать

деньги на такие проекты. Зачем нам сталкиваться лбами?» Я ему: «Это наша мечта. Мы всегда хотели этого и если бы смогли договориться по данному вопросу, то как облегченно вздохнули бы все народы».

Поговорили мы с ним, кино посмотрели, поужинали. А потом не раз возвращались к тому же вопросу, но так и не сдвинулись с места. Я верю, что Эйзенхауэр искренне заявлял, что хотел бы договориться. И я искренне ему отвечал. Но тогда наши позиции были противоположны до такой степени, что не возникли условия для соглашения. Мы-то стояли на классовых, пролетарских позициях социалистического строительства, а США – могучая капиталистическая страна, преследовавшая иные цели и взявшая на себя обязанности мирового жандарма. В конце концов я сказал Эйзенхауэру: «Давайте договоримся на такой основе: главной целью будем считать взаимное разоружение, а главным принципом наших отношений – невмешательство в дела других стран». То были не переговоры, а вольная беседа, но очень важная. Тем не менее, вскоре наши отношения обострились до невероятного накала.

Какие еще вопросы мы обсуждали? Мы продолжили разговор о ленд-лизе, и оба высказались исчерпывающе. Каждая сторона охарактеризовала свою точку зрения, но сближения не произошло. Хотя Диллон, как я уже говорил, высказывался неприязненно, ибо понимал, что, если мы получим кредиты, это укрепит нашу экономику и будет способствовать ее дальнейшему развитию, что не входило в планы американских монополий. Эйзенхауэр подавал реплики, из которых было ясно, что у них единая позиция правительства США. Но не этот вопрос оставался главным, и в Кэмп-Дэвиде мы к нему непосредственно не возвращались.

Главная проблема – договоренность о разоружении. Я видел, что Эйзенхауэра это серьезно беспокоит, и чувствовал, что он не рисовался, а действительно хотел договориться, чтобы не возникло войны. В первую голову договориться надо двум великим державам. И он высказывался так: «Я военный человек, всю свою жизнь нахожусь на военной службе, участвовал в войне, но очень боюсь ее и хотел бы сделать все, чтобы избежать ее. Прежде всего, нужно договориться с вами, это главное. Если хочешь, чтобы не было войны, договорись с Советским Союзом!» Я ответил: «Господин президент, не было бы для меня большего счастья, чем договоренность с вами; чтобы исключить войну между нашими странами и, следовательно, мировую войну». Но как конкретно договориться? Этот вопрос нас очень занимал. Прочие вопросы оставались производными: как улучшить наши

отношения, развивать торговлю, экономические, научные, культурные и прочие связи.

Мы знали их позицию, они знали нашу. И я не видел, чтобы что-то изменилось, произошли какие-то сдвиги. Поэтому и не надеялся, что можно будет договориться по главной проблеме, хотя обе стороны понимали, что надо исключить войну, а конкретнее – запретить термоядерное оружие. Американская сторона отстаивала установление международного контроля. Но в ту пору на международный контроль мы никак не могли согласиться. Я подчеркиваю: «тогда не могли». Поэтому хотели договориться о прекращении испытаний ядерного оружия, что считали возможным и без международного контроля. Ведь любой взрыв сейчас фиксируется техническими средствами. Обеспечить контроль можно, и не устанавливая такой техники на территории другой страны и контролируя с собственной территории или с территории союзников.

Американцы окружили нас военными базами, все просматривали и прослушивали, так что такой контроль они уже давно установили. И все же добивались посылки контролеров, хотя и не обязательно контролеров от США. Но мы не могли принять и международного контроля. Вот теперь, когда я нахожусь на пенсии, я вновь обдумывал этот вопрос и считаю, что теперь такой контроль возможен и без ущерба для нашей обороны, так как оказался бы взаимным. А тогда мы значительно отставали в процессе накопления ядерного оружия и не имели нужного количества его носителей-ракет. Самолетами же мы не доставали до территории США и поэтому оставались слабее. Конечно, мы могли в пух и прах разнести союзников США в Европе и Азии, где находились их базы, но экономический потенциал самих США находился на недосягаемом расстоянии для нашего оружия. Естественно, контроль на месте оказался бы не в нашу пользу: США получили бы возможность чисто арифметически все подсчитать и определить, что мы слабее. И возникло бы для них наиболее выгодное время покончить с нами путем войны. Завтра им будет уже поздно. Мы это понимали и не соглашались на проведение инспекций на своей территории.

Американцы настаивали также на широком обмене туристами и предлагали обмен научными силами, чтобы их ученые приезжали к нам, работали в наших научных учреждениях, а советские ученые – в научных учреждениях США. Они предлагали и широкий обмен студентами, а также присылку к ним наших управляющих предприятиями на переподготовку. Это как раз довольно полезное дело, нам можно было бы извлечь большой прок из этого, чтобы позаимствовать их опыт управления

и организации производства. Далее их предложения были направлены на открытие границ, чтобы расширить обмен людьми, открытие организаций или обществ, в которых продавалась бы американская литература у нас и наша – в США, все на основе взаимности. В принципе любые их предложения, кроме контроля, нам можно было бы принять, но мы внутренне не были готовы к этому, еще не отделались от наследия сталинских времен, когда в каждом иностранце видели неразоблаченного врага, приезжающего к нам только с целью вербовки советских людей или шпионажа.

Так мы были воспитаны и не освободились еще от сталинского груза. Сталин считал, что это классовая борьба другими средствами, без войны, и она – самая острая. Сталин страдал недоверием к своему народу, недооценивал внутреннюю сопротивляемость советского человека, полагал, что при первой же встрече с иностранцем наш человек капитулирует и будет подкуплен материальными либо другими средствами воздействия. Это удивительно, но, к сожалению, так было. Это психологическая болезнь Сталина. Недаром он говорил нам, что мы не сможем противостоять противнику: «Вот умру, и погибнете, враги передушат вас, как куропаток».

Затем американцы настаивали на том, чтобы обе стороны могли вести воздушную разведку над всей территорией и СССР, и США. Мы с этим тоже не могли согласиться по причинам, о которых я уже говорил: США в ту пору были сильнее нас по ядерному оружию. У нас имелись ракеты, но пока еще в небольшом количестве. С самолетов мы могли вести разведку только в Западной Европе, среди союзников США, но не могли со своей территории осуществлять полеты над США. У нас не было таких средств. Получались неравные возможности, с чем мы согласиться не могли.

Мы со своей стороны внесли Эйзенхауэру новые конкретные предложения: выделить какие-то пограничные районы в СССР и странах НАТО, где можно будет проводить взаимную разведку, вести наблюдение и с воздуха, и наземную. Мы предложили довольно обширные территории у наших западных границ, в первую очередь на собственной земле и в ГДР, где стояли наши войска, и требовали взаимности от западных стран. Имелись и другие наши инициативы, по которым тоже не сумели договориться. Были сформулированы конкретные предложения, мы заранее послали их президенту США. Сейчас я не помню, какие конкретно вопросы стали камнем преткновения. Мы попытались вернуться к ним, но ничего не получилось, наши позиции в то время никак не согласовывались.

Скажу о мире на Земле: вот вопрос вопросов. Он был и остается. Мы закончили войну разгромом гитлеровской Германии, но мирного договора с нею не заключили, остался статус ее оккупации как нами, так и западными странами. Они потом дали возможность западным немцам создать свое государство – Федеративную Республику. Войска оккупантов остались на обеих территориях, получив иной статус: не оккупационных, а дружественных. Возникли военные блоки: на Западе – НАТО, в социалистических странах – Варшавский договор. Но мирного договора с Германией по-прежнему нет, поэтому войска стояли тогда и стоят сейчас друг против друга.

О Западном Берлине у нас тоже существовали разные толкования. Мы считали, что он, находясь на территории ГДР, должен оставаться отдельным от ФРГ политическим телом. Западные страны твердили, что Западный Берлин относится к ФРГ (тогда ее называли ГФР). Получалось нарушение суверенитета ГДР – явочным порядком предоставляется ФРГ возможность проводить в Западном Берлине правительственные заседания. Фактически он включался тем самым в Западную Германию. Вот горючее, которое всегда может привести к взрыву. И мы предлагали: «Давайте подпишем мирный договор, сделаем Западный Берлин “вольным городом”». Одним словом, вносили различные предложения, но при том условии, что реально должны существовать два германских государства, которые оба получат международное признание, будут приняты в ООН и установят между собой дипломатические отношения.

США не согласились, не соглашаются и сейчас. А мы тоже не соглашаемся с другой стороной. Они хотят, чтобы произошло воссоединение, но не в виде воссоединения, а как поглощение ГДР Западной Германией. Хотят создать единую Германию на капиталистической основе, и чтобы эта Германия, безусловно, стала союзником западных стран. Это для нас совершенно неприемлемая позиция. Мы считаем, что это неправильный подход. Пойти на такое мы могли, только если бы нас вынудили к этому. Мы же, считая себя достаточно сильными, не желали добровольно идти на самоубийство, согласившись с позицией, которую нам навязывал Запад. Поэтому реальной возможности договориться по данному вопросу во время моего пребывания в США не возникло.

СССР был заинтересован в торговле. В США существует решение их конгресса (оно и сейчас не отменено), запрещающее вести торговлю или устанавливать какие-то деловые экономические связи с Советским Союзом[620]. Там перечислено, на какие предметы и продукты налагается запрет. Фактически

под запрет попадают все главные товары, кроме тушенки или тому подобного, что они охотно сбывают кому угодно, чтобы выкачивать валюту. Я уже рассказывал, как рассматривался этот вопрос у президента в Белом доме, когда присутствовал Диллон, мой главный оппонент по вопросу торговли. Ничего не получилось и при нашей встрече у господина Гарримана, хотя мы ценили его усилия и считали, что он там реалистичнее остальных. Гарриман – крупный капиталист, хорошо знающий нашу систему и стоящий на позиции мирного сосуществования. Он хотел содействовать развитию торговых контактов, экономических и научных связей наших двух стран, но общение с капиталистами, собравшимися у него дома, показало, что пока это нереально, они еще не готовы. Недаром его гости иронически спрашивали: «Что вы можете продавать, господин Хрущев, какие товары? У нас-то вы можете покупать достаточное количество товаров, которые вас интересуют, а вот что вы нам продадите?»

Естественно, этот вопрос был для нас тяжелым. Раньше мы продавали им марганец. Но потом они стали покупать марганец в Турции. Турция при помощи американского капитала развила его добычу. В других странах тоже были открыты залежи марганца, и промышленность США полностью покрывала свои потребности без нас. Наш марганец потерял то экспортное значение, которое имел раньше. Кто-то из гостей Гарримана спросил: «А ваши крабы пользуются спросом?» Издевательский вопрос, потому что было принято специальное решение, запрещающее ввоз крабов в США, поскольку сей продукт добыт «рабским трудом» в СССР, за что они его и бойкотируют. Вот и доказывай! У нас, дескать, рабский труд, а у капиталистов все ценности создаются иным путем. Там – другое дело… Мы даже крабов и водку не могли им продавать. К тому же, продавая данные товары, много не закупишь, хотя можно было бы постепенно начинать торговать при желании у американцев. А возможности имелись. СССР нуждался в приобретении различного оборудования, которое нас интересовало для успешного развития нашей промышленности. И мы, добывая золото, могли бы приобрести оборудование за золото, но они нам даже за золото отказывались продавать.

Таким образом, когда мы стали конкретно перебирать вопросы, интересующие обе стороны и требующие решения, то натолкнулись на рогатки. Они мешали нашему сближению, но убрать их мы не могли. Я сразу почувствовал, что Эйзенхауэр обмяк. У него был вид человека, который побывал в проруби: он вымок, и с него стекает вода. У меня, видимо, тоже вид был не лучше. Впрочем, может быть, и получше, потому что мы заранее

не питали иллюзий, не надеялись в первой же поездке снести все преграды на пути экономического сближения и торговли с капиталистическими странами. Хотели себя показать и посмотреть на США, продемонстрировать свою непреклонную волю: не пойдем ни на какие односторонние уступки, которых домогалась Америка! Конечно, сложившаяся обстановка нас огорчила: хотели уладить спорные вопросы, но увидели, что условия для того не созрели.

Мы поднимали и вопрос (а мы всегда его поднимали) о выводе войск с чужих территорий, ликвидации военных баз. Предлагали ликвидировать военные союзы, распустив НАТО и союз по Варшавскому договору. Американцы опять не были готовы. Предлагая это, мы тоже считали, что реальные условия к тому еще не созрели: это был с нашей стороны пропагандистский прием. Такое предложение мы делали и раньше, еще до моей поездки в Америку. У нас в то время имелись хорошие отношения с Китаем. Я встречался с Мао Цзэдуном, мы обменивались мнениями, и он уже знал из печати и по нашей информации о данном предложении и высказал сомнение: «Вряд ли стоит сейчас идти на это. Если они примут такое предложение, вам придется вывести свои войска из ГДР; тогда она не сможет обеспечить свою независимость и развалится. Мы ее потеряем». В ту пору он говорил «МЫ». То есть заинтересованность всех социалистических стран, и Советского Союза, и Китая, была одинаковой, и их взгляды тоже.

Я разъяснил ему, что появилась бы взаимная договоренность: американцы, французы и англичане тоже выведут свои войска из Западной Германии. Но Мао считал, что это будет неравноценно. Может быть, в ту пору какая-то здравая мысль в его соображениях и имелась. Однако я возражал: «Мы это делаем в пропагандистских целях, так как уверены, что сейчас это не будет принято США. А к тому времени, когда созреет их понимание, будет уже другая ГДР, с другими возможностями, и она внутренними силами сможет обеспечить безопасность социалистического строя. Если же развернется вторжение со стороны Запада, мы придем на помощь. Тем более, что в будущем возможностей и средств у нас окажется больше. Так что это предложение не ослабляет нас, а, наоборот, усиливает с точки зрения пропагандистского наступления на капиталистический мир, поддерживая обеспечение мирного сосуществования, при широкой мобилизации общественного мнения – очень большой опоры нашей пропаганды».

Постепенно наши беседы в Кэмп-Дэвиде исчерпывались и подходили к концу, а чего-либо реального мы не достигли. Какое

же коммюнике может получиться в завершение? Я чувствовал, что это угнетало Эйзенхауэра, но я ничем не мог ему помочь[621]. Пришло время обеда, а после обеда мы решили возвращаться в Вашингтон. Эйзенхауэр предложил: «Давайте из Кэмп-Дэвида в Вашингтон поедем на машинах, а вы посмотрите на тот же отрезок пути из машины». Я согласился, мне тоже было интересно посмотреть насыщенность дорог автомобильным транспортом. Я много читал об этом, но хотел увидеть сам. Обед проходил торжественно, но атмосфера за столом была такой, как будто в доме лежал тяжелобольной. Такое чувство господствовало и с нашей стороны, и в еще большей мере у президента. Обед был похоронный, не свадебный. Просто контакты. Как говорят, не свадьба и не похороны. Видимо, президент заавансировался перед своими, когда решал вопрос о моем приглашении, и сейчас чувствовал, что его надежды не оправдались, никакой договоренности не будет достигнуто. Повторяю, что договоренность могла возникнуть, но надо было пойти для этого на реальные и разумные шаги. Если договориться, самому ничего не уступая, значит, принудить к капитуляции другую сторону. Пригласив нас, США проявили инициативу после долголетней идеологической войны, которую мы вели. Приглашение не давало им надежды принудить нас к капитуляции. Наоборот, мы укрепились в своих позициях, были неприступны, стояли, как гранит. Пообедали мы. Сели в машину, поехали вместе с Эйзенхауэром. Не помню, каким количеством фраз мы обменялись на всем пути, но очень малым, говорили скупо, разговор не вязался. Задавали вопросы о природе, беседовали о впечатлениях, которые возникали по пути следования. Как хозяин Эйзенхауэр разъяснял мне все, но это было лишь проявление необходимой вежливости, выдавливание из себя каких-то фраз, без которых в другое время можно было бы и обойтись. Приехали мы в Вашингтон. Эйзенхауэр отвез меня в резиденцию, где я жил, а потом отправился в Белый дом. Значит, все?

К концу моего пребывания в США мне доложили, что группа американских капиталистов желает организовать ужин в мою честь и просит моего согласия. После прежней встречи в Нью-Йорке у меня особого энтузиазма не возникало, потому что там организовали широкую встречу, присутствовало большое количество людей, но какого-либо обмена мнениями так и не было. Здесь же предстоял официальный прием деловых людей узкого круга. Но мне сказали, что стоит пойти, так как собираются влиятельные люди. В приглашении обозначалось 15 или 20 человек[622]. Я дал согласие, был назначен ужин неподалеку от нашего посольства. Обставлен он был, как принято

у них: в вечернее время, свечи, мягкий свет, полумрак. Сели за стол. Еда и питье – в умеренных количествах. Но ведь не это главное, деловые люди умеют много пить, однако не напиваться, умеют держать себя в обществе.

Мне стали задавать всевозможные вопросы. На те, которые заслуживали внимания, я отвечал по делу, а на анекдотические отвечал в таком же духе. Какой-то старый человек, очень дряхлый, но, как мне сказали, очень богатый и влиятельный, все допытывался, сколько мы добываем золота и почему не ведем торговлю с Америкой на золото: они могли бы продавать нам товары за золото[623]. Конечно, мы его добывали, но берегли про «черный день», который может всегда настать. Золото оставалось соблазном для капиталистического мира. И не так уж много золота мы добывали, чтобы удовлетворить все свои потребности, расплачиваясь именно золотом. Наши потребности были выше. Поэтому требовалась торговля на основе взаимности. Только она могла создать возможности широкого обмена товарами, идеями и культурными ценностями. Я так и ответил.

Мой ответ вызвал удовлетворение. Они посчитали, что это острота, поэтому не просто смеялись, а от души хохотали. Что же я сказал? «Господин такой-то (фамилию не помню), отвечаю на ваш вопрос о золоте. Знакомы ли вы с тем высказыванием, которое сделал в свое время наш вождь Владимир Ильич Ленин, что пока нам золото нужно беречь? На каком-то этапе развития человеческого общества золото утратит свою ценность, поэтому золотом будут отделывать общественные туалеты. Вот мы и бережем золото, а когда настанет такое время и будет создан коммунизм, золото потеряет обменную ценность, и, чтобы выполнить завет Ленина, мы отделаем общественные туалеты в коммунистическом обществе золотом. Для того мы его и сберегаем».

Капиталисты дали волю своим легким, реагировали бурным весельем. Не помню, как отреагировал человек, который задавал вопрос. Тогда он стал задавать новые вопросы: о нашей стране, ее политическом устройстве, нес какую-то несуразность. Я отвечал соответственно, подпуская иронию. Публика понимала это и хорошо все воспринимала. Один из буржуев подошел и прошептал на ухо: «Господин Хрущев, вы не беспокойтесь, мы сами несколько смущены его глупыми вопросами, он очень стар, но мы все понимаем верно и одобряем ваши ответы». Мне было приятно услышать это. Увы, каких-то особых вопросов, которые дали бы надежду на развитие с нами деловых контактов, не припоминаю. И все же это была полезная встреча, хотя бы потому, что я непосредственно слушал их, а они напрямую слушали меня

и конкретнее представляли себе нашу политику. Личные контакты, личное знакомство тоже всегда имеют полезные последствия.

Мне запомнились слова американца Макдаффи[624] насчет личных контактов. Он побывал в Киеве сразу же после окончания войны, представляя организацию, которая оказывала помощь странам, пострадавшим от гитлеровского нашествия. Возглавлял организацию Ла Гардиа[625], мэр Нью-Йорка и друг Франклина Рузвельта, выходец из Италии. Макдаффи хорошо относился к нам и там, где было в его силах, шел нам навстречу. Наши желания не совпадали с инструкциями, которые он имел относительно ассортимента поставок. США предлагали нам остатки ресурсов войны: тушенку, другие предметы потребительского характера. Мы же старались приобрести машины, трубы диаметром 500 мм для первого в СССР мощного газопровода из Западной Украины в Киев, просили и получали современные машины для прокладки траншей. Особую ценность представляли машины, которые покрывали трубы изоляцией. Наши специалисты впервые увидали их и вообще узнали о существовании таких машин. Эти машины были положены потом в основу наших разработок.

Когда ликвидировали названную организацию, Макдаффи приезжал в Советский Союз, и я его принимал. Он говорил: «Господин Хрущев, если бы вы могли приехать к нам и показать всем, что вы такой же человек, как мы… Американцы думают, что советские – какие-то особые люди или что они вообще не люди. Прямое общение имело бы большое значение для нашего сближения. То, что вы вместе с американцами дрались против Гитлера и что вы были главной силой, которая сокрушила гитлеровскую машину, и заплатили своей кровью за всех воевавших против Гитлера, забыто. Медовый месяц, как говорится, уже прошел».

Да, уже бушевала холодная война, которую развязал Черчилль. Машина монополистического капитала, которая владеет средствами воздействия на умы, довела до того, что нас и за людей не считали. И об этом Макдаффи высказал свои соображения. Если принять во внимание то, что он говорил о своих соотечественниках, то имелась теперь несомненная польза от встречи с группой деловых людей в Вашингтоне. И их вопросы, и мои ответы, и характер встречи были описаны журналистами. Потом в СССР издали коллективный труд, в котором рассказывалось о моей поездке по США. Считаю, что книга эта достаточно объективна и полезна[626]. Сейчас я иногда встречаюсь с людьми, которые познакомились с книгой, и они

говорят, что с большим удовольствием прочли ее и хранят как память о том времени.

Я позволил себе также предпринять поездку по Вашингтону, чтобы познакомиться с городом[627]. Делал даже пешие прогулки, уходя недалеко от своей резиденции. Город этот богатый, чистый, зеленый и красивый. Он вроде нашего провинциального городка, но более богат. Это не Нью-Йорк, нет такого городского шума. Мне Вашингтон очень понравился и планировкой, и архитектурой. Там меньше небоскребов, стоят хорошие, добротные дома. Однажды во время моей прогулки (а журналисты всегда дежурили и потому сопровождали меня, фиксируя каждый шаг) я направился к памятнику президенту Линкольну. Вошел в помещение, снял шляпу и отвесил поклон, засвидетельствовав уважение тому, кто поднял оружие против рабовладельцев. Мне хотелось воздать должное уважение бывшему лесорубу от бывшего шахтера бывшей России. Это все потом обыгрывалось американскими журналистами в хорошем тоне.

В соответствии с протоколом Эйзенхауэр дал прием в мою честь. Прием или обед? Нет, все же обед[628]. Мы сидели за столами с блюдами. А когда из приемного зала входили в столовый зал, чтобы занять свои места, мне шепнули на ухо, что я должен взять под руку жену президента и проследовать с ней. Президент США сделал то же в отношении Нины Петровны. Блюда, которыми нас угощали, были обильны и очень питательны. Американцы вкусно готовят. Когда принесли отбивные, они оказались размерами с тарелку. Я как глянул на них, так и обратился к президенту: «Господин президент, столько же невозможно съесть!» Он расплылся в улыбке: «Господин Хрущев, я вас уверяю, что вы еще добавку попросите». И оказался прав. Приготовлено было очень вкусно. Я с удовольствием съел отбивную и, чтобы доставить удовольствие президенту, попросил добавку. Он захохотал: «Вот видите!»

За столом не бывает переговоров, ведутся только беседы. Люди едят, провозглашают тосты, так проходит время. А потом, когда нас позвали в отдельный зал, где подавали кофе, то мы разбились на группы. Я сидел за одним столиком с президентом и неким адмиралом. Эйзенхауэр отрекомендовал его как своего друга. Нас за столиком было человек пять, кто остальные – не знаю. Мы обменивались мнениями на случайные темы. Адмирал, который проявлял постоянно любезность, сказал: «Я хотел бы вас попросить принять от меня подарок с моей фермы». Кажется, то были две телки и бычок. Они оказались той же породы, что и телка, которую я получил в подарок от президента. (Породы блэк

ангус. – *С. Х.*) Я тут же сказал: «Охотно принимаю ваш ценный подарок, а главное – ценю ваше внимание ко мне». Вот, собственно, что осталось у меня в памяти от обеда. Более ничего примечательного не произошло. По всем важным вопросам мы обменялись мнениями в другом месте и в ином составе.

Посол Меньшиков, хорошо зная страну, помогал мне советами и справками, информировал меня, если предстояла какая-нибудь встреча. Он знал тамошних людей лучше других, да и обязан был знать, для чего имел нужные кадры и вполне отвечал своему назначению, был полезен мне. По его просьбе я встретился специально с работниками нашего посольства, передал им приветы с Родины и добрые пожелания. Единственное, что хочу добавить здесь, – о вице-президенте Никсоне, но относительно нашей более ранней встречи с ним.

Она состоялась летом 1959 года, до моей поездки в США, на американской выставке товаров, предметов быта и культуры в московском парке «Сокольники». Открывать выставку приехал Никсон. Выставка не имела успеха, потому что отношение к ней со стороны организаторов оказалось несерьезным: она носила сугубо пропагандистский характер, так как содержала главным образом фотографии или экспонаты художников и скульпторов. Большинство экспонатов – в стиле модернистов. Мне показалось, что выставка произвела на большинство посетителей не хорошее впечатление, а отталкивающее. Безусловно, имелись и поклонники. В каждом обществе и на каждом этапе его развития рождаются всякие идеи: и прогрессивные, и иные, с извращениями. Возможно, именно последнее нравилось отдельным посетителям. Я много слышал прежде о модернистском искусстве (меня информировали наши официальные лица, ездившие за рубеж) и решил посмотреть сам, в чем выражаются новые веяния культуры.

Еще до открытия выставки, когда американцы только строили свой павильон, я съездил туда. Меня интересовала его конструкция из нескольких элементов, которые готовились в США, завозились в Москву и здесь собирались. Мне это понравилось: задачу решили рационально, конструктивно. Открывал выставку Никсон. Не помню, кто еще из нашего руководства посещал ее. Осмотрели павильон. Все тонуло в диаграммах и фотографиях, а сделано было красочно, чтобы произвести впечатление. Выставка носила сугубо агитационный характер и не удовлетворяла запросов наших руководящих хозяйственных, технических и партийных кадров. Мы отнеслись к ней придирчиво. На первый план выдвигали полезное, а уж потом предметы, удовлетворяющие потребности эстетики.

Я осмотрел раздел художников. На меня он не только не произвел доброго впечатления, а скорее оттолкнул. В разделе скульптуры то, что я увидел, меня просто потрясло. Скульптура женщины… Я не обладаю должной красочностью языка, чтобы обрисовать, что там было выставлено: какая-то женщина-урод, без всех верных пропорций, просто невозможное зрелище. Американские журналисты меня расспрашивали (а они знали мое отношение к такому жанру в искусстве) и поэтому как бы подзадоривали. Ну я и отвечал: «Как посмотрела бы мать на сына-скульптора, который изобразил женщину в таком виде? Этот человек, наверное, извращенец. Думаю, что он, видимо, ненормальный, потому что человек, нормально видящий природу, никак не может изобразить женщину в таком виде». Другие экспонаты тоже не произвели на меня хорошего впечатления. С моей точки зрения, там не было ничего, что нам можно было бы практически использовать. Почти не было новой техники. А мы буквально гонялись за всякими новинками и ожидали, что американцы что-то покажут. Ведь они могли показать много интересного.

На выставке организовали и американскую кухню. По ходу осмотра я зашел туда. Потом наш разговор долго служил темой публикаций журналистов. Когда освещались отношения США и СССР, то постоянно вспоминали разговор «на кухне» Хрущева с Никсоном. Этот разговор затянулся. Когда я стал знакомиться с выставочными материалами на кухне и ее оборудованием, то увидел немало интересного, но было там и явно надуманное. Вот, например, за что я зацепился, и мы с Никсоном приостановились: автомат для выжимания лимонного сока. Я задал вопрос, и с этого все началось: «Господин Никсон, думаю, что организаторы выставки несерьезно отнеслись к СССР и показывают нам не главные вещи. Вот автомат, который выжимает сок. Его требуется для чая несколько капель. Облегчает или не облегчает труд хозяйки такой автомат? По-моему, не облегчает: потребуется меньше времени и труда, чтобы разрезать лимон ножом».

Хотя я рос среди шахтеров, но лимоны были им доступны, и мы покупали их. Часто пили чай с лимоном, стоил он гривенник за штуку. Завозили лимоны, видимо, из Турции. Пили чай и с молоком. Видимо, заимствовали это от англичан, владельцев рудников. Наши рабочие общались с низшим британским персоналом. Зная лимоны, я продолжал: «Ту же работу можно вручную сделать быстрее, чем сложным аппаратом, который вы выставили. Для чего вы нам это показываете? Хотите ввести нас в заблуждение и продемонстрировать нереальные вещи?» Он доказывал обратное, и очень горячо. Я отвечал тем же, ибо во

время спора тоже вхожу в азарт. Наш спор разгорелся и затянулся. Его наблюдали журналисты, которые нас сопровождали. Они были с магнитофонами и все записывали. Потом долгое время эта беседа обыгрывалась журналистами в буржуазной печати.

В конце концов я задал такой вопрос: «Господин Никсон, оборудование американской кухни, которое вы нам демонстрируете, у вас уже внедряется? Хозяйки пользуются таким?» Нужно отдать ему должное, он ответил правду: «Нет, это первый экземпляр». Раздался общий хохот. И я сказал: «Тогда все понятно. Вы демонстрируете нам новинки, но сами их в свой быт не внедряете. Что же, вы считаете, что мы не сможем разобраться и будем восхищаться всякой чепухой?» То был обостренный диспут, вроде бы о кухне, а на деле – о двух системах, социалистической и капиталистической. Американцы хотели показать, как организован быт в Америке, стремились поразить воображение русских. Отчасти им это удалось. Там очень много новинок, и хороших, таких, которые заслуживают того, чтобы перенести их на социалистическую почву. Но были и такие, которые явно имели нереальную основу, таким оборудованием они и сами не пользовались. Вообще же Никсон вел себя как представитель крупнейшей капиталистической страны. Техническая выдумка, изобретательство, научные открытия, все новое, что двигает культуру, было показано, но только на фотографиях. Единственные экземпляры в натуре – эта кухня и кое-что еще. Перед открытием выставки Никсон пошел на рынок. Держал себя высокомерно. Увидел какого-то рабочего и предложил ему денег. Рабочий демонстративно отказался от денег и наговорил Никсону неприятностей. У нас он оценивался как человек реакционных и враждебных к Советскому Союзу взглядов. Он был идейным воспитанником реакционера Маккарти[629].

Когда же я находился уже в положении пенсионера, Никсон туристом как частное лицо вновь приезжал со своей супругой в Советский Союз. Они путешествовали по стране и на обратном пути прибыли в Москву. Никсон отыскал мою квартиру и хотел нанести мне визит. Пришел, рассчитывая, что я живу в городе, но ему сказали, что меня тут нет. Я узнал об этом, когда он улетел, и сожалел, что мы не встретились. Теперь я был тронут его вниманием, особенно в связи с тем, что у нас раньше сложились натянутые отношения. При встречах мы чаще обменивались колкостями. А здесь он проявил человеческое внимание, и я жалел, что не имел возможности пожать ему руку.

Время моего пребывания в США истекало, мы готовились к

отбытию и в назначенный час выехали на аэродром[630]. Состоялась та же церемония: нас провожал президент, обходили почетный караул, говорились прощальные речи. Одним словом, протокольная процедура, стандартная для всех стран. Но все это проводилось на высоком уровне и очень торжественно. У солдат – нарядная форма, художественно оформлен аэродром, а для выступающих готовы трибуны, все в цветах и блестело, бросалась в глаза красная дорожка-ковер, церемония была пышно обставлена. Мы поднялись по трапу таким способом, таким же способом, каким выходили из самолета, с помощью дополнительного приспособления – времянки.

Я уже упоминал, что при поездке по США мне был предоставлен «Боинг», личный самолет президента, очень хороший и мощный, с замечательными удобствами и отдельным салоном, изолированным от других помещений. Но наш Ту-114 был оборудован не хуже, однако имел турбовинтовой двигатель, а тот – турбореактивный. Шума в салоне, где я размещался, было поменьше. Наш самолет был рассчитан на дальние полеты, предусмотрено «спальное» место, так что ночью я мог поспать. Ту-114 осматривали в Вашингтоне, и мы смогли блеснуть перед американцами: сумели создать самолет, который отвечал всем потребностям для дальних перелетов и создавал неплохой комфорт. Он произвел большое впечатление на американцев. Правда, перед отлетом произошел инцидент провокационного характера. Оставались буквально считанные минуты до вылета, как вдруг начальник охраны сообщил мне: по телефону неизвестное лицо предупредило, что в самолет Хрущева заложена бомба, и на этом разговор оборвался. Начальник охраны заверил меня: надо лететь! Он абсолютно убежден, что тут провокация. Все при погрузке внимательно осматривалось. Даже с вещами не мог попасть на борт какой-нибудь посторонний предмет, тем более бомба. Посторонних к самолету не подпускали, было установлено круглосуточное дежурство. И я сказал: «Хорошо, мы летим». Как известно, мы тогда благополучно преодолели пространство над океаном и приземлились в Москве. Вот такая нам была подброшена американская штучка. Хотели испытать наши нервы и посмотреть, поддадимся ли мы панике? Но трюк провалился и не принес удовлетворения тем, кто организовывал провокацию.

В том же 1959 году (в октябре) я приехал из Китая во Владивосток[631] и осматривал бухту Золотой Рог, там возник стихийный митинг. Меня попросили, чтобы я рассказал о поездке в США. В бухте Золотой Рог американцы во время Гражданской войны в Советской России высаживали свои войска[632], и старики

хорошо это помнили, а некоторые из них сражались в рядах партизан против интервентов. Я рассказал о своей поездке. Народ реагировал очень бурно. Раздался гром аплодисментов, кричали «ура», и я правильно все понимал, относя это не на свой счет. Каждый из нас как-то представляет свою страну на том или другом жизненном посту. Труд советского народа поднял нищенскую Россию на такие высоты, что заставил признать наше величие и вынудил правительство США пригласить нашу делегацию. Америка стала искать возможностей улучшения отношений с Советским Союзом. Вот чему аплодировали.

Скажут: не получилось! Не совсем так. Не сразу все получается. Но мы взломали лед, который сковывал наши отношения. Теперь требуется дальнейшая работа, и народа, и дипломатическая, чтобы убирать осколки взломанного льда, расчистить дорожки и найти пути улучшить наши отношения. Такой процесс пошел и продолжается сейчас. Его надо уметь оценивать очень тонко, чтобы не ухудшить положение дел и одновременно не уступить. Потому что если отношения будут строиться на основе уступок и подчинения чужим своей политики, то противник быстро разгадает нас. Такая позорная политика приведет к краху. Мы же с гордостью представляли свой народ, были абсолютно убеждены в правильности нашей политики и достойно ее защищали. И сейчас, когда я вспоминаю прошедшее, то горжусь тем временем и политикой, которая проводилась, теми успехами, которые мы одержали на дипломатическом фронте.

Визит во Францию

Теперь расскажу о поездке во Францию и о моих встречах с господином де Голлем[633]. Эта поездка состоялась после визита в США, зимой 1960 года, но точно не помню сейчас месяца. Получается вроде как у запорожцев, которые писали письмо султану: «Месяц в небе, год в календаре». Тут я упомянул об известном историческом документе – письме запорожских казаков турецкому султану. Правда, историки разделились во мнениях: одни говорят, что подлинника такого письма не существует, другие – что он хранится в архиве. Тем не менее я горд за запорожцев. То был их коллективный труд, в него каждый вносил свою лепту и придумывал собственную формулировку в ответ на угрозы, раздававшиеся из-за моря. Видимо, все знают чудесную картину Репина на эту тему: художник изобразил казаков, когда они сочиняли это письмо[634]…

Итак, получили мы приглашение от де Голля. Признаюсь, не ожидали. У нас имелось свое представление о генерале де Голле. Я хорошо знал эту фамилию: она замелькала в нашей печати еще тогда, когда он был, кажется, в звании полковника. Ему приписывалась идея использования подвижных бронированных сил по-новому. В нашей печати его склоняли как реакционера, и вследствие этого советские люди не были к нему особо расположены. Когда развернулась вторая мировая война и Франция капитулировала, подписала перемирие, а ее новое правительство вскоре переместилось в город Виши и стало сотрудничать с немцами, де Голль бежал из Франции. В Англии он начал создавать эмиграционное руководство, занимавшееся организацией Сопротивления фашистской оккупации, повел смелую борьбу. В то время он проявил себя достойно, как истинный патриот и непримиримый враг нацизма, который потом до победного конца, до полного разгрома врага союзными войсками не складывал оружия.

Ученые, изучавшие историю движения Сопротивления, нередко сравнивали роль де Голля и роль Французской коммунистической партии. Считаю, что главная сила, которая оказывала там врагу сопротивление, это рабочий класс. Коммунисты явились главными организаторами вооруженных отрядов на местах, которые вели борьбу против оккупантов. Самые большие потери там понесла тоже Французская коммунистическая партия. Дюкло[635] и другие ее руководители были организаторами Сопротивления. Де Голль же обладал особым авторитетом как среди военных, так и среди класса

буржуазии. То был очень звучный голос, который производил сильное впечатление. Так разные люди объединились ради общей цели – отпора врагу и очищения французской земли от оккупантов, ради дела Победы. После войны де Голль возглавлял французское правительство, и мы отдавали ему должное.

Вообще же к личности де Голля у нас отношение было двойственное. Ведь до войны мы рассматривали его как отрицательную фигуру, хотя в качестве военного он был новатором, искал новую тактику действий с применением танковых войск. Не знаю, насколько его идеи были реализованы во Франции и были ли созданы там именно такие танковые войска. Сопротивление же немцам французская армия оказала, на мой взгляд, ничтожное. Сейчас не буду вдаваться в причины того и анализировать, чем это было вызвано, тут дело военных историков, им, как говорится, и карты в руки. Зато все мы помним о дальнейшем участии французов в войне с фашистами. То, что их летчики сражались в Советском Союзе против общего врага на наших самолетах и под нашим верховным командованием[636], конечно, тоже заслуга де Голля. Он этому содействовал. Думаю, что если бы де Голль призвал летчиков не сражаться на нашей территории, то они и это выполнили бы. А большинство французов воевало на Западе, нанося удары по гитлеровской Германии вместе с англичанами и американцами.

Не помню, как конкретно прибыли к нам летчики-французы, каким сюда попали путем, но думаю, что все же не без прямого согласия де Голля. Был организован авиаполк, в составе которого они храбро сражались вместе с нашими летчиками. Это тоже характеризует де Голля: в критическую для Франции минуту он искал контакты с нами во имя разгрома гитлеровской Германии и освобождения родины. Когда де Голль приехал в Москву[637], я в те дни тоже находился там. Меня вызвал Сталин и сообщил мне о приезде этого гостя. Тогда-то я его впервые увидел.

Когда Сталин сказал мне, что приехал де Голль, это прозвучало у него с гордостью. И я его понимал. Де Голль, который считался антикоммунистом и представлял, как у нас писали, реакционные военные круги, вдруг приехал в Советский Союз! За обедом, который состоялся у Сталина на квартире, он представил меня де Голлю. Людей там присутствовало немного. Сталин сказал Молотову, что де Голль предлагает заключить с нами договор. Все такие вопросы Сталин тогда обговаривал именно с Молотовым. Пункты договора я не помню, но речь шла о возобновлении отношений[638]. Еще перед первой мировой войной отношения между Россией и Францией были самыми теплыми. Потом, в 30-е годы, у нас тоже был заключен

с Францией хороший договор[639]. В 1939 г. все пошло наоборот. А теперь отношения возобновлялись, только на новой основе. И Франция уже не та, и мы не те.

Желание подписать с нами новый договор мы расценивали как признание нашей мощи и возможностей социалистической системы. Конечно, тут было признание не внутреннее, не согласие с коммунистической идеей, а признание де-факто: социалистическая система показала свою устойчивость и жизненность, оказала сильное сопротивление германской армии и нанесла ей решающее поражение. Без Советского Союза союзники не смогли бы разгромить врага в такие сроки. На это им понадобилось бы значительно больше времени и больше крови. Они, как говорится, следовали в затылок нашей армии. Не буквально, конечно. Но это мы перемалывали воинские части вермахта, оттягивали все больше и больше его сил на себя, вынуждали Гитлера ослаблять Атлантический вал. В месяцы, когда Гитлер уже еле держался на ногах, Запад высадил десант[640] и тем самым принял участие в завершающих операциях по разгрому Германии, а потом получил возможность принять ее капитуляцию, когда немецкая армия была уже обескровлена Красной Армией.

Де Голль проявил явное понимание нашей роли, большее, чем американские политики и особенно Черчилль. После обеда Сталин пригласил его посмотреть кино (он тогда всех приглашал в кино). Де Голль поблагодарил, но отказался, сославшись на то, что занят. Он хотел поработать в тот вечер над документом, который готовился к подписанию. Зал, где Сталин смотрел кинокартины, был сравнительно небольшим. Как всегда, нам были поданы туда фрукты и, в виде исключения, шампанское. Сталин пригласил также летчиков из авиаполка «Нормандия – Неман». Он угощал их и очень любезно разговаривал с ними. Сам был крепко подвыпивши, его даже шатало. Нам стало неудобно, мы переглядывались между собой. С нашей стороны там присутствовали при этом Берия, Маленков и я. Не помню, кто еще. Мы беспокоились, что Сталин своим видом может создать себе плохую репутацию. Он обнимался с французами, пил сам и их спаивал. Французы могли подумать, что он пьяница. Нам же этого не хотелось, хотя такое заключение было бы абсолютно правильным. Нам было очень больно морально, но мы ничего не могли поделать. Остановить Сталина вообще никто не мог, да никто и не пытался. Это ведь означало стать его личным врагом.

Из кинозала Молотов выходил на встречу с министром иностранных дел[641] Франции, и этот министр приходил к нам туда. Они уединялись с Молотовым, согласовывая документ,

содержание которого в деталях я не помню. По какому-то пункту у них возникли столкновения: наша сторона не соглашалась с формулировкой де Голля, де Голль не соглашался с нашей. В конце концов кто-то кому-то уступил не то нашли взамен эластичную фразу, и договор был подписан, но не помню, где конкретно: то ли тут же, в кинозале, то ли позже, но не в торжественной обстановке. Де Голль вел себя гордо, держался достойно, не гнул спины и не склонял головы, а ходил как человек, проглотивший аршин. Внешне он производил впечатление человека необщительного, даже сурового. Вот такие у меня остались впечатления от первой встречи с де Голлем.

После его отъезда Сталин нам рассказал, что он спросил де Голля о Торезе (Торез в это время находился в Москве[642]) и сообщил, что Торез собирается уехать в Париж. «Когда он приедет в Париж, вы арестуете его?» Не помню, что ответил де Голль.

Сталин не придавал особенного значения договору, который он подписал с де Голлем, хотя был удовлетворен тем, что Франция ищет контакты с Советским Союзом. Каждый из нас гордился бы этим. Сталин же по-своему понимал данную акцию, он смотрел как бы дальше: мол, сей договор – пустяки. Вот приедет во Францию Торез, развернет вовсю работу коммунистическая партия. Ее авторитет был там очень высок. К тому же в то время она обладала большим количеством оружия и представляла реальную военную силу. Компартия имела большое влияние в народе, которое она по праву заслужила как главная организующая сила, не щадившая своих сынов в схватках с гитлеровской Германией. Эта ситуация давала не просто надежду: Сталин был абсолютно уверен в том, что коммунисты начнут определять политику Франции и, возможно, к власти придет правительство, возглавляемое их лидерами.

Может быть, так и случилось бы, если бы во Франции не было тогда американских войск. Такое же положение сложилось в Италии. Итальянская коммунистическая партия тоже была очень авторитетной. Тольятти[643] готовился даже поднять вооруженное восстание и создать свое правительство. Сталин удержал его от этого, убеждая, что восстание будет раздавлено американскими оккупационными силами, которые находились в Италии. Получилось бы то же, что потом случилось в Греции. Там коммунисты тоже были многочисленны и господствовали на политической арене, народ их признавал и шел за ними. Но англичане раздавили восстание, и рабочий класс не восторжествовал[644].

Итак, товарищ Торез выехал во Францию. Мы с напряжением ожидали, как отнесется к нему де Голль, не посадит ли его в

тюрьму? И были удивлены, когда одним из своих заместителей он назначил Тореза. Это говорило о том, что де Голль умеет трезво оценивать положение и время, в которое живет. Я бы сказал, что это было мудрое решение, тем более для него, антикоммуниста. Зная авторитет коммунистической партии в народе и признавая Тореза как лидера этой партии, он правильно оценил внутреннюю обстановку. Стало быть, он был не только военным, как мы иной раз говорим – солдафоном, то есть негибким человеком, который лезет напролом; нет, он проявил гибкость ума и показал себя тонким политиком, привлек к работе Тореза и, следовательно, всю коммунистическую партию. Торез понимал, что тут вынужденное приглашение, но принял его. Когда же де Голль набрал потом силу и почувствовал, что может обойтись без коммунистов, он сейчас же дал отставку Торезу и его товарищам[645]. Я лично не имел тогда какого-то своего взгляда на деятельность де Голля, а смотрел на него глазами нашей печати и в значительной степени воспринимал ту оценку, которую давал ему Сталин.

Потом, на каком-то этапе развития государственной системы во Франции, де Голль и его партия получили меньшинство голосов. После этого он вышел из политической игры[646], уединился в своем имении и жил на положении отставного генерала и отставного политического деятеля. Но, надо отдать ему должное, продолжал с уважением относиться к Советскому Союзу и Советской Армии. В чем это конкретно выражалось? После смерти Сталина нашим послом во Франции стал Виноградов[647]. Он оказался гибким дипломатом и заимел с де Голлем хорошие контакты. Де Голль приглашал его в свое имение и вел там с ним беседы политического характера. Если нужно было проинформироваться и узнать взгляды де Голля по тому или другому вопросу, Виноградов свободно посещал его, и де Голль никогда ему не отказывал. Напротив, сам часто приглашал его к себе, иной раз даже на охоту. Это подтверждает тот факт, что и в отставке генерал считался с реальностями международной политики и поэтому не порывал связей с Советским Союзом, а все время поддерживал их через нашего посла.

Сам по себе де Голль – человек очень прямой. Он не боялся говорить откровенно. Высказывался в том духе, что во Франции существуют только две силы, способные руководить страной, ни во что не ставя другие силы, кроме своей партии[648] и коммунистов. Полагал, что только они способны в критическую минуту взять на себя руководство и вывести страну из кризиса. Да, он считал для Франции свою партию особенно полезной и высоко оценивал свою личную роль. Коммунистическую же

партию рассматривал как оппозиционную, но такую, с которой нельзя не считаться, потому что она способна поднять народ и поведет его за собой. Компартия имела ясную цель, знала, каким путем ей идти и как вывести страну из тупика. Это тоже говорит о том, что де Голль был реально мыслящим человеком, с которым как с политиком в свою очередь всегда надо считаться.

Вот предыстория правительственной встречи представителей СССР с де Голлем в 1960 году, уже при новой расстановке международных факторов. Дело в том, что когда пошел процесс послевоенного восстановления экономики и парламентской системы, то во Франции образовалось множество партий и группировок. Одним из самых неустойчивых в Европе было именно французское правительство. Порою оно менялось по нескольку раз в год. Одно время его возглавлял Ги Молле[649], глава левого течения в социалистической партии. Печать много шумела о его «левизне».

Как раз в то время Франция, Англия и Израиль начали войну с Египтом. Но их война позорно провалилась. Не помню, как тогда «выкрутился» Ги Молле. Идену же в Англии военная авантюра стоила отставки, и его место занял Макмиллан. Франция тогда основательно впряглась в агрессивный блок НАТО и играла в нем довольно видную роль, занимая антисоветскую позицию. Это вынудило нас аннулировать договор, подписанный с нею при Сталине[650]. Поскольку французы сохраняли воспоминания о том, сколько раз германская армия оккупировала Францию и занимала Париж, то мы хотели использовать эти чувства, поставив Францию перед дилеммой. Когда Франция была вместе с Советским Союзом, тогда она одерживала победу. Поэтому де Голль и подписал договор с СССР. Он учитывал исторические обстоятельства. Его родине был нужен союзник, и этим союзником лучше других могла быть в старое время Россия, потом Советский Союз. Я думаю, что так понимал дело и де Голль, когда шел на подписание договора со Сталиным.

Теперь мы поставили перед Францией вопрос, как понимать роль французской политики в НАТО, которая направлена против СССР и против союзнического договора, подписанного де Голлем? Этим вопросом мы хотели воздействовать на французских политиков с тем, чтобы они трезво оценили новую обстановку и приподняли завесу, скрывавшую от них будущее. Германия опять набирала экономическую силу, стала самой могучей из европейских капиталистических стран. Это могло обернуться против Франции, чья внешняя политика создавала мираж у ее граждан. С одной стороны, отношения с СССР базируются на дружеском договоре; с другой – французская политика

фактически направлена против Советского Союза и идет в одном фарватере с самыми агрессивными силами НАТО, является составной частью этой линии. То есть предупредили французскую сторону, что если так будет продолжаться, то мы не видим смысла в продолжении действия нашего договора, не хотим прикрывать собой политику французского правительства и поэтому считаем себя долее не связанными договором, разрываем его.

Это оказало некоторое воздействие на умы какой-то части французов. Не говорю о коммунистической партии, которая и без того правильно оценивала положение. Некоторые левые буржуазные деятели были вообще потрясены. Но лица, которые определяли политику страны, не сдвинулись с места. Они давно поставили крест на этом договоре и были заодно с реакционными силами, проводившими агрессивную политику против стран социализма. Конечно, в своих воспоминаниях я не лишен некоторых неточностей, потому что не пользуюсь ни справками, ни дипломатическим архивом, ни газетами или журналами, а диктую воспоминания, опираясь исключительно на свою память. Правда, память пока служит мне в моем возрасте неплохо. Возможны неточности, но основа правильна. А я стараюсь как можно объективнее излагать все дела, как я их понимал в то время и как оцениваю сейчас события тех дней.

Настал день, согласованный с французским правительством, и советская делегация, возглавленная мною, отбыла из Москвы в Париж[651]. Не говорю здесь о проводах, обычном, уже сложившемся нашем трафарете. Кажется, вместе со мной вылетел тогда и посол Франции в СССР господин Дежан[652]. Я его хорошо знал и с большим уважением относился к нему и его супруге. В Париж мы прибыли в обусловленный час. Расписания требовалось строго придерживаться, потому что к намеченному времени были сделаны необходимые приготовления к встрече нашей делегации, должен был приехать президент.

Парижский аэродром[653] очень хорошо оборудован, с отличной бетонной дорожкой. Нужно отдать должное Западу, он умеет укладывать бетон лучше, чем мы. Там не встретишь ни сучка, ни задоринки, все лежит как новенькое, будто только что уложенное. У нас, к сожалению, не так. Сколько я ни занимался этим, сколько ни критиковал наших строителей, но уже через год заметны выбоины, дорожки приобретают старый вид. Считаю, что тут никаких секретов нет, а есть производственная дисциплина, соблюдение нужных пропорций и строгого технологического процесса при приготовлении смеси и при ее укладке. Весь секрет – в высокой культуре труда. Я это отмечаю сейчас и раньше

всегда тоже отмечал, когда пребывал за границей. Разница сразу бросалась в глаза, а сравнения, к сожалению, были не в нашу пользу.

Когда наш самолет подрулил к месту остановки, я увидел из окна почетный караул, красную почетную дорожку и группу людей во главе с президентом. Президент выделялся, его можно было легко узнать даже в толпе. Он стоял рядом с супругой, поскольку и я прилетел вместе с Ниной Петровной. Мы поздоровались, и президент повел меня к почетному караулу принять рапорт. Потом почетный караул продефилировал мимо нас. Церемония проходила не на открытом воздухе, а в специальном зале для приема и проводов гостей. Речей сейчас не помню. Мы сели в машину президента и двинулись в город.

Париж произвел на меня очень хорошее впечатление. Я много читал о Париже, но всегда лучше увидеть, чем услышать. Нашу машину сопровождал эскорт. Не помню, много ли людей вышло на улицы города, зато сохранилось в памяти, что компартия приложила руку к организации нашей встречи с народом. На улицы вышли те, кто по политическим соображениям сочувствовал коммунистическому движению и нашему социалистическому государству, ценил нашу роль в разгроме гитлеровской Германии. Сугубо либеральные люди также с симпатией относились к политике Советского Союза. Эти симпатии тоже вывели их на улицы, и они приняли участие во встрече.

Нам был отведен для пребывания какой-то «знатный» дворец[654]. Прошу извинить, но название его вспомнить не могу. Здание было роскошным, у подъезда нас встретила президентская гвардия, и автомашина теперь подстраивалась под скорость лошадей. Вероятно, гвардейская форма сохранилась с наполеоновских времен, была она нарядной. Мне показалось, что гвардейцы по возрасту, по росту, по цвету волос подбирались специально. Русские цари, подбирая себе гвардейцев, тоже так действовали. Лучше всего это получалось во Франции и Австрии, которые задавали тон дворцовой моде. Раскрылись ворота, нас впустили, гвардия остановилась у ворот, толпа осталась за воротами.

Президент показал помещение, в котором мы должны были разместиться, и откланялся, условившись о встрече. Дальнейшая программа была разработана заранее министерствами иностранных дел Франции и СССР. Предусматривалось пребывание там нашей делегации в течение 10 дней, включая различные поездки и ознакомление с городами страны. Французская сторона настаивала на моей поездке в Алжир, на

сахарские нефтеразработки, вместе с президентом, но мы отказывались. Уже в Париже на меня продолжали оказывать давление, но я не соглашался, ибо наша поездка в Алжир приобрела бы особое политическое значение. Франция уже столько лет воевала с алжирским народом, и такая поездка могла быть неправильно расценена.

Франция считала Алжир своей провинцией. Мы не могли с этим согласиться, да и французам было известно, что мы сочувствуем освободительному движению арабов. Еще до встречи с де Голлем я много раз так высказывался, включая тот случай, когда в Москву приезжала делегация Франции во главе с Ги Молле. Я предрекал, что в Алжире Франция потерпит поражение, если не найдет разумного выхода и не предоставит независимость алжирскому народу. И мы не пошли поэтому навстречу де Голлю, считая, что содействие колонизаторам запятнало бы нашу политику. Поблагодарили за внимание, но сказали, что не можем принять предложение поехать в Алжир, хотя и не говорили открыто о причине отказа. Впрочем, де Голлю не надо было напрягаться, чтобы понять наши мотивы.

Сейчас не смогу вспомнить последовательность посещения нами городов и провинций страны. Но везде мы были очень довольны хорошим приемом. Нигде я не встречал каких-либо признаков неприязни. Иногда мы приезжали в город, в котором отмечался местный праздник. Так произошло в Арле. Арлезианцы выбирали королеву красоты. Нас тоже пригласили на празднество. Почти вся публика была в национальных костюмах. Потом нам с Ниной Петровной представили избранную там королеву красоты, действительно красивую девушку. Если бы нам лишь дали фотографию, то мы сказали бы, что это русская красавица. Такая и у нас получила бы признание: дородная девушка, краснощекое лицо, так и пышет здоровьем, одета в красивый национальный костюм. Нине Петровне она подарила куклу. Впрочем, везде, куда бы мы ни приезжали, нас ожидала добрая встреча.

Сопровождал нас в поездке доверенный представитель президента де Голля, один из его сподвижников по Сопротивлению[655]. Он был несколько суховат (видимо, таково свойство его характера), но относился он к нам с большим вниманием, и у меня остались о нем наилучшие впечатления. В некоторые города к моменту прибытия туда нашей делегации приезжал министр, занимавший видное положение в правительстве де Голля, бывший посол Франции в СССР, по профессии, кажется, историк[656]. Очень интересный собеседник, к тому же с ним было легко беседовать: он отлично говорил по-

русски, а сам был, если говорить по старинке, «артельный человек», то есть общительный. После обеда, попивая кофе с коньячком или ликером, любил запеть русские песни и знал их. Естественно, мы подтягивали, как умели, не преувеличивая своих возможностей, как могли. Ведь каждый человек поет в принципе для себя. Но нам было приятно, что инициативу проявлял француз. Такой уважаемый человек, который ряд лет был послом в Советском Союзе и постоянно проявлял внимание, приезжал в тот город, где мы гостили, и сразу создавал непринужденную, простую, товарищескую обстановку. Жена посла тоже сопровождала нас (видимо, из-за Нины Петровны). Мы ее хорошо знали, то была старая знакомая по Москве, очень приятная женщина.

Согласно разработанному протоколу, при посещении департаментов Франции нас должен был принимать префект. Там это, собственно говоря, администратор, назначенное, а не выборное лицо. Префект представлял власть. Он назначается президентом, поэтому имеет административные права. Ему подчиняется полиция. В нашем понимании он вроде начальника полиции, что меня слегка коробило. Как же так? Нас будет принимать полицейский начальник, и мы потом будем проживать под крылышком французской полиции? Нет ли тут какого-то ущемления? Какой-то дискриминации? Мы проконсультировались с товарищем Торезом, и он разъяснил: «Ну что вы! Наоборот, это считается проявлением внимания со стороны президента. Префект – представитель президента, поэтому он и принимает его гостей. Так что это выражение особого внимания».

По плану мы должны были посетить Бордо. Мэром города был тогда Шабан-Дельмас, сейчас премьер-министр Франции[657]. Тогда он был энергичным молодым человеком, который с увлечением рассказывал о перестройке города, показывал нам целые кварталы, которые намеревался снести и построить там новые жилища, больницы, школы. Одним словом, имел широкие намерения. Я слушал его, но в суть особо не вникал, потому что тут внутренний вопрос, вопрос города и его мэра. Признаться, я не понимал, зачем он хочет сносить большое количество домов? Может быть, потому, что мы в СССР ощущаем большую потребность в жилье и бережно относимся к каждому дому, который может еще послужить как жилище, пока мы не выстроим нужного количества домов? Да, мы не могли удовлетворить тогда самые насущные потребности в жилье у нашего населения, в первую очередь в Москве. И в других городах положение было не лучше. Люди страдали, жили, как клопы, в каждой щели, в одной

комнате по нескольку человек, в одной квартире много семей. У них это совершенно немыслимо. К сожалению, наши люди жили именно в таких условиях.

Шабан-Дельмас строил с размахом. У капиталистов – свои законы и свои соображения. Не знаю, куда при этом там выселяли людей, я не стал расспрашивать. Задавать такие вопросы значит брать в какой-то степени под сомнение планы, которые руководитель города развивал передо мной. Мне сказали, что он деголлевец, он и сам не скрывал этого, а гордился, ссылаясь на свою близость к де Голлю, и говорил, что всецело поддерживает его политику.

Мы должны были посетить также Дижон. Его мэр каноник Кир[658] – очень оригинальная личность, один из организаторов антифашистского Сопротивления. Его дважды приговаривали к смертной казни, но все-таки не казнили. Этот человек занимал дружескую позицию по отношению к Советскому Союзу, высоко ценил вклад СССР в разгром гитлеризма и ненавидел фашизм. Когда наша делегация приехала в Дижон, встреча состоялась царская. Мы разместились в отведенном для нас помещении, а народ собрался огромной толпой у нашего дома, выкрикивая приветствия. Я попросил, чтобы мне перевели. Оказывается, как раз перед моим приездом высшие церковные сановники, не желая, чтобы меня встречал каноник, временно куда-то его отозвали. Мне передали даже слухи, что его держат якобы в келье, пока я не уеду из Дижона. Поэтому толпа, собравшаяся около резиденции, выкрикивала: «Господин Хрущев, освободите Кира!» Они хотели, чтобы я вмешался, как-то воздействуя на кого следует. Но никто не знал, где он находится. Если бы даже и знали, то из этого ничего не последовало бы, потому что тут внутренний вопрос страны, хотя мои симпатии целиком были на стороне Кира. Там считали, что в своих дружеских речах он может выйти за пределы желаемого с точки зрения тех кругов, которые хотели бы принять нас с достоинством, но не более того. Кир же мог не посчитаться с условностями, как человек горячий и прямой.

Я сожалел о том, что не имел возможности встретиться с ним. Встреча наверняка оказалась бы очень теплой. Заменял Кира заместитель мэра[659]. Гостеприимство, впрочем, было безупречным, беседы – самые дружеские и располагающие. Вообще вся Франция проявляла к нам особые симпатии, и такое отношение выражал широкий круг людей. В Дижоне в разгар обеда, организованного в честь нашей делегации, появился паренек в крестьянской одежде, вроде той, которую у нас носит подпасок, помощник пастуха. Он поднес мне барашка белой

шерсти с красным бантом, и я взял его. В этой связи было высказано много шуток, барашек переходил из рук в руки. Щелкали фотоаппараты и трещали кинокамеры, фиксируя необычный подарок. Считалось, что барана надо зажарить как угощение. Стали мы судить и рядить, как быть с ним, и решили; пусть он живет, это будет символ, так как баран, когда его не трогают, существо мирное. Возникла веселая и непринужденная обстановка, домашняя обстановка, которая располагала к себе. Вот президент пригласил представителей Советского Союза, следовательно, хотел улучшения отношений между нами, и народ с одобрением относился к поступку президента, приветствуя его гостей.

Де Голль посоветовал мне посетить одну провинцию неподалеку от границы с Испанией[660] (Нижние Пиренеи. – *С. Х.*). Там добывали подземный газ, может быть, там были и нефтеразработки. Он порекомендовал также посмотреть опытное поле, зная, что меня интересуют всякие изобретения: «Вы получите удовольствие, там имеются новинки, которые вас заинтересуют». Мы, прилетев туда, наблюдали строительство химического завода по переработке газа или нефти. Я не специалист в этой области, поэтому мне трудно было вникнуть в детали, но стройка произвела сильное впечатление. Буровые вышки не удивили, но дело не в количестве вышек, а в буровых машинах и в скорости проходки. Потом поехали на экспериментальное поле. Де Голль тоже там бывал, он знал состояние работ в этом хозяйстве. Какова же его особенность? Я впервые увидел там распределение воды на орошаемых площадях не путем арыков, то есть канав, какие веками делают в Средней Азии, а разводкой на современном техническом уровне. Лотки поставили на опоры. Требовалось только провести нивелировку с геодезической съемкой местности, расставить опоры, создав нужный уклон, уложить лотки и зацементировать швы. При этом исключается утечка воды. К тому же можно обрабатывать почву под лотками. Сорняков тоже не будет.

Мне все это очень понравилось, и я решил соорудить у нас железобетонный завод, на котором будем формовать лотки и опоры. Вернувшись из Франции, с похвалой отозвался об этой системе орошения. Мы снарядили туда своих ирригаторов, они посмотрели, похвалили, и мы решили перенять новый метод, который мог дать хороший эффект в Таджикистане, Узбекистане и пр. Потом стали использовать данный метод, особенно в Узбекистане. Я много раз ездил туда и всегда восхищался результатами. Сейчас забыл фамилию директора треста, армянина, который занимался этим строительством

в Узбекистане. Это истинно советский человек и хороший организатор. Я с большим уважением относился к нему. Думаю, что он посейчас с большой пользой занимается этим добрым делом.

Что именно выращивали французы на орошаемом поле, не помню, но это не имеет значения. Нам были показаны и другие полевые системы, например, дождевание. Видимо, там было какое-то экспериментальное поле с применением разных инженерных сооружений для орошения. Показали нам насосную станцию. Если сравнивать по техническому уровню и замыслу с нашими станциями, то гораздо лучше того, что имелось у нас. Так что я был признателен президенту за экскурсию. В план посещений входил и Марсель, город с революционной славой и революционными традициями. Но каких-либо контактов с рабочими или коммунистическими организациями во время пребывания во Франции у нас не было, да и не могло быть. Мы знали политические взгляды президента, поэтому предпринимать что-либо со своей стороны, что могло бы быть им неодобрительно принято, и вмешиваться во внутренние дела страны мы не хотели.

В Марселе тоже состоялись встречи на улицах, хорошие и дружественные. Потом мы выехали в порт и на катере продолжали визуальный осмотр старого большого города, очень интересного. Природа, с которой мы сталкивались вокруг Марселя, имела большое сходство с одесской: та же низкая колючая растительность и прочее. Да и в общественном понимании всех дел Марсель и Одесса очень близки, два города-побратима. Марсель с Одессой издавна имели торговые связи. Не случайно некоторые украинские крестьянские хатки в степи крылись черепицей той формы, которая называется марсельской. Мне так объясняли происхождение названия. Французские корабли, отправляясь за украинской пшеницей, загружались в качестве балласта черепицей для обеспечения нужной осадки кораблей, чтобы их не качало во время волнения моря. В Одессе черепицу выгружали и потом продавали, а корабли с пшеницей возвращались назад. Как в дореволюционное время существовали связи между двумя портовыми городами, так и сейчас между Марселем и Одессой поддерживаются добрые отношения.

Разместили нас там во дворце, предназначенном для гостей. Префект принял нас очень любезно. Когда зашли в спальню, он пошутил: «Господин Хрущев, вот ваша кровать, а на ней в свое время спал Наполеон III». Я отшутился: «Мне от этого не мягче». Хозяин отлично понимал, что ссылка на императора не произведет на меня особого впечатления, но рассчитывал, что я соответственно оценю историчность дома как места, где

останавливались видные особы, посещая Марсель. Так что кровать, предоставленная мне, тоже была исторической. Потом за обедом мы опять много шутили на этот счет. Туда тоже приехал бывший посол, встрече с которым я был рад. И, конечно, там присутствовал Дежан.

У префекта оказалась очень милая жена, англичанка. Между прочим, она сама сказала, что любит русскую водку. Мы привезли с собой какие-то сувениры, включая водку. Распили там одну бутылку, и я увидел, что у некоторых есть потребность выпить еще. Тогда я обратился к охране: «Нет ли у вас чего-нибудь? Выручите меня!» – «Есть!» – говорят. И сейчас же появилась русская очищенная. Хозяйка сразу заулыбалась, а присутствующие распили и эту бутылку. Но должен сказать, что хозяйка держалась с достоинством и не была нисколько хмельна. Видимо, умела пить, а здоровье ей позволяло, и она знала свою грань. Поэтому не хочу, чтобы создалось представление, будто я вольно говорю о супруге хозяина. Нет, то была хорошая мать и хорошая жена. Просто веселая по природе. Не знаю, таков ли вообще характер англичан, она же была гостеприимной, открытой, все время проявляла какую-то инициативу, излучала добро, показывала энергию хозяйки стола. Ее муж тоже был весьма гостеприимен. Вот, могут сказать, что Хрущев – коммунист, глава Советского правительства, а так отзывается о французском полицейском! Да, но что же делать? И под полицейским мундиром встречаются истинно человеческие сердца. А мне было приятно иметь дело с таким человеком и чувствовать его теплоту и внимание.

К концу вечера мы, подвыпив, стали петь русские песни. Потом «Марсельезу». Ну, уж без этого никак нельзя обойтись: быть в Марселе и не спеть «Марсельезу»? Вспомнили историю Французской революции. Мне лично было особенно приятно петь «Марсельезу», потому что в молодости мы буквально воспитывались на этой песне, призывном революционном гимне, государственном гимне Франции. Исполняя ее, каждый, видимо, думал по-своему. Французы могли петь ее как национальный гимн, мы – революционный. Потом я спросил бывшего посла: «А знаете ли вы, какие песенки пели в свое время у нас?» И рассказал ему о смысле одной из таких песен. «Я бы спел ее, да не знаю, как отнесется к этому наш хозяин, ведь речь идет о полицейском начальнике. Хотя и о царском, о русском, но все же!» – высказал я сомнение. Он ответил: «Давайте попробуем вместе, я буду подпевать». И мы запели:

Вот как Трепов-генерал всех жандармов собирал.

Всех жандармов собирал и такой приказ давал:
«Эй вы, синие мундиры, обыщите все квартиры!»
Обыскали квартир триста, не нашли социалиста.
В триста первую зашли и студента там нашли.
У студента под полою пузырек нашли с водою.

Эта песенка была народной. В свое время среди юношества она пользовалась большой популярностью[661]. Собираясь в узком кругу у Сталина, мы тоже ее пели, но не все ее знали, даже такой обстрелянный в революционных событиях человек, как Ворошилов. Теперь же наш хозяин слов, конечно, не понимал, а бывший посол хорошо понимал и поэтому сказал: «На этом мы прекратим петь, потому что хозяин может нас неправильно понять». И засмеялся. Он умел себя держать, умел также расположить к себе и снять напряжение в обществе. Могут спросить, а где же тут политические разговоры? Не было их. Надо ведь знать, где мы находимся и с кем. Какие могут быть политические разговоры или дискуссии с представителем президента, который всю свою деятельность направляет на подавление коммунистического движения? Зачем же и затевать такие разговоры, к чему это приведет? И мы вели себя соответственно, разговаривая лишь на отвлеченные темы.

Когда приехали в Верден, то посетили там могилы солдат, погибших во время Первой мировой войны[662]. Тогда русские войска сражались и на французской земле и были захоронены вместе с французами, погибшими в борьбе против кайзеровской Германии под Верденом. На кладбище было возведено сооружение в виде трибун, а внизу распланированное поле с крестами, крестами, крестами… Даже не знаю, сколько их там тысяч. Мы отдали должное: были исполнены гимны, французский и советский, собралась довольно большая рабочая манифестация. Рабочие прибыли на автобусах из ближнего города с красным знаменем и встретили меня по-братски: и как бывшего пролетария, и как главу Советского государства, и как представителя коммунистической партии. Уезжая с кладбища, сопровождавший нас представитель президента сказал: «Я очень признателен коммунистам за то, что они приурочили свой приезд на кладбище к вашему посещению и ничего особого не предприняли, чтобы как-то не омрачить память о погибших». Да, они поступили как настоящие французы, продемонстрировав единство народа. Я был доволен: умно сделали! А о том представителе мне говорили, что он до войны примыкал к коммунистам, а после войны стал деголлевцем.

С крестьянами я почти не общался, состоялись лишь мимолетные встречи. Был и такой случай. Однажды мы проезжали мимо крестьянских виноградников. Невдалеке от дороги работал крестьянин. Когда он увидел, что наши машины подъезжают, стал махать руками, показывая бутыль со стаканом, и побежал навстречу нам, к дороге… Припоминаю и такой случай. Мы хотели возложить венок у памятника Неизвестному солдату на могилу павшим в борьбе против гитлеровской Германии. За мной заехал министр внутренних дел, сравнительно молодой человек. Мы сели с ним в одну машину и отправились к месту назначения. В пути он изъяснялся по-русски, но я был особенно удивлен, когда он запел русскую песню. «Откуда вы знаете наши песни?» – спросил я. «Я, – отвечает, – знаю много русских песен и люблю их. Я находился в заключении в концлагере вместе с русскими, подружился с ними и слышал, как они пели. Там я научился вашим песням и вашему языку». Этот министр тоже был деголлевцем, но очень тепло говорил о русских пленных, с которыми вместе был в концлагере. Думаю, что он, находясь в заключении в гитлеровском лагере, понял, что дружба с Советским Союзом позволит исключить возможность повтора поражения Франции. Залогом безопасности тут служили не столько договоры, сколько хорошие отношения между людьми.

Общество советско-французской дружбы устроило в Париже собрание, на котором я должен был выступить. Народу пришло видимо-невидимо. Большой зал был переполнен. Товарищи, которые смотрели в окна на площадь, говорили, что и она была заполнена народом, и там установили репродукторы. Митинг проходил в исключительно теплой атмосфере, люди выражали самые искренние чувства дружбы к Советскому Союзу и высказывались за дальнейшее развитие и укрепление наших контактов. Франция ценила вклад, который был внесен нашим народом в разгром гитлеровской Германии, в результате чего Франция вновь обрела независимость. Это понимал каждый француз, а не только коммунист, не только рабочий, понимали люди любых политических взглядов. Правда, когда мы говорили, что построение лучшей жизни есть вопрос революционных преобразований, ликвидации капиталистического строя и установления социалистического, с этим большинство французов не соглашалось. И не раз они демонстрировали это при голосовании и при опросах, которые проводились в стране. Но понимание правильности политики, направленной на обеспечение мира, объединило нас. Даже некоторые капиталисты сознавали необходимость крепить дружеские отношения с Советским Союзом.

Программа визита была обширной, и я с удовольствием следовал ей, наслаждался местами, которые посещал, встречами и знакомством с разными людьми. Франция – подлинный музей искусств и истории, там есть на что посмотреть, чему удивиться, чем восхититься и поразиться. Увы, как говорил Козьма Прутков, нельзя объять необъятное. Я смог посмотреть только какую-то долю интересного из бесконечного множества любопытных сооружений, прекрасных художественных полотен и скульптур, дворцов и пейзажей. Когда-то, после окончания рабфака, я впервые посетил в Петрограде Зимний дворец и бегло прошел по нему. Это отняло у меня целый день. Потом у выхода я буквально свалился на какую-то скамейку, чтобы передохнуть. Тогда я был молод и крепок, но так утомился… Лувр же более обширен и богат, и за один раз его нельзя только даже осмотреть. Показали мне также Елисейские поля и Версаль. Там необычайно красивые сооружения с впечатляющей планировкой насаждений. Объяснения нам давал министр культуры, писатель, фамилия его, кажется, Мальро[663]. Мне рассказывали о его сложной биографии. Когда-то он был активным коммунистом, потом стал не менее активным деголлевцем. Он тоже был весьма любезен, и думаю, что искренне. Со своей стороны он делал для нашей делегации все, чтобы создать наилучшее представление о Франции, и старался показать все, что заслуживало внимания.

С интересом познакомился я с посадкой фруктовых деревьев шпалерами. Ветки все подвязаны, деревья невысокие, плоды удобно снимать без усилий, не надо сбивать или стряхивать. Такие плоды не бьются и хранятся потом длительное время. На одном гектаре насаждений их получается больше. Правда, у таких деревьев меньший срок жизни, но это окупается. Считаю, что это очень хороший метод садоводства. Потом я ознакомился с литературой по такому способу насаждений. Наши специалисты тоже одобрительно относятся к этому способу посадки, но, к сожалению, я нигде не встречал его в СССР, кроме как у отдельных любителей.

На пресс-конференциях, собраниях и митингах нам предоставляли возможность излагать свою точку зрения по вопросам международного характера и внутреннего устройства. Мы не прятали своих идей, не маскировали их, полным голосом высказывали свою точку зрения на капитализм как общественный строй, который должен уступить место более прогрессивному, социалистическому строю. Говорили, что буржуазное общество отживает свой век. Отвечая на вопросы, говорили, что внутреннее устройство каждого государства и изменение существующего строя зависят от желаний народа. Мы же не вмешиваемся во

внутренние дела, революция – не экспортный товар, как и контрреволюция. Иное дело, что наши симпатии – на стороне идей, основываясь на которых, мы сами строили свое государство. Говорил я, что друг другу всегда надо желать добра, и я желаю французам того, чего и себе желаю, то есть процветающего общества. Это хорошо воспринималось, хотя и не всеми. Многие стояли на буржуазных позициях, но проявляли вежливость, диспутов не возникало.

Когда я беседовал с товарищем Торезом, он одобрил наше поведение, наши острые речи, в которых мы не сглаживали углов и прямо высказывали свои классовые симпатии. «Вы очень содействовали нашей пропаганде социалистических идей», – говорил он. Само его лицо свидетельствовало об этом. Его приятная, простая, душевная улыбка и сияющие глаза показывали, что он не играет. Передо мной сидел крупный политический деятель, который умел защищать свои идеи и бороться за них, непримиримый к фальши, прямо высказывавший свои чувства, и мне было приятно наше полное единство. Он благодарил нас за прямоту, с которой мы выступали. Прямота-то бывает разная. К примеру, бывает колкая. Но мы понимали, что являемся гостями де Голля, хотя и нашего антипода по общественным взглядам, и поэтому во внутренние дела страны не влезали.

Завершив запланированное путешествие по стране, мы вернулись в Париж. Президент предложил нам с Ниной Петровной съездить в его загородную резиденцию[664]. Таким приглашением тоже выражалось особое уважение к нашей стране. Оно было аналогичным той чести, которая была выказана нам президентом США в Кэмп-Дэвиде. В загородном дворце действительно никто не мешает беседам, чувствуешь себя свободно, есть возможность для обмена мнениями и за завтраком, и за обедом, и за ужином. Де Голль с женой и мы с Ниной Петровной вместе обедали, завтракали и ужинали. Не знаю, соответствует ли действительности (как нас предупреждали), что супруга президента была убежденной католичкой, которая терпеть не может коммунистов. Значит, приглашая нас, она учиняла над собой внутреннее насилие. Но мы этого не почувствовали. Это культурная женщина, хорошо умеющая владеть собой и ничем не выдававшая своих чувств в отношении нас, коммунистов и атеистов. Она очень любезно ухаживала за нами как хозяйка дома и как хозяйка стола. Почти все остальное время мы проводили в беседах с де Голлем один на один. Приезжали к нам для участия в переговорах Громыко с Виноградовым, а Нина Петровна оставалась полностью на

попечении жены де Голля.

Не помню, где начались официальные переговоры, в Париже или в загородной резиденции. Но для вопросов, которые требовали решения, это не имело значения. Поэтому я скажу лишь о сути дела, как излагали мы свою позицию и как реагировал де Голль (как мы чаще его называли, господин генерал). Основным оказался германский вопрос. Если бы я начал подробно излагать де Голлю нашу позицию, думаю, что ему было бы неинтересно, потому что он хорошо ее понимал. Но мы де Голля понимали плохо. Этот политический деятель во время оккупации возглавлял движение Сопротивления, а теперь стал союзником Западной Германии. Их союз был направлен против СССР и всех стран социализма. Да, такого де Голля мы не понимали! Что он антикоммунист, в этом у нас никогда не было сомнений. Но теперь в вопросах межгосударственных отношений у него проявились оттенки, которых мы не могли объяснить. Какие-то особенности его личных политических взглядов, которые он не раскрывал публично.

При переговорах все садятся за общий круглый стол. С обеих сторон присутствовали министры иностранных дел и чиновники. Мы сначала изложили свою позицию (существует такая формальность), потом поставили главные вопросы, по которым хотели найти общий язык с французами, чтобы принять решения на общее благо. Каковы же эти вопросы? Во-первых, подписание мирного договора с Германией. Вопрос вопросов! Он является узловым. Если его разрубить, то сразу ослабнет международное напряжение. Перед важным решением человек собирается с духом, напрягается, особенно если тут вопрос жизни или смерти. Решится такой вопрос, и сразу мускулы расслабляются, человеку свободнее дышится, у него начинает нормально биться сердце. Так и в политической жизни. Вопросы разоружения, торговли, культурных связей, обмена научными достижениями, все то, из чего складываются нормальные межгосударственные общения, составляют основную цель естественного развития отношений между государствами и решаются положительно только в случае исключения возможности военного столкновения. Именно в исключении будущего военного столкновения состояла суть германского вопроса. Крепкий орех, который не так-то легко расколоть или разгрызть.

Де Голль вел беседу очень спокойно и неторопливо. Он даже несколько поражал нас своим спокойствием. «Господин Хрущев, – говорил он, – а зачем вам сейчас обязательно надо заключать мирный договор? Нужные условия еще не созрели, поэтому сейчас трудно договориться. А что изменится, если решение

отложить? Поэтому на сегодня я не считал бы это главным вопросом». Мы с этим не могли согласиться. Но он так искренне и так убедительно доказывал, что я, посматривая на него, думал: а не шутит ли он с нами? Нет, он говорил серьезно. Потом я поверил в его серьезность. У него имелось свое понимание событий. «Вы, – говорил он, – сейчас имеете Восточную Германию, и она входит в Варшавский договор. А мы имеем Западную Германию, которая входит в наш НАТО. Пусть так и будет. Западный же Берлин обладает особым статусом». По Потсдамскому соглашению мы тоже так толкуем дело, но видим, что на практике западные державы не выделяют Западный Берлин как особую политическую единицу, а дают возможность ГФР включить его в свой состав. Де Голль соглашался с Потсдамским соглашением и в данном вопросе не вступал с нами в спор, вроде бы соглашался с нашим толкованием. Особый статус Западного Берлина другие западные державы признают лишь на словах, тогда, когда им это выгодно, а в жизни они его игнорируют, проводя свою экономическую и административную политику и считая, что Западный Берлин является частью ГФР (нынешней ФРГ).

Мы повторяли свои соображения на сей счет. Ранее мы много раз их высказывали и в документах, и на митингах, и в диспутах, и на пресс-конференциях. Доказывали, что Западная Германия набирает силу. Что она экономически уже достигла большой мощи и является сильнейшей из европейских стран, входящих в НАТО. Ее экономика самая могучая, а ее армия – самая многочисленная. На основе достижений науки и техники ее вооружения становятся все более смертоносными. Приводил я и прочие доказательства, которые не требовали особых усилий для понимания их де Голлем. Как военный, политик и государственный деятель, он все прекрасно понимал.

Однако, когда мы заговорили о том, что может разразиться война, а Франция будет втянута в нее как союзница НАТО, он спокойно и довольно твердо ответил: «Господин Хрущев, смею вас заверить, что Франция никогда не будет вместе с Германией воевать против Советского Союза. Пока Германия (так он говорил: Германия) входит в состав НАТО, она вообще не получит возможности развязать войну против СССР и ГДР. Если Германия объявит войну ГДР, то это будет со слабым прикрытием военных целей, сквозь это прикрытие просветит полный скелет агрессивных планов». И доверительно добавил: «Мы вас понимаем, мы тоже сейчас против объединения Германии. Господин Хрущев, вы, наверное, знаете, что Франция занимала особую позицию во время потсдамских переговоров. Но нас не

послушали. Господин Сталин нас не поддержал, а мы еще тогда предлагали более радикальные решения».

Кажется, Франция тогда стояла за большее раздробление германского государства, не такое, какое сложилось в результате оккупации. Де Голль предлагал тогда новое государственное устройство Германии, с тем чтобы она утратила единую государственность. Это предполагало отсутствие и единого правительства, и единой военной, и единой внешней политики. Кроме того, Франция претендовала на некоторые пограничные немецкие районы, которые вошли бы в ее состав. Но сейчас не смогу, взяв карандаш, точно показать, на какие территории претендовала Франция. Черчилль во время войны тоже высказывался за расчленение Германии. Но сейчас я не буду об этом вспоминать, потому что это потребовало бы обратиться к архивным материалам или хотя бы к газетам.

«Да, я помню, что вы занимали особую позицию по немецкому вопросу, – тоже спокойно ответил я. – Вы говорите, что Сталин вас не поддержал? Но я понимаю Сталина. В то время у нас были другие взгляды на Германию, мы по-другому оценивали послевоенное положение и направление развития будущего германского государства. Видимо, исходя из этих соображений, Сталин и не поддержал ваших предложений». Далее ни президент, ни я со своей стороны не стали детализировать эти взгляды. Однако хочу изложить свое понимание взглядов Сталина на немецкий вопрос в преддверии разгрома Германии. Они не изменились и в дни Потсдамской конференции.

Чем руководствовался Сталин в немецком вопросе? Он был убежден (и я тоже придерживался такого мнения), что после разгрома немцев и разорения, в котором оказалось их государство, немецкий рабочий класс, крестьянство и все общество захотят выйти из того политического и социального состояния, в котором Германия находилась перед войной. Мы предполагали, что там свершится социальная революция, будет ликвидировано капиталистическое господство, возникнет пролетарское государство, которое будет руководствоваться марксистско-ленинским учением, установится диктатура пролетариата. Это было нашей мечтой. Мы считали, что это будет самым простым решением немецкого вопроса. В результате Германия перестанет быть милитаристским государством и перестанет угрожать Европе войной, которую она уже несколько раз развязывала. Нам казалось, что такое возрождение страны неизбежно. Исходя из нашего понимания дела, мы считали, что после разгрома фашизма создавались самые благоприятные условия для объединения рабочего класса с беднейшим

крестьянством в борьбе за революционное государство, в котором не стало бы частной собственности и осуществился переход на позицию строительства социализма.

Такое же положение, по нашему мнению, складывалось в те годы во Франции и Италии. И там, как мы надеялись, вскоре победят коммунисты. Тут – простая аналогия. После первой мировой войны Россия совершила у себя рабочую революцию. После катастрофы, в которую Европа была ввергнута Гитлером и Муссолини, после второй мировой войны Франция и Италия тоже должны перейти в социалистический лагерь. А насчет Германии у нас и сомнений не было. Мы были абсолютно уверены в том, что она станет социалистическим государством. Не говоря уже о других странах, которые тоже пойдут вслед за этими державами. Поэтому, естественно, после разгрома Германии, чтобы заручиться симпатиями немцев к советской политике, Сталин высказывался за единую Германию. Он представлял себе, что единая Германия будет социалистической и станет союзницей СССР. Вот концепция, которой придерживались и Сталин, и мы, все его окружение.

Но после Потсдамской конференции события развивались не в нашу пользу. Вся мощь США была поставлена на ноги для того, чтобы удержать разоренные страны Европы от революционного взрыва масс. США пустили в дело свой капитал, постарались накормить голодных и удержать их в узде, стали восстанавливать промышленность, чтобы занять массу людей и сохранить тамошнее хозяйство на капиталистической основе. Так оно и произошло. И Франция, и Германия, и Италия, то есть государства с наиболее развитым капиталом, мощной промышленностью, сильным рабочим классом и могучими коммунистическими партиями, переживали сложные дни…

Однако не получилось так, как мы предполагали. Капитализм продемонстрировал свою живучесть и остановил шедший процесс. Мы были разочарованы. Вот наши взгляды в те годы. Руководствуясь этими соображениями, Сталин проводил политику, которая вступила в противоречие с пожеланиями де Голля, который тогда представлял Францию. Но я не стал теперь объяснять де Голлю все это, а только сказал, что Сталин имел свои соображения, сейчас же обращаться к обсуждению этого вопроса в прежнем виде нецелесообразно. Де Голль это понимал и в противовес нашей точке зрения сделал только один экскурс в прошлое. Он вспомнил Потсдам, когда стрелка весов склонялась в пользу союзников, и привел высказывания политических деятелей и журналистов, которые отражали взгляды своих государственных лидеров насчет будущей Германии. Тут мы,

сознавая свою правоту, стали, грубо говоря, нажимать на него, чтобы он если и не принял нашу точку зрения, то проникся сознанием тревоги.

Действительно, Западная Германия угрожала Европе. Если бы новая война была развязана, она стала бы катастрофой. Носителем этой заразы и военного психоза являлась партия Аденауэра. Чтобы предотвратить опасность, надо было заложить в Германии другие основы, а Советскому Союзу и Франции проявить больше взаимопонимания и приложить побольше усилий, чтобы не допустить такой войны. В первую очередь немцы, ища слабое место, безусловно, опять обратили бы свои взоры на Францию, а не на СССР. Так что Франция не меньше, чем Советский Союз, а даже больше должна быть заинтересована в укреплении с нами дружеских отношений и в противопоставлении их агрессивности германского государства. История доказывает, что многое может повториться, могут возродиться в какой-то форме и идеи Гитлера. На почве шовинизма вырастает агрессивность, питательная среда для политики реванша. Гитлер именно на этой основе обрел силу, его лозунгом стала реставрация величия Германии, утверждение ее главенства в Европе и в мире. Он развязал войну, как раз считая, что добьется мирового господства и станет владыкой мира, а Германия будет диктовать свои условия всем другим.

Вот что я «втолковывал» де Голлю. Он вел себя умно, понимал наши аргументы и считал, что они заслуживают внимания, но ведь он принадлежал к другому классу: был противником революции, был и остался противником социализма, являлся антикоммунистом. Его классовая сущность тянула его в другой лагерь. И он балансировал, стремясь не ослабить свой лагерь, а с другой стороны, не позволить контрсоциалистическим силам столкнуть нас и развязать войну. «Господин Хрущев, – несколько раз повторял он, – я вас понимаю, давайте договоримся: пусть остается так, как есть, пусть ГДР входит в состав Варшавского союза, а ФРГ – в НАТО. Оставим все так, как сложилось, не будем нарушать разграничения стран, входящих в НАТО и в Варшавское объединение, разваливать статус-кво. Франция никогда не будет воевать против ГДР, она нам не нужна. Но и вы поймите наше положение: мы не хотели бы ослаблять себя. Следовательно, СССР должен признать необходимость вхождения Западной Германии в НАТО».

Он хотел не нарушать равновесия между двумя блоками, как географическими, так и социально-политическими. Именно нарушение равновесия, по его мнению, могло кончиться катастрофой. Мы снова твердили свое. А де Голль, очень умело

ведя беседу по столь острому вопросу в спокойной, даже флегматичной манере, излагал нам необходимость сохранения статус-кво. И вместо того, чтобы вступить с нами в спор, сказал: «Что вы получите от заключения мира? Ничего добавочно не получите. Поэтому довольствуйтесь тем, что есть. Вы уже имеете очень много и представляете огромную силу, с которой мы считаемся и будем считаться. Зачем вам добиваться для вашей ГДР подписания мирного договора?» Он считал, что ГДР принадлежит нам, и не понимал, зачем нужно оформлять мирный договор. А нас просто рассматривал как собственников Восточной Германии. Мы же хотели другого, подходя к делу по-коммунистически, желали, чтобы мирный договор установил нормальные отношения между всеми государствами, ГДР получила бы полный суверенитет и возможность строить дипломатические, культурные, экономические связи со всеми странами по своему усмотрению и в своих интересах.

Де Голль, делая вид, что не понимает этого, несколько грубовато представлял наши взаимоотношения с ГДР. Конечно, он знал, что подписание мирного договора изменило бы всю атмосферу в НАТО. Знал своих союзников, понимал, что они не пойдут на это, и поэтому не хотел представлять Францию оппозиционной силой по отношению к НАТО. Правда, позже он как раз так и поступил, когда вывел Францию из военного объединения НАТО, вывел ее войска из-под власти натовского главнокомандующего[665]. Но это было потом. А во время переговоров даже намека не делал на то, что политика США навязывалась Франции и всем другим странам НАТО. Затронул он и идею объединенной Европы. Полагал, что Европа должна объединиться, а ее восточная граница проходить по Уралу. Эту формулировку я не понимал, да и сейчас с трудом себе ее представляю. Что такое «Европа до Урала», если она разделена? В ней имеется несколько государств с различным социально-политическим устройством в разных военных группировках. К тому же нас настораживала неприятная аналогия: Гитлер тоже говорил, что дойдет до Урала. «Вот тебе раз, – думал я, – одного разгромили, теперь другой подбрасывает ту же идею».

Как Европа объединится? Чем будет такое объединение? Мы, например, хотели бы, чтобы вся Европа от Урала до западных морских границ стала социалистической и чтобы европейские страны ликвидировали капитализм. Западные политические деятели имели в виду то же самое, только наоборот, на основе капитализма. Поэтому я тоже не вступил в дискуссию и не задавал никаких вопросов, не уточнял мысль президента. Тем более что за столом, когда мы остались одни, де Голль с женой и

я с Ниной Петровной, он в ходе беседы, обращаясь ко мне через переводчика, произнес: «Мон ами!» (то есть мой друг). Обратившись так, он посмотрел на меня по-особенному (не сказал бы, что улыбнулся, нет, он вообще очень редко улыбался). Я соответственно ответил ему тем же: «Мой друг, господин президент!» То был хороший признак. Де Голль хотел показать, что, несмотря на то, что мы люди противоположных политических убеждений, наши усилия объединяются в вопросе обеспечения мира. Вот он и считал меня и своим другом, и другом Франции. Я ответил ему тем же.

Что еще было примечательного в наших беседах? Вспоминаются различные их штрихи. На приеме, который был дан в нашу честь французским правительством, собралось много гостей. Впрочем, так всегда бывает, когда принимаются знатные иностранные гости. Де Голль энергично знакомил меня с представителями тех африканских стран, которые входили во Французское содружество[666]. На деле то были колонии. Куда бы он ни ушел, его сразу издали видишь, не потеряешь глазами, такой высокий. Смотришь, а он уже ведет с собой какого-то негра и представляет его: «Вот представитель такой-то провинции Франции». Естественно, эти люди всегда улыбались, были любезны со мной, но особенно любезны с президентом. Он оставлял нас вдвоем, а сам шел за другим. Подошел ко мне со смуглой женщиной средних лет из Алжира, членом какой-то французской палаты, представил ее, а она защебетала: хвалила Францию, хвалила де Голля, хвалила Французское государство и доказывала, что арабам Алжира прекрасно живется во Французском содружестве. Мне было неприятно слушать ее, но в спор я не хотел вступать, тем более в такой обстановке. Это была бы демонстрация с моей стороны. И только задал ей вопрос: «Госпожа, видимо, не все так думают, как вы? Встречаясь с вашими соотечественниками, я услышал бы, наверное, и другое?» – «Ну, конечно, не все, но большинство». – «А кто же тогда воюет против французского режима в Алжире? – спрашиваю. – Война длится уже несколько лет, сами факты противоречат вашим словам. Видимо, вы лично действительно довольны. Это случается, когда бывают довольны отдельные личности. Но я сомневаюсь, что вы выражаете думы своего народа».

Тут де Голль подвел ко мне других гостей. Познакомил меня с каким-то сенегальцем, высоким и красивым мужчиной. Его кожа была черной с синим оттенком. И он тоже стоял за содружество, за то, чтобы Сенегал входил в состав Французской республики, и говорил, что они очень хорошо живут. То есть де Голль хотел

показать мне, что колонии Франции и их представители не являются угнетенными, а, наоборот, пользуются всеми правами, которыми пользуются французы, счастливы и хотели бы продолжить существование в составе Франции. В данном случае он представлял мне своих подопечных, входивших в состав правительственных органов, людей избранных, откормленных, выхоленных, образованных и, возможно, богатых. Поэтому они и были довольны своими колонизаторами, а де Голль мне их представлял как выразителей воли африканских народов, которые восхваляют Францию. Одним словом, я мог бы вспомнить великого украинского поэта и мыслителя Шевченко[667], как сказал он о Российской империи: «От молдаванина до финна во всей стране все молчит, ибо благоденствует». Очень умные слова с едкой иронией. В данном случае мне можно было бы высказать их де Голлю. Но как гость я должен был слушать, делать выводы и не вступать в дискуссию.

Не помню, при каких обстоятельствах заговорили мы о Секу Туре[668], президенте Гвинеи. Я сказал, что знаком с ним, и отозвался о нем хорошо. Де Голль знал, что я с ним знаком, поскольку тот не один раз бывал в Советском Союзе после обретения Гвинеей независимости. В то время французы были изгнаны из Гвинеи. Прекратилась всякая связь двух стран, и Гвинея оказалась в критическом положении. Из-за отсутствия кадров парализовалась ее жизнь, закрылись даже банки. Тогда по просьбе Секу Туре мы подали руку помощи и послали своих специалистов. По-моему, отправили им пшеницу и что-то еще. И я тотчас вспомнил о тех событиях, но с де Голлем говорить о них тоже не стал, хотя мы были полностью на стороне гвинейского народа и делали все, что в наших силах, для укрепления полученной им независимости.

Правительство де Голля провело в колониях голосование: хотят ли они получить полную независимость или желают остаться в составе Франции? Нужно отдать де Голлю должное, ведь не каждый на это пошел бы. Но де Голль был уверен, что все колонии проголосуют за Францию. И не обманулся. Однако так проголосовали все, кроме Гвинеи. Ее народ сказал «нет!» и проголосовал за выход из Французского содружества, за независимость. Нам было очень интересно узнать, действительно ли Франция согласится с выходом Гвинеи из содружества, выведет свои войска и не будет вмешиваться в ее внутренние дела? Но де Голль – человек слова! Потом на примере Алжира он еще раз подтвердил то же самое. Гвинея получила независимость. Думаю, что это единственная страна, получившая от Франции независимость без особого столкновения. Де Голль сказал мне,

что лично знал Секу Туре. И при этом голос его прозвучал с грустью, с сожалением: «Да, эти люди получили образование во Франции, а теперь Гвинея вышла из состава Франции». В его словах звучала настоящая скорбь. Но никаких других выражений, которые как-то принизили бы Секу Туре, он не допустил.

Там, на приеме, собралось много разных людей: и политических деятелей, и финансистов. Де Голль подводил ко мне только представителей африканских народов, а французы подходили сами. Пришли крупнейшие капиталисты, но, как обычно, деловых разговоров на приеме не вели, а обменивались общими фразами. Один подходит, другой подходит, получается толчея, но тут правильная форма общения. Каждый приглашенный на прием получает возможность выбрать собеседника. Таким образом создаются лучшие условия общения, чем за столом, когда не можешь сменить свое место.

В программе пребывания во Франции было запланировано посещение автомобильного завода «Рено»[669]. Директор завода произвел на меня благоприятное впечатление, был внимателен к нашей делегации. Предприятие тоже нам понравилось, оно выпускало хорошие автомобили. Директор высказывал мысль о сотрудничестве с каким-то нашим автомобильным заводом, и я поддержал его. Мы тоже были бы согласны на такое сотрудничество, но из этого тогда ничего не получилось. Не так-то легко установить сотрудничество, имея разные социально-экономические системы. На заводе Рено было проявлено и в политическом отношении благосклонное к нам отношение. Видимо, среди рабочих имелось много коммунистов. Не помню, состоялось ли там наше выступление, но общее впечатление сохранилось у меня в памяти как радужное.

Затем послом Виноградовым и его супругой в честь моего приезда был организован прием. Они вдвоем встречали всех гостей, и я тоже какое-то время постоял рядом с ними, так как гости приглашались в честь именно моего пребывания во Франции. Пришли все известные лица, в том числе считавшиеся знатью. Современная знать Франции не всегда обладает предлогом «де» перед фамилией, подчеркивающим принадлежность к дворянскому сословию (например, де Голль). После Великой французской революции поблекло значение фамилий с такими предлогами, вперед выдвинулся Господин Капитал. Поэтому новую знатность обрели те люди, кто обладал большим капиталом. Чем больше капитала, тем знатнее человек.

Когда я увидел, что по лестнице поднимается человек красивой наружности с внешностью, которая смахивала на рисунки парикмахеров на вывесках – черненькие усики,

соответствующая прическа, облик рекламного характера, – посол сказал, что это крупнейший капиталист Франции Ротшильд[670], и представил нас друг другу. Ротшильд – громкая фамилия. Когда еще я был рабочим, она была знакома мне из газет. Возможно, его фамилия мелькала в наших газетах в какой-то связи с забастовками на его фабриках. Но и после революции об этом представителе банковского капитала Франции мы хорошо знали. «Рад познакомиться, – сказал ему я, – теперь буду иметь представление о господине Ротшильде. Я только слышал о вас, а сейчас имею честь пожать вам руку как гостю нашего посольства». Он что-то буркнул в ответ и сразу отошел, потому что гости валили густым потоком.

По-моему, никаких деловых связей мы с Ротшильдом не имели, хотя посол говорил, что он проявляет к нам внимание и, возможно, хотел бы установить контакты. А если Ротшильд пришел на прием, то этим хотел продемонстрировать, что вовсе не бойкотирует нас. Но я не сказал бы, что тем самым он пожелал выразить личное уважение к моей персоне. Никакого особого уважения к представителю Советского государства, председателю Совета Министров и первому секретарю ЦК компартии у него, конечно, не могло быть. Я коммунист, он капиталист, оба мы мыслили в этом плане реально, а пришел он потому, что получил приглашение посетить гостей своего президента. Правда, тем самым он выражал признание нашему государству.

И, естественно, на этом приеме были товарищи Торез, Дюкло, Жаннетта Вермерш[671] – жена Тореза, активный политический деятель Франции. Эта бывшая работница не только являлась женой вождя Французской компартии, но и сама представляла рабочий класс. С ними я обменялся дружескими рукопожатиями и объятиями, однако беседовал недолго, требовалось оставить время для разговоров и с другими гостями, тем более что с лидерами коммунистов мы уже встречались в нашем посольстве и наметили свои новые встречи, обсудив также все вопросы, которые нас интересовали и как политических деятелей, и как друзей, связанных братскими узами.

На приеме я встретился со своим знакомым, крупным капиталистом Франции господином Буссаком[672], владельцем нескольких фабрик с тысячами рабочих. У него имелись текстильные, трикотажные и иные предприятия, вырабатывавшие ткани, одежду, галантерею. Продукция его была замечательной. Сам он был уже в летах, одряхлел. Бывают случаи, когда капиталисты питают искренние дружеские чувства к Советскому Союзу. Так и с Буссаком: он питал к нам добрые чувства и выражал их открыто, это нас быстро сблизило. Его особенно

привлекала наша борьба за мирное сосуществование, видимо, только она, ничего другого не могло быть, потому что он не мог сочувствовать нашей общественной системе. Ну, да и это уже хорошо! Борьба за мирное сосуществование – одна из форм укрепления связей между государствами. В борьбе за мир должны участвовать все народы, все люди, независимо от их принадлежности к тому или иному социальному строю и независимо от их политических убеждений. Образцом таких отношений являлись контакты с господином Буссаком. Мне рассказывали, что он по национальности чех, но давно выехал из Чехии и офранцузился. Он пригласил нашу делегацию на выставку, которую организовал на одной из своих фабрик, и мы с удовольствием приняли приглашение.

Буссак явно «ухаживал» за нашей делегацией и за мной как ее главой. Считаю, что он лелеял тут какую-то надежду на продажу своих изделий в СССР. Это было бы выгодно каждому фабриканту, и Буссаку тоже. Нам он показал товар лицом. Изделия были изумительными: отменные ткани, всевозможная текстильная галантерея, женские туалеты – все очень изящно, красиво, добротно сделано. Нам надо учиться такому. В состав посетителей выставки входили также Косыгин[673] и (кажется) Фурцева[674]. А Косыгин, как крупный специалист по легкой промышленности, особенно интересовался продукцией Буссака. «Все, что вас заинтересует на моих фабриках, – говорил этот господин, – я готов показать, ворота открыты. Могу даже показать свое конструкторское бюро, над чем мы сейчас работаем, чтобы сменить современную продукцию еще более модной».

Сотрудники посольства шепнули мне, что в сверхсекретное конструкторское бюро владелец прежде никого не впускал. Конечно, ведь капиталист рассчитывает на успех, поэтому боится конкурентов. Но наших представителей он туда пригласил. После осмотра я попросил Косыгина еще раз и более детально познакомиться с производством у Буссака. Косыгин еще при Сталине занимался этими видами продукции и даже в Москву приехал в свое время из Ленинграда, где был директором фабрики. Как министр, он позднее вплотную занимался обувной и тому подобной промышленностью. Украина была важным поставщиком кожевенного сырья, и у нас возникали порою трения на этой почве: я как бы возглавлял поставщиков, он – потребителей. Кажется, после моего возвращения в Москву Косыгин еще раз съездил во Францию для ознакомления с названным производством. Мне очень хотелось перенести что-то полезное в нашу промышленность, тем более что Буссак предложил свое содействие. И я сказал: «Раз он будет оказывать

содействие во внедрении способов изготовления хороших изделий, надо этим воспользоваться».

Конечно, за это придется платить. Он ведь капиталист и не станет бесплатно передавать свою технологию. Да и нельзя просто воспользоваться его любезностью, выгода должна быть взаимной. Заплатим ему той же монетой, дадим возможность заработать на поставках в СССР какого-то количества своих изделий. Действительно, с его помощью мы кое-что сделали потом в данной сфере, хотя продолжали отставать и по качеству, и в организации производства трикотажных изделий. Во всем том, что привлекает покупателя, создает ему хорошее настроение, превращается в хозяйственную необходимость, украшает человека и его жилье, мы отстаем. А за границей изготовляют все, что только может пригрезиться хозяйке: отличное белье, верхнее платье, то, чем можно убрать стол и постель… Все это делает Буссак, и все – исключительного качества.

Во время осмотра выставки его изделий он сам показывал экспонаты, стремясь, чтобы мы узнали о них более детально. И мы затратили там много времени, о чем не жалею. Я запомнил и раздел, где были выставлены фотографии, рассказывающие о быте его рабочих. У них имелся фабричный дом отдыха, им они пользовались на льготных условиях. Существовали также детские ясли и детские сады для детей его работников, дети выглядели очень привлекательно, одеты нарядно, их дома – в зелени, с отличным оборудованием. И я подумал: «Фабрикант, а создает такие условия для своих рабочих!» Конечно, Буссак и не думал убедить меня, что капитализм тоже заботится о всех рабочих, создавая им такие условия. Он-то знал, сколько внимания и средств уделяем мы организации домов отдыха, санаториев, детских яслей и садов, лечебниц и прочего. Никакой капиталист в мире не сможет соревноваться с нами в этой сфере, чего я не сказал Буссаку, не желая затевать спор о капитализме и социализме. Сей вопрос для меня лично решен очень давно. Но я не думал, что при споре смогу выиграть и из капиталиста сделать коммуниста, поэтому не стал углубляться в проблему. Тем не менее то, что нам показали, можно и изучать, и применять у нас.

С Буссаком я познакомился так: однажды он прислал мне телеграмму с просьбой принять его, указав время, в которое мог бы посетить Советский Союз. Мы через Министерство иностранных дел ответили господину Буссаку, что я буду рад принять его. Он приехал. Наша беседа носила общий характер и затянулась. Но, когда она кончилась, он поблагодарил меня и уехал, не поставив никаких конкретных вопросов, чем я был удивлен. Зачем же он приезжал? Говорили мы только о борьбе за

мир и германской проблеме, хотя нашу позицию он в целом знал, мы ее довольно полно излагали в печати. Он, как выяснилось, с большим уважением относился к нашей внешней политике, особенно борьбе за мир. Это привлекало его симпатии и к нашим политическим деятелям, в том числе ко мне. Советская внутренняя политика его не привлекала, внешняя – удовлетворяла. Он издавал газету «Орор»[675], по нашим меркам – самую реакционную. Первой нас не щадила именно эта газета. Получалась странная ситуация: газета, которая издавалась на деньги Буссака, не согласовывала с ним своей политической направленности? То есть не сопрягалась с тем духом, который я уловил в беседах Буссака со мной?

Однако и об этом я ему ничего не сказал. Капиталист есть капиталист, лучше всего реально представлять себе интересующие его в первую очередь вопросы. Он совпадал с нами только в аспекте борьбы за мир. А просил о встрече, видимо, желая побеседовать со мной, чтобы сделать вывод о наших дальних намерениях и лично от меня услышать о них, а не основываться на чтении газет и наших речей. Мы расстались тогда с ним по-доброму, и он тут же уехал. Ведь проблема стоимости прилета из Франции в СССР и назад для него не существовала. Он имел тысячи рабочих, которые создавали необходимые ценности для обеспечения любых его поездок. Потом к моему 70-летию он прислал мне несколько бутылок коньяка и кальвадоса из своих подвалов. Последнее вино – очень крепкий напиток на основе яблочного сока. «Посылаю вам несколько бутылок из моих подвалов, – писал он в поздравительном тексте, – тем самым свидетельствую свое уважение и поздравляю вас с 70-летием». Его коньяк 70-летней выдержки я охотно попробовал и попутно вспомнил о своих встречах с этим интересным человеком.

Буссак являлся каким-то отдаленным подобием нашего Саввы Морозова[676]. Морозов, узнав, что Горький связан с большевистской партией, не только не порвал их дружбы, но, когда возникла нужда, через Горького помогал большевикам деньгами. Встречаются вот такие оригиналы… Буссак не буквально, но был похож на Морозова. Имея дело со мной, как с главой Советского правительства, он ничего общего не имел, однако, с коммунистами Франции и никаких ссуд им не давал. Его газета вела самую жестокую борьбу с коммунистами, да и сейчас ее ведет. Возможно, что тут была и другая сторона дела. Обладая хорошими отношениями с главой советского правительства, он рассчитывал наладить деловые, торговые связи и заработать. Ну и что же? Мы тоже так смотрим на дела. Мы с

ним правильно друг друга понимали и исходили из верных взаимных оценок. Каждый из нас считал, что сложившиеся связи полезны.

Вернусь к приему в нашем посольстве. Там, а также на приеме, который был дан французской стороной в честь нашей делегации, я встречался и с политическими тенями прошлого. Наш посол представил мне Даладье[677], предвоенного премьер-министра, уже старого человека, одного из тех людей, кто несет ответственность за то, что в 1939 г. Франция не договорилась с Советским Союзом и мы не смогли противопоставить наши объединенные силы гитлеровской Германии. Во Франции бывшие премьеры сохраняют в обществе прежние звания, поэтому посол и сказал: «Премьер Франции» и тут же произнес его фамилию, чтобы не возникло путаницы. После поездки во Францию я встретился с Даладье еще раз и беседовал. Он поехал в Китай в качестве туриста, а на обратном пути попросил о встрече со мной, обратившись через Министерство иностранных дел СССР. Мы обменялись мнениями и решили, что я его приму в Кремле. Добавлю, что я никогда лично не принимал никакого рода иностранцев без согласования в Президиуме ЦК КПСС.

Меня тоже интересовала встреча с Даладье: хотелось еще раз взглянуть на человека, который вместе с Невиллем Чемберленом[678] определял, быть мировой войне или не быть. Я не стал затрагивать этот вопрос, навязывая дискуссию насчет чьей-то ответственности за кровавую войну. Он заговорил на другую серьезную тему: «Возвращаюсь из Китая. Ездил я там и увидел, что вы очень много делаете для Китая. Видел заводы, фабрики, другие сооружения, которые строятся под ваши кредиты и под руководством ваших инженеров и техников. Таким образом, СССР оказывает очень большую помощь по перестройке промышленности Китая. Не считаете ли вы, что это может потом обернуться для СССР опасностью?» Говорил он очень спокойно. Может быть, такова его манера говорить вообще. Может быть, по старости…

Я ему: «Нет, мы такой опасности не видим. Китай является нашим другом и братом». – «А вас не беспокоит желтая опасность, о которой во всем мире звучат голоса? Не угрожает ли и вам желтая опасность?» Я был удивлен такой постановкой вопроса и резко отверг его рассуждения: «Мы по-другому относимся к людям, не делим их по цвету кожи на желтых, белых, краснокожих, черных и коричневых, а смотрим на принадлежность к классу. Китай является социалистическим государством, китайцы – наши братся по классу. Мы, руководствуясь тут общими соображениями, заинтересованы в

дружбе с Китаем, поэтому оказываем ему поддержку в развитии современной промышленности». Даладье не вступил со мной в дискуссию, а просто высказал свои соображения. Встреча продолжалась недолго, да у нас и не было каких-то вопросов для ведения продолжительной беседы. Но памятное мне высказывание он сделал.

Теперь он в могиле, однако если бы был жив, то посмеялся бы, вероятно, над моим ответом. Для него, буржуазного деятеля, и не потребовалось бы никаких других доказательств, кроме наших сегодняшних взаимоотношений с Китаем. Он, дескать, меня предупреждал, а я отверг «желтую опасность» с марксистской, классовой точки зрения. А теперь кто прав? Даладье сказал бы, что это он прав. Ведь отношения СССР с Китаем ухудшились так, что дальше некуда, мы уже дошли до военных столкновений.

Хотя Даладье посчитал бы себя правым, я, как коммунист, полагаю, что я дал ему тогда правильный ответ. Другого сказать и не мог, даже сомневаясь в верности политики Мао Цзэдуна, сомневаясь не с позиции «желтой опасности». У меня возникли сомнения в том, что Мао занимает правильную политическую позицию, и я жалел, что он высокомерно ведет себя по отношению к Советскому Союзу.

Я высказывался об этом еще по возвращении из первой поездки в Китай в 1954 году, вскоре после смерти Сталина. Уже тогда, несмотря на исключительное внешнее дружелюбие со стороны Мао, проскальзывало его высокомерие, какие-то националистические проблески, пошли первые его заявления о превосходстве китайской нации над другими (совершенно немарксистский подход). В беседах со мной о ходе истории Китая, о его завоевателях и народном им сопротивлении он отмечал, что китайский народ вообще не поддается ассимиляции. Разговаривая в таком тоне, он как бы давал почувствовать человеку другой нации, что относится к нему свысока. Это оставляло неприятный осадок. Позднее, когда Мао дошел до открытой наглости в отношении Советского Союза, он просто заявил о незаконности наших границ, что эти границы навязаны Китаю русскими царями. Однако такие обвинения несостоятельны, не оправдываются ни исторически, ни просто фактически.

Значит, Даладье был прав? Сейчас опасность для Советского Союза существует. Политика, которую проводит Мао, чревата опасностями и для китайского народа. Мы все не вечны на Земле. Придет неизбежно час, когда Мао уйдет с политической арены. Думаю, что Линь Бяо[679], который еще при жизни Мао назначен

его преемником, поймет, что политика, которая сейчас проводится Китаем в отношении братских социалистических стран, неправильна и никак не согласуется с интересами коммунистического движения. Думаю, о Даладье можно долее не вспоминать. Тем более что Мао еще жив и я жив, а Даладье уже нет.

На приеме в нашем посольстве я встретился в Париже, как со старым знакомым, и с другим бывшим премьер-министром Франции, господином Фором. Он представлял свою страну на Женевском совещании четырех лидеров. С его разрешения я стал называть его тогда Эдгар Иванович. Он познакомил меня со своей супругой, любезной женщиной. Да и сам он общительный и приятный человек. Потом, находясь в отставке, Фор приезжал в СССР, и я не раз с ним встречался. Его жена была редактором в каком-то женском журнале и тоже приезжала в СССР. Я и с ней встречался. Мы с Фором люди разной политической направленности, но острых столкновений между нами никогда не возникало.

Встретился я в Париже и с Ги Молле, и с Мендес-Франсом, другими известными политическими деятелями. Я был благодарен Мендес-Франсу[680] за то, что в ходе Женевских переговоров по Лаосу он нашел в себе политическое мужество выступить с вопросом о Вьетнаме. Конечно, вьетнамский народ проявил и мужество, и выдержку, показал свое упорство и разгромил французских оккупантов. Но все-таки большая личная заслуга принадлежит Мендес-Франсу в том, что, когда он пришел к власти, сменив Ги Молле, то предложил в Женеве разделить Вьетнам на Южный и Северный и определил границу между ними. Она была не без споров принята, в том числе нами и Хо Ши Мином. Наш представитель тоже участвовал в той Женевской конференции. Мы не только поддерживали и поддерживаем политику Северного Вьетнама, но и помогаем ему оружием и чем только можем. А тогда прекратилась война, которая велась там ряд лет.

Генерал де Голль неоднократно высказывал мысль о том, что Европа должна жить своим умом, должна освободиться от опеки со стороны США. Он прямо заявлял, что тяготится таким положением, которое создалось в мире вообще и особенно для Франции, а в разговоре со мной давал понять, что мы со своей стороны могли бы содействовать освобождению стран Европы от американской опеки. Де Голль тяготился положением, создавшимся в НАТО. Я, признаться, не смог сразу разобраться, чего же он хотел? По своему классовому положению он, конечно, душой и телом должен был бы поддерживать политику США, и

мне было трудно представить, что Франция потом уйдет из военной части НАТО. Де Голль не высказывался на этот счет прямо, говорил намеками, но у меня сохранилось в памяти, что он уже тогда вынашивал какие-то такие намерения. Одно было сразу видно: что он не хотел быть пешкой в «большой политике» США, направленной на окружение и изоляцию Советского Союза; не хотел являться каким-то слепым орудием в чужой политике, которая не всегда согласовывалась с интересами Франции. Тут он проявлял и трезвость ума, и волю.

Посол Виноградов просто преклонялся перед де Голлем, и я в шутку наедине называл его деголлевцем. Посол очень высоко ценил генерала, его ум, его поведение и считал, что де Голль не преследует никаких агрессивных целей против Советского Союза. Виноградов скорее чувствовал это, чем мог убедить меня в этом. После личных встреч и бесед с де Голлем мое мнение начало совпадать с мнением Виноградова. Я оценил де Голля как партнера. Вопросов внутренней жизни СССР и Франции мы с ним не затрагивали, потому что эти вопросы именно внутренние для каждой страны. Это де Голль понимал хорошо, поэтому и намеков не делал никаких насчет нашего внутреннего устройства, хотя я понимал, что он являлся тут противником. Я тоже понимал, с кем имею дело. Не скрою, однако, что и на меня он произвел сильное впечатление.

Сталин был невысокого мнения о способностях военных лиц в политической деятельности. Его любимое слово «солдафон» означало наличие тупости, ограниченности, непонимания социальных условий, в которых живешь. Такое мнение распространялось им не только на наших генералов, но и на генералов всех стран, включая де Голля, чье гордое, независимое поведение, та особая позиция, которую он занимал в своей среде и которая способствовала его своеобразной изоляции, Сталина не заставляли менять своей точки зрения. Ведь де Голль не занимал тогда ведущего положения в политике Франции. Сталин относился к нему без особого уважения. Теперь личное знакомство убедило меня, что этот генерал очень хорошо разбирался в политике, в международных вопросах и занимал четкую позицию, отстаивая интересы Франции. Он вовсе не был подвержен чуждому влиянию, ему вообще нельзя был навязать чужое мнение, особенно в политике, не отвечавшее интересам Франции. По всем вопросам, которые мне приходилось с ним обсуждать, он высказывался сам, не нуждаясь в комментариях Министерства иностранных дел или премьер-министра[681], хотя на такие беседы последний приглашался. Но приглашался скорее для проформы. Во имя представительства. А де Голль, по всем

вопросам имея законченное мнение, лично излагал его, прочие же политические деятели Франции всегда соглашались с ним.

Внутреннюю политику де Голля я считаю реакционной. Он был не только слугой капиталистов, а идеологом капитализма во Франции. Когда он стал президентом, Французская компартия провозгласила борьбу с личной властью, потому что там возникло уже не правительство как таковое: оно олицетворялось в де Голле. Его правительство понимало свое положение и не претендовало на большие права. Исчезло коллективное управление Францией, действовал в основном ее президент: он-то и есть Франция, грубо говоря. Вернее сказать, он есть та власть во Франции, которая определяет всю политику. Этот верный защитник капиталистического строя, защитник буржуазных устоев ввел в жизнь законодательство, которое свело на нет демократическую конституцию[682], принятую после разгрома Германии, за счет прав трудящихся создал лучшие условия для непролетарских элементов, и это сказалось при первых же выборах, когда резко сократилось коммунистическое представительство в парламенте.

Де Голль пришел к власти в бурное время. Во Франции сохранялось неустойчивое положение, ультраправые элементы были близки к захвату власти, перешли к террору и готовили путч. Предполагался и разгром коммунистической партии. У нас тогда сложилось впечатление, что де Голль тоже направит свои усилия в эту сторону, но такого не произошло. Президент провел опрос населения, изменил конституцию, усилив свою власть, но не стал громить коммунистическую партию, и она даже при новых порядках сохранила депутатов в парламенте. Конечно, де Голль открыл шлюзы для реакционных сил. Но он понимал, что коммунисты имеют глубокие корни в народе, особенно в рабочем классе. Поэтому надо остановить прямое наступление на них. Его что-то удержало. Вероятно, он не хотел вызвать волнения, даже, может быть, гражданскую войну.

Несмотря на свою непримиримость к коммунистическим идеям, де Голль проявил трезвость ума, считая, что Франция – демократическая страна, что рабочий класс завоевал себе право иметь свою партию и представителей в парламенте. Правда, он сузил дверь, оставив только маленькую щель, и все-таки голос представителей пролетариата звучал в парламенте. Сохранилась и пролетарская печать. Коммунисты открыто продолжали вести борьбу против личной власти, так они формулировали тогда свою позицию. Даже при тех реакционных основах избирательного права, которые ввел де Голль, они на очередных выборах в парламент каждый раз проводили в него своих представителей.

Во французском парламенте две палаты. И в той и в другой

есть представители коммунистической партии, а в какой больше, ответ каждый желающий может найти в справочниках. Так что у нас к де Голлю было два чувства. Мы ценили его международную политику, правильное понимание им значения Советского Союза. Не говорю, что он одобрял нашу политику. Нет, он правильно понимал ее, хотя и не во всем нас поддерживал, далеко не во всем был с нами согласен. Но он не являлся какой-то агрессивной силой, нацелившейся против СССР, и тоже стоял на позиции обеспечения мира. За это мы его и уважали. Внутренняя же политика, которую он проводил, была реакционной. С ней боролась Коммунистическая партия, борется и сейчас, когда де Голля уже нет у власти. Однако у власти остались прямые деголлевцы, и политика ими проводится та же, которую определил в свое время де Голль. Но мы считаем, что это их внутренний вопрос. Во Франции есть пролетариат, который борется за свои права, эта его борьба будет продолжаться до полной победы. Мы уверены, что рано или поздно победа останется за рабочим классом и за коммунистической партией, которая является его политическим организатором.

Я был знаком со многими руководителями Французской компартии, и не просто знаком, а дружил. Лучше всех я знал Тореза, много раз отдыхал с ним на Кавказе, встречался и в Москве. У нас никогда никаких разногласий с Торезом не возникало. Я очень уважал и товарища Дюкло. И с ним никаких различий в политических оценках, в нашем понимании вопросов международной политики и коммунистического движения не существовало. С уважением относился я и к Вальдеку Роше[683], которому недавно исполнилось 65 лет. По причинам, связанным с моим сегодняшним положением, я лично не послал ему официально добрых пожеланий, но зато диктую их сейчас, с удовольствием шлю ему привет, желаю бодрости и успехов в деятельности по сплочению рабочего класса, в достижении целей, которые ставит перед собой коммунистическая партия. У меня были хорошие отношения также с Кашеном[684], с другими лидерами французских коммунистов. Сейчас у меня нет возможности иметь с ними по-прежнему какие-то контакты, а из-за ослабевшего зрения я сейчас меньше читаю прессу, чем прежде, так что не обо всех них могу судить, как раньше.

Итак, де Голль блеснул трезвым умом, продемонстрировал правильное понимание им положения, в котором оказалась Франция после многолетней войны в Алжире. Придя к власти, он направил усилия против экстремистов, путчистов и расистов, организовывавших военные отряды и перешедших к террору. Де Голль провел опрос населения Алжира для выяснения, хочет ли

оно оставаться с Францией или предпочитает стать независимым. Жители Алжира высказались за самостоятельность, и де Голль (отдадим должное трезвости его ума и твердости характера) согласился. Но арабы получили независимость не на блюде, а завоевали ее с оружием в руках, заплатив кровью своей за свободу. Де Голль верно думал, что дальнейшее противостояние не принесет ничего хорошего ни Франции, ни Алжиру, а только истощение и разорение. Коммунистическая партия Франции всегда стояла на позиции предоставления Алжиру независимости и прекращения войны, и не только на словах. Она одобрила такой поворот событий. А де Голль затем повел наступление против сил, которые стояли за продолжение колониальной политики. Несмотря на неоднократные покушения на него, он проявил мужество и не отступил.

Только де Голль смог сделать такое. Находился же ранее у власти Ги Молле, представитель Социалистической партии. В парламенте ее представители были в большинстве, и если бы Ги Молле искал возможность предоставления независимости Алжиру, то это произошло бы. Но и он оставался в душе колонизатором, несмотря на то, что когда-то ходил даже в левых социалистах. Когда он посетил Советский Союз в составе правительственной делегации, я много с ним беседовал[685], и он доказывал мне необходимость сохранения Алжира в качестве владения Франции. Де Голль один понимал там из «вышестоящих», что колониальное время прошло. Нас, добавлю, мучил вопрос, сдержит ли он свое слово и выведет французские войска? Да, он сдержал свое слово и вывел оттуда все войска. По этому поводу я не раз беседовал с журналистами и говорил им, что, на мой взгляд, во Франции, кроме де Голля или коммунистов, никто не смог бы прекратить войну и предоставить независимость Алжиру. Ведь последнее есть фактическое признание поражения в войне. Она длилась много лет, и согласия на переговорах не достигали. Мы теперь искренне радовались за Алжир. И не меньше нас радовалась Французская коммунистическая партия, которая затратила массу средств и пролила много крови во имя справедливости. Своим решением де Голль завоевал симпатии всех здравомыслящих людей.

Упомяну, что во время Карибского кризиса, когда настал критический момент и Кеннеди был готов применить военные средства против Кубы, с тем чтобы вынудить нас ликвидировать там ракетно-ядерные установки, он как будто заручился поддержкой де Голля, который вроде бы сказал, что Франция будет вместе с США. Конечно, если бы началась война между СССР и США, полагаю, что Франция вынуждена была бы воевать

на стороне США. Крупные американские воинские контингенты располагались на территории Франции и Западной Германии. Куда от этого деваться? Сей факт свидетельствует о двойственности души де Голля. Он тяготел к капитализму, а то, что нарушало его устои, генеральская душа не принимала. Когда я оказался в отставке, де Голль посетил Советский Союз с ответным визитом. Потом разные деятели СССР в различном составе делегаций неоднократно бывали во Франции. Сложились хорошие отношения и сотрудничество наших двух стран в развитии промышленности, в сферах науки, культуры, открытий и изобретений и прочих, которые интересуют обе стороны. Я считаю, что основу всему этому заложил де Голль.

Правда, сейчас соотношение сил в мире изменилось, причем резко. Нет даже сравнения с тем положением, которое существовало 10 или хотя бы 5 лет тому назад. Наша экономика каждый год дает прирост, повышается наш потенциал, включая военный, и в большей степени, чем в капиталистических странах, за исключением США. Но если ослабнут тормоза, сдерживающие развитие военной машины НАТО, и разразится война, то больше всего пострадает Западная Европа. Массированный удар будет нанесен по Западной Германии, Франции, Англии. Еще когда я был в руководстве, мы накопили столько ракет и ядерных зарядов, что уже тогда решили: «Довольно!» Можно, конечно, заменять устаревшие ракеты более совершенными, но по количеству их имелось предостаточно. Думаю, что сейчас это понимают все руководители буржуазных стран. Это понимал и такой человек, как Аденауэр. Он публично говорил: «Разве Германия не видит, что если разразится третья мировая война, то прежде всего будет разрушена именно она? Как же мы можем быть сторонниками войны?» Вот его точка зрения. Если проанализировать действия и направленность политических тенденций тех лиц, которые верховодят в Западной Германии, то нельзя сказать, что там всеми умами овладело такое же благоразумие. Они опять прут на рожон и не исключено, что в какой-то момент могут поджечь фитиль порохового погреба.

Когда мы вернулись в Париж из поездки по Франции, ЦК ФКП предложил нам познакомиться с квартирой, в которой жил Ленин. Там теперь создан музей. Нас сопровождали Торез, Вермерш, другие товарищи. На нас произвела сильное впечатление забота о памяти великого Ленина. Он принадлежит рабочему классу всего мира, всему прогрессивному человечеству, но он наш соотечественник, наш вождь, первым провозгласивший, что в России созрели условия для социальной революции. То было смелое по тому времени, можно сказать дерзкое заявление.

Многие издевались над ним, высмеивали его. Однако Ленин доказал всем скептикам и маловерам даже внутри большевистской партии, что победная революция возможна. Вокруг дома, где располагается его бывшая парижская квартира, собралось тогда много народа. Когда мы с товарищем Торезом вышли на балкон, то увидели, что вся улица запружена людьми. Мы выступили с речами. Рабочие и члены их семей с большой симпатией приветствовали наше делегацию как представителей советского народа. Митинг прошел очень торжественно.

Советское руководство выразило удовлетворение отчетом о визите во Францию, который мы сделали, одобрив его целиком и полностью. А я лично остался доволен знакомством с де Голлем, лучше стал понимать его, представлять себе его концепцию развития международной ситуации. При том положении вещей, в котором мы в то время жили, его позиция казалась в германском вопросе наилучшей. Во всяком случае она учитывала и наши интересы. Франция не хотела усиления Германии, и в то же время де Голль не хотел ослабления НАТО и признавал одновременно такие же права за Варшавским договором, стоял на позиции статус-кво: как сложились границы и блоки после войны, так пускай и остаются.

Это не означало решения проблемы и не исключало случайности, которая могла бы привести к военному столкновению, но было лучшим из худшего. А потом де Голль пошел дальше и вывел свои войска из-под командования НАТО, что в военном отношении ослабляло агрессивные силы, нацеленные против стран социализма. Де Голль хотел бы единой Европы, сплотив ее от Атлантики до Урала. Она содержала бы в себе различные социально-политические системы, но таким образом он хотел обеспечить мир на этом участке земного шара. Он видел такую возможность, однако ставил условие, чтобы США не вмешивались в европейские дела. Это для нас тоже было и приемлемо, и выгодно. Политика де Голля выглядела разумной.

Правда, его не поддержали союзники по НАТО, и он не добился решения вопроса по-своему. Ныне деголлевцы руководствуются основами его политики. Насколько углубится эта линия в дальнейшем, покажет будущее. Данный процесс будет зависеть от обеих противостоящих сторон, я же надеюсь, что взаимоотношения будут развиваться на здоровой, обоюдовыгодной основе. Пусть у нас разные общественные системы, интересы дела мира зато общие!

Четырехсторонняя встреча в Париже

После моей поездки в Америку лидеры четырех держав – США, Франции, Англии и Советского Союза – договорились о встрече в Париже[686], с тем чтобы обсудить возможность обеспечения мирного сосуществования и договориться о разоружении. Это были главные темы дня. Мы тщательно готовились к совещанию. Намечалось оно на май 1960 года. Правда, особых надежд на возможность найти взаимоприемлемое решение у нас не имелось, но готовились мы тем не менее серьезно: хотели использовать буквально все для смягчения наших отношений и ставили целью гарантировать мирное сосуществование государств с различным социально-политическим устройством.

В апреле того года мне доложили, что нашу границу перелетел американский самолет У-2[687]. Самолеты этого типа мы уже знали, они не однажды летали и над нашей территорией[688]. Мы заявляли протесты, но власти США отклоняли их: дескать, никаких полетов такого рода их самолеты над советской территорией не совершали. Очередной самолет летел на высоте, на которую не поднимались наши истребители: они летали ниже на два или три километра. Как ни форсировали моторы истребителей, мы не могли добраться до этих «летунов», которые летали, как говорится, посмеиваясь над нашими усилиями, наносили нам моральное оскорбление. Это еще больше нагнетало напряженность между нашими странами, доводило нас, как говорится, до белого каления.

Теперь же нас особенно возмутило то, что полет состоялся, когда была назначена встреча лидеров четырех держав в Париже, уже развернулась подготовка к ней и все участвующие стороны должны были стремиться создать условия для достижения договоренности. Свершившееся трудно было себе представить: это был неразумный шаг, просто глупый. Но он был сделан.

Громыко[689], как и полагается в таких случаях аккуратному исполнителю, пришел с написанным в МИДе проектом протеста. Мы ознакомились с документом, и я предложил в Президиуме ЦК партии: «Давайте не принимать никакого документа, не станем протестовать официально. Какой в том смысл? Ведь американцы сами понимают, что́ они делают. Они поступают так для того, чтобы подчеркнуть наше бессилие, отсутствие у нас технических средств противодействий. Поэтому мы вынуждены заниматься лишь протестами дипломатического характера через печать или через ТАСС. Но это только ободряет их в нахальстве. Надо

самолеты сбивать!» Как я уже упомянул, раньше мы такие самолеты сбивать не могли: наши истребители не дотягивали до высоты, на которой они летали. Мы могли догнать их по скорости, но не могли достигнуть нужной высоты. Они летали, кажется, на высоте 21 тыс. м, а наши самолеты поднимались примерно на 18–19 тысяч м, да и то с огромными усилиями, на особо подготовленных аппаратах, которые гонялись за этими У-2.

Но теперь ракеты «земля – воздух» уже пошли у нас на конвейере[690]. Когда 1 Мая рано утром раздался звонок (а я отлично помню этот день) и я поднял трубку, министр обороны Малиновский[691] доложил мне: «Со стороны Афганистана, явно из Пакистана, американский самолет У-2 следует в сторону Свердловска». Я ответил: «Надо отличиться и сбить этот самолет. Примите все меры!» – «Да, я уже отдал приказ, будет сделано все возможное, чтобы его сбить», – ответил Родион Яковлевич. Я поинтересовался: «По его маршруту имеются наши зенитные средства?» – «Имеются. Видимо, он напорется на них. У нас есть все возможности сбить его, если не проворонят зенитчики». Он допустил выражение «не проворонят» потому, что в апреле, когда был предыдущий идентичный случай, наши зенитчики упустили У-2: они не были подготовлены и своевременно не открыли огонь.

В Москве на Красной площади начался первомайский парад войск. Затем он закончился, пошла демонстрация трудящихся. День стоял прекрасный, солнечный. Демонстрация проходила с большим подъемом, настроение у всех было очень радостное. Вдруг появился маршал Бирюзов[692], который тогда командовал противовоздушной обороной страны. Мне сообщили о его приходе, и я сказал, чтобы он поднялся на Мавзолей Ленина. Бирюзов на ухо доложил мне, что самолет У-2 сбит, а летчика взяли в плен, сейчас его допрашивают. Я поздравил маршала и с праздником, и с замечательным успехом, горячо пожал ему руку, и он ушел. Появление Бирюзова и разговор на ухо не остались незамеченными. Потом некоторые иностранные дипломаты говорили мне, что они сразу сообразили: что-то произошло! Бирюзов был не в парадной форме, а в обычном служебном кителе, то есть явился с места службы и что-то нашептывал…

Демонстрация закончилась, а я радовался не только ей, но и хорошему сюрпризу. Сколько лет мы ломали голову, как быть, сколько лет нервничали и возмущались, но далее того дело не шло. Когда мы протестовали, то видели, что протесты доставляют американцам только удовольствие. Они торжествовали в связи с нашим бессилием и продолжали нарушать суверенитет СССР, летая над нашей территорией. Теперь их ВВС набрались такого нахальства, что послали самолет в район Свердловска. Летел он

со стороны Пакистана. Маршрут же был проложен так, что приземлиться он должен был в Норвегии[693]. О самом маршруте и с какого аэродрома самолет вылетел, а также о цели полета мы узнали потом от американского летчика Пауэрса[694]. Кроме того, на карте, которая нам досталась, был нанесен маршрут.

Бирюзов несколько позднее доложил, как все произошло. У нас в шахматном порядке были разбросаны вдоль этого маршрута несколько зенитно-ракетных батарей. У-2 должен был напороться на ту или на другую из них, просто не мог при таком маршруте обойти их. Для верности наша ПВО запустила две ракеты. Попали в цель, самолет был поражен сразу, американский летчик выбросился с парашютом. Его сейчас же по приземлении схватили, увидев иностранца, рабочие местного совхоза. Потом приехали военные и забрали его с собой, обыскали, изъяли иглу не то булавку для самоубийства, отравленную ядом, и служебную инструкцию. Летчик на процессе показал, что самолет базировался на аэродроме в Турции, оттуда перелетел в Пакистан. Из Пакистана через Афганистан и советскую территорию направлялся в Норвегию, где должен был сделать посадку. На случай, если что-либо произойдет с самолетом, пилот обязан был покончить с собой, для чего был снабжен быстродействующим ядом. Булавка находилась в легкодоступном ему месте, чтобы он имел возможность тотчас воспользоваться ею. Но жизнь показалась Пауэрсу более привлекательной, и он отказался от самоубийства, а булавка стала нашим трофеем.

Мы приказали доставить обломки самолета в Москву для публичного обозрения в Парке культуры и отдыха имени Горького. Народ валом валил, чтобы не только посмотреть, но и пощупать эти обломки. Пауэрс не оказал сопротивления при аресте, и в этом имелась логика, раз он не убил себя. Затем он стал давать чистосердечные показания и все нам рассказал: сколько лет он занимается этим делом, сколько получал денег, назвал свою фамилию, рассказал о родных. Случившееся нас очень возмутило. Особенно возмущало, что летал он с такими заданиями уже много лет. Правда, политическим деятелям особенно возмущаться не следует, потому что так ведется борьба, та же война, только иными средствами. То была враждебная акция со стороны США, чего они и не скрывали. Они-то считали, что мы не в состоянии прервать такие полеты, сбивать их самолеты и получать вещественные доказательства того, что США пользуются недозволенными в мирное время средствами.

На второй день после события американцы опубликовали в печати заявление, что их самолет пропал без вести. Дескать, базируясь на аэродроме в Турции, летел в район Кавказских гор

над ее территорией и не вернулся. Явное вранье! Мы же, как говорится, предвкушали горькое разочарование их разведчиков, которые состряпали ложное сообщение. Доказательства-то у нас лежали в кармане. А пока наши разведорганы изучали факты и допрашивали Пауэрса. В печати шум поднялся невероятный. После 1 Мая открылась сессия Верховного Совета СССР, и мы разработали тактику поведения на сессии. Я предложил заявить о нарушении суверенитета СССР, желая опровергнуть сообщение американцев о том, что их самолет не перелетал нашей границы. Я считал возможным сказать, что этот самолет сбит нами, но без указания на то, в каком районе и что летчик остался жив. Такой план был принят. Имелось в виду запутать правительство США: раз советские лидеры не сказали, где именно самолет был сбит и какова судьба летчика, оно могло подумать, что Пауэрс погиб. Поэтому в Вашингтоне настаивали на том, что самолет летал над Турцией, хотя, возможно, сбился с курса и нарушил советско-турецкую границу. Там были уверены, что их версия может воздействовать в нужном направлении на общественное мнение других стран.

Когда американцы сами себя запутали небылицей, мы решили выступить в открытую и, сделав более полное сообщение, уличить их во лжи. Мне поручили заявить на сессии Верховного Совета о ходе расследования с точным указанием, на каком аэродроме базируются самолеты такого типа, в какое время и на какой аэродром данный самолет перелетел в Пакистан, когда и каким маршрутом летел через нашу территорию, какая задача была поставлена перед летчиком – проследовать в небе СССР на такой-то аэродром в Норвегии. Это стало сенсацией для печати и неприятным ударом по дипломатии США. А на сессии заявление было встречено и с гневом, и с воодушевлением. Гнев был направлен против США, радость изъявлялась за наши Вооруженные Силы и конструкторов, которые вооружили Советскую Армию ракетами, позволившими сбить самолет, считавшийся у американцев неуязвимым.

Нам это было политически выгодно, служило мобилизации общественного мнения, сплочению советских людей, одобрению ими политики СССР. Для правительства же это оказалось большой радостью: сколько лет американцы безнаказанно летали над нашей страной! Но, как в народе говорится, сколько кувшину по воду ни ходить, а разбитым быть. То есть сколько ни летать американскому разведчику, пришло время, и он поплатился. Случившееся сразу показало всем, кто какую проводит политику. Агрессивная линия США направлялась против Советского Союза. И свой шаг они совершили в то время, когда мировая

общественность ждала, что же произойдет в Париже на встрече представителей четырех держав. Все надеялись, что на этой встрече договорятся о чем-то добром, что договоренность обеспечит более прочное и спокойное положение в мире. Все ожидали, что будут разработаны меры по предотвращению возможности возникновения новой мировой войны. И в то же самое время на деле была раскрыта двоедушная политика США, которые, с одной стороны, протягивают нам руку и заверяют, что преследуют мирные и дружественные цели, а с другой стороны, наносят в спину удар кинжалом. Такова империалистическая политика, для нас она не нова.

Когда мы их «пригвоздили», американская печать выдвинула версию, что Эйзенхауэр не знал об этих полетах, и все стала валить на Центральное разведывательное управление. Из их статей следовало, что тут проделки Аллена Даллеса[695], брата покойного государственного секретаря США. А президент ничего не знал, и, если бы ему было доложено, он не позволил бы такого. Конечно, то было самое разумное для них объяснение неразумной акции. Оно давало президенту возможность в какой-то степени обелить себя и сохранить свое лицо для предстоявшей встречи в Париже.

Когда были выставлены обломки самолета в парке имени Горького, иностранные журналисты много писали по этому поводу. Я все это читал и знал направленность их сообщений. Чувствовалось, что американские журналисты сами огорошены и потрясены. Они, видимо, рассчитывали на достижение договоренности между СССР и США, и вдруг такой пассаж! Здесь им трудно было выворачиваться, и они высказали осуждение данной акции. Правда, осуждали немногие, но все же такие имелись. Я решил поехать на выставку: меня тянуло посмотреть, что осталось от самолета? Со мной отправились и другие официальные лица, в том числе Бирюзов, дававшие пояснения при осмотре. Собралась различная публика, набежали иностранные корреспонденты, да и наши там присутствовали[696].

После осмотра корреспонденты стали задавать мне вопросы. Я вынужден был высказаться напрямую. Беседа с ними доставила мне удовольствие, так как у меня было желание еще раз выразить свое возмущение и заклеймить агрессора. Я выступил перед толпой, которая собралась около павильона. В выступлении придерживался тактики, которую избрала некоторая часть американской печати: обвинил агрессивные круги США, военных, Аллена Даллеса, но не высказывал осуждения в адрес президента. Нам было выгодно, чтобы президент отмежевался от происшедшего, что позволило бы в дальнейшем проводить

политику укрепления и упрочения связей, возникших после моей поездки в США и встречи с Эйзенхауэром. К сожалению, американцы решили действовать иначе.

В том же мае мы узнали о заявлении президента Эйзенхауэра, в котором сообщалось, что он знал о полетах и одобрял их. Эйзенхауэр объяснял это тем, что Советский Союз является закрытой страной и США вынуждены были, заботясь о своей безопасности, вести разведку. Поэтому президент, как главнокомандующий, считал полеты необходимыми. Говорил, что и в дальнейшем США будут так поступать, поскольку обладают правом обеспечивать безопасность страны, даже не считаясь с суверенитетом других государств.

Явно неразумное выступление, если не сказать больше. Глупое выступление. Но оно состоялось. Так президент сам лишил себя возможности выгородиться из пикантной истории перед встречей в Париже. У нас теперь выбора не осталось, и мы выступили с резким осуждением происшедшего, не соглашаясь с такой политикой и с тем, что в США находят оправдание таким полетам. Куда же дальше? Если сам президент заявляет, что нарушался суверенитет, то это же, собственно говоря, призыв к войне! Нас буквально распирало возмущение, и мы использовали все публичные возможности для разоблачения агрессивной линии. Теперь мы не щадили и президента, потому что он сам подставил свой зад, и мы раздавали американцам пинки, сколько угодно и как только возможно.

Мировая общественность очень хотела встречи в Париже представителей четырех держав. И вдруг – такое разочарование… СССР не отказался от встречи, ибо не хотел взять ответственность на себя за ее срыв; мы не хотели, чтобы разочарование вылилось в гнев, направленный против нашей политики. Поэтому мы критиковали Соединенные Штаты, но готовились и к поездке в Париж, разрабатывая вопросы, которые должны были там обсуждаться.

Приближалось время вылетать туда. Мы стали формировать состав делегации. Заранее было обусловлено, что возглавят делегации главы государств или же правительств. В нашу делегацию, конечно же, вошел и министр иностранных дел. Как только мы узнали, что Вашингтон включил в сопровождение президента военных, я предложил поехать нашему министру обороны Малиновскому. Если в США хотят придать такой оттенок встрече, то и мы ответим тем же. Подготовили мы и соответствующие документы. Цель встречи: обеспечение мирного сосуществования и решение спорных вопросов, прежде всего германского, и проблемы разоружения. Собственно говоря, эти

вопросы остаются посейчас неразрешенными, хотя теперь таят в себе гораздо бóльшую опасность, потому что за истекшее время накоплена масса взрывчатого материала. Если сейчас разразится война, то она окажется ужасной.

Наступил день отлета. Мы отправились в Париж на самолете Ил-18, очень хорошем и по внешнему виду, и по техническим качествам. На этот раз наше самочувствие было не таким, как по прибытии на Женевскую встречу глав четырех держав, когда мы летели на двухмоторном Ил-14. Все главы правительств и государств прибыли туда на четырехмоторных самолетах, что производило внушительное впечатление на обывателя. Двухмоторный, конечно, уступает четырехмоторному, но у нас тогда лучших самолетов просто не было. Потом мы слетали в США на Ту-114, сверхгиганте по тому времени. Он произвел ошеломляющее впечатление и на американского обывателя, и на американских знатоков самолетного дела.

Когда мы летели над Европой в Париж, я думал: «Мы уже не раз встречались, а надежды, что достигнем договоренности, мало». Тот факт, что перед самой встречей был сбит У-2, постоянно присутствовал в моем сознании. У меня возник вопрос: «Чего мы ждем? Разве сможет самое сильное в мире государство США пойти на соглашение в таких условиях? Можно ли ждать от этого государства разумного соглашения, если оно перед встречей подложило под нее мину?» Я убеждался, что мы можем выглядеть несолидно: нам преподнесли такую пилюлю, а мы сделаем вид, что ничего не понимаем и идем на совещание, как будто ничего не произошло? Совещание будет сорвано, но другие державы постараются, безусловно, свалить ответственность на нашу страну.

Нам нанесено оскорбление, а мы идем на совещание? И во мне созрела мысль: пересмотреть первоначальную направленность наших документов, особенно декларации, с которой мы хотели выступить при открытии встречи. Надо поставить США ультимативные условия: они должны извиниться за нанесенное нашему государству оскорбление. Нужно потребовать от президента взять обратно свое заявление, в котором он оставлял за США право на разведывательные полеты над чужими территориями, чего суверенные государства никому делать не позволяют. Советский Союз тоже был заинтересован в разведке с воздуха, но с неравноценным интересом. Наша страна была обложена американскими базами в Европе, Азии и Африке, а США оставались для нас недосягаемыми. Тогда мы имели небольшое количество ракет, которые доставали бы их территорию, и фактически она оставалась нам недоступной.

Поэтому США и демонстрировали свое превосходство[697].

То было желание диктовать нам условия с позиции силы. Если мы как ни в чем не бывало сядем за стол и начнем обычные переговоры, следовательно, принимаем позицию их силы, не протестуя против нее. Это было совершенно невозможно, недопустимо, таким поступком мы нанесли бы большой урон нашему авторитету в глазах мировой общественности и особенно среди наших друзей, коммунистических партий, и среди стран, которые борются за независимость. Их борьба ведется в трудной обстановке. Как можно им положиться на Советский Союз в тяжелую минуту, если он принимает плевки в лицо и делает вид, что ничего не произошло?

Даже не знаю, как это мы, готовясь к совещанию, не поставили заранее перед собой вопросы в таком виде, не встав грудью на защиту своей чести. Теперь я высказал в самолете свои соображения Андрею Андреевичу Громыко, и он согласился со мной. Родион Яковлевич Малиновский тоже считал, что мои соображения правильны, что нам следует переделать документы. Поскольку вместе с нами летели машинистки и стенографистки, то я продиктовал поправки, а Громыко с мидовским штатом засел за переработку документов. Требовалось их перестроить, как говорится, на 180 градусов. И мы создали новый документ, который еще не рассматривался нашим руководством в целом. К сожалению, правительство СССР никогда ранее такими вопросами не занималось, да и теперь не занимается. Их решает только партийное руководство, что совершенно неправильно.

Мы срочно все зашифровали и передали в Москву. Не помню сейчас, передали ли прямо из самолета (а такую возможность мы имели) или уже прилетев в Париж. И быстро получили ответ с полным одобрением новой позиции. Таким образом, мы улетели с документами, имевшими одну направленность, а в Париже их направленность была уже другой. Считаю, что это было абсолютно правильное изменение нашей позиции. Мы не отказывались от совещания при условии, если США в лице президента извинятся за допущенное ими нарушение суверенитета нашей великой Родины – Советского Союза. Помимо принесения извинений президент должен отказаться от своего заявления и дать нам заверения, что разведывательные полеты над территорией СССР впредь не будут производиться.

По прибытии в Париж я подумал: «А если мы сделаем свое заявление, президент же не извинится и не откажется от полетов?» Когда мы находились в Вашингтоне, являясь гостями Эйзенхауэра, то пригласили его к себе. Он приглашение принял. Очевидно, наше приглашение останется в силе. В сложившихся

же условиях он к нам приехать не сможет. Иначе как мы станем его приветствовать на нашей территории? Сопровождать его? Считать своим гостем? Это нетерпимо, это оскорбительно, это унижает нашу страну и ее руководство! И у меня возникла мысль: в декларацию, которую мы собираемся зачитать на первом заседании, нужно включить пункт о том, что если не будет принесено извинений, то мы отзываем свое приглашение.

Все согласились, и мы быстро послали в Москву на согласование и эту дополнительную позицию. Сразу же получили положительный ответ. Таким образом, у нас не только были подготовлены все документы, но и мы сами были напичканы аргументами взрывного характера. К нам нельзя было притронуться: тут же проскакивала искра. Таким было тогда наше состояние. А что же другие лидеры держав? Существует порядок дипломатической вежливости – наносить визит главе государства, в которое прибываешь. И я встретился с де Голлем до начала совещания. После посещения мною Франции я был уже лично знаком с ним. С Макмилланом был знаком по Женеве, и с ним мы тоже встретились до начала официальной встречи. Я высказал им обоим свое недовольство позицией США, свою непримиримость. Де Голль и Макмиллан[698] убеждали меня не требовать извинений: США – великая страна, ее президент не может делать такое публичное заявление, и его нельзя вынуждать. Но я парировал сей аргумент, сказав, что мы тоже не маленькая страна, тоже считаем себя великой державой, тем более что мы не можем согласиться, чтобы великая страна наносила оскорбления хотя бы и малым странам.

С первых слов началась как бы перебранка. Напряженность все возрастала, заряд гнева в нас накапливался и требовал разрядки. Мы хотели стенографически зафиксировать ход совещания, поэтому захватили в Париж главную стенографистку Совета Министров СССР. Я относился к ней с большим уважением. Она стенографировала все мои выступления, в том числе в процессе их подготовки. Затем я пригласил и главную стенографистку ЦК КПСС. Помню их по именам: Надежда Петровна и Нина Ивановна. Чаще я работал с Надеждой Петровной Гавриловой. Теперь ее предупредили заранее, что она будет трудиться на этом совещании. И вдруг уже перед самым совещанием мы получили информацию от организаторов, что возникло предложение проводить его без стенографисток. Это нас ошеломило, поскольку мы хотели иметь полную стенограмму переговоров.

Нам сказали, что могут присутствовать лишь секретари. Тогда я предложил объявить Надежду Петровну секретарем. Это

наше право, хотя, как правило, все секретари – дипломаты и мужчины. С нами же прибыл и такой секретарь. Однако никакого законодательства на данный счет нет, просто на практике я женщин в этом качестве не наблюдал. И я сказал Надежде Петровне: «Вы наш секретарь, поэтому обретаете юридическое признание на международном совещании». Она умная женщина, все понимала. А так как была несколько молчаливой и унылой, то ответила мне скупой улыбкой. Некоторую серьезность и строгость поведения она вообще всегда сохраняла и на лице, и в манере держаться.

Когда мы пришли в зал заседаний, то Надежда Петровна выглядела в черном платье королевой. Мои помощники, которые знали ее биографию, рассказывали мне, что ее отец был цыган, мать – украинка, поэтому она сохранила красивые черты цыганского лица и в своем платье выглядела как Кармен. Мы шутили: «Надежда Петровна, ни одна страна не выставит равноценного вам секретаря…» Зашли в зал, стали заходить туда и другие делегации. Первой вошла делегация Англии. Мы поздоровались, и тут же вошла делегация США. Ее члены сразу же последовали на свои места и сели, поприветствовав нас наклоном головы. Мы это поняли так: «Вас видим, но руки не подаем, находимся в состоянии конфликта и даже психологической войны».

Еще до начала совещания я обратился к президенту де Голлю за разрешением выступить с заявлением. Мы хотели предъявить свои ультимативные условия, и от того, как примет их делегация США, зависело, будем ли мы принимать участие в совещании. Я зачитал заявление. Переводчик Суходрев[699] все точно переводил, как очень хорошо подготовленный специалист, прекрасно знавший английский язык. Мне он очень нравился. Я сейчас вспоминаю о совместной работе с ним. Фамилия его типично украинская, но не знаю, украинец ли он, ибо от украинского языка в его речи ничто не проскальзывало. Знатоки английского и все журналисты отмечали, что переводчик у Хрущева в совершенстве владеет английским.

Итак, я зачитал декларацию. Именно зачитал, потому что в таких случаях никакое вольное изложение недопустимо. При вольном изложении могут появиться лишние слова, не так построится фраза, все это будет зафиксировано, а потом трудно исправить. Если допустить лишнее слово, тем более лишнюю фразу, появится возможность иного толкования текста – в пользу наших противников. Зачитав декларацию, я уселся. Произошло общее замешательство, особенно после фразы, в которой заявлялось, что мы отменяем свое приглашение, если не будут

принесены извинения со стороны США, и президент не сможет стать нашим гостем после того, что он допустил в отношении нашей страны. Эйзенхауэр встал с места, его делегация – тоже, и мы разошлись. Не помню, было ли объявлено, что мы соберемся еще раз, или не было. Одним словом, наша декларация сыграла роль бомбы, которая разметала всех по своим комнатам. Круглый стол, который должен был нас объединить, развалился на части.

Инициативу в продолжении совещания проявил де Голль. Через министра иностранных дел он передал нам, что три западные делегации соберутся без нашего участия, обсудят нашу декларацию и определят свое отношение к ней. Мы понимали, что президент США с сопровождающими лицами и со своими союзниками Францией и Англией должен посовещаться, чтобы определить их общую линию. Отчасти мы надеялись, что де Голль с пониманием отнесется к нашему заявлению, которое должно было бы импонировать его характеру. Он тоже очень строго вел себя при защите чести Франции и французов, так что наше заявление не противоречило его пониманию вещей. Мы ожидали, что он что-либо выскажет публично в поддержку нашей позиции, хотя понимали, что в принципе это для него было почти невозможно. Но думаю, что внутренне он с пониманием относился к нашей позиции.

Настроение у меня было боевое, наступательное и приподнятое, хотя я знал, что США не согласятся на горькую пилюлю, которую мы приготовили и заставляем их проглотить. Поэтому и не думал, что они признают публично свою неправоту. Так у нас появился незапланированный свободный день. К какой-то работе иного плана мы не были подготовлены, а в Париже есть, что посмотреть, нашлись бы время и желание. Малиновский много рассказывал мне ранее о своей солдатской службе во Франции в первую мировую войну[700]. И я обратился к нему: «Родион Яковлевич, далеко ли та деревня, в которой стоял ваш полк на отдыхе во время первой мировой войны?» – «Нет, недалеко», – ответил он. «А вы хорошо помните те места, чтобы попасть туда без сопровождающих?» – «Да, хорошо помню. Помню даже людей, а не только деревню. Я и сам хотел бы побывать там, повидать знакомых, перебросится словечком». Да и мне захотелось поехать туда именно вместе с Малиновским, который солдатом сражался против немцев вместе с французами. Собственно говоря, мы приехали сейчас на совещание по тому же германскому вопросу. Последствия агрессии, которую совершила Германия в 1941 году, еще не ликвидированы, с ней нет мирного договора. Мы надеялись на сочувствие со стороны французского народа.

Я и Родион Яковлевич, сопровождающие лица и охрана сели в машины и поехали. Громыко остался в Париже держать связь с делегациями и дожидаться телеграмм из Москвы. Выехали из Парижа по хорошему шоссе, обсаженному липами. Погода стояла ясная, солнечная. В пути наткнулись на липу, которая упала на дорогу, и объехать ее не могли. Чтобы убрать ее, пришли дорожники с топорами и пилами. Мы тоже вышли из машины и стали работать вместе с ними. Я попросил топор у француза, он охотно дал, остальные смотрели и улыбались: сможет ли русский премьер-министр владеть топором? Я никогда лесорубом не был, но привык к физическому труду еще с детства и умел в своем хозяйстве орудовать топором. Происходившее фиксировалось журналистами, фотографами и кинооператорами, но это не противоречило нашим желаниям и шло на пользу советской делегации. Я считал, что народ первым поймет: вот правительство, которое состоит из трудовых людей, а глава правительства, сам бывший рабочий, знает, что такое физический труд, и в таком возрасте еще владеет топором. Разрубили мы это дерево, растащили куски, сели в машину и отправились дальше.

Гидом нам служил Малиновский. Мы, никого действительно не спрашивая, прибыли в нужную деревню. Приехали туда прямо к дому, в котором квартировал Малиновский со своим другом. Никакой толпы не собралось, так как мы прибыли без предупреждения. Вышли из машины, а из дома навстречу – хозяин, человек лет 45. Мы с Малиновским представились ему, и Родион Яковлевич спросил, жива ли его мать, которая, видимо, помнит, как два русских солдата спали на сене у них в сарае? Хозяин очень любезно принял нас, пригласил в дом, появилась и его мать – хозяйка в былые времена. Мы поприветствовали ее, всемерно проявляя внимание. Малиновский напомнил ей, кто он, назвал и имя своего друга, поинтересовался, жив ли ее супруг. Она ответила, что умер.

Малиновский еще раньше говорил мне, что тот был стар, а хозяйка молода и очень красива. Друг Малиновского ухаживал за хозяйкой, она была влюблена в него. Солдатам это было выгодно, потому что хозяйка угощала их молоком, сметаной, вкусными изделиями французской кухни. Когда он назвал имя своего друга, ее постное лицо переменилось и оживилось. Она теперь выглядела старухой, хотя, с его слов, была моложе Родиона Яковлевича. Сейчас же ее сын убежал и вернулся с бутылками вина, накрыл стол, появились традиционные французские закуски, проявились душевная любезность и теплота хозяев. Сын ухаживал за нами, угощал вином. Старуха тоже выпила. Малиновский начал вспоминать былое. Хозяйка же, видимо, не

хотела предаваться воспоминаниям и вела себя с нами довольно сдержанно. На ее лице было написано некоторое равнодушие, сын же проявлял типичное крестьянское радушие, но без телячьих восторгов.

Потом все вышли на улицу. Здесь уже собрались жители деревни. Многие у меня сохранились в памяти. Это были люди среднего возраста. Детишки, конечно, тоже присутствовали, как во всякой деревне в таких случаях. Малиновский стал расспрашивать о некоторых своих знакомых и обратился по-французски к немолодому уже человеку: «А сохранился ли ваш кабачок? Вы его посещаете?» Француз улыбнулся: «Да, кабачок есть, и мы его посещаем так же, как и раньше, но той красавицы, о которой вы, видимо, вспоминаете, уже давно нет на свете». Малиновский тоже заулыбался и сказал: «Я и не отказываюсь, что вспомнил ее». Тут все загалдели, вспоминая девушку из кабачка, писаную красавицу. Видимо, владелец кабака держал ее ради привлечения молодежи, чтобы побольше выпили его вина. На этом он имел заработок. О каких-либо своих вольностях в отношении красавицы или с ее стороны Малиновский никогда не говорил. Видимо, там были чистые, хорошие отношения. Он-то любил женщин, особенно красивых, о чем много раз честно рассказывал, вспоминая и о своем пребывании в Испании во время войны республиканцев против Франко.

К вечеру мы вернулись в Париж. Громыко сообщил, что заседания не будет. Главы трех держав обменялись мнениями. Эйзенхауэр решил, что извиняться не станет. Французы и англичане не возражали бы против извинений. И, я думаю, со своей стороны попытались уговорить американцев пойти на уступки. Но тщетно.

Еще когда я зачитывал декларацию, Эйзенхауэр обратился к госсекретарю Гертеру за советом. «Я думаю, можно извиниться?» – сказал президент. Но Гертер ответил: «Нет!» и скорчил такую гримасу, которая не вызывала сомнений в его позиции. Так Эйзенхауэр и не дал заверений, что разведывательные полеты больше не будут повторяться. Таким образом, он опять показал, что находится под сильным влиянием госсекретаря. Во время совещания в Женеве он добросовестно зачитывал записки Даллеса, которые тот ему подкладывал. Теперь диктовал Гертер, а Эйзенхауэр опять согласился. Президент был наделен и умом, и здравым смыслом, но шел на поводу у других, хотя понимал, что занимает неправильную позицию. Однако противостоять им не мог. Следовательно, не он формировал международную политику США.

Уже после того, как было решено, что совещание не

состоится, я по долгу вежливости съездил к Макмиллану. Тот не мог ни защищать позицию США, ни осуждать своего союзника и только доказывал, что мы слишком многого потребовали: надо было принять во внимание положение президента, который не в состоянии извиняться публично. Макмиллан считал, что нам надо было найти более гибкую позицию для ликвидации напряженности, и выражал сожаление, что мы публично отказались от приглашения Эйзенхауэра в СССР. Я доказывал нашу правоту и думаю, что Макмиллан с пониманием отнесся к моим словам, что можно было увидеть по выражению его лица. Он сказал: «Господин Хрущев, сейчас Англия не занимает той позиции, которую она занимала когда-то в вопросах международной политики. Раньше Британия являлась владычицей морей и во многом определяла политику Европы и даже мира, а теперь мы стали иными. Сейчас самые мощные государства в мире – это Соединенные Штаты и вы. Следовательно, именно от вас многое зависит…»

Мы любезно распрощались с Макмилланом. То была моя последняя встреча с ним. Потом я нанес визит генералу де Голлю. Он занимал такую же позицию, как Макмиллан, то есть в какой-то степени нейтральную, и в ходе беседы употреблял почти те же слова и аргументы, что и Макмиллан. Но я чувствовал, что де Голль больше сожалеет о случившемся. Видимо, он возлагал бóльшие надежды на совещание, чем Макмиллан. Это чувствовалось. Таково мое сугубо индивидуальное восприятие его слов. Может быть, я ошибаюсь, но именно такое у меня сложилось впечатление. Распрощавшись с де Голлем, я вернулся в посольство, где мы расположились. К нам приехал Торез со своей женой, Жаннеттой Вермерш. Беседа состоялась братская, я рассказывал о последних событиях. Торез искренне был доволен нашей позицией и полностью ее одобрял. Я забеспокоился: «Правильно ли поймут нас французы? Французская общественность?» Она-то возлагала надежды на встречу. Все хотели мира. Мы заранее предвидели, что Запад свалит на нас срыв совещания. Если рассматривать дело формально, то это мы отказались от участия в нем, сделав резкое заявление. Наш документ сразу же был опубликован. Не искушенному в политике обывателю трудно было разобраться в тонкостях, а прожженным политиканам мы дали возможность направить недовольство за срыв совещания на Советский Союз и его главу. Это меня беспокоило, и я спросил Тореза о том. Он ответил, что, конечно, реакционеры воспользовались ситуацией, но члены компартии и общественность разберутся и будут на нашей стороне. Торез заулыбался, когда я рассказывал о посещении вместе

с Малиновским французской деревушки. Я почувствовал, что все это ему импонирует.

Потом с визитом прибыл каноник, мэр города Дижон Кир. Когда я был во Франции гостем президента, то Кир со мной встретиться не смог, так как считался властями просоветским человеком, и они его на время как бы изолировали. Кир был активным членом Сопротивления фашистской оккупации и подвергался гонениям. Если мне не изменяет память, он дважды был приговорен к смертной казни. Теперь мне было интересно, как этот человек воспринял провал совещания. К тому времени уже зашумело французское радио, которое восстанавливало общественность против политики Советского Союза. Мы с Киром беседовали на открытом воздухе. В нашем посольстве имелся уютный дворик, беседа получилась самая радушная. Он говорил мне о том, что сожалел, не сумев встретиться со мною раньше. Кир полностью одобрил нашу позицию, изложенную мной во время беседы. Потом я поинтересовался у этого немолодого, хотя и энергичного человека: «Каким транспортом вы располагаете?» Персональной машины у него не было. И я предложил: «Если не возражаете, я предоставлю вам свою машину, которая отвезет вас по адресу, который вы укажете». – «Буду польщен этим и охотно принимаю ваше предложение».

Кир высказал много любезностей в мой адрес, и мне было приятно это услышать в напряженный момент, когда на нашу политику вешали всех собак и буржуазная пресса хотела нас изолировать. Тот факт, что каноник Кир выезжает на машине из советского посольства с нашим флажком, имел большое значение. И я был рад, что он проявил трезвость ума и согласился воспользоваться нашей машиной. Мы распрощались очень любезно, я проводил его за ворота. Приходили и еще какие-то делегации, и отдельные лица, но это были люди левого политического направления. Правые в любой ситуации, если бы даже наша встреча хорошо закончилась, не почтили бы нас вниманием и не удостоили своим визитом. Да я в них и не нуждался. Наоборот, это могло бы быть плохо расценено левыми кругами. Люди, посетившие посольство, с пониманием относились к нашей политике и верили, что мы твердо стоим на позиции борьбы за мир, за мирное сосуществование двух систем, за развитие экономических и культурных связей между всеми народами независимо от социально-политического устройства в тех или других странах.

Буржуазная агитационная машина работала во всю мощь, восстанавливая общественное мнение против Советского Союза, обвиняла нас в срыве переговоров, в том, что мы «растоптали

надежды» народов. Пришла пора улетать. В таких случаях задерживаться не рекомендуется. Мы поехали на аэродром в открытой машине. Я демонстративно хотел ехать таким образом и видел, как по-разному люди провожали нас. Конечно, никаких организованных манифестаций, ни дружеских, ни враждебных, не было, но одни группы людей горячо приветствовали нас, другие сжимали кулаки и грозили в нашу сторону. Здесь ничего противоестественного не было. Столкновение двух линий произошло в такое время, когда созрели условия для контактов. Мы уже съехались, чтобы разработать общую позицию, которая обеспечивала бы мир, чего хотели все народы… И вдруг все развалилось из-за ультиматума, который мы выдвинули!

Не каждый правильно понимал справедливость ультиматума. Некоторые подходили к делу с либеральных позиций, считая, что, хотя американцы проявили наглость, нужно было поступиться своими принципами, чтобы не сорвать совещание. Мне такая позиция понятна, но с ней никак нельзя было согласиться. Есть народная поговорка: «Дай коготкам увязнуть, весь влезешь в тину». Если бы мы не проявили мужества и не встали на защиту своей чести тогда, следовательно, согласились бы с США в том, что их самолеты имеют право летать над закрытыми территориями любых государств. Что значит закрытые? Это значит, что государство контролирует свои границы. Мы принимаем гостей добром, но непрошеные гости получают должное.

Прошло много лет, а я и сейчас считаю тот наш резкий отпор правильным. Я просто горд за время, когда мы дали отпор самому мощному государству, которое не считалось с мнением других стран. На этом закончился наш медовый месяц в отношениях с Соединенными Штатами Америки. У меня сложилось впечатление, что Эйзенхауэр лично хотел улучшения наших отношений, понимал вредность политики, проводимой в отношении нас, и желал сближения. Мы со своей стороны всегда этого хотели. С момента создания нашего государства Ленин делал все, что было в его силах, для установления дипломатических отношений со всеми странами. Припоминаю его знаменательное высказывание, что нужно строить нормальные отношения со всеми странами, существующими на планете. Если не признавать наличие капиталистического мира, то нам остается только улететь на Луну. Нужно признавать реальности, устанавливать дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми странами.

После Ленина продолжалась такая же политика, а особенно после смерти Сталина, когда мы получили возможность свободно

выражать свои мнения и устранить препоны, возникшие в результате проявлений сталинского недружелюбия, всего того, что затрудняло и усложняло отношения с капиталистическими странами. Мы постарались убрать барьеры, которые возникли в отношениях с Турцией, Ираном, Афганистаном, хотели улучшить испорченные отношения и со странами крупного капитала. С другой стороны, многолетняя безуспешная борьба против СССР, нагнетание напряженности между странами социализма и капитализма, антисоветская блокада не дали результатов. Нам казалось, что пришло время осознать, что нас сломить силой нельзя. Нет методов, которыми можно задушить такую страну, какой являлся Советский Союз, тем более когда он уже не был единственной социалистической страной. Возникло содружество социалистических стран, мы усилились.

В своих выступлениях на встречах с зарубежными журналистами я потом указывал на неразумность антисоветской политики и напоминал, что Рузвельт, став президентом, положил доброе начало. До того ряд лет США не признавали Советского государства, у нас не имелось дипломатических отношений[701]. А сейчас политика, проводимая США, тоже потерпит крах, как потерпела крах политика непризнания Советского Союза. Журналисты отвечали: «Бывшая Россия тоже 16 лет не признавала США после того, когда они добились независимости в войне с Англией». Я отвечал, что не надо брать дурной пример. Царская Россия не могла сразу реалистически подойти к изменившимся условиям в мире. Республиканское правление было для нее крамолой, поэтому и оттягивалось признание. Неужто теперь США должны столь же неразумно подходить к своей политике в оценке сложившихся новых условий в мире? Это не достигает цели, к тому же вредно для экономики США, которые выиграли бы больше, если бы между нами развивались нормальные экономические, культурные, научные и прочие отношения.

У некоторых возникает вопрос: «Может быть, нам раньше вообще не следовало принимать приглашение Эйзенхауэра?» Нет, это было бы неразумно. Даже при том, что ничего особенного не получилось, мы ничего не потеряли, а, наоборот, приобрели. Американцы лучше узнали Советский Союз. Мы обрели возможность лично встречаться со многими людьми, высказываться через американскую печать. Среди буржуазных журналистов появились люди, которые понимали необходимость улучшения отношений между Советским Союзом и США. Могут сказать, что встречи, церемонии и прочее – бутафория. Но для буржуазного мира даже она имеет значение. Почетный прием нашей делегации означал признание провала политики изоляции,

провала усилий ликвидировать Советский Союз. Наша моральная победа оказалась колоссальной. И мне приятно было слушать, когда Эйзенхауэр во время беседы в Кэмп-Дэвиде иной раз обращался ко мне со словами «Мой друг». Опять скажут: «Это все слова». Верно. А что же вы хотите, чтобы два лица, которые занимают совершенно противоположные полюса, сошлись, и сразу же наши противоречия исчезнут? Это невозможно, такое могут представить себе только фантазеры или люди, которые совершенно не разбираются в вопросах классовой борьбы. Тут длительный процесс, и его не решают за столом при дружеских беседах.

Мы верим, что будущее – за рабочим классом, что идеи марксизма-ленинизма восторжествуют во всем мире. Бороться за это нужно разными средствами, но надо понимать слова Ленина, что революция не экспортируется, что на штыках нести революционные идеи в другие страны нельзя. Это дело рабочего класса каждой страны! Вот что надо признать и соответственно строить свою политику согласно ленинскому принципу мирного сосуществования, которое выражается и во взаимных контактах, и в обмене мнениями. Это полезно для социалистических стран. У капиталистов многому можно поучиться. Многое мы еще делаем хуже, чем они. У них больше и опыта, и знаний. Даже после того, как мы за десятки лет создали свою огромную армию интеллигенции, нам нужно хорошенько присматриваться к тому, что делается в капиталистическом мире, чтобы потом перенести все полезное на социалистическую почву.

Теперь – о другом, как Эйзенхауэр выполнил обещание, данное им американскому народу, заявив, что США и дальше будут продолжать разведывательные полеты над территорией Советского Союза. Он хвастанул, что США имеют право нарушать границы, но на практике сделал правильный вывод: Советский Союз сбил один У-2, может сбить и другой, поэтому лучше его не провоцировать[702]. Затем произошел такой инцидент: американские разведывательные самолеты летали вдоль нашей границы над Северным Ледовитым океаном и вторгались в пределы наших территориальных вод. Наши истребители сбили одного нарушителя, он затонул. Американцы, как всегда в таких случаях, заявили, что летели над нейтральными водами. Они послали туда свою разведку, летали над теми водами, вызывали туда свои корабли, но не смогли доказать, что самолет был сбит над нейтральными водами. А у нас имелись вещественные доказательства: шесть их летчиков погибли, оставшиеся в живых находились в советском плену.

До того момента, когда мы сбили У-2, американские

самолеты из Западной Германии часто нарушали границы Чехословакии и ГДР. Теперь командующий американскими войсками в ФРГ издал приказ не приближаться к границе между ГДР и ФРГ ближе чем на 50 километров. И больше подобных инцидентов не возникало. Тут польза нашего заявления сразу вылилась в то, что противник узнал, через какой рубеж нельзя переступать, потому что это не пройдет безнаказанно. А разве этого мало? Кроме того, мы показали всему миру, что не ломаем шапки даже перед таким мощным государством, как США. А ведь перед американской финансовой мощью западноевропейские державы ползают на брюхе. Мы же гордо поставили себя и сказали: «Нет!» Хотим дружбы, но не потерпим унижений, так как не придерживаемся в политике слов из Евангелия: если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Наоборот, считаем, что если нас ударят, то мы можем и голову оторвать тому, кто позволит себе такое.

Столкновение, которое между нами произошло, оказалось особенно чувствительным после того, как наметилось сближение. Когда Эйзенхауэр пригласил меня посетить США и быть его гостем, у народов появилась какая-то надежда на твердый мир, а у мировой общественности, которая хотела смягчения напряженности и исключения военного конфликта, зарождались иллюзии наступления полного согласия. И вдруг – поворот! Но мы продолжали вести свою генеральную линию мирного сосуществования и по-прежнему строили свои отношения с другими странами таким образом, чтобы добиться в конце концов взаимопонимания и обеспечить мир во всем мире. Хотя получился большой накал страстей, мы все же прилагали усилия в данном направлении. После того как был сбит американский самолет, который разведывал наши радарные установки на берегу Северного Ледовитого океана, у нас опять возник диалог: США вынуждены были обратиться к нам с просьбой вернуть пленных летчиков. Трупы мы вернули сразу, а двух пленных удерживали. Не помню сейчас, какими условиями обговаривался возврат, но договоренности так и не получилось. Пленные летчики остались у нас.

Посещение Организации Объединенных Наций

Летом 1960 г. мы обсуждали в руководстве страны вопрос о подготовке к поездке нашей делегации в Нью-Йорк, на очередную Генеральную Ассамблею ООН[703]. Было принято решение возглавить правительственную делегацию председателю Совмина СССР, хотя обычно такую делегацию возглавляет министр иностранных дел. Стали обдумывать вопросы, заслуживающие внимания, для постановки на ассамблее. Такими вопросами мы хотели приковать к ним внимание всего мира. Они должны были в первую очередь помочь борьбе за мир и освобождению народов, еще находившихся под колониальным гнетом. Я предложил поставить вопрос об установлении определенного срока предоставления независимости всем колониям. Принятие такого решения стимулировало освободительную борьбу, оно было бы освещено международным форумом. ООН могла оказать и моральное давление на правительства, чтобы ускорить предоставление независимости колониям. Мы хотели, чтобы наша политика по-особому оценивалась африканскими и азиатскими народами. Ленинская внешняя политика преследует цель борьбы против угнетателей и эксплуатации человека человеком, за национальное и социальное освобождение, и я считал, что наш призыв найдет большой отклик в душах граждан колоний. Мы, обменявшись мнениями, пришли к заключению, что постановка этого вопроса будет иметь большое политическое значение, а наш авторитет среди народов колоний возрастет.

Данный вопрос надо было всесторонне обдумать, чтобы логично изложить его в докладе, заранее мобилизовать людей, а колонизаторов не только поставить в затруднительное положение, но и вынудить их проголосовать вместе с нами. Мы гадали, какую позицию займут США? У них нет колоний, но своим капиталом они подавляют малоразвитые страны и сводят на положение колониальных. Кроме того, их союзники, страны-колонизаторы Великобритания и Франция, вместе с США покровительствовали Португалии и Испании, тоже имевшим колонии в Африке и Азии. Содержание выступления подготовили тематические институты АН СССР и МИД СССР, но мы не хотели, чтобы оно заранее просочилось в печать, дабы не дать нашим противникам возможность подготовиться и аргументированно выступить против.

Пришло время формировать делегацию, мы составили ее и

объявили, что ее возглавит Хрущев. Вместе с делегацией СССР отправились делегации Украины и Белоруссии. Социалистические страны Восточной Европы тоже наметили во главе своих делегаций председателей Советов Министров или же первых секретарей Центральных Комитетов их партий. Это вызвало громкий отклик в мировой печати. Ряд других стран откликнулся на это известие и тоже объявил, что их делегации будут представленны на какой-то период деятельности ассамблеи главами правительств. Индия заявила, что приедет Неру, Югославия послала Тито, Великобритания – Макмиллана. Многие другие делегации тоже были представлены главами своих правительств.

Сговорившись с руководством большинства социалистических стран – членов Варшавского договора, мы все отправились в Нью-Йорк на советском корабле. В назначенный день на него прибыли другие делегации, за исключением румынской, которая добиралась до Америки самостоятельно. Возник вопрос: не предпримут ли страны НАТО какие-либо диверсионные акты против нашего корабля? Такая возможность была. Водное пространство большое, можно потопить корабль, а потом, когда никого не останется и свидетелей не будет, разбирайся, по каким причинам это случилось… Несчастный случай? Или какая-то плавучая мина, оставшаяся от второй мировой войны? А ведь такие случаи бывали. Но мог же быть и диверсионный акт! Мы все же остановились на корабле. Я вспомнил, что Молотов, выезжая как-то на ассамблею ООН, пользовался английским кораблем. Он улетел в Великобританию, а из Лондона отправился в Нью-Йорк на ее пассажирском лайнере.

Наш корабль «Балтика» был голландского производства, очень удобный, небольшой, но хорошо сделанный. Для пассажиров имелись отличные удобства. Посадка состоялась в Калининграде-областном. Мы распрощались с провожающими, разместились, корабль дал прощальный сигнал, мы тронулись в путь. Наступал вечер, но какое-то светлое время мы еще имели возможность наблюдать за берегами нашей Родины. Чтобы достичь Нью-Йорка, нам требовалось восемь – десять дней. Хватало времени завершить подготовку к докладу и обдумать все вопросы, которые стояли на повестке дня ассамблеи. Условия для работы на корабле были подходящими, весь аппарат, который был нам нужен, постоянно находился с нами. Мы провели совещание, обсудили возникшие вопросы, выявили позицию каждого нашего союзника и решили, что на ассамблее станем выступать единым фронтом социалистических стран.

Балтика встретила нас неприветливо. На рассвете стояли туманы, видимость очень плохая, поэтому мы шли все время с сигнальными гудками. Проходя по балтийскому мелководью, надо строго следовать фарватеру. Чтобы корабль не сбивался с пути, его оборудовали автоматическими сигналами, буи расположены так, что на корабле все время слышен монотонный сигнал и капитан имеет возможность правильно ориентироваться в направлении движения. Потом туман рассеялся, выглянуло солнце. Мы как раз подходили к Дании, были видны ее берега. Проплывая проливами, миновали шведские и норвежские берега. Вышли, наконец, в Северное море. Военные моряки сопровождали нас только до открытого океана. Ла-Маншский пролив мы проходили под прикрытием наших миноносцев, потом, когда вышли в Атлантику, миноносцы прекратили сопровождение и вернулись на Родину, а мы продолжали следовать своим курсом. По пути следования в океане наш гражданский флот заранее поставил ориентиры – корабли по маршруту. Через какое-то время они нам регулярно встречались и в случае несчастья могли оказать нам помощь. Кроме того, мы плыли оживленной трассой, довольно плотно насыщенной морскими транспортными средствами. Так что встреч хватало.

Я впервые за свою жизнь оказался в открытом океане. Воды там видимо-невидимо. Возникает особое чувство, когда первый раз попадаешь в такую стихию. Это чувство нарушалось «спутниками»: еще когда мы подходили к Дании, нас встретили зарубежные самолеты и вертолеты. Они облетали наш корабль, снижаясь до недопустимой высоты и чуть ли не задевая за мачты, фотографировали. Для журналистов Запада наша поездка была сенсацией. Удовлетворяя любопытство своих читателей, они освещали весь путь нашего корабля в Нью-Йорк. Сообщения прессы мы немедленно получали по радио и внимательно следили за тем, как освещается наша поездка. Облет корабля длился до тех пор, пока мы не вышли в открытый океан. А до этого времени над кораблем висели в воздухе частные, коммерческие, маленькие самолеты типа наших По-2. Они очень удобны, маневренны и дают возможность корреспондентам и фоторепортерам снимать корабль с любой точки.

Наконец, стали удаляться и исчезать вдали берега Европы. Последними исчезли из виду берега Великобритании. Видимость была хорошая, несмотря на большое расстояние. На какой-то день следования мы стали ощущать характерное покачивание, сперва легкое, потом посильнее, которое создает неуверенность в походке. Барометром влияния этого волнения на пассажиров был стол: выходя к завтраку, мы кого-то недосчитывались; за обедом,

если качка увеличивалась, не было уже большего числа участников трапезы. Нам тут же сообщали, что такой-то товарищ или даже вся такая-то делегация не сможет прийти к завтраку, к обеду, и их не следует ожидать. Потом дело дошло до того, что вообще единицы приходили к столу. Сначала за обедом звучали морские прибаутки, и некоторые лица, отдавая дань традиции, которая существует на флоте, требовали к обеду чарку. Но постепенно к столу приходило все меньше и меньше людей, даже чарка перестала быть притягательной. Те, кто еще ходил, были серого цвета, общее настроение было довольно грустным, самочувствие – плохим. Нас сопровождал доктор Владимир Григорьевич Беззубик[704], которого я знал много лет и относился к нему с большим уважением и как к врачу, и как к человеку. Он должен был оказывать нам помощь, но когда разыгралась качка и нас стало довольно прилично укачивать, то раньше всех мы лишились именно доктора. Он сам лежал, как говорится, без задних ног. Так все мы узнали, что такое морская болезнь. Однако знали, что пройдет качка, и люди вернутся к норме.

Наша охрана находилась в таком же состоянии и на ногах не держалась. Оказывается, мой организм был более стойким, и я не поддался никакому укачиванию: на всем пути следования, независимо от волнения в океане, на меня оно совершенно не действовало. Я спал нормально и даже лучше, чем на суше, потому что качка способствует крепкому сну. Ходил по палубе на свежем воздухе, чтобы продувало, меня это только укрепляло. Но не помню, чтобы кто-либо из делегатов братских стран во время сильной качки составил мне компанию. Был случай, когда за столом сидели вдвоем я с каким-то партнером. Это служило предметом всяческих шуток, хотя тем, кого укачивало, было не до острот. А в спокойную и солнечную погоду на корабле было приятно. От скуки многие читали книги и журналы, которые захватили с собой, или работали над материалами, готовясь к сессии. Для пассажиров на кораблях существуют игры, о которых я не знал. Они несложны и делают времяпрепровождение довольно приятным. Игры занимали свободное время. Некоторые лица играли, непрерывно специальными ударными палками толкая шайбу, которая, скользя, должна попасть в клетку с цифрой. Тот, кто наберет больше очков, считается победителем. Разметка для этой игры на палубе всегда была занята. Другие лица как зрители наблюдали за игрой и превращались в болельщиков. Так у нас возникло спортивное состязание. Я тоже принимал участие в игре.

И находясь на корабле, мы оставались в курсе политических событий. Это был момент острой борьбы в Конго. Левые силы

возглавлял Лумумба[705]. Мы следили за событиями. Аппарат, сопровождавший нас, был хорошо подготовлен и знал условия, в которых развертывалась борьба в Конго. Поэтому мы постоянно были ориентированы в международных делах, текших своим путем, и тотчас формулировали свою позицию, посылая затем в Москву шифровки для согласования. Так мы принимали участие в выработке мнения СССР по текущим вопросам. Между тем события в Конго протекали бурно. Мы всемерно поддерживали Лумумбу, его партию, всех, кто поднялся на борьбу с бельгийскими колонизаторами. Агентом бельгийских монополий, колонизаторов и организатором реакционных сил был там Чомбе[706]. Прошло много времени, я сейчас не могу держать в памяти все детали дела, но помню, что со своей стороны мы делали все, чтобы поддержать революционные силы в Конго.

Это был одновременно самый напряженный период в отношениях между СССР и США, вызванный провалом четырехсторонней встречи в Париже в результате инцидента, умышленно подстроенного разведкой США, когда состоялся полет разведывательного самолета У-2. В печати шла крепкая перепалка… И вдруг мы объявляем, что советскую делегацию в Нью-Йорк возглавит Хрущев. Этим, как говорится, мы подлили масла в огонь. Печать США реагировала очень бурно. Раздавались голоса, исходящие из позиции здравого смысла: они хотели приглушить антисоветчину. Но таких было мало. Большинство посылало всевозможные проклятия в адрес политики Советского Союза. Много говорилось о том, как нужно «встретить» Хрущева: призывали организовывать демонстрации протеста и т. п. Правительство (или губернатор Рокфеллер) издало распоряжение, что делегация СССР может находиться только в том районе Нью-Йорка, где расположена Организация Объединенных Наций, а за пределы его границы наша делегация не имеет права выезжать. Таковы ограничения.

Но это нас не сдерживало. Наоборот, я считал, что империализм США уже не всесилен и не может подчинять международную политику своим капризам. Приняв решение ехать в США, мы использовали международное право, игнорируя все угрозы и антисоветскую свистопляску. Имели место и прямые провокации. На каком-то расстоянии от Америки, кажется утром, мне доложили, что справа по курсу нашего корабля всплыла чья-то подводная лодка. Я вышел на палубу. Расстояние было небольшим, и без бинокля было хорошо видно огромное стальное тело, омываемое волнами. Сомнений не было, эта подводная лодка принадлежит США. Мы спокойно следовали своим курсом, не обращая на нее внимания. Но с какой целью она всплыла? Это

была военная демонстрация со стороны агрессивных сил, хотевших устроить какой-то «холодный душ» для делегаций социалистических стран, попугать нас. Некоторое время подлодка плыла параллельно, потом погрузилась. Этим дело и кончилось. Вплоть до самого прибытия в Нью-Йорк больше никаких проявлений враждебности в океане мы не замечали.

Регулярно получая на борту обзоры печати США, мы знали, что нам готовятся какие-то, как у нас выражаются, «кошачьи концерты». Антисоветские силы готовили демонстрацию, когда мы будем подходить к причалам Нью-Йорка. Действительно, возле причала, который мы арендовали, нас встретил такой демонстрацией корабль средних размеров. На нем было множество ряженых людей, в разных цветных костюмах, с плакатами и лозунгами. Они что-то выкрикивали в репродукторы. Мне переводили: то были возгласы оскорбительного характера. Эти люди хотели унизить нашу страну и ее представителей, но кричали на довольно приличном от нас расстоянии, а между нашим кораблем и демонстрантами держались в промежутке катера, принадлежащие американской полиции. Они следили за тем, чтобы демонстрация проходила на расстоянии видимости, но чтобы не причинила никаких неприятностей нашему кораблю. Слышны были голоса, видны лица, да и только. Мы все высыпали на палубу, смотрели на чучела и смеялись. Для нас это было чем-то вроде шутовского карнавала.

На пирсе собралось много журналистов, среди них находились представители Советского Союза в ООН и посол СССР в США Меньшиков. Причаливая, мы увидели неприглядную картину: пирс был старый, полуразрушенный. Начали спускаться по сходням, вблизи все выглядело еще более затрапезно. Думаю, что некоторые американцы иронизировали по поводу того, что русские заарендовали такой заброшенный причал. Однако виноватого искать было нечего, это я был виноват. Когда во время предварительных переговоров нам сообщили, сколько будут стоить причал и стоянка нашего корабля, я поскупился, ибо приличная стоянка стоила очень дорого. И я предложил: «На кой черт нам тратить деньги, какое это имеет значение, где мы причалим? Лишь бы причалить. Дайте указание нашим людям, чтобы они поторговались и арендовали бы место подешевле». Ну, вот, это и было дешевое место.

Сошли мы. Не видно никаких демонстраций. Вероятно, полиция никого не допустила туда, кроме журналистов, аккредитованных при ООН, и наших людей. Мы сразу же направились в помещение, которое являлось нашей собственностью в Нью-Йорке. Там жили большинство советских

сотрудников и представитель СССР в ООН. Разместились хорошо, в квартире без всякой роскоши, даже очень скромной, но удобной. Больше нам ничего и не требовалось. Эта квартира находится в центре города, в окружении массы других домов. Куда ни глянешь – стекла и бетон, небо светится в щелях между зданиями. Вот обычный пейзаж Нью-Йорка. Описание было бы неполным, если не сказать об автомашинах: шум, воздух испорчен выхлопными газами от непрерывно снующего огромного количества машин.

В связи с тем, что атмосфера вокруг нашей делегации и моей персоны была очень накалена и этот накал все время дополнительно нагнетался прессой, правительство США решило создать условия, ограничивающие возможность действий агрессивного характера. Полицейских было много, и они работали посменно круглые сутки, все на мотоциклах, поэтому при смене полицейских отрядов ночью или под утро, когда одна смена уходила, а другая прибывала, можете себе представить, то там творилось: сплошная артиллерийская канонада[707]. Цилиндры у дежурных мотоциклов были охлаждены, и, когда их заводили, начинались выстрелы с выхлопами, как будто рвутся снаряды, и все у меня прямо под окном. Тут, как бы ни хотелось уснуть и каким бы уставшим ни был, спать невозможно. Я просыпался и валялся на кровати в ожидании, пока вернется сон. Но абсолютно спокойного времени ни разу не было, потому что одни связные уезжали, другие приезжали, все время стоял треск. Кроме того, на улицах шумели машины. Не помню, на каком этаже мы жили, но слышимость была большая. Только находясь там, я понял, каково приходится людям, живущим на нижних этажах небоскребов. Это особенность Нью-Йорка, города-колосса. Но, повторяю, само жилище наше было хорошим.

Далеко не все наши сотрудники могли так разместиться. В доме нашего представителя при ООН лишних комнат не имелось, но все главные лица – члены делегации разместились там, в советском собственном здании. Представители Украины и Белоруссии находились в другом здании, на приличном расстоянии от нас. Я потом ездил к ним посмотреть: этот дом был арендован на время приезда, видимо, какая-то гостиница. Во время этой моей поездки Нью-Йорк своим величием каменных груд особого впечатления на меня все же не произвел. Ранее, будучи гостем президента США, я уже посещал Нью-Йорк, был и в ООН и помнил процедуру приема особо важных гостей. Тогда меня ввели в зал заседаний, предоставив мне кресло перед президиумом, поближе к ораторской трибуне и лицом к аудитории. Я был знаком и с этим помещением. На каждое

заседание сессии ООН выбирается ее председатель, а рядом с ним всегда сидит генеральный секретарь ООН. Когда я ранее посещал ООН, им был швед Хаммаршельд[708]. Он всегда присутствовал в зале в сопровождении ряда служебных лиц. Так что я заранее знал, в какой зал еду.

Как только мы прибыли, началась закулисная деятельность по формированию органов сессии: выборы председательствующего на заседании, членов комиссий и подкомиссий. Они, согласно официальному положению, создаются временно, только на время проведения сессии. Сейчас не помню, какую кандидатуру мы выдвигали председателем, кажется, кого-то из Польши. Конечно, никаких надежд на его избрание мы не испытывали и делали это в порядке противопоставления, моральное право на что имели, но знали, что США со своими союзниками его кандидатуру не пропустят. Мы-то при голосовании всегда имели меньшинство. Запад выдвинул представителя Ирландии[709], и мы, конечно, выступили против, хотя и не знали данного человека. Потом меня проинформировали, что он работал преподавателем какого-то высшего учебного заведения. Эта кандидатура от Ирландии и получила абсолютное большинство голосов, преподаватель занял свое место. Но в комиссиях были представлены все страны, в том числе социалистические. Видимо, заранее согласовывалось количество мест для социалистических стран, капиталистических западных держав и вновь возникших, получивших независимость государств.

В самом центре зала размещалась делегация США, наша – справа от председателя, почти под трибунами журналистов и гостей. Трибуны расположены высоко, поэтому разобрать лица присутствующих невозможно. Впереди перед нами сидела испанская делегация. Ее глава – немолодой худой седой человек с приличной лысиной и сморщенным лицом, не плоским, а вытянутым вперед. Если бы у нас с Испанией были нормальные отношения, я бы сказал: «Ничего, вполне приличный человек». Но у нас тогда отношения были хуже некуда, натянутые, даже враждебные, поэтому сей человек действовал на меня отталкивающе. Перед самым отъездом я виделся с Долорес Ибаррури[710]. Я к ней относился с большим уважением и сохраняю это уважение сейчас. Она обратилась ко мне с просьбой: «Товарищ Хрущев, хорошо, если бы вы в речи или реплике, выбрав момент, заклеймили позором режим Франко в Испании». И я потом постоянно думал, как бы выступить, чтобы это не выглядело грубостью? Грубость-то будет неизбежной, но допустимой для парламентарных порядков.

Однако выпад я должен был сделать не против делегации Испании, а против ее политического режима, в пользу трудового народа Испании. И когда я сидел и клевал носом в лысину представителя Испанского государства, то вспоминал Долорес и ее задание. Что касается делегации США, то хорошо запомнил, что в ее составе были негры и среди них женщина, солидная и красивая негритянка. Тут, конечно, состоялась как бы демонстрация того, что в США все люди пользуются равными правами.

На официальное заседание я попал впервые. Я, человек старой, дореволюционной формации, читал в свое время отчеты о заседаниях Государственной думы и о том, как бурно они проходили, вплоть до удаления делегатов из зала. Чаще других удаляли с заседания членов фракции большевиков, наказывая их порою даже исключением из нескольких заседаний. Теперь я впервые попал в место заседания представителей различных классов и от государств с разным социально-политическим строем, следовательно, и с различными пристрастиями. Их представители стояли на неодинаковых классовых позициях, поэтому обострение обстановки было доведено до предела. Каждая делегация вела себя в отношении ораторов и содержания их речей по-своему, реагируя всеми доступными средствами, которыми могла пользоваться.

Обсуждались все вопросы очень бурно. Представители тех или других государств поддерживали те предложения, которые им импонировали. Если это был представитель социалистической страны, то мы, конечно, стояли за него и вообще поддерживали все предложения, выгодные социалистическим или неприсоединившимся странам. То были не просто выступления, а сплошной азарт, ажиотаж с большим накалом страстей. Представители буржуазных стран шумели, стучали о свои пюпитры, подавали реплики, устраивали обструкцию ораторам в том месте их речей, которое считали неприемлемым. Мы стали платить им той же монетой. Я впервые в жизни побывал на таком заседании, но быстро перенял форму протеста и стал участвовать в этом, поднимая шум, стуча ногами и пр.

Очередь слушания нашего вопроса была не близкой, и мы пока участвовали в обсуждении других вопросов, брали слово для реплик, для выступлений. От Советского Союза выступал я. Возникало много интересных ситуаций. При обсуждении какого-то вопроса выступил представитель Филиппин. Мне показалось, что он молод, но европейцам очень трудно разобраться в возрасте представителей Азии. Я, например, попадал иной раз в затруднение, встречаясь с китайцами. Мне казалось, что

собеседник очень молод, а потом оказывалось, что он человек, уже поживший на свете. Филиппинец выступал с речью, направленной в поддержку политики США, выставляя себя эдаким прихвостнем американского империализма. Я резко выступил против него с позиции социалистических стран. Не помню аргументации, которой я пользовался, но помню, что употребил выражение: «Мы еще вам покажем кузькину мать!» Имелся в виду «показ кузькиной матери» в вопросах экономики, культуры, демократического и социально-политического развития наших стран[711]. Тот опешил. А спустя какое-то время снова взял слово: «Выступая здесь, господин Хрущев употребил выражение, которое мне перевели. Я перелистал много словарей, но так и не смог разобраться, что это значит, какое значение имеет его выражение?» Наша делегация засмеялась. Он не первый не сумел перевести эту фразу. Когда-то американцы тоже задавали мне вопрос: «Что это такое?» И переводили буквально: «Мать Кузьмы».

Возникали и комедийные ситуации. Мы занимали твердую позицию и когда хотели выразить протест, то действовали так, как считали нужным, с тем чтобы это производило впечатление. Спокойно высказывали свою точку зрения, подчеркивали нашу политическую независимость в том смысле, что у нас нет никакого даже намека на преклонение или боязнь в отношении США. Они-то давили на малые страны, просто властвовали над ними, держа их за горло кредитами и вооруженным вмешательством в их дела. В перерыве в кулуарах зала ко мне подошел тот самый филиппинец, подал руку и сказал: «Вы меня не так поняли, я не хотел причинить какого-то ущерба Советскому Союзу». Ну и ладно! А при обсуждении тех или иных вопросов для выступающих действует особый порядок. Ораторы записываются, очередь может быть очень длинной, пока подойдет твой черед, страсти остынут. На реплики давали две-три минуты сейчас же: как только оратор заканчивал выступление, объявляли: «Слово имеет такой-то делегат в порядке реплики». Эту удобную форму мы и использовали, потому что сразу получали возможность остро реагировать на вопросы, которые ставили наши противники.

Обсуждался вопрос о колониях. Я взял слово для реплики и решил ее использовать как раз с тем, чтобы выполнить поручение товарища Ибаррури. Очень остро выступил против режима Франко[712], не называя его фамилии, но охарактеризовал этот режим реакционным и кровавым. Употребил и прочие выражения, которыми мы пользовались в печати и в своих выступлениях. Получилось очень резко. Сейчас же выступил с репликой представитель Испании, тот, который сидел у меня под носом. И

после его выступления наша делегация и делегации других социалистических стран зашумели и застучали, хотя некоторые улыбались. Видимо, они не принимали всерьез такой непарламентский метод дискуссии. Вспомнив о заседаниях Государственной думы в России, я решил поддать жару, снял башмак и начал стучать по пюпитру, да так, чтобы погромче. Это вызвало бурную реакцию у журналистов и фотографов.

(Н.С. Хрущев немного перепутал: стуком башмака по пюпитру он реагировал на выступление представителя Филиппин, о котором он говорил выше. В случае же с испанцем он ограничился кулаками, которыми барабанил по пюпитру. Это эпизод, в отличие от «ботиночного», запечатлели кинокамеры. В памяти Н.С. Хрущева эти два эпизода слились в один.

«Разъяренный Хрущев, молотящий башмаком что есть силы по трибуне ООН и орущий: “Мы вас похороним!” – стал расхожим образом американской пропаганды, а ныне и российской. Ранее же этот досадный, но мелкий эпизод в нашей стране практически забыли. Потому и возникает путаница, реальные свидетели силятся вспомнить реальное происшествие, а память им услужливо подсовывает не виденное, а слышанное от других много позже. Не только отец, но и более молодые участники того заседания в ООН не столько вспоминают, сколько придумывают прошлое. Зять Хрущева Алексей Аджубей пишет, что сыр-бор разгорелся вокруг Венгрии и почему-то Алжира, в американской солидной, без кавычек, газете “Нью-Йорк таймс” утверждали, что Хрущев пришел на заседание с портфелем, полным ботинок, и вытаскивал их по мере надобности, а всех превзошел интернет со своим, не очень качественным, монтажом: Хрущев на трибуне с ботинком в поднятой руке. И никого не беспокоит предательски размытая полоска между рукой и ботинком, свидетельствующая, что исходно имелись: Хрущев отдельно и ботинок – отдельно и только какой-то манипулятор кустарно соединил их. В 2000-е годы американские тележурналисты, с моим участием, решили разобраться, где тут правда и где вымысел? Поисками свидетельств ставшего знаменитым инцидента с полуботинком занимались несколько крупных западных телекомпаний, в том числе: Эн-Би-Си и “Исторический канал”. Начинали с оптимизмом, всем казалось, что они “это” видели, а вот что получилось:

“На самом деле ботинка Хрущева, точнее летней сандалии (отец покидал октябрьскую Москву в осенней обуви, а попав в по-летнему жаркий Нью-Йорк, сменил черные теплые туфли на коричневые летние), удостоился не испанец, а делегат Филиппин. Так что и Долорес Ибаррури, Венгрия тут не очень при чем. Я не

присутствовал на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, оставался в Москве. Так что собирать информацию пришлось по крупицам и спустя много лет после происшествия. Большинство “свидетелей”, описывавших и описывающих этот эпизод, там тоже не присутствовали. Все произошло во время рутинного заседания; журналисты коротали время в баре, телевидение не снимало. Пока до прессы дошло, что в зале заседаний происходит что-то интересное, пока журналисты добежали туда, все закончилось, единственным материальным свидетельством происшедшего стала фотография агентства “Ассошиэйтед Пресс”. На ней запечатлен спокойно сидящий на своем месте отец; вот только на пюпитре, как раз перед табличкой “Советский Союз”, лежит наделавшая столько шума коричневая сандалия. Мне стоило больших трудов разыскать и приобрести эту уникальную фотографию. Другие появлявшиеся время от времени изображения отца с ботинком в руке оказывались фотомонтажами, обычно невысокого качества. Из многочисленных “свидетельств” нам удалось отобрать только два-три достоверных. Первое: рассказ генерала Николая Захарова, в то время начальника Девятого управления КГБ, обеспечивавшего охрану первых лиц государства. По долгу службы он находился при отце неотлучно, и память у него профессионально натренирована. Вот что он вспомнил: “12 октября состоялось самое бурное заседание Генеральной Ассамблеи ООН, когда обсуждался вопрос, внесенный советской делегацией, о ликвидации колониальной системы. Первым выступил Н.С. Хрущев. После его речи на трибуну поднялся филиппинец, который, помимо прочего, заявил, что советское государство представляет собой “концлагерь”. Слушая синхронный перевод, Хрущев взорвался. Мало того что это было оскорбительно – это было несправедливо! После смерти Сталина, расстрела Берии тысячи невинных были реабилитированы и выпущены из лагерей и тюрем. Заслуга Хрущева в этом была неоспорима.

Сидя сзади, я видел, как Хрущев, посоветовавшись с Громыко, решил просить у председательствующего, представителя Ирландии Болдуэна (его имя – Фредерик Генри Боланд, 1904–1985, ирландский дипломат, Председатель Генеральной Ассамблеи ООН в 1960–1963 годах) дать ему слово по порядку ведения, что было предусмотрено процедурой. Никита Сергеевич поднял руку, но Болдуэн то ли впрямь не видел, то ли сделал вид, что не видит поднятой руки. Хрущев встал и снова поднял руку. Не увидеть стоящего с поднятой рукой Никиту Сергеевича было просто нельзя. Но оратор выступал, а глава советской делегации

продолжал стоять с поднятой рукой. Казалось, что председательствующий просто игнорирует его. Тогда Хрущев снял с ноги легкий полуботинок и начал размеренно, словно маятник метронома, стучать по столу. Только после этого Болдуэн предоставил слово советской делегации. Никита Сергеевич, подойдя к трибуне, перед носом филиппинца сделал взмах рукой – отойди.

Взбудораженный Хрущев начал свою речь неплохо. “Во-первых, – сказал он, – я протестую против поведения председателя сессии, против его неравноправного отношения к выступающим ораторам. Председатель сессии злоупотребляет своим правом, защищая интересы империалистов. Почему он не остановил филиппинца, когда этот империалистический холуй поносит Советский Союз и страны социалистического лагеря?”

В этот момент синхронный перевод сбился, так как переводчики судорожно искали аналоги русскому слову “холуй”.

А Хрущев уже продолжал: “Мы здесь собрались не для того, чтобы наводить ложь и клевету друг на друга, а чтобы по дружески обсудить вопросы разоружения и ликвидации колониализма. Вот я сижу в зале и вижу испанцев. Как только какой-нибудь колонизатор поддерживает политику колониализма, они аплодируют. Почему? Потому, что это колонизаторы. Где палач испанского народа является колонизатором и угнетателем, там порабощенный народ. Есть поговорка: “Ворон ворону глаз не выклюет”. И колонизатор колонизатора поддерживает. Но нам надо взять заступ, вырыть глубокую могилу, поглубже закопать колониализм и забить осиновый кол, чтобы это зло никогда не возродилось”. После этой гневной тирады испанская делегация вдруг вскочила и, потрясая кулаками, стала угрожать обидчику. Неожиданно меня пронзила мысль: “Испанцы народ горячий, а вдруг они вооружены холодным оружием?” А Хрущеву еще предстояло пройти мимо их делегации, чтобы занять свое место. Я немедленно вскочил и чуть ли не бегом спустился к трибуне, сел и стал ждать, пока Никита Сергеевич закончит говорить.

Сойдя с трибуны, Хрущев пошел на свое место. Я прикрывал его от испанцев, и, как мне кажется, не зря. Только мы с ним приблизились к франкистам, горячие южане вновь вскочили, а глава испанской делегации, не имея возможности дотянуться до Хрущева, набросился на меня. К счастью, без потерь мы заняли свои места”» (*Захаров Н.* Как Хрущев Америку покорял // Аргументы и факты. 2000. № 52).

Вот этот последний эпизод: возвращение на свое место, стычка с главой испанской делегации – и засел в голове отца,

полностью вытеснив все остальное.

И «здоровенный верзила» – это не американский полицейский, а генерал Захаров, у него рост под два метра.

Но даже после публикации Захарова я продолжал недоумевать: почему ботинок? Ведь и до, и после этого отец бурно выражал свои чувства. Телевизионные камеры зафиксировали, как он демонстративно и одновременно истово колотит кулаками по пюпитру, а рядом с ним в таком же запале Громыко и остальные члены советской делегации стараются перещеголять друг друга.

А тут вдруг ботинок?! Нашелся ответ и на этот вопрос, и пришел он тоже от свидетеля, по долгу службы находившегося в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Одна из женщин, обслуживавших в тот день зал заседаний (она помогала делегатам отыскивать свои места, при необходимости вызывала их к телефону, передавала записки председателю), рассказала следующее: «Хрущев появился в зале позже других. Он подходил к руководителям делегаций социалистических стран и обменивался с ними рукопожатиями. За ним, отталкивая друг друга, бежали журналисты. Со всех сторон к нему тянули микрофоны. Вспыхивали блицы, щелкали затворы камер. Когда Хрущеву до своего места оставалось сделать буквально шаг, кто-то из ретивых корреспондентов случайно наступил ему на пятку, башмак слетел. Я быстро подобрала башмак, завернула в салфетку и, когда Хрущев сел на свое место, незаметно подала ему сверток под стол. Как видите, между сиденьем и столом совсем небольшое пространство. И наклониться к полу, чтобы надеть или снять обувь, плотный Хрущев не мог: мешал живот. Так он и сидел до поры до времени, вертя под столом свой башмак. Ну а когда его возмутило выступление другого делегата, он в запальчивости стал колотить предметом, который случайно оказался у него в руках. Если бы он тогда держал зонтик или трость, то принялся бы стучать зонтиком или тростью» (*Зенькович Н.А.* Тайны ушедшего века: Власть. Распри. Подоплека. М.: Олма-пресс, 2000. С. 284).

Тут Боланд «заметил» призывы Хрущева, дал понять, что предоставит ему слово для ответа. Удовлетворенный Хрущев положил туфлю на пюпитр и только тогда в зал вбежали журналисты. Поэтому никаких телевизионных съемок и просто фотографий этой истории в архивах не оказалось. Выступать Хрущев пошел так, как сидел, в одной туфле. Вот и прояснилось, откуда взялся ботинок. Отец вряд ли попытался снять его с ноги во время заседания в полемическом задоре. Даже в комфортных условиях, дома, чтобы не нагибаться при обувании, он

пользовался обувной ложкой, привинченной шурупами к специальной палке, никогда не носил туфли на шнурках.

Так что во всем виноваты журналисты, и если бы они не успокоились слишком рано, не разбежались по буфетам, то смогли бы во всех подробностях зафиксировать эпизод, ставший волей судеб сенсацией века. Правда, один журналист (имя его Джеймс Ферон, он работал тогда на «Нью-Йорк таймс») в зале все-таки присутствовал. Он утверждает, что в тот момент никто вообще ни по чему не стучал.

Приведу его слова полностью: «Я самолично видел Хрущева в тот момент, он не стучал своим ботинком. Он вообще им не стучал. Он сидел на своем месте в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Они в тот день все стучали кулаками по пюпитрам: коммунисты и представители стран третьего мира, потому что выступавший филиппинец в их глазах вел себя как американский лакей. Хрущев наклонился, снял с ноги летний фестончатый полуботинок, поднял его над головой и стал им ритмично покачивать, затем положил его на пюпитр перед собой. Известна единственная фотография, на ней Хрущев сидит на своем месте, а полуботинок лежит перед ним на пюпитре. Нет фотографий, на которых бы он стучал им по пюпитру, потому что этого просто не было.

Вопрос: откуда же взялась легенда, что он стучал по пюпитру?

Ответ: так описало происшествие Ассошиэйтед Пресс и эту информацию напечатала “Нью-Йорк таймс”» (Интервью журналиста «Нью-Йорк таймс» Доры Грин с Джеймсом Фероном // The New York Times Sunday, Late Edition Final, 5 октября 1997, Westchester Weekly desk, Section 13 WC, p. 3, Column 1. Копирайт Нью-Йорк таймс. 1997).

Вот, собственно, что удалось разыскать.

В интервью Джеймса Ферона тоже просматриваются неувязки: кулаками стучали и отец, и другие, но позже, возможно, даже и не в тот день. Такие кадры существуют, их часто показывают по телевизору. Далее мистер Ферон утверждает, что отец снял свой полуботинок.

Это естественное предположение, где же полуботинку находиться, как не на ноге. Предыдущего эпизода с потерей отцом полуботинка и его водворением на пюпитр Ферон не видел.

И последний, сакраментальный вопрос: стучал все же отец или не стучал?

Мистер Ферон утверждает, что нет. Это соответствует логике событий: поднятая отцом рука, председательствующий намеренно

ее не замечает, отец хватает первый попавшийся под руку предмет (им оказывается полуботинок) и начинает им размахивать. Но генерал Захаров говорит: «Стучал, но не в запале, а размеренно».

Осенью 2005 года российский телевизионный канал НТВ затеял свое расследование «ботиночного» инцидента. Они пригласили меня поучаствовать в распутывании этого дела. Мы встретились в Нью-Йорке в здании ООН. Там меня представили некоему Жану Газаряну, хорошо говорившему по-русски армянину французского происхождения, с 1946 года он работал заведующим канцелярией в зале заседаний ООН. Что входило в его обязанности, мы не расспрашивали, важно другое – все эти годы он находился в зале, в том числе и в интересующий нас день октября 1960 года. Его рабочий стол светлого дерева, немного похожий на обеденный персон на десять, располагался и располагается, если смотреть из зала, справа от трибуны, внизу, на уровне пола. Несмотря на возраст, Газарян оказался человеком бодрым, энергичным и с отличной памятью. По его мнению, наиболее соответствовал реальности рассказ служащей ООН. Никита Сергеевич (он называл отца по имени и отчеству), стараясь привлечь к себе внимание председателя, сначала поднял одну руку, затем обе, когда это не помогло, схватил ботинок и начал им размахивать, а потом постучал по крышке пюпитра, как обычно в таких случаях стучат костяшками пальцев. Вот и вся история.

Газарян уточнил еще кое-какие детали: филиппинец назвал «концлагерем» не Советский Союз, а восточноевропейские государства – союзников СССР. Первым отреагировал не отец, а министр иностранных дел Румынии. Он, не обращая внимания на председателя, буквально вскочил на трибуну, оттеснил оратора и гневно парировал, что сегодня обсуждается будущее колоний, а он, представитель Филиппин, оскорбил государства, ставшие членами ООН, когда его островная Филиппинская республика еще жила под протекторатом США. Боланду с трудом удалось утихомирить румына, поэтому когда отец стал демонстрировать желание занять трибуну и в свою очередь высказать, что он думает по этому поводу, председатель решил его не замечать.

Имела продолжение и история с «холуём» американского империализма (так отец обозвал филиппинского представителя). Тот запротестовал – это слово «непарламентское» и его нельзя вносить в документы ООН. Они заспорили с Хрущевым, последний попросту задавил филиппинца, и тот согласился заменить «холуя» на «лакея американского империализма». После этого удовлетворенный отец возвратился на место.

«В другой раз, – рассказывал Газарян, – с трибуны согнали уже Хрущева. Что-то в его выступлении не понравилось Макмиллану, тот произнес магическое: “В порядке ведения”, председательствующий прервал Хрущева и предоставил слово британскому премьеру. Никита Сергеевич безропотно подчинился, по мальчишески легко сбежал по ступенькам, однако на свое место не пошел, а демонстративно, но без вызова, уселся рядом со мной спиной к трибуне, которой завладел Макмиллан. Тут Хрущев обнаружил, что я понимаю по-русски, приятно удивился, мы немного поговорили, а когда Макмиллан закончил свои возражения, Хрущев вернулся на трибуну и продолжил выступление с того места, где его прервали. После этого он облюбовал мой стол и подсаживался ко мне каждый раз, когда его прерывали словами “Point of order”», – закончил рассказ Газарян.

Вот, собственно, и все. По крайней мере на сегодняшний день.

В заключение повторю слова, которые я поставил в начало: этот, в общем-то незначительный, инцидент сослужил хорошую службу нашим противникам по холодной войне. Пропагандисты объединили ботинок с предложением отца филиппинцу взять заступ и вместе навечно похоронить колониализм. В переложении знавших свое дело «специалистов» получилась хорошо запоминающаяся страшилка: разъяренный Хрущев молотит ботинком по трибуне Генеральной Ассамблеи ООН и в исступлении орет: «Мы вас похороним!»

Теперь для многих, особенно для американцев, Хрущев – тот, кто стучал ботинком в ООН. Странны превратности судьбы. Бессмысленно сегодня, по прошествии стольких лет, оправдывать, осуждать или даже объяснять. Что произошло, то произошло. Приятное и неприятное приходится принимать таким, как оно есть.

По окончании заседания члены советской делегации наперебой поздравляли отца.

Отец вспоминал на пенсии, что единственным человеком, неодобрительно отозвавшимся о его по ступке в те дни, оказался премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Он считал, что не следовало так поступать, американцы обязательно этим воспользуются. И воспользовались, более чем успешно (*Хрущев С.Н.* Рождение сверхдержавы. М.: Время, 2010. С. 323–334).

Наши приятели после этого много шутили. Неру[713], встретившись со мной, заметил, что, может быть, и не следовало так поступать. Я-то понимал Неру. Он проводил политику нейтралитета, поэтому занимал промежуточную позицию между

капиталистическими и социалистическими странами и хотел играть какую-то роль связующего моста, но с преобладанием личной симпатии к нашей политике по вопросам обеспечения мира во всем мире, за мирное сосуществование.

Испанец, вернувшись, занял свое место. Проявлялось столь бурное выражение эмоций, особенно при репликах, что, даже когда он садился, мы перебросились колкостями. Хотя мы и не понимали друг друга, но мимикой выражали свое недовольство. Вдруг к нам подошел полицейский, который обслуживал заседание ООН. Эта полиция подчинена генеральному секретарю ООН. Здоровый такой верзила и, конечно, американец; подошел и встал, как истукан, между нами на случай, если дело дойдет до рукопашной. Происходили случаи, когда делегаты, схватываясь, применяли рукоприкладство.

Не помню, на какой день нашего пребывания в США мы узнали, что приехала делегация Кубы, возглавляемая Фиделем Кастро[714]. Американцы отнеслись к этой делегации оскорбительно. А сделано это было так, как умеют делать в Америке. Кубинскую делегацию выселили из гостиницы. Выселил, конечно, якобы ее владелец. Вроде бы дело частное. Так что правительство не несет никакой ответственности, не вмешивается. Мне передали, что Кастро мечет гром и молнии, угрожая: если не найдет пристанище для своей делегации, то, как бывший партизан, разобьет палатку на площади ООН и будет там жить. Потом владелец какой-то гостиницы в Гарлеме[715] разместил делегацию Кубы у себя. Узнав о таком свинстве, проявленном в отношении кубинской делегации, мы возмутились. Посоветовавшись с членами нашей делегации, я предложил поехать в новую гостиницу с визитом, пожать руку Фиделю, выразить ему свое уважение и сочувствие, нет, не сочувствие, а возмущение. Он человек волевой и вряд ли нуждался в сочувствии, а понимал, что это является ответом американской реакции на политику, которую проводит кубинское революционное правительство. Это он воспринимал гордо, поэтому для него это было не унижением, а результатом его борьбы против дискриминации его страны. Я попросил нашего представителя связаться с Кастро по телефону и передать ему, что Хрущев хочет немедленно нанести ему визит. Так практиковалось, многие делегации приезжали друг к другу с визитами. Мне сказали, что Фидель благодарит за внимание, но хочет приехать сам. Он, видимо, считал, что Советский Союз – великая страна, а Куба – молодое революционное государство, поэтому он должен приехать первым, а уж потом с ответным визитом может приехать и представитель СССР. Тогда я попросил

передать, что Хрущев уже выезжает, ибо считал, что именно мы первыми должны нанести визит. Это подчеркивало нашу солидарность с Кубой и возмущение дискриминацией, которая применялась к Кубе. И второе: кубинская делегация расположилась в негритянском Гарлеме, владельцем гостиницы тоже был негр. Тот факт, что кубинцы живут в Гарлеме, импонировал неграм, а прибытие Хрущева в район, населенный неграми, для нанесения визита делегации Кубы вообще носило демонстративный характер.

Я сообщил своей охране, что выезжаем. Охрана сейчас же обратилась к начальнику отряда полиции, который был к нам приставлен. Нас сопровождали полицейские мотоциклисты с необычайной трескотней. Их было довольно много. Наши товарищи передали мне, что начальник охраны, которого я знал лично (он охранял меня, еще когда я был гостем президента Эйзенхауэра), просит меня туда не ездить, потому что в таком районе могут быть неприятности, и всячески отговаривает. Это еще больше убедило меня в необходимости поехать, иначе журналисты сразу же раззвонили бы на всю Америку, что Хрущев побоялся негров или того, что там будет демонстрация, а может быть, нанесут ему какое-то физическое оскорбление. Официально я имел право туда ехать, так как район находился в пределах нашего свободного передвижения, и я попросил передать начальнику группы полицейских, что использую свое право и поеду, а он, если не хочет, может не ехать. Конечно, он поехал. Сразу же мне подали машину, и мы отправились к гостинице, в которой располагался Кастро. Народу там собралась масса, прежде всего журналистов. Уж и не знаю, какими способами они обо всем всегда узнавали, но скрыться от них никуда было нельзя. Они дежурили около нашей резиденции и следили за полицейскими. И когда я приехал в Гарлем, там все было забито машинами. А раз приехало столько фоторепортеров, кинооператоров и журналистов, то и иной народ потянулся туда же, собралось огромное количество негритянского населения. Не буду здесь говорить о внешнем виде этой части Нью-Йорка, он достаточно хорошо описан, и люди, которые интересовались Америкой, имеют о том представление. Когда мы подъехали к гостинице, у подъезда нас ожидал Кастро с товарищами. Я впервые увидел его лично, и он произвел на меня сильное впечатление: человек большого роста с черной бородой, приятное строгое лицо, в котором светилась какая-то доброта. Она просто искрилась на его лице и в глазах. Мы заключили друг друга в объятия (заключили – условное понятие, принимая во внимание мой рост и рост Кастро). Он нагнулся надо мной, как бы прикрыв

меня своим телом. Хотя мой объем в ширину несколько больше, все поглощал его рост. К тому же он человек, плотный для своего возраста. Затем мы сразу же поднялись к нему в номер. Войдя в гостиницу, я тотчас почувствовал, что там, кроме негров, никто не живет. Бедное старое здание, воздух спертый, тяжелый. Видимо, мебель и постельные принадлежности проветриваются недостаточно, может быть, они не первой или даже не второй свежести… Мы зашли в его номер и перебросились несколькими фразами. Он выразил удовольствие моим посещением, а я высказал слова солидарности и одобрения его политики. Наша встреча была краткой, на этом, собственно, она и закончилась, и я вернулся в свою резиденцию. Можете себе представить, какой поднялся шум в американской печати! И не только в американской: это нашло широкий отклик во всем мире. Отмечались грубость и дискриминация, которые были допущены в отношении кубинской делегации, а также демонстративное посещение Кастро делегацией Советского Союза. И, конечно, наши братские объятия.

На следующий день мы прибыли в ООН еще до открытия заседания. Потом приехала кубинская делегация. От нас она располагалась довольно далеко. Я предложил подойти к ней и поздороваться. Мы демонстративно прошли почти через весь зал заседаний и там поприветствовали друг друга. Обнявшись с Кастро, вновь показали, что у нас складываются братские отношения и что мы как друзья относимся к Кубе. Мы подчеркивали наше единство в вопросах борьбы против империализма и колониализма, против агрессии империалистических держав. Получилась хорошая демонстрация. Она тоже нашла соответствующий отклик в печати. Конечно, печать реагировала по-разному: демократическая печать приветствовала, буржуазная перемывала нам косточки. Но это тоже было выражением своего отношения к нам и тоже шло нам на пользу.

Мое пребывание в Нью-Йорке затянулось, наша очередь для намеченного выступления долго не подходила, обсуждались другие вопросы. По сложившейся традиции вечерами шли взаимные приемы делегаций. Все вечера после заседаний были плотно заняты. Обязательно какая-то делегация приглашала нашу, потом мы приглашали ее. Это было полезно. Появилась возможность установления широких контактов. В другие страны ездить более сложно, а тут все в одном месте, поэтому и устраивались такие взаимные приемы. Один раз ко мне на прием для краткой беседы попросился наследный принц Марокко Хасан[716]. Тогда он был молодым человеком. Вообще-то приемы

были тоже разные: одни проходили как краткие встречи, другие – как званые обеды или ужины. Бывали ужины, на которые приглашалась не одна делегация, а могли быть приглашены многие по усмотрению того, кто делал приглашение. Такие ужины затягивались. В данном случае наследного принца я принимал для беседы на кратком приеме. Мы познакомились с ним, поговорили. Эта беседа представляла интерес для начального установления контактов. Вскоре король Марокко, не приходя в сознание, умер после операции, и Хасан II стал новым королем. Так установился контакт, который потом развивался в хорошем направлении.

На этом форуме индийская делегация была представлена премьер-министром Неру. Неру пригласил на прием только нашу делегацию. Мы с ним, сидя за столиком, вели беседу в окружении своих делегаций, но никто не вмешивался в разговор. Вот тогда-то он меня и расспрашивал подробно, как это мы решились поплыть в Нью-Йорк на корабле и какая у нас была охрана. «Видимо, вас сопровождали эсминцы и подводные лодки?» – «Представьте себе, нет», – ответил я. У него вытянулось лицо. И я пояснил, что это была бы какая-то особая демонстрация, чего мы не хотели делать. Да и потом, какую же надо иметь охрану, чтобы исключить любую возможность? Охрана вообще малоэффективна. Нас сопровождали два эсминца до границ Европы. А когда мы вышли в открытый океан, эсминцы дали прощальные гудки и развернулись, а мы последовали далее своим курсом на пассажирском корабле. Рассказал я ему и о встрече с подводной лодкой «неизвестной национальности», без флага. Неру был удивлен тем, что мы решились на такое путешествие. «Это было небезопасно, имея в виду отношения, которые у вас сложились с США», – сказал он. Потом стал расспрашивать меня, как мы встречались в Женеве с делегацией США. Его интересовал Джон Фостер Даллес. «Как вы с Даллесом здоровались? Руку ему подавали?» – «Представьте себе, не только здоровались. Когда Эйзенхауэр дал обед в нашу честь, то Эйзенхауэр, Даллес и я вообще сидели рядом». Он по-особому улыбнулся, как это умел делать Неру, с такой деликатной сдержанностью, с теплотой посмотрел на меня и произнес: «Не могу представить себе картину: Хрущев с Даллесом сидят рядом и разговаривают». Конечно, разговор наш был там довольно кратким: вопросы и ответы, дань вежливости, вроде мы ведем какую-то беседу, а беседа-то и не вязалась. Она больше касалась блюд, которые нам подавали: «Как вам нравится это блюдо? А это? Какое вы предпочитаете?» Никакого другого разговора у нас с ним и не могло состояться. Неру, конечно, понимал, что мы и янки – люди

разных полюсов и проявляем не дружбу, а нетерпимость. Особенно этим отличался Даллес, который с ненавистью относился ко всему новому: к формированию собственных политических взглядов в освободившихся от колониального гнета странах, к социализму, ко всяким демократическим веяниям. Особенно он был нетерпим к идеям коммунистических партий. Поэтому на лице Неру и проскальзывало какое-то непонимание того, как столь разные люди могут не только встречаться, а сидеть рядом за общим столом.

С Неру мы свободно обсуждали все интересующие нас вопросы. С Индией у нас всегда были наилучшие отношения. Правда, никаких особенных впечатлений у меня от бесед с Неру не осталось. Ведь вопросы, возникавшие между нашими странами, разрешались легко и нормально, через дипломатические каналы. Но это была приятная встреча, и она демонстрировала наши дружеские отношения. Индия занимала положение лидера среди стран, которые освободились от колонизаторов. Ее либеральная политика уважалась всеми странами, даже колониальными метрополиями. Эта политика проявлялась в терпимости к социально-политическим устройствам. Неру проводил линию мирного сосуществования, экономических и культурных контактов между всеми странами. И нам было выгодно демонстрировать дружбу с таким государством, хотелось, чтобы на тот же путь стали и другие страны, особенно африканские, в которых начался бурный процесс освобождения от чужого господства и завоевания независимости. Странам, освободившимся от колониального гнета, тоже было выгодно дружить с Советским Союзом: это обеспечивало им возможность нормальных экономических и культурных отношений. Им можно было положиться на Советский Союз: он всегда придет на помощь, а молодые государства в такой помощи особенно нуждались.

Как раз когда мы прибыли в Нью-Йорк, Нигерия только что обрела независимость[717] и прислала свою делегацию на Ассамблею ООН. Возглавлял ее премьер-министр Балева. Потом он трагически закончил свою жизнь. Во время переворота в Нигерии его похитили и убили. Этот премьер устроил прием. В числе приглашенных был и я. Не помню, пришел ли один или с товарищем Громыко. Наверное, с Громыко, потому что вряд ли нигерийцы сделали бы исключение для нашего министра иностранных дел. Но сидели мы не рядом с Андреем Андреевичем. Меня премьер Балева усадил напротив себя, рядом с представителем Великобритании. Балева был тучный человек огромного роста. Негр, но не с таким цветом лица, который я

видел у сенегальцев – с синим оттенком, а несколько светлее. Может быть, он был и не чистокровный негр, но меня это вообще не интересовало. Конечно, он владел всеми манерами европейского человека. Прием его ничем не отличался от других приемов, на которые я приглашался. Держал он себя приветливо и дружелюбно.

Я был немного удивлен: зачем он, пригласив нашу делегацию, усадил нас рядом с представителями Великобритании? Мы тогда с Нигерией еще и дипломатических отношений не имели. Однако у нас возник большой интерес к ней, и мы хотели установить с ней дружеские отношения. Мы понимали значение этого огромного африканского государства: масса населения, богатые природные ресурсы… Мы понимали также, что бывшие колонизаторы не сразу выпустят Нигерию из своих рук. Она обрела юридическую независимость, но осталась в экономическом плену, и они хотят удержать ее в своем лагере, продолжать эксплуатировать богатства Нигерии и одновременно препятствовать развитию освободительного движения, экономическому раскрепощению и переходу на позицию борьбы за построение социализма. Впрочем, Балева был далек от этого: богатый человек, принадлежащий к буржуазному классу. Он проводил политику создания нового, независимого государства, но на капиталистической основе, и очень внимательно, подчеркнуто внимательно, вел себя в отношении Великобритании. По существу, независимость он получил от британской короны и оставался сателлитом английского капитала вплоть до своего свержения.

Мы были глубоко убеждены в том, что все это там временные лица. Они выросли в колониях, поддерживались колонизаторами. Во многих таких странах даже офицеры в их армиях были британцами. Англия фактически обладала там реальной вооруженной силой и по сложившейся традиции поддерживала тесные контакты с бывшим государством-колонией. Вот такое состоялось знакомство. Когда нас пригласили к кофе, Балева подсел к нам. За этот же столик усадили представителя Великобритании. Разговоры у нас велись самые общие, да иначе и не могло быть, но нам было все же приятно. Приглашение советской делегации означало, что Балева вынужден показать своему народу, что он имел контакт с представителями СССР. Это говорило о том, что наша политика признавалась и в Нигерии. Только это могло побудить Балеву установить с нами контакты в Нью-Йорке.

Я рассказываю тут о контактах с делегациями капиталистических стран, но пока почти ничего не сказал о

социалистических странах Европы. В то время у нас имелись самые тесные контакты. Мы обсуждали между нашими делегациями любые проблемы, и не было таких вопросов, по отношению к которым даже в оттенках возникал бы различный подход. Мы выступали единым фронтом и даже заранее распределяли роли, по какому вопросу какая делегация выступит и какой вопрос она поднимет. Правда, уже образовывалось на горизонте новое облачко, бросавшее тень на отношения с Румынией. Министр иностранных дел Румынии (его фамилию сейчас не помню[718]) на меня производил впечатление умного человека, хорошо разбирающегося в вопросах международной политики, и вообще у меня к нему никаких претензий не было. И если я говорю о маленьком сгущении тучек, отбрасывающих тень, то только потому, что некоторые из представителей братских социалистических стран проявляли недовольство его активностью. Он действительно проявлял чересчур большую активность, много выступая с репликами. Обычно, если какая-то социалистическая делегация хотела выступить с репликой, то предварительно ставила в известность братские страны. Румынский же представитель этого не делал, а как бы демонстрировал перед другими социалистическими делегациями свою полную самостоятельность и независимость в таких случаях.

Я тогда ни к каким особым выводам не пришел и полагал, что это просто специфика характера. И потому думал, что в этом вообще нет ничего особенного. Не считал нужным давить на сознание представителей Румынского государства, не хотел создавать впечатление какой-то зависимости от нас. Желание показать, что Румыния имеет полную независимость в политике, меня вовсе не задевало. Но некоторых других это трогало, и в его адрес высказывались иной раз неодобрительные замечания такого типа: «Вот выскочка!» По постановке же вопросов и реплик румыны ни в какой степени не выходили за рамки понимания всех проблем другими социалистическими странами Европы. И их вопросы, и реплики вполне укладывались в наше понимание, а не торчали какими-то углами, задевавшими нашу общую политику. Нет, такого еще не было! Так что я спокойно относился к такой активности. Признаться, он мне даже нравился: молодой человек показывает свои возможности, хорошо разбирается во всех вопросах, своевременно и остро реагирует, в такт подает нужные реплики.

Я уже говорил, что, когда выбирали спикера на сессии Генеральной Ассамблеи, мы выступили против представителя Ирландии. Но потом этот спикер (Фредерик Генри Боланд. – *С. Х.*) показал умение и объективность в руководстве заседаниями. Мы

даже пригласили его к себе на ужин, после чего состоялся обмен мнениями. Мне он понравился. У нас с Ирландией особых контактов не было, но мы сочувствовали ирландцам, сражавшимся с англичанами за независимость своего острова. Наше сочувствие оставалось на их стороне и после того, как основная часть острова обрела независимость. Однако люди, пришедшие там к руководству, в ответ не сочувствовали нашей политике. А встречу со спикером мы организовали по рекомендации Андрея Андреевича. Это были шаги Громыко по дипломатической линии. Видимо, он усматривал в том какую-то перспективу, какие-то возможности на будущее. Впрочем, и мне тоже было интересно встретиться и ближе познакомиться с представителем Ирландии.

В выходные дни Генеральная Ассамблея не заседала. Наше представительство владело замечательным загородным особняком – дачей в советском понимании. Но выехать туда я без разрешения властей не мог. Мне подсказали, что если мы обратимся за разрешением, то, безусловно, его получим. Я подумал-подумал, а стоит ли обращаться по такому вопросу? И в конце концов пришел к выводу, что это не затрагивает нашей чести, просто необходимо считаться с законами той страны, в которой пребываешь. Другого-то выхода все равно не было: либо сидеть взаперти, либо обратиться за формальным разрешением. Получив его, мы отправились за город. Но что значит – отправились? Это же не сел в машину и поехал… Нас сопровождала американская полиция. Получилась довольно сложная кавалькада. Это привлекло внимание, по пути собирались группы людей. Они выражали свое отношение к нашей делегации, причем в большинстве случаев реакция была недружественной: и языки показывали, и несли плакаты с враждебными к СССР и ко мне надписями. Полицейские машины сопровождали нас до самой загородной резиденции. Там роскошный парк и очень богатое помещение, условия для отдыха отличные. Когда мы гуляли, тоже не раз слышали свистки и автомобильные сигналы. Меньшиков объяснял мне, что это форма выражения протеста в наш адрес: так янки выражали свое негодование в связи с нашим пребыванием в Америке. Вот следствие нашего конфликта, возникшего из-за сбитого нами самолета У-2. США совершили агрессивный акт против Советского Союза, но их обыватель реагировал по-своему. Он был хорошо обработан. Правда, я видел и отдельные проявления дружеского отношения, были даже приветствия, но редко.

К своим выступлениям готовились также братские Украина и Белоруссия[719]. Я придавал большое значение этим

выступлениям и, исходя из политических соображений, попросил руководителей их делегаций выступать на своих родных языках. Не помню, какую тему они затронули. Ведь то было декларативное выступление, которое какого-либо влияния на развитие событий не могло оказать. Но звучал голос советского содружества, который мог найти отголосок у трудового народа США. Особенно я рассчитывал на эффект выступления представителя Украины. В США и Канаде жило много украинцев. Там и сейчас проживают их сотни тысяч. И я был убежден, что если будет транслироваться украинская речь, то ее станут слушать многие американцы украинского происхождения. Белорусов там было меньше, но тоже достаточное количество. И они также были потенциальными слушателями. В царское время западные губернии России были бедными, там наблюдался излишек рабочих рук, их обладатели искали приложения своих сил за пределами Родины, стремясь заработать на хлеб насущный, и эмигрировали…

Настал день их выступлений. Украинцы поступили, как я советовал, а с Белоруссией не получилось. Я был очень огорчен. «Мы не можем подготовить текст на белорусском языке, – оправдывались представители БССР, – даже пишущей машинки нет с белорусским шрифтом». – «Если не можете, то другого выхода, конечно, нет, но это наносит ущерб национальной политике. Враги советской системы используют данный факт в пропаганде: нет у союзных республик никаких прав, все там делается для показа заграница, сплошная фикция. Русские подавляют всех, и даже на таком международном форуме, как сессия ООН, ее член выступает не на своем родном языке, а на русском». Думаю, что это понимал и представитель Белоруссии, но он не был лично подготовлен, не знал толком своего языка. Выступления же их, и то, и другое, по содержанию были хорошими, отвечали целям нашей политики и были доброжелательно встречены. Что значит доброжелательно? Это – условное понятие, не то, что у нас. Выступил кто-то на собрании, и иной раз, независимо от содержания речи, зал приветствует. А там принимают по-разному: одни терпимо, другие с радостью, третьи враждебно – черта́ всякого буржуазного парламента, тем более такого форума, как Генеральная Ассамблея ООН. Так что я говорю о приеме речей в целом.

Мы часто устраивали внутренние совещания делегации СССР с делегациями УССР и БССР. Проводили совещания и с представителями других социалистических стран. Действовали хорошие контакты, и мы все проводили согласованную политику. Между прочим, иногда не были уверены, что нас не

подслушивают. Поэтому при обсуждении коренных вопросов принимали специальные меры. Часть таких вопросов обсуждали за городом, во время прогулок. Но туда мы выезжали только в выходные дни. А вопросы порою возникали каждый день. Тут мы принимали особые технические меры для создания помех, для глушения подслушивающих аппаратов.

Мое пребывание в Нью-Йорке затянулось, восприятие событий потеряло свою остроту, но я не мог подняться и уехать. Нами был подготовлен вопрос о предоставлении независимости колониям. Я был записан в качестве докладчика. Было бы неправильным, не сделав доклад, убыть. Это значило бы расписаться в том, что мы не придавали этому вопросу серьезного значения, что было бы плохо расценено колониальными народами. И вот настал день нашего доклада. Он длился более двух часов. Подготовили его хорошо, текст получился содержательным и произвел положительное впечатление. Принят же он был, конечно, по-разному. Одни реагировали с восторгом, и в ходе доклада я слышал звуки одобрения от части делегатов; другие восприняли его враждебно. Это вполне понятно. Там было, как в парламенте буржуазной страны, состоящем из представителей различных классов. Любой обсуждаемый вопрос всегда служит интересам одного или другого класса. Поэтому по-разному воспринимается и каждый вопрос. Колонизаторы без всякого энтузиазма слушали мой доклад, а посланцы освободившихся народов или тех, которые еще находились на положении колоний, сочувствовали моему выступлению.

Мы достигли своей цели, поставив сей вопрос от имени Советского Союза. Хороший вопрос! И он оставил свой след, был по-доброму принят многими народами, на что мы и рассчитывали. Обсуждение доклада проходило содержательно и остро. Настало время формулировать резолюцию. Разработали ее мы. Теперь уже не помню деталей процедуры согласовывания. Признанным мастером по этим делам был Громыко, в чем он имел многолетний опыт, начиная с самого учреждения ООН, когда он присутствовал на учредительном заседании как заместитель министра иностранных дел СССР. А возглавлял нашу делегацию Молотов. Да, Громыко хорошо знал всю «кухню». В ходе обсуждения резолюции США не выступали против, но пошли по линии выхолащивания остроты из Декларации. Мы это предвидели и поставили США перед дилеммой: выступить против наших предложений – значит объединиться с колонизаторами, противопоставить себя народам огромных континентов, особенно Африки; поддержав же нас, они затронули бы интересы своих союзников – Великобритании, Франции, Испании, Португалии,

Нидерландов, Бельгии.

Мы заранее чувствовали, что США не смогут демонстративно проголосовать против нас и будут вынуждены скрепя сердце голосовать вместе с нами. При закулисном обмене мнениями выяснилось, что за Декларацию будут голосовать не только США, но даже Англия и Франция, ибо они уже встали на путь предоставления своим колониям государственной независимости. Противниками наших предложений оставались Испания и Португалия. Когда Андрей Андреевич Громыко сказал, что США, Франция и Англия не станут голосовать против нашего текста, это, конечно, было победой. Но с точки зрения достижения эффекта мы своей цели достигали, даже если бы они решили высказаться против. Это придало бы еще больше остроты постановке вопроса о ликвидации колониальных режимов. Так жизнь подтверждала правильность марксистско-ленинского учения по национальному вопросу.

Нам происходящее было очень приятно. Мы добились своей цели, наша политика получила признание и у народов, завоевавших независимость, и у народов, которые еще борются за независимость. Они сразу увидели, кто их друг, а кто враг. Социалистические страны первыми подняли свой голос в их защиту. Советский Союз проводит внутри страны политику равноправия между народами, за нее же он борется и в международном масштабе. И вот при голосовании абсолютное большинство стран высказалось за принятие Декларации и соответствующей резолюции[720]. Кажется, ряд стран воздержался, потому что голосовать «за» не хотели, а «против» – значит выставить себя в дурном свете[721]. Мы получили большое политическое удовлетворение от самой постановки этого вопроса и приобрели еще больше симпатий среди угнетенных.

С делегацией США на той сессии мы не поддерживали никаких контактов. Выступал там и Китай, как называли Тайвань. Мы, конечно, душой и телом были преданы КНР. Поэтому, когда выступал представитель Тайваня, делали все, что было доступно, для выражения своего презрения к нему: устраивали обструкцию, топали ногами. И не только наша делегация, таких было много. Использовали мы и другие способы выражения протеста, хотя в таком огромном помещении наш способ все-таки не производил сильного эффекта. На всех заседаниях мы выступали с предложением лишить мандата представителя Тайваня и передать его Народному Китаю, который еще не входил в ООН. Но большинства голосов мы не собирали, хотя, признаться, я питал надежду, что теперь изменилась расстановка сил и создалась реальная возможность принять решение о лишении

Тайваня мандата. К сожалению, ряд малых стран, которые юридически уже получили свободу, фактически еще находились под влиянием бывших хозяев и не раз голосовали вместе со своими господами, у которых ранее были на положении полурабов.

Во время моего пребывания в Нью-Йорке у нас разгорелся большой скандал с Хаммаршельдом, по национальности шведом. Мы его знали и одно время относились к нему неплохо, поддерживали его кандидатуру, когда она была выдвинута на пост генерального секретаря ООН после того, как его занимал норвежец социал-демократ Трюгве Ли. Не знаю, из-за чего у нас обострились отношения с Ли[722]. Это было еще во времена Сталина. Когда я находился в Норвегии, то мне хвалили Ли и говорили, что он хорошо относится к Советскому Союзу. Но так уж сложились обстоятельства. Это очень трудный пост – Генеральный секретарь ООН, с массой сложной работы. Была выдвинута кандидатура Хаммаршельда, мы согласились. А когда в Конго обострились внутренние столкновения, мы посчитали, что Хаммаршельд недостаточно поддерживает интересы стран, борющихся против колониализма. У нас возникла идея: чтобы в ООН в равной степени отражались интересы трех группировок стран в мире – капиталистических, социалистических и «промежуточных», недавно получивших независимость, но еще не определивших своего социального выбора, – вместо одного генсека, единолично возглавляющего аппарат ООН, иметь трех лиц. Один будет от стран капиталистического лагеря, другой – от социалистического, третий – от освободившихся стран. Эту идею выдвинул лично я и горячо ее поддерживал. Но многие люди доказывали мне, что это невозможно, ибо будут заморожены все дела, нельзя будет продвинуть вообще никакого вопроса. Я же доказывал свою правоту.

Мои коллеги в руководстве, в том числе Громыко, поддерживали мое предложение. Ну что значит – заморозить? И почему следует бояться тройки? Ведь существует же нечто подобное в ООН – Совет Безопасности, который состоит из полутора десятков человек, причем пять стран там незаменяемы и не переизбираются. Главные вопросы решаются именно этими пятью странами, и если одна голосует против, то дело считается непринятым. Такую же процедуру можно завести и для текущих вопросов. Текущие вопросы тоже имеют большое значение. Секретариат ООН управляет войсками ООН. Они как раз находились в некоторых странах, включая Конго. От Секретариата зависело и то, какие даются директивы, какие назначаются люди на командные посты, какая будет проводиться

повседневная политика. Поэтому я и считал, что надо иметь тройку, которая станет руководить всеми делами с учетом интересов каждой группировки. Конечно, вопросы станут решаться медленнее. Но иной раз это даже хорошо, соответствует конкретным интересам стран. У нас не было надежды выдвинуть на пост Генерального секретаря ООН кого-нибудь из коммунистов или хотя бы представителя некоммунистов от социалистических стран. Этого там не допустили бы. Значит, наши противники преследовали определенную политическую цель, подбирая свою кандидатуру на данный пост. Так почему бы нам не противопоставить им свою кандидатуру, не выдвинуть своего представителя? Тогда без согласия нашего представителя в тройке не могло бы быть принято решение, направленное против интересов социалистических стран. Соответственно это же касается неприсоединившихся государств и капиталистических держав.

При выборах произошла очень большая перепалка. В результате мы с Хаммаршельдом навсегда испортили отношения, и до конца его службы и до предела возможного. Вот такое обострение произошло на сессии. К сожалению, еще когда мы зондировали почву, то не смогли продвинуть свою идею. Империалистические державы были против и увлекли за собой страны, которые занимали позицию неприсоединения к блокам, поскольку, например, Швеция формально тоже неприсоединившаяся страна. Наше предложение не нашло поддержки, и мы вынуждены были переориентироваться.

Когда Хаммаршельд улетел в Конго, где велись бои между сторонниками Лумумбы и сторонниками Чомбе – личности, представлявшей интересы монополистических кругов Бельгии, его временно замещал У Тан[723]. Хаммаршельд отправился туда познакомиться с ситуацией на месте. Наши разведчики докладывали мне, что его самолет сбили зенитчики из войск Лумумбы, Хаммаршельд погиб. Когда Хаммаршельд погиб при авиационной катастрофе, то при выборах нового генерального секретаря возникла кандидатура У Тана. Я не помню, кто первым ее назвал. С У Таном я был знаком. Он являлся представителем Бирмы, а с Бирмой у нас были тогда хорошие отношения, да и сейчас они дружеские. Мы полагали, что представитель Бирмы станет проводить более эластичную политику, во всяком случае не будет допускать политики, наносящей ущерб социалистическим и неприсоединившимся странам. И мы, как потом выяснилось, не ошиблись.

Так как в ходе выборов возникла опять обостренность, то все договорились избрать У Тана временно, с тем чтобы позже

вернуться к этому вопросу. У Тан отбыл временный срок и показал себя принципиальным человеком. Он не шел на поводу у США, проводил политику с учетом интересов всех стран. Тогда мы изменили свою линию. Вначале, когда разрабатывалась наша директива, Громыко предложил повторно голосовать за У Тана как за временного генсека. Но я сказал: «Давайте проголосуем без оговорок и выдвинем его генсеком так же, как до него избирались другие». Андрей Андреевич удивленно посмотрел на меня, и я ему объяснил: «Сейчас лучшего кандидата, чем У Тан, мы не найдем, наша иная идея опять будет провалена, поэтому и не следует выдвигать никого другого. Давайте сойдемся на У Тане». И мы проголосовали за него. У Тан был, конечно, очень доволен. Он обрел наше признание как признание правильности его политики. Мы не имели к нему претензий.

Претензий… А что такое претензии с нашей стороны? Если бы мы подходили к вопросу с чисто классовой позиции, то его деятельность, конечно, не удовлетворяла бы наших запросов. Принимая же во внимание характер данного международного учреждения, в котором водятся, как говорится, семь пар чистых и семь пар нечистых и еще есть «промежуточные», проводить политику, удовлетворяющую абсолютно всех, просто невозможно. Там нужны большая гибкость и очень проницательный ум. Надо не усложнять вопросов, не обострять отношений, а уметь сглаживать углы, придерживаясь, однако, определенной позиции. Думаю, что У Тан хорошо справился со своей задачей. Он не раз конфликтовал с США. ООН приходится решать проблемы, которые затрагивают интересы всех стран. Здесь требуются тщательно подобранные люди, которые пользовались бы всеобщим доверием. Я уж не говорю об абсолютном одобрении. Доверие может быть, но абсолютного одобрения действий Генсека ООН никогда не будет, это невозможно. У Тан, по-моему, как раз удачная кандидатура. И он толково справляется со своими обязанностями.

Что касается ООН в целом, то мое отношение к этому учреждению таково. Я оцениваю его деятельность положительно, хотя, как свидетельствует история, решение им многих вопросов нас абсолютно не удовлетворяет или даже противоречит нашим интересам. К примеру, китайский вопрос. Но ООН – полезное учреждение. Его создали по инициативе Франклина Рузвельта, что было поддержано нами в период, когда советскую политику определял еще Сталин. После второй мировой войны наша страна получила достойное признание. Все убедились, что она не «колосс на глиняных ногах», как утверждали некоторые. Это выражение особенно нравилось Гитлеру, и он убедил себя, что

стоит только двинуть немецкие войска и ударить по этому колоссу, как тот раскиснет и развалится. Чем это кончилось, теперь известно всему миру. К сожалению, не все политики усвоили урок должным образом. Кое-кто еще продолжает питать надежду, что можно выиграть у СССР третью мировую войну. Правда, грубо говоря, таких дураков становится с каждым днем все меньше и меньше. Даже агрессоры из агрессоров, ненавидящие наш строй, вынуждены публично признать, что стереть в войне с лица земли страну, руководствующуюся марксистско-ленинским учением и создавшую новое общество, невозможно. Хочешь не хочешь, признаешь или не признаешь мирное сосуществование, но жизнь требует того, другого выхода нет: или мирное сосуществование, или кровопролитная и бесперспективная война. Наши классовые враги нехотя вынуждены примириться с существованием социалистических стран.

Международные проблемы ручейками стекаются в огромный бассейн – Организацию Объединенных Наций. Считаю это учреждение необходимым. Придумавшие его люди руководствовались правильными идеями. Есть, правда, и противники у этого органа. Например, КНР занимает такую позицию. Полагаю, что она занимает такую позицию потому, что ее не признали. Конечно, неразумно, что Китай не является членом Совета Безопасности, а его место там занимает сейчас чанкайшистский отщепенец, который проводит проамериканскую политику. Но это – временное явление. Рано или поздно Народный Китай войдет в Объединенные Нации. Надеюсь, к тому времени он вернется на разумные позиции, которых некогда придерживались ее руководители.

Много вопросов решается в ООН. Самое главное, что ООН дает возможность обсуждать все возникающие вопросы и вести международный обмен мнениями. Это имеет свою положительную сторону, хотя не всегда принимаются нужные решения. Я уже говорил, что́ следует понимать под правильным решением в условиях, когда собираются люди противоположных политических взглядов, преследующие совершенно разные цели. Однако есть вопрос, который интересует все народы независимо от социально-политического устройства их государств: обеспечение мира. Собственно, для данной цели и создана ООН, хотя и по этому вопросу существуют разные точки зрения. Все хотят мира, но не все считают мир полезным. Некоторые добиваются такого мира, который удовлетворял бы их политические запросы, способствовал бы укреплению капиталистической системы. Мы со своей стороны занимаем

иную позицию и считаем, что настанет такое время, когда весь мир будет представлять единое, органическое целое, в котором народы придут к общественному строю, теоретически опирающемуся на марксистско-ленинское учение. Тогда ни в одной стране не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, будут ликвидированы несправедливые отношения между людьми. А потом возникнет и вообще новое, еще невиданное общество на коммунистических началах.

Но это в будущем, а живем мы сегодня. И все возникающие вопросы сегодня решаются в ООН. Возникают разные проблемы, и каждая страна подходит к их решению по-своему. Однако климат, который сам собой создается при обсуждении, охлаждает ретивых и сдерживает нетерпимых. Так возникают условия равновесия. Общемировой корабль ООН продолжает плавание в мировом общественном океане. Мне могут сказать, что был неудачный предшественник – Лига Наций. Она не сыграла нужной роли, не остановила развязывание второй мировой войны. Но другое было тогда время. Существовал единственный социалистический остров – Советский Союз, против которого объединились все. Некоторые же страны вообще не входили в Лигу Наций, например США. Потом из нее ушла фашистская Германия, которая окрепла и считала, что может развязать и выиграть мировую войну. Нас же недруги исключили из Лиги Наций[724] в силу сложившихся обстоятельств.

Условия, в которых мы живем сейчас, и условия, в которых существовала Лига Наций, совершенно непохожи. В то время капиталистическая система была могучей, она определяла линию войны или мира. Советский Союз особенно не брался даже в расчет и считался «колоссом на глиняных ногах». Теперь ситуация изменилась. Напомню о том, что сказал мне в Женеве Макмиллан[725]. То была дружеская беседа, и он с грустью в голосе говорил: «Господин Хрущев, теперь Великобритания – уже не та Великобритания, которая слыла владычицей морей. Теперь не мы определяем мировую политику. Теперь самые мощные государства – США и СССР». То же самое, хотя и в других выражениях, повторял такой умнейший политик, как генерал де Голль. Имею в виду политику, которую он проводил, когда возглавлял Французское государство. В отношении внутренних вопросов я, конечно, качества умнейшего лица за де Голлем не признаю, потому что он был буржуазным лидером и верно служил своему классу со всеми вытекающими из этого последствиями. В вопросе же верной оценки Советского Союза отдаю ему должное. Он повторил почти ту же фразу, что и Макмиллан. Потом в близких выражениях это признал

президент США Кеннеди. А из всех президентов США, с которыми я как-то сталкивался, он был умнейшим.

Пусть меня правильно поймут мои собратья-коммунисты. Пусть не укоряют, что Хрущев лестно отзывается о покойном президенте Кеннеди. Когда воздается должное, это не принижает того лица, кто это говорит, и не служит возвышению враждебной нам социально-политической системы. Да, Кеннеди – капиталист, он представлял интересы капиталистов и был верен своему классу до последних дней жизни. Но в вопросе определения международной политики занимал четко обозначенное поле, стремясь обеспечить мир на Земле. Надо учитывать, в какое время мы живем, какое складывается соотношение сил капиталистических, социалистических и неприсоединившихся стран. Трудно сказать, что́ имеет решающее значение: голосование или наличие оружия? Раньше побеждала та страна, которая имела больше оружия и умела лучше его использовать. Сейчас можно иметь больше оружия, но проиграть войну. Тут особенно важно не просчитаться.

Джон Кеннеди правильно понимал расстановку сил в мире, умел правильно разбираться в этой арифметике, в небольших, но решающих числах. Сейчас прошло время, когда определение политического курса, быть войне или нет, зависело прежде всего от США и их союзников. Мы живем в дни, когда социалистические страны набрали экономическую мощь, обладают научными и техническими знаниями, современными средствами ведения войны. Поэтому классовые враги вынуждены признавать социалистические страны, а среди них первую скрипку играет СССР как наиболее мощная держава, обладающая новейшим оружием. Кеннеди, признав это, заявил, что США обладают средствами, позволяющими уничтожить нас дважды, а СССР может уничтожить Америку единожды, но тоже уничтожить. Так что второго раза не потребуется. Разумным людям дико восторгаться тем, что они имеют возможность уничтожить кого-то дважды. Для тех, кто погибнет в схватке, утешения не будет ни той, ни другой стороне. Каков же вывод? Разумный вывод один: обеспечить мирное сосуществование и предоставить возможность всем народам устраивать свою жизнь по собственному усмотрению.

Признание этого еще не означает, что все само собой покатится под горку, по смазанным рельсам. Нет, новый процесс будет идти с трениями, с конфликтами, возможно, даже с местными военными столкновениями. Они и сейчас происходят. После второй мировой войны не было длительных передышек, когда бы молчали орудия, не трещали пулеметы, не сбрасывались

бомбы. Это были локальные столкновения, а агрессивные силы, участвующие в них, вынуждены были оглядываться, как бы не перейти грани, не развязать третью мировую войну и не сгореть в ней. Может ли локальная война перерасти в мировой пожар? Да. Следовательно, самое умное – не допускать вооруженных столкновений вообще, для чего надо не вмешиваться во внутренние дела других государств. Лучше всего было бы ликвидировать военные блоки и не держать никаких войск на чужой территории. Самым реальным было бы всеобщее разоружение, переход к положению, когда страны не имеют армий и не производят оружия. В государствах достаточно внутренних полицейских сил для поддержания порядка. Правда, это пока еще далекое завтра. А сегодня мы живем в реальном мире и должны исходить из реалий при оформлении своих отношений.

Вот почему ООН – очень полезное учреждение. Оно не разрешает противоречий, но умеряет страсти разгоряченных. Они начинают вернее ощущать сложившиеся международные условия. Представители разных стран воздействуют друг на друга. Если образно выражаться, там стираются грани. Не социально-политические грани, а наросты, угрожающие войной. Все получают соответствующий душ и успокаиваются, бывают вынуждены правильно оценить ситуацию, попридержать свой пыл. Вот как я понимаю значение Организации Объединенных Наций. Это учреждение борется за то, чтобы обеспечить мир. Дает ли ООН гарантию, что новой мировой войны уже не будет? Самым глупым было бы такое понимание дел и самым глупым был бы человек, который бы так подумал. Нет, не дает! Данное учреждение сдерживает, но не удерживает полностью. Однако и этого достаточно, потому что, сдержав, можно и удержать. К сожалению, ООН еще не позволяет нам спать спокойно: раз ООН существует, то и войны не будет. Жизнь показала, что такое суждение было бы ошибочным. Думаю, что людей, которые бы так понимали роль ООН, вообще нет. Тем не менее мы обязаны признать полезность этого учреждения: там сходятся люди для обсуждения назревших вопросов. ООН – это лучшее, что можно придумать в современных условиях.

Иное дело, что в качестве места расположения аппарата ООН избран был Нью-Йорк. Это была ошибка. А ошибку совершили мы. В то время, когда определялось местонахождение ООН, Сталин имел решающий голос. Спор шел между США и Великобританией, между Рузвельтом и Черчиллем, а Сталин как третье лицо выбирал, на чьи весы положить голос Советского Союза, и отдал его в пользу США. Сталин хотел задобрить Рузвельта. Так и

получилось, но исторически произошла ошибка, хотя в ней я Сталина не обвиняю. Мы все тогда были такого же мнения. Ведь из буржуазных стран США имели наибольшие буржуазно-демократические свободы и не имели колоний. К тому же они были удалены от Советского Союза, Западной Европы, Азии и Африки. Поэтому мы не увидели лучшего места для размещения штаб-квартиры ООН. Если говорить о сегодняшнем дне, то всем было бы лучше, если бы ООН располагалась в Европе. Но тогда оценивалось, что Европа начинена взрывным материалом, тут развязываются войны. А теперь США проводят жандармскую политику, служат мировым жандармом, и условия работы ООН в Америке – не самые лучшие. Гораздо полезнее, если бы ООН располагалась в такой классической капиталистической стране, как Англия. Я уж не говорю о Швейцарии.

Когда мы спорили по германскому вопросу и насчет Западного Берлина, то обращались с таким предложением: «Давайте перенесем ООН в Западный Берлин, тем самым он приобретет особое международное значение». Но это предложение не нашло понимания у наших партнеров. Не найдет оно понимания и сейчас, ибо выбивает почву из-под ног тех, кто хочет отдать Западный Берлин ФРГ. Не знаю, наступит ли вообще время, когда народы признают необходимость перемещения ООН в другую страну. Сейчас африканские страны почти все уже освободились от старого колониализма. А там живут народы с черной кожей. Приезжать им в США, где они не признаются за настоящих людей и где сохранилась дискриминация, трудно. Такое отношение человека к человеку вообще недопустимо. А когда подобную политику проводит государство, в котором расположена ООН, – вдвойне! Это нетерпимая ситуация. Поэтому я считал бы необходимым даже сейчас, несмотря на большие затраты, перенести оттуда штаб-квартиру ООН. Считаю, что политически это оправдалось бы. Правда, сегодня это уже не столь острый вопрос. Будет ли он решен в будущем, трудно сказать. Не хочу гадать, история покажет.

На этом можно было бы поставить точку, но мне на память пришел еще один эпизод, связанный с нашим путешествием в ООН. Когда мы прибыли в Нью-Йорк, мне доложили о чрезвычайном происшествии на корабле. Оно заключалось в том, что один матрос покинул корабль и не вернулся, а пошел в полицию США и попросил политического убежища. Люди, сообщившие мне эту новость, были в страшном волнении. Я их успокоил и попросил не придавать делу большого значения: «Ну и что же? Ушел и ушел. Пусть попробует капиталистических

хлебов, узнает, почем они в Нью-Йорке и каковы на вкус!» Я, конечно, знал, что меня вскоре встретят журналисты, которые всегда неотступно сопровождали нас. Надо было подготовиться к ответу. И верно, при первой же встрече мне задали вопрос: «Господин Хрущев, как вы смотрите на то, что матрос с вашего корабля попросил убежища в Соединенных Штатах?» Отвечаю: «Мне докладывали об этом. Сожалею о происшедшем. Он человек неопытный, не имеет особой трудовой квалификации, и я сочувствую ему. Очень тяжело ему будет приспосабливаться к американским условиям жизни, ничего ведь нет у него за душой. Глупо он поступил, необдуманно. Если бы он мне сказал, что хочет остаться, а бы оказал ему какую-то помощь на первых порах». Весь накал, который был у журналистов, сразу исчез. Они ожидали совсем другой реакции с моей стороны, полагали, что я буду чернить этого человека, осуждать его и пр. Ждали чего угодно, но только не того, что услышали. Так провалилась сенсация, и журналисты не смогли заработать на этом деле.

А вот еще памятный случай. Меня он душевно тронул. Около моей резиденции, на большой улице, в угловом доме[726], всегда толпились корреспонденты. Не знаю, сколько их там было, но не меньше нескольких десятков. Некоторые там и ночевали, не отходя от места. Фотокорреспонденты и кинокамерщики регистрировали буквально каждый мой шаг. В условиях Нью-Йорка нормально гулять я не мог, это было просто невозможно. И я выходил на балкон подышать свежим воздухом, если можно так назвать воздух Нью-Йорка. Но другого у меня не было. Делал еще какую-то разминку, прохаживаясь по комнатам. Любил с балкона наблюдать городское движение. Все-таки какое-то разнообразие впечатлений. Так я получал передышку, совершая это по нескольку раз в день. И вот однажды я получил записку от журналиста. Он подписался, но сейчас не помню его фамилии. Там стояло: «Господин Хрущев, вы выходите на балкон, что мне как журналисту приятно. Мы можем с вами встретиться, и я могу взять у вас интервью. Однако хотел бы вас предупредить: вы, видимо, плохо учитываете особенности Нью-Йорка. Нью-Йорк на все способен. Выходить на балкон вам небезопасно. Здесь может быть организована против вас всякая всячина: могут выстрелить из машины или из окон, расположенных напротив ваших. Одним словом, я как ваш доброжелатель хотел вас предупредить, чтобы вы это учли, не показывались из дома и тем самым не подвергали бы себя опасности». Я прочел эту записку, как раз когда стоял на балконе. Но, именно получив такую записку, я продолжал там оставаться. Все обошлось благополучно. Признаться, сейчас, когда я вспоминаю об этом эпизоде, меня трогает человечность

того корреспондента. Не знаю, кто он по своим политическим убеждениям, корреспондент какой газеты, но и сейчас тепло вспоминаю об этом человеке.

На возвращение из Нью-Йорка в Москву у нас не было много времени. И мы решили отказаться от морского путешествия и вернуться самолетом Ту-114. Выбирая средство транспорта для поездки в Нью-Йорк, мы остановились тогда на корабле из-за выявленных в самолете дефектов. Мы, конечно, могли бы полететь на другом самолете до Лондона, а из Лондона воспользоваться международной трассой. Но нам не хотелось прибегать к чужим услугам. Когда же подошло время возвращаться, мне сообщили, что дефекты самолета устранены, аппарат выверен, и Андрей Николаевич Туполев не сомневается в его надежности. На нем мы и улетели домой.

Джон Кеннеди и Берлинская стена

Осенью 1960 года пришло время перевыборов президента в США. Эйзенхауэр к тому моменту отработал максимум: два срока. Когда я находился в США, он заметил мне, что вскоре истекает срок его пребывания в Белом доме. Я спросил его, не считает ли он возможным остаться на третий срок, и поинтересовался, имеются ли организации, которые вновь выставили бы его кандидатуру? Были же такие прецеденты. «Нет, нет, – отвечал он, – я сыт по горло, больше не хочу быть президентом, да и вообще не следует делать это, я хочу завершить свою политическую карьеру». Считаю, что его ответ был искренним. Его авторитет к тому времени был в США очень высок, и если бы он захотел, то мог бы быть избран в третий раз, как Франклин Рузвельт. Правда, Эйзенхауэр объяснил, что тогда шла война и народ хотел, чтобы Рузвельт остался на своем посту. Вот он и согласился выставить свою кандидатуру в третий раз. Теперь же по закону, принятому после этого случая, третий срок президентства не был положен.

Были выставлены такие кандидатуры на пост президента: протеже Эйзенхауэра его вице-президент Никсон и от демократической партии Кеннеди и Стивенсон[727]. Началась подготовка к выборам. Эйзенхауэр сам выступал в пользу Никсона, поддерживал его кандидатуру, а это очень весомая поддержка. Для Советского Союза все кандидатуры были одинаковы, все они стояли на капиталистических позициях. Ясно, что любой из них будет проводить ту же политику, что и Эйзенхауэр. Но имелись оттенки, и существенные. Эйзенхауэр и Никсон – кандидаты одной республиканской партии, однако тоже разные люди. Первый для нас был более приемлем. А Джон Кеннеди вообще у нас был мало известен. В печати, впрочем, отмечалось, что он отличался умом. Еще во время моей поездки по США Комитет по иностранным делам сената организовал прием в мою честь. Председателем комитета был тогда Фулбрайт[728]. Он представил мне присутствующих, и когда дошла очередь до Кеннеди, назвал его: «Вот сенатор Джон Кеннеди». Я пожал ему руку и сказал: «О вас идет молва, вам предрекают большое будущее…» Я постарался тогда какие-то слова сказать каждому, с кем меня знакомили. На этом наше знакомство в те дни и кончилось. Впрочем, мы знали, что Кеннеди отличается от других конгрессменов остротой реакции, образованностью и тактом.

Стивенсон приезжал в Советский Союз, и я с ним встречался.

Но особенно теплые встречи с ним состоялись у меня на ферме у Гарста… Гарст и Стивенсон в разное время говорили мне, что они друзья. На ферме мы сфотографировались, обнявшись втроем, положив руки друг другу на плечи, и позировали перед фотокорреспондентами. Мистер Стивенсон дружески относился к Советскому Союзу и считал необходимым улучшать наши отношения. Естественно, его кандидатура была для нас наиболее приемлема, но демократическая партия его кандидатуру так и не выставила, ссылаясь на то, что он дважды уже проваливался на выборах, и она не хотела рисковать в третий раз. Мне трудно судить за избирателей США, потому что там очень неустойчивые избиратели. Трудовой народ, голосуя за претендента, отдает ему реальную власть, но выбирает при этом такого человека, который проводит политику, не согласующуюся с интересами тех же трудящихся. Судя с наших классовых позиций, президент США проводит политику крупного монополистического капитала. Видимо, Стивенсон тоже проводил бы такую политику. Все же демократы решили, что лучше сделать ставку на Джона Кеннеди. Это был молодой человек, к тому же миллионер. Стивенсон, кажется, не был богат.

Разгорелась борьба между кандидатами. Американцы хорошо умеют делать это. Борьба между республиканцами и демократами шла как бы по коренным вопросам жизни, но капиталистические круги, выставляя кандидата, знают, что, независимо от избрания того или другого кандидата, основы капитализма не будут потрясены. Когда от республиканцев был выдвинут Никсон, а от демократов – Кеннеди, мы больше надеялись на улучшение отношений между нашими странами, если в Белый дом придет именно последний. На Никсона мы не рассчитывали. Его агрессивность по отношению к СССР, антикоммунизм, который он проповедовал, и его былые связи с мракобесом сенатором Маккарти ничего хорошего не предвещали. Это был выдвиженец реакционеров. Когда я был гостем Эйзенхауэра, меня сопровождал в поездке Лодж, с которым у меня сложились хорошие отношения. Перед выборной кампанией Лодж приехал в Москву, по-моему, как турист. Он не был приглашен Советским правительством, а прибыл как вольный казак. Я принял Лоджа по его просьбе, мы встретились, как старые знакомые, я высказал ему много приятных слов, потому что он делал ранее для меня все возможное, чтобы я чувствовал себя в США получше, и мы потом разговорились. Он доказывал мне, что если будет выбран Никсон, то наши отношения не изменятся: Никсон – не такой, каким он себя иной раз подает в речах на предвыборных собраниях. «Вы, господин Хрущев, не обращайте внимания на

содержание предвыборных речей. Когда он придет в Белый дом, сложится другая ситуация. Я уверен, что он тоже будет стоять за сохранение и даже улучшение отношений между СССР и США».

Лодж был заинтересован в том, чтобы мы в печати не делали выпадов против Никсона, так как именно Лодж выставлял свою кандидатуру в вице-президенты. Так что эта пара вдвоем готовилась прийти в Белый дом. Думаю, что Лодж и приехал в Советский Союз по рекомендации Никсона и Эйзенхауэра. Они хотели, чтобы он поговорил со мной, так как у нас сложились добрые отношения, и чтобы наша печать вообще не хвалила бы их кандидатов: «Нам не нужно ваше выступление в чью-то пользу, это пойдет, наоборот, во вред. Просьба держать строгий нейтралитет. Не вмешивайтесь в наши внутренние дела во время выборов президента». А мы так и собирались поступать. Это вообще разумная линия. Но все-таки внутренне мы больше ориентировались на кандидатуру Джона Кеннеди.

На завершающем этапе выборов, непосредственно перед голосованием, к нам официально обратились власти США с просьбой отпустить домой Пауэрса и тех летчиков, которые были пленены со сбитого нами самолета над Баренцевым морем. Пауэрс был уже осужден. На суде присутствовали его родственники. С ним юридически все было точно оформлено. В отношении же двух или трех других летчиков имелась какая-то недоговоренность, Вашингтон просил, чтобы мы амнистировали Пауэрса, а тех летчиков просто выдали бы правительству США. Мы и сами стояли на таких позициях, не считая нужным держать их в тюрьме. Но время их возвращения имело определенное политическое значение. Получив обращение из Вашингтона, я высказал свои соображения, с которыми согласились все члены Политбюро: «Сейчас нам делать это не нужно, потому что кандидаты в президенты спекулируют на этом и в печати раздаются голоса, что вот такой-то кандидат сможет лучше обеспечить хорошие отношения между США и СССР (они говорили: “персонально с Хрущевым”). Буржуазная печать всегда выставляет конкретное лицо, а не общественное положение того или другого лица, которое оно занимает в своем государстве. Если мы сейчас отпустим пленных, это пойдет на пользу Никсону. Даже малейший перевес в его сторону нам невыгоден. Давайте не делать такого шага, потому что я не ожидаю, что, если Никсон станет президентом, наши отношения улучшатся».

Мы не сделали этого и правильно поступили, потому что большинство голосов получил Кеннеди[729]. Перевес в его пользу был малым, так что любое колебание сработало бы в пользу Никсона и, безусловно, он получил бы желаемые голоса. И я

сказал: «Как только новый президент определится, мы вернем их людей, а пока будем надеяться, что победит Кеннеди». Так и получилось. Позднее, встречаясь с Кеннеди в Вене, мы с ним беседовали, порой шутили. В общении он был приятным и разумным человеком. Тут я ему и рассказал: «Мистер Кеннеди, вы знаете, что мы голосовали за вас?» Он посмотрел на меня вопросительно: «Каким образом? Как это понимать?» И я поведал ему об обращении Вашингтона к Москве перед окончанием избирательной кампании, назвал точное число и сказал, что если бы мы вернули Пауэрса и полярных летчиков, то это было бы засчитано в актив Никсона. Он посмеялся и ответил, успокоившись: «Ваш вывод правилен. Я согласен, что в тот момент даже малый перевес мог стать решающим. Поэтому я признаю, что вы тоже участвовали в выборах и голосовали в мою пользу». Эта шутка отражала действительность. Должен сказать, что я не пожалел о занятой нами позиции. После того как Кеннеди стал президентом, надежд на улучшение наших отношений прибавилось.

Общественное мнение США в пользу улучшения наших отношений звучало все громче и громче. Такие голоса раздавались и в демократических, и в деловых кругах. Кеннеди лучше, чем Эйзенхауэр, понимал необходимость и разумность таких шагов, и не только по деловым соображениям, а главным образом потому, что холодная война, которая в то время велась, могла привести к горячей. Он этого не хотел. Не хотел этого, конечно, и Эйзенхауэр, который мне неоднократно говорил, что боится мировой войны. Кеннеди не говорил мне, что боится новой мировой войны, но понимал, что она не окажется прогулкой, а будет кровопролитной и обязательно коснется территории США. В прежних мировых войнах, в которых они участвовали, их солдаты действовали на европейской и азиатской территориях, поэтому экономический потенциал страны не только не разрушался, а, наоборот, возрастал и росло ее могущество в целом. Монополисты зарабатывали на тех войнах, но в будущей войне они могут многое потерять, потому что война эта будет ракетно-ядерной. Все это Кеннеди отлично понимал. Он умел анализировать события и не боялся называть вещи своими именами. Поэтому он и начал свою международную деятельность с установления более тесных контактов с СССР. Он тоже хотел договориться о разоружении, с тем чтобы прекратить дальнейший рост напряженности и получить уверенность в том, что никакая случайность не сможет вызвать военные столкновения.

Кеннеди сообщил нам, что хотел бы встретиться с главой правительства Советского Союза. Мы тоже стояли на близкой

позиции. Когда он пришел в Белый дом, мы хотели установить с ним контакт и попытаться договориться о том же на разумной основе. Мы тоже боялись войны, потому что не боится войны только дурак. Я не страшусь этой фразы. Да, мы боялись войны, потому что она приносит разорение стране, бедствия – народу и требует жертв. Это не значит, что можно откупиться от войны любой ценой, в ущерб своему престижу. Думаю, что умный человек поймет разницу. Когда я стоял во главе правительства, возникало много случаев, когда СССР очень ревностно становился на защиту своего престижа, давая отпор агрессивным силам и одерживая моральную победу без войны.

Кеннеди был эластичным человеком. Он сам определял внешнюю политику США. Он взял к себе много молодых умных и образованных советников. В вопросах международной политики они тоже были гибки, поэтому и советы давали ему в этом же направлении. Определяя политическую линию, Кеннеди подбирал себе таких помощников на все посты, которые импонировали бы ему и понимали его цели. Американская печать соответственно высказывалась за личную встречу Кеннеди с Хрущевым. Наконец, мы получили официальное предложение[730] встретиться на нейтральной почве, то есть не в СССР и не в США. В Париже встреча состояться не могла, так как недавно попытка лидеров четырех держав договориться закончилась там провалом. О месте проведения новой встречи у нас состоялись предварительные переговоры. Она могла произойти в Вене, в Женеве или же в Хельсинки. Кеннеди предложил Вену. Мы считали, и я лично тоже, что лучше в Хельсинки, ибо полагали, что Финляндия с большим пониманием относится к нашей политике. Но Австрия нас тоже устраивала. Ее правительство придерживалось взятых на себя обязательств проводить политику нейтралитета. Да Вена и сама по себе мирный город. И мы согласились встретиться в Вене. Получили доверительное сообщение о том, кто будет сопровождать президента из официальных лиц и из членов его семейства. С ним должны были приехать жена и мать.

Так как президент брал с собой свою мать и жену, то я тоже решил взять Нину Петровну, чтобы на приемах женщины могли вести между собой беседы. Я лично не был сторонником этого. У меня, признаюсь, такой аскетизм, видимо, остался от времен Сталина. На официальных приемах, которые проводил Сталин, я никогда не видел жен. Единственное исключение он делал в свое время для жены Молотова. Очень редко в театре, в его правительственной ложе, появлялась жена Ворошилова, а так всегда налицо было только мужское общество. Микоян, который

слыл у нас человеком, наиболее сведущим в контактах и толкователем этикета, сказал, что за рубежом наличие жены будет хорошо расценено и нам следует придерживаться международного этикета. Я согласился с ним.

Формируя свою официальную группу, мы пригласили министра иностранных дел и других работников МИД, которые нужны были для подготовки справок и советов. Они могли помочь правильно разобраться в том или другом вопросе, возникающем при переговорах по военным, экономическим и дипломатическим проблемам, которые требовали улучшения дела. Проблема ленд-лиза была довольно затаскана, поэтому мы не надеялись, что она может быть разрешена, но все же приготовились обменяться мнениями и по ней.

В Вене была организована положенная по рангу официальная встреча. Венцы встретили нас очень хорошо, никаких выпадов не наблюдалось, проявлялись внимание и приветливость. Венцы говорили, что они очень довольны тем, что их город стал местом встречи двух лидеров. Отношение к нам было теплое, потому что мы в 1955 году заключили мирный договор и вывели войска из Австрии. Наши войска 10 лет находились на территории Австрии, а их вывод приписывали персонально мне. Это сделало, конечно, наше правительство, но я не отказываюсь от своей инициативы. Немногие знают, какая внутренняя борьба шла у нас по вопросу заключения мирного договора с Австрией. Я доволен тем, что было принято правильное решение и мы заключили такой договор. Австрийских премьера и вице-премьера я знал лично. Был знаком и с министром иностранных дел Крайским. У меня с этим человеком вообще сложились добрые отношения. Он с пониманием относился к необходимости иметь дружбу между нашими странами. Конечно, как социал-демократ, он не симпатизировал нашему общественному строю, как вся социал-демократия Запада, стоял на буржуазных позициях. Но все-таки среди реакционеров числился либералом.

В Вену я прибыл в сопровождении министра иностранных дел Громыко, а президента Кеннеди сопровождал государственный секретарь США Раск[731]. Сначала мы нанесли положенные визиты президенту и премьер-министру Австрии[732]. Наша делегация была очень хорошо размещена. Затем назначили час первой встречи. Сейчас не помню, сколько их состоялось: две или больше. Начались двусторонние беседы. Мы повели обмен мнениями по тем же вопросам, по которым не могли достичь соглашения с Эйзенхауэром: Германия, Западный Берлин, разоружение, взаимовыгодные экономические связи, торговля – вот затронутые нами вопросы, которые должны были

нормализовать отношения между странами при благополучном их решении. Самым острым вопросом оставалась судьба Германии, хотя разоружение не менее важно. Оно всегда будет вопросом вопросов, но решить дело разоружения без договоренности о Германии невозможно. Западный Берлин – тоже загвоздка, как опухоль на здоровом теле. Чтобы оздоровить тело, надо удалить опухоль. Поэтому мы и нажимали на решение в первую очередь вопроса о Берлине. Не решив судьбу Берлина, нельзя решить судьбу Германии и вопрос о мирном договоре. Это все взаимосвязано.

Пошел обмен мнениями. Кеннеди занимал те же позиции, что и Эйзенхауэр. Политика, которую проводил представитель республиканской партии Эйзенхауэр, и политика Кеннеди, представлявшего Демократическую партию, одна и та же. Лишь персонально она несколько изменилась. Видоизменился и способ ее проведения. Но суть, на которой она основывалась, та же: в первую очередь соблюдаются интересы крупного капитала, сохраняются и агрессивные устремления США. В этом – главное: непризнание ими никого; делаю то, что моя, дяди Сэма, левая нога захочет. Каковы наши контраргументы? Конечно, те же, что мы приводили во время переговоров с Эйзенхауэром. Но время работало в нашу пользу. С каждым годом росла наша экономическая мощь, усиливалось наше вооружение. Мы все больше и больше продвигались в освоении космоса, наращивали и совершенствовали ракетно-ядерное оружие. Его ассортимент стал более широким, от тактических до стратегических ракет. Это придавало нам другой вес и звучность голоса, хотя мы и сдерживали себя. Наш партнер не должен был заметить, что мы тоже начинаем говорить с ним с позиции силы. Мы не хотели скатиться на позицию Даллеса, против которой раньше боролись. Пока США общались с нами на почве нажима, они сами уже ослабли, а мы росли, как богатырское дитя в сказке: не по дням, а по часам.

Мы упирали, главным образом, на решение германского вопроса. Что же нового выдвинул тут Кеннеди? Да ничего нового, только собеседник более эластично подбирался к сути дела. Кеннеди признавал формулу мирного сосуществования, и это меняло обстановку. Во время разговора с Эйзенхауэром о погашении нашей задолженности по ленд-лизу присутствовавший там заместитель госсекретаря США Диллон на мой вопрос о мирном сосуществовании спросил: «А что это значит?» Таких глупых вопросов Кеннеди, конечно, не задавал. Наоборот, он сам признавал, что надо обеспечить мирное сосуществование, и заявлял это в своих публичных выступлениях. Это было шагом

вперед, появилась основа для толкового разговора: раз мирное сосуществование, значит, надо решать все то, что обеспечивает его. И одна из реальностей – признание двух Германий: Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии. Без признания двух существующих государств Германии и при особом статусе Западного Берлина не могло быть и речи о том, что наши отношения нормализуются, а значит, будет расчищен путь к мирному сосуществованию и к нормализации контактов по всем направлениям.

Кеннеди это все понимал, но внутренне не был готов к переменам, как не было к ним готово общественное мнение США, и не соглашался с нашими доводами. Грубо говоря, на ноге Соединенных Штатов в Европе имелась болезненная мозоль, на которую мы всегда могли наступить в зависимости от своих потребностей и оказать нажим: связь западных держав, наших бывших союзников, через территорию ГДР с Западным Берлином. Этой больной мозолью Сталин пользовался не раз. Объявив блокаду Западного Берлина[733], он потерпел, однако, крушение и вынужден был снять ее. В дополнение к Потсдамскому соглашению с западными державами был подписан дополнительный договор, который ухудшал наше положение в Западном Берлине[734]. После смерти Сталина мы стояли на тех же позициях. ГДР стала нашим союзником, поэтому мы делали все именно в ее интересах. Да ведь наши интересы вообще совпадали. У нас были единый подход к делу и единая заинтересованность, как и у других социалистических стран, особенно тех, кто входил в Варшавский пакт. Но Кеннеди в вопросе о Западном Берлине не соглашался с нами. Мы официально обратились с предложением о подписании мирного договора с Германией и заявили: если Запад не согласится, мы будем вынуждены подписать отдельно мирный договор с ГДР. Тогда на ее территорию не будут распространяться положения Потсдамского соглашения, а будут действовать статьи мирного договора, который подпишут СССР и те страны, кто захочет.

Кеннеди реагировал очень болезненно. Он чувствовал, что мы можем это сделать. Я видел, что Кеннеди понимает наши рассуждения в буквальном смысле слова: он считал, что мы, подписав мирный договор, тем самым решим и вопрос о Западном Берлине и оккупируем его. Естественно, мы таких намерений не имели, а хотели, чтобы он официально стал вольным городом, иначе произошло бы столкновение. Конечно, в случае столкновения сначала мы решили бы дело очень быстро в свою пользу, потому что в Западном Берлине находились небольшие вооруженные силы западных стран. Но большие или

малые, а это уже стрельба, могла разразиться и война. Поэтому мы не преследовали подобной цели и не хотели военного конфликта. Конкретно же мы стремились передать ГДР все функции, которыми пользовались по обеспечению связей через ее территорию западные страны с Западным Берлином. Она как суверенное государство сама решала бы это и, естественно, поставила бы вопрос более жестко, как это свойственно каждому суверенному государству. Западные державы вынуждены были бы считаться с правительством ГДР, которого они не признавали, как не признают и сейчас. Таким образом, возник бы какой-то конфликт военного порядка с непредсказуемыми последствиями.

Кеннеди сопротивлялся и доказывал, что Запад на это пойти не может; что Потсдамское соглашение определяет существование одной Германии и мирный договор может быть подписан только при условии создания единой Германии. Такие доводы Запад приводил все время. Сейчас, видимо, ситуация изменилась. Сам Брандт, премьер-министр Западной Германии[735], вынужден был признать де-факто, что существуют две Германии. Беседы по германскому вопросу протекали у нас очень обостренно. Мы решительно защищали свое право заключить мирный договор со всеми последствиями, вытекавшими из этого, и рассматривали Западный Берлин как территорию ГДР, а пребывание там западных войск считали незаконным. Кеннеди доказывал обратное…

Что говорил он о мирном сосуществовании? Это очень интересно: он признавал необходимость строить наши отношения с целью обеспечения мирного сосуществования, исключить войну и военные столкновения, но понимал это по-своему. Согласно его пониманию дела, мы должны будем договориться и документально оформить это каким-то договором о том, что стоим на позициях мирного сосуществования, которое он толковал как фиксацию сложившегося во всех странах социально-политического строя, не допуская его изменений. Эта позиция для нас совершенно неприемлема. Я ему так и заявил. Мы согласны строго придерживаться условий мирного сосуществования, в спорных вопросах не должны ни прибегать к силе, ни вмешиваться во внутренние дела других государств. Однако и эти государства не должны вмешиваться во внутренние дела нашего государства. Вопросы политического устройства каждой страны должны решаться самими народами, и даже если будет изменяться общественный строй по решению самого народа, мы не должны вмешиваться в это. Вот как мы понимаем дело. «Нет, – отвечал Кеннеди, – должны вмешиваться, потому что могут быть засланы агенты другой державы». То есть он

навязывал нам свое понимание мирного сосуществования как обеспечения безопасности не только границ, но и внутреннего устройства государств, вечного статус-кво. Первую половину дела, гарантию безопасности границ, мы принимали. Вмешательство же во внутреннее устройство других государств для нас немыслимо и невозможно. Я предложил ему маленький экскурс в историю США: «Когда-то США были колонией Англии, а потом народ восстал и начал войну, в которой одержал победу. Так США стали независимым государством. История подтверждает, что существуют внутренние вопросы, которые решает сам народ, и надо обеспечить невмешательство во внутренние события».

Народы России тоже совершили революцию. И это тоже внутренний вопрос. «По-вашему, – говорю, – другие страны имели право вмешаться, вот они и вмешались: США, Англия, Франция навязали интервенцию молодому советскому государству, но чем это кончилось, вы отлично знаете. Царь Николай I на практике проводил ту политику, которую сейчас проповедуете вы, помог Австрийской монархии подавить Венгерскую революцию[736]. Это было позорное вмешательство во внутренние дела, но там один император помогал другому сохранить реакционный режим. Чем это кончилось, вы тоже отлично знаете. История доказала несостоятельность такой политики, Австро-Венгрия потом развалилась. Сейчас вообще все резко изменилось, а вы хотите, чтобы мы с вами вернулись к тем временам, когда заключались договоры между монархами для обеспечения устойчивости тронов и объединения усилий ради подавления народов, если они проявят желание изменить внутреннее положение в своей стране? Мы на это никогда не пойдем и всеми средствами будем бороться против такой политики».

Кеннеди – умный человек, но защищал интересы своего класса. Я же был несколько удивлен и поэтому во время переговоров немного иронизировал над ним, высмеивая его позицию как несовременную и устарелую. Наконец, он признал, что для смягчения напряженности требуется сохранять мир между СССР и США. Но это только одна, низшая ступень мирного сосуществования. Если бы Кеннеди признал всю глубину формулы мирного сосуществования и постарался бы ее раскрыть, то с его стороны исключалось бы предложение, которое он внес, предлагая зафиксировать в застывшем положении как границы между государствами, так и их внутреннее социально-политическое устройство. А как быть со странами, остававшимися в положении колоний? Что же, мы должны помогать колонизаторам? Это реакционное предложение, и мы старались

раскрыть его реакционность, доказать его несостоятельность, сочувствуя силам, которые стремились изменить существующие порядки, но не вмешиваясь во внутренние дела этих стран, а лишь сочувствуя их народам.

Относительно ленд-лиза мы тоже обменялись мнениями, но остались при старых взглядах. Я повторил то, что в свое время говорил Эйзенхауэру: «Вы нам помогали, мы за это вам благодарны. Но мы вместе с вами вели войну против общего врага и ваши материалы оплатили нашей кровью. Кровь дороже любых материалов, которые мы от вас получали. Поэтому мы считаем, что уже давно и с лихвой оплатили стоимость ваших поставок по ленд-лизу». Кеннеди твердил свое. Наши встречи проходили днем, а вечером австрийское правительство устраивало в нашу честь роскошные приемы. Посетили мы оперу. Потом нам показали цирковое представление с лошадьми, очень красивое зрелище. Вена гордилась тем, что была родоначальницей использования лошадей в цирке. Дрессированные лошади используются во всех цирках, но у них в театрализованном представлении участвует масса наездников. Нас познакомили также с достопримечательностями, которыми богата Вена.

На приеме Кеннеди познакомил меня со своей женой и матерью. Его мать произвела на меня хорошее впечатление: приятная женщина! Супруга же его Жаклин – молодая женщина, о которой я много читал в газетах. Журналисты всегда выставляли ее красавицей, завораживающей своей красотою мужчин, но на меня она не произвела подобного впечатления. Да, молодая, энергичная, приятная, но без особого блеска… Об этом я говорю здесь лишь потому, что в печати как раз о ней писали другое. Видимо, она бойка на язык, как украинцы говорят – языкастая; и в разговоре находчива. С ней не связывайся – обрежет! Встретился я с ней в театре, во время перерыва пошли в буфет. Какие там могли у нас быть разговоры? Перебрасывались обычными фразами. Однако и тут она показала остроту своего языка. Меня как главу делегации Советского государства совершенно не трогало, какова она. Это дело мужа. Если она ему нравится, на здоровье и ему, и ей. То же самое и в отношении матери. Мы помнили, что она миллионерша, и, следовательно, должны были знать, с кем имеем дело, не забываться. Могли улыбаться, жать любезно друг другу руки, но мы люди разных полюсов.

Во время переговоров в комнате с нами находились только переводчики, а также Раск и Громыко. Наши беседы проходили в виде диспута. Не помню, чтобы Кеннеди обращался с каким-либо вопросом к Раску или чтобы Раск подавал реплики. Этого не

было. Поэтому у меня создалось впечатление, что Кеннеди сам очень хорошо разбирался в международных вопросах и был подготовлен к переговорам. Все, о чем нужно было обменяться мнениями, он изучил заранее и совершенно свободно владел материалами. Это было абсолютно не похоже на то, что я наблюдал, встречаясь с Эйзенхауэром. Это, конечно, говорило в пользу Кеннеди, и он вырастал в моих глазах. Тут был партнер, к которому я относился с огромным уважением, хотя мы стояли на разных позициях и были как бы противниками. Я ценил его качества. Если президент сам разбирается в деталях политики, значит, он и определяет ее. А так как президент заявил, что с пониманием относится к мирному сосуществованию, следовательно, зарождалась какая-то уверенность в том, что он не станет опрометчиво принимать решения, которые привели бы к военному конфликту; С каждой встречей он вырастал в моих глазах.

Мы постоянно прощупывали возможность найти какие-то соглашения по острым вопросам для обеспечения взаимной безопасности. Беседы подходили к концу, но уже было видно, что конкретных соглашений мы достичь не сможем, потому что наши понимания дела слишком противоположны. Ни та, ни другая сторона не могли найти приемлемых условий для соглашений. То, что приемлемо для одной стороны, оказывалось неприемлемым для другой. Собственно говоря, на этом и основывались холодная война и состояние напряженности. Каждая сторона хотела бы обеспечить мир, но обеспечение мира трактовала по-своему, так, что это противоречило интересам контрпартнера. Вот такую позицию занимал Запад. Да он и сегодня занимает эту же позицию, с тою лишь разницей, что сейчас не может отрицать возросшей военной мощи Советского Союза. Поэтому противная сторона уже приспосабливает к нам свою политику. Наша встреча уже тогда была обусловлена тем же: США потеряли уверенность в том, что могут достичь своих целей при проведении политики с позиции силы, как было во времена Трумэна и Даллеса[737]. Соотношение сил стало иным, поэтому Кеннеди вынужден был искать возможность договориться на новой основе, которая, однако, устраивала бы Соединенные Штаты. Мы-то хотели договориться на такой основе, которая устраивала бы и нас, и США, а они о нас не думали. Поэтому реальных возможностей прийти к какому-то соглашению не возникло.

Я был благодарен правительству Австрии, ее премьер-министру и президенту за то, что они со своей стороны сделали все, чтобы наши встречи не были ничем омрачены. Венцы

отнеслись к нам очень дружелюбно, и я не припоминаю никакого инцидента, который омрачил бы мое пребывание в Вене. Действительно, правительство Австрии выполняло обязательство соблюдать нейтралитет. У меня остались самые теплые чувства в отношении политики правительства Австрии. Президентом тогда был социал-демократ. Он тоже со своей стороны ничем не омрачал нашего пребывания. Я не знаю, был ли еще жив Рааб, с которым мы подписывали мирный договор, но его преемник проводил ту же линию.

Последняя наша встреча с Кеннеди произошла на приеме или в театре. Кеннеди был очень мрачен. Не только озабочен, но и мрачен. Когда я смотрел на его лицо, он у меня вызывал сочувствие, сожаление. Я хотел, чтобы мы расстались с другим настроением, но помочь ему ничем не мог. Политика неумолима, а наше классовое положение не дало возможности, несмотря на усилия с моей стороны, прийти к соглашению. Как политик, я это понимал, а как человек сочувствовал Кеннеди. Он был разочарован, а его внутренние противники в США, особенно агрессивно настроенные деятели, получили удовлетворение: «Вот, ты надеялся, что сможешь при встрече с Хрущевым добиться каких-то соглашений, а теперь сам убедился, что мы были правы, проводя политику с позиции силы. У нас и выхода другого не было, потому что коммунисты признают только силу, а иного языка не понимают. Ты хотел с ними разговаривать языком соглашений и в ответ получил щелчок по носу, возвращаешься опозоренным. Объявил всем, что едешь с уверенностью найти возможность договориться, а вернулся к разбитому корыту, приехал ни с чем. Следовательно, наша политика была правильной, а ты заблуждался».

Примерно так я представлял себе переживания президента и сочувствовал ему, но вида не подавал. А сочувствовал ему, потому что не создавалось предпосылок к лучшему, и мы опять отбрасывались назад, возможно, к еще большему обострению, к продолжению холодной войны. За это мы должны были платить, потому что опять начиналась гонка вооружений. Потребуются еще бóльшие ассигнования средств на оружие. Сначала в США. Это заставит нас последовать за ними. Такие события нам известны, они обременяют бюджет и снижают экономический потенциал гражданской жизни. Это-то меня главным образом и заставляло сочувствовать президенту, я понимал причины его огорчения: неудача его внешней политики отразится на наших бюджетах, а следовательно, на жизненном уровне народов. Но я нагнетал обстановку не ради этого, а чтобы поставить президента в безвыходное положение, заставив его признать необходимость

пойти нам навстречу, иначе будет возможность конфликта. Кеннеди же не захотел под нажимом пойти на соглашение. Мои призывы осознать реалистичность наших доводов повисли в воздухе. Мы оба остались на старых позициях.

Кеннеди уехал первым, его провожали официальные лица и президент Австрии. Уже после его отъезда со мной захотел увидеться министр иностранных дел Крайский, и я его с удовольствием принял. Я знал, что Крайский во время войны был в шведской эмиграции вместе с Брандтом, нынешним премьер-министром ФРГ, а в ту пору – бургомистром Западного Берлина. Меня информировали, что они были друзьями, к тому же оба социал-демократы. Моя беседа с Крайским была полезной. Он рассказал мне о своих впечатлениях, которые остались у него от проводов Кеннеди: «Очень уж мрачен был президент, очень удручен, на нем просто лица не было. Видимо, итоги переговоров так его огорчили». Я ответил: «Да. С ним легко беседовать и даже приятно, но когда наступает момент принимать решение, он не проявляет понимания. Не понимает времени, в котором мы живем, и нового соотношения сил. Живет старыми понятиями своих предшественников. К принятию серьезных решений он, видимо, еще не готов. Наша встреча была полезна тем, что мы прощупали друг друга и теперь конкретно представляем позицию каждого. Но и только, а этого, конечно, мало».

Я, признаться, пересказал Крайскому содержание бесед с Кеннеди, ибо надеялся, что изложенная мною в острой форме наша позиция, ставшая известной Кеннеди, теперь через Крайского станет известна и Брандту. Может быть, наведет это его на какие-то размышления, они поймут, что наши намерения неотступны, и, не доводя температуру до кипения, в конце концов согласятся на разумные переговоры. Правда, я знал, что Крайский больше сочувствует Кеннеди, чем нам. Политика президента США ему ближе нашей, поэтому я рассматривал его как негласного агента той политики, которую проводит капиталистический мир в отношении СССР. И уж, безусловно, он подробно изложит мои слова Брандту, а от него кое-что зависело. Как правящий бургомистр Западного Берлина, он мог оказать какое-то влияние на достижение соглашения, хотя в спорных вопросах находился тоже на противоположной стороне и не принимал нашу линию. А она была единственно правильной и сейчас остается такой и для Западной Германии, и для Западного Берлина тем более.

Затем в мою честь были устроены правительственные мероприятия (прием, обед), нас проводили с положенными церемониями, и мы улетели в Москву. После этой встречи через печать, в беседах, на приемах и прочими средствами мы нарочно

стали рекламировать, что вот-вот намереваемся осуществить наши предложения и подписать мирный договор с ГДР. Мы довольно энергично это проводили, оказывая нажим на общественное мнение через печать и собеседования. Одним словом, все средства, которые нам были доступны, мы пустили в ход, с тем чтобы создать впечатление у наших противников, что если они не поступят разумно и не постараются прийти к соглашению, то мы это сделаем. На какой же шаг пошел Кеннеди после встречи? Он назначил своим представителем в Западной Германии генерала Люциуса Клея[738], который занимал этот пост сразу же после войны. Этим США продемонстрировали, что готовят ответ на нашу угрозу подписания мирного договора с ГДР. Назначая известного нам генерала на этот пост, они хотели показать, что США готовы и к военному конфликту. Командующим советскими войсками в ГДР был тогда Якубовский[739]. И я предложил Советскому правительству в ответ на действия американцев совершить ход конем, утвердив командующим нашими войсками в ГДР Конева[740]. Таким назначением мы хотели показать американцам, что поняли их поступок и принимаем вызов. Будущего же маршала Якубовского назначили заместителем маршала Конева. Решение было опубликовано, но между собой мы договорились, что реальным командующим как был, так и останется в Берлине Якубовский, хотя Конев тоже может принимать нужные решения. Мы были уверены, что вскоре все нормализуется и Конев вернется в Москву.

Наши совместные шахматные ходы, их – пешкой, а наш – конем, привели, однако, не к ослаблению, а к новой напряженности отношений. Президент Кеннеди опубликовал заявление о переводе какого-то количества войск в Западный Берлин для усиления гарнизона. Ответных действий с нашей стороны не было, потому что наших войск в ГДР и без того было достаточно. Гарнизон же в Западном Берлине был слаб, и мы могли бы быстро справиться с ним и подавить его сопротивление, если понадобится. Начать-то можно было быстро, да неизвестно, чем дальше кончится, а мы не хотели военного конфликта. Мы хотели лишь вскрыть нарыв, проведя хирургическую операцию, но не путем грубого вмешательства ножом, а сперва как-то обезболить это место и принять все меры, чтобы организм не ощущал особой боли и чтобы не было дурных последствий операции. Хотели все провести чисто дипломатическим путем, без применения оружия. Но Кеннеди не был к тому готов. Видимо, на него оказывали давление военные, которые имели в Вашингтоне большое влияние. Думаю, что сейчас они

оказывают еще большее давление на свое правительство.

Конев убыл в Берлин. Приехав туда, объявил, что приступил к исполнению обязанностей. Мы порекомендовали Коневу нанести визит командующему американскими войсками. Тем более что он лично был знаком с Клеем. Одним словом, необходимо было установить контакты напрямую. К тому времени мы уже договорились с Ульбрихтом и лидерами других социалистических стран об официальном установлении границы, которая прошла бы через Берлин и разделила его строго на Западный и Восточный. Тем самым ГДР получила бы возможность контролировать свою границу. Свободный проход через Западный Берлин в ГДР был лазейкой для всех разведок капиталистических стран. Они могли проникать в расположение наших войск, разведывать их вооружение, собирать прочие разведданные. Кроме того, через свободный проход в Западный Берлин наносился большой урон экономике ГДР. Создавалось вообще неустойчивое положение: много интеллигенции и других лиц ушло на запад из ГДР, а в ФРГ в это время начался большой промышленный подъем. Западная Германия нуждалась в рабочей силе и набирала рабочих из Италии, Испании, Югославии, Турции, других стран. Студенты, получившие высшее образование, тоже уходили туда, потому что в то время (да, наверное, и сейчас) Западная Германия оплачивала труд интеллигенции и рабочих выше, чем ГДР и другие социалистические страны. Вопрос прогрессивности того или другого строя – это вопрос политический, вопрос убеждений, но многие люди решают этот вопрос «от брюха». Они не смотрят, что́ получат завтра, сегодня же западногерманское общество дает больше, чем может получить человек в ГДР. Иначе и массового бегства не было бы, из ГДР уходили бы только политические недруги. Сложилось тяжелое положение, и Ульбрихт просил нас помочь им рабочей силой.

Мы, конечно, могли помочь, но подсобной рабочей силой, а квалифицированных рабочих нам самим не хватало. И я говорил товарищу Ульбрихту[741]: «Германия нам навязала войну. Советский народ проливал кровь. Мы победители. Наши рабочие не станут у вас нужники чистить. Это не просто унижение. Такое предложение взорвет наших людей. Поэтому делать это мы не можем. Вам придется выходить из положения своими силами». Что же Ульбрихту делать? У него были настежь открыты ворота. Если он призывал своих людей к дисциплине или применял административные меры, немцы бежали, особенно квалифицированные рабочие, потому что находили высокооплачиваемую работу в Западной Германии. Народ там

один и язык один, никаких трудностей. У меня давно возникла мысль установить какой-то контроль, закрыв все ходы и лазейки. И я обратился к нашему послу товарищу Первухину[742] с просьбой прислать мне детальную карту Берлина с нанесением границы секторов. Он прислал, но карта оказалась неясной. Я подумал, что ему самому трудно найти нужную, и попросил обратиться от моего имени к Ульбрихту, рассказав о моей идее. И к Якубовскому мы обратились с той же просьбой – прислать карту, но военно-топографическую. Ульбрихт, узнав от Первухина о моем плане, просиял и в восторге сказал: «Я полностью “за”! Вот настоящая помощь!»

Я предупредил Первухина и Ульбрихта, что пока план будем держать в строгом секрете. Получив карты, мы в нашем руководстве обсудили план действий и единогласно приняли решение проводить его в жизнь как можно быстрее. По согласованию с Ульбрихтом собрали закрытое совещание представителей всех стран, входящих в Варшавский пакт. Присутствовали только секретари ЦК партий и председатели Советов министров. Был сделан короткий доклад и предложена такая тактика действий: в определенный час будут установлены шлагбаумы и другие пограничные атрибуты, войска подойдут к этой границе, спереди немецкие солдаты, которые начнут устанавливать контроль, а сзади, на каком-то удалении, – цепь наших войск. Цель такова: Запад должен видеть наших солдат за спиной немцев. Выбрали 13 августа. Такое число считается несчастливым, но я сказал сомневающимся, что для нас это число станет счастливым. Все держалось в полном секрете. И вот войска установили границу. Гвалт возник необычайный: именно в тот момент США усилили свой гарнизон в Западном Берлине.

Появление такой границы сразу навело порядок, повысилась трудовая дисциплина в ГДР, заводы и сельские коллективы стали работать лучше. Между прочим, резко сократилось потребление продуктов «чужими». Ульбрихт нам сообщал, что экономия выражалась миллионными суммами. Население Западной Германии покупало многие продукты в ГДР и пользовалось ее коммунальными услугами, которые в ГДР были дешевле. Западная марка по покупательной способности значительно выше восточной. Таким образом обесценивалась марка ГДР. То есть помимо политических западные немцы извлекали большие экономические выгоды. И все это ложилось бременем на плечи рабочих и крестьян ГДР. Теперь ситуация изменилась. Без подписания мирного договора ГДР обрела суверенные права. Получила все, как если бы был подписан мирный договор, кроме, конечно, моральной стороны дела: сохранялось официальное

состояние войны. Мы все были очень довольны своим решением. Я получил и личное удовлетворение: без подписания мирного договора вырвали у Запада то, что нам положено по праву. Эта акция давала ГДР все возможности развиваться, как положено каждой нормальной стране.

В октябре того же года мы получили сведения, что американцы готовятся разрушить стену, чтобы вернуть положение, которое было до 13 августа, и восстановить свободный проход в ту и другую сторону города. Мы узнали их план: впереди пойдут джипы с пехотой, вооруженные стрелковым оружием; за джипами мощные бульдозеры, которые разрушат стену; за бульдозерами – танки для прикрытия. Мы с Коневым разработали свою тактику и решили джипы с солдатами пропустить, пусть проедут. Мы-то контроль установили для гражданских лиц, а для военных сохранились условия, определявшиеся Потсдамским соглашением: как военные Запада могли посещать сектор Восточного Берлина, так и наши военные могли посещать Западный Берлин. Я тоже когда-то воспользовался этим правом и поездил с советским комендантом города по Западному Берлину, но не выходя из машины. Просто ездил, чтобы составить себе какое-то представление. Конечно, ездил еще до установления Берлинской стены и инкогнито.

У нас шли заседания XXII съезда партии. Конев присутствовал на съезде как делегат и доложил мне, что в такой-то час американцы двинутся. Мы решили в переулках Берлина замаскировать наши танки. Когда пехота перейдет границу, а бульдозеры будут на подходе, то, чтобы не допустить разрушения стены, танки должны будут вывернуться из переулков и двинуться навстречу бульдозерам. Так и было сделано. Потом Конев сообщил: как только джипы с пехотой прошли, наши танки развернулись и выехали навстречу бульдозерам и американским танкам. Те приостановили движение. Пехота же, которой нечего было делать, развернулась на джипах и вернулась в Западный Берлин. Наши танки приостановили свое движение, американские – свое. Уж не помню теперь, в каком положении остались бульдозеры, видимо, тоже были заморожены на месте. В таком положении все и остались на ночь. Утром, когда заседания партийного съезда возобновились, Конев опять доложил: положение не изменилось, наши танкисты сидят в танках. Иногда выскакивают, гоняются друг за другом, чтобы согреться, потому что ночь была прохладной. Уже наступила осень. Американские танкисты, видимо, еще больше мерзнут в своих танках.

Я понял, что надо искать какой-то выход, и сказал Коневу: «Пусть наши танки развернутся и уйдут в те переулки, из которых

они вышли, но станут так, чтобы не были видны американцам. Я уверен, что не больше чем через 20 минут (потребуется время доложить наверх и получить соответствующее распоряжение) американцы уберут свои танки, потому что им неудобно убирать танки под дулами наших орудий. Они влезли в эту историю, а теперь не знают, как выпутаться. Раз они не действуют, значит, тоже ищут выход. Вот мы им его и предоставим, первыми уберем свои танки, а они последуют нашему примеру». Конев так и сделал. Потом он сообщил: «Действительно, как только наши танки ушли, через 20 минут американские танки тоже развернулись и скрылись из глаз». Это явилось признанием де-факто закрытия границы и разделения Берлина на две части: западную, капиталистическую, и восточную, социалистическую. Все это тогда очень обыгрывалось в печати. Западные газеты подняли шум, публиковали всяческие протесты и осуждения, но факт остался фактом.

Потом, кажется, происходили какие-то нарушения границы некоторыми гражданами ГДР, некоторые пытались убежать, и кое-кому это удавалось. Мне докладывали, что какая-то группа лиц на грузовом автомобиле сбила шлагбаум и проскочила в Западный Берлин. Чтобы такого не повторялось и нарушители не прорывались насильственным путем (иначе через такой контроль могли бы убежать и разведчики, которым угрожал арест), границу следовало укрепить. И я сказал: «Это не контроль. Такие нарушения дискредитируют тех, кто охраняет границу, показывают, что те не умеют ее охранять». Были приняты новые меры, но мы все же сомневались, смогут ли восточные немцы строго контролировать границу. Могла сложиться ситуация, когда нужно будет применить оружие, а немцу стрелять в немца тяжело. Мы высказывали свои сомнения, и ГДР нам ответила так: «У вас столько лет шла гражданская война, русские сражались против русских. И не только с вашей стороны воевал трудовой народ. Те, кто воевал на стороне белой армии, были введены в заблуждение, их вели генералы и офицеры, а вы в них стреляли. Почему же вы думаете, что немцы не понимают классовой борьбы? При выполнении воинского долга, защищая свою социалистическую республику, у нас не дрогнет рука». Так оно и произошло. И сейчас случаются инциденты, но войска ГДР воспитываются на марксистско-ленинском учении, понимают классовую сущность дела и твердо стоят на охране границ своего социалистического отечества.

Спустя какое-то время по закрытым каналам, а иной раз в ходе бесед Запад стал высказываться, что сложившуюся ситуацию не изменить, надо признать границу де-факто и далее не накалять

наших отношений. Американцы отозвали Клея. Как только это произошло, я предложил отозвать Конева. Если говорить образно, то мы сделали обратный ход конем и переставили его на московскую землю. Американские войска, мобилизованные для усиления гарнизона, тоже были отозваны из Западного Берлина. Таким образом, восстановился статус-кво. Вот первые последствия нашей неудовлетворительной встречи с Кеннеди в Вене. Можно сказать, что он потерпел поражение. Или ему нужно было бы начать военные действия против нас. Но это вообще неразумно. Он, как умный человек, понимал, что риск слишком велик. Да и не было особого смысла рисковать. А мы поставили Запад перед свершившимся фактом. Наши бывшие союзники по войне против гитлеровской Германии вынуждены были проглотить эту горькую пилюлю.

Карибский кризис

Хотел бы рассказать, что такое Карибский кризис. Эти события 1962 года возникли при следующих обстоятельствах. Когда Фидель Кастро[743] добился победы и вступил со своими войсками в Гавану, мы в СССР, собственно говоря, еще не знали, какое политическое направление будет принято победителями. Знали, что в движении, возглавляемом Кастро, участвуют отдельные коммунисты-одиночки, но компартия Кубы в целом не контактировала с ним, и секретарь ЦК компартии Кубы даже вышел из партии, чтобы уйти партизанить в горы вместе с Кастро[744]. Когда повстанцы заняли Гавану[745], мы пользовались материалами только газет и радио. Слушали, что передавалось из самой Кубы и что говорили о ней другие. Положение было очень неясным.

Фидель оставил тогда одного из близких ему деятелей президентом Республики Куба[746]. Этот человек нам был совершенно неизвестен. Кроме того, Куба официально наше государство не признавала, и долгое время у нас с нею никаких дипломатических связей не существовало[747]. Наши люди, которые занимались Латинской Америкой, начали теперь выезжать на Кубу. Раньше они знали лишь некоторых кубинских деятелей, в частности брата Фиделя – Рауля Кастро[748]. Как-то случайно один наш товарищ плыл вместе с ним в Мексику на одном корабле[749]. Этот товарищ потом мне рассказывал, как они познакомились, беседовали, а потом Рауля в Мексике, на глазах у нашего товарища, задержали и арестовали. Основываясь на данных, полученных по разным каналам, мы знали, что Рауль Кастро – коммунист. Но считалось, что он свои убеждения якобы скрывает от брата; тот вроде бы о них не ведает. Гевара[750] тоже был коммунистом, как и некоторые другие сподвижники Фиделя. Но все это были слухи, а официальные связи с ними у нас еще не наладились.

Дальнейшие события развивались быстро. Мы решили в ту пору послать в США Микояна в качестве «гостя нашего посла», для установления неофициальных связей с американским деловым миром. Анастас Иванович бывал там еще до войны, и у него сохранились какие-то личные связи. Мы верили, что, когда Микоян появится в Вашингтоне, там найдутся люди из деловых кругов, которые захотят установить с нами контакты. В любом случае мы хотели почувствовать, какие там существуют веяния. Главное, хотели выяснить перспективы развития торговли с США. Когда Микоян находился в США, Фидель пригласил его посетить

на обратном пути Кубу. Микоян поехал туда, посмотрел, поговорил[751]. Но и только. Ведь у нас дипломатических отношения с Кубой не было, и Кастро пока придерживался в отношении нас осторожной политики.

Характерным для обстановки на Кубе в то время и для роли Фиделя был, например, такой анекдот. Кубинское революционное руководство попало на небо. Вышел к ним апостол Петр и велел всем построиться, затем сказал: «Коммунисты, три шага вперед!» Вышел Гевара, вышел Рауль, еще кто-то, а все остальные стоят на месте. Тогда Петр крикнул Фиделю: «Эй, ты, большой, а ты не слышишь, что ли?» То есть считали, что Фидель – коммунист, а на небесах он себя вовсе не считал коммунистом и полагал, что услышанная команда к нему никакого отношения не имеет. Вот характерное явление для Кубы того времени.

Вскоре у нас были установлены дипломатические отношения с Кубой[752], и СССР направил туда свою делегацию. Кубинцы вынуждены были обратиться к нам за помощью: американцы лишили их нефти, их главного источника энергии. Жизнь на острове едва не замерла, и нам пришлось срочно организовать доставку нефти на Кубу. По тем временам это была довольно трудная задача: у нас не имелось достаточного количества танкеров или других подходящих морских посудин, и нам пришлось срочно мобилизовывать из числа действующих в ущерб уже шедшим перевозкам, а также закупать и заказывать танкеры, чтобы обеспечить Кубу нефтепродуктами. Тогда итальянцы продали нам много танкеров. На этой почве возник даже конфликт Италии с США: американцы обвинили Италию в том, что она «не проявила солидарности». Этот случай свидетельствует и о взаимоотношениях между капиталистическими странами: если можно заработать, то никакая солидарность особенно во внимание не принимается.

Когда у нас установились дипломатические отношения с Кубой, мы направили послом туда профессионального дипломатического работника С.М. Кудрявцева. Кроме того, там находился «журналист» из ТАСС Алексеев, особый сотрудник[753]. Фидель и особенно Рауль Кастро сразу увидели, что это не просто журналист, а представитель определенного ведомства. Они установили с ним доверительные отношения. Когда им что-либо было нужно, то они чаще обращались прямо к Алексееву, чем к послу. Алексеев сейчас же связывался с Центром и сообщал нам о нуждах Кубы. Посол же повел себя нескладно. Обстановка на Кубе накалялась, начали уже «постреливать», и он потребовал, чтобы ему предоставили особую охрану. Кубинское руководство – бывших партизан – это удивляло и раздражало: они-то

представляют собой, пожалуй, более выгодную мишень для врагов революции, а ходят без охраны; наш же аристократ-коммунист требует для себя каких-то особых условий, которые абсолютно исключили бы для него возможность неприятностей.

Когда мы увидели, что это ведет к ухудшению наших взаимоотношений, то отозвали оттуда посла. Такой человек не годился для революционной Кубы. Новым послом решили утвердить Алексеева, к которому кубинские товарищи уже привыкли, хорошо его узнали и которому доверяли. Он в их глазах был «своим». Значит, выбор окажется удачным. Дальше – больше! Кастро повел себя завзятым коммунистом. Так он себя еще не именовал, но коммунистов стали привлекать к управлению страной.

К тому времени президент, которого назначили прямо на митинге после занятия Гаваны, сбежал в США[754]. Причиной послужила начавшаяся национализация предприятий и конфискация имущества американских богатеев. Затем стали ограничивать помещиков. Там имелись очень крупные латифундии. Тут сразу многие из тех, кто прежде боролся вместе с Кастро и приветствовал его как человека, который возглавил борьбу за независимость и изгнание Батисты[755], отвернулись от революции, ибо многие, сражавшиеся рядом с Кастро, не хотели больших социальных перемен на острове. Им надоел продажный режим Батисты, и они выступили против него, но у них и в мыслях не было изменить общественный строй на Кубе. Им нужен был новый «свой человек», будь то Батиста, Кастро или кто-либо еще, безразлично кто.

Американцы на первых порах тоже рассматривали Кастро именно так и считали, что капиталистические устои на Кубе нерушимы. А когда Кастро заявил, что Куба стала на путь строительства социализма, время было уже упущено и организованных сил, которые дрались бы за интересы США на Кубе, не существовало. Поэтому для них оставался теперь единственный выход – вторжение извне.

Между тем кубинцы попросили у нас вооружения. Мы передали им танки, артиллерию, послали своих инструкторов. Кроме того, отправили зенитные пушки и несколько самолетов-истребителей. В результате Куба довольно солидно вооружилась. Главным недостатком кубинской армии было отсутствие у нее должного боевого опыта. Танками они вообще не умели пользоваться. Из опыта партизанской борьбы им было знакомо лишь личное оружие: карабин, автомат, граната, пистолет.

О начале вторжения на Кубу[756] мы узнали из сообщений зарубежных радиостанций. Какими силами и кто вторгся, мы не

знали. Кубинские ли это заговорщики или сами американцы? Мы считали, что при всех случаях и под любой маркой, но вторжение обязательно должно быть с участием американцев.

Фидель быстро мобилизовал свои силы и довольно легко отделался, разгромил контрреволюционеров[757]. Американцы слишком доверились заговорщикам, полагая, что при помощи их оружия эти кубинцы справятся с Кастро, но просчитались. После победы Фиделя мы усилили помощь Кубе: давали ей столько вооружения, сколько кубинцы могли освоить. Вопрос стоял тогда не о количестве или качестве оружия, а о наличии кадров, которые могли бы владеть современным оружием.

Когда еще не были разгромлены силы вторжения, Кастро выступил с декларацией, что Куба пойдет по социалистическому пути[758]. Нам это было не совсем понятно. Ведь это не способствовало консолидации в тот момент более широкого круга сил против вторжения и сразу отбрасывало от Кастро людей, которые лично выступали против социализма. Тогда раздавались отдельные голоса, что Кастро сделал это заявление потому, что, видимо, сам не очень-то верил, что одержит победу над вторгшимися контрреволюционерами, и ему хотелось, если уж погибнуть, так «с музыкой». Конечно, с точки зрения личной храбрости его действия были правильными. Но с точки зрения тактики этого не следовало делать. И все же он победил, разбил контрреволюционеров, взял часть их в плен.

Мы приветствовали эту победу, но были уверены, что тут – только начало, что американцы не успокоятся. Американцы доверились кубинским эмигрантам, эмигранты были разбиты. Они не откажутся от повторения агрессии, но это станет повторением на новой основе. Они учтут уроки поражения и переорганизуются.

Между тем в Европе разразился Берлинский кризис[759]. Наши отношения с США сильно накалились. Однако президент Кеннеди предпринимал со своей стороны шаги, чтобы нам как-то договориться. Правда, договориться на американской основе. Он считал, что в такой основе наших отношений должен лежать, как он говорил мне в Вене, статус-кво. Мы тоже стояли на позициях статус-кво (имею в виду наше правительство и Центральный Комитет партии). Дело заключалось в том, что понимание этого статус-кво у нас различалось.

Я, например, считал, что статус-кво распространяется только на нерушимость границ при военном вмешательстве одного государства в дела другого. А президент Кеннеди распространял статус-кво и на внутренние порядки в каждом государстве. Я ему сказал, что это просто немыслимо: «Вы хотите, чтобы мы с вами,

договорившись, обеспечили всюду господство эксплуататоров? Политическое устройство – это же внутренний вопрос. Вы же сами, США, освободились войной от колониальной зависимости и упорно воевали с Англией. А теперь вы хотите, чтобы как раз в таких случаях, в каком вы вели войну против Англии за свое освобождение, мы выступали на стороне реакции? Это же немыслимое дело».

Уже имелись исторические примеры несостоятельности такого подхода. Возник когда-то в Европе Священный союз[760], но он ничего не смог предотвратить и потом распался. Нас больше всего беспокоил тогда Берлин, а также Куба. Это были основные точки, где мы чувствовали возможность столкновения. В Берлине возможно было прямое столкновение. Нужно сказать, что там американцы при выполнении своих договорных обязательств вели себя довольно лояльно. Но они требовали, чтобы и мы не нарушали их. Это было вызвано тем, что там они были более уязвимы, чем мы, потому что связь с Западным Берлином[761] должны были держать через территорию, занятую советскими войсками, на которой образовалось новое немецкое государство – ГДР, развернувшее строительство на социалистических началах.

Мы все делали, что было в наших силах, чтобы не допустить войны, но и чтобы Западный Берлин одновременно высвободить из-под военного влияния западных стран, чтобы не находились там их гарнизоны. Наша цель – сделать Берлин вольным городом. Об этом мы говорили в своих выступлениях и открыто, и дипломатическим путем, предлагали соответствующие переговоры. Но Запад отверг наши предложения. Поэтому мы делали тогда все, что в наших силах, чтобы принудить его к этому.

Особенно боролись мы (еще и сейчас продолжается эта борьба) против претензий Западной Германии на Западный Берлин, включения его в состав ФРГ. Это противоречит Потсдамскому соглашению и всему сложившемуся пониманию послевоенной ситуации, и мы делали все, чтобы помешать этому. То есть в данном конфликте, если он возник бы, больше мы являлись «зачинщиками». «Зачинщиками» же стали потому, что хотели устранить опухоль, которая там существовала, да и сейчас существует и грозит разрастись, вылиться в военное столкновение. Запад противостоял нам и не соглашался с нами.

Вот один пункт остроты. Второй пункт – Куба. Когда кубинские контрреволюционеры организовали нападение на Кубу и высадили там десант, здравомыслящему человеку было ясно, что это сделано с благословения США. Иначе и быть не могло.

Высадка оказалась возможной только при поддержке военными средствами США. Мы ожидали, что там со стороны США будет оказана также прямая поддержка военными силами, но этого не произошло. Однако была все же предпринята акция, которая могла стоить потери завоеваний кубинского народа, утраты возможности строительства социализма на Кубе.

Хотя контрреволюционеры потерпели поражение при высадке своего десанта на Кубе, надо было оставаться совершенно нереалистичным человеком, чтобы считать, что на этом все кончилось. То было лишь начало, хотя и неудачное начало. Но неудачное начало ведет к желанию взять реванш. Соответственно и печать начинала уже обрабатывать и готовить общественное мнение в том духе, что надо ожидать новую акцию со стороны контрреволюции. Но теперь будет не такое вторжение, которое предпринималось и которое Фидель Кастро легко разбил. Урок, который получили США, будет учтен. Поэтому, если последует новая акция, то ее организуют большими силами и с лучшей подготовкой. Даже если США и не станут прямо участвовать, а опять полезут контрреволюционеры, то вместе с ними туда поедут организованные, хорошо вооруженные и в большом количестве войска США, но в форме кубинцев. Пока разберутся, что это действуют не кубинские контрреволюционеры, а вооруженные силы США, дело уже будет сделано. Возможны различные варианты.

Можно было опять использовать контрреволюционеров, но при другой их организации, при другом соотношении сил или даже прямом вмешательстве США. Тем более что от нас до Кубы 11 тысяч километров, а США от Кубы отстоят в нескольких десятках миль. А если принять во внимание мощную американскую базу на Кубе, то можно сказать, что США уже находятся на Кубе. Они могли организовать вторжение и оттуда. Всегда можно будет объявить: вот, кубинцы напали на военную базу, нарушили договор, и мы должны защищаться, а теперь в порядке самозащиты наказали тех, кто напал на нас. Они не смирятся, обязательно найдут возможность и оправдание для новой агрессии. Всегда прав тот, кто силен. Иди потом, разбирайся, кто прав, а кто виноват, когда уже Кубы не будет, Фиделя не будет, а сядет в Гаване какой-то новый Батиста, который начнет разговаривать со всем миром от имени кубинского народа. Каждому мало-мальски опытному человеку будет ясно, что это ложь и клевета. Но дело-то сделано, и судить некого. А главное, что некому судить, пока империализм в целом еще сохранился. Судить, собственно, будет и некому, потому что судит ООН. А где этот суд ООН? Мы уже знали много примеров,

как судят в ООН США и какой результат от такого суда. Остается моральный суд. Но, когда вопрос решается оружием, мораль отбрасывается.

Надо было что-то предпринять, чтобы обезопасить Кубу. Но как? Какими-то вооруженными силами с нашей стороны? Или какими-либо заявлениями, которые мы можем сделать в виде ноты или предупреждений ТАСС? Все это не очень-то подействует на американских агрессоров, не произведет на них даже впечатления, если они не увидят за этими предупреждениями реальной силы и каких-то реальных акций. Подобные действия иной раз приносят даже вред. Об этом хорошо сказано в давнем рассказе: пастухи предупреждали для профилактики – вон волк, волк, волк, а волка-то и не было, когда же волк взаправду напал, опять закричали – волк, волк! Однако уже никто не обратил внимания, и волк сделал свое дело[762].

Таков теперь «классический» китайский способ действий. После тысячи строгих предупреждений[763], которые они сделали американцам, как говорится, американский Васька слушает, да ест. Такой метод был опасным раньше и остается опасным сейчас. Мы предусматривали такую опасность и считали, что подобным способом надо пользоваться только в меру. Если предупреждаешь, то продумай, что ты можешь реально сделать, коль скоро предупреждения не возымеют действия. Если предупреждать впустую, то приучишь противника, что ты болтун, делаешь пустые заявления, за которыми никаких реальных акций не следует, поэтому не следует и обращать на них внимания. Следовало поэтому предпринять что-то реальное. Должен признаться, что меня очень занимала эта проблема.

Потеря революционной Кубы, которая первой из латиноамериканских стран, ограбленных США, встала на революционный путь, понизит у народов других стран волю к революционной борьбе. Наоборот, сохранение революционной Кубы, которая идет по пути строительства социализма, в случае успешного развития ее в этом направлении и повышения жизненного уровня кубинского народа до такой степени, чтобы он стал как бы прожектором, желанным маяком для всех обездоленных и ограбленных народов латиноамериканских стран, оказалось бы в интересах марксистско-ленинского учения. Это соответствовало стремлению народов СССР освободить мир от капиталистического рабства для перестройки общественной жизни на марксистско-ленинских, социалистических, коммунистических началах. Но как это сделать, имея в виду территориальное расположение нашей страны, удаленность Кубы от нас, близость Кубы к США и наличие к тому же на территории

Кубы военной базы США?[764] Сложилась тяжелая ситуация. США всегда рассматривали Кубу как свой штат, только юридически не оформленный таковым. Кубинский диктатор Батиста был подставным лицом и выполнял волю США: он сам грабил свой народ и давал возможность грабить его империалистам США. США были убеждены в незыблемости своей власти на Кубе. Они считали, что правительства могут там меняться, но реальная власть, власть американских монополий, всегда сохранится.

Как-то в дружеской беседе я сказал Фиделю: «Вы ведь победили потому, что тут получился первый такой случай среди латиноамериканских стран». Обычно у них один диктатор уступает место другому диктатору, который приходит к власти любыми доступными средствами, в том числе военными. США при этом сохраняют нейтралитет, занимают позицию невмешательства. Всем известно, на чем это невмешательство основано. Одно имя уже использовано империалистами США, они уже пограбили Кубу и дали Батисте возможность грабить и нажить себе капитал. Потом диктатор уходит, потому что изжил себя и далее нетерпим. Его выгоняет другой, который поднимает восстание и приходит к власти, а США при этом не страдают. Был прежде Батиста, пусть теперь будет на Кубе другой, к примеру Кастро. Главное, чтобы положение США было сохранено на Кубе. Они так и считали.

Если бы они допускали, что с изгнанием Батисты, с разгромом его войск Фиделем Кастро они потеряют Кубу, лишатся своих капиталов и Куба перейдет на позиции социалистического строительства, то очень мало потребовалось бы средств со стороны США, чтобы помочь Батисте и не допустить его разгрома. Они имели эту возможность. Во-первых, сам Батиста обладал войсками и вооружением лучшим, чем Фидель. У него были и танки, и авиация, и артиллерия. Что, народ его не поддержал? США могли найти достаточное количество наемных лиц, которых можно было бы послать на Кубу в виде кубинских танкистов, летчиков и даже простой пехоты, чтобы поддержать Батисту и не допустить его свержения. И США сделали бы это. Но они думали, что здесь налицо просто смена имен, а социально-политическое положение, установившееся на Кубе, незыблемо, как и в других латиноамериканских странах, в которых господствует американский капитал и где правительства прямо или косвенно служат США и прикрывают грабеж своих стран американскими монополиями.

Когда я это высказал Фиделю Кастро, он запротестовал: «Нет! Нет! Нет! Мы разбили бы их». Я сказал: «Давайте на этот счет не будем вести дискуссию, останемся каждый при своем мнении».

Ведь за примерами недалеко ходить: панамский кризис, интервенция в Доминиканской Республике и пр.[765] Там тоже для прогрессивных сил сложились очень благоприятные условия. Но американцы бесцеремонно высадили свои войска, когда местные правители уже не могли справиться, и нашли даже какие-то юридические оправдания для себя. Я уже не говорю о Бразилии. Можно упомянуть и Венесуэлу, и Гватемалу. Таких примеров очень много. Поэтому надо было ожидать, что агрессивные силы США сделают вывод из урока, который они получили. А им нанес если не военный, так моральный удар, нанес пощечину Фидель, разгромив контрреволюционные силы, которые были высажены на Кубе. Тут был нанесен и военный ущерб США, потому что все догадывались, что США вооружали эти силы.

Я был уверен, что новая высадка неотвратима, что это лишь вопрос времени и что в очень недалеком будущем американцы повторят ее. Зачем им терять много времени? Надо действовать под шумок, пока еще не улеглось возбуждение общественного мнения, подогретого вторжением контрреволюционеров.

В 1962 году я возглавлял делегацию Советского Союза, которая ездила в Болгарию по приглашению болгарских ЦК компартии и правительства. Там проходили хорошие, дружеские беседы, встречи с народом. Какие еще могли быть встречи в Болгарии? Я и не знаю, что́ вообще может быть теплее, искреннее, чем эти встречи. Нас с Болгарией связывает давняя история. Она берет свое начало еще в те времена, когда турки оккупировали Болгарию. Наша дружба хорошо описана, в частности у Тургенева. Помните его героя Инсарова?[766] Болгарина, который жил и учился в России, а потом уехал бороться за свободу своей родины? Очень хорошо написано. Каждый, кто следит за общественной жизнью Восточной Европы и нашими отношениями с болгарами, сам все это видит и чувствует. А те из нас, кто побывал в Болгарии и встречался с болгарским народом, особенно в деревнях, хорошо это знают лично. С руководителями Болгарии, Живковым[767] и другими членами Политбюро и правительства, разговоры велись откровенные, прямые, без всяких там задних мыслей. Каждый определял сразу свою позицию, и этот наш взаимный обмен мнениями выливался в единое понимание дела. Думаю, что такое же положение вещей существует и сейчас.

Ездил я по Болгарии, а мой мозг неотвязно сверлила мысль: «Что будет с Кубой? Кубу мы потеряем!» Это был бы большой удар по марксистско-ленинскому учению, и это отбросит нас от латиноамериканских стран, понизит наш престиж. И как на нас потом будут смотреть? Советский Союз – такая мощная держава,

а ничего не смог сделать, кроме пустых заявлений, кроме протестов и вынесения вопроса на обсуждение ООН, как это случается. На все такие протесты, которыми пользуются в подобных случаях, США и другие империалистические страны почти не обращают внимания. Идет, конечно, дуэль через печать, через радио и потом кончается, все стирается временем и остается так, как сделал агрессор. Это для меня было совершенно ясно.

Надо было что-то придумать. Что? Очень сложно найти вот это что-то, что можно было противопоставить США. Естественно, сразу напрашивалось такое решение: США окружили Советский Союз своими базами, расположили вокруг нас ракеты. Мы знали, что ракетные войска США стоят в Турции и Италии, а про Западную Германию и говорить нечего! Мы допускали, что, возможно, есть они и в других странах. Они нас окружили военно-воздушными базами, и их самолеты находятся на расстоянии радиуса действия от наших жизненных промышленных и государственных центров. А самолеты эти вооружены атомными бомбами. Нельзя ли противопоставить им то же самое? Однако все это не так просто!

Я, как Председатель Совета Министров СССР и Первый секретарь ЦК партии, должен был так решить вопрос, чтобы не вползти в войну. Ума-то никакого особого не требуется, чтобы начать войну. Требуется больше ума кончить ее. Дураки легко начинают войну, а потом и умные не знают, что делать. Существовала и другая трудность. Очень просто поддаться крикам со стороны США и перейти на словесную дуэль, которая в вопросах классовой борьбы мало чего стоит.

А когда Даллес объявил свою политику скалывания, то есть постепенного отрыва страны за страной от социалистического лагеря или же стран, которые находятся с нами в дружеских отношениях, то он нацелился подчинять их своему влиянию. Но так как капиталистическая идеология не является сейчас уже особо привлекательной для большинства народов, то здесь больше всего Даллес рассчитывал именно на силу, на военную силу. И я подумал: а что, если мы, договорившись с правительством Кубы, тоже поставим там свои ракеты с атомными зарядами, но скрытно, чтобы от США это было сохранено в тайне? Надо будет поговорить с Фиделем Кастро, обсудить нашу тактику и цели, которые мы преследуем. Когда все будет обговорено, можно начинать такую операцию. Я пришел к выводу, что если мы все сделаем тайно и если американцы узнают про это, когда ракеты уже будут стоять на месте, готовыми к бою, то перед тем, как принять решение

ликвидировать их военными средствами, они должны будут призадуматься.

Эти средства могут быть уничтожены США, но не все. Достаточно четверти, даже одной десятой того, что было бы поставлено, чтобы бросить на Нью-Йорк одну-две ядерные ракеты, и там мало что останется. Атомная бомба, сброшенная США на Хиросиму, имела мощность в 20 тысяч т взрывчатки. А нашу бомбу в миллион тонн еще никто не проверил на себе. Но по нашим испытаниям было известно, что разрушения производятся колоссальные. Я не говорю, что все бы там погибли. Нет, не все бы погибли, но трудно сказать, сколько не погибло бы. Одним словом, ученые и военные, которые имеют отношение к атомному оружию, хорошо себе все это представляют. Думалось, что это сможет удержать США от военных действий. Если бы сложилось так, то было бы неплохо: получилось бы в какой-то степени «равновесие страха», как Запад это сформулировал.

Они окружили нас военными базами и держат под возможностью ударов нашу страну. А тут американцы сами бы испытали, что означает такое положение. Мы-то уже привыкли к этому. Мы за последние полвека провели на своей земле три больших войны: Первую мировую, Гражданскую и Вторую мировую, а США войн на своей территории давно не имели. Они во многих войнах участвовали, но при этом обогащались, затрачивая минимальное количество крови своих людей, а наживали миллиарды и грабили весь мир… Я ходил, думал, и все это постепенно созревало во мне. Никому я свои мысли не высказывал, потому что это было мое личное мнение, мои душевные страдания. Я тогда просто ни с кем не мог поделиться ими. В Болгарии с Живковым я поделиться ими тоже не мог, потому что я со своими товарищами по партии еще ничего не обсуждал. Как же я могу обмениваться мнениями даже с самой дружеской страной и дружеским руководством, не обговорившись у себя и не заручившись согласием своих товарищей по Центральному Комитету КПСС и правительству?

Когда я вернулся в Советский Союз, то продолжал обдумывать этот вопрос. Потом мы собрали заседание, и я сказал на нем, что хотел бы изложить свои взгляды по вопросу о Кубе, и произнес то, что обдумал. Сказал, что иначе Куба будет разгромлена, что нельзя надеяться на то, что во второй раз вторжение будет организовано так же плохо. Фидель Кастро уже не сможет добиться победы, ибо опыт разгрома десанта Фиделем будет учтен, и поэтому сразу будет брошено туда большее количество оружия и людей, и не в одной точке. Остров Куба растянулся на значительно больше тысячи километров, а в

поперечнике имеет в отдельных местах лишь около 50 километров. Поэтому Куба очень уязвима для морских десантов. США, которые имеют огромный воздушный и морской флот, ничего не стоит организовать высадку десанта в любой точке и таким образом заставить рассредоточить оборонительные силы Кубы, сделав их фактически неэффективными. И вообще для армии США разбить армию Кубы больших трудностей не составит.

Товарищи меня слушали. А я сразу же, как закончил изложение своей точки зрения, сказал: «Давайте сейчас этого не решать. Я только высказал вам свои соображения. Вы не подготовлены к решению такого вопроса, должны все обдумать. И я тоже еще подумаю с тем, чтобы через неделю нам снова собраться и еще раз все обсудить. Мы должны очень хорошо все взвесить. Я считаю своим долгом предупредить, что эта акция повлечет за собой много неизвестного и непредвиденного. Мы, конечно, хотим сделать все, чтобы обезопасить Кубу и чтобы Кубу не раздавили. Но мы можем втянуться в войну. Это тоже надо иметь в виду. Если, к примеру, Куба будет ликвидирована как социалистическая страна, а Советский Союз останется, то народ Кубы через какое-то время опять нарастит свои силы и она вновь будет свободной, станет социалистической. Конечно, если Куба будет сейчас разбита, то такая историческая возможность отодвинется надолго не только для Кубы, но и для других латиноамериканских стран. Но еще хуже, если Советский Союз потерпит поражение, будет разрушен, опять должен будет восстанавливаться. Это нанесет куда больший ущерб международному коммунистическому движению, чем потеря одной Кубы.

Нам надо так сделать, чтобы сохранить свою страну, не допустить войны, но и не допустить, чтобы Куба была разгромлена войсками США. Нужно добиться, чтобы сохранилось то положение, которое существует сейчас, и способствовать дальнейшему его развитию в сторону укрепления и развития социалистического строительства на Кубе. Нужно сделать Кубу факелом, притягательным магнитом для всех обездоленных народов латиноамериканских стран, которые ведут борьбу против эксплуатации их американскими монополиями. Подогревающий огонь социализма со стороны Кубы будет ускорять процесс борьбы этих стран за независимость».

Прошла неделя. И я опять поставил этот вопрос. Спрашиваю: «Ну, как, товарищи, подумали?» – «Да, подумали». – «Ну и как?» Первым слово взял товарищ Куусинен[768]. Он сказал: «Товарищ Хрущев, я думаю так. Если вы вносите теперь такое предложение

и считаете, что нужно принять такое решение, то я вам верю и я голосую вместе с вами. Давайте делать дело». Мне, с одной стороны, было лестно слышать это, а с другой – и слишком тяжело. Его ответ возлагал всю ответственность на меня, но я очень уважал Куусинена, знал его честность и искренность и поэтому по-хорошему воспринял его слова. Товарищ Микоян[769] выступил с оговорками. В таких вопросах без оговорок, конечно, нельзя. Но его оговорки заключались в том, что мы решаемся на опасный шаг. Однако это я и сам сразу высказал. Я даже так заявил, что этот шаг, если грубо сформулировать, стоит на грани авантюры. Авантюризм заключается в том, что мы, желая спасти Кубу, сами можем ввязаться в тяжелейшую, невиданнейшую ракетно-ядерную войну. Этого надо всеми силами избежать, а сознательный вызов такой войны есть действительно авантюризм.

Я-то был против войны. Но если жить только под давлением боязни и в том смысле, что всякая наша акция в защиту себя или в защиту наших друзей вызовет ракетно-ядерную войну, – это, следовательно, означает парализовать себя страхом. В таком случае война возникнет наверняка. Враг сразу почувствует, что ты боишься, если он придет с войной. Или же ты без войны станешь уступать постепенно свои позиции и дашь возможность врагу достичь его целей. Или же ты своей боязнью и уступчивостью так разохотишь врага, что он потеряет всякую осторожность и уже не будет чувствовать той грани, за которой война станет неизбежной.

Такая проблема стояла раньше и стоит сейчас. Надо не желать войны и делать все, чтобы не допустить войны, – но не бояться войны. Если создается невыгодная ситуация, то ты должен отступить. Однако если отступление есть начало конца твоего сопротивления, так лучше уж рискнуть. На миру и смерть красна! Попытаться сокрушить своего врага, а если война будет навязана им, сделать все, чтобы выжить в такой войне и добиться победы. Вот, собственно, как мы все понимали сложившуюся ситуацию. Я и сейчас много об этом думал. Я вот уже сколько лет нахожусь на положении неработающего пенсионера: особых дел у меня нет, в настоящем и будущем у меня особых вопросов не возникнет, поэтому я и живу анализом пройденного пути. А путь, пройденный мною, хороший, и я его не только не стыжусь, а горжусь им.

Карибский кризис является украшением нашей внешней политики, в том числе моей как члена того коллектива, который проводил эту политику и добился блестящего успеха для Кубы, не сделав ни единого выстрела.

Как далее развивался кризис, когда мы приняли решение о

том, что целесообразно поставить ракеты с атомными зарядами на территории Кубы и таким образом поставить США перед фактом, что если они решатся вторгнуться на Кубу, то Куба будет иметь возможность нанести сокрушительный ответный удар? Это был бы, конечно, не разгром США. Но им были бы нанесены очень большие разрушения. Отсюда мы сделали вывод, что эта перспектива удержит власть имущих в США от вторжения на Кубу. К такому выводу все мы пришли после двукратного или трехкратного обсуждения моего предложения. Я предлагал не форсировать это решение, чтобы оно выкристаллизовалось в сознании каждого и каждый бы, понимая его последствия, знал, что оно может привести нас к войне с США. Решение было принято единодушно.

Разработка операции была поручена товарищу Малиновскому[770], к этому делу был допущен узкий круг людей. Подсчитали мы наши ресурсы и пришли к выводу, что можем послать туда ракеты с миллионным по мощности зарядом каждая. Дальность полета этих ракет была, по-моему, у большинства из них две тысячи километров (баллистическая ракета Р-12. – *С. Х.*), а 4 или 5 ракет могли лететь и четыре тысячи километров (Р-14. – *С. Х.*). Были выбраны точки размещения стартовых позиций; примерились, с какой точки могут быть поражены какие объекты. То есть была проведена проработка использования ракет в целях нанесения максимального урона противнику. Получалось грозное оружие, очень грозное! Но этого было мало.

Мы считали, что если уж ракеты ставить, то их следует охранять, защищать. Для этого нужна пехота. Поэтому решили послать туда также пехоту, что-то около нескольких тысяч человек. Кроме того, были необходимы зенитные средства. Потом решили, что нужны еще и танки, и артиллерия для защиты ракет в случае высадки врагом десанта. Мы решили направить туда зенитные ракеты класса «земля – воздух», хорошие ракеты по тому времени. У нас имелись зенитные ракеты разных калибров и образцов. Первые из них уже устарели, и мы решили послать самые последние модели, которые были запущены в производство и поступали на вооружение Советской Армии.

Естественно, с этим оружием мы посылали туда и свой командный состав, и обслугу. Мы не могли привлекать кубинцев к этому делу потому, что они еще не были подготовлены к эксплуатации ракет. Потребовалось бы большое время, пока они подготовятся. Кроме того, на первых порах мы хотели сохранить абсолютную секретность и считали, что чем больше людей привлекается, тем больше возможность утечки информации. В результате набиралось несколько десятков тысяч человек наших

войск[771]. Для управления ими надо было создать штаб. Малиновский, как министр обороны, предложил утвердить руководителем генерала армии Плиева[772], осетина по национальности. Вызвали генерала Плиева, и я с ним побеседовал. Он был человек уже в летах, больной, но знающий свое дело. Прошел Отечественную войну, да, по-моему, и в Гражданской войне поучаствовал. Я его более или менее знал по Второй мировой войне в качестве командира кавалерийского корпуса. Умный человек. Плиев сказал, что если будет утвержден, то посчитает для себя за честь поехать на Кубу и выполнить задание, которое на него возлагается.

Когда точно подсчитали, что необходимо перебросить на Кубу, было дано задание подумать, какое количество кораблей понадобится, чтобы в максимально короткое время перевезти всю эту технику. Это было поручено работникам армейского и флотского тыла в Министерстве обороны и Министерстве морского флота. Они должны были обеспечить выполнение операции. Затем мы решили направить на Кубу нашу военную делегацию. Основная ее задача – проинформировать Фиделя о наших предложениях и заручиться его согласием. При наличии его согласия наши люди должны были осмотреть местность, выбрать точки для расположения ракет и изучить места расположения остальных войск. Одним словом, машина завертелась.

Больше всего нас беспокоило, чтобы наша операция не была раньше времени раскрыта с воздуха. Американцы непрерывно летали над Кубой. А Кубу можно разведывать не только прямыми полетами, но и летать параллельно берегу над нейтральными водами, делая снимки почти всей территории острова. Куба ведь длинная и узкая, поэтому можно так летать и фотографировать ее. Американцы проводили наглую политику, бесцеремонно вторгаясь на территорию соседей, да и не только соседей. Они летали там, где считали это выгодным для обороны США, игнорируя суверенитет соседних стран. Нас интересовало, насколько можно сохранить секретность в таких условиях? Разработали план: что надо сделать, чтобы не допустить преждевременного выявления с воздуха наших замыслов. Послали туда для переговоров Маршала Советского Союза Бирюзова[773]. С ним я познакомился еще под Сталинградом, когда к нам после окружения войск Паулюса прибыла в подкрепление 2-я Гвардейская армия, чтобы организовать должное сопротивление, если Гитлером будут посланы войска на выручку Паулюса. Эту армию мы тогда поставили на юге, и правильно сделали. Гитлер как раз с юго-запада и двинул туда

группу войск под командованием Манштейна. Основной нашей силой на том участке фронта была как раз 2-я гвардейская армия. Она приняла на себя основной удар врага и нанесла сокрушительный контрудар Манштейну. Гитлер вынужден был вернуть Манштейна назад, тем самым Паулюс был обречен на гибель. Вот там-то я и познакомился с Бирюзовым, который являлся начальником штаба 2-й гвардейской армии. Потом он стал начальником штаба Южного фронта, когда я был там членом Военного совета, а Малиновский – командующим войсками. Одним словом, Бирюзова я знал и высоко ценил.

Когда мы договорились о необходимости установки ракет с ядерными головками на острове Куба и заручились согласием Фиделя Кастро, то послали, как я уже сказал, туда военных для продолжения переговоров с Фиделем и для изучения на местности возможностей расположения ракетного вооружения. Мы хотели скрытно поставить ракеты, чтобы США через свою агентуру и воздушную разведку не смогли их обнаружить. Это было очень важное обстоятельство. То есть мы хотели сосредоточить ракеты на Кубе тайно от США. Нужно было, чтобы США не смогли упредить нас и высадить прежде того свой десант под американским флагом или флагом кубинских контрреволюционеров. Форма не имела значения, нас интересовала суть: чтобы Куба оставалась при своих революционных завоеваниях и чтобы стала флагманом социалистических стран на Американском континенте, вела бы свое развитие под марксистско-ленинским знаменем. Вот наше желание.

Итак, мы послали туда Бирюзова с соответствующим штатом штабных работников ракетных войск, чтобы они смогли оценить, как лучше расположить ракеты. Они приехали оттуда и доложили нам, что, по их мнению, размещение ракет можно скрыть. Тут проявились невысокие качества этих разведчиков: они наивно считали, что пальмы будут маскировать установку ракет. Дело в том, что мы имели в виду установку ракет только в наземном варианте. Чтобы сделать для них шахты и лучше замаскировать, а самое главное – повысить их устойчивость в боевом отношении, чтобы взрыв бомбы вблизи поставленной ракеты не разрушил бы ее, такого мы, конечно, и в мыслях не имели. Для этого требовалось большое время, а времени у нас не было. Поэтому решили провести работу в два этапа. Сначала поставить ракеты в наземном варианте. Это – простая вещь, потому что все оборудование уже было изготовлено. Надо было только перевезти ракеты и средства установки, а там их, буквально за несколько дней, можно будет поставить. Даже сами ракетные команды

могли это сделать.

И вот привезли посланцы такие ободряющие впечатления, что тогда же мы приняли решение о реализации замысла. Большую работу возложили на министра морского флота. Он блестяще справился с этой задачей. Нужно было мобилизовать флот, и только собственный, советский флот. У нас имелись обязательства, как внутренние, так и договорные, по торговым соглашениям о перевозке грузов. Нужно было помимо этого выделить флот, который обеспечил бы своевременную перевозку ракет. Установили сроки (сейчас не помню, какие), то были максимально короткие сроки. Следовало договориться и с иностранными судовладельцами, чтобы частично зафрахтовать их корабли для перевозки наших обычных грузов. В общем, сложная работа, и эта работа была блестяще выполнена. Все мы заслуженно хвалили за нее министра морского флота[774].

Наши грузы потекли на Кубу. Корабли шли без военно-морского сопровождения. Все размещалось на тех же кораблях. Когда грузили ракеты, то грузилась и команда в штатском, никто в военной форме туда нами не посылался. Еще раньше мы послали на Кубу войска, которые должны были охранять ракеты, когда они будут поставлены. Эти войска встречали грузы и разгружали их в особых портах, в которые не допускали никаких посторонних глаз. Там должны были находиться только глаза советских людей. Мы об этом заранее договорились с Кастро, потому что боялись, что среди кубинцев существует много ненадежных людей. В обычных портах, где скапливается много народа, американские разведчики, безусловно, наблюдают за приходящими грузами. Поэтому первый же корабль был бы засечен и было бы расшифровано, какие прибыли грузы. Мы этого не хотели, и все делалось нашими людьми. Установка ракет на месте проводилась тоже нашими людьми. Охрана в районах, где устанавливались ракеты, тоже состояла из наших людей. Одним словом, максимально хотели обезопасить себя от утечки информации, чтобы она не стала достоянием американской разведки.

По-моему, на первом этапе мы с поставленной задачей справились. США не знали, что мы завозим на Кубу ракеты. Потом это стало трудно скрывать. Регулярно потянулись гуськом корабль за кораблем, и эти корабли не заходили в обычные порты, разгружались скрытно. Естественно, разведка должна была сразу же засечь ненормальные явления с транспортировкой и разгрузкой грузов. Если такая секретность соблюдается, следовательно, тут какие-то особо секретные, военные грузы. Американцы стали усиленно работать, чтобы выяснить, какие это

грузы. Когда ракеты встали на место, уже не представляло особой трудности узнать, что́ там были за грузы. Когда мы получили снимки с воздуха, которые были опубликованы американской печатью, то явно было видно, что стоят ракеты класса «земля – земля», то есть для удара с Кубы по США. Американцы правильно расшифровали их. Пресловутые пальмы ничего не прикрыли, и наши «разведчики» постыдно оскандалились.

Кроме того, на Кубу приехало довольно много войск. Хотя эти войска и не появлялись в населенных пунктах, но все же налицо люди, и в населенной местности. Куба ведь не пустыня, не джунгли, а обжитой остров. Видимо, присутствие наших войск не было секретом для населения Кубы, и это тоже демаскировало нашу работу. Но самое главное – поток кораблей. Кроме ракет мы послали туда довольно значительное количество танков, ракеты класса «земля – воздух» и для усиления ракетной техники самолеты Ил-28. То были старые бомбардировщики. Мы уже давно сняли их с производства и постепенно снимали с вооружения. Они считались нами непригодными. Но мы считали, что в условиях Кубы, в условиях простой обороны, они смогут сыграть свою роль. Их можно использовать для береговой охраны. Эти самолеты обладали довольно большой скоростью, что-то около 900 километров в час, и несли приличную бомбовую нагрузку. Одним словом, в целом то были хорошие самолеты. Но мы их туда послали немного, лишь несколько штук.

Мы послали туда также катера, вооруженные ракетами, тоже сильное оружие. Потом ракеты береговой охраны. Фактически береговую артиллерию, но более сильную, более прицельную, поражающую цель с одного выстрела: ракеты класса «земля – корабль». С ними тоже прибыли наши команды. Естественно, на Кубе скопилось большое количество наших людей. Очень сложно было переправить атомные заряды. Они шли не вместе с ракетами, потому что атомные заряды, как заявили нам атомщики, нуждаются в особых условиях транспортировки. Мы их отправили на последнем этапе операции. Наш замысел был уже раскрыт, и мы боялись, не проявит ли дерзости военно-морской флот США, не сможет ли он остановить наши корабли и разоблачить нас? Мы даже думали сопровождать корабли, перевозящие атомные заряды, подводными лодками, но все же в конце концов от этого отказались: посчитали, что корабли пойдут под нашим флагом, а этот флаг гарантирует их неприкосновенность. Действительно, такую неприкосновенность американцы соблюдали все время. Но в тот день, когда атмосфера накалилась донельзя, я каждый час ожидал, что они захватят корабли. Не захватили. Иногда говорят, что сначала нужно было

установить зенитные ракеты, закрыть воздушное пространство Кубы, а затем ввезти баллистические ракеты. Это бессмысленно. Сколько нужно ракет «земля – воздух», чтобы прикрыть тысячекилометровый остров, вытянутый колбасой? На это сил не хватит. Потом выпалишь, и все снова открыто. «Земля – воздух» – ракеты, которые для ПВО хороши, но у них очень маленький радиус действия. Можно подходить с моря и стрелять по этим батареям (я уж не говорю – с воздуха). Это ничего не давало[775].

Когда американцы разгадали наш замысел и узнали, что мы устанавливаем ракетную технику на Кубе, поднялся невероятный шум в печати. Сразу подняла шум республиканская печать, заговорили деятели республиканской партии, потом к ним присоединились демократы. Они стали требовать от своего правительства решительных действий, чтобы не допустить установки ракетно-ядерного оружия на Кубе, дабы русские не угрожали США с Кубы. Приводились и прочие аргументы. Я не буду их сейчас повторять, потому что для этого я должен был бы вернуться к печати того времени, а я такой возможности не имею. Накал дискуссии был очень высокий. Нас запугивали, что США не потерпят этого и будут вынуждены вмешаться, применить оружие и использовать свое военное превосходство в сравнении с Кубой.

Надо иметь в виду, что мы были очень уязвимы на Кубе в военном отношении, особенно в то время. Флот у нас был тогда еще не такой, как сейчас. Мы тогда почти не имели подводных лодок с атомными двигателями, да и вообще 11 тысяч километров удаления – это такое расстояние, с которым надо считаться. Кроме того, подплыв наших подводных лодок к острову Куба, как нам докладывали, затруднен[776]. Там множество островов, подводных мелей, рифов, где подводным лодкам трудно проходить. Им надо было плыть в довольно узком пространстве, так что американцы могли, имея сильный надводный и подводный флот, хорошо организовать контроль. Это не такое простое дело вести военное сражение против США у берегов Кубы. Да мы, собственно говоря, никогда этой цели и не ставили, потому что такая цель просто была чужда нам. Ведь цель установки ракет с ядерным оружием, как я уже говорил, заключалась не в нападении на США, а исключительно ради обороны Кубы. Мы хотели, чтобы США не напали на Кубу, вот и все.

Но политические деятели США, конечно, могли допустить, что мы имеем и крайне агрессивные цели непосредственно в отношении США. А самое главное, им было выгодно вытеснить нас с Кубы. То, что они давно уже сделали в отношении Советского Союза, окружив нас своими военными базами,

вооружив их ракетной техникой и построив аэродромы, этого они не принимали во внимание. Империалисты Америки считали, что тут все в порядке вещей, что это их право защищаться от Советского Союза при своем удалении от него в тысячи километров. Но здесь – Куба, буквально у них под носом. И они как бы лишали ее права иметь защиту. Вот их мораль.

Всякая мораль только тогда учитывается империалистической буржуазией, империалистическим лагерем и лишь тогда они придерживаются морали, если мораль подкрепляется силой, возможностью противостоять. Если такой силы нет, то мораль не принимается во внимание. Американцы опирались не на мораль и не искали аналогий в оправдание своих акций. Они это делали и продолжают делать сейчас, но сами никогда за свою историю не переживали подобного, страшно были взволнованы и напуганы. Поэтому они использовали все средства для того, чтобы ликвидировать наши ракеты и устранить угрозу, которую эти ракеты представляли. Причем довольно серьезную угрозу.

Американцы предупредили нас в неофициальном порядке через каналы, которые у нас тогда имелись с президентом Кеннеди и его доверенными людьми, что они знают, что мы устанавливаем на Кубе ракеты. Естественно, мы все отрицали. Могут сказать, что это – вероломство. К сожалению, в наше время данная форма дипломатии сохраняется, и мы ничего нового тут не выдумали, а только воспользовались теми же средствами, которыми пользуется противник в отношении нас. Они же нас не предупреждали, что ставят свои ракеты в Турции, что поставили ракеты в Италии и в других странах – членах НАТО. Они отрицали, что ведут против нас разведывательную работу и посылают свои самолеты на нашу территорию.

Когда мы даже сбили один из них, то они и в этих условиях сперва отрицали, что их самолеты летают над нашей территорией. И только когда мы предъявили вещественное доказательство – летчика Пауэрса[777] – и приперли их к стенке, им нечего было сказать, и они вынуждены были признаться. В своем признании они тоже наделали невероятные глупости, усложнили собственную политику. В умах здравомыслящих людей, хотя и буржуазного толка, не укладывалось, как это в мирное время, когда имеются нормальные дипломатические отношения, одна страна явочным порядком заявила о своем праве вести открытую разведку территории другой страны, потому что это служит ее интересам. Именно с таким глупым заявлением выступил президент США Эйзенхауэр, когда мы сообщили, что захватили в плен летчика сбитого американского самолета.

Развернулась большая дуэль посредством печати. Печать США и наша публиковали всяческие заявления и прочее. Этот кризис как раз совпал со временем заседания Генеральной Ассамблеи ООН. Товарищ Громыко, который находился в США, был приглашен государственным секретарем США Раском, и у них состоялась соответствующая беседа. В том не было ничего необычного. Всегда, когда Громыко бывал на заседаниях Генеральной Ассамблеи, он встречался для бесед с Раском или, ранее, с его предшественниками. Мне потом Громыко докладывал: «Беседа была любезной, но Раск спрашивал: “Наши военные приводят нам данные, доказывающие, что вы ставите на Кубе ракеты. Учтите, что мы не можем вынести это. Создается такое внутреннее положение, мимо которого наш президент не сможет пройти. Здесь складывается опасная ситуация, и поэтому мы хотели бы, чтобы вы ушли с Кубы”».

То было не злобное предупреждение, а в какой-то мере просьба не создавать столь острой ситуации. Потом был обед. За обедом изрядно выпили. Дин Раск во время обеда продолжал крутиться вокруг этой темы. Он допускал такие выражения, что они, дескать, на все пойдут и ни перед чем не остановятся; что у них просто нет другого выхода, и они просят нас все учесть, оценить соответственно ситуацию и принять меры со своей стороны, чтобы не допустить рокового столкновения, которое может состояться, если окажется, что на Кубе действительно установлены ракеты, в чем они убеждены. Ну, тут шла обычная перепалка, когда и тот и другой собеседник знают, о чем говорят, но каждый отстаивает свою точку зрения, ищет моральное и юридическое оправдание своим действиям.

У нас юридических и моральных оснований имелось больше, чем у Раска, в этом не было сомнения. Ведь в то время уже давно стояли американские ракеты с ядерными зарядами и в Турции, и в Италии. Раск понимал это, но усматривал разницу в другом, хотя прямо и не говорил об этом. Он намекал: «Вы-то уже привыкли жить в окружении наших ракет, а мы только что с этим встретились и поэтому получили такой шок. И пока мы не можем выйти из него». Громыко, конечно, все отрицал. На то он и дипломат.

Обо всем этом Громыко доложил нам. Но мы продолжали завершать транспортировку и установку вооружения, продолжали делать свое дело. Тут американцы начали демонстрировать силу. Они сконцентрировали войска у границ Кубы, открыто мобилизовали резервы, причем довольно солидные резервы. Стали концентрировать авиацию у берегов Кубы, стягивать туда военно-морской флот, наращивать различные военные силы,

угрожая нам параллельно все время через печать. А мы продолжали свое дело. Продолжали, основываясь на следующем: во-первых, одно дело – угрожать, другое дело – воевать. Потом, с точки зрения морального и юридического права, они обвинить нас не могли: мы ничего не сделали большего, чем сделали США. Здесь – равные права и равные возможности.

В иностранной печати ощущался большой накал, мы соответственно отвечали, но не так истерично. Истерический же тон был присущ американской печати, и его поддержали союзники по НАТО. Мы довольно широко информировали свою общественность, хотя и считались с тем, что, конечно, перспектива столкновения вызывала тревогу у нашего народа.

Особенно острый этап кризиса длился шесть-семь дней. Чтобы как-то смягчить обстановку, я предложил членам советского руководства: «Сходим, товарищи, в Большой театр. Сейчас в мире напряженная обстановка, а мы появимся в театре. Наш народ и иностранцы будут это видеть, и это станет действовать успокаивающе. Если Хрущев и другие лидеры сидят в театре в такое время, то можно спокойно спать». Но сами-то мы очень тогда беспокоились. Не требуется большого ума, чтобы начать войну. Мы не хотели войны, не хотели сами иметь жертвы и не хотели наносить потери Америке. А если начнется война? Тогда, как говорится, попал в драку, не жалей волос. Поэтому я тогда одну самую тревожную ночь провел даже в Кремле.

Шел непрерывный обмен письмами с президентом Кеннеди, и я провел ночь в помещении Совета Министров СССР, ожидая, что могут быть срочно переданы тревожные известия, на которые необходимо немедленно реагировать. Были предупреждены и военные. Мы, насколько возможно, приготовили наши войска. По-моему, сделали даже какие-то заявления относительно усиления нашей боевой готовности. Должен сейчас чистосердечно сказать, что это была только демонстрация в печати, чтобы воздействовать на умы американских агрессоров. Практически же мы ничего серьезного не предприняли, ибо считали, что война не разразится и что мы имеем возможность повлиять на возникший накал, чтобы не допустить войны.

Американские самолеты постоянно облетывали остров. Это с ума сводило Кастро. Кастро отдал приказ открыть огонь, и наши военные сбили ракетой американский разведывательный самолет У-2. Это был второй американский разведчик после Пауэрса, сбитый нашей ракетой.

Поднялся шум. Мы несколько взволновались, что президент может это не переварить. Мы тогда отдали приказ своему командующему выполнять только наши указания, и ничьи другие.

На случай вторжения мы приказали ему координировать свои действия по отражению вторжения с кубинской армией.

В то время в США были наши товарищи. Они встречались с разными людьми. Юрий Жуков[778] мне говорил о том, что один знакомый приглашал его расположиться в собственном убежище, если начнется война. Он так и сказал: «Я вам место в моем убежище обеспечу». Вот какой предвоенный психоз был в то время.

Кульминация наступила, когда нам сообщил советский посол в США Добрынин[779], что к нему пришел с неофициальным визитом брат президента – Роберт Кеннеди[780]. Он так описывал его внешний вид: Роберт выглядел очень усталым, глаза у него – красные-красные, было видно, что он ночь не спал, да и сам он потом сказал об этом. Роберт сообщил Добрынину, что вообще шесть дней не был дома, не видел своих детей и жену, что они с президентом сидят в Белом доме и бьются над вопросом о наших ракетах. И добавил: «У нас напряжение очень сильное, опасность войны велика, прошу передать вашему правительству и лично Хрущеву, чтобы он учел это. Президент готовит обращение через закрытые каналы и очень просит, чтобы Хрущев принял его предложения». Роберт прямо говорил, что положение угрожающее, поэтому президент лично писал это послание.

Роберт заявил также, что президент сам не знает, как выйти из этого положения, а военные оказывают на него сильное давление, настаивая прибегнуть к военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается очень сложное положение. Он добавил: «Вы должны учесть особенности нашей государственной системы. Президенту трудно. Даже если он не захочет, не пожелает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому президент просит: помогите нам решить эту задачу». Роберт оставил нашему послу свой телефон и просил звонить в любое время суток. Он очень нервно настаивал и взывал к благоразумию, просил помочь президенту выйти из этой ситуации.

Во время переговоров американцы были во многом откровенны с нами, особенно Роберт Кеннеди. Они считали, что начнется война, а на Кубе наши люди, много наших людей (они преувеличивали количество наших войск на Кубе, но там их было достаточно), и вот прольется кровь русская. На это русские ответят, но не в Америке, а в Германии. Все это пугало правительство США.

К этому времени Америка уже призвала из запаса людей, вывела в океан военно-морской флот, подтянула к своим берегам резервы. Одним словом, все военные приготовления были

закончены. Видимо, президент понимал, что́ он делает. Конечно, превосходство в ракетах было на стороне США, но он понимал: превосходство превосходством, а те ракеты, которые поставлены нами, свое дело сделают. Они могут сдуть с лица земли Нью-Йорк, Вашингтон и другие промышленные города и административные центры. Конечно, Советскому Союзу они тоже нанесут урон. Начнется война, не такая, как первая мировая или вторая мировая, где некоторые американцы даже не слышали ружейного выстрела. Они не знали, что такое разрывы бомб, что такое разрывы артиллерийских снарядов. Они воевали на чужих территориях. А в этой войне, если она будет развязана, они вызовут огонь на себя. И какой огонь! Термоядерных бомб!

Мы, собственно, добивались того, чтобы Америка встряхнулась и ее руководство почувствовало, что́ такое война, что она стоит у их порога, что поэтому не надо переходить грань, следует избежать военного столкновения. Вот такая дилемма была поставлена.

Мы изучили документ, направленный нам от президента, и ответили. Я сейчас не имею под рукой материалов и описываю все исключительно по памяти, хотя в памяти суть дела выступает рельефно. Я это пережил и все хорошо помню, потому что от начала и до конца отвечал в первую голову за эту акцию, был ее инициатором и формулировал всю переписку, которую мы вели с президентом. Для меня служит сейчас утешением, что мы в целом поступили правильно и совершили великое революционное дело, не побоялись, не дали себя запугать американскому империализму. Вот уже сколько лет прошло, а мы видим воочию и радуемся, что революционное дело, возглавляемое Фиделем Кастро, живет и развивается. США, взяв обязательство не вторгаться на Кубу самим и не допускать вторжения своих союзников, пока выполняют это обязательство.

Мне хотелось бы здесь вернуться назад и сказать еще несколько слов о драматическом дне, когда принимались самые ответственные решения за весь период Карибского кризиса. В самый разгар событий, после получения доклада Добрынина о визите к нему Роберта Кеннеди, я продиктовал вариант телеграммы президенту Кеннеди, в которой мы выражали готовность пойти на уступки (в смысле вывода наших ракет). Только я продиктовал эту телеграмму, ее отпечатали, и мы должны были обсудить ее в коллективе руководства, чтобы принять текст и отправить ее, как мы получили телеграмму от нашего посла, в которой он передавал послание нам Кастро. Фидель сообщал, что, по достоверным сведениям, полученным им, США вторгнутся на Кубу через несколько часов.

Нужно сказать, что и мы имели аналогичные сведения: наша разведка сообщила, что подготовлена такая высадка и вторжение неизбежно, если мы не договоримся с президентом Кеннеди. Возможно, эти сведения были подброшены нам американской разведкой. Они ведь часто знают наших разведчиков. Поэтому нередко случается подбрасывание тех данных, которые той или другой стороне хотелось бы довести до сведения противной стороны. Самым главным в сообщении Фиделя было не то, о чем ему сообщили, а его вывод: он считал, что раз нападение неизбежно, то необходимо упредить его, и предложил, чтобы не дать вывести нашу ракетную технику из строя, немедленно нанести первыми ракетно-ядерный удар по США.

Когда нам это прочитали, мы, сидя в молчании, долго смотрели друг на друга. Тут стало ясно, что Фидель совершенно не понял нашей цели: он полагал (а когда позже я разговаривал с ним, он это подтвердил), что мы ставим там ракеты не в интересах Кубы, а преследуем военные цели именно в интересах Советского Союза и всего социалистического лагеря, то есть хотим использовать территорию Кубы как базу под боком у США, поставить ракеты и нанести по США удар этими ракетами. Верно, конечно, что это – очень хороший плацдарм для внезапного удара ракетами. Но мы-то совершенно не хотели такого удара, вообще не хотели начинать войну. Такой удар – это начало войны, мы же хотели только исключить вторжение на Кубу со стороны США и ликвидацию ими нового общественного строя, который установился на острове после свержения Батисты. Вот что было нашей целью, а вовсе не начало войны. Если бы на Кубу вторглась хорошо вооруженная армия США, а не разрозненные силы кубинских контрреволюционеров, то Фидель не смог бы устоять.

В результате всей переписки, которая велась по официальным и неофициальным каналам, мы пришли к следующему решению и довели его до сведения президента США. Сказали, что выступим публично и будем настаивать на следующем: чтобы избежать конфликта, ставим перед президентом Кеннеди условие, чтобы он принял обязательство не вторгаться на Кубу, если мы выведем оттуда ракеты и другое вооружение, за исключением обычного.

Американцы и не требовали от нас вывода обычного вооружения. Это и невозможно было требовать, потому что мы бы так не сделали. Это президент США понимал. Мы считали, что бомбардировщики Ил-28 – обычное вооружение, и не хотели их выводить. Но потом вынуждены были согласиться с Кеннеди и их вывели тоже, чтобы не дразнить гусей. В сложившейся обстановке они не имели особого значения. Если говорить о боевых заданиях, которые могли выполнять эти бомбардировщики, то наши

современные истребители, которые находились на Кубе, могли с успехом заменить их. Здесь не возникло никакой потери в смысле боевых возможностей, а мы демонстрировали свою добрую волю. Мы знали, что президент заручился перед своими военными, что будет непреклонно настаивать на выводе бомбардировщиков и что добьется этого. И мы пошли на уступки и согласились вывести Ил-28 с Кубы.

Американские корабли начали тоже отходить и очистили воды Кубы. Но их самолеты продолжали облеты острова, и это продолжало с ума сводить Фиделя. Когда были опубликованы два послания – наше к Кеннеди и его к нам, в которых говорилось о выводе ракет с Кубы и обязательстве США не допускать вторжения туда как своими вооруженными силами, так и силами их союзников, – Кастро не понял всей глубины дела, которая была заложена в нашей акции, не понял политического маневра. Он даже перестал принимать нашего посла. Когда мы говорили о союзниках США, то имели в виду наемников из латиноамериканских стран. А там имеется много головорезов, которых легко можно завербовать, если США дадут денежные средства и вооружение. Поэтому мы считали, что такое обязательство президент США должен взять лично на себя. Он взял его и опубликовал соответствующее заявление.

Тут сразу началась критика слева, что формулировки Кеннеди недостаточно точны. Печать Китая тотчас же заявила, что это с нашей стороны предательство, трусость, капитуляция. А что было делать? Доводить игру до войны? Китайцы упирали именно на это, но мы, естественно, считали, что это глупость. Чтобы довести до войны, большого ума не требуется. Я уже не раз говорил, что войну и дурак начнет, а вот умному потом трудно ликвидировать войну. Мы не хотели ее. Я и сейчас считаю, что мы поступили абсолютно правильно, уведя наши ракеты с Кубы. И мы стали письменно объяснять Кастро свою позицию. Он очень нервничал, разносил нас, если можно так выразиться. «Революционность» Кастро, его экстремизм усиленно подогревали китайцы. А мы потерпели моральный ущерб. Вместо того чтобы наши акции на Кубе поднялись, они понизились. Кастро считал, что мы предали Кубу, а вот китайцы их поддерживают.

Тогда я предложил откомандировать на Кубу Микояна. Зная Микояна много лет, я считал, что его дипломатические качества в этом случае будут очень полезны. Он обладает хорошими нервами, спокоен, многократно может повторять одну и ту же аргументацию, не повышая тона. Это имеет большое значение, особенно в переговорах с таким горячим человеком, как Фидель. Кроме того, Микоян уже бывал на Кубе, и его там немножко

знают. Одним словом, мы послали Микояна к Фиделю. Через несколько дней Микоян вернулся и доложил, что Кастро очень взволнован, что с ним трудно вести любые переговоры. Любая аргументация не доходит до его сознания. В течение всех переговоров он настаивал, что наша акция очень вредна, что она принесет вред всему социалистическому лагерю. Кроме того, Фидель требует, чтобы американцы ушли с их военной базы в Гуантанамо.

Тогда у нас сложилось впечатление, что, несмотря на ясное изложение нашей цели перед Фиделем, он, видимо, не понял ее.

После того как Микоян вернулся с Кубы, я сказал, что надо послать Фиделю письмо. И я приготовил большое письмо, в котором откровенно изложил все свои мысли. Там я писал: главный смысл Карибского кризиса состоит в том, что он, собственно говоря, сам собою благословил существование социалистической Кубы. Если бы Куба не прошла через такой кризис, то маловероятно, чтобы американцы не организовали нового вторжения для ликвидации социалистического строя. А сейчас США сделать это очень трудно. Пронесся сильный накал страстей, мы обменялись обязательствами, и вдруг после этого Америка вторгается? В этом случае у Советского Союза остается право напасть в ответ на США. (Так там и было написано.) Поэтому Кеннеди не пойдет на это. Сейчас мы добились существования социалистической Кубы еще на следующие два года, пока Кеннеди сидит в Белом доме. Но у нас складывается мнение, что Кеннеди будет избран и на второй срок. Следовательно, это еще четыре года. Итого: шесть лет. Шесть лет прожить в наше время – немалый срок. Тогда уже сложится иное соотношение сил. Оно все больше меняется в пользу социализма.

Потом, во время наших бесед, когда Кастро дважды приезжал в Советский Союз[781], он приезжал настроенным уже по-другому, и обстановка у нас была исключительно теплой. Она позволяла нам откровенно обмениваться мнениями. То был уже пройденный этап, мы могли оглянуться, разобрать и проанализировать прежний инцидент. Когда мы разговаривали с ним, я видел, что теперь Кастро нас лучше понимает.

Когда наши беседы стали совсем дружескими, я рассказал Фиделю, что в разгар кризиса спросил министра обороны СССР Малиновского: «Как вы считаете? Зная вооружение и численность вооруженных сил Кубы, если силы вторжения туда будут иметь вооружение, которое имеют США или мы, сколько времени надо будет затратить, чтобы разгромить силы Кубы?» Малиновский, подумав, ответил: «Двое суток». Когда я сказал об этом Фиделю, он очень разгорячился и стал доказывать, что это неправильная

оценка и что Советский Союз не допустил бы этого. Я остановил его: «Это вы так говорите. А я согласен с Малиновским. Он правильно оценил соотношение сил. Пусть не двое суток, а трое или четверо. Во всяком случае, за это время основные очаги сопротивления были бы подавлены, а вы ушли бы в горы, потом продолжалась бы партизанская война. Возможно, она тянулась бы годы, но главное-то было бы сделано: было бы создано буржуазное, контрреволюционное правительство, которое занялось бы подавлением очагов революции, если бы они сохранились, и охотой за носителями марксистско-ленинских идей. Вот какое возникло бы положение. Поэтому мы и хотели не войны, а хотели мира, чтобы Куба могла использовать мирные условия для углубления революции, развития хозяйства и перестройки его на социалистических основах, закладки фундамента коммунистического строительства».

Мы исходили только из этих позиций и ставили свои ракеты не для нападения на США и не для того, чтобы через Кубу вмешаться во внутренние дела США. Если здраво разбираться, это просто нереально. Для тех, кто хоть немного смыслит в военных делах, известно, что мы могли бы нанести удар, и он оказался бы очень сильным. Но и США, конечно, нанесли бы ответный удар, и не менее сильный, а может быть, даже более сильный. Мы отлично знали, что в то время США превосходили нас в количестве единиц ядерного оружия и бомбардировочной авиации[782]. У них имелось еще мало ракет, особенно межконтинентальных. Но и у нас межконтинентальных ракет тоже было тогда немного. Мы имели достаточное количество стратегических ракет (Р-12 и Р-14. – *С. Х.*) с дальностью действия 2 тыс. и 4 тыс. километров. У нас их имелось столько, что мы, согласно своему оперативному плану, покрывали все вражеские объекты, по которым нужно было бы в первые дни войны нанести удар. Да, мы имели такую возможность. Но я опять говорю, что мы не преследовали цель начала войны, а Фидель нас просто не понял.

Когда я с ним встретился позже и мы с ним беседовали на берегу Черного моря, он мне говорил: «Вы знаете, меня рассердило и обидело, почему вы дали согласие президенту вывести свои бомбардировщики и ракеты, не посоветовавшись с нами?» Я ответил: «Неверно, товарищ Кастро. Мы с вами советовались». – «Как? В чем выразился этот совет?» – «Вы прислали нам телеграмму, что через столько-то часов начнется вторжение США на Кубу. Вы предложили упредить вторжение нанесением ракетно-ядерного удара по городам США. Но мы не хотели начинать мировую войну. Час начала вторжения был вами

указан. Так что не имелось времени направить вам наше послание и получить ответ. Мы должны были принять решение сразу. Так как вы категорично заявили, что у вас есть неопровержимые сведения и что состоится вторжение, мы были вынуждены предпринять немедленные шаги, которые исключили бы это вторжение. Мы их сделали и получили ответ президента США.

Трудно говорить, насколько вообще можно верить людям. Но я считаю, что слову, данному президентом США Кеннеди, можно верить, что он свое слово будет держать и его не нарушит. Ваши и наши враги подогревают атмосферу, сталкивают нас с США. Конечно, мы с США – антагонисты. США – капиталистическая страна, мы – социалистическая. Борьба между нами будет продолжаться. Это естественный процесс. Каждая страна будет делать со своей стороны все, чтобы ее идеология победила. Но в этой борьбе мы стоим не на военных позициях, а на позициях соревнования, завоевания умов людей на основе борьбы идей. Мы должны привлекать к себе сторонников перспективой лучшей жизни для трудового народа, а не путем войны, истребления, военного подчинения. Мы против этого.

Мы твердо стоим на ленинских позициях, китайцы же занимают сейчас другую позицию, поэтому они и подогревают нас, хотят столкнуть с США.

«Я, товарищ Фидель, заявляю вам и утверждаю с тою лишь оговоркой, с какой можно ручаться за человека других политических взглядов, что верю Кеннеди как человеку и как президенту. Он сдержит слово, которое дал нам. У нас есть в запасе, по крайней мере, два года, которые ему осталось еще провести в Белом доме. Конечно, когда в США придет другой президент, он может нарушить такое обещание. Но это уже другой вопрос. Думаю, что по истечении первого президентского срока Кеннеди вновь выставит свою кандидатуру, и она будет поддержана народом. Народ его изберет вторично, потому что из всех президентов США, которых я знавал, Кеннеди – человек с наиболее высоким интеллектом, умница, резко выделяющийся на фоне своих предшественников.

Я никогда не встречался лично с Франклином Рузвельтом[783]. Может быть, Рузвельт превосходил его. Считаю, что Кеннеди будет переизбран еще на четыре года. То есть будет не два, а шесть лет, шесть лет гарантии мирного сосуществования и развития Кубы в мирных условиях, шесть лет ее государственного и экономического строительства на социалистических началах, роста хозяйства, военного и культурного, упрочения всех других благ. Через шесть лет

положение изменится, и следующему президенту, который придет на смену Кеннеди, будет очень сложно что-либо предпринять в этой плоскости. Вторжение не будет уже безнаказанным. Думаю, что тогда никто и не посмеет пойти на него. В то время появится совершенно иное соотношение сил в мире между странами социализма и капитализма».

Кастро улыбнулся: «Ну, если нам дадут шесть лет, тогда другое дело. Но я-то думаю, что Кеннеди не выдержит и нарушит свое слово». Я ответил: «Конечно, за президента США дать ручательство я не могу и не исключаю, что в конечном счете, может быть, я ошибаюсь в оценке и понимании этого человека, что он неспособен на вероломство. Однако думаю, что все-таки этого не случится». Кастро повеселел. Тогда я добавил: «А что получилось бы, если бы мы этого не сделали? Война, вторжение на Кубу. Вот Америка шумела, что мы отступили; что русские струсили; что персонально Хрущев струсил. Американцев поддерживали в этом албанцы, а особенно китайцы. Товарищ Кастро, надо же реально оценить, кто выиграл и кто проиграл в ходе акции, о которой мы договорились с президентом. Нужно проанализировать позицию каждой стороны на такой основе. С одной стороны, мы действительно вроде бы проиграли: отступили. Можно квалифицировать это и такими словами, как трусость и т. п. Но от слова суть дела не изменится.

Факт, что мы привезли ракеты, поставили их, потом возник кризис, пошли переговоры, переписка, и в результате мы эти же ракеты увезли. Зачем же мы везли ракеты, если потом пришлось их увозить? К чему везли? Если мы их туда везли, преследуя лишь свои цели, следовательно, империалисты США нас принудили к тому, запугали и подчинили себе. Для механического мышления тут, казалось бы, несложная схема, чтобы сделать вывод.

Но надо вопрос смотреть в корень, как говорил Козьма Прутков[784]. Корень же заключается в том, что существовала Куба, где ранее президентом был Батиста. Та Куба, которая являлась, собственно говоря, колонией США, где безраздельно господствовал монополистический капитал. Гавана была городом, куда империалисты приезжали проводить свой досуг и давать себе волю в удовлетворении своей похоти. Теперь Батиста свергнут, новые люди пришли к власти, создали революционное правительство. Вы перестраиваете Кубу на социалистических началах, и вот развернулось вторжение. Вы его отбили. Но разве можно думать, что кубинская контрреволюция на этом успокоится? Что с этим примирятся монополисты, которые потерпели поражение и вынуждены оставить Кубу? Вы воспользовались их капиталами и национализировали их. Значит,

повторная угроза сохранялась. Вы это признаете?» – «Конечно!» – «Рассуждаем дальше. Поставили ракеты, чтобы предотвратить эту угрозу, а затем их вывезли, взяв нужное слово с президента США. Я вам уже говорил, что верю – он сдержит свое слово и выполнит обязательство, которое взял на себя как президент. Это обязательство не только его личное, но и обязательство страны, правительства США не вторгаться на Кубу и не допускать вторжения их союзников. Лишь в результате такой договоренности мы вывезли ракеты, и я считаю, что получилось очень хорошее решение. Чтобы сохранить революционную Кубу во главе с Фиделем Кастро, мы поставили ракеты, вызвали военный шок у руководства США и вырвали нужное нам обязательство. Под это обязательство мы и вывезли эти ракеты и вместе с ними устаревшие бомбардировщики. Считаю, что уплатили дешевую цену. Правительства капиталистических стран, – продолжал я, – все оценивают в долларах. Так вот, если рассмотреть вопрос именно в долларах, то налицо выгодная операция. Мы понесли затраты только на транспортировку военной техники и нескольких тысяч наших солдат. Вот вам стоимость гарантий независимости Кубы. Мы не пролили там крови, ни своей, ни других народов, не допустили войны, не допустили разрушений, отравления атмосферы. Я горжусь этим. Пройдет время, и эта истина станет всем ясна. Некоторые опять могут сказать: “Все-то он якает”. И я им отвечаю: да, ибо это я в данном случае взял на себя ответственность, проявил инициативу и провел акцию при поддержке моих коллег, в коллективе которых я работал. Если бы они были против, я, конечно, не мог бы это осуществить. Но я был как бы двигателем этого дела, брал на себя большую долю ответственности и, возможно, в большей степени, чем другие, переживаю радость от успешного завершения операции».

Я был очень доволен, что Кастро теперь согласился со мной. В те дни, когда он находился в СССР и мы с ним беседовали, в США выступил руководитель контрреволюционного кубинского отребья, которое, видимо, и сейчас подкармливается в США. Он открыто выступил с критикой действий правительства США, критиковал Кеннеди за то, что тот, дав слово поддержать вторжение, не сдержал его, а вместо того дал обязательство Хрущеву не поддерживать и не допускать нового вторжения на Кубу. Кастро хорошо знал этого выступавшего и сказал мне: «Я лично с ним знаком. Он наш непримиримый враг, но говорит правду. Если он сказал, что такое обязательство было взято США, а потом не выполнено, следовательно, вы правы в своих рассуждениях, потому что выполнению этого обязательства

помешал Советский Союз своевременной установкой ракет. Слово президента – это все равно что договор».

Между прочим, любопытной была и другая часть нашего диалога. Я ему говорю: «Вы хотели начать войну с США. Зачем? Ведь если бы началась война, то мы бы еще выжили, но наверняка не существовала бы Куба. Она была бы стерта в порошок. А вы предложили нанести превентивный атомный удар!» – «Нет, я не предлагал». – «Как не предлагал?» Переводчик говорит: «Фидель, Фидель, ты мне лично сам говорил об этом»[785]. Он опять настаивает: «Нет!» Тогда мы начали сверять документы. Счастье, что Фидель заявил это нам не устно, а послал документ. Переводчик ему показывает: «Как понимать вот это слово? Это – война? Удар?» Он растерялся. Да, Фидель в то время был очень горяч. Мы поняли, что он даже не продумал очевидных последствий своего предложения, ставившего мир на грань гибели.

У нас тогда установились хорошие отношения с президентом Кеннеди. Я ему доверял в том смысле, что взятое слово он сдержит. Вот это я и говорю теперь о Карибском кризисе. Повторяю, это был с нашей стороны правильный ход. Правильно мы сделали, что поставили ракеты, и потом опять правильно сделали, что не полезли в бутылку, когда кризис назрел и нас наши «друзья» стали упрекать, что мы трусим, вывозя ракеты. Они хотели спровоцировать нас, чтобы мы начали войну. Тем самым они достигли бы своей цели: мы с США взаимно истребляем друг друга и разрушаем экономику. Но мы не струсили в душе, не побоялись таких обвинений, а, трезво оценив обстановку, приняли верное решение. И я горжусь этим. В процессе переговоров США поставили дополнительно еще некоторые несущественные условия: они хотели, чтобы мы дали право проконтролировать их людям, действительно ли мы вывезли ракеты, то есть побывать там на месте и посмотреть. Мы такое обязательство взять на себя не смогли, потому что там – территория Кубы, и мы не имеем никакого отношения к тому вопросу, кому будет разрешено поехать на Кубу. Мы сказали, что тут не наша компетенция: мы можем распоряжаться своим имуществом, ибо мы его завезли и мы же его вывозим, но вопрос о допуске на остров решает правительство Кубы. Фидель же сразу и резко заявил, что ни в коем случае не пустит туда американцев. Тогда У Тан, умный человек, желая облегчить ситуацию и ликвидировать напряженность, чтобы ее острота протекала по затухающей, обратился с просьбой, чтобы лично ему разрешили приехать на Кубу. Однако Фидель не позволил и ему.

Когда я встретился с Фиделем, то сказал: «Хорошо, что вы не

пустили американцев. Правильно поступили, потому что они могли бы посчитать, что вы струсили. Одно дело – обвинять Советский Союз в трусости. Мы-то страна большая, и умный человек правильно поймет, что нам нечего трусить. А Куба страна маленькая. Поэтому думаю, что вы правильно сделали. Но отчего же вы не использовали новую возможность и не разрешили прилететь У Тану? Он прилетел бы, вы бы с ним побеседовали, и он поехал бы посмотреть, как вывозят ракеты. Вы тогда сумели бы использовать Организацию Объединенных Наций в свою пользу. У Тан стал бы на вашу позицию и защищал бы вас и пределах тех возможностей, которые вытекают из его положения как Генерального секретаря ООН. Вы же его оттолкнули, бросили в общую кучу американских империалистов и У Тана. Считаю, что вы сделали ошибку». Кастро ответил: «Да, я согласен, я просто погорячился. Такое у меня было состояние, что я не учел тех аргументов, о которых вы мне сейчас говорите».

Главным в описываемых событиях оказалось то, что мы не дали себя одурачить, не отступили в столь нервной, горячей обстановке далее положенного и не переступили грань дозволенного. Тут сказалась выдержка обеих сторон. Ведь этот кризис дошел до высшей точки кипения. Мы были близки к войне, стояли на грани войны. Все могло случиться. Хочешь ты или не хочешь, а раз один выстрелил, то другой ответит. Но мы не допустили катастрофы. Помимо обязательства не вторгаться на Кубу, президент США дал также слово, что когда мы вывезем свои ракеты с Кубы, то США уберут свои ракеты из Турции и Италии. Кеннеди просил нас, чтобы мы пока никому не говорили об этом. Мы-то хотели, чтобы это как-то было зафиксировано в документах. Он ответил, что он по своему положению письменных обязательств дать не может. Более того, сказал следующее: «Если вы не удержите в секрете это мое заявление и оно просочится в печать, то я дам опровержение. Но я даю вам честное слово!» И он действительно убрал ракеты из Турции и Италии, хотя вывез их не только потому, что мы согласились вывезти свои ракеты с Кубы, но главным образом потому, что ракеты, которые стояли в Турции и Италии, устарели[786].

Если бы не произошло Карибского кризиса, США все равно бы увезли оттуда ракеты, потому что к тому времени отпала необходимость иметь такие ракеты в данных точках земного шара. США уже имели тогда достаточное количество межконтинентальных ракет, которые стояли на собственной территории. Там они лучше охраняются, имеют лучше оборудованные позиции и лучше замаскированы. Их команды

тоже находятся дома. Все это дает бóльшие гарантии. Во-вторых, появились атомные подлодки, вооруженные ракетно-ядерным оружием, то есть подвижные установки. В Средиземном море находится 6-й флот США, там курсируют их подлодки, как и в других морях и океанах. Зачем же держать ракеты на чужой территории, когда есть своя команда и свой подвижной старт? Он менее уязвим и всегда готов к бою. Техника развивается, и она дала теперь лучшие решения взамен того, что США имели прежде, когда располагали ракетами в Турции и Италии.

Мы тоже располагаем сейчас такими возможностями, и у нас имеется достаточное количество межконтинентальных ракет. У нас есть также подводный флот, вооруженный ядерным оружием. Сейчас я уже много лет не нахожусь в руководстве страной, но знаю, что оставалось в СССР, когда я уходил. И я предполагаю, сколь высокого уровня достигла сейчас наша техника в этой области. Поэтому с точки зрения США они правильно поступили, что вывезли свои ракеты из Турции и Италии. Здесь в стратегии США ничего не изменилось. Теперь они угрожают нам с подводных лодок, вооруженных ядерными ракетами. Но и мы сейчас имеем подводный флот с атомными двигателями, вооруженный ядерными ракетами. Поэтому если нам нужно угрожать какой-то точке в США, то мы всегда имеем возможность послать к тому берегу подлодки с атомными двигателями и ракетами с ядерными зарядами. Этим мы не только сполна компенсируем мощь, которую представляли ракеты, вывезенные из Кубы, но и во много раз превосходим ее.

Президент Кеннеди, в этом его достоинство, правильно понимал обстановку. После окончания конфликта он выступил с заявлением, что Соединенные Штаты имеют ядерного оружия больше, чем Советский Союз. Они могли бы дважды уничтожить все живое на территории Советского Союза, а Советский Союз имеет меньшее количество ядерного оружия и может уничтожить все живое на территории Соединенных Штатов только один раз. Это, я бы сказал, мужество. Услышав такое заявление, каждый мыслящий американец мог сделать правильный вывод. Американским журналистам, которые меня спрашивали, слышал ли я заявление, я отвечал:

– Да, я слышал. И считаю, что это разумные слова. Президент подсчитал, что нас можно уничтожить дважды, я признателен ему за подсчеты. Он признает, что мы каждого живущего на территории Соединенных Штатов можем уничтожить один раз. Мы люди скромные и не кровожадные, зачем уничтоженного уничтожать еще раз?

Но это, так сказать, шутки, однако шутки определенной

направленности. Видимо, делая такое заявление, Кеннеди разъяснял американцам, особенно тем любителям атомных бомб, про которых украинцы говорят: «Носится, як дурень с писаной торбой», стремящимся развязать войну и покончить с Советским Союзом военными средствами. Сказав о мощи Вооруженных Сил Советского Союза, Кеннеди тем самым подчеркнул, что искать решение спорных вопросов путем войны поздно. Какой же безумный захочет развязать войну, вызвать огонь на себя и быть уничтоженным? Я считаю, что в условиях американского психоза такая позиция президента отражала его гражданское мужество.

Я не знаю, насколько он правильно подсчитал арифметически, не мне судить, но я был доволен его реализмом в отношении наших Вооруженных Сил. Нам больше ничего не нужно, только бы наш вероятный противник понимал: если будет развязана война, то мы можем его уничтожить.

В журнале «За рубежом» за 1968 год я читал статью, в которой зарубежный автор вспоминает о Карибском кризисе. В этой статье описывается убийство президента Кеннеди. Статья, кажется, называется «Шесть секунд». В ней прямо ставится вопрос: кто убил президента? Кто эти люди? Там указывается на то, что в ходе разрешения Карибского кризиса президенту США надо было дать заверение в том, что вторжение на Кубу не будет допущено ни силами США, ни их союзниками. Это, как пишет автор, озлобило кубинскую контрреволюцию, и она стала участницей заговора и убийства Кеннеди. Следовательно, в статье дается ответ на вопрос, кто же потерпел поражение в споре о том, быть Кубе революционной или вернуть ее на капиталистические рельсы, на которых она стояла при Батисте.

Тогда некоторые говорили, что потерпел поражение Советский Союз. А теперь результаты наших действий оцениваются уже правильно. Войны не возникло. Происходило сражение за право кубинского народа устраивать свою жизнь так, как он считает нужным, без вмешательства извне. Мы стояли на этой позиции и стоим сейчас. В интересах сохранения революционных завоеваний на Кубе поставили там ракеты, стремясь, чтобы контрреволюционные силы трезво оценивали обстановку и понимали, что если они позволят себе вмешательство в дела Кубы, то наши ракеты могут быть приведены в действие. А когда мы договорились, что президент США дает слово, если мы вывезем ракеты, не допустить вторжения, получился хороший пример на будущее. Мы разрешили мирным путем такой кризис, который мог разразиться войной. Я считаю, что в итоге мы выиграли. Американцы тоже выиграли, потому что войны не было. Проиграли агрессивные

силы, которые хотели бы повторить вторжение на Кубу. Следовательно, проиграли агрессоры, а народы выиграли. Подобные кризисы могут возникнуть и в будущем, потому что сейчас существуют в мире две противоположные системы: капиталистическая, базирующаяся на частной собственности, частном капитале, и социалистическая. Эти системы антагонистичны, и приходится это учитывать. Сейчас для империалистических стран прошли времена диктата, когда они могли безнаказанно вторгаться куда угодно и подавлять революционные восстания. Если это еще не осознали все те, кому следует осознать, то их действия могут привести к трагическим последствиям, и тогда столкновение станет неизбежным.

Если же будет признана всеми формула мирного сосуществования, то это означает не вмешиваться во внутренние дела других государств ни с какой стороны и признать, что вопросы внутреннего политического устройства решаются только народом данной страны, что это святая святых. Если такая формула внедрится в сознание тех, кто определяет в мире политику, это может сохранить надолго мир на Земле. Иначе мы всегда будем жить, как на вулкане, и станем чувствовать себя, как жильцы дома, в котором заложены мины замедленного действия. Сейчас наше правительство, а я убежден в этом, стоит на тех же позициях, которые мы занимали, когда я находился во главе него: политика мирного сосуществования, мирного соревнования, невмешательства в дела других стран.

В нынешнем обострении международного положения я виню в первую голову капиталистические страны. Видимо, это неизбежно, раз существуют антагонистические отношения между классами и между странами с разными социально-политическими устройствами, странами социализма и странами капитализма. Правительства капиталистических стран никак не могут трезво оценить сложившуюся ситуацию, понять, что народились новые силы; что во всем мире бушуют социально-политические бури, с которыми невозможно бороться средствами подавления. Все устаревшее, отжившее неизбежно обречено на гибель. История скажет здесь свое слово, и она неумолимо шествует в этом направлении.

Прошло много лет, и это уже страницы истории. Я горд тем, что мы не побоялись, проявили мужество и дальновидность, сделав этот шаг, и тем самым удержали американских агрессоров от повторного вторжения на Кубу. После этих событий прошло около девяти лет, и я очень рад, что нового вторжения не было.

Когда был убит Кеннеди, я беспокоился, как же дальше будут развиваться наши отношения? Я верил Кеннеди, видел, что он не

настроен на военное столкновение с нами. А как поведет себя новый президент Джонсон?[787] Приступив к исполнению своих обязанностей в Белом доме, он через те же каналы передал нам, что все обязательства, данные Кеннеди публично, и заверения, переданные по закрытым каналам, будут выполняться.

Доверия, правда, у нас к нему было меньше. Мы считали Кеннеди более гибким, а Джонсон у нас пользовался репутацией человека реакционного. Но, нужно отдать ему должное, обязательства, данные его предшественником, он сдержал. Я не буду касаться войны во Вьетнаме, в которую он влез по уши. Это была его персональная глупость. Может быть, эта глупость началась при Кеннеди, сейчас мне об этом трудно судить. Во всяком случае, мы достигли своей цели, и Куба успешно развивается. Во время моей последней беседы с Фиделем мы с ним обсуждали экономическое развитие страны. Он мне рассказывал, что поднятие экономики – их главная цель. Чтобы для жителей латиноамериканских стран новый, социалистический строй стал привлекательным, нужно достичь высокого уровня жизни. Я одобрял его линию.

«Самое главное, – говорил я, – чтобы блага, созданные трудом кубинцев, сполна удовлетворяли их запросы. Это самая притягательная сила, самый притягательный магнит к социализму, и социалистическому строю». Мне было приятно беседовать с Фиделем Кастро после того, как у нас все перегорело. Он понял нашу искренность, наши намерения. Я лучших отношений и не желал, они были самые искренние, самые братские.

На этом, собственно, кончилась моя политическая, государственная деятельность. Я уже не имел возможности влиять на нашу политику. Я получаю теперь только кое-какие отрывочные газетные сведения. У нас с Кубой была договоренность: мы обязались оказать помощь в переработке 9 миллионов тонн сахара. По газетам я вижу, что они вырастили достаточное количество тростника. В этом году была поставлена новая цель – 10 миллионов. Из печати видно, что они и этой цели достигнут. Что ж, я только радуюсь и желаю успехов кубинскому народу. Желаю успехов Фиделю Кастро в поднятии экономики Кубы.

Еще о Джоне Кеннеди. Я хотел показать Кеннеди в конкретных делах. Когда он был убит, искренне сожалел. Я сейчас же поехал в американское посольство и выразил свое соболезнование. Мы с Кеннеди – разные люди. Я бывший шахтер, слесарь, рабочий, волею партии стал премьером, а он миллионер и сын миллионера. Мы представители противоположных,

непримиримых классов. Он преследовал цели укрепления капитализма, а я преследовал цели разрушения капитализма и создания нового общественного строя на основе учения, созданного Марксом – Энгельсом – Лениным. Я считаю капиталистический строй отжившим, так же как считали Маркс, Энгельс и Ленин. Я, как коммунист, верю этому учению. Кеннеди стоял на других позициях. Несмотря на то что мы находились на разных полюсах, когда дело касалось вопроса мира и войны, мы смогли найти общее понимание и предотвратить военные столкновения. Ему, как партнеру, который противостоял нам, я отдаю должную дань, отношусь с уважением к его памяти, высоко ценю его деятельность. Хотя во многом, очень во многом мы не только не сходились, а разошлись, как, например, в Вене. Венская встреча не дала результатов. Но потом все-таки в коренных вопросах – вопросах мира и войны – мы нашли общий язык. Я диктую все по памяти, даже без конспекта, поэтому если какая-то фотопластина, которая пока еще не проявилась в моей памяти, проявится, у меня может возникнуть желание продолжить… Вот и проявилась в памяти такая пластина. Мы достигли еще одного соглашения с Соединенными Штатами Америки: подписали договор о прекращении испытаний ядерного оружия на земле, в космосе и под водой. На прекращение испытаний под землей американцы не пошли, не приняли наших предложений. Это в договор не вошло, и сейчас они и мы проводим испытания под землей. Я считаю, что этим соглашением было положено начало прекращению гонки вооружения. И это тоже заслуга президента Кеннеди.

Мы договорились с Кеннеди и об установлении прямой телефонной связи на случай, если создастся какое-то исключительное положение и понадобятся личные переговоры президента с главой Советского правительства. Могут спросить, какая радость от этого? Радости-то нет, но этот элемент дает уверенность, что в критическую минуту можно переговорить, минуя дипломатические лабиринты. Но, главное, наше решение давало мне основание доверять этому человеку. Он искал способы установления контактов и технические средства, с помощью которых можно избежать конфликта.

Могут сказать: «А все-таки напряжение, которое было чревато войной, возникло во времена Кеннеди?» Это умный вопрос. Я без иронии говорю. Надо иметь в виду, в какое время мы живем. Мы живем в переходный период, когда в мировом масштабе решается вопрос: кто – кого? Отмирающий капиталистический строй цепляется за все, за что можно зацепиться, не только отстаивая, но и укрепляя свои позиции. А мы, с другой стороны, тоже идем в

наступление с целью укрепления своего положения и достижения нужных нам экономических, социальных и политических целей. В мире сейчас существуют две главные силы – капиталистическая и социалистическая. Если в первые годы после Октябрьской революции мы были единственной страной, островом в окружении капиталистического мира, то теперь экономика социалистических стран занимает в мире около 35 %. Конечно, во время переходного периода столкновения есть и будут. Их не надо бояться, но надо иметь трезвый ум и не доводить дело до развязывания войны. Для этого надо иметь и умного партнера. Я считаю, что таким партнером как раз и был представитель капиталистического мира Джон Кеннеди.

На этом я должен закончить рассказ о Карибском кризисе. Это были очень интересные, весьма показательные события, потому что тут две крупнейшие страны как бы столкнулись лбами. Казалось, неотвратима военная развязка. И мы уже поставили на старт свои боевые средства, а США окружили остров боевыми кораблями, сосредоточили пехоту и авиацию. Но мы показали, что если руководствоваться разумными целями и желанием не допустить войны, решать спорные вопросы путем компромисса, то можно найти такой компромисс. Победил разум. Поэтому в моей памяти сохраняются наилучшие воспоминания о покойном президенте США. Он проявил трезвость ума, не дал запугать себя, не позволил опьяниться мощью США, не пошел ва-банк. Не требовалось большого ума, чтобы развязать войну. А он проявил мудрость, государственную мудрость, не побоялся осуждения себя справа и выиграл мир. Вот это я и хотел рассказать. Думаю, что верное понимание позиций друг друга, из которого мы исходили, было единственно разумным в сложившейся ситуации.

В Скандинавских странах

Свои воспоминания о поездке в Скандинавские страны предварю упоминанием о том, что первой поездкой правительственной делегации СССР за его пределы после 1953 г. был визит в социалистический Китай, а из несоциалистических стран – в Индию, потом в Англию. По возвращении мы получили соответствующее приглашение от Скандинавских стран Дании, Норвегии и Швеции. Но в те дни в печати этих стран поднялась свистопляска, направленная против нашего визита. Протест выражался не против нашей делегации лично, а против Советского государства, его политики. И мы ответили: «Существующие условия не располагают к нашей встрече, поэтому мы откладываем ее до более благоприятного времени». Затем у нас состоялись поездки в США и во Францию. Видимо, за это время в Скандинавских странах созрели условия для встречи, и их правительства повторили свое приглашение. Тут была некоторая неловкость: нас пригласили, мы отказались, потом опять нас приглашают, вроде бы как упрашивают… Не знаю, как барьер неловкости был преодолен дипломатами, но было объявлено, что мы прибудем в июне 1964 года.

Первой страной для нашего посещения была выбрана Дания. Почему именно Дания? Она политически ничем особенным не выделялась, однако ее географическое положение было самым удобным для открытия визитов туда. Мы следовали в Данию пассажирским кораблем «Башкирия»[788] и решили, что оттуда переедем в Норвегию, далее – в Швецию и из Швеции – домой. Тут президент Финляндии и ее правительство попросили нас заехать и к ним. Мы имели такую возможность, и они, узнав о том, что мы не возражаем, немедленно прислали официальное приглашение[789].

Со Скандинавскими странами у СССР имелись хорошие дипломатические и деловые отношения, ничто в принципе не мешало развитию наших контактов, если не думать о том, что Дания и Норвегия состояли членами агрессивного военного блока НАТО. Впрочем, мы вели с ними торговлю, имели деловые связи и свободно давали экономические заказы в эти страны без каких-либо ограничений.

Прибыли мы в Копенгаген. Встреча была обычной, как положено в таких случаях: выстроили почетный караул, произнесли речи. Мы чувствовали себя вполне хорошо. Там в то время действовало правительство социал-демократов. В фолькетинге они имели абсолютное большинство. Правительство

возглавлял, естественно, тоже социал-демократ[790]. Он произвел на нас очень доброе впечатление, хорошо относился к Советскому государству и соответственно принял нашу делегацию. Правительственная оппозиция из буржуазных партий тоже не выступала против нашего приезда.

Мы имели деловые отношения с промышленниками Дании, которые были заинтересованы в дальнейшем развитии экономических связей. Рыболовы хотели продавать нам сельдь и рыбные изделия. Не говорю уж о том, что Дания всегда старалась предложить нам свои молочные продукты – сыр, сливочное масло и др. Они были очень высокого качества и пользовались в СССР широким спросом. Но нас сдерживало самоограничение в валюте, которой недоставало для расплаты за поставки. А сама Дания покупала у нас немного товаров, так что встречного валютного потока мы не имели, хотя и сохраняли активный торговый баланс в свою пользу. Валюту мы накапливали для того, чтобы в других странах делать те заказы, которые не получались в Дании. Имею в виду страны, которые у нас почти ничего не покупали. Поэтому нам и требовалась валюта для выхода на западный рынок.

После смерти Сталина у нас с Данией состоялся неприятный диалог. Мы давно установили деловые отношения с ее судостроительными фирмами, и вдруг они не стали принимать наши заказы. Мы хотели заказать там танкер грузоподъемностью 12 тыс. т для перевозки нефти. Нам ответили, что не могут принять заказ в силу ограничений, принятых в странах НАТО. Это решение было направлено против наших интересов и принималось для того, чтобы ограничить мощь советского морского флота. Допустимый тоннаж достигал всего нескольких тысяч. Состоялись переговоры на этот счет с перепалкой, даже в печати. Судостроители-то были заинтересованы в наших заказах и охотились за ними, но юридически не могли их принять, ибо имелось общее решение для стран НАТО. А направляли эту линию США. Дания вынуждена была подчиниться. Этого случая мы не забыли. Потом там ограничение сняли. Теперь датские судостроители принимали любые заказы, не ограничивая грузоподъемность.

Более общий вопрос, который нас интересовал, – обеспечение мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством. Наша цель заключалась в том, чтобы ликвидировать напряженность и найти возможность роспуска военных блоков, чтобы не противостоять друг другу и не истощать свои бюджеты расходами на вооружение. Затем – развитие торгово-экономических отношений, культурных и научных связей и т. п. Поскольку наши заказы теперь

принимались, мы смогли заказывать почти все, что могла выпускать датская промышленность. Ограничения возникали лишь технические, из-за мощностей заводов или размеров наших валютных средств.

Дания – маленькая страна, имеющая сравнительно небольшой удельный вес при решении вопросов внутри НАТО. Мы не чувствовали со стороны ее деятелей какого-то сопротивления при переговорах. Но чувствовали, что они занимали позицию, продиктованную сугубо интересами датского народа. Да, они не соглашались с нами по тем спорным вопросам, которые существовали тогда и существуют сейчас между странами – членами Варшавского договора и членами НАТО, но явно в силу вынужденной необходимости. В остальном приемы и переговоры ничем особенным не выделялись, и от них осталось хорошее впечатление. Они были дружественными, теплыми, никаких осложнений мы не встретили.

Отмечу, что в то время возникли споры в Коммунистической партии Дании. Сразу после Второй мировой войны ее возглавлял Ларсен[791], коммунист с большим стажем, который успел приобрести вес в международном коммунистическом движении, весьма известная фигура. На последнем Международном совещании братских партий (Москва) перед нашей поездкой в Данию Ларсен занял позицию, которая противоречила общим взглядам собравшихся по югославской проблеме, выступив с проюгославской точкой зрения. Поэтому против него и был направлен огонь. КПД большинством голосов осудила Ларсена, после чего он выбыл из нее и организовал новую партию. Так в Дании появились две левые рабочие партии. Одна по-прежнему называлась коммунистической, другая, кажется, социалистической[792]. Это и была партия Ларсена, по численности небольшая, но довольно влиятельная среди избирателей.

При выборах в фолькетинг обе партии выставили своих кандидатов. Получился раскол. Мы прибыли туда в то время, когда раскол уже оформился. Конечно, мы поддерживали компартию и осуждали ту, лидером которой был Ларсен. Она оказалась в оппозиции к коммунистическому движению в целом, и мы вели с ней борьбу. Но Ларсен называл себя коммунистом и доказывал, что именно он стоит на марксистско-ленинских позициях. Еще до раскола я беседовал с Ларсеном, который частенько приезжал в Советский Союз и иной раз заходил в ЦК КПСС. Он производил впечатление простого и честного человека, и мы не выражали ему ранее никакого недоверия, у нас не было на то мотивов. Политических вопросов он не касался, да,

видимо, особых вопросов и не возникало. Ведь наши партии не имели расхождений по международным коммунистическим проблемам, поэтому велся нормальный обмен мнениями.

В конце одной из бесед Ларсен задал вопрос, которым я немного был удивлен, но мне понравилось, что человек делает практическое замечание. Он сказал: «Товарищ Хрущев, я не понимаю, зачем вы печатаете бумажные деньги таких больших размеров? На них тратится много бумаги, она особая, дорогая, да и носить их в бумажнике труднее». Ларсен вытащил из своего бумажника денежные знаки Дании и продемонстрировал: «Вот ваш рубль, а вот датский. Он в несколько раз меньше, компактнее, и его легче носить в бумажнике. Да и печатание таких денег стоит дешевле». Я поблагодарил его за добрый совет и ответил: «Такие сложились у нас традиции, никаких принципов здесь не заложено. Считаю, что ваше замечание правильно и полезно. Когда мы будем переходить на новый формат, думаю, что мы учтем это замечание».

Должен заметить, что такие замечания возникали не только у Ларсена. О том же говорили Госбанк и Министерство финансов. Когда мы переходили на новые деньги, то сократили размеры банкнот, они стали более миниатюрными и более удобными для хранения в бумажниках. Уменьшились расходы на печатание денег[793]. Само предложение Ларсена свидетельствует, что у нас были дружеские отношения, и я с удовольствием его выслушивал. Когда все изменилось и мы стали противниками, то прежние отношения нарушились. На какой-то встрече нашей делегации с членами парламента нам представляли разные его фракции. На той встрече был и Ларсен. Я с ним столкнулся, как говорится, носом к носу. Он уселся близко ко мне, но так как наши отношения уже были порваны, то поздоровались мы лишь общим поклоном, а руки друг другу не подали. Он задавал потом какие-то вопросы, я отвечал, но не очень серьезно, а скорее высмеивал его позицию. По-моему, потом его партия прекратила свое существование. Что случилось лично с Ларсеном, не знаю. Печать же, оппозиционно настроенная к коммунистическому движению, конечно, использовала по-своему мою последнюю встречу с Ларсеном. Вот единственное пятно при нашей поездке в Данию.

В ходе ознакомления со страной мы посетили судостроительные заводы, на некоторых участвовали в спуске кораблей на воду, в этой торжественной церемонии. По такому случаю Нине Петровне любезно предложили разбить традиционную бутылку с шампанским о корпус одного корабля. Местные промышленники были удовлетворены, получив от нас новые заказы, и хотели закрепить наши отношения, чтобы и далее

получать их. Нам это тоже было выгодно. Более всего у меня в голове остались именно датские судостроительные верфи. Они выпускали современные, с хорошим ходом и послушным управлением корабли, хотя и небольшого тоннажа. Суда водоизмещением свыше 12 тысяч тонн они тогда еще не делали. Но мы были довольны, так как корабли выполнялись на высоком техническом уровне, соответствовавшем тому времени, и полностью удовлетворяли запросы заказчиков.

Мы встретились с лидерами компартии Дании. Наши беседы были самыми дружественными, у нас не возникло никаких расхождений, так что в памяти у меня ничего плохого не осталось. Обсудили вопросы коммунистического движения, обменялись мнениями о международных делах. Новым лидером КПД был Есперсен[794]. Потом мы поехали по стране, чтобы познакомиться с ее сельским хозяйством, воспользовавшись приглашением правительства и любезностью оппозиции. Оппозицию возглавлял фермер, лидер одной из буржуазных партий, бывший премьер-министр[795]. Согласно задуманному, мы должны были осмотреть некоторые фермы, включая его ферму. Я сохранил в памяти отличное мнение о его хозяйстве. Он тепло нас принимал и показал, что прекрасно знает свое дело. Сам он там не работал, а использовал наемную рабочую силу, ведя хозяйство на очень высоком уровне. Его урожаи, как и по стране в целом, намного превосходили наши.

У меня просто не хватает слов, чтобы выразить свое удовольствие, которое я получил при знакомстве с состоянием сельского хозяйства Дании. Мой глаз отдыхал, во мне рождались самые добрые чувства любителя отменной работы, когда я обозревал посевы на датских полях. Признаюсь, однако, что с радостью соседствовало разочарование. Радость порождалась тем, что обычные люди могут так возделывать свои поля, получать такие превосходные урожаи всех культур, иметь такую высокую продуктивность скота и ведения земледелия. Горечь же проистекала из того, что я, конечно, не мог, вступая в спор, доказывать, что наше сельское хозяйство не хуже. Увы, их хозяйство, основанное на капиталистической базе, находилось намного выше нашего, социалистического, которое, казалось бы, организационно должно обладать преимуществами. Мы же, к сожалению, далеко отставали. Думаю, что и сейчас отстаем от датчан. Дания – сплошная равнина, несколько похожая на украинские степи, но с тем преимуществом, что ее земледельцам климатически помогает географический пояс, в котором она расположена. С моря дуют влажные теплые ветры. Дания – страна с мягким климатом, благоприятным для сельского хозяйства.

Если при современных методах возделывания почвы пахотный слой имеет недостаточное количество питательных веществ, то этот недостаток компенсируется химией, которая дополняет природу и дает возможность каждой культуре получить питание в нужном количестве. Общий вид полей там изумителен. До поездки я кое-что прочитал о сельском хозяйстве Дании, но увиденное меня поразило. Приятно было смотреть на труд человека, на урожай, созданный его руками, и высокопродуктивный скот. Нам надо еще много работать, чтобы поднять сельскохозяйственное производство хотя бы до близкого уровня.

Там мы видели хозяйства разных масштабов. Показали нам владение небогатого (в их понимании) фермера, а в нашем понимании это кулак. У него насчитывалось несколько коров и свиней и все было организовано так, чтобы не дать задушить себя более сильным фермерам и чтобы максимально выгадать при той конкуренции, которая там существует. Если бы он не смог выдержать конкуренции, то разорился бы и стал отбросом для пополнения армии безработных.

Больше всего поразил меня молочный скот. Собственно говоря, вся Дания – это огромная молочная ферма. Не знаю даже, кто может с ней в этом конкурировать? Возможно, голландцы не уступят. Однако и другие Скандинавские страны тоже имели отлично поставленное молочное производство. В данном случае я говорю лишь о Дании и ее хозяйстве. Когда мы заходили на любую ферму, то видели образцовый порядок: чистоту, организованность, таблички с обозначениями животных и показаниями процента жирности молока. Продуктивность коров выражалась не в литрах, как у нас, а в содержании жиров. Мы шли мимо табличек, и у меня перед глазами мелькали цифры 4,5; 4,7; 5,0; 5,2; 5,5; и вдруг 7,0 % жирности! Просто мечта. А датчане вот сумели! Правда, тоже у единичных животных. Средняя жирность составляла 5 %, а 4,5 считались низкими. У нас на табличках указывается только удой в литрах от каждой коровы. Литр – это мировая единица измерения, но содержание жира в молоке – определение продуктивности скота, его ценности. Если у них 5 %, а нас вдвое ниже, то, значит, наши два литра молочной воды равноценны их литру жирного молока.

Во время посещения первой же фермы ее хозяин подарил мне телку. Побывали мы и на выставке. Не знаю, была ли она приурочена к нашему приезду или просто являлась очередной сельскохозяйственной выставкой. Там широко представили животноводство. Пригласили всю нашу делегацию, так что все видели примечательную картину.

Выставка напомнила мне ярмарку, которую я видел подростком в Донбассе. Ярмарка в Юзовке всегда начиналась 14 сентября. Крестьяне вывозили для продажи свиней, гусей, уток, кур, индеек, другую сельскохозяйственную продукцию. Там велась вольная торговля. Здесь – выставка, поэтому она имела более организованный характер: спланирована по секторам, заполнявшимся различными видами животноводческой и птицеводческой продукции, имела нарядный вид, да и люди тоже были нарядно одеты. Потом началась демонстрация лошадей разного назначения. Показывали публике таких животных, которые могли бы служить примером, чтобы каждый хозяин смог познакомиться с лучшими образцами и перенять опыт. Затем стали выводить коров и быков. Они тоже производили сильное впечатление. Тут же давалась характеристика всем животным. На выставке мне подарили двух телок и бычка. Я распорядился, чтобы Министерство сельского хозяйства СССР взяло их на особый учет и передало в научно-исследовательское учреждение. Пусть там поработают с ними и получат от них высокопродуктивное потомство.

Для ведения племенного животноводства в СССР мы, конечно, пользовались не только животными, получаемыми в подарок. Такой скот мы сами покупали в Дании и в других странах. Вообще-то Дания – малая страна, которая вынуждена пробивать на рынок сбыта свои молочные продукты и бекон. Бывали случаи, когда ее социал-демократическое правительство буквально умоляло нас что-то купить, поскольку в стране было затоваривание и не находилось сбыта. Перед выборами в фолькетинг, чтобы привлечь голоса фермеров в пользу кандидатов от социал-демократов, правительство стремилось организовать сбыт. Закупка Советским Союзом сельскохозяйственных продуктов в Дании свидетельствовала, что такому правительству народ может доверять, ибо оно на основе дружеских отношений с СССР сумеет организовать сбыт сельскохозяйственных продуктов. Так фермерам обеспечивался надежный рынок.

Маленькая страна, а делает буквально чудеса. Да, я понимаю, что чудеса – это для нас. А для других стран тут уже давно завоеванные позиции и никаких чудес нет. Я и сейчас, как прикрою глаза, явственно вижу ту выставку и ее замечательные экспонаты.

По программе визита, составленной правительством Дании, планировались встреча и обед с королем[796] в его загородном дворце. Настал день и час нашего отъезда на обед. Это неподалеку от Копенгагена. Мы были там в летнее время, так что

Дания имела вид разрисованной картинки. Прибыли во дворец. Встретила нас королева с двумя дочерьми. Король, большой любитель охоты, к нашему приезду собирался как раз вернуться и, видимо, запоздал, как это бывает на охоте. Заняли нас пока какими-то разговорами. Вскоре приехал и король – обычный человек, вовсе не такой, о каком мы составили себе мнение заранее, внешне ничем не выделявшийся, и королевского на нем ничего не было: ни мундира, ни регалий. Он вышел к нам в обычном костюме, немолодой уже человек с лицом вовсе не столь холеным, как изображаются обычно короли. У него вообще было простое лицо, и в зависимости от точки зрения того, кто его рассматривал, короля можно было принять за человека любой профессии.

Посол предупредил нас, что король – охотник. Поэтому в подарок ему мы привезли тульское ружье с вертикальным расположением стволов, новинка у нас, хотя в Европе подобные ружья уже использовались. Я лично имел бельгийские и немецкие трофейные ружья такого типа. Наша тулка, конечно, была отменно изготовлена и с хорошим боем. Тульские ружья могут конкурировать с чем угодно, смело вступать в соревнование. Советские стрелки с отечественными ружьями успешно выдерживают состязания со стрелками с западным оружием… Преподнес я подарок. Когда мы стали собирать для короля ружье, он проявил нетерпение и сам начал сборку, а я ему помогал и, увы, запутался, потому что из таких ружей стрелял редко. Мне больше нравились классические, с горизонтальным расположением стволов. Тогда я попросил начальника моей охраны товарища Литовченко[797] показать, как его надо собирать. В результате мы на практике обучили короля. Видимо, у него тоже не было такого ружья, потому что он проявил полное незнание его устройства. Мы видели, что ему все это очень приятно, подарок ему понравился. Нам это тоже доставило удовольствие.

Принцессы оказались молодыми. Младшая – совсем девчонка и, я бы сказал, очень красивая. При оценке девичьей красоты могут быть разные точки зрения, но она на всю нашу делегацию произвела незабываемое впечатление. Старшая дочь тоже была как цветок: и нарядна, и собой хороша. Нам сказали, что ее уже просватали, скоро будет свадьба. Она выходила замуж за короля Греции. И когда я услышал это, то еле-еле удержался, чтобы не посочувствовать ей. Так и хотелось сказать, что сейчас короли не в моде, что королевский трон в Греции довольно непрочен. Мне по-человечески было жаль такую девушку, что ей придется испытать немало неприятностей, когда она станет королевой

Греции. Опять могут сказать: «С чего это бывший рабочий сочувствует королеве?» Да, я сочувствовал, но не королеве, а девушке. Я-то знаю, какие может жизнь преподносить сюрпризы. Мне, как рабочему, тоже было бы приятнее, если бы она выходила замуж за кого угодно, а не за короля. Но это принцесса, поэтому достойным ей женихом оказался король. Когда «черные полковники» устроили в Греции переворот, король вынужден был бежать[798]. Кажется, именно в Данию.

Датская королева была одета тоже просто, без пышности, хотя она и весьма богатая женщина. Она пригласила нас к столу. Обед протекал без напряжения. Королевская чета вносила естественность. Произносились тосты: с моей стороны – в честь короля; с их стороны – в нашу честь. Состоялся обычный обед, который бывает при встрече за столом людей, представляющих разные страны. Потом мы вернулись в Копенгаген, где нас пригласили к себе премьер-министр Краг с женою посетить их дом. Он сказал, что и поговорим у него за чаем или кофе. Мы согласились и в назначенный час поехали к нему. Премьер, видимо, хотел показать, в каких условиях он живет. Это и меня интересовало.

Приехали в какой-то поселок, вроде рабочего, с двухэтажными домами. Нам объяснили, что их строил кооператив, а премьер, как его член, получил там квартиру. Она располагалась на двух этажах. Эта западная система размещения наиболее удобна для семьи. Как правило, внизу находятся кухня и столовая, наверху – спальни, под окнами – садик. Как бывает в таких случаях, каждый хозяин по своему усмотрению сажает там огородные культуры, цветы или деревья. У премьера росли деревья на крохотном участке, куда соседи спокойно заглядывали с обеих сторон. Мы провели время очень приятно. Сам он человек общительный, его жена – актриса и тоже общительная. Он молод, а она еще моложе. У них было двое детей. Хорошая простая семья, без претензий, обеспеченная, но без роскоши, что мне вдвойне понравилось. Понравились также сам дом и устройство квартиры. Я, признаться, мотал там себе на ус, что и нам надо бы придерживаться такого образа жизни. А то у нас для руководителей сложились другие условия быта, вовсе не правильные. Всегда находят какое-то оправдание этому, но тут не буду распространяться на сей счет.

Квартиру я не обследовал, это делала Нина Петровна и рассказала потом о деталях. Мы сидели в палисаднике, там подготовили обеденный стол, там мы и начали беседу. На следующий день осмотрели Копенгаген, морскую набережную со знаменитой Русалкой Андерсена. Как раз перед нашим приездом

хулиганы отпилили ей голову. В печати много об этом писали. Такое злодеяние потрясло общественность всей Дании. Вышедшая из сказки, Русалка приобрела особое значение для каждого датчанина. Вскоре никаких следов святотатства не осталось, новую голову искусно приделали на прежнее место. В целом Копенгаген мне очень понравился. Впечатляли и набережная, и нарядная публика. Мы жили там в гостинице, наблюдали торжественную смену караулов, другие достопримечательности, просто походили по городу.

Распрощавшись, отбыли на корабле в Норвегию. Полагаю, что церемония встреч была заранее согласована между тремя Скандинавскими государствами. И политика их в отношении Советского Союза почти ничем не различалась, и церемонии были идентичными. Здесь тоже было королевство. Следовательно, и почести соблюдались аналогично датским.

Рассказывали, что отец нынешнего норвежского короля[799] увлекался рыбной ловлей и был настолько демократичен, что иной раз ездил на рыбную ловлю на трамвае. Трамвай останавливался близ того места, где была рыбалка. Не зная короля лично, никто не мог предположить в нем правящее лицо: обычный пассажир, каких в трамваях тысячи. С премьер-министром Норвегии Герхардсеном[800] был знаком заочно. Еще до оккупации Норвегии Германией он был премьер-министром, во время оккупации – лидером партии социал-демократов, пошел мостить мостовые, укладывал булыжники. Потом немцы его арестовали, он сидел в лагере и, кажется, был освобожден советскими войсками в Северной Норвегии. Южная Норвегия освобождалась западными союзниками, мы в этом не участвовали.

Жена премьера примыкала к левому крылу социал-демократов. Как меня информировали, она была близка к коммунистической партии, но лично никогда не являлась коммунисткой. Когда рабочий класс Норвегии вышел строить баррикады, то она была там вместе с коммунистами и левыми социал-демократами. Одним словом, находилась там, где могло произойти столкновение рабочих со своим классовым врагом. По своему мировоззрению она стояла ближе к коммунистам, чем ее муж.

В день прибытия в Осло мы должны были нанести визит королю Норвегии[801]. Меня предупредили, что у него серьезное заболевание, от которого без всякой внешней причины он может вдруг громко захохотать. Поэтому надо не афишировать, а сделать вид, что не замечаешь. Мы подъехали к обычному парку, который ничем не выделялся, как и дворец, имевший вид жилища

капиталиста среднего достатка и не производивший какого-то особого впечатления. Посетитель не ощущал, что вступает во дворец короля. Встретил нас некто в военном френче цвета хаки и повел внутрь. Мы вошли во дворец, и я ожидал, когда меня представят королю. Но, когда мы зашли в кабинет и тот предложил мне сесть, а сам уселся в кресло хозяина, я сообразил, что это и есть король. Он был настолько просто одет и внешне выглядел так, что его можно было принять за садовника.

Наша беседа имела чисто формальный характер. Вскоре я удалился. Короли Дании и Норвегии – царствующие лица, но не управляющие реально своими государствами. Деловыми вопросами они не занимаются. Не они определяли политику, а правительство. Тут были визиты вежливости. Разместили нашу делегацию тоже в королевском дворце, в парке на окраине Осло. Хороший парк, хороший дворец, но ничего похожего на роскошь дворцов Петергофа или Царского Села, Екатерининского и Павловского. Мебель тут была не дворцовая, а хозяйственная, для удобства живущих, в парке цветы и зелень на живописно расположенных лужайках создавали уют.

К правительству Норвегии никаких вопросов, требующих особого решения, у нас не было. Имелись общие вопросы, которые стоят и сейчас: о мире, о мирном сосуществовании, об экономическом прогрессе, типичные вопросы, которые всегда возникают. Отношения же наши были хорошими, хотя и нуждались в улучшении. Если принимать во внимание, что наши государства относились к разным социально-политическим формациям, то отношения между ними надо считать очень хорошими.

Оппозиционные буржуазные партии в Норвегии влиятельны. Это выражалось и в том, что в стортинге социал-демократы имели большинство всего в один голос, и принадлежал он не социал-демократу, а социалисту, который занимал промежуточную позицию между социал-демократами и буржуазией. Но в коренных вопросах, особенно когда стоял вопрос о доверии правительству, этот представитель социалистов (или он себя называл таким) всегда голосовал вместе с социал-демократами. Так всего один человек решал вопрос о судьбе правительства, положение которого было поэтому неустойчивым.

Путешествуя по Норвегии, мы посетили и ее северные районы, где наши войска принимали участие в изгнании фашистов. Мы поехали на кладбище, где похоронены и жертвы оккупации, и советские солдаты. Все там в образцовом порядке, видны надгробные плиты с надписями, есть общий памятник нашим соотечественникам. Захоронение выглядело

миниатюрным, но оформлено было с любовью и архитектурно-художественным вкусом, производило приятное впечатление: без излишеств, но приковывающее внимание и вызывающее сочувствие к жертвам, покоящимся на кладбище.

Правительственные приемы и обеды в Дании, Норвегии и Швеции похожи друг на друга, и я не буду о них рассказывать. Они были дружественными. Чувствовалось, что с нами хотят дружить, укреплять эту дружбу и особенно развивать экономические связи, получать от нас заказы и покупать у нас сырье. Частично мы продавали Норвегии зерно. Она же искала рынки сбыта сельди. У них благоприятные условия для лова сельди, потому что она, мигрируя в океане, проходит мимо берегов Норвегии, как говорится, сама прет в сети. Порой перед выборами социал-демократы Норвегии обращались к нам с просьбой выручить их и купить сельдь, которая не находила сбыта. В СССР она пользовалась большим спросом. Отличная по вкусу и прекрасно приготовленная, лучше, чем мы готовили из своего улова.

Министерство финансов СССР при покупке норвежской сельди имело солидную прибыль, так как мы продавали ее в Советском Союзе по более высоким ценам, которые сложились на этот продукт у нас. Опять же наши возможности закупок ограничивались наличием валюты, нам надо было расплачиваться валютными товарами, самой валютой или золотом. Иной раз это сдерживало от закупок, ведь мы ощущали потребность и в других видах товаров, более необходимых, чем сельдь. Потребители СССР в то время вообще занимали в правительственных расчетах второе или даже третье место. Главным образом мы покупали за границей оборудование, аппаратуру или приборы, которых сами не могли изготовить.

Норвегия, как и Дания, строила для нас корабли. Мы и там побывали на верфи, ибо спуск корабля на воду приурочили к нашему приезду. Нине Петровне снова была предоставлена честь разбить бутылку о корпус корабля. Промышленники и тут проявляли к нам большое внимание, были довольны советскими заказами и их повторением, так как верфи загружались работой. Из печати видно, что это и сейчас продолжается, потому что взаимовыгодно. Все довольны: капиталисты зарабатывают, рабочие тоже, мы увеличиваем свой рыболовецкий морской флот. Норвежцы, потомственные мореходы, умеют строить отличные корабли. Как поется варяжским гостем в опере «Садко»[802], «на море родились, умрем на море». Действительно так: варяги знали море с детства и с давних времен умели строить отменные корабли, на которых преодолевали большие морские просторы.

Они раньше, чем Колумб, достигли американских берегов и возвели там свои поселения.

Неподалеку от Осло нам показали (мы приехали туда по железной дороге) большой и современный химический комбинат минеральных удобрений[803]. Концентрация полезных веществ в них была выше, чем в наших, так что они представляли для нас интерес. Я договорился с норвежцами о продаже ими лицензии или о консультации, на что они охотно согласились. Затем мы посетили металлургическое предприятие. Нас очень хорошо встречала местная администрация, тем более рабочие. Официальный же прием нам устроил король. О королеве я ничего не могу припомнить. Королевский, как и правительственные приемы, тоже был очень теплым, проходил в дружественной обстановке. Потом премьер-министр Герхардсен сказал, что хотел бы побеседовать со мной один на один. Я был готов. Завязалась полезная беседа. Подчеркну, что обмен мнениями с Герхардсеном оказался более свободным и по обстановке более располагающим к искренности, чем с премьером Дании. Возможно, это было вызвано тем, что он был старше датского премьер-министра и ближе по возрасту ко мне, да еще сам, как и я, выходец из рабочих, что вызвало у меня положительную реакцию. Да и держал он себя демократично.

Герхардсен сказал, что, видимо, новые выборы в парламент не принесут ему победы, так что социал-демократическое правительство не будет иметь возможность остаться у власти на следующий срок, к руководству придут буржуазные партии, а рабочая партия перейдет в оппозицию. И начал мне рассказывать, как они на протяжении ряда выборов теряют все больше и больше голосов, сейчас в парламенте имеют большинство всего в один голос, да и тот депутат – не из их партии. «А очередные выборы, наверное, и этого голоса нас лишат», – сказал он. «Как же так, – говорю я (мы с ним называли друг друга то “господин”, то “товарищ”. Он охотно переходил на пролетарское обращение). – Избиратели у вас главным образом рабочие плюс небольшая крестьянская прослойка плюс трудовая интеллигенция. Почему же вы теряете голоса? Как это понять? Рабочие, следовательно, голосуют за кандидатов, выставленных буржуазными партиями? Что же, они голосуют против своих интересов?» – «Да, – отвечает, – это так, у нас действительно абсолютное большинство избирателей составляют рабочий класс, трудовая интеллигенция и бедные крестьяне. Но и они, не говоря уже о фермерах, начинают голосовать за буржуазные партии». И конкретно, на цифрах, показал, как социал-демократы теряют голоса.

Человек непосредственный, он располагал меня к себе. «Надо

бы вам подумать, – предложил я, – и выступить с более радикальной избирательной программой, чтобы привлечь рабочих». Он посмотрел на меня с улыбкой, а в глазах его светилась ирония, и промолвил: «Товарищ Хрущев, программу, более радикальную, чем сейчас, мы не сможем принять». – «Почему? Ведь тем самым вы отталкиваете избирателей, и они не голосуют за вас». Тут он высказался более откровенно: «Товарищ Хрущев, у нас есть партия, которая выступает с более радикальной программой, чем мы, – коммунистическая, но она собирает голосов еще меньше. Видимо, для нас потеря голосов определяется не тем, что наша программа недостаточно радикальна». – «А чем же?» – «Тем, что у нас многие рабочие имеют дома, морские катера, другую собственность. Наше законодательство такую собственность облагает налогом, эти люди попадают под обложение и голосуют против нас. Буржуазные партии обещают уменьшить налог на собственность, но увеличивают налог на трудовой народ, чем и привлекают людей, имеющих большие или средние доходы, обещая всяческие льготы».

Действительно, партия, выступавшая на выборах с еще более радикальной программой, чем социал-демократы, то есть Коммунистическая партия Норвегии, в стортинге имела лишь несколько мандатов. Я стоял на стороне Герхардсена, хотя его правительство тоже проводило политику, учитывавшую интересы буржуазии, и недостаточно усилий проявляло для выхода из состава НАТО. Тогда тот вопрос нас жгуче интересовал, и мы добивались соглашения по нему. Норвегия – наш сосед. НАТО угрожает нашей безопасности, иной раз проводит военные маневры вблизи наших границ, морских и сухопутных. Конечно, мы отдавали большее предпочтение рабочему составу норвежского правительства, нежели буржуазному, вместе с которым появлялось вообще много чего неизвестного для нас. Мы могли ожидать, что оно станет проводить политику, более направленную на врастание в НАТО, что противоречило нашим интересам.

Нину Петровну жена премьер-министра знакомила с бытовыми и детскими учреждениями страны. Она приезжала в СССР еще до нашей встречи в Норвегии, возглавляя какую-то молодежную организацию, хотя уже вышла из молодого возраста. Правда, эта энергичная, приятная и умная женщина была значительно моложе своего мужа. Она пригласила Нину Петровну на квартиру, и потом жена рассказывала мне, что семья премьера живет скромно, даже бедно, причем в той же квартире, которую он занимал, когда был еще рабочим. Вела буквально спартанский

образ жизни. У них имелись две дочери-подростка, тоже не знавшие никакой роскоши.

Я встретился и с руководством Коммунистической партии Норвегии. Беседа проходила тепло. У нас тогда были доверительные и братские отношения. Несмотря на то, что премьер-министр являлся противником политической деятельности коммунистов и КПН находилась в оппозиции, иной раз, когда наступал критический момент и правительство могло быть провалено буржуазией, члены стортинга от КПН приходили на выручку, поддерживая премьера своими голосами.

Что касается буржуазных членов стортинга, то я встретил среди них знакомого, бывшего посла Норвегии в Советском Союзе, человека среднего возраста, высокого роста, худощавого[804]. Его жена была схожа с мужем и возрастом, и комплекцией, довольно приятная женщина. Посол знал русский язык, и мне с ним разговаривать было легко. Я не раз беседовал с ним в Москве, когда он был послом. Теперь он сам попросил о встрече. Он меня уверял, что СССР не должен проявлять озабоченность по поводу того, что нерабочая партия придет к руководству, ибо каких-то перемен в отношениях между нашими странами при смене правительства не произойдет. Новое правительство, в котором он надеялся занять определенное место, будет проводить по отношению к Советскому Союзу ту же политику.

Действительно, когда произошла смена правительства, так и случилось. Но правительство Герхардсена было нам все же ближе. Оно, поддаваясь давлению со стороны коммунистов, больше учитывало интересы рабочих. А сейчас там социал-демократы находятся в оппозиции и имеют недостаточно сил, чтобы вновь прийти к власти.

Советский посол[805] устроил прием в нашу честь. Туда была приглашена масса гостей, включая руководство КПН и правительство. Стояла теплая погода, прием проходил на открытом воздухе и в хорошей, располагающей обстановке. Когда мы знакомились с Норвегией, то заметили, уже не по карте, а в натуре, что эта горная страна с довольно суровой природой может закалять свое население – тружеников и храбрецов. Другое наблюдение: когда мы ездили железной дорогой на север, то видели сплошные мосты. Они соединяют горы, переброшены через овраги, в горах проложены туннели. Для туристов это экзотическая страна. Там есть и уголки с оригинальным микроклиматом, где цветут южные растения. Норвегия обладает летом той же прелестью, что и наш Север: белыми ночами. Не знаю, где они белее: в Ленинграде или в Осло, но и там они

привлекают большое количество туристов. За счет туризма Норвегия вообще имеет основательное пополнение валюты.

Из Осло, когда программа пребывания, предложенная нам правительством Норвегии, была исчерпана, мы на корабле взяли курс на Швецию.

На пути из Осло мы миновали фьорд, который довольно глубоко вдавался в сушу, поэтому дорога до открытого моря оказалась длинной. Мы плыли там, как по большой реке, справа и слева видя берега – красивейшие места с богатой растительностью. Встречные острова и все берега освоены: там устроены лодочные станции и дома отдыха, все с толком обжито и сделано красиво, выглядит очень нарядно: и целые поселки, и отдельные виллы. Непрерывные в пути встречи с людьми, гулявшими на катерах или близ поселков на лодках, начинались и кончались дружественными приветствиями. Мы отвечали им с палубы. Я с палубы не уходил, стремясь не отрывать глаз от зрелища, с жадностью присматривался к условиям жизни норвежского народа. Это дополняло впечатления, которые я получил, разъезжая по стране.

Путь в Стокгольм показался мне длительным. Когда мы вошли в воды Швеции, то и там зрелище было приятным. Красивые берега, таким же образом хорошо освоенные, похожая картина, которую мы наблюдали, уплывая из Осло. Процедура встречи равным образом повторилась. Эти, как и Дания, родственные страны близки по своей политической структуре. В них во всех были социал-демократические правительства, поэтому личные связи они поддерживали самые тесные. На процедурах приема нашей делегации мы слышали идентичные речи, только слова не вполне совпадали. Иначе и быть не могло: ведь одни и те же вопросы волновали и норвежцев, и датчан, и шведов. Да и нас интересовали те же проблемы, за исключением одной: нейтральная Швеция не состоит в военных блоках. Тем не менее она больше тяготеет к странам НАТО, чем к СССР. И это не должно нас удивлять, потому что Швеция – капиталистическая страна.

Долгое время послом Швеции в СССР был господин Сульман[806]. Он сносно говорил по-русски, с ним можно было неплохо объясниться напрямую. Я без труда понимал его, когда он излагал свои мысли не торопясь. Жена у него русская по происхождению. Не помню, как она попала в Швецию. То была хорошая пара. Сульман являлся дуайеном – старостой среди послов, аккредитованных в СССР. Старостой бывают те послы, которые больше других пребывают в данной стране. У нас с ним возникало мало дел, но он порою приходил в МИД по делам и

других посольств. Касалось это главным образом разного рода приемов. На них он приглашал меня от имени не своего посольства, а всего дипломатического корпуса, который он представлял. Сульман держал правильную линию в отношении Советского Союза и не давал нам поводов для недовольства. Вообще находился у нас «на особом счету». Это не значит, что он отстаивал наши интересы: он оставался лояльным шведом и нес свои функции не только как представитель своего правительства, но и как буржуа. Не знаю, какой он обладал частной собственностью, это вообще вопрос иного плана. Но как посол он нас удовлетворял, никаких претензий к нему не возникало. Мы с уважением относились к его персоне.

Жена его, любезная женщина, оставалась к нам дружелюбной, что бывает не всегда. Иногда русские, становясь иностранцами, начинают проявлять враждебность по отношению к Родине, откуда они эмигрировали. К госпоже Сульман это не относится. Конечно, являясь супругой такого человека, она безусловно занимала те же, что и муж, общественные позиции. Думаю, что никаких политических разногласий внутри семьи у них не было. Их сын, юноша лет 17, отлично говорил по-русски. Дети обычно лучше знают материнский язык, потому что больше общаются с матерью. Потом он учился в каком-то вузе, но во время каникул приезжал в Москву, иногда вместе с родителями бывал на приемах, и всегда посол с удовольствием подводил его поздороваться со мной. Так я узнал их семью.

У нас сложились добрые отношения, и мы часто позволяли себе шутки на исторические темы. «Господин Сульман, – мог сказать я ему, – сейчас у нас с вами хорошие контакты, но когда-то шведы были под Полтавой, поэтому мы должны зорко следить за вашей деятельностью: не замышляете ли вы повторно поход к Полтаве?» Он, улыбаясь, отвечал: «Господин Хрущев, вы знаете, что после того урока, который мы получили от русской армии петровских времен, Швеция почти не воевала. Так что можете быть спокойны, повторного похода к Полтаве мы не замышляем». Никаких осадков наше перешучивание не оставляло, хотя сражения Швеции и России в петровское время были довольно кровавыми.

В Стокгольме нас встретил премьер-министр Эрландер[807], опять же социал-демократ. В качестве резиденции нам отвели королевский дворец с большими удобствами, прекрасным парком и массой цветов. Король дворцом не пользовался, и последний предназначался для гостей. Внешне он и не выглядел дворцом: как и в Норвегии, обычный хороший дом без особых украшений. Парк был отлично распланирован, с чудесными дорожками и

всеми условиями для отдыха. Во дворце стояла соответствующая мебель, висело много картин. Условия пребывания гостей – как нельзя лучше.

Вскоре, согласно протоколу, мы нанесли визит королю[808]. Из сообщений печати вижу, что он и посейчас живет и здравствует. Нас снабдили информацией, что он по специальности археолог и занимается научной деятельностью. Перед нашей поездкой советские ученые подобрали библиотечку по его тематике, которая могла бы его заинтересовать. То был довольно объемистый груз. Передавая сувенир, я символически вручил ему какую-то одну книгу и сказал: «Преподношу вам от себя и от Академии наук СССР». Король, немолодой человек высокого роста, седой, но подтянутый и собранный, сердечно поблагодарил. В молодости он явно мог бы служить красавцем гвардейцем.

Социал-демократическое рабочее правительство Швеции – самое старое из скандинавских. Оно было сформировано еще до Второй мировой войны. Премьер Эрландер – опытный политик, переговоры с которым протекали в атмосфере взаимного уважения. У нас не существовало никаких спорных проблем. Эрландер, как нейтрал, свободно высказывался за всеобщее разоружение и осуждал все военные блоки – и Варшавский договор, и НАТО. В выходной день он предложил нам съездить за город, на правительственную виллу[809]. Неподалеку находилась животноводческая ферма, ее посещение предусматривалось программой визита. Эрландер сам вел машину, а за нами ехали сопровождающие лица. Эта ферма не уступала тому, что я видел в Дании. Животноводство в Швеции тоже стоит на высоком уровне. Там проводилась изрядная селекция, поэтому страна имеет высокопродуктивный молочный скот с жирностью молока в 5 % и выше. А если их обнаружат ниже 4,5 %, то таких коров посылают на убой, выбраковывают.

Во время посещения фермы мы обратили внимание на то, что фермер, сидя за рулем, сам производил уборку люцерны, но очень оригинально. Я такого способа уборки ранее не видел. Признаюсь, даже не знал, что он существует. Да и наши специалисты ничего не знали о нем. Особенность заключалась в том, что в процессе укоса скошенные растения проходили через валки, стебли раздавливались. Позднее мне доложили об этих машинах, и я видел их образцы. У нас их, к сожалению, не производили. Такой способ уборки создавал более равномерное высыхание скошенной массы. Обычно влага задерживается в стеблях. При нашей уборке, когда стебли высыхают, лепестки к той поре уже настолько пересохнут, что осыпаются, и самые

ценные кормовые достоинства, находящиеся в лепестках, остаются на земле. При их способе уборки получается равномерное развяливание массы, сено убирается без потерь.

Кроме того, машина, двигаясь по полю, растягивала шпагат на вешках, сено набрасывалось на бумажный шпагат и в подвешенном состоянии быстрее подсыхало. «Почему вы делаете шпагат из бумаги?» – спросил я. «Раньше, – ответил фермер, – я применял проволоку, но бывало, что ее концы оставались в сене и коровы съедали его с проволокой, были случаи их гибели. Проволока пробивала им кишечник или желудок. А тут все съедобно: и люцерна, и бумага». Это было разумно. Тот фермер имел земли 60 гектаров. Он показал нам и своих животных. Его домик был небольшим, но удобным, с хорошей террасой и большим прудом, в котором он ловил рыбу. Он продемонстрировал нам и трактор-амфибию, могущую работать на любых полях. Главная ее работа – скашивание водорослей и камыша. На этой амфибии установлена косилка. Мне понравилась такая машина, и нашим специалистам я порекомендовал изучить возможность ее производства. Мы купили образец, с тем чтобы нам тоже завести такие машины. У нас ведь много озер, где нужно выкашивать траву как на корм скоту, так и для лучшего выращивания рыбы.

Коровы у фермера тоже были высокой продуктивности. И тут опять все вызывало у меня зависть. У нас ученых пруд пруди, а животноводческая наука никуда не годится. Даже толковой направленности нет. Слушаю сейчас по радио: такие-то удои, такие-то удои… Да это просто невежество! Показатель для незнающих людей. Главное, что определяет продуктивность молочного скота, содержание жира в молоке. Можно себе представить, сколько лишних средств мы затрачиваем на содержание скота, сколько корма мы переводим и какую скромную отдачу получаем. В наших колхозах и совхозах затраты в два раза выше, чем у датского или шведского фермера, а толку меньше. Это касается и Норвегии.

После посещения фермы мы катались по прекрасному озеру, вначале группой, затем я взял себе лодку на одного человека и уплыл довольно далеко. Погода стояла солнечная, видимость была отличная, но охрана сходила с ума. Мы замечательно отдохнули, а вечером состоялся официальный обед с обменом мнениями. Говорили о сложившихся отношениях между нашими государствами и затрагивали международное положение, которое хотели бы изменить в лучшую сторону. Увы, эти переговоры никакого влияния на изменение обстановки в мире не оказали. На приеме, который был устроен нашим посольством,

присутствовал король. Как всегда в таких случаях, всюду накурено, возникает толчея. За одной из таких группок я с интересом наблюдал: там стоял король в небольшом окружении лиц и беседовал, все выглядело демократично. Этот король тоже понимал время, в котором живет, и хорошо чувствовал обстановку, сложившуюся в Швеции. Не было и тени какой-то особой изысканности, аристократизма, известного нам из литературы об императорах. В королевской манере держаться даже внешне не было ничего того, что бросалось в глаза при шествии русских царей. Король был одет в обычный серенький костюм и ничем не выделялся из других лиц.

И в Швеции тоже состоялся спуск на воду корабля, построенного по заказу СССР. Опять была разбита бутылка с шампанским. Нина Петровна уже обучилась этому делу, как заправский мастер, а мы подшучивали, как, дескать, ловко у нее это получается. Правительство Швеции запланировало посещение нами старой столицы – Гётеборга, портового города исторического значения. Мы должным образом были приняты его мэром, тоже социал-демократом. Потом нам показали достопримечательности. Мы посетили рыбный рынок. Там рыбой обычно торгуют утром, к обеду базар кончается, ибо рыба – быстро портящийся товар и санитарная инспекция строго следит за соблюдением гигиены. На рынке мы осмотрели много рыбного товара. Продавались всевозможные рыбы, тут же их готовили для желающих, те ели. Потом мы заглянули в дом-аквариум.

Я люблю природу, люблю морских животных, а там все было представлено богато: различные рыбы, ракушки, прочая морская живность. Экспозиция была интересно составлена, особенно для детей, познания ими жизни моря. Весьма полезная вещь. Там мы отобедали, попробовали дары моря. Мэр держал речь и в заключение сказал: «В знак вашего пребывания и на память о нашем городе преподношу вам в дар от Гётеборга фотоаппарат». Я принял подарок, а теперь добром вспоминаю мэра. Фотоаппарат марки «Хасенблатт» оказался хорошей конструкции, делает прекрасные снимки. Сейчас, в положении моего безделья, он мне очень пригодился как «заполнитель» повседневной пустоты. Когда я после столь бурной общественно-политической жизни вдруг стал пенсионером и мне некуда себя девать, пустота стала давить на меня и угнетать. Спасибо мэру Гётеборга[810], что он дал мне в руки «заполнитель»!

Мы имели контакт и со шведскими коммунистами. Во всех странах, посещаемых нами, мы встречались с братьями по партии не подпольно и не инкогнито, а принимали их в своем посольстве и вели обмен мнениями. У нас с компартией Швеции не

существовало никаких разногласий, по всем вопросам имелось единое мнение, поэтому мы просто пожали друг другу руки. В риксдаге коммунисты занимали небольшое количество мест и находились на положении оппозиции без особого влияния. Но пребывание даже небольшой горстки коммунистов в парламенте вынуждало социал-демократов и буржуазные партии, которые приходили к власти, считаться с их мнением. Их голос звучал в защиту рабочего класса и борьбы за мир. Именно в Швеции я задумался и задал себе вопрос, который напрашивался сам собой: «Какой же вывод я делаю после встреч со скандинавскими коммунистами и посещения этих трех стран? Была ли польза? Или, может быть, произошла пустая трата времени?» Нет, поездку считаю полезной, хотя никаких конкретных вопросов мы не решали, да и решать не могли. Зато мы лучше узнали друг друга.

На приеме в нашем посольстве в Стокгольме ко мне подошла женщина – министр культуры[811]. Она была немного навеселе и повела со мной такую беседу: «Господин Хрущев, хотела бы с вами посоветоваться. Предстоит обсуждение кандидатур писателей на присуждение Нобелевских премий. Обсуждаются кандидатуры и от СССР. (И назвала две фамилии.) Какую кандидатуру следует нам поддержать, по вашему мнению?» Я ответил, что в таком деле не имею решающего голоса. Она настаивала: «А какой вы бы дали совет?» Пришлось ответить: «Полагаю, что фамилии, которые вы мне назвали, это не те, которые в качестве премированных нашли бы широкий резонанс в нашей стране. У нас есть писатели, которые воспринимаются с глубоким уважением широкими кругами советской общественности, и она почувствовала бы удовлетворение от присуждения именно им Нобелевской премии». – «Кого бы вы назвали?» – «Назвал бы Михаила Александровича Шолохова. Если уж выбирать среди наших писателей, то Нобелевская премия, присужденная Шолохову, была бы наиболее приемлемой для нашей общественности». Она не стала спорить, а я далее не распространялся на эту тему. Это внутренний вопрос. Выпрашивать Нобелевскую премию я посчитал бы унижением. У нас есть свои премии, в том числе Ленинская. На мой взгляд, она не идет ни в какое сравнение ни с какими нобелевскими. Будучи уже на пенсии, я узнал, что Швеция присудила Нобелевскую премию Шолохову[812]. Хочется думать, что мои замечания впоследствии тоже были учтены при ее присуждении.

Швеция – очень красивая страна. Высокий жизненный уровень ее народа производил сильное впечатление. Никто не выглядит голодным, все одеты без крикливости, носят одежду скромных расцветок, не бьющую в глаза, но добротную,

сработанную со вкусом, нарядную. Города все благоустроенные.

Во всех трех странах мы пригласили с визитами их правительственные делегации к себе. Еще ранее они побывали у нас. Теперь, уезжая, по долгу вежливости пригласили их посетить Советский Союз еще раз. Я остался весьма доволен их гостеприимством и получил большое удовлетворение от всего, что там увидел и с чем познакомился.

Н.С. Хрущев. Хронология 1953–1964 Составлена по официальным публикациям

1953 год

5–6 января 1953 г. Н.С. Хрущёв присутствовал и выступил на пленуме Московского областного комитета КПСС.

12 января 1953 г. В Большом театре – концерт мастеров искусств Польши. В ложе присутствуют И.В. Сталин, В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Н.С. Хрущёв и др.

27 января 1953 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов, выступает на собрании работников торговли и общественного питания г. Москвы.

15 февраля 1953 г. Н.С. Хрущёв участвует в траурной церемонии прощания в Колонном зале Дома союзов и похоронах на Красной площади министра Государственного контроля СССР Льва Захаровича Мехлиса.

1–5 марта 1953 г. Н.С. Хрущёв дежурит на подмосковной даче в Волынском у постели больного И.В. Сталина.

4 марта 1953 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС, освободившего Г.М. Маленкова от обязанностей секретаря ЦК и переизбравшего его секретарём ЦК КПСС.

5 марта 1953 г. Пленум ЦК КПСС постановляет Н.С. Хрущёву сосредоточиться на работе в ЦК КПСС и освобождает его от обязанностей секретаря МК КПСС.

5 марта 1953 г. Н.С. Хрущёва назначают председателем комиссии по организации похорон И.В. Сталина.

6–9 марта 1953 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов организует и участвует в церемонии прощания с И.В. Сталиным.

9 марта 1953 г. Н.С. Хрущёв ведёт траурный митинг и участвует в похоронах И.В. Сталина на Красной площади.

10 марта 1953 г. Пленум Московского областного Комитета КПСС освободил Н.С. Хрущёва от обязанностей секретаря и члена бюро МК КПСС.

15 марта 1953 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии 4-й сессии Верховного Совета СССР.

1 мая 1953 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея на Красной площади в Москве.

27 июня 1953 г. Н.С. Хрущёв выступил на заседании Президиума Совета Министров СССР инициатором ареста Л.П. Берии, которое произошло в Кремле.

27 июня 1953 г. Н.С. Хрущёв и остальные члены Президиума ЦК в Большом театре слушают оперу Ю. Шапорина «Декабристы».

2–7 июля 1953 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе

Пленума ЦК КПСС, обсудившем арест Л.П. Берии.

2 июля 1953 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК КПСС, обсуждавшем арест Л.П. Берии.

4 августа 1953 г. Н.С. Хрущёв и др. члены Президиума ЦК посещают выставку Китайской Народной Республики в ЦКПиО им. Горького.

5–8 августа 1953 г. Н.С. Хрущёв на заседаниях сессии Верховного Совета СССР в Кремле.

20 августа 1953 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией Германской Демократической Республики (ГДР) во главе с премьер-министром Отто Гротеволем.

22 августа 1953 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании Протокола о прекращении взимания репараций с ГДР и на обеде в Кремле, данном в честь делегации ГДР.

22 августа 1953 г. Н.С. Хрущёв посещает прием в дипломатической миссии Германской Демократической Республики (ГДР) в Москве.

23 августа 1953 г. Н.С. Хрущёв и другие на Воздушном параде в Тушино.

25 августа 1953 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного Совета Российской Федерации (РСФСР).

3–7 сентября 1953 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС, посвящённого реформе сельского хозяйства.

3 сентября 1953 г. Н.С. Хрущёв делает доклад на Пленуме ЦК КПСС, посвященном реформированию сельского хозяйства.

7 сентября 1953 г. Пленум ЦК КПСС избирает Н.С. Хрущёва 1-м секретарем ЦК КПСС.

11 сентября 1953 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с председателем Кабинета министров Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) Ким Ир Сеном.

18 сентября 1953 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Посольстве Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР).

19 сентября 1953 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-корейского коммюнике и на обеде в Кремле в честь делегации КНДР.

6 ноября 1953 г. Н.С. Хрущёв на торжественном заседании в Большом театре по случаю 36-й годовщины Революции.

7 ноября 1953 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея на Красной площади в Москве.

28 ноября 1953 г. Н.С. Хрущёв участвует в работе Ленинградского (Санкт-Петербург) областного комитета компартии, избравшего своим 1-м секретарём Фрола Романовича Козлова.

12 декабря 1953 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве

Чехословацкой Республики.

1954 год

1 января 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует и выступает на Новогоднем приёме в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца.

1 января 1954 г. Н.С. Хрущёв посещает Новогодний бал молодёжи в Кремле.

19 января 1954 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов на траурной церемонии прощания с председателем Комитета партийного контроля Матвеем Фёдоровичем Шкирятовым.

20 января 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на похоронах М.Ф. Шкирятова на Красной площади в Москве.

21 января 1954 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре кратко выступает на торжественно-траурном заседании памяти В.И. Ленина.

25–28 января 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на Всесоюзном совещании работников машинно-тракторных станций в Кремле.

28 января 1954 г. Н.С. Хрущёв выступает на Всесоюзном совещании работников машинно-тракторных станций.

3–5 февраля 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на Всесоюзном совещании работников Совхозов в Кремле.

5 февраля 1954 г. Н.С. Хрущёв выступает на Всесоюзном совещании работников совхозов.

11–15 февраля 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на Всероссийском совещании передовиков сельского хозяйства в Кремле.

14 февраля 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приеме в посольстве Китайской Народной Республики (КНР) в Москве.

15 февраля 1954 г. Н.С. Хрущёв на Всесоюзном совещании передовиков сельского хозяйства.

22 февраля 1954 г. Н.С. Хрущёв выступил на собрании комсомольцев Москвы и области, изъявивших желание участвовать в освоении целинных земель.

23 февраля 1954 г. Н.С. Хрущёв докладывает на пленуме ЦК КПСС об освоении целинных земель.

23 февр. – 2 марта 1954 г. Н.С. Хрущёв участвует в работе Пленума ЦК КПСС.

6 марта 1954 г. Н.С. Хрущёв выступил перед избирателями Калининского избирательного округа г. Москвы.

9–17 марта 1954 г. Н.С. Хрущёв в Польше на 2-м съезде Польской объединённой рабочей партии.

11 марта 1954 г. Н.С. Хрущёв выступает на втором съезде

Польской объединенной рабочей партии в Варшаве.

15 марта 1954 г. Н.С. Хрущёв посетил строительство Дворца культуры и науки в Варшаве.

19 марта 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на открытии 12-го съезда комсомола (ВЛКСМ) в Кремле.

1 апреля 1954 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на заключительном концерте Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности.

15 апреля 1954 г. Н.С. Хрущёв в театре им. Евг. Вахтангова на спектакле «Мещанин во дворянстве» Ж.-Б. Мольера в исполнении артистов театра «Комеди Франсез».

17 апреля 1954 г. Н.С. Хрущёву по случаю 60-летия присваивается звание Героя Социалистического Труда и вручается золотая медаль «Серп и Молот» и орден Ленина.

21–27 апреля 1954 г. Н.С. Хрущёв в Кремле участвует в работе сессии Верховного Совета (ВС) СССР.

24 апреля 1954 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте украинского искусства, посвященном 300-летию вхождения Украины в состав России.

26 апреля 1954 г. Н.С. Хрущёв выступает на сессии Верховного Совета СССР в прениях по государственному бюджету 1954 г.

1 мая 1954 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея на Красной площади в Москве.

10 мая 1954 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре слушают оперу К. Данькевича «Богдан Хмельницкий» в исполнении артистов Киевского театра оперы и балета имени Т.Г. Шевченко.

29 мая 1954 г. Н.С. Хрущёв на Юбилейной сессии Верховного Совета Российской Федерации (РСФСР), посвященной 300-летию вхождения Украины в состав России.

29 мая 1954 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте в честь 300-летия.

30 мая 1954 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея при прохождении демонстрации в честь 300-летия вхождения Украины в состав России.

30 мая 1954 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в Кремле в честь 300-летия вхождения Украины в состав России.

5 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв принял председателя Канадского Товарищества культурных связей с Украиной В.И. Свистуна.

7 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на открытии в Кремле 11-го съезда профсоюзов СССР.

9 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв во главе делегации КПСС прибывает в Прагу, Чехословакия.

11–15 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе

10-го съезда компартии Чехословакии в Праге.

12 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв выступает на 10-м съезде компартии Чехословакии в Праге.

15 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге на Староместской площади в Праге.

16 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приеме в Пражском Граде.

21 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на Воздушном параде в Тушино, Москва.

17 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв посетил керамические заводы в г. Раковице, Чехословакия.

17 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

22–24 июня 1954 г. Н.С. Хрущёв участвует в работе Пленума ЦК КПСС, посвящённом сельскому хозяйству.

3 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв и др. посетили выставку «Демократическая Германия» в Москве.

11–12 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв в Новосибирске участвует и выступает на совещании передовиков сельского хозяйства Сибири.

18 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв и др. на стадионе «Динамо» во время празднования Дня физкультурника.

22 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Польши.

25 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв и др. посетили накануне открытия Сельскохозяйственную выставку в Москве (позднее ВДНХ и Всероссийский выставочный центр).

28 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в честь Чжоу Эньлая (Китай) и Фам Ван Донга (Вьетнам).

29 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв принял премьера Госсовета Чжоу Эньлая (Китай).

29 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде, данном Советским правительством в честь Чжоу Эньлая и Фам Ван Донга.

29 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Китайской Народной Республики в Москве.

30 июля 1954 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Демократической Республики Вьетнам в Москве.

10 августа 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде, данном Советским правительством в честь делегации Лейбористской партии Великобритании во главе с Клементом Этли.

11 августа 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде в посольстве Великобритании даннос в честь делегации Лейбористской партии.

15 авг. – 20 сент.1954 г. Н.С. Хрущёв в отпуске, отдыхает в Ялте. Крым.

25 сентября 1954 г. Н.С. Хрущёв принял Джона Бернала,

британского ученого-физика.

27 сентября 1954 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин, А.И. Микоян и др. отбыли из Москвы в Пекин на празднование 5-летия Китайской Народной Республики.

С 29 сент. по 3 окт. 1954 г. Н.С. Хрущёв в Китае на праздновании 5-летия образования КНР. Н.С. выступает по прибытии в Пекин.

30 сентября 1954 г. Н.С. Хрущёв выступает на торжественном заседании в Пекине, встречается с Мао Цзэдуном и другими руководителями Китая.

1 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и др. на празднике на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

14 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин посещают советскую военно-морскую базу Порт-Артур и торговый порт Дальний, арендуемые у Китая.

15–16 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие в Аньшане на металлургическом комбинате, сооружённом по советскому проекту. В Чангуне на строительстве, с советской помощью, автомобильного завода, в Харбине на прядильной фабрике и инструментальном заводе.

17–19 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие во Владивостоке, посещают предприятия, присутствуют на борту крейсера «Калинин» на учениях Тихоокеанского флота, посещают порт Находка и остров Российский, проводят совещание работников рыбной промышленности Приморского края. Н.С. Хрущёв выступил на общегородском митинге в г. Владивостоке.

20 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин посещают города Комсомольск-на-Амуре и Советская Гавань. Н.С. Хрущёв выступил на общегородском митинге г. Комсомольска.

22 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие в городе Южно-Сахалинске на острове Сахалин, знакомятся с рыболовецкой отраслью и проводят совещание работников рыболовецкой отрасли Сахалинской области. Н.С. Хрущёв выступил на общегородском митинге г. Южно-Сахалинск.

23–25 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие в г. Хабаровск, знакомятся с предприятиями города и проводят совещание работников рыбной промышленности Хабаровского Края. Н.С. Хрущёв выступил на общегородском митинге г. Хабаровска.

26 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие в Чите, где посещают сельскохозяйственные предприятия, выступил на общегородском митинге г. Читы.

27–28 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие в Иркутске, посещают строительство Ангарской ГЭС и другие предприятия. Н.С. Хрущёв выступил на общегородском митинге г. Иркутска.

29 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие в Свердловске (Екатеринбурге), где посещают Уральский машиностроительный завод. Н.С. Хрущёв выступил на общегородском митинге г. Свердловска.

30 октября 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие возвратились в Москву.

31 октября 1954 Н.С. Хрущёв на Красной площади на похоронах Анатолия Николаевича Кузьмина, министра черной металлургии СССР.

6 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на торжественном заседании в честь юбилея Революции.

7 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея по случаю празднования юбилея Революции.

7 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь юбилея Революции.

14–15 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв в Таджикистане, посещает сельскохозяйственные предприятия, присутствует и выступает на совещании работников сельского хозяйства в г. Курган-Тюбе.

16–20 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв в Ташкенте (Узбекистан) посещает сельскохозяйственные предприятия и исследовательские центры, присутствует и выступает на совещании хлопководов.

21 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

25 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов на траурной церемонии прощания с заместителем министра иностранных дел СССР Андреем Януарьевием Вышинским.

26 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв участвует в похоронах А.Я. Вышинского на Красной площади.

28 ноября 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приеме в посольстве Югославии.

30 ноября – 7 дек. 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на совещании строителей и архитекторов в Кремле.

2 декабря 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании заключительного коммюнике на обеде, данном Советским правительством в честь делегаций стран – участниц совещания европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе.

4 декабря 1954 г. Н.С. Хрущёв посетил постоянную Всесоюзную строительную выставку и строительство жилых домов в районах Песчаных улиц, Октябрьского поля и Сокольников.

7 декабря 1954 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании строителей и архитекторов в Кремле.

10 декабря 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на собрании в Москве в связи с 10-летием советско-французского договора о

союзе и взаимопомощи.

13 декабря 1954 г. Н.С. Хрущёв и другие провели в ЦК КПСС встречу с писателями.

13 декабря 1954 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте ансамбля песни и пляски Китайской Народной Армии.

15 декабря 1954 г. Н.С. Хрущёв присутствует на открытии в Кремле 2-го съезда советских писателей.

26 декабря 1954 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле по случаю окончания работы 2-го съезда советских писателей.

1955 год

1 января 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует и выступает на новогоднем приёме в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца.

7 января 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает на собрании молодежи Москвы, едущей на целину.

25–31 января 1955 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

25 января 1954 г. Н.С. Хрущёв выступил на Пленуме ЦК с докладом «Об увеличении производства продуктов животноводства».

1 февраля 1954 г. Н.С. Хрущёв принял американского юриста Маршалла Макдаффи.

3 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного Совета СССР в Кремле.

5 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв дал интервью американцам: В.Р. Херсгу, Дж. Кингсбери и Ф. Коннифу.

8 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв предлагает сессии Верховного Совета СССР освободить Г.М. Маленкова и назначить Н.А. Булганина главой правительства СССР.

8 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте художественной самодеятельности учащихся трудовых резервов.

11 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте белорусских артистов.

15–18 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пренума ЦК Компартии Украины.

18 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме Компартии Украины.

21 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на заключительном концерте Белорусской декады в Москве.

22 февраля 1955 г. Н.С. Хрущёв в Центральном театре Советской Армии на торжественном заседании, посвящённом Дню Советской Армии.

8 марта 1955 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на торжественном заседании по случаю Международного женского дня.

17–18 марта 1955 г. Н.С. Хрущёв в Саратове, присутствует и выступает на совещании работников сельского хозяйства областей Юго-Востока.

21 марта 1955 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов на церемонии прощания с маршалом Л.А. Говоровым.

22 марта 1955 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индонезии

Субандрио.

22 марта 1955 г. Н.С. Хрущёв хоронит маршала Л.А. Говорова на Красной площади в Москве.

23 марта 1955 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного Совета РСФСР в Кремле.

29–30 марта 1955 г. Н.С. Хрущёв в г. Воронеже принимает участие и выступает на совещании работников сельского хозяйства областей Центрально-Черноземной полосы.

4 апреля 1954 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Венгерской Народной Республики в Москве.

6 апреля 1955 г. Н.С. Хрущёв на концерте в Большом театре.

6–7 апреля 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует и выступает на совещании работников сельского хозяйства областей Нечерноземья в Кремле.

11–12 апреля 1955 г. Н.С. Хрущёв в Ленинграде (Санкт-Петербурге) присутствует и выступает на совещании работников сельского хозяйства областей Северо-Запада.

14 апреля 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде в Кремле, данном в честь делегации Австрии во главе с Федеральным канцлером Юлиусом Раабом.

15–16 апреля 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в совещании в Кремле работников промышленности, посвященном научно-техническому прогрессу.

20–26 апреля 1955 г. Н.С. Хрущёв в Польше на праздновании 10-летия заключения советско-польского договора о дружбе и взаимопомощи.

21 апреля 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает в Варшаве на собрании по случаю 10-летия подписания советско-польского договора.

26 апреля 1955 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

1 мая 1955 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея на Красной площади.

7 мая 1955 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на торжественном праздновании в связи с 200-летием Московского государственного университета (МГУ).

8 мая 1955 г. Н.С. Хрущёв на торжественном заседании в Большом театре по случаю Дня Победы.

9 мая 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приеме в посольстве Германской Демократической Республики (ГДР).

9 мая 1955 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Чехословакии.

17–18 мая 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников промышленности в Кремле.

18 мая 1955 г. Н.С. Хрущёв на концерте в Большом театре.

23 мая 1955 г. Н.С. Хрущёв принял министра обороны Китая маршала Пын Дехуэйя.

26 мая – 3 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и др. с визитом в Югославии. Н.С. Хрущёв выступает по прибытии в Белград (Белград, о. Бриони, Блед, Загреб, Белград).

3–4 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и др. в Софии, Болгария.

4–5 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и др. в Бухаресте, Румыния.

5 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и др.

6 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв на концерте башкирских артистов в Большом театре.

7 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв среди встречавших премьер-министра Индии Джавахарлала Неру на Центральном аэродроме в Москве.

8 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, данном В.М. Молотовым в честь Д. Неру и на приёме в посольстве Индии.

9 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, данном К.Е. Ворошиловым в честь Д. Неру, участвует в переговорах и посещает приём, данный Н.А. Булганиным в честь Д. Неру.

10 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с Д. Неру и посещает приём в посольстве Индии.

10 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв, Дж. Неру и др. в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

14–15 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв в Риге, присутствует и выступает на совещании работников сельского хозяйства Прибалтийских республик.

16 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает в Риге на общенародном митинге.

17–18 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв в Эстонии посещает г. Тарту и ряд сельскохозяйственных предприятий, провёл совещание в Таллине.

21 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, данном в честь Д. Неру послами стран – участниц Бандунгской конференции.

21 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах в Д. Неру.

21 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв на митинге на стадионе «Динамо» в честь Джавахарлала Неру.

21 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв, Д. Неру и другие в Большом театре на балете Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан».

22 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с Д. Неру, присутствует при подписании советско-индийского заявления, на обеде у Н.А. Булганина в честь Д. Неру и на приёме,

данном Д. Неру.

23 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв среди провожавших Д. Неру на Центральном аэродроме.

23–27 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв принял участие и выступил на совещании руководящих прокурорских работников.

25 июня 1955 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте югославских артистов.

3 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв на Воздушном параде в Тушине.

4–12 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в работе Пленума ЦК КПСС.

4 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве США.

10 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв докладывает на Пленуме ЦК о поездке в Югославию.

12 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв среди встречающих на Центральном аэродроме президента Вьетнама Хо Ши Мина.

13 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле в честь Хо Ши Мина и на обеде в посольстве Вьетнама.

14 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с президентом Вьетнама Хо Ши Мином и присутствует на приёме в Кремле, данном в его честь.

14 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв на приеме во французском посольстве в Москве.

15 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с Хо Ши Мином и присутствует на приёме в посольстве Вьетнама.

15 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в пресс-конференции, данной советской делегацией, отъезжающей в Женеву на переговоры глав держав: СССР, США, Великобритании и Франции.

16 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв и другие отбыл из Москвы в Женеву пролётом через Берлин.

16 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв и другие члены делегации на приёме у премьер-министра Германской Демократической Республики (ГДР) Отто Гротеволя и на ужине, данном им в их честь.

17 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв и другие члены делегации прибыли в Женеву.

18–23 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах 4 держав: СССР, США, Великобритании и Франции в Женеве.

24–27 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв и др. в Берлине ведут переговоры с руководством ГДР, Н.С. Хрущёв выступает на общегородском митинге.

27 июля 1955 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

1 августа 1955 г. Н.С. Хрущёв на приеме в миссии Швейцарии в Москве.

4 августа 1955 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного

Совета в Кремле.

7 августа 1955 г. Н.С. Хрущёв на приеме, данном Советским правительством в загородной резиденции в честь глав дипломатических представительств.

8–20 августа 1955 г. Н.С. Хрущёв отдыхает в Ялте. Крым.

21–26 августа 1955 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Румынии.

23 августа 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает в Бухаресте по случаю 11-й годовщины освобождения Румынии.

27 авг. – 7 сент. 1955 г. Н.С. Хрущёв продолжил отпуск в Ялте. Крым.

9–13 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв на переговорах с канцлером Западной Германии Конрадом Аденауэром.

9 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле в честь К. Аденауэра.

9 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Болгарии в Москве.

10 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв, К. Аденауэр и др. в Большом театре на балете А. Прокофьева «Ромео и Джульетта».

11 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке у К. Аденауэра.

11 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в Кремле в честь К. Аденауэра.

12 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли сенаторов из США.

16 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле, данном в честь президента Финляндии Ю.К. Паасикиви.

16 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв на Центральном аэродроме среди встречающих делегацию Германской Демократической Республики (ГДР) во главе с премьер-министром Отто Гротеволем.

16 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Мексики.

16 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв, Ю.К. Паасикиви и другие в Большом театре на балете А. Прокофьева «Золушка».

17 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с Ю.К. Паасикиви.

17 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли премьер-министра ГДР О. Гротеволя и 1-го секретаря Социалистической единой партии Германии Вальтера Ульбрихта.

17 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией ГДР во главе с премьер-министром Отто Гротеволем и присутствует на приёме в Кремле в их честь.

18 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с Ю.К. Паасикиви, присутствует на данном в его честь обеде

в Кремле.

19 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв принял 1-го секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Вальтера Ульбрихта.

19 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией ГДР.

19 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-финляндского коммюнике и на приёме в Кремле в честь Ю.К. Паасикиви.

19 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв, В. Ульбрихт, О. Гротеволь и другие в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

20 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке у О. Гротеволя, а также при подписании «Доровора об отношениях СССР и ГДР» и на обеде в Кремле в честь делегации ГДР.

21 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв на Центральном аэродроме среди провожавших делегацию ГДР.

21 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли японскую парламентскую делегацию.

21 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв принял посла Китая Лю Сяо.

22 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли делегацию французского парламента.

25 сентября 1955 г. Н.С. Хрущёв отбыл из Москвы в Ялту. Крым.

4 октября 1955 г. Ответ Н.С. Хрущёва на вопрос газеты «Правда» о французской Северной Африке.

7 октября 1995 г. Н.С. Хрущёв и А.И. Микоян приняли в Ялте Росвела Гарста, американского фермера.

11 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли в Ялте министра иностранных дел Канады Л.Б. Пирсона.

12 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв в Матросском клубе в г. Севастополе на концерте ансамбля песни и пляски Черноморского флота.

13 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв и др. на совещании о будущем военно-морского флота в Севастополе (без объявления в печати) *[С. Х.]*.

14 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв посетил боевые корабли Черноморского флота, базирующиеся в Севастополе.

14 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает в Севастополе при вручении городу ордена Боевого Красного Знамени.

15 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте генсека Итальянской соцпартии Пьетро Ненни.

17 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте заместителя

премьер-министра Новой Зеландии Кейта Холиока.

26 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте премьер-министра Бирманского Союза У НУ и дал в его честь обед.

31 октября 1955 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

1 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв на обеде в честь У НУ и его супруги До Мья Иданном с послами государств – участников Бандунгской конференции.

2 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и А.И. Микоян приняли в Кремле У НУ.

2 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в посольстве Бирмы.

3 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует в Кремле при подписании советско-бирманского заявления, в Колонном зале Дома союзов на митинге в честь советско-бирманской дружбы и на обеде в Кремле, данном в честь У Ну.

6 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв на торжественном заседании в Большом театре по случаю годовщины Революции.

7 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и на приеме в Кремле по случаю годовщины Революции.

11 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле, данном в честь премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена.

11 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и А.И. Микоян приняли в Кремле премьер-министра Норвегии Э. Герхардсена.

11 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв, Э. Герхардсен и др. в Большом театре на балете Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан».

12 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Норвегии.

14 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке у Э. Герхардсена.

14 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв беседует в ЦК КПСС с министрами сельского хозяйства СССР и союзных республик.

15 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв и А.И. Микоян вторично принимают в Кремле Э. Герхардсена.

15 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на подписании советско-норвежских документов в Кремле в честь Э. Герхардсена.

16 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв, А.Н. Булганин и А.И. Микоян посетили выставку кустарных изделий Индии.

17 ноября 1955 г. Н.С. Хрущёв и А.Н. Булганин отбыли из Москвы с официальным визитом в Индию, Бирму и Афганистан, с промежуточной остановкой для дозаправки самолёта в Ташкенте и Термезе.

18 ноября – 1 декабря 1955 г. Визит Н.С. Хрущёва и А.Н. Булганина в Индию (Дели, Нангал, где строится

электростанция, Бомбей, Пуна, Бангалор, Мадрас, Калькутта).

1–7 декабря 1955 г. Визит Н.С. Хрущёва и Н.А. Булганина в Бирму (Рангун, Мандалай, столица Шанского государства, Таунгжи, Рангун).

8–14 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин в Индии (Джайпур, Сринагар в Кашмире, Дели).

14 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин ввиду сложных метеоусловий приземляются в столице Таджикской ССР Сталинабаде (Душанбе).

15 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин отбыли из Сталинабада в Кабул (Афганистан).

15–19 декабря 1955 г. Визит Н.С. Хрущёва и Н.А. Булганина в Афганистан.

19 декабря 1955 г. Отъезд Н.С. Хрущёва и Н.А. Булганина из Кабула в Ташкент.

20 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв участвует и выступает на совещании передовиков сельского хозяйства в Ташкенте.

21 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге на Центральном аэродроме в Москве.

26–29 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на заседаниях сессии Верховного Совета СССР в Кремле.

27 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв принял посла Бирмы в Москве Монг Она.

27 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте латышских артистов.

29 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и В.М. Молотов приняли Отто Гротеволя (председателя правительства Германской Демократической Республики) и Лотара Больца (министра иностранных дел).

29 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на сессии Верховного Совета СССР о визите в Индию, Бирму и Афганистан.

29 декабря 1955 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде в Кремле в честь О. Гротеволя.

1956 год

1 января 1956 г. Н.С. Хрущёв на новогоднем приёме в Большом Кремлёвском дворце.

3 января 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве ГДР в Москве по случаю 80-летия Вильгельма Пика, президента ГДР.

11 января 1956 г. Н.С. Хрущёв принял Мохаммеда Саеда, члена парламента Ирана.

11 января 1956 г. Н.С. Хрущёв на опере Джорджа Гершвина «Порги и Бесс» американской труппы «Эвримен опера» в музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

12 января 1956 г. Н.С. Хрущёв принял Гарольда Вильсона, члена британского парламента.

12 января 1956 г. Н.С. Хрущёв, К.Е. Ворошилов и В.М. Молотов приняли делегацию парламента Ирана.

17 января 1956 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов на 12-й Московской городской партийной конференции.

21 января 1956 г. Н.С. Хрущёв выступил в Кремле на собрании молодежи, отличившейся при освоении целины.

23 января 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на открытии сессии Верховного Совета РСФСР в Кремле.

24 января 1956 г. Н.С. Хрущёв и др. на оперетте И. Кальмана «Сильва» Будапештского театра оперетты в Музыкальном театре К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

25 января 1956 г. Н.С. Хрущёв дал интервью английскому журналисту Грахему Стендфорду из газеты «Ньюс оф уорлд».

25 января 1956 г. Н.С. Хрущёв принял американского юриста Маршалла Макдаффи.

26 января 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Финляндии по случаю передачи ей военной базы в Поркалла Удд.

26 января 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Индии.

26 января 1956 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Добривойе Видича.

27 января 1956 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте в память 200-летия со дня рождения Вольфганга Амадея Моцарта.

28 января 1956 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов на заключительном заседании Московской областной партийной конференции.

31 января 1956 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте художественной самодеятельности г. Москвы.

2 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Народной Республики Болгарии в Москве.

6 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял маршала Чжу Де, заместителя председателя Китайской Народной Республики.

12 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Добривойе Видича.

14–25 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв принимал участие в работе XX съезда КПСС.

14 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв произносит отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии.

16 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв на спектакле Н. Погодина «Кремлевские куранты» в Художественном академическом театре.

18 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв в Театре им. Е. Вахтангова на премьере спектакля по повести М. Горького «Фома Гордеев».

21 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте художественной самодеятельности профсоюзов.

24 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в работе Пленума КПСС и представляет ему отчётный доклад XX съезду КПСС.

25 февраля 1956 г. Доклад Н.С. Хрущёва XX съезду партии «О культе личности И.В. Сталина» (без публикации в печати).

25 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте, данном в честь XX съезда КПСС.

27 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв и др. посещают ОКБ-1 С.П. Королева, где рассматривают баллистические ракеты и обсуждают запуск искусственного спутника Земли (без публикации в газете) *[С. Х.]*.

27 февраля 1956 г. Пленум ЦК избирает Н.С. Хрущёва 1-м секретарем ЦК и членом Президиума ЦК, а также председателем Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

28 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв утверждён председателем вновь созданного Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

28 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Китая на XX съезде КПСС во главе с Джуде.

29 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв и Г.М. Маленков в Малом театре на спектакле А.Софронова «Деньги».

3 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин, А.И. Микоян и В.М. Молотов присутствуют на завтраке, а затем принимают премьер-министра Дании Х.К. Хансена.

4 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке у Х.К. Хансена, а затем участвует в переговорах с ним.

6 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с Х.К. Хансеном, присутст-вует при подписании советско-датского коммюнике и на приёме в Кремле.

7 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв на обеде у министра иностранных дел СССР В.М. Молотова по случаю отъезда из Москвы посла Югославии Дибровое Видича.

13 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов на траурной цере-монии прощания с первым секретарём Польской объединённой рабочей партии Болеславом Берутом, заразившимся гриппом во время XX съезда КПСС и умершим в Москве.

15–21 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв в Варшаве на похоронах Болеслава Берута, 1-го секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

21 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

30 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и В.М. Молотов присутствовали на завтраке, а затем приняли премьер-министра Швеции Таге Эрландера.

30 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв и другие вместе с Таге Эрландером в Большом театре на балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта».

31 марта 1956 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин и В.М. Молотов присутствовали на завтраке у посла Швеции Р. Сульмана, а затем приняли премьер-министра Швеции Таге Эрландера.

2 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Швеции в Москве.

3 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствовал при подписании советско-шведского коммюнике на приёме в Кремле в честь Таге Эрландера.

3 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Велько Мичуновича.

4 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в посольстве Венгрии в Москве.

11 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на совещании молодых строителей.

11–12 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в траурной церемонии прощания в Колонном зале и на похоронах посла и академика П.Ф. Юдина на Красной площади в Москве.

13 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв на выставке английского изобразительного искусства в Музее им. Пушкина в Москве.

14 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин отбывают с Белорусского вокзала в Балтийск Калининградской области.

15 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин на крейсере «Орджоникидзе» отбывают из Балтийска в Великобританию.

18–27 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин с визитом в Великобритании (Лондон, Эдинбург).

30 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин прибывают в порт Балтийск и в тот же день самолётом возвращаются в Москву.

30 апреля 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге, на Центральном аэродроме в Москве об итогах визита

в Великобританию.

1 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея по случаю Первомая.

4 и 5 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию французской Социалистической партии.

7 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв в Большом зале консерватории на концерте английских артистов.

9 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию общественных деятелей Франции, в том числе Жака Миттерана.

12 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв и др. принимают делегацию французской Социалистической партии.

12 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв выступил на обеде в честь делегации французской Социалистической партии.

14 мая 1956 г Н.С. Хрущёв посещает сельскохозяйственные районы Краснодарского края, Кубани и Ростовской области.

16 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке и участвует в переговорах с премьер-министром Франции Ги Молле и министром иностранных дел Кристианом Пино.

16 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв и другие вместе с Ги Молле в Большом театре на балете П.И.Чайковского «Лебединое озеро».

17 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с французской делегацией во главе с Ги Молле и присутствует на обеде у посла Франции Мориса Дежана.

18 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с французской делегацией во главе с Ги Молле и присутствует на приёме в посольстве Франции.

17–18 мая 1956 г Н.С. Хрущёв проводит в ЦК КПСС совещание по вопросу увеличения производства мяса.

19 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией Франции во главе с Ги Молле, присутствует при подписании советско-французского заявления и на приёме в Кремле.

24 мая 1956 г Н.С. Хрущёв Н.А. Булганин принимают председателя парламента Индонезии Сартоно.

24 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв, Н.А. Булганин, В.М. Молотов приняли министра иностранных дел Франции Кристиана Пино.

24 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв во МХАТе на спектакле М. Држича «Дундо Марое» в исполнении артистов Югославского драматического театра.

29 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв принял министра английского правительства Данкена Сендиса.

31 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли делегацию парламента Дании.

31 мая 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве

Великобритании в Москве.

2 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв принимает участие во встрече президента Югославии Иосипа Броз Тито на Киевском вокзале.

3 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв и другие вместе с И.Б. Тито на открытии Всесоюзной сельскохозяйственной и промышленной выставки в Москве.

4 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствовал на завтраке, а затем принял президента Югославии Иосипа Броз Тито.

4 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв, И.Б. Тито и др. в Большом театре на балете А. Крейна «Лауренсия».

5 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, а затем участвует в переговорах с И.Б. Тито.

5 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде, данном И.Б. Тито.

6 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв, А.И. Микоян и Л.И. Брежнев приняли в ЦК КПСС председателя ЦК Трудовой партии Кореи Ким Ир Сена, находившегося в Москве проездом из Берлина на родину.

6 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Кремле в честь И.Б. Тито.

9 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв, И.Б. Тито и другие в Большом театре на опере «Аршан Второй» в исполнении Армянского театра оперы и балета им. А. Спендиарова.

11–13 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв, А.И. Микоян и И.Б. Тито в Сталинграде, Краснодаре, Новороссийске, на крейсере «Фрунзе».

14 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв посещает сельхозпредприятия Краснодарского края и Ростовской области.

14 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

15 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Кремле в честь вице-президента Индии Сарвапалли Радхакришнана.

16 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин принимают вице-президента Индии Сарвапалли Радхакришнана и присутствуют на приёме в посольстве Индии.

18 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах в Кремле с И.Б.Тито, а затем присутствует на приёме в посольстве Югославии.

19 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге на стадионе «Динамо» в Москве по случаю отъезда И.Б. Тито из СССР, а затем присутствует на обеде, данном ЦК КПСС в его честь.

20 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с И.Б. Тито, подписывает, совместно с Булганиным, советско-югославскую декларацию и другие документы, и провожает

югославскую делегацию на Киевский вокзал.

20 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв принял посла Бирмы Монг Она.

22 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Кремле в честь наследного принца Йемена Эмира Сейфуль Ислама Мохаммеда эль-Бадра.

23 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв принял наследного принца Йемена Эмира Сельфуль-Ислама Мохаммеда эль Бадра и присутствовал при подписании советско-йеменского коммюнике и на приёме, данном им в честь советских руководителей.

24 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв в Тушино на Воздушном параде.

24 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв в Летнем саду Центрального Дома Советской армии им. М.В. Фрунзе на приёме в честь Дня Воздушного флота.

25 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале Дома союзов на траурных мероприятиях прощания с министром Иваном Алексеевичем Лихачёвым.

26 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв на завтраке в честь шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви и шахини Сорейн Пехлеви.

26 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в похоронах министра автомобильной промышленности И.А. Лихачёва на Красной площади.

26 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв, шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и др. в Большом театре на балете «Бахчисарайский фонтан».

27 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, данном Реза Пехлеви, а затем участвует в переговорах с ним.

28 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Ирана, данном в честь Реза Пехлеви.

28 и 30 июня 1956 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию Французской компартии.

1 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде в честь делегации Французской компартии.

3 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв принимает Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда.

3 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, а затем принимает наследного принца Камбоджи Нородома Сианука.

4 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве США в Москве.

6 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приеме в Кремле в честь Нородома Сианука.

7 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле в честь председателя кабинета министров Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) Ким Ир Сена.

7 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует при награждении

председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова Большим крестом Королевского ордена Камбоджи и Нородома Сианука орденом Суворова 1-й степени, а также при подписании советско-камбоджийского коммюнике.

7 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Бельгии.

9 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией КНДР и присутствует на приёме в честь главы делегации Ким Ир Сена.

9 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде в честь делегации компартии Бельгии.

10 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви и присутствует на приёме в его честь в Кремле.

10 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией компартии Великобритании и присутствует на обеде в их честь.

10 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Великобритании.

11 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного Совета СССР в Кремле.

11 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Италии.

12 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-корейского коммюнике и на приёме в посольстве КНДР.

12 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде в честь делегации компартии Италии.

14 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял американского инженера Г.В. Моргана, участника строительства первой линии метро в Москве.

14 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Франции в Москве.

16 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв принимает участие во встрече на Центральном аэродроме и в переговорах с делегацией Восточной Германии во главе с председателем правительства Германской Демократической Республики Отто Гротеволем.

16 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде в Кремле в честь Отто Гротеволя.

17 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв на завтраке у Отто Гротеволя, участвует в переговорах с делегацией ГДР, присутствует при подписании советско-восточно-германского совместного заявления и на приёме в Кремле в честь делегации ГДР.

18 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в проводах делегации ГДР на Центральном аэродроме.

19–20 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв в Свердловске принимает участие и выступает на совещании по сельскому хозяйству.

23 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв в Чкаловской (Оренбургской) области, выступает и беседует с работниками сельского хозяйства.

23–24 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв принимает участие и выступает в Новосибирске на совещании работников сельского хозяйства Сибири.

24 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на общегородском митинге Новосибирска.

27–28 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв в Алма-Ате принимает участие и выступает на совещании работников сельского хозяйства Казахстана.

28 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на общегородском митинге в Алма-Ате.

29 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

31 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на собрании строителей Москвы по случаю открытия стадиона в Лужниках.

31 июля 1956 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Социал-демократической партии провинции Альберта, Канада.

1 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв принял посла Бирмы Монг Она.

2 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли парламентскую делегацию Пакистана.

3 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в траурных мероприятиях в Колонном зале Дома союзов в связи со смертью министра судостроения СССР И.И. Носенко.

4 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в похоронах министра судостроения И.И. Носенко на Красной площади в Москве.

5 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв на стадионе в Лужниках на открытии Спартакиады народов СССР.

6 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв принял сенатора США Алена Эллендера.

10 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв принял первого секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Антонина Новотного, Рудольфа Барака и Иржи Генриха (Чехословакия).

10 августа 1956 г. Н.А. Булганин и Н.С. Хрущёв приняли министра иностранных дел Японии Мамору Сигемицу.

13–14 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв и И.А. Кириченко на совещании угольщиков в Сталино (Донецк), Донбасс, Украина, а также спускаются в шахту.

15 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв на совещании угольщиков и шахтостроителей в городе Красный Луг Ворошиловоградской (Луганской) области.

16 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв в Сталино (Донецк) посещает ряд заводов.

17 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников угольной промышленности Украины в Сталино (Донецк), а затем на митинге жителей города.

18 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании металлургов Украины в Днепропетровске, посещает заводы.

20 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв у угольщиков Нововолынского района Львовской области, выступает на совещании и общегородском митинге.

21 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании угольщиков Львовско-Волынского бассейна в Червонограде Львовской области.

22 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

23 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Румынии в Москве.

27 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв среди встречающих на Ленинградском вокзале Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, возвратившегося после официального визита в Финляндию.

28 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв принял Тахир Мухаммеда Магди Хосейна, губернатора провинции Тахрир, Египет.

28 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли Эдгара Фора, экс-премьер-министра Франции.

28 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует во встрече на Центральном аэродроме и в переговорах с президентом Индонезии Ахметом Сукарно.

29 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле в честь прези-дента Сукарно, а затем на приёме в посольстве Индонезии.

30 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Цейлона.

30 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв принял члена ЦК Лейбористской партии Англии Томаса Драйберга.

31 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле в честь А. Сукарно, а затем на обеде, данном по случаю его визита в Москву послами стран – участниц Бандунгской конференции.

31 августа 1956 г. Н.С. Хрущёв отбыл в Ялту, Крым, на отдых.

19–27 сентября 1956 г. Н.С. Хрущёв с неофициальным визитом в Югославии (Белград, Пула, Копер, о-в Бриони).

27 сент. – 5 окт. 1956 г. Н.С. Хрущёв и И.Б. Тито в Крыму (Ялта, Севастополь).

5 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв провожает И.Б. Тито в аэропорту Симферополя.

12 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

15 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в честь премьер-министра Японии Ициро Хатаяма и участвует в переговорах с японской делегацией.

15 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Афганистана.

16 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв принял министра земледелия и лесоводства Японии Ициро Коно.

17 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в честь И. Хатояма.

17 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв на Центральном аэродроме среди встречающих премьер-министра Афганистана Сардара Мухаммеда Дауда.

18 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв на завтраке в честь Дауда.

18 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв принял в третий раз И. Коно.

18 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв принял лейбориста, члена британского парламента Кони Зилиакуса.

18 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв и премьер-министр Афганистана Сардар Мухаммед Дауд и др. в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

19 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв в Варшаве ведет переговоры с вновь избранным 1-м секретарем ЦК ПОРП Владиславом Гомулкой.

22 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию общественных деятелей Италии.

22 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв на концерте болгарских артистов в зале им. П.И. Чайковского.

23 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в честь премьер-министра Бельгии Ахилла Акера и министра иностранных дел Поля Анри Спаака, участвует в переговорах с бельгийской делегацией.

24 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв в Государственном музее изобразительных искусств на открытии выставки бельгийского искусства XIX–XX веков.

24 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в посольстве Бельгии.

25 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с бельгийской делегацией, присутствует при подписании советско-бельгийского соглашения о культурном сотрудничестве, а затем на приёме в Кремле в честь представителей Бельгии.

25 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв, Ахилл Ван Акер и другие в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

26 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Ирана в Москве.

27 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв принял Гастона Палевского, общественного деятеля Франции.

29 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке у премьер-министра Афганистана Сардара Мухаммед Дауда, участвует в переговорах с ним и посещает приём в посольстве Афганистана.

29 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Турции.

29 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв на митинге в Колонном зале Дома союзов в честь премьер-министра Афганистана.

30 октября 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-афганского коммюнике и на приеме в Кремле в честь премьер-министра Афганистана.

31 октября – 2 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв облетает Брест, Бухарест, Югославию и ведет переговоры с руководителями социалистических стран о Венгерском кризисе (без публикации в прессе) *[С.Х.]*.

3 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приеме у К.Е. Ворошилова в честь президента Сирии Шукри Куатли.

6 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на торжественном заседании по случаю годовщины Революции.

7 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и на приёме в Кремле по случаю годовщины Революции.

8 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге московской молодёжи, посвящённом награждению комсомола орденом Ленина.

15 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв, К.Е. Ворошилов и Н.А. Булганин приняли Владислава Гомулку, А. Завадского, Ю. Циранкевича и Стефана Ендриховского.

15 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией Польши во главе с Владиславом Гомулкой, а также в протокольных мероприятиях.

16 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв выступил на завтраке в Кремле в честь делегации Польши.

16 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв, В. Гомулка и другие в Большом театре на опере П.И. Чайковского «Пиковая дама».

17 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв на переговорах с делегацией Польши в Кремле, а затем выступает на приёме в их честь.

18 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв подписывает советско-польское заявление и выступает на приёме в посольстве Польши.

18 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв на Белорусском вокзале среди провожавших польскую делегацию.

19 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли сторонников мира из Восточной и Западной Германии.

20 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв в зале имени П.И. Чайковского на концерте румынского народного ансамбля песни и танца «Жаворонок».

23 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв принял посла Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) Нгуен Лонг Банга.

28 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле в честь делегации Румынии.

28 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства Румынии Киву Стойка.

28 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Албании в Москве.

29 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв, К.Е. Ворошилов и Н.А. Булганин приняли делегацию Всекитайского Собрания народных представителей и посетили прием в посольстве КНР, где Н.С. Хрущёв выступил с речью.

29 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Югославии в Москве.

30 ноября 1956 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь китайских парламентариев.

3 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-румынского заявления и на приёме в Кремле в честь делегации Румынии.

8 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв принял Изабеллу Блюм, секретаря Всемирого Совета Мира.

11 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв на заседании в Большом театре по случаю 100-летия Г.В. Плеханова.

14 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв в филиале Большого театра на концерте эстонских артистов.

19 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на собрании работников сельского хозяйства Московской области.

20–24 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС, обсудившего вопросы развития экономики.

25 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на концерте эстонских артистов.

26 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв в зале имени П.И. Чайковского на концерте французского шансонье Ива Монтана.

28 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на собрании строителей газопровода Ставрополь – Москва.

29 декабря 1956 г. Н.С. Хрущёв принял египетского писателя Абдель Рахмана

Эль-Хамиси и журналиста Фарука эль-Кади.

1957 год

1 января 1957 г. Интервью Н.С. Хрущёва газете «Руде Право», Чехословакия.

1 января 1957 г. Интервью Н.С. Хрущёва газете «Юманите», Франция.

1 января 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на новогоднем приеме в Кремле.

1–4 января 1957 г. Н.С. Хрущёв и Г.М. Маленков в Будапеште на совещании руководителей Болгарии, Венгрии, Румынии, СССР и Чехословакии.

4 января 1957 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

4 января 1957 г. Н.С. Хрущёв, Вальтер Ульбрихт и др. в Большом театре слушают оперу М. Мусоргского «Борис Годунов».

5 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует в Кремле на завтраке в честь делегации Германской Демократической Республики (ГДР) во главе с Вальтером Ульбрихтом, а затем на приёме в посольстве ГДР.

7 января 1957 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту делегацию Китая во главе с Чжоу Эньлаем.

7 января 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией ГДР, присутствует при подписании совместного заявления и на приёме в Кремле в честь делегации ГДР.

8 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле, данном в честь делегации Китая, а затем участвует в переговорах.

9 января 1957 г. Н.С. Хрущёв принял участие в переговорах с делегацией Китая.

9 января 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь советских участников XVI Олимпиады в Мельбурне, Австралия.

9 января 1957 г. Н.С. Хрущёв, Чжоу Эньлай и др. в Большом театре на балете

П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

10 января 1957 г. Н.С. Хрущёв принял участие во встрече в Москве представителей Венгрии, Китая и Советского Союза.

10 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствовал на обеде в честь делегации Венгрии во главе с Яношем Кадаром.

12 января 1957 г. Н.С. Хрущёв прибыл в Ташкент.

13 января 1957 г. Н.С. Хрущёв выступил на церемонии вручения Узбекистану ордена Ленина.

14 января 1957 г. Н.С. Хрущёв выступил на Съезде передовиков сельского хозяйства Узбекистана и посетил

Ташкентский текстильный комбинат, где произносит речь.

15 января 1957 г. Н.С. Хрущёв во Фрунзе (Бишкеке), где выступил на вручении Киргизии ордена Ленина, а затем едет в Чуйскую долину.

16 января 1957 г. Н.С. Хрущёв в Ташкенте выступил на церемонии вручения наград передовикам Узбекистана.

17 января 1957 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

17 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствовал в Кремле на митинге советско-китайской дружбы, а затем выступил на приеме в посольстве Китайской Народной Республики (КНР) в Москве.

18 января 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией Китая и присутствует при подписании советско-китайской декларации.

18 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствовал в Кремле на приёме в честь делегации Китая, а затем в проводах их во Внуковском аэропорту.

23 января 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию компартии Италии во главе с Луиджи Лонго.

24 января 1957 г. Н.С. Хрущёв на обеде в честь руководства Итальянской компартии (Луиджи Лонго и др.).

25 января 1957 г. Н.С. Хрущёв принял участие во встрече на Белорусском вокзале делегации Чехословакии (Антонин Новотный и др.).

25 января 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Чехословакии.

25 января 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Индии.

26 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствовал на завтраке в честь делегации Чехословакии, а затем принял участие в переговорах.

26 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует в Кремле на Всесоюзном совещании по общественному питанию.

26 января 1957 г. Н.С. Хрущёв, А. Новотный и др. в Большом театре на опере Бизе «Кармен».

28 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствовал на приёме, устроенном президентом Чехословакии Антонином Запотоцким (член делегации).

29 января 1957 г. Н.С. Хрущёв принял участие в переговорах с делегацией Чехословакии, присутствовал при подписании советско-чехословацкой декларации и на приёме в Кремле в честь делегации.

30 января 1957 г. Н.С. Хрущёв на завтраке у Булганина в честь К.-А. Фагерхольма, премьер-министра Финляндии.

31 января 1957 г. Н.С. Хрущёв на завтраке в честь К.-А. Фагерхольма.

31 января 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствовал в Кремле на митинге советско-чехословацкой дружбы.

31 января 1957 г. Н.С. Хрущёв принял Пын Чженя, члена Политбюро Китайской компартии.

31 января 1957 г. Н.С. Хрущёв и А. Новотный подписали заявление о переговорах между делегациями Компартии Советского Союза и Чехословакии.

31 января 1957 г. Н.С. Хрущёв принял участие в проводах Чехословацкой делегации на Белорусском вокзале.

1 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует при вручении ордена Ленина Московской области.

1 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Финляндии в честь премьер-министра К.-А. Фагерхольма.

2 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-финляндского коммюнике, а затем на приёме в Кремле в честь К.-А. Фагерхольма.

4 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на собрании строителей Москвы во Дворце спорта в Лужниках.

5, 6, 8 и 9 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на заседаниях сессии Верховного Совета СССР в Кремле.

13 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв докладывает Пленуму ЦК «О дальнейшем совершенствования управления промышленностью и строительством».

13–14 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в работе Пленума ЦК КПСС.

14 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь хлопководов.

15 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на мероприятиях по случаю 100-летия со дня смерти М.И. Глинки.

16 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию Болгарии во главе с Тодором Живковым.

16 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией Болгарии.

16 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял посла Китая Лю Сяо.

16 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Велько Мичуновича.

18 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует в Кремле на завтраке в честь делегации Болгарии, а затем выступает на приёме в посольстве Болгарии.

19 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на митинге дружбы с Болгарией.

19 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью американскому журналисту Джозефу Олсопу.

19 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв, Т. Живков и др. в Большом

театре на опере А. Бородина «Князь Игорь».

20 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв и Тодор Живков проводят встречу делегции КПСС и Болгарской компартии и подписывают соответствующее заявление.

20 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с делегацией Болгарии, присутствует при подписании советско-болгарской декларации, а затем на приёме в Кремле в честь болгарской делегации.

20 фев. – 8 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв отдыхает в Крыму, Ялта.

21 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в проводах болгарской делегации на Киевском вокзале.

21 февраля 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в Доме союзов в траурных мероприятиях в связи со смертью министра СССР В.А. Малышева.

9 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников сельского хозяйства в Краснодаре и посещает колхозы и совхозы.

11 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников сельского хозяйства Юга и Северного Кавказа в Ростове-на-Дону и посещает несколько колхозов и совхозов.

12 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге перед жителями Ростова.

16 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв на собрании во Дворце спорта в Лужниках по случаю 100-летия завода «Красный пролетарий».

17 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв в Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко на спектакле Элли Романа «Коломба» Бухарестского театра оперетты.

18 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв принял японского журналиста Масахару Хатанаки.

19 марта 1957 г. Интервью Н.С. Хрущёва редакции американской газеты «Грэнд Репидс Геральд» об опасности ядерной войны.

20 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв на встрече во Внуковском аэропорту, присутствует на завтраке в честь венгерской делегации во главе с Яношем Кадаром.

20 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв, Янош Кадар и другие в Большом театре на балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта».

21 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию Венгрии, участвует в переговорах и присутствует на приёме в посольстве Венгрии.

27 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв на митинге в Кремле в честь делегации Венгрии.

28 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах и

присутствует в Кремле при подписании советско-венгерской декларации.

28 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв и Янош Кадар подписывают заявление о переговорах между делегациями компартии Советского Союза и Венгерской рабочей партии.

28 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в Кремле в честь делегации Венгрии, а затем участвует в её проводах на Киевском вокзале.

30 марта 1957 г. Газеты публикуют тезисы Н.С. Хрущёва о децентрализации советской экономики.

30 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников сельского хозяйства Нечерноземья в Кремле.

30 марта 1957 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале на концерте артистов эстрады.

2–4 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы в Воронеже и посещает предприятия города.

5–8 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников сельского хозяйства Поволжья в Горьком (Нижнем Новгороде), посещает предприятия и колхозы.

8 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёва наградили за освоение целинных земель второй золотой медалью «Серп и Молот» и орденом Ленина.

9 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

10 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв на завтраке у Н.А. Булганина в честь председателя правительства Чехословакии Вильяма Широкого.

11 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает участие во встрече на Киевском вокзале и переговорах с делегацией Албании.

11 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию Албании.

11 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв, Энвер Ходжа и другие в филиале Большого театра на балете С. Баласаняна «Лейли и Меджнун» в исполнении артистов Таджикского театра оперы и балета им. С. Айни.

12 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин дают в Кремле завтрак в честь делегации Албании.

14 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв во Внуковском аэропорту среди провожавших Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, отбывшего с официальным визитом в Китай.

15 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в посольстве Албании.

16 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на митинге

в Кремле в честь делегации Албании.

16 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял посла Афганистана Абдула Хакима.

17 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании в Кремле советско-албанской декларации и на приёме в Кремле в честь делегации Албании.

17 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв и Энвер Ходжа ведут переговоры и подписывают заявление о переговорах между делегациями Компартии Советского Союза и Албанской партией труда.

17 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Сирии.

17 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв на Киевском вокзале участвует в проводах делегации Албании.

18 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с председателем правительства Польши Юзефом Циранкевичем.

19 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в посольстве Польши.

20 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял посла Японии С. Кадоваки.

20 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на концерте таджикских артистов.

21 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в подмосковной деревне Кашино на открытии памятника В.И. Ленину.

22 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв и другие в Большом театре на собрании по случаю дня рождения В.И. Ленина.

29 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Японии в Москве.

30 апреля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на станции метро «Фрунзенская» на митинге в связи с открытием линии метро «Крымская площадь – Лужники».

1 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея по случаю Первомая.

7–10 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на заседаниях сессии Верховного Совета СССР.

7 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв докладывает сессии ВС СССР о реформе и децентрализации советской экономики.

8 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Германии (Макс Рейман) и дал в их честь обед.

8 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью китайской газете «Женьминьжибао» и агентству «Синьхуа».

9 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Чехословакии.

10 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует во встрече во

Внуковском аэропорту делегации Монголии во главе с Юмжагийном Цеденбалом.

10 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв выступил на сессии Верховного Совета СССР с заключительным словом.

10 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью главному редактору газеты «Нью-Йорк таймс» Тернеру Кетледжу.

11 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Монголии со главе с Юмжагийном Цеденбалом.

11 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на заседании и участвует в переговорах с делегацией Монголии во главе с Ю. Цеденбалом.

14 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв, Ю. Цеденбал и др. в Большом театре на опере М. Глинки «Руслан и Людмила».

15 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью польским журналам различных изданий.

15 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует в Кремле на подписании советско-монгольского заявления и на приёме в честь делегации Монголии.

15 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв и Ю. Цеденбал проводят переговоры и подписывают заявление о переговорах делегаций компартии Советского Союза и Монгольской народно-революционной партии.

16 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в проводах во Внуковском аэропорту делегации Монголии.

17 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв даёт интервью группе югославских журналистов.

19 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует во встрече с интеллигенцией на бывшей даче Сталина «Семеновское».

20 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв в Ленинграде выступает на митинге, на Кировском заводе, затем в колхозе.

21–22 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует и выступает на совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада, в Ленинграде.

22 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на общегородском митинге на Дворцовой площади в Ленинграде.

27 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Афганистана.

28 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на открытии сессии Верховного Совета РСФСР в Кремле.

28 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью «Коламбиа Бродкастинг Систем» США.

29 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на опере Н. Жиганова «Джалиль» в исполнении артистов Татарского театра оперы и балета им. М. Джалиля.

30 мая 1957 г. Н.С. Хрущёв и другие встречают во Внуковском аэропорту Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, возвратившегося из официальной поездки по странам Азии, а затем присутствуют на митинге по этому случаю во Дворце спорта в Лужниках.

1 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв принял посла Вьетнама Нгуен Ван Киня.

2 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

4 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. посетили «Детский мир», вновь построенный детский универмаг в Москве.

4 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на концерте артистов Татарии.

6–13 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин с визитом в Финляндии (Хельсинки, Лахти, Ямсанкоски, Тампере, Хельсинки).

14 июня 1957 г. Выступление Н.С. Хрущёва на митинге на площади у Ленинградского вокзала в Москве.

17 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в посольстве Болгарии в Москве.

18–22 июня 1957 г. Заседания Президиума ЦК, где сталинисты попытались избавиться от Н.С. Хрущёва.

18 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв и все остальные члены Президиума ЦК встречаются с венгерскими журналистами.

18 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью главному редактору японской газеты «Асахи Симбун» Томоо Хироока.

18 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и другие на приеме в посольстве Египта в Москве.

19 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в посольстве Югославии в Москве.

24 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли генерала И. Гошняка, госсекретаря по делам обороны Югославии.

29 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли делегацию парламента Бирмы.

22–29 июня 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует и выступает на Пленуме ЦК с осуждением Г.М. Маленкова, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и примкнувшего к ним Д.Т. Шепилова.

1 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на концерте артистов из Кабардино-Балкарии.

5 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Велько Мичуновича.

5 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв отбыл в Ленинград.

6 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на Ленинградском заводе «Электросила» по случаю 250-летия Ленинграда.

6 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на концерте в Ленинградском театре оперы и балета.

7 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на трибуне на Дворцовой площади в Ленинграде во время демонстрации жителей города по случаю 250-летия города.

8 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв вернулся в Москву.

9–16 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин с визитом в Чехословакии (Чьрна-на-Тиссе, Прага, Н.С. Хрущёв выступает на заводе «ЧКД-Сталинград», Братислава, Острава, Прага, Пльзень, Прага).

16 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

16 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге на стадионе в Лужниках, в Москве по итогам визита в Чехословакию.

17 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту короля Афганистана Мухаммеда Захир Шаха.

17 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял президента Вьетнама Хо Ши Мина.

18 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке в Кремле, данном в честь короля Афганистана.

18 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял Тодора Живкова, 1-го секретаря ЦК компартии Болгарии.

18 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял членов Исполкома компартии Югославии Эдварда Карделя и Александра Ранковича.

18 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. встречались с находящимися в Москве руководителями коммунистических и рабочих партий (Э. Ходжа, Г. Живков, Э. Кардель, А. Ранкович и др.).

19 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв на завтраке у короля Афганистана, затем на обеде, данном в его честь послами стран – участниц Бандунгской конференции.

19 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял короля Афганистана Мухаммеда Захир Шаха и участвовал в переговорах с ним.

20 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял Индонезийского политика Али Састроамиджойо.

22 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Польши.

24 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв принял посла Цейлона Г.П. Малаласекера.

24 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв встретился с группой из 26 американских туристов.

25 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли начальника главного штаба индийской армии К.С. Тимайа.

26 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в приеме в Грановитой палате Кремля членов Исполкома Всемирной делегации профсоюзов.

27 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. приняли делегацию итальянской компартии.

28 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв на стадионе в Лужниках участвует в открытии Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

29 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв на завтраке в Кремле, данном в честь короля Афганистана, а затем на приёме, данном королём.

29 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью группе журналистов из Непала.

29 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин дали обед в честь делегации Сирии.

30 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-афганского коммюнике, на приёме в честь короля Афганистана и на митинге советско-афганской дружбы.

31 июля 1957 г. Н.С. Хрущёв во Внуковском аэропорту среди провожавших короля Афганистана Мухаммеда Захир Шаха.

1–2 августа 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. встретились в Румынии с югославской делегацией во главе с Иосипом Броз Тито.

5 августа 1957 г. Н.С. Хрущёв принял вице-президента общества «Япония – СССР» Кадзами Акира.

5 августа 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь участников Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

5 августа 1957 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Сирии, устроенном министром обороны Халедом Аземом.

6 августа 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в ЦК КПСС в честь делегации Итальянской компартии.

7–14 августа 1957 г. Н.С. Хрущёв с официальным визитом в Германской Демократической Республике (ГДР) (Берлин, Лейпциг, Штральзунд, Магдебург, Росток, Берлин).

14 августа 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает по итогам визита в ГДР на митинге во Дворце спорта в Лужниках в Москве.

23 августа 1957 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте президента Вьетнама Хо Ши Мина.

9 сентября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте делегацию французской республиканской партии радикалов и радикал-социалистов.

17 сентября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте лейбористов, членов Британского парламента Эньюрина Бивена и Джейн Ли.

27 сентября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте Элеонору Рузвельт, вдову президента США Франклина Д. Рузвельта.

2–4 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв в Киеве на армейских маневрах (без публикации в печати) [С. Х.].

5 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв на обеде в Кремле в честь правительственной делегации Венгрии.

5 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял ветеранов Освободительной войны в Югославии.

6 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв и члены делегации Венгрии на представлении в Московском цирке на Цветном бульваре.

7 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью Джеймсу Б. Рестону, корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс».

7 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в посольстве ГДР в Москве.

8 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял членов британского парламента С. Осборна и Г. Керби.

11 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Социалистической партии Японии и дал в их честь обед.

11 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на концерте артистов Адыгеи и Карачаево-Черкесии в Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

15 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Афганистана в Москве.

16 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв на обеде в Кремле в честь правительственной делегации Болгарии.

24 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял В.И. Свистуна, председателя Канадского общества культурных связей с Украиной.

26 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Ирана.

29 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Турции в Москве.

28–29 октября 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе и выступает на Пленуме ЦК, освободившем от всех постов маршала Г.К. Жукова.

1 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и Н.А. Булганин приняли посла Ирана А. Масуда Инсари.

2 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял военного министра Египта Абдель Хакима Амера.

2 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту делегацию Китая во главе с Мао Цзэдуном, прибывшим на празднование 40-летия Революции.

4 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту делегацию Чехословакии во главе с Антонином Новотным.

4 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту делегацию Корейской Народно-Демократической Республики во главе с Ким Ир Сеном.

4 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял Мао Цзэдуна.

4 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял Хо Ши Мина,

президента Вьетнама.

5 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Монголии во главе с Д. Дамбаном и Ю. Цеденбалом.

5 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв встретил на Белорусском вокзале делегацию Польши во главе с Владиславом Гомулкой.

6 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв выступил на юбилейной сессии Верховного Совета СССР.

7 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и на приеме в Кремле по случаю 40-й годовщины Революции.

8 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв во Дворце спорта в Лужниках на встрече представителей трудящихся Москвы с делегациями зарубежных стран, прибывших на празднование 40-летия Революции и последовавшим за ним концертом.

10 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и А.И. Микоян приняли делегацию Чехословацкой Республики.

10 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Югославии во главе с Эдвардом Карденем.

10 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Корейской Народно-Демократической Республики во главе с Ким Ир Сеном.

10 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Польши во главе с Владиславом Гомулкой.

10 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Германской Демократической Республики во главе с Вальтером Ульбрихтом.

10 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв на церемонии прощания с членом делегации Румынии Григоре Преогясом, погибшем 4 ноября при посадке самолёта во Внуковском аэропорту.

10 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на опере Дмитрия Кабалевского «Никита Вершинин».

11 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял Мао Цзэдуна.

11 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял профессора Джона Бернала, британского ученого.

12 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Румынии во главе с Киву Стойки.

12 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Болгарии во главе с Тодором Живковым.

13 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. члены Президиума ЦК приняли делегацию Чехословакии в связи с кончиной президента Республики Антонина Запотоцкого.

13 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Албании во главе с Энвером Ходжой.

13 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял военного министра Египта генерала Абдель Хаким Амера, присутствовал на обеде в Кремле, данном в его честь и на приёме в посольстве Египта.

14–16 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в совещании

представителей коммунистических и рабочих партий.

14 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании коммунистических и рабочих партий в Москве.

14 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью Генри Шапиро, корреспонденту «Юнайтед Пресс».

15 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Венгрии во главе с Яношем Кадаром.

15 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и Мао Цзэдун в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

16 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Египта в честь Абдель Хаким Амера.

17 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на Внуковском аэродроме осматривают авиационную и реактивную технику.

17 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв выступил на обеде в Кремле в честь зарубежных делегаций.

18 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью Мухаммеду Х. Хейкалу, главному редактору египетской газеты «Аль Ахрам».

18 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. в посольстве Чехословакии по случаю смерти Антонина Запотоцкого.

19 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на переговорах с Абдель Хаким Амером.

19 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь Абдель Хаким Амера.

20 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв проводит переговоры с Мао Цзэдуном на обеде в Кремле в честь делегации Китая.

20 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в проводах Мао Цзэдуна во Внуковском аэропорту.

20 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует в проводах на Белорусском вокзале делегации Польши.

22 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв участвует во встрече на Белорусском вокзале делегации СССР с похорон президента Чехословакии Антонина Запотоцкого во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым.

22 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью В.Р. Херсту, издателю «Херст Ньюспейперс» из США.

23 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре слушает оперу Т. Хренникова «Мать».

25 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв выступил на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий.

27 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв, К.Е. Ворошилов и Н.А. Булганин приняли Китайскую военную делегацию во главе с маршалом Пын Дехуаем.

28 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Албании.

27 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Японии.

29 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на опере П. Майбороды «Милана» в постановке Киевского театра оперы и балета.

29 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Югославии в Москве.

30 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь военной делегации Китая.

30 ноября 1957 г. Н.С. Хрущёв принял заместителя премьер-министра Бирмы У Чжо Нейна.

2 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, а затем участвует в переговорах с У Чжо Нейном и посещает посольство Бирмы.

3 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в Кремле в честь У Чжо Нейна.

6 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в посольстве Финляндии в Москве.

7 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. посетили Всесоюзную художественную выставку.

16 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв на завтраке у заместителя Председателя Правительства Сирии Халеда Эль-Азема, находящегося в Москве.

16 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС, обсудившего результаты совещания коммунистических и рабочих партий в Москве.

17 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Сирийской Республики.

17 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. в филиале Большого театра на концерте Якутских артистов.

19 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе сессии Верховного Совета СССР в Кремле.

19–21 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв дал интервью Э. Пикерингу, главному редактору британской газеты «Дейли Экспресс».

21 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на сессии Верховного Совета СССР о международном положении.

21 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв прилетает в Киев.

24–25 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе юбилейной сессии Верховного Совета Украины.

25 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на юбилейной, посвященной 40-летию создания Украинского государства, сессии Верховного Совета Украины.

25 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв на Крещатике на трибуне во

время военного парада и демонстрации жителей Киева, а затем возлагает венок на Могилу Неизвестного солдата.

25 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в Киеве, данном правительством Украины в честь юбилея республики.

26 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК Компартии Украины.

28 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

30 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв на завтраке в Кремле в честь наследного принца Йемена Сейфуль-Ислама Мохаммеда эль-Бадра.

30 декабря 1957 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Румынии.

1958 год

1 января 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на новогоднем приеме в Кремле.

2 января 1958 г. Н.С. Хрущёв на обеде в Кремле в честь председателя правительства Чехословакии В. Широкого.

3–10 января 1958 г. Н.С. Хрущёв на отдыхе в Польше, встречается с В. Гомулкой.

14 января 1958 г. Интервью Н.С. Хрущёва главному редактору датской молодежной газеты «Данск Фолькетюре» В. Синнбека.

19–23 января 1958 г. Н.С. Хрущёв на отдыхе в Белоруссии и на совещании работников сельского хозяйства.

22 января 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает в Минске на совещании работников сельского хозяйства Белоруссии.

22 января 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает в Минске о международном положении.

23 января 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге на центральной площади г. Минска.

24 января 1958 г. Н.С. Хрущёв на XIII Московской городской партийной конференции.

25 января 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает Тодора Живкова и др. руководителей Болгарии.

27 января 1958 г. Н.С. Хрущёв принял министра промышленности Египта Азиза Сидки.

27 января 1958 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Индии в Москве.

28 января 1958 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного Совета РСФСР в Кремле.

28 января 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании соглашения об экономическом сотрудничестве между СССР и Египтом, а затем на приёме в Большом Кремлёвском дворце в честь Азиза Сидки.

29 января 1958 г. Н.С. Хрущёв дает интервью западногерманскому издателю Акселю Шпрингеру и главному редактору газеты «Ди Вельт» Гансу Цереру.

31 января 1958 г. Н.С. Хрущёв на Московской областной партийной конференции.

31 января 1958 г. Н.С. Хрущёв дал интервью редактору английской газеты «Таймс» Айвераху Макдональду.

31 января 1958 г. Н.С. Хрущёв в Концертном зале им. П.И. Чайковского на концерте молдавских артистов.

3 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял председателя правительства Чехословакии Вильяма Широкого.

3 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в посольстве Румынии.

4 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в посольстве Румынии.

8 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в честь советской интеллигенции.

17 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Велько Мичуновича.

18 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв открывает в Кремле Всесоюзное совещание хлопкоробов.

18 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в посольстве Венгрии.

19 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на Всесоюзном совещании хлопкоробов.

19 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв во Дворце спорта на концерте артистов народов СССР.

20 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле в честь хлопкоробов.

21 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Китая Лю Сяо.

21 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв дал интервью корреспонденту мексиканской газеты «Эксельсиор» Мануэлю Мехидо.

21 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв на молодёжном бале в Большом Кремлёвском дворце в честь 40-летия Вооружённых Сил.

22 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на торжественном собрании во Дворце спорта по случаю 40-летия Вооруженных Сил СССР.

22 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Польши Тадеуша Геде.

23 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле по случаю 40-летия Вооруженных Сил СССР.

25 февраля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК КПСС с докладом реорганизации машинно-тракторных станций.

8 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на торжественном заседании по случаю 8 марта, Международного женского дня.

10 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв дал интервью журналистам польской газеты «Трибуна Люду» З. Борянску и М. Луцкому.

14 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы.

17 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв принял американских представителей, прибывших в СССР для наблюдения за выборами в Верховном Совете СССР.

18 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом зале Московской консерватории на открытии 1-го Международного музыкального конкурса им. П.И. Чайковского.

18 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Болгарии.

19 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв дал интервью корреспонденту французской газеты «Фигаро» Сержу Груссару.

20 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме по случаю выпуска инженерных академий Военно-Воздушных сил.

21 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на опере Захария Палиашвили «Даиси» в исполнении артистов Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили.

22 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв дал интервью Эрику Риддеру, владельцу американской газеты «Джорнел оф Коммерс» и ее редактору Гейнцу Людиксу.

24 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв принял Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда.

24 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв дал интервью корреспонденту итальянской газеты «Темпо» Джузеппе Полоццо.

24 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на балете А. Мачавариани «Отелло» в исполнении артистов Тбилисского театра оперы и балета им. З. Палиашвили.

25 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на обеде в честь Дага Хаммаршельда.

27 марта 1957 г. Верховный Совет СССР назначает Н.С. Хрущёва Председателем Совета Министров СССР.

27 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на сессии ВС СССР с докладом о реорганизации машинно-тракторных станций.

29 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв принял генерального директора Международной организации труда Д. Морса.

31 марта 1958 г. Н.С. Хрущёв произносит заключительное слово по своему докладу на сессии Верховного Совета СССР.

1 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте грузинских артистов.

2–10 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Венгрии (Будапешт, Сталинварош, Цеглд, Татабанье, Будапешт).

4 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет послание президенту США Дуайту Эйзенхауэру с призывом присоединиться к одностороннему мораторию на ядерные испытания, объявленному СССР 3 марта 1958 г.

8 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет послание премьер-министру Франции Ф. Гайяру по вопросу прекращения ядерных испытаний.

10–12 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом Кремлёвском

дворце на Всесоюзном совещании по строительству.

10 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает во Дворце спорта в Лужниках по итогам визита в Венгрию.

12 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

14 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял королеву Бельгии Елизавету.

14 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв в Консерватории на закрытии 1-го музыкального конкурса им. П.И. Чайковского.

15 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии 13-го съезда комсомола.

16 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв провожает на Белорусском вокзале Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, отбывавшего с официальным визитом в Польшу.

16 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял румынскую правительственную делегацию во главе с премьер-министром Киву Стойка и дал в их честь обед.

17 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв во Дворце спорта в Лужниках на концерте по случаю 13-го съезда комсомола.

18 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на 13-м съезде комсомола в Кремле.

19 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле по случаю 13-го съезда комсомола.

19 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Китая Лю Сяо.

19 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Японии М. Акаги.

19 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Пакистана А. Хуссейна.

21 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в посольстве Польши в Москве.

22 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв направил послание президенту США Д. Эйзенхауэру по вопросу укрепления доверия между двумя странами.

22 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на торжественном заседании по случаю дня рождения В.И. Ленина.

23 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв посетил на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве выставку мелиоративной техники.

23 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял председателя комиссии норвежского стортинга Финна Му.

25 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв в Курске выступает по случаю вручения области ордена Ленина.

26 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает в Киеве по случаю вручения Киевской области ордена Ленина и участвует в приеме

в Октябрьском дворце культуры.

28 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

29 апреля 1958 г. Н.С Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту, а затем принимает в Кремле президента Египта Гамаля Абдель Насера и присутствует на обеде, данном в его честь.

29 апреля 1958 г. Н.С Хрущёв принял в Кремле посла Цейлона Гунапала П. Малаласекера.

29 апреля 1958 г. Н.С Хрущёв осмотрел новый участок Рижского радиуса Московского метрополитена.

30 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв дал завтрак в честь Г.А. Насера и затем провёл с ним переговоры.

30 апреля 1958 г. Н.С. Хрущёв и Г.А. Насер в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

1 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея по случаю Первомая.

2 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв на стадионе в Лужниках на открытии летнего сезона.

4 мая 1958 г. Интервью Н.С. Хрущёва Х. Ламбракису, греческому издателю.

6 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию парламента Монголии.

6 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв докладывает на Пленуме ЦК КПСС об ускорении развития химической промышленности.

9 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет послание президенту США Д. Эйзенхауэру по вопросу прекращения ядерных испытаний.

11 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Всесоюзной сельско-хозяйственной выставки в Москве.

12 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв на открытии совещания в Кремле, посвященном автоматизации в промышленности.

13 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде, данном в Кремле Г.А. Насером.

14 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, данном послами стран – участниц Бандунгской конференции в честь Г.А. Насера, ведёт с ним переговоры и выступает на приёме в посольстве Египта.

14 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле группу канадских бизнесменов.

15 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв подписывает с Г.А. Насером советско-египетское заявление, а затем выступает на митинге и приёме в Кремле по случаю визита в СССР Г.А. Насера.

16 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв провожает Г.А. Насера во Внуковском аэропорту.

16 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует на совещании в Кремле по комплексной механизации и автоматизации производственных процессов.

17 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию парламента Бирмы.

17 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял патриарха Алексея и митрополита Николая.

19 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Западной Германии Г. Кролля.

20–23 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв участвует в совещании глав государств, входящих в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) и политического консультативного комитета стран – участниц Варшавского договора.

21 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял в Кремле президента Финляндии Урхо Калева Кекконена.

21 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв направил послание председателю генерального совета профсоюзов Японии Ю. Харагути об опасности продолжения ядерных испытаний.

22 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял А. Новотного, президента Чехословакии.

22 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял В. Гомулку, 1-го секретаря ПОРП.

22 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял Т. Живкова, 1-го секретаря компартии Болгарии.

22 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял Д. Дамба и Л. Цэнде, руководителей Монголии.

22 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Германской Демократической Республики.

22 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв на обеде, данном Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым в честь У.К. Кекконена.

23 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв дал завтрак и провёл переговоры с У.К. Кекконеном.

23 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв и У.К. Кекконен в Большом театре на опере М. Мусоргского «Борис Годунов».

23 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял Георге Георгиу-Дежа, 1-го секретаря компартии Румынии.

24 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Венгрии во главе с Яношем Кадаром.

24 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял В. Гомулку, 1-го секретаря ЦК ПОРП, и Юзефа Циранкевича, главу правительства Польши.

24 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на обеде в Кремле в честь участников совещания СЭВ и Политического

консультативного комитета.

24 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора и подписывает декларацию.

26 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял представителей Китая Чэнь Юня, Ли Фучуня и Е. Цзичжуана.

26 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял представителей Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ира, Тен Ир Лени и Ли Ден Ока.

27 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв принял представителей Вьетнама Нгуен Зуй Чиня, Нгуен Ван Чана и Нгуен Ван Киня.

29 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв провёл переговоры с У.К. Кекконеном и присутствовал на данном им обеде.

30 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет послание президенту США Д. Эйзенхауэру по вопросу контроля ядерных испытаний.

30 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв направил послание премьер-министру Канады Д. Дифенбейкеру по вопросу снижения международной напряжённости.

30 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на митинге по случаю визита У.К. Кекконена в СССР и присутствует на данном в его честь приёме.

08 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв в Болгарии, на 7-м съезде Болгарской компартии.

31 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Всесоюзной промышленной выставки.

31 мая 1958 г. Н.С. Хрущёв провожает У.К. Кекконена во Внуковском аэропорту и после этого сам отбывает в Болгарию.

2 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв направил послание президенту США Д. Эйзенхауэру по вопросу улучшения отношений между двумя странами.

3 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв направил ответное письмо сторонникам «Движения за ядерное разоружение» (почётному секретарю госпоже Дж. Бигби и председателю господину Уотерсу).

4 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв направил основателю Пагуошского движения за ядерное разоружение Сайросу Итону ответное послание по случаю окончания 2-й Пагуошской конференции.

7 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Софии.

8 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на 7-м съезде Болгарской компартии.

8 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

9 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует в Кремле на встрече женщин Москвы с делегатами 6-го конгресса Международной

демократической федерации женщин.

10 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает группу общественных деятелей Великобритании.

10 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на балете французской труппы «Гранд Опера» (Ж. Леле «Нау Теос», Ф. Серетта «Идиллия» и Э. Лало «Сюита в белом»).

11 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв дал интервью Джону Уотерсу, редактору австралийской газеты «Геральд».

11 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет послание президенту США Д. Эйзенхауэру по вопросу подготовки совещания в верхах.

12 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв и другие на приеме в посольстве Великобритании в Москве.

17–18 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

17 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв докладывает пленуму ЦК КПСС о реорганизации машинно-тракторных станций и новых правилах заготовки сельскохозяйственной продукции.

19 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла Югославии Велько Мичуновича.

20 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на обеде и присутствует на приёме, данном послом Непала в честь короля Махендра Бир Бихрам Шах Дева.

22 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв принял короля Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева.

23 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на завтраке у послов стран – участниц Бандунгской конференции.

23 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии 5-го съезда уполномоченных потребительской кооперации СССР.

23 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-непальского коммюнике.

23 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на приёме в честь короля Непала.

23 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв принял Таиландского ученого принца Прем Пурачата.

24 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв провожает короля Непала во Внуковском аэропорту.

25 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Норвегии Э. Бродланда.

26 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв на строительной выставке в Москве.

28 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле французского политического деятеля Поля Рейно.

29 июня 1958 г. Н.С. Хрущёв на стадионе в Лужниках на празднике советской молодежи.

2 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту президента Чехословакии Антонина Новотного, а затем выступает на приёме в Кремле в его честь.

2 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет президенту США Д. Эйзенхауэру послание по проблеме прекращения гонки вооружений и предупреждения от внезапного нападения.

3 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке у А. Новотного, а затем ведёт с ним переговоры в Кремле.

3 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию молодежного конгресса Индии.

4 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв и А. Новотный в Ленинграде (Санкт-Петербурге) выступают на Дворцовой площади, посещают Кировский завод, а вечером в Кировском (Мариинском) театре оперы и балета на балете В.И. Соловьёва-Седого «Тарас Бульба».

5 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв и А. Новотный в Кронштадте, посещают крейсер «Киров», после чего отправляются в Петродворец.

6 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

7 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства Болгарии Антона Югова.

8–11 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв на 5-м съезде Социалистической единой партии Германии в ГДР (Берлин, Галле, Битерфельд).

9 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв ответил на письмо Исполкома Социал-демократического союза молодёжи Швеции по вопросу разрядки международной напряжённости.

11 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на 5-м съезде СЕПГ в Берлине.

11 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

11 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв на приеме, данном А. Новотным в Москве.

12 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв подписывает советско-чехословацкое коммюнике.

12 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге во Дворце спорта в Лужниках по случаю визита А. Новотного и присутствует на данном в его честь приёме в Кремле.

13 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв и А. Новотный провели воскресенье в Подмосковной резиденции Ново-Огарёво.

14 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв проводил А. Новотного во Внуковском аэропорту.

16 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял парламентариев Камбоджи.

16 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял министра из Эфиопии Аббебе Ретта.

16 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии В. Мичуновича.

18 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял президента Египта Г.А. Насера.

19 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет президенту США Д. Эйзенхауэру предупреждение в связи с высадкой американских и британских войск в Ливане. Аналогичные послания ушли в адреса: премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана, президента Франции Ш. де Голля и премьер-министра Индии Д. Неру.

20 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв и другие на авиационном параде в Тушино.

21 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принял председателя парламента Индонезии Аруджи Картавината.

21 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту Федерального канцлера Австрии Юлиуса Рааба.

22 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв даёт в Кремле завтрак в честь Ю. Рааба и ведёт переговоры с делегацией Австрии.

22 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает федерального канцлера Австрии Юлиуса Рааба.

22 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в посольстве Польши в Москве.

23 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет президенту США Д. Эйзенхауэру ответ на его согласие собрать совещание глав государств США, СССР, Великобритании, Франции и Индии для разрешения конфликта на Ближнем Востоке. Аналогичные послания ушли в адреса: премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана, президента Франции Ш. де Голля и премьер-министра Индии Д. Неру.

23 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв провёл переговоры в Кремле с Ю. Раабом и выступил на обеде в посольстве Австрии.

23 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы вице-президента агентства «Юнайтед Пресс Интершейшнл» Кингсбери Смита о путях разрешения Ближневосточного кризиса.

24 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв подписал советско-австрийское коммюнике и выступил на приёме в Кремле в честь Ю. Рааба.

25 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает членов Исполкома Международного союза архитекторов.

28 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв проводил во Внуковском аэропорту Ю. Рааба.

28 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв направил президенту США Д. Эйзенхауэру новое письмо о путях разрешения Ближневосточного кризиса. Аналогичные послания ушли в адреса: премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана,

президента Франции Ш. де Голля и премьер-министра Индии Д. Неру.

29 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв направил ответное письмо канонику собора Святого Павла в Лондоне Л. Джону Коллинсу о путях напряжения международной напряжённости.

29 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв дает интервью индийским журналистам.

31 июля – 3 авг. 1958 г. Н.С. Хрущёв в Пекине ведет переговоры с Мао Цзэдуном.

5 июля 1958 г. Н.С. Хрущёв направил президенту США Д. Эйзенхауэру письмо с требованием ускорить собрание совещания по Ближнему Востоку.

Аналогичные послания ушли в адреса: премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана, президента Франции Ш. де Голля и премьер-министра Индии Д. Неру.

5 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв принял Эдлая Стивенсона, лидера Демократической партии США.

6 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Италии.

6 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв принял генерала Хосе Рафаэля Габальдона из Венесуэлы.

9–12 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв на строительстве Куйбышевской ГЭС, в колхозах Куйбышевской области и на предприятиях города, выступает в Куйбышеве (Самаре) на общегородском митинге.

10 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Куйбышевской ГЭС.

10 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану послание в ответ на его просьбу разъяснить позицию СССР по разрешению Ближневосточного кризиса.

12 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

12 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет председателю «Движения за ядерное разоружение» Кеннету Уилдеру ответное письмо о путях снижения напряжения в мире.

12 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет ответ «Рабочему комитету борьбы против атомной смерти» Западной Германии по вопросу обнаружения и контроля ядерных взрывов.

13 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв принял французского политика Мендеса Франса.

13 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Цейлона П. Малаласекера.

13 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет ответ председателю Исполкома соцпартии Японии Масабуро Судзуки на

его просьбу разъяснить позицию СССР в деле разрешения Ближневосточного кризиса.

13–14 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв в Смоленске и Смоленской области.

16 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании в ЦК по вопросам овощеводства.

16 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет письмо группе английских обозревателей и критиков, озабоченных возможностью угрозы применения ядерного оружия.

28 августа 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает в Ялте американского певца Поля Робсона, и они оба посещают детский лагерь отдыха «Артек».

29 августа 1958 г. Интервью Н.С. Хрущёва корреспонденту газеты «Правда» относительно прекращения испытания ядерного оружия.

1 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле Сайруса Итона, американского и канадского сталепромышленника, основателя Пагуошского движения против ядерного оружия.

4 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле лейбориста, члена Британского парламента К. Зиллиакуса.

5 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв утверждён Пленумом ЦК КПСС докладчиком на Внеочередном XXI съезде КПСС.

5 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

7 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет президенту США Д. Эйзенхауэру послание озабоченности ростом напряжённости в Тайваньском проливе.

08–10 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв в Капустином Яру осматривает образцы ракетного и авиационного вооружения. Операция «Тополь». Проводит совещание о развитии ракетного оружия (без опубликования в печати) *[С. Х.]*.

11 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Сталинграде и ездит по Сталинградской области.

13 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте японского политика К. Ясуи.

16 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте посла Китая Лю Сяо.

19 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв направляет президенту США Д. Эйзенхауэру ответ на его послание от 12 сентября в связи с продолжающимся нарастанием напряжённости в Тайваньском проливе.

20 сентября 1958 г. Н.С. Хрущёв отправляет в Президиум ЦК КПСС записку о реформе системы среднего и высшего образования.

20 сентября 1958 г. Интервью Н.С. Хрущёва западногерманскому журналисту А.Е. Иоганну.

21 сентября 1958 г. Интервью Н.С. Хрущёва корреспонденту газеты «Правда» о мятеже военных во Франции.

5 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопрос корреспондента ТАСС о событиях в Тайваньском проливе.

6 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде, Абхазия, президента национальной ассоциации кинопромышленников США Эрика Джонстона.

8 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде посла Югославии В. Мичуновича.

14 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Ставрополе и ездит по сельхозпредприятиям.

15 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Краснодаре и ездит по сельхозпредприятиям.

16 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Ростове-на-Дону и ездит по области.

18 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв в селе Калиновка Курской области.

20 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле вице-президента Египта Абдель Хаким Амера.

20 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв на обеде в посольстве Египта.

21–24 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв принимает Абдель Хаким Амера, даёт в его честь завтрак и выступает на данном Амером приёме.

22 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле в честь участников Ташкентской встречи писателей стран Азии и Африки.

23 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на приёме в Кремле в честь А.Х. Амера.

24 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв дает интервью американскому внешнеполитическому обозревателю Уолтеру Липманну.

25 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв встречает на Белорусском вокзале, а затем принимает в Кремле делегацию Польши во главе с В. Гомулкой, ведет с ними переговоры и выступает на обеде, данном в их честь в Кремле.

25 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв и другие в Большом театре на заключительном концерте декады Киргизского искусства и литературы.

26 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге молодежи на Красной площади в Москве по случаю 40-летия комсомола.

27 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступил на завтраке в посольстве Польши, а затем провёл переговоры с польской

делегацией.

27 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв и В. Гомулка в музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко на опере С. Прокофьева «Война и мир».

29 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял Монгольского лидера Ю. Цеденбала.

29 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Камбоджи Нхиек Тьюлонга.

29 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступил на юбилейном Пленуме ЦК комсомола по случаю его 40-летия.

30 октября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступил на совещании в ЦК КПСС по вопросам свекловодства.

3 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв и Юзеф Циранкевич выступили на митинге на Балтийском заводе в Ленинграде.

4 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв и В. Гомулка выступили на митинге на Дворцовой площади в Ленинграде.

5 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

5 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв провёл в Кремле переговоры с делегацией Польши и присутствовал на данном В. Гомулкой приёме.

6 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв во Дворце спорта в Лужниках на собрании по случаю годовщины Революции.

7 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и выступает на приеме в Кремле по случаю годовщины Революции.

10 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв провёл переговоры с поляками, подписал советско-польское заявление и выступил на митинге во Дворце спорта в Лужниках по случаю визита делегации Польши.

10 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Большом Кремлёвском дворце в честь делегации Польши.

11 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял Генерального секретаря Всемирной федерации профсоюзов Луи Сайяна.

11 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв проводил на Белорусском вокзале делегацию Польши.

12 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял английского ученого физика Джона Кокрофта.

12 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв представил однодневному Пленуму ЦК КПСС тезисы своего доклада XXI съезду КПСС.

12 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв в Кремлёвском театре на спектакле Н. Вирты «Дали неоглядные…» в исполнении театра им. Моссовета.

14 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле по случаю выпуска военных академий.

18 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию индийских юристов.

19 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию муниципалитета города Багдада, Ирак.

21 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию иракских общественных деятелей.

24 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию трудящихся Китая.

26 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Л. Мойсова.

27 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв устроил в Кремле пресс-конференции по Берлинскому вопросу.

29 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Албании в Москве.

29 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв в посольстве Чехословакии с соболезнованиями по случаю смерти посла Яромира Вошаглина.

29 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Индонезии доктора Субандрио.

29 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв принял экс-президента Мексики Ласаро Карденаса.

30 ноября 1958 г. Н.С. Хрущёв в посольстве Болгарии с соболезнованиями по случаю смерти председателя Президиума Народного Совета Георгия Дамянова.

1 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв принял сенатора США Губерта Хемфри.

7 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв на открытии I съезда писателей РСФСР в Кремле.

7 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском театре на концерте китайских артистов.

11 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Албании во главе с Эвнером Ходжей и дал в их честь обед.

12 декабря 1958 г. Интервью Н.С. Хрущёва шеф-редактору западногерманской газеты «Зюддойче Цайтунг» Г. Кемпске.

12 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Чехословакии в Москве.

12 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте казахских артистов.

13 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле в честь российских писателей.

13 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Италии Л. Пьетромарку.

15 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв докладывает Пленуму ЦК КПСС об итогах развития сельского хозяйства за истекшие пять лет и планах на будущее.

16 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв принял лейбориста – члена Британского парламента Филипа Ноэль-Бейкера.

18 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию муниципалитета г. Парижа, Франция.

19 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв выступил на Пленуме ЦК КПСС с заключительным словом.

20 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует на открытии памятника Ф.Э. Дзержинскому в Москве.

22 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле делегацию строителей Польши во главе с Ежи Альбрехтом.

22 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

22 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного Совета в Кремле.

23 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте казахских артистов.

24 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв и Н.Г. Игнатов осматривают новые сельскохозяйственные машины на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве.

26 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного Совета РСФСР в Кремле.

27 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв присутствует в Кремле при вручении ордена Ленина Российской Федерации.

29 декабря 1958 г. Н.С. Хрущёв принял посла Монголии С. Бата.

1959 год

1 января 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на новогоднем приеме в Кремле.

1 января 1959 г. Н.С. Хрущёв на основе взаимности направил новогоднее обращение американскому народу.

1 января 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Афганистана Сардар Мухаммед Наима.

2 января 1959 г. Н.С. Хрущёв вторично принял министра иностранных дел Афганистана Сардар Мухаммед Наима.

3–5 января 1959 г. Н.С. Хрущёв в Минске, Белоруссия, выступает на сессии Верховного Совета Белоруссии и общегородском митинге в Минске по случаю 40-летия Республики и присутствует на приеме по этому поводу.

3 января 1959 г. Н.С. Хрущёв присутствует на концерте в Белорусском театре оперы и балета.

4 января 1959 г. Н.С. Хрущёв на торжественном приёме в Минске в честь 40-летия Белорусской Республики.

19 января 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле делегацию народных советов Польши во главе с зам. главы правительства Зеноном Новаком.

20 января 1959 г. Н.С. Хрущёв принял американцев – доктора Уильяма Дубуа и писательницу Ширли Грэхэм.

20 января 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на вечере студентов – выпускников физического факультета МГУ.

22–23 января 1959 г. Н.С. Хрущёв в Ленинграде встречается с президентом Финляндии У.К. Кекконеном, выступает на завтраке в честь Кекконена, а затем они вместе на балете С. Прокофьева «Каменный цветок» в Кировском театре оперы и балета.

24 января 1959 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

24 января 1959 г. Н.С. Хрущёв отвечает на письмо председателя Английского комитета защиты мира Гордона Шаффера о разрешении международных конфликтов мирным путём.

26 января 1959 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Индии в Москве.

27 января 1959 г. Н.С. Хрущёв докладывает XXI съезду КПСС о планах развития экономики в 1959–1965 гг.

27 янв. – 5 февр. 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе XXI съезда КПСС.

30 января 1959 г. Н.С. Хрущёв и другие на концерте артистов Украины в Кремлевском театре.

2 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Западной

Германии Г. Кроля.

4 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Венгрии во главе с Яношем Кадаром.

4 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв и другие на приеме в посольстве Цейлона в Москве.

4 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв и другие на концерте в Кремлевском театре.

5 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на XXI съезде КПСС с заключительным словом.

5 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Румынской рабочей партии во главе с Георге Георгиу-Дежем.

6 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял президента Чехословакии Антонина Новотного.

6 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Китая во главе с Чжоу Эньлаем.

6 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Трудовой партии Кореи во главе с Ким Ир Сеном.

6 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь зарубежных делегаций на XXI съезде КПСС.

7 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв подписал с премьером Госсовета Китая Чжоу Эньлаем соглашение о расширении экономического сотрудничества.

7 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию ГДР во главе с Вальтером Ульбрихтом.

7 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Болгарии во главе с Тодором Живковым.

7 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял президента Вьетнама Хо Ши Мина.

7 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв дал в Кремле обед в честь делегации Китая во главе с Чжоу Эньлаем.

8 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию итальянских коммунистов во главе с Пальмиро Тольятти.

9 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Албании во главе с Энвером Ходжей.

9 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Монголии во главе с Ю. Цеденбалом.

9 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

9 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Норвегии О. Гундерсена.

10 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв и Ю. Цеденбал подписали соглашение об экономическом сотрудничестве с Монголией и Н.С. Хрущёв дал обед по этому поводу.

10 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ирака Абдель

Вахаб Махмуда.

10 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв посетил выставку ГДР, посвященную применению пластмасс в строительстве.

10 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв посетил выставку мебели.

11 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию французских коммунистов во главе с Жаком Дюкло.

12 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников сельского хозяйства Рязанской области.

13 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв вручает Рязанской области орден Ленина.

14 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв и другие в Большом театре слушают оперу «Дилором» Узбекского театра оперы и балета имени С. Айни.

15 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял польских руководителей Владислава Гомулку и Зенона Клишко.

16 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв в Туле выступает на городском митинге и посещает колхозы.

17 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает в Туле по случаю вручения области ордена Ленина.

18 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на Сталиногорском химическом комбинате в Тульской области.

22 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв ведёт переговоры с Г. Макмилланом в загородной резиденции Ново-Огарёво и даёт в его честь завтрак.

23 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв ведёт в Кремле переговоры с Г. Макмилланом и выступает на обеде в посольстве Великобритании.

24 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает перед избирателями Калининского избирательного округа г. Москвы.

24 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает членов Бюро Всемирного совета Мира.

24 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в Посольстве Великобритании.

24 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте узбекских артистов.

25 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв продолжает в Кремле переговоры с Г. Макмилланом.

25 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв и Г. Макмиллан в Большом театре на балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта».

26 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает делегацию из Ирака.

26 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв продолжает в Кремле переговоры с Г. Макмилланом.

28 февраля 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает посла Цейлона

Г.П. Малаласекера.

2 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв продолжает в Кремле переговоры с Г. Макмилланом и выступает в Большом Кремлёвском дворце на приёме в его честь.

3 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает в Кремле Г. Макмиллана, они подписывают советско-английское коммюнике и договор о ненападении.

3 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв провожает Г. Макмиллана во Внуковском аэропорту.

3 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла Польши Т. Гедэ.

4–7 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв на Лейпцигской ярмарке в Германии и на 9-й общегерманской рабочей конференции (выступает 5 марта).

8–12 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв в Берлине, выступает в городской ратуше, наносит визит президенту Вильгельму Пику, выступает на городском митинге и на приёме в советском польстве.

9 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает в Берлине председателя правления Социал-демократической партии (СДП) Германии Э. Олленхауэра.

11 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв посещает Группу советских войск в Германии.

11 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв поздравляет главу правительства ГДР Отто Гротеволя с 65-летием.

12 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

13 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра торговли и промышленности Финляндии А. Карьялайнена.

16 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принял руководителей СДП Германии К. Шмидта и Ф. Эрлера.

16 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв и доктор Муххамед подписали соглашение об экономическом сотрудничестве с Ираком.

16 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает в Большом Кремлёвском дворце на приёме в честь делегации Ирака.

19 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв дает пресс-конференцию о перспективах подписания мирного договора с Германией.

20 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Монголии Баточирина Жамбалдоржа.

20 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Судана Мохаммеда Х. Эль-Нила.

20 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв ответил на письмо 20 американских политических деятелей о напряжённости вокруг Германии.

23 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии XII

съезда профсоюзов.

27 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда.

27 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв ответил на письмо президента Всеиндийского совета мира Сундерлалу о советской позиции по Германии.

28 марта 1959 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде американского фермера Росуэла Гарста.

7 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте посла Афганистана Абдул Хаким Шахалами.

9 апреля 1959 г. Интервью Н.С. Хрущёва корреспонденту газеты «Правда» с разъяснениями позиции по Германии.

10 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте председателя парламента Северной Кореи Цой Ен Гена.

17 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёв отмечает в кругу друзей своё 65-летие.

27 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле греческого политического деятеля С. Маркезиниса.

27 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёву присуждена Международная Ленинская премия «За упрепление мира между народами».

29 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле британского фельдмаршала Монтгомери.

29 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

30 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёв вторично принял британского фельдмаршала Монтгомери.

30 апреля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял губернатора Индийского штата Джаммы и Кашмира Юваранджа Каран Сингха и дал в его честь завтрак.

1 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея по случаю Первомая.

4 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла США Л. Томпсона.

4 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв посетил строительство американской выставки в Сокольниках в Москве.

4 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв во Дворце спорта в Лужниках, в Москве, на выступлении американского балета на льду «Холидей он Айс».

5 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Чехословакии Р. Дворжака.

5 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв дал интервью редакторам социал-демократических газет Западной Германии.

7 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв дал интервью корреспондентам газеты «Правда» о политической ситуации в Финляндии.

7 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял президента Индонезии

Сукарно, провёл с ним переговоры и дал в его честь обед.

7 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв дал интервью редактору индийской газеты «Блитц» Р.К. Каранджаия.

7 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял индийского ученого профессора П.Ч. Махаланобиса.

8 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял политика из Финляндии А. Корсимо.

9 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял американских ветеранов Второй мировой войны.

9–10 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв в Киеве и в колхозах Киевской области.

11 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Киеве по случаю вручения Украине ордена Ленина.

14 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв в Молдавии, выступает на митинге по случаю вручения Республике ордена Ленина.

15 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв направил президенту США Д. Эйзенхауэру и премьер-министру Великобритании послания по германскому вопросу.

16 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв дал в Большом Кремлёвском дворце завтрак в честь Венгерской делегации во главе с Председателем правительства ВНР Ференцем Мюннихом.

16 мая 1959 г. Н.С. Хрущёву вручают в Кремле Международную Ленинскую премию мира.

18 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии III съезда писателей СССР.

18 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв посетил в парке Горького Австрийскую промышленную выставку.

18 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту премьер-министра Афганистана Мухаммеда Дауда.

19 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Афганистана Мухаммеда Дауда и дал в его честь завтрак.

19 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял индийских министров Сардара Сваран Сингха и Манубхай Шаха.

19 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв встретился с туристами из штата Флорида, США.

20 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Всемирной федерации научных работников.

20 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв вторично принял премьер министра Афганистана, Мухаммеда Дауда и посетил устроенный им приём.

21 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв выступил на приеме в Кремле в честь М. Дауда.

22 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Египта Мохаммеда А. эль-Куни.

22 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв выступил на III съезде писателей.

22 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв проводил во Внуковском аэропорту премьер-министра Афганистана М. Дауда.

22 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на концерте азербайджанских артистов.

23 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра торговли Великобритании Д. Экклса.

23 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Бирмы У. Чина.

23 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Пакистана А. Хусейна.

23 мая 1959 г. Н.С. Хрущёв на приеме в Кремле в честь III съезда писателей СССР.

25 мая – 4 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Албании (Тирана, Шкодер, Эльбасан, Корга, Тирана, Саранда, Тирана).

4–5 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв в Венгрии (Будапешт).

6 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает во Дворце спорта в Лужниках, в Москве, по итогам визита в Албанию и Венгрию.

7 июня 1959 г. Интервью Н.С. Хрущёва Венгерскому телеграфному агентству и газете «Непсабадшах».

8 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту и затем принимает в Кремле делегацию ГДР во главе с Вальтером Ульбрихтом и даёт обед в их честь.

9 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв ведёт переговоры с делегацией ГДР (Восточной Германии) и выступает на завтраке в посольстве ГДР.

10–12 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв и В. Ульбрихт в Риге, Латвия, ведут переговоры, посещают промышленные предприятия, выступают на митинге в Риге.

13 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв вернулся в Москву.

16 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Выставки достижений народного хозяйства в Москве.

16 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре слушает оперу Бизе «Кармен» с участием итальянского певца Марио дель Монако.

18 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв ведёт переговоры с делегацией ГДР и посещает приём в посольстве ГДР.

19 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв и Вальтер Ульбрихт подписывают советско-германское коммюнике, а затем выступают на митинге и приёме в Кремле по случаю визита в СССР делегации ГДР.

20 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв провожает делегацию ГДР во Внуковском аэропорту.

23 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв принял бывшего посла США в СССР Аверелла Гарримана.

24–29 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

25 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв принял китайскую делегацию Общества китайско-советской дружбы.

26 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ирана А. Масуд-Ансари.

27 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Бельгии Вальтера Лоридана.

28 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв на стадионе в Лужниках на празднике советской молодежи.

29 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК КПСС, посвященном развитию производительных сил.

29 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту императора Эфиопии Хайле Селассие I.

30 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает императора Эфиопии Хайле Селассие I, участвует в переговорах и выступает на завтраке в Кремле, данном в его честь.

30 июня 1959 г. Н.С. Хрущёв, Хайле Селассие I и другие в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

3 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял президента Вьетнама Хо Ши Мина и присутствовал в Кремле на завтраке в его честь.

4 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял участников XVIII сессии Комитета по жилищному вопросу Европейской экономической комиссии ООН.

6 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял участников XVIII сессии комитета по жилищному строительству Европейской экономической комиссии ООН.

6 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв посещает в Реутове ОКБ-52 академика В.Н. Челомея, осматривает образцы ракетного оружия и вручает ОКБ орден Ленина (без объявления в печати) *[С. Х.]*.

7 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию губернаторов семи штатов США.

8 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял сельскохозяйственную делегацию из Польши.

10 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с императором Эфиопии Хайле Селассие I и присутствует на данных им в Кремле завтраке и приёме.

11 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв присутствует на завтраке, данном послами стран – участниц Бандунгской конференции.

11 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приёме в честь императора Эфиопии Хайле Селассие I.

12 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял Хайле Селассие I у себя на даче.

13 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв проводил во Внуковском аэропорту императора Хайле Селассие I.

14–22 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Польше (Варшава, Катовице, Щецин, Познань, Жешув, Варшава).

23 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает по итогам визита в Польшу на митинге во Дворце спорта в Лужниках.

24 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии американской выставки в Сокольниках, в Москве.

24 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв дает завтрак в Кремле в честь вице-президента США Ричарда Никсона.

24 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле вице-президента США Ричарда Никсона.

25 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию деятелей культуры Кипра.

25 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв на обеде в посольстве США в честь Р. Никсона.

26 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает Р. Никсона на даче под Москвой, в Ново-Огарёве.

28, 29 июля 1959 г. Н.С. Хрущёв в Днепропетровске выступает на митинге на ракетном заводе у М.К. Янгеля, а также на трубном и других заводах.

1 августа 1959 г. Н.С. Хрущёв и А.Н. Туполев на Внуковском аэродроме осматривали два запасных самолета Р. Никсона «Боинг-707».

1 августа 1959 г. Н.С. Хрущёв на открытии выставки чехословацкого стекла в Манеже.

3 августа 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает в Кремле посла королевства Марокко Башира Бен Аббеса.

5 августа 1959 г. Пресс-конференция Н.С. Хрущёва о советско-американских отношениях.

Август 1959 г. Н.С. Хрущёв в Севастополе на показе образцов военно-морского вооружения, затем проводит заседание Совета Обороны (без объявления в печати) *[С. Х.]*.

17 августа 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте посла ГДР И. Кенинга.

19 августа 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте делегацию Гвинейской Республики.

19 августа 1959 г. Н.С. Хрущёв направил Канцлеру Западной Германии Аденауэру послание о перспективах объединения Германии.

20 августа 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте руководителя Монголии Ю. Цеденбала.

21 августа 1959 г. Н.С. Хрущёв переезжает из Ялты на мыс Пицунда.

30 авг. – 1 сент. 1959 г. Н.С. Хрущёв на Дону, в станице Вешенской, в гостях у писателя Михаила Шолохова. Выступает на митинге в Вешенской.

1 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Кремлёвском театре на концерте карельских артистов.

2 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Кремле принял посла Ирана А. Масуд-Ансари.

3 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в честь выпускников военных академий.

3 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв вторично посетил американскую выставку в Сокольниках.

3 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле французского промышленника Мориса Буссака.

4 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Польской выставки в парке им. М. Горького в Москве.

4 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на приёме в посольстве Польши.

4 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства Польши Юзефа Циранкевича.

4 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял лидеров британских лейбористов Х. Гэйтекела, Э. Бивена, Д. Хили и Д. Энналса.

5 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв вторично на выставке «Чехословацкое стекло» в Манеже.

6 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв опубликовал в американском журнале «Форин Аффэарс» статью о мирном сосуществовании.

11 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле японского политика Такео Микки, члена парламента Японии Наоцугу Набэсиба и главного редактора газеты «Джапан Таймс» Кадзусигэ Хирасава.

12 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии В.К. Кришна Менона.

12 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял Мориса Тореза, генерального секретаря компартии Франции и Вальтера Ульбрихта, 1-го секретаря Социалистической единой партии Германии.

12 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра строительства Франции П. Сюдро.

15–27 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв с визитом в США (Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Де-Мойн, Питтсбург, Вашингтон и Кэмп-Дэвид).

28 сентября 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге во Дворце спорта в Лужниках по итогам поездки в США.

29 сентября 1959 г. Интервью Н.С. Хрущёва корреспонденту ТАСС о переговорах по Берлину.

30 сент. – 4 окт. 1959 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Китае (Пекин) на праздновании 10-летия КНР.

2 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Пекине британского ученого Джона Бернала.

4–7 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв во Владивостоке, выступает на митинге и посещает предприятия.

7 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Иркутске.

8 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Братске.

9 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Красноярске.

10 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Новосибирске и академгородке.

13 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле президента Австрии Адольфа Шерфа и посетил приём в посольстве Австрии.

13 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Болгарского земледельческого союза.

14 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Большом Кремлёвском дворце в честь президента Австрии Адольфа Шерфа.

16 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Франции Мориса Дежана.

16 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ирана А. Масуда-Ансари.

16 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле делегацию женщин-колхозниц и работниц совхозов Рязанской области.

17 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра внешней торговли Италии Дель Во.

19–25 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв с рабочим визитом в Румынии.

27 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии Верховного Совета СССР.

27 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Франции М. Дежана.

31 октября 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на сессии ВС СССР о международном положении.

4 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв дал интервью египетскому издателю Салаху Салему.

4 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на заседании правительства по вопросу выполнения плана 1959 г.

6 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра Ирака Фейсала Ас-Самира.

6 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра внешней торговли Болгарии Райко Дамянова.

6 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв на торжественном заседании в Большом театре по случаю годовщины Революции.

6 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра Ирака

Фейсала Ас-Самира.

6 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра внешней торговли Болгарии Райко Дамянова.

7 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и на приеме в Кремле по случаю годовщины Революции.

9 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв на завтраке в Кремле в честь Иранской делегации.

9 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял министра общественных работ Финляндии К. Клеемола.

10 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Польши Тадеуша Геде.

11 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв осмотрел в Кремле вертолет Ми-4.

12 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале на открытии съезда журналистов.

12 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял Тодора Живкова, 1-го секретаря ЦК компартии Болгарии.

13 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла США Л. Томпсона.

13 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв и др. в Доме архитекторов знакомятся с проектами Дворца советов, гостиницы «Россия» в Зарядье и курорта на мысе Пицунда.

14 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле в честь учреждения Союза журналистов.

23 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде президента Республики Гвинея Секу Туре и дал обед в его честь.

24–25 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв провел на Пицунде совещание о перспективах развития энергетики (без объявления в печати) *[С. Х.]*

27 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв направляет дружеское послание премьер-министру Ирака Абдель Керим Касему.

27 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

27 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв в Филиале Большого театра на концерте бурятских артистов.

28 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв принял принца Йемена Абд ар-Рахмана.

28 ноября 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству.

29 ноября – 7 дек. 1959 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Венгрии (Будапешт). Присутствует на 7-м съезде ВСРП, посещает промышленные предприятия.

1 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв выступает на 7-м съезде Венгерской Социалистической рабочей партии (ВСРП).

8 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв в Мукачеве на Украине,

посещает колхозы.

9 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв во Львове, посещает автобусный парк.

10 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв у крестьян Львовской и Тернопольской областей.

11 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв в Киеве, посещает сельхозпредприятия, Институт автоматики.

13 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

15 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв принял профсоюзную делегацию из США.

15 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Л. Мойсова.

15 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Восточной Германии Р. Деллинга.

16 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ирана А. Масуд-Ансари.

19 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв направил канцлеру Западной Германии Конраду Аденауэру послание по Германскому вопросу.

21 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Польши Болеслава Ящука.

21 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв принял посла Мексики А. Розенцвейг Диаса.

22 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на премьере оперы С. Прокофьева «Война и мир».

23 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском театре на концерте артистов поволжских народов.

22–25 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

25 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв выступил на Пленуме ЦК КПСС о развитии сельского хозяйства.

30 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв отвечает на вопросы директора аргентинской газеты «Кларин» Р. Нобле.

31 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёву вручили медаль «За Трудовую Доблесть».

31 декабря 1959 г. Н.С. Хрущёв дал интервью японским средствам массовой информации.

1960 год

1 января 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на новогоднем приеме в Кремле.

4 января 1960 г. Н.С. Хрущёв отправляет письмо американскому фермеру Росуэллу Гасрсту.

6 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии В.К. Кришна Менона.

6 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял индийского интеллектуала Х.А. Аббаса и поэта Али Сардир Джафри.

6 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

8 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял председателя палаты представителей парламента Бельгии Поля Кронакера.

9 января 1960 г. Н.С. Хрущёв на новогодней ёлке в Кремле.

12 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Бирмы У Чина.

13 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла США Л. Томпсона.

14 января 1960 г. Н.С. Хрущёв докладывает сессии Верховного Совета СССР о сокращении вооруженных сил.

15 января 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на сессии Верховного Совета СССР с заключительным словом.

15 января 1960 г. Н.С. Хрущёву вручили медаль Всемирного Совета Мира.

16 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял лидера профсоюзов Югославии Светозара Вукмановича-Темпо.

18 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Западной Германии Г. Кролля.

28 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял советских государственных деятелей во главе с Д.С. Полянским, главой правительства РСФСР, отъезжающих в США.

28 января 1960 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале на открытии Московской городской партконференции.

29 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла Франции Мориса Дежани.

29 января 1960 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на вечере, посвященном 100-летию А.П. Чехова.

30 января 1960 г. Н.С. Хрущёв направил ответное письмо английскому профессору С.Ф. Пауэллу, в котором высказался по проблеме разоружения.

30 января 1960 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы директора французского журнала «Оризон» Пьера Кота.

30 января 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Румынской

рабочей партии во главе с Георге Георгиу-Дежем.

1 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Таиланда Мануа Аматьякула.

1 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индонезии А.А. Марамиса.

2–4 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв на совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран по обмену опытом в области сельского хозяйства (в Москве).

2 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв в Колонном зале на открытии 15-й Московской областной партконференции.

3 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Болгарской компартии во главе с Тодором Живковым.

3 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Венгерской социалистической рабочей партии во главе с Яношем Кадаром.

4 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв участвует в совещании Политического консультативного комитета стран – участниц Варшавского договора и подписывает декларацию.

4 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял польских лидеров В. Гомулку и Ю. Циранкевича.

4 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на приёме в честь участников совещания Политического консультативного комитета.

5 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию ГДР во главе с В. Ульбрихтом и О. Гротеволем.

5 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Албании во главе с Э. Ходжей и Мехметом Шеху.

5 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию КНДР (Северной Кореи) во главе с Ким Ир Сеном.

5 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Монголии во главе с Ю. Цеденбалом.

5 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию общественных деятелей Сицилии.

6 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв встретил на Внуковском аэропорту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, вернувшегося из официального визита в Индию и Непал.

6 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял в Кремле президента Италии Джованни Гронки.

6 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял заместителя генсекретаря Всеобщей итальянской конференции труда Фернандо Санти.

7 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в воскресенье президента Италии Джованни Гронки на даче в Ново-Огареве.

Они отобедали в кругу семьи Н.С. Хрущёва.

7 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв, Дж. Гронки и другие в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

8 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв участвует в переговорах с Дж. Гронки, присутствует на данном Дж. Гронки завтраке и выступает на приёме в посольстве Италии.

8 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял представителя США в ООН Генри Кэбота Лоджа.

9 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Франции М. Дежана.

9 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв участвует в похоронах академика И.В. Курчатова на Красной площади в Москве.

9 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв ведёт в Кремле переговоры с Дж. Гронки и присутствует при подписании советско-итальянского культурного соглашения.

9 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на приёме в Большом Кремлёвском дворце в честь Дж. Гронки.

11–15 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Индии (Дели, Сураггарх, Бхилан, Калькутта).

16–18 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Бирме (Рангун).

18–29 февраля 1960 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Индонезии (Джакарта, Богор, Бандунг, Джокьякарта, Сурабая, О. Бали, Богор, Джакарта).

1 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв в Калькутте (Индия).

2–5 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Афганистане (Кабул).

5 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге во Дворце спорта в Лужниках по итогам поездки в Юго-Восточную Азию.

7 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв принял Ж. Шабан-Дельмаса, председателя национального собрания Франции.

8 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв принял мэра Сан-Франциско, США, Джорджа Кристофера.

8 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Большом Кремлёвском дворце в честь 50-летия Международного женского дня.

8 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на торжественном заседании по случаю 50-летия Международного женского дня.

22 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ганы Дж. Б. Элиота.

22 марта 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Эфиопии Г. Тесемма.

23 марта – 2 апр.1960 г. Визит Н.С. Хрущёва во Францию (Париж, Бордо, Ним в Провансе, Марсель, Дижон, Верден, Реймс,

Руан, Лилль, Париж, Рамбуйе, Версаль, Рамбуйе, Париж).

4 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге во Дворце спорта в Лужниках по итогам визита во Францию.

6 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в честь учреждения Союза композиторов России.

7 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на VI съезде профсоюза горняков.

7 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв на концерте в Кремлёвском театре.

12–13 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв совещается в Ялте с маршалом Р.Я. Малиновским и др. министрами, с генеральным конструктором В.Н. Челомеем и др. учеными по вопросам освоения космоса (без объявления в печати) *[С. Х.]*.

20 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде премьер-министра Новой Зеландии Уолтера Нэша и дал обед в его честь.

23 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв в Тбилиси, где он сделал остановку по пути в Баку.

24–27 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Баку на торжествах по случаю 40-летия советского Азербайджана, а также посещает нефтяные вышки в Каспийском море (Нефтяные Камни) и предприятия Сумгаита.

29 апреля 1960 г. Н.С. Хрущёв в Харькове на Турбинном заводе, проводит совещание в Совнархозе.

1 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея по случаю Первомая.

2 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту президента Чехословакии Антонина Новотного.

3 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв принимает в Кремле президента Чехословакии Антонина Новотного, ведет с ним переговоры и даёт завтрак в его честь.

3 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв и А. Новотный выступают на открытии Чехословацкой выставки.

3 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Франции Мориса Дежана.

3 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Чехословакии.

4 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв провожает А. Новотного во Внуковском аэропорту.

4 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

5 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на сессии Верховного Совета СССР об отмене налогов с граждан и сообщает о сбитии под Свердловском (Екатеринбургом) американского шпионского самолета У-2.

6 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию парламента Ганы.

6 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв принял главу парламента Монголии Ж. Самбу.

7 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на сессии Верховного Совета СССР о внешней политике.

9 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв во Дворце спорта в Лужниках на заседании по случаю 15-летия победы под Германией.

9 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в посольстве Чехословакии и ведет там же переговоры с послом США Л. Томпсоном.

10 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв принял министра земледелия Японии Такео Фукуда и ассоциации рыбопромышленников Тацуносуке Такасаки.

11 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв дал пресс-конференцию в связи со сбитием американского шпионского самолета У-2.

13 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Афганистана Мухаммеда Дауда.

14–18 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв в Париже на встрече глав СССР, США, Франции и Англии.

19 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв прибывает в Берлин.

20 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Берлине.

21 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

22 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв и др. во Дворце спорта в Лужниках на выступлении австрийских артистов «Айс Ревью».

24 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском театре на концерте польских артистов.

27 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв принял группу парламентариев Австрии.

28 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на собрании ударников труда.

31 мая 1960 г. Н.С. Хрущёв ответил на обращение О. Пауэрса, отца американского пилота-шпиона Френсиса Гарри Пауэрса.

1 июня 1960 г. Интервью Н.С. Хрущёва корреспонденту газеты «Известия» по поводу срыва совещания в верхах в Париже.

1 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв и др. посетили в Манеже выставку художников России.

1 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв и др. посетили в Музее изобразительных искусств выставку художников Николая и Святослава Рерихов.

2 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв направил главам правительств всех стран предложения о разоружении.

2 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв посетил в Политехническом музее Британскую выставку «Пластические массы в промышленности».

3 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв принял министра экономики Кубы Антонио Нуньеса Хименеса.

3 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв дал пресс-конференцию в Кремле.

4 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопрос корреспондента газеты «Правда» о взаимоотношениях с США.

10 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде лидера партии либералов Греции С. Венизелоса.

11 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв осматривает туристские базы на мысе Пицунда в Абхазии.

13 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв направил ответное письмо британскому канонику Л. Джону Коллинсу по вопросу разоружения.

18 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв осмотрел на Внуковском аэродроме новый пассажирский самолет Ан-24.

18–27 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв присутствует и выступает (22 мая) на III съезде Румынской рабочей партии в Бухаресте.

19 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии советской выставки в Бухаресте.

25 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Бухаресте на городском митинге.

27 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

27 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв осмотрел в аэропорту Внуково новый пассажирский самолёт Ту-124 и вертолёт Ми-1.

27 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв направил премьер-министру Великобритании Гарольду Макмиллану, президенту Франции Шарлю де Голлю и президенту США Дуайту Эйзенхауэру письмо о ходе работы Комитета 10 стран по разоружению.

28 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв принял генерального секретаря компартии Италии Пальмиро Тольятти.

28 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в честь выпускников военных академий.

28 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв направляет премьер-министру Турции Джемалю Гюрилю послание по вопросу улучшения отношений между двумя странами.

29 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв принял председателя единой демократической левой партии Греции И. Пасалидиса.

29 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв принял Президента Республики Индия Радженда Прасада и посетил данный им в Большом Кремлёвском дворце приём.

29 июня 1960 г. Н.С. Хрущёв принял министра финансов Индии Морарджи Десай.

30 июня – 8 июля 1960 г. Визит Н.С. Хрущёва в Австрию (Вена, Линц, Зальбург, Клагенфурт, Вена).

9 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на

Всероссийском съезде учителей.

9 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле министра правительства Индонезии Р.Х. Джуанду Картавиджайо.

12 июля 1960 г. Пресс-конференция Н.С. Хрущёва в Кремле.

12 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию парламента Боливии.

12 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Национального профсоюза моряков США.

13–16 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

14 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв осмотрел в Московском Северном речном порту суда на подводных крыльях типа «Метеор».

17 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв на встрече с творческой интеллигенцией на бывшей даче Сталина «Семёновское» под Москвой.

18 июля 1960 г. Н.С. Хрущёву в Кремле показывают новый автомобиль «Запорожец».

18 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв осматривает типовые крестьянские дома в деревне Усово под Москвой.

18 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв принял министра обороны Кубы Рауля Кастро.

19 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв на строительстве Московской кольцевой дороги в районе пересечения с Ново-Рязанским шоссе.

20–21 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв в Капустином Яру, где демонстрируют последние образцы ракетного и авиационного вооружения (без объявления в печати) *[С. Х.]*.

23 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв направил послание президенту Франции Шарлю де Голлю, премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану и премьер-министру Канады Дж. Дифенбейкеру по вопросам разоружения.

21–23 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв в Сталинграде, на предприятиях и полях области.

25–27 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв в Астрахани, на вертолете осматривает дельту Волги на предмет ее хозяйственного освоения и посещает предприятия.

28 июля 1960 г. Н.С. Хрущёв в Киеве.

4 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв направил послание премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану в связи с ростом напряжённости, вызванной полётами американских разведывательных самолётов.

5 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв в Ялте принимает правительственную делегацию Ганы.

6 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв направил ответ

западногерманскому гражданину Г. Шмидту с ответом на его вопрос о будущем Берлина.

9 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы корреспондента газеты «Правда» по проблеме разоружения.

16 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте генерального секретаря компартии Франции Мориса Тореза.

18 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте посла Ирана Тахмураса Адамийата.

27 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв в селе Калиновка Курской области.

29 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле председателя Социалистической партии Японии М. Судзуки.

30 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв и Янош Кадар выступают на открытии Венгерской промышленной выставки в парке им. Горького в Москве.

31 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв на японской промышленной выставке в парке Сокольники в Москве.

2–4 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Финляндии на 60-летии президента Урхо Кекконена.

5 августа 1960 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

6 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту президента Гвинейской Республики Секу Туре.

6 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв в Кремлёвском театре на концерте артистов Северной Осетии.

7 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле Секу Туре и дал завтрак в его честь.

7 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Большом Кремлёвском дворце в честь вице-президента ОАР (Египта) Нурэд Дина Кахали.

8 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла США Л. Томпсона.

8 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв посетил Посольство ГДР в связи с кончиной президента Вильгельма Пика.

8 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв провожает Секу Туре во Внуковском аэропорту.

10 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв отбывает из Москвы в Калининград, откуда на борту турботеплохода «Балтика» направился в Нью-Йорк на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

12 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы профессора Гарвардского университета (США) Р. Смита, пригласившего его выступить с лекцией. (Правительство США запретило Н.С. Хрущёву выезд за пределы ограниченной зоны в Нью-Йорке.)

13 сентября 1960 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы редактора английской газеты «Дейли Экспресс» о положении в Конго.

19 сент. – 13 окт. 1960 г. Н.С. Хрущёв на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, посвященной деколонизации, выступает неоднократно, встречается с главами других государств.

8 октября 1960 г. Пресс-конференция Н.С. Хрущёва в здании ООН.

9 октября 1960 г. Выступление Н.С. Хрущёва по американскому телевидению.

14 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

18 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла Западной Германии Г. Кролля.

20 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге во Дворце спорта в Лужниках об итогах XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

22 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Республики Гана.

21 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв направил руководителям Исполкома Международной женской лиги Э. Зейтхен и Э. Саймон ответное письмо о прекращении испытаний ядерного оружия.

22 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв дал интервью журналистам Кубы.

23 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв во Дворце спорта в Лужниках на выступлении американской балетной группы Лючии Чейз и Оливера Смита.

24 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию профсоюза транспортных рабочих Англии.

25 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ирана А. Масуд-Ансари.

25 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии ВС РСФСР.

26 октября 1960 г. Н.С. Хрущёв направляет послание президенту Мексики Адольфу Лопесу Матеусу по вопросам улучшения двусторонних отношений.

5 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Канады Д. Джонсона.

5 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту делегацию Китая во главе с зам. председателя КНР Лю Шаоци и генеральным секретарём ЦК КПК Дэн Сяопином.

6 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв на торжественном заседании в Большом театре по случаю годовщины Революции.

6 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Китая во

главе с зам. председателя ЦК КПК Лю Шаоци.

7 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и приеме в Кремле по случаю годовщины Революции.

8 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв на концерте в Большом театре.

8–30 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял участие в совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве.

12 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв и др. слушают в Большом театре оперу Г. Майбороды «Арсенал» в исполнении артистов Киевского театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко.

14 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве Кубы в честь Эрнесто Че Гевары.

15 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

16 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв и др. во Дворце спорта в Лужниках на концерте украинских артистов.

17 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Университета Дружбы народов в Москве.

18 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на балете В. Гомоляки «Чёрное золото» в исполнении артистов Киевского театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко.

19 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв направляет благодарность американскому художнику Рокуэллу Кенту, подарившему советскому музею собрание своих картин.

19 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв на вечере в Большом театре в связи с 50-летием со дня смерти Льва Толстого.

20 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв и Вальтер Ульбрихт в Большом театре на опере Г. Жуковского «Первая весна» в исполнении Киевского театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко.

21 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял президента Вьетнама Хо Ши Мина.

21 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв встретил на Ленинградском вокзале, а затем принял президента Финляндии У.К. Кекконена, дал в его честь обед.

21 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле миссию доброй воли Марокко во главе с бывшим премьер-министром Ахмедом Балафреджем.

22 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Египта Мохаммеда А. эль-Куни.

22 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы корреспондента газеты «Правда» по вопросам внешней политики.

22 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв в посольстве Финляндии на завтраке в честь У.К. Кекконена, а затем проводит с ним переговоры в Кремле.

22 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв и У.К. Кекконен

в Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко на балете А. Адана и Б. Делуба «Корсар».

23 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в посольстве Финляндии на завтраке в честь У.К. Кекконена, а вечером присутствует там же на приёме.

23 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв на концерте украинских артистов в Большом театре.

24 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв проводит в Кремле переговоры с У.К. Кекконеном, даёт в Кремле приём в его честь, а вечером провожает У.К. Кекконена на Ленинградском вокзале.

25 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на приеме в честь участников декады украинского искусства в Москве.

25 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв в Манеже на выставке украинских художников.

25 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял Анибала Эскаланте, представителя Народно-социалистической партии Кубы.

26 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию Марокко.

26 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял 1-го секретаря Польской объединённой рабочей партии (ПОРП) Владислава Гомулку.

28 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял в Кремле главу Камбоджи Нородома Сианука.

28 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв и Нородом Сианук в Большом театре на балете Б.В. Асафьева «Бахчисарайский фонтан».

29 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на завтраке в честь Нородома Сианука, проводит с ним переговоры, а вечером присутствует в посольстве на данном Нородомом Сиануком приёме.

29 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял главу компартии Бразилии Луиса Карлоса Престеса.

30 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв принял председателя Госсовета ГДР Вальтера Ульбрихта.

30 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв, Ф.Р. Козлов и М.А. Суслов приняли Лю Шаоци, Дэн Сяопина и Пын Чженя, представителей Китая.

30 ноября 1960 г. Н.С. Хрущёв в Кремлёвском Дворце съездов на митинге советско-камбоджийской дружбы, а затем выступает на приёме в Кремле в честь Нородома Сианука.

2 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял генерального секретаря компартии Франции Мориса Тореза.

2 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства

Монголии Ю. Цеденбала.

2 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Болгарии во главе с Тодором Живковым.

2 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию КНДР (Северной Кореи) во главе с главой правительства Ким Ир Сеном.

2 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв на обеде в Кремле в честь участников совещания представителей коммунистических и рабочих партий.

2 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском театре на балете Л. Делиба «Коппелия» в исполнении артистов Кубы.

7 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв во Дворце спорта в Лужниках на митинге советско-китайской дружбы.

7 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял председателя КНР Лю Шаоци.

7 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял вице-президента Египта Абделя Хакима Амера.

19 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял главу экономической комиссии Кубы Эрнесто Че Гевару, а затем присутствует в Кремле в его честь.

19 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-кубинского коммюнике.

19 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ирана М.-Ансари.

20 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии Верховного Совета СССР.

21 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв направляет ответ основателю Пагуошского движения против ядерного оружия канадско-американскому миллиардеру Сайрусу Итону по вопросу разоружения.

23 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв на заключительном заседании сессии Верховного Совета СССР.

26 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв на открытии сессии Верховного Совета Российской Федерации.

26 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Великобритании Ф. Робертса.

27 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв принял посла Австрии Г. Хаймерле.

27 декабря 1960 г. Н.С. Хрущёв сделал заявление по поводу декларации Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

1961 год

1 января 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на новогоднем приеме в Кремле.

2 января 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в посольстве Кубы в Москве на приеме в честь 3-й годовщины революции.

3 января 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию правительства Индонезии, во главе с министром обороны А.Х. Насутионом и министром иностранных дел д-ром Субандрио.

3 января 1961 г. Н.С. Хрущёв вместе с его первой учительницей из села Калиновка Лидией Михайловной Шевченко на новогодней елке в Кремле.

4 января 1961 г. Н.С. Хрущёв принял министра природных ресурсов Пакистана Зульфикара А.Х. Бхутто.

4 января 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Исландии Пьетура Торстейнссона.

6 января 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает перед работниками Академии общественных наук и др. подобных учреждений в Кремле с докладом об итогах совещания компартий.

6 января 1961 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Кремле в честь делегации Индонезии.

7 января 1961 г. Н.С. Хрущёв направил послание премьер-министру Лаоса принцу Суванна Фума о мерах по прекращению боевых действий враждующих сторон в Лаосе.

9 января 1961 г. Н.С. Хрущёв направил послание премьер-министру Камбоджи принцу Нородому Сианука и премьер-министру Вьетнама Фам Ван Донгу о мерах по прекращению боевых действий в Лаосе.

10–18 января 1961 г. Н.С. Хрущёв участвует в работе Пленума ЦК КПСС.

10 января 1961 г. Н.С. Хрущёв принял деятелей культуры Эквадора.

13 января 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

17 января 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК КПСС о повышении благосостояния народа.

17 января 1961 г. Н.С. Хрущёв на молодёжном самодеятельном концерте в Большом театре.

18 января 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию общества Япония – СССР во главе с членом парламента С. Мацумото.

19 января 1961 г. Н.С. Хрущёв на спектакле Оскара Уайльда «Как важно быть серьёзным» английской драматической труппы «Олд-Вик».

21 января 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла США Л. Томпсона.

23 января 1961 г. Н.С. Хрущёв и др. на выставке текстильных товаров.

24–28 января 1961 г. Н.С. Хрущёв в Киеве участвует в работе Пленума Украинской компартии, посещает метрополитен и концерт в киевском Дворце спорта, в театре им. И. Франко на пьесе А. Корнейчука «Над Днепром».

25 января 1961 г. Заявление Н.С. Хрущёва об итогах совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 г.

28 января 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК Компартии Украины.

30 января – 1 фев.1961 г. Н.С. Хрущёв в Ростове-на-Дону выступает на совещании работников сельского хозяйства Северного Кавказа (ездит по колхозам).

2 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв и К.Е. Ворошилов в Ростове-на-Дону посещают выставки сельскохозяйственной техники.

3–8 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв в Тбилиси на совещании работников сельского хозяйства Закавказья, выступает 7 февраля, посещает колхозы в Кахетии.

7 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв на выставке машин, предназначенных для работы на виноградных и чайных плантациях.

8 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв направил американскому издателю Норману Казинсу письмо о ядерном разоружении.

9–11 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв в Воронеже, 11 февраля выступает на совещании работников сельского хозяйства Центрально-Черноземной зоны.

12 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

13 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Туниса Ахмеда Местири.

13 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Египта Мохаммеда А. аль-Куни.

13 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Китая.

14 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Турции Фахру Курутюрка.

18 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял председателя Совета планирования Индонезии министра Мохаммеда Ямина.

21–23 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на совещании аграриев Российской Федерации.

21 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Л.И. Брежнева, вернувшегося из поездки по странам Африки.

22 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв направил послание премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру об обуздании гражданской войны в Конго.

23 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на собрании работников сельского хозяйства Центра России.

23 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на концерте.

25 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв посетил в Москве почетного председателя компартии США У. Фостера в связи с его 80-летием.

25 февраля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства ГДР Отто Гротеволя.

28 февр. – 3 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв в Свердловске, 2 марта выступает на совещании работников сельского хозяйства Урала.

4 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кургане, вручает области орден Ленина.

5–8 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв в Новосибирске на выставке сельскохозяйственной техники, принимает участие в совещании аграриев Сибири.

8 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Новосибирске на совещании работников сельского хозяйства Сибири.

9 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Новосибирске посла США Л. Томпсона.

10 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв в сибирском Академгородке.

12–16 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв в Акмолинске (Астана), Казахстан, на совещании работников сельского хозяйства Целинного края, выступает 14 марта.

17–21 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв в Алма-Ате на совещании работников сельского хозяйства Казахстана, выступает 21 марта.

18–19 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв встречается в Алма-Ате в Академии наук с учеными-геологами Казахстана и со строителями сельских районов.

21 марта 1961 г. Н.С. Хрущёву вручают в Алма-Ате медаль «За освоение целинных земель».

24 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

27 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

27 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Румынии во главе с Г. Георгиу-Дежем.

28 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял Яноша Кадара и Ференца Мюнниха (Венгрия).

28 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв участвует и выступает на заседании в Москве Политического консультативного комитета

Варшавского договора.

30 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял А. Новотного, В. Широкого и О. Шимуника (Чехословакия).

30 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Болгарии во главе с Т. Живковым.

30 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Монголии во главе с Ю. Цеденбалом.

30 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию КНДР (Северной Кореи) во главе с министром обороны Ким Гван Хёбом.

30 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв на обеде в честь участников совещания.

31 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию ГДР во главе с В. Ульбрихтом.

31 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Цейлона Феликса Р. Диаса Бандаранаике.

31 марта 1961 г. Н.С. Хрущёв принял главнокомандующего Вооруженными Силами Бирмы генерала Не Вина.

1 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла США Л. Томпсона.

1 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на завтраке в честь генерала Не Вина.

4 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту премьер-министра Афганистана Мухаммеда Дауда.

4 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Китая во главе с министром торговли Е. Цзичуаном.

5 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Афганистана Сардар Мухаммед Дауда, провел с ним переговоры и дал в его честь завтрак.

5 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв и др. на ВДНХ осматривают проекты мощных тепловых электростанций.

5 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв и др. в Музее русской архитектуры знакомятся с проектами Всемирной выставки в Москве 1967 г.

5 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв и др. в мастерской скульптора Л.Е. Кербеля осматривают модель памятника Карлу Марксу в Москве.

7 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял британского ученого Джона Бернала.

7 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Афганистана С.М. Дауда и посетил в посольстве Афганистана завтрак в его честь.

7 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял парламентскую делегацию Ливии.

7 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремлёвском театре на спектакле С. Алёшина «Всё остаётся людям» Ленинградского

театра драмы им. А.С. Пушкина.

10 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв на Пицунде дал интервью американскому журналисту Уолтеру Липпману.

12 апреля 1961 г. Разговор по телефону Н.С. Хрущёва и Ю.А. Гагарина после завершения космического полета.

14 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв встречает Юрия Гагарина на Внуковском аэродроме, выступает на митинге в его честь на Красной площади и на приеме в Кремле.

17 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв направил президенту США Д. Кеннеди послание в связи с вооружённым вторжением на Кубу.

18 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде премьер-министра Лаоса Суванна Фума и дал в его честь завтрак.

22 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв направил Президенту США Д. Кеннеди послание в связи с нападением на Кубу.

24 апреля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде посла ФРГ (Западной Германии) Г. Кролля.

1 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея по случаю Первомая.

3 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял парламентариев Египта во главе с Анваром Садатом.

3 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял главу торговой делегации Бразилии Леао де Маура.

4 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию молодежи Кубы.

5–10 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв в Армении на праздновании 40-летия установления Советской власти, 6-го выступает в Ереване, 8-го посещает Бюраканскую обсерваторию академика Амбарцумяна, 9-го посещает колхозы в Араратской долине, 10-го в Кировакане.

11–14 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв в Тбилиси на праздновании 40-летия установления Советской власти в Грузии, 12-го выступает в Тбилиси, 13-го на электровозостроительном заводе, 14-го в Телави (Кахетия).

17 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле председателя Высшего совещательного совета Индонезии Руслана Абдулгани.

18 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии III Всесоюзного съезда архитекторов.

18 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв на концерте Ансамбля танца Кубы.

19 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв в Сокольниках на открытии Британской торгово-промышленной выставки.

19 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском театре на концерте по случаю пленума Союза композиторов России.

20 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял индийского

промышленника Г.Д. Бирла.

20 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Министерстве внешней торговли СССР в честь представителей английских деловых кругов.

22 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял генерального прокурора Индии М.К. Сеталвада.

23 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв и Е.А. Фурцева во Дворце спорта в Лужниках на представлении американской балетной группы «Айс Капейдс».

24 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту премьер-министра Сомали Абдурашида Али Шермарка.

25 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии В.К. Кришна Менона.

25 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле премьер-министра Сомали Абдурашида Али Шермарка и провёл переговоры. Дал в его честь завтрак.

25 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Кумар (Кришна) Падма Шивашанкара Менона.

25 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв и А. Шермарк в Большом театре на одноактных балетах «Шопениана», «Паганини» и «Ночной город» (музыка Б. Бартога).

26 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию парламента Боливии.

27 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Индонезии во главе с председателем партии Д.Н. Айдитом и дал обед в их честь.

27 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв отбыл из Москвы поездом в Вену на встречу с президентом США Джоном Ф. Кеннеди.

28–30 мая 1961 г. Н.С. Хрущёв в Киеве и на могиле поэта Т.Г. Шевченко в Каневе, на строительстве Киевской ГЭС в Вышгороде.

31 мая – 2 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв в Чехословакии (Братислава), ведёт переговоры с президентом А. Новотным.

2–4 июня 1961 г. Переговоры Н.С. Хрущёва и Д.Ф. Кеннеди в Вене.

4 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв дал приём в честь президента Австрии А. Шерфа.

5 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

6 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Лаоса принца Суванна Фума и принца Суфанувонга.

6 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв встретился с президентом Индонезии Ахметом Сукарно, поздравил его с 60-летием, провел переговоры и участвовал в протокольных мероприятиях.

6–8 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв и Сукарно в Ленинграде.

9 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле президента Сукарно.

9 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв принял экономическую миссию Нигерии.

10 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Кремле по случаю визита президента Индонезии Сукарно.

10 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Большом Кремлёвском дворце на приёме в честь президента Сукарно.

11 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв и Сукарно на стадионе в Лужниках на футбольном матче, а затем в театре оперетты на оперетте Юрия Милютина «Москва-Черемушки».

12 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии Всесоюзного совещания научных работников.

12 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту президента Сукарно.

14 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в честь советских ученых.

15 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает по радио и телевидению об итогах встречи с президентом США Д. Кеннеди.

15 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв встречается во Внуковском аэропорту с президентом Сукарно во время его остановки по пути из Югославии на родину.

17 июня 1961 г. Н.С. Хрущёва наградили за помощь в осуществлении космических полетов (вместе с 6924 участниками этих работ) третьей золотой медалью «Серп и Молот» и орденом Ленина.

19 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв докладывает однодневному Пленуму ЦК КПСС «О проекте программы КПСС».

20 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ирана Абдель Вахаб Махмуда.

21 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на собрании по случаю 20-й годовщины нападения Германии на СССР.

22–25 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв в Алма-Ате принимает участие в торжествах по случаю 40-летия Казахстана, выступает на сессии Верховного Совета Республики и на общегородском митинге в Алма-Ате.

26 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

26 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту премьер-министра Вьетнама Фам Ван Донга.

27 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв принимает в Кремле премьер-министра Вьетнама Фам Ван Донга, ведет с ним переговоры и даёт в его честь завтрак.

28 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Большом Кремлёвском дворце по случаю визита Фам Ван Донга.

29 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту и принимает в Кремле главу правительства КНДР (Северной Кореи) Ким Ир Сена и ведёт с ним преговоры.

30 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле заместителя премьер-министра Лаоса принца Суфанувонга.

30 июня 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле делегацию КНДР (Корейской Народно-Демократической Республики) во главе с Ким Ир Сеном и дал в их честь завтрак.

2 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв на премьере Королевского балета Великобритании в Большом театре, балет «Ундина» на музыку Г.В. Генце.

3 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Вьетнама Фам Ван Донга и выступил на приёме в посольстве Вьетнама в его честь.

3 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял принца Лаоса Суфанувонга.

4 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на Всесоюзном совещании работников Высшей школы.

4 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв выступил на приёме, данном Советским правительством в честь Фам Ван Донга.

4 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв на приеме в посольстве США.

5 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на завтраке в честь министра иностранных дел Китая Чень И.

5 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв провожает Фам Ван Донга в аэропорту Внуково.

5 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в посольстве Северной Кореи в честь Ким Ир Сена.

6 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв и Ким Ир Сен подписывают в Кремле договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНДР.

6 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Кремле, а затем там же на приёме по случаю визита Ким Ир Сена.

7 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле в честь работников Высшей школы.

7 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв провожает Ким Ир Сена в аэропорту Внуково.

8 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле по случаю выпуска военных академий.

8 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял секретаря по иностранным делам Югославии Коча Поповича.

9 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв в Тушине на Воздушном параде.

10 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту президента Республики Гана Кваме Нкрума.

11 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле президента

Ганы Кваме Нкрума, провел с ним переговоры и дал в его честь завтрак.

11 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Субимата Датта.

22 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде премьер-министра Судана Ибрагима Аббуда и дал в его честь обед.

23 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде главу компартии Франции Мориса Тореза и руководителя Болгарии Тодора Живкова.

26 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде помощника президента США по вопросам разоружения Джона Макклоя.

27 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде премьер-министра Вьетнама Фам Ван Донга.

28 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв по дороге в Москву объехал поля Кубани и Дона.

29 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв посещает поля во время остановки на станции Лозовая на Украине.

31 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв встретил на Киевском вокзале, а затем принял в Кремле делегацию Румынии во главе с Георгием Георгиу-Дежем.

31 июля 1961 г. Н.С. Хрущёв принял послов африканских стран.

1 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв дал в Кремле завтрак в честь делегации Румынии и провёл с ними переговоры.

2 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял в Кремле премьер-министра Италии Аминаторе Фанфани.

2 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв дал обед в Большом Кремлёвском дворце в честь Аминаторе Фанфани.

2–3 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв участвует в совещании первых секретарей Центральных комитетов партий стран – участниц Варшавского договора.

3 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает во Дворце спорта в Москве, в Лужниках, на митинге по случаю заседания Всемирного форума молодежи.

3 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв присутствует в посольстве Италии на завтраке в честь Аминаторе Фанфани, а затем ведёт с ним переговоры в Кремле.

3 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту Аминаторе Фанфани.

5 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв принял госсекретаря по иностранным делам Туниса Садока Мокаддема.

7 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв говорил по телефону с космонавтом Германом Титовым после его приземления.

7 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв выступил по радио и телевидению в связи с обстановкой в Германии (возведение стены между Западом и Востоком).

7 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Аргентины Сесара Х. Барроса Уртрадо.

7 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Марокко Башир Бен Аббеса.

7 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Л. Мойсова.

Начало августа 1961 г. Н.С. Хрущёв проводит совещание атомщиков в Кремле, где принимают решение о возобновлении испытания ядерного оружия (без объявления в прессе) *[С. Х.]*.

8 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв принял французского парламентария Раймона Шмитлэна.

9 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту, выступает на митинге на Красной площади и на приеме в Кремле в честь космонавта-2 Германа Титова.

10 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Бразилии во главе с вице-президентом Жоао Гулартом.

10 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв на строительстве здания Дворца съездов в Кремле.

10 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле делегацию компартии Франции и дал в их честь обед.

10 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Румынии, данном в честь румынской делегации.

11 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв и Георге Георгиу-Деж подписали в Кремле советско-румынское коммюнике.

11 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на митинге по случаю визита в СССР делегации Румынии, а затем на приёме в Большом Кремлёвском дворце.

12 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту делегацию Румынии во главе с Георге Георгиу-Дежем.

14 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв проводит в Киеве совещание секретарей обкомов (региональных лидеров) Украины.

24 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв дал интервью на Пицунде (Абхазия) американскому журналисту Дрю Пирсону.

25 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв направил дружеское послание президенту Бразилии Жанио да Сильва Куадросу.

27 и 29 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв дважды принял в Ялте президента Ганы Кваме Нкрума.

31 августа 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте членов английского парламента сэра Л. Пламмера и К. Зиллиакуса.

4 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял Мориса Тореза, генерального секретаря компартии Франции.

4 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв посетил в Москве выставку Франции.

5 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв в Москве у гроба председателя национального комитета компартии США Уильяма З. Фостера.

6 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял в Кремле премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, провел с ним переговоры и дал в его честь обед.

6 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту президента Республики Гана Кваме Нкрума.

6–9 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял неоднократно Джавахарлала Неру и Кваме Нкрума, вручивших ему письмо глав государств неприсоединившихся стран, имел с ними несколько бесед.

7 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв дал интервью обозревателю «Нью-Йорк таймс» Сайрусу Сульцбергеру.

7 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв в посольстве Индии на завтраке в честь Д. Неру.

7 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле Д. Неру и провёл с ним переговоры.

7 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв и Д. Неру в Большом театре на балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта».

8 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв ведёт переговоры, выступает в Кремле на митинге и приёме по случаю визита Д. Неру.

9 сентября 1961 г. Заявление Н.С. Хрущёва по вопросу возобновлению ядерных испытаний и их негативного воздействия на окружающую среду.

9 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту Д. Неру.

10 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв в Сталинграде выступает на открытии Волжской ГЭС им. XXII съезда КПСС.

14 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Туниса Ахмеда Местири.

14 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Республики Мали Мамаду Фалнала Кейта.

14 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Гвинеи Сори Каба.

14 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Японии Х. Ямада.

15 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял французского парламентария Поля Рейно.

16 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв направил премьер-министру Индии Д. Неру письмо в связи с началом ядерных испытаний.

16 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию

Ирака.

16 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Индонезии Субандрио.

16 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял президента Кубы Освальдо Дортикоса.

18 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Афганистана Мухаммеда Наима и дал в его честь завтрак.

19 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Республики Конго (Браззавиль) во главе с министром Моссаба Добба.

19 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Бельгии Поля Спаака.

20 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы корреспондентов газет «Правда» и «Известия».

20 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании советско-кубинского коммюнике и на обеде в Большом Кремлёвском дворце, выступает в Кремле на митинге по случаю визита Освальдо Дортикоса, президента Кубы.

21 сентября 1961 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту Освальдо Дортикоса.

7 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв осматривает здание Дворца съездов в Кремле.

8 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв в Большом Кремлёвском дворце на торжественном вечере его строителей.

9 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Афганистана Абдула Хаким Шахалами.

9 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Египта Мохаммеда Мурат Галеба.

9 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Мексики Адольфо Лопеса Матеоса.

10 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв направил письмо лейбористам – членам английского парламента по вопросу напряжённости вокруг Берлина.

14 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв представляет Пленуму ЦК КПСС проекты докладов съезду КПСС.

17–30 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв участвует в работе XXII съезда КПСС.

17 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв делает отчетный доклад XXII съезду КПСС.

18 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв докладывает XXII съезду КПСС о Программе партии.

23 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту главу китайской делегации на XXII съезде КПСС Чжоу

Эньлая.

24 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв направляет президенту Ганы Кваме Нкрума письмо по вопросу возобновления ядерных испытаний.

27 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на XXII съезде КПСС с заключительным словом.

29 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии памятника Карлу Марксу в Москве.

30 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает при закрытии XXII съезда КПСС. («Наши цели – ясны, задачи – определены! За работу, товарищи!»).

31 октября 1961 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

3 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял президента Международного парламентского союза Д. Кодаччи-Пизанелли.

3 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на выступлении артистов китайского балета.

4 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства Венгрии Яноша Кадара.

4 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял руководителей из Кубы Бласа Рока и Карлоса Родригеса.

5 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял председателя ЦК компартии Индонезии Д.Н. Айдита.

6 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Восточной Германии во главе с Вальтером Ульбрихтом.

6 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском дворце съездов на торжественном собрании по случаю годовщины Революции.

7 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и на приеме в Кремле по случаю годовщины Революции.

9 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял президента Вьетнама Хо Ши Мина.

9 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял председателя руководства компартии Бразилии Луиса Карлоса Престеса.

9 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Западной Германии Г. Кролля.

10–17 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв в Ташкенте, ездит по колхозам и совхозам Голодной степи, посещает институт хлопководства.

16 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Ташкенте на совещании работников сельского хозяйства Средней Азии, Казахстана и Азербайджана.

18–23 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв в Целинограде (Астана). Ездит по полям, посещает институт зернового хозяйства.

22 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Целинограде на

совещании работников сельского хозяйства.

24 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв принял в Новосибирске президента Финляндии У.К. Кекконена.

24–27 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв в Новосибирске, посещает поля Алтайского НИИ сельского хозяйства.

25 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв направляет ответное письмо английскому профессору-физику Джону Берналу по вопросу возобновления ядерных испытаний.

26 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Новосибирске на совещании работников сельского хозяйства Сибири.

28 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв на строительстве Братской ГЭС.

29 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв на стройках Красноярска.

29 ноября 1961 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

1 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Норвегии Х. Ланге.

6 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии Верховного Совета СССР.

9 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на V Всемирном конгрессе профсоюзов.

10 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле в честь делегатов V Всемирного конгресса профсоюзов.

10 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на опере П.И. Чайковского «Чародейка».

14 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле во Дворце съездов на совещании работников сельского хозяйства Центрального, Северо-Западного и Волго-Вятского экономических районов.

14 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии Верховного Совета России (РСФСР).

18 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв принял госсекретаря по иностранным делам Гвинеи Альфа Диалло.

18 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ганы Д.Б. Элиота.

19–23 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв в Киеве, участвует в совещании работников сельского хозяйства, присутствует на концерте украинских артистов.

22 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников сельского хозяйства Украины.

25 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы.

26 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв принял председателя Всеяпонского совета за запрещение ядерного оружия Каору Ясуи.

27 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв принял министра обороны

Марокко Махджуби Ахардана.

27 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Цветина Миятовича.

29 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. Брежнева, вернувшегося из официального визита в Индию.

30 декабря 1961 г. Н.С. Хрущёв принял представителей компартии Финляндии во главе с Вилле Песси.

1962 год

1 января 1962 г. Интервью Н.С. Хрущёва главному редактору японской газеты «Цюбу Ниппон» Минору Ода.

1 января 1962 г. Н.С. Хрущёв выступил на приеме в Кремле по случаю Нового года.

2 января 1962 г. Н.С. Хрущёв ответил австрийскому профессору Гансу Типпигу на вопросы о будущем политическом развитии мира.

10–13 января 1962 г. Н.С. Хрущёв в Минске, ездит по полям, посещает сельскохозяйственную выставку.

12 января 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании работников сельского хозяйства Белоруссии, а затем присутствует на концерте в Минском оперном театре.

13–25 января 1962 г. Н.С. Хрущёв отдыхает в государственной резиденции Беловежская пуща, Белоруссия.

26 января 1962 г. Н.С. Хрущёв принял главу экономической делегации Бирмы У Чина.

7 февраля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде временного поверенного Бразилии Р. Ассумпсао де Аруажо.

10 февраля 1962 г. Н.С. Хрущёв направил послание президенту США Д. Кеннеди и премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану по вопросу работы в Женеве Комитета 18 государств по разоружению.

Февраль 1962 г. Н.С. Хрущёв провел на Пицунде совещание разработчиков ракет и военных с рассмотрением итогов работ и перспектив на будущее, в том числе возможности полета человека на Луну (без публикации в печати) *[С. Х.]*.

16 февраля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде начальника штаба ВВС Индонезии Умара Дани и посла Адама Малика.

19 февраля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде министра торговли Гвинеи Н'Фамара Кейта и посла Сори Каба.

21 февраля 1962 г. Н.С. Хрущёв направил послание президенту США Д. Кеннеди по вопросу эффективной работы Комитета 18 государств по разоружению.

25 февраля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Курске на заводе синтетического волокна.

26 и 27 февраля 1962 г. Н.С. Хрущёв дважды принял руководителя ГДР Вальтера Ульбрихта.

27 февраля 1962 г. Н.С. Хрущёв направил послания: президенту Франции Ш. де Голлю, премьер-министру Швеции Т. Эрландеру, премьер-министру Канады Дж. Дифенбейкеру,

председателю Совета министров Италии А. Фантали, премьер-министру Нигерии Абуба Кару Т. Балева, премьер-министру Индии Д. Неру по вопросу эффективности работы Комитета 18 государств по разоружению.

2 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв посетил Всесоюзную художественную выставку в Манеже.

3 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв принял министра обороны и просвещения Сирии Рашида Бармада.

3 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв направил послание президенту США Д. Кеннеди и премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану с предложениями, как сделать работу Комитета 18 государств эффективнее.

5–9 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

5 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв докладывает Пленуму ЦК КПСС о проблемах сельского хозяйства.

7 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв на концерте в Кремлевском Дворце съездов.

8 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на торжественном заседании по случаю Международного женского дня.

9 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК КПСС с заключительным словом.

16 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на собрании избирателей в ВС СССР Калининского избирательного округа г. Москвы.

20 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв направляет послание президенту США Д. Кеннеди по вопросу изучения и использования космического пространства.

23 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Дании.

25 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на концерте Венской филармонии.

26 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии III съезда композиторов СССР.

27 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на Бюро ЦК КПСС по РСФСР об изменениях в управлении сельским хозяйством.

30 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. осмотрели на ВДНХ новые грузовые автомобили, посетили завод «Прокатдеталь» и Московскую выставку строительной техники.

31 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в честь композиторов СССР.

1 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв присутствует на открытии Второго конкурса музыкантов им. П.И. Чайковского.

2 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв на концерте в Кремлевском Дворце съездов, посвященном III Всесоюзному съезду композиторов (по приглашению Д.Д. Шостаковича).

4 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял польского руководителя, секретаря ЦК ПОРП Зенона Клишко.

7 апреля 1962 г. Ответное послание Н.С. Хрущёва премьер-министру Японии Х. Икэда по вопросу запрещения ядерных испытаний.

12 апреля 1962 г. Ответное послание Н.С. Хрущёва премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану о прекращении ядерных испытаний.

12 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на торжественном собрании по случаю Дня космонавтики.

16 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на открытии XIV съезда комсомола.

16 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Румынии Н. Гуинэ.

19 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв выступил на XIV съезде комсомола.

20 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв дал интервью американскому издателю Гарденеру Коулсу.

20 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Большом Кремлёвском дворце на приёме в честь съезда комсомола.

22 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на торжественном собрании по случаю дня рождения В.И. Ленина.

23 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял участие в работе Пленума ЦК КПСС.

23 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии Верховного Совета СССР.

25 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на сессии Верховного Совета СССР о новой Конституции СССР.

25 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв присутствует на Пленуме ЦК КПСС.

25 апреля 1962 г. Сессия Верховного Совета СССР назначила Н.С. Хрущёва председателем комиссии по выработке новой Конституции СССР.

25 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле председателя Всеяпонской ассоциации рыбопромышленников Тацуносукэ Такасаки.

28 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял руководителей Кубы Остани Сьенфуэгоса и Хоакина Ордоки.

29 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв и А.Н. Косыгин в Клину на комбинате химического волокна.

30 апреля 1962 г. Н.С. Хрущёв посетил в Москве королеву

Бельгии Елизавету, приехавшую на Конкурс Чайковского.

1 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и на приеме в Кремле по случаю Первомая.

3 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв присутствует и выступает на пленуме Ленинградского обкома КПСС.

4 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв на Балтийском судостроительном заводе в Ленинграде.

5 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремлевском Дворце съездов на собрании по случаю 50-летия газеты «Правда».

5 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Кубы Фаурэ Чомона Медиавилья.

6 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле по случаю 50-летия газеты «Правда».

7 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв принял министра земледелия Японии Итиро Коно.

7 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв присутствует на заключительном концерте участников конкурса им. П.И. Чайковского в Большом зале консерватории.

8 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии совещания железнодорожников.

8 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Индонезии во главе с министром иностранных дел Субандрио.

8 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на приеме в честь участников конкурса им. П.И. Чайковского.

9 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. на выставке образцов железнодорожного транспорта.

10 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на совещании железнодорожников.

11 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. на концерте в Кремлевском Дворце съездов.

12 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Ново-Огареве помощника президента США Пьера Селинджера.

14–19 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Болгарии (София, Хасково, Варна, Толбухин, Плевен, София)

20 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

21 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял президента Республики Мали Модибо Кейта, провел с ним переговоры и участвовал в протокольных мероприятиях.

22 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле президента Республики Мали Модибо Кейта и дал в его честь завтрак.

23 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв ведёт переговоры с Модибо Кейта и присутствует на завтраке в Посольстве Мали.

23 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв, Модибо Кейта и другие

в Большом театре на одноактных балетах «Шопениана», «Паганини» и «Ночной город».

25 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв выступил по радио и телевидению по вопросам международных отношений.

26 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв в Моссовете знакомится с проектами реконструкции Москвы и посещает выставку новых отделочных материалов.

27 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв на даче Горки-9 принимает американского пианиста Ван Клиберна.

28 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии выставки Италии в Сокольниках.

29 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв продолжает переговоры с Модибо Кейта, а затем присутствует на приёме, данном малийской стороной.

30 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв и Модибо Кейта подписывают совместное советско-малийское коммюнике и выступают в Кремле на митинге по случаю визита Модибо Кейта в СССР.

30 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв присутствует на приёме в Большом Кремлёвском дворце съездов в честь Модибо Кейта.

31 мая 1962 г. Н.С. Хрущёв провожает Модибо Кейта во Внуковском аэропорту.

1 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Дворца пионеров на Воробьевых горах в Москве.

2 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на митинге дружбы советской и кубинской молодежи.

2 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию Лаоса во главе с генералом Конг Ле.

4 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя ГДР Вальтера Ульбрихта.

4 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию парламента Чехословакии во главе с Зденеком Фирлингером.

4 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял вице-президента Республики Дагомея (после 1975 г. – государство Бенин) Суру-Мигаи Апити.

5 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял в Кремле главу правительства Сенегала Мамаду Диа.

6 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв и другие посетили Всесоюзную выставку одежды, обуви, трикотажных и меховых изделий.

7 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принимает участие и выступает на совещании представителей стран Совета экономической взаимопомощи.

7 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя Польши Владислава Гомулку.

7 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв на приёме, устроенном Министерством внешней торговли СССР в честь министра внешней торговли Италии Луиджи Прети.

8 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял президента Чехословакии Антонина Новотного.

8 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства Венгрии Яноша Кадара.

8 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства Монголии Ю. Цеденбала.

9 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял министра внешней торговли Италии Л. Прети.

11 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Бразилии В.Т. Лейтао да Кунья.

11 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял главу итальянского концерна «Фиат» Витторио Валлета.

12 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял председателя Международного олимпийского комитета Эвери Брендеджа.

12 июня 1962 г. Ответ Н.С. Хрущёва на обращение лейбористов – членов английского парламента по проблеме разоружения.

13 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял председателя Совета министров Сенегала Мамаду Диа и присутствовал на данном Мамаду Диа приёме.

14 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Сейма Польши во главе с Чеславом Выцехом.

14 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв и Мамаду Диа подписали советско-сенегальские документы и выступили на приёме в честь Мамаду Диа в Большом Кремлёвском дворце.

14 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв в Московской консерватории на концерте американского пианиста Вана Клиберна.

15 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв провожает Мамаду Диа во Внуковском аэропорту.

17–24 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв с официальным визитом в Румынии (Бухарест, Онешти, Хунедоара, Крайова, Констанца, Бухарест).

25 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

26 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв направил председателю ЦК коммунистической партии Японии С. Носака письмо о запрещении ядерных испытаний.

27 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на совещании работников сельского хозяйства Российской Федерации.

28 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял в Кремле федерального канцлера

Австрии А. Горбаха.

28 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв, А. Горбах и другие в Большом театре на балете А. Хачатуряна «Спартак».

29 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле канцлера Австрии А. Горбаха и дал в его честь завтрак.

30 июня 1962 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Испании во главе с председателем партии Долорес Ибаррури.

1 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом Кремлёвском Дворце съездов на балете А. Меликова «Легенда о любви» в исполнении ленинградского Кировского театра оперы и балета.

2 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию парламента Югославии во главе с П. Стамболичем.

2 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв выступил по радио и телевидению об итогах визита в Румынию.

3 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял министра вооруженных сил Кубы Рауля Кастро.

3 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв в посольстве Австрии на приёме в честь федерального канцлера Австрии А. Горбаха.

4 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в посольстве Австрии на завтраке в честь Федерального канцлера А. Горбаха.

4 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на приёме в Кремле в честь федерального канцлера Австрии А. Горбаха.

4 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. на приеме в посольстве США.

5 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в Кремле по случаю выпуска военных академий.

5 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту федерального канцлера Австрии А. Горбаха.

5 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял югославскую экономическую делегацию.

8 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв дал обед в честь Кубинской делегации во главе с Раулем Кастро.

10 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир.

10 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял британского каноника Л. Джона Коллинза.

11 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в научно-исследовательском институте сельского хозяйства в Немчиновке под Москвой и на экспериментальной базе «Горки Ленинские».

13 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв дал интервью группе американских журналистов.

13 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Италии К. Странео.

14 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв и А.И. Микоян в Цирке на

Цветном бульваре на представлении Гуандунского цирка из Китая.

16 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Петрозаводске на заводе бумагоделательных машин и строительном комбинате.

17 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Мурманской области на строительстве Борисоглебской ГЭС, горнообогатительном комбинате и у пограничников.

18 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Мурманске в рыбном порту и выступает на городском митинге.

21–23 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв на ученьях Северного флота (Североморск, Архангельск) и на показе новых видов морских вооружений (операция «Касатка»).

21 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв вручает ордена экипажу подводной лодки «Ленинский комсомол» за поход к Северному полюсу.

23 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Архангельске на предприятиях лесной промышленности и выступает на общегородском митинге.

24 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

25 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принимает посла США Л. Томпсона.

25 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на сессии Верховного Совета РСФСР.

26 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял главу правительства Монголии Ю. Цеденбала.

26 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Республики Мали Мамаду Кейта.

26 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Марокко Башира Бен Аббаса.

26 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Сирии Рафика Аша.

27 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв объехал на машине поля в Тульской и Орловской областях и посетил разрез Курской магнитной аномалии в Железногорске.

28 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв у себя на родине в селе Калиновка в Курской области.

29 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии Кременчугской ГЭС на Днепре.

30 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв в Днепропетровске посещает шинный завод и ракетный завод М.К. Янгеля.

31 июля 1962 г. Н.С. Хрущёв объезжает поля в Херсонской области.

1 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв на отдыхе в Ялте, в Крыму.

6–15 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв принимает в Крыму короля Афганистана Мухаммеда Захир Шаха и наследного принца Шах

Махмуда Сардар Абдул Вали и проводит с ними несколько дней.

11 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв разговаривает по радио с космонавтом Андрианом Николаевым, находящимся на орбите.

12 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв разговаривает по радио с космонавтом Павлом Поповичем.

18 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту и выступает на Красной площади и на приеме в Кремле в честь космонавтов А. Николаева и П. Поповича.

22 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв принимает в Ялте деловых людей Японии.

28 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте лидера ГДР Вальтера Ульбрихта.

28 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте Генерального секретаря ООН У Тана.

30 августа 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте руководителей Кубы Эрнесто Че Гевару и Эмилио Арагонеса Наварро.

3 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв на полях Кубани.

6 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде министра внутренних дел США Стюарта Л. Юдолла.

7 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде американского поэта Роберта Фроста.

11 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде посла Западной Германии Г. Кролля.

12 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде министра Саудовской Аравии Ахмеда Шукейри.

17 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле вице-канцлера Австрии Бруно Питтермана.

18 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле бельгийского политического деятеля Р. Шейвена.

20 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв в Раменском в Подмосковье на выставке новых сельскохозяйственных машин и на полях нескольких совхозов.

24 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял министра экономики Камеруна Виктора Канга.

24 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева, отбывавшего с официальным визитом в Югославию.

24 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. осмотрели пассажирский лайнер Ил-62 и вертолеты конструкции М.Л. Миля.

26–30 сентября 1962 г. Н.С. Хрущёв в Туркмении (Ашхабад, Мары, Небит-Даг, Ашхабад).

1 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Ашхабаде делегацию индийского «Фонда мира имени Ганди».

1–2 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв в Таджикистане (Душанбе, на выставке товаров, производимых в республике, на полях).

3–9 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв в Узбекистане (Ташкент, на сельскохозяйственной выставке, в Голодной степи в Алмалык-центре цветной металлургии, снова в Ташкенте на авиазаводе, выступает на собрании республиканского актива).

10 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

11 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял секретаря компартии Германии Макса Реймана.

11 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял композитора Игоря Ф. Стравинского.

12 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском театре на спектакле П. Данилова «Левониха» Белорусского драматического театра имени Я. Купала.

13 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. осмотрели новые станции Калужского радиуса метро.

13 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла Китая Лю Сяо.

13 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле заместителя премьер-министра Лаоса принца Суфанувонга.

14 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв дал обед в честь посла Китая Лю Сяо.

15 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту и принял президента Финляндии Урхо Каллева Кекконена.

15 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв и У.К. Кекконен в театре Станиславского и Немировича-Данченко на балете Л. Адана и Л. Делиба «Корсар».

16 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв в посольстве Финляндии на завтраке в честь Урхо Кекконена.

16 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла США Ф. Колера.

16 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв и У.К. Кекконен в Большом театре на опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

17 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв дал обед в честь У.К. Кекконена.

17 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв провожает на Ленинградском вокзале Урхо Кекконена.

18 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на собрании по случаю 150-й годовщины Отечественной войны 1812 года.

19 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию Восточной Германии во главе с генералом армии Г. Гофманом.

23–28 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв вместе с президентом США Д. Кеннеди занимаются разрешением Кубинского кризиса.

23 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв и глава Румынии Г. Георгиу-Деж в Большом театре на опере М. Мусоргского «Борис Годунов».

24 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял президента американской фирмы «Вестингауз Электрик Инк» Вильяма Э. Нокса.

24 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв ответил британскому философу Бертрану Расселу на его послание о напряжённости вокруг Кубы.

25 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв направил послание Генсекретарю ООН У Тану в связи с напряжённостью вокруг Кубы.

26 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял министра недр Индии К.Д. Малавия.

26 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял зам министра иностранных дел Ирана Махмуда Форуги.

26 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в зале им. П.И. Чайковского на концерте кубинских артистов оркестра «Бокукос».

28 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском театре на спектакле П. Яворова «У подножия Витоши» болгарского Софийского национального театра им. Ивана Вазова.

30 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял президента Чехословакии Антонина Новотного и дал в его честь обед.

30 октября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Афганистана Сардара Мухаммеда Наима.

1 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв, Вальтер Ульбрихт и др. на концерте в Кремлевском Дворце съездов.

2 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя ГДР В. Ульбрихта и дал в его честь обед.

3 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя Болгарии Тодора Живкова и дал в его честь обед.

4 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя Польши Владислава Гомулку и дал в его честь обед.

6 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв осмотрел Московскую кольцевую автодорогу, строительство которой только что завершили.

6 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на торжественном заседании по случаю годовщины Революции.

7 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и на приеме в Кремле по случаю годовщины Революции.

8 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя Венгрии Яноша Кадара и дал в его честь обед.

8 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв выразил соболезнование по случаю кончины вдовы президента США Элеоноры Рузвельт.

9 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Т.Н. Кауля.

9 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Республики Мали

Джабрилла Майга.

9 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в Центральном клубе им. Ф.Э. Дзержинского на торжественном собрании, посвящённом Дню милиции.

10 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв направил в Президиум ЦК КПСС и опубликовал записку «О подведении итогов 1962 года и увеличении производства зерна».

12 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла Великобритании Ф. Робертса.

12 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв проводит заседание Совета Министров СССР, рассмотревшего план развития народного хозяйства на 1963 г.

19 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв докладывает Пленуму ЦК КПСС о реформе структуры управления экономикой.

19–23 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

19 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв на концерте в Кремлёвском театре.

20 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Большом театре на премьере оперы Д. Верди «Фальстаф».

21 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв возглавил комиссию Пленума ЦК КПСС по выработке решения «О реформе структуры управления экономикой».

22 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на опере П. Чайковского «Мазепа» в исполнении Киевского театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко.

23 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК КПСС с заключительным словом.

24 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индии Т.Н. Кауля.

24 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на опере П. Майбороды «Арсенал» в постановке Киевского театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко.

26 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле заместителя премьер-министра Лаоса Фуми Носована.

28 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Канады Арнольда К. Смита.

28 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял кубинского государственного деятеля Кресенсио Переса.

30 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв председательствует на заседании Совета Министров СССР, рассмотревшего вопросы реформы структуры управления экономикой страны.

30 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на опере Н. Лысенко «Тарас Бульба» в исполнении артистов

Киевского театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко.

1 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. на выставке, посвященной 30-летию МОСХ в Манеже.

3 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв посетил в Черемушках ткацкую фабрику, расположенную в здании, построенном по безоконной технологии.

4 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв встречает на Киевском вокзале президента Югославии Иосипа Броз Тито.

4 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв и Иосип Броз Тито в Кремлёвском Дворце съездов на опере Р. Вагнера «Лоэнгрин» в исполнении Киевского театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко.

5 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв и президент Югославии И.Б. Тито в загородной резиденции «Завидово».

5 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв, И.Б. Тито и др. в Кремлевском Дворце съездов на опере Д. Верди «Бал-маскарад» в исполнении артистов Киевского театра оперы и балета.

6 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле президента Югославии И.Б. Тито, провел с ним переговоры и дал в его честь завтрак.

7 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле И.Б. Тито.

7 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв и И.Б. Тито в Большом театре на балете А. Адана «Жизель».

8 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает на завтраке, данном в честь И.Б. Тито.

8 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на концерте украинских артистов.

10 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии Верховного Совета СССР.

11 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв принял главу института аграрной реформы Кубы Карлоса Рафаэля Родригеса и дал в его честь обед.

12 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв доложил сессии Верховного Совета СССР о международном положении.

12 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв дал обед в честь Карлоса Рафаэля Родригеса.

12 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв принял председателя компартии Индии Ш.А. Данге.

14 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на концерте казахских артистов.

15–16 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв и И.Б. Тито в «Завидово» под Москвой.

17 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Польши во главе с министром обороны Марианом Спыхальским.

17 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв в Доме приемов на

Воробьевых горах присутствует на встрече с творческой интеллигенцией.

18 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Гвинеи Биро Бубакара Барри.

18 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв дал в Доме приёмов обед в честь президента Югославии И.Б. Тито.

18 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв официально провожает на Киевском вокзале президента Югославии И.Б. Тито и сопровождает его до столицы Украины Киева.

19 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв направляет президенту США Д. Кеннеди послание по вопросу запрещения испытаний ядерного оружия.

19 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв и И.Б. Тито в Киеве, ведут переговоры, а вечером в Киевском театре оперы и балета им. Т.Г. Шевченко на одноактных балетах: С. Рахманинова «Симфонические танцы», И. Штрауса «Голубой Дунай», П. Чайковского «Франческа да Римини».

20 ноября 1962 г. Н.С. Хрущёв принял И.Б. Тито и затем проводил его на вокзале г. Киева.

24 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв выступает в Киеве на совещании, посвященном реформе управления экономикой.

24 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв направил Федеральному канцлеру Западной Германии (ФРГ) К. Аденауэру послание по поводу инцидентов на границе ГДР/ФРГ.

25 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв посетил в Киеве исследовательский институт сверхтвердых материалов.

29 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв принял в Киеве польских руководителей В. Гомулку, Ю. Циранкевича и З. Клишко.

30 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

1963 год

1 января 1963 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы корреспондента английской газеты «Дейли Экспресс».

1 января 1963 г. Н.С. Хрущёв выступил на новогоднем приеме в Кремле.

2 января 1963 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя компартии Великобритании Джона Голлана.

3 января 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Китая Пань Цзыли.

5 января 1963 г. Н.С. Хрущёв и др. на выставке машин и приборов автоматизации.

9 января 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Финляндии Ээро А. Вуори.

10 января 1963 г. Н.С. Хрущёв проводит совещание в Бресте.

11–13 января 1963 г. Н.С. Хрущёв и Н.В. Подгорный в Варшаве.

14 января 1963 г. Н.С. Хрущёв в ГДР.

16 января 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на VI съезде СЕПГ в Берлине.

17–22 января 1963 г. Н.С. Хрущёв в Восточной Германии (у пограничников ГДР, на «Чек Пойнт Чарли» в Берлине, на заводах, у металлургов Эйзенхюттенштадта, принимает жителей З. Берлина, в Группе советских войск в Германии).

23 января 1963 г. Н.С. Хрущёв проездом в Варшаве.

27 января 1963 г. Н.С. Хрущёв отвечает на вопросы корреспондента мексиканской газеты «Эспанья Популяр».

28 января 1963 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

29 января 1963 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на опере Н.А. Римского-Корсакова «Садко».

1 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял президента Чехословакии А. Новотного и дал обед в его честь.

1 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на выступлении грузинских танцоров.

4 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Венгрии Гезу Ревеса.

5 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Алжира.

6 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Чехословакии Рихарда Дворжака.

9 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв дает интервью французскому телевидению.

9 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв знакомится с проектами

застройки Москвы и работой по сооружению Нового Арбата.

9 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял британского издателя, главу британского газетного концерна сэра Роя Томсона.

11 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв проводит выездное заседание Совета Обороны на заводе им. Хруничева (филиал № 1 ОКБ-52 В.Н. Челомея) о перспективах развития ракетной техники (без объявления в печати) *[С. Х.]*.

13 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принимает короля Лаоса Шри Саванг Ваттхана и участвует в протокольных мероприятиях.

14 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Лаоса Суванна Фума и посетил приём в посольстве Лаоса, данный в честь лаосской делегации.

16 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Кремле, данном в честь делегации Королевства Лаос.

16 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Министерстве внешней торговли в честь делегации деловых кругов Финляндии.

18 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту короля Лаоса Шри Саванг Ваттхана.

19 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя Болгарии Тодора Живкова.

20 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял членов Исполкома СЭВ.

21 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв направил письмо британскому философу Бертрану Расселу.

21 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв встретил на Ленинградском вокзале премьер-министра Финляндии Ахти Карьялайнена, принял его в Кремле и дал обед в его честь.

21 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ахти Карьялайнен в Кремлёвском Дворце съездов на балете А. Прокофьева «Золушка».

22 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на собрании по случаю 45-летия Вооруженных Сил.

22 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял Ахти Карьялайнена и выступил на данном последнем завтраке.

23 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Бразилии во главе с Луисом Карлосом Престесом.

25 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Чехословакии во главе с Иожефом Гендрихом.

27 февраля 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает перед избирателями в ВС РСФСР в Калининском избирательном округе г. Москвы.

1 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв принял генерального секретаря Министерства иностранных дел Индии Р.К. Неру.

1 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в

честь Ахти Карьялайнена.

3 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре слушает оперу Д. Верди «Травиата».

4 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на обеде в честь короля Лаоса Шри Саванг Ваттхана, остановившегося в Мосве по пути из Варшавы в Пекин.

6 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индонезии Адама Малика.

6 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Великобритании сэра Хэмфри Тревельяна.

7–8 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на собрании деятелей литературы и искусства.

8 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на собрании в честь Международного женского дня.

9 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Западной Германии Х. Греппера.

9 марта 1962 г. Н.С. Хрущёв принял посла Бирмы У Пе Кина.

12 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на совещании руководителей территориальных сельхозуправлений.

14 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв в Новомосковске и Щекино Тульской области посещает химические комбинаты.

15 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв в Курске на заводе синтетических волокон.

16 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв в Донецкой области на Лисичанском химкомбинате.

17 марта 1963 г. Н.С. Хрущёв на Невинномысском химкомбинате на Ставрополье.

30 марта 1963 г. Интервью Н.С. Хрущёва директору бразильской газеты «Ультима Ора» П. Сильвейре.

1 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде делегацию парламента Сомали.

3 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде руководителя профсоюзов Югославии Светозара Вукмановича-Темпо.

20 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле главу правительства Египта Али Сабри.

20 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв дал интервью директору итальянской газеты «Джорно» И. Пьетра.

22 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на собрании по случаю дня рождения В.И. Ленина.

22–24 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на совещании руководителей промышленности и строительства России.

24 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Великобритании сэра Х. Тревельяна.

24 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на совещании руководителей промышленности и строительства России.

24 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла США Ф. Колера.

25 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на совещании передовиков движения за коммунистический труд.

26 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Канады.

26 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял зам. секретаря США Аверелла Гарримана.

27 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию Чехословакии во главе с министром обороны генералом Богумилом Ломским.

28 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту главу Кубы Фиделя Кастро.

28 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге на Красной площади в честь главы Кубы Фиделя Кастро.

29 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял Фиделя Кастро.

29 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро в Большом театре на балете П. Чайковского «Лебединое озеро».

30 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв принимает Ф. Кастро в Подмосковной загородной резиденции «Горки-9».

30 апреля 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро в универсальном магазине «Москва».

1 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и приеме в Кремле в честь Первомая.

2 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро на стадионе в Лужниках на спортивном празднике.

2 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро на концерте в Кремлевском Дворце съездов.

3 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Монголии во главе с генералом Ж. Лхагвасурэном.

3–5 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро в «Завидово» под Москвой.

8 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял британских промышленников.

10 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Афганистана Абдул Хакима Шахалами.

10 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Венгрии Й. Сипка.

10 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял американского фермера Росуэла Гарста.

11 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Уругвая.

11 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Ирана Тахмураса Адамийята.

11 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Цейлона Т.Б. Субасингхе.

11 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Туниса Фагхи Зухира.

13 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял парламентскую делегацию Мексики.

13 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв осмотрел новостройки Москвы: Новый Арбат, площадь Восстания, Манежную площадь, Новые Черемушки.

14 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял одного из руководителей западногерманской фирмы «Крупп» Бертольда Бейтца.

14 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв на заводе «Прокатдеталь» и на заводе «Метростоя».

16–17 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв в Доме пионеров на просмотре и обсуждении немецкого фильма (Аннели и Андрэ Трондайков) «Русское чудо».

17 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв осматривает проекты памятников В.И. Ленину и освоителям космоса.

17 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принимает министра иностранных дел Швеции Торстена Нильссона.

23 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро подписали в Кремле совместное советско-кубинское заявление.

23 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на стадионе в Лужниках на митинге в честь Ф. Кастро и на приеме в Кремле в его честь.

23 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Кремле в честь Ф. Кастро.

24 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро на ракетной базе под Калининым (Тверь).

24 мая – 2июня 1963 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро на Пицунде, на озере Рица, в Тбилиси, Рустави.

27 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя алжирских коммунистов Ларби Бухали.

31 мая 1963 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде одного из руководителей алжирских коммунистов Ларби Бухали.

2 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя коммунистов Аргентины Викторио Кодовилья.

2 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв провожает Ф. Кастро в аэропорту г. Мурманска.

3–5 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв в Ярославле на моторном заводе, шинном заводе, заводе синтетического каучука, новоярославском нефтеперерабатывающем заводе.

6 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле экономическую делегацию Индонезии.

8 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы корреспондентов итальянских газет «Паэза Сера» и «Ора».

8 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Египта во главе с вице-президентом Абдель Хаким Амером.

9 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял маршала Амера на подмосковной резиденции «Горки-9».

10 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял лидера британских лейбористов Гарольда Вильсона.

11 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял заместителя руководителя итальянских коммунистов Луиджи Лонго и дал обед в его честь.

11 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял председателя XVII сессии генеральной Ассамблеи ООН представителя Пакистана Мохаммеда Зафруллу-Хана.

12 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял министра авиации Великобритании Джулиана Эмери.

12 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принял парламентскую делегацию Турции.

14 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв говорил по радио с космонавтом Валерием Быковским, находящимся на орбите.

14 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы главных редакторов газет «Правда» и «Известия» о взаимоотношениях с США.

16 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв говорил по радио с космонавтом Валентиной Терешковой, находившейся на орбите.

18 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв в посольстве Египта на приёме в честь маршала Амера.

18–21 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

21 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на Пленуме ЦК КПСС по вопросам идеологии и отношений с Китаем.

22 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту и выступает на митинге на Красной площади и на приеме в Кремле в честь В. Быковского и В. Терешковой.

26 июня 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле перед выпускниками военных академий.

28 июня – 3июля 1963 г. Н.С. Хрущёв в Берлине по случаю 70-летия лидера ГДР Вальтера Ульбрихта (Берлинский станкостроительный завод, в Группе советских войск, выступления на митинге в Берлине).

4 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

8 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял в Киеве премьер-министра Бельгии Поля Спаака.

10 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв встретил на Киевском вокзале

в Москве, а затем принял в Кремле делегацию Венгрии во главе с Яношем Кадаром и дал в их честь обед.

11 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию Румынии во главе с генералом Леонтином Сэлэжаном.

11 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Венгрии во главе с Яношем Кадаром и дал в их честь завтрак.

11 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв, Я. Кадар и др. в Большом театре на спектакле Новосибирского театра оперы и балета «Лебединое озеро».

13 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв на ВДНХ на соревновании стригалей овец, в том числе чемпиона мира новозеландца Гоффри Боуэна.

15 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял зам. госсекретаря США Аверелла Гарримана.

15 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял министра науки и техники Великобритании лорда Хэйлшема.

16 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Франции Мориса Дежана.

17 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Алжира Мохаммеда Беняхья.

17 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Эфиопии Микаэля Имру.

19 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на митинге в честь делегации Венгрии.

19 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в посольстве Венгрии в Москве.

20 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв на открытии индийской выставки в Сокольниках.

20 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв присутствует на обеде в честь делегации компартии Китая во главе с Дэн Сяопином.

20 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в честь делегации Венгрии.

21 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв, Я. Кадар и др. на теплоходе «Максим Горький» путешествуют по каналу Москва – Волга и присутствуют на стадионе в Лужниках на соревновании легкоатлетов СССР – США (воскресенье).

22 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв провожает на Киевском вокзале в Москве венгерскую делегацию.

22 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию компартии Индонезии во главе с Д.Н. Айдитом и дал в ее честь обед.

25 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв направил послание главам государств Африки, собравшимся в Аддис-Абебе, Эфиопия.

25 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв на завтраке в Индийском посольстве в честь Индиры Ганди (дочь Д. Неру).

26 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял А. Гарримана.

26 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв дал обед в честь А. Гарримана и лорда Хэйлшена.

26 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв участвует в заседании Консультативного комитета стран – участниц Варшавского договора и СЭВ и дал обед в честь делегаций.

27 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы корреспондентов газет «Правда» и «Известия» о запрещении ядерных испытаний.

27 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял Индиру Ганди.

27 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял лидера Монголии Ю. Цеденбала.

29 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял греческого политического деятеля Манолиса Глезоса и дал в его честь обед.

30 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв принял сельскохозяйственную делегацию США во главе с министром О.Л. Фримэном.

30 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв в Моссовете знакомится с планами реконструкции Москвы (метрополитен, движение транспорта в центре, Юго-Западная застройка, пансионат на Клязьме).

31 июля 1963 г. Н.С. Хрущёв посетил новый пансионат на Клязьминском водохранилище.

2 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв дал обед в честь премьер-министра Сомали Абдирашида Али Шермарка.

5 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв присутствует при подписании в Кремле договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах.

5 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв принял госсекретаря США Дина Раска.

5 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Великобритании лорда Хьюма.

5 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв принял генерального секретаря ООН У Тана.

5 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв выступил на приеме в Кремле по случаю подписания договора о запрещении испытаний в трех средах.

9 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде госсекретаря США Дина Раска.

13 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде группу советских и европейских писателей.

14 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде посла Югославии Цветина Миятовича.

16 августа 1963 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде председателя Верховного суда США Э. Уоррена, обозревателя

газеты «Нью-Йорк тайм» Дрю Пирсона и американку А. Мейер.

20 авг. – 3 сент. 1963 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Югославии (Белград, Скопье, Цетинье, Сплит, остров Бриони, Любляна, Велене-Блед, Загреб, Белград).

3 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

4 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял заместителя председателя бундестага ФРГ (Западной Германии) Томаса Делера.

5 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв на болгарской выставке в Сокольниках.

8 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском театре на концерте Софийской хоровой капеллы.

11 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв в НИИ сельского хозяйства Нечерноземья осматривает фасолеуборочные машины.

11 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял министра торговли Великобритании Фредерика Эррола.

16–17 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв на полях Волгоградской области и на Волжском химкомбинате.

18–24 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв в Астрахани.

25 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв на Кубани, ездит по полям, в том числе рисовым.

26 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв в Краснодаре выступает на совещании работников сельского хозяйства.

26 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв в Херсонской области.

27 сентября 1963 г. Н.С. Хрущёв в Новой Каховке и оттуда едет в Ялту на отдых.

10 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв направил послание президенту США Д. Кеннеди по случаю вступления в силу договора о запрещении ядерных испытаний.

17 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв в Красноперекопске в Крыму выступает на церемонии пуска Северокрымского канала.

21 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту премьер-министра Цейлона Сиримаво Р.Д. Бандаранаике.

21–22 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв дважды принял в Кремле премьер-министра Цейлона Сиримаво Р.Д. Бандаранаике и даёт в её честь обед.

22 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв в посольстве Цейлона на завтраке в честь Сиримаво Р.Д. Бандаранаике.

22 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв и Сиримаво Р.Д. Бандаранаике в Большом театре на балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта».

23–24 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту и дважды принял главу правительства Непала Тулси

Гири и дал завтрак в его честь.

23 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв и Тулси Гири в Большом театре на опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

24 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на завтраке, а вечером на приёме в посольстве Непала в честь Тулси Гири.

25 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял участников третьей Всемирной встречи журналистов в Москве.

25 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв и Тулси Гири подписывают совместное советско-непальское коммюнике, а затем выступают на приёме в Кремле.

25 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремлёвском Дворце съездов на премьере оперы Д. Верди «Дон Карлос», поставленной к 150-летию композитора.

26 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв проводил Тулси Гири во Внуковском аэропорту.

28 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял Сиримаво Р.Д. Бандаранаике, подписал с ней в Кремле совместное советско-цейлонское коммюнике и выступил на митинге в Кремле в ее честь.

28 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв присутствует на открытии в Кремле XIII съезда профсоюзов.

29 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Социалистической партии Франции во главе с Ги Молле и дал обед в их честь.

29 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв проводил Сиримаво Р.Д. Бандаранаике во Внуковском аэропорту.

30 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту и принял премьер-министра Лаоса принца Суванна Фуму и дал в его честь завтрак.

30 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв и Суванна Фума в Большом театре на балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро».

31 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на завтраке в посольстве Лаоса, данном в честь Суванна Фумы.

31 октября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял генерального секретаря французской Социалистической партии Ги Молле.

1 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв выступил на приеме в честь Суванна Фумы.

2 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв провожает Суванна Фуму во Внуковском аэропорту.

2 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском дворце съездов на закрытии XIII съезда профсоюзов.

2 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Бирмы.

2 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на концерте в честь съезда профсоюзов.

3 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв на приёме в Кремле в честь зарубежных профсоюзных делегаций.

3 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на свадьбе космонавтов Валентины Терешковой и Андрияна Николаева.

6 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял президентов различных американских компаний (человек двадцать).

6 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов по случаю годовщины Революции.

7 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея и на приеме по случаю годовщины Революции.

7 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв на приёме в честь представителей деловых кругов США.

7 ноября 1963 г. Ответ Н.С. Хрущёва корреспонденту турецкой газеты «Джумхуриет» на тему Кемаль Ататюрк и советско-турецкие отношения.

19 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял в Киеве министра обороны Индонезии генерала А.Х. Насутиона.

20 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв принял в Киеве министра иностранных дел Дании Пера Хеккерупа.

23 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв посетил посольство США и выразил соболезнование в связи с убийством президента Джона Кеннеди.

25 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту и затем принял в Кремле делегацию Чехословакии во главе с Антонином Новотным.

26 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв, А. Новотный и др. в Большом театре на балете А. Адана «Жизель».

27 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв и А. Новотный подписали в Кремле протокол о продлении на 20 лет договора между СССР и Чехословакией о дружбе и взаимной помощи, после чего в Большом Кремлёвском дворце дали обед в честь делегации Чехословакии.

28 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв провожает А. Новотного во Внуковском аэропорту.

30 ноября 1963 г. Н.С. Хрущёв встретил на Ленинградском вокзале и затем принял в Кремле президента Финляндии Урхо К. Кекконена и дал в его честь завтрак.

3 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв и президент Урхо К. Кекконен выступили на приёме в посольстве Финляндии.

3 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв проводил Урхо К. Кекконена на Ленинградском вокзале.

9–13 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

9 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв докладывает Пленуму

ЦК КПСС о планах развития химической промышленности и производства удобрений.

10 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Чехословакии во главе с Иржи Гендрихом и дал в их честь завтрак.

11 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на завтраке в Большом Кремлёвском дворце в честь делегации Чехословакии.

13 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв выступил на Пленуме ЦК КПСС с заключительным словом.

16 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии Верховного Совета СССР.

16 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв выступает на приеме в честь Чехословацкой делегации во главе с И. Гендрихом.

17 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв в Моссовете рассматривает планы реконструкции Москвы, на выставке знакомится с типовыми дачными домиками и машинами для уборки улиц.

18 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв и др. на выставке нетканых материалов.

19 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Алжира и дал в их честь завтрак.

20 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв принял члена руководства Кубы Карлоса Рафаэля Родригеса.

22 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы редакторов газет «Ганиэн Таймс», «Альже Репабликен», «Пёпль» и «Ботатаун».

24 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии ВС России (РСФСР).

26 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв на XVII Московской городской партийной конференции.

26 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Польши Э. Пщуликовского.

26 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Болгарии С. Караджова.

26 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Швеции Р. Сульмана.

26 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв принял посла Республики Мали Джибрилла Майга.

27 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв вторично принял делегацию Алжира, присутствовал при подписании экономического советско-алжирского соглашения и выступил на приеме в ее честь.

28 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв осмотрел на ВДНХ выставку химической промышленности и посетил завод «Прокатдеталь».

28 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце

съездов на опере С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» в исполнении литовского театра оперы и балета.

29 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на концерте литовских артистов.

31 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы московского корреспондента «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро.

31 декабря 1963 г. Н.С. Хрущёв направил послание главам государств мира по вопросу урегулирования территориальных споров и исключения применения силы в разрешении подобных конфликтов.

1964 год

1 января 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на новогоднем приеме в Кремле.

2 января 1964 г. Н.С. Хрущёв ответил на вопросы редактора уругвайской газеты «Эль Диарио» Пабло Песче.

2–6 января 1964 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Польше (Варшава и ее окрестности).

10 января 1964 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя ГДР Вальтера Ульбрихта.

11 января 1964 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индонезии Адама Малика.

13 января 1964 г. Н.С. Хрущёв принял кубинского руководителя Фиделя Кастро Рус и дал в его честь завтрак.

14 января 1964 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро на новогодней елке в Кремле.

15–17 января 1964 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро в «Завидово» под Москвой.

17 января 1964 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро выступают на митинге в г. Калинине (Тверь).

19 января 1964 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро на конном заводе № 1 под Москвой.

19 января 1964 г.(воскр.) Н.С. Хрущёв принимает Фиделя Кастро в подмосковной государственной резиденции «Горки-9».

20 января 1964 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро в совхозе «Белая дача» под Москвой, где осмотрели гидропонное хозяйство.

21 января 1964 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла Монгольской Народной Республики Сономына Лувсана.

21 января 1964 г. Н.С. Хрущёв подписывает долгосрочное торговое соглашение с Республикой Куба и выступает на приеме в Кремле в честь Ф. Кастро.

22 января 1964 г. Н.С. Хрущёв и Ф. Кастро в Киеве.

24 января 1964 г. Послание Н.С. Хрущёва настоятелю Кентерберийского собора в Лондоне доктору Хьюлетту Джонсону по случаю его 90-летия.

27 января 1964 г. Н.С. Хрущёв принял в Киеве министра финансов Франции Жискара д'Эстена.

30 января 1964 г. Н.С. Хрущёв посетил строительство Киевской ГЭС и овощную фабрику (теплицы).

1 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв и др. в Кремлевском Дворце съездов на опере С.А.Туренкова «Новый рассвет» в исполнении артистов Белорусского театра оперы и балета.

3 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял посла Корейской

Народно-Демократической Республики Ли Сон Уна.

7 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя компартии Бразилии Луиса Карлоса Престегеса.

7 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв направил послание главам Великобритании, США, Турции и Греции по кипрскому вопросу.

7 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял посла Франции Мориса Дежана.

8 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Вьетнама во главе с Ле Зуаном и дал в их честь обед.

10–15 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принимает участие в работе Пленума ЦК КПСС.

12 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв направил послание императору Эфиопии Хайм Селассие I и президенту республики Сомали Шермарку в связи с вооружёнными инцидентами на эфиопо-сомалийской границе.

14 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступил на Пленуме ЦК КПСС по вопросу специализации и интенсификации сельского хозяйства.

17 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Болгарии во главе с Тодором Живковым и дал в их честь обед.

17 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял американо-канадского стального магната Сайруса Итона.

18 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв на приеме в честь советских олимпийцев.

19 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв вторично принял делегацию Болгарии во главе с Тодором Живковым.

19 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв осмотрел проект памятника в Москве украинскому поэту Т.Г. Шевченко.

19 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на приёме в посольстве Болгарии.

19 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв встречает во Внуковском аэропорту премьер-министра Дании Енса Отто Крага.

20 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Дании Енса Отто Крага и дал в его честь завтрак.

20 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв и премьер-министр Дании Енс Отто Краг в Большом театре на балете А. Прокофьева «Золушка».

21 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв вторично принял Е.О. Крага и дал в его честь завтрак.

21 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял Джулио Эйнауди, директора итальянского издательства «Джулио Эйнауди Эдиторио».

26 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на приёме в посольстве Дании.

27 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв снова принял Е.О. Крага, они подписали совместное коммюнике, и выступил на приеме в честь Е.О. Крага в Кремле.

27 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Цветина Миятовича.

28 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступил на совещании в Кремле работников сельского хозяйства.

28 февраля 1964 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту премьер-министра Дании Енса Отто Крага.

5 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв направил королю Марокко Хассану II и президенту Народно-Демократической Алжирской Республики Бен Белле послание о путях урегулирования алжиро-марокканского пограничного конфликта.

9 марта 1964 г. Н.С. Хрущёву вручили в государственной резиденции на Пицунде памятную медаль по случаю 100-летия со дня смерти поэта Т.Г. Шевченко и юбилейное издание «Кобзаря».

9 марта 1964 г. Н.С. Хрущёву присудили премию им. Т.Г. Шевченко.

10 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Кипра А. Араузоса и кипрского парламентария В. Лиссаридиса.

13 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде посла Алжира Мохаммеда Беняхья.

16 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде делегацию Румынии во главе с Ионом Георге Маурером и провожает их в аэропорту Адлера.

16 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде госсекретаря по иностранным делам Туниса Монжси Слима.

20 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде президента Йемена маршала Абдалла ас-Саляля и провожает его в аэропорту Адлера.

20–23 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв провел на Пицунде совещание о перспективах развития электроэнергетики (без объявления в печати) *[С. Х.]*.

22 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв направляет послание конференции ООН по торговле и развитию.

28 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле посла Румынии И Гуинэ.

28 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв посетил премьер-министра Афганистана Мухаммеда Юсуфа, находившегося на излечении в московской больнице.

28 марта 1964 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле французского сенатора Эдгара Фора с супругой.

31 марта – 10 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв посещает Венгрию

(Будапешт, область Кумаром, Будапешт, Мишкольц, Будапештский оптический комбинат).

11 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

12 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступил по радио и телеканалам об итогах визита в Венгрию.

13–14 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем дважды принял делегацию Польши во главе с Владиславом Гомулкой и в заключение он выступил на приёмах в Кремле и в посольстве Польской Народной Республики.

14 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию Камбоджи во главе с генералом Лон Нолом.

14 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв подписал совместное советско-польское заявление и выступил на митинге в Кремлевском Дворце съездов по случаю визита польской делегации.

17 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёва в связи с семидесятилетием наградили Золотой звездой Героя Советского Союза и орденом Ленина.

17 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает с благодарностью на обеде в Кремле в честь его семидесятилетия.

20 апреля 1964 г. Заявление Н.С. Хрущёва о сокращении производства в СССР оружейного урана, как следствие соглашения СССР и США о невыводе на орбиту Земли объектов с ядерным оружием.

20 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Кении и дал в их честь завтрак.

22 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв и другие посетили посольство Болгарии в связи со смертью Димитре Ганева, председателя Народного Собрания Болгарии.

22 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле Джорджа А. Финли, президента компании «Финли Моодик Корпорейшен», крупного производителя свинины в США.

22 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв посетил посольство Народной Республики Болгарии и выразил соболезнование в связи со смертью председателя Народного Собрания Болгарии Димитре Ганева.

22 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на собрании по случаю дня рождения В.И. Ленина.

22 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв и другие в Кремлевском Дворце съездов на опере Вано Мурадели «Октябрь».

23 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв разослал записку «Об интенсификации сельского хозяйства» (опубликована в газетах 24 апреля 1964 г.).

23 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв и другие в Большом театре на собрании по случаю 400-летия со дня рождения британского

поэта и драматурга Вильяма Шекспира.

25 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял в Кремле президента Алжира Ахмета Бен Беллу.

25 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял руководителя Монголии Ю. Цеденбала.

25 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял посла Индонезии Манная Софиана.

26 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв и Бен Белла в Ново-Огареве под Москвой.

26 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв и Бен Белла в Кремлёвском Дворце съездов на балете Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан».

27 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв провел в Кремле переговоры с Бен Беллой и дал в его честь завтрак.

30 апреля 1964 г. Н.С. Хрущёв осмотрел реконструируемую Арбатскую площадь, подземный переход под площадью Революции, гостиницу «Минск» и др. новостройки Москвы.

1 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв на трибуне Мавзолея, а затем выступает на приёме во Дворце съездов по случаю Первомая.

2–4 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв и Бен Белла ведут переговоры в Крыму.

5 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв и Бен Белла подписали в Ялте совместное заявление.

5 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв провожает Бен Беллу в аэропорту Симферополя.

8–25 мая 1964 г. Визит Н.С. Хрущёва в Египет (Александрия, Каир, на строительстве плотины Асуанский ГЭС в Асуане, Луксор, переговоры с лидерами арабских стран на Красном море, Порт-Саид, Александрия, Каир).

25 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

27 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв выступил по радио и телевидению о положении на Ближнем Востоке.

27 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Румынии во главе с Г. Георгиу-Дежем.

27 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв посетил посольство Индии и выразил соболезнование по случаю смерти премьер-министра Д. Неру.

28 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв и другие посетили британскую сельскохозяйственную выставку в Москве.

28 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв принял издателя «Британской энциклопедии» (США) У. Бентона.

29 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв встретил во Внуковском аэропорту, а затем принял руководителя ГДР (Восточной Германии) Вальтера Ульбрихта и дал в его честь обед.

30 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв принял В. Ульбрихта.

30 мая 1964 г. Н.С. Хрущёв, В. Ульбрихт и другие в Большом театре на балете Л. Минкуса «Дон-Кихот».

1 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Афганистана Мухаммеда Юсуфа.

2 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв принял посла Югославии Цветина Миятовича.

2 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв принял лидера лейбористов Великобритании Гарольда Вильсона.

3 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв принял иранскую принцессу Ашраф Пехлеви.

3 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв в зале имени Чайковского на концерте ансамбля «Поющие голоса Японии».

6 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв в Ленинграде осматривает Петродворец, а затем в Архитектурно-планировочном управлении города обсуждает перспективы застройки города.

8–9 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв встречается в Ленинграде с президентом Югославии И.Б. Тито, ведёт переговоры и даёт в его честь обед.

9 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

10 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на открытии в Москве памятника украинскому поэту Т.Г. Шевченко.

10 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв в Кремле на открытии сессии Верховного Совета РСФСР.

11 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв принял в Кремле руководителя ГДР Вальтера Ульбрихта и там же дал приём в его честь.

11 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию Ирака во главе с генералом Абдель Рахман Мухаммед Арефом.

11 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв и другие в Большом театре на концерте азербайджанских артистов.

12 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на митинге в Кремле в честь делегации ГДР (Восточной Германии) и подписывает договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между СССР и ГДР.

12 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на приёме в Большом Кремлёвском дворце в честь делегации ГДР.

13 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв провожает Вальтера Ульбрихта во Внуковском аэропорту.

16–21 июня 1964 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Дании (Копенгаген, встреча с премьер-министром Енсом Отто Крагом и королем Фредериком IX, у фермеров Оденсе, Копенгаген).

22–27 июня 1964 г. Визит Н.С. Хрущёва в Швецию (Стокгольм, встреча с премьер-министром Т. Эрландером и королем Густавом IV Адольфом, Гетеборг, у фермеров

Харппсунда, Стокгольм).

28 июня – 4 июля 1964 г. Визит Н.С. Хрущёва в Норвегию (Осло, встреча с премьер-министром Э. Герхардсеном и королем Улафом V, Берген, Осло).

6 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

7 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает по радио и телевидению по итогам визита в Скандинавию.

8 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме по случаю выпуска военных академий.

8 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Нидерландов Иосефа Луиса.

9 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Мавритании Сиди Мохаммеда Дейнина.

9 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял военную делегацию Афганистана во главе с генералом Хан Мухаммед Ханом.

10 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв встретился с художником Сергеем Тимофеевичем Коненковым и поздравил его с 90-летием.

11 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на однодневном пленуме ЦК КПСС о реформе сельского хозяйства.

12 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принимает в Ново-Огареве делегацию Индонезии во главе с министром иностранных дел Субандрио.

13 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв докладывает в Кремле на сессии Верховного Совета СССР об установлении пенсий колхозникам и повышении зарплаты учителям и врачам.

13 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв ведет переговоры и присутствует на обеде в Кремле в честь румынской делегации во главе с И.Г. Маурером.

14 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Социалистической партии Японии и дал в их честь обед.

15 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на сессии Верховного Совета СССР с заключительным словом.

16 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на заседании Конституционной комиссии.

18 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв рассылает записку о реформировании экономики сельского хозяйства (без опубликования в печати) *[С. Х.]*.

18 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял посла Иордании Джатиля Тутуиджи.

18 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв в Кремлёвском Дворце съездов слушает оперу Ш. Гуно «Фауст» в исполнении Тбилисского академического театра оперы и балета им. З. Палиашвили.

20 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на концерте польского ансамбля «Шленск».

21–23 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Польше (Варшава) на праздновании 20-летия народной Польши.

24 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на заседании Президиума Совета Министров СССР о плане развития экономики на 1966–1970 годы.

28 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял министра иностранных дел Великобритании Ричарда О. Батлера.

29 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял Генерального секретаря ООН У Тана и дал в его честь завтрак.

29 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв в ОКБ-52 (НПО «Машиностроение» В.Н. Челомея) осматривает производство ракетной техники (без объявления в печати) *[С. Х]*.

31 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв принял президента «Чейз Манхэттен Бэнк» Давида Рокфеллера.

31 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв знакомится с проектами строительства (на основе типовых конструкций) промышленных предприятий (выставка в Кремле).

31 июля 1964 г. Н.С. Хрущёв в театре оперетты на концерте артистов Камбоджи.

3 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв дает интервью редакторам газет «Правда» и «Известия».

4 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв на полях Саратовской области.

5 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв на полях Волгоградской области, беседует с крестьянами.

6 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв на полях Ростовской области, беседует с крестьянами.

7–8 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв в Орджоникидзе, выступает на праздновании 40-летия Северо-Осетинской автономии, объезжает поля, беседует с крестьянами.

9 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв в Казани, объезжает поля и нефтяные скважины Татарстана, беседует с колхозниками и нефтяниками.

10 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв в Бугульме у нефтяников Башкирии.

11 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв в Уфе, посещает химические предприятия.

12 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв на целине в Кустанайской области.

13 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв на целине в Целиноградской области, посещает НИИ зернового хозяйства и выступает на совещании в Целинограде (Астана).

13–14 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв принял в Целинограде британского издателя, главу британского газетного концерна сэра Роя Томпсона и пригласил его в поездку по полям.

15–16 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв во Фрунзе (Бишкек), Киргизия, выступает на заседании сессии ВС Киргизии по случаю награждения республики орденом Ленина.

17 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв на озере Иссык-Куль и на полях Иссык-Кульской долины.

18 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает во Фрунзе на собрании ирригаторов Средней Азии.

18 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

20 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв провожает во Внуковском аэропорту советскую делегацию во главе с А.И. Микояном, отбывавшую в Бухарест на празднование 20-летия народной Румынии.

21–22 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв в Симферополе прощается с умершим в Крыму лидером итальянской компании Пальмиро Тольятти.

23 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв принял в Ялте руководителя Монголии Ю. Цеденбала.

24 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв возвратился в Москву.

25 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию партии Суданского Союза из Республики Мали.

26 августа 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Гвинеи.

27 авг. – 5 сент. 1964 г. Н.С. Хрущёв с визитом в Чехословакии на праздновании 20-летия Словацкого восстания (Прага, Банска-Быстрица, Прага).

7 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает по советскому радио и телевидению об итогах визита в Чехословакию.

7 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв посетил международную выставку строительных и дорожных машин.

8 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на собрании хлопкоробов Голодной степи и зоны Каракумского канала.

8 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на опере Д. Пуччини «Турандот».

9 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принял министра обороны Индии Я.Б. Чавана.

9 сентября 1964 г Н.С. Хрущёв принял мэра города Дижона, Франция, каноника Феликса Кира.

9 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на концерте артистов Национального балета Кубы.

10 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв в Большом театре на опере Д. Верди «Трубадур» в исполнении итальянского театра «Ла Скала».

11 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принял президента Индии Сарваналли Радхакришнана.

11 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принял посла Кубы Оливареса Санчеса.

12 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв вторично принял С. Радхакришнана.

14 сентября 1964 г Н.С. Хрущёв в Кубинке под Москвой осматривает образцы военной техники и выступает перед генералами (без публикации в печати) *[С. Х]*.

15 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принял премьер-министра Египта Али Сабри и дал в Кремле обед в его честь.

15 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию парламента Японии во главе с Кэндэм Фукунага.

16 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв в Кремлевском Дворце съездов на открытии Всемирного форума молодежи.

16 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв вторично принимает Али Сабри.

17 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв на приёме в посольстве Индии в честь президента Радхакришнана.

18 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв и А.И. Микоян принимают президента Индии С. Радхакришнана.

18 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв присутствует в Кремле на митинге в честь советско-индийской дружбы.

19 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принял делегацию Кипра.

19 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает в Кремле на приеме в честь участников Всемирного форума молодежи.

21 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв встречается с премьер-министром Египта Али Сабри.

22 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принимает кубинцев: посла К. Оливареса Санчеса и Х. Рискета Вальдеса.

22 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв и Али Сабри подписывают в Кремле советско-арабское соглашение.

22 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв посещает посольство ГДР (Восточная Германия) и выражает соболезнование в связи со смертью премьер-министра ГДР Отто Гротеволя.

23 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв провожает Али Сабри на аэродроме.

24–25 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв осматривает ракетную и космическую технику на полигоне в Байконуре, выступает перед военными. Операция «Пальма» (без опубликования в печати) *[С. Х]*.

26 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает на заседании Президиума Совета Министров СССР «Об основных направлениях в разработке плана развития народного хозяйства на ближайший период».

28 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв в Научно-исследовательском

автомоторном институте осматривает последние модели карьерных самосвалов.

28 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принимает министра связи Республики Куба Монтане Оропеса.

28 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв даёт обед в честь румынской делегации, остановившейся в Москве по пути в Китай.

28 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв осматривает выставку новых грузовых автомобилей.

28 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв выступает в Большом театре на собрании по случаю 100-летия I Интернационала.

29 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв встречает на аэродроме и принимает президента Индонезии Сукарно.

29 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв принимает министра торговли Цейлона Т.Б. Иллангаратне.

30 сентября 1964 г. Н.С. Хрущёв вторично принимает президента Сукарно.

2 октября 1964 г. Н.С. Хрущёв в Крыму посещает птицеводческие предприятия «Южный» и «Красный».

3 октября 1964 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде японских парламентариев во главе с Айитиро Фудзияма.

4 октября 1964 г. Н.С. Хрущёв принимает на Пицунде делегацию парламента Пакистана во главе со спикером Фазлуком Кадером Уоудри.

12 октября 1964 г. Н.С. Хрущёв и А.И. Микоян разговаривают по радио с находящимися на орбите космонавтами Владимиром Комаровым, Константином Феоктистовым и Борисом Егоровым.

13 октября 1964 г. Н.С. Хрущёв принял на Пицунде Гастона Палевского, государственного министра Франции по делам науки, атомным и космическим вопросам.

13 октября 1964 г. Н.С. Хрущёв возвращается в Москву.

13–14 октября 1964 г. Н.С. Хрущёв участвует в заседании Президиума ЦК.

14 октября 1964 г. Однодневный Пленум ЦК освобождает Н.С. Хрущёва от всех постов.

Составитель: С.Н. ХРУЩЁВ

2005 год

Библиография публикаций Н.С. Хрущёва и о нем

Публикации Н.С. Хрущёва в хронологическом порядке
Сборники произведений Н.С. Хрущёва по годам
Воспоминания Н.С. Хрущёва
Воспоминания о Н.С. Хрущёве
Биографии Н.С. Хрущёва
Материалы конференций
Письма и другие документы
Книги и иные сообщения об официальных заграничных визитах

ПУБЛИКАЦИИ Н.С. ХРУЩЁВА В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

1932 г.

Очередные задачи партийно-массовой работы ячеек: из речи Лазаря Моисеевича Кагановича и Никиты Сергеевича Хрущёва на пленуме МГК ВКП(б). Москва. Партиздат.

1933 г.

Возьмемся по-большевистски за дело строительства домов: речь на объединенном пленуме МГК ВКП(б) и Моссовета 20 августа 1933 года. Москва: Партиздат.

1935 г.

Итоги декабрьского пленума ЦК ВКП(б) и задачи Московской большевистской организации: доклад на собрании актива Московской организации ВКП(б), 30 декабря 1935 г. Москва: Московский рабочий.

Итоги июльского пленума ЦК ВКП(б) и задачи Московской партийной организации: доклад на собрании Московского партактива, 10 июля 1935 г. Москва: Партиздат.

Речь товарища Н.С. Хрущёва на Первом Всесоюзном совещании работников и работниц стахановцев, 18 ноября 1935 г. Якутск: Якутскгосиздат.

Стахановское движение и задачи партийной пропаганды. Алексей Иванович Стецский и Никита Сергеевич Хрущёв. Ростов-на Дону.

Строить прочно, красиво и дешево: речь на совещании по вопросам строительства в ЦК ВКП(б), 14 декабря 1935 г. Москва:

Московский рабочий.

1936 г.

Итоги декабрьского пленума ЦК ВКП(б) и задачи Московских большевиков: доклад на Собрании актива Московской организации ВКП(б).

30 декабря 1935 г. Москва: Партиздат.

Сталинская конституция и партия: речь на Чрезвычайном VIII съезде Советов, 1 декабря 1936 г. Москва: Партиздат.

1937 г.

Речи на собраниях избирателей Москвы. Москва: Партиздат.

1938 г.

Наш первый кандидат – великий Сталин: речь на митинге трудящихся Сталинского выборного округа г. Киева 24 июня 1938. Киев: Государственное издательство политической литературы при СНК УССР. (На укр. языке).

1939 г.

И. Сталин и великая дружба народов (из «Правды», декабрь 21, 1939 г.). Киев: Государственное издательство политической литературы при СНК УкрССР.

По-большевистски выполним решение партии и правительства о развитии общественного животноводства в колхозах: доклад на совещании работников животноводства Украинской ССР 15 июля 1939 г. Киев: Госполитиздат при СНК УкрССР.

Речь. Киев: Государственное издательство политической литературы при УкрССР. (На укр. языке).

Речь на митинге. Киев: Государственное издательство политической литературы при СНК УкрССР. (На укр. языке).

Речь на XVIII съезде ВКП(б) 13 марта 1939 г. Москва: Госполитиздат.

1940 г.

И. Сталин и великая дружба народов. Краснодар: Книжное издательство.

Итоги 1939 сельскохозяйственного года и задачи на 1940 год: доклад на республиканском совещании передовиков сельского хозяйства СССР. 8 февраля 1940 года. Киев: Госполитиздат при СНК УкрССР.

Об изменениях в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов: из доклада на собрании Киевского партийного актива, 16 апреля 1940 г. Об итогах очередного пленума ЦК ВКП(б). Москва: Госполитиздат.

Итоги 1939 сельскохозяйственного года. Киев: Государственное издательство политической литературы при СНК УкрССР. (На укр. языке).

Об изменении в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов: из доклада на собрании партийного актива 16.IV.1940 года об итогах очередного пленума ЦК ВКП(б). Киев. Государственное издательство политической литературы при СНК УкрССР. (На укр. языке).

1941 г.

К новым успехам в социалистическом сельском хозяйстве Украины: доклад на совещании партийного, советского и колхозного актива Киевской области, 28 января 1941 года. Киев: Опубликовано в Киеве Политиздатом при ЦК КП(б) Украины на украинском языке и в Москве Госполитиздатом на русском языке.

1944 г.

Хорошо и быстро восстановим города и села Советской Украины: из выступления на совещании руководящих работников украинского филиала Академии архитектуры Союза Советских Социалистических Республик, созванном Совнаркомом СССР и г. Киева. Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке).

Настал и на нашей улице праздник! Доклад на торжественном заседании партийных, советских и общественных организаций Киева 14 октября 1944 г., посвященный дню освобождения Советской Украины от немецких захватчиков. Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке).

Об очередных заданиях в области сельского хозяйства и о партийно-массовой работе: выступление на пленуме ЦК КП(б) Украины 26 мая 1944 года. Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке).

Восстановим свекловодство и отстроим сахарную промышленность, обеспечим Красную Армию и страну сахаром: выступление на совещании работников сахарной промышленности в г. Киеве 8 июня 1944 года (Сокращенная стенограмма). Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке).

Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи строительства народного хозяйства Советской Украины: доклад на VI сессии Верховного Совета Украинской ССР первого созыва. Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке). Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства Советской Украины: доклад председателя Совета народных комиссаров Украинской ССР на VI сессии Верховного Совета УкрССР 1 марта 1944 года в г. Киеве. Москва: Госполитиздат. (На русском языке).

1945 г.

Итоги очередного года восстановительных работ на Украине и наши очередные задачи: доклад Председателя Совнаркома СССР и Секретаря ЦК КП(б) Украины на торжественном заседании партийно-советского актива г. Киева 13 октября 1945 г. Киев: Украинское государственное издательство.

Ближайшие задачи работников сельского хозяйства Украины (сокращенная стенограмма). Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке).

Наши задачи в восстановлении и благоустройстве городов и строительстве в селах и колхозах. (Из «Правды», 28 июля 1945 г.). Москва: Воениздат.

Об очередных задачах. Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке).

1946 г.

Мобилизовать все усилия на скорейшее восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства: речь на пленуме ЦК КП(б) Украины 28 февраля. Киев: Украинское издательство политической литературы.

О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства УкрССР на 1946–1950 гг.: речь на VIII сессии Верховного Совета Украинской ССР 28 августа 1946 г. Киев: Украинское издательство политической литературы.

Речь на собрании избирателей Киевского-Ленинского избирательного округа 5 февраля 1946 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на собрании избирателей Киевского-Ленинского избирательного округа 5 февраля 1946 года. Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке).

Быстрее возродим сельское хозяйство Советской Украины: выступление на Республиканском совещании передовиков сельского хозяйства Украины 18 января 1946 года. Киев: Украинское государственное издательство. (На укр. языке).

Быстрее возродим сельское хозяйство Советской Украины: речь на Республиканском совещании передовиков сельского хозяйства Украины 18 января 1946 года. Киев: Украинское государственное издательство. (На русском языке).

1947 г.

Мобилизовать все силы на выполнение и перевыполнение плана добычи и отгрузки угля: выступление на собраниях партийно-хозяйственного актива угольщиков Сталинской и Ворошиловоградской областей. Киев: Украинское издательство политической литературы.

«О способах поднятия сельского хозяйства в послевоенный период»: доклад председателя Совета Министров УкрССР на

пленуме ЦК КП(б) Укр. 10 марта 1947 года. Киев: Украинское издательство политической литературы. (На укр. языке).

О мероприятиях по выполнению постановления пленума ЦУ ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период»: доклад председателя Совета Министров УкрССР на пленуме ЦК КП(б) Укр. 10 марта 1947 года. Киев: Украинское издательство политической литературы. (На русском языке).

Речь на предвыборном собрании избирателей Октябрьского избирательного округа г. Киева 5 февраля 1947 года. Киев: Украинское издательство политической литературы. (На укр. языке).

Речь на собрании избирателей Октябрьского избирательного округа г. Киева 5 февраля 1947 года. Киев: Воениздат СССР. (На русском языке).

В братском содружестве советских народов. Киев: Украинское издательство политической литературы. (На укр. языке).

1948 г.

Партийные организации Украины в борьбе за новый подъем сельского хозяйства. Москва: Госполитиздат.

Речь на Юбилейной сессии Верховного Совета Украинской ССР, 24 января. Киев: Украинское издательство политической литературы. (На укр. языке).

Речь на Юбилейной сессии Верховного Совета УССР в день 30-летия Советской Украины, 24 января. Киев: Воениздат СССР. (На русском языке).

С честью выполнить обязательства, взятые работниками сельского хозяйства Украины в письме товарищу Сталину: из доклада на пленуме ЦК КП(б) Укр. 25 мая 1948 года. Киев. Украинское издательство политической литературы. (На украинское и русском языках).

1949 г.

Десятилетие воссоединения украинского народа в едином украинском советском государстве. Киев: Госполитиздат Укр. ССР. (На укр. языке).

Десятилетие воссоединения украинского народа в едином украинском советском государстве: доклад на Шестой Юбилейной сессии Верховного Совета Украинской ССР 29 октября 1949 года. Киев: Госполитиздат УкрССР. (На русском языке).

Сталинская дружба народов – залог непобедимости нашей Родины. (перепечатка из «Правды», 21 декабря 1949 г. в честь 70-летия И.В. Сталина). Москва: Госполитиздат.

Отчетный доклад ЦК КП(б) Укр. XVI съезду Коммунистической партии (большевиков) Украины 25 января

1949 г. Киев: Украинское издательство политической литературы. (На укр. и русском языках).

1950 г.

О некоторых вопросах дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Москва: Госполитиздат.

Об очередных задачах колхозов и МТС в связи с укрупнением мелких сельскохозяйственных артелей. Москва: Госполитиздат.

Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 7 марта 1950 года. Москва: Госполитиздат.

Сталинская дружба народов – залог непобедимости нашей Родины (по случаю 70-летия И.В.Сталина). Москва: Госполитиздат.

1952 г.

Доклад XIX съезду партии об изменениях в уставе ВКП(б), 10 октября 1952 г. Москва: Госполитиздат. (На русском языке).

On Changes in the Rules of the Communist Party of the Soviet Union. New York: New Century Publishers).

Изменения в уставе ВКП(б) (тезисы доклада на XIX съезде ВКП(б). М.: Госполитиздат.

Отчетный доклад на Московской X областной конференции «О работе МК ВКР(б)». Москва: Московский рабочий.

1953 г.

О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР: доклад на пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г. Москва: Госполитиздат.

За прочный мир и мирное сосуществование. Москва: Госполитиздат.

1954 г.

О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель: доклад на пленуме Центрального Комитета КПСС 23 февраля 1954 г. Москва: Госполитиздат.

«Одним словом, картина неприглядная: записка Н.С. Хрущёва в Президиум ЦК КПСС о поездке по Дальнему Востоку и Сахалину, 2 ноября 1954 г.».

Источник: документы Русской истории. № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 16–28 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

Речь на Первой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва

26 апреля 1954 года. М.: Госполитиздат.

Speech at the First Session of the Supreme Soviet of the USSR, April 26, 1954. Moscow: Foreign Languages Publishing House.

Речь на собрании избирателей Калининского избирательного

округа города Москвы, 6 марта 1954 года. Москва: Госполитиздат.

«Вы скажите, куда же вы раньше смотрели»: речь тов. Хрущёва на совещании Секретариата Кемеровской области и городских комитетов КПСС, 8 мая 1954 г. Источник: документы Русской истории. № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 9–15 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

1955 г.

«А товарищ Маленков говорит о гибели цивилизации»: выступление Н.С. Хрущёва на заседании партгруппы Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 29–37 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР: доклад на пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1955 г. Москва: Госполитиздат.

Measures for the Further Development of Agriculture in the USSR. Moscow: Foreign Languages Publishing House.

О широком внедрении индустриальных методов, улучшении качества и снижении стоимости строительства: доклад на Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций. 7 декабря 1954 г. Москва: Госполитиздат.

Об увеличении производства продуктов животноводства: доклад на пленуме Центрального Комитета КПСС 25 января 1955 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на 4-й сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 29 декабря 1955 года. Москва: Госполитиздат.

«We Stand for Peaceful Coexistence»: Interviews with N. S. Khrushchev, N. A. Bulganin, (and) G. K. Zhukov, by William Randolph Hearst. New York: New Century Publishers.

За дальнейшее увеличение производства хлопка: речь на совещании работников хлопководства республик Средней Азии, Закавказья и Казахской ССР в Ташкенте 20 ноября 1954 г. Москва: Госполитиздат.

1956 г.

«Если сказал “А”, то надо говорить и “Б”»: выступление Н.С. Хрущёва на собрании партактива Москвы 4 ноября 1956 г. Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 63–77. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

«Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы: записка Н.С. Хрущёва в Президиум ЦК не ранее

24 сентября 1956 г.» Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 38–58. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

На новые подвиги, молодежь! Речь перед молодежью Москвы. Молодая гвардия.

О культе личности и его последствиях: доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущёва Н.С. на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Известия ЦК КПСС (1989, № 3): 128–70.

The Crimes of the Stalin Era: Special Report to the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Annotated by Boris I. Nicolaevsky. (New York: New Leader, 1956).

Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза на XX съезде партии 14 февраля 1956 года. Москва. Госполитиздат.

Report of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union to the Twentieth Party Congress. Delivered by N. S. Khrushchev, First Secretary, CC, CPSU. No Place: New Times.

Речь на празднике московских строителей, посвященном Дню строителей и открытию Стадиона имени В.И. Ленина 31 июля 1956 г. Москва: Госполитиздат.

Речь на Четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва

29 декабря 1955 года. Якутск: Якутское книжное издательство.

1957 г.

Борьба за увеличение производства кукурузы – всенародная задача: речи на совещаниях работников сельского хозяйства Краснодарского края, Юга и Северного Кавказа 8 и 12 марта 1957 года. Москва: Правда.

Юбилей Ленинграда. Речи Б.А. Покровского, А.П. Филиппова, Н.С. Хрущёва.

Ленинград: Лениздат.

Mr. Krushchev Speaks (interview broadcast over CBS radio and television network on June 2, 1957). New York National Council of American-Soviet Friendship.

О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством: доклад на VII сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 7 мая 1957 года. Москва: Госполитиздат.

On the Further Improvement of Management in Industry and Construction in the USSR: Report and Reply to Discussion at the Seventh Session of the Supreme Soviet, 7–10 May 1957. London: Soviet News.

Привести в действие все резервы увеличения производства мяса и молока: речи на совещаниях работников сельского хозяйства в Москве, Воронеже и Горьком. Москва: Госполитиздат.

Речь на Девятой сессии Верховного Совета четвертого созыва 21 декабря 1957 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на Юбилейной Сессии Верховного Совета УкрССР 24 декабря 1957 года. Киев: Госполитиздат УкрССР.

Речь на совещании работников сельского хозяйства Горьковской, Арзамасской, Кировской областей, Марийской, Мордовской и Чувашской АССР, 8 апреля 1957 г. Чебоксары: Чувашский Госиздат.

Report of the American-European Seminar on the USSR Including Their Interview with Khrushchev in the Kremlin. West Haven, Conn.: Printed by Promoting Enduring Peace.

Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции: доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года. Москва: Правда.

Report by N.S. Khrushchev to a Joint Session of the Supreme Soviet of the USSR:

On the Eve of the Fortieth Anniversary of the Great October Socialist Revolution, Moscow, November 6, 1957. London: Soviet News.

В ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки (США) по производству мяса, масла и молока на душу населения: доклад на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в городе Ленинграде 22 мая 1957 года. Москва: Госполитиздат.

«Verbatim Reports of Two Interviews Granted (by Nikita Khrushchev) to American Newspaper Men: Mr. Henry Shapiro of United Press, November 14th, 1957 (and) Mr.W. Randolph Hearst Jnr., of International News Service, November 22nd, 1957, by Nikita Sergeevich Khrushchev». London: Soviet News.

«Вы сидите, как сурок, и о демократии говорите: выступление Н.С. Хрущёва на совещании писателей в ЦК КПСС 12 мая 1957 г.» Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 77–90. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

За тесную связь литературы и искусства в жизни народа: сокращенное изложение выступлений на совещании писателей в ЦК КПСС 18 мая 1957 года; на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая 1957 года; на партийном активе в июле 1957 года. Москва: Госполитиздат.

Closer Alliance of Literature and Art with Life of the People. Ottawa: Press Office of the USSR Embassy in Canada)

1958 г.

Exclusive Interview: How We Can Do Business with Russia. A Personal Interview Given by N. S. Khrushchev to Eric Ridder, Publisher, and H. E. Luedicke, Editor, the Journal of Commerce; with Analysis and Comment on Traveling in Russia. New York: Journal of Commerce. 19pp.

Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов: доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Khrushchev on Yugoslavia. Sidney, Australia: Current Book Distributors.

Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Москва: Госполитиздат.

Control Figures for the Economic Development of the USSR, 1959–1965: Report to the Special 21th Congress of the Communist Party of the Soviet Union and Reply to Discussion. Montreal: International Film @ Publication.

О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций: доклад и заключительное слово на Первой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва 27 и 31 марта 1958 года. Москва: Госполитиздат.

О некоторых вопросах международного положения: выступление на совещании передовиков сельского хозяйства Белорусской ССР 22 января 1958 г. Москва: Госполитиздат.

Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работу МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов: (речь на Пленуме ЦК КПСС, 1958). Москва: Госполитиздат.

Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране: (предложения, изложенные в записке Н.С. Хрущёва, одобрены Президиумом ЦК КПСС). Киев: Госполитиздат УкрССР.

Proposal to Reform Soviet Education; Memorandum on Strengthening the Ties of the School with Life and Further Developing the System of Public Education. London: Soviet News.

Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства: речь на Пленуме ЦК КПСС (май, 1958). Москва: Госполитиздат.

Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза на XX съезде партии 14 февраля 1956 года. Москва: Госполитиздат. (Библиотечка по научному

социализму).

Речь на VII съезде Болгарской коммунистической партии 3 июня 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на V съезде Социалистической единой партии Германии 11 июля 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на митинге трудящихся Москвы, посвященном дружбе народов Советского Союза и Чехословакии 12 июля 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на митинге строителей Волжской гидроэлектростанции имени Владимира Ильича Ленина 10 августа 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на митинге трудящихся Москвы, посвященном дружбе народов Советского Союза и Чехословакии 12 июля 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 14 марта 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Pre-Election Address to His Moscow Constituents, Mar. 14, 1958, (and) at a Meeting in Budapest on the 13th Anniversary of Hungary's Liberation from Fascism, Apr. 3, 1958. Ottawa: Press Office USSR Embassy in Canada.

Речь на совещании передовиков сельского хозяйства Белорусской ССР, 22 января 1958 г. Москва: Госполитиздат.

Речь на Торжественном заседании Смоленского обкома КПСС и Областного совета депутатов трудящихся, посвященном вручению области Ордена Ленина, 13 августа 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на Торжественном заседании в городе Киеве, посвященном вручению Ордена Ленина Киевской области, 26 апреля 1958 г. Киев: Госполитиздат УкрССР.

«Самая благородная и интересная работа у архитекторов и строителей: стенограмма беседы Н.С. Хрущёва с участниками V Конференции Международного Союза Архитекторов, Москва, 25 июля 1958 г.» Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 90–97 (Вестник архива Президента Российской Федерации).

Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции: доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года. Москва: Госполитиздат.

Speech at the Meeting of Political Consultative Committee of Warsaw Treaty Member-States on May 24, 1958; Speech at VII Congress of Bulgarian Communist Party on June 3, 1958. Ottawa: Press Office USSR Embassy in Canada.

Targets of the Seven-Year Plan for Soviet Economy, 1959–1965.

London: (Советский буклет.)

Величественная программа коммунистического строительства в нашей стране: речь на приеме выпускников военных академий 14 ноября 1958 года. Москва: Госполитиздат.

Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества: речь на XVIII съезде ВЛКСМ 18 апреля 1958 года. Москва: Молодая гвардия.

За дальнейший подъем советского хлопководства: речь на Всесоюзном совещании хлопководов 10 февраля 1958 года. Москва: Госполитиздат.

1959 г.

«Человек, окончивший университет с отличием в жизни этого отличия может и не получить» – выступление Хрущёва на выпуске физического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова 20 января 1959 г. Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 97–101 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

«Держать такую большую армию значит понижать наш экономический потенциал» – записка Хрущёва в ЦК КПСС «О дальнейшем сокращении Вооруженных Сил СССР, 8 декабря 1959 г. Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 101–4. (Вестник Архива Президента Российской Федерации). Полный текст на русском языке можно найти в: *Никита С. Хрущёв.* Время. Люди. Власть, 4: 544–51. Москва, 1999.

«Memorandum of N. S. Khrushchev on Military Reform». In Nikita S. Khrushchev, Memoirs of Nikina Khrushchev, Vol. 2: Reformer. University Park: Pennsylvania State University Press, 2006.

For Competition and Cooperation. New York: International Arts and Sciences Press.

К победе в мирном соревновании с капитализмом. Москва: Госполитиздат.

Nations Should Live as Good Neighbors (Nikita Khrushchev's address on U.S. television, Washington, D.C. September 27, 1959) London: Издатель не указан.

О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы: доклад и заключительное слово на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января и 3 февраля 1959 года. Москва: Госполитиздат.

Target Figures for the Economic Development of the Soviet Union, 1959–1965. London: (Советский буклет).

О международном положении и внешней политике Советского Союза: доклад на Третьей сессии Верховного Совета

СССР 31 октября 1959 года. Москва: Госполитиздат.

The International Situation and Soviet Fofeign Policy: Report Given at the Third Session of the USSR Supreme Soviet on October 31, 1959, New York: Crosscurrents Press.

О мирном сосуществовании. Москва: Госполитиздат.

On Peaceful Co-Existence (full text of an article written for the American magazine Foreign Affairs). London: Soviet News.

Peace and Progress Must Triumph in Our Time (Report of N.S. Khrushchev on His Visit to the United States to a Meeting of Moscow People at the Sports Palace of the Lenin Stadium, September 28, 1959.) London: Советский буклет.

Полнее используем резервы для дальнейшего подъема сельского хозяйства: речь на Пленуме ЦК КПСС 25 декабря 1959 года. Москва: Госполитиздат.

Претворение в жизнь Ленинских идей электрификации страны – верный путь к победе коммунизма: речь на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству 28 ноября 1959 года. Москва: Госполитиздат.

Речь Н.С. Хрущёва на Девятой общегерманской рабочей конференции в городе Лейпциге 7 марта 1959 г. (Москва), 1959. (Приложение к журналу «Новое время», апрель 3, 1959.)

Речь на VII съезде Венгерской социалистической партии, 1 декабря 1959 г. Москва: Госполитиздат.

Речь на собрании Калининского избирательного округа 24 февраля 1959 г. Москва: Госполитиздат.

Речь на Внеочередном XXI съезде КПСС, 31 января 1959 года. Москва: Госполитиздат.

Речь тов. Н.С. Хрущёва на Торжественном заседании Верховного Совета Молдавской ССР и ЦК Коммунистической партии Молдавии, посвященном вручению Молдавской ССР ордена Ленина, 19 мая 1959 г. Кишинев, Молдавия: Партиздат.

Речи в Туле и Сталиногорске 16–18 февраля 1959 г. Тула: Тульское книжное издательство.

Служение народу – высокое признание писателей (речь на Третьем съезде советских писателей). Москва: Госполитиздат.

Soviet Writes Lofty Mission: To Serve the People (Speech at the Third Soviet Writers Congress). Информация о дате и месте публикации отсутствует.

Сорок лет Октябрьской социалистической революции: доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года. (Библиотечка по научному социализму). Москва: Госполитиздат.

Советская печать должна быть самой сильной и боевой: выступление на приеме советских журналистов в Кремле

14 ноября 1959 года. Москва: Госполитиздат.

Советское правительство предлагает всеобщее и полное разоружение всех государств: выступление на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, 18 сентября 1959 г. Декларация Советского правительства. Издательство «Новое время».

Speech at the United Nation General Assembly, September 18, 1959, and Declaration of the Soviet Goverment. Ottawa: Press Office USSR Embassy in Canada.

Воля народов всех стран – обеспечить мир во всем мире: речь на митинге в станице Вешенской Ростовской области 30 августа 1959 года. Москва: Госполитиздат.

World Peace is the Desire of All Peoples. (London): Soviet Weekly.

За дальнейший подъем производительных сил страны, за технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства: речь на Пленуме ЦК КПСС

29 июня 1959 г. Москва: Госполитиздат.

Заключительное слово на Внеочередном XXI съезде КПСС, 5 февраля 1959 г. Москва: Госполитиздат.

1960 г.

40 лет Азербайджанской ССР и Коммунистической партии Азербайджана: выступление на торжественном заседании 25 апреля 1960 года в Баку, посвященном 40-летию установления Советской власти и создания Коммунистической партии Азербайджана. Москва: Госполитиздат.

For Victory in Peaceful Competition with Capitalism. With a special introduction written for the American ed. New York: Dutton. (Also published in the United Kingdom: For Victory in Peaceful Competition with Capitalism. With a special preface written for the English ed. London: Hutchinson.)

«Каждый народ должен сам решать, как ему жить: беседа Н.С. Хрущёва с индийским писателем Х.А. Аббасом 6 января 1960 г.». Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 105–15 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

Let Us Work for Peace (Address of N. S. Khrushchev on French television, April 2, 1960. London: (Советские буклеты.)

Мирное сосуществование: три статьи. By Nikita Sergeevich Khrushchev, George Frost Kennan, and Fedor Lebedev. Munich: Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (TSOPE).

Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния

советского народа: доклад и заключительное слово на Пятой сессии Верховного Совета СССР 5 мая 1960 года. Москва: Госполитиздат.

The Abolition of Taxes on Factory and Office Workers and Other Measures to Advance the Well-Being of the Soviet People (report and concluding speech to the Supreme Soviet, May 5–7, 1960). London: Soviet Booklets; Also: Raising the Soviet Standard of Living (Report). New York: Crosscurrents Press).

Ordeal of the UN: Khrushchev, Hammarskjold, and the Congo Crisis. By Theodor Drapper, Dag Hammarskjold, and Nikita Sergeevich Khrushchev. New York: Издатель не указан.

Peace in Europe – Peace Throughout the World (Speech of N.S. Khrushchev on the Result of his visit to France, at a Meeting of Moscow Working People, April 4, 1960). London: (Советский буклет.)

Разоружение – путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами: доклад и заключительное слово на Четвертой сессии Верховного Совета СССР 14 января 1960 года. Москва: Госполитиздат.

Disarmament: The Way to Secure Peace and Friendship Between Nations. London: Советский буклет, 1960.

Речь на Третьем съезде Румынской рабочей партии; речь на митинге трудящихся в Бухаресте 23 июня 1960 года. Москва: Госполитиздат.

Speech at Third Congress of the Rumanian Worker's Party, Bucharest, June 21, 1960 London: Советский буклет.

«Ругаем буржуев, капиталистов-империалистов: записка Н.С. Хрущёва членам Президиума ЦК КПСС из ООН, 10 октября 1960 г.». Источник: документы Русской истории № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 116–17. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

The Socialist Way (National television address, Washington, D.C. September 27, 1959). New York: New Century.

Soviet Policy in the Current International Situation (speech at the USSR Conference of Leaders in the Emulation Movement of Communist Work Teams and Shock Workers, May 28, 1960). New York: Crosscurrents Press.

Созидательным трудом крепить дело мира, обеспечить победу в экономическом соревновании с капитализмом: выступление на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад коммунистического труда 28 мая 1960 года. Москва: Госполитиздат.

Work Creatively to Strengthen the Cause of Peace, to Ensure Victory in the Economic Competition with Capitalism; Soviet Policy in

Current International Situation (speechs). Ottawa: Press Office USSR. Посольство в Канаде.

Speech at the Meeting of the People of Moscow on His Return from the Visit to France on April 4, 1960, and His Address over French Television on April 2, 1960. Ottawa: Press Office.

Спорт в СССР – Lo Sport Nell' URSS – Sports in the USSR – Le Sport en URSS (message from Chairman of the Council of Ministers of the USSR: text in Italian, English, French, Spanish, and German). Al Comitato Olimpico Nazionale Italiano Organizzatore dei XVII Giochi Olimpici. Информационное бюро Советского Союза.

Statement and Replies to Questions, Gorky Park, Moscow, May 11, 1960: The U-2 Plane Incident (photos of the exhibit on the U-2 plane incident at Gorky Park, Moscow). New York: Crosscurrents Press.

Свободу и независимость всем колониальным народам; Решить проблемы всеобщего разоружения! Москва: Госполитиздат.

Freedom and Independence to All Colonial People: Solve the Problem of Total Disarmament (речь Н.С. Хрущёва на 15-й сессии Генеральной Ассамблее Объединенных Наций, сентябрь 23, 1960; документы подготовлены правительством СССР). Лондон: Советский буклет.

Встреча Н.С. Хрущёва с представителями деловых кругов Австрии. Выступление Н.С. Хрущёва. Москва. Издатель не указан (из журнала «Внешняя торговля» (1960, июль, № 7).

За мир, за разоружение, за свободу народов: выступление в Нью-Йорке, на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 19 сент. – 13 окт. 1960 г. Речь на митинге трудящихся Москвы о работе Советской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Москва: Госполитиздат.

За прочный мир во имя счастья и светлого будущего народов: речь на Всероссийском съезде учителей 9 июля 1960 года. Москва: Госполитиздат.

Заявление Предедателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва Президенту Франции де Голлю, Премьер-министру Великобритании Макмиллану, Президенту США Эйзенхауэру, 16 мая 1960 г. (Москва. Издатель не указан. Приложение к журналу «Новое время» № 21, май).

1961 г.

К новым успехам литературы и искусства (сокращенное изложение выступлений на встречах с представителями интеллигенции 17 июля 1960 года, на приемах в честь писателей и композиторов РСФСР). Москва: Госполитиздат.

«Надо сказать, что у архитекторов мозги навыворот:

замечания Н.С. Хрущёва по вопросам строительства, 28 сентября 1961 г.» Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 119–22 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

«Намечалось на 13-е, но, видимо, поддались суеверию: предложение Н.С. Хрущёва членам Президиума ЦК КПСС в связи с запуском космического корабля Восток с Юрием Гагариным, 11 апреля 1961 г.». Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 117–19 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

«Немцы в этом соревновании могут быть не последними, и они давно показали всему миру свои способности: замечания Н.С. Хрущёва 11 декабря 1961 г.». Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 122–28 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

О программе Коммунистической партии Советского Союза: доклад на XXII съезде КПСС 18 октября 1961 года. Москва: Госполитиздат.

Report on the Program of the Communist Party of Soviet Union: Delivered by N.S. Khrushchev, First Secretary, to the 22nd Congress of the CPSU, October 18, 1961, and Reply to Discussion, October 27, 1961. London (Советский буклет).

Отчет XXII съезду партии, 17 октября 1961 года. Москва: Госполитиздат.

Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии: (17 октября 1961 года). Москва: Госполитиздат.

Report on the Program of the Communist Party of the Soviet Union: October 17, 1961. New York: Crosscurrents Press.

A Peace Treaty with Germany: Three Speeches (Crosscurrents Press).

Полнее использовать возможности Северного Кавказа для увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство.

Повышать уровень руководства сельским хозяйством: речь… на совещании передовиков сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР в г. Москве, 23 февраля1961 г. (Свердловск, издатель не указан).

Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов: речь на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 года. Москва: Госполитиздат.

Правильное использование земли – важнейшее условие быстрого увеличения производства зерна, мяса, молока и других

сельскохозяйственных продуктов: речь на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик нечерноземной зоны РСФСР в Москве 14 декабря 1961 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на V Всемирном конгрессе профсоюзов 9 декабря 1961 года. Москва: Госполитиздат.

Речь на Торжественном заседании в городе Ереване, посвященном 40-летию установлению Советской власти и созданию Коммунистической партии Армении, 6 мая 1961 года. Ереван: Армянское государственное издательство.

Речь товарища Н.С. Хрущёва на Торжественном заседании Верховного Совета Грузинской ССР и ЦК Компартии Грузии, посвященное 40-летию установления Советской власти и образованию Коммунистической партии Грузии, 12 мая 1961 г. в Тбилиси. Тбилиси: Издательство ЦК КП Грузии.

Самоотверженный труд во имя торжества коммунизма – долг каждого советского человека: речь на совещании работников сельского хозяйства Сибири 26 ноября 1961 года в г. Новосибирске. Москва: Госполитиздат.

Увеличение производства сельскохозяйственных продуктов – важнейшая задача коммунистического строительства: речь на совещании работников сельского хозяйства Украинской ССР 22 декабря 1961 года в г. Киеве. Москва: Госполитиздат.

Важная роль целинных земель в осуществлении программы строительства коммунизма: речь на совещании работников сельского хозяйства Казахстана в г. Целинограде 22 ноября 1961 года. Москва: Госполитиздат.

Все силы на успешное осуществление исторических решений XXII съезда КПСС: речь на совещании работников сельского хозяйства Узбекистана, южных областей Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Азербайджана в г. Ташкенте 16 ноября 1961 года. Москва: Госполитиздат.

Выступление по радио и телевидению 15 июня 1961 года (Об итогах встречи с президентом США Дж. Кеннеди). Москва: Госполитиздат.

Взять новые рубежи в развитии сельского хозяйства Сибири: речь на совещании передовиков сельского хозяйства областей, краев и автономных республик Сибири в г. Новосибирске 8 марта 1961 года. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство.

За новые победы мирового коммунистического движения: к итогам совещания представителей коммунистических и рабочих партий (Москва, 1960). Москва: Госполитиздат.

Khrushchev's Report on Moscow Conference of Representatives of Communist and Working Parties. Washington, D. C.

Заявление Председателя Совета Министров Н.С. Хрущёва по вопросу об испытаниях ядерного оружия, сделанное 9 сентября 1961 года Соединенным Штатам Америки и Англии. (Москва: Издатель не указан.) (Приложение к журналу «Новое время» № 38, 15 сентября 1961).

Заключительное слово на XXII съезде КПСС, 27 октября 1961 г. Москва: Госполитиздат.

1962 г.

Беседа Н.С. Хрущёва с американским издателем Г. Коулсом 20 апреля

1962 года. Москва: Госполитиздат.

An Interview with Nikita Khrushchev: Moscow, April 20, 1962: A Personal Report and the Official Verbatim Trancript. By Gardner Cowles. (Дата и издатель не указаны).

Дружба – навеки: речь на митинге советской и кубинской молодежи в Кремле 2 июня 1962 года. Москва: Госполитиздат.

«Это еще историей признано, что всякие войны кончаются мирным договором: беседа Н.С. Хрущёва с исполняющим обязанности Генерального секретаря ООН У. Таном 28 августа 1962 г.». Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 150–59 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

«Я являюсь продуктом Сталинской эпохи: речь Н.С. Хрущёва на товарищеском ужине в Ясинограде (Варна), 16 мая 1962 г.». Источник: документы Русский истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 128–39 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

Каждая советская республика должна внести достойный вклад в строительство коммунизма: речь на совещании работников сельского хозяйства Белорусской ССР в г. Минске 10 января 1962 года. Москва: Госполитиздат.

Khrushchev Speaks to Moscow Voters: Speech at a Meeting of the Kalinin Election District, March 16, 1962. New York: Crosscurrents Press.

Message to the Peoples of the World; Letter from Prof. J.D. Bernal, on Behalf of the Committe for the World Congress for General Disarmament and Peace to the Heads of Governments of the 18 Member Nations of the Disarmament Committee Meeting in Geneva, with Replies. By Nikita Sergeevich Khrushchev, and J. D. Bernar. International Institute for Peace. Vienna: International Institute for Peace.

Молодые строители коммунизма, высоко несите знамя Ленина: речь на XIV съезде комсомола 19 апреля 1962 года. Москва: Молодая гвардия.

«Надо серьезно отнестись к этому: к записке Н.С. Хрущёва Президиуму ЦК КПСС о поездке на Север 24 июля 1962 г.». Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 139–47 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

Насущные вопросы развития мировой социалистической системы (из журнала «Проблемы мира и социализма» № 9, 1962). Москва: Госполитиздат.

«Ну, идите, показывайте мне свою мазню: высказывания Н.С. Хрущёва при посещении выставки произведений московских художников 1 декабря 1962 г.». Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 159–68 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством: доклад на Пленуме ЦК КПСС 19 ноября 1962 года. Москва: Госполитиздат.

Khrushchev. 19 November. Report to CPSU General Committe Plenum (Washington, D. C.): Foreign Broadcast Information Service.

Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза: доклад на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 года. Москва: «Правда».

The Present International Situation and the Foreign Policy of the Soviet Union: Report to the USSR Supreme Soviet on December 12, 1962. New York: Crosscurrents Press, 1963.

Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством (Советский народ успешно выполнит программу дальнейшего развития сельского хозяйства.): доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК КПСС 5 и 9 марта 1962 г. Москва: Госполитиздат, 1962.

The Present Stage of Building Communism and the Party's Tasks in Improving Farm Management: Report to the Central Committee of the CPSU, March 5–7, 1962. London: Советский буклет.

Vital Question of the Development of the Socialist World System. Moscow and Chicago: Foreign Languages Publishing House (Distributed by Cross World Books @ Periodicals).

Всемерно укреплять производственные колхозно-совхозные управления. Москва: Гополитиздат.

Всеобщее и полное разоружение – гарантия мира и безопасности всех народов: речь на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир. 10 июля 1962 года. Москва: Госполитиздат.

General and Complete Disarmament – Guarantee of Peace and Security for All People (Address at the World Congress for General

Disarmament and Peace, Delivered July 10, 1962. New York: Crosscurrents Press.

За мир, труд, свободу, равенство и братство: речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 16 марта 1962 года. Москва: Госполитиздат.

За новые успехи в работе железнодорожного транспорта: речь на Всесоюзном совещании работников железнодорожного транспорта, 10 мая 1962 года. Москва: Госполитиздат.

1963 г.

Братский союз, нерушимая дружба: речь на митинге советско-венгерской дружбы 19 июля 1963 года. Москва: Госполитиздат.

For New Victories for the World Communist Movement: Concerning the Results of the Meeting of Representatives of the Communist and Workers' Parties. Prague: Peace and Socialism.

«Я здесь не претендую на истину». Из стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС 23 декабря 1963 г. Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 173–82 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

Марксизм-ленинизм – наше знамя, боевое оружие: речь на Пленуме ЦК КПСС 21 июня 1963 года. Москва: Госполитиздат.

Marxism-Leninism is Our Banner, Our Fighting Weapon: Full Text of the Speech Made by Nikita Khrushchev to a Plenary Meeting of the Central Committee of the CPSU Held in Moscow on June 18–21, 1963. London: Издатель не указан.

«Не такие мы богатые, чтобы что-то выдумывать и печатать: высказывания Н.С. Хрущёва на заседании Президиума ЦК КПСС 25 апреля 1963 г.». Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва («003): 169–73. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

The New Content of Peaceful Coexistence in the Nuclear Age: Speech at the 6th Congress of the Socialist Unity Party of Germany, Berlin, January 16, New York: Crosscurrents Press.

Проблемы национально-освободительной борьбы: ответы на вопросы редакций газет «Ganien taims», «Al'zhe republiken», «Pepl», і «Botatayn». Москва: Политиздат.

Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 27 февраля 1963 года. Москва: Госполитиздат.

Nikita Khrushchev's Speech at Moscow Election Meeting: Full Text of the Speech Made by N.S. Khrushchev to an Election Meeting in Moscow on February 27th, 1963. London (Советский буклет).

Служить делу коммунизма: речь на XIII и XIV съездах ВЛКСМ. Москва: Молодая гвардия.

Создать устойчивые базы для получения высоких

гарантированных урожаев: речь на совещании работников сельского хозяйства Северного Кавказа в г. Краснодаре, 26 сентября 1963 года. Москва: Политиздат.

Ускоренное развитие химической промышленности – важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа: доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК КПСС 9 и 13 декабря 1963 года. Москва: Политиздат.

В едином строю – к единой цели: речь на митинге германо-советской дружбы в Берлине 2 июля 1963 года. Москва: Госполитиздат.

В пятом году семилетки возмем новые рубежи в развитии сельского хозяйства: речь на совещании секретарей партийных комитетов и начальников производственных колхозно-совхозных управлений Российской Федерации 12 марта 1963 года. Москва: Госполитиздат.

Все резервы промышленности и строительства – на службу коммунизму! Речь на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1963 г. Москва: Госполитиздат.

Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства: речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года. Москва: Госполитиздат.

The Great Strength of Soviet Literature and Art: Full Text of the Speech Made by Nikita Khrushchev to a Meeting of Party and Government Leaders with Writers and Artists in the Kremlin on March 8th, 1963. London: Советский буклет. Также: High Ideology and Artistry Are the Great Force of Soviet Literature and Art: Speech by

N. S. Khrushchev at Meeting of Party and Government Leaders with Men of Letters and Art, March 8, 1963. Brooklyn: Brooklyn College.

Выступление на VI съезде Социалистической единой партии Германии,

16 января 1963 года (плакат). Москва: Госполитиздат.

1964 г.

Интенсификация производства – главное направление в развитии сельского хозяйства: речь на Пленуме ЦК КПСС 14 февраля 1964 года. Москва: Госполитиздат.

The Intensification of Production Is the Main Trend in the Development of Agriculture (Khrushchev February 14 Speech to the CPSU Central Committee Plenum). (Washington, D. C: Foreign Broadcast Information Service.)

«Мы находимся на рубеже или славы, или позора»: замечания Н.С. Хрущёва к записке о Проекте Основных направлений

развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 годы, 22 сентября 1964 г. Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 183–88 (Вестник Архива Президента Российской Федерации.)

The National Liberation Struggle, Results and Prospects. London: Издатель не указан.

О некоторых вопросах, связанных с осуществлением курса партии на интенсификацию сельского хозяйства: записка в Президиум ЦК КПСС 13 апреля 1964 года. Москва: Госполитиздат.

О мерах по выполнению Программы КПСС в области повышения благосостояния народа: доклад и заключительное слово на сессии Верховного Совета СССР 13 и 15 июля 1964 года. Москва: Политиздат.

On Measures for Fulfilling the CPSU Programme for Raising the Living Standards of the People: N.S. Khrushchev's Report at the USSR Supreme Soviet Session on July 13, 1964. Москва: Новости.

Послание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва главам государств (правительств) стран мира, 31 дек. 1963 г. Москва: Политиздат.

In Messages (at the Disarmament Conference in Geneva (January 21, 1964): Premier Nikita S. Khrushchev to Heads of Governments of the Countries of the World (December 31, 1963) President Lyndon B. Johnson Reply to the Message of Premier Khrushchev (January 18, 1964), President Lyndon B. Johnson to the Disarmament Conference in Geneva (January 21, 1964). Editorials: The New York Times, «New Start at Geneva» (January 21, 1964). «Disarmament Thaw» (January 31, 1964). New York: National Council of American-Soviet Friendship.

Успешно осуществить решения Февральского Пленума ЦК КПСС об интенсификации сельскохозяйственного производства: доклад на совещании партийных, советских и сельскохозяйственных органов 28 февраля 1964 года. Москва: Политиздат.

Successfully Implement the Decision of the February Plenum of CPSU Central Committee on Intensification of Agricultural Production (Washington, D.C.): Foreign Broadcast Information Service.

«Возможно ли строительство социализма людьми, которые не стоят на марксистских позициях: некоторые соображения, высказанные Н.С. Хрущёвым для обсуждения в Президиуме ЦК КПСС, продиктованные 27 июля 1964 г.». Источник: документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв. Москва (2003): 182–83 (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

1970 г.

«Беседа с Н.С. Хрущёвым в Комитете Партийного Контроля 13 ноября 1970 года». Из книги «Никита Сергеевич Хрущёв, Время. Люди. Власть». Москва: Московские Новости, 1999, 3: 611–22.

«Conversation with Khrushchev in the Party Control Committee, November 13, 1970», in Nikita S. Khrushchev, Memoirs of Nikita Khrushchev, Vol. 2: Reformer. University Park: Pennsylvania State University Press, 2005.

1971 г.

«Неизвестное интервью Никиты Хрущёва, 28–30 августа 1971 года». Новый меридиан, № 486, 10–11.

СБОРНИКИ РАБОТ ПО ГОДАМ

1958 г.

Хрущёв о Сталине (сборник). Нью Йорк: Телекс, 1988. Включая доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС; Заключительное слово на XXII съезде КПСС; О секретном докладе на XX съезде КПСС: (из воспоминаний Н.С. Хрущёва).

За прочный мир и мирное сосуществование. (Интервью Хрущёва с иностранными корреспондентами в 1971 г.). Москва: Госполитиздат, 1958. Стр. 366.

Speeches and Interviews on World Problems, 1957. Москва: Издательство иностранной литературы. 386 стр.

За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа (сборник документов); (сокращенное изложение выступлений на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г.; на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая 1957 г.; на партактиве в июле 1957 г.). Москва: Искусство. Стр. 72.

1959 г.

К победе в мирном соревновании с капитализмом: (сборник) Москва: Госполитиздат. Стр. 600.

1960 г.

Collection of Speeches, Interviews, Addresses, Reports. Chicago: Council of America-Soviet Friendship.

Мир без оружия – мир без войны: (выступление по вопросам внешней политики СССР и международного положения, интервью и беседы с иностранными деятелями, опубликованные советской печатью в 1959 году). Москва: Госполитиздат.

О литературе (сборник документов). Москва: Учпедгиз. 256 стр.

The Soviet Union: Faithful Friend of the Peoples of the East: N. S.

Khrushchov's Speeches Made During His Visit to Asian Countries, February-March 1960. New Delhi: Soviet Land Booklets.

1961 г.

Conquest Without War. An Analytical Anthology of the Speeches, Interviews, and Remarks of Nikita Sergeyevich Khrushchev. Edited by N.H. Mager and Jacques Katel. New York: Simon and Schuster. 545 pp.

О внешней политике Советского Союза, 1960 год. Москва: Госполитиздат, 1961. 2 тома. Том 1: январь – май. 630 стр. Том 2: июнь – декабрь. 631 стр.

Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов (сборник выступлений). Москва: Госполитиздат.

1962 г.

Коммунизм – мир и счастье народов. Москва: Госполитиздат. 2 тома.

Communism – Peace and Happiness for the Peoples. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. 2 тома.

1963 г.

Империализм – враг народов, враг мира (из выступлений 1956–1963 гг.). Москва: Издательство иностранной литературы, 1963. 125 стр.

Imperialism – Enemy of the People, Enemy of Peace: Selected Passages, 1956–1963. Москва: Издательство литературы на иностранных языках. 124 стр.

Khrushchev on Culture: A Full Text with Notes on Ehrenburg, Evtushenko, Sholokhov, Painting, Jazz, Cinema, Composers, etc. London: Encounter. 47 pp.

Khrushchev Speaks: Selected Speeches, Articles, and Press Conferences, 1949–1961. Edited by Thomas P. Whitney. Ann Arbor: University of Michigan Press. 466 pp.

Народы СССР и Кубы навеки вместе: документы Советско-Кубинской дружбы (сборник вопросов и документов). Москва: Правда. 447 стр.

The National Liberation Movement: Selected Passages, 1956–63. Москва: Издательство литературы на иностранных языках. 96 стр.

О национально-освободительном движении (из выступлений 1956–1963 гг.). Москва: Политиздат. 96 стр.

О революционном рабочем и коммунистическом движении (из выступлений 1956–1963 гг.). Москва: Политиздат. 128 стр.

Предотвратить войны – первостепенная задача (из выступлений 1956–1963 гг.). Москва: Издательство литературы на иностранных языках.

Avert War, Our Prime Task: Selected Passages, 1956–1963.

Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. 175 pp. Published in Polish: W Wolce o Pokoj i Socjalizm: Wybor Przemowien i Artikulow z Lat 1956–1963. Warsaw: Ksiazka i Wiedza, 1964.

Prevent War, Safeguard Peace. Москва: Издательство «Прогресс». 412 стр.

The Revolutionary Working-Class and Communist Movement: Selected Passages, 1956–1963. Москва: Издательство литературы на иностранных языках. 111 стр.

Служить делу коммунизма: речи на XIII и XIV съездах ВЛКСМ. Москва: Молодая гвардия. 79 стр.

Социализм и коммунизм (из выступлений 1956–1963 гг.). Москва: Политиздат. 192 стр.

Socialism and Communism: Selected Passages, 1956–1963. Москва: Издательство литературы на иностранных языках. 175 стр.

Высокое призвание литературы и искусства. Москва: Правда. 1963. 247 стр.

1964 г.

К победе разума над силами войны. Москва: Политиздат. 432 стр.

О коммунистическом воспитании. Москва: Политиздат. 348 стр.

Речи, выступления, беседы (1959–1964) Никиты Сергеевича Хрущёва. Москва: Госполитиздат.

Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Москва: Госполитиздат, 1962–1964. 8 томов.

The Building of Communism in the USSR and the Development of Agriculture. Washington, D.C.: U.S. Office of Technical Service, Joint Publications Research Service. 6 vols. Published in Czech: O Zemedelstvi: Zari 1953 – Unor 1958, vybral I prelozil Premysl Prokor. Prague: Nakladatelctvi Politicke Literatury, 1963.

1988 г.

Хрущёв о Сталине. Нью Йорк: Телекс, 1988. 95 стр.

2003 г.

Источник: Документы Русской истории, № 6: Никита Сергеевич Хрущёв: сборник материалов. Москва. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

2007 г.

Никита Хрущёв. 1964. Документы. Муждународный Фонд «Демократия», издательство «Материк», Москва, 2007, 572 стр.

2009 г.

Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва в 2-х томах. Международный Фонд «Демократия», Москва, 2009, том 1-й – 652 стр., том 2-й – 876 стр.

2011 г.

Венский Вальс Холодной Войны. Вокруг встречи Н.С. Хрущёва и Дж. Ф. Кеннеди в 1961 г. в Вене. Документы. Изд-во РОССПЭН, Москва, 2011, 751 стр.

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЁВА (ПО ГОДАМ)

Khrushchev, Nikita Sergeevich (1970). Khrushchev Remembers, With an introduction, commentary, and notes by Edward Crankshaw; translated and edited by Strobe Talbott, Boston: Little Brown.

– (1974). Khrushchev Remembers: The Last Testament. Translated and edited by Strobe Talbott, with a foreword by Edward Crankshaw and an introduction by Jerrold L. Schecter. Boston: Little Brown.

– (1979). Воспоминания: избранные отрывки. Составитель Валерий Чалидзе. New York: Chalidze Publication.

– (1990). Khrushchev Remembers. The Glasnost' Tapes. Foreword by Strobe Talbott; translated and edited by Jerrold L. Schecter with Vyacheslav V. Luchkov. Boston: Little Brown.

– (1990–1995). «Воспоминания Никиты Сергеевича Хрущёва». Вопросы Истории. Москва.

– (1997). Воспоминания: избранные фрагменты. Москва: ВАГРИУС, 510 стр. (В серии: «Мой 20 век»).

– (1999). Время. Люди. Власть. Изд-во Москва: Московские Новости. 4 тома.

– (2003). The Memoirs of Nikita Khrushchev: Original Dictations. Providence: Brown University (DVD, 230 hours).

– (2004–2007). Memoirs of Nikita Khrushchev. Edited by Sergei N. Khrushchev; memoirs translated by George Shriver; supplementary material translated by Stephen Shenfield. University Park: Pennsylvania State University Press. Vol.1: Commissar (2004). Vol. 2: Reformer (2006). Vol. 3: Statesman (2007).

– (2005). Воспоминания Н.С. Хрущёва (Избранные фраменты). Перевод на китайский язык с публикации издательства ВАГРИУС, 1997 г. Пекин, 425 рр.

– (2006) «Воспоминания Хрущёва: Время. Люди. Власть». В 3-х томах, всего в 3-х томах: 2735 стр. Перевод на китайский язык Пекинского издательства «Литература общественных наук» с публикации Московские Новости. (4 тома) Москва, 1999.

– (2007) Воспоминания: избранные фрагменты. Москва: ВАГРИУС, 510 стр.

(В серии: «Мой 20 век»).

– (2011) «Мемоари Хрушчов: Хора. Години. Власт». В 3-х томах, 1-й – 415 стр.; 2-й – 423 стр; 3-й – 422 стр. Изд-во

«Прозорец», София. Перевод на болгарский язык с текста: «Воспоминания Хрущёва: Время. Люди. Власть» в 4-х томах, «Московские Новости», 1999 г.

– (2015) «Воспоминания Хрущёва: Время. Люди. Власть». В 3-х томах, всего в 3-х томах: 2735 стр. Второе издание. Издательство «Пекинский время-китайский язык». Перевод на китайский язык с публикации «Московские Новости» (4 тома). Москва, 1999.

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ, В КОТОРЫХ ИДЕТ РЕЧЬ О Н.С. ХРУЩЁВЕ (ПО АЛФАВИТУ)

Abbas, Khwaja Ahmad (1960). Face to Face with Khrushchov (sic). Delhi: Rajpal @ Sons.

Аджубей, Алексей (1989). Те десять лет. Москва: Советская Россия.

– (1991). Крушение иллюзий. Москва: Международная книга.

– (2015). Я был зятем Хрущёва. Москва: АЛГОРИТМ, 2014, 332 стр.

Аксютин, Юрий (1989). Никита Сергеевич Хрущёв: материалы к биографии. Москва: Политиздат.

Александров-Агентов, Андрей М. (1994). От Коллонтай до Горбачева: воспоминания дипломата. Москва: Международные отношения, стр.70–72; 84; 102–103; 106.

Амосов, Николай М. (1999). Голоса времен. Москва: ВАГРИУС, 284 стр.

Вессараб, Майя (1999). Формула счастья Ландау. Москва: ТЕРРА, 132 стр.

Билютин, Элий М. (1990). «Хрущёв и Манеж». «Дружба Народов», № 1, стр. 136–161.

Bissonnette, Reverend George. (No date). Moscow was my Paris, pp. 245–265.

Битов, Андрей (2001). «Самый лысый и смелый». Новое Русское Слово, 24–25 (март), стр. 22.

«The Baldest and the Boldest». In Nikita S. Khrushchev, Memoirs of Nikita Khrushchev, Vol.1: Commissar (1918–1945). University Park: Pennsylvania State University Press, 2004, стр. xxxi – xxxv.

Bohlen, Charles E. (1973). Witness to History, 1929–1969. 1st ed. New York: Norton, pp. 382–83; 400–401; 417–18; 445–46; 465–70; 480–83; 498.

Брутенц, Карэн Н. (1998). Тридцать лет на Старой площади. Москва: Международные отношения, стр. 199; 237–56; 259; 487; 498.

Бурлацкий, Федор М. (2002). Никита Сергеевич и его

советники – красное, черное и белое. Москва: ЭКСМО-ПРЕСС, стр.204–26.

Век Лаврентьева (2000). Новосибирск: ГЕО, СО РАН. Стр.67–68; 149–52; 189–90; 207; 220–23.

Gaulle, Charles de (1971). Memoirs of Hope: Renewal and Endeavor. Translated by Terence Kilmarin. New York: Simon @ Schuster, pp. 209–15; 220–54; 258–60.

Гаврилова, Надежда П. (2004). «Позывные 60-х» (интервью). Московские Новости. № 38 (октябрь 14–16): стр.29.

Говорушко, Н. (1990). «Почетный посетитель». Боевая Вахта (газета Тихоокеанского флота) (28 февраля, 1 марта).

Гришин, Виктор В. (1996). От Хрущёва до Горбачева: политические портреты: мемуары. Москва: АСПОЛ, стр. 7–30.

Грушин, Борис А. (2001). Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Жизнь первая: Эпоха Хрущёва. Москва: Прогресс-Традиция, стр. 110–11; 138; 140–41.

Данелия, Георгий Н. (2005). «Я и Хрущёв». В книге Данелия, Тостуемый пьет до дна: маленькие истории-байки кинорежиссера. Москва: ЭКСМО, стр. 121–26.

Djilas, Milovan (1962). Conversations with Stalin. Translated from Serbo-Croat by Michael B. Petrovich. 1st ed. New York: Harcourt, pp.117–24; 197.

Добрынин, Анатолий Ф. (1996). Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). Москва: Автор, стр. 26–27; 29–33; 37–43; 92–94.

Дубинин, Юрий В. (1996). «Визит во Францию». Вопросы истории. № 3, стр. 113–29.

– (1997). Дипломатическая быль: записки посла во Франции. Москва: РОССПЭН, стр. 81–117; 129.

Егорычев Н.Г. – политик и дипломат. Сборник воспоминаний. Москва: Изд-во «Книга и Бизнес», 2006, стр. 74–112, 338–339.

Ерофеев, Владимир И. (2005). Дипломат: книга воспоминаний. Москва: «Зебра Е.», стр. 419–69.

Жданов, Юрий А. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ-ВШ «Феникс», 2004, стр. 262–264.

Захаров, Николай С. (2000). Как Хрущёв Америку покорил. «Аргументы и факты», № 52, стр. 12.

– (2003). Сквозь годы. Тула: Гриф и К, стр. 98; 110–14; 131–39; 147–48; 150; 153; 165; 181–87; 194; 204–17; 239–51; 260–78.

Злобин, Анатолий (1993). Санитарный день. «Новое время», № 3. Также: Никита Сергеевич Хрущёв (1999). Время. Люди. Власть. Москва: Московские Новости. Том 4, стр. 636–42.

Переведено на английский: Vol. 2: Reformer, 2007.

(Иден), Eden, Anthony, Sir (1960). The Memoirs of Rt. Hon. Sir

Anthony Eden: Full Circle. London: Cassell, pp. 295–311; 354–366.

Cousins, Norman (1961). «More About Khrushchev». Saturday Review, November 21, p. 24.

– (1972). The Improbable Triumvirate: John F. Kennedy, Pope John, Nikita Khrushchev. 1st ed. New York: Norton, pp. 32–110; 152–154.

Кио, Игорь Е. (1999). Иллюзии без иллюзий. Москва: ВАГРИУС, 139 стр.

Киршнер, Л.А. и С.А. Прохватилова (1989). Свет и тени «великого десятилетия». Н.С. Хрущёв и его время. Ленинград: Лениздат.

Колоколов, Борис (1997). Неизвестный Хрущёв. Международные дела, № 5, стр. 218–25.

Королев, Сергей С. (2004). Последняя охота Хрущёва. «Аргументы и факты» № 14, стр. 12.

Королев Юрий А. (2003). За Кремлевской стеной. Москва: Новый век, стр. 77–79.

Kukharchuk (Khrushcheva), Nina P. «Mama's Notebooks, 1971–1984». In: Nikita S. Khrushchev, Memoirs of Nikita Khrushchev, Vol. 2: Reformer. University Park: Pennsylvania State University Press, 2006.

Квицинский, Юлий А. (1999). Время и случай: заметки профессионала. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, стр. 195–272.

Квок, Дмитрий Г. (1993). Год рождения – двадцать четвертый. Москва: Универсум, стр. 44–45; 65–86.

Лакшин, Владимир (1991). «Новый мир» во времена Хрущёва: дневник и попутное (1953–1964). Москва: Книжная палата, стр. 8–9; 16–17; 19; 24; 34–35; 42–43; 53; 73–77; 89–90; 92–93; 95; 108–9; 142; 145–48; 152–55; 157; 163; 166; 170; 183; 190–91; 196; 200–101; 209; 214–16; 219–21; 224–25; 228; 246–48;

251–54; 257; 260; 266.

Lanouette, William (1992). Census in the Shadows: A Biography of Leo Szilard, the Man Behind the Bomb. By William Lanouette with Bela Azilard. New York: Charles Scriner's Sons, pp. 414–29; 438–45; 456–64.

Lee, Harold (1984). Roswell Garst: A Biography. 1st ed. Ames: Iowa State University Press, pp. 169–90; 196–97; 206–9; 218–28; 254–60; 262–65.

Леонов, Николай С. (1997). Лихолетие. Москва: Терра, стр. 70–77; 248.

McCauley, Martin. (1995). The Khrushchev Era, 1953–1964. London and New York: Longman House.

MacDuffie, Marshall (1995). The Red Carpet: 10,000 Miles Through Russia on Visa from Khrushchev. 1st ed. New York: Norton,

pp. xii – xiv; 197–214.

Macmillan, Harold (1971). Riding the Storm, 1956–1959. 1st U.S. ed. New York: Harper, pp. 590–634.

– (1972). Pointing the Way, 1959–1961. 1st U.S. ed. New York: Harper, pp. 89–92.

Магомаев, Муслим М. (1999). Любовь моя – мелодия. Москва: ВАГРИУС, стр. 84–87.

Мазуров, Кирилл Т. (1989). «Я говорю только о себе». Советская Россия. (19 февраля), стр. 56–62.

Micunovic Velko, (1980). Moscow Diary. Translated by David Floyd; Introduction by George Kennan. 1st ed. Garden City, N. Y.: Doubleday, p. xxv.

Микоян, Нами А. (1998). С любовью и печалью (воспоминания). Москва: Терра, стр. 176–77; 189–90; 208–11.

Микоян, Степан А. (2003). Воспоминания военного летчика-истребителя. Москва: Техника – Молодежи, стр. 33; 82–85; 119–20; 292–93; 317–18; 320–22; 352–53; 366.

Miller, John (2010). All Them Cornfields and Ballet in the Evening. United Kingdom: Hodson Press, hh. 67–78.

Мошенцева, Прасковья Н. (1998). Тайны Кремлевской больницы. Москва: Совершенно секретно, стр. 190–96.

Мухитдинов, Нуриддин А. (1995). Река времени: от Сталина до Горбачева: воспоминания. Москва: Русти-Рости, стр. 134–39; 148–49; 152–62; 165–68; 170–73; 182–83; 190–96; 213–20; 235–60; 264–66; 273–75; 286–88; 397–400; 421–22; 459–60; 470–73; 476–84; 491–94; 502–4; 513–16; 520–26; 543–45; 551–52; 554–56.

Nelson, W. Dale (1995). The President Is at Camp David. Foreword by David Eisenhower. 1st ed. Syracuse: Syracuse University Press, pp. 30–50.

Несмеянов, Александр Н. (1999). На качелях XX века. Москва: Наука. стр. 166; 169–71; 255–59; 263–65.

Nixon, Richard M. (1960). The Challenges We Face. Edited and compiled from the speeches and papers of Richard M. Nixon. New York: McGraw-Hill, pp. 23–24; 38 43; 195–99; 219–27; 244–46.

– (1962). Six Crises. Garden, N. Y.: Doubleday, pp. 235–91.

– (1978). The Memoirs of Richard Nixon. New York: Grosset @ Dunlap, pp. 205–13.

– (1982). Leaders. New York: Warner, pp. 169–216.

Непорожний, Петр С. (2000). Энергетика страны глазами министра: дневники 1935–1985. Москва: Энергоатомиздат, стр. 3; 21–25; 30–31; 56–58; 70–71; 81; 94–95; 114–15; 124–25; 160–67; 178–79; 182.

Панкин, Борис Д. (2002). Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. Москва: Воскресение, стр. 133–42; 166; 175–

79.

Пядышев, Борис Д.(2005). Одолев Атлантику, Хрущёв принялся за Нью-Йорк. Сборник. Москва: МГИМО, стр. 9–66.

Райкина, Марина А. (2001). Москва закулисная-2: записки театрального репортера. Москва: ВАГРИУС, стр. 14.

Rockefeller, David (2002). Memoirs. New York: Random House.

Д. Рокфеллер. Мемуары. Москва: Международные отношения. 2003, стр. 224–34.

Родионов, Петр А. (1989). Как начинался застой. Знамя. № 8, стр. 182–210.

Ромм, Михаил М. (1991). Устные рассказы. Москва: Киноцентр, стр. 123–56.

Rusk, Dean (1990). As I Saw It. By Dean Rusk as told to Richard Rusk; edited by Daniel S. Papp. New York: Norton, pp. 218–28; 256–59.

Рыкунин, Николай Н. (2001). «Последний из могикан Советской эстрады» (интервью). Субботник Н.Г.: еженедельное приложение к Независимой газете. (9 июня).

Сахаров, Андрей Д. (1996). Воспоминания. Москва: Права Человека, стр. 1–175; 207–9; 281; 183; 292; 294; 298–99; 300–303; 312–21.

Salinger, Pierre (1966). With Kennedy. Garden City, N. Y.: Doubleday, pp, 175–88; 197–206; 219–37.

Salisbury, Harrison E. (1993). Heroes of My Time. New York: Walker, pp. 84–94.

Сегал, Фридрих И. (1999). Воспоминания. Рига: MIRSNH, стр. 155–57.

Семичастный, Владимир Е. (2002). Беспокойное сердце. Москва: ВАГРИУС, стр. 45–46; 48–57; 113–17; 162–63; 208; 213–14.

Симонов, Константин М. (2005). Разные дни войны, 1942–1945. Москва: Грифон М. стр. 144–46; 204–7.

Симонов, Константин М. (2005). Истории тяжелая вода. Москва: ВАГРИУС, стр. 279–281, 500–505.

Сиротюк, Петр К. (2000). «Солянка для Хрущёва». Новый Нью-Йорк.

(29 сентября – 5 октября). стр. 27.

Смехов, Вениамин В. (2001). Театр моей памяти. Москва: ВАГРИУС, стр. 109–263, 267.

Старинов, Илья Г. (1997). «Записки диверсанта». В альманахе «Вымпел», Москва, № 3, стр.212–13; 218–21; 226–29; 395–97; 400–403.

Стуруа, Дэви (1995). Сталин, Хрущёв, Брежнев: воспоминания, портреты. Политика.

Судоплатов, Павел А. (2003). Спецоперации: Лубянка

и Кремль, 1930–1950 годы. Москва: Олма-Пресс, стр. 260–261.

Sulzberger, C. L. (1969). A Long Row of Candles: Memoirs and Diaries (1934–1954). Toronto: Macmillan, pp. 959–60.

– (1970). The Last of the Giant. New York: Macmillan, pp. 179–81; 225; 243; 304–5; 445; 451–54; 527–28; 620–23; 636–37; 669; 712; 766–67; 788–805.

Suomi, Juhani (2001). Urho Kekkonen paivakirjat (1958–1962). Helsinki: Otava, pp. 1–47; 60–61; 78; 80; 88; 189–90; 192; 195–97; 200–203; 205–10; 213; 217; 222–33; 235; 237–40; 242–52; 254–55; 257–61; 263–73; 276–77; 280–81; 287; 293; 295; 300; 304; 308; 314–15; 320; 330–39; 344–48; 353; 355–56; 358–61; 363–64; 367; 376; 382; 384; 391–95; 397; 405; 424; 426; 430–31; 446–50; 457; 462–65; 468; 471; 479; 485–86; 489–90; 494–95; 500–501; 502; 504–5; 507–9; 512–15.

Таривердиев, Микаел Л. (1997). Я просто живу. Москва: ВАГРИУС, стр. 77.

Трояновский, Олег (1997). Через годы и расстояния: история одной семьи. Москва: ВАГРИУС, стр. 175–264.

Твардовский, Александр (1980). «Из рабочих тетрадей: (1953–1960)». Знамя № 7 – стр. 115–16; 118–19; 127–41; 152. № 9 – стр. 144–46; 152–55; 166–69; 183–84. № 11 – стр. 164–65. № 12 – стр. 131–39 (1989). № 7 – стр. 131–32; 134; 138; 142. № 8 – стр. 135–36; 139–40. № 9 – стр. 182–84.

(Уотсон) Watson, Thomas J. (1990). Father, Son @ Co.: My Life at IBM and Beyond. By Thomas J. Watson Jr. and Peter Petre. New York: Bantam, pp. 326–31.

Федоренко, Николай П. (1999). Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. Москва: Наука, стр. 122, 124–34; 146–47; 157; 169; 180.

Федоров, Георгий (1988). «Проводы». Огонек 18 (август).

Georgii Fedorov, «Sent Off.» In Nikita S. Khrushchev, Memoirs of Nikita Khrushchev, Vol. 2: Reformer. University Park: Pennsylvania State University Press, 2006.

Frankel Max, (1999). The Times of My Life and My Life with the Times. New York: Random House, pp. 136–50; 163–66; 179–81; 186; 192–97; 216; 231–35.

Hammer, Armand (1987). Hammer. By Armand Hammer with Neil Lyndon. New York: Putnam, pp. 312–28.

Harriman, W. Averell (1971). America and Russia in Changing World: A Half Century of Personal Observation. Introduction by Arthur M. Schlesinger Jr. Garden City, N. Y.: Doubleday, pp. 61–63; 76–77; 90–99.

Hayter, William Sir (1966). The Kremlin and the Embassy. 1st U. S. ed. New York: Harper, pp. 36–43; 106–13; 126–28; 133–39; 145–

47.

Hearst, Randolph (1960). Ask Me Anything: Our Adventures with Khrushchev. By William Randolph Hearst Jr., Frank Conniff, and Bob Considine. 1st ed. New York: McGraw-Hill, pp. 1–22; 36–46; 54–58; 60–105; 131–48; 187–210; 232–71.

Heikal, Mohamed (1978). The Sphinx and the Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Middle East. 1st U. S. ed. New York: Harper, pp. 19–22; 69–73; 78–85; 89–109; 116–17; 124–37.

Humphrey, Hubret (1959). «Eight Hours with Khrushchev». Life (January 12), pp. 80–86; 91.

– (1959). My marathon Talk with Russia's Boss. New York: Time.

– (1989). Хрущёв, Сергей Н. Пенсионер Союзного значения. Москва: Правда. (Библиотека «Огонька».) Эта книга содержит только главу 3 – «Отставка». Полностью «Пенсионер Союзного значения» опубликован в 1991 году (см. ниже).

– (1989) Osszeezkuves apam ellen. Изд-во Hirlapkiado Vallalat, Будапешт, Венгрия. Перевод на венгерский с рукописи. 254 стр.

– (1990) Jak statnik odchazi dj penze. Изд-во: Ceskoslovensky shisjvatel Lidove Nakaklatelztvi, Прага, Чехословакия. Перевод на чешский язык с публикации «Пенсионер Союзного значения». Москва: Правда. (Библиотека «Огонька»), 1989 г. Эта книга содержит только главу 3 – «Отставка». 92 стр.

– (1990) Herinneringen aan vijn vader. Изд-во: A. W. Drbna Uitgevers B. V. Utrecht, Голландия, перевод на голландский с рукописи. 320 стр.

– (1990) Krouchtchev par Krouchtchev. Изд-во PLON, Paris, France, перевод на французский с рукописи. 392 стр.

– (1990) Nikita Chruschtschow. Изд-во: C. Bertelsmann, Германия, перевод на немецкий с рукописи. 539 стр.

– (1990) Nikita Khrbstsjov. De siste syr ar. Изд-во: SCHIBSNED, ОСЛО, Норвегия, перевод на норвежский с рукописи. 403 стр.

– (1990) Krushchev on Khrushchev: An Inside Account of the Man and His Era. Translated by Milliam Taubman. Boston: Little Brown.

– (1990) Krushchef on Khrushchef, Сеул, Ю. Корея. Перевод на корейский язык с публикации Little Brown, Бостон, США, 1990 г. 565 стр.

– (1990) Krushchev on Khrushchev: An Inside Account of the Man and His Era (на японском языке), в 2-х томах. Токио, Япония. Перевод с публикации Little Brown, Бостон, США, 1990 г. 1-й том – 333 стр. и 2-й том – 262 стр.

– (1991) Пенсионер Союзного значения. Москва: Новости.

– (1991) Пенсионер Союзного значения. 2-е издание. Изд-во «Политической литературы», Пекин, 410 стр. Перевод на китайский язык с публикации издательства Новости, 1991 г.

– (1994) Пенсионер Союзного значения. 2-е издание. Изд-во «Политической литературы», Пекин, 410 стр. Перевод на китайский язык с публикации издательства Новости, 1991 г.

– (1994). Никита С. Хрущёв: Кризисы и ракеты: взгляд изнутри. 2 тома. Москва: Новости.

– (2000) Рождение сверхдержавы: книга об отце. Изд-во «Политической литературы», Пекин, 785 стр. Перевод на китайский язык с публикации издательства Новости, «Никита С. Хрущёв: Кризисы и ракеты: взгляд изнутри. 2 тома», 1994 г.

– (2000). Рождение сверхдержавы: книга об отце. 1-я редакция. Москва: Время.

– (2000). Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower. Translated by Shirley Benson; foreword by William Taubman; annotations by William C. Wohlforth. University Park: Pennsylvania State University Press. Перевод на английский язык с публикации издательства Время. «Рождение сверхдержавы: книга об отце. 1-я редакция».

– (2001). Хрущёв. (Пенсионер Союзного значения, 2-я редакция). Москва: ВАГРИУС.

– (2003). Рождение сверхдержавы: книга об отце. 2-я редакция. Москва: Время.

– (2003) Die Geburt Eiver Supervacht. Ein Buch uber Veinen Vater. Изд-во Elbe-Dnjepr-Verlag, Klitzschen, Germany. Перевод на немецкий публикации «Рождение сверхдержавы: книга об отце». 1-я редакция издательства «Время», 2000 г. 613 стр.

– (2006) Рождение сверхдержавы: книга об отце. В 2-х томах. Изд-во «Политической литературы», Пекин. Всего 949 стр. Перевод на китайский язык с публикации издательства «Время», 2003 г.

– (2007) Хрущёв. (Пенсионер Союзного значения, 2-я редакция). Изд-во «Политической литературы», Пекин, 505 стр. Перевод на китайский язык с публикации издательства «ВАГРИУС», 2001 г.

– (2010) Трилогия об отце: Реформатор (1076 стр.), Рождение сверхдержавы (574 стр.), Пенсионер Союзного значения (312 стр.). Москва: Время.

– (2012) «Раждането на Сверхдезжава». Изд-во «Прозорец», София, 310 стр. Сокращенный перевод на болгарский язык с текста: «Рождение сверхдержавы: книга об отце», Москва, Время, 2010.

– (2015) «Реформатор Хрущёв», в 3-х томах. Изд-во «Жиньминь Жибао», Пекин. Всего 1549 стр. Перевод на китайский язык с публикации издательства Время, 2010 г.

– (2014) Khrushchev in Power. Unfinished Reforms, 1961–1964.

Изд-во Lynne Rienner Publishers, Boulder, Colorado, USA/ London, England. Перевод на английский язык с последней трети книги «Реформатор», опубликованной в издательстве Время, 2010 г. 679 стр.

Чуев, Феликс И. (1991). Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. Москва: ТЕРРА, стр. 16–17; 332–38; 343–57; 359–64; 372; 495–96.

Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. Edited with an introduction and notes by Albert Resis. Chicago: I. R. Dee. 1993.

Шелепин, Александр Н. (1991). «История – учитель суровый». Труд (14, 15, 16 марта).

Шелест, Петр Е. (1995) …Да не судимы будете: дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. Москва: Edition Q, стр. 176–77; 120–23; 127–35; 140; 142–43; 148; 150; 153; 159–62; 172–74; 176–88; 190–91; 193–95; 198–213; 242–43; 263–64; 290–91; 293; 317–18; 429; 468; 483–84; 574–76.

(Шор) Schorr, Daniel (2001). Staying Tuned: A Life in Journalism. New York: Simon @ Schuster, pp. 73–122.

(Эйзенхауэр) Eisenhower, Dwight D. (1965). Waging Peace, 1956–1961. Garden City, N.Y.: Doubleday, pp.66–68; 403–18; 432–49; 557–59; 576–81; 587–89.

– (1981). The Eisenhower Diaries. Edited by Robert H. Ferrell. New York; Norton, pp. 291; 332–33; 360.

– John S. D. (1974). Strictly Personal. Garden City, N.Y.: Doubleday, pp. 175–79; 234–35; 254–64; 380–81.

Эренбург, Илья Г. (2005). Люди, годы, жизнь. 3 тома. Москва: Текст, том 3, глава 7. Стр. 368–369, 382–384, 426–429.

Яковлев, Александр Н. (2001). Омут памяти. Москва: ВАГРИУС, стр. 112–17; 124; 147–50; 153–57; 160.

БИОГРАФИИ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЁВА

Аксютин, Юрий (Составитель) (1989). Никита Сергеевич Хрущёв. Материалы к биографии. Москва: Изд-во политической литературы.

Alexandrov, Victor (1957). Khrushchev of the Ukraine: A Biography. New York: Philosophical Library.

– (1957). Nikita Khrouchtchev. Paris: Plon.

Beschloss, Michael R. (1989). May Day: Eisenhower, Khrushchev, and the U-2 Affair. 1st ed. New York: Harper @ Row.

– (1991). The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960–1963. 1st ed. New York: Edward Burlingame Books.

Безик, Игорь В. (2000). Октябрь 1959 года – Никита Сергеевич Хрущёв в Приморье: ретроспективный взгляд через 40 лет. Владивосток: издатель не указан.

Богданов, П. и другие(1961). Рассказ о почетном шахтере. Н.С. Хрущёв в Донбассе. Сталино (Донецк): Книжное изд-во Сталино-Донбасс.

Burlatskii, Fedor M. (1991). Khrushchev and the First Russian Spring: the Era of Khrushchev Through the Eyes of His Advisor. New York: Scribner's: Macmillan. (Also: Burlatskii, Fedor M. Khrushchev and the First Russian Spring. London: Weidenfeld @ Nicolson.)

Волкогонов, Дмитрий (1995). Семь вождей. Том 1. Стр. 335–455. Москва: Новости.

Drechsler, Karl (1991). Gegenspiele: John F. Kennedy, Nikita Chruschtschow. Frankfurt: Fischer Taschenbuch Verlag.

Дымарский, Виталий(2011). Времена Хрущёва. В людях, фактах и мифах. Москва: АСТ-Астрель-Полиграфиздат.

Емельянов, Юрий В. (2005). Хрущёв: от пастуха до секретаря ЦК. Москва: Вече. 415 стр. (Досье без ретуши).

– (2005). Хрущёв: смутьян в Кремле. Москва: Вече. 414 стр. (Досье без ретуши).

Kellen, Konrad (1961). Khrushchev: A Political Portrait. London: Thames @ Hudson.

Кишнер Л.А. и Прохватилова С.А.(1989). Свет и тени «Великого десятилетия». Н.С. Хрущёв и его время. Ленинград: Лениздат.

Contract, Alexander (1991). The Back Room: My Life with Khrushchev and Stalin. New York: Vantage.

Crankshaw, Edward (1966). Khrushchev: A Biography. New York: Viking.

– (1966). Khrushchev: A Career. New York: Viking.

MacGregor-Hastie, Roy (1959). The life and Times of Nikita Krushchev. London: Hamilton.

– (1961). The Man from Nowhere. New York: Coward-McCann.

Медведев, Рой (1990). Н.С. Хрущёв. Политическая биография. Москва: Книга.

Медведев, Рой (2006). Никита Хрущёв. Отец и отчим советской «оттепели»? Москва: Яуза – ЭКСМО.

Medvedev, Roy A. (1983). Khrushchev. New York: Anchor Press, Doubleday.

– and Zhores A. Medvedev (1976). Khrushchev: The Years in Power. New York: Columbia University Press.

– и Семен Резник (1986). Хрущёв: политическая биография. Бенсон, Вермонт. Издательство Чалидзе.

Млечин, Леонид (2015). Как Брежнев сменил Хрущёва.

Тайная история дворцового переворота. Москва: Центрполиграфиздат.

Page, Martin (1965). The Day Khrushchev Fell. New York: Hawthorn Books.

– and David Burg (1966). Unpersoned: The Fall of Nikita Sergeyevitch Khrushchev. London: Chapman @ Hall.

Pineau, Christian (1965). Nikita Serguevitch Khrouchtchev. Paris: Perrin.

– (1973). Kruschev. Barcelona: Grijalbo.

Pistrak, Lazar (1961). The Grand Tactician: Khrushchev's Rise to Power. New York: Praeger.

Пыжиков, Александр (2002). Хрущёвская «оттепель». 1953–1964. Архив. Москва: ОЛМА-Пресс.

Серов, А. (1989). Никита Хрущёв – жизнь и судьба. Москва: Изд-во Новости.

Taubman, William (2003). Khrushchev: The Man and His Era. 1st ed. New York: Norton.

Таубман, Уильям (2005). Хрущёв. Жизнь замечательных людей. Москва: Молодая гвардия.

Tompson, William J. (1997). Khrushchev: A Political Life. New York: St. Martin's Griffin.

Frankland, Mark (1967). Khrushchev. New York: Stein @ Day.

Фурсенко Александр (2006). Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. Москва: РОССПЭН.

Фурсенко Александр (2006). Россия и международные кризисы. Середина XX века. Москва: Наука.

Hirschfeld, Burt (1968). Khrushchev. New York: Hawthorn Books.

Шевелев, Владимир (1999). Н.С. Хрущёв. Ростов-на-Дону: Феникс.

ТРУДЫ КОНФЕРЕНЦИЙ (ПО ГОДАМ)

Н.С. Хрущёв, 1894–1971 (1994): материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущёва, 18 апреля 1994 года.

Горбачев-Фонд. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Nikita Khrushchev (Centenary Conference, December 1–3, 1994) (2000). Brown University, Watson Institute. Edited by William Taubman, Sergei Khrushchev, and Abbott Gleason; translated by David Gehrenbeck, Eileen Kane, and Alla Bashenko. New Haven: Yale University Press.

Хрущёв. К 120-летию со дня рождения. Каталог историко-

документальной выставки. РОССПЭН, 2015.

ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ, БИБЛИОГРАФИИ

The Kennedy-Khrushchev Letters. By John F. Kennedy, Nikita Sergeevich Khrushchev, and Thomas Fensch. The Woodland, Tex.: New Century Books, 2001.

Key Khrushchev Missile Statements (Washington, D. C.): Bureau of Intelligence and Research, U.S. Dept. of State, 1960.

Хрущёв, Никита С. («Заявления, мнения, участие в дискуссиях на встречах Президиума Центрального Комитета ЦК КПСС, 1954–1954»). В Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Том 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук; Федеральная архивная служба России; Российский государственный архив новейшей истории; главный редактор А.А. Фурсенко. Москва: РОССПЭН, 2003.

В.А. Козлов и С.В. Мироненко. «Особая папка» Н.С. Хрущёва (1954–1956 гг.):

Переписка МВД СССР и ЦК КПСС (1957–1959 гг.): из материалов Секретариата МВД СССР, 1954–1959 гг.: каталог документов: Москва: Благовест, 1995.

Никита Сергеевич Хрущёв: список литературы к 100-летию со дня рождения:

Курская областная научная библиотека имени Н.Н. Асеева. Курск: Курскинформпечать, 1994.

«Об освобождении тов. Хрущёва Н.С. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР: указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 октября 1964 г.». Ведомости Верховного Совета СССР № 43 (1964): 475.

Переписка между Председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущёвым и Федеральным канцлером ФРГ К. Аденауэром: август 1959 года – февраль 1960 года, написанные Никитой Сергеевичем Хрущёвым и Конрадом Аденауэром. Москва: Новое время, 1960.

The Situation in the Taiwan Area: Position of the Soviet Union. Советский Союз, Министерство иностранных дел. (Лондон: Советский буклет, 1958.)

The Soviet Stand on Germany (nine key documents including diplomatic papers and major speeches). By Nikita Sergeevich Khrushchev. (New York): Crosscurrents Press, 1961.

The Vital Letters of Russell, Krushchev, Dulless. By Bertrand Russell, John Foster Dulles, and Nikita Sergeevich Khrushchev.

London: MacGibbon @ Kee, 1958.

ДОКУМЕНТЫ ОБ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВИЗИТАХ

(ПО ГОДАМ И МЕСТАМ)

1956 г.

Афганистан

Visit to Afghanistan of N.A. Bulganin, Chairman of the USSR Council of Ministers, and N.S. Khrushchev, Member of the Presidium of the USSR Supreme Soviet (Speeches and Official Documents, December 15–19, 1955). By Nikolai Aleksandrovich Bulganin and Nikita Sergeevich Khrushchev. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1956.

Великобритания

Visit to Britain of the Soviet Leaders N.A. Bulganin, Chairman of the USSR Council of Ministers, and N.S. Khrushchev, Member of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, 18–27 April 1956 (speeches, statements, press conference, trade program). London: Soviet News, 1956.

Индия, Бирма, Афганистан

Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане: ноябрь – декабрь 1955 года Николая Александровича Булганина и Никиты Сергеевича Хрущёва. Москва: Госполитиздат, 1956.

Report to Supreme Soviet on the Trip to India, Burma, and Afghanistan. By Nikolai Aleksandrovich Bulganin and Nikita Sergeevich Khrushchev. New York: New Century Publishers, 1956.

1957 г.

Финляндия

Миссия мира и дружбы: речи во время пребывания в Финляндии 6–13 июня 1957 г., произнесенные Николаем А. Булганиным и Никитой С. Хрущёвым. Москва: Госполитиздат.

Визит делегации французской Социалистической партии в Москву.

Доклад о переговорах, проведенных между членами Президиума ЦК Коммунистической партии СССР и членами делегации французской Социалистической партии. Москва, май 1956: Выдержки, касающиеся: еврейской проблемы, анти-семитизма и Израиля. Издатель не указан, 1957.

1959 г.

Премьер-министр и секретарь по иностранным делам Объединенного королевства в Москве.

Anglo-Soviet Communique on the Discussions of the Prime

Minister of the United Kingdom, Mr. Harold Macmillan, and the Foreign Secretary, Mr. Selwyn Lloyd, with the Chairman of the Council of Minister of the Union of Soviet Socialist Republics, Mr. N.S. Khrushchev, Moscow: February 21 to March 3, 1959: with Agreement on Cultural Exchanges. London: H. M. Stationery Office, 1959.

Тула и Тульская область (СССР)

Пребывание Н.С. Хрущёва в Туле и Тульской области, 16–19 февраля 1959 года. Тула: Тульское книжное издательство, 1959.

Рязань (СССР)

Незабываемые дни: сборник материалов о пребывании Первого Секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва в Рязани в связи с вручением Рязанской области ордена Ленина. Собрано И.Н. Гавриловым. Рязань: Рязанское книжное издательство. 1959.

Германская Демократическая Республика

Пребывание Н.С. Хрущёва в Германской Демократической Республике, 4–12 марта 1959 г. Москва: Госполитиздат, 1959.

Соединенные Штаты Америки

Nikita Sergeyevich Khrushchev: on the Occasion of His Visit to the United States (consists of materials supplied by the Soviet Embassy, at the request of the publisher). New York: International Arts and Sciences Press, 1959.

Summary of the Meeting of American Labor Leaders with Prime Minister Nikita Khrushchev, of the USSR, Mark Hopkins Hotel, San Francisco, California, September 20, 1959. International Union of Electrical, Radio and Machine Workers. Washington, D.C.: International Union of Electrical, Radio and Machine Workers, 1959.

Total Disarmament in Four Years (address before United Nations,18 September 1959, by Nikita S. Khrushchev, and text of Soviet proposals). New York: National Council of American-Soviet Friendship, 1959.

Жить в мире и дружбе: Пребывание Н.С. Хрущёва в США, 15–27 сентября 1959. Москва: Госполитиздат, 1959.

To Live in Peace and Friendship: N.S. Khrushchev's Speeches in the United States of America, September 15–27, 1959. New Delhi: Information Dept. of the USSR Embassy in India, 1959. Also: Khrushchev in America: Full Texts of the Speeches Made by N. S. hrushchev on His Tour of the United States, September 15–27, 1959. (Переведено из книги, опубликованной в СССР, Live in Peace and Friendship!) New York: Crosscurrent Press, 1960).

Khrushchev in New York: A Documentary Record of Nikita S. Khrushchev's Trip to New York, September 19th to October 13th, 1960, Including All His Speeches and Proposals to the United Nations

and Major Addresses and News Conferences. New York: Crosscurrents, 1960.

1960 г.

Австрия

Дружественный визит: пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва в Австрийской Республике, 30 июня – 8 июля 1960 г. Москва: Госполитиздат, 1960.

Индия, Бирма, Индонезия, Афганистан

Счастье и мир народам: пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане, 11 февраля – 5 марта 1960 г. Москва: Госполитиздат, 1960.

Франция

Из выступлений Председателя Совета Министров СССР товарища Н.С. Хрущёва по торгово-экономическим вопросам во время пребывания во Франции

23 марта – 3 апреля 1960 г. – Из речи товарища Н.С. Хрущёва на митинге трудящихся Москвы во Дворце спорта 4 апреля 1960 г. – Совместное советско-французское коммюнике. (Москва), 1960. 5 стр. (приложение к журналу «Внешняя торговля», № 4 (апрель 1960).

N.S. Khrushchev in France: A Collection of Speeches and Addresses Made by N.S. Khrushchev During His Visit to France, March – April, 1960. London: Советский буклет, 1960.

Советско-французская дружба – залог мира: пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва во Франции 23 марта – 3 апреля 1960. Москва: Госполитиздат, 1960.

1962 г.

Болгария

СССР и Болгария – навеки вместе: пребывание советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущёвым в Народной Республике Болгарии, 14–20 марта 1962 года. Москва: Госполитиздат, 1962.

1963 г.

Кубинская делегация в Москве

The USSR and Cuba: The Speeches of Nikita Khrushchev and Fidel Castro During the Visit of the Cuban Delegation to the USSR, April/ May 1963, Together with the Soviet-Cuban Joint Communique. Also Fidel Castro,s Speech on Havana Radio, June 14th, 1963. London: Советский буклет, 1963.

1964 г.

Египет (Объединенная Арабская Республика)

Асуан – символ советско-арабской дружбы: пребывание Первого Секретаря Центрального Комитета Коммунистической

партии Советского Союза, Председателя Совета Министров СССР товарища Н.С. Хрущёва в Объединенной Арабской Республике 9–25 мая 1964 года (документы и материалы). Москва: Политиздат, 1964.

Венгрия

Наша цель – коммунизм и мир: пребывание Советской партийно-правительственной делегации во главе с Первым Секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущёвым в Венгерской Народной Республике 31 марта – 10 апреля 1964 года. Москва: Политиздат, 1964.

Женева, конференция по разоружению

Messages at the Disarmament Conference in Geneva (January 21, 1964): Premier Nikita S. Khrushchev to Heads of Governments of the Countries of the World (December 31,1963), President Lyndon B. Johnson Reply to the Message of Premier Khrushchev (January 18, 1964), President Lyndon B. Johnson to the Disarmament Conference in Geneva (January 21,1964); Editorials: The New York Times, «New Start at Geneva» (January 21, 1964), «Disarmament Thaw» (January 31, 1964). New York: National Council of American-Soviet Friendship.

Составитель:

Ирина ЛИНДЕН, заместитель директора Государственной публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. 2007 год.

Приложения

Сообщение о кончине Н.С. Хрущева [813]

Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием сообщают, что 11 сентября 1971 года после тяжелой, продолжительной болезни на 78 году жизни скончался бывший первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущёв.

Центральный Комитет КПСС

Совет Министров СССР

Проводы [814]

Официальное сообщение о смерти пенсионера союзного значения, бывшего первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва было опубликовано в газетах только в день его похорон…

…Хмурым сентябрьским утром 1971 года мы с женой отправились на Новодевичье кладбище на похороны Никиты Сергеевича Хрущёва. Нидело? Мы на похороны пришли, а нас не пропускают». Генерал постучал в калитку и назвался. Калитка открылась, и он приказал: «Немедленно всех пропустить».

Мы прошли. Народу было не очень много. Человек 60 корреспондентов, кажется только иностранных. Как все корреспонденты в мире, они были озабочены только тем, чтобы раздобыть побольше информации, побольше заснять своими кинокамерами, фотоаппаратами и записать на магнитофоны. Стрекотали камеры, щелкали затворы фотоаппаратов, раздавался разноязыкий и разноголосый, странный для кладбища гул. Кроме того, было еще человек двести, среди которых немало людей с сединами. В толпе оказалось и несколько наших друзей и знакомых. Немало было и людей, на лицах которых видно было, что они перенесли много страданий. Полагаю, что это были бывшие репрессированные. Среди них мы заметили, например, сестру командарма Якира – Бэллу Эммануиловну.

Семидесятисемилетний Никита Сергеевич лежал в гробу на возвышении, окруженном венками и цветами. В ногах у него находились красные подушечки с тремя звездами Героя Социалистического Труда и орденами. Лицо его было значительным, таким значительным и спокойным, каким мне не доводилось видеть его на страницах газет или журналов, на экранах кино и телевидения. Высокий мощный лоб, волевые скулы. Казалось, на лице его запечатлелась какая-то важная дума, которой так и суждено было остаться тайной. Рядом стояли члены его семьи, жена Хрущёва Нина Петровна. Она была в сером пальто с черной кружевной накидкой. Лицо ее, очень простое, открытое, бесхитростное, чем-то очень привлекательное, было залито слезами. Тут же стояла Рада Никитична с каким-то отрешенным взором. Казалось, что ей очень холодно. Рядом находился высокий мужчина. Он был очень похож и на отца, и на мать, и ясно было, что это Сергей Никитович Хрущёв. Тут же стоял Алексей Аджубей с красивым, несколько припухшим и замкнутым лицом.

Выступил какой-то человек. Из-за стрекотания кинокамер,

которые репортеры поднимали над головами, из-за их бесцеремонных разговоров слов его я не расслышал и постарался пробраться поближе, что мне в какой-то мере и удалось. Потом выступил Сергей Никитович. Его речь из-за общего шума (а говорил он без микрофона) я слышал только обрывками. Он сказал, что отец его в течение длительного времени занимал ответственные партийные и государственные посты. Оценка его деятельности принадлежит суду истории. Он же может сказать, что Никита Сергеевич желал добра людям и был очень хорошим, любящим мужем и отцом. Затем заговорила старая уже женщина, и хотя она говорила очень тихо, слова ее почему-то были отчетливо слышны. Она сказала: «Я работала с Никитой Сергеевичем с 1926 года, и мне очень хорошо с ним работалось. В 1937 году я была арестована и заключена сперва в тюрьму, а потом в лагерь и только после двадцатого съезда освобождена и реабилитирована. От имени миллионов людей, замученных безвинно в лагерях и тюрьмах, которым ты, Никита Сергеевич, вернул доброе имя, от имени их близких и друзей, от сотен тысяч, которых ты освободил из страшных мест заключения, прими нашу благодарность и низкий тебе поклон. Я понимаю, сколько мужества, смелости и желания восстановления справедливости для этого понадобилось. Мы будем помнить об этом до конца жизни, расскажем нашим детям и внукам». После этого распоряжавшийся похоронами человек в штатском, но с явной военной выправкой сказал: «Прошу прощаться с покойным. Только быстро, товарищи, не задерживайтесь». Присутствующие прошли вокруг гроба, подгоняемые замечаниями штатских стражей порядка, выстроившихся вокруг. Я увидел среди венков и цветов венок с надписью – «Никите Сергеевичу Хрущёву от А.И. Микояна». Тут нас снова оттеснили корреспонденты.

Георгий ФЕДОРОВ, доктор исторических наук

Санитарный день (Записки современника о похоронах Н.С. Хрущёва)

11 сентября 71-го года. Слушали с Н. Эйдельманом (русский писатель, историк, публицист. – *С. Х.*) в Переделкине радио: у него хороший приемник. Поймали на середине диктора, говорившего о десталинизации. И вдруг мелькают слова о Хрущёве: с 64-го года он жил на даче… Мы насторожились, прошлись по всем диапазонам. И по всему эфиру это имя – «мор», «дайд», «гешторбен».

Н.С. Хрущёв умер. Завершилась целая эпоха, пришедшаяся на середину нашей жизни. Впрочем, эпоха завершилась еще раньше: 14 октября 1964 года, когда Хрущёва сняли. Теперь же это окончательно отошло в историю. Однако всем интересно знать – как его будут теперь хоронить? Наши чингисханы пока хранят молчание. Завтра в газетах появится небольшой некролог, который будет подписан: группа товарищей. Затем хорошо, если дадут ему место на Девичке (Новодевичье кладбище. – *С. Х.*), считайте, что покойнику крупно повезло. Хрущёв погорел из-за своей половинчатости. Вся русская история – это явление нашей нерешительности, половинчатости. Как начали 14 декабря стоянием на Сенатской площади, так и тянем с тех пор резину, а резина двужильная, никак не лопается.

12 сентября, воскресенье. Москва безмолвствует, тупое молчание. С утра кто-то приехал из города.

– Слышали про Хрущёва? Что говорят в Москве?

– По-разному.

– Где же вы слышали?

– Разумеется, в электричке. Пенсионер говорил. Он спрашивал: умер Хрущёв или не умер?

Пытаюсь прочесть «Правду» на свет, но там ни строчки, ни звука, ни просвета. Значит, будут тайные похороны, самый страшный вариант. Некомпетентность в масштабе управления страной – что может быть ужаснее? От такой мысли мурашки по коже.

Вечером пытаюсь обзвонить знакомых: никто ничего не знает, слышу в ответ возгласы удивления. Значит, у нашей страны нет никакого прошлого, нет истории, столь же беспросветно и ее будущее.

13 сентября. Осуществляется дьявольский план, который можно назвать и хитроумным, вполне, впрочем, в духе дворцовых

интриг. «Правда» дала уголок в полурамке, из которого явствует, что у нас все-таки был бывший секретарь ЦК и председатель Совета Министров.

А что дальше?

Звонит из Переделкина Борис Ямпольский:

– Если хочешь сделать хорошую покупку, о которой мы с тобой говорили, будь без четверти одиннадцать у «Березки» напротив Девички.

– Это точно? Откуда ты узнал?

– Серый сказал.

Значит, нынче будут похороны частного лица, а завтра можно выступить и с развернутым некрологом. У нас крепко любят покойников, но предпочитают скорее избавиться от них, а после начинаются всякого рода эксгумации. Вот когда его закопают поглубже, тогда можно будет и сказать: покойник был неплохим человеком, а мы не хотели, чтобы народ глумился над трупом, поэтому так и сделали – мы оберегали интересы покойника, мы же великие гуманисты.

Записал второпях. Время 10 часов утра. Пора ехать. Ловим такси.

– Вам куда?

– К Новодевичке, – говорю. – Едем хоронить Хрущёва.

Зина (жена писателя. – *С. Х.*) толкает меня в бок, а таксист говорит:

– Был сейчас в кунцевской больнице, там все оцеплено: автобусы, машины, войска.

Начинаем гадать: может, и нам к Кунцлагерю поехать и начать оттуда? Зина против. Да и на дороге все спокойно, усиленных нарядов не видать: везти-то его будут по той же дороге. Зато у монастыря все оцеплено.

– Вот «Березка», – говорит таксист. А майор уже машет нетерпеливо: проезжай.

На мосту окружной дороги торчат зеваки. Поворачиваем влево. Высаживаемся – тут можно.

Перед нами чистый скверик, на дорожках только патрули. Неужто все оцеплено и нам не подойти к «Березке», где назначено свидание с Ямпольским? Такого оборота событий мы никак не предвидели. Идем вокруг дома в надежде пройти внутренними двориками. Куда там! Всюду грузовики с брезентовыми коробками – точно так было и на похоронах Сталина.

Монастырь обложен со всех сторон. У грузовиков стоят солдаты, у офицера на пузе рация. На погонах обозначено – ВВ.

Возвращаемся обратно на скверик. Перед нами движутся четыре иностранные спины – их пропускают. Чернявый паренек

снимает телекамерой патрулей и автобусы на фоне монастырской стены – хороший будет кадр, валютный.

Приближаемся к сержанту. Стоп! Нельзя.

– Нам надо на кладбище, – говорю.

– Сегодня санитарный день, кладбище не работает.

– А эти машины тоже для санитарки, да? Не крутите нам мозги, сержант, мы приглашены Радой Сергеевной, – тут уж я сам сбился, не сообразив сразу как надо. – Рада Никитишна нас пригласила.

– А где приглашение? – хорошо уже то, что он вступил в диалог.

– Мы ее друзья, она по телефону сказала: приезжайте к 11 часам к «Березке». Разве могла она знать, что будет оцепление? – и показываю ему свой писательский билет.

На помощь сержанту поспешает старшина. Обращаюсь к нему.

Старшина задумался, но ответа не дает.

Метров через пятнадцать нас останавливает на той же дорожке штатский чин в плаще. Предъявляю удостоверение и повторяю словесную версию. Штатский сотрудник совершает молчаливый жест: проходите. Таким же макаром преодолеваем еще два кордона.

Прямо на газоне стоит коричневая «Волга». Пристраиваемся к ней – как бы ее пассажиры.

Теперь можно оглядеться. Зевак с моста уже прогнали, там прохаживается патруль. По ту сторону моста на дороге стоят грузовики. Ворота кладбища наглухо закрыты. Рядом с нами стоит автобус с грифом – УВД. Над автобусом – многоколенчатая мачта. По соседству второй автобус с мачтой и антенной. Это уже второй вид осаждающих – ВВ. От автобуса тянется по траве провод полевого телефона. Но все спокойно и тихо. Рации бездействуют. Похаживают полковники и генералы в штатском. Монастырь в осаде.

Но где осажденные? Изредка просачиваются старушенции с букетиками цветов. Их проверяют, и они переходят на ту сторону улицы – к воротам, где накапливаются прореженной толпой.

У осажденного монастыря самый мирный вид: видны луковицы собора Богоматери Смоленской, шестиярусная соборная колокольня обхвачена вполне мирными реставрационными лесами.

Со стороны «Березки» к нам пробрался Борис Ямпольский. Начинается дождик. Предлагаем Зине укрыться в «Волге», что она и делает, спросив позволения у шофера. Теперь мы еще крепче прикрыты.

На улице возникает движение, идут черные «Волги». Подкатывается автобус, выходят музыканты с трубами. Оркестр явно кладбищенский.

А вот и бортовой грузовик с венками, за ним автобус с зашторенными окнами. Машины проезжают на территорию кладбища, и ворота тут же, словно автоматически, закрываются. Мы тоже трогаемся на ту сторону улицы. В калитке приоткрылась тонкая щелочка, но мы уже наседаем.

Кто-то кричит:

– Откройте, нас же немного.

Генерал в штатском плаще сурово командует:

– Лисичкин, открыть! Быстро!

Солдаты еще копаются с крюком у ворот, а я уже проник в калитку и вижу красную крышку гроба.

Итак, оборона прорвана, это же чудо! Спешим по главной аллее. Ямпольский успевает шепнуть мне:

– Мы тут самые опасные.

Я обгоняю его, стремясь поспеть к автобусу. Гроб уже вытаскивают, вижу белый матовый лоб, утопающий в подушке. Хватаю ножку гроба и тут же оказываюсь каким-то образом оттесненным. Поспеваю только ухватиться за венок и уже не выпускаю его из рук. Процессия тронулась, я пристроился.

Читаю надпись: «От Совета Министров». Вот что мне досталось.

Гроб поставили на земляную кучу, он словно бы утонул в толпе, и я ничего не вижу. Зина оказалась ближе меня, прямо с родственниками, за ней цепочка штатских. Кто-то сбоку командует:

– Взялись за руки. Не подпускать.

И тут они продолжают держать оборону. Начинается панихида. Ее ведет невысокий человек в черном костюме с расслабленным лицом. Он говорит с достоинством и горечью. Это Сергей Никитович Хрущёв, сын покойного.

Шел дождь, мелкий, сеющий, над гробом держали черный зонтик, который долго не раскрывался. Нам-то ничего, а вот туалет покойного мог нарушиться. Потом говорила донбасская большевичка: пустые слова о партийности, большевистской принципиальности, революционном огне и все такое прочее, что мы слышим на партсобраниях. Потом выступил Вадим Васильев, который заметно волновался и все время твердил «так сказать». Говорил о 37-м годе, он восстановил честь моего отца и моего деда, так сказать, будут благодарны ему за это, так сказать.

А я подумал, что Хрущёв освободил не только 10 миллионов людей, сидевших в лагерях, но и всех нас. И меня он освободил,

хотя я и был как бы на свободе. Вот почему я стою сейчас у его гроба.

Ораторы выступали, стоя на куче земли. Сергей Никитович давал им слово, каждый раз подчеркивая, что у нас семейные похороны.

Снова заиграл невидимый кладбищенский оркестр, стали подходить прощаться. Покойник желт и худ, нос заострился, рот в провале, сухая пергаментная желтизна.

– Проходите, проходите, – подталкивают меня.

В ногах мужчина держит красную подушечку: четыре Золотые Звезды, двадцать орденов – вполне приличные семейные похороны. Я хотел было остаться в ногах, но меня снова оттеснили штатные единицы, они были рассеяны всюду среди нас и ладно исполняли свою работу по защите гроба. Но все равно все было снято и записано, даже микрофон повис над кучей земли.

Родные держатся стойко. Кто-то, верно Юля (внучка Н. Хрущёва. – *Примеч. ред.*), всхлипнула. Рада ее тут же одернула:

– Держись, тебе говорят. Мы же договорились.

Поперек могилы лежит лом. Приготовлены веревки. Рядом находится могила Сергея Садовского, ее всю затоптали. Сергей Садовский – кто он такой? Забивают гвозди.

– Леша, тащи.

…Продолжим наши игры. Да уж и недолго осталось. Гроб подтащили и поставили на лом. Хороший гроб, за 154 рубля, мы с Юрой (брат писателя. – *С. Х.*) мечта ли отцу такой выкупить, да не осилили. У могилы орудуют пять могильщиков – сколько из них штатских?

И снова:

– Леша, выдергивай.

Дыра была глубока, долго опускали. Начали потом землю бросать, я тоже швырнул несколько пригоршней, в азарт войдя. Вот когда мне горло сдавило.

А могильщики уже вовсю работают лопатами. Штатные тут же запыхались, а вольнонаемным хоть бы хны. Сразу видно: кто есть кто. И вот уже вместо дыры и над нею вырос холмик, словно бы гроб вытеснил его из земли по закону Архимеда. Ребята охлопали холмик лопатами, и все стало гладко. Подошла Нина Петровна (жена Н. Хрущёва. – *Примеч. ред.*) и положила большую красную розу. Вообще она прекрасно держалась, да и все остальные из близких. Только один Алеша Аджубей все время пытался быть в отдалении, стремясь раствориться в дождике.

Я оторвал ромашку от совминовского букета, она уже почти не пахла. Все завершилось быстро, почти стремительно. Операция по обороне монастырских стен проведена блестяще спокойно:

семейные похороны под государственной охраной с пятью дивизиями прошли так, что лучше некуда. Старушка за моей спиной говорит:

– Живем плохо, а кончаем все одинаково.

Мы еще стоим, хотя делать нам уже нечего. Пытаемся разговаривать, но рядом тут же вырастает штатная единица, все дорожки заставлены ими, они простреливают нас глазами, но мы уже плевали на них.

Оглядываюсь. Сколько нас тут было? Всего человек четыреста, но доброхоты явно в меньшинстве – остальные штатные. Ни один чин с «волги» к машине не подошел – это им не положено. Им дано только не пущать – и никак нельзя идти туда самим. Выходим из ворот. Там висит объявление: в понедельник, 13 сентября, кладбище не работает – санитарный день. Служитель снимает объявление: санитарный день завершился.

Показался Рудный:

– Смотрите, все прошло спокойно. А меня предупредили: будет Ходынка.

Так мечтали прогрессисты и потому не пошли, надеясь, что придут другие. Разбитый, опустошенный, еду в город, должен был встретиться с Зингерманом (литературовед, член Союза писателей. – *С. Х.*). Тот спрашивает меня, едва я вошел в институт:

– А Евтушенко читал стихи?

Молва идет впереди меня, только что успевшего сойти с троллейбуса. Через три часа встретил Евтушенко в клубе писателей.

– Что же ты не был на похоронах?

– Я был там раньше тебя, – объявляет он. – Я был в морге.

Очень точно рассчитано. У могилы ему сейчас невыгодно появляться, тем более со стихами. А в морге, в замкнутом пространстве, – пожалуй, подойдет.

К вечеру еле добрался домой, нацарапал отчет об осаде монастыря и вот сегодня, уже в Переделкине, дописываю все это, несколько придя в себя и будучи уже в состоянии подумать о том, что было. Хрущёв умер, но появился призрак Хрущёва. Предсказанный мной на сегодня некролог в центральной прессе не напечатан, значит, у них даже хитроумности нет, есть только тупость да страх. Все соцстраны дали фото и некрологи, молчит одна ГДР. Албания объявила: умер главарь шайки ревизионистов.

Вот и получается у нас, что ничего не было: ни XX, ни XXII съездов, ни сталинских преступлений, ни хрущевской оттепели. Какая тупость! Такая тупость, что она не поддается никакому программированию. Тупость и ложь, рождающиеся из страха. А

это уже фашизм. Брежнева я не пойду хоронить, а он ведь кончит еще хуже, это уже точно решено, хоть еще и не подписано. На этом можно поставить точку на моем кладбищенском репортаже, однако продолжают поступать все новые сведения.

Кладбище было закрыто еще 6 часов, людей не пускали, чтобы они могли положить цветы на могилу. А зона оцепления начиналась от метро «Спортивная», тысячи людей скопились там, но все улицы были перекрыты – об этом рассказал Анатолий Аграновский. Вот и получились семейные похороны с участием вооруженных сил. Тайные похороны, запрещенные похороны – любые эпитеты оказываются тут возможными и недостаточными. Тупее не может быть, но в данном случае оказывается справедливой поговорка: чем хуже, тем лучше. Наши чингисханы лишний раз показали всем, что они ничего не могут, не умеют, ни к чему не готовы. Но должна же тут быть и какая-то подоплека, еще не очень явная, но тем не менее весьма существенная. Что-то еще такое мы узнаем в самое ближайшее время, подобные кладбищенские истории так просто не кончаются. И мертвецов ни с того ни с сего не пугаются.

15 сентября. Утром, едва я вошел в столовую, Ямпольский зовет меня и выводит в закуток перед туалетом.

– Прошу тебя никому не говорить о том, что я был на похоронах. И в дневниках не упоминать моего имени, я же знаю, что ты пишешь. Я исчез, я не существую, я не желаю, чтобы мной занимались. Меня нет.

– Да я и не говорил никому. С чего ты взял?

– Во всяком случае прошу тебя на будущее: меня нет и никто не должен мной заниматься. Я хочу дожить спокойно, сколько мне осталось, поэтому я не существую.

– Хорошо, Борис, я никому не говорил и никому не скажу, только ты не умирай от собственной храбрости.

– Я тебе повторяю. Я никого не боюсь, просто меня нет, я знаю, что это такое, когда тобой начинают заниматься, и не желаю этого.

– Ах, Боря, а ты еще говорил, что мы тут самые опасные. Чем же ты опасен, если ты не существуешь?

– Именно этим я и опасен.

Так мы поговорили, и я поехал в Москву по делам. Всюду приходится рассказывать о похоронах. Взамен получаю добавочную информацию: кладбище уже завалено цветами, все соцстраны прислали Нине Петровне телеграммы со словами соболезнования. Это же элементарный акт вежливости элементарно воспитанного человека. Но только не наши чингисханы. Как у Гейне: это такие дураки, которые не знают

своего дурацкого ремесла. Путешествовал по маршруту – «Советская Россия», «Новый мир», «Литгазета».

Вот сдать бы им мой репортаж о похоронах великого реформатора и обольстителя Н.С. Хрущёва.

– Примите рукопись и распишитесь в получении.

Вот бы они забегали, запрыгали от радости.

– Да, да, в набор! Немедленно.

Или в «Литгазету» отнесу – к Сыру (Виталий Сырокомский, в то время первый заместитель главного редактора «Литгазеты». – *С. Х.*). Тот прочтет и скажет мне правду-матку:

– Это надо печатать в «Нью-Йорк таймс». На первой полосе. Но я туда материалы не подписываю.

Увы, подобные мысли мне даже не приходят в голову. Мой репортаж написан на русском языке, но русским шрифтом он напечатан быть не может, а латинским алфавитом я и сам не хочу.

Выходит, я тоже не существую. Борис Ямпольский прав.

Остается задать последний вопрос: когда это будет напечатано русским шрифтом?[815]

Анатолий ЗЛОБИН, писатель.

Допрос Н.С.Хрущева в Комиссии партийного контроля ЦК КПСС 10 ноября 1970 г.

По поручению ЦК КПСС, в связи с предстоящей публикацией в США и ряде других стран Запада «воспоминаний Н.С. Хрущёва», 10 ноября т. г. в Комитете партийного контроля состоялась беседа с т. Хрущёвым Н. С.

Во время этой беседы т. Хрущёв вел себя неискренне, неправильно, уклонялся от обсуждения вопроса о своих неправильных действиях. Он утверждал, что никому не передавал свои мемуарные материалы для публикации.

Прилагаем стенографическую запись беседы с т. Хрущёвым […]

13. XI. 70.

А. Пельше

Совершенно секретно

Стенографическая запись беседы с т. Хрущёвым Н. С. в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС 10 ноября 1970 года

Присутствовали: тт. Пельше А.Я.[816], Постовалов С.О.[817], Мельников Р.Е.[818] и т. Хрущёв Н.С.

т. Пельше – По поручению Политбюро мы пригласили вас в Комитет партийного контроля, чтобы вы дали объяснение по одному внешнеполитическому вопросу, связанному с вашими мемуарами, которые могут принести нашей партии и стране большой политический ущерб. Вы, возможно, в курсе дела, а может быть, и нет. По сообщению нашего посла в США т. Добрынина, 6 ноября в Нью-Йорке представители американского журнально-издательского концерна «Тайм» официально объявили о том, что они располагают «воспоминаниями Н.С. Хрущёва», которые будут вначале опубликованы в журнале «Лайф», начиная с 23 ноября, а затем выйдут отдельной книгой под названием «Хрущёв вспоминает». Книга будет пущена в продажу 21 декабря. На днях по линии ТАСС получена информация о том, что информационные агентства и иностранная печать широко муссируют эти сообщения о предстоящей публикации в США и

ряде других стран Запада, в частности, в Англии, ФРГ, Франции, Италии, Швеции «воспоминаний Н.С. Хрущёва».

Вы помните, что некоторое время тому назад у нас с вами была беседа у Андрея Павловича Кириленко, во время которой вам было сказано, что путь создания ваших мемуаров, связанный с вовлечением в это дело широкого круга людей, является непартийным. И тогда вы были предупреждены, что такой путь не исключает возможности утечки материалов. Вы видите, эта утечка материалов произошла, и в этой связи вы должны понять, что вы несете всю полноту ответственности за это дело.

Мы хотели бы заслушать ваше объяснение по этому вопросу и ваше отношение к этому делу. Может быть, вы прямо скажете нам, кому передавали эти материалы для публикования за рубежом.

т. Хрущёв – Я протестую, т. Пельше. У меня есть свои человеческие достоинства и я протестую. Я никому не передавал материал. Я коммунист не меньше, чем вы.

т. Пельше – Надо вам сказать, как они туда попали.

т. Хрущёв – Скажите вы мне, как они туда попали. Я думаю, что они не попали туда, а это провокация.

т. Пельше – Вы в партийном доме находитесь.

т. Хрущёв – Я никогда не был в Комитете партийного контроля. И в таком положении нахожусь впервые и в конце своей жизни, я уже не говорю деятельности. Деятельность моя окончена. И вы требуете от меня объяснения.

т. Пельше – Правильно.

т. Хрущёв – Я вам объяснил.

т. Пельше – Вы ничего пока нам не объяснили.

т. Хрущёв – Больше нечего объяснять. Никогда, никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, я считаю это право каждого гражданина и члена партии. Я отлично помню, что я диктовал. Не все можно опубликовать в данное время.

т. Пельше – Это ваше мнение. У нас с вами был разговор, что тот метод, когда широкий круг людей привлечен к написанию ваших мемуаров, не подходит, что секреты, которые вами излагались, могут попасть за рубеж. И они попали. Это теперь нас очень беспокоит.

т. Хрущёв – Если вы помните, мне другое тогда было сказано. Мне сказали, чтобы я не писал и не диктовал. А я сказал, что это Николай I запрашивал шифровки. Я был удивлен, что в моей партии, которой я отдал жизнь, мы вернулись к николаевским методам.

т. Постовалов – Это неудачное сравнение. Неправильное.

т. Хрущёв – Со мной поступили, как с Шевченко.

т. Постовалов – Зачем такую параллель проводить.

т. Хрущёв – Я против такой параллели.

т. Пельше – Вы тогда этот совет не восприняли.

т. Хрущёв – Нет. Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, я говорю, что я не доволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему. Я был честным человеком, преданным. Как только родилась партия, я все время был на партийной работе.

т. Пельше – Это мы знаем. Вы скажите, как выйти из создавшегося положения?

т. Хрущёв – Не знаю. Вы виноваты, не персонально вы, а все руководство. Если бы руководство было внимательным и разумным, оно бы сказало: т. Хрущёв…

Вы помните, т. Кириленко спросил: вы диктуете? Я ответил, – да. Я понял, что, прежде чем вызывать меня, ко мне подослали агентов.

т. Пельше – То, что вы диктуете, знают уже многие в Москве.

т. Хрущёв – Мне 77 год. Я в здравом разуме и отвечаю за все слова и действия. Я думал, что т. Кириленко даст мне людей, которым бы я диктовал.

т. Пельше – Почему вы раньше в ЦК не обратились? Когда вас вызвал т. Кириленко, уже было надиктовано много.

т. Хрущёв – Откуда вы знаете? Вы говорите, что вы узнали по радио. Кто вам докладывает?

т. Пельше – Наш посол официально сообщил.

т. Хрущёв – Это может быть провокация буржуазной прессы. Поскольку моя фамилия представляет сенсацию, может быть, они создали материал на меня.

т. Пельше – Как выйти из этого положения?

т. Хрущёв – Не знаю. Я совершенно изолирован и фактически нахожусь под домашним арестом. Двое ворот, и вход и выход контролируются. Это очень позорно. Мне надоело. Помогите моим страданиям.

т. Пельше – Никто вас не обижает.

т. Хрущёв – Моральные истязания самые тяжелые.

т. Постовалов – Вы говорите, что никому не передавали. Это очень важно в данной ситуации.

т. Хрущёв – Я думаю, вы и т. Пельше отлично понимаете, что я никому не передавал и по своим убеждениям не могу передавать. Вы помните, т. Пельше, у т. Кириленко я сказал: если бы мне помогли.

т. Пельше – Вы этого не говорили. Вы сказали: когда я кончу, передам в ЦК.

т. Хрущёв – Я этого не говорил. Тов. Кириленко предложил мне прекратить писать. Я сказал, – не могу, это мое право. Мы политические деятели. Я умру…

т. Пельше – Все умрем.

т. Хрущёв – Председатель Верховного Совета, не помню его фамилии, умер.

т. Пельше – Игнатов?

т. Хрущёв – Да, Игнатов. Неизвестно, кто раньше умрет. А он был дурак.

т. Постовалов – Дело не в этом, т. Хрущёв.

т. Хрущёв – Да, в этом.

т. Постовалов – Дело идет о серьезном положении, если материалы будут напечатаны. Они, наверное, будут напечатаны. А вы сами не знаете, как они туда попали.

т. Хрущёв – Посла в США я очень хорошо знаю и очень его уважаю.

т. Постовалов – Тем более.

т. Хрущёв – Он сообщил то, что сообщает печать. Я буржуазной печати никогда не верил, поэтому и говорю, что он сам ничего не знает. Может быть, своим вызовом сюда вы поможете мне скорее умереть.

т. Пельше – Мы не хотим, чтобы вы умирали. Живите на здоровье.

т. Хрущёв – Я хочу смерти.

т. Мельников – Может быть, вас подвел кто-то?

т. Хрущёв – Дорогой товарищ, я отвечаю за свои слова и я не сумасшедший. Я никому материалы не передавал и передать не мог.

т. Мельников – Кому вы доверяли материалы? Ваши доверенные могли передать?

т. Хрущёв – Нет.

т. Мельников – Вашими материалами пользовался не только сын, но и машинистка, которую вы не знаете, писатель беспартийный, которого вы также не знаете, и другие.

т. Хрущёв – Это советские люди, доверенные люди.

т. Мельников – Всякие люди есть. Могли вас и подвести.

т. Хрущёв – Я не верю, что материал попал американцам. Это утка, ложь, фабрикация. Я в этом уверен.

т. Мельников – Но если они будут опубликованы, вы будете отвечать.

т. Хрущёв – Вы меня не пугайте. Я 76 лет отвечаю за свои действия. Вы меня ничем не запугаете.

т. Мельников – Вы не стучите и не кричите. Вы находитесь в КПК и ведите себя как положено.

т. Хрущёв – И вы ведите себя как положено. Я член партии покамест и не лишайте меня права.

т. Постовалов – С вами никто плохо не говорит. Вам сообщили обстановку, которая сложилась в связи с вашими мемуарами. А вы кричите и стучите по столу.

т. Хрущёв – Это нервы, я не кричу. Разное положение и разный возраст.

т. Пельше – Какие бы ни были возраст и нервы, но каждый член партии должен отвечать за свои проступки.

т. Хрущёв – Вы, т. Пельше, абсолютно правы, и я отвечаю. Готов нести любое наказание, вплоть до смертной казни.

т. Пельше – КПК к смертной казни не приговаривает.

т. Хрущёв – Практика была. Сколько тысяч людей погибло. Сколько расстреляно. А теперь памятники врагам народа ставят. Это меня радует и огорчает. Тому же Постышеву, Блюхеру, Станиславу Викторовичу Косиору.

т. Пельше – Это лишний разговор.

т. Хрущёв – Это прямой разговор, он относится к нашей теме. Я тогда сказал т. Кириленко, вам и т. Демичеву, что стоял и стою на решениях XXII съезда партии и пока живу, буду сторонником этих решений. Убийц надо разоблачать. Они умерли, но если сейчас поднимать на пьедестал убийц, то, может быть, кое-кому тоже понравится повторить. Я против этого. На XX съезде партии я в отчетном докладе о культе личности ничего не сказал, а в процессе съезда решили об этом сказать отдельно. Материалы по этому вопросу были подготовлены комиссией под председательством т. Поспелова. Но тогда получилось, что один доклад отчетный, а другой о Сталине. Если бы было два докладчика, то это могло породить разные мнения. Я согласился сделать и второй доклад.

т. Пельше – Этот доклад известен. Партия из этого сделала выводы. Но как выйти из того положения, которое сегодня сложилось?

т. Хрущёв – т. Пельше, лучший выход из положения – это не создавать вокруг Хрущёва то, что создано, а создать ему условия, на которые он имел право. Я считал и говорил, что в 65 и даже в 60 лет надо освобождать первые места для более молодого поколения.

т. Пельше – Но вы же не ставили этого вопроса.

т. Хрущёв – Ставил.

т. Пельше – Не знаю.

т. Хрущёв – Вы не знали потому, что другое положение занимали. Когда исполнилось Мжаванадзе 60 лет, я говорил ему: вас надо передвинуть председателем президиума Верховного

Совета Грузии.

т. Пельше – Но не это является темой нашего разговора сегодня. Если вы считаете, что это провокация агентства «Тайм», то вы могли бы сделать об этом заявление?

т. Хрущёв – Меня никто не спрашивает.

т. Пельше – Вы могли бы заявить, что никаких мемуаров не писали…

т. Хрущёв – Этого я не могу сказать, я диктовал.

т. Мельников – Вы их не написали?

т. Хрущёв – Они еще не закончены. Я заболел.

т. Постовалов – Незаконченные мемуары не могли у вас заполучить агентства.

т. Хрущёв – Как известно, в любом государстве авторы должны заключать договор с издательствами, которые и получают право на публикацию их материалов. Другого права нет.

т. Постовалов – Поэтому и надо из создавшегося положения найти выход. Нельзя ли так вам именно и действовать. Дать ответ врагам на их действия. Все это будет правильно и здраво.

т. Хрущёв – Каждый сумасшедший считает, что он не сумасшедший. Я не считаю себя сумасшедшим. Может быть, вы по-другому оцениваете мое состояние.

т. Постовалов – Значит, по-здравому и надо решать вопрос.

т. Хрущёв – Я говорю, что в моих воспоминаниях есть такие сведения, которые являются секретными и которые не могут быть опубликованы ни при моей жизни и еще неизвестно когда после моей смерти. Хотя, вы знаете, вообще секретов не бывает. В сговоре по убийству Павла участвовал его сын Александр. И о том, что он убийца, знали все…

т. Постовалов – То, что вы написали, не является секретом?

т. Хрущёв – Но время опубликования этих материалов должна была бы определить партия. Наверное, многие верят, например, что войну в Корее начали американцы. Я-то знаю, что Ким Ир Сен ее начал. Я находился в это время у Сталина. Но этого не надо объявлять сейчас.

т. Мельников – Но вы же диктуете об этом.

т. Хрущёв – Я диктую, потому что при мне это было. Я знаю об этом. Это мое право.

т. Постовалов – А если будет напечатано об этом?

т. Хрущёв – Я говорю, этого не может быть, с моей точки зрения.

т. Пельше – Ваша диктовка проходила через многие руки на лентах и машинке и вы не можете дать гарантию, что она каким-то образом не попала туда, куда не следует. Вы отвечаете за то, что вы диктуете.

т. Хрущёв – Это другой вопрос, т. Пельше. Вы хотите сказать, что я не должен писать.

т. Пельше – Вы за свои проступки должны отвечать.

т. Хрущёв – Делайте, что вам положено.

т. Пельше – Если вы считаете, что делаете все в интересах нашей страны, то было бы целесообразно сейчас сделать заявление о том, что вы никаких материалов не писали и никому не передавали и что готовящаяся публикация ваших мемуаров является клеветой, фальшивкой.

т. Хрущёв – Я повторяю, я хочу умереть честным человеком. То, что я написал, я никому не давал. Это точно.

т. Мельников – Но если они напечатают, это будет фальшивка?

т. Хрущёв – С моей точки зрения, да. Вы тоже понимаете. Зачем так разговаривать, подцеплять и ловить меня на крючок. Я старый, кому я нужен. Никакой крючок на меня не действует. Поэтому я вам говорю, Зиновьев…

т. Пельше – Это вопрос другой. Дайте нам ответ по существу поставленного перед вами вопроса. Надо сделать так, чтобы иностранцы в ближайшее время не опубликовали ваши воспоминания.

т. Хрущёв – Я этих воспоминаний не знаю. Откуда они и что это за воспоминания.

т. Пельше – Речь идет о ваших воспоминаниях.

т. Хрущёв – Вы говорите на основании заявления посла.

т. Пельше – Но 23 ноября, т. е. через 13 дней, они будут в печати. Сейчас они находятся в типографии.

т. Хрущёв – Никто, и я этих мемуаров не видел.

т. Постовалов – Каково будет ваше отношение, если они появятся?

т. Хрущёв – Вместе с вами возмущаюсь.

т. Постовалов – Этого мало.

т. Хрущёв – Я готов заявить, что никаких мемуаров ни советским издательствам, ни заграничным я не передавал и передавать не намерен. Пожалуйста, напишите.

т. Постовалов – Если они написаны в черновике, ведь нельзя сказать, что они написаны.

т. Хрущёв – Таких документов нет. Поэтому я считаю, что мои материалы изъяли. Эти методы нарушают ленинские нормы и порядки жизни партии. Я протестую, т. Пельше. Я прошу вернуть мои материалы.

т. Пельше – Напрасно протестуете. Вы говорите, есть материалы, которые нельзя публиковать. А если они гуляют по Москве?

т. Хрущёв – Где они гуляют? Это говорит о том, что мы возвращаемся к сталинским шифровкам.

т. Пельше – Вам никаких шифровок не вручают.

т. Хрущёв – Это материал мой и никто не имеет права брать его. Это николаевское время. Это полицейская расправа. Это возмутительная вещь.

т. Пельше – Возмутительная вещь. Ваши секретные материалы имеют широкое хождение, и вы за это несете партийную и государственную ответственность.

т. Хрущёв – Я готов на крест, берите гвозди и молоток.

т. Пельше – Эти фразы не нужны.

т. Хрущёв – Это не фразы. Я хочу этого. Русские говорят: от сумы и тюрьмы не откажешься. Я всегда в другом положении был и за всю свою политическую деятельность в порядке допрашиваемого в партийных органах никогда не был.

т. Постовалов – Здесь вы находитесь не как допрашиваемый, а на беседе. С вами идет разговор о том, как быть. Но вы напрасно говорите, что это утка пущена. Ведь материалы находятся уже в редакции. Вы можете поверить послу.

т. Хрущёв – Посла Добрынина я очень уважаю. Это самый умный посол за границей.

т. Постовалов – Поэтому надо думать, и прежде всего вам, какие в связи с этим нужно сделать заявления, а их придется делать, если вы говорите, что возмущаетесь.

т. Хрущёв – Я только одно скажу, что все, что я диктовал, является истиной. Никаких выдумок, никаких усилений нет, наоборот, есть смягчения. Я рассчитывал, что мне предложат написать. Опубликовали же воспоминания Жукова. Мне жена Жукова позвонила и говорит: «Георгий Константинович лежит больной и лично не может говорить с вами, но он просит сказать ваше мнение о его книге. Вы, спросила она, читали?» Я говорю, не читал, но мне рассказывали люди. Я сказал, отвратительно и читать не могу то, что написано Жуковым о Сталине. Жуков честный человек, военный, но сумасброд. Жуков описывает эпизод, как был убит Ватутин и что в это время и я там был.

т. Постовалов – Вы же сказали, что не читали книгу.

т. Хрущёв – Но мне рассказали.

т. Пельше – Как же вы можете судить о книге, которую не читали.

т. Хрущёв – Описан эпизод такой.

т. Пельше – Вы не знаете, как он описан.

т. Хрущёв – Вы как следует разговаривайте со мной. Я не болванка, чтобы дергать меня за ниточку. Я человек и имею свои достоинства. Вы пользуетесь своим положением. Но пока бьется

мое сердце, я буду защищать человеческие достоинства.

т. Постовалов – Вы интересы партии должны защищать.

т. Хрущёв – То, что я пишу, не расходится с интересами партии.

т. Постовалов – Речь идет не о Жукове.

т. Хрущёв – Тов. Пельше не дал закончить мысль. Обрывать – это сталинский стиль.

т. Пельше – Это ваши привычки.

т. Хрущёв – Я тоже заразился от Сталина и от Сталина освободился, а вы нет.

т. Пельше – Это вы не знаете.

т. Хрущёв – Я имею право говорить.

т. Пельше – Я тоже имею право говорить.

т. Хрущёв – Я не читал и читать не буду, противно. Я жене Жукова говорю, – как Жуков мог написать такой эпизод о гибели Ватутина? Будто Ватутин выскочил из машины и пулеметом прикрыл мою машину. Я говорю, Ватутин был ранен в пах, выскочить не мог, а самое главное в этом деле то, что Хрущёва там не было. И во втором издании-то уже исправлено. А вы сказали, что я говорю неправду.

т. Пельше – Давайте думать, как исправить дело.

т. Хрущёв – Вы сейчас сильнее меня и можете это сделать.

т. Пельше – По дипломатической линии не можем.

т. Мельников – Вы, т. Хрущёв, можете выступить с протестом, что вы возмущены.

т. Хрущёв – Я вам говорю, не толкайте меня на старости лет на вранье.

т. Пельше – Речь идет о том, что нужно сделать, чтобы уменьшить политический ущерб.

т. Постовалов – А мемуары были?

т. Хрущёв – Я не могу сказать, что я не диктовал.

т. Мельников – Надо вам решать.

т. Хрущёв – Сейчас материал этот надо вернуть.

т. Пельше – Это вопрос другой.

т. Хрущёв – Я хотел обратиться к тов. Брежневу, а меня вызвали к вам. Ведь КПК орган репрессивный. Когда здесь сидел Шкирятов, сколько людей прошло…

т. Постовалов – Не то вы говорите. Ваш материал, как вы говорили, такой, который нельзя печатать много лет. А если он будет напечатан, какое возмущение это вызовет у советских людей.

т. Хрущёв – Я возмущен.

т. Постовалов – Вокруг этого разговор идет. Каково ваше отношение?

т. Хрущёв – Мое отношение самое партийное.

т. Постовалов – Таким оно и должно быть. Самое крайнее возмущение должно быть.

т. Хрущёв – Согласен на любое. В моей деятельности я пользовался острым словом и умел пользоваться.

т. Постовалов – И его надо применить сейчас, чтобы помешать публикации.

т. Хрущёв – Согласен. Это верно.

т. Постовалов – Если вы говорите, что возмущены до предела, то вам надо выступить по этому вопросу.

т. Мельников – Пока материал не опубликован, это могло бы сыграть какую-то роль.

т. Хрущёв – Вы поймите, ведь документа никакого нет, и я ничего не видел.

т. Постовалов – Вы тассовский материал тоже не видели?

т. Пельше – Когда уже собираются печатать материал, вы должны сказать, что я не собирался ничего писать и печатать.

т. Хрущёв – Я пока нигде не читал. В былые времена, мы, не будучи членами ЦК партии, я был секретарем Бауманского райкома, получали тассовский материал. Члены партии приходили и читали для ориентации о позиции наших врагов. Когда я был секретарем райкома партии в Донбассе, получали «Социалистический вестник». Ленин умер, но дух Ленина жил тогда.

т. Постовалов – Выходит, что вы нам не верите о том, что собираются делать с вашим материалом?

т. Хрущёв – Вы сами ничего не видели.

т. Постовалов – Достаточно, что они передают по радио и телевидению. Против этого надо возмущаться.

т. Хрущёв – Я возмущен.

т. Пельше – Нам сегодня стало известно, что американский журнально-издательский концерн «Тайм» располагает воспоминаниями Хрущёва, которые начнут публиковаться там. Это факт. И вы должны сказать свое отношение к этому. Из сообщений видно, что американская печать, а также германская и английская раздули вокруг этого ажиотаж. Хотелось бы, чтобы вы определили свое отношение к этому делу, не говоря о существе мемуаров, что вы возмущены этим и что вы никому ничего не передавали. Это в какой-то степени уменьшит интерес к публикации материалов и разоблачит ее организаторов.

т. Хрущёв – Пусть запишет стенографистка мое заявление.

Из сообщений заграничной печати, главным образом, Соединенных Штатов Америки и других буржуазных европейских стран, стало известно, что печатаются мемуары или

воспоминания Хрущёва. Я возмущен этой фабрикацией, потому что никаких мемуаров никому я не передавал – ни издательству «Тайм», ни другим кому-либо, ни даже советским издательствам. Поэтому считаю, что это ложь, фальсификация, на что способна буржуазная печать.

т. Пельше – Если мы вам поможем в этом и предложим каналы, через которые можно было бы довести об этом до сведения американской печати, вы согласились бы использовать эти каналы?

т. Постовалов – Учитывая ваше возмущение.

т. Пельше – Допустим, к вам пришел бы корреспондент, вы могли бы ему повторить это?

т. Хрущёв – Да. Если хотите, пресс-конференцию могу провести. У меня еще хватит пороховницы и достоинств защитить честь своего мундира, честь нашей страны и партии.

Я знаю и повторяю вам, что ряд положений, которые имеются в этих диктовках, правдивы и за них я абсолютно ручаюсь.

т. Постовалов – Каким-то путем все же это утекло и вам надо подумать об этом.

т. Хрущёв – Я возлагаю ответственность на тех товарищей, которые в этом деле не хотели мне помочь. Хотели окриком действовать, а это не приводит к добру.

т. Постовалов – Легче всего возложить ответственность на кого-нибудь.

т. Хрущёв – Товарищи, которые со мной разговаривали, возложили ответственность на меня. Вы помните, т. Пельше, разговор у т. Кириленко. Записи тогда не было. Я сказал, если бы мне помогли, дали бы машинистку, ЦК получил бы эти материалы.

т. Пельше – То есть с самого начала вы действовали нелегально.

т. Хрущёв – Не пугайте меня нелегальщиной. Нельзя упрощенно подходить.

т. Пельше – Что, разве бы вам не дали машинистки, если бы вы с самого начала обратились в ЦК?

т. Хрущёв – Меня вызывали в ЦК.

т. Пельше – Это было в 1968 году.

т. Постовалов – А писать вы раньше начали.

т. Хрущёв – Я тогда только что начал писать. И сразу же ко мне пришел молодой человек, и я сразу догадался, что его приставили ко мне…

Никакого секрета подпольной диктовки не было и нет. Мне не помогли, не создали условий. Я думал, что это дело долгого времени и к диктовке долгое время возвращаться не буду. А

знаете вы, сколько людей, которые встречаются со мной, спрашивают: «Вы записываете?» Я говорю – нет. «Вы должны записывать, как это ценно для нас». Не подумайте, что я хочу себя переоценить. Мы жили в одно время. Я около Сталина был. Это будет иметь большую ценность для поколений.

т. Постовалов – ЦК имеет партийные журналы. Есть ИМЛ. Они изучают и освещают историю партии. Мемуары – это совершенно другое дело.

т. Хрущёв – Писал Попов историю. Хорошая история. Умный человек в Коминтерне работал. Сталин расстрелял. Поспелов – подхалим. Писал под диктовку Сталина. История все время обновляется, потому что ее пишут люди. Мемуары – это сугубо личное дело. И эту точку зрения вы у меня никогда не отберете. В мемуарах человек излагает свою точку зрения. Пишет о времени, в котором он жил.

т. Постовалов – Вы должны сохранять тайну.

т. Хрущёв – Мне прямо сказали, не смейте писать. Я с этим не согласен.

т. Пельше – О том, что вы начали писать мемуары, вы должны сообщить в ЦК.

т. Хрущёв – Я не сообразил. Вы тогда, т. Пельше, были и знаете, что я просил.

т. Пельше – Такой четкой просьбы у вас не было.

т. Хрущёв – Как я мог просить, когда мне отказали. Я этого не мог представить. У меня нет дороже органа, как ЦК. Я хочу закончить свою жизнь преданным ЦК и как могу служить на пользу своей партии, которой я отдал столько лет.

Правда, когда было 50 лет партии, выдавали медали хорошим людям, заслуженным людям. У меня спрашивали: «Вы получили? Ну получите». А я не получил.

т. Пельше – Это другой вопрос.

т. Хрущёв – Это отношение к людям, отношение к членам партии, которые прошли большой путь – путь гражданской войны, Отечественной войны, восстановления разрушенного, путь пятилеток. Когда я на Украине был первым секретарем, сколько сил отдал. В Москве и Московской области не меньше отдал сил. А почему разное отношение? Об этом вы сами подумайте. Я не хочу называть вещи своими именами. Я возмущен не потому, что не дали, а потому, что нет объективности, а есть субъективность.

Я хотел бы обратиться к вам, как председателю Комитета партийного контроля, чтобы вы встали на защиту честного члена партии.

т. Пельше – Мы еще будем разбираться с вопросом, о котором идет сегодня речь.

т. Хрущёв – Не пугайте меня, я не боюсь. Сейчас у меня не жизнь, а страдание. Я завидую де Голлю. Здоровый был мужик. У меня сейчас тяжелая жизнь.

т. Мельников – А что тяжелого?

т. Хрущёв – Когда уйдете на пенсию, тогда узнаете, что это адские муки.

т. Пельше – Всем это предстоит. Все уйдут на пенсию.

т. Хрущёв – Меня лишили прав члена ЦК. Перестали приглашать на пленумы. Разве это достойно. Я звонил Малину[819]. Говорит – не могу. Все на пенсии. Шверник тоже на пенсии, лежит трупом. Но к нему совершенно другое отношение. Почему к нему одно, а ко мне другое отношение. Что, я меньше других сделал для партии? Это создает для меня особые условия. Поживите моей жизнью. Ничем вы меня не припугнете.

т. Пельше – Мы вас не собираемся ничем пугать.

т. Хрущёв – Ничем. Потому, что все сейчас тяжело для меня.

т. Постовалов – Это вы несерьезно говорите.

т. Хрущёв – Попробуйте. Узнаете.

т. Постовалов – Это несерьезный разговор.

т. Хрущёв – т. Пельше, сколько казнили людей. Сколько у меня друзей казнили, вернейших членов партии. Сколько сейчас казнил Мао Цзэдун врагов культурной революции. Мао Цзэдун и Сталин.

т. Постовалов – Зря такую параллель проводите.

т. Хрущёв – Сталин и Мао Цзэдун.

т. Постовалов – Не об этом сейчас разговор.

т. Хрущёв – Три месяца отсидел в больнице на Грановского. Три месяца пролежал. Теперь начал ходить. Не знаю, что будет после приема у главного партийного врача. Что вы, т. Пельше, скажете про меня. Я вас не буду обсуждать ни при каких случаях.

Я смотрю – знакомое лицо. Где вы работали?

т. Мельников – В Узбекистане.

т. Хрущёв – Я хочу сказать о базе, с которой снабжаются люди, получая лечебное питание. Я считаю, что это приносит огромный вред. Наши семьи, я тоже пользуюсь этим снабжением, не знают действительного положения вещей. Взять такой пример, что люди даже не могут купить укропа. Это просто плохая организация торговли. В магазинах нет необходимых вещей. Нет мяса.

т. Пельше – В Москве есть.

т. Хрущёв – Люди говорят: «Может верблюд добраться с Дальнего Востока до Москвы? Нет, не может – съедят».

т. Постовалов – А разве при вас не рассказывали таких анекдотов.

т. Хрущёв – После меня прошло 6 лет. После смерти Сталина наша страна оказалась в тяжелом положении в оборонном отношении. Сейчас другое положение. Мы должны уделять больше внимания товарам народного потребления. Вот купите себе шапку. Вы ее не купите.

т. Постовалов – Вы по рассказам говорите. Я вот купил себе шапку, правда, не пыжиковую, а обыкновенную.

т. Хрущёв – Что мне сказать. У нас очень много недостатков.

т. Пельше – Увеличилось потребление мяса на душу населения. Увеличилась заработная плата. Денег у народа стало больше. Жить стали лучше.

т. Хрущёв – У вас рабочий день в 6 часов кончается? Ваша задержка не по моей вине.

т. Постовалов – Опять, зачем на других перекладывать.

т. Пельше – Если бы вы уважали свой ЦК, то сразу же сообщили бы о своем решении писать мемуары.

т. Хрущёв – ЦК лишил меня права присутствовать на пленумах. Сталин этого не позволял. Сталин прямо действовал – арестовывал как врага народа. Это факт. Я, как член ЦК, в годовщину Октября хотел прийти к Мавзолею, заказал машину, а мне «раб божий» сказал, что я вам не рекомендую туда ехать. Как это можно?

т. Пельше – Вы пожаловались бы.

т. Хрущёв – Опять я виноват.

т. Пельше – Я не знаю, что вам сказали.

т. Хрущёв – Я умер, а ваша совесть не может примириться с этим. Вера Засулич сообщила царскому суду, что она убила… Суд заслушал ее и оправдал. А ведь это был царский суд. Интересная вещь. Мне трудно объяснить, как это могло случиться.

т. Постовалов – Там все написано.

т. Хрущёв – Как мог суд оправдать? Вы сами не юрист?

т. Постовалов – Нет.

т. Пельше – Партийный работник.

т. Хрущёв – Партийными работниками бывают и юристы.

Я еще хочу спросить, как человек и член партии, как могли мы с такой мощью прозевать Египет, позволить его разбить?

т. Мельников – Борьба продолжается, Египет не разбит.

т. Хрущёв – Тогда вы от меня ничего не слышали и мне ничего не говорили.

В 1956 г. мы были очень слабы в оборонном отношении. Я помню то самое тяжелое время в отношении Кубы. Мы выиграли сражение без боя. Мы правильно решили вопрос. Мне часто задают вопросы об агрессии Израиля. Я говорю, что я сейчас не все знаю, я – пенсионер.

т. Пельше – Беседу на этом закончим.

Иллюстрации

Н.С. Хрущев беседует с Мао Цзэдуном. Октябрь 1954 г.

Н.А. Булганин, Мао Цзэдун и Н.С. Хрущев во время визита советской делегации в Китай по случаю 5-летия КНР

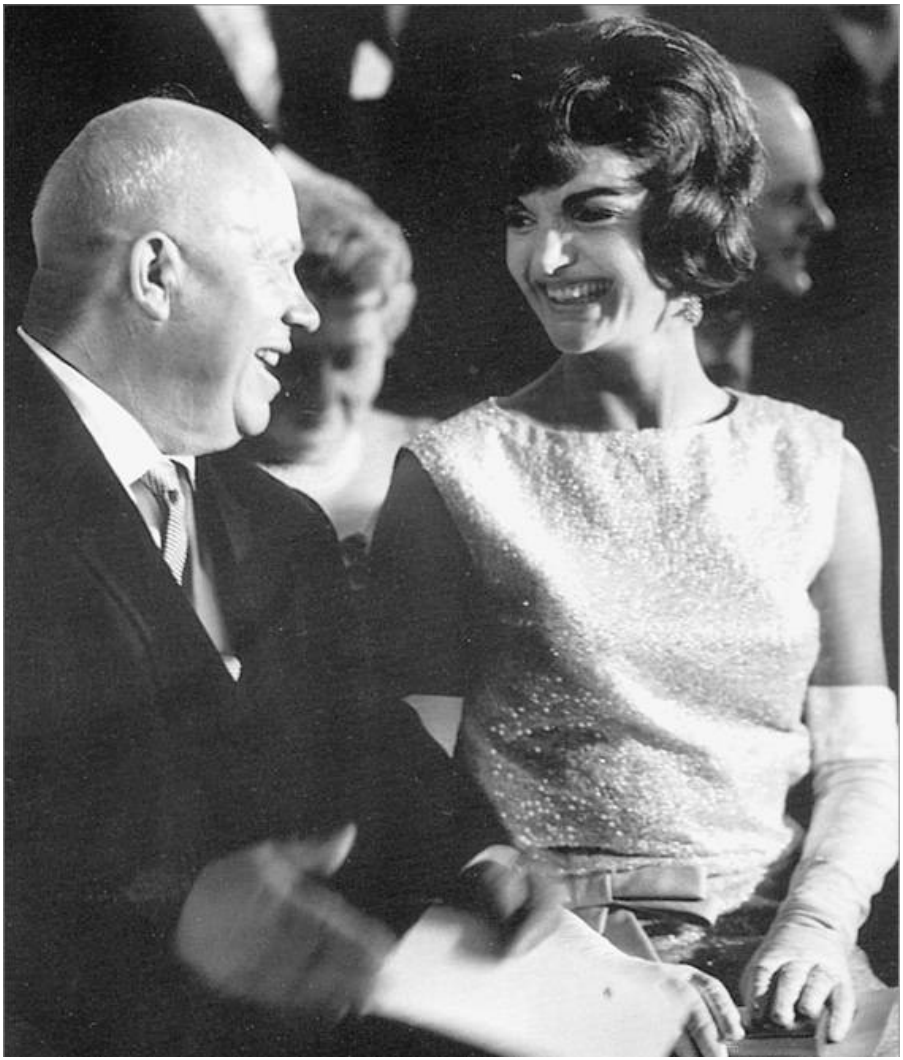
Н.С. Хрущев в Белом доме дарит президенту США Д. Эйзенхауэру копию вымпела, доставленного на Луну. Сентябрь 1959 г.

Н.С. Хрущев в Голливуде. Слева от него – Ф. Синатра, справа – Ш. Макклейн, представившая сцену из фильма «Кан-кан»

Нина Петровна, М. Эйзенхауэр и Н.С. Хрущев после обеда в Белом доме

Президент фирмы АВМ Т. Уотсон и Н.С. Хрущев в кафетерии завода в Калифорнии

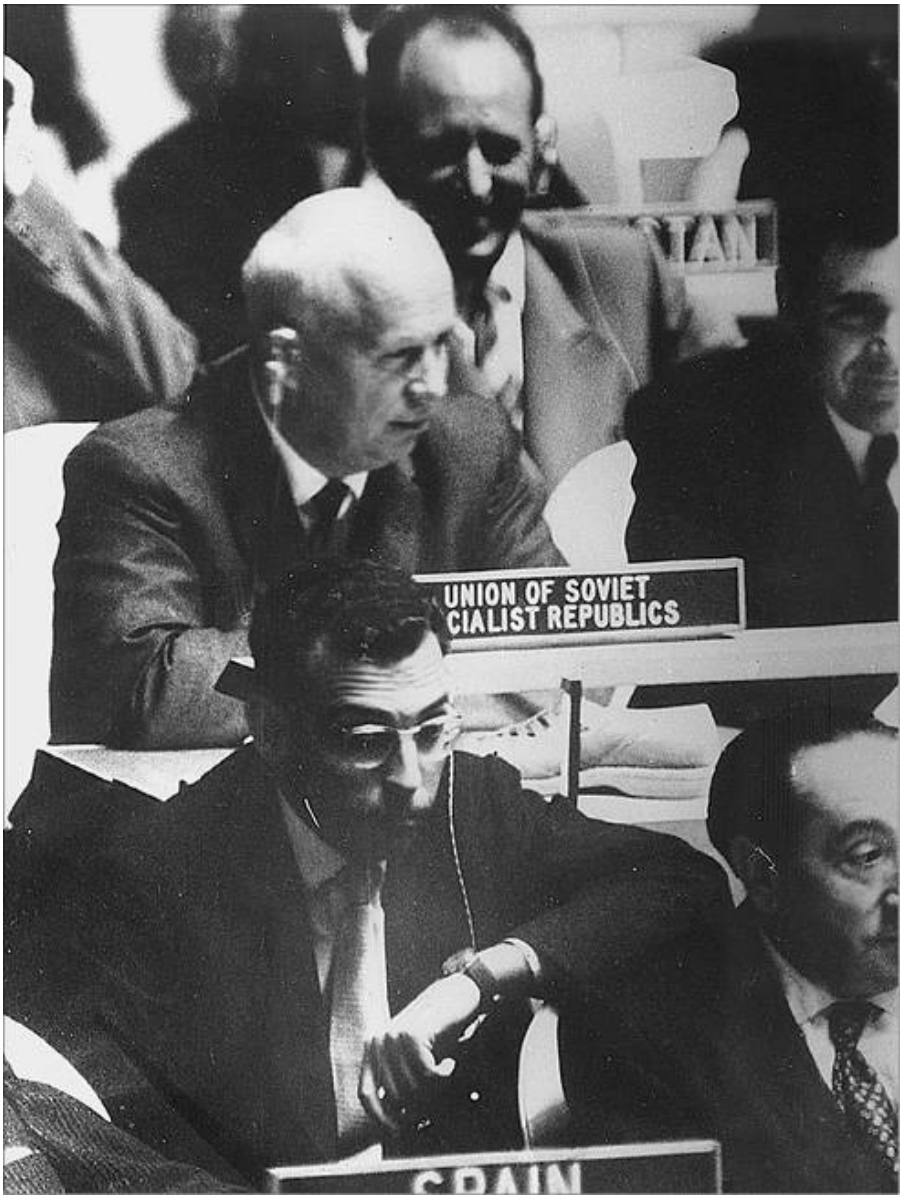
Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди во время встречи в Вене. Июнь 1960 г.



Н.С. Хрущев и Ж. Кеннеди в Вене. Июнь 1960 г.

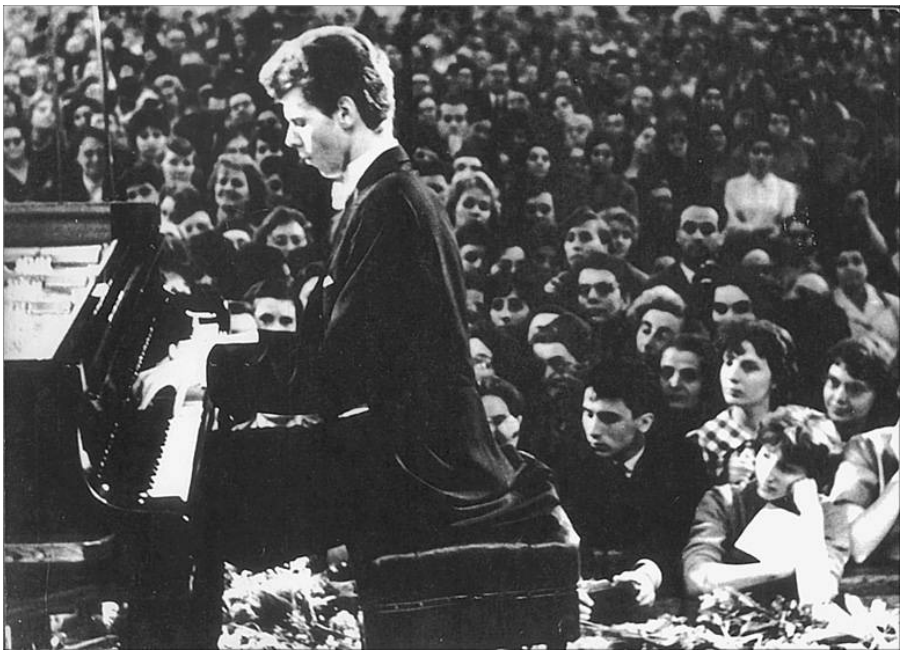
Н.С. Хрущев, Нина Петровна и Генеральный секретарь ООН Даг Хамершельд в здании ООН

Визит во Францию. Ш. де Голль с супругой принимают Н.С. Хрущева с супругой

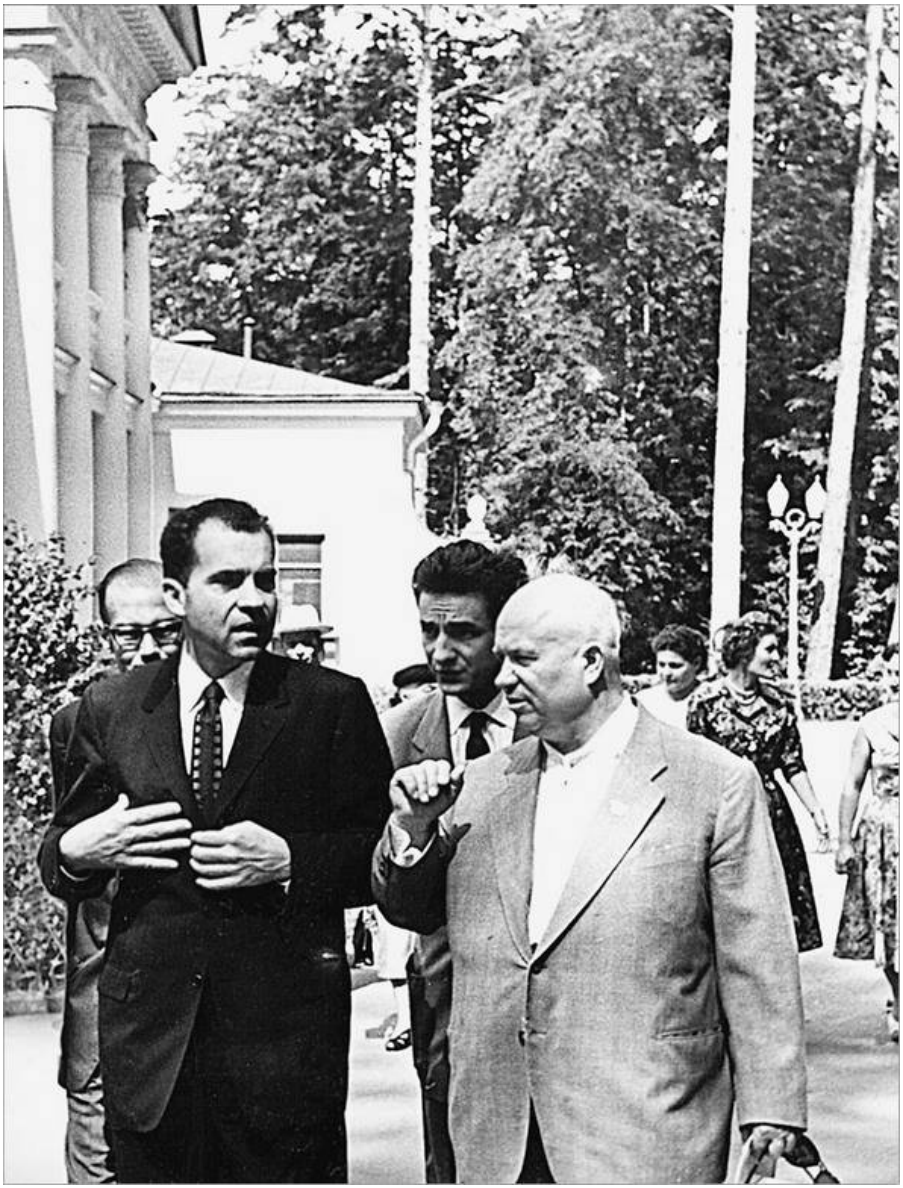


Н.С. Хрущев на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1960 г. Перед ним на пюпитре лежит сандалия. Это единственный подлинный снимок этого рода. Остальные – подделка На заседании Генеральной Ассамблеи ООН Н.С. Хрущев что-то обсуждает с И. Броз Тито

Пианист Ван Клиберн, Н.С. Хрущев и О.А. Трояновский во дворе Блэйр-Хауз



Ван Клиберн играет в Москве

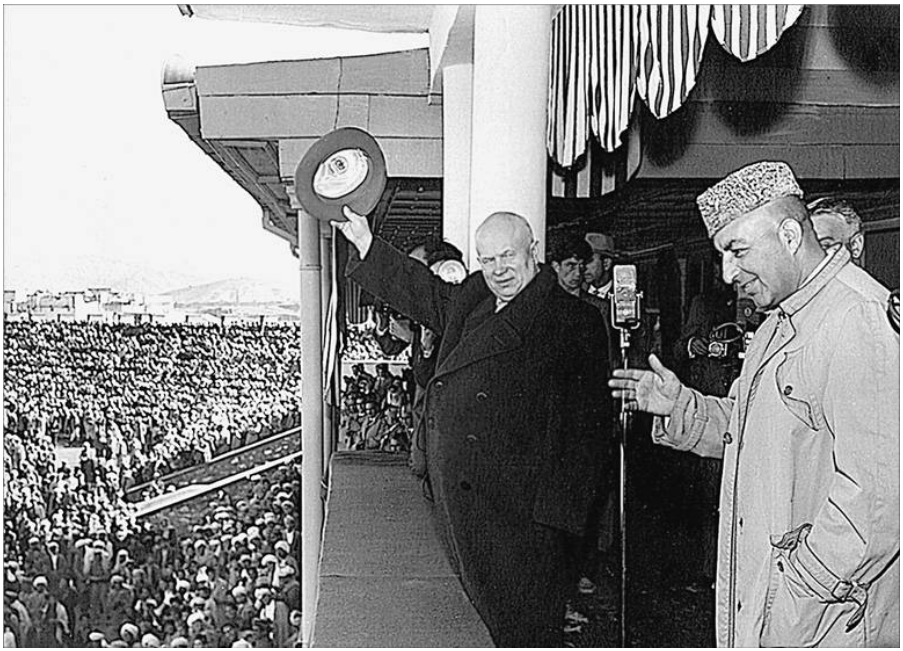


Н.С. Хрущев и вице-президент США Р. Никсон в Москве. Август 1959 г.

Глава Бирмы У-Ну, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин в Рангуне

Н.С. Хрущев и президент Индонезии А. Сукарно

Н.С. Хрущев в аэропорту Кабула в сопровождении короля Афганистана. Март 1960 г.



Н.С. Хрущев и король Афганистана Мухаммед Захир Шах во время визита советской делегации в Кабул

Н.С. Хрущев на ферме Р. Гарста в Айове

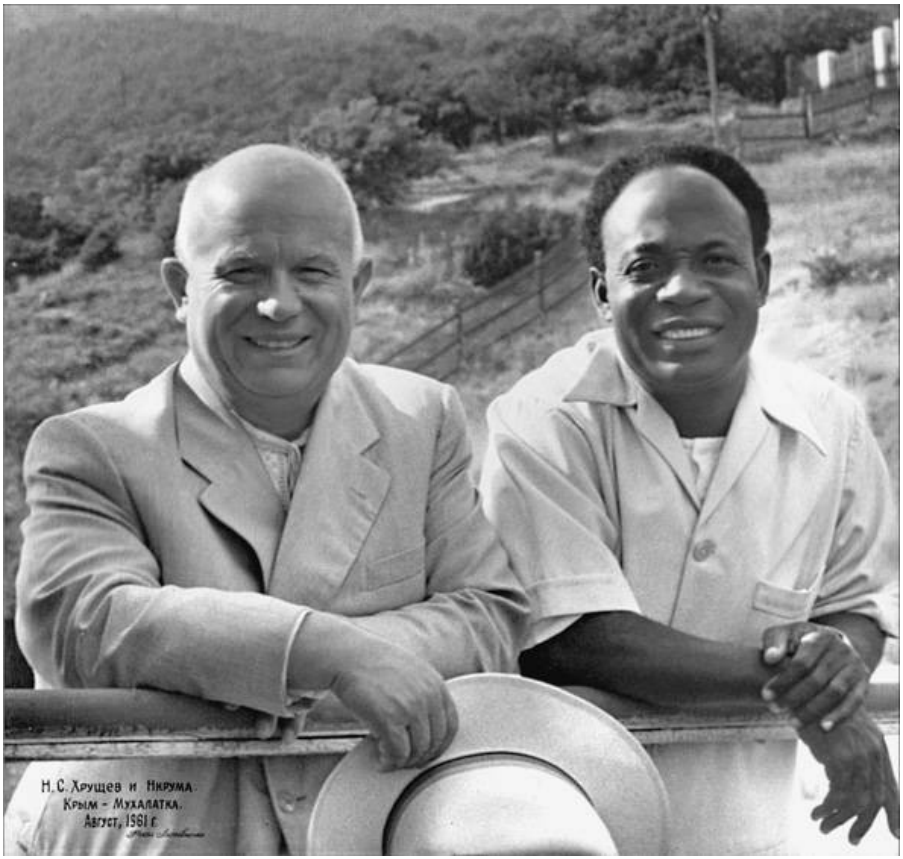
Н.С. Хрущев и Р. Гарст в резиденции «Горки-9»

Н.С. Хрущев во время визита в ОАР

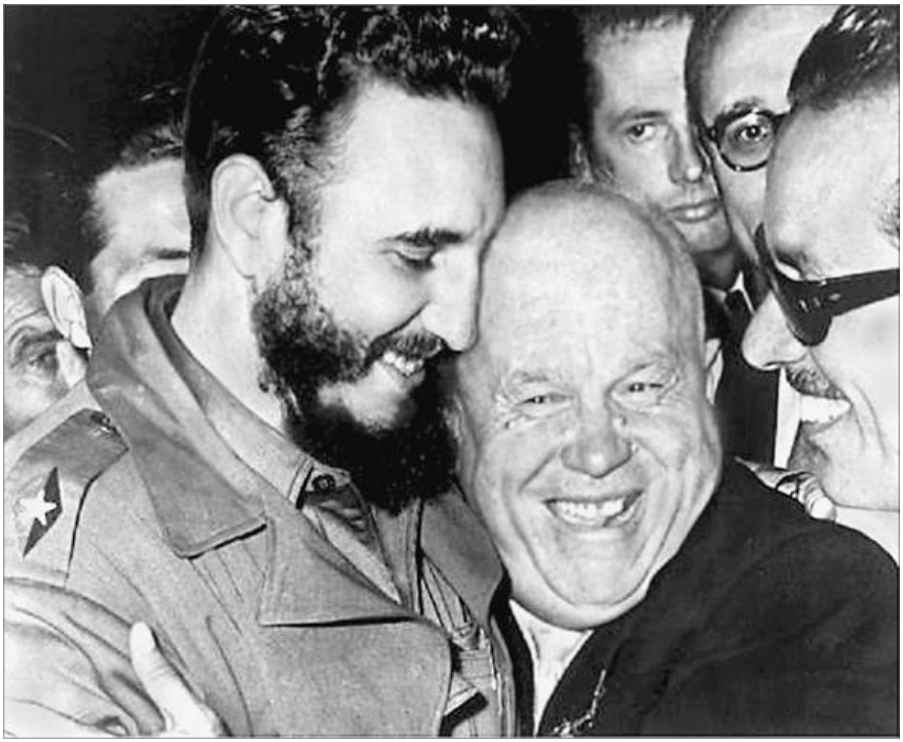
В Красном море на борту яхты сирийского президента. Н.С. Хрущев. Справа от него: президент Алжира А. бен Белла. Слева: вице-президент Египта Амер, четверо сопровождающих его лиц, А.А. Громыко, П.А. Сатиков, секретарь президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе, президент ОАР А. Насер, премьер-министр Ирака А. Ареф, президент Йемена А. ас-Саляль

Н.С. Хрущев, Я. Кадар, Л.И. Брежнев и сопровождающие их лица в Подмосковье

Н.С. Хрущев и А.И. Микоян во время визита в ГДР. Слева – немецкий переводчик

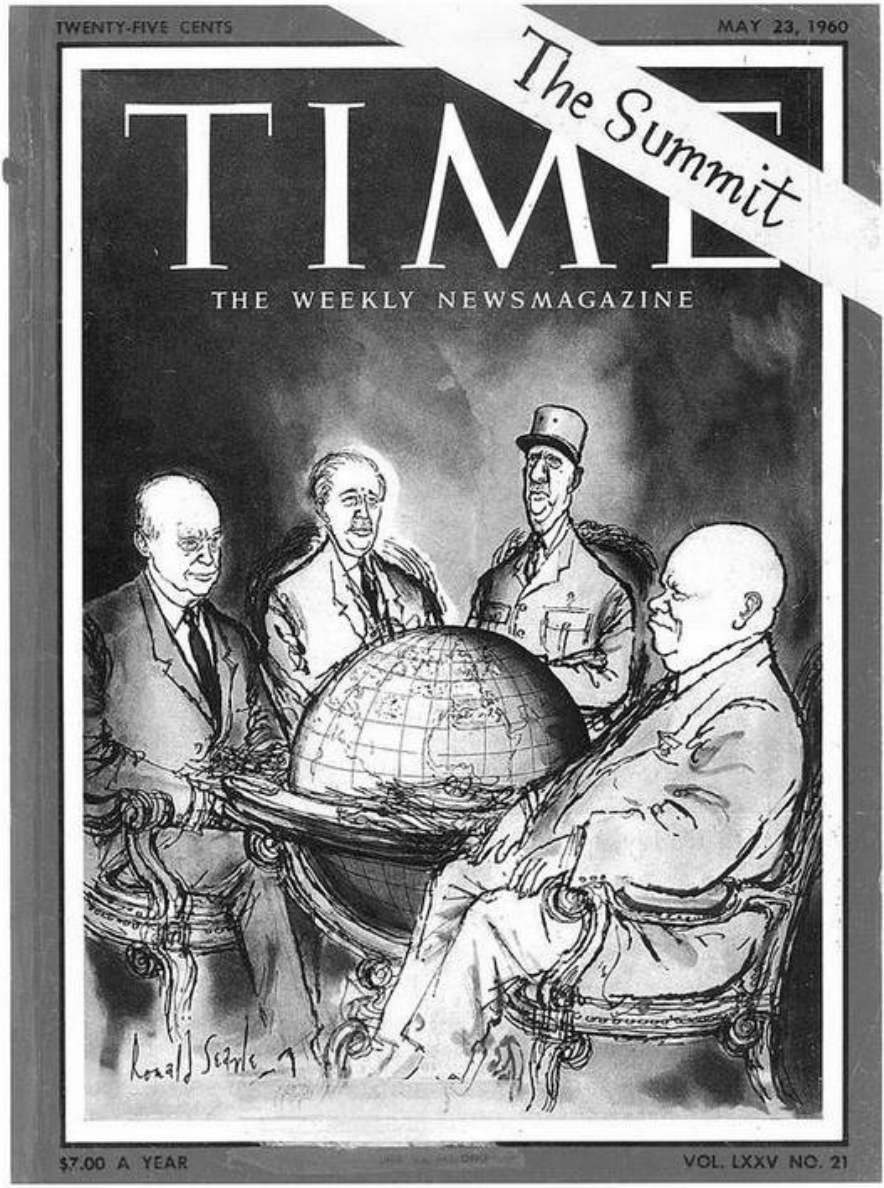


Н.С. Хрущев и президент Республики Гана Нкваме Нкрума в Крыму



Н.С. Хрущев и Ф. Кастро в Нью-Йорке. Сентябрь 1960 г.

Н.С. Хрущев и Ф. Кастро на трибуне Мавзолея 1 мая 1963 г.



Обложка журнала «Тайм» от 23 мая 1960 г.

notes

Примечания

1

ЧАН КАЙШИ (1887–1975) – китайский военный и политический лидер, участник Гражданской войны в Китае. В 1925 г., после смерти СУН ЯТСЕНА – основателя партии Гоминьдан (Национальная народная партия), унаследовал пост ее лидера. В 1930–1940-е гг. воевал против японцев, вторгнувшихся в Китай и одновременно против левых сил, возглавляемых МАО ЦЗЭДУНОМ. После победы последнего и провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики бежал со своими сторонниками на остров Тайвань, где провозгласил «независимую» Китайскую Республику и стал ее президентом.

2

СЭВ как межправительственная экономическая организация был образован на совещании представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии 5–8 января 1949 г. В феврале 1949 г. в него вступила Албания, в сентябре 1950 г. – ГДР, в июне 1962 г. – Монголия, в июле 1972 г. – Куба, в 1978 г. – Вьетнам. Ассоциированный член: СФРЮ (Социалистическая Федеративная Республика Югославия), с 1964 г. Наблюдатели: КНДР, с 1956 г., КНР, до 1961 г., Финляндия, с 1973 г., Мексика, с 1975 г., Ирак, с 1975 г., Народная Республика Ангола, с 1976 г., Никарагуа, с 1984 г., Народная Республика Мозамбик, с 1985 г., Демократическая Республика Афганистан, с 1986 г., Народная Демократическая Республика Йемен, с 1986 г., Лаосская Народно-Демократическая Республика, с 1986 г., Народная Демократическая Республика Эфиопия, с 1986 г. Высшим органом СЭВ была сессия, главным повседневным органом – секретариат в Москве. Позднее возникли постоянные комиссии по отдельным проблемам (с 1956 г.) и Исполнительный комитет (1962). 28 июня 1991 г. страны-участницы в Будапеште подписали Протокол о прекращении деятельности соглашения.

3

Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был подписан 14 мая 1955 г. Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией на Варшавском совещании по обеспечению мира и безопасности в Европе. Вступил в силу 5 июня 1955 г. Его члены образовали командование Объединенными вооруженными силами с Главнокомандующим от СССР, Штабом ОВС и начштаба тоже от СССР, с местопребыванием в Москве. Консультации и рассмотрение общих вопросов осуществлял Политический консультативный комитет. Позднее возникли Комитет министров обороны и Военный совет ОВС (1969). 1 июля 1991 г. в Праге подписан договор о прекращении его деятельности.

4

Организация Североатлантического договора (аббревиатура английского названия – НАТО) была образована в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. США, Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Канадой, Италией, Португалией, Норвегией, Данией и Исландией. В 1952 г. к ней присоединились Греция и Турция, в 1955 г. – ФРГ, в 1982 г. – Испания, в 1999 г. – Венгрия, Польша, Чехия, в 2004 г. – Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Эстония, в 2008 г. – Албания, Хорватия, а Франция восстановила свое членство в структурах военного командования. Высший орган – сессия Совета НАТО. Штаб-квартира находится в Бельгии.

5

ДЖОНСОН Линдон Бэйнс (1903–1973) – политик-республиканец из штата Техас. В 1961–1963 гг. вице-президент и в 1963–1969 гг. – 36-й президент США. Главной инициативой Джонсона было создание «Великого общества», в котором не будет бедности. По его инициативе в 1964 г. был принят Акт о гражданских правах, уничтоживший расовую сегрегацию на Юге США. Была учреждена государственная медицинская страховка (Medicare). В августе 1964 г. направил войска США во Вьетнам, чем развязал там полномасштабную войну. В июне 1967 г. встретился с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным в Гласборо (штат Нью-Джерси), проложив путь к договору 1968 г. о нераспространении ядерного оружия. Там же он убедил Косыгина подписать договор о противоракетной обороне.

6

Н.С. ХРУЩЕВ имеет в виду первое массовое, около миллиона человек, сборище хунвэйбинов на площади Тяньаньмэнь в Пекине 18 августа 1966 г., ознаменовавшее начало «культурной революции».

7

ЛЮ ШАОЦИ (1898–1969) – китайский политический деятель. Член Китайской компартии с 1921 г., профсоюзный деятель и одновременно участник гражданской войны. С 1943 г. генеральный секретарь ЦК компартии Китая, а с 1959 г. ее Председатель. В 1954–1959 гг. – Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. В 1966 г., после начала «культурной революции», объявлен «китайским лидером № 1», в 1968 г. снят со всех постов и сослан в провинцию на «исправление».

8

ЮДИН Павел Федорович (1899–1968) – философ, политик, дипломат. Директор Института красной профессуры в 1932–1938 гг. и Института философии АН СССР в 1938–1944 гг. В 1947–1953 гг. – главный редактор органа Коминформа «За прочный мир и народную демократию», базирующегося в столице Югославии Белграде. Во время пребывания в Белграде Юдин находился в центре советско-югославского противостояния, развернувшегося в 1947–1948 гг. Затем Сталин отправил его в Китай помочь Мао Цзэдуну в развитии марксистской философии. В 1953–1959 гг. – посол СССР в Китае.

9

Синьцзян (Восточный Туркестан) на границе с СССР в районе Казахстана, население – уйгуры, народность тюркского происхождения, этнически близкая к казахам и киргизам, прикочевавшая сюда из Восточной Сибири в IX в. н. э., мусульмане-сунниты. В 1943 г. СССР заключил с Гоминданом договор на совместную эксплуатацию недр Синьцзяна. В феврале 1949 г. А.И. Микоян посетил Синьцзян и провел 9 дней в штаб-квартире Мао Цзэдуна.

10

СУНЬ ЯТСЕН (1866–1925) – китайский революционер-демократ. В 1892 г. окончил Гонконгский медицинский институт. В 1894 г. основал антиманьчжурскую организацию «Союз возрождения Китая», эмигрировал за границу. С победой Учанского восстания в 1911 г. вернулся в Китай и был избран временным президентом Китайской республики, но под давлением феодалов внутри страны и империалистических держав извне был вынужден оставить этот пост. В 1912 г. создал партию гоминьдан, после того как в 1913 г. эта партия была запрещена, он вновь эмигрировал и в 1914 г. основал новую Китайскую революционную партию. В 1917 г. вернулся в Китай и возглавил военное правительство Южного Китая. В 1923 г. взял курс на сотрудничество с СССР и пригласил в Китай советских военных и политических советников. В 1925 г. умер от рака печени.

11

Ко времени Октябрьской революции в России жили и трудились примерно 250 тысяч китайцев. С 1917 г. они стали формировать революционные военные отряды китайских интернационалистов. Их штаб с 1918 г. находился в Москве. Добровольцев для них поставляли с декабря 1918 г. Союз китайских рабочих в России и с июня 1920 г. – Центральное оргбюро китайских коммунистических организаций в Советской России.

12

ЧЖУ ДЭ (1886–1976) – член КПК с 1922 г., член ЦК КПК и его Политбюро с 1934 г., главнокомандующий китайской Красной армией в 1931–1937 гг., командующий 8-й армией в 1937–1945 гг., главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая в 1945–1954 гг., заместитель председателя КНР в 1954–1959 гг., председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей с 1959 г., член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в 1956–1969 гг. и с 1973 г.

13

ГАО ГАН (1891–1955) – член КПК с 1926 г., член ЦК КПК и его Политбюро с 1945 г., секретарь Северо-Восточного бюро ЦК КПК и председатель народного правительства Маньчжурии (Северо-Восточного Китая). С 1949 г. заместитель председателя Центрального народного правительства КНР, в 1952–1953 гг. председатель Госплана КНР. Сторонник укрепления советско-китайского сотрудничества. В 1954 г. был обвинён в «антипартийной деятельности», признать обвинение отказался и, по китайской официальной версии, «покончил жизнь самоубийством».

14

ЧЖАН ЦЗОЛИНЬ (1876–1928) – офицер японской армии во время Русско-японской войны, с 1911 г. – военный губернатор Маньчжурии и с 1922 г. – ее самостоятельный правитель, в 1926 г. захватил Пекин, организовывал погромы коммунистов и содействовал эмигрантам-белогвардейцам. Изменив прояпонской ориентации, стал жертвой террористического взрыва.

15

У ПЭЙФУ (1878–1939) – китайский милитарист, в 1920–1924 гг. фактически руководивший политикой пекинского правительства и воевавший с Народно-революционной армией до 1927 г., под конец жизни – монах.

16

ВАН МИН (Чэнь Шаоюй. 1904–1974) – член КПК с 1925 г., генеральный секретарь ее ЦК в 1931 г., сторонник единого фронта с Гоминьданом. В 1931–1945 гг. член Политбюро и секретарь ЦК. Член Президиума Исполкома Коминтерна в 1932–1943 гг. В 1942 г. окончательно уступил лидерство в партии Мао Цзэдуну. С 1949 г. – на незначительных постах в партии и новом правительстве Китайской Народной Республики. Затем, в 1956–1969 гг., – член ЦК КПК. В 1956 г. уехал на лечение в Москву и в Китай не вернулся. В 1960–1970-х гг. выступал с критикой политики Мао Цзэдуна.

17

МАО ЦЗЭДУН (1893–1976) – один из создателей компартии Китая (КПК) в 1921 г. Стал членом Политбюро ЦК КПК, с 1933 г. – председатель Центрального народного правительства; в 1954–1959 гг. председатель КНР. В 1956 г., опасаясь, что начавшееся в СССР развенчание Сталина подорвет его личную власть в Китае, сменил курс, обвинил советское руководство в ревизионизме и начал проводить резко враждебную к СССР политику. В 1958–1960 гг. проводил политику «большого скачка» с целью в несколько лет догнать развитые страны, чем подорвал экономику Китая и привел страну к голоду. В 1966–1976 гг., с целью консолидации своей власти, организовал «культурную революцию», разрушившую все, что еще оставалось.

18

ЯНЬАНЬ (Фуши) – город в китайской провинции Шэньси, в пещерных горных жилищах возле которого размещался в 1936–1947 гг. ЦК КПК.

19

Начиная с этой и заканчивая главой «Об Албании» Н.С. Хрущев записывал воспоминания на магнитофонную ленту в 1969 г.

20

КОВАЛЕВ Иван Владимирович (1901–1993) – нарком (министр) путей сообщения СССР в 1944–1948 гг. В 1948–1950 гг. советник при Народном правительстве Северо-Восточного Китая и советник при Центральном народном правительственном совете в Пекине, прозванный там «советником двух вождей».

21

КОЧУБЕЙ Василий Леонтьевич (1640–1708) – генеральный писарь с 1687 г. и генеральный судья с 1699 г. в Гетманском уряде Левобережной (российской) Украины. Неоднократно предупреждал Петра I о тайных переговорах гетмана И.С. МАЗЕПЫ с польским королем Станиславом Лещиньским и шведским королем Карлом XII, после чего бежал в Россию, но был выдан царем Мазепе и казнен. Мазепа Иван Степанович (1644–1709) – в 1687–1708 гг. гетман Украины, близок к Петру I. Затем в разгар шведской войны 1700–1721 гг. перешел на сторону, как тогда казалось, побеждавшего шведского короля Карла XII, воевавшего в Украине в союзе с поляками.

22

В 1954 г. ГАО ГАНА сместили со всех постов, в 1955 г. исключили из компартии Китая. В том же году он умер от неизвестной причины, по китайской официальной версии, «покончил жизнь самоубийством».

23

Смешанные общества – форма организации акционерных компаний, в которых выступают партнерами частный капитал и государство либо несколько государств, совместно эксплуатирующих предприятия в каких-то отраслях экономики или при добыче природных ресурсов.

24

КИМ ИР СЕН (1912–1994) – основатель и фактический руководитель Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Родился в Корее, но с 1920 г. жил в Маньчжурии (Китай), с 1932 г. участвовал в антияпонском партизанском движении и в 1940–1941 гг. в Юго-Восточной Маньчжурии занимал должность командующего 2-м направлением 1-й Объединённой северо-восточной антияпонской армии. В ноябре 1941 г., под давлением японцев, перебрался в СССР. С июля 1942 г. в Красной Армии, командир стрелкового батальона, участвует в освобождении Северной Кореи от японцев. В декабре 1946 г. назначен председателем Северокорейского оргбюро компартии Кореи, а в феврале возглавил Временный народный комитет Северной Кореи. В 1948–1972 гг. председатель Кабинета министров КНДР, в 1949–1994 гг. генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, с 1972 г. президент КНДР до самой смерти. В период войны с Южной Кореей (1951–1953) верховный главнокомандующий. После разоблачений преступлений Сталина в 1956 г., опасаясь за свою власть, провел чистки и заявил о нейтралитете в советско-китайском конфликте.

25

ПОРТ-АРТУР (Люйшунь) – город и порт на Ляодунском полуострове Китая, вместе с г. ДАЛЬНИЙ (Далянь) образует основную часть административного района ЛЮЙДА. С 1898 г. арендовался Россией и был соединен железнодорожной линией с Харбином. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. отошел к Японии, которая по окончании арендного срока в 1923 г. отказалась возвратить его Китаю. Освобожден Красной Армией 23 августа 1945 г., по советско-китайским соглашениям 1945, 1950 и 1952 г. совместно использовался СССР и Китаем как военная база. В мае 1955 г. безвозмездно передан Китайской Народной Республике.

26

В тот период: ХРУЩЕВ Никита Сергеевич (1894–1971) – первый секретарь ЦК КПСС, БУЛГАНИН Николай Александрович (1895–1972) – Председатель Совета Министров СССР, МИКОЯН Анастас Иванович (1895–1978) – заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр торговли СССР, ШВЕРНИК Николай Михайлович (1888–1970) – председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), ФУРЦЕВА Екатерина Алексеевна (1910–1974) – первый секретарь Московского горкома партии, ШЕЛЕПИН Александр Николаевич (1918–1994) – первый секретарь ЦК комсомола, НАСРИДДИНОВА Ядгар Садыковна (р. в 1920 г.) – заместитель председателя Совета министров Узбекской ССР.

27

РАКОШИ Матьяш (1892–1971) возглавлял ЦК Венгерской партии трудящихся, в июле 1956 г. был освобожден от всех должностей и покинул Венгрию. ГЕРЭ Э., сменивший его на посту первого секретаря ЦК ВПТ, занимал его по октябрь 1956 г., когда началось восстание и первым секретарем был избран Я. КАДАР (1912–1989).

28

НАДЬ Имре (1896–1958) – глава правительства Венгрии в 1953–1955 гг. и в октябре – ноябре 1956 г. Осужден по обвинению в предательстве родины и казнен, в 1989 г. посмертно реабилитирован. В 1930-е гг. Надя завербовало НКВД и дало ему кличку Володя.

29

Коммунистическая партия Венгрии (1918–1943). Венгерская коммунистическая партия (1944–1948). Венгерская партия трудящихся (1948–1956). Затем называлась Венгерской социалистической рабочей партией (до октября 1989 г.).

30

ДЭН СЯОПИН (1904–1997) – член КПК с 1924 г., член ее ЦК в 1945–1966 гг., 1973–1976 гг. и 1977–1987 гг., член его Политбюро в 1955–1966 гг., 1974–1976 гг. и 1977–1987 гг. В 1956–1966 гг. – генеральный секретарь ЦК КПК, заместитель главы правительства. В 1952–1966 гг. и в 1975–1982 гг. – заместитель председателя ЦК КПК. В 1977 г. он провозглашает кампанию «Пекинская весна», в ходе которой начинается низвержение «культурной революции» Мао Цзэдуна. Он провозгласил принцип «социализма с китайской спецификой», чем открыл путь экономическим и политическим преобразованиям в стране. В 1978–1983 гг. председатель Всекитайского комитета народного политического консультативного совета. В 1975–1980 гг. начальник Генерального штаба. В 1982–1987 гг. председатель Центральной комиссии советников КПК. В 1981–1989 гг. председатель Военного совета ЦК КПК. В апреле 1989 г. высказывается за силовое разрешение кризиса во время демонстраций на площади Тянаньмэнь в Пекине, чем предотвращает сползание в хаос и сохраняет единство страны. В 1983–1990 гг. председатель Центрального военного совета КНР. В 1992 г. уходит со всех постов, но сохраняет решающее влияние на политическую жизнь Китая.

КАН ШЭН (1898–1975) – один из лидеров компартии Китая (КПК), руководитель органов госбезопасности, один из главных организаторов «культурной революции». Член КПК с 1925 г. В качестве лидера партийной ячейки КПК участвует в нескольких восстаниях в Шанхае под руководством Чжоу Эньлая, в 1938 г. назначается в секретариат ЦК КПК. В 1938–1945 гг. Кан Шэн возглавлял Шэхуэйбу – главный орган разведки КПК до её прихода к власти в 1949 г. После образования КНР Кан практически не появлялся на публике. В середине 1950-х гг., благодаря своей активной роли в нападках на Пэн Дэхуая, возвращает контроль над аппаратом безопасности КПК и становится личным агентом Мао во внутрипартийной борьбе. В 1959 г. начинает кампанию по борьбе с традиционалистами, которая позже переросла в «культурную революцию». В 1962 г. становится членом секретариата ЦК КПК. В 1966 г. избирается членом Политбюро ЦК КПК и становится одним из руководителей Группы по делам «культурной революции», организовывал кампании против Пэн Дэхуая, Лю Шаоци, Дэн Сяопина, Линь Бяо и многих других лидеров КПК. Его последняя провокация 1976 г.

была направлена против Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, но он не дожил до ее начала, умер от рака 16 декабря 1975 г.

В 1980 году Кан был посмертно исключен из партии и его прах был вывезен с Бабаошаньского революционного кладбища.

31

В то время Дэн Сяопин был вице-премьер-министром правительства Китая, а Кан Шэн возглавлял службу безопасности. С началом «культурной революции» Дэн Сяопина лишили всех постов и сослали в провинцию на перевоспитание. Он вернулся к активной деятельности после смерти Мао Цзэдуна. Кан Шэн во время «культурной революции» возвысился, занимал пост советника по культурной революции при ЦК КПК.

32

ПОНОМАРЕВ Борис Николаевич (1905–1990) – партийный работник. В 1926 г. окончил Московский университет и в 1932 г. Институт красной профессуры. В 1932–1934 гг. заместитель директора Историко-партийного института Красной профессуры, в 1934–1937 гг. директор Института истории партии при Московском комитете ВКП(б). В 1936–1943 гг. помощник руководителя Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова. С 1944 г. заместитель заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), с 1947 г. заместитель начальника, начальник Совинформбюро при Совете Министров СССР. В 1948–1955 гг. первый заместитель заведующего, с 1955 по 1986 г. заведующий Отделом по связям с иностранными коммунистическими партиями – Международным отделом ЦК КПСС. В 1961–1986 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1972–1986 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Академик (1962).

33

МИКОЯН Анастас Иванович (1895–1978) в указанное время был первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и членом Президиума ЦК КПСС.

СУСЛОВ Михаил Андреевич (1902–1982) – партийный работник. В 1926 г. окончил Московский институт народного хозяйства, в 1931 г. окончил аспирантуру в Институте экономики Коммунистической академии. В 1931–1934 гг. в аппарате Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК – РКИ), а с 1934 г. – в Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров СССР (СНК СССР). В 1938–1939 гг. – второй секретарь Ростовского областного комитета ВКП(б), 1939–1944 гг. – первый секретарь Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома ВКП(б). В 1944–1946 гг. председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. С 1946 г. руководитель отдела внешней политики ЦК ВКП(б), а с 1947 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС. В 1949–1951 гг. главный редактор газеты «Правда». В 1947–1982 гг. секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС. В 1952–1953 гг. и 1955–1982 гг. член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС.

ГОМУЛКА Владислав (1905–1982) был тогда первым секретарем ЦК ПОРП.

ЦИРАНКЕВИЧ Юзеф (1911–1989) был тогда членом Политбюро ЦК ПОРП и председателем Совета министров ПНР.

СПЫХАЛЬСКИЙ Марианн (1906–1980) был тогда министром народной обороны.

35

НОВОТНЫЙ А. (1904–1975) – в ту пору первый секретарь ЦК КПЧ и президент Чехословакии.

36

ЦЗЯН ЦИН, урожденная ЛИ ШУМЭН (1914–1991) – шанхайская актриса, член компартии Китая с 1934 г., четвертая жена МАО ЦЗЭДУНА с 1939 г., в 1950-е гг. министр культуры, выступила инициатором реформы китайского театра. С её именем связывают процессы по ликвидации китайских традиционных культурных ценностей и травле творческой интеллигенции. По её инициативе стали повсюду ставиться революционные оперы и революционные балеты, которые венчали собой явления «нового искусства». Впервые вышла на широкую политическую арену летом 1964 г., а в 1966 г. де-факто, стала лидером Группы по делам «культурной революции», организатором бесчинств хунвэйбинов и цзаофаней (молодежных отрядов и рабочих отрядов) в ходе «культурной революции» 1966–1976 гг. После смерти Мао в 1976 г. совместно с ЛИНЬ БЯО была причислена к «банде четырех», отстранена от партийных и государственных постов, осуждена за злоупотребления властью, скончалась в заключении.

37

КАРДЕЛЬ Э. (1910–1979) являлся тогда членом Исполкома, секретариата Исполкома и Президиума ЦК Союза коммунистов Югославии; РАНКОВИЧ А. (род. 1909) был заместителем председателя Союзного исполнительного веча, членом ЦК СКЮ.

38

ЧЖУ ДЭ стал командиром полка в 1911 г., когда вступил в суньятсеновский гоминьдан и участвовал в свержении китайской монархии. Коммунистом он стал в 1922 г., когда учился в Германии. А широкую известность в СССР приобрел в 1927 г., после того как Уханьское правительство капитулировало перед Чан Кайши и в Наньчане вспыхнуло коммунистическое восстание против реакционеров. Будучи членом ревкома восставших, Чжу принял на себя командование 9-м корпусом войск и стал активно участвовать в походах китайской Красной армии, в 1931 г. был избран в составе Советского правительства Китая наркомом по военным и морским делам.

39

КОСЫГИН Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель. В 1935 г. окончил Ленинградский текстильный институт. В 1937–1938 гг. директор фабрики в Ленинграде. В 1938–1939 гг. председатель Ленинградского горисполкома. В 1939–1940 гг. нарком текстильной промышленности. В 1940–1956 гг. и 1957–1960 гг. заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР. В 1956–1957 гг. первый заместитель председателя Госплана СССР, а в 1959–1960-х гг. председатель Госплана СССР. В 1960–1964 гг. первый заместитель, а в 1964–1980 гг. председатель Совета Министров СССР. В 1948–1952 гг. и 1960–1980 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. В 1957 г. занимал пост заместителя председателя Совета Министров СССР, потом первого заместителя и одновременно являлся первым заместителем председателя Государственной экономической комиссии Совмина СССР, был кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

40

Речь идет о наиболее крупных из 64 скалистых Пескадорских островов (Пэнхуледао) в Тайваньском проливе.

41

Ракета «воздух – воздух» AIM-9 «Сайдуиндер» поступила на вооружение авиации США в 1956 г. Вес ракеты 84 кг, дальность действия 1,8 км, тепловая головка самонаведения. (Подробнее см.: *Хрущев С.Н.* Рождение сверхдержавы. М.: Время, 2010. С. 196–202.)

42

«Большой скачок» 1958–1960 гг. преследовал цель не позднее чем через 7 лет превратить Китай в «великое индустриальное государство», основываясь на «седлообразной теории развития» страны: скачок – закрепление достигнутого при спаде – большой скачок.

43

В августе 1958 г. на расширенном совещании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ постановили добиться кустарными способами, в домашних доменных и сталеплавильных печах, резкого роста производства чугуна и стали. В 1962 г. вместо намеченной ранее выплавки стали на уровне 10–12 млн тонн предполагалось получить 80–100 млн тонн.

ЧЕРВЕНКОВ Вылко (1900–1980) – последовательный сталинист, председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии в 1950–1956 гг. В 1956–1958 гг. заместитель главы правительства, затем министр народного образования. В 1962 г. (при Хрущеве) исключен из партии, в 1969 г. (при Брежневе) – восстановлен.

На том же совещании в августе 1958 г. было принято решение о создании народных коммун (26 тысяч, в среднем по 20 тысяч человек в каждой) с обобществленными крестьянской собственностью, приусадебными участками, трудом, средствами производства, уравнительным распределением доходов и с военизированным бытом.

46

XXI съезд КПСС состоялся 27 января – 3 февраля 1959 г. и был посвящен принятию 7-летнего плана развития экономики СССР на 1959–1965 гг.

47

Идеологический курс «Пусть расцветают 100 цветов, пусть соперничают 100 школ» был выдвинут в мае 1956 г. Но уже в 1957 г. Мао Цзэдун заявил, что расцветать могут только «благоухающие цветы», а «ядовитые травы» надо выпалывать.

48

ЗАСЯДЬКО Александр Федорович (1910–1963) – рабочий, член ВКП(б) с 1931 г., в 1935 г. окончил Донецкий горный институт и работал на различных должностях в угольной отрасли. С 1942 г. зам. наркома угольной промышленности СССР и одновременно в 1943–1946 гг. начальник комбината «Сталинуголь» на Донбассе. В последующие годы зам. министра и министр, в разное время: Строительства топливных предприятий СССР и Угольной промышленности СССР. В 1958–1962 гг. заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1960 г. одновременно председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР, член ЦК КПСС в 1952–1963 гг.

49

Аньшаньский металлургический комбинат расположен в провинции Аньшань в Маньчжурии – крупнейшее предприятие такого рода в Китае, охватывающее железорудные предприятия, обогатительную и агломерационную фабрики, доменно-мартеновский металлургический завод, прокатное производство, коксохимический и магнезитовый заводы, производство огнеупоров, а также заводы кислотный и горнорудного оборудования. Начато строительством в 1916 г. японцами. В 1931 г. развернут в комбинат, с 1953 г. подвергался реконструкции при активном советском содействии.

50

Речь идет о корабельной крылатой самонаводящейся ракете П-15 с дальностью действия в 40 км.

51

КУЗНЕЦОВ Василий Васильевич (1901–1990). По специальности инженер, работал на металлургических предприятиях. В 1944–1953 гг. – председатель Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. В 1953 г. посол в Китае, а затем, в 1953–1955 гг., заместитель, а в 1955–1977 гг. первый заместитель министра иностранных дел СССР. В 1977–1986 гг. первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1986 г. на пенсии.

52

НЕРУ Джавахарлал Пандит (1889–1964) – один из самых видных политических деятелей мира, был лидером левого крыла индийского национально-освободительного движения. Под наставничеством Махатмы Ганди стал председателем Индийского национального конгресса, а в дальнейшем, после обретения страной независимости 15 августа 1947 г., первым премьер-министром Индии. Оставался на этом посту вплоть до 27 мая 1964 г., когда умер от сердечного приступа.

53

Бандунгская конференция представителей освободившихся от колониальной зависимости 29 азиатских и африканских стран заседала 18–24 апреля 1955 г. в городе Бандунг в Индонезии с целью установления экономического и культурного сотрудничества. В 1961 г. эти страны провозгласили себя «неприсоединившимися» ни к союзу западных держав во главе с США, ни к восточному – во главе с СССР. Так возникло движение неприсоединившихся стран, в котором доминировали Индия, Индонезия, Египет и Югославия.

54

ГХОШ Аджоу Кумар (1909–1962) – один из организаторов компартии Индии в 1925 г., член ее ЦК с 1933 г., член Политбюро ЦК в 1936–1943 гг. и с 1950 г., генеральный секретарь ЦК с 1951 г., с 1958 г. генеральный секретарь Национального совета и член Центрального исполнительного комитета КПИ.

Он вспыхнул в сентябре 1959 г., резко обострился в октябре – ноябре 1962 г., а впоследствии неоднократно возникал вновь.

ЧЕНЬ И (1901–1972) – в 1949–1958 гг. мэр Шанхая. С 1958 г. министр иностранных дел.

57

США и Пакистан заключили военный союз в 1955 г. в составе Организации Центрального договора (CENTO). Кроме упомянутых выше двух стран, в него входили Ирак, Иран, Турция и Великобритания. Ирак покинул договор в 1958 г. В 1979 г., после того как его покинули Турция и Пакистан, военный союз прекратил свое существование как нежизненный.

58

16 марта 1921 г. в Москве был подписан советско-турецкий договор о дружбе и братстве, согласно которому к Турции отошли районы Карса, Ардагана и Артвина.

59

2 декабря 1954 г. в Тегеране состоялось подписание советско-иранского соглашения об урегулировании пограничных и финансовых вопросов с установлением новой линии государственной границы на участках Атрек, Серахс, Эдды-Эвляр, Деман и Мугань. Демаркация и редемаркация всей линии этой границы произведены смешанной советско-иранской комиссией в августе 1955-го – апреле 1957 г.

60

Тибетское государство как суверенное существует с VII в. В XVIII в. оно было включено в состав Цинской династии Китая с сохранением правительства далай-ламы, социально-экономического, политического и духовного (религиозного) уклада жизни страны. В ходе Синьхайской революции 1911–1913 гг. цинские войска и чиновники были изгнаны из Тибета. С 1913 по 1950 г. Тибет являлся самостоятельным государством с теократической политической системой. В 1949 г. китайские войска вторглись на территорию Тибета и оккупировали его. 23.05.1951 г. обеими сторонами было заключено соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета, однако Китай продолжал наращивать свое военное присутствие, проводил мероприятия, коренным образом разрушавшие национальный и духовный уклад жизни тибетцев. Это привело к восстанию 1959 г., которое потерпело поражение и вынудило главу государства далай-ламу XIV эмигрировать в Индию вместе со значительной частью тибетского населения (в основном – священнослужители ламы). Об этом восстании и говорится в книге Н.С. Хрущева. С 1965 г. Китай объявил Тибет автономным районом КНР. До настоящего времени правительство Китая проводит политику ассимиляции.

61

ЧЖУ ДЭ (1886–1976) – китайский военный, государственный и политический деятель, лидер китайской революции 1930–1940 гг., являлся одним из наиболее близких соратников Мао Цзэдуна. Член ЦК КПК и его Политбюро с 1934 г., член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в 1956–1969 гг. и с 1973 г. В августе 1911 г. Чжу Дэ окончил военное училище и был назначен командиром взвода в частях Юньнаньской армии. В августе 1912 г. Чжу Дэ, командир бригады, одним из первых в Юньнани вступает в только что созданную партию Гоминьдан, а в ноябре 1922 г. вступил в КПК. Активный участник гражданской и антияпонской войн 1922–1949 гг., главнокомандующий китайской Красной армией в 1931–1937 гг., командующий 8-й армией в 1937–1945 гг., главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая в 1945–1954 гг. В 1954–1959 гг. заместитель Председателя КНР. В 1959 г., после провала «большого скачка», его избрали председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). В октябре 1969 г., во время культурной революции, Чжу Дэ КПК выслали из Пекина, но в июле 1970 г. вернули. В январе 1975 г. Чжу Дэ вновь избран председателем Постоянного комитета ВСНП.

62

Монгольская Народная Республика была провозглашена 1 июля 1924 г. и включила в себя территорию так называемой Внешней Монголии. Она входила в состав Китайской империи с 1691 до 1911 г., когда монгольские князья провозгласили независимость и установили монархию. В 1914 г. китайские войска оккупировали Внешнюю Монголию, но в начале 1921 г. были изгнаны оттуда отступавшими из Сибири частями Белой армии. В июне 1921 г. Красная Армия в союзе с повстанческими силами Монголии изгнала белых и восстановила монархию, которая просуществовала до смерти монарха, после чего революционные силы во главе с СУХЭ-БАТОРОМ провозгласили Республику. На территории Китая по границе с Монголией располагается Внутренняя Монголия, автономный район размером 1,2 млн кв. км, входящий в состав Китайской Народной Республики.

63

Нерчинский договор был подписан в 1689 г., Кяхтинский – в 1727 г., Айгунский – в 1858 г., Тяньцзиньский трактат – тоже в 1858 г., Пекинский договор – в 1860 г., Петербургский договор – в 1881 г.

64

Приморский край СССР, охватывающий Приморье, в 1938 г. выделился из Дальневосточного края, который включал в себя ранее район от р. Уссури до Японского моря – прежний Уссурийский край, признанный вплоть до корейской границы владением России по русско-китайскому Пекинскому договору 1860 г.

65

ЗЫРЯНОВ Павел Иванович (1907–1992). В 1952–1956 гг. и 1957–1972 гг. командовал пограничными войсками КГБ.

66

Являвшийся в 1953 г. советским послом в Китае В.В. КУЗНЕЦОВ в описываемое время был 1-м заместителем министра иностранных дел СССР.

67

ИТОН Сайрус (1883–1979) – один из лидеров Кливлендской группы финансистов и промышленников США и один из инициаторов международных Пагуошских конференций (с 1957 г.) ученых, выступающих за мир, международную безопасность и научное сотрудничество. Лауреат Международной Ленинской премии в 1960 г.

68

КИР Феликс А. (1876–1968) – участник движения французского Сопротивления во Второй мировой войне, публицист, мэр г. Дижона, депутат Национального собрания, член епископального совета по управлению духовной епархией, активный деятель движения за мир и безопасность в Европе.

Эти разногласия определились на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1960 г.), «Заявление» которого вьетнамская делегация подписала, в отличие от китайской, без оговорок, а также на Женевском совещании по урегулированию лаосского вопроса (с 16 мая 1961 г. по 23 июля 1962 г.), где китайская делегация определила особую позицию, и в ходе вьетнамо-китайских контактов в начале 1960-х гг., когда Пекин поднял вопрос о судьбе районов Северного Вьетнама, временно входивших некогда в состав китайских владений: со 111 г. до н. э. (Аулак и Намвьет), с 603 г. н. э. (Вансуан) и с 1407 г. (Северный Дайвьет).

70

АНДРОПОВ Юрий Владимирович (1914–1984) – советский политический деятель. В 1936 г. окончил Рыбинский речной техникум и в 1947 г. Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В 1936–1938 гг. на комсомольской работе в Рыбинске, в 1938–1940 гг. первый секретарь обкома комсомола Ярославской области, в 1940–1944 гг. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Карело-Финской ССР. С 1944 г. второй секретарь Петрозаводского горкома ВКП(б), а с 1947 г. второй секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. В 1951–1954 гг. инструктор ЦК ВКП(б). В 1954–1957 гг. посол в Венгрии. В 1957–1967 гг. заведующий отделом социалистических стран ЦК КПСС. В 1967–1982 гг. председатель КГБ СССР. С 1973 г. член Политбюро ЦК КПСС. С 1982 г. генеральный секретарь ЦК КПСС и с 1983 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

71

БЕЛИШОВА Лири (р. 1923) в 1939–1944 гг. в борьбе с итальянско-немецкими оккупантами потеряла глаз. В 1946–1948 гг. председатель Союза народной молодежи Албании. В 1948–1960 гг. член Политбюро и секретарь ЦК партии труда Албании. В 1952–1954 гг. учится в Москве в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. В 1950–1960 гг. член Президиума Народного Собрания Албании. В 1960 г. заняла просоветскую позицию и была арестована и сослана на поселение в деревню. В 1991 г. вернулась в Тирану.

72

ШЕХУ Мехмет (1913–1981) – профессиональный военный. В 1937–1939 гг. участвовал в гражданской войне в Испании. В 1942–1945 гг. участвовал в албанском партизанском движении против войск фашистской Италии, командир бригады, затем – дивизии. В 1945–1948 гг. заместитель, а после обучения в Москве начальник Генерального штаба армии Албании. В 1948 г. провёл чистку против титовцев – сторонников Кочи Дзодзе. После этого стал вторым человеком в партии. В 1948–1953 гг. секретарь ЦК Албанской партии труда и заместитель председателя Совета министров. С 1954 г. и до конца жизни председатель Совета министров Албании. В 1981 г. из-за разногласий с Э. Ходжа покончил с собой, по другой версии – застрелен.

73

ХОДЖА Энвер (1908–1985) – с момента основания в 1941 г. первый секретарь ЦК албанской компартии (партии труда), а в 1948–1954 гг. ее генеральный секретарь. После упразднения в 1954 г. должности генерального секретаря и переименования партии в Албанскую партию труда – до конца жизни первый секретарь ее ЦК. В 1944–1954 гг. премьер-министр Албании. В организованной И.В. Сталиным в 1947 г. антиюгославской кампании встал на сторону Сталина. В 1956 г., после XX съезда КПСС, опасаясь за свою судьбу, порвал отношения с СССР и занял прокитайскую позицию.

БАЛУКУ Бекир – генерал, первый заместитель председателя Совета министров, министр обороны Албании. В 1974 г. освобожден от занимаемой должности, арестован, казнен.

75

СЛАВСКИЙ Ефим Павлович (1898–1991) – инженер-металлург. В 1941–1945 гг. директор Уральского алюминиевого завода. В 1945–1946 гг. заместитель наркома цветной металлургии. С 1946 г. занимается атомными делами. В 1953–1957 гг. заместитель министра среднего машиностроения. В 1957–1986 гг. – министр (председатель Госкомитета) среднего машиностроения.

76

В 1936 г. СТАЛИН настоял на объединении китайских коммунистов с Гоминьданом для совместной борьбы с японской агрессией. В результате была сформирована 8-я армия, успешно сражавшаяся под совместным командованием. После капитуляции Японии 3 сентября 1945 г. Сталин продолжал настаивать на сотрудничестве китайской компартии с правительством Чан Кайши, что имело место в 1946 г. Однако в 1947 г. развязалась полномасштабная гражданская война, закончившаяся победой коммунистов в 1949 г.

77

ВАН МИН (Чен Шаою) (1904–1974). В 1930-е гг. – лидер «интернационалистов» в Политбюро ЦК Китайской компартии, противостоявших группе Мао Цзэдуна. Потерпел поражение от Мао в 1935 г. В 1932–1943 гг. представлял китайскую компартию в Коминтерне (до его расформирования). В 1956 г. Мао избавился от него, позволив Вану переехать на жительство в Москву, где тот и умер.

78

ЧЖОУ ЭНЬЛАЙ (1898–1976) – китайский политический деятель, в 1917–1924 гг. жил за границей, сначала в Японии, потом в Европе. По возвращении в Китай он присоединился к Гоминьдану, в 1927 г. организовал восстание и захват Шанхая отрядами рабочих, за что Чан Кайши приговорил его к смерти. Ему удалось бежать, и он до 1931 г. действовал в подполье самостоятельно, а затем стал политкомиссаром в Народной армии, возглавлявшейся Чжу Дэ. В 1948 г. его избрали заместителем Председателя китайской компартии (КПК), а в 1949 г. – членом ее секретариата. После провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. он стал премьер-министром и членом Политбюро КПК. В 1949–1958 гг. он также министр иностранных дел. С 1969 г. он входил в пятерку членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, фактически управлявшую страной, а с 1971 г. стал второй, после Мао, фигурой в политической иерархии Китая.

79

ЧЭНЬ И (1901–1972) – китайский военачальник, маршал (1955). С 1923 г. член КПК. В 1926 г. окончил Военно-политическую школу Вампу. Затем на командных постах в армии, сначала Гоминьдана, а после поражения восстания рабочих 1927 г. – коммунистической. Во время Второй мировой войны командовал дивизией, затем армией, к 1949 г. насчитывавшей 420 тысяч бойцов. После провозглашения КНР 1 октября 1949 г. он занял посты члена Центрального народного правительственного совета и Народно-революционного военного совета КНР, 2-го секретаря Восточнокитайского Бюро ЦК КПК, командующего Восточнокитайским военным округом, 1-го секретаря Шанхайского городского комитета КПК и мэра Шанхая. С 1954 г. он заместитель председателя Государственного совета КНР и заместитель председателя Государственного комитета обороны КНР. С 1956 г. член Политбюро ЦК КПК. С 1958 г. министр иностранных дел и заместитель премьер-министра. В 1966 г. введен в пятерку членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В период «культурной революции» он продержался до 12 сентября 1968 г., после чего исчез, но его не репрессировали, и он до самой смерти в 1972 г. продолжал числиться министром иностранных дел.

80

СКУРАТОВ-БЕЛЬСКИЙ Григорий Лукьянович по прозвищу Малюта (уб. в 1573 г.) – думный дворянин, глава опричного кровавого террора при царе Иване IV, внушавший ужас всей России.

81

ПЭН ЧЖЭНЬ (1902–1997) – член КПК с 1923 г., в 1945–1966 гг. и 1979–1987 гг. член ЦК КПК и его Политбюро, с 1949 г. первый секретарь горкома КПК и мэр Пекина, член Секретариата ЦК КПК, в 1954–1966 гг. и с 1979 г. заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и его председатель в 1983–1988 гг. В 1966 г. отстранен от власти за противодействие «культурной революции», реабилитирован в 1978 г. и вернулся к активной деятельности. С 1988 г. в отставке.

82

ПЭН ДЭХУАЙ (1898–1974) – китайский военачальник, маршал (1955). Заместитель главнокомандующего вооруженными силами коммунистов в войне с Японией. Командовал 1-й армией в гражданской войне 1947–1949 гг. Главнокомандующий формированиями китайских «добровольцев» в период войны в Корее. В 1954–1959 г. министр обороны Китая. За критику политики «большого скачка» освобожден от своего поста, но назначен заместителем премьер-министра (1959–1965), после чего подвергся гонениям хунвэйбинами, в 1967 г. освобожден от всех постов, арестован, подвергся пыткам и сослан в «исправительно-трудовой лагерь», где он и умер. В 1978 г. посмертно реабилитирован.

83

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В.А. (1883–1939) – видный советский государственный деятель, военачальник, юрист и дипломат. Во время Октябрьской революции руководил взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Один из организаторов Красной Армии. Во время Гражданской войны командовал фронтом. В 1922–1924 гг. начальник Политуправления РВС СССР. С 1924 по 1934 г. посол в Литве, Польше, Чехословакии. С 1934 г. прокурор РСФСР. С 1936 г. консул в Барселоне, Испания. В 1937 г. нарком юстиции РСФСР. Арестован Сталиным и расстрелян, посмертно реабилитирован.

84

ЗИНОВЬЕВ (Радомысльский) Григорий Ефимович (1883–1936) – член Коммунистической партии с 1901 г., активный участник революционного движения, с декабря 1917 г. председатель Петроградского совета, в 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна, член ЦК партии в 1907–1927 гг., член Политбюро ЦК в 1921–1926 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

85

КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – член Коммунистической партии с 1901 г., активный участник революционного движения, председатель ВЦИК в ноябре 1917 г., председатель Моссовета в 1918–1926 гг., заместитель председателя Совнаркома СССР в 1923–1926 гг., председатель СТО в 1924–1926 гг., директор Института Ленина в 1923–1926 гг.; член ЦК партии в 1917–1927 гг. и Политбюро ЦК в 1919–1926 гг., ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

86

Имеется в виду эпизод от 18 (31) октября 1917 г., когда петроградская газета «Новая жизнь» опубликовала письмо КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА, в котором они выражали несогласие с решением большевистского ЦК начать в ближайшее время восстание против Временного правительства, тем самым выдав срок проведения готовившегося большевиками восстания в Петербурге (Петрограде).

87

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ: в России XVIII–XIX вв. вид позорного наказания для дворян. Осужденного привязывали к позорному столбу и ломали шпагу над его головой в знак лишения всех прав состояния: чинов, сословных привилегий, прав собственности, родительских и др. Такому виду гражданской казни 12–13.07.1826 г. были подвергнуты декабристы, в 1849 г. Ф.М. Достоевский, а 31.05.1863 г. – Н.Г. Чернышевский (в Петербурге, на Мытной площади) перед отправкой в Вилюйскую ссылку в Сибирь.

88

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938). Командовал войсками с ноября 1917 г. по март 1918-го. После чего занимал различные посты в советском руководстве, включая народного комиссара юстиции СССР в 1936–1938 гг. Арестован по приказу Сталина и казнен, реабилитирован посмертно.

89

ПЕТЕРС Ян Христофорович (1886–1938) – из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1904 г. и член Британской социалистической партии с 1909 г., после 1917 г. занимал ответственные посты в ВЧК (Петроград, Москва, Киев, Тула, Туркестан), с 1923 г. член коллегии ОГПУ, член ЦКК в 1923–1934 гг., затем член КПК при ЦК ВКП(б). Контрольную партийную комиссию Московской области он возглавлял в 1930–1934 гг. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

90

ЧУБАРЬ Влас Яковлевич (1891–1939) – крестьянин, член РСДРП с 1907 г. С 1911 г. рабочий, участник трех российских революций, в 1918–1922 гг. сотрудник ведущих хозяйственных ведомств, с 1923 г. Председатель Совнаркома УССР и заместитель Председателя Совнаркома СССР. С 1934 г. заместитель председателя Совета Труда и Обороны СССР, с 1937 г. народный комиссар финансов СССР, с 1938 г. 1-й заместитель Председателя Совнаркома СССР, член ЦК партии с 1922 г., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 г. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

91

ПОСТЫШЕВ Павел Петрович (1887–1939) – рабочий, член РСДРП с 1904 г., участник трех российских революций, в 1917–1922 гг. занимал ряд военных, партийных и государственных должностей на Дальнем Востоке, а с 1923 г. – на Украине, секретарь ЦК и член Политбюро ЦК КП(б)У в 1926–1930 гг., секретарь ЦК ВКП(б) в 1930–1933 гг., затем 2-й секретарь ЦК КП(б) У, с 1937 г. секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б), в 1934–1938 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), член ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

92

КОСИОР Станислав Викентьевич (1889–1939) – рабочий, член РСДРП с 1907 г. После 1917 г. видный партработник, один из организаторов КП(б)У, секретарь ее ЦК с 1920 г., Сибирского бюро ЦК РКП(б) с 1922 г., далее генеральный секретарь ЦК КП(б)У до 1938 г., перед репрессированием – заместитель Председателя Совнаркома СССР и председатель Комиссии советского контроля, член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г., член ЦК партии с 1924 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

93

ЦКК являлась высшим контрольным органом РКП(б) и ВКП(б) в 1920–1934 гг., затем была преобразована в Комиссию партийного контроля.

94

ХО ШИ МИН (1890–1969) – вьетнамский политический деятель, основатель Коммунистической партии Вьетнама, руководитель августовской революции, первый президент Северного Вьетнама, создатель Вьетминя и Вьетконга, философ и поэт. Родился во Французском Индокитае, в 1911 г. покинул родину и жил в США, Великобритании и Франции. Член Французской компартии с 1920 г. В 1923 г. переезжает в Москву, работает в исполкоме Коминтерна. В 1927 г. перебирается в Индокитайское государство Сиам. В 1930 г. основал Коммунистическую партию Индокитая. В 1941 г. в оккупированном японцами Индокитае учредил Вьетминь и возглавил освободительную борьбу. После поражения Японии стал премьер-министром (1946–1955) и президентом (1946–1969) нового государства Вьетнам. С 1951 г. председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама. В 1955–1956 гг. его правительство провело аграрную реформу. В 1946 г. воевал, сначала с французскими колониалистами, после их поражения и ухода – с американской армией.

95

Демократическая Республика Вьетнам была провозглашена 2 сентября 1945 г. Советский Союз официально признал ее 30 января 1950 г. Во время Второй мировой войны движение Вьетмин во главе с ХО ШИ МИНОМ вело партизанскую войну против японцев, оккупировавших Французский Индокитай (Вьетнам, Камбоджу и Лаос). После поражения Японии Демократическая Республика Вьетнам 2 сентября 1945 г. провозгласила независимость, однако в том же сентябре Британский экспедиционный корпус высадился на юге страны в районе города Сайгона (ныне Хо Ши Мин). Британцы позволили французским вооруженным силам вернуться в Индокитай и восстановить свое присутствие в колонии. В декабре 1946 г., после того как французы захватили Ханой, Вьет Мин начал против них освободительную борьбу, однако Сталин помогать им не пожелал. Они обратились к США, но тоже получили отказ. В 1947 г. Сталин переменил свою позицию и стал оказывать ограниченную военную помощь Вьетмину. Видимо, в это время Хо Ши Мин и приезжал в Москву. В январе 1950 г., через три месяца после победы Мао Цзэдуна над Чан Кайши и провозглашения Китайской Народной Республики, Советский Союз 30 января 1950 г. официально признал Вьетнам. В мае 1954 г. Вьетнамская народная армия разбила французские войска у Дьен Бьен Фу (Северо-Западный Вьетнам), и французы, признав свое поражение, эвакуировали войска, а Вьетнам разделился по 17-й параллели на Северный во главе с Хо Ши Мином и Южный, в котором французов постепенно сменили американцы. Окончательно освободительная война закончилась в 1976 г. поражением американцев, их эвакуацией из Вьетнама и воссоединением Севера и Юга.

96

Женевское совещание министров иностранных дел СССР, КНР, Великобритании, США и Франции по Индокитаю (26 апреля – 21 июля 1954 г.).

97

ФАМ ВАН ДОНГ (1906–2000) – вьетнамский государственный и политический деятель, окончил Вьетнамский колледж и тогда же включился в освободительную борьбу. В 1929–1936 гг. арестован французскими колониальными властями. В 1941–1945 гг. участвовал в создании революционных баз в Северном Вьетнаме. В 1945 г. вошел в Национальный комитет освобождения Вьетнама. После Августовской революции 1945 г. стал министром во Временном правительстве Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). В 1949–1955 гг. заместитель премьер-министра, одновременно с августа 1954 г. министр иностранных дел. С сентября 1955 г. премьер-министр и одновременно (до 1961 г.) министр иностранных дел ДРВ. В 1976–1987 гг. премьер-министр правительства объединённой Социалистической Республики Вьетнам. С 1930 г. член Коммунистической партии Индокитая, член Политбюро ЦК КПВ в 1951–1986 гг. С 1987 г. советник ЦК компартии Вьетнама.

98

Вьетнамская народная армия разбила французские войска у Дьен Бьен Фу (Северо-Западный Вьетнам) в мае 1954 г.

99

МЕНДЕС-ФРАНС Пьер (1907–1982) являлся министром иностранных дел Франции в 1954 г. и премьер-министром в 1954–1955 гг.

100

Она вспыхнула в 1964 г. и официально длилась до января 1973 г., но воссоединение Вьетнама было завершено в июле 1976 г.

101

ИБАРРУРИ Долорес (1895–1989) являлась в 1942–1959 гг. генеральным секретарем, а с 1959 г. – председателем компартии Испании.

102

Конференция продолжалась с 6 ноября до 1 декабря 1960 г., на ней присутствовали представители 81 партии. Китай представляли: Лю Шаоци (Председатель КНР) и Дэн Сяопин (генеральный секретарь компартии). На совещании впервые произошла открытая конфронтация между делегациями КПСС и КПК, но китайцы все-таки подписали заключительное коммюнике.

103

ЛЕ ЗУАН (1907–1986) – государственный и политический деятель Социалистической Республики Вьетнам. С юношеских лет включился в борьбу с французскими колонизаторами. С 1930 г. член Коммунистической партии Индокитая (КПИК), с 1951 г. – Партия трудящихся Вьетнама (ПТВ). С 1939 г. член Постоянного комитета ЦК КПИК. После победы Августовской революции 1945 г. ЦК КПИК направил Ле Зуана своим представителем в Южный Вьетнам. С 1960 г. первый секретарь ЦК ПТВ, а с 20 декабря 1976 г., после объединения Севера и Юга и до своей смерти, генеральный секретарь Коммунистической партии Вьетнама.

104

Албанская партия труда до 1948 г. именовалась Коммунистической партией Албании.

105

ВУКМАНОВИЧ-ТЕМПО Светозар (1912–1976). Член компартии Югославии с 1933 г. Во время Второй мировой войны член верховного командования народно-освободительной армии Югославии. В 1945–1948 гг. заместитель министра обороны. В 1953–1958 гг. зам. премьер-министра по вопросам экономики. В 1958–1967 гг. – во главе югославских профсоюзов.

106

ТИТО Иосип Броз (1892–1980) – президент Югославии с 1953 г., Председатель Президиума Социалистической Федеративной Республики Югославии с 1971 г., маршал с 1943 г., был членом социал-демократической партии Хорватии и Словении с 1910 г., в 1915 г. попал в русский плен, с 1920 г. член компартии Югославии, член ее ЦК и Политбюро ЦК с 1934 г., в 1940–1966 гг. ее генеральный секретарь, потом председатель Союза коммунистов Югославии, верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии в 1941–1945 гг., в 1946–1953 гг. председатель Совета министров Федеративной Народной Республики Югославии и в 1953–1963 гг. председатель ее Союзного исполнительного веча, в 1945–1963 гг. председатель Социалистического союза трудового народа Югославии. В Коминтерне (о чем упоминается в тексте) он работал в 1935–1936 гг., находясь в Москве.

107

КАРДЕЛЬ Эдвард (1910–1979) – школьный учитель и политический деятель. Один из теоретиков рабочего самоуправления. Ввёл термин «бюрократический социализм». В 1928 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии. В 1930 г. был осуждён на два года за коммунистическую деятельность. В 1935–1937 гг. в эмиграции в Москве. С 1937 г. член ЦК КПЮ и Политбюро ЦК с 1938 г. В период Второй мировой войны – один из организаторов антифашистского Сопротивления в Словении, вошёл в переходное правительство Иосипа Броз Тито. В 1945-м, 1946–1963 гг. заместитель председателя правительства Югославии и в 1948–1953 гг. министр иностранных дел. В 1958–1966 гг. секретарь ЦК СКЮ, в 1953–1960 гг. генеральный секретарь Социалистического союза трудового народа Югославии, в 1963–1967 гг. председатель Союзной скупщины Югославии, в 1974–1979 гг. член Президиума Югославии.

108

ДЖИЛАС Милован (1911–1995) – член Коммунистической партии Югославии (КПЮ) с 1932 г. и в 1932–1935 гг. был в заключении. С 1938 г. член ЦК КПЮ, генерал-лейтенант, с 1945 г. член Временной народной скупщины и министр по делам Черногории, с 1948 г. секретарь Исполнительного бюро ЦК КПЮ, с 1953 г. один из вице-президентов Югославии и позднее председатель Союзной народной скупщины. В 1953 г. перешел в оппозицию, опубликовав серию статей с резкой критикой «сталинских методов» и однопартийной системы. Выступал против сталинской и титовской моделей построения социализма, популяризатор концепции «нового класса» – партийной номенклатуры, правящей в коммунистических странах. В марте 1954 г. вышел из партии и, вскоре арестован. После освобождения продолжил критико-литературную деятельность, опубликовал книги: «Новый класс: Анализ коммунистической системы» (1957) и «Разговоры со Сталиным» (1962), за что был снова арестован и приговорен к 5 годам тюрьмы. В 1966 г. амнистирован, но продолжал свою деятельность.

109

Министром госбезопасности Украины в 1943–1949 гг. был САВЧЕНКО Сергей Романович (1904–1966).

110

ШЕПИЛОВ Дмитрий Трофимович (1905–1990) – член ВКП(б) с 1926 г., с 1935 г. на партийной работе, с 1945 г. генерал-майор, потом на журналистской работе, главный редактор газеты «Правда» в 1952–1956 гг., секретарь ЦК КПСС в 1955–1957 гг., в 1956–1957 гг. министр иностранных дел СССР, затем на административной и научной работе, член ЦК КПСС в 1952–1957 гг. и кандидат в члены его Президиума в 1956–1957 гг.

111

ХОДЖА Энвер (1908–1985) – со дня ее основания в 1941 г. первый секретарь ЦК Албанской компартии (Партии труда), а в 1948–1954 гг. ее генеральный секретарь. После упразднения в 1954 г. должности генерального секретаря и переименования партии в Албанскую партию труда до конца жизни первый секретарь ее ЦК. В 1944–1954 гг. премьер-министр Албании. В организованной И.В. Сталиным в 1947 г. антиюгославской кампании встал на сторону Сталина. В 1956 г., после XX съезда КПСС, опасаясь за свою судьбу, порвал отношения с СССР и занял прокитайскую позицию.

112

В годы, о которых идет речь, из 2,5 млн албанцев в самой Албании проживало свыше 1 млн чел. и около 900 тысяч в Югославии.

113

Визит советской делегации проходил в период 25 мая – 6 июня 1959 г.

114

В Албании, поблизости от границы с Грецией, проживало какое-то количество греков, которых во времена Энвера Ходжи подвергали дискриминации, и они взывали к Греции о помощи.

115

В описываемое время М. ШЕХУ являлся членом Политбюро ЦК АПТ и председателем Совета министров Народной Республики Албании, генерал-лейтенант Б. БАЛУКУ – членом Политбюро ЦК АПТ и министром народной обороны.

116

Имеется в виду Кочи ДЗОДЗЕ, выходец из рабочих, основатель компартии Албании в 1941 г. и ее организационный секретарь. Затем он стал заместителем председателя Антифашистского веча народного освобождения, а с 1946 г. возглавлял Демократический фронт Албании. За сотрудничество с Югославией и в ходе борьбы за власть смещен Энвером Ходжей с руководящих должностей в 1948 г., в мае 1949 г. арестован и повешен.

117

На самом деле Лири Белишовой (1923–?) «повезло», после 31-летней ссылки она в 1991 г. вернулась к нормальной жизни.

118

Румынская компартия в то время называлась Румынской рабочей партией. Речь идет о ее VIII съезде (20–25 июня 1960 г.). Одновременно 24 июня в Бухаресте состоялась встреча прибывших туда представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

119

Совещание представителей коммунистических и рабочих партий (Москва, ноябрь 1960 г.).

120

ЧЭНЬ И (1901–1972) с 1958 г. был министром иностранных дел Китайской Народной Республики.

121

«Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», в которой охарактеризованы 5 принципов мирного сосуществования (взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование), была принята на Бандунгской конференции 29 стран Азии и Африки (18–24 апреля 1955 г.).

122

МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович (1883–1959). Член партии с 1903 г. Участник революций 1905 и 1917 гг. В 1921–1922 гг. руководитель Советской миссии Красного Креста во Франции. С 1924 г. член Исполкома Коминтерна. С 1928 по 1943 г. (год роспуска Коминтерна) секретарь Исполкома Коминтерна. В 1944–1953 гг. заместитель председателя Совета Министров УССР, министр иностранных дел Украины. С 1953 г. на пенсии.

123

Югославская делегация останавливалась в Киеве в мае 1945 г.

Автор ошибается. П.Ф. ЮДИН не был послом в Югославии. В 1947–1953 гг. он работал шеф-редактором газеты «За прочный мир, за народную демократию!» и, естественно, находился в гуще событий, разворачивавшихся вокруг Югославии. Откуда поступала эта информация? Были ли это донесения посла или сообщения шеф-редактора, нам неизвестно. Упоминание автором в данном контексте фамилии Юдина не случайно, о его негативной роли в конфликте с Югославией Н.С. Хрущев говорил не раз. Его титул в данном случае не имеет принципиального значения, но послом он не был. П.Ф. ЮДИН отвечал за ряд направлений деятельности Коминформа (Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, 1947–1956), заседавшего в Белграде, и постоянно бывал там, как главный редактор его газеты «За прочный мир, за народную демократию!». В период хороших отношений с новой Югославией (1945–1946) советским послом в ней был И.В. САДЧИКОВ (род. 1906 г.), впоследствии посол в Иране, ответственный сотрудник центрального аппарата МИД СССР и директор Московского отделения Международного бюро труда. В 1946–1949 гг. послом был А.И. ЛАВРЕНТЬЕВ (1904–1984), перед этим – нарком иностранных дел РСФСР, а впоследствии заместитель министра иностранных дел СССР, посол в Чехословакии, Румынии, Иране и ответственный сотрудник центрального аппарата МИД СССР. За ним в Белграде временным поверенным в делах до 1953 г. был Г.П. ШНЮКОВ. В 1953–1955 гг. пост посла занимал В.А. ВАЛЬКОВ (1904–1972), перед этим посол в Нидерландах и ответственный сотрудник МИД СССР, а впоследствии – вновь в МИД и на научной работе. В 1955–1957 гг. Н.П. ФИРЮБИН (1908–1983), перед этим – посол в Чехословакии, а впоследствии заместитель министра иностранных дел СССР, в 1957–1960 гг. И.К. ЗАМЧЕВСКИЙ (1909–1979), раньше и позже посольской работы – ответственный сотрудник МИД СССР. В 1960–1962 гг. А.А. ЕПИШЕВ (1908–1990), перед этим посол в Румынии, впоследствии начальник Главного политического управления СА и ВМФ. В 1962–1967 гг. А.М. ПУЗАНОВ (1906–1982), до этого посол в КНДР, впоследствии посол в Болгарии и Афганистане.

125

Информацию в советское посольство поставлял член Политбюро ЦК КПЮ Сретен ЖУЙОВИЧ.

126

Официальные публикации в СССР по югославскому вопросу как резолюции Коминформа были помещены за числами 29 июня 1948 г. и 29 ноября 1949 г.

127

Более подробно о планах Сталина физически устранить Тито – в книге Павла СУДОПЛАТОВА «Спецоперация. Лубянка и Кремль. 1930–1950» (М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 526, 528–530).

128

ПОПОВИЧ Коча (1908–1992) – югославский общественный деятель, публицист, генерал. В 1929–1932 гг. обучался в Сорбонне. Выступал как поэт-сюрреалист. В 1933 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии. В 1937–1938 гг., во время гражданской войны в Испании, сражался в интернациональных бригадах, командир батальона. В 1938 г. интернирован французскими властями, в 1939 г. освобождён. В 1941–1945 гг. один из организаторов партизанских отрядов, командовал отрядом, группой, 1-й пролетарской ударной бригадой (декабрь 1941 г.), I корпусом (1943–1944) Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), в 1944 г. возглавил 2-ю армейскую группу НОАЮ, а 1 января 1945 г. – 2-ю армию НОАЮ. В 1945 г. возглавил Генштаб югославской армии, настоял на сокращении советских военных советников. В 1953–1966 гг. министр иностранных дел, в 1966–1967 гг. вице-президент Югославии. В 1971 г. вошёл в состав группы из 22 человек, образовавшей новое югославское коллективное руководство, в ноябре 1972 г. уволен в отставку и отошёл от политической жизни.

129

Дипломатические отношения прервались в 1949 г. Их восстановили в 1953-м, а в период визита советской делегации в Югославию договорились установить дружеские контакты в различных сферах.

130

Ту-16 – бомбардировщик, максимальная скорость 1050 км/час, дальность полета 5800 км при бомбовой нагрузке в 3 тонны.

131

Декларация по итогам переговоров с 27 мая по 2 июня между правительственными делегациями СССР и СФРЮ была принята 2 июня 1955 г.

132

ПОСОХИН Михаил Васильевич (1910–1989) – главный архитектор Москвы в 1960–1982 гг., народный архитектор СССР с 1970 г., председатель Комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и зам. председателя Госстроя в 1963–1967 гг. Построенные частично по его проектам здания в Пицунде, о чем здесь говорится: пансионат на три тысячи мест с семью высотными корпусами вдоль морского берега и пр.

133

ТОЗ – форма кооперирования крестьян, практиковавшаяся в СССР в 1920-е гг.

134

РАНКОВИЧ Александр (1909–1983) – политический деятель. В 1928 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии (КПЮ) и стал секретарём окружного комитета Союза коммунистической молодёжи Югославии (Сербии). В 1929 г. арестован, подвергся пыткам, вышел на свободу в 1935 г. В 1936 г. стал членом Окружного комитета КПЮ по Сербии, а в 1937-м – членом Политбюро ЦК КПЮ, в январе 1939 г. перешёл на нелегальное положение, был известен под псевдонимом Марко. В 1941 г., после начала войны, в июле 1941 г. организовал взрыв белградской радиостанции, попал в руки полиции, передан гестапо, бежал, перебрался на занятую партизанами территорию и вошёл в состав Верховного штаба партизанского движения, стал первым заместителем Тито. В 1946–1966 гг. министр внутренних дел Югославии. С 1956 г. заместитель председателя Союзного исполнительного веча (вице-премьер), член Секретариата Верховного комитета ЦК СКЮ, член ЦК Союза коммунистов Сербии. В 1966 г. Тито обнаружил устройства для прослушивания в своём рабочем кабинете, Ранкович подал в отставку, исключен из партии и до конца жизни проживал на своей вилле в Дубровнике, писал мемуары.

135

Подписанное 1 августа 1945 г. Потсдамское соглашение предусматривало выплату репарации СССР Восточной Германией в «разумных размерах» плюс 25 % репараций, выплачиваемых Западной зоной оккупации нашим союзникам.

136

17 июня 1953 г.

137

На Западе, точнее в Западном Берлине, оказался лидер Христианско-демократического союза Восточной Германии Отто НУШКЕ. Позднее он заявил, что его похитили, и возвратился в Германскую Демократическую Республику.

138

Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) возникла в 1946 г. в результате слияния Коммунистической партии Германии во главе с Вальтером УЛЬБРИХТОМ и Социалистической партией Германии во главе с Отто ГРОТЕВОЛЕМ. Германская Демократическая Республика на территории Советской зоны оккупации Германии ведет свое начало с октября 1949 г. в ответ на провозглашение в сентябре 1949 г. Федеративной Республики Германии в зонах оккупации западными союзниками (США, Великобританией и Францией).

139

УЛЬБРИХТ Вальтер (1893–1973) – столяр. В 1912 г. вступил в Социалистическую партию Германии. Один из основателей Германской компартии и с 1923 г. член ее ЦК. В 1933 г. эмигрировал, сначала во Францию, а после ее оккупации Германией – в СССР. После возвращения в Германию с 1945 г. работал на различных государственных и партийных должностях. С 1950 г. генеральный (первый) секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), с 1971 г. почетный председатель. С 1960 г. председатель Государственного Совета Германской Демократической Республики (ГДР).

140

ГРОТЕВОЛЬ Отто (1894–1964) – социал-демократ с 1912 г., председатель Центрального правления Социал-демократической партии Германии с 1945 г., с 1946 г. член его Секретариата, с 1949 г. член Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, в 1946–1954 гг. один из двух председателей СЕПГ, премьер-министр ГДР с 1949 г.

141

КПГ возникла 1 января 1919 г. Ее члены в Восточной Германии вошли в 1946 г. в СЕПГ. В Западной Германии КПГ вновь оформилась организационно в 1948 г., а в 1956 г. была запрещена. Германская коммунистическая партия вместо нее была основана там в 1968 г.

142

Рекомендации приступить к широкому созданию кооперативов в ГДР дала III конференция СЕПГ в марте 1956 г. Возникали кооперативы разного типа. Производственное кооперирование крестьян в ГДР завершилось в 1966 г., хотя об этом завершении объявили ранее.

143

10 марта 1952 г. СССР обратился к правительствам западных держав с нотой об основах мирного договора с Германией. 15 августа 1953 г. СССР направил западным державам ноту о созыве мирной конференции для заключения германского мирного договора, создания Временного всегерманского правительства и проведения свободных выборов в Германии.

144

25 января – 18 февраля 1954 г. в Берлине на совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции западные державы отклонили советские предложения.

145

Речь идет о той части соглашений, в которой предусматривались основные направления общей политики держав-победительниц в отношении Германии, рассматривавшейся как «единое экономическое и политическое целое».

146

ЭРХАРД Людвиг (1897–1977) – экономист и государственный деятель. Участник Первой мировой войны, ранен. Окончил Франкфуртский университет. Наукой Эрхард начал заниматься накануне Великой депрессии конца 1920-х – начала 1930-х гг. С 1945 г. государственный министр экономики Баварии, с 1948 г. реализовывал свой план реформ, основанный на либерализации экономики. После образования ФРГ он, христианский демократ, – министр экономики в правительстве Конрада Аденауэра (1949–1963) и творец немецкого «экономического чуда». Его преемник на посту федерального канцлера в 1963–1966 гг.

147

СЕМЕНОВ Владимир Семенович (1911–1992) – ответственный сотрудник Центрального аппарата МИД СССР, много лет имевший отношение к германским делам: в 1940–1941 гг. советник полпредства в Берлине; в 1945–1946 гг. заместитель политического советника и до 1949 г. политический советник советской военной администрации в Восточной Германии; до 1953 г. политический советник Советской контрольной комиссии в Германии; до 1954 г. Верховный комиссар СССР в Германии и посол в ГДР; до 1978 г. заместитель министра иностранных дел СССР; далее – посол в ФРГ до 1986 г.

148

АДЕНАУЭР Конрад (1878–1967) – немецкий политический деятель. В 1906–1933 гг. в партии Центра. В 1917–1933 гг. обер-бургомистр Кёльна, в 1920–1932 гг. председатель прусского Государственного совета. После прихода нацистов к власти в 1933 г. ушёл со своих постов. После окончания Второй мировой войны был в числе основателей партии Христианско-демократический союз, а в 1950–1966 гг. её председатель. В 1948–1949 гг. – президент Парламентского совета. С сентября 1949 г. по октябрь 1963 г. федеральный канцлер Федеративной Республики Германии. Умер 19 апреля 1967 г. на своей вилле в Рёндорфе в возрасте 91 года.

149

КОНЕВ Иван Степанович, маршал, в 1961–1962 гг., в период кризиса, возникшего вокруг возведения стены в Берлине, на короткое время был назначен командующим Группой советских войск в Германии. В октябре 1961 г. в Москве проходил XXII съезд КПСС, на котором присутствовали и Хрущев, и Конев. Речь идет о танковом противостоянии в Берлине на Фридрих-штрассе, в месте разграничительного пропускного пункта между советским и американским секторами оккупации. Подробнее об этом эпизоде рассказывается в разделе о взаимоотношениях с США.

150

В 1963 г.

151

ВИНЦЕР Отто (1902–1975). В 1949–1956 гг. начальник канцелярии президента ГДР, далее – заместитель министра иностранных дел и с 1959 г. первый его заместитель, в этом качестве он и сопровождал В. Ульбрихта во время его поездки в Советский Союз в 1963 г., в 1965–1975 гг. министр иностранных дел.

152

Разделы Польши между Россией, Австрией и Пруссией происходили трижды: в 1772, 1793 и 1795 гг.

153

Весной 1912 г. рабочие Ленских золотых приисков в Восточной Сибири забастовали, требуя снижения продолжительности рабочего дня с одиннадцати с половиной до 8 часов, 30 % надбавки к жалованью, улучшения снабжения и санитарных условий. На подавление забастовки правительство послало войска, которые 17 (4) апреля открыли огонь, убили 270 человек и ранили 240.

154

СКАРБЕК Болеслав (1888–1934). Член партии с 1917 г. В 1918 г. начальник отдела культуры и образования в Комиссариате по польским делам в Харькове. Участник Гражданской войны 1918–1921 гг. С 1921 г. заведующий Польским Бюро в ЦК КП(б) Украины и редактор украинскоязычной газеты «Пролетарская правда». В 1926 г. председатель украинского правительства в Москве, а затем редактор газеты «Серп» в Харькове. В 1927–1929 гг. в аппарате ЦК ВКП(б) в Москве и заместитель редактора газеты «Советская трибуна». В 1929 г. в Киеве редактор газеты «Киевский пролетарий», а затем директор института Польской пролетарской культуры АН Украины. С 16 октября 1932 г. глава отдела культуры и пропаганды в Черниговском обкоме компартии Украины. В 1933 г. арестован, обвинен в участии в мифической польской военной организации и в марте 1934 г. расстрелян.

155

ПИЛСУДСКИЙ Юзеф (1867–1935) – участник студенческих волнений 1885 г. в Харьковском университете, с 1887 г. народоволец, в 1888–1892 гг. в ссылке, основатель газеты «Рабочий» (1894 г.), руководитель с 1905 г. боевых террористических групп и с 1907 г. революционной фракции Польской социалистической партии, в 1914–1917 гг. командовал польским легионом в составе австро-венгерской армии, с июля 1917 г. находился в германском заключении, в 1918–1922 гг. глава польского государства, маршал, в 1919–1920 гг. организатор польской антисоветской интервенции; с 1926 г. глава «санационного» режима, в 1926–1928 гг. и в 1930 г. премьер-министр.

156

Первый съезд поляков, живших за границей, собрался в Варшаве в 1929 г., второй – в 1934 г. В то время около 1 млн поляков жило за пределами Польши.

157

Польско-советскую войну поляки начали в апреле 1920 г. с целью восстановления Польши в «старых» границах. Они захватили Киев, затем их отбросили назад, но в конце концов поляки победили: захватили земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Мирный договор заключили в 1921 г.

158

КРИНИЦКИЙ Александр Иванович (1894–1937). Член партии с 1915 г., участник революции и Гражданской войны 1918–1921 гг. В 1919–1925 гг. секретарь обкома Владимирского, Саратовского, Московского и Омского комитетов. В 1925–1926 гг. секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Затем на различных партийных и административных постах в Москве и провинции. В 1934 г. избран членом ЦК ВКП(б) и в 1935 г. избран первым секретарем Саратовского обкома партии. В 1937 г. арестован и расстрелян.

159

В 1938 г.

160

Польскую компартию по решению Коминтерна распустили в 1938 г. Всех ее лидеров, в то время находившихся в СССР, расстреляли.

161

ВАСИЛЕВСКАЯ Ванда Львовна (1905–1964) – польская и советская писательница, общественный деятель, дочь Леона ВАСИЛЕВСКОГО. С 1939 г. жила в СССР. Трилогия «Песнь над водами» (1940–1951) о жизни довоенной и послевоенной Польши. Повесть «Радуга» (1942) о мужестве советских людей в годы Отечественной войны. Трижды лауреат Государственных премий (1943, 1946, 1952). В годы Великой Отечественной войны была полковым комиссаром, а потом полковником Красной Армии, работала агитатором Главного политического управления, редактором газеты «За Радяньску Украину», в 1943–1945 гг. главным редактором газеты «Свободная Польша», была председателем Союза польских патриотов в СССР.

162

БАНДРОВСКА-ТУРСКА Эва (1899–1979) – польская певица, выступавшая в 1918–1960 гг. на сцене оперы и в концертах, профессор Краковской и Варшавской консерваторий.

163

БАНДЕРА Степан Андреевич (род. в 1908 г., убит советским агентом в Мюнхене в 1959 г.) происходил из села Старый Угрынов Станиславского воеводства. Обучался в Стрыйской гимназии, с 1920-х гг. стал членом войсковой группы бывшего петлюровского полковника КОНОВАЛЬЦА Е.; с 1929 г. член Организации украинских националистов. Далее учился в львовском Политехническом институте. С 1933 г. председатель ОУН на западноукраинских землях, участвовал в террористических покушениях на польских государственных деятелей, сидел в польской тюрьме, был освобожден в 1939 г. во время германо-польской войны, после 1941 г. руководил антисоветской деятельностью Украинской повстанческой армии на временно оккупированной фашистами территории Украины, зимой 1945 г. перебрался в Германию и руководил оттуда той же деятельностью, находясь до конца жизни в ФРГ и выступая под псевдонимом Стефан Поппель.

164

КОРНЕЙЧУК Александр Евдокимович (1905–1972) – украинский драматург и государственный деятель. Пьесы «Гибель эскадры» (1933), «Платон Кречет» (1934), «В степях Украины» (1939), «Фронт» (1942), «Макар Дубрава» (1948), «Память сердца» (1969). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1960) и Государственных премий (1941, 1942, 1943, 1949, 1951). Герой Социалистического Труда (1967).

165

РЫБАК Натан Самуилович (1913–1978). Украинский писатель. Романы: «Ошибка Оноре де Бальзака» (1940), «Переяславская Рада» (1948–1953), «Пора надежд и свершений» (1960–1965). Лауреат Государственной премии (1950).

ГОМУЛКА Владислав (Веслав) (1905–1982) – член компартии Польши с 1926 г., в 1932–1934 гг. и 1936–1939 гг. политзаключенный в Польше, с 1942 г. член ЦК Польской рабочей партии, в 1943–1948 гг. генеральный секретарь ЦК. В 1948 г. компартия Польши объединилась с соцпартией, образовав Польскую Объединенную рабочую партию (ПОРП), ее возглавил Болеслав БЕРУТ. Гомулка сохранил за собой пост вице-премьера, который он занимал, по совместительству, с 1945 г. В 1949 г. его арестовали. В ряде источников утверждается, что Гомулка находился не в тюрьме, а под «домашним арестом», но не у себя дома, а в резиденции, принадлежавшей органам госбезопасности и в комнате вместе с другими арестованными, т. е., по сути, в тюрьме. В конце 1949 г. Гомулку и его политических единомышленников Марианна СПЫХАЛЬСКОГО, Зенона КЛИШКО и Игнацы ЛОГА-СОВИНСКОГО исключили из ЦК Польской Объединенной рабочей партии (ПОРП), а затем арестовали, но не всех сразу. Гомулку задержали в 1951 г. после «Открытого процесса», на котором Марианн Спыхальский дал против него некие показания. Гомулка три года содержался в помещении, принадлежащем органам госбезопасности. Его освободили после смерти СТАЛИНА, предположительно в конце сентября 1954 г. или начале 1955 г. Об освобождении Гомулки официально сообщили только в апреле 1956 г., когда после смерти Болеслава Берута первым секретарем ЦК ПОРП избрали Эдварда ОХАБА. В своей речи Охаб заявил, что Гомулка ошибался, но арестовали его незаконно. После этого Гомулку и его сторонников восстановили в партии. В 1956–1970 гг. он первый секретарь ЦК ПОРП.

167

АНДЕРС Владислав (1892–1970) – польский генерал. Во время Первой мировой войны служил в русской армии, затем в польской. Участник польско-советской войны 1920 г. В момент нападения Германии на Польшу в 1939 г. командовал кавалерийской бригадой. Сдался в плен Красной Армии и был заключен в лагерь. После нападения немцев на СССР в 1941 г. его освободили, и он сформировал польскую армию, но отказался воевать на советско-германском фронте. В 1942 г. со своими войсками через Иран перешел в Египет, где воевал в составе британских экспедиционных сил в Африке. Затем жил в Англии.

168

БЕРЛИНГ Зигмунт (1896–1980) – генерал-лейтенант. Служил в Польской армии, в 1939 г., после поражения Польши в войне с Германией, в советском плену, будучи подполковником, начальник базы в Польской армии генерала АНДЕРСА Владислава (1892–1970). После ее ухода в Иран летом 1942 г. остался в СССР. В 1943–1944 гг. полковник Берлинг командовал дивизией им. Костюшко, будучи генерал-майором – 1-м Польским корпусом, затем Польской армией в СССР и с июля 1944 г. 1-й армией Войска Польского. С осени 1944 г. учился в Военной академии Генерального штаба в СССР, в 1948–1953 гг. являлся начальником Генерального штаба Войска Польского, затем находился на гражданской службе.

169

ХРУЛЕВ Андрей Васильевич (1892–1962). С 1943 г. генерал армии. С 1918 г. в Красной Армии. В ходе войны 1941–1945 гг. и после нее, в 1946–1951 гг., заместитель наркома (министра) обороны, начальник тыла в 1945 г. В 1951–1958 гг. заместитель министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог, затем заместитель министра строительства.

170

РОКОССОВСКИЙ Константин Константинович (1896–1968). С 1944 г. Маршал Советского Союза. С 1949 г. Маршал Польши. В Красной Армии с 1918 г. С августа 1937 г. по март 1940 г. арестован, затем освобожден, произведен в генерал-майоры. Во время войны 1941–1945 гг. командовал корпусом, армией, а с июля 1942 г. рядом фронтов. После войны командовал Северной группой войск, а с 1949 по 1956 г. министр обороны Польши. По возвращении в Советский Союз в 1956 г. заместитель министра обороны СССР.

171

СОКОЛОВСКИЙ Василий Данилович (1897–1968) – Маршал Советского Союза (1946), на военной службе с 1918 г. В 1921 г. окончил Военную академию РККА, затем на штабной работе. В 1938–1941 гг. начальник штаба московского военного округа. В 1941–1945 гг., попеременно, заместитель начальника Генерального штаба и начальник штабов ряда фронтов. В 1946–1949 гг. главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1949–1952 гг. 1-й заместитель министра Вооруженных Сил (с февраля 1950 г. – военного министра) СССР. В 1952–1960 гг. начальник Генерального штаба. С 1960 г. в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, т. е. в почетной отставке.

172

ЖИМЕРСКИЙ Роля (Лыжвинский Михаль) (1890–1989). В 1911–1914 гг. офицер австрийской армии. С 1918 г. в польской армии, генерал. В 1926 г. не поддержал военный переворот Ю. Пилсудского, арестован и после освобождения в 1938 г. эмигрировал во Францию. Во время Второй мировой войны действует в польском Сопротивлении. С 1944 по 1949 г. главнокомандующий Войска Польского. В 1945–1949 гг. министр обороны Польши. В 1949–1952 гг. член Государственного совета Польши. 14 мая 1953 г. арестован, в 1955 г. освобожден, занимал пост вице-президента Польского Народного банка.

173

Холм (Хелм) – город преимущественно с украинским населением в 65 км к востоку от Люблина. Первые поселения относятся к X в. После строительства замка в XII в., начиная с 1240 г. и захвата Киева монголами, Холм становится центром православия на западных землях.

174

КЕРЗОН Джон Натаниэл (1859–1925) – британский маркиз, министр иностранных дел в 1919–1924 гг. Его «линия» была рекомендована Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

175

ПОНОМАРЕНКО Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) в 1944–1948 гг. председатель Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) Белорусской ССР. В 1952–1953 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. В 1948–1956 гг. секретарь ЦК КПСС. В 1952–1953 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР. В последующие годы: министр культуры СССР, первый секретарь ЦК КП Казахстана, посол в Польше, Индии, Непале и Нидерландах, постоянный представитель СССР в Международном агентстве по атомной энергии. В 1962–1978 гг. преподаватель Института общественных наук при ЦК КПСС.

176

ВИТАС Винсент (1874–1945) – лидер Польской Крестьянской партии «Польске Стронництво людове» и премьер-министр Польши в 1920–1921 гг., 1923 и 1926 гг. В 1926 г. был свергнут во время переворота Ю. Пилсудского и в 1930 г. арестован, затем освобожден и в 1939 г. заключен немцами в концентрационный лагерь. Умер вскоре после освобождения Польши. Н.С. Хрущев встречался с его братом ВИТАСОМ Анжеем (1878–1973) – лидером левого крыла Польской Крестьянской партии «Воля люду», входившей в состав Крайовой Рады Народовой и Польского комитета национального освобождения. Он был тогда вице-председателем Союза польских патриотов (в Советском Союзе) и вице-председателем отдела Сельского хозяйства и аграрной реформы в переходном правительстве Польши, возглавлявшемся Болеславом Берутом.

177

БЕРУТ Болеслав (1892–1956) – член компартии Польши с 1918 г. В 1944–1947 гг. Председатель Национального Народного Совета. В 1948–1956 гг. Председатель (первый секретарь) ЦК Польской Объединенной рабочей партии, образовавшейся после слияния в 1948 г. коммунистической и социалистической партий. Председатель Госсовета (1947–1952) и правительства (1952–1954) Польши.

178

ОСУБКА-МОРАВСКИЙ Эдвард (1909–1997). Президент Варшавы в 1944–1945 гг., одновременно – с 1 января по 28 июня 1945 г. – Председатель Временного правительства Польши, потом заместитель министра народной обороны, генерал.

Пэпээс – Польская социалистическая партия (1892–1948).

180

Это Майданек – концентрационный лагерь в 4 км от центра Люблина. С 1941 по 1944 г. немцы уничтожили в нем более 1,5 млн человек. Советские войска освободили Майданек 24 июля 1944 г.

181

СПЫХАЛЬСКИЙ Марианн (1906–1980) – архитектор, член компартии Польши с 1931 г. С 1939 г., после нападения Германии на Польшу, воюет в Сопротивлении. С 1942 г. один из создателей Гвардии Людовой и начальник ее главного штаба, в 1944–1945 гг. президент (мэр) Варшавы, в 1945–1948 гг. первый заместитель министра народной обороны, в 1956–1968 гг. министр народной обороны, в 1968–1970 гг. председатель Госсовета ПНР, с 1963 г. маршал Польши. В 1944–1948 гг. и 1959–1970 гг. член Политбюро ЦК ППР и ПОРП.

182

БЕРМАН Якоб (1901–1984). С 1928 г. член компартии Польши. После освобождения Польши министр безопасности и ближайший советник Б. Берута. С 1954 г. заместитель премьер-министра. После смерти Берута в марте 1956 г. в апреле 1956 г. снят со всех постов и исключен из партии за «сталинские ошибки». В дальнейшем работал в одном из издательств Польши.

183

СТРАМЕНТОВ Андрей Евгеньевич (1902–?) – инженер-строитель. В 1924 г. окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана, с 1924 по 1941 г. строил набережные и мосты в Москве. В 1941–1943 гг. в армии, подрывник. С 1943 г. в Киеве руководил восстановлением Крещатика, строил дороги. С 1948 г. и до конца жизни профессор Московского инженерно-строительного института. Автор ряда монографий по городскому строительству и развитию городского транспорта.

184

МИНЦ Хиларий (1905–1974). В 1948–1956 гг. член Политбюро Польской Объединенной рабочей партии (ПОРП), экономист. В 1945–1949 гг. министр промышленности, а в 1949–1956 гг. заместитель премьер-министра. В 1952–1954 гг. секретарь ЦК ПОРП. После смерти Б. Берута отставлен от всех постов.

185

ЦИРАНКЕВИЧ Юзеф (1911–1989). В 1941–1945 гг. в немецком концлагере, после освобождения генеральный секретарь Польской партии социалистической, в 1948 г., после объединения социалистической и коммунистической партий Польши в Объединенную рабочую партию, вошел в состав Политбюро ЦК ПОРП, в 1947–1970 гг. являлся премьером страны (в 1952–1954 гг. он уступил премьерство Болеславу Беруту и стал вице-премьером).

186

МИКОЛАЙЧИК Станислав (1901–1966). Член Польской Крестьянской партии, а с 1937 г. ее председатель. С 1929 г. член Польского сейма. После захвата Польши немцами в 1939 г. член Лондонского правительства Польши, а в 1943–1944 гг. его председатель. Инициатор Варшавского восстания 1944 г., в отставке после его подавления. В 1945 г. возвратился в Польшу, основал Польскую народную партию и занял пост заместителя премьер-министра Польши. После поражения на выборах в январе 1947 г. в отставке, а с апреля 1947 г. в эмиграции в Нью-Йорке, США.

187

БУР-КОМОРОВСКИЙ Тадеуш (1895–1966). Польский граф и генерал. С 1928 г. на военной службе. С 1941 г. заместитель командующего Армией Крайовой, подчинявшегося Лондонскому правительству Польши, а с 1943 г. – ее командующий. В 1944 г. в руководстве Армии Крайовой и официально возглавлял Варшавское восстание с 1 августа по 2 октября 1944 г. Армия Крайова в 1944 г. вобрала в себя различные действовавшие в Польше подпольные группы, находившиеся под контролем Польского правительства в изгнании, располагавшегося в Лондоне и ориентировавшегося на англичан. Она насчитывала до 300 тысяч человек. Варшавское восстание началось в ожидании вступления советских войск в город с тем, чтобы согласно замыслу Уинстона ЧЕРЧИЛЛЯ, захватив его, де-факто объявить находящимся под контролем лондонской польской политической группировки и тем самым утвердить ее в качестве враждебного СССР нового Польского правительства. Однако Красная Армия не смогла (или не захотела) форсировать Вислу и остановилась на перегруппировку на ее правом берегу. В октябре, после поражения, сдался немцам и заключен в лагерь. В 1945 г. освобожден, жил в Лондоне.

188

ГОСТИНСКАЯ Вероника – подруга Нины Петровны, жены Н.С. ХРУЩЕВА. В 1928 г. преподавала в Киевской партийной школе и жила на Ольгинской улице, в одной коммунальной квартире с семьей Хрущевых. В 1937 г. арестована, после смерти Сталина освобождена и вернулась в Польшу. Периодически навещала Хрущевых, вплоть до смерти Нины Петровны в 1984 г.

189

МИЦКЕВИЧ Адам Бернард (1798–1885) – польский поэт и общественный деятель, родился в Российской империи, умер в изгнании, в Константинополе. С 17-летнего возраста включился в польское патриотическое освободительное движение. В 1815 г. поступил в Виленский университет, в 1818 г. опубликовал свое первое стихотворение «Городская зима», в 1822 г. выходит его поэтический сборник, в одном из стихотворений которого героиня убивает своего возлюбленного за то, что он впустил в город русских. В 1823 г. арестован, в 1825 г. выпущен на поруки и изгнан из Литвы. До 1829 г. жил в разных городах России и продолжал поэтическую деятельность. В 1829 г. уехал за границу, занимался публицистикой, писал патриотические стихи, в том числе в 1832–1834 гг. эпическую поэму «Пан Тадеуш». В 1831 г. безуспешно пытался въехать в Россию, чтобы принять участие в польском восстании 1831 г. В 1840–1852 гг. преподавал в Коллеж де Франс, откуда уволен за пропаганду масонства, и в 1855 г. уехал в Константинополь, где умер от холеры.

190

ВАСИЛЕВСКИЙ Леон (1870–1936) – историк, публицист, этнограф и переводчик. В 1918–1919 гг. был министром иностранных дел Польши.

191

ЗАМБРОВСКИЙ Роман (1909–1977). В 1928 г. вступил в компартию Польши, в 1945–1963 гг. член Политбюро ПОРП. В 1943–1945 гг. в польской армии, сражавшейся на советском фронте, затем на различных партийных и государственных постах в Польше, в том числе в 1947–1955 гг. министр Госконтроля, в 1956–1963 гг. секретарь ЦК ПОРП и в 1963–1968 гг. заместитель председателя Центральной контрольной палаты.

192

ОХАБ Эдвард (1906–1969) – член компартии Польши (КПП) с 1929 г., участник обороны Варшавы 1939 г., с 1943 г. военнослужащий в составе польской дивизии им. Костюшко, в 1944–1968 гг. член ЦК Польской рабочей партии (ППР), а затем Польской Объединенной рабочей партии (ПОРП) в 1944–1968 гг. С 1944 г. член ЦК ППР, с 1948 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, в 1950–1956 гг. секретарь ЦК ПОРП. В 1954–1968 гг. член Политбюро. С марта 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП, с января 1957 г. министр сельского хозяйства, в 1959–1964 гг. секретарь ЦК ПОРП, в 1964–1968 гг. председатель Государственного совета Польской Народной Республики (ПНР).

193

ЗАВАДСКИЙ Александр (1899–1964) – член КПП с 1923 г., заместитель главнокомандующего Войском Польским в 1944–1945 гг., член Политбюро ЦК ППР с 1944 г. и Политбюро ЦК ПОРП с 1948 г., заместитель председателя Совета министров с 1949 г., председатель Государственного совета ПНР в 1952–1964 гг.

194

Э. ОХАБ возглавлял делегацию на съезде Китайской компартии, состоявшемся 15–27 сентября 1956 г.

195

В советскую делегацию входили: Л.М. КАГАНОВИЧ, А.И. МИКОЯН, В.М. МОЛОТОВ и Н.С. ХРУЩЕВ.

196

Дворец Бельведер построен в 1764 г. для короля Станислава Августа ПОНЯТОВСКОГО. После обретения независимости он стал резиденцией президента Польши. В 1945–1989 гг. правительственная гостевая резиденция, а затем снова резиденция президента.

197

РОКОССОВСКИЙ К.К. был министром обороны Польши в 1949–1956 гг.

198

Данциг – немецкое название польского города Гданьск.

199

ГЕРЕК Эдвард (1913–2001). В 1957–1970 гг. первый секретарь городского комитета партии в Катовицах. В 1970–1980 гг. первый секретарь ЦК ПОРП.

200

ЛУКАШЕВИЧ Гжегож (1931–1983). В 1971–1983 гг. член Политбюро и заведующий отделом пропаганды ЦК ПОРП. В 1980 г., после забастовки на Гданьских верфях, освобожден от всех постов.

201

С ноября 1918 г. – Коммунистическая партия Венгрии, с сентября 1944 г. Венгерская коммунистическая партия, с июня 1948 г. (после объединения с Социал-демократической партией) Венгерская партия трудящихся, с ноября 1956 г. Венгерская социалистическая рабочая партия, с октября 1989 г. Венгерская социалистическая партия. КУН Бела (1886–1938). Член Социал-демократической партии Венгрии с 1902 г. В Первую мировую войну был призван в армию Австро-Венгрии и воевал на русском фронте. В 1916 г. попал в плен и вступил в партию большевиков. В 1918 г. нелегально вернулся в Венгрию и основал там компартию. В марте – августе 1919 г., во время краткого существования Венгерской Советской Республики, народный комиссар по военным и иностранным делам. После разгрома Республики в результате военной интервенции Румынии и Чехословакии бежал в Вену и в августе 1920 г. переехал в Россию. В 1920–1921 гг. участвовал в Гражданской войне, затем работал в Коминтерне. Появился в Вене в 1928 г., арестован и выслан в СССР. В 1937 г. арестован по приказу Сталина и в 1939 г. казнен.

202

РАКОШИ Матиас (1892–1971) – социал-демократ с 1910 г., участник Первой мировой войны, военнопленный в России с 1914 г., член КПВ с 1918 г., зам. наркома торговли в Советской Венгрии, в 1925–1940 гг. сидел в венгерской тюрьме, генеральный секретарь ЦК КПВ с 1945 г. и ЦК ВПТ с 1948 г., в 1952–1953 гг. председатель Совета министров, в июле 1956 г. освобожден от партийных должностей, в августе 1962 г. исключен из ВСРП. Эмигрировал в Советский Союз, где и провел остаток жизни.

203

С ноября 1918 г. Венгерская Республика, с марта 1919 г. Венгерская Советская Республика, с августа 1919 г. Венгерская Регентская Республика, с февраля 1946 г. – Венгерская Республика, с августа 1949 г. – Венгерская Народная Республика, с октября 1989 г. – Венгерская Республика.

Британские и позже американские войска под командованием генерала Кларка сыграли решающую роль в победе монархистов в гражданской войне в Греции 1944–1949 гг. В мемуарах Черчилль описывает свою поездку на танке, но только не по Салоникам, а Афинам, которые оккупировали британцы, чтобы не допустить туда греческих партизан.

205

НАДЬ Имре (1896–1958) – член КПВ с 1919 г., видный работник Коминтерна, был председателем Совета министров Венгрии в 1953–1955 и октябре – ноябре 1956 г. Осужден за участие в борьбе против народно-демократического строя и казнен. В 1989 г. посмертно реабилитирован.

206

ГЕРЭ Эрнэ (1898–1980) – венгерский политик. До войны работал председателем Коминтерна во Франции, затем в период гражданской войны 1935–1939 гг. воевал в Испании. В 1945–1954 гг. последовательно: министр транспорта, финансов и внутренних дел. В 1952–1956 гг. заместитель премьер-министра. С 1 июля по октябрь 1956 г. – первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ). В 1957–1960 гг. в эмиграции в СССР, затем вернулся в Венгрию.

207

КАДАР Янош (1912–1989) – член компартии Венгрии (ВКП) с 1931 г., член ее ЦК с 1942 г., секретарь ее ЦК с 1943 г. и член Политбюро с 1945 г., в 1946–1951 гг. заместитель генерального секретаря ЦК ВКП, а после ее объединения с соцпартией, на той же должности в Венгерской партии трудящихся (ВКП). С 1946 г. министр внутренних дел Венгрии. В 1950 г., когда Сталин начал антиюгославскую кампанию, арестован по подозрению в симпатии к Тито. Освобожден после смерти Сталина в 1953 г. и избран секретарем организации компартии столицы Венгрии Будапешта. С 1956 г. первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), пришедшей на смену Коммунистической партии и с 1985 г. генеральный секретарь ЦК ВСРП, с 1988 г. председатель ВСРП. Был главой правительства в 1956–1958 гг. и 1961–1965 гг.

208

ФАРКАШ Михай (1904–1965). В 1945–1953 гг. член Политбюро и секретарь ЦК Коммунистической партии Венгрии, а после ее преобразования в Партию трудящихся – один из организаторов репрессий. Одновременно в 1948–1953 гг. министр обороны. В 1956 г. исключен из партии и арестован. В 1957 г. осужден к 16 годам заключения, но в 1960 г. амнистирован.

209

МЮННИХ Ференц (1886–1967) – участник Первой мировой войны, с 1915 г. военнопленный в России, с 1917 г. член РСДРП(б), с 1918 г. член КПВ, участник национально-революционной войны в Испании (комбриг О. ФЛАТТЕР) и Великой Отечественной войны, с 1946 г. начальник управления полиции Будапешта, с 1949 г. посланник и посол Венгрии в Финляндии, Болгарии, СССР (1954–1956) и Югославии, зам. председателя СМ в 1956–1957 гг., первый зам. председателя СМ в 1957–1958 гг. и председатель Совета министров в 1958–1961 гг., государственный министр до 1965 г. Член ЦК ВСРП с 1956 г. и член Политбюро в 1957–1965 гг.

210

АНДРОПОВ Юрий Владимирович (1914–1984) – член Политбюро в 1973–1984 гг., секретарь ЦК КПСС в 1962–1967 гг. и в 1982–1984 гг. С 1936 г. на комсомольской, а затем партийной работе. В 1940–1941 гг. первый секретарь ЦК комсомола Карело-Финской ССР. В 1944–1947 гг. второй секретарь Петрозаводского горкома и в 1947–1951 гг. второй секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР. В 1951–1953 гг. работал в ЦК КПСС. В 1954–1957 гг. посол в Венгрии. В 1957–1967 гг. зав. отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами. В 1967–1982 гг. председатель КГБ. В 1983–1984 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

211

НОВОТНЫЙ Антонин (1904–1975) – один из основателей компартии Чехословакии в 1921 г. Арестован немцами после оккупации Чехословакии в 1938 г. и в 1941–1945 гг. содержался в концлагере Маутхаузен. В 1945–1953 гг. первый секретарь Пражского горкома партии. В 1953–1968 гг. первый секретарь ЦК компартии Чехословакии, а в 1958–1968 гг. еще и президент страны.

212

ЖИВКОВ Тодор (1911–1998) – политический деятель, из крестьян. Во время Второй мировой войны участвовал в антифашистском Сопротивлении. В 1948 г. стал членом ЦК Болгарской компартии. В 1949 г. был кметом (мэром) Софии. Первый (с 1954 по 1981), затем генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии (по 1989 г.). С 1971 г. также Председатель Государственного совета. В 1989 г. отстранен от власти и в 1990 г. предстал перед судом, отбывал заключение под домашним арестом, освобождён по решению Верховного суда в 1996 г.

213

ГЕОРГИУ-ДЕЖ Георге Георгиу (1901–1065) – политический деятель, из рабочих, железнодорожный электрик. С 1930 г. член компартии Румынии (РКП). Неоднократно подвергался заключению. Во время диктатуры Антонеску находился в концлагере, откуда бежал в августе 1944 г. С 1945 г. генеральный секретарь ЦК РКП, но получил полную власть в партии лишь в 1952 г., когда ему удалось снять с должностей Анну Паукер (неофициального лидера партии в послевоенный период) и представителей «московской фракции». Генеральный (первый) секретарь ЦК РКП в 1944–1954 гг. и 1955–1965 гг. (в 1954–1955 гг. эту должность занимал Георге Апостол). Премьер-министр Румынии в 1952–1955 гг. Председатель Госсовета Румынии в 1961–1965 гг. Умер 19 марта 1965 г. от рака лёгких.

214

Полмиллиона венгров – этническое меньшинство – жили в Воеводине, на границе с Венгрией.

215

ЦЫБИН Николай Иванович (1909–1984). Генерал-лейтенант. Личный пилот Н.С. Хрущева с 1941 г. В Военно-Воздушных силах с 1927 г. В 1953–1959 гг. командир авиационной дивизии Особого назначения (ДОН). В 1959–1965 гг. заместитель начальника «Аэрофлота». С 1965 г. в отставке.

216

Бриони – архипелаг из 14 небольших островов, расположен в Адриатическом море неподалеку от Истринского полуострова в Хорватии. Резиденция Тито располагалась на острове Ванга (теперь остров Красница).

217

РАНКОВИЧ Александр. В 1946–1966 гг. министр внутренних дел Югославии. С 1956 г. заместитель председателя Союзного исполнительного веча (вице-премьер), член Секретариата Верховного комитета ЦК СКЮ, член ЦК Союза коммунистов Сербии.

218

АПРО Антал (1913–1994). С 1956 по 1958 г. занимал различные министерские посты. С 1958 г. – первый вице-премьер, министр. В 1980 г. спикер парламента.

219

ХРУЩЕВ и МИКОЯН были соседями, жили в правительственных резиденциях в домах № 40 и 44 по Воробьевскому шоссе.

220

КАЗАКОВ Михаил Ильич (1901–1975). Генерал армии. В Красной Армии с 1920 г. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. начальник штаба и заместитель командующего рядом фронтов. В 1946–1951 гг. заместитель командующего, затем командующий Сухопутными войсками. В 1956–1960 гг. командующий Южной группой войск, дислоцировавшейся в Венгрии. В 1960–1965 гг. командующий Ленинградским военным округом. В 1965–1968 гг. заместитель начальника Генерального штаба.

221

Н.С. ХРУЩЕВ и Г.М. МАЛЕНКОВ были в Будапеште с 1 по 4 января 1957 г. Туда же приехали руководители Болгарии, Румынии и Чехословакии.

222

Ференц МЮННИХ, так же как Бела КУН и Иосиф Броз ТИТО, служил в армии Австро-Венгрии. Во время революции 1917 г. находился в русском плену, принимал участие в Гражданской войне 1918–1921 гг.

223

Речь идет о главном редакторе газеты «Непсабадшаг» Лайоше ФЕХЕРЕ.

224

ДОБИ Иштван (1898–1968) – один из деятелей Венгерской Советской Республики 1919 г., участник антифашистского Сопротивления, председатель Партии мелких сельских хозяев в 1947–1959 гг., председатель Совета министров в 1948–1952 гг., президент Венгрии в 1952–1967 гг., член ЦК ВСРП с 1959 г.

225

Н.С. ХРУЩЕВ имеет в виду свое устное напоминание лидерам Франции и Великобритании о наличии у СССР баллистических ракет средней дальности Р-5 с ядерными боеголовками. (Подробно об этом эпизоде и обстоятельствах, сопутствовавших Венгерскому и Суэцкому кризисам, см.: *Хрущев С.Н.* Рождение сверхдержавы. М.: Время., 2010. С. 144–169.)

ИДЕН Антони (1897–1977) – британский государственный деятель и дипломат, консерватор. Член палаты общин (1923–1957). Министр иностранных дел (1935–1938, 1940–1945, 1951–1955). Премьер-министр Великобритании (1955–1957).

МОЛЛЕ Ги (1905–1975) – французский политик, социалист, один из активных участников движения Сопротивления. В 1946–1947 гг. и 1950–1951 гг. государственный министр. В 1951–1969 гг. заместитель председателя Социалистического Интернационала. В 1954–1956 гг. председатель Консультативной ассамблеи Европейского союза. В 1956–1957 гг. премьер-министр. В 1969 г. возглавил Университетский центр социалистических исследований.

БЕН-ГУРИОН Давид (1886–1973). Родился в России и эмигрировал в Палестину в 1906 г. Журналист. За свою активность выслан турецкими властями и вернулся после окончания Первой мировой войны. Один из организаторов Еврейской федерации рабочих и сил самообороны. В 1948–1953 гг. и 1955–1956 гг. премьер-министр Израиля. С 1970 г. в отставке.

226

ФАРУК (1920–1965). Король Египта в период мандата Великобритании. Во время революции 1952 г. отрекся от престола и жил в Монако и Франции.

227

Н.С. Хрущев посетил Венгрию с официальным визитом 2–10 апреля 1958 г.

228

МИНДСЕНТИ Иосиф (1892–1975) – кардинал, католический примат в Венгрии, 4 ноября 1960 г. укрылся в посольстве США, там он прожил до 1971 г., после чего уехал в Ватикан, а оттуда в Вену, где и умер в 1975 г.

229

Шахты Мечекского угольного района в Юго-Западной Венгрии.

230

Крупный металлургический комбинат в Чепеле, индустриальном пригороде Будапешта.

231

Дунайварош – город с металлургическим комбинатом на базе мечекских коксующихся углей. В 1957 г. там действовали 2 доменные печи, 2 мартена, силовая энергетическая установка, заводы огнеупорного кирпича, коксования, обогатительный и агломерационный.

232

БОДНЭРАШ Эмиль (1904–1976). В 1928–1932 гг. служил в румынской армии. В 1930 г. завербован советской военной разведкой ГРУ и бежал в Советский Союз. Вернулся в Румынию в середине 1930-х гг. и был арестован, приговорен к 10 годам тюрьмы. Освобожден в 1944 г. и в том же году стал главой контрразведки ЦК Румынской рабочей партии. После войны занимал посты: главы контрразведки, министра обороны и заместителя премьер-министра. С 1965 г. заместитель Председателя Госсовета Румынии.

233

МАСАРИК Томаш (1850–1937) – философ и политик, в 1900–1920 гг. лидер либеральной Чешской народной, а затем Прогрессистской реалистической партии, президент Чехословакии в 1918–1935 гг.

234

Он формировался в 1914–1918 гг. из чехов – подданных Австро-Венгрии и России с дислокацией на Украине (вплоть до Брестского мира в марте 1918 г.) для использования в войне против Четверного союза.

235

Мятеж Чехословацкого корпуса в эшелонах от Пензы до Владивостока, начавшийся 25 мая 1918 г.

236

Роман ФУРМАНОВА Д.А. «Чапаев» (1923).

237

ГОТВАЛЬД Клемент (1896–1953). Основатель компартии Чехословакии в 1921 г. В 1921–1926 гг. редактор газеты в Словакии. С 1929 по 1953 г. – генеральный секретарь, а затем Председатель Компартии. В 1935–1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна в Москве. В 1945–1948 гг. вице-премьер, а затем премьер-министр Чехословакии. В 1948–1953 гг. президент Чехословакии. Умер в 1953 г., сразу после похорон Сталина.

238

В то время МАНУИЛЬСКИЙ Д.З. являлся секретарем и членом Президиума Исполкома Коминтерна.

239

КАШЕН Марсель (1869–1958) – один из основателей компартии Франции, в 1935 г. был членом Президиума ИККИ.

ТОЛЬЯТТИ П. Являлся в 1935 г. генеральным секретарем Итальянской компартии, членом Секретариата и Президиума ИККИ.

241

Советско-чехословацкий договор о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. В то время Советский Союз не граничил с Чехословакией, Западная Украина находилась частично под польским, частично под румынским контролем.

Мюнхенское соглашение между Германией, Великобританией и Францией от 30 сентября 1938 г. об оккупации немцами западных областей Чехословакии.

242

5 января 1939 г. министр иностранных дел Польши полковник Юзеф БЕК (1864–1944) посетил Германию и вскоре встретился с Гитлером.

243

СВОБОДА Людвик (1895–1979). С 1915 г. служил в армии Австро-Венгрии, а затем воевал в Чешском легионе на Украине. С 1922 г. в Чехословацкой армии. В июне 1939 г., после оккупации немцами Чехословакии, эмигрировал в Польшу, а оттуда, после разгрома Польши, в СССР. В 1942–1943 гг. сформировал на советской территории Чехословацкий батальон, который к концу войны вырос до корпуса. В 1945–1950 гг. министр национальной обороны Чехословакии и главнокомандующий ее вооруженными силами. В 1951 г. под давлением Сталина уволен из армии и позднее арестован. После смерти Сталина, по просьбе Хрущева, освобожден и в 1955–1959 гг. возглавлял Военную академию. Затем в отставке, пока в 1968 г. его не избрали президентом Чехословакии, в этом качестве он находился до 1975 г.

244

ТУРЯНИЦА Иван Иванович (1901–1955). В Закарпатской компартии с 1925 г. В 1928–1930 гг. секретарь горкома партии в Мукачеве и затем в Ужгороде. В 1944–1946 гг. председатель Народного Совета Закарпатской Украины. Затем первый секретарь Закарпатского обкома КП(б) Украины и председатель облисполкома.

245

ФИРЛИНГЕР З. (1891–1976) – посланник Чехословакии в Нидерландах, Румынии, США, Швейцарии, Австрии, в 1928–1932 гг. представитель Чехословакии в Лиге Наций, в 1937–1939 гг. посланник и в 1942–1945 гг. посол в СССР. Потом был председателем правительства Национального фронта чехов и словаков, заместителем главы правительства с 1946 г., председателем Национального собрания с 1953 г., председателем ЦК Союза чехословацко-советской дружбы (1964–1969). Член Президиума ЦК КПЧ в 1948–1966 гг.

ДЕМЧЕНКО М.С. (1912–?) – с 1930 г. звеньевая колхоза им. Коминтерна Городищенского р-на Черкасской обл., инициатор массового движения «пятисотниц» за получение высоких урожаев сахарной свеклы (не ниже 500 ц с га), с 1945 г. агроном колхоза им. Васильева Дымарского р-на Киевской обл., с 1965 г. на пенсии.

247

СЛАНСКИЙ Р. (1901–1952) – член КПЧ с 1921 г., член ее ЦК с 1929 г., в 1944 г. один из руководителей антифашистского Словацкого национального восстания, в 1945–1951 гг. генеральный секретарь КПЧ, необоснованно обвинен и репрессирован, посмертно реабилитирован.

248

Сталин умер 5 марта 1953 г.

249

ЗАПОТОЦКИЙ Антонин (1884–1957) – член Социал-демократической партии с 1900 г. и КПЧ с 1921 г., в 1922–1929 гг. секретарь ЦК КПЧ и член Политбюро в 1925–1938 гг. и с 1945 г., с 1928 г. член Исполкома Профинтерна, с 1935 г. кандидат в члены ИККИ, в 1939–1945 гг. сидел в фашистских застенках, далее до 1948 г. зам. председателя правительства и его председатель до 1953 г., потом президент.

250

ЧЕПИЧКА Алексей (1910–1990). Зять Клемента ГОТВАЛЬДА. В немецком концлагере с 1942 по 1945 г. В 1947–1948 гг. министр торговли. В 1948–1950 гг. министр юстиции. В 1950–1956 гг. министр национальной обороны и в 1953–1956 гг. одновременно заместитель главы правительства. В апреле 1953 г. уволен со всех постов по обвинению в превышении власти, а в 1963 г. исключен из партии.

251

Съезд компартии Чехословакии состоялся 11–15 июня 1954 г. Советская делегация пребывала в стране с 9 по 17 июня 1954 г. Н.С. ХРУЩЕВ выступал на съезде 12 июня. С генералом Свободой он встретился 16 июня 1954 г.

252

БАРАК Рудольф (1915–1995). В 1953–1961 гг. министр госбезопасности Чехословакии и в 1959–1962 гг. еще и заместитель главы ее правительства. Уволен со всех постов в январе 1962 г., а в декабре 1962 г. арестован и, согласно официальной версии, обвинен в присвоении иностранной валюты из секретных фондов разведки и приговорен к 15 годам заключения. Другие источники говорят, что реальной причиной его ареста явилась попытка разоблачения Новотнова в причастии к сталинским репрессиям. Освобожден в 1968 г., после январского пленума ЦК.

253

НОВОТНЫЙ Антонин (1904–1975). Один из основателей компартии Чехословакии в 1921 г. Арестован немцами после оккупации Чехословакии в 1938 г. и 1941–1945 гг. содержался в концлагере Маутхаузен. В 1945–1953 гг. первый секретарь Пражского горкома партии. В 1953–1968 гг. первый секретарь ЦК компартии Чехословакии, а в 1958–1968 гг. еще и президент страны.

254

БЕНЕШ Эдвард (1884–1948). В 1918–1935 гг. министр иностранных дел Чехословакии. В 1935–1948 гг. президент Чехословакии, в том числе в 1938–1945 гг. президент в эмиграции (в Лондоне), а в 1945 г. возвратился в Прагу и был президентом страны до захвата власти коммунистами в июне 1948 г.

255

После смерти СТАЛИНА, по просьбе Хрущева, освобожден из заключения и в 1955–1959 гг. возглавлял Военную академию.

256

ТРУМЭН Гарри (1884–1972) – в 1943–1944 гг. сенатор, в 1944–1945 гг. вице-президент, в 1945–1953 гг. 33-й президент США.

257

ШИРОКИЙ Вильям (1902–1971) – член КПЧ с 1921 г., ее ЦК в 1929–1963 гг. и президиума ЦК КПЧ в 1948–1963 гг. В 1950–1953 гг. министр иностранных дел, в 1945–1953 гг. заместитель главы правительства, в 1953–1963 гг. глава правительства. В 1963 г. освобожден от всех постов по обвинению в участии в сталинских репрессиях.

258

ЛЕНАРТ Иосиф (1923–2004). С мая 1963 г. по апрель 1968 г. – премьер-министр Чехословакии. В 1968–1988 гг. генеральный секретарь компартии Словакии. В 1989 г. новой властью обвинен в государственной измене в связи с его участием в совещании в советском посольстве в 1968 г. в момент вторжения войск Варшавского договора. В 2002 г. оправдан «за отсутствием улик».

259

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1969) – рабочий, член РСДРП с 1903 г., участник трех российских революций и борьбы за Советскую власть в годы Гражданской войны, в том числе в 1919–1921 гг. член Реввоенсовета 1-й Конной армии. С 1921 г. командовал войсками Северо-Кавказского, затем Московского военных округов, с 1925 г. нарком по военным и морским делам (нарком обороны с 1934 г.) СССР, с 1940 г. заместитель председателя Совнаркома СССР, во время Великой Отечественной войны занимал ряд руководящих должностей, с 1946 г. заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1953 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, с 1935 г. Маршал Советского Союза, с 1926 по 1960 г. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, с 1960 г. член Президиума Верховного Совета СССР.

260

Луганск назывался Ворошиловградом в 1935–1958 гг. и 1970–1991 гг.

261

ГУСАК Густав (1913–1990) – член КПЧ с 1933 г., глава правительства Словакии в 1946–1950 гг. и зам. главы правительства Чехословакии в апреле – августе 1968 г., первый секретарь ЦК КП Словакии в 1968–1969 гг., первый секретарь ЦК КПЧ с 1969 г. и генеральный секретарь в 1971–1987 гг., президент в 1975–1989 гг., в 1990 г. исключен из КПЧ.

262

Речь идет о «Пражской весне» – начале реформ и демократизации в Чехословакии, сходных с теми, которые 1962–1964 гг. планировал сам ХРУЩЕВ, и закончившихся в августе 1968 г. введением войск стран Варшавского договора и арестом реформаторов. (О планах реформ в Советском Союзе см. книгу С.Н. Хрущева «Реформатор». М.: Время, 2010.)

263

МАХНО Нестор Иванович (1889–1934). Украинский анархист. Воевал в Гражданскую войну за свободу крестьян от белых и красных. После окончания Гражданской войны перешел румынскую границу, провел много лет в румынской и польской тюрьме, умер во Франции в 1934 г.

264

Переворот произошел в августе 1944 г.

МИХАЙ I (род. в 1921 г.). В 1927–1930 гг. и 1940–1947 гг. король Румынии. В августе 1944 г. участвовал в заговоре против диктатора Антонеску и после его свержения перешел на сторону союзников. Отрекся от престола в декабре 1947 г. и покинул страну. В 1948 г. лишен румынского гражданства. Жил в Швейцарии и работал пилотом гражданской авиации. В 1997 г. ему возвратили гражданство и кое-что из его бывшего имущества.

АНТОНЕСКУ Йон (1882–1946). Румынский генерал. Участник войны с Болгарией в 1913 г., Первой мировой войны 1914–1918 гг. и интервенции в Венгрию в 1918 г. с целью подавления революции. В 1922–1924 гг. военный атташе во Франции и Великобритании. В 1927–1930 гг. начальник Военной академии. В 1933–1938 гг. начальник Генерального штаба, а затем военный министр. С 1940 г. – премьер-министр, провозгласил себя диктатором. В июне 1941 г. в союзе с Германией напал на Советский Союз. Свергнут в августе 1944 г., а в мае 1946 г. осужден к смертной казни. Казнен в июне 1946 г.

266

ГЕОРГИУ-ДЕЖ Георге Георгиу (1901–1065) – политический деятель, из рабочих, железнодорожный электрик. С 1930 г. член компартии Румынии (РКП). Неоднократно подвергался заключению. Во время диктатуры Антонеску находился в концлагере, откуда бежал в августе 1944 г. С 1945 г. генеральный секретарь ЦК РКП, но получил полную власть в партии лишь в 1952 г., когда ему удалось снять с должностей Анну Паукер (неофициального лидера партии в послевоенный период) и представителей «московской фракции». Генеральный (первый) секретарь ЦК РКП в 1944–1954 гг. и 1955–1965 гг. (в 1954–1955 гг. эту должность занимал Георге Апостол). Премьер-министр Румынии в 1952–1955 гг. Председатель Госсовета Румынии в 1961–1965 гг. Умер 19 марта 1965 г. от рака лёгких.

267

Коалиционное правительство Румынии просуществовало с 1944 по 1947 г.

268

ГРОЗА Петру (1884–1958) – создатель в 1933 г. демократической крестьянской организации «Фронт земледельцев», председатель в 1945–1947 гг. коалиционного правительства и председатель Совета министров в 1947–1952 гг., затем президент Великого национального собрания.

269

ЖЕЛТОВ Арсений Сергеевич (1904–1991). Генерал-полковник. Во время войны 1941–1945 г.: член Военного совета ряда фронтов, участвовал в военных действиях в Заполярье, Сталинграде, на Украине, в Молдавии, Югославии и Австрии. В ту пору он был членом Военного совета 3-го Украинского фронта. После войны на различных высоких военно-политических постах в Советской Армии.

ПАУКЕР Анна (1893–1960) – член компартии Румынии с 1921 г., член ее ЦК с 1922 г., с 1935 г. – секретариата ЦК, с 1941 г. представитель КПР при Исполкоме Коминтерна, в 1943–1944 гг. руководитель ее заграничного бюро, в 1945–1952 гг. член Политбюро и секретарь ЦК РРП, одновременно в 1947–1952 гг. министр иностранных дел. Подвергалась критике за сопротивление ускоренной коллективизации и требования разумных цен на сельскохозяйственные продукты. Арестована в 1952 г., освобождена из тюрьмы в 1953 г., после смерти Сталина, но содержалась под домашним арестом вплоть до 1956 г., до XX съезда КПСС. Далее работала в ряде издательств.

271

ЛУКА Василе (1898–1963). В начале 1920-х гг. вступил в компартию Румынии. В конце 1920-х – глава профсоюзов Румынии. Арестован и содержался в заключении в 1933–1940 гг., после освобождения бежал в СССР, работал совместно с Анной Паукер, с румынскими военнопленными. По возвращении в Румынию в 1945–1952 гг. секретарь ЦК и одновременно министр финансов и заместитель премьер-министра. В 1952 г. вместе с Паукер арестован за сопротивление девальвации румынской валюты, обвинен в «правом оппортунизме» и в октябре 1954 г. приговорен к смерти, затем приговор переквалифицирован на пожизненное заключение за «экономический саботаж». Умер в тюрьме.

272

Юбилей в Китае – 5-я годовщина КНР праздновалась 1 октября 1954 г.

СТОЙКА Киву (1908–1975). В 1955–1961 гг. премьер-министр Румынии. В 1965–1967 гг. Председатель Государственного совета. В 1965 г. поддержал Чаушеску при его избрании первым секретарем ЦК Румынской рабочей партии. В середине 1970-х гг. уволен от службы, но остался членом ЦК партии. В 1975 г. погиб от пистолетного выстрела, по официальной версии – самоубийства.

АПОСТОЛ Георге (1913–2010). В 1949–1969 гг. член Политбюро компартии Румынии. В 1945–1952 гг. президент Федерации профсоюзов Румынии. В 1952–1954 гг. первый заместитель премьер-министра СРР. С апреля 1954 г. по сентябрь 1955 г. первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии. В 1955–1961 гг. и 1967–1969 гг. председатель Центрального совета румынских профсоюзов. В 1955–1967 гг. заместитель премьер-министра. В 1969–1975 гг. он председатель Государственного комитета по материальным резервам. 13 марта 1975 г. снят с должности за «отклонения от морали». В 1977–1988 гг. посол Румынии в Аргентине и Уругвае, затем в Бразилии. В 1988 г. в открытом письме критиковал Чаушеску. В 1988–1989 гг. под домашним арестом, освобожден после революции 1989 г. и основал крайне левую Социалистическую партию труда (ныне не существует).

ЧАУШЕСКУ Николае (1918–1989). В 1932 г. вступил в компартию Румынии. В 1936–1938 гг. и 1940–1944 гг. в заключении сидел в одной камере с Георге ГЕОРГИУ-ДЕЖЕМ. В 1944–1945 гг. секретарь ЦК комсомола Румынии. С 1947 г. министр сельского хозяйства, а затем заместитель министра обороны. С марта 1965 г., после смерти Георге Георгиу-Дежа, первый секретарь ЦК Румынской рабочей партии и одновременно с 1967 г. президент Государственного совета, а с 1974 г. президент Румынии. Свергнут восставшими военными, поддержанными всем народом, попытался скрыться, но арестован и расстрелян в декабре 1989 г.

БОДНЭРАШ Эмиль (1904–1979). В 1928–1931 гг. офицер в Королевской румынской армии. Был завербован советской разведкой и в 1933 г. бежал в СССР. В том же году вернулся в Румынию, был арестован и приговорен к 10 годам тюрьмы. Освобожден в 1944 г. и возглавил «Патриотическую гвардию» – партийную разведку. В 1944–1947 гг. глава госбезопасности Румынии, затем министр обороны и заместитель премьер-министра. С 1948 г. член Политбюро румынской рабочей (до 1943 г. – компартия Румынии, с 1965 г. Коммунистическая) партии. С 1965 г. заместитель председателя Государственного совета.

275

В Западных отрогах Карпатских гор уран добывали с 1952 г.

Советские войска покинули Румынию в августе 1958 г.

277

Теснина дунайской долины ниже г. Оршова длиной 15 км, где с 1964 г. Югославией и Румынией при советском содействии строились судоходная система (с 1898 г. там действовал обводной канал) и ГЭС мощностью 2,1 млн киловатт.

278

VIII съезд РРП состоялся в Бухаресте 20–25 июня 1960 г. Его главная идея: Румыния создала экономическую базу социализма и вступила в период завершения его строительства.

279

КОСЫГИН Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель. В 1935 г. окончил Ленинградский текстильный институт. В 1937–1938 гг. директор фабрики в Ленинграде. В 1938–1939 гг. председатель Ленинградского горисполкома. В 1939–1940 гг. нарком Текстильной промышленности. В 1940–1956 гг. и 1957–1960 гг. заместитель председателя Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР. В 1956–1957 гг. первый заместитель председателя Госплана СССР, а в 1959–1960 гг. председатель Госплана СССР. В 1960–1964 гг. первый заместитель, а в 1964–1980 гг. Председатель Совета Министров СССР. В 1948–1952 гг. и 1960–1980 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.

ЛЕСЕЧКО Михаил Авксентьевич (1909–1984). Авиационный инженер, с 1932 г. работал на предприятиях авиапромышленности. В 1948–1954 гг. директор Московского завода счетно-аналитических машин. В 1954–1957 гг. заместитель министра, затем министр приборостроения и средств автоматизации СССР. С 1957 г. заместитель, а затем первый зам. председателя Госплана СССР с 1958 г., заместитель Председателя Совета Министров СССР в 1962–1980 гг. и одновременно постоянный представитель СССР в СЭВ в 1961–1977 гг.

280

АНДРОПОВ Юрий Владимирович (1914–1984) – советский политический деятель. В 1936 г. окончил Рыбинский речной техникум и в 1947 г. Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В 1936–1938 гг. на комсомольской работе в Рыбинске, в 1938–1940 гг. первый секретарь обкома комсомола Ярославской области, в 1940–1944 гг. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Карело-Финской ССР. С 1944 г. второй секретарь Петрозаводского горкома ВКП(б), а с 1947 г. второй секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР. В 1951–1954 гг. инструктор ЦК ВКП(б). В 1954–1957 гг. посол в Венгрии. В 1957–1967 гг. заведующий отделом социалистических стран ЦК КПСС. В 1967–1982 гг. председатель КГБ СССР. С 1973 г. член Политбюро ЦК КПСС. С 1982 г. генеральный секретарь ЦК КПСС и с 1983 г. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

281

МАУРЕР Ион Георге (1902–2000) – с 1936 г. член компартии Румынии и член ее ЦК с 1948 г. В 1945–1948 гг. заместитель министра промышленности и торговли. В 1948–1949 годах заместитель министра внешней торговли, а затем председатель Ассоциации культуры и науки. Затем, в связи со смещением Анны ПАУКЕР, был обвинен в политической близорукости, снят с государственных постов и отправлен в Институт правовых исследований. После окончательной победы Георгиу-Дежа в борьбе за лидерство в партии и государстве возвращается в политику. В 1957–1958 гг. министр иностранных дел, в 1958–1961 гг. председатель Президиума Великого национального собрания Румынии, затем председатель Совета министров. С 1960 г. член Политбюро ЦК РРП, с 1965 г. член исполкома и Постоянного президиума ЦК РКП.

282

НОВОТНЫЙ Антонин (1904–1975). Один из основателей компартии Чехословакии в 1921 г. Арестован немцами после оккупации Чехословакии в 1938 г. и в 1941–1945 гг. содержался в концлагере Маутхаузен. В 1945–1953 гг. первый секретарь Пражского горкома партии. В 1953–1968 гг. первый секретарь ЦК компартии Чехословакии, а в 1958–1968 гг. еще и президент страны.

283

ГРЕЧКО Андрей Антонович (1903–1976) – Маршал Советского Союза (1955). В Красной Армии с 1919 г., участник Гражданской войны, рядовой. В 1926 г. окончил кавалерийскую школу, в 1936 г. Военную академию им. Фрунзе, в 1941 г. Академию Генерального штаба. С октября 1941 г. полковник. В 1941 г. на Южном фронте командовал дивизией, потом – корпусом, с 1942 г. – армией на Северном Кавказе. С декабря 1943 г. зам. командующего Воронежским (1-м Украинским) фронтом (командующий Н.Ф. Ватутин, первый член Военного совета Н.С. Хрущев). После войны командовал Киевским военным округом, а с 1953 г. главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1957–1960 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками СССР. В 1960–1967 гг. главнокомандующий Объединенными войсками стран Варшавского договора. С 1967 г. министр обороны СССР и с 1973 г. член Политбюро ЦК КПСС.

284

ГАНДИ Мохандас (Махатма) Карамчанд (1869–1948). Идеолог индийского национально-освободительного движения. В 1888–1891 гг. учился в Англии. В 1893–1914 гг. жил в Южной Африке, участвовал в борьбе с дискриминацией. По возвращении в Индию в 1915 г. возглавил партию Индийский национальный конгресс и борьбу за независимость. Инициатор движения гражданского неповиновения, многократно заключался в тюрьму. В 1930 г. участник марша против установления налога на соль. В 1947–1948 гг. боролся против плана вице-короля Индии лорда МАУНТБЕТТЕНА раздела страны на две: Индию и Пакистан. В 1948 г. убит религиозным экстремистом.

285

НЕРУ Джавахарлал (1889–1964). Окончив университет в Кембридже в 1912 г., вернулся в Индию юристом. В 1919 г., после расстрела протестовавших в Амритсаре, присоединился к движению за независимость. С 1929 г. четырежды избирался главой партии Индийский национальный конгресс, неоднократно и на большие сроки заключался в тюрьму. В 1946 г. сформулировал первое правительство независимой Индии. С 15 августа 1947 г. и до смерти премьер-министр.

286

ТИТО посетил Индию в декабре 1954 г. – январе 1955-го, путешествуя на президентской яхте. По пути домой в Югославию он остановился в Каире и встретился с президентом Египта НАСЕРОМ.

287

СУКАРНО Ахмет (1901–1970) – политический лидер и национальный герой. В 1926 г. объединил под своим руководством три ветви национально-освободительного движения – национализм, исламизм и индуизм. Один из основателей Национальной партии Индонезии в 1927 г., затем ее председатель. В 1929–1931 гг. и 1933–1942 гг. находился в заключении и ссылке. В 1942 г., когда японцы захватили Индонезию, заключил с ними союз. После изгнания японцев и восстановления колониальной власти Нидерландов, возглавил освободительную борьбу, закончившуюся 17 августа 1945 г. провозглашением независимости и избранием его президентом. В 1945–1950 гг. вел вооруженную борьбу с Нидерландами и поддерживающей их Великобританией за независимость. Президент Республики Индонезия до 1967 г., когда был свергнут с результате прокитайского восстания и последовавшего за ним военного переворота, приведшего с власти генерала СУХАРТО и установления жесткой военной диктатуры. Остаток жизни провел под домашним арестом.

288

Автор ошибается. Упомянутая им и широко известная декларация 28 азиатских и африканских стран, собравшихся в апреле 1955 г. в Бандунге (Индонезия), была принята через два года после смерти Сталина. Видимо, лидеры этих стран сделали заявление, совпадающее с позицией, провозглашенной на Бандунгской конференции. Мы не смогли идентифицировать, о каком заявлении конкретно идет речь.

289

Микоян выезжал за границу в 1938–1949 гг., будучи наркомом (министром) Внешней торговли СССР.

290

Написанная в 1927 г. пьеса Всеволода Иванова «Бронепоезд 14–69» о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Тогда американские войска высадились во Владивостоке и принимали участие в вооруженной борьбе. Захваченный американский солдат на вопрос: «Кто вы?» ответил по-английски: «Амэрикэн», а не по-русски: «Американец». В ту пору это «амэрикэн» стало расхожим, полушутливым-полупрезрительным выражением.

291

РАДХАКРИШНАН Сарвапалли (1888–1975). Индийский философ и политик. В 1949–1952 гг. посол Индии в СССР. В 1952–1962 гг. вице-президент и в 1962–1967 гг. президент Индии.

292

ПРАСАД Радженда (1884–1963). С 1947 г. тесно сотрудничал с Ганди и неоднократно заключался в тюрьму на долгие сроки. В 1934, 1939 и 1947–1949 гг. избирался президентом партии Индийский национальный конгресс. В 1950–1962 гг. президент Индии.

МЕНОН Кришна. В советской литературе часто путают Кришна Менона (Венгалил Кришнан Кришна Менон) 1897–1974 гг., который в 1957–1962 гг. занимал пост министра обороны Индии, с Кумар Падма Шивасанкар Мененом (1898–1982), который был послом Индии в СССР в 1952–1961 гг.

МЕНОН Кумар Падма Шивасанкар (1898–1982). В 1947–1948 гг. посол Индии в Китае. В 1948–1952 гг. госсекретарь по иностранным делам. В 1952–1961 гг. посол в СССР. С 1965 г. председатель Индийско-советской культурной ассоциации. С 1970 г. член президиума Совета Мира. С 1980 г. посол в Египте.

МЕНОН В.К. (Венгалил Кришнан) Кришна (1897–1974). В 1924–1952 гг. жил в Англии, учился в Лондонской школе экономики, сотрудничал с Неру, член партии лейбористов. В 1947–1952 гг. Высокий Комиссар (представитель) Индии в Великобритании. В 1953–1957 гг., 1957–1967 гг. и с 1969 г. член парламента Индии. В 1956–1957 гг. министр без портфеля. В 1957–1962 гг. министр обороны Индии, ушел в отставку после обвинения в неготовности Вооруженных Сил к вспыхнувшему в 1962 г. вооруженному конфликту с Китаем вокруг спорных территорий в Гималаях.

Визит проходил с 7 по 23 июня 1955 г.

295

ГАНДИ Индира Приядаршини (1917–1984). Дочь Неру. В 1938 г. вступила в партию Индийский национальный конгресс и в 1942–1943 гг. заключена в тюрьму. В 1964–1966 гг. министр информации. С 1966 по 1977 г. премьер-министр. В августе 1971 г. подписала с СССР договор о мире, дружбе и сотрудничестве. С 1978 г. председатель партии Национальный конгресс. В 1980 г. снова избрана премьер-министром, после подавления сикхских экстремистов и штурма их святыни Золотого храма, 31 октября 1984 г., убита своим охранником-сикхом.

296

Визит в Индию проходил с 18 ноября по 14 декабря 1955 г.

297

Старый Дели – древний город, сооруженный на берегу реки Джумна, одного из притоков реки Ганг. В 1911–1931 гг. к югу от Старого Дели англичане построили Новый Дели.

298

Калькутта (ныне Колкатта) – столица штата Западная Бенгалия на северо-востоке Индии. Бомбей, ныне Мумбай, столица штата Махараштра на Западном побережье. Мадрас – столица штата Тамил Наду на юго-востоке Индии.

299

СЕРОВ Иван Александрович (1905–1990) – генерал армии. По специальности артиллерист. В 1925–1939 гг. в Красной Армии. В 1939 г. окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и направлен в органы государственной безопасности. В 1939–1941 гг. нарком внутренних дел Украинской ССР. В 1941–1954 гг. заместитель, первый заместитель наркома (министра) внутренних дел (государственной безопасности) СССР. Одновременно в 1945–1946 гг. заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом (Жукова Г.К.) и после Победы заместитель главноначальствующего советской военной администрации в Германии (Жукова Г.К.), до 1954 г. первый зам. министра внутренних дел СССР. В 1954–1959 гг. председатель КГБ при СМ СССР. В 1959–1963 гг. начальник Главного разведывательного управления ГШ СА. В 1963 г., в связи с делом полковника Олега Пеньковского, британского шпиона, работавшего в ГРУ, понижен в звании до генерал-майора и назначался на незначительные должности в Туркестанском и Приволжском военных округах. С 1965 г. в отставке.

300

В индуистской религии вегетарианство – один из основополагающих принципов, олицетворяющий ненасилие.

301

Это гидроэлектростанция в Бхакра-Нантал в штате Пенджаб, на одном из протоков реки Инд. Ее строительство окончили в 1963 г.

302

Премьер-министром штата Пенджаб в то время был Бхим Сен САЧАР (1894–1978). Он исповедовал индуизм, религию, в отличие от мусульманства, незнакомую советским людям. Автор ошибочно посчитал его мусульманином.

303

ДЕСАЙ Мораржи (1896–1995). В 1930 г. присоединился к Ганди. Много лет провел в тюрьме. В 1930 и 1940-е гг. также занимал министерские посты в правительстве штата Махараштра, а с 1952 г. он главный министр штата. В 1956–1963 гг. министр торговли и промышленности Индии. В 1967–1969 гг. заместитель премьер-министра, затем подал в отставку и перешел в оппозицию к правительству Индиры Ганди. В 1975–1977 гг. арестован на основании закона о чрезвычайном положении. В 1977 г. вступил в националистическую Индуистскую партию Джаната и после ее победы на выборах в 1977 г., в 1977–1979 гг. занимал пост премьер-министра.

304

Губернатором штата Тамил Наду с марта 1952-го по декабрь 1956 г., в период посещения Н.С. Хрущевым Мадраса, был Шри ПРАКАСА.

305

Собеседником Н.С. ХРУЩЕВА был Чакараварти РАДЖАГОРАЛАЧАДУ (1878–1972), человек, близкий к ГАНДИ и единственный генерал-губернатор Индии в 1948–1950 гг. в переходный период до принятия Конституции. В 1952–1954 гг. главный министр штата Тамил Наду. В момент встречи с Н.С. Хрущевым он возглавлял «умеренную» религиозную партию, просуществовавшую с 1959 по 1974 г.

306

Главным министром штата Тамил Наду (1954–1963 гг.), т. е. в январе 1955 г., когда Н.С. Хрущев посетил Мадрас, был Перунтулаивар КАМАРАДЖ (1903–1975), один из лидеров партии Национальный конгресс в штате Тамил Наду, в которую он вступил в 1919 г. В период господства англичан он провел 9 лет в тюрьме.

307

Под «межплеменными волнениями» следует понимать неутихающие столкновения между мусульманскими и индуистскими экстремистами.

308

Речь идет о Харе Кришна МАХТАБ (1899–1987), губернаторе штата Макараштра со столицей в Мумбае (Бомбее) в 1955–1956 гг. Он включился в борьбу за независимость в 1921 г. В 1933–1937 гг. участвовал в усилиях ГАНДИ помочь обрести права касте неприкасаемых, неоднократно заключался в тюрьму. После обретения независимости занимал ряд министерских и парламентских постов.

309

Речь идет об индо-пакистанской войне 1947–1948 гг. за контроль над Кашмиром, горным районом на Севере Индии. Заключенное перемирие разделило Кашмир. Индия контролирует территорию штата Джамма и Кашмир. Новые вооруженные столкновения возникали в 1965 и 1971 гг. и, с обретениями обеими сторонами ядерного оружия, закончились.

310

Штат Керала располагается на юго-западе Индии вдоль побережья Индийского океана.

311

РЕРИХ Святослав Николаевич (1904–1993). Художник, сын художника и философа Николая Константиновича РЕРИХА (1874–1947). Постоянно жил в Индии. Он подружился с Н.С. Хрущевым и позднее, неоднократно приезжая в СССР, каждый раз встречался с Н.С. Хрущевым. С 1978 г. иностранный член Академии художеств СССР.

РЕРИХ Николай Константинович (1874–1947) – русский художник, философ, писатель, путешественник, археолог. В 1897 г. окончил Петербургскую академию художеств, за свою жизнь написал около 7000 картин. Сотрудничал с Петербургским археологическим институтом, с 1898 г. проводил раскопки в Псковской и других губерниях, путешествует по России, участвует в оформлении оперных постановок. В 1916 г. переезжает в Финляндию, а в 1918 г. в Швецию и с тех пор живет в эмиграции. В 1920 г. вступает в теософское общество и в 1923 г. отправляется с экспедицией в Индию, в 1927–1928 гг. путешествует по Тибету и в 1928 г. в долине Кулу основывает Институт гималайских исследований, ему он посвятил остаток своей жизни, руководил этнолого-лингвистическими исследованиями и разведкой археологических памятников, в 1934–1935 гг. путешествует по Маньчжурии, подготавливает проект международного соглашения о защите культурных ценностей, позднее воплотившийся в жизнь в деятельности ЮНЕСКО. Начиная с 1936 г. налаживает контакты с Советским правительством, с первых дней Второй мировой войны, вместе с младшим сыном Святославом Рерихом, устраивает выставки и продажу картин, а все вырученные деньги перечисляет в фонд советского Красного Креста и Красной Армии, пишет статьи в газетах, выступает по радио в поддержку советского народа. В этот период он создаёт ряд картин – «Поход Игоря», «Александр Невский», «Партизаны», «Победа», «Богатыри проснулись» и другие, в которых использует образы русской истории и предрекает победу русского народа над фашизмом. После войны продолжает работать над серией картин «Гималаи», составляющей более двух тысяч полотен. В долине Кулу, на месте погребального костра, установлен прямоугольный камень с надписью: «15 декабря 1947 года здесь было предано огню тело Махариши Николая Рериха – великого русского друга Индии. Да будет мир».

312

Остановку Н.С. ХРУЩЕВ сделал в городе Джайпур штата Раджастан. В переходный период магараджа этого штата исполнял роль губернатора. После 1956 г. в Раджастане был установлен тот же порядок, что и на всей территории Индии.

313

Эта игра называется лакросс на лошадях. Она чем-то похожа на поло и обычный лакросс, только в обычном лакроссе игроки придерживаются тех же правил, но перемещаются не на лошадях, а бегом. Эта игра восходит к играм индейцев северо-востока США и после колонизации Америки Британской империей обрела популярность как в Великобритании, так и США.

314

Примерно 12 миллионов человек (70 % населения) штата Джаму и Кашмир – мусульмане. Главным министром штата во время визита Н.С. Хрущева был Бакши Гхулам МУХАММЕД, он пребывал на этом посту с 1953 по 1963 г.

Сын магараджи, т. е. Хари СИНГХ (1895–1961), правил штатом Джаму и Кашмир в 1925–1949 гг. Затем власть унаследовал его сын Каран СИНГХ, но в 1952 г. парламент штата отменил титул махараджи, а Каран Сингха избрали губернатором.

315

Путешествие на лодках происходило по реке Джелум, на берегу которой расположена летняя столица штата Сринигари, продолжалась около часа. Н.С. ХРУЩЕВ запомнил озеро, на берегу которого находилась их гостевая резиденция.

Имеется в виду СЕАТО и СЕНТО.

317

Тадж-Махал в Агре, усыпальницу из белого мрамора, инкрустированную самоцветами и драгоценными камнями, соорудил на берегу реки Джамна ШАХ-ДЖАХАН (1592–1666), правивший империей Великих Моголов в 1627–1658 гг., в память о своей жене Мумтаз-Махал, умершей при родах четырнадцатого ребенка. Напротив он начал строительство аналогичного комплекса черного мрамора для себя самого, что окончательно истощило казну. В 1658 г. он заболел и его сверг сын, АУРАНГЗЕБ (1618–1707), согласно легенде, заточивший отца в расположенном на противоположном берегу реки Красном форте Агры, откуда он мог до конца жизни (1666) любоваться своим творением. Согласно научным данным, это всего лишь легенда, как и «строительство аналогичного комплекса черного мрамора». На самом деле куски мрамора, сваленные напротив имеющейся усыпальницы, почернели от времени и после очистки оказались белыми и неясно для чего предназначенными. Заточили же Шах-Джахана в Красном форте Шахджаханабада, в сотнях километров от Агры. Как говорится: хочешь – верь, а не хочешь – проверь. Вот только как?

Н.С. ХРУЩЕВ останавливался в Калькутте 1 марта 1960 г.

319

КПИ основана в 1925 г. Официальный раскол, наметившийся в 1962 г., существует с 1964 г., когда параллельная партия назвала себя КПИ (марксистская).

320

Нынешнее название Бирмы – Союз Мьянма, но мы продолжим пользоваться старым.

321

Визит в Бирму (новое название Муанмар) проходил 1–7 декабря 1955 г. В феврале 1960 г. Н.С. ХРУЩЕВ провел, по пути в Индонезию, два дня в Бирме.

322

У НУ (Такин НУ) (1907–1995). Основатель Антифашистской лиги народной свободы. Премьером Бирмы У НУ являлся в декабре 1947 г. – июне 1956 г. и, с перерывами, в апреле 1957 г. – марте 1962 г.: в 1958 г. У Ну был свергнут генералом Не ВИНОМ, вернулся к власти в 1960-м и снова был свергнут генералом Не Вином в 1962 г. Визит У Ну в СССР состоялся в октябре 1955 г. Ответный визит приходился на февраль 1960 г.

323

После поражения Гоминьдана в 1949 г. и бегства Чан Кайши на Тайвань в Бирме еще долгое время сохранялись его бывшие военные формирования, промышлявшие бандитизмом.

324

В августе 1944 г. возникла Антифашистская лига народной свободы (АЛНС) во главе с героем освободительной борьбы и президентом АЛНС АУН САНОМ (1915–1947). В 1947 г. он вместе со своими соратниками был убит террористами. АУН САН (в 1939 г. основал компартию Бирмы, а с 1944 г. стал во главе Антифашистской лиги народной свободы. В марте 1945 г., будучи министром обороны в правительстве Бирмы в период ее оккупации Японией (1942–1945), возглавил восстание армейских частей, поддержавших общенациональное восстание. С 1946 г. де-факто глава правительства Бирмы под британским контролем. В 1947 г. провел переговоры с англичанами о независимости и после ее получения был избран премьер-министром.

325

КПБ появилась 15 августа 1939 г. В сентябре 1942 г. она стала образовывать подпольные антияпонские группы, в августе 1944 г. вошла в единый антиимпериалистический фронт, спустя год вышла из подполья. В феврале 1946 г. в ней произошел раскол, отделилась группа ТАКИН СО (Компартия красного флага). В октябре 1946 г. КПБ была исключена из АЛНС. В марте 1948 г. развернулись репрессии против КПБ, началась гражданская война.

326

У БА СВЕ (1915–1989) – один из основателей Социалистической партии Бирмы, генеральный секретарь АЛНС в 1947–1952 гг., вице-президент в 1952 г. и президент в 1958–1963 гг. В 1956–1957 гг. премьер-министр. Министром в правительстве У НУ он являлся в 1952–1953 гг.

Белый цвет на повязках отличал ее приверженцев от красноповязочников, а в принципе белый цвет в Бирме считается символом благородства.

328

Государство Шан (Государства Шан, Федерация Шанских государств, Федеративные Шанские государства, Соединенные штаты Шана, Шанленд) – самопровозглашенное непризнанное государство на северо-востоке Мьянмы, частично контролирующее свою территорию. По границам совпадает с одноименной провинцией. Северо-восток Шана контролируется другим непризнанным государством, Ва, северо-запад – правительственными войсками Мьянмы. Провинция обладает месторождениями: свинца, цинка, серебра, золота, запасами ценных пород древесины. Большинство населения – шаны (самоназвание – тхай ньо) – народ тайской группы, проживает также в Таиланде и Лаосе, на 1987 г. всего – 2,93 млн человек, из них 2,85 млн в Мьянме. Большинство из них – мусульмане.

Фактическая столица – Лои Тайленг (Таунгджи) – место базирования Армии Шанского государства – Южной в юго-восточной части штата напротив таиландской провинции Мае Хонг Сон. Территория государства Шан ранее входила в состав т. н. «Золотого треугольника» – наркокартеля, расположенного в Северном Таиланде, Западном Лаосе и на северо-востоке Мьянмы.

329

После официального приема в столице делегация, на автомашинах, переехала в деревню Яунгве, расположенную на берегу озера Инле. Там гостей погрузили на корабль с 800 гребцами и прокатили к центру озера, где размещалось древнее поселение, с жилищами, с целью защиты от хищников и врагов, построенными на лодках и тростниковых плотах. Там им продемонстрировали греблю на каное, в то время неизвестную у нас.

330

КАРМЕН Роман Лазаревич (1906–1978) – кинодокументалист. Фильмы «Суд народов» (1947), «Повесть о нефтянниках Каспия» (1953), «Покорители моря» (1959), «Сердце Карволана» (1975), 20-серийная советско-американская эпопея «Неизвестная война» (1979). Фронтовой кинооператор во время гражданской войны в Испании (1936–1939) и Великой Отечественной войны (1941–1945). Народный артист СССР (1966). Герой Социалистического Труда (1976), лауреат Государственных (1942, 1947, 1952, 1975) и Ленинской (1960) премий.

Из столицы Шанов делегация переехала в Мандалай, второй по величине и значимости город Бирмы, ее древнюю столицу, а оттуда на военную базу в небольшом городке Майтойо, расположенном в горах, в 70 км от Мандалая, где состоялся военный парад.

332

НЕ ВИН (ШУ МАУН) (1911–2002) – один из соратников АУН САНА. В 1950–1972 гг. главнокомандующий вооруженными силами Бирмы, в 1958–1960 гг. премьер-министр, в 1962–1974 гг. председатель Революционного совета и Революционного правительства, в 1974–1981 гг. президент, в 1971–1988 гг. председатель Исполкома ЦК Партии бирманской социалистической программы.

333

Первое обширное соглашение об экономическом сотрудничестве СССР и Бирмы подписали 17 января 1957 г. В 1959–1961 гг. построили: по проекту советского архитектора П.Г. СТЕНЮШИНА Технологический институт и тогда же, по проекту В.С. АНДРЕЕВА и К.Д. КИСЛОВОЙ, гостиницу «Инья-Лейк» и больницу.

Этот визит состоялся 15–19 декабря 1955 г., а 2–5 марта 1960 г. наша делегация посетила вторично Афганистан.

МУХАММЕД ЗАХИР-ШАХ (1914–2007) – король Афганистана в 1933–1973 гг. В 1973–2007 гг. жил в Италии.

ДАУД Али Мохаммед (1908–1978) – сводный брат короля Афганистана НАДИР-ШАХА, правившего страной в 1929–1933 гг., т. е. дядя последнего короля Мохаммед ЗАХИР-ШАХА. Премьер-министр и министр обороны в 1953–1963 гг., в 1963–1973 гг. в отставке из-за разногласий с королем в методах модернизации страны. В ночь с 17 на 18 марта 1973 г. он возглавил военный переворот и провозгласил себя главой Центрального Комитета Республики Афганистан, премьер-министром, министром Национальной обороны и министром иностранных дел. В 1977 г., после принятия конституции, стал президентом. 27 апреля 1978 г. свергнут и убит в результате военного переворота, совершенного его бывшими соратниками по первому перевороту.

На основе ряда соглашений, заключенных с 1955 г., в Афганистане уже были возведены или строились Джангалакский авторемонтный завод, плотина и ГЭС в Наглу, Джелалабадский оросительный канал, автострада Кандагар – Герат – Кушка, автомобильная магистраль Шерхан – Кабул через хребет Гиндукуш и пр.

336

Военный колледж расположен в крепости Бала-Гиссар на окраине Кабула. Н.С. ХРУЩЕВ посетил его 17 декабря 1955 г.

337

Речь идет о провозглашении 28 февраля 1919 г. АМАНУЛЛОЙ-ХАНОМ независимости Афганистана, признании Афганистана Советской Россией в марте и установлении двусторонних дипломатических отношений в апреле – мае; о третьей англо-афганской войне в мае – августе 1919 г. и фактической поддержке афганцев Красной Армией, разбившей в Закаспийском крае английских интервентов. Официально советско-афганские отношения были определены договором от 28 февраля 1921 г.

338

Н.С. ХРУЩЕВ размещался во дворце Друл Аман, построенном в 1920-е гг. в 16 км от центра Кабула. В конце XX в. в нем работал Афганский парламент.

339

Председатель Президиума Верховного Совета СССР ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович посетил Индию в январе – феврале 1960 г.

340

ФУРЦЕВА Екатерина Алексеевна (1910–1974) была тогда членом Президиума и секретарем ЦК КПСС. Ткачиха, в 1941 г. окончила Институт тонкой химической технологии. В 1950–1957 гг. второй, затем первый секретарь Московского горкома партии. В 1956–1960 гг. секретарь ЦК КПСС. В 1960–1974 гг. – министр культуры СССР.

341

Компания «Батя» была одним из самых больших производителей обуви не только в Чехословакии, но и в Европе.

342

Бхилаи, точнее Бхилайнагаре, – город в Центральной Индии в штате Мадхая-Прадеш.

343

ДЫМШИЦ Вениамин Эммануилович (1910–1993) – видный участник строительства Кузнецкого, Мариупольского, Криворожского, Магнитогорского, Запорожского металлургических заводов, в 1950–1953 гг. зам. министра строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, с 1954 г. зам. министра строительства предприятий металлургической и химической промышленности, с 1957 г. главный инженер стройки в Бхилаи, с 1959 г. первый зам. председателя и с 1962 г. председатель Госплана и Совнархоза СССР, с 1965 г. председатель Госкомитета Совмина СССР по материально-техническому снабжению, в 1976–1985 гг. зам. предсовмина СССР, Герой Социалистического Труда с 1980 г.

Все три завода – советский в Бхилайнагаре, британский в Дургапуре, немецкий в Роуркале – начали полную выдачу продукции с конца 1950-х гг. Сооруженный с помощью Советского Союза завод в Бхилайнагаре произвел первый металл 12 октября 1959 г.

Позднее она выросла до 2,5 млн т стали в год.

346

Н.С. ХРУЩЕВ посетил «совхоз» в Индии 13 февраля 1960 г.

347

Король Афганистана Мухаммед ЗАХИР-ШАХ посетил Советский Союз 8–16 августа 1962 г.

348

РЕЗА-ШАХ (отрекся от престола 16 сентября 1941 г.). Мохаммед РЕЗА ПЕХЛЕВИ (1919–1980). В 1941–1979 гг. 35-й и последний шах Ирана из династии Пехлеви, в 1979 г. свергнут и изгнан из Ирана в результате восстания, провозгласившего страну Исламской Республикой Иран.

349

Военное соглашение между Ираном и США было подписано 23 мая 1950 г.

350

Визит шаха Мохаммед РЕЗА ПЕХЛЕВИ в СССР состоялся с 25 июня по 13 июля 1956 г.

351

Серия советско-иранских соглашений той поры: от 2 декабря 1954 г. (урегулирование пограничных и финансовых вопросов), июль 1956 г. (безвозмездная передача Ирану советских прав и имущества в совместном акционерном обществе «Кевир-Хурман»), 16 апреля 1957 г. (взаимные поставки и транзит товаров), 11 августа 1957 г. (проектирование использования вод пограничных рек Аракс и Атрек). В феврале 1959 г. иранское правительство М. ЭГБАЛЯ (1957–1960) прервало дальнейшие переговоры двух стран.

352

В 1914 г. англичане заключили Соглашение о разграничительной линии между Британской Индией и Тибетом – «линии Мак-Магона». Китайцы тогда подписали соглашение, но не ратифицировали его и не признают этого разграничения. Начало китайско-индийского пограничного конфликта приходится на сентябрь 1959 г.

353

СУКАРНО Ахмет (1901–1970) – политический лидер и национальный герой. В 1926 г. объединил под своим руководством три ветви национально-освободительного движения – национализм, исламизм и индуизм. Один из основателей Национальной партии Индонезии в 1927 г., затем ее председатель. В 1929–1931 гг. и 1933–1942 гг. находился в заключении и ссылке. В 1942 г., когда японцы захватили Индонезию, заключил с ними союз. После изгнания японцев и восстановления колониальной власти Нидерландов возглавил освободительную борьбу, закончившуюся 17 августа 1945 г. провозглашением независимости и избранием его президентом. В 1945–1950 гг. вел вооруженную борьбу с Нидерландами и поддерживающей их Великобританией за независимость. Президент Республики Индонезия до 1967 г., когда был свергнут с результате прокитайского восстания и последовавшего за ним военного переворота, приведшего с власти генерала Сухарто и установления жесткой военной диктатуры. Остаток жизни провел под домашним арестом.

354

26 января – 3 февраля 1950 г. Спустя почти четыре года страны обменялись посольствами.

355

В результате военного переворота, совершенного генералом СУХАРТО в октябре 1965 г., в ответ на попытку прокитайских левых сил захватить власть, погибло около 3 млн человек, в том числе членов левых партий и просто китайцев, заподозренных в симпатиях к своей бывшей родине.

356

В августе – сентябре 1956 г.

357

Первое советско-индонезийское торговое соглашение было подписано 12 августа 1956 г. в Джакарте, а 15 сентября там же подписано генеральное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. 5 февраля 1958 г. парламент Индонезии одобрил законопроект о получении советского кредита в 100 млн долларов. Второе генеральное соглашение подписано в Богоре 28 февраля 1960 г.

Визит состоялся с 18 февраля по 1 марта 1960 г.

359

ГРОМЫКО Андрей Андреевич (1909–1989). Экономист. С 1939 г. на дипломатической работе. В 1943–1946 гг. посол в США. В 1946–1948 гг. постоянный представитель в Совете Безопасности ООН. В 1949–1952 гг. заместитель министра иностранных дел. В 1952–1953 гг. посол в Великобритании. С 1953 г. заместитель, а в 1957–1985 гг. министр иностранных дел СССР. В 1985–1988 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

360

АЙДИТ Дипа Нусантара (1923–1965) – член КПИ с 1943 г., генеральный секретарь ее ЦК в 1954–1959 гг. и затем председатель ЦК КПИ. Погиб после восстания левых 30 сентября 1965 г.

361

НАСУТИОН Абдул Харис (1918–2000). Герой войны за независимость от Голландии в 1948–1949 гг. В 1955–1966 гг. начальник Штаба вооруженных сил, одновременно в 1960–1962 гг. министр национальной безопасности и в 1962–1966 гг. координатор работы министерств национальной безопасности и обороны. Затем в отставке.

362

Генерал НАСУТИОН посетил Москву в июне 1962 г.

Катера вооружались крылатыми самонаводящимися ракетами П-15 с дальностью стрельбы 40 км.

364

СУБАНДРИО (1914–2000). Участник борьбы за освобождение против японской оккупации в 1942–1944 гг. Затем на дипломатической работе: в 1945–1949 гг. представитель в Европе, в 1950–1954 гг. посол в Великобритании, в 1954–1956 гг. посол в СССР. С 1957 г. министр иностранных дел, заместитель главы правительства. В 1965 г. арестован военными и приговорен к смерти, но по просьбе американцев оставлен в живых. Освобожден в 1995 г.

365

МАЛИК Адам (1917–1984). Участник освободительной борьбы против Нидерландов в 1948–1949 гг. С 1956 г. член парламента. В 1959–1963 гг. посол в СССР и одновременно министр торговли, министр координации, заместитель премьер-министра, министр иностранных дел, председатель Народного консультативного конгресса, в 1978–1983 гг. вице-президент.

366

Как стало известно после окончания холодной войны, СУБАНДРИО был завербован Клайдом МАКОВЕЕМ, координатором операций ЦРУ в Юго-Восточной Азии, и все это время работал на американцев.

367

Западная часть о. Новая Гвинея (Западный Ириан) была официально включена в Нидерландское королевство в феврале 1952 г., с чем Индонезия не согласилась. В 1962 г. индонезийские вооруженные силы начали там боевые действия, и 15 августа было подписано соглашение в Нью-Йорке об отказе Нидерландов от Западного Ириана, а 1 мая 1963 г. он вошел в состав Индонезии.

Машуми (запрещена президентским декретом в августе 1960 г.).

369

Федерация Малайзия образована в 1963 г. из Малайской федерации, Сингапура (отделился в 1965 г.), а также Сабаха и Серавака на Калимантане. Вне нее и Индонезии остался на Калимантане султанат Бруней.

Построен в 1817 г. в Бейтензорге (Богор).

371

«Ящеры» – речь идет о так называемых драконах Комодо (Varanus Komodoensis), обитающих на индонезийском острове Комодо.

372

Это дуриан (Durio zibethinus) – популярный в Юго-Восточной Азии продолговатый тропический фрукт, размером и формой напоминающий мяч для американского футбола (регби).

373

Н.С. ХРУЩЕВ читал книгу «Недостающее звено» английского натуралиста Альфреда УОЛЛЕСА (1823–1913) о его путешествиях по Индонезии. Он параллельно с ДАРВИНОМ, даже чуть раньше, сформулировал теорию происхождения видов, послал свои замечания Дарвину, который поспешил с публикацией своей теории. Статуя УОЛЛЕСА установлена в Британском музее. В своей книге он упоминает о дуриане и его популярности среди местных жителей.

374

СЫТИН Иван Дмитриевич (1851–1934) – русский издатель-просветитель. С 1876 г. издавал доступные народу, дешевые научно-популярные книги, учебники, классиков литературы, календари. К началу XX в. его издательство стало крупнейшим в России. После революции работал консультантом с Госиздате.

375

На острове Бали 95 % населения исповедуют индуизм, остальные – буддизм, мусульманство и христианство. Тогда как большинство населения Индонезии – мусульмане. Н.С. ХРУЩЕВА приветствовали священнослужители индусы и буддисты.

Н.С. ХРУЩЕВ шутит. А.А. ГРОМЫКО, так же как и он, не танцевал.

377

Речь идет о ЛЕОНОВОЙ Валентине Ивановне (род. в 1926 г.), враче-отоларингологе, выпускнице Свердловского (Екатеринбургского) медицинского института, кандидате медицинских наук.

МАРКОВ Александр Михайлович (1901–1982), врач-терапевт, выпускник Воронежского медицинского института, доктор медицинских наук, профессор. В 1953–1966 гг. начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР, в поликлинике которого работала В.И. ЛЕОНОВА, т. е. ее прямой начальник.

378

Университет дружбы народов в Москве открылся 1 октября 1960 г.

379

«Генерал, который командует воздушными силами» – Сурайди СУРАЙДАРМА, в 1960 г. маршал, создатель и начальник Штаба индонезийских ВВС, возражал против вмешательства военных в политику, придерживался левых взглядов. НАСУТИОН, в то время министр обороны и, в отличие от СУРАЙДАРМА, не столько профессионал, сколько «политик». СУКАРНО старался балансировать между этими двумя влиятельными военачальниками.

380

Согласно последним данным, ставшим доступными после смерти генерала СУХАРТО, захватившего власть в 1965 г., 30 сентября 1965 г. первыми восстали младшие офицеры ВВС, перебили генералов и призвали народ поддержать их. Коммунистическую партию эти события застали врасплох, она не готовилась к вооруженной борьбе и была вовлечена в нее стихийно.

Генерал СУХАРТО (1921–2008) тогда командовал сухопутными войсками и с помощью верных ему военных формирований подавил восстание, отстранил от власти СУКАРНО и с 1966 по 1998 г. единовластно правил Индонезией. Во время «чисток», последовавших за «победой» СУХАРТО, погибли не десятки тысяч, а до 3 млн человек. Н.С. Хрущев в то время не мог себе представить, насколько велик был масштаб трагедии.

381

Имеется в виду политический кризис в Совете руководства революцией, выявившийся в феврале – апреле 1954 г. и завершившийся победой сторонников НАСЕРА, выступившего за расширение революционных преобразований.

НАСЕР (АБД-АН-НАСИР) Гамаль Абдель (1918–1970) – основатель в египетской армии организации «Свободные офицеры», которая возглавила 23 июля 1952 г. антиимпериалистическую и антифеодальную революцию в Египте, заместитель председателя и потом председатель Совета руководства революцией, в 1952–1954 гг. зам. премьер-министра и министр внутренних дел, до 1956 г. (с перерывом) премьер-министр, с ноября 1954 г. и.о. президента, с 1956 г. президент и главнокомандующий вооруженными силами, с 1963 г. председатель Арабского социалистического союза.

АМЕР (Амир) Абдель Хаким (1919–1967). Маршал. В 1939 г. окончил Королевскую военную академию в Каире. Воевал в арабо-израильской войне 1948 г. Один из лидеров революции 1952 г. Командовал объединенными сирийско-египетскими войсками по отражению англо-франко-израильского нападения в период Суэцкого кризиса 1956 г. С 1958 г. – вице-президент Египта и военный министр, а с 1964 г. – заместитель главнокомандующего. После поражения в Шестидневной войне против Израиля в июне 1967 г. отставлен от всех постов. В августе 1967 г. арестован по обвинению в заговоре против Насера (совместно с рядом других офицеров). Покончил с собой.

382

ФАРУК (1920–1965). В 1936 г. унаследовал королевский трон после смерти отца Фуада I. Известен своей коррупцией и экстравагантностью. В июле 1952 г., под давлением восставших офицеров, отрекся от престола в пользу сына-младенца Фуада II. (Монархию в Египте отменили в июне 1953 г.) Жил в Италии и Монако. Умер от обжорства.

383

Соболья накидка могла быть подарена британской королеве ЕЛИЗАВЕТЕ II по случаю ее восшествия на престол в феврале 1952 г. На запрос в королевские архивы Виндзорского замка и Букингемского дворца от 5 ноября 2005 г. архивист Памелла КЛАРК ответила, что какой-либо подарок, полученный от СТАЛИНА, у них не зарегистрирован.

384

Речь идет об организации «Свободные офицеры», когда новым королем стал АХМЕД ФУАД II (до 1953 г.), при котором страной правил Регентский совет во главе с генералом М. НАГИБОМ. Затем НАГИБ до ноября 1954 г. был президентом. Премьер-министрами в послереволюционное время являлись А. МАХИР-ПАША (1952), М. НАГИБ (1952–1954), НАСЕР (до 1956 г.), затем премьерство возобновилось с 1964 г. (А. САБРИ).

385

Тито останавливался в Египте в 1954 г., когда возвращался из Индии.

386

29 октября 1956 г. израильские войска атаковали на Синайском полуострове в направлении Суэцкого канала. Через пару дней к ним присоединились англичане и французы.

387

ИДЕН Антони (1897–1977) – британский государственный деятель и дипломат, консерватор. Член палаты общин (1923–1957). Министр иностранных дел (1935–1938, 1940–1945, 1951–1955). Премьер-министр Великобритании (1955–1957).

388

ЛЛОЙД Селвин (1904–1978) – британский политик, консерватор, член парламента с 1945 г. В 1954–1955 гг. министр снабжения. В 1955–1960 гг. министр иностранных дел и до 1962 г. второй лорд казначейства (министр финансов, первый лорд – премьер-министр). В 1971–1978 гг. спикер палаты общин, затем в отставке.

389

ЭЙЗЕНХАУЭР Дуайт Дэвид (1890–1969) – профессиональный военный, 5-звездный генерал (эквивалент Маршала Советского Союза). С декабря 1943 г. главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе и после войны командующий оккупационными американскими войсками в Германии. В 1950–1952 гг. командующий войсками НАТО. В 1953–1960 гг. 34-й президент США.

390

МОЛЛЕ Ги (1905–1975). Учитель. В 1921 г. вступил в социалистическую партию. Участник Сопротивления немецкой оккупации. С 1946 г. член парламента. В 1946–1969 гг. – генеральный секретарь социалистической партии. С января 1956 г. по май 1957 г. премьер-министр Франции.

391

БЕН-ГУРИОН Давид (1886–1973) – израильский политик, выходец из России, эмигрировал в Израиль в 1906 г. В 1915–1918 гг. жил в США, затем вернулся в Палестину и занялся политикой, в 1935–1948 гг. председатель Еврейского агентства Израиля. В 1948 г. зачитал декларацию о независимости Израиля и возглавил новое государство. В 1948–1953 гг. и 1955–1963 гг. премьер-министр Израиля, министр обороны в первых десяти правительствах и министр транспорта в третьем правительстве. Далее, до 1970 г., член кнессета (парламента), после чего в отставке.

392

«Осведомленные люди рассказывали» – Н.С. ХРУЩЕВ имеет в виду сообщения Кима ФИЛБИ, советского агента, работавшего в британском правительстве.

393

БАГДАШ Халед (1912–1995) – член Сирийской коммунистической партии с 1930 г., генеральный секретарь ее ЦК (в 1948–1958 гг. ЦК компартии Сирии и Ливана) с 1937 г., с 1986 г. лидер одной из групп СКП (лидер другой – Ю. ФЕЙСАЛ).

394

Переворот в Багдаде произошел 14 июля 1958 г.

395

КАСЕМ Абдель Карим (1914–1963) – премьер-министр, министр обороны и главнокомандующий вооруженными силами Иракской Республики с июля 1958 г. до февраля 1963 г., когда был расстрелян.

396

САИД Нури (1888–1958) – премьер-министр Ирака в 1930–1958 гг. (с перерывами). Июльская революция 1958 г. в Ираке привела к гибели и его, и короля ФЕЙСАЛА II.

Иракская компартия, возникшая в 1934 г., действовала в подполье до революции 1958 г., а затем с февраля 1960 г.

398

Объединенную Арабскую Республику (ОАР) провозгласили 1 февраля 1958 г. во дворце Кубба в Каире.

399

НАСЕР прилетел в Москву 17 июля 1958 г.

400

ГАЛЕБ Мухаммед Мурат (1922–2007) был сотрудником посольства Египта в СССР в 1953–1957 гг. и послом в 1961–1971 гг. В 1958 г., когда НАСЕР прилетел в Москву, ГАЛЕБ являлся начальником политической канцелярии президента.

401

«США и Англия приводят в боевое состояние». Эти слова относятся к тому, что вскоре после Иракского переворота, произошедшего 14 июля 1958 г., США объявили повышенную готовность Средиземноморскому флоту и высадили 5000 морских пехотинцев в Ливане.

402

«Даллесовская политика» – имеется в виду Джон Фостер ДАЛЛЕС (1888–1959), государственный секретарь США с 1953 по 1959 г., при президенте ЭЙЗЕНХАУЭРЕ. В 1953 г. он объявил, что отныне США будут проводить в отношении СССР политику «на грани войны».

403

Старую Асуанскую плотину у 1-го нильского порога построили в 1898–1902 гг. и потом неоднократно реконструировали. В 1960 г. рядом с ней пустили гидроэлектростанцию. Новая плотина, высотная («Ас-Садд-аль-Али»), в 6 км южнее старой, имела юридической основой советско-египетские соглашения от 27 декабря 1958 г. и 27 августа 1960 г. Ее первую очередь завершили в мае 1964 г. На ней трудились 30 тысяч египтян и 2 тысячи советских специалистов.

404

«Совершил самоубийство» – в 1967 г., после поражения в 6-дневной войне с Израилем и ареста, НАСЕР предложил АМЕРУ выбор: предстать перед судом (который приговорит его к смерти) или выпить яд. Амер выбрал второе.

405

Будущий писатель ФУРМАНОВ Дмитрий Андреевич (1891–1926) в 1920 г. был заведующим политотделом 9-й армии на Северном Кавказе.

406

Война 1967–1970 гг. между основной частью Нигерии и отделившейся от нее на востоке Республикой Биафра.

Перекрытие русла, т. е. отвод вод реки от основного русла во временный канал, чтобы можно было возвести плотину, произошло в мае 1964 г. Возвращение Нила на старое место в Асуане осуществили в 1970 г.

408

Маршал Советского Союза Андрей Антонович ГРЕЧКО, заместитель министра обороны СССР и одновременно (1960–1967) главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами государств – участников Варшавского договора.

409

БЕН БЕЛЛА Ахмед (1916–2012). В период Второй мировой войны воевал во французском Сопротивлении. В 1954 г. основал Национальный Освободительный фронт Алжира. В 1956–1962 гг. во французской тюрьме. После провозглашения Алжиром независимости в 1962–1963 гг. премьер-министр, а в 1963–1965 гг. президент. В 1965 г. свергнут в результате военного переворота, совершенного его заместителем и министром обороны полковником Хоуари Бумидьеном. Жил в эмиграции во Франции и Швейцарии. В 1990 г. вернулся в Алжир.

410

АС-САЛЯЛЬ Абдель (Абдулла) (1917–1994) – полковник, до 1962 г. начальник королевской охраны, впоследствии маршал. В 1962–1964 гг. премьер-министр вновь провозглашенной, после свержения короля в 1962 г., Йеменской Арабской Республики, а в 1964–1967 гг. ее президент.

411

После военного переворота в Ираке 8 февраля 1963 г. президентом стал АРЕФ Абдель Аль-Салам (1921–1966). В 1966 г. погиб при катастрофе вертолета. Премьер-министром с февраля по ноябрь в 1963 г. был БАКР Ахмед Хасан. 18 ноября 1963 г. АРЕФ осуществил новый военный переворот, упрочив власть. Премьер-министром стал ЯХЬЯ Тахир (1963–1965).

412

Это событие произошло 14 мая 1964 г. Министр Асуанской плотины – Мухаммед Сидки СУЛЕЙМАН.

413

Встреча произошла 13 мая 1964 г.

414

Митинг состоялся на стадионе в городе Асуан в 6 часов вечера 16 мая 1964 г.

415

18 сентября 1962 г. король Ахмед ибн ЯХЬЯ скончался. Наследный принц 38-летний Сейф-уль-Ислам Мухаммад АЛЬ-БАДР (ЭЛЬ-БАДР), в руках которого были посты премьер-министра, министра внутренних и иностранных дел, обороны и губернатора Саны, был провозглашён новым королём Йемена и имамом (духовным главой) мусульманской шиитской секты зейдитов. На троне он продержался с 19 по 26 сентября 1962 г. и был свергнут тайной организацией «Свободные офицеры», провозгласившей Йеменскую Арабскую Республику, президентом которой стал полковник АС-САЛЯЛЬ Абдель (Абдулла), произведенный немедленно в бригадные генералы. АЛЬ-БАДР (ЭЛЬ-БАДР) бежал в Саудовскую Аравию, откуда предпринимал попытки реставрировать монархию.

416

Сказка (1834 г.) писателя Петра Павловича ЕРШОВА.

417

15 мая 1964 г. советская делегация перелетела в город Рас-Бенас на берегу Красного моря, в 320 км от Асуана, провела совещание на борту президентской яхты «Сирия» и в тот же день вернулась в Асуан.

418

«На дачу» – летняя резиденция НАСЕРА в районе Маамур города Александрия. Визит состоялся 23 мая 1964 г.

419

Фараон РАМСЕС I – основатель XIX династии, правил в 1294–1295 гг. до новой эры.

420

САБРИ Али (1920–1991) был премьер-министром с сентября 1962-го по октябрь 1965 г., затем вице-президентом Египта. После смерти президента Насера в 1970 г. его преемник Анвар Я в мае 1971 г. сместил САБРИ со всех постов и заключил в тюрьму по обвинению в заговоре.

«Образцовое хозяйство» было заложено на 4000 га орошаемой земли, возделывало хлопок и другие культуры.

422

Организация договора Юго-Восточной Азии (английская аббревиатура – СЕАТО) – военно-политический блок США, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Пакистана и Филиппин, созданный 8 сентября 1954 г. и вступивший в силу 19 февраля 1955 г. Существовал до 1977 г.

423

Коллективный псевдоним группы русских писателей, под которым в 1859–1863 гг. публиковались литературные пародии, политические сатиры и бытовые афоризмы.

424

Мохаммед Реза ПЕХЛЕВИ (1919–1980), шахиншах Ирана в 1941–1979 гг.

425

Соглашения от 13 января 1966 г., 23 октября 1966 г. и 22 июня 1968 г. (создание гидроэнергетического узла на р. Аракс и пр.).

426

Советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. (вступил в силу 29 апреля 1926 г.) был объявлен в Москве 16 марта 1945 г. утрачивающим свою силу и спустя 6 месяцев денонсирован.

427

Эта запись воспоминаний сделана в 1967 г.

428

В 1958 г. Египет и Сирия образовали Объединенную Арабскую Республику. После выхода Сирии из ОАР в 1961 г. Египет сохранял название ОАР до 1971 г., когда принял название Арабской Республики Египет.

429

Сирия, после распада Оттоманской империи, находилась под французским контролем в 1919–1943 гг.

430

28 сентября 1961 г. сирийские армейские офицеры совершили политический переворот, приведший к выходу Сирии из ОАР. Вице-президент ОАР, главнокомандующий ее вооруженными силами, маршал АМЕР с 1959 г. руководил всеми членами Исполнительного совета Сирийского района ОАР и обладал чрезвычайными полномочиями, олицетворяя собой, таким образом, египетское правление в Сирии. АМЕР (Амир) Абдель Хаким (1919–1967). Маршал. В 1939 г. окончил Королевскую военную академию в Каире. Воевал в арабо-израильской войне 1948 г. Один из лидеров революции 1952 г. Командовал объединенными сирийско-египетскими войсками по отражению англо-франко-израильского нападения в период Суэцкого кризиса 1956 г. С 1958 г. вице-президент Египта и военный министр, а с 1964 г. заместитель главнокомандующего. После поражения в шестидневной войне против Израиля в июне 1967 г. отставлен от всех постов. В августе 1967 г. арестован по обвинению в заговоре против НАСЕРА (совместно с рядом других офицеров). Покончил с собой.

431

У ТАН (1909–1974) – исполняющий обязанности генерального секретаря (1961–1962 гг.) и генеральный секретарь (1962–1971 гг.) Организации Объединенных Наций.

432

«Закрывают Акабский залив»: Красное море в своем северном окончании раздваивается на два узких залива: Суэцкий, ведущий к Суэцкому каналу, и Акаба, достигавший территории Израиля, его порт Эйлат.

433

ДАЯН Моше (1915–1981) – участник борьбы антифашистов в 1941 г. с петэновцами во французской Сирии, командующий группами израильских войск на сирийском и иерусалимском фронтах во время арабо-израильской войны 1948–1949 гг., начальник генерального штаба Израиля в 1953–1958 гг. (в 1956 г. руководил боевыми действиями в Синайской операции), министр обороны в 1967–1974 гг.

434

Имеется в виду поражение под Нарвой 19 (30) ноября 1700 г. русских войск от армии шведского короля КАРЛА XII в Северной войне (1700–1721 гг.).

435

САВИНКОВ Борис Викторович (1879–1925) – политический деятель, публицист, писатель, один из руководителей «Боевой организации» партии эсеров в 1903–1917 гг., товарищ военного министра Временного правительства в 1917 г., входил в 1918 г. в состав Русского политического совещания в Париже, по поручению которого участвовал в переговорах с правительствами стран Антанты. Еще в начале 1918 г. он впервые встретился с У. ЧЕРЧИЛЛЕМ (в то время – министр военного снабжения) как лидер «Союза защиты родины и свободы», поддерживаемого финансами стран Атланты, для уточнения деталей английской интервенции на советском Севере. В Архангельске ее десант высадился 2 августа 1918 г. Организатор многих террористических актов.

436

«Синайский полуостров» площадью в 59 тысяч кв. км – гористая и пустынная территория между заливами Суэцким и Акаба.

Согласно мирному договору между Египтом и Израилем, заключенному 26 марта 1979 г. в Кэмп-Дэвиде (США), Израиль отвел свои войска из Синая, а Египет признал государство Израиль.

437

То есть повторить Полтавскую битву 26 июня (8 июля) 1709 г., в которой русская армия во главе с ПЕТРОМ I разгромила шведскую армию во главе с КАРЛОМ XII.

Эта запись воспоминаний сделана Н.С. ХРУЩЕВЫМ в 1970 г.

439

МЕРЕЦКОВ Кирилл Афанасьевич (1897–1968) – Маршал Советского Союза с 1944 г. Из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1917 г., красногвардеец, в Красной Армии с 1918 г., участник Гражданской войны, занимал ответственные штабные, политические и командные должности, участник национально-революционной войны в Испании с 1936 г., в описываемое время командовал на Карельском перешейке 7-й армией, которая прорывала «линию Маннергейма», затем ком. войсками Ленинградского ВО. С 1940 г. – заместитель наркома обороны и начальник Генерального штаба. 23 июня 1941 г. арестован и находился под следствием с конца июня по конец августа 1941 г., 6 сентября освобожден и отправлен на фронт. В 1941–1945 гг. командовал армиями, а также войсками Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов, до 1955 г. командующий войсками ряда военных округов, затем помощник министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям; член ЦРК в 1956–1961 гг., с 1964 г. Генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов МО СССР, т. е. в почетной отставке.

440

ГРЕЧКО Андрей Антонович (1903–1976) – Маршал Советского Союза (1955). В Красной Армии с 1919 г., участник Гражданской войны, рядовой. В 1926 г. окончил кавалерийскую школу, в 1936 г. Военную академию им. Фрунзе, в 1941 г. Академию Генерального штаба. С октября 1941 г. полковник. В 1941 г. на Южном фронте командовал дивизией, потом корпусом, с 1942 г. армией на Северном Кавказе. С декабря 1943 г. зам. командующего Воронежским (1-м Украинским) фронтом (командующий Н.Ф. Ватутин, первый член Военного совета – Н.С. Хрущев). После войны командовал Киевским военным округом, а с 1953 г. главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1957–1960 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками СССР. В 1960–1967 гг. главнокомандующий Объединенными войсками стран Варшавского договора. С 1967 г. министр обороны СССР и с 1973 г. член Политбюро ЦК КПСС.

441

СКРИПКО Николай Семенович (1902–1987). С 1944 г. маршал авиации. С 1919 г. в Красной Армии. Во время войны с немцами 1941–1945 гг. командовал авиакорпусом дальнего действия, был заместителем командующих ряда фронтов по авиации, участвовал в обороне Ленинграда, в Сталинградской и Курской битвах. В 1950–1969 гг. командовал транспортно-десантной авиацией.

В этом случае речь идет о двух аналогичных событиях, первое – лето 1957-го и второе – лето 1958 г.

В 1957 г. американцы, с привлечением вооруженных сил Турции и Иордании, планировали захватить Дамаск и организовать смену власти в Сирии. Н.С. ХРУЩЕВ в качестве ответной меры назначил маршала К.К. РОКОССОВСКОГО командовать войсками Закавказского военного округа, пограничного с Турцией. Турки намек поняли, от нападения на Сирию отказались, и коалиция распалась.

Второе событие произошло после свержения королевской власти в Ираке в ночь с 13 на 14 июля 1958 г. 15 июля 1958 г. американские морские пехотинцы высадились в Ливане, а Советский Союз начал описываемые в тексте военные демонстрации на границах Турции и Ирана. Там сигнал тоже поняли и от вторжения отказались, а в одиночку американцы действовать не захотели.

В этот период в Сирии началось острое противостояние коммунистов и других левых сил с националистами партии БААС и их союзниками. В конце концов баасисты взяли верх.

444

Генерал КАСЕМ – первый премьер-министр республиканского Ирака (1958–1963), был свергнут в 1963 г. националистами баасистами во главе с Абдель Салам АРЕФОМ.

445

Нури САИД был министром обороны и премьер-министром Ирака при власти короля ФЕЙСАЛА ибн Али, посаженного на иракский трон в 1921 г. англичанами, получившими Ирак под свою опеку, после раздела Оттоманской империи в 1919 г. В 1916–1918 гг. он принимал участие в организованном агентом британской разведки Лоуренсом АРАВИЙСКИМ арабском восстании против турок. В 1945 г. участвовал в учреждении Лиги арабских государств. В 1949 г. отдал приказ о смертной казни лидеров компартии Ирака. Занимал прозападную позицию, в 1954 г. подписал договор о вхождении Ирака в организованный американцами военный союз – Багдадский пакт. В мае 1958 г. подал в отставку, но это ему не помогло, в июле того же года он был убит восставшими, а его труп привязали к грузовику и таскали по всему Багдаду.

446

Аден – порт на Аравийском полуострове в «устье» Красного моря, известен 3000 лет как торговый центр на пути из Индии в Европу. Особую значимость он приобрел после открытия в 1869 г. Суэцкого канала. Находился под британском контролем до 1967 г. Затем стал столицей Южного Йемена, до его объединения в 1990 г. с Северным Йеменом.

447

Порт на берегу Красного моря в 100 км от Саны.

448

Отец принца ЭЛЬ-БАДРА, имам (король) Ахмед ибн ЯХЬЯ, захватил трон в 1948 г., убив своего отца имама ЯХЬЯ.

449

Рабство официально запретили в 1962 г.

450

18 сентября 1962 г. король Ахмед ибн ЯХЬЯ скончался. Наследный принц 38-летний Сейф-уль-Ислам Мухаммад АЛЬ-БАДР (ЭЛЬ-БАДР), в руках которого были посты премьер-министра, министра внутренних и иностранных дел, обороны и губернатора Саны, был провозглашён новым королём Йемена и имамом (духовным главой) мусульманской шиитской секты зейдитов. На троне он продержался с 19 по 26 сентября 1962 г. и был свергнут тайной организацией «Свободные офицеры», провозгласившей Йеменскую Арабскую Республику, президентом которой стал полковник АС-САЛЯЛЬ Абдель (Абдулла), произведенный немедленно в бригадные генералы. АЛЬ-БАДР (ЭЛЬ-БАДР) бежал в Саудовскую Аравию, откуда предпринимал попытки реставрировать монархию.

451

Гражданская война в Йемене продолжалась до марта 1970 г. Она затянулась, так как за спиной монархистов стояла Саудовская Аравия (где обосновался ЭЛЬ-БАДР), Иордания и Великобритания, а республиканцев поддерживал и снабжал Египет. В 1970 г., после военной победы республиканцев, противоборствующие силы пришли к соглашению, в результате которого монархисты были допущены к некоторым правительственным постам.

452

Республика Гвинея расположена на западном побережье Африки, между Сенегалом и Мали на севере и Сьерре-Леоне и Либерией на юге. Площадь 246 тысяч кв. км. Население около 9 млн, большинство мусульмане. Столица Конакри. Она стала французской колонией в 1880 г. и получила независимость в 1958 г.

453

СЕКУ ТУРЕ Ахмед (1922–1984). Из бедной семьи. В молодости – профсоюзный активист. В 1947 г. избран генеральным секретарем Демократической партии Гвинеи. В 1956 г. стал мэром столицы Гвинеи Конакри. С 1958 г., после провозглашения независимости Гвинеи, – ее президент. В 1978 г. в своей политике переориентировался с Советского Союза на США.

454

Гвинея вышла из финансовой зоны французского франка в 1960 г., введя национальную валюту – гвинейский франк.

455

Гвинейская республика была провозглашена 2 октября 1958 г. (согласно результатам референдума от 28 сентября).

456

Алжир – государство на севере Африки, на побережье Средиземного моря, между Марокко, Мавританией и Мали на западе и Тунисом, Ливией и Нигером на востоке. Столица Алжир. Площадь 2382 тысячи кв. км, население 31 млн человек, арабы и берберы – большинство мусульмане. В 1834 г. стал французской колонией, в 1962 г. добился независимости. Франция признала независимость Алжирской Республики после того, как 1 июня 1962 г. большинство ее граждан во время референдума высказалось за независимость.

457

БЕН БЕЛЛА Ахмед (1916–2012). В период Второй мировой войны воевал во французском Сопротивлении. В 1954 г. основал Национальный Освободительный фронт. В 1956–1962 гг. во французской тюрьме. После провозглашения Алжиром независимости в 1962–1963 гг. премьер-министр, а в 1963–1965 гг. президент. В 1965 г. свергнут в результате военного переворота, совершенного его заместителем и министром обороны полковником Хоуари Бумидьеном. Жил в эмиграции во Франции и Швейцарии. В 1990 г. вернулся в Алжир.

458

Армия отстранила Ахмета Бен БЕЛЛУ от руководства 19 июня 1965 г. Власть захватил Революционный совет во главе с полковником Хоуари БУМЕДЬЕНОМ. В июле им было сформировано новое правительство.

459

БУМЕДЬЕН Хоуари (1932–1978) – активный участник национально-демократической революции, с 1957 г. полковник, с 1962 г. министр национальной обороны, в 1963–1965 гг. первый заместитель председателя Совета министров, с 1965 г. председатель Революционного совета и Совета министров, с декабря 1976 г. президент.

После отстранения от власти Бен БЕЛЛА содержался под домашним арестом. Затем был выслан за границу, жил во Франции и Швейцарии. В 1990 г. ему разрешили вернуться в Алжир.

461

С 1920 г. существовали алжирские секции в составе Французской компартии. В 1936 г. Алжирская компартия провозглашена как самостоятельная. С 1955 г. находилась в подполье и после провозглашения Алжирской Республики не была легализована. С 1964 г. ее члены стали вступать в ряды партии Фронта национального освобождения Алжира. Возродилась в 1968 г. как Партия социалистического авангарда Алжира.

462

Республика Гана расположена в Западной Африке, на побережье Атлантического океана между Кот-д'Ивуаром с севера, Буркина-Фасо с востока и Того с юга. Столица Аккра. Площадь 238 тысячи кв. км. Население 19 млн человек, принадлежащих к различным африканским народностям, вероисповедание – мусульмане, христиане и сторонники местных религий. В XIX в. стала колонией Великобритании, в 1957 г. обрела независимость.

НКРУМА Кваме (1909–1972) – основатель (в 1949 г.) Народной партии конвента Золотого Берега, в 1952–1957 гг. возглавлял его правительство, затем до 1960 г. был премьер-министром Республики Ганы и до 1966 г. ее президентом. Смещен с должности в результате военного переворота.

«Свергнув передовой режим в Гане» – ныне рассекреченные документы свидетельствуют, что за спиной заговорщиков, свергнувших Нкруму, стояли США и они финансировались ЦРУ.

26 февраля 1966 г., когда К. НКРУМА находился на пути в Ханой, высшие офицеры захватили власть, распустив Народную партию конвента и запретив политическую деятельность. После этого в Гане произошел еще ряд военных переворотов.

На самом деле Секу ТУРЕ объявил Кваме НКРУМУ почетным сопрезидентом Республики Гвинея.

Мали расположена в Западной Африке. С Запада граничит с Гвинеей, а на северо-востоке – с Алжиром. Площадь – 1 млн 240 тыс. кв. км. Население 10,5 млн человек. Столица Бамако. В середине 1890-х годов эти, в основном пустынные, территории были захвачены французами и получили название Французский Судан. 22 сентября 1960 г. прежняя Суданская республика была провозглашена независимой Республикой Мали и вышла из Французского Сообщества.

КЕЙТА Модибо (1915–1977) был в 1947–1968 гг. генеральным секретарем партии Суданский союз и в 1960–1968 гг. президентом и главой правительства Республики Мали. Отстранен от власти в результате военного переворота и заключен в тюрьму. В момент, когда Н.С. ХРУЩЕВ диктовал свои воспоминания, он был жив. Умер в тюрьме в 1977 г.

467

Сомали расположен на северо-востоке Африки, на побережье Индийского океана и Аденского залива. С запада граничит с Эфиопией и Кенией. Площадь 638 тысяч кв. км. Население 7,4 млн человек. Сомалийцы – мусульмане. Столица Могадишо. В XIX в. территорию поделили Великобритания, Италия и Франция. 26 июня 1960 г. получил независимость британский Сомалиленд, 1 июля 1960 г. – итальянское Сомали, после чего они объединились в Сомалийскую Республику.

468

Севернее Сомали находится Эритрея – территория, расположенная на берегу Красного моря, между Сомали и Эфиопией. С 1890 г. колония Италии Эритрея. Во время Второй мировой войны оккупирована Великобританией. В 1952 г. завоевана Эфиопией, а с 1993 г. независимое государство. Площадь 93 тыс. кв. км. Население 4 млн человек – мусульмане и христиане. Столица Асмэра.

469

Эфиопия расположена на севере Африки, граничит на юге с Сомали и Кенией, на западе – с Суданом и на северо-востоке – с Эритреей. Площадь 1,1 млн кв. км. Население 59,7 млн человек – христиане и мусульмане. Столица Аддис-Абеба. Независимое государство в Африке. До 1976 г. королевство, потом республика.

470

«Исторические права на нее» основывались на том, что в XIII – XVI вв. территория Эритреи входила в состав Эфиопской империи. В 1952 г. Эфиопия захватила Эритрею, где началась освободительная война. Страна обрела независимость в 1993 г.

471

ТЭФЭРИ МЭКОННЫН (1892–1975), после коронации – ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ I, император Эфиопии в 1930–1974 гг. Свергнут антифеодальной революцией.

472

15 октября 1969 г. был убит президент Сомали Абдурашид ШЕРМАК (1919–1969), один из основателей государства, премьер-министр в 1960–1964 гг. и президент в 1967–1969 гг. В 1969 г. его свергли военные во главе с начальником штаба генералом Мохаммедом Саидом БАРРЕ (1919–1995) и установили власть Верховного революционного совета во главе с БАРРЕ. В 1969 г. БАРРЕ стал президентом страны. Он ориентировался на СССР, что побудило императора Эфиопии качнуться в сторону США. После государственного переворота в Эфиопии в 1974 г. новое республиканское правительство обратилось за помощью к СССР и вслед за этим Сомали заняло проамериканскую позицию.

473

Королевство Марокко расположено в Северо-Западной Африке, с запада омываемое водами Атлантического океана, а с севера – Средиземного моря. С востока он граничит с Алжиром, а с юга – с Западной Сахарой. Площадь 447 тысяч кв. км. Население 28 млн человек, арабы и берберы – мусульмане. Столица Рабат. С XV в. там господствовали португальцы, после них испанцы и последними стали (в 1912 г.) французы. В марте 1956 г. королевство провозгласило независимость и стало конституционной монархией.

474

ХАСАН II (1929–1999 г.) – король Марокко в 1961–1999 гг. Окончил университет в Бордо, Франция. В 1961 г. унаследовал трон после смерти отца Мухаммеда V и правил до смерти. Одновременно в 1961–1963 гг., в 1965–1967 гг. глава правительства.

475

МОХАММЕД V(1909–1961) в 1927–1953 гг. и в 1955–1957 гг. султан Марокко. Вслед за претензией на независимость от Франции был вынужден по приказу французов покинуть страну и в 1953–1955 гг. жил в вынужденной эмиграции на острове Мадагаскар, тоже французской колонии. Вернулся на трон в 1957 г. Король Марокко в 1957–1961 гг. Умер 26 февраля 1961 г., через две недели после встречи с Л.И. БРЕЖНЕВЫМ.

Л.И. БРЕЖНЕВ пребывал в Марокко 9–11 февраля 1961 г., остановившись по пути в Гвинею, куда он наносил официальный визит как Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

476

Начиная с XIV в. город Триест наибольший период времени принадлежал Австрии. В 1919 г., после распада Австро-Венгерской империи, он перешел под контроль Италии. В 1943–1945 гг. Триест оккупировали немецкие войска. После Второй мировой войны и до 1947 г. он находился под контролем американо-английской военной администрации, а затем Триест, совместно с прилегающими территориями, объявили «Свободной территорией», но под контролем все той же администрации. По югославско-итальянскому договору 1954 г. сам Триест и территории к западу от него перешли к Италии, а земли к востоку от города – к Словении, республике в составе Югославии.

477

МОЛОТОВ (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – член КПСС с 1906 г., участник революционного движения, с 1919 г. председатель Нижегородского губисполкома, секретарь Донецкого губкома РКП(б), в 1921–1930 гг. секретарь ЦК партии, в 1930–1941 гг. председатель Совнаркома СССР, в 1942–1957 гг. первый зам. председателя СНК (Совмина) СССР, в 1941–1945 гг. зам. председателя Государственного Комитета Обороны, в 1939–1949 гг. и 1953–1956 гг. нарком иностранных дел СССР, с 1957 г. посол в Монголии, в 1960–1962 гг. постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии, в разные годы член ЦК, Оргбюро ЦК и Политбюро ЦК, ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР в 1937–1958 гг. В июне 1957 г. снят с партийных постов за фракционную деятельность.

ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954) – из дворян, член РСДРП (меньшевиков) с 1903 г., член РКП (большевиков) с 1920 г., юрист, после 1917 г. на общественной, административной, преподавательской и судебной работе, в 1925–1928 гг. ректор 1-го Московского университета, затем член коллегии Наркомпроса РСФСР, с 1931 г. в органах юстиции, с 1935 г. прокурор СССР, в 1939–1944 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР, в 1940–1949 гг. заместитель министра и в 1949–1953 гг. министр иностранных дел, далее постоянный представитель СССР в ООН; член ЦК ВКП(б) с 1939 г.

479

МИКОЯН Анастас Иванович (1895–1978) – из рабочих, член РСДРП с 1915 г., в годы Гражданской войны участник борьбы за Советскую власть в Закавказье, с 1920 г. занимал ответственные партийные посты, в 1926–1949 гг. нарком (министр) внешней и внутренней торговли, снабжения, пищевой промышленности, торговли, с 1937 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР, во время Великой Отечественной войны член Государственного Комитета Обороны, с 1946 г. заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1955 г. первый его заместитель, в 1964–1965 гг. Председатель (с 1965 г. член) Президиума Верховного Совета СССР, с 1974 г. на пенсии; член ЦК партии в 1923–1975 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК партии в 1935–1966 гг.

480

ТРЕНЕВ Константин Андреевич (1876–1945). Писатель. Рассказы о деревне. Пьесы: «Пугачевщина» (1924), упомянутая в тексте воспоминаний «Любовь Яровая» (1926), «На берегу Невы» (1937).

В 1949 г. Восстановлены в 1955–1956 гг.

Каринтия. С XIV в. принадлежала Австрии, а в 1919 г. разделена между Австрией, Югославией и Италией.

483

РААБ Юлиус (1891–1964) – вице-председатель в 1945–1951 гг. и председатель в 1951–1960 гг. Австрийской народной партии, в 1953–1961 гг. федеральный канцлер Австрии.

КРАЙСКИЙ Бруно (1911–1990) – вице-председатель в 1959–1967 гг. и председатель в 1967–1983 гг. Социалистической партии Австрии, в 1953–1959 гг. статс-секретарь МИД, министр иностранных дел в 1959–1966 гг., федеральный канцлер в 1970–1983 гг.

485

Первый посол СССР в послевоенной Австрии ИЛЬИЧЕВ Иван Иванович (1905–1983) – заместитель политического советника Советской контрольной комиссии в Германии (1949–1952), глава дипломатической миссии СССР в ГДР (1952–1953), Верховный комиссар СССР в Австрии (1953–1955) и посол (1955–1956) в Австрии.

То есть подписали в Вене 15 мая 1955 г. Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. 26 октября 1955 г. австрийский парламент принял закон о постоянном нейтралитете.

487

«Гостил у посла» – Н.С. ХРУЩЕВ во время своего визита в Австрию 30 июня – 6 июля 1960 г. гостил у АВИЛОВА Виктора Ивановича (1900 – между 1996 и 2001). Посол в Австрии в 1960–1965 гг.

488

КАЛИНИН Михаил Иванович (1875–1946) – крестьянин, затем рабочий, член РСДРП с 1898 г., активный участник пролетарского движения и трех российских революций, в 1917 г. городской голова Петрограда, в 1918 г. комиссар городского хозяйства Петрограда, с 1919 г. Председатель ВЦИК, с 1922 г. Председатель ЦИК СССР, с 1938 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР; член ЦК партии с 1919 г., с 1926 г. член Политбюро ЦК партии.

489

Австрийскому государству СССР передал бывшие германские активы, ряд предприятий, нефтяные поля и имущество Дунайской судоходной компании.

490

Последние оккупационные войска покинули Австрию 25 октября 1955 г.

491

Хрущев возглавил Совет Министров СССР в 1958 г.

492

КОСЫГИН Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель. В 1935 г. окончил Ленинградский текстильный институт. В 1937–1938 гг. директор фабрики в Ленинграде. В 1938–1939 гг. председатель Ленинградского горисполкома. В 1939–1940 гг. нарком текстильной промышленности. В 1940–1956 гг. и 1957–1960 гг. заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР. В 1956–1957 гг. первый заместитель председателя Госплана СССР, а в 1959–1960 гг. председатель Госплана СССР. В 1960–1964 гг. – первый заместитель, а в 1964–1980 гг. – председатель Совета Министров СССР. В 1948–1952 гг. и 1960–1980 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.

493

КУРАСОВ Владимир Васильевич (1897–1973) – генерал армии (1948), в Красной Армии с 1918 г. В 1938 г. окончил Академию Генерального штаба. В 1940–1945 гг. в Генеральном штабе, затем начальник штаба ряда армий и фронтов. В 1945–1946 гг. заместитель главнокомандующего Группы советских войск в Германии, в 1946–1949 гг. – главнокомандующий Центральной группой войск. В 1949–1956 и 1961–1963 гг. – начальник Академии Генерального штаба. В 1956–1961 гг. – начальник Военно-научного управления Генерального штаба. С 1968 г. Генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов МО СССР, т. е. в почетной отставке.

494

Н.С. ХРУЩЕВ посетил металлургический завод в Линце, и он говорит о конверторе типа Линц-Донавиц, разработанном в Линце, вошедшем в эксплуатацию в 1950-е гг. Донавиц – городок поблизости от Линца. В конверторе кислород продувается сквозь расплав и выжигает из него углерод примерно в течение 45 минут, тогда как в мартеновской печи та же процедура растягивается до 5 часов. Начиная с 1950-х гг. на Западе конверторы практически вытеснили применявшиеся ранее, с конца XIX в., мартеновские печи.

495

КАРБЫШЕВ Дмитрий Михайлович (1880–1945) – строитель фортов Брестской крепости в 1911–1914 гг., генерал-лейтенант инженерных войск с 1940 г. На месте его гибели в Маутхаузене поставлен в 1962 г. памятник.

496

БРАНДТ Вилли (Фрам Герберт Эрнст) (1913–1992). В Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) вступил в 1930 г. В 1957–1966 гг. бургомистр Западного Берлина. В 1966–1969 годах министр иностранных дел и вице-канцлер Федеративной Республики Германии (ФРГ). В 1969–1974 гг. федеральный канцлер.

То есть стал федеральным канцлером ФРГ (1969–1974 гг.).

Это произошло в 1970 г.

499

Так называлась у нас в то время Федеративная Республика Германия.

500

АДЕНАУЭР Конрад (1876–1967) являлся в 1917–1933 гг. обер-бургомистром г. Кельна, в 1920–1932 гг. был председателем Государственного совета Пруссии, с 1946 г. возглавлял Христианско-демократический союз в Западной Германии, в 1955 г. пошел на установление дипломатических отношений Западной Германии с СССР, в 1949–1963 гг. был федеральным канцлером ФРГ. Умер 19 апреля 1967 г. на своей вилле в Рёндорфе в возрасте 91 года.

501

То есть ХДС (Христианско-демократический союз).

502

Потсдамская конференция союзных государств (17 июля – 2 августа 1945 г.), наряду с прочими решениями, достигла соглашения о репарациях с Германией. При этом репарационные претензии СССР удовлетворялись изъятиями из хозяйства Германии в советской зоне оккупации, из германских вложений за границей и получением четверти промышленного капитального оборудования, изымаемого союзниками в западных зонах оккупации.

503

КИЗИНГЕР Курт Георг (1904–1988) работал в 1940–1945 гг. в германском Министерстве иностранных дел, в 1966–1969 гг. был федеральным канцлером ФРГ, в 1967–1971 гг. возглавлял ХДС.

504

АРНОЛЬД Карл (1901–1958) – активист Христианского рабочего движения в Веймарской республике. После войны присоединился к христианским демократам, занимал руководящие посты в Земле Северный Рейн – Вестфалия. В 1949–1950 гг. председатель в бундесрате. В 1956 г. избран заместителем председателя Христианско-демократического союза.

505

ШМИДТ Хельмут (1918–2015) – с 1953 г. депутат бундестага от Социал-демократической партии Германии, в 1967–1969 гг. возглавлял ее фракцию в бундестаге и в 1968–1983 гг. заместитель председателя СДПГ. В 1969–1974 гг. министр обороны, хозяйства и финансов, в 1974–1982 гг. федеральный канцлер ФРГ. С 1983 г. соиздатель еженедельника «Die Zeit».

506

ХАЛЬШТЕЙН Вальтер (1901–1982) – профессор, юрист. С 1951 г. статс-секретарь при канцлере Аденауэре. Затем работает в Министерстве иностранных дел, где он сформулировал доктрину Хальштейна. В 1958–1967 гг. первый президент Европейского экономического союза.

Сводилась к признанию властей ФРГ единственным представителем немецкого народа, выступающим от имени всей Германии, и к отрицанию юридического значения ГДР. Прекратила свое существование после подписания в 1972 г. договора между ГДР и ФРГ об основах отношений между ними.

508

АБАКУМОВ Егор Трофимович (1895–1953) – инженер, в 1930 г. окончил Московский горный институт. В 1920-е гг. на хозяйственной работе в угольной отрасли Донбасса, автор ряда оригинальных разработок по методам проходки шахтных стволов. В 1933–1939 гг. зам. начальника, начальник Метростроя. С 1939 г. в Наркомате (Министерстве) угольной промышленности. Лауреат Государственной премии (1947).

509

БОЛЕН Чарльз Е. (1904–1974) работал в американских посольствах в Чехословакии, Франции, СССР (1934–1936, 1937–1940, 1943–1944), Японии и в Госдепартаменте, в 1944–1946 гг. помощник государственного секретаря США, в 1947–1949 гг. и 1951–1953 гг. советник Госдепартамента, в 1949–1951 гг. советник-посланник посольства во Франции. Послом в СССР был в 1953–1957 гг., далее – на Филиппинах и во Франции. С 1968 г. зам. госсекретаря, с 1969 г. в отставке.

510

АРНОЛЬД Карл в 1947–1956 годах был главой правительства Земли Северный Рейн – Вестфалия.

511

В нем говорилось об установлении дипломатических отношений между ФРГ и СССР. Они стали фактом с 13 сентября 1955 г., а в 1958 г. были дополнены консульским договором и соглашением по общим вопросам торговли и мореплавания.

512

Фирма «Крупп» – концерн с комбинированным горнодобывающим, сталелитейным, металлообрабатывающим, машиностроительным, автостроительным, судостроительным и авиастроительным производством. Помимо того, производит электроэнергию, проектирует и строит комплектные предприятия, ведет широкую торговлю.

513

Впервые социал-демократы Западной Германии вошли в коалиционное правительство в 1966 г., а первым социал-демократическим премьер-министром стал в 1969 г. В. БРАНДТ.

514

СССР заявил о прекращении состояния войны с Германией 25 января 1955 г.

515

19 октября 1957 г. дипломатические отношения ФРГ с Югославией были разорваны. С Румынией они были установлены 31 января 1967 г., а 31 января 1963 г. восстановлены отношения с Югославией.

516

5 марта 1946 г. лидер Консервативной партии Великобритании ЧЕРЧИЛЛЬ Уинстон в г. Фултоне (США) произнес речь, в которой провозгласил начало холодной войны между Западом и Востоком, как основу тенденций послевоенного развития мира, заявил, что их теперь разделил «железный занавес» и призвал к объединению англосаксонских стран для противостояния СССР, естественно, обвинив во всем этом СССР.

ЧЕРЧИЛЛЬ Уинстон Леонард Спенсер из рода герцогов Мальборо (1874–1965) – государственный и политический деятель, консерватор, журналист, писатель, полковник, почётный член Британской академии (1952), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953). В 1910–1911 гг. министр внутренних дел, в 1911–1915 гг. – первый лорд Адмиралтейства. После провала Дарданелльской операции уволен в отставку и в 1915–1916 гг. на фронте, командир батальона, полковник. В 1917–1919 гг. министр вооружений, в 1919–1921 гг. военный министр и министр авиации, а с 1921 г. министр колоний. В 1924–1929 гг. канцлер казначейства (министр финансов). Затем, потерпев поражение на выборах, занимается журналистикой. В 1940–1945 гг. и 1951–1955 гг. премьер-министр. Далее в отставке, но остается членом палаты общин.

517

Консервативное правительство ИДЕНА Антони, просуществовавшее с 6 апреля 1955 г. до 9 января 1957 г.

518

Консервативное (с участием национал-либералов и национал-лейбористов) правительство Стенли БОЛДУИНА функционировало с 7 июня 1935 г. до 28 мая 1937 г. Однако речь должна идти, по-видимому, о правительстве не БОЛДУИНА, а Невилла ЧЕМБЕРЛЕНА (тот же политический состав, с 28 мая 1937 г. до 10 мая 1940 г.), из-за разногласий с которым ИДЕН оставил пост министра иностранных дел в 1938 г.

ЧЕМБЕРЛЕН Артур Невилл (1869–1940) – предприниматель и государственный и политический деятель, консерватор. В 1915–1916 гг. лорд-мэр города Бирмингема. В 1923–1924 гг. и 1931–1937 гг. канцлер казначейства. В 1937–1940 гг. премьер-министр.

ИДЕН Антони (1897–1977) – британский государственный деятель и дипломат, консерватор. Член палаты общин (1923–1957). Министр иностранных дел (1935–1938, 1940–1945, 1951–1955). Премьер-министр Великобритании (1955–1957).

519

БУЛГАНИН Николай Александрович (1895–1975) – служащий, член РСДРП с 1917 г., с 1918 г. сотрудник ВЧК, с 1922 г. работник Высшего совета народного хозяйства СССР, с 1927 г. директор Московского электрозавода, с 1931 г. председатель Моссовета, с 1937 г. председатель Совнаркома РСФСР, с 1938 г. заместитель председателя Совнаркома СССР, в 1941–1943 гг. 1-й член военных советов ряда фронтов, с 1944 г. заместитель наркома обороны СССР и член Государственного Комитета Обороны. В 1947–1951 гг. и 1953–1955 гг. министр вооруженных сил СССР и заместитель, с 1953 г. 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР. Один из основных союзников Н.С. Хрущева в противостоянии с Л.П. Берией в 1953 г. С 1955 до 1958 г. председатель Совета Министров СССР. В 1947–1958 гг. носил звание Маршала Советского Союза. В 1957 г. примкнул к так называемой антипартийной группе сталинистов в Президиуме ЦК КПСС и в 1958 г. был разжалован в генерал-полковники, работал до 1960 г. председателем Ставропольского краевого совнархоза, потом пенсионер. В 1948–1958 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии; член ЦК партии в 1939–1959 гг.

520

МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович (1902–1988) – из служащих, член РКП(б) с 1920 г., с 1925 г. работник аппарата ЦК ВКП(б), с 1930 г. в Московском комитете партии, в 1934–1939 гг. заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), с 1939 г. секретарь ЦК партии (до 1953 г.) и начальник управления кадров ЦК, в 1941–1945 гг. член Государственного Комитета Обороны, с 1946 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1946–1953 гг. зам. председателя Совета Министров СССР. В 1953–1955 гг. председатель Совета Министров СССР, в 1955–1957 гг. министр электростанций СССР, член ЦК партии в 1939–1957 гг., за участие в так называемой антипартийной группе внутри ЦК КПСС освобожден в 1957 г. от прежних постов и переведен директором Усть-Каменогорской ГЭС, затем Экибастузской ТЭЦ, в 1961 г. исключен из рядов КПСС.

521

МОЛОТОВ (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – член КПСС с 1906 г., участник революционного движения, с 1919 г. председатель Нижегородского губисполкома, секретарь Донецкого губкома РКП(б), в 1921–1930 гг. секретарь ЦК партии, в 1930–1941 гг. председатель Совнаркома СССР, в 1942–1957 гг. первый зам. председателя СНК (Совмина) СССР, в 1941–1945 гг. зам. председателя Государственного Комитета Обороны, в 1939–1949 гг. и 1953–1956 гг. нарком иностранных дел СССР, с 1957 г. посол в Монголии, в 1960–1962 гг. постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии, в разные годы – член ЦК, Оргбюро ЦК и Политбюро ЦК, ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР в 1937–1958 гг. В июне 1957 г. снят с партийных постов «за фракционную деятельность».

522

ЭЙЗЕНХАУЭР Дуайт Дэвид (1890–1969) – профессиональный военный, 5-звездный генерал (эквивалент Маршала Советского Союза). С декабря 1943 г. главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе и после войны командующий оккупационными американскими войсками в Германии. В 1950–1952 гг. командующий войсками НАТО. В 1953–1961 гг. 34-й президент США.

523

ФОР Эдгар (1908–1988) – французский политик, эссеист, историк. Участник движения Сопротивления, в 1946 г. избран в парламент. С 1950 по 1973 г. занимал различные министерские посты в правительстве. С 23 февраля 1955 г. до 24 января 1956 г. возглавлял правительство партии радикалов и социальных республиканцев, Народно-республиканского движения, независимых, крестьянской группы, Демократического и социалистического союза Сопротивления, республиканского и социального действия. С 1973 по 1988 г. на выборных должностях в парламенте Франции и местных муниципалитетах.

524

ЖУКОВ Георгий Константинович (1896–1974) – Маршал Советского Союза (1943). Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. Участник Гражданской войны, рядовой. В 1920 г. в кавалерии, командир взвода, в 1923 г. – полка, в 1930 г. – бригады, в 1933 г. – дивизии, в 1938 г. – зам. командующего Западным военным округом. В 1939 г., во время военного конфликта с Японией на р. Халхин-Гол, командовал корпусом. В 1940 г. командующий Киевским военным округом, а с февраля 1941 г. начальник Генерального штаба Красной Армии. С 23 июня 1941 г. член Ставки Верховного Главнокомандования, а с 26 августа 1942 г. заместитель Верховного Главнокомандующего и в разное время командующий фронтами: Резервным, Ленинградским, Западным, 1-м Украинским и 1-м Белорусским. В 1942–1943 гг. координировал проведение Ржевской войсковой операции «Марс». После войны командовал: Группой советских войск в Германии, Сухопутными войсками, Одесским и Уральским военными округами. С 1953 г. – заместитель, а с 1955 г. – министр обороны СССР. С 1957 г. в отставке.

525

ДАЛЛЕС Джон Фостер (1888–1959) – юрист, специалист по международному праву, выпускник Принстонского университета, сотрудник, а с 1927 г. президент адвокатской конторы «Сэлливан энд Кромвелл». В 1945 г. участвовал в составлении Устава ООН. В 1946, 1947 и 1950 гг. – делегат США на Генеральных Ассамблеях ООН. Один из соавторов «плана Маршалла» восстановления экономики Западной Европы после Второй мировой войны. В 1950–1952 гг. советник Государственного секретаря США. В 1953–1959 гг. Государственный секретарь США, выдвинувший в 1954 г. политическую доктрину «на грани войны» со странами социалистического лагеря.

526

ЛЛОЙД Селвин (1904–1978) – британский политик, консерватор, член парламента с 1945 г. В 1954–1955 гг. министр снабжения. В 1955–1960 гг. министр иностранных дел и до 1962 г. второй лорд казначейства (министр финансов, первый лорд – премьер-министр). В 1971–1978 гг. спикер палаты общин, затем в отставке.

527

НЕРУ Джавахарлал (1889–1964). Окончив университет в Кембридже в 1912 г., вернулся в Индию юристом. В 1919 г., после расстрела протестовавших в Амритсаре, присоединился к движению за независимость. С 1929 г. четырежды избирался главой партии Индийский национальный конгресс, неоднократно и на большие сроки заключался в тюрьму. В 1946 г. сформулировал первое правительство независимой Индии. С 15 августа 1947 г. и до смерти премьер-министр.

528

АДЕНАУЭР Конрад (1878–1967) – немецкий политический деятель. В 1906–1933 гг. в партии Центра. В 1917–1933 гг. обер-бургомистр Кёльна, в 1920–1932 гг. председатель прусского Государственного совета. После прихода нацистов к власти в 1933 г. ушёл со своих постов. После окончания Второй мировой войны был в числе основателей партии Христианско-демократический союз, а в 1950–1966 гг. её председатель. В 1948–1949 гг. президент Парламентского совета. С сентября 1949 по октябрь 1963 г. федеральный канцлер Федеративной Республики Германии. Умер 19 апреля 1967 г. на своей вилле в Рёндорфе в возрасте 91 год.

529

Официально подписанный 20 сентября 1955 г. Договор об отношениях между СССР и ГДР (главное – советские войска в ГДР не вмешиваются в ее внутреннюю жизнь) с одновременным обменом правительственными письмами (главное – ГДР сама охраняет и контролирует свои границы, а также коммуникации между ФРГ и Западным Берлином).

Поездка состоялась с 18 по 27 апреля 1956 г.

531

КУРЧАТОВ Игорь Васильевич (1902–1960) – физик, организатор и руководитель работ по атомной науке и технике СССР, академик АН СССР с 1943 г., трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954). В то время директор Института атомной энергии.

532

ЮЗ Джордж (1814–1889) получил концессию на строительство завода в Донбассе и основал в 1869 г. акционерное общество, руководившее построенным в поселке Юзовка металлургическим заводом.

533

МАКМИЛЛАН Гарольд (1894–1986) – один из лидеров партии консерваторов, в 1956 г. министр финансов. В 1957–1963 гг. премьер-министр Великобритании.

534

Мохаммед ЭЛЬ-БАДР – наследный принц и с 16 сентября 1962 г. король Йемена. Свергнут 26 сентября 1962 г., в Йемене провозглашена Арабская Республика. Вышеупомянутое советско-йеменское соглашение официально было оформлено 8 марта 1956 г.

Колледж Св. Магдалины. Советскую делегацию сопровождал его президент в 1947–1968 гг. Томас БОАС (1898–1974).

536

ЕЛИЗАВЕТА II (род. в 1926 г.) вступила на престол в 1952 г.

537

Ту-104 – первый в СССР и второй в мире, после британской «Кометы», пассажирский реактивный самолёт, сделанный в 1954–1956 гг. на базе бомбардировщика Ту-16. В 1956 г., после катастрофы «Кометы», вызвавшей серьезную переделку конструкции, и до 1958 г. – единственный находившийся в эксплуатации, в мире самолет такого класса. В 1958 г. появился «Боинг-707».

538

НЕКРАСОВ Николай Алексеевич (1821–1878) – русский поэт, гражданская лирика о крестьянском быте, в том числе «Кому на Руси жить хорошо», издатель журнала «Современник» (1847–1866).

539

КИЛКЕННИН Виконт Томас Дж. П.Л., лорд (1903–1960), был первым лордом Адмиралтейства с 1951 по сентябрь 1956 г.

540

МАУНТБЕТТЕН (БАТТЕНБЕРГ) Луис (Луи) Френсис Альберт Виктор Николас (1900–1979) родился в семье принца Людвига Александра Баттенберга и его жены Виктории Гессен-Дармштадтской, сестры российской императрицы Александры Фёдоровны, в отрочестве провел некоторое время в России, где познакомился с царской семьей. В 1917 г. отказался от немецкой фамилии и стал зваться МАУНТБЕТТЕНОМ. Во время Первой и Второй мировых войн служил в Британском военном флоте. С октября 1943 г. верховный главнокомандующий союзными войсками на юго-восточноазиатском театре боевых действий. В 1947 г. последний вице-король Индии, а в 1947–1948 гг. ее последний генерал-губернатор. По его предложению Индию расчленили, выделив из нее Пакистан (план Маунтбеттена). По возвращении из Индии командовал эскадрой крейсеров на Средиземном море (1949–1950), а затем всем Средиземноморским флотом (1952–1954). В 1954–1959 гг. первый лорд Адмиралтейства. В 1959–1965 гг. начальник Штаба обороны Великобритании. С 1965 г. в отставке. В 1979 г., во время посещения Ирландии, убит борцами за независимость.

541

Встреча состоялась 20 апреля 1956 г. в Королевском военно-морском колледже (г. Гринвич).

542

Мария СТЮАРТ (1542–1587) – королева Шотландии от рождения (фактически правила с 1561 г.) и в 1559–1560 гг. королева Франции, как супруга короля ФРАНЦИСКА II. В 1567 г. низложена, а в 1587 г. казнена по приказу королевы Англии ЕЛИЗАВЕТЫ.

543

ГРЕЧКО Андрей Антонович (1903–1976) – Маршал Советского Союза (1955). В Красной Армии с 1919 г., участник Гражданской войны, рядовой. В 1926 г. окончил кавалерийскую школу, в 1936 г. Военную академию им. Фрунзе, в 1941 г. Академию Генерального штаба. С октября 1941 г. полковник. В 1941 г. на Южном фронте командовал дивизией, потом – корпусом, с 1942 г. – армией на Северном Кавказе. С декабря 1943 г. зам. командующего Воронежским (1-м Украинским) фронтом (командующий Н.Ф. ВАТУТИН, первый член Военного совета Н.С. ХРУЩЕВ). После войны командовал Киевским военным округом, а с 1953 г. главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1957–1960 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками СССР. В 1960–1967 гг. главнокомандующий Объединенными войсками стран Варшавского договора. С 1967 г. министр обороны СССР и с 1973 г. член Политбюро ЦК КПСС.

544

Британский офицер-подводник, командор КРЭББ Лионел, чье тело обнаружили в воде неподалеку от советского крейсера «Орджоникидзе».

Советские авиаконструкторы:

АНТОНОВ Олег Константинович (1906–1984) – инженер-авиастроитель, генеральный конструктор авиационной техники, в 1930 г. окончил Ленинградский политехнический институт. С 1933 г. главный конструктор планерного завода в Тушине. С 1938 г. ведущий инженер в ОКБ А.С. Яковлева. В 1940–1941 гг. главный конструктор завода в Ленинграде. С началом войны, в 1941–1943 гг., главный инженер планёрного управления Наркомата авиационной промышленности. С 1943 г. первый заместитель главного конструктора Яковлева, в 1946 г. руководил филиалом ОКБ в Новосибирске, с 1946 г. главный конструктор ОКБ-153 (в 1952 г. оно переведено в Киев), в 1966 г. – генеральный конструктор. (С 1984 г. ОКБ имени О.К. Антонова, с 1989 г. – Авиационный научно-технический комплекс «Антонов».) Создатель планёров: «Голубь», «Рот Фронт-1», «Рот Фронт-2», «Рот Фронт-3», «Рот Фронт-4», А-11, А-13, А-15; транспортных самолётов – Ан-8, Ан-12, Ан-26, Ан-22 «Антей», Ан-32, Ан-72, Ан-124 «Руслан», Ан-225 «Мрия», Ан-74; многоцелевых самолётов: Ан-2, Ан-14 «Пчёлка», Ан-30, Ан-28, Ан-3; пассажирских самолётов: Ан-10 и Ан-24. Академик АН УССР (1968) и СССР (1981), Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Ленинской (1962) и Государственной премий (1952).

ИЛЬЮШИН Сергей Владимирович (1894–1977) – инженер-авиастроитель, генеральный конструктор авиационной техники, в 1926 г. окончил Институт инженеров Красного Воздушного Флота (с 1922 г. – Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского). С 1931 г. начальник КБ ЦАГИ, а с 1933 г. самостоятельного ЦКБ при з-де им. Менжинского, с 1935 г. главный конструктор ОКБ-39, а с 1956 г. – генеральный конструктор, создатель бомбардировщиков ЦКБ-26, Ил-4 и Ил-28, штурмовиков Ил-2, Ил-10, Ил-40, пассажирских самолетов Ил-12, Ил-14, Ил-18, Ил-62, Ил-76 и др. Академик (1968), трижды Герой Социалистического Труда (1941, 1957, 1974), лауреат Ленинской (1960) и Государственных (1941, 1942, 1943, 1946, 1947, 1950, 1952, 1970) премий.

ГЕЙТСКЕЛЛ Хью Тодор Нейлор (1906–1963) возглавлял Лейбористскую партию с 1955 г.

547

БИВЕН Эньюрин (1897–1960) – с 1945 г. министр здравоохранения, создатель Национальной системы здравоохранения. Министр труда (1951 г.), и подал в отставку в связи с официальным курсом лейбористского правительства Климента Эттли на увеличение военных расходов.

548

ВИЛЬСОН Джеймс Гарольд (1916–1995) – лидер лейбористов и премьер-министр Великобритании в 1964–1970 гг. и 1974–1976 гг.

549

МОЛЛЕ Ги (1905–1975) – французский премьер-министр в 1956–1957 гг.; БЕН-ГУРИОН Дэвид (1886–1973) – премьер-министр и министр обороны Израиля в 1955–1963 гг. (с перерывом в 1961 г.).

550

Имеется в виду ЗИЛЛИАКУС Кони (1894–1971). Он симпатизировал СССР, из-за чего у него не раз возникали конфликты с руководством Лейбористской партии. Он был исключен из нее в 1949 г. и восстановлен в 1952 г. Однако позднее, являясь членом парламента, вновь протестовал против линии правого руководства партии.

551

То есть с ядерной силовой установкой. Он вступил в строй в 1959 г.

КОЗЛОВ ездил в США в июле 1959 г. на открытие советской выставки в Нью-Йорке. Во время визита он посетил строившийся на верфи в г. Камден, в штате Нью-Джерси, американский атомный сухогруз «Саванна».

КОЗЛОВ Фрол Романович (1908–1965). Инженер-металлург, работал на Ижевском металлургическом заводе. С 1939 г. на партийной работе. В 1949–1957 гг. второй, затем первый секретарь Ленинградского городского комитета партии. В 1952–1957 гг. второй, затем первый секретарь Ленинградского областного комитета партии. В 1957–1958 гг. председатель Совета Министров РСФСР. В 1958–1960 гг. первый заместитель председателя Совета Министров СССР. В 1960–1964 гг. секретарь ЦК КПСС, однако после инсульта в апреле 1963 г. потерял работоспособность.

553

МЕНЬШИКОВ Михаил Алексеевич (1902–1976). В 1930–1936 гг. один из директоров Всероссийского кооперативного общества АРКОС, затем на ответственной работе в Наркомате внешней торговли СССР до 1943 г., заместитель директора в Совете Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций до 1945 г., глава Временной комиссии этой администрации в Польше до 1946 г., заместитель министра (до 1949 г.) и министр (по 1951 г.) внешней торговли СССР, работник аппарата Минвнешторга до 1953 г., посол в Индии по 1957 г., посол в США по 1961 г., министр иностранных дел РСФСР до 1968 г., далее в отставке.

554

Визит Н.С. ХРУЩЕВА в США проходил с 15 по 27 сентября 1959 г.

555

ШОЛОХОВ Михаил Александрович (1905–1984) – писатель. «Донские рассказы» (1926). Романы «Тихий Дон» (1938–1940), «Поднятая целина» (1932–1960), «Они сражались за Родину» (1943–1969). Рассказ: «Судьба человека» (1956–1957). Герой Социалистического Труда (1967, 1980). Лауреат Ленинской (1960), Нобелевской (1965) и Государственной (1941) премий.

556

Ту-114, первый в мире турбовинтовой межконтинентальный пассажирский лайнер, начал летные испытания в 1957 г.

557

ТУПОЛЕВ Андрей Николаевич (1888–1972). Генеральный конструктор авиационной техники. В 1914–1918 гг. преподавал в МВТУ. Совместно с профессором Н.Е. Жуковским в 1918 г. основал Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), где разработал тяжелый бомбардировщик АНТ-4 и гидроплан АНТ-8. В 1930 г. его КБ выделилось из ЦАГИ и занималось разработкой самолетов различного назначения, в том числе тяжелого бомбардировщика ТБ-3, крупнейшего в мире агитационного самолета «Максим Горький», рекордного самолета АНТ-25, совершившего в 1937 г. перелет через Северный полюс в США. В 1937–1941 гг. арестован и работал в «шарашке». После войны разработал реактивный бомбардировщик Ту-16 и на его базе – один из первых в мире пассажирских реактивных самолетов Ту-104. На базе турбореактивного бомбардировщика Ту-95 был спроектирован первый в мире межконтинентальный пассажирский самолет Ту-114. Всего под его руководством было создано более 100 пассажирских и военных реактивных самолетов. С 1953 г. академик. Трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972). Лауреат Ленинской (1957) и Государственных (1943, 1948, 1949, 1952, 1972) премий.

558

Турбовинтовой пассажирский самолет Ил-18 в 1957 г. уже находился в эксплуатации.

559

ТУПОЛЕВ Алексей Андреевич (1925–2001). Авиаконструктор. С 1984 г. член-корреспондент АН СССР. Главный конструктор крылатой ракеты и ряда самолетов, в том числе сверхзвукового бомбардировщика Ту-160 и пассажирского Ту-144.

560

Президент США Вудро ВИЛЬСОН предложил в январе 1919 г. провести на Принцевых островах (в Мраморном море) конференцию всех воюющих в России сторон по вопросу о восстановлении мира. Но первоначально правительство РСФСР приглашения туда не получило. А затем, поскольку ряд белогвардейских группировок отказались от участия в конференции, она не состоялась. В 1918–1919 гг., во время кампании по наведению чистоты в г. Стамбуле, городские власти ловили бродячих собак и вывозили их на Принцевы острова.

561

Находится среди его очерков и памфлетов «В Америке» (1906).

562

Речь идет о книге «Одноэтажная Америка», написанной в 1936 г. Ильей Арнольдовичем ИЛЬФОМ (ФАНШТЕЙНОМ) (1897–1937) и Евгением Петровичем ПЕТРОВЫМ (КАТАЕВЫМ) (1902–1942), описывавшей их путешествие на автомобилях по дорогам США.

563

Пьеса писателя и драматурга В.В. ИВАНОВА. «Американ» – так звучит по-английски слово «американский» и так назвал себя их пленный. ИВАНОВ Всеволод Вячеславович (1895–1963): повести «Партизаны» (1921), «Бронепоезд 14–69» (1922, одноименная пьеса поставлена МХАТом в 1927 г.), «Цветные ветры» (1922). Романы: «Похождения факира» (1934–1935), «Ужгинский кремль» (1981), «Уж» (1988). Рассказы, публицистика, воспоминания.

564

Джона КЕННЕДИ убили в 1963 г., его брата Роберта – в 1968 г., после того, как он заявил о готовности баллотироваться в президенты США, Мартина Лютера КИНГА тоже в 1968 г.

565

КИНГ Мартин Лютер (1929–1968) – лидер движения за гражданские права чернокожих в США. В 1964 г. ему «за важный вклад в демократизацию американского общества» присудили Нобелевскую премию мира, а 4 апреля 1968 г. в г. Мемфисе южного штата Теннесси за то же самое пристрелили.

566

НИКСОН Ричард Милхауз (1913–1994). С 1946 г. член палаты представителей, а с 1950 г. сенатор. В 1953–1961 гг. вице-президент США, а в 1969–1974 гг. (неполных два срока, так как в 1974 г. под угрозой импичмента ушел в отставку) 137-й президент США.

567

ЛОДЖ-младший Генри Кэбот (1902–1985) – сенатор в 1936–1944 гг. и 1946–1953 гг., один из лидеров Республиканской партии США. В 1953–1960 гг. являлся постоянным представителем США при ООН и представителем в ее Совете Безопасности. Позднее был генеральным директором Атлантического института международных отношений в Париже, послом во Вьетнаме (1963–1967) и ФРГ (1968–1969), специальным посланником в Ватикане (1970–1977).

568

Диснейленд – парк развлечений в г. Анахайме, в непосредственной близости от Лос-Анджелеса, в штате Калифорния, открылся 17 июля 1955 г. После провала музыкального фильма «Фантазия» (1940), в который Уолт Дисней вложил все деньги, он придумал открыть парк развлечений и не ошибся. Проект оказался необычайно прибыльным и чрезвычайно популярным, а само название «Диснейленд» стало нарицательным.

569

СКУРАС Спирос (Skouras Spyros Panagiotis) (1893–1971) – выходец из Греции, в 1942–1962 гг. президент кинокомпании «XX век – Фокс».

Это был не обед, а ланч. Его устроил президент ассоциации кинопромышленности Эрик ДЖОНСТОН в кафе «Де Пари».

571

ПОУЛСОН Норрис (1895–1982) – выходец из Дании, мэр города Лос-Анджелеса с 1953 по 1962 г.

572

ТОМПСОН Ллевеллин (1904–1972) – дипломат, работал в дипломатических представительствах США на Цейлоне, в Швейцарии, СССР (1940–1944), Англии, Италии, Австрии. Послом в СССР был в 1957–1962 гг. и 1967–1969 гг. Ряд лет занимал ответственные посты в Государственном департаменте. Его жена – Джейн.

Не совсем так: в Советской Армии счет начинается с генерал-майора, у него на погонах – одна звезда, следующий – генерал-лейтенант с двумя звездами и т д. В Армии США начинают с однозвездного бригадного генерала, за ним идет генерал-майор с двумя звездами, то есть Н.С. ХРУЩЕВ и ЛОДЖ имели равный двухзвездный ранг.

КРИСТОФЕР Джордж (1907–2000) – выходец из Греции, мэр города Сан-Франциско с 1956 по 1964 г.

БРИДЖЕС (1901–1990). Возглавлял профсоюз докеров более 40 лет.

РАЙТЕР Уолтер Р. (1907–1970). В то время председатель профсоюза рабочих автопромышленности, вице-председатель объединенных Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов.

Его брат – В. РАЙТЕР.

578

ЖУКОВ Георгий (Юрий) Александрович (1908–1991) – журналист и политический деятель. С 1946 г. работал в редакции газеты «Правда», с 1962 г. заместитель и в 1982–1987 гг. председатель Советского комитета защиты мира. Член Центральной ревизионной комиссии КПСС с 1956 г. и кандидат в члены ЦК КПСС в 1976–1989 гг. Лауреат Ленинской премии 1960 г.

По-видимому, председатель национального профсоюза моряков Джордж КАРРЕН либо представитель профсоюза электриков Джордж ЛЕОН-УИВЕР.

«Третий гость» – так запомнилось Н.С. ХРУЩЕВУ, но на встрече, кроме РАЙТЕРА, присутствовали еще девять других представителей профсоюзов.

581

Эту фабрику компании «Свифт» Хрущев посетил не в Питтсбурге, а в Де-Мойне, штат Айова, днем раньше.

582

Завод кузнечно-прессового оборудования «Места».

583

Н.С. ХРУЩЕВ еще вернется к этому случаю. Тогда, прибыв в Москву на открытие «Американской выставки», вице-президент США НИКСОН пытался всучить продавцу на рынке тридцать рублей. (Подробно этот инцидент описан в книге С.Н. Хрущева «Рождение сверхдержавы» (М.: Время, 2010. С. 250–255).)

584

«Джон Дир» – фирма, имевшая в 1959 г. 14 заводов с 45 тысячами рабочих. Н.С. ХРУЩЕВ посетил их завод, производивший кукурузоуборочные комбайны, накануне. Завод располагался в окрестностях г. Де-Мойн штата Айова.

585

Управляющий заводов «Места» А. ЛАНДАН.

586

Эпизод посещения столовой относится ко времени пребывания в Сан-Франциско, оттуда Н.С. ХРУЩЕВ съездил в город Сан-Хосе, на завод фирмы IBM, производившей компьютеры. Президент IBM Томас Дж. УОТСОН-мл. пригласил гостей в заводской кафетерий на ланч. Ни на заводе «Места», ни на заводе «Джона Дира» Н.С. Хрущев кафетерий не посещал.

587

Н.С. ХРУЩЕВ посетил Нью-Йорк до отлета в Лос-Анджелес. Поездка 15–27 сентября 1959 г. выглядела следующим образом: Москва – Вашингтон – Нью-Йорк – Лос-Анджелес – Сан-Франциско – Де-Мойн – Питтсбург – Вашингтон – Кэмп-Дэвид – Вашингтон – Москва.

ВАГНЕР Роберт Фердинанд (1910–1991). В 1954–1965 гг. мэр г. Нью-Йорка, в 1968–1969 гг. посол США в Испании.

589

РОКФЕЛЛЕР Нелсон Олдрич (1908–1978) – внук Дж. Д. Рокфеллера-старшего, основавшего нефтяную компанию «Стандард Ойл», и сын Джона Д. Рокфеллера II-младшего, политик. В 1951–1952 гг. председатель консультативного совета по вопросам международного развития. В республиканской администрации Эйзенхауэра сначала был заместителем министра, а в 1954–1955 гг. специальным помощником президента Эйзенхауэра по внешнеполитическим вопросам. С 1959 по 1973 гг. губернатор штата Нью-Йорк. В 1973–1977 гг. вице-президент США, при президенте Джеральде Форде. Его братья: Джон Д. Рокфеллер III контролировал благотворительные организации, Уинтроп занимался сельскохозяйственным бизнесом, Лоуренс – промышленным бизнесом, Дэвид – банковскими делами, а вместе они ведали семейным капиталом в рамках компании «Рокфеллер бразерс инкорпорэйтед».

590

ГАРРИМАН Вильям Аверелл (1891–1986) – американский политический деятель, был в 1933–1940 гг. советником президента Ф.Д. Рузвельта, далее – специальным его представителем в Англии и СССР в ранге посла, руководил органами по ленд-лизу в Лондоне, после 1946 г. являлся послом в Англии, министром торговли, представителем по осуществлению в Европе «плана Маршалла», специальным помощником президента Г. Трумэна, представителем в НАТО, директором правительственной Программы безопасности, губернатором штата Нью-Йорк, помощником государственного секретаря, послом по особым поручениям, заместителем госсекретаря, личным представителем президента Л. Джонсона. После своей отставки ведал с 1969 г. внешней политикой в Национальном комитете Демократической партии. Посол в СССР в 1943–1946 гг., министр торговли до 1948 г., с 1950 по 1969 г. занимал различные административные и дипломатические посты.

591

Мэр Вагнер РОБЕРТ давал этот обед (точнее – ланч) в гостинице «Коммодор», поскольку в официальном дворце приемов «Уолдорф-Астория» проходил съезд Национальной ассоциации стоматологов.

Это происходило 17 сентября в бальном зале «Уолдорф-Астории».

593

Нелсон Олдрич РОКФЕЛЛЕР, беседа проходила на 35-м этаже здания, в котором остановился ХРУЩЕВ, в его резиденции.

594

На небоскребе «Эмпайр стейт билдинг» их встретил глава корпорации, владеющей этим домом, полковник Г. КРАУН.

595

ГАРРИМАН Вильям Аверелл в дни визита Хрущева занимался бизнесом. Он пригласил на встречу ведущих бизнесменов Америки, в том числе: магната нефтяной промышленности Джона Д. Рокфеллера III, президента «Дженерал электрик» Роджера Гарольда, главу крупнейшего банка «Чэйз Манхэттен» Джона МакКоя, бывшего министра обороны США, а тогда президента фирмы «Дженерал Дайнамикс», крупнейшего производителя вооружений Фрэнка Пайса, члена совета директоров РСА (Радио Корпорация Америки) Дэвида Сарноффа, нью-йоркского банкира Герберта Лемана и других.

Эти руды в Чиатуре разрабатывались с 1869 г. исключительно на экспорт, там добывалось 77 % российского марганца. Рудники контролировал банкирский дом ГАРРИМАНОВ, в 1925 г. получивший от советского правительства концессию на дальнейшую добычу марганца.

597

Возле озера Куэтс-Ярви. Рудники были оценены в 20 млн долларов США, и СССР выплачивал их Канаде равными долями ежеквартально в течение ряда лет. Акционером данного общества был не только ГАРРИМАН, но и Дж. Ф. ДАЛЛЕС, а также ряд других американских деятелей. Сталин специально дал указание министру финансов СССР А.Г. ЗВЕРЕВУ о выплате компенсации Гарриману, но не Даллесу.

598

В устье р. Петсамо-йоки, впадающей во фьорд Петсамо-вуоно (Печенга-губа), в 1533 г. возник русский монастырь.

599

ГАРСТ Россуэл (1898–1977) – селекционер и изобретатель сверхвысокоурожайных семян кукурузы, начавший их широкое производство на своей ферме, и быстро распространившихся по всему миру. Заработав деньги, он стал одним из владельцев акционерной компании «Гарст и Томас», входившей, как дочерняя, в семеноводческую ферму «Пионер», которая специализировалась на выращивании семян гибридных сортов кукурузы, породистых свиней и птицы. В 1954 г. советская делегация ученых-аграриев посетила США и во время пребывания в штате Айова «открыла» для себя Гарста и его изобретение. По возвращении они составили 400-страничный доклад, который направили, в числе других адресатов, Н.С. ХРУЩЕВУ. Он его внимательно прочитал, и Гарста пригласили посетить СССР, куда он прибыл в октябре 1955 г. Н.С. Хрущев встретился с Гарстом в Крыму, где он отдыхал, и они проговорили два дня. В результате мы, заплатив золотом, закупили семена и уникальное оборудование для их «калибровки». Сделка оказалась чрезвычайно выгодной, урожайность кукурузы увеличилась в разы, обеспечив животноводство столь необходимыми кормами, а советские селекционеры на базе достижений Гарта вывели свои гибридные сорта. (См.: *Хрущев С.Н.* Реформатор. М.: Время, 2010. С. 238–250.)

600

ШЕВЧЕНКО Андрей Степанович (1911–1993) – агроном, член-корреспондент ВАСХНИЛ (1958), доктор сельскохозяйственных наук (1974). В 1934–1939 гг. научный сотрудник Украинского института земледелия. В 1939–1947 гг. заведующий отделом, затем редактор газеты «Колхозник Украины». В годы Великой Отечественной войны в партизанах. В 1947–1949 гг. заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КП(б) Украины. В 1949–1950 гг. редактор газеты «Колхозное село». В 1950–1964 гг. помощник Н.С. Хрущева. В 1964–1989 гг. старший научный сотрудник ВНИИ экономики сельского хозяйства. В 1990–1996 гг. консультант научного центра «Агроэкономика». Академик Всесоюзной сельскохозяйственной академии (1960). Труды по освоению целинных земель и выращиванию кукурузы. Лауреат Ленинской премии (1959).

601

СТИВЕНСОН Эдлай Эвил (1900–1965). В 1941–1944 гг. помощник военно-морского министра США, далее – специальный помощник государственного секретаря, член различных внешнеполитических делегаций, губернатор штата Иллинойс, с 1961 г. был постоянным представителем США при ООН и представителем в ее Совете Безопасности. Кандидатом на пост президента от Демократической партии он выдвигался в 1952 и 1956 гг.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», автор книг об СССР и Второй мировой войне Гаррисон СОЛСБЕРИ.

603

После смерти хозяина наследники передали ферму и дом государству. Штат Айова решил увековечить великое изобретение высокоурожайных семян кукурузы, послужившее во благо всему человечеству, устроив там мемориальный исследовательский Центр новых сельскохозяйственных технологий. В доме, где жил ГАРСТ, центральное правительство США открыло музей в память о посещении его Н.С. ХРУЩЕВЫМ в сентябре 1959 г. Музей пользуется большой популярностью.

То есть осенью 1955 г.

605

ОЛЬШАНСКИЙ Михаил Александрович (1908–1988) – агроном-селекционер, в 1928–1951 гг. в одесском Всесоюзном селекционно-генетическом институте, прошел путь от техника до директора. С 1948 г. академик ВАСХНИЛ, в 1951–1960 гг. ее вице-президент, а в марте 1962-го – декабре 1964 г. президент. В 1960–1962 гг. министр сельского хозяйства СССР. С 1965 г. на пенсии. Лауреат Государственных премий (1941, 1951).

606

ГИТАЛОВ Александр Васильевич (1915–1994). Бригадир тракторной бригады в колхозе Ново-Украинского района Кировоградской области в Украине. После обучения у американского фермера Р. Гарста начал побивать все рекорды по обработке почвы. Был избран в Верховный Совет СССР и с 1974 г. вошел в его Президиум.

607

МОРОЗОВ Савва Тимофеевич (1862–1905) – один из владельцев Никольской мануфактуры во Владимирской губернии, мануфактур-советник, член Московского отделения Совета торговли и мануфактур Российской империи, основатель российско-немецкого акционерного общества «С.Т. Морозов, Крель и Оттман», специалист по тканевым красителям, меценат народных школ и Московского Художественного театра. Через А.М. Горького и актрису М.Ф. Андрееву (Юрковскую) субсидировал деньгами ЦК большевистской партии.

608

V съезд РСДРП, прошедший 30 апреля – 19 мая (13 мая – 1 июня н. ст.) 1907 г. в помещении церкви Фрэтэрнити на Саутгейт-Род (Лондон).

609

Н.С. ХРУЩЕВ посетил университет штата Айова в г. Эмсе.

610

Н.С.ХРУЩЕВ посетил Белтсвилльский сельскохозяйственный научный центр в г. Белтсвилль, штата Мэриленд, поблизости от Вашингтона не в конце, а в начале визита, 16 сентября 1959 г. Его сопровождал министр сельского хозяйства США Эрза Тафт БЕНСОН.

611

ГЕРТЕР Кристиан А. (1895–1966) начал дипломатическую службу во время Первой мировой войны, в 1922 г. посетил в составе миссии Американской организации вспомоществования Советский Союз, после Второй мировой войны был одним из реализаторов «плана Маршалла» по восстановлению Европы, в 1953–1957 гг. губернатор штата Массачусетс, в 1957–1959 гг. заместитель государственного секретаря и в 1959–1961 гг. государственный секретарь США, далее являлся председателем Атлантического совета и специальным представителем в аппарате Генерального соглашения о тарифах и торговле. Предыдущий Государственный секретарь, Джон Фостер ДАЛЛЕС, умер от рака 24 мая 1959 г.

АЧЕСОН Дин Г. (1893–1971). В 1941–1945 гг. помощник государственного секретаря США, был главой делегации на Бреттон-Вудской конференции Объединенных Наций 1944 г., принявшей американский доллар в качестве мировой валюты, потом представителем в Совете Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций, заместителем госсекретаря (1945–1947 гг.) и разработчиком плана Баруха по контролю над атомной энергией, доктрины Трумэна об «усмирении» Греции и Турции, плана Маршалла; в 1949–1953 гг., будучи государственным секретарем, являлся одним из организаторов Североатлантического пакта (НАТО).

613

Окрашенное в белый цвет здание резиденции и канцелярии президента США, находящееся в центре Вашингтона. Функционирует с 1800 г.

Вопрос о ленд-лизе осложнился законом ДЖОНСОНА от 1934 г., запрещавшим предоставление частных займов или кредитов странам, которые не выплачивают США старые долги. Поэтому закон о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. определил такую возможность за счет федерального бюджета. А установление компенсации передавалось на усмотрение очередного президента. Из 46,04 млрд долларов США, покрывших материальные поставки по ленд-лизу до 1 октября 1945 г., на долю СССР пришлось 10,8 млрд. Американское правительство требовало уплату процентов в сумме 1,3 млрд, потом скостило ее до 0,8 млрд. Советское правительство соглашалось на 0,3 млрд.

615

ДИЛЛОН Дуглас Кларенс (1909–2003) – банкир, с 1938 г. вице-президент инвестиционного банка Dillon, Reade & Co., в 1953–1958 гг. посол США во Франции. С 1958 г. заместитель Государственного секретаря по экономическим проблемам. С 1961 г. министр финансов. В 1972–1975 гг. руководитель Фонда Рокфеллера.

616

СИКОРСКИЙ Игорь Иванович (1889–1972) – один из зачинателей авиастроения в России. В 1908 г. создал свой первый автожир (вертолет), а в 1910 г. – первый самолет С-2 и в 1912–1914 гг. положившие начало многоместным аэропланам «Гранд», «Русский витязь» и «Илья Муромец» – первый в мире четырехмоторный стратегический бомбардировщик, принимавший участие в Первой мировой войне. В 1919 г. эмигрировал в США, где, одолжив 5000 долларов у своего друга, композитора Рахманинова, организовал фирму, производившую пассажирские летающие лодки его конструкции. В 1939 г. построил вертолет одновинтовой схемы, которую он предложил еще в 1909 г. Однако массовое производство его вертолетов началось только в 1950-е гг., и они получили широкую известность во время войны в Корее (1951–1953).

617

ДЖОНСТОН Эрик. В 1945–1963 гг. президент Американский ассоциации кинопромышленности, неоднократно встречался с Н.С. Хрущевым: сначала, 6 октября 1958 г., на даче в Пицунде (Абхазия), затем они долго разговаривали во время визита в США. Тогда ДЖОНСТОН подарил Нине Петровне пару крохотных черно-белых собачек породы Чихуахуа.

618

РУЗВЕЛЬТ назвал эту загородную резиденцию Шангри-Ла, подразумевая фантастическое место в Гималаях, обитатели которого не знают старости, более приземленный ЭЙЗЕНХАУЭР переименовал ее в честь своего внука.

619

Возле г. Геттисберга. Владение ЭЙЗЕНХАУЭРОВ с 1950 г. ХРУЩЕВ и ЭЙЗЕНХАУЭР посетили во второй половине дня, 26 сентября.

620

О кредитах. В марте 1948 г. Министерство торговли США установило жесткие ограничения на торговлю с СССР. В июле 1948 г. Конгресс США денонсировал советско-американское торговое соглашение от 1937 г. Новое соглашение заключили только 18 октября 1972 г.

Было опубликовано совместное коммюнике. В его конкретной части говорилось о запланированном «обмене людьми и идеями» и о предстоящем (без точной даты) приезде Эйзенхауэра в СССР с ответным визитом.

622

Этот обед в гостинице «Шератон» состоялся 16 сентября 1959 г., накануне переговоров в Кэмп-Дэвиде, а не после.

623

Вопрос о золоте задал президент французской парфюмерной фирмы «Коти» Томас КУНЕУ.

МАКДАФФИ Маршалл (1909–1967). В первой половине 1946 г. представитель миссии ООН на Украине и Белоруссии с целью помощи восстановления от разрушений, нанесенных Второй мировой войной (ЮНРА). Она базировалась в Киеве, где он неоднократно встречался с Н.С. Хрущевым. Вторично он посетил СССР по приглашению Н.С. ХРУЩЕВА осенью 1954 г. и объехал 15 союзных республик. Свои впечатления об СССР он описал в книге «Красный ковер: 10.000 миль по России с визой от Хрущева». (Red Carpet. 10 000 miles through Russia on a visa from Khrushchev. New York: W.W. Norton @ Co 1955. Книга с дарственной надписью автора Н.С. Хрущеву находится в Музее современной истории в Москве.)

625

Ла ГАРДИА Фиорелло Г. (1882–1947) – юрист, участник Первой мировой войны, один из авторов закона 1932 г. об ограничении судебного вмешательства в деятельность профсоюзов, мэр Нью-Йорка в 1933–1945 гг., потом генеральный директор Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций.

626

Н.С. Хрущев имеет в виду книгу «Лицом к лицу с Америкой» (М., 1959).

627

Н.С. Хрущев совершил поездку по Вашингтону в начале визита в США, а не в конце.

628

Обед в Белом доме состоялся 15 сентября, в день прилета Н.С. Хрущева в США.

629

МАККАРТИ Джозеф Р. (1908–1957). С 1946 г. сенатор – организатор (с 1953 г.) и председатель сенатской комиссии Конгресса США по расследованию «антиамериканской» деятельности, развязавшей ярую антисоветскую и антикоммунистическую истерию. Обвинял в «работе на Советский Союз» и гомосексуализме многих деятелей культуры, включая Чарли ЧАПЛИНА, 205 служащих Госдепартамента, сотрудников Пентагона и Белого дома. В результате Чарли Чаплин эмигрировал, а многие его жертвы подверглись увольнению и другим преследованиям. Имя МАККАРТИ стало нарицательным, и он наводил в США ужас. Сам он страдал от алкоголизма, что, возможно, и провоцировало подобное поведение. В 1957 г. умер от гепатита. Никсон, сам склонный к запоям, занимал ту же политическую нишу, что и МАККАРТИ, его риторика порой звучала еще более оголтело, так что он не «воспитанник» сенатора, а, скорее, его соратник и конкурент.

630

Самолет Н.С. ХРУЩЕВА приземлился и взлетел не из гражданского аэропорта, а с базы ВВС США «Эндрюс». Его встречал президент ЭЙЗЕНХАУЭР, а провожал вице-президент НИКСОН.

631

Сразу по возвращении из США Н.С. ХРУЩЕВ отправился в Пекин на празднование пятилетия Китайской Народной Республики (1 октября 1959 г.), а оттуда перелетел во Владивосток.

11 (24) ноября 1917 г. туда прибыл американский крейсер «Бруклин». 16 августа 1918 г. там высадился американский экспедиционный корпус (9 тысяч человек). Во Владивостоке разместилась штаб-квартира командира этого корпуса генерала ГРЭВСа Уильяма Б.

633

Де ГОЛЛЬ Шарль (1890–1970), генерал, активный участник войны с Германией в 1939–1940 гг., после капитуляции Франции основал в 1940 г. в Лондоне движение «Свободная Франция», примкнувшее к антигитлеровской коалиции, в 1941 г. возглавил Французский национальный комитет, в 1942 г. – движение «Сражающаяся Франция», в 1943 г. – Французский комитет национального освобождения, в 1944–1946 гг. был премьером Временного правительства Франции, в 1958 г. премьер-министр и инициатор новой конституции страны, в 1959–1969 гг. президент страны.

634

Историческое полотно «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» РЕПИН Илья Ефимович закончил в 1891 г.

635

ДЮКЛО Жак (1896–1975) – член Французской компартии с 1920 г., ее ЦК – с 1926 г., ее Политбюро – с 1931 г., секретарь ЦК ФКП в 1931–1964 гг., в 1940–1944 гг. был одним из лидеров движения антифашистского Сопротивления, с 1946 г. возглавлял группу ФКП в Национальном собрании и с 1959 г. в сенате.

636

Речь идет о входившем в движение «Сражающаяся Франция» истребительном авиаполке «Нормандия – Неман», который в 1943–1945 гг. воевал на советско-германском фронте.

637

В декабре 1944 г.

638

Дипломатические отношения между СССР и Францией, установленные 28 октября 1924 г., были разорваны 30 июня 1941 г. правительством Виши. В июне – августе 1943 г. возобновились дипломатические отношения СССР с Французским комитетом национального освобождения, а 23 октября 1944 г. – с Временным правительством Франции.

639

29 ноября 1932 г. подписан советско-французский договор о ненападении, а 2 мая 1935 г. – договор о взаимной помощи (вступил в силу 27 марта 1936 г.).

640

Имеется в виду высадка англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г.

641

БИДО Жорж (1899–1983) – участник движения Сопротивления, неоднократно занимал министерские посты, а в 1946 и 1949–1950 гг. являлся премьер-министром Франции.

642

Генеральный секретарь Французской компартии в 1936–1964 гг., а затем ее председатель, Морис ТОРЕЗ (1900–1964), в 1940–1944 гг. находился в эмиграции в СССР.

643

ТОЛЬЯТТИ Пальмиро (1893–1964) в 1921 г. основал компартию Италии. В 1940–1944 гг. находился в эмиграции в СССР, в конце войны вернулся в Италию и до 1946 г. входил в состав ее правительств. Генеральный секретарь Итальянской компартии в 1926–1964 гг.

Народно-освободительная армия Греции с 1941 г. вела борьбу с фашистскими оккупантами и 12 октября изгнала из Афин, а затем и всей страны, вслед за чем в Афинах и Салониках высадились английские войска. Однако она не попала во власть, соблюдая подписанное ранее в Италии соглашение между партизанами и находившимся под протекторатом англичан в Каире так называемым Правительством национального единства, которое, придя к власти, отказалось делиться ею с партизанами. В декабре 1944 г. началась всеобщая забастовка и партизаны захватили Афины и значительную часть страны. В ответ переброшенные с итальянского фронта английские войска начали против нее боевые действия, которые в 1946 г. переросли в гражданскую войну, с которой англичанам справиться не удалось, и в 1947 г. им на помощь пришли американцы. Согласно договоренности о разделе сфер влияния, достигнутой в Ялте в феврале 1945 г., Греция отходила в зону Британии, а Польша – СССР. Сталин воздержался от прямой помощи греческим повстанцам. Так же как и Великобритания открыто не лезла в Польшу. Но тем не менее руководимая коммунистами Демократическая армия Греции сражалась до октября 1949 г., после чего вынуждена была сложить оружие.

645

Министры-коммунисты были выведены из состава правительства 5 мая 1947 г.

646

После поражения 27 апреля 1969 г. на референдуме о реформе сената и территориально-административного устройства страны.

647

ВИНОГРАДОВ Сергей Александрович (1907–1970) – на дипломатической работе с 1940 г., посол СССР в Турции (1941–1948), Франции (1953–1965) и Египте (1967–1970), был также на ответственных постах в центральном аппарате МИД СССР, а в 1950–1953 гг. председатель Комитета по радиовещанию при Совете Министров СССР.

648

Основанное им в 1947 г. Объединение французского народа, официально распущенное в 1955 г. и замененное в 1958 г. Союзом демократов в защиту республики.

649

МОЛЛЕ Ги (1905–1975) – учитель. В 1921 г. вступил в Социалистическую партию. Участник Сопротивления немецкой оккупации. С 1946 г. член парламента. В 1946–1969 гг. генеральный секретарь Социалистической партии. С января 1956 г. по май 1957 г. премьер-министр Франции.

650

После того как Франция подписала в 1954 г. Парижские соглашения о создании Западноевропейского союза, предусматривавшего ремилитаризацию Западной Германии (ФРГ), в мае 1955 г. Верховный Совет СССР аннулировал советско-французский договор о союзе и взаимной помощи на 20 лет, подписанный в декабре 1944 г. в Москве.

651

Это пребывание во Франции длилось с 23 марта по 3 апреля 1960 г. Изначально прибытие Н.С. Хрущева во Францию планировалось на 15 марта, но его перенесли на неделю, так как Н.С. заболел гриппом. Задержка вызвала волну спекуляций в западной печати. Визит во Францию проходил с 23 марта по 3 апреля 1960 г.

652

ДЕЖАН Мариус Э.Н. (1899–1982) – на дипломатической службе с 1926 г., посол в СССР в 1956–1964 гг.

653

Международный аэропорт Орли.

654

Гостевая резиденция на набережной Сены Ке д’Орсэ.

655

Поездка по стране состояла из посещений: Бордо (23–25 марта), По и Нижних Пиренеев (26 марта), Марселя (27 марта), Дижона (28 марта), Вердена (29 марта), Реймса (29 марта), Лилля (29 марта), Парижа (30 марта), Рамбуйе (31 марта – 3 апреля). В поездке по Франции советскую делегацию сопровождали разные официальные лица, менявшиеся от города к городу. Возможно, здесь имеется в виду находившийся при делегации неотлучно генеральный секретарь Министерства внутренних дел МЕРЭ.

656

ЖОКС Луи (1901–1991) – посол в СССР в 1952–1955 гг., а во время поездки – министр просвещения Франции.

657

ШАБАН-ДЕЛЬМАС Жак (1915–2000) – мэр г. Бордо и одновременно председатель Национального собрания Франции. Премьер-министр в 1969–1972 гг.

658

КИР Феликс А. (1876–1968) – каноник, участник движения французского Сопротивления во Второй мировой войне, публицист, мэр г. Дижона, депутат Национального собрания, член епископального совета по управлению духовной епархией, активный деятель движения за мир и безопасность в Европе.

659

ХРУЩЕВА принимал заместитель мэра доктор ВЕЙС Жан (1901–1985). Он стал мэром в 1968 г. и находился на этом посту до 1971 г.

660

Департамент Нижние Пиренеи со столицей в городе По находится у подножия Пиренейских гор.

661

В этом куплете говорится о генерале ТРЕПОВЕ Федоре Федоровиче (1812–1889). В 1873–1878 годах ТРЕПОВ, санкт-петербургский градоначальник, отличался жестким отношением к политическим заключенным. В 1878 г. ранен народоволкой Верой ЗАСУЛИЧ, которую суд присяжных оправдал.

Делегация сначала почтила память погибших у солдатского памятника в Вердене и затем, за его чертой, у братской могилы возле форта Дуомон. ХРУЩЕВА сопровождал мэр Вердена сенатор Фрэнсис ШЛЕЙТЕР.

663

МАЛЬРО Андрэ (1901–1976) – писатель, министр культуры в 1959–1969 гг., он сотрудничал с коммунистами в 1930-е гг., а к голлистам примкнул в 1943 г.

664

Замок Рамбуйе расположен в городке того же названия, относящемся к XIV – XVI вв., летняя резиденция президентов Франции.

665

1 июля 1966 г. Франция, оставаясь формально членом НАЕО, покинула его военные структуры, то есть вывела свои вооруженные силы из-под американского командования.

666

В 1960 г. во Французское содружество входили: сама Франция, Корсика, Алжир и Сахара. Острова: Комодо, Французская Полинезия. Территории Афаров и Исса, Новая Каледония, Сен-Пьер и Микелон. Французские Южно-Антарктические территории, включая острова Уоллис и Футуна. А также заморские департаменты: Французская Гвиана, Гваделупа, Мартиника и Реюньон. Кроме того, оно включало шесть «независимых» стран: Центральную Африканскую Республику, Чад, Конго со столицей Браззавиль, Габон, Республику Мадагаскар и Сенегал.

667

ШЕВЧЕНКО Тарас Григорьевич (1814–1861) – выдающийся малороссийский (украинский) поэт и художник. Крепостной крестьянин. В 1838 г. его выкупил художник Карл Брюллов и дал ему вольную. С тех пор жил в Санкт-Петербурге, писал стихи на украинском и русском языках, рисовал. В 1847 г., будучи в Киеве, присоединился к Кирилло-Мефодиевскому обществу, ставившему целью развития славянских народов, в том числе украинского, в 1848 г., вместе с другими членами общества, арестован и отдан в солдаты с местом службы в Оренбурге и Казахстане. В 1857 г., по ходатайству Академии художеств, освобожден и вернулся в Санкт-Петербург. Продолжал писать и рисовать. 10 марта 1861 г., на следующий день после своего 55-го дня рождения, умер от «неумеренного потребления горячительных напитков». Похоронен в Каневе, неподалеку от Киева, стал символом украинской национальной самоидентификации.

668

СЕКУ ТУРЕ Ахмед (1922–1984). Из бедной семьи. В молодости профсоюзный активист. В 1947 г. избран генеральным секретарем Демократической партии Гвинеи. В 1956 г. стал мэром столицы Гвинеи Конакри. С 1958 г., после провозглашения независимости Гвинеи, ее президент. В 1978 г. в своей политике переориентировался с Советского Союза на США.

669

Завод «Рено» находится во Флэне, куда советская делегация заехала на пути из Руана в Париж.

670

Глава французской ветви династии финансовых магнатов барон Г. де РОТШИЛЬД, владелец банка и холдинговой компании, а также ряда горнопромышленных предприятий.

671

ТОРЕЗ-ВЕРМЕРШ Жаннет (1910–2010) – член Французской коммунистической партии (ФКП) с 1933 г., депутат Национального собрания в 1945–1958 гг., сенатор в 1959–1968 гг. С 1947 г. член ЦК ФКП, а с 1950 г. кандидат в члены и в 1953–1968 гг. член Политбюро.

672

БУССАК Жак Марсель (1889–1980) – владелец текстильного предприятия в Лилле – Рубэ, а также ряда хлопкопрядильных и хлопкоткацких заводов. Подружился с Н.С. ХРУЩЕВЫМ и позднее регулярно присылал ему фрукты, вина, кальвадос собственного изготовления и зеленую шерстяную накидку, известную по многим фотографиям периода, когда Н.С. ХРУЩЕВ обитал в Петрово-Дальнем в 1965–1971 гг.

673

КОСЫГИН Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель. В 1935 г. окончил Ленинградский текстильный институт. В 1937–1938 гг. директор фабрики в Ленинграде. В 1938–1939 гг. председатель Ленинградского горисполкома. В 1939–1940 гг. нарком текстильной промышленности. В 1940–1956 гг. и в 1957–1960 гг. заместитель председателя Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР. В 1956–1957 гг. первый заместитель председателя Госплана СССР, а в 1959–1960 гг. председатель Госплана СССР. В 1960–1964 гг. первый заместитель, а в 1964–1980 гг. председатель Совета Министров СССР. В 1948–1952 гг. и 1960–1980 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.

ФУРЦЕВА Екатерина Алексеевна (1910–1974) – ткачиха, с 1930 г. на комсомольской работе. С 1950 г. второй и в 1954–1957 гг. первый секретарь МГК КПСС, с 1956 г. секретарь ЦК КПСС и кандидат в члены Президиума ЦК партии, в 1957–1961 гг. член Президиума, с 1960 г. министр культуры СССР.

675

«Орор» – ежедневная парижская газета «атлантической» направленности, основанная в 1944 г. бывшим социалистом Р. ЛАЗОРЮКОМ (впоследствии ее директор) и выходившая на средства БУССАКА.

МОРОЗОВ Савва Тимофеевич (1862–1905) – один из владельцев Никольской мануфактуры во Владимирской губернии, мануфактур-советник, член Московского отделения Совета торговли и мануфактур Российской империи, основатель российско-немецкого акционерного общества «С.Т. Морозов, Крель и Оттман», специалист по тканевым красителям, меценат народных школ и Московского Художественного театра. Через А.М. ГОРЬКОГО и актрису М.Ф. АНДРЕЕВУ (Юрковскую) субсидировал деньгами ЦК большевистской партии.

677

ДАЛАДЬЕ Эдуард (1884–1970) – лидер Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, премьер-министр в 1933–1934 гг. и 1938–1940 гг. Был одним из тех, кто подписал в 1938 г. Мюнхенское соглашение о расчленении Чехословакии, а в 1939 г. тормозил заключение военного союза с СССР. ДАЛАДЬЕ умер в 1970 г., а Н.С. ХРУЩЕВ – через год, в 1971 г.

ЧЕМБЕРЛЕН Артур Невилл (1869–1940) – предприниматель и государственный и политический деятель, консерватор. В 1915–1916 гг. лорд-мэр города Бирмингема. В 1923–1924 гг. и 1931–1937 гг. канцлер казначейства. В 1937–1940 гг. премьер-министр, также подписавший Мюнхенское соглашение и мешавший установлению политики коллективной безопасности перед Второй мировой войной.

679

ЛИНЬ БЯО (1907–1971) – член компартии Китая с 1925 г., член ЦК с 1945 г., член Политбюро с 1959 г. и заместитель председателя ЦК КПК с 1958 г. Был заместителем премьера Государственного совета Китая с 1954 г. и министром обороны с 1959 г. После смерти МАО ЦЗЭДУНА потерял власть и, пытаясь избежать ареста, решил улететь в СССР, но его самолет разбился, он погиб.

МЕНДЕС-ФРАНС Пьер (1907–1982), будучи в 1954–1955 гг. премьер-министром Франции, подписал в 1954 г. Парижские соглашения о заключении Западноевропейского союза и Женевские соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. В 1954 г. в Женеве состоялась конференция по Вьетнаму. После разгрома колониальных войск под Дьен Бьен Фу французское правительство постепенно согласилось признать разделение Вьетнама на Северный и Южный, а также независимость Камбоджи и Лаоса и вывело свои войска из Индокитая.

681

Во время визита Н.С. ХРУЩЕВА премьер-министром был Мишель ДЕБРЕ (1912–1996) – премьер-министр Франции в 1959–1962 гг., а министром иностранных дел – Морис КУВ де МЮРВИЛЬ (1907–1999). Позднее, в 1968–1969 гг., он был премьер-министром.

682

5 октября 1958 г. была принята конституция Пятой республики во Франции. Предыдущая действовала с 24 декабря 1946 г.

683

РОШЕ Вальдек (1905–1983) – член ФКП с 1924 г., член ее ЦК в 1937–1976 гг., его Политбюро в 1950–1972 гг. и секретариата в 1959–1972 гг., с 1961 г. заместитель генерального секретаря ФКП, с 1964 г. ее генеральный секретарь, с 1972 г. почетный председатель.

684

КАШЕН Морис (1869–1958) – член ФКП с 1920 г., член ее ЦК и Политбюро с 1923 г., с 1918 г. был директором газеты «Юманите».

685

Ги МОЛЛЕ возглавлял французскую делегацию, посетившую Советский Союз в мае 1956 г. и несколько раз (16, 17, 18, 19 мая) встречался с Н.С. ХРУЩЕВЫМ.

686

Совещание четырех держав: Англии, СССР, США и Франции, планировали провести в Париже с 14 по 18 мая 1960 г.

9 апреля 1960 г. из Пакистана. Он пролетел над Байконуром, Семипалатинским атомным полигоном, полигоном ПВО и ПРО в Сары-Шаган, на озере Балхаш и через Мары в Туркмении вернулся обратно в Пакистан. Самолет пытались сбить, но в Сары-Шагане опытные зенитные ракеты оказались без боеголовок, а способные подняться на высоту более 20 км истребители-перехватчики Т-3 (СУ-9) еще не были укомплектованы ракетами «воздух – воздух».

После Второй мировой войны такие разведывательные полеты над территорией СССР осуществляли американские самолеты B-29 и, позднее, британские «Канберра». Разработка новых самолетов-разведчиков с мощной фотоаппаратурой для действий на высоте свыше 20 тысяч м началась в США с декабря 1954 г. 4 июля 1956 г. состоялся первый полет самолета «Локхид У-2» с двигателем «Пратт-Уитни J-57» из Висбадена (ФРГ), он пролегал над Москвой, Ленинградом и обратно через Прибалтику. Расположенные вокруг Москвы зенитные ракеты С-25 системы ПВО «Беркут» теоретически могли его сбить, но сигнал на радиолокаторе оказался слабым и оператор его не распознал, самолетов-перехватчиков, способных работать на такой высоте, тогда не существовало. Только в конце 1959 г. в войска ПВО начали поступать высотные истребители-перехватчики Т-3 (СУ-9) и МиГ-21, а также противосамолетные ракеты С-75. С конца 1950-х гг. эскадрильи У-2 действовали, помимо Висбадена, также из Инжирлика (Турция), Бодо (Норвегия), Пешавара (Пакистан) и с авиабазы близ Токио. Главной целью этих полетов были аэродромы стратегической авиации и стартовые позиции межконтинентальных ракет Р-7. В сентябре 1959 г., в связи с визитом ХРУЩЕВА к ЭЙЗЕНХАУЭРУ, полеты приостановили, а потом возобновили.

689

ГРОМЫКО Андрей Андреевич (1909–1989). Экономист. С 1939 г. на дипломатической работе. В 1943–1946 гг. посол в США. В 1946–1948 гг. постоянный представитель в Совете Безопасности ООН. В 1949–1952 гг. заместитель министра иностранных дел. В 1952–1953 гг. посол в Великобритании. С 1953 г. заместитель, а в 1957–1985 гг. министр иностранных дел СССР. В 1985–1988 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

690

Речь идет о зенитной ракете С-75 конструкции П.Д. ГРУШИНА. Генеральный конструктор комплекса А.А. РАСПЛЕТИН.

691

МАЛИНОВСКИЙ Родион Яковлевич (1898–1967) – Маршал Советского Союза (1944). Участник Первой мировой войны, рядовой, воевал сначала в Прибалтике, а потом, с 1916 г., в русском экспедиционном корпусе во Франции. В 1919 г. вернулся в Россию и воевал в Красной Армии во время Гражданской войны. В 1930 г. окончил Военную академию им. М.И. Фрунзе и назначен начальником штаба кавалерийского полка. В 1937–1938 гг. полковник, советник во время испанской гражданской войны. С марта 1941 г. командир корпуса в Одесском военном округе, с августа – командующий армией, в декабре – командующий Южным фронтом. После поражения под Харьковом, в июле 1942 г. понижен в должности до командующего армией на Сталинградском фронте, где 1-м членом Военного совета служил Н.С. Хрущев. В ноябре 1942 г. предотвратил прорыв немцев в окруженный Сталинград и с февраля 1943 г. вновь командует Южным фронтом, затем Юго-Западным (3-м Украинским), а с мая 1944 г., в чине генерала армии, 2-м Украинским фронтом. После Победы переведен на Дальний Восток командующим Забайкальским фронтом и после войны продолжил там службу в качестве главнокомандующего войсками региона. В 1956–1957 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками и с 1957 г. министр обороны СССР.

692

БИРЮЗОВ Сергей Семенович (1904–1964) – Маршал Советского Союза (1955), был главнокомандующим войсками ПВО в 1955–1962 гг.

693

1 мая маршрут полета начинался на авиабазе Бадабер под Пешаваром и далее по советской территории над Байконуром (Тюратамом), ядерными производствами под Челябинском, базой межконтинентальных ракет Р-7 в Плесецке, верфью подводных лодок в Северодвинске, главной базой Северного флота в Североморске с посадкой на авиабазе НАТО в Бодо, в Норвегии.

694

ПАУЭРС Фрэнсис Гэрри (1929–1977) – американский пилот, капитан. В 1958 г. перешел на работу в ЦРУ в качестве пилота самолета У-2. 1 мая 1960 г. сбит в районе Челябинска и за шпионаж осужден на 10 лет. В 1962 г. обменян на советского разведчика Рудольфа Абеля (Фишера), арестованного в США. За «неправильное» поведение, т. е. за то, что не покончил собой, уволен из ЦРУ. Работал по найму пилотом вертолета. В 1977 г. погиб при аварии во время полета с радиокорреспондентом на борту над Лос-Анджелесом.

695

ДАЛЛЕС Аллен Уэлш (1893–1969) – американский дипломат и разведчик. В 1942–1945 гг. руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария) во время Второй мировой войны, с 1947 г. работал в ЦРУ и в 1953–1961 гг. был его директором. В 1961 г., после провала операции по свержению Фиделя Кастро и катастрофы с высадкой американских наемников в заливе Свиней на Кубе, уволен со службы.

696

11 мая 1960 г.

697

В ноябре 1959 г. Хрущев публично заявил, что через год в СССР сойдут с конвейеров 250 ракет с водородными боеголовками всех типов и дальностей, как тактических, так и стратегических. Согласно его следующему заявлению, на 1960 г. их имелось: по 50 для Англии и Франции, 30 для ФРГ, то есть ракет Р-12 среднего радиуса действия, до 2500 км, и «тайное количество» межконтинентальных ракет для удара по США, на самом деле только 6, четыре на первой ракетной базе в Плесецке и еще две на испытательной площадке в Байконуре (Тюратаме).

698

МАКМИЛЛАН Гарольд (1894–1986) – один из лидеров партии консерваторов, в 1956 г. министр финансов. В 1957–1963 гг. премьер-министр Великобритании.

699

СУХОДРЕВ Виктор Михайлович (1933–2014) – личный переводчик Н.С. ХРУЩЕВА и Л.И. БРЕЖНЕВА.

С февраля 1916 г. в составе русского экспедиционного корпуса.

Они были установлены 16 ноября 1933 г.

На деле такие инциденты сразу не прекратились, но самолеты У-2 американцы не применяли, а использовали близ границ: в Германии истребители – «Фантом», на севере и Дальнем Востоке, вдоль прибрежной линии, с целью записи радиочастот, на которых работали системы ПВО, – РБ-47, разведывательную модификацию бомбардировщика среднего радиуса действия Б-47, а для более глубокого проникновения – новейшие, со скоростью около 3500 км в час, самолеты фирмы «Локхид» SR-71, которые с трудом и не всегда фиксировались радиолокаторами и не перехватывались имевшимися тогда средствами ПВО. 1 июля 1960 г. советские истребители сбили РБ-47, нарушивший наше воздушное пространство над прибрежной зоной Кольского полуострова. В августе 1960 г. американский экспериментальный спутник Земли «Корона» произвел первое, после множества неудач, успешное разведывательное фотографирование территории СССР. Они маскировались под исследовательские спутники «Дискавери» и запускались с начала 1959 г. После более 10 неудач первый «Дискавери» наконец вышел на орбиту. С небольшим сдвигом по срокам разведывательные спутники запускали и по другой программе – «SAMOS». В дальнейшем космическая разведка все больше вытесняла авиационную.

703

Ежегодная Генеральная Ассамблея ООН, состоящая из всех ее членов, проводящая сессии для общеполитических дискуссий и дающая рекомендации по затрагиваемым вопросам в виде резолюций. Поездка состоялась с 19 сентября по 13 октября 1960 г.

704

Сентябрь приходится на разгар сезона ураганов в Атлантике, так что «Балтике» повезло, что она не встретилась с одним из них. «Доктор» БЕЗЗУБИК Владимир Григорьевич – личный врач Н.С. ХРУЩЕВА.

705

ЛУМУМБА ПАТРИС Эмери (1925–1961) – премьер-министр Республики Конго (Заир) в июне – сентябре 1960 г., основатель и лидер партии Национальное движение Конго. Сначала, с помощью бельгийцев и ЦРУ, его отстранили от власти, потом убили.

706

Независимость Республики Конго от Бельгии была провозглашена 30 июня 1960 г. А 11 июля 1960 г. ставленник колонизаторов Моиз ЧОМБЕ, с подачи бельгийцев, провозгласил независимость конголезской провинции Катанга, после чего там развернулась на ряд лет вооруженная борьба. ЧОМБЕ Моиз Капенда (1919–1969) – бизнесмен. С августа 1960 г. президент провинции Конго – Катанга, объявившей себя независимой. В 1964–1965 гг. премьер-министр Демократической Республики Конго. В 1966 г. обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, бежал в Алжир, где и умер.

Полицейские шумели умышленно, тем самым они досаждали незваному гостю.

708

ХАММАРШЕЛЬД Даг Эльмар Арис Карл (1925–1961) – шведский дипломат. С 1954 г. член Шведской академии и Нобелевского комитета по литературе. В 1953–1961 гг. Генеральный секретарь ООН. Погиб в авиационной катастрофе в Конго при невыясненных обстоятельствах в период гражданской войны, как предполагают, не без помощи ЧОМБЕ и его подручных.

709

Председателем Генеральной Ассамблеи избрали ирландского дипломата, постоянного представителя в ООН (1956–1963) Фредерика Генри БОЛАНДА.

710

Испанскую делегацию на сессии Генеральной Ассамблеи ООН возглавлял министр иностранных дел Фернандо Мария КАСТЕЛЛО.

Долорес ИБАРРУРИ (1895–1989). Основательница Коммунистической партии Испании (1920) и ее бессменный генеральный секретарь. Активный участник гражданской войны в Испании (1936–1939). После победы генерала Франко в 1939 г. эмигрировала в СССР. В 1979 г., после смерти ФРАНКО, вернулась в Испанию и была избрана в парламент.

711

Кузька – вредитель хлебных злаков, пластинчатоусый жук, чьи личинки живут в почве, где дважды зимуют. Показать эту личинку (т. е. кузькину мать) можно, лишь разрыв землю. Отсюда – переносные значения выражения: все разрыть, перетормошить, развалить, а также вскрыть правду, – написано в примечаниях к первому изданию воспоминаний. Мне трудно представить, кому и как такое пришло в голову. Выражение «показать Кузькину мать», читаем в словаре В. ДАЛЯ, означает некую угрозу. Однако, согласно воспоминаниям переводчика Н.С. ХРУЩЕВА Виктора Михайловича СУХОДРЕВА, Н.С. ХРУЩЕВ ему сам объяснил: «Это значит показать то, чего они никогда не видели, то есть что Америку мы догоним и перегоним, покажем им такое, чего они не видели» (см. *Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой. М.: АСТ, 1999. С. 86–87).

712

ФРАНКО БААМОНДЕ Франсиско (1892–1975) – генерал, в 1910 г. окончил Пехотную академию. С 1936 г. командовал бригадой. С 1928 г. глава Военной академии в Сарагосе. В 1936 г. поднял мятеж против Испанской республики, в 1937 г. стал вождем партии Испанская фаланга и в 1939 г. провозгласил себя каудильо (главой государства).

713

НЕРУ Джавахарлал (1889–1964). Закончив университет в Кембридже в 1912 г., вернулся в Индию юристом. В 1919 г., после расстрела протестовавших в Амритсаре, присоединился к движению за независимость. С 1929 г. четырежды избирался главой партии Индийский национальный конгресс, неоднократно и на большие сроки заключался в тюрьму. В 1946 г. сформировал первое правительство независимой Индии. С 15 августа 1947 г. и до смерти премьер-министр.

714

КАСТРО Фидель (р. в 1926 г.) – кубинский революционер и государственный деятель. В 1953 г. начал борьбу против проамериканской диктатуры. В 1959 г. победил и пришел к власти. В 1959–2008 гг. председатель Совета министров Кубы и в 1976–2008 гг. председатель Государственного совета (Президент) Кубы. В 1961–2011 гг. первый секретарь ЦК компартии Кубы. В 2008 г. передал государственную, а в 2011 г. и партийную власть брату Раулю Кастро, но продолжал играть роль в формировании политики.

715

Негритянский квартал Нью-Йорка на острове Манхэттен, чьи обитатели в большинстве настроены против официальных властей.

716

Стал королем Марокко в 1961 г. Одновременно в 1961–1963 гг. и 1965–1967 гг. возглавлял правительство.

717

Нигерия стала независимой 1 октября 1960 г., 7 октября была принята в ООН. Премьер-министром стал БАЛЕВА Абубакар Тафава (1912–1966). В 1960–1966 гг. премьер-министр Нигерийской Федерации. В 1966 г. свергнут и убит в результате военного переворота.

718

БУНАЧУ Авраам был министром иностранных дел Румынии в 1958–1961 гг.

719

ПОДГОРНЫЙ Николай Викторович (1903–1983). Инженер-технолог пищевой промышленности. С 1931 г. работал на сахарных заводах в Украине. В 1940–1950 гг. на различных государственных должностях, а в 1950–1953 гг. первый секретарь Харьковского обкома КПСС. В 1953–1963 гг. второй, затем первый секретарь ЦК КП Украины. В 1963–1966 гг. секретарь ЦК КПСС. В 1966–1977 гг. Председатель Президиума Верховного Совета. В 1960–1977 гг. член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС. С 1977 г. на пенсии.

МАЗУРОВ Кирилл Трофимович (1914–1989). С 1939 г. на комсомольской работе. Во время войны 1941–1945 гг. сначала на фронте, а затем секретарь подпольного ЦК комсомола Белоруссии. После войны на комсомольской и партийной работе в Белоруссии, в том числе в 1948–1953 гг. второй, а затем первый секретарь Минского обкома компартии Белоруссии. В 1953–1956 гг. председатель Совета Министров Белоруссии. В 1956–1965 гг. первый секретарь ЦК компартии Белоруссии. В 1965–1978 гг. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1965–1978 гг. член Политбюро ЦК КПСС. С 1978 г. на пенсии.

720

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам была принята на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1960 г.

Против не голосовал никто. 9 стран (США, Англия, ЮАР и др.) воздержались.

722

ЛИ Трюгве Халвдан (1896–1968) – один из лидеров Норвежской рабочей партии, был Генеральным секретарем ООН в 1946–1953 гг. В 1951 г., когда ЛИ был Генеральным секретарем ООН, Совет Безопасности ООН, в отсутствие советского представителя, принял резолюцию об участии стран – членов ООН в войне в Корее. Отсутствие советского представителя не позволило СССР наложить вето на это решение. Советский представитель бойкотировал заседания Совета Безопасности по приказу Сталина в знак протеста на решение ООН не заменять сидевшего в Совете Безопасности представителя Тайваня на делегата Китайской Народной Республики.

723

У ТАН (1909–1974) – исполняющий обязанности Генерального секретаря в 1961–1962 и Генеральный секретарь ООН в 1962–1971 гг. На самом деле в 1960 г. избрать У ТАНА на пост Генерального секретаря ООН не удалось. ХАММАРШЕЛЬД сохранил за собой этот пост до 1961 г., когда он погиб в авиационной катастрофе. У ТАН стал исполняющим обязанности Генерального секретаря в 1961 г.

724

15 декабря 1939 г., в связи с началом советско-финляндской войны.

725

В то время (в 1955 г.) Гарольд МАКМИЛЛАН был министром иностранных дел в правительстве Энтони ИДЕНА.

726

Во время пребывания в Нью-Йорке Н.С. ХРУЩЕВ жил на втором этаже здания, в котором размещалась советская миссия при ООН.

КЕННЕДИ Джон Фицджералд (1917–1963) – офицер флота в 1941–1945 гг., конгрессмен в 1947–1961 гг., в 1956 г. проиграл выборы ЭЙЗЕНХАУЭРУ, был избран 35-м президентом США в 1960 г.

СТИВЕНСОН Эдлай Эвил (1900–1965). В 1941–1944 гг. помощник военно-морского министра США, далее – специальный помощник государственного секретаря, член различных внешнеполитических делегаций, губернатор штата Иллинойс, с 1961 г. был постоянным представителем США при ООН и представителем в ее Совете Безопасности. Кандидатом на пост президента от Демократической партии он выдвигался в 1952 и 1956 гг.

НИКСОН Ричард Милхауз (1913–1994). С 1946 г. член палаты представителей, а с 1950 г. сенатор. В 1953–1961 гг. вице-президент США, а в 1969–1974 гг. (неполных два срока, так как в 1974 г., под угрозой импичмента, ушел в отставку) 137-й президент США.

ЛОДЖ-младший Генри Кэбот (1902–1985) – сенатор в 1936–1944 гг. и 1946–1953 гг., один из лидеров Республиканской партии США. В 1953–1960 гг. являлся постоянным представителем США при ООН и представителем в ее Совете Безопасности. Позднее был генеральным директором Атлантического института международных отношений в Париже, послом во Вьетнаме (1963–1967) и ФРГ (1968–1969), специальным посланником в Ватикане (1970–1977).

ФУЛБРАЙТ Джэймс Виллиам (1905–1995) Адвокат, писатель, работник высшей школы. В 1931 г. окончил Оксфордский университет в Англии. В 1934–1935 гг. работал в Министерстве юстиции США. В 1934–1939 гг. преподавал в университете штата Арканзас, а затем был его президентом. В 1943 г. избран в палату представителей, а в 1945–1974 гг. – в Сенат Конгресса США. Председатель комиссии по иностранным делам Сената. Инициировал закон, предусматривающий финансирование обмена студентами с университетами других стран, стипендии Фулбрайта. После 1974 г. работал в адвокатской компании.

729

Д. КЕННЕДИ официально вступил в должность президента, и вслед за этим СССР передал США трех летчиков со сбитого 1 июля 1960 г. над Кольским полуостровом американского разведывательного самолета РБ-47, а 10 февраля 1962 г., после длительных переговоров, Ф.Г. ПАУЭРСА, пилота американского разведывательного самолета У-2, сбитого 1 мая 1960 г. в районе Челябинска и осужденного советским судом за шпионаж к 10 годам заключения, обменяли на арестованного в США советского разведчика Рудольфа АБЕЛЯ (ФИШЕРА), также осужденного американским судом за шпионаж.

730

Как Н.С. ХРУЩЕВ, так и Д. КЕННЕДИ прибыли в Вену 3 июня 1961 г., их первая встреча состоялась 4 июня.

РАСК Дин (1909–1994). В 1934–1940 гг. преподавал международные отношения в колледже в Калифорнии. В 1940–1945 гг. в чине капитана служил в военной разведке. В 1945 г. работал в Государственном департаменте, а в 1946 г. в Министерстве обороны, помощником министра. С 1947 г. начальник управления специальных политических дел в Государственном департаменте, с 1949 г. зам. государственного секретаря, с 1950 г. помощник госсекретаря, в 1952–1960 гг. поверенный, затем президент Фонда Рокфеллеров, с 1961 г. государственный секретарь, с 1970 г. преподавал международное право в университете штата Джорджия.

ГРОМЫКО Андрей Андреевич (1909–1989) – экономист. С 1939 года на дипломатической работе. В 1943–1946 гг. посол в США. В 1946–1948 гг. постоянный представитель в Совете Безопасности ООН. В 1949–1952 гг. заместитель министра иностранных дел. В 1952–1953 гг. посол в Великобритании. С 1953 г. заместитель, а в 1957–1985 гг. министр иностранных дел СССР. В 1985–1988 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

732

Федеральным президентом Австрии в то время был социал-демократ Адольф ШЕРФ, федеральным канцлером (от Народной партии) – Альфонс ГОРБАХ, вице-канцлером – Бруно ПИТТЕРМАН, а министром иностранных дел – Бруно КРАЙСКИЙ. Представитель Народной партии Альфонс ГОРБАХ стал федеральным канцлером 11 апреля 1961 г., сменив на этом посту Юлиуса РААБА.

733

Весной 1948 г. западные союзники, без консультаций с Советским Союзом, объединили свои зоны оккупации в одну, озвучили планы введения вместо единой для всех четырех зон оккупационной марки своей, особой, западногерманской валюты и заговорили об образовании в ней западногерманского правительства. В знак протеста против односторонних соглашений 20 марта 1948 г. Советский Союз покинул Контрольный совет, тем самым положил конец предусмотренному Потсдамскими соглашениями четырёхстороннему согласованному державами-победительницами управлению Германией как единой территорией. 20 июня западные союзники ввели на подконтрольной им территории западногерманскую марку в качестве единой денежной единицы. Советские оккупационные власти в свою очередь 23 июня 1948 г. провели аналогичную свою денежную реформу в Восточной зоне. 24 июня 1948 г. советские оккупационные власти прервали наземное сообщение Берлина с западными зонами оккупации Германии, с тем чтобы под угрозой голода восстановить советское участие в управлении его западными секторами. США с помощью Великобритании организовали «воздушный мост» для снабжения Западного Берлина всем необходимым, включая уголь. 19 мая 1949 г. блокаду, в связи с невозможностью достижения поставленной цели, сняли.

Как последствие кризиса, четырехсторонняя межсоюзническая комендатура и единый магистрат Большого Берлина прекратили свое существование. В мае 1949 г. Западная, единая, зона оккупации была преобразована в Федеративную Республику Германию (ФРГ), при этом Западный Берлин получил статус автономного самоуправляемого города, связанного наземным транспортным коридором с ФРГ. В октябре 1949 г. в советской зоне оккупации была создана Германская Демократическая Республика.

735

БРАНДТ Вилли (Фрам Герберт Эрнст) (1913–1992). В Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) вступил в 1930 г. В 1957–1966 гг. бургомистр Западного Берлина. В 1966–1969 гг. министр иностранных дел и вице-канцлер Федеративной Республики Германии (ФРГ). В 1969–1974 гг. федеральный канцлер.

736

Речь идет о Венгерской революции 1848–1849 гг. Российская армия участвовала в ее подавлении с мая по август 1849 г.

ТРУМЭН Гарри С. (1888–1972) – политик и государственный деятель, демократ. Участник Первой мировой войны, командир батареи. С 1922 г., с перерывами, окружной судья в штате Миссури. С 1934 г. сенатор, а в 1944–1945 гг. вице-президент. В 1945 г., после смерти РУЗВЕЛЬТА, становится 33-м президентом США. В 1952 г. не выдвинул свою кандидатуру на переизбрание.

ДАЛЛЕС Джон Фостер (1888–1959) – юрист, специалист по международному праву, выпускник Принстонского университета, сотрудник, а с 1927 г. президент адвокатской конторы «Сэлливан энд Кромвелл». В 1945 г. участвовал в составлении Устава ООН. В 1946, 1947 и 1950 гг. делегат США на генеральных ассамблеях ООН. Один из соавторов «плана Маршалла» восстановления экономики Западной Европы после Второй мировой войны. В 1950–1952 гг. советник Государственного секретаря США. В 1953–1959 гг. государственный секретарь США, выдвинувший в 1954 г. политическую доктрину «на грани войны» к странам социалистического лагеря.

КЛЕЙ Люциус Дубигнон (1897–1978). Американский генерал, во время войны отвечал за снабжение союзных войск, высадившихся в Нормандии 5 июня 1944 г. В 1947–1949 гг. руководитель американской военной администрации, организовывал снабжение Берлина во время блокады 1948 г.

739

ЯКУБОВСКИЙ Иван Игнатьевич (1912–1976) – Маршал Советского Союза (1967). С 1932 г. в Красной Армии, танкист, в 1939 г. командовал танковой ротой. В 1941–1945 гг. прошел от командира батальона до заместителя командира танкового корпуса. В 1945–1957 гг. командир танковой дивизии, затем танковой армии. В 1957–1965 гг. первый заместитель главнокомандующего и главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1965–1967 гг. командующий Киевским военным округом. С 1967 г. первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Объединенными Вооруженными силами государств – участников Варшавского договора.

740

КОНЕВ Иван Степанович (1897–1973). Маршал Советского Союза. Во время Берлинской операции в мае 1945 г. командовал 1-м Украинским фронтом, окружившим Берлин, тогда как 1-й Белорусский фронт маршала Жукова штурмовал его с фронта.

741

УЛЬБРИХТ Вальтер (1893–1973) – столяр. В 1912 г. вступил в Социалистическую партию Германии. Один из основателей Германской компартии и с 1923 г. член ее ЦК. В 1933 г. эмигрировал, сначала во Францию, а после ее оккупации Германией, в СССР. После возвращения в Германию с 1945 г. работал на различных государственных и партийных должностях. С 1950 г. генеральный (первый) секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). С 1960 г. председатель Государственного совета Германской Демократической Республики (ГДР).

742

ПЕРВУХИН Михаил Георгиевич (1904–1978) – советский партийный и государственный деятель. Инженер-электрик, в 1929 г. окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова и работал на различных инженерных должностях, в основном в Мосэнерго. В 1938 г. первый заместитель наркома тяжелой промышленности. В 1939–1940 гг. нарком электростанций и электропромышленности СССР. В 1940–1955 гг. заместитель председателя, а в 1955–1957 гг. первый заместитель Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР. В 1952–1957 гг. член Президиума ЦК КПСС. В июне 1957 г., не согласный с планами децентрализации экономики, присоединился к группе сталинистов, предпринявших попытку отстранить Н.С. ХРУЩЕВА от власти. После поражения, в июле 1957 – феврале 1958 гг., председатель Госкомитета СМ СССР по внешним экономическим связям. В 1958–1963 гг. посол в Германской Демократической Республике. С 1963 г. начальник отдела Госплана СССР.

743

КАСТРО РУС Фидель (род. в 1926 г.) – сын крупного землевладельца, кубинский революционер и государственный деятель. В 1953 г. начал борьбу против проамериканской диктатуры. В 1959 г. победил и пришел к власти. В 1959–2008 гг. председатель Совета министров Кубы и в 1976–2008 гг. председатель Государственного совета (президент) Кубы. В 1961–2011 гг. первый секретарь ЦК компартии Кубы. В 2006 г. передал государственную, а в 2011 г. и партийную власть брату Раулю Кастро, но продолжал играть роль в формировании политики.

Коммунистическая партия Кубы, возникшая в 1925 г., слилась в 1940 г. с Революционным союзом в Революционный коммунистический союз, который возглавили Х. МАРИНЕЛЬО-И-ВИДАУРРЕТА (1898–1977) как председатель и Кальдерио Блас Рока (1908–1987) как генеральный секретарь. С 1944 г. РКС назывался Народно-социалистической партией Кубы и оставался под тем же руководством. После того как в 1952 г. Р.Ф. БАТИСТА-И-САЛЬДИВАР (1901–1973) установил свою 7-летнюю диктатуру и в 1953 г. активист партии кубинского народа «Ортодоксы» адвокат Ф. КАСТРО РУС (род. в 1926 г.) начал вооруженную борьбу с режимом Батисты и продолжил ее в 1956 г., НСПК официально держалась в стороне. Но многие ее члены, идейно вдохновляемые старейшим кубинским коммунистом Ф. ГРОБАРТОМ, практически участвовали в этой борьбе, а К.Ф. Родригес (род. в 1913 г.) ездил к Кастро в горы (вероятно, Н.С. ХРУЩЕВ именно его имеет тут в виду). В феврале 1958 г. НСПК уже официально поддержала вооруженную борьбу Кастро, и вскоре ее члены стали систематически участвовать в ней. В дальнейшем, после победы Кубинской революции в 1959 г., Маринельо, БЛАС РОКА и Карлос Рафаэль РОДРИГЕС вошли в состав нового кубинского руководства. Но организационно оно формировалось постепенно: в 1961 г. НСПК, кастровское «Движение 26 июля» и «Революционный студенческий директорат имени 13 марта» слились в «Объединенные революционные организации», преобразованные в 1962 г. в Единую партию социалистической революции Кубы, которая в 1965 г. была переименована в коммунистическую партию Кубы. Генеральным секретарем ее ЦК стал Ф. Кастро, ранее себя коммунистом не называвший.

745

1 января 1959 г.

746

С 31 декабря 1958 г. по 1 января 1959 г. двухдневным президентом Кубы был К. ПЬЕДРА, а 2 января его сменил консервативный деятель М. УРРУТИА (до 17 июля 1959 г.), про которого и говорит Н.С. ХРУЩЕВ. Сам Ф. КАСТРО сменил 16 февраля 1959 г. временного премьера Х. Миро КАРДОНУ на посту премьер-министра.

При диктатуре Батисты советский поверенный в делах Г.И. ФОМИН покинул в 1952 г. Кубу, однако официально дипломатические отношения не были разорваны.

КАСТРО РУС Рауль (род. в 1931 г.) – сын крупного землевладельца, участвовал в демократическом молодежном движении, идейно близком к комсомолу, а в Мексику (о чем упоминает Н.С. ХРУЩЕВ) был выслан в 1955 г., когда его освободили по амнистии из тюрьмы, где он отбывал 15-летнее заключение за участие в вооруженной борьбе с режимом Батисты. В 1956 г. кубинские революционеры, в том числе Рауль, высадились на Кубе и начали вооружённую борьбу против режима Батисты. В 1957–1958 гг. вели партизанскую борьбу, в начале 1958 г. преобразованы в Повстанческую армию, а Рауль Кастро, произведённый в звание команданте, совершил переход по контролируемой правительственными войсками территории из Сьерра-Маэстра в горы Сьерра-дель-Кристаль, где организовал второй лагерь кубинских революционеров. В январе 1959 г. возглавил военную и гражданскую администрацию в провинции Орьенте. С февраля 1959 г. Кастро главнокомандующий вооруженными силами, с октября 1959 г. министр Революционных вооруженных сил Республики Куба. В 1961 г. он стал заместителем председателя Центрального Совета планирования. В 1962–1963 гг. второй секретарь Национального руководства Объединённых революционных организаций (ОРО), с 1963 по 1965 г. второй секретарь Национального руководства Единой партии социалистической революции Кубы (ЕПСРК). С октября 1965 г. член ЦК, член Политбюро ЦК, второй секретарь ЦК компартии Кубы, председатель Комиссии ЦК КПК по вопросам Революционных вооружённых сил и государственной безопасности. С 1962 г. заместитель, с 1972 г. первый заместитель премьер-министра Революционного правительства Республики Куба. С декабря 1976 г. первый заместитель председателя Государственного совета и Совета министров Республики Куба. С 2006 г. председатель Государственного совета Кубы, а с 2011 г. первый секретарь ЦК компартии Кубы.

749

«Один наш товарищ!» – ЛЕОНОВ Николай Сергеевич (род. в 1928 г.), в мае 1953 г. тогда молодой советский дипломат, направлялся в Мексику на корабле из Генуи (Италия) в порт Вера-Круз в Мексике. На корабле он подружился с Раулем Кастро и двумя его приятелями из Гватемалы. С 1958 г. работал в разведке КГБ, руководил кубинским направлением, с 1973 г. начальник информационно-аналитического управления внешней разведки, с сентября 1983 г. заместитель начальника разведки. С 1991 г. в отставке (См.: *Леонов Н.С.* Лихолетье. М.: ТЕРРА, 1997).

ГЕВАРА Эрнесто Рафаэль де ла Серна (Че) (1928–1967), аргентинский революционер, встретившись в Мексике с Ф. КАСТРО в 1955 г., стал участником и одним из лидеров его вооруженной борьбы, а в 1962 г. вошел в Национальное руководство Единой партии. Но официальным членом компартии Кубы он не был, так как в 1965 г., еще до того, как она повторно возникла, ГЕВАРА, стремясь к участию в освободительной вооруженной борьбе, уехал сначала в Республику Конго, потом в Мозамбик, а оттуда, через Чехословакию, в Боливию, где в 1967 г. захвачен и убит карателями.

751

МИКОЯН сделал остановку на Кубе не по пути домой из США, а из Мексики, где он в январе 1960 г. открывал советскую выставку.

Точнее, возобновлены. 10 января 1959 г. СССР признал Революционное правительство Кубы. В феврале 1960 г. было подписано советско-кубинское торговое соглашение. В мае 1960 г. договорились о возобновлении дипломатических контактов. 8 июля 1960 г. вновь заработало советское посольство в Гаване, а 22 августа посол КУДРЯВЦЕВ Сергей Михайлович вручил верительные грамоты.

753

При после Сергее Михайловиче КУДРЯВЦЕВЕ, в 1960–1962 гг., состоял АЛЕКСЕЕВ (Шитов) Александр Иванович (1913–2001) – сотрудник разведки, работавший под дипломатическим прикрытием. В 1941–1943 гг. сотрудник советского посольства в Иране, в 1944–1951 гг. сотрудник посольства во Франции, в 1951–1953 гг. ответственный работник Совинформбюро, в 1954–1958 гг. сотрудник посольства СССР в Аргентине, в 1958–1960 гг. ответственный работник центрального аппарата МИД СССР, с 12 июня 1962 г. до 15 января 1968 г. посол на Кубе, в 1968–1974 гг. в центральном аппарате МИД СССР, затем посол в Малагасийской республике (с 1976 г. Демократическая Республика Мадагаскар), с 1980 г. в отставке, но числился советником посольства СССР в Республике Куба.

754

Консервативного политика М. УРРУТИА, про которого и говорит Н.С. Хрущев, 17 июля 1959 г. на посту президента сменил Освальдо ДОРТИКОС ТОРРАДО (1919–1976) – президент Кубы в 1959–1976 гг.

755

БАТИСТА-и-САЛЬДИВАР Рубен Фуленсио (1901–1973) – сержант, после захвата власти в результате военного переворота – генерал, кубинский правитель в 1930–1959 гг. При нем американские монополии контролировали почти 70 % экономики Кубы (в том числе 90 % горнодобывающей промышленности, 90 % электрических и телефонных компаний, 80 % коммунальных предприятий, 80 % потребления горючего, 40 % производства сахара-сырца и 50 % всех посевов сахара), он тесно сотрудничал с американской мафией, контролировавшей широкую сеть игорных заведений и публичных домов. В 1959 г. свергнут, бежал в Доминиканскую Республику, оттуда в контроливавшиеся фашистами Португалию и Испанию, где и умер.

756

16 апреля 1961 г. на Кубе высадились подготовленные и экипированные ЦРУ южноамериканские наемники. В американском руководстве планировали считали, что они спровоцируют восстание или по крайней мере захватят какую-то территорию, объявят себя новым правительством Кубы и призовут США на помощь «с целью защиты демократии», что представит предлог для задействования регулярных американских войск.

Однако восстания не произошло, и кубинское ополчение в течение нескольких дней разгромило высадившихся в заливе Плайя-Хирон (в переводе на русский – заливе Свиней) «освободителей». Часть из них погибла, а большинство сдались в плен.

758

Это заявление 1 мая 1961 г. Фидель КАСТРО озвучил на митинге в Гаване, посвященном победе над вторгнувшимися на остров наемниками.

759

4–5 августа 1961 г., после настойчивых просьб лидера ГДР Вальтера УЛЬБРИХТА о возведении стены, отделяющей Восточный Берлин от Западного, в конце концов пригрозившего, что если не остановить бегство жителей на Запад, Восточная Германия попросту рухнет, совещание руководителей стран – участниц Организации Варшавского договора согласилось с возведением так называемой Берлинской стены – системы заградительных сооружений между Восточным и Западным Берлином протяженностью 162 км, из них 45 км в черте города, что вызвало жесткое противостояние с США, вошедшее в историю как третий Берлинский кризис.

760

Священный союз Австрия, Пруссия и Россия заключили 26 сентября 1815 г. в Париже для обеспечения незыблемости решений Венского конгресса 1814–1815 гг. и подавления революционно-освободительных движений в Европе. После европейских революций 1830–1831 гг. он фактически распался, хотя предпринимались более поздние попытки его сохранить.

После краха гитлеровской Германии в мае 1945 г. Берлин, наподобие всей Германии, поделили между союзниками на четыре зоны, которыми управляла союзная комендатура. По соглашению, заключенному в 1949 г., он юридически считался особым политическим образованием площадью 480 кв. км, официально вне ГДР и вне ФРГ, но физически находящимся на территории ГДР. После образования Федеративной Республики Германии ее правительство де-факто включило Западный Берлин в свой состав на правах одной из земель. Советское правительство этого не признавало и настаивало на выделении всего Берлина в особое политическое образование на правах вольного города, что не устраивало ни западных немцев, ни американцев. После длительных трений Советский Союз во времена Брежнева, в обмен на признание Западной Германией ГДР, закрыл глаза на это, и Западный Берлин, вплоть до объединения двух Германий, числился самостоятельным, но фактически жил по западногерманским законам и подчинялся западногерманским властям.

762

Басня ЭЗОПА, широко известная русским читателям в пересказе Л.Н. ТОЛСТОГО.

763

Речь идет о «предупреждениях», сменившихся затем «строгими», «серьезными» и «очень серьезными предупреждениями» китайской дипломатии в адрес США, когда в 1960–1970-е годы американские самолеты нарушали воздушное пространство Китайской Народной Республики.

Американская военная база в заливе Гуантанамо, «арендованная» у Кубы в 1903 г., после победы в испано-американской войне и оккупации острова войсками США. Тогда в конституцию Кубы в качестве приложения был включён текст так называемой поправки Платта к проекту закона Соединенных Штатов о бюджете армии. В договоре, в частности, установлена фиксированная цена аренды – «2000 песо в золотой валюте Соединенных Штатов» в год. В то время считалось, что обладание Гуантанамо обеспечит военному флоту США контроль над всей Центральной Америкой. Нынешний статус базы регламентируется договором от 1934 г., заключённым после ряда государственных переворотов на Кубе в начале 1930-х гг. В результате плата за использование базы была поднята до $3400. Сам же договор является «бессрочным» и может быть расторгнут «только по обоюдному согласию сторон либо же при нарушении условий аренды». Аренда осуществляется на правах экстерриториальности, что, в частности, означает, например, что рыбная ловля в заливе для местного населения запрещена. Фактически США осуществляют свой государственный суверенитет на данной территории безусловно и в полном объёме, а юрисдикция Кубы носит чисто формальный характер, что признано Верховным судом США. «С практической точки зрения Гуантанамо – это не заграница», – постановили судьи. После победы революции 1959 г. кубинское государство отказалось принимать от США указанную выше плату за аренду базы, безуспешно пыталось и пытается расторгнуть договор аренды и добиться эвакуации базы.

765

Подразумеваются события в Панаме, происходившие в 1950–1960-е гг., когда панамцы безуспешно пытались восстановить свою юрисдикцию над зоной Панамского канала, в результате военный переворот в 1968 г. привел к власти патриотическое правительство во главе с Омаром Эфраимом Эррерой ТОРРИХОСОМ, которое отказалось продлить соглашение об американской аренде базы в Рио-Ато и отклонило все проекты договора с США о новом статусе Панамского канала, при невыясненных обстоятельствах он погиб в авиационной катастрофе; события 1963 г. в Доминиканской Республике, которой с 1930 г. правил бывший морской пехотинец США, один из самых кровавых диктаторов XX века Рафаэль Леонидас ТРУХИЛЬО МОЛИНА. В 1961 г. в результате очередного покушения он был убит, и в 1962 г. президентом избрали умеренного демократа Хуана БОША, который затеял земельную реформу и начал либерализацию политической жизни. В США его объявили коммунистом, и в апреле 1965 г. страну оккупировали войска США, совместно с наемниками из Гондураса, Бразилии и Коста-Рики, при этом погибло более 200 человек. США оккупировали страну и покинули ее, только приведя к власти Иохима БАЛАДЬЕРА, близкого соратника ТРУХИЛЬО; организованное ЦРУ вторжение наемников в Гватемалу в 1954 г., свергнувшее правительство Хакобо АРБЕНСА, «посмевшего» заговорить об аграрной реформе, угрожавшей экстерриториальности банановых плантаций, принадлежавших американской компании «Юнайтед Фрут», и многие другие аналогичные происшествия; в Бразилии после череды диктатур в 1963 г. к власти в результате выборов пришел президент Жуану ГУЛАРТ, попытавшийся демократизировать политическую систему, пересмотрел правила сдачи месторождений полезных ископаемых в концессию иностранным компаниям, ограничил вывоз капитала за границу, национализировал принадлежавшие США коммуникационные компании. Весной 1964 г. его, при поддержке американцев, свергли военные и на следующие 15 лет установили в Бразилии режим своей диктатуры, и т. д.

766

Герой романа И.С. ТУРГЕНЕВА «Накануне» (1860).

ЖИВКОВ Тодор (1911–1998). В 1954–1981 гг. первый секретарь (в 1981–1989 гг. генеральный секретарь) ЦК Болгарской компартии и в 1962–1971 гг. председатель Совета министров Народной Республики Болгарии.

КУУСИНЕН Отто Вильгельмович (1881–1964) – член РСДРП с 1904 г., в 1911–1917 гг. председатель Исполкома Социал-демократической партии Финляндии, один из руководителей Финляндской революции 1918 г., в 1921–1939 гг. член Президиума ИККИ и его секретарь, в 1940–1956 гг. председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, с 1957 г. секретарь ЦК КПСС, член ЦК ВКП(б) с 1941 г., член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. и с 1957 г., академик АН СССР с 1958 г., автор трудов по истории международного коммунистического движения.

769

МИКОЯН Анастас Иванович (1895–1978) – из рабочих, член РСДРП с 1915 г., в годы Гражданской войны участник борьбы за Советскую власть в Закавказье, с 1920 г. занимал ответственные партийные посты, в 1926–1949 гг. нарком (министр) внешней и внутренней торговли, снабжения, пищевой промышленности, торговли, с 1937 г. заместитель председателя Совнаркома СССР, во время Великой Отечественной войны член Государственного Комитета Обороны, с 1946 г. заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1955 г. первый его заместитель, в 1964–1965 гг. Председатель (с 1965 г. член) Президиума Верховного Совета СССР, с 1974 г. на пенсии; член ЦК партии в 1923–1975 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК партии в 1935–1966 гг.

770

МАЛИНОВСКИЙ Родион Яковлевич (1898–1967) – Маршал Советского Союза (1944). Участник Первой мировой войны, рядовой, воевал сначала в Прибалтике, а потом во Франции. В 1919 г. вернулся в Россию и воевал в Красной Армии во время Гражданской войны. В 1930 г. окончил Военную академию им. М.И. Фрунзе и назначен начальником штаба кавалерийского полка. В 1937–1938 гг. полковник, советник во время испанской гражданской войны. С марта 1941 г. командир корпуса в Одесском военном округе, с августа – командующий армией, в декабре – командующий Южным фронтом. После поражения под Харьковом, в июле 1942 г., понижен в должности до командующего армией на Сталинградском фронте, где 1-м членом Военного совета служил Н.С. Хрущев. В ноябре 1942 г. предотвратил прорыв немцев в окруженный Сталинград и с февраля 1943 г. вновь командует Южным фронтом, затем Юго-Западным (3-м Украинским), а с мая 1944 г., в чине генерала армии, 2-м Украинским фронтом. После Победы переведен на Дальний Восток командующим Забайкальским фронтом и после войны продолжил там службу в качестве главнокомандующего войсками региона. В 1956–1957 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками и с 1957 г. министр обороны СССР.

771

Всего на Кубе находилось около 50 тысяч советских военнослужащих. Под зенитными средствами понимаются передаваемые кубинцам пушки калибра 100 мм и остававшиеся под советским контролем ракеты «земля – воздух» С-75.

772

ПЛИЕВ Исса Александрович (1903–1979) – генерал армии (1962), кавалерист, в армии с 1922 г. В 1941 г. окончил Академию Генерального штаба. Во время Великой Отечественной войны воевал на Западном, Южном, Юго-Западном, Степном, 3-м Украинском, 1-м Белорусском, 2-м Украинском фронтах, участвовал в Московской и Сталинградской битвах, в Мелитопольской, Березнеговато-Снигирёвской, Одесской, Белорусской, Будапештской, Пражской операциях и на Дальнем Востоке, Хингано-Мукденской операции, начав с командира полка, закончил войну командующим конно-механизированной группой. В 1946–1949 гг. командовал 9-й механизированной армией. В 1949 г. окончил Высшие академические курсы при Академии Генерального штаба. В 1955–1958 гг. первый заместитель командующего, а в 1958–1968 гг. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа и параллельно, с июля 1962 г. по май 1963 г., командовал Группой советских войск на Кубе. С июня 1968 г. военный инспектор, советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, то есть в почетной отставке.

БИРЮЗОВ Сергей Семенович (1904–1964) – Маршал Советского Союза (1955). В Красной Армии с 1922 г. В 1926 г. окончил Кремлевскую объединенную школу (военное училище), а в 1937 г. Военную академию им. Фрунзе. В 1937–1941 гг. начальник штаба дивизии, начальник оперативного отдела штаба военного округа, командир дивизии, в звании комбриг. С начала войны – командир дивизии, начальник штаба армии, сначала на Брянском фронте, а в ноябре 1942 г. – апреле 1943 г. на Сталинградском фронте (командующий А.И. ЕРЕМЕНКО, первый член Военного совета Н.С. ХРУЩЕВ). В 1943–1944 гг. начальник штаба Южного фронта, а затем командующий 37-й армией. В 1946–1947 гг. главнокомандующий Южной группой войск (Болгария), затем командует рядом военных округов, а в 1953–1954 гг. главнокомандующий Центральной группой войск (Австрия). В 1953–1962 гг. главнокомандующий Войсками ПВО и в 1962–1963 гг. главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения. С марта 1963 г. начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. 10 октября 1964 г. погиб, когда самолет с делегацией, летевшей в Югославию, врезался в гору вблизи Белграда.

774

БАКАЕВ Виктор Георгиевич (1902–1987) – инженер, в 1929 г. окончил Московский институт инженеров транспорта, работал на различных предприятиях морского транспорта и преподавал в вузах. С 1945 г. заместитель наркома (министра), а с 1954 г. министр морского флота СССР. С 1970 г. на пенсии.

Стратегические баллистические ракеты с ядерными боеголовками Р-12, с дальностью до 2500 км, и Р-14, с дальностью 4000 км (последние до Кубы не дошли, с началом кризиса их повернули назад). Тактические ракетные средства, посланные на Кубу, имели дальность стрельбы 30 км («Луна»), 80 км (ФКР-1), катера вооружались самонаводящейся ракетой П-15, с дальностью действия 40 км, а на берегу ставились противокорабельные крылатые ракеты системы «Сопка» с дальностью стрельбы 80 км. Зенитные ракеты С-75 «Луна», ФКР-1 и С-75 могли экипироваться ядерными боеголовками.

776

В момент кризиса в районе Кубы оперировали три принадлежавшие Северному флоту (из четырех посланных) дизельные, торпедные, с одной торпедой с ядерной боеголовкой каждая, подводные лодки. Одна из-за неисправности возвратилась на базу.

777

Пилотируемый летчиком ВВС США Ф.Г. ПАУЭРСОМ, уже совершившим ранее 27 таких разведывательных полетов, американский высотный самолет «Локхид У-2» вошел в советское воздушное пространство в 5 ч. 36 мин. 1 мая 1960 г. со стороны Гиндукуша и был сбит спустя несколько часов в районе Челябинска. Пауэрса пленили.

778

ЖУКОВ Георгий (Юрий) Александрович (1908–1991). Журналист и политический деятель. С 1946 г. работал в редакции газеты «Правда», с 1962 г. заместитель и в 1982–1987 гг. председатель Советского комитета защиты мира. Член Центральной ревизионной комиссии КПСС с 1956 г. и кандидат в члены ЦК КПСС в 1976–1989 гг. Лауреат Ленинской премии 1960 г.

779

ДОБРЫНИН Анатолий Федорович (1919–2010). В 1942 г. окончил Московский авиационный институт, и в 1946 г. – Высшую дипломатическую школу МИД СССР. С 1947 г. на дипломатической работе, в 1957–1960 гг. заместитель Генерального секретаря ООН, в 1962–1986 гг. посол СССР в США. В 1971–1990 гг. член ЦК КПСС, в 1986–1988 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1988–1991 гг. советник президента СССР.

780

КЕННЕДИ Роберт Френсис (1925–1968). В 1961–1964 гг. министр юстиции США, с 1965 г. сенатор. Смертельно ранен в Лос-Анджелесе после того, как заявил о своем намерении бороться за пост президента.

781

Фидель КАСТРО посещал СССР в мае 1963 г. и январе 1964-го.

782

В октябре 1960 г. США имели на своей территории 159 межконтинентальных ракет «Атлас» и «Титан», около 250 ракет средней дальности «Тор» и «Юпитер» на базах в Великобритании, Италии и Турции и примерно 1500 самолетов стратегической авиации на базах, размещенных вдоль границ СССР. Советский Союз располагал 24 межконтинентальными ракетами Р-16. Ракеты Р-12 и Р-14, а также самолеты дальней авиации могли действовать только в пределах Европы.

783

РУЗВЕЛЬТ Франклин Делано (1882–1945) – американский политик. С 1910 г. сенатор в штате Нью-Йорк. В 1913–1921 гг. помощник военно-морского министра. В 1928–1932 гг. губернатор штата Нью-Йорк. В 1933–1945 гг. президент США, инициатор «Нового курса», позволившего преодолеть начавшуюся Великую депрессию, восстановив банковскую систему, приняв ряд законов: о создании Федеральной чрезвычайной администрации помощи голодным и безработным, о рефинансировании фермерской задолженности, о восстановлении сельского хозяйства, который предусматривал государственный контроль за объёмом производства сельскохозяйственной продукции, о восстановлении промышленности, который предусматривал комплекс правительственных мер по регулированию промышленности, о реформах в области труда (закон Вагнера), социального обеспечения, налогообложения и т. д. Во внешней политике его администрация в 1933 г. признала Советский Союз и установила с ним дипломатические отношения, провозгласила политику «доброго соседа» со странами Латинской Америки, способствовавшую созданию межамериканской системы коллективной безопасности, после нападению японцев на военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайских островах вступила в войну с Германией и Японией, внеся существенный вклад в победу над ними, выступила инициатором учреждения Организации Объединенных Наций, настояла на принятии доллара в качестве мирового расчетного эквивалента, создания, под патронатом США, Мирового банка и Международного валютного фонда. В результате США превратились в сильнейшую державу, диктующую свою волю остальному миру.

784

ПРУТКОВ Козьма Петрович – вымышленный литературный персонаж, от лица которого в 1850–1860-х гг. писатели: Алексей Константинович ТОЛСТОЙ и братья Алексей, Владимир и Александр ЖЕМЧУЖНИКОВЫ – сочинили книгу афоризмов.

785

В качестве переводчика во время этой беседы подвизался посол СССР на Кубе Александр АЛЕКСЕЕВ.

786

Ракеты средней дальности «Юпитер» вывезли с территории Турции и Италии, так в октябре 1962 г. началось массовое размещение межконтинентальных ракет «Минитмен» на территории США и «Юпитеры» утратили свою ценность.

ДЖОНСОН Линдон Бэйнс (1903–1973). В 1937 г. избран в палату представителей, а в 1941 г. в Сенат Конгресса США, в 1961–1963 гг. вице-президент при президенте США Д. КЕННЕДИ, а после его убийства, в 1963–1969 гг., 36-й президент США. Выступил инициатором создания «Великого Общества» США, в котором не будет бедности. При нем приняли законы: в 1964 г. о гражданских правах, уничтоживший расовую сегрегацию на Юге США (1964), учредили государственную медицинскую страховку для пенсионеров (Medicare) (1964) и в 1966 г. программы жилищных субсидий нуждающимся семьям, программы «образцовых городов», новых мер борьбы с загрязнением воды и воздуха, программы строительства улучшенных автомагистралей, увеличения выплат по социальному страхованию, новых мер в области медицинской и профессиональной реабилитации. В августе 1964 г. направил американские войска во Вьетнам, чем вовлек страну в закончившуюся поражением в 1973 г. полномасштабную войну, в которой погибло 3 миллиона вьетнамцев и 50 тысяч американцев. В июне 1967 г. встретился с председателем Совета Министров СССР А.Н. КОСЫГИНЫМ в Гласборо (штат Нью-Джерси), проложив путь к договору 1968 г. о нераспространении ядерного оружия. Там же он убедил Косыгина подписать договор о противоракетной обороне.

788

Было три корабля, не считая крейсера «Орджоникидзе», на которых Н.С. ХРУЩЕВ плавал с визитами: «Армения» – в Египет, «Балтика» – в ООН, «Башкирия» – в Скандинавию.

789

Визит в Данию состоялся 16–21 июня, в Швецию 22–27 июня, в Норвегию 29 июня – 4 июля, а оттуда домой. В тексте воспоминаний Норвегия и Швеция поменялись местами (так отложилось в памяти автора). Финляндию Н.С. ХРУЩЕВ не посетил из-за недостатка времени. Он торопился в Москву на Сессию Верховного Совета СССР.

КРАГ Ейнс Отто (1914–1978) – председатель Социал-демократической партии Дании в 1962–1973 гг., министр иностранных дел в 1958–1962 гг., премьер-министр в 1962–1968 гг. и 1971–1972 гг.

ЛАРСЕН АЛЕКС – возглавлял компартию Дании до 1959 г.

792

Социалистическая народная партия, основанная в 1959 г.

793

Новые банкноты меньшего размера в СССР ввели в оборот 1 января 1963 г., так что упоминаемый в тексте разговор произошел до этой даты, до визита Н.С. ХРУЩЕВА в Данию.

ЕСПЕРСЕН Кнут. В 1964 г. председатель ЦК компартии Дании.

795

ЭРИКСЕН Эрик – председатель Либеральной партии «Венстре», в 1950–1953 гг. премьер-министр.

ФРЕДЕРИК IX – король Дании с 1947 г.

ЛИТОВЧЕНКО Никифор (Леонид) Трофимович – полковник, в 1957–1964 гг. начальник личной охраны Н.С. ХРУЩЕВА. С 1964 г. на пенсии, работал фотографом в агентстве печати «Новости» (АПН).

798

Греческий король КОНСТАНТИН II (род. в 1940 г.), потомок датского короля КРИСТИАНА IX. В 1967 г. в Греции, после военного переворота, к власти пришли так называемые «черные полковники» и установили жесткую диктатуру. В декабре того же года король попытался совершить контрпереворот, но неудачно и бежал в Италию. «Черные полковники» в 1973 г. провели «референдум», упразднили монархию и объявили Грецию республикой. В декабре 1974 г., после свержения диктатуры, новое правительство, по результатам контрреферендума, восстановило монархию. Но король возвращаться в страну отказался, династия ГАБСБУРГОВ прекратила существование, и Греция осталась республикой.

799

ХОКОН VII (1872–1957) – в 1905–1957 гг. король Норвегии.

800

ГЕРХАРДСЕН Эльмар Хенрик (1897–1987) – секретарь Центрального правления Норвежской рабочей партии в 1936–1945 гг., ее председатель в 1945–1965 гг., премьер-министр в 1945–1951 гг., 1955–1965 гг. (с перерывом).

801

УЛАФ V (1903–1991) – король Норвегии с 1957 г.

802

Опера-былина Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА «Садко» (1896).

803

Комбинат концерна «Норск Гидро» по выпуску азотных удобрений.

804

ЯКОБСЕН Фритьоф (1914–1999) – посол Норвегии в СССР с 1961 по 1965 гг.

805

ЛУНЬКОВ Николай Митрофанович (род. в 1919 г.) – на дипломатической работе с 1943 г. В 1959–1962 гг. заведующий отделом Скандинавских стран в МИД СССР, в 1962–1968 гг. посол в Норвегии.

806

СУЛЬМАН Рольф Росон (1900–1967) – в 1947–1964 гг. посланник, затем посол Швеции в СССР, далее – посол в Дании и Франции.

807

ЭРЛАНДЕР Тагэ Фритьоф (1901–1985) – председатель Социал-демократической рабочей партии Швеции, в 1946–1969 гг. премьер-министр.

808

ГУСТАВ VI АДОЛЬФ (1882–1973) – король Швеции в 1950–1973 гг. Участвовал в археологических экспедициях в Швеции, Греции и Китае. Основал Шведский институт в Риме.

809

Правительственная вилла Харпсунд – загородная резиденция премьер-министра. Ферма поблизости – землевладение Хадбиберг размером в 700 га.

Мэр г. Гётеборга Т. ХЕГЛУНГ.

811

На приеме в советском посольстве в Стокгольме Н.С. ХРУЩЕВ беседовал не с министром культуры Швеции, как в тексте, а с представительницей Нобелевского комитета.

812

ШОЛОХОВ Михаил Александрович (1905–1984), получил Нобелевскую премию в 1965 г. Писатель: «Донские рассказы» (1926), романы «Тихий Дон» (1938–1940), «Поднятая целина» (1932–1960), «Они сражались за Родину» (1943–1969). Рассказ «Судьба человека» (1956–1957). Герой Социалистического Труда (1967, 1980). Лауреат Ленинской (1960), Нобелевской (1965) и Государственной (1941) премий.

813

Опубликовано в «Правде» в день похорон 13 сентября 1971 г.

Воспоминания Г. Федорова были опубликованы в журнале «Огонек» 18 августа 1988 г.

815

Напечатано это было в мартовском номере журнала «Новое время» за 1993 год, спустя 22 года после похорон Н.С. Хрущёва.

ПЕЛЬШЕ А.Я. – председатель КПК при ЦК КПСС.

ПОСТОВАЛОВ С.О. – член КПК.

МЕЛЬНИКОВ Р.Е. – член КПК.

МАЛИН В.Н. – заведующий общим отделом ЦК КПСС.